

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

† Sbr 176. 25

Bound

MAY 9 - 1908

Harvard College Library

FROM THE

PRICE GREENLEAF FUND

Residuary legacy of \$711,563 from E. Price Greenleaf,
of Boston, nearly one half of the income from
which is applied to the expenses of the
College Library.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ МСЖІІ. — ТОМЪ ОДХІІ. — 1/16 СЕНТЯБРЯ 1907.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона,
Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

1314-50

Slav 302 →

P Slav 176. 25

3068

ВЪСТАНЪКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛІТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — КНИГА 9.

СЕНТЯВРЬ, 1907.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 3-я. — СЕНТЯБРЬ, 1907.

I.—СЛЫШНОЙ ВИБА.—Разсказ.—Г.Х.—Всевостода Ульянцева	5
II.—ХЕРСОНСКИЙ ТАВРИЧЕСКИЙ и его историческая судьба.—Очерк.—I-XIII— Кат. Ф. Иванов.	59
III.—ПУСТОЙ СЛУЧАЙ.—Рассказ.—Михаил Чехова.	110
IV.—ПО ИРЛАНДИИ. Выходы и выходы.—Описание.—VI-VIII.—С. И. Ра- попорт.	141
V.—ДВА РАССКАЗА.—I. Путь героя романа: —I-XX.—II. „По Крафт- блину?“. —I-XI.—II. Сиверова.	147
VI.—ДАВНИЙ ГОРЬКОУИТЬ.—Романъ Жюльса Малетъ. <i>Two far horizon. By Jules</i> <i>Malet.</i> —I-IX.—Съ франц. Ф. М.	202
VII.—РОСТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА РОССИИ.—1709-1906.—I-IV.—В. В. ГИ.—ПАМЯТЬ СЕРДЦА.—Записки по роману Michel Corday: „La Mémoire de Corday“.—Съ франц. В. В.	216
IX.—МИША ОБЖИШКО.—Литературно-характеристика.—I-II.—Л. Шеледевичи. X.—ХРОНИКА — ВНУТРЕННИЕ ОБОЗРЕНИЕ.—Теоретическая обоснованность и кон- ституция 1906-го года. — Реформа, рождающая или государственный пере- моток? — Минимал закон „индификация“? — Воспаление ли независимости верховной власти? — Сущность верховной власти и ее факторы. — Пред- ставительный принцип и избирательное население. — Личности законодательных работ вконец в гонимы.—В. А. Полоцкий †.	268
XI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.—I. Н. Волгарский. Старинные портреты.— II. Литературно-художественные алмазники из „Шинюнака“. Кн. II.— III. Игнатьева. Ида. К. М. Сабина.—IV. Д-ръ Н. Г. Котикъ. Движение ин- тельлектуальной энергии.—V. С. Рафаловичъ. Отвергнутый Домъ-Буаисъ.— М. Г.—VI. Три слова фабричнымъ работникамъ. П. Гире.—VII. П. Немец- борский. Врачебное строение из до-Петровской Руси.—VIII. В. И. Су- заревъ. Безработица и страхование отъ ея последствий въ западной Европѣ.—В. В.—Повалъ слани и брошюры.	326
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.—Новые конституции балканскихъ.—Дей кон- вентъ—руско-американскій и англо-русскій.—Движения короля Эдуарда VII. —Македонскій вопросъ и марокканскія дела.—Международный съездъ ко- нституционаловъ.—Болгарскій выборы	365
XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Bernard Shaw, „John Bull's other Island“ and „Major Barbara“.—В. В.	397
XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—О политическомъ утомлении и ин- теллектуальномъ отпадкѣ.—Вѣрно ли опредѣлено: „страхъ отдыхаетъ“?—Пе- редѣленность приваженія изъ жизни закона о самоуправлении британской общины.—Перекладъ речей въ вопросѣ объ общинѣ.—Неудачныя усилія англо-американскихъ колонистовъ.—Циркуляръ и раздѣленіе избирательныхъ округовъ.	411
XV.—ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.—Собраніе отзывовъ изъ Сербіи Иванъ Павловича Трубецкаго. Т. I. Публицистическія статьи.—Личность. Идеальная система управления.—С. А. Венгерскій. Очерки по исторіи русской инве- стурды.—П. М. Рутаръ. Имя Сербіи въ Туркестанѣ.	421
XVI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-VIII.	

СЛѢПОЙ ИВКА

РАЗСКАЗЪ

I.

На грязномъ, дыривомъ полу ветхой лачужки сидѣлъ пятилѣтній слѣпой мальчикъ. Передъ нимъ стоялъ старый, съ выбитымъ краемъ чугунокъ, наполненный золой. Мальчуганъ засунулъ обѣ руки въ золу и видимо что-то отыскивалъ въ ней. Онъ былъ одинъ. Но вдругъ отворилась дверь и въ избу вошла пожилая женщина.

— Господи! опять разыскалъ!—воскликнула она, обращаясь къ мальчику. Говорившая была мать слѣпца.

При звукахъ знакомаго голоса мальчикъ вздрогнулъ и быстро отдернулъ отъ чугуна руки. На его напряженномъ и вытянутомъ лицѣ, съ плотно закрытыми вѣками, отразился испугъ.

— Ишь вѣдь сколько насорилъ: на цѣлый хорошій целокъ!—ворчала мать, ставя чугунокъ съ золой подъ печь.

— Батюшекъ!—ужаснулась она, оглядывая сына, лицо котораго было выпачкано углями и золой.—И на кого ты похожъ? Ишь вѣдь накрасился... Сажу чернѣе... Ну-ка, встань! пристыжь что-ли?—И она дернула сына за руку.

— Ахъ, Ивка, Ивка!..—уворизненно говорила мать, вытирая лицо сына грязнымъ передникомъ, предварительно поплевавъ на него.—Садись на лавку!—скомандовала она и пошла къ двери за вѣникомъ.

Слѣпой мальчикъ, растопыривъ передъ собой руки, медленно поковылялъ по неровному полу. Наткнувшись грудью на лавку, онъ вскарабкался на нее и на колѣняхъ подвинулся къ ней. Мимоходомъ онъ ощупалъ мокрый подоконникъ и

стоявшую на немъ безъ ручки жестяную кружку, въ которую не забылъ заглянуть пальцами. Зацѣпивъ за уголь стола, мальчуганъ усѣлся на лавкѣ, поджавъ подъ себя босыя ноги.

— Вотъ, такъ и сиди, будешь умникъ,—хвалила его мать, подметая полъ.

Но мальчикъ не хотѣлъ быть умникомъ. Просидѣвъ минуты двѣ смирно, онъ снова сталъ на колѣни и задвигался по лавкѣ, придерживаясь рукой о стѣну, когда-то отштукатуренную, но теперь почти совсѣмъ облупившуюся. Заинтересовавшись отверстіемъ въ стѣнѣ, онъ съ любопытствомъ началъ подсовывать пальцы подъ куски оставшейся и едва державшейся штукатурки. Вдругъ онъ быстро отдернулъ руку и громко вскрикнулъ.

— Чтò ты?—бросилась къ нему мать.

— Укусилъ,—плаксиво проговорилъ мальчикъ, испуганно отодвигаясь отъ стѣны.

— Ничего, сынокъ, не пужайся, это таракашки,—успокаивающимъ тономъ замѣтила мать, снимая съ пестрадиной рубашки сына двухъ таракановъ.

— Таракашки?—недоумѣвающе спросилъ мальчикъ.

— Да, таракашки, они такіе желтенькіе, какъ наша Марусяка,—пояснила мать.

— Марусяка?—оживленно проговорилъ сынъ, и его лицо мигомъ просвѣтлѣло. Марусяку онъ хорошо зналъ, онъ любилъ ее и вмѣстѣ съ нею спать. Ему казалось, что она сію минуту лежитъ у него на колѣняхъ и поетъ ему свою трескучую пѣсню, а онъ ее гладитъ и ощупываетъ пушистый хвостъ, маленькія ушки, теплый носъ, острые зубы и наконецъ согнутыя лапки съ острыми когтями.

— Ишь ты, какъ растрогалъ ихъ!—говорила мать, глядя на закопченную стѣну, по которой ползали стаи таракановъ. Но мальчикъ не понималъ словъ матери—въ его воображеніи была кошка.

— Сиди, сынокъ, смирно,—обратилась къ нему мать,—слушай меня, а то Богъ побьетъ!

— Богъ? Гдѣ Богъ?—спросилъ мальчикъ, повернувъ лицо въ сторону матери.

— На небѣ, сынокъ, на небѣ...

— Гдѣ на небѣ?—допытывался онъ съ любопытствомъ.

— Вонъ тамъ,—пояснила мать, указавъ при этомъ пальцемъ въ окно, въ которое было видно небо, но, смекнувъ, что сыну это непонятно, она добавила:

— Боженька высоко, высоко! Вотъ тутъ!..—и она постукала рукой по потолку.

Заслышавъ надъ собой стукъ, мальчикъ поднялъ вверхъ лицо; въ то же время на него посыпался изъ трещинъ потолка мусоръ.

— Сиди же и не балуй!— снова приказала ему мать, очевидно, довольная своимъ поясненіемъ, и вышла вонъ изъ избы.

Когда хлопнула дверь, мальчикъ, повернувъ лицо въ ту сторону, откуда раздался стукъ, и какъ бы прислушиваясь къ улетающему звуку, застылъ въ задумчивой позѣ. Быть можетъ, онъ думалъ о непонятныхъ ему тараканахъ, о небѣ, о Богѣ, которыхъ мать не сумѣла ему объяснить. Да и могла ли она сдѣлать это, нуждаясь сама въ разъясненіи многого? Кромѣ того, ей рѣшительно не было времени заниматься сыномъ.

Спустя три мѣсяца послѣ появленія сына, она лишилась мужа. Такимъ образомъ одинокой вдовѣ, съ оставшимся у нея на рукахъ слѣпымъ сыномъ, пришлось собственными силами содержать себя. Земли у нея не было, кромѣ маленькаго огорода, потому что ея мужъ былъ Николаевскій солдатъ. Не мало понадобилось женской энергіи и умѣнья для добыванія куска хлѣба, а главное для избѣжанія суммы, которой вдова страшно боялась. Скватить она, бывало, ребенка на руки, запреть избенку, да и маршъ на село.

— Кормилецъ, родимый,— умоляетъ она мужика,— удѣли полосу подъ рожь!

— Эхъ, баба,— отвѣчаетъ мужикъ,— у самихъ-то земли ужъ очень въ обрѣзъ. Ну, да ладно!— машетъ онъ рукой:— приноси сѣмена!

Вдова благодарить и низко кланяется; въ голосѣ ея слышатся слезы. Она идетъ въ другой дворъ, въ третій и четвертый, потому что нужды много, а помочь берется не всякій.

— Намъ самимъ до себя,— отвѣчаютъ мужики на просьбы вдовы,— да и лошади устали.

— Касатикъ!— упрашиваетъ вдова:— только двѣ гряды подъ капусту, да три подъ картофель... я отработаю въ страдную пору... будь отецъ родной!

И она снова плачетъ—и такъ безъ конца.

Много горя видѣла одинокая женщина, но немало его выпало и на долю ея сына, который всегда былъ съ нею, куда бы она ни пошла и что бы ни дѣлала.

Лежитъ онъ, бывало, на землѣ или еще на чемъ и громко плачетъ; а мать, занятая работой, какъ бы не слышитъ плача ребенка. „Ну его,— думаетъ она,— ему только дѣла-то—ори да ори... а тутъ надо работать!“

— Ахъ, болѣзная!— сочувствуютъ ей бабы:— измаялъ тебя

ребенокъ-то. Хоть бы руки развязалъ, Богъ съ нимъ, а то вѣдь никакого хода не даетъ...

Вдова и сама знала, что ребенокъ не даетъ ей хода, но сочувственныя рѣчи бабъ ей были не по душѣ. Она порывисто беретъ на руки ребенка и, давая ему грудь, сердито ворчитъ: „На, не ори!—затѣни себѣ глотку-то, мучитель!“

Иногда, выбившись изъ силъ и потерявъ терпѣніе, она гнѣвно восклицала:

— Господи! зачѣмъ ты отнялъ у меня мужа и послалъ на сороковомъ году слѣпого сына? За что такая оказія? Что мнѣ съ нимъ дѣлать и какъ его воспитать? да и выростеть-то на горе... Куда онъ годенъ безъ глазъ!—по міру ходить?

И вдова горько плакала. А ребенокъ между тѣмъ кричалъ да кричалъ, еще больше надрывая грудь бѣдной матери.

II.

Время шло. Мальчику минуло десять лѣтъ. Слепота и одиночество рано научили его задумываться не по-дѣтски, отчего онъ и выглядѣлъ старше своего возраста. Какъ только мальчикъ началъ мало-мальски разсуждать, въ его умѣ возникъ самъ собой вопросъ: почему моя мать и другіе люди, которыхъ я слышу, ходятъ свободно, ни на что не натываются? Конечно, такой вопросъ разрѣшился не сразу. Однажды, уцѣпившись за юбку матери, онъ пошелъ съ ней въ чуланъ, но, перелѣзая черезъ высокій порогъ, спотыкнулся и ударился щекою о гвоздь, торчавшій изъ двери.

— Ой! ой!—вскрикнулъ мальчикъ.

— Господи!—испуганно завопила мать, замѣтивъ на лицѣ сына кровь.—Вѣдь ты убьешься до смерти!

Она усадила плакавшаго сына на лавку и, вытирая съ лица кровь, сердито ворчала:

— Я тебѣ говорила, что не тыкайся за хвостомъ матери, а сиди въ избенкѣ; вѣдь ты ничего не видишь, у тебя глазки больные... Ты всегда будешь падать и убиваться, потому что ты слѣпой. Эхъ, ребенокъ, горе съ тобой!—заклчила мать со вздохомъ.

Мальчикъ замолелъ и задумался. Онъ впервые слышитъ отъ матери такія слова, или, вѣрнѣе, они впервые глубоко врѣзались къ нему въ душу. Онъ не понимаетъ этихъ словъ, но ихъ таинственный смыслъ непріятно и въ то же время властно овладѣлъ всѣмъ его существомъ и онъ не можетъ отъ нихъ оторваться.

„У тебя больные глазки“ — раздается въ его умѣ; при этомъ мальчиѣ подсовываетъ пальцы подѣ плотно закрытыя вѣки и ощупываетъ что-то маленькое, мягкое и влажное.

— Больные глазки, — шепчетъ онъ, подробно изслѣдуя пальцами жалкіе остатки вытекшихъ глазъ. — Чтѣ же мнѣ ихъ не больно? — и на его напряженномъ лицѣ отражается недоумѣніе.

„Ты ничего не видишь и всегда будешь падать и убиваться“ — громко раздавалось въ его ухахъ. Эти слова, сказанныя его матерью, угнетали его дѣтскій умъ частымъ повтореніемъ. Какъ это онъ не видитъ? — назойливо дѣлало ему въ голову. Этотъ вопросъ не давалъ мальчику покоя. Но разрѣшить его онъ не могъ. Наконецъ, онъ додумался, что слѣпота — это и есть то самое, что онъ не можетъ ходить свободно, какъ зрячіе, чтобы не наткаться, не падать. Иное, болѣе ясное представленіе о слѣпотѣ и о томъ, какъ видятъ зрячіе, ему было недоступно.

„Да, ты всегда будешь падать и убиваться“ — настойчиво звучало въ его умѣ. „Почему же всегда?“ — смутно и напряженно думалъ мальчиѣ, и его дѣтское сердце больно сжималось отъ неразрѣшимости вопроса. Съ каждымъ днемъ онъ все глубже и глубже уходилъ въ себя, просиживая нѣсколько часовъ подрядъ на одномъ мѣстѣ.

— Смирный у меня Ивкѣ, — не безъ удовольствія говорила мать про слѣпота сына: — сидитъ себѣ и сидитъ... Оно такъ-то лучше, а то вѣдь бѣда съ нимъ: то объ столъ ударится, то о косякъ... да и мало ли обо чтѣ... Одно дѣло — слѣпой, чтѣ и говорить!..

Послѣднія слова она всегда заканчивала со вздохомъ, а Ивкѣ между тѣмъ, погруженный въ самого себя, силился проникнуть въ тайну неразрѣшенныхъ роковыхъ вопросовъ.

Непрестанная внутренняя борьба отражалась на его напряженномъ и немного поднятомъ кверху лицѣ. Мать иногда пристально вглядывалась въ лицо сына и думала: „И чтѣ такое за лицо? Ни у кого такого нѣтъ: печальное, задумчивое и все вздрагиваетъ, какъ бы пугается чего-то... Глаза закрыты, какъ у покойника... и лицо такое блѣдное, какъ и впрямь у мертвеца... только темныя полоски, какъ бы тѣни отъ деревьевъ, быстро бѣгаютъ по лицу и куда-то все прячутся... И о чемъ онъ думаетъ? А въ душѣ-то, поди, у горемычнаго, ноченьки темнѣй“...

И мать незамѣтно для себя погружалась въ душу сына, казавшуюся ей „ноченьки темнѣй“. Она уже ничего не замѣчала, кромѣ непроглядной тяжелой тьмы, и Богъ знаетъ, сколько времени находилась въ ней. Наконецъ ей становилось жутко, и она приходила въ себя.

— Ахъ, батюшки! что же это я!.. — спохватывалась мать и принималась за работу, отъ которой только-что оторвалась. Но руки не сразу повиновались ей и въ глазахъ еще было темпо.

Мальчикъ чувствовалъ себя превосходно, когда оставался одинъ, а это бывало нерѣдко.

— Сиди, сынокъ, въ избѣ и никуда не выходи!—приказывала ему мать, уходя отъ него на цѣлый день.

Но Ивва не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ. Какъ только захлопывалась за матерью калитка, онъ немедленно слѣзаль съ лавки и, растопыривъ передъ собой руки, быстро направлялся въ сѣни. Заперевъ сѣнную дверь деревянной задвижкой, онъ снова возвращался въ избу. Постоявъ съ минуту въ раздумьи, мальчуганъ энергично приступалъ къ своему специальному осмотру. Вскочивъ однимъ прыжкомъ на лавку, онъ смѣло шелъ по ней, искусно шаривая руками по стѣнѣ и быстро ощупывая все, что попадалось подъ руки: полуразвалившаяся божница съ деревянными закопченными иконами, ветхія полки съ разной рухлядью, остатки штукатурки со множествомъ таракановъ, которыхъ онъ уже не боялся, разныя трещины и щели, паутины, гвозди и тому подобное—словомъ, ни одна мелочь не ускользала отъ вниманія его тонкихъ щупальцевъ. Окончивъ осмотръ перваго отдѣленія, онъ слѣзаль съ лавки и направлялся къ печкѣ, ощупавъ мимоходомъ деревянную скрипучую кровать, заваленную грязнымъ тряпьемъ. Глиняные горшки, деревянные чашки, сковороды, ухваты, кочерга, словомъ—всѣ кухонныя принадлежности точно также были подвергнуты подробному осязательному осмотру.

Покончивъ съ этимъ, мальчикъ съ трудомъ пролѣзъ въ узкое отверстіе подъ печь и тамъ, ползая на животѣ, съ любопытствомъ копался въ разномъ хламѣ, покрытомъ пылью и грязью. Слизивъ на печь и заглянувъ подъ лавку, онъ переходилъ въ сѣни. Его пальцы смѣло опускались въ лохань съ помоями и въ грязное корыто. Мальчуганъ ухитрился освидѣтельствовать даже куриныя, сплетенныя изъ соломы гнѣзда, хотя они и были подвѣшены высоко, тутъ же въ сѣняхъ. Это устраивалось такимъ манеромъ: онъ нащупывалъ въ дощатой стѣнѣ отверстіе или что-нибудь выпуклое, за что можно было ухватиться, и карабкался вверхъ по стѣнѣ, какъ кошка. Зацѣпивъ головой или рукой за гнѣзда, онъ останавливался и переводилъ духъ; затѣмъ, повиснувъ на одной рукѣ, другою быстро ощупывалъ любопытныя куриныя гнѣзда. Иногда, забравшись куда-нибудь паверхъ, онъ неожиданно срывался внизъ. Но какъ бы больно

слѣпой ни убивался, онъ никогда никому о томъ не жаловался и не оставлялъ своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Мальчикъ ни передъ чѣмъ не задумывался, когда являлась возможность осязать какой-нибудь предметъ, какъ бы это ни было для него трудно. Чѣмъ больше онъ ощупывалъ предметовъ и чѣмъ ближе знакомился съ окружающей мѣстностью, тѣмъ шире и яснѣе становился его маленькій внутренній мірокъ. Иногда мать, отыскивая что-нибудь нужное и не находя, терпѣливо и бранилась.

— Вотъ она! — торжественно говорилъ слѣпой, подавая ей искому вещь.

— Ахъ, ты!.. — хвалила его мать: — ты лучше зрячаго. И какъ тебѣ это Богъ даетъ?..

Ивка солидно молчалъ. Слова матери ему были пріятны. Всякую вещь, какова бы она ни была, онъ съ одинаковымъ вниманіемъ тщательно ощупывалъ со всѣхъ сторонъ и навсегда запечатлѣвалъ въ памяти, а потому и не мудрено, если онъ звалъ, гдѣ и что лежитъ.

Однажды мать, придя изъ чулана, сердито проворчала: „Гадина противная!“

— Кто гадина? — полюбопытствовалъ мальчикъ.

— лягушка завелась въ чуланѣ, — отвѣтила мать и добавила: — она, сынокъ, гадкая... Глаза у нея на выкатъ и прыгаетъ. Она такая же, какъ въ прудѣ, помнишь: курлы, курлы...

Мальчикъ молчалъ. Онъ часто слышалъ кваканье лягушекъ, но ощупать ихъ не представлялось возможности. И вотъ одна изъ нихъ появилась въ чуланѣ. О, онъ непременно поймаетъ и ощупаетъ ее! Мальчикъ сгоралъ отъ нетерпѣнія. Улучивъ минутку, когда матери не было дома, онъ быстро юркнулъ въ чуланъ и плотно притворилъ за собою дверь. „А на кого она похожа, эта лягушка?“ — раздумывалъ онъ, сидя на корточкахъ на земляномъ полу, и въ его умѣ быстро начали проходить облики тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ зналъ. Но въ нихъ слѣпой не нашелъ ни малѣйшаго намека на сходство съ лягушкой. „Нѣтъ, лягушка не такая!“ — почему-то рѣшилъ онъ, хотя и не зналъ, какая она. Онъ припомнилъ кваканье лягушки, и рѣшилъ, что она не злая, потому что въ звукахъ, ею издаваемыхъ, онъ не подмѣтилъ ничего затаеннаго и злого.

„А ну-ка да и тяпнетъ за палецъ!“ — мелькнуло въ его умѣ. И лягушка мгновенно предстала въ его пылкомъ воображеніи, какъ нѣчто страшное, чудовищное. Онъ уже начиналъ ощущать лохматую шерсть и острые зубы. — Брр!.. — вздрогнулъ онъ; ему ста-

новилося страшно. Ивка уже намѣревался покинуть чуланъ, но любопытство удержало его. „Она маленькая и не кусается“, — ободрилъ онъ себя и немедленно приступилъ къ поимкѣ любопытной лягушки. Онъ осторожно крался на четверенькахъ около стѣны и быстро перебиралъ привычными пальцами разный хламъ, валяющійся на земляномъ полу. „Она прыгаетъ“, — думалъ онъ, внимательно прислушиваясь. Его слухъ былъ напряженъ до крайнихъ предѣловъ. Ему казалось, что вотъ, вотъ лягушка прыгнетъ, и онъ сію минуту схватить ее. Въ то же время онъ думалъ: „А какая она?..“ Все это путалось и мѣшалось въ дѣтскомъ умѣ и сильно волновало его... Но вотъ въ чуланѣ все было ощупано, а лягушки нѣтъ, какъ нѣтъ. „Гдѣ же она?“ — печально думалъ Ивка, разочарованный тщетными поисками. Вдругъ онъ вспомнилъ, что въ углу чулана есть яма. „Стой! — радостно воскликнулъ онъ: — она тамъ!“ И онъ однимъ прыжкомъ очутился около небольшого отверстія, вырытаго въ землѣ, на днѣ котораго находилась вода, куда въ жаркое время ставилось молоко. Онъ всталъ на колѣни и припалъ ухомъ къ доскѣ, которою прикрывалась яма. Ему показалось, что въ ямѣ кто-то шевелится. „Это она!“ — подумалъ онъ въ сильномъ волненіи и осторожно приподнял дрожащими руками доску. Вдругъ что-то мягкое ударилося о его грудь и затѣмъ шлепнулось ему въ колѣни. Ивка вздрогнулъ. Кровь бросилась ему въ голову. Что-то тяжелое, какъ желѣзо, крѣпко сковало все его существо. Онъ какъ бы замеръ. Но это было одно мгновенье. Какъ только онъ ощутилъ прикосновеніе чего-то мягкаго и влажнаго, упавшаго ему въ колѣни, онъ твердо рѣшилъ, что это непременно лягушка, и быстро схватилъ ее руками. Дѣйствительно, онъ поймалъ черную, такъ называемую земляную лягушку, выпрыгнувшую изъ ямы. Онъ сильно стиснулъ ее дрожащими руками, боясь, какъ бы она не вырвалась, такъ что бѣдная лягушка издала непріятный, сдавленный пискъ, показавшійся ему жалкимъ и безпомощнымъ. Это ободрило его, и онъ ослабилъ руки.

„Такъ вотъ какая она!“ — уже спокойно рассуждалъ слѣпой, держа въ рукахъ лягушку, которая шевелилась и тяжело дышала. Онъ аккуратно переложилъ ее въ одну руку, а другою приступилъ къ осмотру. Его привычные пальцы искусно привасались во всѣмъ частямъ слизистаго и холоднаго тѣла лягушки, внимательно останавливаясь на интересныхъ для осозанія мѣстахъ. Лягушка не вызвала въ немъ брезгливаго чувства; напротивъ, онъ осматривалъ ее съ величайшимъ интересомъ, какъ нѣчто

драгоценное и рѣдкое. Такъ сильно было его любопытство. Всего больше интересовали его длинныя, съ тонкими и липкими лапками, какъ бы сложенныя вдвое, ноги лягушки. Онъ нѣсколько разъ вытягивалъ ихъ и снова опускалъ, причемъ онѣ быстро сжимались, какъ двѣ пружины. Въ заключеніе осмотра онъ смѣло приложилъ палецъ ко рту лягушки и напряженно ждалъ, когда зашевелятся челюсти съ намѣреніемъ укусить. Но та, очевидно, не желая мстить своему тирану, какъ бы не замѣчала приложеннаго къ ея рту пальца. Прождавъ нѣсколько мгновеній, онъ поднесъ лягушку къ уху и прислушался къ частому біенію ея сердца. Затѣмъ онъ еще разъ быстро осязалъ ее и направился къ ямѣ, намѣреваясь снова посадить туда лягушку.

Ивка уже поднялъ доску, какъ вдругъ его осѣнила новая мысль. Онъ снова опустилъ крышку ямы и задумался. По мѣрѣ того, какъ онъ думалъ, его лицо все больше и больше оживлялось. Наконецъ, онъ улыбнулся и быстро вышелъ изъ чулана, держа въ рукахъ лягушку. Войдя въ избу, онъ переложилъ ее въ одну руку, а другою отыскалъ опрокинутый на лавкѣ подойникъ и налилъ его наполовину водой. Затѣмъ онъ осторожно опустилъ туда лягушку и накрылъ подойникъ подвернувшимся ему подъ руку рѣшетомъ. Спустя минуто, подойникъ стоялъ уже посреди стола.

Вдругъ мальчугану пришло въ голову, что лягушкѣ, вѣроятно, хочется ѣсть. Онъ отыскалъ корку хлѣба и превратилъ ее зубами въ мелкіе кусочки. Окончивъ дѣло, Ивка сѣлъ на лавку. Чувство удовольствія наполнило его душу. Онъ теперь знаетъ, какая лягушка, онъ держалъ ее въ рукахъ. Это онъ скажетъ мальчикамъ. Ему было весело. Потѣшало его и то, какъ удивится мать, когда увидитъ пойманную имъ лягушку. На его всегда напряженномъ и вытянутомъ лицѣ блуждала улыбка.

Какъ только вошла въ избу мать, Ивка мгновенно сдѣлался серьезнымъ и наострилъ уши.

— Это чтò такое? — спросила мать, обративъ вниманіе на стоявшій среди стола подойникъ, покрытый рѣшетомъ. Мальчикъ хитро молчалъ.

— Опять что-нибудь набѣдоурилъ? Смотри, бить буду!

И она быстро сорвала съ подойника рѣшето. Вдругъ оттуда выпрыгнула лягушка и звучно шлепнулась на полъ. Вдова ахнула и едва не упала отъ испуга.

— Господи! вѣдь это наказанье, а не дитя! — съвозъ слезы проговорила пришедшая въ себя мать. — Гдѣ ты ее поймалъ?

подойникъ-то опоганилъ... Ахъ, малый, ты анчутку съ рогами, прости Господи, поймаешь!

И вдова сердито сплюнула. Она была права: Ивка, дѣйствительно, не задумался бы изловить и анчутку съ рогами, если бы таковой оказался въ избѣ или въ чуланѣ.

Мать не могла себѣ уяснить, что у ея слѣпого сына глаза, какъ говорится, „на пальцахъ“, почему и бранила его, а порой и била, когда онъ надоѣдалъ ей своимъ ощупываніемъ. Это огорчало мальчика и наводило на грустную мысль: „Зачѣмъ она сердится, когда я ощупываю?“—думалъ онъ, не находя объясненія материнской брани. „Она меня не любитъ, потому и такая“,—рѣшалъ онъ, глотая слезы. Бѣдный слѣпой даже пробовалъ сдерживать себя, не желая раздражать мать своимъ ощупываніемъ; но руки, какъ-то сами собой, тянулись къ тому или другому предмету.

III.

Однажды ночью, когда мать крѣпко заснула, что выражалось громкимъ храпомъ, Ивка неслышно вышелъ изъ избы. Онъ осторожно отворилъ сѣнную дверь, запертую деревянной задвижкой, и смѣло зашагалъ по двору. Зацѣпивъ за валявшуюся на срединѣ двора маленькую скамеечку, на которой мать доила корову, слѣпой взялъ ее въ руки и, не останавливаясь, пошелъ дальше. Пройдя шаговъ десять прямо, онъ круто взялъ влѣво и остановился.

„Такъ!“—проговорилъ мальчикъ, ощупывая свободной рукой конецъ жерди, торчавшей изъ сосѣдняго двора. Онъ поставилъ на землю скамейку и сѣлъ на нее. Ему хорошо былъ извѣстенъ небольшой ихъ дворъ, состоявшій изъ худыхъ плетней и гнилыхъ, покачнувшихся въ разныя стороны сохъ. Каждая эта мелочь, незамѣтная для зрячихъ, не разъ побывала въ рукахъ слѣпца, и онъ зналъ, гдѣ она находится. Вотъ и теперь, сидя на скамеечкѣ, онъ хорошо зналъ, что шагахъ въ десяти вправо начинался полураскрытый навѣсъ, въ концѣ котораго отгорожено жердями мѣсто для коровы и двухъ поросятъ. Шагахъ въ пяти отъ хлѣва стоялъ, прислоненный къ плетневой стѣнѣ двора, ручной ткацкій станокъ. Тутъ же лежала на боку деревянная, съ большой трещиной, ступа.

Ночь была тихая и теплая. Въ воздухѣ пахло ароматичнымъ медомъ изъ сосѣдняго сада, гдѣ находились ульи съ пчелами. Но Ивка не замѣчалъ этого и не прислушивался къ почной

тишинѣ, какъ это бывало обыкновенно. Нѣтъ, — его занимало совершенно иное, а именно: онъ внимательно прислушивался къ лясканью и чваканью скота, находившагося на сосѣднемъ дворѣ, близъ стѣны котораго онъ сидѣлъ на скамеечкѣ. Дѣло въ томъ, что ему страшно хотѣлось ощупать овцу, которой не было у его матери. Онъ часто слышалъ ея блеянье и топоть, но не зналъ, какая она. Узнавъ отъ зрячихъ, что она не кусается, слѣпой рѣшилъ ощупать ее. Эта мысль не выходила у него изъ головы, но желаннаго случая не представлялось. Какъ-то передъ вечеромъ онъ рубилъ у своего сарая мелкія дрова. Вдругъ недалеко отъ него раздалось блеяніе овцы. Онъ встрепенулся. Давно желанная мечта разомъ охватила его. Онъ положилъ топоръ и, пылая завѣтнымъ желаніемъ, началъ подкрадываться къ интересовавшей его овцѣ. Онъ слыпалъ, какъ она щипала траву и какъ постукивала ногами, изрѣдка кашляя. Остановившись шагахъ въ трехъ отъ нея, Ивка перевелъ духъ. Затѣмъ онъ немного пригнулся, комично сморщивъ напряженное лицо, и „прицѣпившись ухомъ“, сдѣлалъ быстрый прыжокъ по направленію овцы. Та испуганно бросилась въ сторону, издавъ при этомъ неестественное блеяніе. Вслѣдъ затѣмъ раздался громкій смѣхъ мальчишекъ, очевидно, слѣдившихъ за слѣпымъ, который между тѣмъ лежалъ на землѣ. Его прыжокъ былъ неудаченъ. Ивка угодилъ ногами въ старое, лежавшее на землѣ, колесо, о существованіи котораго онъ не зналъ, и упалъ, разбивъ въ кровь носъ.

— Чтѣ, поймалъ?—кричали съвозъ смѣхъ мальчишки, приблизившись къ слѣпому, который быстро вскочилъ на ноги.

— Палкой его надо, — сердито кривнулъ мужикъ, затворяя скрипучія ворота сарая:—вотъ онъ и не будетъ пужать чужихъ овецъ... А то ишь...

Бѣдный Ивка молча вытиралъ рукавомъ пестрядиной рубашки разбитый носъ и глоталъ слезы: ему было невыносимо тяжело, но не оттого, что онъ ушибся, а отъ смѣха мальчишекъ и словъ мужика. Все это какъ ножомъ рѣзало ему сердце. Однако, неудача съ овцой не охладила въ немъ желанія, а напротивъ, еще больше разожгла. Онъ рѣшилъ во чтѣ бы то ни стало осязать овцу, но только не на улицѣ, гдѣ опять его могутъ увидеть, а у сосѣда на дворѣ и непременно ночью.

И вотъ наступила эта желанная ночь. Мальчикъ, какъ сказано выше, сидѣлъ на низенькой скамеечкѣ у стѣны изъ новыхъ плетней сосѣдняго двора и думалъ. Онъ боялся своего сосѣда, Гордѣя, ненавистнаго ему глухого старика. „А ну—какъ

онъ выйдетъ на дворъ и увидитъ меня?“ — лѣзло ему въ голову — „вѣдь онъ такой злой!“ И передъ нимъ живо предсталъ сосѣдь Гордѣй, голосъ котораго былъ похожъ на скрипъ ржаваго желѣза. Когда онъ говорилъ, Ивкѣ казалось, что старикъ вотъ-вотъ набросится на кого-нибудь и начнетъ грызть зубами. Мальчикъ вспомнилъ, какъ Гордѣй билъ собаку, и какъ ему хотѣлось задушить этого злого старика, жалѣя визжавшаго пса. „Да, онъ злой, онъ больно исколотитъ, если увидитъ“, — раздумывалъ мальчикъ, и тутъ же рѣшилъ, что старикъ Гордѣй теперь спитъ, а стало быть бояться нечего.

Ивка поднялся со скамеечки и вплотъ подошелъ къ плетню сосѣдняго двора. Его руки быстро нащупали давно извѣстную ему веревку, которою связаны были концы двухъ, неплотно прилегавшихъ другъ къ другу, плетней. Минуты черезъ три они были освобождены отъ веревки и еще больше отошли другъ отъ друга, такъ что между ними образовалось порядочное отверстие, въ которое свободно могъ пролѣзть человекъ. Теперь все было готово. Оставалось только шагнуть въ отверстие, и цѣль будетъ достигнута. Мальчикъ прислонился къ плетню и внимательно прислушался.

Было тихо. Онъ ясно слышалъ частые удары своего сильно бьющагося сердца. Въ то же время до его ушей доносились съ сосѣдняго двора неопредѣленные звуки, издаваемые скотомъ. Отъ него не ускользнулъ и шорохъ, производимый курами на самомъ верху навѣса, гдѣ помѣщался ихъ насѣсть. Все это онъ слышалъ и сгоралъ желаніемъ какъ можно скорѣе проныкнуть во дворъ сосѣда.

„Онъ спитъ“, — снова успокоилъ себя Ивка насчетъ старика Гордѣя и, затаивъ дыханіе, осторожно полѣзъ въ отверстие. Очутившись на дворѣ сосѣда, онъ передохнулъ и снова прислушался. Спустя минуту, ему уже было извѣстно, что въ задней части двора стояли коровы, которыхъ онъ узналъ по ихъ медленному жеванію жвачки. Рядомъ съ ними стояли свиньи, но овецъ не было слышно. „Гдѣ онѣ — на дворѣ или въ хлѣву?“ — думалъ онъ, напряженно прислушиваясь. Но его тонкій слухъ не уловилъ ничего такого, что могло его убѣдить въ присутствіи овецъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько несмѣлыхъ шаговъ вправо, держась около плетня, и остановился.

До его слуха долетѣло чье-то неровное сопѣнье. „Это онѣ сопятъ“, — радостно рѣшилъ Ивка, внимательно прислушиваясь. „Да, да, это онѣ“, — повторилъ онъ, все больше и больше убѣждаясь въ присутствіи овецъ. А когда въ той сторонѣ, от-

куда доносилось сопѣнье, раздались кашель и чиханье, Ивка окончательно убѣдился, что этотъ кашель и чиханье принадлежать не кому другому, какъ овцамъ, потому что онъ не разъ слышалъ, какъ чихаютъ и кашляютъ овцы.— „Да, это онѣ“, — прошепталъ онъ въ какомъ-то упоеніи и присѣлъ на корточки. Онъ горѣлъ и дрожалъ. Наконецъ-то ему удастся оцупать давно желаемую овцу! О, какъ онъ будетъ торжествовать надъ ребятами, когда скажетъ имъ, что и онъ теперь знаетъ овцу! Они уже не будутъ потѣшаться его незваніемъ, какъ это было прежде. И слѣпцу стало весело. Онъ даже улыбнулся, предвкушая торжество надъ мальчишками. „Надо какъ можно осторожниѣ подползти къ нимъ и разомъ наброситься на одну изъ нихъ“, — разсуждалъ онъ, сидя на корточкахъ и не переставая прислушиваться къ сопѣнію овецъ.

„Онѣ тоже, небось, спать, — ночью вѣдь всѣ спать. Вишь, какъ онѣ сопятъ... Маруська тоже сопить, когда спать, и курица тоже, — это онъ знаетъ. — Значить, всѣ сопятъ, когда спать“...

Послѣ такихъ разсужденій Ивка окончательно убѣдился, что овцы спать, и для него уже не представлялось труднымъ подползти къ нимъ. Просидѣвъ еще немного на корточкахъ, онъ легъ на землю животомъ и въ такомъ положеніи поползъ по направленію сопѣвшихъ овецъ, соблюдая при этомъ величайшую осторожность. Ночная мгла замѣтно рѣдѣла. На открытомъ дворѣ можно было различать фигуры, освѣщенные сѣроватыми струйками приближающагося разсвѣта; но подъ навѣсомъ, гдѣ ползъ Ивка, совершенно было темно; поэтому овцы не могли замѣтить вылазки слѣпца, который, вытянувшись, какъ кошка, и плотно прильнувъ животомъ къ землѣ, неслышно подкрадывался къ своей добычѣ.

Во время своего путешествія на животѣ, Ивка каждую минуту останавливался и внимательно прислушивался. То мѣсто, по которому ему приходилось ползти, сплошь было усыпано мелкимъ, острымъ щепнемъ, который впивался въ животъ слѣпца и причинялъ ему боль. Кромѣ того, его руки нерѣдко попадали во что-то жидкое, зловонное. Но Ивка, увлеченный своей идеей, какъ бы не замѣчалъ всего этого и продолжалъ ползти впередъ. Благодаря темнотѣ и своей способности ползти на животѣ, онъ близко подкрался къ овцамъ, не замѣчавшимъ его присутствія.

„Онѣ со мной рядомъ“, — мысленно проговорилъ мальчижкѣ, притаивъ дыханіе. Онъ ясно слышалъ неровное дыханіе овецъ и тяжелый запахъ, почему и заключилъ, что овцы находятся отъ него шагахъ въ четырехъ. „Нельзя ли подползти къ нимъ

настолько близко, чтобы возможно было нащупать ихъ?" — разсуждалъ Ивка, лежа на животѣ. — „Нѣтъ, онѣ могутъ увидать и разбѣжаться... теперъ уже, можетъ быть, свѣтло... Впрочемъ, куры еще сидятъ подѣ навѣсомъ, я слышу ихъ, а онѣ, говорила мать, слетаютъ — чуть начнетъ свѣтать"... Мальчикъ задумался. Спустя минуту, онъ рѣшилъ подняться на ноги и враспloh схватить овцу. „Она не вырвется изъ моихъ рукъ, — разсуждалъ онъ, — я удержу ее. Пока она будетъ вырываться, я всю ее ощущаю"... Вдругъ въ его носу сильно защеколало, ему страшно захотѣлось чихнуть... Онъ испугался, зажалъ обѣими руками ротъ и носъ, всѣми силами стараясь сдержать приступы чиханія. Голова его отъ сильнаго напряженія закружилась и въ ушахъ закололо, онъ даже какъ будто оглохъ и едва не задохнулся, но все же не чихнулъ. Впрочемъ, ему показалось, что онъ очень громко чихнулъ, и овцы разбѣжались. Но вскорѣ это чувство у него прошло; онъ снова неясно слышалъ неровное дыханіе овецъ и успокоился. Отдохнувъ минуту, онъ медленно и осторожно присѣлъ на корточки, плотно прислѣпившись спиной къ плетню; онъ съ большой осторожностью и ловкостью поднялся на ноги, не отдѣляясь отъ плетня, который при малѣйшемъ неосторожномъ къ нему прикосновеніи издавалъ хрустящій шорохъ. Ивка употребилъ всѣ свои спеціальныя способности, чтобы только не выдать своего присутствія. Онъ стоялъ недвижимъ, какъ бы приросшій; потъ катился съ его лица. Онъ усталъ, ему хотѣлось вздохнуть полной грудью, но онъ сдерживалъ дыханіе.

„Надо не зѣвать, пока онѣ не замѣчаютъ меня, — думалъ онъ, впиваясь ухомъ въ сопѣнныя овецъ. — Я сейчасъ схвачу вонъ ту, которая кашляетъ... А какая она, эта овца, и на кого похожа?“ — неожиданно мелькнуло въ его головѣ, и овца, которую онъ зналъ только по блянію, всецѣло овладѣла его воображеніемъ и какъ бы загипнотизировала его различными представленіями о себѣ. Ивка даже не слышалъ, какъ щелкнула щеколда сѣнной двери и какъ закричѣло крылечко, на которое, очевидно, кто-то вышелъ.

Измучивъ воображеніе бесплоднымъ представленіемъ объ овцѣ, Ивка, наконецъ, очнулся и немедленно рѣшилъ приступить къ дѣлу. „Да, да, это надо сейчасъ сдѣлать“, — думалъ онъ, горя лихорадочнымъ огнемъ. Зубы его стучали, но онъ этого не замѣчалъ и ничего не слышалъ вокругъ. Его вниманіе поглощено было тѣмъ, какъ онъ сію минуту набросится на овцу и какъ схватитъ ее. „Вонъ ту... она стоитъ... я слышу... да, да — эту... она ближе всѣхъ“, — прошепталъ онъ, или, вѣрнѣе, беззвучно

зашевелилъ язвеомъ. Онъ осторожно пригнулся и какъ бы замеръ въ этой позѣ. Прошло съ минуту, а Ивка все еще неподвижно стоялъ, пригнувшись и какъ бы „прицѣлившись ухомъ“. Наконецъ, онъ быстро, легко, какъ кошка, прыгнулъ впередъ и упалъ всѣмъ тѣломъ на что-то мягкое и животрепещущее. Его руки, какъ бы сами собой, крѣпко вцѣпились во что-то косматое и мягкое.

Бѣдныя овцы, испуганныя внезапнымъ на нихъ нападеніемъ, какъ бѣшенныя, бросились въ разныя стороны, издавая при этомъ неестественные звуки. Все на дворѣ разомъ проснулось и зашевелилось. Даже куры, сидѣвшія еще на насестѣ, тревожно всолопились.

А слѣпой, между тѣмъ, ничего не сознавалъ и не слыжалъ. Онъ какъ бы замеръ, вцѣпившись руками въ шерсть овцы, которая безумно металась по двору, волоча его за собой. Наконецъ она рванулась изъ всѣхъ силъ и освободилась отъ слѣпца, оставивъ въ его рукахъ два большіе клона шерсти. Въ то же время раздался крикъ старика Гордѣя: „Караулъ! воры!“ — хрипло волилъ онъ. — „Куцый, фью!..“ — И глухой старикъ поспѣшилъ къ лежавшему на землѣ вору, захвативъ по дорогѣ жердь.

— Убью, океанный! — злобно хрипѣлъ Гордѣй, замахиаясь жердью на Ивку, намѣревавшагося встать. — Я тебѣ покажу, какъ воровать, дьяволь!..

Но, разглядѣвъ при брезжущемъ свѣтѣ, что передъ нимъ не воръ, а слѣпой мальчикъ, онъ сдержалъ ударъ. Громя лаявшая собака, подбѣжавшая къ слѣпцу, тоже узнала его и смолкла, дружески замахавъ остаткомъ отрубленнаго хвоста.

— А это вотъ кто!.. — удивился старикъ, окончательно узнавъ Ивку и бросивъ въ сторону жердь. — Такъ погоди же, уродина-слѣпой... я тебѣ покажу!..

Старикъ приблизился къ слѣпому. Тотъ стоялъ неподвижно и тяжело дышалъ. Лицо его было красное и нервно вздрагивало.

— Вотъ тебѣ, поганецъ! — и крѣпкая пощечина Гордѣя звучно раздалась въ утренней тишинѣ.

Ивка покачнулся, но не издалъ ни звука. Старикъ схватилъ его за волосы и началъ расправу.

— Вотъ тебѣ!.. вотъ тебѣ!.. — злобно приговаривалъ онъ, пригнывая мальчика за волосы внизу и снова поднимая его вверхъ. Куцый старался заглянуть въ глаза хозяину и жалобно скулилъ, какъ бы умоляя его о пощадѣ. Но тотъ не замѣчалъ этого и продолжалъ издѣваться. Голова слѣпца, крѣпко схваченная рукою Гордѣя, быстро мелькала то внизу, то вверхъ, шея его хрустѣла,

но онъ попережнему молчалъ, какъ бы не чувствуя боли. Это, очевидно, злило старика, и онъ усиливалъ расправу.

— Вотъ тебѣ!.. полуночникъ... вотъ!— съ нечеловѣческимъ озлобленіемъ ударялъ Гордѣй свободной рукой по спинѣ мальчика. — Не ходи по дворамъ, не пужай чужую скотину, чортъ слѣпой!..

Куцый не выдержалъ и съ громкимъ лаемъ бросился на хозяина.

— Прочь, дьяволъ!— прошипѣлъ тотъ и далъ собакѣ пинка. Бѣдный песъ съ визгомъ отлетѣлъ въ сторону.

Наконецъ, Гордѣй прекратилъ расправу надъ мальчикомъ, давъ ему въ заключеніе, какъ бы на заѣдку, крѣпкій подзатыльникъ...

— Теперь будешь помнить, собачій сынъ, какъ шлаться по ночамъ по чужимъ дворамъ!— хрипѣлъ старикъ, освобождая пальцы своей руки отъ оставшихся на нихъ волосъ.

Ивка между тѣмъ едва стоялъ на ногахъ, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ, и стуча зубами. Всклоченные на головѣ волосы въ безпорядкѣ спадали на мертвенно-блѣдное и крайне возбужденное лицо. Чѣмъ-то страшно злымъ вѣяло отъ этого неподвижнаго и немного опухшаго лица. Казалось, что тамъ, подъ плотно опущенными вѣками слѣпца, бушуетъ буря, готовая каждую минуту прорваться наружу. Но старикъ этого не замѣчалъ и продолжалъ свою брань.

— Тебѣ надо голову свернуть, чтобы ты не баловалъ, а ты ишь сколько шерсти натеребилъ — полны руки... Чай, ей больно... Украсть, что-ли, вздумалъ овцу-то? Чтò молчишь?.. аль столбнякъ нашель?.. Пошелъ домой, дурень!..

И Гордѣй, рванувъ мальчика за руку, силой потащилъ его къ переднимъ воротамъ. Отворивъ калитку, онъ сильно толкнулъ въ спину свою жертву, такъ что бѣдный слѣпой со всего размаха ударился своимъ тѣломъ о сухую землю. Захлопнулась калитка и смокла злая воркотня старика, а Ивка все еще лежалъ внизъ лицомъ и не шевелился. Казалось, что онъ былъ мертвъ, но это только казалось. На самомъ же дѣлѣ въ мозгу слѣпца происходила усиленная дѣятельность. Гнѣвъ и злоба какъ огнемъ жгли его душу и неумолимо душили его, такъ что онъ не въ состояніи былъ шевельнуть ни единымъ мускуломъ. Но вотъ что-то огромное и сильное завозилось внутри его и, какъ звѣрь, страшно зарычало: „Я убью его, зарѣжу!.. За что онъ меня билъ, за что?.. я вѣдь только хотѣлъ пощупать, не украсть... Я сожгу его избу! я... я!..“ — и бѣдный мальчикъ

захлебывался злобой и местию, не будучи въ силахъ выговорить ни слова.

Мысли его въ беспорядкѣ вихремъ кружились въ горячей головѣ, и онъ самъ, какъ ему казалось, тоже кружился, вертѣлся, не имѣя силъ остановиться. Но это продолжалось недолго. Спустя минуту, приступъ круженія смѣнился сознаниемъ собственнаго безсилія. „Господи!“—изнеможенно прошепталъ онъ, попрежнему лежа на землѣ внизъ лицомъ.—„За что онъ меня билъ? за что?“—Но эти слова уже не звучали прежней силой и не горѣли огнемъ, какъ это было вначалѣ. Ивка прошепталъ ихъ тихо и даже какъ бы робко, точно боясь чего. „Вѣдь я только хотѣлъ пощупать,—горько думалъ слѣпой,—за что же онъ меня билъ? Господи! и пощупать мнѣ нельзя!“ Эти простыя, но пропитанныя горькимъ сознаниемъ собственнаго безсилія слова, какъ ножомъ, рѣзали ему сердце. Мальчишекъ сознавалъ, хотя и смутно, что всѣ оскорбленія и обиды и то, что его никто не понимаетъ и что онъ всѣмъ чужой—всегда будетъ съ нимъ, каждую минуту, всю жизнь. Это смутное сознание, звучащее мучительнымъ „за что?“, переполнило душу слѣпца, и она не выдержала. Что-то острое, тяжелое сдавило его грудь... Онъ вскрикнулъ отъ невыносимой боли и какъ бы замеръ на минуту, а вслѣдъ затѣмъ раздались громкія рыданія. Сидѣвшій около слѣпца Куцый быстро всталъ и тревожно заскулилъ, затѣмъ приблизилъ свою морду къ лицу рыдающаго мальчика и началъ его лизать, какъ бы желая этимъ утѣшить своего пріятеля. Но Ивка былъ неутѣшенъ: онъ рыдалъ и рыдалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Его обильно смоченное слезами лицо какъ бы лобзалось съ землею, то плотно прижимаясь къ ней, то отрываясь. Ему слышалось, что и подъ землею кто-то рыдаетъ вмѣстѣ съ нимъ и жалостно повторяетъ: „за что? за что?“

Добрый пестъ, очевидно, убѣдившись въ бесплодности своихъ утѣшеній, молча сѣлъ рядомъ съ рыдающимъ другомъ, устремивъ на него свой недоумѣвающий взглядъ. А утро между тѣмъ просыпалось. Изъ-за горки видѣлся начинавшій алтъ востокъ. Надъ рѣкой поднимался густой сѣроватый туманъ. Дружное переключиваніе горлопанившихъ пѣтуховъ, пронзительное карканье воронъ и галокъ, громоздившихся на ветлахъ, и, наконецъ, усердное кваканье лягушекъ—все это сливалось въ одинъ пробуждающій утренній звукъ. Еще минута—и пастухъ заиграетъ въ рожокъ... А тамъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, шумно и весело завертится огромное колесо безтолковой деревенской жизни.

IV.

Едва вдова успѣла прогнать корову въ стадо и войти въ свою избу, какъ у окна появился сосѣдъ Гордѣй.

— Эй, Прасковья! — сердито обратился онъ къ ней, не глядя въ окно.— Уйми своего слѣпого дурака, чтобы онъ не отворачивалъ плетней, да не лазалъ ночью на дворъ, какъ воръ. Я, братъ, шутить не люблю, живо шею сломлю, а не то в къ старостѣ сволоку! Ишь, набаловался... Уйми, говорю... Слышишь?..

И старикъ, крото повернувъ, пошелъ отъ окна.

А вдова между тѣмъ молча стояла и недоумѣвающе глядѣла въ спину уходившаго сосѣда. Она слышала сердитый и хриплый, какъ у старой овчарки, голосъ Гордѣя, но ничего не поняла изъ его словъ.

— Мама, я только хотѣлъ пощупать, — плаксиво проговорилъ Ивка, слѣзая съ печи, на которую онъ только-что забрался.

— Что пощупать?—обратилась къ нему мать.

— Овцу...

— Овцу?—протянула мать, что-то соображая, и черезъ минуту добавила, понявъ, въ чемъ дѣло:—Господи! опять овцу! Когда ты перестанешь щупать? Ишь вѣдь, что вздумалъ: отворачивать плетни и ночью лѣзть на чужой дворъ!.. Этакъ, дуралей, въ острогъ угодишь...

— Я только пощупать,—оправдывался мальчишкѣ.

— Почупать!—передразнила его мать, которую всегда раздражало ощупываніе сына.—Ишь, какой щупалка! Какъ возму я палку, да начну тебя ощупывать, такъ и узнаешь, какъ мать на грѣхъ наводитъ, остолопъ!.. Тутъ и безъ того хоть въ петлю полѣзай, а ты еще щупать...

Она быстро вышла въ сѣни и тамъ, утирая фартукомъ слезы, со вздохомъ прошептала:—Господи! Царица Небесная! И что мнѣ съ нимъ дѣлать? сокрушилъ совѣсть!

Бѣдной матери жаль было сына, но она не могла сдерживаться, потому что Гордѣй и безъ того во всемъ ее притѣснялъ, а тутъ еще Ивка со своимъ щупаньемъ... Кого горе не возьметъ!

А Ивка между тѣмъ неподвижно стоялъ у печи, держась рукой за приступку. Его напряженное, вытянутое, немного под-

нятое кверху лицо поминутно вздрагивало. Плотнo опущенныя вѣки тоже вздрагивали, что обнаруживало сильное волненіе. „И когда ты перестанешь ощупывать?“ — громко раздалось въ его ухахъ. Эти слова тяжело ложились ему на мозгъ, и онъ уже ни о чемъ не могъ думать, кромѣ нихъ. Да, онъ думалъ о нихъ, думалъ напряженно, и все же не могъ въ нихъ разобраться. То, что не нравилось матери и другимъ и за что его бранили и даже били, для него было просто и обыкновенно, а главное — необходимо. „Этакъ въ острогъ угодишь, если будешь ощупывать“ — вспомнились ему слова матери. И тутъ же онъ вспомнилъ прошлую ночь и старика Гордѣя. О, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ стремился ощупать овцу! Но чѣмъ все это кончилось? Да, и мать, и Гордѣй, и всѣ, всѣ зрячіе, не понимаютъ его. Онъ имъ чужой, онъ не такой, какъ они, онъ слѣпой, онъ ничего не видитъ, его всѣ обижаютъ и никто не жалѣетъ. Тоска и обида больно защемили ему сердце и вытѣснили изъ головы всякую мысль. Онъ почти безсознательно снова вскарабкался на печь и пролежалъ на ней внизъ животомъ до самаго вечера. На слова матери, предлагавшей ему поѣсть, онъ отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на головную боль, хотя у него ничто не болѣло. Онъ находился въ тяжелой полудремотѣ, почти ничего не сознавая и не ощущая. Ему только хотѣлось лежать, лежать безъ конца, лежать, не шевелясь и ни о чемъ не думая. Только вечеромъ, когда пригнали стадо и до его ушей долетѣли знакомые звуки, онъ ясно понялъ, что это вечеръ, и что онъ цѣлый день пролежалъ на печи, не слѣзая и безъ пищи. Ивкѣ захотѣлось ѣсть, но онъ сдержался и съ удовольствіемъ ждалъ, когда заснетъ мать. Какъ только раздался ея храпъ, мальчикъ осторожно слѣзъ съ печи и тихо подошелъ къ столу. Отыскавъ на немъ краюшку черстваго хлѣба и густо посоливъ ее, онъ неслышно вышелъ вонъ изъ хаты. Проходя дворомъ, Ивкѣ мимоходомъ захватилъ деревянное ведро, стоявшее у плетня коровника, и смѣло направился къ заднимъ воротамъ. Онъ быстро нащупалъ на воротахъ желѣзную скобку и съ особенной ловкостью и осторожностью потянулъ ее къ себѣ такъ, что скрипучія ворота тихо отворились, не издавъ ни единого звука. Очтившись на задворкахъ, онъ на мнуну остановился, какъ бы что-то соображая, а затѣмъ увѣренно зашагалъ влѣво, держа въ одной рукѣ краюшку хлѣба, а въ другой — ведро. Его босыя ноги едва касались широкихъ, смоченныхъ вечернею росою, лопуховъ, искусно отыскивая себѣ болѣе удобный путь. Остановившись шагахъ въ двухъ отъ старой, развѣсистой рябины, при-

существо которой чувствовалось по сгустившемуся влажному воздуху, онъ круто повернулъ направо. Пройдя шаговъ семь и ощутивъ подъ ногами мелкій щебень, Ивка остановился и поставилъ на землю ведро, а краюшку увѣренно положилъ на лежавшій у колодца камень. Затѣмъ онъ немного подался впередъ и нащупалъ лежавшій наверху колодца длинный шестъ съ желѣзнымъ крюкомъ на концѣ. Зацѣпивъ крюкомъ за дышу ведра и привѣсивъ его снятымъ съ себя поясомъ, Ивка осторожно приступилъ къ доставанію воды. По мѣрѣ того, какъ ведро, привѣшенное къ концу шеста, опускалось въ колодець все ниже и ниже, онъ все внимательнѣе и внимательнѣе прислушивался, слегка наклонившись ухомъ въ колодець. Но вотъ ведро коснулось воды. Это онъ слышалъ и чувствовалъ руками. Онъ задержалъ шестъ, а затѣмъ, размахнувъ ведромъ въ сторону, ловко зачерпнулъ имъ воды. Вытаскивая ведро обратно, Ивка повялъ по тяжести его, что оно было полное. Зная, что ведро, привѣшенное поясомъ, не соскочитъ съ крюка, мальчикъ принялся махать шестомъ во всѣ стороны, такъ что изъ ведра тотчасъ же полилась вода, звучно падая въ колодець. „Будеть!“ — остановилъ себя Ивка, чувствуя руками, что ведро наполовину стало легче, и безъ труда вытащилъ его. Взявъ краюшку и присѣвъ рядомъ съ ведромъ, онъ приступилъ къ ужину. Но едва онъ успѣлъ откусить раза два хлѣба, запивая его водой, какъ недалеко отъ него послышался шорохъ. Онъ пересталъ жевать и повернулся ухомъ въ ту сторону, откуда доносился шорохъ.

— Куцый! — шопотомъ увѣренно позвалъ Ивка.

И онъ не ошибся. Это дѣйствительно былъ Куцый. Подойдя къ слѣпцу, онъ лизнулъ его въ щеку, какъ бы здороваясь съ нимъ, и стоялъ въ ожиданіи. Ивка погладилъ пса свободной рукой и далъ ему кусокъ хлѣба. Когда тотъ съѣлъ, мальчикъ влил изъ ведра въ горсть воды и поднесъ ее пріятелю. Собака, очевидно, привыкшая къ такому угощенію, жадно вылавала воду. Онъ снова наполнилъ горсть и повторилъ это раза три, а затѣмъ уже и самъ принялся съ аппетитомъ истреблять густо посоленную краюшку, запивая водой изъ всего ведра. Окончивъ скромную трапезу, оба пріятеля поднялись на ноги. Куцый, очевидно, звавшій намѣреніе Ивки, увѣренно поскакалъ по узкой тропинкѣ, ведущей вглубь огорода. Ивка пошелъ за нимъ, стараясь не задѣвать босыми ногами за мокрую траву. Въ концѣ огорода, шагахъ въ двадцати отъ развалившейся риги, стояла огромная старая осина, окруженная со всѣхъ сторонъ множе-

ствомъ мелкихъ осинъ. Эта многочисленная семья мелкихъ осинъ, занимавшая аршинъ триста въ окружности и называвшаяся осинникомъ, выглядѣла маленькимъ лѣскомъ. Вотъ къ этому-то лѣску и подошли наши два пріятеля.

Куцый быстро юркнулъ въ чащу осинника и скрылся въ немъ. Ивка тоже полѣзъ за нимъ, искусно лавируя между тонкими осиновыми стволами, предварительно ощупывая руками и ногами. Онъ шелъ быстро и увѣренно, потому что хорошо зналъ каждое деревцо, гдѣ оно стоитъ. Очутившись на свободномъ мѣстѣ, шага четыре въ квадратѣ, онъ подался немного влѣво и, слегка прикоснувшись рукой къ маленькой скамеечкѣ, смѣло опустился на нее. Куцый былъ уже тутъ. Это ясно говорило, что собака здѣсь не въ первый разъ. И точно—Куцый очень часто бывалъ въ осинникѣ. Онъ любилъ Ивку и всюду слѣдовалъ за нимъ. Куда бы слѣпой ни пошелъ, Куцый тутъ, какъ тутъ! Ивка былъ радъ собакѣ, ему было веселѣе съ ней. Осинникъ былъ любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ Ивки. Въ немъ только и могъ онъ дать полную волю слезамъ. Въ немъ только и затихало его наболѣвшее дѣтское сердце, подъ ласкающій шопотъ листвы. Онъ зналъ подробно каждое деревцо и съ любовью ощупывалъ ихъ чуть ли не каждый день. Онъ даже помнилъ на всякомъ изъ нихъ листь узкій и широкій или мягкій и жесткій. Когда онъ входилъ въ лѣсокъ, ему казалось, что каждая осинка дружески наклоняется къ нему и намѣревается обласкать его мягкой листвою. Въ такія минуты слѣпой чувствовалъ себя хорошо, хорошо! Вотъ и теперь, сидя на маленькой сдѣланной имъ скамеечкѣ, онъ испытывалъ болѣе или менѣе пріятное чувство. Той жгучей тоски, мучительно палившей его сердце цѣлыя сутки, и того мертвящаго оцѣпенѣнія, какъ льдомъ сковавшаго все его существо, уже не было. Все это было тамъ, въ избѣ, на печкѣ, на улицѣ. Но тутъ, подъ сѣнью молодыхъ осинъ, тихо шелестящихъ листвою, онъ забылся, какъ забывается дитя, убаюканное лаской матери. Глубокая ночь плотно окутала осинникъ непроглядной пеленою и какъ бы усыпила и его, и все окружающее. Ивка не замѣчалъ темноты ночи, но онъ ощущалъ ея присутствіе по влажному воздуху и особенной тишинѣ, которая бываетъ только ночью. Мальчикъ любилъ проникать въ эту таинственную ночную тишину и утопать въ ней, полный разнородныхъ ощущеній и своеобразнаго созерцанія. И теперь онъ, сидя на скамейкѣ, тоже созерцалъ. Но вдругъ лежавшій у его ногъ Куцый заворчалъ и подался впередъ, а

вслѣдъ затѣмъ послышалось негромкое мяуканье кошки. Купецъ снова легъ на прежнее мѣсто, очевидно узнавъ гостя.

— Маруська! — ласково произнесъ Ивка, не вставая со скамейки.

Кошка отвѣтила ему мяуканьемъ и, приблизившись къ его ногѣ, начала тереться о нее. Ивка взялъ кошку на руки и посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Маруська съ минуту сидѣла молча, а затѣмъ, какъ бы сообразивъ, что ей надо дѣлать, уютно улеглась на колѣняхъ и затянула свою трескучую пѣсню. Эти трое — человѣкъ, собака и кошка — составляли какъ бы одно цѣлое. Ивка любилъ своихъ четвероногихъ друзей. Они это знали и платили ему привязанностью.

— И отчего къ слѣпому такъ лнуть куры, кошки, собаки и всякая тамъ животина? — удивлялись мужики и бабы. — Гдѣ бы только его ни завидѣли, такъ и бросаются къ нему со всѣхъ ногъ... Вѣдь вотъ, братцы, диковина!

Это говорилось не шутя, а даже съ завистью. Мужики и бабы не понимали самой простой причины. Ивка, будучи обиженъ природой и людьми, никогда никого не обижалъ. Чуждый ласки, онъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, какъ его ласка благотворно дѣйствовала на животныхъ. Приближая ихъ къ себѣ и дружа съ ними, онъ испытывалъ пріятное чувство, потому что близость хотя бы и животныхъ наполняла его одинокую жизнь. Да, именно одинокую, потому что никто не можетъ такъ глубоко чувствовать одиночество, какъ слѣпой среди зрячихъ. Ивка чувствовалъ это и молча страдалъ. Единственно близкій ему человѣкъ — это мать, и та не понимала его. А о чужихъ людяхъ и говорить нечего. Всѣ они только больно бередили его глубоко скрытую рану своими обидными къ нему жалостями, и никто изъ нихъ не относился къ нему, какъ къ равному себѣ человѣку. Ивка избѣгалъ ихъ, чувствуя къ нимъ боязнь и скрытую ненависть. Избѣгалъ онъ и товарищей своего возраста. Среди нихъ не находилось ни одного такого, который бы сочувствовалъ его слѣпотѣ. Всѣ они, какъ бы сговорившись, смѣялись надъ нимъ и потѣшались, сколько хотѣли. Они нерѣдко заводили его въ канаву, въ грязь, въ крапиву и громко при этомъ хохотали. Слепой клялся не выходить изъ избы, но тоска и одиночество надоѣдали ему, и онъ снова выходилъ къ ребятамъ. И опять начиналась та же исторія.

— Ты не видишь неба и облаковъ и не знаешь, какой носъ у цапли, — приставали къ нему ребяташи, перебывая другъ друга.

Ивка, конечно, не видѣлъ ни неба, ни облаковъ и не зналъ, какой носъ у цапли, но ему было стыдно и досадно сознаться въ этомъ передъ товарищами.

— Вижу и знаю! — выкрикнулъ онъ въ какомъ-то азартѣ.

— Знаю! Вижу! Видишь ты — шишъ! Скажи, какой у зайца хвостъ? Ну?

— Какой? Такой же, какъ у курицы, — выпалилъ Ивка.

Ребята приснули отъ смѣха. Ивка понялъ, что онъ попалъ въ просакъ, и не зналъ, куда дѣваться отъ стыда и злости.

— Эй, звѣзда упала! — крикнулъ однажды кто-то изъ ребятшекъ.

— Звѣзда, говоришь, упала? — встрепнулся Ивка, который давно хотѣлъ ошупать звѣзду.

— Да, — отвѣтилъ тотъ недоумѣвающе, глядя въ возбужденное лицо слѣпца.

— Бѣжимъ, поднимаемъ! — умоляюще произнесъ Ивка, беря мальчика за руку.

— Чего?

— Звѣзду!

Мальчикъ съ минуту молчалъ и, смегнувъ, въ чемъ дѣло, громко разсмѣялся.

— Да развѣ звѣзду можно поднять? — сказалъ онъ наставительно: — вѣдь она упала на небесахъ... Эхъ, слѣпой! ничего ты не видишь и не знаешь!

Послѣ этого Ивкѣ нельзя было показаться на улицу, — ему всюду кричали:

— Эй, слѣпой, звѣзду поднимай, мѣсяцъ сорвалъ!...

Это его раздражало и злило до слезъ. Ему страшно хотѣлось поймать кого-нибудь изъ озорниковъ и выместить на немъ всѣ свои обиды. Но такого случая не представлялось. Ивкѣ оставалось только сидѣть дома и втайнѣ ненавидѣть своихъ обидчиковъ.

Однажды Ивка, выходя изъ своего сарая съ охапкой сѣна, былъ неожиданно встрѣченъ громкимъ крикомъ ребятшекъ, очевидно, караулившихъ его. Ничего не подозревавшій, слѣпой на минуту растерялся, но затѣмъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, снова вошелъ въ сарай, не сказавъ ни слова озорникамъ. Такое поведеніе Ивки озадачило ребятшекъ, а затѣмъ еще больше разожгло. Они вплоть подошли къ сараю и, приложившись глазами къ худому плетню, хоромъ затанули:

Слѣпой слѣпень,
Худой плетень,

Овцу обнюхалъ,
Кошку ощупалъ,
Въ лужу ухнулъ,
Въ стѣну бухнулъ..

За этимъ слѣдовали дружный смѣхъ и даже свистъ, а затѣмъ новая импровизація:

Ивка-Ивашка,
Рвана рубашка,
Рвана, худая,
Макура слѣпая...

Этотъ бранный гимнъ повторялся нѣсколько разъ, но Ивка упорно молчалъ, едва сдерживая злону. Онъ не рѣшался напасть на грубияновъ, потому что ихъ было пятеро или шестеро, но ничѣмъ не отвѣтить имъ онъ тоже не могъ. Чувство обиды жгло его душу и затемняло разсудокъ.

— Зачѣмъ? зачѣмъ они пристають ко мнѣ?—шепталъ онъ, сжимая кулаки.

А ребята между тѣмъ побѣдоносно кричали:

— Ага! испугался, слѣпая макура! Выдь-на къ намъ, мы тебя расчистимъ!

Ивка не помнилъ себя отъ злону; какъ сумасшедшій, бросился онъ на мальчишекъ, которые, не ожидая нападенія, какъ дробь, прыгнули въ разныя стороны. Слепой догналъ одного изъ нихъ и сбилъ его съ ногъ. Сбѣвъ на него верхомъ, онъ принялся тузить его кулаками по лицу, головѣ, спинѣ, не забывая таскать и за волосы. Бѣдный грубиянъ визжалъ, какъ поросенокъ, котораго рѣжутъ. Но Ивка ничего не слыхалъ и не сознавалъ, онъ только тузилъ, тузилъ и тузилъ...

Такая неожиданная расправа произвела панику среди остальныхъ озорниковъ. Они попрятались куда попало, оставивъ расплачиваться одного. На выручку къ визжавшему мальчику подошелъ старикъ.

— Ахъ, ты, разбойникъ!—закричалъ онъ, схвативъ Ивку за волосы.

Но тотъ какъ бы не замѣчалъ этого и продолжалъ тузить своего врага. Старикъ не сразу удалось укротить освирипѣвшаго слѣпца; особенно трудно было высвободить его руки, крѣпко вцѣпившіяся въ волосы мальчика.

— Какъ кошка, проклятый, вцѣпился... Вотъ вѣдь слѣпой дьяволъ!..—запыхавшись, выругался старикъ послѣ того, какъ ему удалось справиться съ Ивкой.

Наказанный озорникъ бѣгомъ пустился домой, оглашая улицу

протяжнымъ плачемъ. Волосы на его головѣ были всклокочены. На лицѣ виднѣлись кровавыя царапины.

Ивка между тѣмъ молча стоялъ и не понималъ, что съ нимъ творится. Его возбужденное лицо было покрыто красными пятнами. Грудь тяжело вздымалась. На пальцахъ обѣихъ рукъ предательски виднѣлись клочки волосъ. Минуть черезъ десять надъ нимъ былъ совершенъ судъ. Вдова, разгоряченная бранью и угрозами матери потерпѣвшаго, больно прибила своего слѣпого сына и тутъ же расплакалась сама.

Но Ивка, очевидно, смутно сознавалъ все происходившее съ нимъ. Онъ молча перенесъ побои матери и даже какъ бы не чувствовалъ ихъ.

— Что съ нимъ?— удивлялись бабы, съ любопытствомъ оглядывая слѣпого, какъ бы застывшаго на мѣстѣ.

— Его бьютъ, а онъ хоть бы что, ни словечушка... точно замеръ... Столбнякъ что-ли нашелъ какой?

На Ивку дѣйствительно нашелъ столбнякъ. Онъ сознавалъ это и силился освободиться отъ него, но не могъ. Когда его умъ прояснился, онъ разомъ все вспомнилъ и впервые почувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Наконецъ-то ему удалось поколотить хоть одного озорника! О, онъ выместилъ на немъ все, что такъ долго и мучительно таилось въ его груди! „Не все имъ надо мной смѣяться и потѣшаться. Пускай они знаютъ, что и я умѣю драться, что и меня надо бояться... А какъ они разбѣжались, когда я на нихъ набросился!...“

Ему пріятно было сознавать, что ребятишки, испугавшись его, разбѣжались. Это примирило его со многими и возвысило въ собственныхъ глазахъ. Однако, онъ рѣшилъ навсегда покончить съ ними. „Я слѣпой, — грустно думалъ онъ, — а они — зрячіе! Они видятъ и потѣшаются надо мной и всегда будутъ потѣшаться, потому что я не вижу. Я лучше буду всегда одинъ, а ужъ къ нимъ не пойду... они злые!“

И онъ избѣгалъ ребятишекъ, рѣдко показываясь на улицу.

Вотъ почему Куцый и Маруська были ему дороги. Близость и привязанность животныхъ смягчали его сердце и будили въ немъ человѣческое чувство. Каждый разъ, какъ только Ивкѣ становилось невтерпѣжъ, онъ тотчасъ же прокрадывался ночью въ осинникъ и тамъ, въ присутствіи своихъ друзей—кошки и собаки—отдыхалъ душой. Вотъ и теперь, послѣ неудавшейся попытки оцупать овцу, онъ пришелъ въ свой любимый осинникъ, чтобы освѣжиться и успокоиться въ немъ. Онъ гладилъ лежавшую у него на колѣняхъ кошку и съ удовольствіемъ при-

слушивался къ трескучимъ звукамъ ея пѣсни. Эти однообразные звуки кошачьей пѣсни казались ему нѣжной мелодіей, уносящей его душу далеко, далеко. Обида и оскорбленіе, перенесенныя имъ отъ сосѣда Гордѣя, и брань матери чуть слышно раздавались въ глубинѣ его души и уже не тревожили его. Пѣсня кошки давно уже смолкла, а Ивка все еще гладилъ ее и не замѣчалъ этого. Но зато онъ ясно ощущалъ всѣмъ своимъ существомъ, что у него на колѣняхъ лежитъ съ пушистой шерстью Маруська, подруга его дѣтства, а у ногъ—Куцый, вѣрный песъ. Онъ ощущалъ ночную тишину и слышалъ ласкающей шопотъ верхушекъ осинника. Онъ зналъ, наконецъ, что здѣсь, въ осинникѣ, нѣтъ никого изъ людей, которыхъ онъ боялся и ненавидѣлъ. Все это — и кошка, и собака — преданные его друзья, и любимый осинникъ, и ночная таинственная тишина, и, наконецъ, то, что онъ вдали отъ ненавистныхъ людей,—все это пріятно наполняло его душу и погружало въ сладкую дремоту.

Блеснули первые лучи утренняго солнца и робко заглянули въ чащу осинника, дробно скользнувъ золотистыми искрами по зеленой листвѣ. Тамъ и сямъ перекливались заботливыя птицы подъ аккомпаниментъ плавно льющейся свирѣли пастуха. Все пробуждалось отъ сна и спѣшило къ жизни. Только сидѣвшій на скамьѣ Ивка крѣпко и сладко спалъ, прислонившись спиной къ молодой осинѣ. Его голова, покрытая серебристой росой и освѣщенная лучами солнца, слегка наклонилась на грудь; руки лежали на спящей у него въ колѣняхъ кошке; у ногъ, свернувшись клубкомъ, спала собака. Это тріо нарушало обычный порядокъ жизни. Когда спускалась ночь на землю и все предавалось сну, оно бодрствовало и жило, и наоборотъ,—когда пробудившаяся природа, залитая блескомъ солнца, спѣшила къ жизни, тріо мирно предавалось сну. Такое превращеніе происходило оттого, что Ивка, какъ полевой звѣрекъ, боявшійся людей и свѣта, по цѣлымъ днямъ не вылззалъ изъ своей конуры и только съ наступленіемъ ночи принималъ обликъ живого и дѣятельнаго существа. Ночная влага живительной росой освѣжала его умъ и сердце. Онъ ясно ощущалъ въ себѣ притокъ энергій и бодрость духа. Его словно тянуло куда-то. Утомленный бездѣйствіемъ цѣлаго дня, умъ настоятельно требовалъ живой дѣятельности. Ивка незамѣтно прокрадывался на дворъ или еще куда, и тамъ, въ полной увѣренности, что зрячіе спятъ, свободно бродилъ и ощупывалъ, зная, что за нимъ никто не слѣдитъ. Чаще всего онъ пробирался въ молодой осинникъ и въ немъ, среди ночной тишины, съ удовольствіемъ отдавался своему специальному созерцанію. Подъ утро

его тѣло и умъ изнемогали, и онъ засыпалъ, какъ только можетъ засыпать десятилѣтній мальчикъ. Когда мать находила его спящимъ въ осинникѣ, она всегда жалобно причитала:

— Господи! вишь, вѣдь какъ спитъ! ровно пташка на вѣткѣ и головку такъ же склонилъ... и весь мокрѣхонекъ отъ росы, словно искупался... И что ему за сласть въ этомъ осинникѣ? Ужь не лѣшій ли, прости Господи, заманиваетъ его сюда по ночамъ?! Не сходить ли къ попу, да не поговорить ли ему насчетъ такого навожденія?...

То же самое она говорила и своему слѣпому сыну, но тотъ отмалчивался, зная, что мать никогда не пойметъ того, что тянетъ его по ночамъ вонъ изъ избы.

V.

Ивкѣ было уже пятнадцать лѣтъ. Однажды утромъ, когда онъ хлопоталъ у печи, въ избу вошелъ кто-то.

— Здорово, соколикъ!— раздался пѣвучій голосъ вошедшаго.— Богъ въ помощь!

— Спасибо,—отвѣтилъ Ивка, ставя горшокъ въ только-что истопившуюся печь.

— Э, да ты кухарничаетъ, братъ!— замѣтилъ вошедшій и прошелъ въ передвій уголъ.

— Надо,—коротко замѣтилъ Ивка, закрывая печь заслонкой.

— Вѣстимо надо,—поспѣшилъ подтвердить незнакомецъ.— Паща, соколикъ, первое дѣло...

Онъ съ минуту разглядывалъ Ивку и раздѣльно добавилъ:

— Да ты, родимый, важись, не зришь?

— Да,—нѣхотя отвѣтилъ слѣпой и повернулся къ незнакомцу спиной.

— Давно?

— Давно,—почти сердито отрѣзалъ Ивка.

Онъ не любилъ разспросовъ о слѣпотѣ.

— Ты, соколикъ, не того...—отечески заговорилъ незнакомецъ, замѣтивъ, что парень уклоняется отъ разговоровъ: — Я говорю съ тобой отъ сердца, не обижай старика! Я истопталъ всю землю-матушку и видалъ всякія людскія скорби... Меня не стѣсняйся...

Мягкій тонъ и простые слова говорившаго разомъ подкупили Ивку. Онъ обернулся къ нему лицомъ и сталъ въ невѣроятности.

— Садись-ка, соколинь, вотъ сюда, да побесѣдуемъ малость, — сказалъ незнакомецъ и слегка постучалъ около себя.

Но Ивка не сѣлъ рядомъ съ незнакомцемъ, а помѣстился по другую сторону стола.

— Я вошелъ въ избу, чтобы напиться, анъ гляжу—темный человекъ, ну и присѣлъ,—началъ незнакомецъ, снимая съ плечъ кожаную котомку и кладя ее на лавку.—Я никогда еще не видѣлъ, чтобы слѣпой топилъ печь и стрипалъ. Вотъ ужъ поистинѣ „Богъ умудряетъ слѣпца“! А сколько тебѣ годовъ?

— Пятнадцать.

— Возрастъ юнѣйшій, самый удобнѣйшій для насажденія, — какъ бы про себя промолвилъ собесѣдникъ и продолжалъ: — Что же, соколинь, подѣлываешь? Чай, слѣпому-то куда какъ скучно?

Ивка молчалъ.

— Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ,—началъ незнакомецъ послѣ небольшой паузы. — Я уже двадцать лѣтъ странствую по бѣлу-свѣту. Былъ и въ Иерусалимѣ, и на Афонѣ... Чудныя мѣста!.. Только въ святыхъ обителяхъ и можно подняться душой. А то все, родимый, суета-суеть... А когда глядишь на Распятаго, слова такъ и просятся съ языка: „Господи, сколько въ тебѣ доброты, воли принесъ себя въ жертву за насъ, оглашенных!“ А мы, соколинь, однимъ грошомъ, даже однимъ словомъ не поступимся для другого, потому что любимъ только однихъ себя... А какъ тебя зовутъ?

— Ивка.

— Ивка? Это какъ же—Ивлиемъ, что-ли?

— Не знаю, меня никто такъ не зоветъ, только попъ, когда причащаетъ.

— А ходить онъ къ тебѣ?

— Нѣтъ, только съ молебномъ бываетъ.

— Такъ, — задумчиво протянулъ старикъ, направляясь къ задней лавкѣ.

— Испить малость надо,—сказалъ онъ, беря опрокинутый на лавкѣ деревянный ковшикъ.

— Вотъ я сейчасъ пилъ ковшомъ изъ ведра воду,—снова заговорилъ странникъ, утирая губы краснымъ платкомъ, — ты какъ это, соколинь, представляешь себѣ?

Ивка улыбнулся.

— Или вотъ, напримѣръ,—не унимался старикъ,—какимъ я тебѣ кажусь? сѣдлымъ или еще какимъ?

— Голосъ слышу!—нѣхотя отвѣтилъ Ивка, которому ужъ начиналъ надоѣдать допросчикъ.

— А какъ же ты, ничего не види, топишь печь и все такое?

— Я все дѣлаю, — немного хвастливо возразилъ Ивва: — и печь топлю, и вартошку варю, и корову дою, и все, все дѣлаю, потому что матери некогда.

— Господи! — удивился старикъ: — какъ же это?

— Такъ, — просто отвѣтитъ тотъ, — возьму да и затоплю печь или еще что...

Старикъ задумался. Онъ не могъ уяснить себѣ сказаннаго молодымъ слѣпымъ. Старикъ много встрѣчалъ слѣпыхъ, но всѣ они выглядѣли жалкими, едва двигавшимися и крѣпко уцѣпившимися за палки своихъ вожаковъ. Онъ закрывалъ себѣ иногда глаза, чтобы приблизиться къ понятію о слѣпотѣ, но такой способъ не давалъ ему желательнаго результата. Странникъ чувствовалъ только, что съ закрытыми глазами онъ не можетъ двинуться съ мѣста; даже уши, и тѣ не такъ слышали, и было чего-то страшно... Поэтому онъ заключилъ, что быть слѣпымъ — это все равно, что лежать живымъ въ гробу. Оно пожалуй въ дѣйствительности и такъ, но Ивва своими дѣйствіями и разсказами опровергалъ мнѣніе странника. Его это сильно интересовало. Старикъ долго и подробно спрашивалъ слѣпца, какъ онъ ходитъ и дѣлаетъ оцупью и какъ понимаетъ природу. Ивва охотно удовлетворялъ любопытство старика и чувствовалъ себя превосходно, когда тотъ удивлялся его способностямъ.

— Я слышу кузнечиковъ въ травѣ и не разъ ловилъ ихъ, — откровенничалъ Ивва, польщенный похвалами старика: — я слышу, какъ земля дышитъ послѣ росы и дождя, и какъ шепчетъ рѣка передъ дождемъ. Я все слышу и чувствую, но не все могу оцупать. Да вотъ не знаю неба, звѣздъ, мѣсяца и молнии... Я ихъ не слышу и не чувствую...

— Небо, соволикъ, синее, — пояснялъ старикъ; — иногда оно заволакивается сѣрыми тучами...

— Ни синяго, ни сѣраго я не знаю, — отрѣзалъ Ивва.

— Оно точно, что не знаешь, — задумчиво согласился странникъ. — А знаешь, что означаетъ небо?

— Нѣтъ.

— Оно означаетъ, соволикъ, престолъ Господа. Тамъ Онъ окруженъ славой и небеснымъ воинствомъ.

— Я этого ничего не знаю, — почти шопотомъ произнесъ Ивва.

— И Бога не знаешь? — испугался старикъ.

— Бога? Бога знаю... Мать говорила, что Онъ большой и

сильный. Она говорила, что Онъ можетъ въ одну минуту разрушить всю нашу деревню и вновь ее въ одну минуту построить... Еще она говорила, что Богъ не любитъ того, кто не молится Ему.

— А ты молишься?

— Молюсь.

— А какъ ты молишься?

Ивва отвѣтилъ не сразу.

— Меня мать учила такъ молиться, — конфузливо заговорилъ онъ: — „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, помани, Господи, заупокоей дѣдушку Ивана и бабушку Марью, и батю Максима; помани, Господи, о здравіи маму и меня, раба слѣпотаго Ивву. Аминь“.

— И все?

— Да.

— А молитвы еще никакой не знаешь?

— Мать хотѣла научить Богородицу, да сама не знаетъ...

— Э-хе-хе! — вздохнулъ старикъ и задумался.

— А Христа знаешь? — спросилъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Знаю. Его замучили жида... Онъ умеръ на крестѣ и воскресъ...

— Да, соколикъ, Онъ пострадалъ за грѣшный міръ и завѣщалъ намъ терпѣнье. Терпи, Ивлій, твоя доля тяжелая... молись, рабъ божій, Христу! Онъ всемогущъ, Онъ помируетъ тебя. Ты слыхалъ, какъ Христосъ исцѣлилъ слѣпотаго?

— Нѣтъ.

— Тебѣ, значитъ, никто не читалъ евангелія, или еще какія книжки?

— Да, никто.

— Э-хе-хе! — снова вздохнулъ старикъ.

Онъ досталъ изъ котомки книжку и положилъ ее на столъ. То было средняго формата евангеліе, тщательно завернутое въ чистый кусокъ холста. Странникъ надѣлъ очки и, перекрестившись, началъ перелистывать евангеліе.

— Слушай, — обратился онъ къ Ивкѣ, — я прочту про исцѣленіе слѣпотаго, сидѣвшаго при дорогѣ.

Ивва слегка подался впередъ и весь превратился въ слухъ.

Странникъ читалъ нараспѣвъ. Его тоненькій монотонный голосокъ напоминалъ голосъ монахини, читающей псалтырь. Прочитавъ изъ 18-ой главы отъ Луки, начиная съ 35-го стиха, странникъ перешелъ на 9-ую главу отъ Іоанна, гдѣ говорилось объ исцѣленіи другого слѣпотаго. Старикъ разъяснялъ слушателю каждую фразу, хотя евангеліе было написано по-русски. Ивва,

никогда не слыжавшій евангелія, жадно ловилъ каждое его слово и страшно былъ пораженъ чудесами Христа. По мѣрѣ того, какъ странникъ читалъ, лицо слѣпца поднималось все выше и выше вверхъ и напрягалось до крайнихъ предѣловъ. А когда старецъ замолкъ, Ивѣа весь горѣлъ и слегка вздрагивалъ, а изъ-подъ плотно закрытыхъ вѣкъ выкатились двѣ блестящія слезы. Странникъ молча любовался взволнованнымъ лицомъ слѣпца и радостно думалъ: „Чистая, молодая душа!“

— Христось милосердъ и человекѣколюбивъ, — умиленно началъ онъ, заворачивая евангеліе въ кусоекъ холста. — Его только стѣдить сердечно попросить, и Онъ дастъ просимое. „Толцтесе и отверзетса вамъ, просите и дастса вамъ“, — говорится въ Писаніи. Христось — тотъ же Богъ, создавшій видимый и невидимый мѣръ и насъ съ тобою...

Затѣмъ старикъ вратцѣ разсказалъ о первыхъ людяхъ, о потоцѣ и, наконецъ, о пришествіи Христа на землю для спасенія погибшихъ. Прощаясь со слѣпымъ, странникъ пророчески произнесъ: „да явятся на тебѣ дѣла Божія!“

Какъ только за старцемъ затворилась дверь, Ивѣа опрометью бросился къ ведру съ водой и жадно прильнулъ къ нему губами. Онъ умылъ лицо и смочилъ голову. То, что произошло съ нимъ въ какіе-нибудь часа два, жгло его, какъ огнемъ. Странникъ и евангеліе вдохнули въ слѣпца свѣтлую струю новой жизни, доселѣ невѣданную имъ.

Его печальные дни въ полномъ одиночествѣ текли уныло и скучно. Ни одинъ человекъ, ни одно живое слово не касались его души. Ивѣа даже въ церковь не ходилъ, боясь насмѣшекъ зрячихъ. Ему приходила иногда въ голову такая мысль: о, какъ было бы хорошо, еслибы всѣ люди, всѣ до одного человекъ, были слѣпы такъ же, какъ онъ! Тогда бы всѣ ходили ощупью и никто другъ надъ другомъ не смѣялся бы, потому что всѣ были бы одинаковы; и онъ, Ивѣа, не былъ бы такъ одинокъ, какъ теперь. Вѣдь ему иногда неудержимо хочется поговорить со зрячими, а порой, въ минуту особенной тяжести, и приласкаться къ нимъ. Вѣдь его доля ужасна! Ему необходимо сочувствіе, какъ живительная влага цвѣтку. Но, увы! буря не щадитъ одиноко стоящее деревцо; она потѣпшаетса надъ нимъ, безжалостно срывая съ него листья, ломая вѣтви и наконецъ съ корнемъ вырывая его изъ земли. Такъ и суровая дѣйствительность, окружавшая Ивѣа, точно буря, изломала его, исковеркала и силой забила въ тѣсный уголокъ безысходнаго одиночества. Ивѣа не разъ намѣревался покончить съ собой, рѣшивъ такимъ образомъ избавить себя отъ мучитель-

наго существованія, а мать отъ лишней обузы, но тутъ же спохватывался и твердо заявлялъ: „Нѣтъ, этого пока не надо! Матери уже подь шестьдесятъ лѣтъ, силы ей начинаютъ измѣняться, она то-и-дѣло прихварываетъ. Кто ей подастъ воды и истопитъ печь, когда она будетъ лежать въ постели! Да, я ей нуженъ...“

Послѣднія слова какъ-то особенно пріятно раздавались въ его душѣ. Ему даже становилось весело. Но это было не долго. Онъ снова замыкался въ себя и какъ бы постепенно умиралъ. Чтò могло оторвать слѣпца отъ магически притягивавшихъ къ себе тяжелыхъ думъ его? Жизнь была для него недоступна. Зрячіе его не понимали и чуждались его. Богъ и вѣчное блаженство не интересовали его. Объ этомъ никто не говорилъ ему толково. Только мать раза три, четыре во всю жизнь говорила ему, что Богъ сильный и что на небѣ есть рай. Все это было смутно и непонятно для слѣпца. Онъ почти никогда не думалъ объ этомъ. Его занимали вопросы: зачѣмъ родятся слѣпые? Кому это надо, чтобы слѣпой ходилъ ощупью, спотыкался, падалъ, разбивался и ничего не видѣлъ? Такія разсужденія, съ придачей къ нимъ жестокости зрячихъ, несомнѣнно могутъ убить въ человѣкѣ всякое жизненное проявленіе. И Ивка дѣйствительно не жилъ. Онъ только передвигался съ мѣста на мѣсто, не отдавая себя въ томъ отчета. Да, онъ не жилъ, а постепенно умиралъ, какъ умираютъ всѣ тѣ, которые не могутъ ни жить, ни разомъ покончить съ собою. И вотъ въ такой-то ужасный періодъ его жизни въ избу случайно заглядываетъ интересный странникъ. Его задушевность и простота обращенія, которыхъ Ивка никогда не слышалъ отъ зрячихъ, пахнули на одиноко томящуюся душу слѣпца бодрящей свѣжестью. Съ нимъ, слѣпымъ Ивкой, котораго чуждается вся деревня, охотно бесѣдуетъ умный старикъ, разспрашиваетъ о его долѣ и отечески сочувствуетъ ему. Онъ этого никогда не ожидалъ... Наконецъ онъ узнаетъ, что Христось—тотъ же Богъ, который не гнушается слѣпымъ, а подходитъ къ нему и исцѣляетъ его, и еще другого слѣпца. У Ивки горитъ голова. Онъ смутно сознаетъ, чтò съ нимъ. „Несонъ ли это?“—думаетъ онъ послѣ того, какъ покинулъ его странникъ. „И кто такой этотъ чудный старецъ? Такихъ мудрыхъ рѣчей и сладкаго голоса онъ никогда еще ни отъ кого не слышалъ. Ужъ не самъ ли Христось прислалъ его къ нему, сжалившись надъ нимъ?“—Ивку душили слезы.

„Исусъ, сынъ Давидовъ, помилуй мя!“—жалобно раздавалось въ его ухахъ. Ивка прислушивается къ этимъ стонущимъ словамъ и мгновенно загорается новымъ чувствомъ. Какая-то непо-

чятная сила властно толкаетъ его впередъ, и онъ, повинувшись этой слѣбѣ, со всѣхъ ногъ бросается вонъ изъ избы. Проскользнувъ въ полуотворенную сѣнную дверь, Ивка ударяется на дворѣ грудью о столбъ и, не замѣтивъ этого, продолжаетъ путь дальше. Подбѣжавъ къ осиннику, слѣпой не остановился и не задумался, какъ это бывало прежде, а прямо и просто ринулся въ чащу осинника, ударяясь всѣмъ тѣломъ о деревья. Наткнувшись колѣнками на скамью, онъ бросился на нее, но черезъ секунду соскочилъ съ нея и опустился рядомъ съ ней на колѣни. „Исусъ, сынъ Давидовъ, помилуй мя!“ — горячо молился онъ, устремивъ вверхъ плотно закрытые вѣками глаза. Проникавшіе сквозь листву золотистые лучи солнца заливали своимъ волшебнымъ свѣтомъ стоящаго на колѣняхъ слѣпца. Верхушки деревьевъ тихо шептались, какъ бы вторя молящемуся. Въ крайне напряженныхъ и вытянутыхъ чертахъ его смоченнаго слезами лица ярко горѣла вѣра. — „Исусъ, сынъ Давидовъ...“ — слышался молитвенный шопотъ слѣпца. Затѣмъ онъ прильнулъ лбомъ къ землѣ и замеръ... Но черезъ минуту снова послышался молитвенный шопотъ. Ивка уже пересталъ быть собой, онъ чувствовалъ себя евангельскимъ слѣпцомъ, сидѣвшимъ при дорогѣ.

— Исусъ, сынъ Давидовъ, помилуй меня! — жалобно вопилъ слѣпонецъ, прислушиваясь къ шуму приближавшейся народной толпы...

Но вотъ кто-то къ нему подходитъ и говоритъ голосомъ, полнымъ любви и участія: „Что хочешь?“

„О, это Овъ, желанный Христось!“ — радостно проносится въ головѣ слѣпца.

— Прозрѣть хочу! — сквозь рыданія отвѣчаетъ онъ, полный надеждъ и страха.

Тѣло его трепещетъ, голова бьется о землю, но Ивка этого не замѣчаетъ. Все его существо превращено въ слухъ и ожиданіе.

— Прозри! — повелительно раздался божественный голосъ.

Ивка вскрикнулъ и безъ чувствъ повалился на землю...

Солнце попрежнему бросало свои золотистые лучи въ чащу осинника. Зеленые листья, тихо колеблемые вѣтромъ, шептались. Только Ивка лежалъ внизъ лицомъ и молчалъ, находясь въ глубокомъ обморочѣ.

VI.

Придя въ себя и вспомнивъ все, происшедшее съ нимъ, Ивка не усумнился, и слова: „просите и дастся вамъ“ — не по-

теряли для него смысла. Какъ только онъ оправился отъ обморока, его снова потянуло въ осинникъ. Тамъ, въ полнѣйшемъ уединеніи, подъ сѣнью темной ночи, онъ горячо молился въ сколько ночей подрядъ. Подъ конецъ молитвы онъ изнемогалъ и засыпалъ тутъ же на землѣ. Однако съ каждымъ разомъ молитва становилась холоднѣе и лилась не такъ стройно. Ивка это чувствовалъ и удивлялся переменѣ. А между тѣмъ это объяснялось очень просто. Послѣ каждой молитвенной ночи Ивка тщательно ощупывалъ свои глаза и находилъ ихъ попрежнему закрытыми. Это-то и было причиной охлажденія молитвы. На пятую или шестую ночь онъ уже совершенно не могъ молиться. Его убѣжденіе, основанное на словахъ странника, сильно поколебалось. Но Ивка не могъ такъ скоро покончить съ заветной мечтой.

„Можетъ, я вижу, — думалъ онъ, — но не понимаю этого, потому что я не знаю, какъ видать...“

И бѣдный слѣпецъ прибѣгалъ къ разнымъ способамъ, чтобы разрѣшить мучившую его загадку. Онъ приподнималъ вверхъ вѣки и веимовѣрно вращалъ остатками больныхъ глазъ. Но все было попрежнему. Ивка задумывался.

„Я не знаю, какой свѣтъ и какъ надо видѣть, — рассуждалъ онъ, — но я не замѣчаю ничего такого, непохожаго на слѣпоту, — значить, я не вижу“.

Ивка не замѣтилъ, какъ въ его душу вползло сомнѣніе, а затѣмъ и полное разочарованіе. Онъ рѣшилъ, что странникъ — обманщикъ, а все сказанное имъ — сказка, а можетъ все это и сонъ. Иного заключенія онъ не могъ вывести. Онъ росъ одиноко въ полномъ смыслѣ этого слова. Ивка жилъ, такъ сказать, „изъ себя“, а „не извнѣ“. Его закономъ было то, что онъ самъ себя вѣшалъ. Слепой возненавидѣлъ странника и не могъ безъ раздраженія вспоминать свой обморокъ. „Тоже повѣрилъ“, — почти злобно улыбаясь, думалъ онъ и старался не вспоминать о странникѣ. Червыя думы и тоска все сильнѣе и сильнѣе овладѣвали Ивкой. Онъ становился все угрюмѣе и молчаливѣе. Зимой онъ почти не выходилъ изъ избы, а съ наступленіемъ весны онъ переходилъ въ осинникъ и тамъ проводилъ дни и ночи. Его рѣдко кто видѣлъ въ деревнѣ. Когда ему нужно было куда-нибудь идти, онъ предварительно прислушивался и, заслышавъ людей, выжидалъ, когда никого не будетъ, и только тогда пускался въ путь. Встрѣтившись случайно со зрячими, онъ всегда съ боязнью думалъ, что вотъ-вотъ этотъ, встрѣтившійся съ нимъ, сейчасъ и скажетъ ему такое, отъ чего его броситъ въ потъ и жаръ.

Ивка, какъ и всѣ слѣпцы, былъ до болѣзненности чувстви-
теленъ и строгъ. Онъ никого никогда не трогалъ, и потому
страдалъ глубоко, когда его обижали.

Однажды ему нужно было проходить мимо кучки парней и
дѣвокъ, сидѣвшихъ на бревнахъ. Заслышавъ ихъ говоръ, Ивка,
по обыкновенію, на секунду растерялся, а затѣмъ, чтобы не
выдать себя, подбодрился и смѣло зашагалъ впередъ. Но чортъ,
очевидно, особенно любитъ подшутить надъ слѣпымъ, потому что
онъ всѣми силами старается устроить ему каверзу, какъ бы ни
былъ тотъ остороженъ.

Пройдя шаговъ пять, Ивка спотыкнулся на лежавшее на землѣ
бревно и едва не упалъ. Сидѣвшіе на бревнахъ парни и дѣвки
громко разсмѣялись. Смѣхъ молодежи какъ молотомъ ударилъ
Ивку по головѣ. Все въ ней закружилось и зазвенѣло.

— Эй, Ивка, смотри, братъ, крапива! — насмѣшливо крик-
нулъ одинъ изъ парней, видя замѣшательство слѣпого.

— Иванька, возьми меня замужъ! — сквозь смѣхъ проговорила
одна изъ дѣвокъ, подбѣгая къ слѣпцу.

Бѣдный Ивка молчалъ. Онъ не зналъ, куда идти.

— Иванька, возьми же меня замужъ!.. — не унималась
дѣвка и дернула его за подолъ рубахи.

— Дьяволъ! — злобно выкрикнулъ Ивка, оборачиваясь лицомъ
къ дѣвкѣ.

Та съ визгомъ отбѣжала прочь, испугавшись страшнаго лица
слѣпого. Молодежь снова разсмѣялась. Взволнованный и озло-
бленный слѣпецъ быстро зашагалъ, ничего не сознавая.

Онъ не помнилъ, какъ его велъ за руку какой-то старикъ
и какъ онъ вошелъ въ свою избу. Придя въ себя, онъ бѣгомъ
пустился въ осинникъ и бросился тамъ на землю. Голова его
горѣла, грудь тяжело дышала.

„Нѣтъ, это не люди, — шепталъ онъ, — это... это...“

Ивка захлебывался отъ злости, не зная, съ кѣмъ сравнить
зрячихъ.

„Если всѣ зрячіе такіе, — тогда мнѣ не надо зрѣнія. И
отчего они такіе? Господи!.. Чтò мнѣ дѣлать?.. Куда бѣжать,
чтобы только не встрѣчаться со зрячими? Гм... Никуда ты, не-
счастливый Ивка, не пойдешь, и бѣжать тебѣ некуда“, — съ раз-
становкой проговорилъ онъ, и всталъ.

Простоявъ нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи, онъ
громко кашлянулъ и твердо проговорилъ:

— Да, такъ и сдѣлаю... больше ничего не остается...

Ему было семнадцать лѣтъ, а жизнь становилась все тяжелѣе

и невыносимѣе. Къ чему страданья, когда ихъ можно избѣжать? Его сверстники и товарищи — Куцый и Маруська — давно уже въ землѣ. Надо къ нимъ... Кошка и собака были его друзья, а люди — враги... „Да, люди враги“, — вдумчиво и раздѣльно произнесъ онъ. „Да, люди — злые, и жизнь — тоже“. О чемъ и о комъ жалѣть? „А мать?“ — неожиданно раздалось въ его мозгу. „Мать, мать! опять все — мать!“ — заволновался Ивка, чувствуя, что его рѣшенію является помѣха. „И зачѣмъ я ей? Впрочемъ, она больна и не можетъ работать, а ѣсть надо... Стало быть, мнѣ необходимо добывать хлѣбъ, а чѣмъ его достанешь, кромѣ сумы? Ну, и ладно! Побираться, такъ побираться... не все ли равно!“ — Ивка съ отчаяніемъ махнулъ рукой.

Время шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Солнце, какъ всегда, всходило утромъ и заходило вечеромъ. Все, казалось, шло по-прежнему, безъ всякихъ измѣненій. Ивка все такъ же ходилъ ощупью, съ поднятымъ сверху, вытянутымъ и напряженнымъ лицомъ, держа руки впередъ; онъ все такъ же былъ угрюмъ и неразговорчивъ съ посторонними... Но въ дѣйствительности съ Ивкой произошла большая перемѣна. Онъ уже не думалъ только объ одномъ себѣ и не проклиналъ зрячихъ, обижавшихъ его. Нѣтъ, онъ почти забылъ про свою тяжелую участь и всецѣло отдался попеченію о матери. Бѣдная вдова уже нѣсколько мѣсяцевъ не владела погами и настолько ослабла, что не могла повернуться безъ посторонней помощи. Какъ только мать слегла, Ивка весь отдался заботамъ о дорогой ему больной. О, онъ не броситъ ее и сдѣлаетъ для нея все, что можетъ! Онъ всегда ее любилъ, но какъ-то неявно, потому что собственные печали затуманивали эту любовь. Но теперь иное дѣло: онъ любитъ только мать и принадлежитъ одной ей, забывъ о себѣ. Болѣзнь матери оживила его. Онъ выглядѣлъ болѣе ловкимъ и подвижнымъ. Онъ топилъ печь, стряпалъ и успѣвалъ прислуживать больной. Кромѣ того, слѣпой сынъ врачевалъ больную мать. Онъ натиралъ ее деревенскими снадобьями, вродѣ рѣдки, керосина и т. п., и даже парилъ. Это устраивалось такъ: Ивка ставилъ посреди избы большую кадку до половины съ водой и опускалъ туда два заранѣе накаленные въ печи камня. Затѣмъ онъ клалъ въ кадку какихъ-то свѣжихъ травъ и закрывалъ ее. Спустя минутъ десять, онъ щупалъ воду и, найдя ее удобной, сажалъ въ кадку больную мать. Посидѣвъ четверть часа въ импровизированной ваннѣ, градусовъ въ 38, съ накрытой головой, больная совершенно ослабѣвала. Ивка не безъ труда вытаскивалъ больную и укладывалъ ее въ постель. Горячая ванна благотворно дѣйстви-

вала на больныя ноги, уничтожая въ нихъ боль, и больная, страдавшая бессонницей, крѣпко засыпала. Это было для Ивки наслажденіемъ. Растиранія и паренье устраивались чуть ли не каждый день; но здоровье больной становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Къ доктору, жившему въ десяти верстахъ, больную было невозможно везти, да и не на чемъ, а самъ докторъ никогда не ѣздилъ къ больнымъ крестьянамъ. Оставалось одно: пачкать больную всевозможными мазями и парить разными травами по рецепту деревенскихъ знахарокъ и терпѣливо ждать исхода. Иногда больная послѣ домашняго леченія чувствовала себя легче и крѣпко засыпала, но нерѣдко послѣ какого-нибудь снадобья она громко кричала, ощущая въ ногахъ и въ тѣлѣ страшную ломоту. Однако это не смущало Ивку. Онъ продолжалъ пичкать мать деревенскими лекарствами, и былъ увѣренъ такъ же какъ, и сама больная, что всѣ эти лекарства непременно принесутъ пользу.

Вначалѣ болѣзни больную посѣщали нѣкоторые изъ крестьянъ и приносили ей кое-что изъ съѣстнаго. Но время шло, больная не поправлялась. Къ ея болѣзни привыкли и совершенно позабыли про нее...

— Всѣ насъ, сынокъ, позабыли,—съ грустью въ голосѣ говорила мать, когда чувствовала себя немного полегче.—Ну, да Богъ съ ними... не забылъ бы насъ только Богъ! Видно, бѣдный только тогда нуженъ, когда онъ ворочаетъ, какъ лошадь, а получаетъ за это краюшку черстваго хлѣба или кринку снятого молока. И у кого я на деревнѣ не работала!.. Да, сынокъ, поворочала я на свой пай и поплакала въ волюшку. И не пошли Господь лихому татарину житье бабѣ одинокое... Ужъ такъ и быть, сынокъ, судилъ бы Господь намъ однѣ горести, да вотъ я-то легла... Хворь-то, родимый, хворью, а хлѣбушка-то надо...

— У насъ, мама, хлѣбъ есть, и даже картошка, — возразилъ сынъ, сдерживая слезы.

— Эхъ, касатикъ, какой тамъ хлѣбъ... одна краюшка, а картошки-то, небось, и нѣтъ! Развѣ я не знаю, сколько чего было...

— Какъ-нибудь прокормимся!.. Ты, мама, не думай...

Эта бесѣда сильно подѣйствовала на Ивку. Онъ едва не разрыдался у кровати больной. Оставшись наединѣ, онъ глубоко задумался. Ему было страшно жаль больную мать, и въ то же время онъ не зналъ, чѣмъ ей помочь.

Корова была продана. Топлива тоже не было.

„Побираться пойду!“—твердо и рѣшительно сказалъ Ивка. Сказано—сдѣлано.

VII.

Смеркалось. Была осень. Шелъ небольшой дождь. По дорогѣ, пролегавшей по лѣсу, твердо шагаль рослый парень, одѣтый въ рваную сермягу и необыкновенно высокую шапку, неуклюже сидѣвшую на его головѣ, отчего онъ казался еще выше. Въ одной рукѣ онъ держаль свернутый мѣшокъ, а въ другой—толстую палку.

„Только бы добраться до лѣса“, — думаль парень, шагая большими шагами съ подвернутыми до колѣнъ портками.

Онъ держался края дороги, искусно лавируя палкой. По его напряженному и поднятому кверху лицу было замѣтно, что онъ особенно внимательно прислушивается.

То былъ слѣпой Ивка. Онъ рѣшилъ на первый разъ пройти съ сумой по чужой деревнѣ, находившейся отъ нихъ въ шести верстахъ. Дорогу онъ не зналь хорошо, но помнилъ, что она ведетъ къ лѣсу, а тамъ надо свернуть влѣво и прямо на деревню Тимки. Мелкій дождь не переставаль. Дорога становилась все грязнѣй и обильнѣе лужами. Промокшій до костей, Ивка торжественно шлепаль босыми ногами по лужамъ и какъ бы не замѣчалъ этого. Онъ внимательно слѣдилъ за кончикомъ палки, ѣрзавшей по всѣмъ направленіямъ дороги. Глубокія колеи, наполненныя водой, и небольшія возвышенія, обрамлявшія дорогу, служили ему вѣрными проводниками.

Когда Ивка добрался до деревни Тимки, уже начинало темнѣть. Мысль, какъ онъ будетъ просить милостыню, неприятно сверлила ему мозгъ. То, надъ чѣмъ онъ шутилъ дома, теперь грозно предстало передъ нимъ. Ему, слѣпому Ивкѣ, всегда избѣгавшему зрячихъ, сію минуту придется ходить изъ двора во дворъ и просить Христа-ради.

И кромѣ того, — какъ онъ найдетъ окно незнакомыхъ ему избъ, гдѣ ему необходимо постучаться?

„Э, будь, чтѣ будетъ! — онъ махнулъ рукой. — Зато ужъ...“

Онъ не договорилъ, предвкушая нѣчто пріятное.

Когда онъ входилъ въ деревню, на него залаяла собака. Онъ не струсилъ и пошелъ прямо на нее, смеясь, что на этой сторонѣ расположены избы. Онъ не ошибся. Пройдя нѣсколько шаговъ, провожаемый собакой, онъ палкой нашель крыльцо, принадлежавшее крайней хатѣ. Пошаривъ палкой влѣво и вправо, онъ отыскаль стѣну избы и робко постучаль.

Этотъ едва слышный ударъ палки громомъ прокатился по душѣ слѣпца.

— Кто тутъ?

— Христа-ради! — дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ Ивка, чувствуя, что голова у него кружится.

— „Христа-ради“... на ночь-то глядя! Али дня-то у тебя не было?.. Кто тамъ?—раздался мужской голосъ внутри избы.

— Кажись, побирашка, да чудной какой-то: и сумы-то нѣтъ, только мѣшокъ въ рукахъ... Прими! — обратилась хозяйка къ Ивкѣ, подавая ему кусокъ хлѣба.—Да ты никакъ слѣпой?..—добавила она, замѣтивъ, что нищій не сразу взялъ милостыню, и потомъ съ удивленіемъ проговорила: — Батюшки! да это, кажись, Прасковьи сынъ, слѣпой... Такъ и есть—онъ, только звать какъ забыла...

Но Ивка, опустивъ милостыню въ мѣшокъ и безотчетно закинувъ его къ себѣ на спину, былъ уже у другого двора. Ему было непріятно, что его узнали. Онъ былъ увѣренъ, что здѣсь, въ чужой деревнѣ, его никто не знаетъ,—„анъ вотъ что!“

„Ну, да ладно!“ — подумалъ онъ, приравливаясь поступать въ окно другой избы.

Немалыхъ трудовъ стоило Ивкѣ обойти съ сумой большую деревню, но онъ все-таки обошелъ ее до конца. Каждый слѣпанный имъ шагъ, каждый ударъ палкой по чужому окну требовали отъ него смѣлости и особеннаго умѣнья дѣйствовать наощупь. Ивка, какъ природный слѣпонецъ, обладалъ этими свойствами и быстро приравливался ко всякаго рода неудобствамъ. Еслибы каждый слѣпонецъ равнодушно смотрѣлъ на свои угловатости и неловкости, неизбѣжныя при дѣйствіи ощупью, тогда бы онъ еще больше удивлялъ зрячихъ, потому что его уши иногда зорче глазъ. Но, увы! ложное самолюбіе и глупыя, а верѣдео и злыя насмѣшки зрячихъ связываютъ иногда слѣпца по рукамъ и ногамъ, вслѣдствіе чего бѣдняга озлобляется и замыкается въ себѣ. Но Ивка, разъ рѣшивъ идти съ сумой, твердо шель къ намѣченной цѣли. Подъ конецъ своего шествованія подъ окнами онъ даже способенъ былъ шутить.

— Ахъ, родимый!—обратилась къ Ивкѣ старушка, подавая милостыню:—ночью-то, небось, куда какъ темно! Ты бы, кормилецъ, днемъ-то... все, чай, посвѣтлѣе...

— Нѣтъ, бабушка, я ночью вижу лучше,—серьезно возразилъ Ивка,—потому что впереди меня катится огненный шаръ, ну, я, значить, въ темнотѣ-то и лучше замѣчаю оговъ.

— А!—удивилась старушка, крестясь.—Ишь ты вѣдь, Господь-то...

Окончивъ хожденіе по деревнѣ, Ивка отыскалъ домъ цѣловальника и продалъ ему куски. Вырученныхъ денегъ оказалось шестьдесятъ копѣекъ. Ивка купилъ чаю, сахару, коробочку монпансье и двѣ французскихъ булки, и положилъ все это въ мѣшокъ, въ которомъ только-что были куски. Его оставляли въ Тимкахъ переночевать, говоря, что ночью опасно идти лѣсомъ, и къ тому же идетъ дождь, но Ивка категорически заявилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ остаться, потому что его ждетъ больная мать.

— Ну, ну, Христось съ тобой! — проговорила старушка и, взявъ съ собой подростка-внука, проводила слѣпца за деревню.

Ивка быстро зашагалъ по грязной дорогѣ, звучно шлепая босыми ногами по лужамъ. Глядѣвшая ему вслѣдъ старушка удивленно прошептала: — Господи! какъ это онъ?.. тутъ и съ глазами-то, того гляди, на что-нибудь наскочишь! Вишь вѣдь, темница-то какая!

Но Ивка не замѣчалъ ни осенней ночи, ни дождя, ни грязныхъ лужъ. Онъ бодро и увѣренно шагалъ по серединѣ дороги, ловко скользя палкой по водѣ, образовавшейся въ колеяхъ. Точно и въ самомъ дѣлѣ впереди него катился огненный шаръ, освѣщавшій ему путь. Безчисленное множество неудобствъ и волненій, пережитыхъ имъ во время хожденія съ сумой, въ данную минуту не занимали его. Ему хотѣлось поскорѣй придти къ своей больной матери и порадовать ее. Онъ вскипятитъ горшокъ воды и напоитъ ее теплымъ чаемъ съ ея любимыми кислыми конфетами и бѣлымъ хлѣбомъ... Разсуждая такимъ образомъ, Ивка не шелъ, а летѣлъ. Онъ даже не замѣтилъ, какъ миновалъ лѣсъ.

— Ага! — весело проговорилъ Ивка, ощутивъ палкой глубокую канаву, находившуюся рядомъ съ ихъ развалившейся ригой. Когда онъ шелъ огородомъ, дождь хлынулъ какъ изъ ведра, но Ивка не прибавилъ шагу: „Шалишь!“ — улыбнулся онъ — „мокраго не промочить“. Но, вспомнивъ про драгоценныя покупки, которыя могли смочнуть, онъ сморщилъ лицо, глубоко втянулъ голову въ плечи, сгорбился и такъ пустился бѣжать изо всей мочи. На бѣгу онъ необыкновенно высоко поднималъ босыя ноги, производя тяжелые звуки, похожіе на топотъ крупнаго животнаго. Этотъ неуклюжій бѣгъ слѣпца несомнѣнно представлялъ бы для зрячаго любопытное зрѣлище, но это рѣдко кому удается видѣть, потому что слѣпые никогда не развертываются во всю въ присутствіи зрячихъ.

Войдя въ сѣни, Ивка остановился и прислушался. Дождь шумно ударялся о крыши; на деревнѣхъ перекликались пѣтухи.

„Ого! — подумалъ онъ: — однако, я долго пропался — до пѣтуховъ!“

Онъ осторожно отворилъ дверь и съ радостнымъ трепетомъ вошелъ въ избу.

— Кто тутъ? — раздавался слабый голосъ больной матери.

— Это я, — отвѣтилъ Ивка, протягивая руки къ печурѣ, гдѣ находились спички.

— Господи! — вздохнула мать.

Ивка молча оцупалъ маленькую лампочку, стоявшую на столѣ, на опрокинутомъ подойникѣ, и ловко зажегъ ее. Затѣмъ онъ снялъ съ себя большую, насквозь пропитанную дождемъ, шапку и бросилъ ее на лавку; та тяжело шлепнулась, и брызги отъ нея разлетѣлись во всѣ стороны.

— Гдѣ ты былъ? — обратилась къ нему мать. — Господи! — воскликнула она, приглядываясь къ сыну: — да съ тебя течеть...

Ивка улыбался. Онъ осторожно досталъ изъ мѣшка нетронутыя дождемъ покупки и, держа ихъ въ рукахъ, приблизился къ матери.

— Что это? — удивилась та.

Ивка торжественно молчалъ и весь сіялъ отъ удовольствія.

— Гдѣ взялъ? — допытывалась мать.

— Купилъ! — загадочно улыбнулся сынъ.

— А деньги?

— Побирался! — чуть слышно прошепталъ Ивка, и по его сіяющему лицу промелькнула едва замѣтная грустная тѣнь.

— Побирался? — удивилась мать, широко раскрывъ глаза. Затѣмъ она глубоко вздохнула и взволнованнымъ шопотомъ провзнесла: — Дорогое дитя! пожалѣлъ большую мать...

Бѣдная женщина не могла говорить. Губы ея дрожали, изъ глазъ брызнули слезы. Она обняла сына и слабо прижала его голову къ своей груди. Ивкѣ пріятно было ощущать теплоту материнской груди, изъ его глазъ обильно текли горячія слезы, но онъ не замѣчалъ ихъ. Душа слѣпота сына, на мгновеніе слилась съ душой больной матери, и теплое чувство охватило его. Онъ впервые испытывалъ такое сладостное состояніе. Его мысли были ясны и спокойны, какъ никогда.

„Да, жить стоитъ! — раздавалось въ его душѣ. — Завтра и послѣ-завтра и еще потомъ пойду побираться и куплю муки, чшена и говядины... И каждый день мать будетъ радоваться...), какъ хорошо!“

А больная, между тѣмъ, не отнимая руку съ намоченной дождемъ головы сына, лежавшей у нея на груди, успокоилась и лежала съ открытыми глазами, полными слезъ. Но это были уже не тѣ горькія слезы, какія она проливала всю свою тяжелую жизнь... На душѣ у нея стало чисто и ясно.

Маленькая лампочка тускло освѣщала закопченную, вросшую въ землю, ветхую избенку, съ вывалившимися подоконниками и худыми стеклами. Барабанившій по окнамъ дождь пересталъ; замолеъ и сверчокъ, громко трещавшій за печкой. Все какъ бы нарочно притаялось и затихло, не желая нарушать минутнаго забвенія усталыхъ горемыкъ.

VIII.

Прошло три дня. Положеніе больной замѣтно ухудшилось. Она настолько ослабѣла, что не могла пошевелить ни единымъ членомъ, хотя и не чувствовала никакой боли. Она пыталась теперь одной водой, да и то въ маломъ количествѣ.

— Прощай, сынокъ, конецъ подходит! — тихо заговорила она, устремивъ свой тусклый взглядъ на слѣпого сына, сидѣвшаго у ея кровати. — Отмаялась я, родимый, пора... Только вотъ тебя-то жаль... вѣдь ты одинъ, какъ былинка въ полѣ, и безъ глазъ...

Голосъ ея дрогнулъ и оборвался. Больная закашлялась отъ подступившихъ къ горлу слезъ. Подъ сердце Ивви что-то подступило и защемило его такъ больно, что онъ едва не вскрикнулъ. Онъ отошелъ отъ кровати и вышелъ въ сѣни. Вытеревъ рукавомъ катившіяся по лицу слезы и съ минуту подумавъ, Ивка снова вошелъ въ избу. Навинувъ на плечи сермягу и взявъ съ печи шапку, онъ опять возвратился въ сѣни. То, что зародилось въ его головѣ вчера, сегодня созрѣло окончательно. Ивка уже былъ, спустя минуту, на сосѣднемъ дворѣ, гдѣ онъ и встрѣтилъ вужную ему старушку.

— Бабушка Домна, — умоляюще обратился онъ къ сосѣдѣ, — побудь, ради Христа, около матери, подай ей испить, если спросить... Я не надолго...

— Куда же ты, кормилецъ? — освѣдомилась старушка, подливая поило поросенку.

— Надо, бабушка, въ одно мѣсто...

— Ну, иди, родимый, я посижу...

Ивка прошелъ въ заднія ворота сосѣднаго двора и быстро

запахалъ по направленію гумна. Въ концѣ гумна онъ вспомнилъ, что у него нѣтъ палки, безъ которой рискованно было пускаться въ путь. Онъ круто свернулъ въ сторону и, наткнувшись на старій плетень, выдернулъ изъ него длинный колъ.

Ивкѣ нужно было идти той же дорогой, по которой онъ недавно ходилъ въ Тимки. Поэтому ему необходимо было отыскать ту глубокую канаву, которая находилась рядомъ съ его ригой. Минуты черезъ двѣ, его новая трость нащупала ее, и онъ увѣренно пустился въ путь. Какъ только выбрался онъ на широкую знакомую дорогу, въ его головѣ быстро закружились на время смолкнувшія печальныя мысли. Здоровье большой замѣтно слабѣетъ. Смерть приближается съ каждымъ днемъ, и Ивка это понимаетъ. „Неужели она и впрямь помретъ? — со страхомъ думаетъ онъ. — Какъ же я-то?“ По его членамъ пробѣгалъ морозъ. „Господи! чѣмъ бы ей пособить?“

И вотъ онъ идетъ къ доктору. Онъ упростиъ его, онъ поклонится ему въ ноги, чтобы докторъ пріѣхалъ къ его умирающей матери. „Онъ непременно поможетъ, потому что у него лекарства не деревенскія“... По мнѣнію Ивки, земскій врачъ могъ вылечить всякія болѣзни, чуть ли даже не избавить отъ смерти... на то онъ и докторъ, а не баба-знахарка... „Да, онъ непременно ее вылечитъ... только бы поѣхалъ...“

Разсуждая такимъ образомъ, Ивка бѣжалъ, не чуя подъ собою ногъ. Вдругъ онъ остановился и сильно зашарилъ палкой по всѣмъ направленіямъ.

— Ага, перекрестокъ! — проговорилъ онъ и задумался.

Прямой путь велъ въ Тимки, это Ивка зналъ, но боковыя дороги ему были совершенно незнакомы. Однако онъ вспомнилъ разговоръ матери и другихъ бабъ, что, не доходя съ версту до тимкинскаго лѣса, есть перекрестокъ, отъ котораго, если пойти вправо, пройдеши на выселки, а влѣво — къ березовой рошцѣ, а тамъ и хуторъ; гдѣ онъ расположенъ, Ивка не зналъ, но ему не время было считаться съ подробностями. Онъ былъ доволенъ и тѣмъ, что вспомнилъ, въ какую сторону надо было свернуть, чтобы попасть на хуторъ. Ивка быстро шелъ по незнакомой, но ровной и мокрой дорогѣ, удобной для босоногого пѣшехода-слѣпца. Когда онъ благополучно добрался до березовой роши, до которой считалось восемь верстъ, то уже совсѣмъ темнѣло.

Онъ остановился и прислушался. Въ рошцѣ было тихо, только ерхушки голыхъ деревьевъ чуть слышно колыхались, да въ глубинѣ лѣса глухо раздавался лай собаки.

„Куда идти: прямо ли, около рощи, или влѣво — рощею?“ — разсуждалъ Ивка. „Пойду прямо!“ — рѣшилъ онъ.

Опадавшіе съ деревьевъ листья шумно хрустѣли подъ ногами слѣпца и шаги звучно отдавались въ безмолвной рощѣ. Ивка брелъ медленно. Ему приходилось внимательно прислушиваться и прищупываться, потому что дорога шла ненайзженная и плохо замѣтная, да и та сошла на нѣтъ.

Ивка остановился.

„Куда же теперь?“ — спросилъ онъ себя, тревожно шаря палкой вокругъ и не находя даже намека на какой-нибудь хотя бы пѣшеходный путь. Ивка сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и снова остановился. Его палка ничего не нашла, кромѣ двухъ старыхъ пней и небольшой круглой ямы съ водой. Обходя ее кругомъ, босые ноги слѣпца ощутили подъ собой твердую почву.

„Стой! — обрадовался Ивка: — не стежка ли какая?“

И онъ принялся тщательно ощупывать ногами и палкой землю. Твердая почва, дѣйствительно, оказалась узкой тропинкой, начинавшейся отъ лѣса и идущей куда-то пахотнымъ полемъ.

„Пойду по ней! — рѣшилъ онъ, ощупывая палкой ширину тропинки: — не назадъ же ворочаться“.

Чѣмъ дальше шелъ Ивка, тѣмъ шире и выше становилась тропинка и наконецъ превратилась въ небольшой рубежъ. Пройдя съ полверсты, онъ вдругъ остановился. Длинный колъ, замѣнявшій ему палку, своевременно сообщилъ ему, что рубежъ круто оборвался. Ивка тщательно изслѣдовалъ палкой канаву, глубиною аршина въ три, а шириной аршина въ полтора, на днѣ которой плескалась вода, и онъ ловко ее перепрыгнулъ. Но не прошелъ онъ и двадцати шаговъ, какъ снова остановился. Передъ нимъ уже была не та канавка, которую онъ перепрыгнулъ, а какая-то круто обрывающаяся пропасть. Ивка минутъ десять бродилъ по берегу этой пропасти, тамъ и сямъ опуская свой длинный колъ, но все было безуспѣшно: пропасть казалась бездонной. „Что это — рѣва или сухой ровъ? — спрашивалъ онъ себя, не переставая ощупывать палкой: — пожалуй, рѣва, потому что снизу пахнетъ свѣжей сыростью... Однако, какъ бы это узнать? Колъ не достаетъ до дна, спуститься на четверенькахъ — страшно, — что же сдѣлать?.. Стой!“ — обрадовался Ивка и принялся шарить руками по глинистому берегу. Ему подъ руки попался камень фунта въ три, который онъ и пустил внизъ, внимательно при этомъ прислушиваясь. Онъ ясно слышалъ, какъ катился камень, то тихо и ровно, то шумно под-

прыгивая, и, наконецъ, какъ онъ звучно бухнулся въ воду.—
„Такъ... значить—рѣка... Какая же это рѣка и куда идти?“

Ивка сѣлъ на край дороги, спустивъ ноги, и задумался. Онъ помнилъ только, что хуторъ находится за березовой рощей, но не зналъ, далеко ли онъ и въ какой сторонѣ. Идя тропинкой, превратившейся въ рубежь, онъ надѣялся выбраться на какую-нибудь дорогу, но это ему не удалось. Пересѣвшая ему путь незнакомая рѣка окончательно сбила его съ толку. Онъ не зналъ, что предпринять: воротиться ли назадъ къ лѣсу и отыскать другую дорогу, или пуститься вдоль берега и поискать какого-либо перехода черезъ рѣку. То и другое, по его мнѣнью, не сулило удачи.

Ивка напряженно прислушался, но его чуткѣй слухъ не могъ уловить ни единого желаннаго звука. Точно всякая жизнь умерла въ непроницаемомъ мракѣ осенняго вечера. Положеніе было поистинѣ критическимъ, но Ивка не страшился того, что онъ заблудился и не знаетъ, куда идти. Нѣтъ, его пугала мысль,—а ну, какъ онъ пропутается до утра и все же не найдетъ хутора?

„Нѣтъ!—воскликнулъ онъ и вскочилъ на ноги:—я долженъ найти хуторъ, иначе мать умретъ...“

Онъ постоялъ съ минуту въ раздумьи и, рассчитавъ, что Тимки должны остаться въ правой сторонѣ, медленно побрелъ по лѣвому берегу рѣки. „Авось набреду на что-нибудь примѣтное“, — думалъ онъ, внимательно слѣдя за палкой, искусно шарившей вперед.

Долго шель онъ наугадъ, спотыкаясь босыми ногами на острые камни и переходя небольшія канавы, наполненныя грязной водой. Вдругъ до его ушей долетѣлъ лай собаки. Онъ остановился и прислушался. Лай снова раздался и смолкъ. Ивка бодро зашагалъ въ томъ направленіи. Огмѣривъ шаговъ двѣсти, онъ остановился, увязнувъ чуть не по колѣни въ тинѣ. Это было болото.

„Этакъ утопнешь“, — прошепталъ Ивка, вытаскивая ноги изъ холодной трясины и становясь на твердую кочку. „Что дѣлать? Вправо—рѣка, подъ ногами—болото, а впереди что? Попытаюсь впередъ, авось болото небольшое“...

И онъ осторожно началъ перепрыгивать съ кочки на кочку, держась прямого направленія. Болото, дѣйствительно, оказалось небольшимъ, сплошь усѣяннымъ кочками, а потому было удобно для перехода. Очутившись на ровномъ и твердомъ лугу, онъ остановился и прислушался. Въ эту минуту онъ ощутилъ

на лицѣ струйку какъ бы стѣсненнаго воздуха. Ивка, пошаривъ палкой, рѣшилъ, что впереди стоитъ дерево или что-нибудь еще пошире, и онъ не ошибся: шагахъ въ десяти дѣйствительно стояло не одно дерево, а цѣлый лѣсъ. — „Вотъ тебѣ на!“ — пробормоталъ Ивка, быстро ощупывая купу деревьевъ: — „Куда меня занесло!.. ужъ не въ рошу ли опять? Чортъ!“ — выругался онъ и крѣпко ударилъ палкой по толстой березѣ, какъ бы срывая на деревѣ зло.

Звукъ гулко пронесся по тихому лѣсу. Эхомъ ему откликнулись двѣ басистыя собаки. Ивка наострилъ уши и сталъ въ оборонительное положеніе, потому что лай собакъ быстро приближался къ нему.

— Цыцъ! — зычно крикнулъ кто-то на освиръгѣвшихъ собакъ, яростно бросившихся на слѣпого, который, прижавшись къ дереву, стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Кто? — снова раздался строгій голосъ: — Говори!.. У меня ружье...

— Э... это я... — заикаясь, отвѣтилъ Ивка.

— Откуда ты и зачѣмъ тутъ ночью?

— Изъ Лукова... слѣпой...

— Изъ Лукова, говоришь, и слѣпой? — уже другимъ голосомъ проговорилъ лѣсной сторожъ. — Какъ же ты, братецъ, попалъ сюда?.. Молчать! — крикнулъ онъ на ворчавшихъ собакъ и приблизился къ слѣпому.

Ивка приободрился и рассказалъ, что онъ идетъ на хуторъ, просить доктора, чтобы тотъ пріѣхалъ къ его больной матери.

— Чудаки! — усмѣхнулся сторожъ. — Какой же докторъ поѣдетъ въ такую повдноту?

— Какой это лѣсъ? — освѣдомился слѣпой.

— Березовая роща... Ты, братъ, отмахалъ верстъ восемь... неужто одинъ?

— Березовая роща... — протянулъ Ивка.

— Неужели, говорю, одинъ шель? — допытывался сторожъ.

— Одинъ.

— Да ну! какъ же это: слѣпой и такая темь...

— А далѣе отсюда до хутора? — спросилъ Ивка.

— Версты полторы... Да ты, парень, зря... докторъ не поѣдетъ...

— Нѣтъ, поѣдетъ. Упрошу! — настойчиво возразилъ Ивка.

— Ну, ладно, иди... я провожу, — уступилъ сторожъ, — только все же ты зря... Не поѣдетъ.

Ивка молчалъ. Ему было досадно на сторожа, который, во-

преки его упованіямъ, неумолимо доказывалъ неосуществимость его замысла. Сторожъ вывелъ слѣпца на дорогу, ведущую на хуторъ, и предупредилъ, что ему встрѣтится мостъ, по которому идти не надо, а слѣдуетъ свернуть влѣво, не доходя моста. Тамъ дорога пойдетъ въ гору. У входа на хуторъ есть околица, и она теперь незаперта.

Ивка быстро зашагалъ, чувствуя приливъ новыхъ силъ. Этотъ послѣдній путь былъ совершенъ благополучно. Огибавъ околицу и отворивъ ее, онъ вошелъ въ небольшой хуторъ. Недалеко отъ него стучала колотушка сторожа. На Ивку тотчасъ же набросились собаки. На выручку къ нему подоспѣлъ сторожъ и разогналъ псовъ.

— Куда идешь? — обратился сторожъ къ слѣпому, слегка стуча колотушкой.

— Мнѣ доктора надо, — тихо отвѣтилъ тотъ.

— Доктора? — удивился сторожъ: — ночью-то?

Ивка молчалъ.

— Вонъ его домъ... ступай! — и сторожъ махнулъ рукой, нахѣреваясь продолжать свой сторожевой путь.

— Я слѣпой... проводи меня...

— Слѣпой? — проговорилъ сторожъ и остановился. — Откуда ты?

— Изъ Лукова.

— Ого! далековъко!.. Да зачѣмъ тебѣ докторъ?

Ивка молчалъ. Сторожъ проводилъ его до воротъ докторскаго дома и передалъ его встрѣтившемуся работнику доктора.

На дворѣ Ивку обступила дворня и закидала его вопросами. Бѣдному слѣпцу давно опостылѣли эти однообразные разспросы. Ему страшно хотѣлось ругаться, но онъ сдерживался. Богъ вѣсть, тѣмъ бы все это кончилось, еслибы на крыльцѣ не появилась хозяйка.

— Чтѣ тамъ такое? — раздался мелодичный голосъ жены доктора, замѣтившей кучку людей.

Двѣ бабы бросились къ хозяйкѣ. Ивка тоже побрелъ за ними.

— Слѣпой? — интересовалась хозяйка.

— Слѣпой, барыня, совсѣмъ слѣпой, — поясняли бабы, — и пришелъ изъ Лукова одинъ.

— Ты чтѣ, голубчикъ? — ласково обратилась докторша къ подошедшему Ивкѣ.

Ивка не выдержалъ. Четырехчасовое мытарство съ препятствіями и волненіями дало себя знать: изъ незрячихъ глазъ полились слезы.

— Моя мать умираетъ,—проговорилъ онъ, и голосъ его оборвался.

На крыльцо вышелъ докторъ.

— Въ чемъ дѣло?—обратился онъ къ женѣ.

— Этотъ парень, — тихо сказала она, указавъ глазами на Ивку, — совершенно слѣпой... онъ пришелъ сюда одинъ и, представь: изъ Лукова! Онъ говоритъ, что у него умираетъ мать...

Докторъ пожалъ плечами и, обратившись къ слѣпому, спросилъ:

— Давно ли заболѣла?

— Седьмой мѣсяцъ доходить, — отвѣчалъ тотъ все еще съвосьслезы.

— Боже мой! — воскликнулъ врачъ. — Что же раньше не привозили ее сюда?

— У насъ нѣтъ лошади...

— Можно было попросить у кого-нибудь...

— Не даютъ. Все равно, говорятъ, умирать-то ей...

Докторъ снова пожалъ плечами.

— Добрый баринъ, поѣдемъ!.. Ты вылечишь ее! — завопилъ Ивка и бухнулся доктору въ ноги.

— Полно, голубчикъ, встань! — протестовалъ докторъ, но Ивка не вставалъ, продолжая хныкать, уткнувшись лицомъ въ землю.

— Поѣзжай, Володя! — съ нѣжностью въ голосѣ обратилась женщина къ мужу.

— Сова! — возразилъ докторъ: — вѣдь я только-что приѣхалъ... лошади устали, да и при томъ поздно — одиннадцать часовъ!

— Ахъ, другъ, нельзя не ѣхать, — уже настойчиво произнесла жена. — Онъ такой бѣдный и такъ любить мать!

Помолчавъ съ минуту, докторъ распорядился, чтобы закладывали лошадей.

— А ты, голубчикъ, — обратился онъ къ слѣпому, который уже стоялъ на ногахъ и наострилъ уши; — немного подожди... мы поѣдемъ вмѣстѣ...

Что-то теплое, пріятное разлилось по сердцу слѣпца и мигомъ освѣжило его горячую голову. Ему страстно захотѣлось снова кинуться доктору въ ноги и сказать ему много, много хорошихъ словъ, но — увы! — онъ стоялъ неподвижно и молчалъ, точно заколдованный, — такъ сильна была его радость.

Докторъ и слѣпой ѣхали въ тарантасѣ. Ивка помѣстился у ногъ врача и былъ доволенъ, что ѣдетъ вмѣстѣ съ бариномъ. Врачъ, разговаривая съ Ивкой, зажигалъ спичку, какъ бы для:

закуриванія, и при свѣтѣ ея внимательно слѣдилъ за лицомъ слѣпца, когда тотъ отвѣчалъ. При каждомъ вспыхиваніи спички его лицо вздрагивало и снова погружалось въ таинственный мракъ. Во время разговора оно морщилось и напрягалось до невѣроятности, будто ему стоило большихъ усилій произнести слово; но когда лицо становилось спокойнымъ, слѣпой какъ бы глубоко смотрѣлъ въ себя и не замѣчалъ окружающаго.

„Дитя тьмы и равнодушія! — мысленно произнесъ докторъ, глядя на сидѣвшаго у его ногъ слѣпца:— все же въ немъ много доброты, хотя голосъ и звучитъ иногда затаеннымъ озлобленіемъ“.

Когда тарантасъ остановился у избы слѣпца, то, спустя минуту пять, несмотря на поздній часъ, его окружила толпа крестьянъ, удивлявшихся невиданному явленію.

Ивка и докторъ вошли въ избу; двѣ старушки, стоявшія у кровати больной, обезпечились и низко поклонились барину.

Докторъ взглянулъ на изможденное, спокойное лицо больной, освѣщенное горѣвшей въ головахъ свѣчой, и понялъ, что женщина была мертва. Однако, онъ приблизился къ ней и оцупалъ пульсъ...

— Сію минуту тихо отдала Богу душу, — пояснила старушка, обращаясь къ доктору.

Эти роковыя слова какъ громомъ поразили стоявшаго посреди избы Ивку. Онъ машинально оцупалъ лавку и тяжело опустился на нее. Онъ не заплакалъ и не впалъ въ обморокъ: онъ недвижно сидѣлъ на лавкѣ, положивъ руки на колѣни и немного приподнявъ застывшее въ ужасѣ лицо. Блѣдный свѣтъ тускло горѣвшей лампочки какъ-то таинственно освѣщалъ окаменѣвшаго слѣпца. Въ эту минуту онъ походилъ на изваяніе мертващаго ужаса.

IX.

Послѣ похоронъ матери Ивка забрался на горячую печку, которую въ этотъ день жарко натопили, и пролежалъ на ней до поздняго вечера.

Сосѣдка Домна, замѣнявшая хозяйку въ домѣ умершей вдовы, кропотливо убиралась въ избѣ. Ей помогала бобылка Авдотья.

— Слава тебѣ, Господи, — крестилась Домна, убирая со стола посуду, — помянули, какъ слѣдуетъ. „Міръ не безъ добрыхъ людей“... Только вотъ блины перестояли... Надо бы пораньше запечь...

— И, что ты! — возразила Авдотья, облизывая тарелку съ

кутей:—блины хорошіе. Вонъ у дьячихи намедни блины—сущіе квасцы—въ ротъ не возьмешь... Она и разбавляла, и сахару клала, никакая сила...

— Дюже перекисли, — замѣтила Домна и, вздохнувъ, добавила:—Какъ Богъ приметъ, а Прасковьюшку справили похристіански... Теперь она, голубушка, высоко, высоко...

— Нѣтъ, — возразила Авдотья, — ея душа еще на землѣ, только послѣ трехъ сутокъ ее поведутъ по мытарствамъ...

— Господи! — всполошилась старуха: — неужто и тамъ помытарствамъ? Вѣдь она, горюша, всю жизнь мытарилась!

— Нельзя, такъ Господомъ положено, — пояснила Авдотья, хвастаясь своимъ знаніемъ.—Будь святой-разсвѣтой, а мытарствъ не минуешь. Тамъ все на вѣсы: и грѣхи, и добрыя дѣла. Чего больше, то и потянетъ.

— Вѣстимо, грѣхи есть, — какъ бы про себя проворчала старуха и вдругъ спросила: — А мученья и бѣдность положатся на вѣсы?

Авдотья отвѣтила не сразу. Въ ея умѣ мгновенно промелькнула вся ея проклятушая жизнь, какъ она сама называла ее въ минуту раздраженія. Но ей и въ голову не пришло, что ея нечеловѣческая жизнь даетъ право на снисхожденіе со стороны справедливости.

— Какъ сказать! — вздохнула бобылка, затрудняясь отвѣтомъ:—Мука наша, точно, большая...

— Охъ, большая! — перебила ее старуха, чувствуя желаніе высказаться.—Хоша бы взять покойницу Прасковью... „Эхъ, говорить, Домна, у меня нѣтъ живого мѣста, вся я истерзана, исхрустана... Я, говорить, даже Бога ругала... Вотъ какъ легко было!.. Будеть, говорить, помучилась... Пора и на отдыхъ... только вотъ Иву жалъ“... Это она мнѣ передъ смертью говорила, а у самой, горюши, слезы...

— Вѣстимо, жалъ! — вздохнула Авдотья.—Куда онъ одинъ-то?.. Домна пугливо поглядѣла на печку, гдѣ лежалъ Ивка.

— Онъ спитъ! — успокоила ее Авдотья.

Но Ивка не спалъ. Въ его умѣ неотступно стояла умершая мать и, какъ молотомъ, стучалъ неразрѣшимый вопросъ: что ему дѣлать? Бѣдняга изнемогалъ и терялъ голову. Онъ и раньше думалъ о своей тяжелой судьбѣ, но какъ-то по другому... Теперь же, когда умерла мать, будущее предстало передъ нимъ въ яркомъ, неотразимомъ свѣтѣ. Ему казалось, что онъ находится въ каменномъ мѣшеѣ, стѣны котораго все плотнѣе прижимаются къ его тѣлу. „Что дальше?“ — настойчиво звучало

въ его умѣ. Холодный трепеть пробѣгалъ по его тѣлу и въ то же время потъ градомъ катился съ его лица. Голова горѣла... въ вискахъ стучало... Но онъ этого не замѣчалъ и продолжалъ неподвижно лежать на горячей печкѣ, погруженный въ тяжелыя думы. Только поздно вечеромъ Ивка пришелъ въ себя. Онъ свѣсилъ съ печки голову и попросилъ пить.

Дремавшая за столомъ Домна не слыхала окрика и продолжала тыкаться носомъ. Авдотьи уже не было.

Ивка прислушался къ согѣннѣю старухи и быстро соскочилъ съ печки.

Домна очнулась и проворно встала на ноги, зацѣпивъ за столъ. Тускло мерцавшая лампочка, стоявшая посреди стола на опрокинутомъ горшкѣ, закачалась во всѣ стороны и едва не упала. Старуха ее поддержала.

— Тьфу, какъ разморило! — сердито проворчала Домна и, обращаясь къ стоявшему среди хаты Ивкѣ, ласково проговорила:

— Проснулся, касатикъ? А я не будила тебя... думаю — пушай поспить! Ты бы, родимый, умылся... А то, ишь, какой потный... Вѣстимо, на печкѣ жарко...

Ивка молча нащупалъ ведро съ водой и жадно припалъ къ нему.

— Садись, касатикъ, — заботливо говорила сосѣдка, — я соберу тебѣ поѣсть, а то вѣдь ты совсѣмъ голодный! Безъ ѣды, родной, да безъ сна человѣку нельзя.

Ивка хлебнулъ немного щей и отодвинулъ отъ себя кашу.

— А мясца-то? кашки, али блинча съ медкомъ?.. — подчивала добрая старуха.

Ивка отказался. Онъ облоботился на столъ и глубоко задумался. Домна участливо поглядѣла на измученное лицо слѣпца и задумчиво вздохнула. — „Господи, Господи!..“ — Ей хотѣлось ободрить круглаго сироту, но чѣмъ? Она хорошо знала, что Ивкѣ осталось только одно: сума да палка. Однако старушка попыталась утѣшить его:

— Ты, Ивка, не убивайся, — робко заговорила она, убирая со стола: — Богъ не безъ милости. Пуще всего въ тоску не вдавайся. А то неровень часъ... Боже, упаси!..

Но Ивка врядъ-ли слушалъ свою утѣшительницу. Въ его мозгу властно копошилась неразрѣшимая мысль, поглотившая все его существо.

— Задумываться тоже не надо, — замѣтила Домна, видя, что ея собесѣдникъ упорно молчитъ, и сейчасъ же добавила со вздохомъ:

— Эхъ, не то ему нужно!.. Я съ тобой ночую, — перемѣнила она разговоръ, — а то одному-то боязно!

— Нѣтъ, я одинъ!—энергично запротестовалъ Ивка и даже выльзъ изъ-за стола. — Ступай домой, я не боюсь! — добавилъ онъ почти сердито.

— Что съ нимъ?—опѣшила старуха. — Ужь не сердаетъ ли?

А Ивка между тѣмъ тяжело протопалъ босыми ногами по грязному полу и сѣлъ на приступокъ у печки. Ему страстно хотѣлось остаться одному въ эту ночь и подумать на просторѣ, но онъ не зналъ, какъ объяснить это доброй сосѣдѣ.

А та внимательно слѣдила за нимъ и сочувственно думала: „Это онъ, несчастный, съ горя бѣсится... Ему, пожалуй, и впрямь одному вольготнѣе“.

— Я пойду...—объявила она вслухъ, направляясь въ двери.

Ивка встрепенулся и въ два прыжка очутился около доброй сосѣдки.

— Спасибо, бабушка Домна, — скороговоркой проговорилъ онъ и порывисто поцѣловалъ ее въ щеку.

— И, родимый, за что!..—растроганно пробормотала старушка, часто заморгавъ глазами, въ которыхъ блеснули слезы. — Я завтра понавѣдаюсь... Спи съ Богомъ!..—сказала она, затворяя за собой дверь.

Ивка слышалъ, какъ хлопнула сѣнная дверь, загремѣвшая щекоткой, и какъ Домна зашлепала по грязнымъ лужамъ, придерживаясь рукой за стѣну избы. А затѣмъ все стихло... Онъ постоялъ еще немного, какъ бы не зная, что дѣлать, и вдругъ сорвался съ мѣста. Ощупавъ жестяную, облитую керосиномъ лампочку, онъ удачно погасилъ ее. Ивка любилъ темноту, скрывавшую его отъ любопытныхъ глазъ, а потому и поспѣшилъ первымъ долгомъ потушить огонь. Онъ вытеръ запачканныя керосиномъ руки о всклокоченную голову и сѣлъ на лавку.

Въ избѣ было тихо и темно, какъ въ могилѣ; даже сверчокъ не трещалъ. Только за окнами гудѣлъ осенній вѣтеръ, изрѣдка ударя въ худыя, дребезжавшія стекла. Но Ивка былъ далеко отъ всего того, что происходило за стѣнами. Его вниманіе было сосредоточено внутри избы. Онъ сидѣлъ на лавкѣ и прислушивался къ тишинѣ. Ему казалось, что онъ не одинъ: стоило только подойти къ дощатой кровати, и онъ непременно ощущаетъ на ней свою мать. Вѣдь она всегда лежала тамъ и молчала, какъ и теперь... Въ то же время онъ мысленно ощупывалъ костлявую и холодную мать, лежавшую подъ иконами въ гробу... А затѣмъ попы, народъ, церковь и, наконецъ, могила... Въ нее опустили гробъ. Онъ ударился обо что-то и остановился... на гробъ посыпалась земля: ту-ту-ту: ...Кто-то плакалъ... ему ска-

зали, чтобы онъ бросилъ на гробъ горсть земли, но онъ стоялъ на рыхлой почвѣ и не двигался съ мѣста. Ему хотѣлось, онъ даже рѣшилъ, броситься въ могилу, чтобы никогда не разставаться съ дорогой матерью. Да, онъ хотѣлъ этого всѣми силами, но вышло совсѣмъ иное: онъ бросился отъ могилы, какъ сумасшедшій, и побѣжалъ по кладбищу, ударяясь о кресты и падая на камни.

Эти свѣжія воспоминанія взволновали слѣпца. Онъ всталъ съ лавки и быстро заходилъ босыми ногами по грязному полу. Покружившись минуты три, онъ снова сѣлъ.

„Нѣтъ матери!“ — громко прозвучало въ его умѣ.

Ивка даже вздрогнулъ. Ему показалось, что эти роковыя слова сказаны кѣмъ-то постороннимъ. Но это было мгновение. — „Да, ея нѣтъ!“ — уже твердо и сознательно прошепталъ онъ и задумался. Вдругъ онъ встрепенулся и сталъ прислушиваться. Ему показалось, что въ заднемъ углу, гдѣ лежала его больная мать, кто-то шевелится и дышитъ. Но онъ не испугался, а напротивъ, обрадовался.

„Это она!“ — мелькнуло въ его разгоряченномъ воображеніи. Но другая неотразимая мысль тутъ же отрезвила его: — „Мать умерла и лежитъ въ гробу“, — съ болью въ сердцѣ подумалъ онъ и снова закружился по избѣ. Зацѣпивъ колѣнкой за кровать, онъ остановился и снова насторожился. Но онъ и самъ не зналъ, зачѣмъ онъ остановился и къ чему прислушивается. Онъ машинально опустился на кровать и такъ же безотчетно пошарилъ по ней руками. Разумѣется, его щупальцы ничего не осязали, кромѣ голыхъ старыхъ досокъ. Этотъ неотразимый фактъ окончательно отрезвилъ его.

„Стало быть, взаправду ея нѣтъ!“ — простоналъ Ивка, беспомощно склонивъ голову. Горькое чувство защемило ему сердце. Мысли вихремъ закружились въ его горячей головѣ. Давно ли его мать лежала на этихъ доскахъ? Правда, она была больная, очень больная. Но все-таки она была съ нимъ и своимъ присутствіемъ наполняла его одинокую душу. И вотъ ея нѣтъ. Ивку душили слезы. Онъ соскочилъ съ кровати и зашагалъ по избѣ, но ноги его не слушались и во всѣхъ членахъ была сильная слабость. Онъ принужденъ былъ сѣсть.

„Какъ жить?“ — само собой возникло въ его умѣ. И будущее мгновенно предстало передъ нимъ грозно и неотразимо. — „Побираться!“ — шепнулъ ему кто-то на ухо и сунулъ въ руки грубую суму... Онъ мысленно ощупалъ ее и съ отвращеніемъ отбросилъ отъ себя... Но сума снова очутилась въ его рукахъ, и онъ опять ощупалъ ее и снова бросилъ... „Господи!“ — просто-

налъ Ивка, чувствуя ненависть къ нищенству и въ то же время зная, что сумы ему не миновать. Онъ задыхался отъ волненія и терялъ самообладаніе.— „Удавиться!“—неожиданно раздалось въ его душѣ. Этотъ страшный и знакомый Ивкѣ голосъ не испугалъ его; онъ внимательно прислушался къ нему и въ то же время ощутилъ тяжелое прикосновеніе того каменнаго мѣшка, который недавно давилъ его на печкѣ.

„Души, дави!“ — скрежеталъ онъ зубами въ какомъ-то мучительномъ остервенѣніи, наполовину не сознавая, что съ нимъ.

Тяжелое горе и долгая бессонница въ конецъ надорвали бѣднаго слѣпца. Онъ безпомощно повалился на лавку и впалъ въ тяжелое забытѣе.

Осенняя ночь заботливо одѣла Ивку своимъ темнымъ покровомъ. А барабанившій въ окно дождь ублажалъ его своимъ однообразнымъ тувъ-тувъ-тувъ...

Рано утромъ къ нему заглянула сосѣдка-Домна и замерла на мѣстѣ. На грязномъ полу, лицомъ вверхъ, лежалъ измученный Ивка и громко бредилъ. Онъ находился какъ разъ противъ лавки, съ которой, вѣроятно, упалъ.

— Что съ тобой, родимый? — испуганно лепетала старуха, придерживая больного, который силится подняться.

— Мама, не умирай!.. Миленькая, погоди!—метался Ивка, протягивая руки впередъ.

Его голосъ обрывался и снова плакалъ.

— Мама!.. мама!..

— Ахъ, ты, Господи!—растерянно бормотала старуха.— Ужъ не горячка ли съ нимъ?

Она приложила обѣ руки къ пылавшей головѣ слѣпца и ужаснулась.

— Батюшки! огонь-огнемъ!.. Она, дрянная!..

И добрая старушка засуетилась, не зная, что предпринять.

Больного Ивку въ тотъ же день отвезли въ земскую больницу, гдѣ онъ быстро поправился. О дальнѣйшей его судьбѣ позаботился молодой земскій врачъ, тотъ самый, котораго съ такимъ трудомъ разыскивалъ Ивка для своей больной матери. Докторъ устроилъ его въ пріютъ для неизлечимыхъ слѣпыхъ, только-что открывшійся въ ихъ губернскомъ городѣ. Богъ вѣсть, что ожидаетъ нашего горемыку-Ивку. Но тамъ, куда онъ водворенъ,—уже другая жизнь и иная психологія...

Всеволодъ Рязанцевъ.

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ

И

ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

О ЧЕРКЪ.

Кто не знаетъ имени Херсонеса? Кто не слыхалъ про этотъ полный интереса уголокъ, о которомъ первое слово сказала мнѣ и куда первый лучъ исторіи заглянулъ въ то отдаленное время, когда остальная часть нашей родины не была извѣстна народамъ и по названію?

Въ этомъ уголкѣ—развалины древняго, богатаго и нѣкогда славнаго города, и, разрывая ихъ, кирка археолога обнажаетъ предъ вами культуру трехъ великихъ эпохъ—греческой, римской и византійской, судьбы которыхъ пережилъ и отразилъ на себѣ Херсонесъ, сохранивъ въ своихъ нѣдрахъ цѣнные остатки каждой изъ нихъ. Здѣсь наши богатѣйшія археологическія копи, изъ которыхъ изыскатель щедрой рукой снабжаетъ отечественные музеи сокровищами древняго искусства и греко-римской эпиграфики. Среди развалинъ и раскопокъ Херсонеса ясно видишь, какъ помощью кирки и лопаты возстанавливается прошлое городовъ и народовъ. Здѣсь научаешься понимать и цѣнить археологію, которая сумѣла поднять уголъ завѣсы, скрывавшей отъ насъ, казалось, разъ навсегда далекое прошлое.

Здѣсь среди этихъ развалинъ поучались наши самые отдаленные предки—скионы, усвоивали себѣ культуру Греціи, Рима, Византіи и въ то же время непрерывно боролись съ своими учителями противъ ихъ смѣлыхъ захватовъ. Здѣсь же равнопо-

стольный Кириллъ впервые открылъ „русскія письма“ и впервые увидѣли свѣтъ русское евангеліе и псалтырь.

Въ этомъ уголкѣ нѣкогда журчалъ живой источникъ нашего обновленія, изъ котораго широкой рѣбой полилось на Русь и христіанство, и просвѣщеніе; здѣсь крестился Владимиръ Красное Солнышко; здѣсь же—грандіознѣйшій памятникъ этого знаменательнаго въ русской исторіи событія.

Сюда-то, лѣтъ пятнадцать назадъ, завела меня судьба и на много лѣтъ поселила рядомъ съ Херсонесомъ. Проходя въ первый разъ по узкимъ улицамъ раскопокъ и разсматривая находки бывшаго города, я невольно заинтересовался его прошлой судьбой. Быстро были прочитаны краткія свѣдѣнія изъ путеводителей и уже по тому времени устарѣвшія описанія Ливанова и Мансвѣтова, только раздражившія любознательность, а за ними—серьезныя изслѣдованія Кене, Уварова, Аркаса, Кондакова и другихъ, которые уже побудили внимательно заняться исторіей и археологіей Херсонеса.

Благодаря тщательно составленнымъ сборникамъ академика Латышева, легко было познакомиться съ болѣе интересными страницами изъ Геродота, Страбона, Овидія, Плинія и другихъ классиковъ древности, писавшихъ или упоминавшихъ о Херсонесѣ; благодаря „Запискамъ Одесскаго общества исторіи и древностей“, также легко было познакомиться съ византійскими хрониками и средневѣковыми легендами, повѣствовавшими о Херсонесѣ и о проповѣдывавшихъ въ немъ и пострадавшихъ ревнителяхъ христіанской церкви... Внимательно перечитаны соответствующіе фоліанты императорской археографической комиссіи и обширныя изслѣдованія Латышева, Юргевича, Васильевского, Бертье-Делагарда, Кулаковскаго и многихъ другихъ, вплоть до идеально точныхъ и обстоятельныхъ отчетовъ завѣдующаго херсонесскими раскопками г. Косцюшко-Валюжинича. вмѣстѣ съ тѣмъ были осмотрѣны мной древности Херсонеса, хранящіяся тамъ же, въ Эрмитажѣ, въ московскомъ Историческомъ музеѣ и музеѣ „Одесскаго общества исторіи“. Кромѣ того, за пятнадцать лѣтъ раскопки Херсонеса проходили на моихъ глазахъ, и, благодаря любезности К. К. Косцюшко-Валюжинича, я могъ своевременно осмотрѣть все добытое кропотливымъ трудомъ археолога и получить необходимыя поясненія. Такимъ образомъ годами накопилась масса свѣдѣній и замѣтокъ, которыми я счелъ тѣмъ болѣе необходимымъ подѣлиться съ другими, что Херсонесъ, имѣя богатѣйшій монографическій и археологическій матеріалъ и представляя громаднй интересъ для туристовъ, выражающійся еже-

годно многими тысячами посѣтителей его раскопокъ и музея, не имѣть систематическаго описанія, которое стояло бы на уровнѣ современныхъ знаній и удовлетворяло бы спросу широкаго круга. Странно, что наши духовныя академіи до сихъ поръ не обратили никакого вниманія на это священное для каждаго христіанина мѣсто; великій ихъ грѣхъ—такое молчанье. Безъ сомнѣнія, за предѣлами нашей родины мѣсто, подобное Херсонесу, имѣло бы цѣлую популярную литературу и рядъ богато иллюстрированныхъ изданій. Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью хотя отчасти пополнить этотъ пробѣлъ.

I.

Исторія мѣстности, которую занималъ Херсонесъ съ его владѣніями, такъ же стара, какъ и человѣчество. Первые нѣмые свидѣтели появленія человѣка въ этихъ мѣстахъ—каменные наконечники стрѣлъ, головки такихъ же молотковъ съ отверстиями для рукоятовъ, подобіе кремневыхъ ножей, долота, обломки топора и другіе остатки каменнаго вѣка, найденные въ окрестностяхъ Херсонеса и бережливо заключенные въ витрину мѣстнаго музея.

Сколько вѣковъ протекло отъ этихъ остатковъ древнѣйшей культуры до начала исторіи Херсонеса?—Кто знаетъ?!

Первыя свѣдѣнія о немъ начинаются поэтическимъ и полнымъ трагизма миеомъ объ Ифигеніи въ Тавридѣ, — миеомъ, который вдохновилъ двухъ величайшихъ драматурговъ древняго и новаго міра—Эврипида и Гёте.

Тѣмъ, кто забылъ этотъ миеъ или кому не случилось прочесть „Ифигенію въ Тавридѣ“, напомнимъ его, хотя въ нѣсколькихъ словахъ.

При началѣ троянской войны союзный флотъ и войско Эллады во главѣ съ царемъ Арголіды Агамемнономъ готовы отплыть, но ихъ задерживаетъ полное затишье. Нетерпѣливые греки обращаются къ оракулу и просятъ объяснить причину затишья. Оракулъ устами главнаго жреца Калхаса вѣщаетъ военачальникамъ, что причина безвѣтрія — месть Артемиды (Діаны) за то, что Агамемнонъ убилъ священную лань въ ея заповѣдной рощѣ. И умилостивить гнѣвъ оскорбленной богини можно только цѣной человѣческой жертвы изъ рода виновника.

У Агамемнона была дочь, красавица Ифигенія, невѣста быстрого Ахилла; ее-то и предстояло положить на алтарь

разгнѣванной богини. Жертва была чрезчуръ тяжела; однако Агамемнонъ покорился велѣнію оракула, и хитроумному Одиссею цари поручили заманить Ифигенію въ лагерь, чтобы тамъ въ виду всѣхъ принести ее въ жертву. Ифигенія уже стояла у жертвенника; оставалось занести ножъ и пролить невинную кровь,—какъ вдругъ появляется Ахиллъ, вырываетъ Ифигенію изъ рукъ жрецовъ, передаетъ союзнику грековъ, царю тавровъ Тоасу, и проситъ его отправить невѣсту въ далекую Тавриду, гдѣ Тоасъ незадолго предъ тѣмъ воцарился. Здѣсь Ифигенія, какъ посвященная богинѣ, сдѣлалась главной жрицей храма Діаны, которую также чтло мѣстное племя.

Проходятъ годы; троянцы упорно сопротивляются; герои-цари уже теряютъ терпѣніе подъ стѣнами многостраднаго Иліона и ждутъ его сдачи; уже интрига устранила отъ командованія Агамемнона, и онъ удалился въ родныя Микены, какъ въ лагерь союзниковъ приходитъ вѣсть, что жена Агамемнона, Клитемнестра, несмотря на свои почтенные годы, влюбилась въ молодого Эгиста и, желая возвести его на престолъ, умертвила возвратившагося съ войны мужа.

Поступокъ возмутилъ его сына, Ореста, и онъ въ припадкѣ гнѣва убиваетъ и мать, и любовника. Но когда прошелъ первыи пылъ, угрызения совѣсти начинаютъ мучить юношу. Не зная, какъ избавиться отъ душевныхъ страданій, Орестъ вопрошаетъ оракула: какъ быть? Тотъ въ искупленіе назначаетъ ему отправиться въ Тавриду, привезти оттуда сестру и одновременно захватить статую богини Діаны и принести ее въ даръ аѣнскому народу. Орестъ готовъ исполнить совѣтъ оракула и вмѣстѣ съ другомъ своимъ Пиладомъ отправляется въ далекій, малозвѣстный край на поиски сестры. Буря выбрасываетъ друзей у мыса Дѣвы ¹⁾, недалеко отъ стоящаго у обрыва храма Діаны. Стража ловитъ смѣльчаковъ, и по обычаямъ страны, какъ чужеземцевъ, ихъ готовятся принести въ жертву. Уже головы плѣнниковъ посыпаны солью. Ифигенія, какъ главная жрица, въ храмѣ ждетъ свои жертвы, и хоръ младшихъ жрицъ поетъ напутственный въ царство Аида гимнъ; остается произнести послѣднее заклинаніе и занести ножъ, чтобы дымящейся кровью оросить жертвенникъ жестокой богини,—какъ вдругъ въ чужеземцахъ Ифигенія узнаетъ брата и его друга, и ее охватываетъ мысль спасти несчастныхъ и самой бѣжать изъ скучнаго плѣна. Но какъ уйти

¹⁾ Нынѣ — Феодентъ, что у Георгіевскаго монастыря. Въ 10 верстахъ отъ Севастополя.

отъ зоркаго глаза жриць и прислужницъ? И здѣсь пускается въ ходъ самое сильное женское средство—хитрость. Ифигенія останавливаетъ обрядъ жертвоприношенія, такъ какъ обреченные еще на родинѣ осквернили себя ужаснымъ злодѣяніемъ, почему предварительно необходимо совершить обрядъ очищенія надъ плѣнниками, статую богини омыть въ чистыхъ водахъ Эвксинскаго Понта, а храмъ окурить благовонными фавелами. Но во избѣжаніе оскверненія пусть никто не выходитъ изъ своихъ покоевъ, пока у моря будетъ совершаться обрядъ очищенія. Хитрость удается. У берега заговорщиковъ ожидаетъ судно и пятьдесятъ дюжихъ гребцовъ. Минута... и они разсѣкаютъ волны по пути въ родную Элладу.—Здѣсь оканчивается мѣсъ, но вы чувствуете, что онъ переплетается съ какой-то правдой. Пусть это мѣсъ, но вотъ что пишетъ Геродотъ (V-й в. до Р. Х.): „Тавры... приносятъ въ жертву Дѣвѣ-богинѣ всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе и всѣхъ эллиновъ, какихъ захватятъ въ открытомъ морѣ. Пойманныхъ освящаютъ, какъ жертву, бьютъ палицей по головѣ, отрѣзываютъ ее, насаживаютъ на колы у храма, а тѣло сбрасываютъ съ крутизны въ море, такъ какъ храмъ стоитъ у обрыва. Богиню, которой приносятъ жертву сами тавры, называютъ Ифигеніей, дочерью Агамемнона. Съ попавшими въ ихъ руки врагами тавры поступаютъ такъ же, только голову уносить домой и, воткнувъ ее на длинный шестъ, ставятъ высоко надъ домою. Они называютъ эти головы стражами дома. Живуть тавры грабежомъ и войной“.

Прошло пять вѣковъ, и Овидій въ грустныхъ „Посланіяхъ съ Понта“, со словъ старика скиеа, передаетъ слѣдующее: „Есть въ Скиеи мѣстность,—повѣдалъ старикъ,—которую предки назвали Тавридою и которая не такъ далеко отстоитъ отъ гетской земли. Я родился въ этой странѣ и не стыжусь своей родины. Наше племя чтитъ родственную Солнцу богиню. Еще и нынѣ стоитъ ея храмъ, опирающійся на огромныя колонны; къ нему ведетъ сорокъ ступеней. Преданье гласитъ, что тамъ былъ ниспосланный съ неба кумиръ. И, вѣрь мнѣ, еще и нынѣ стоитъ тамъ подножье, лишенное кумира (статуи) богини. Алтарь, который былъ изъ бѣлаго камня, теперь покраснѣлъ отъ пролитой крови. Священнодѣйствіе совершаетъ жрица, не знавшая брачнаго фавела и превосходившая скиескихъ женщинъ знатностью рода. Тамъ царствовалъ Тоасъ, славный на Меотійскомъ побережьи, и не было на эвксинскихъ водахъ человѣка извѣстнѣе его. Въ его царствованіе, нѣкая Ифигенія прибыла сюда по прозрачному воздуху, и самъ Фебъ осторожно спустилъ ее на землю

въ этихъ мѣстахъ“. И старикъ повторилъ все сказаніе объ Ифигеніи, хорошо намъ извѣстное, — и здѣсь мнѣ и правда очевидца-скиѳа тѣсно сплелись. Несомнѣнно храмъ былъ и приносились въ немъ человѣческія жертвы.

Неподалеку отъ этого храма, на юго-западномъ берегу Таврическаго полуострова, у одной изъ многочисленныхъ бухтъ, называемыхъ эти берега, поселились кучка выходцевъ изъ греческаго города Гераклея Понтійской¹⁾. Поселенцы новое мѣстожительство назвали Херсонесомъ, т.-е. полуостровомъ, а сами стали называться „херсонаситами“, каковыя названія и утвердились временемъ; а въ отличіе отъ соименныхъ городовъ у Кимвровъ и Фракіи историки часто называли этотъ Херсонесъ Таврическимъ.

Переселеніе совершилось не позднѣе VI в. до Р. Хр.; за это говорить первое точное свѣдѣніе о Херсонесѣ, которое мы встрѣчаемъ у греческаго географа Скилакса, предпринявшаго, около 508 г., по порученію персидскаго царя Дарія Гистаспа, большое путешествіе и составившаго описаніе его. По словамъ Скилакса, „за скиѳской землей — народъ тавры; заселяютъ они мысъ материка; мысъ этотъ вдается въ море. Въ таврической землѣ живутъ эллины (у которыхъ слѣдующіе города): торговый городъ Херсонесъ, мысъ таврической земли — Бараній-лобъ²⁾. Затѣмъ опять живутъ скиѳы, въ землѣ которыхъ эллинскіе города: Февдосія, Китея, Нимфея, Пантисапей, Мирмикія“. — Какъ видно, уже въ то отдаленное время греки густо заселяли берега Тавриды.

II.

Что привело поселенцевъ въ этотъ негостепріимный край, гдѣ каждую минуту приходилось опасаться не только за имущество, но и за жизнь? Были ли это недовольные порядками и тѣснотой своей родины, какъ полагаютъ одни; или это были остатки полковъ Дарія, который ходилъ на скиѳовъ (552—486) и въ войскахъ котораго было много малоазійскихъ грековъ и имъ полюбилась эта мѣстность. Кто скажетъ теперь?

Судя по словамъ греческаго географа I-го в., Страбона, что кромѣ извѣстнаго намъ Херсонеса, лежащаго у бухты того же

¹⁾ Нынѣ турецкое мѣстечко Пендерекли на малоазійскомъ берегу между Оинопомъ и Скутари.

²⁾ Нынѣ — Аюдагъ.

названія, въ его время недалеко отъ Херсонесскаго мыса, приблизительно у нынѣшней Казачьей бухты, находились развалины „древняго“ Херсонеса, а за нимъ бухта съ узкимъ ходомъ, называемая Символовъ Symbolon) ¹⁾, можно думать, что колонисты вначалѣ поселились именно здѣсь, у Казачьей бухты, но, тѣснѣе тавро-скиѣами, вынуждены были перейти на мѣсто современнаго Херсонеса, хорошо защищеннаго съ моря обрывистыми берегами, а съ суши—крутыми балками; въ тому же эта мѣстность представляла собой мысъ, который легко было перерѣзать стѣной,—въ то время какъ мѣстность „старога“ Херсонеса у Казачьей бухты спускалась прямо въ морю и была совершенно открытою.

По предложенію извѣстнаго знатока Херсонеса и его древностей, инженера Бертъе-Делагарда, на средства археологической комиссіи, въ 1890 г., у самой Казачьей бухты, „въ мѣстности, покрытой нетронутымъ материкомъ желто-красной глины и какъ свойствомъ, такъ и общимъ видомъ ничѣмъ не отличавшейся отъ окружающаго поля, которое ровно ничего не говорило о быломъ этого мѣста, были начаты скромныхъ размѣровъ раскопки, которыя на первыхъ же порахъ дали далеко болѣе, чѣмъ ожидали. Найдены фундаменты двухъ стѣнъ,—одной изъ нихъ съ башнями. Найдены несомнѣнные остатки древне-эллинскаго города, какъ то: фундаменты, монеты, черепки посуды... Причемъ все найденное принадлежитъ исключительно древне-языческому періоду и—ни малѣйшихъ слѣдовъ христіанскаго времени“. Первые же раскопки открыли стѣны маленькаго храма, въ которомъ оказался жертвенникъ изъ трехъ плитъ въ видѣ маленькаго столика. На верхней плитѣ—древне-греческая надпись: „ДИОНИС“. За жертвенникомъ—педесталь для статуэтки бога, составленный изъ кусковъ, взятыхъ отъ другихъ зданій, конечно еще болѣе древняго происхожденія.

Находки эти одно время дали поводъ думать, что богатый древній классическій Херсонесъ находился именно здѣсь, и что намъ достались въ удѣлъ жалкіе остатки бѣднаго византійскаго городка того же имени. Однако основатель этой теоріи, Бертъе-Делагардъ скоро самъ отказался отъ нея.

Когда произошло переселеніе—пока точно не установлено, однако, судя по археологическимъ находкамъ,—не позднѣе IV в.; но скорѣе всего въ началѣ V в., такъ какъ трудно предполо-

¹⁾ Нинѣ—Балаклава.

жить, чтобы колонисты долго держались въ столь неудобномъ и мало защищенномъ мѣстѣ, какъ глубь Казачьей бухты.

Трудно приходилось поселенцамъ первые годы: немало потрачено силъ на борьбу съ природой, болѣе суровой, чѣмъ на ихъ теплой и привѣтливой родинѣ. Кромѣ того, надо было оросить безводную мѣстность, а городъ снабдить въ достаточной мѣрѣ питьевой водой. Но главное — постоянно быть наготовѣ для отраженія окружающихъ варваровъ. Мы уже видѣли, каковы были тавры; но „не лучше ихъ, — говоритъ Геродотъ, — были и ближайшіе ихъ сосѣди — скиѣ. Скиѣ пьютъ кровь перваго убитаго имъ врага, а головы всѣхъ убитыхъ въ сраженіи относятъ къ царю; потому что только принесшій голову получаетъ долю захваченной добычи. Съ головы убитаго скиѣ сдираетъ кожу, надрѣзавъ ее вокругъ до ушей. Затѣмъ, очистивъ скальпъ бычачьимъ ребромъ, привязываетъ къ уздѣ коня, на которомъ ѣздитъ, и гордится этимъ; ибо тотъ, кто имѣетъ наибольшее число скальповъ, считается самымъ доблестнымъ мужемъ. — Многіе скиѣ изъ содранныхъ кожъ человѣка, шивъ ихъ, какъ козы шкурки, дѣлаютъ себѣ плащи; другіе сдираютъ кожу съ рукъ вмѣстѣ съ ногтями и дѣлаютъ изъ нея покрышки для колчановъ“. — Таковы были сосѣди херсонитянъ.

III.

Тавры, исторія которыхъ намъ неизвѣстна, вскорѣ послѣ поселенія гераклеяцевъ въ Тавриду, исчезаютъ съ исторической сцены, оставивъ полуострову только свое имя, которое одни производятъ отъ греческаго таурос (быкъ), другіе — отъ тафрос — ровъ, выкопанная пещера, — что не покажется страннымъ, если припомнить, сколько пещеръ и пещерныхъ городовъ разсыяно по гористой части Крыма. Да и многіе греческіе писатели называютъ этотъ народъ *thafríoi* (тафріои). Ихъ мѣсто скоро заняли скиѣ, съ которыми Херсонесъ въ теченіе столѣтій ведетъ непрестанную борьбу. Поэтому интересно знать: что за народъ скиѣ? Этимъ именемъ (*skythoi*) древніе греки называли племена, обитавшія по берегамъ Чернаго моря и далеко на сѣверъ, занимая обширную площадь отъ Урала до Рейна и отъ Чернаго моря до Балтійскаго. Сами же себя скиѣ называли скелотами. Въ половинѣ V-го в. до Р. Хр., во времена Геродота, скиѣ имѣли одну религію, одинаковые нравы и обычаи, говорили однимъ языкомъ, составляя одинъ этнографическій типъ, но уже готовый раздѣ-

литься на осѣдлыхъ и кочевниковъ. Туманное преданіе гласитъ, что эти племена пришли въ Европу изъ Азіи, и на этомъ основаніи скивоовъ считали монголами. „Однако, — говоритъ проф. Самоквасовъ, — археологическія изысканія послѣднихъ десятилѣтій, масса разрытыхъ скивскихъ могилъ IV-го и III-го в. до Р. Хр., а въ нихъ сосуды, монеты, бляхи, перстни и другіе предметы съ художественными изображеніями скивоовъ, передающими черты ихъ наружности до малѣйшихъ подробностей, показываютъ, что у скивоовъ были волосы густые, лобъ высокій, глаза открытые, прямо поставленные, носъ узкій и прямой“. „Скивская форма лицевыхъ костей, — говоритъ академ. Бэръ, — не представляетъ ничего монгольскаго. Носъ у скивскихъ череповъ высокъ и узокъ (у монголовъ плоскій и широкій); нѣтъ сильно выдающихся скулъ, и мѣста прикрѣпленія височныхъ мускуловъ далѣе отстоятъ отъ средней темянной линіи, чѣмъ у монголовъ. Остатки языка и мнѣлогія также показываютъ, что скивои — чистые арійцы, или, какъ принято называть ихъ въ филологіи — индоевропейцы“.

„Среди скивскихъ племенъ особенно хорошо были извѣстны древнимъ массагеты и сарматы, а среди нихъ задолго до Р. Хр. было извѣстно обширное племя роксоланъ или россоланъ. Они, какъ можно думать, принимали участіе въ походахъ противъ знаменитаго Митридата, и были разбиты его полководцемъ Діофантомъ (около 115 г. до Р. Хр.). Недалеко отъ Херсонеса эти же россолане (русскіе алане, какъ полагаетъ Иловайскій), много вѣвовъ спустя, повидимому, приняли у историковъ имя россовъ“ (Бильбасовъ). Такъ вотъ кто были скивои, и вотъ передъ кѣмъ въ теченіе столькихъ вѣвовъ многострадальный Херсонесъ отстаивалъ свою самостоятельность и свои захваты.

IV.

Однако, несмотря на сосѣдей, готовыхъ каждую минуту воспользоваться добромъ и жизнью поселенцевъ, Херсонесская колонія росла, развивалась и богатѣла. Ея пріобрѣтенія и торговые обороты вскорѣ достигли такихъ размѣровъ, что колонія превратилась въ зажиточный и красивый городокъ, украшенный богатыми храмами, общественными зданіями и статуями. Уже въ IV, а вѣроятнѣе — въ V в. до Р. Хр. община сочла необходимымъ оградить себя и свои богатства отъ опасныхъ сосѣдей надежной стѣной. Стѣна эта, частью открытая недавними раскопками, шла ломаной линіей отъ глубины Херсо-

несской бухты до Песочной почти на протяженіи $1\frac{1}{2}$ верстѣ (по словамъ Плинія—5.000 шаговъ), пересѣкая основаніе полуострова и тѣмъ отдѣляя его отъ остальной суши. По точному обмѣру шт.-кап. Горичова, херсонесское городище занимало площадь въ 35 десятинъ 112 саж. На этой площади, даже при очень густомъ, сплоченномъ населеніи, могло пріютиться не болѣе 7—8 тысячъ жителей, да за городской стѣной могло поселиться 1—2, много 3 тысячи бѣдноты. Таково, приблизительно, населеніе классическаго Херсонеса въ цвѣтушую пору жизни, а не 50.000, какъ говорилъ извѣстный французскій путешественникъ-исслѣдователь Дюбуа-де-Монпере,—цифра, перешедшая, кажется, во всѣ путеводители, сообщавшіе свѣдѣнія о Херсонесѣ.

Городская стѣна—это гигантская, почти циклопическая постройка. Ширина ея у основанія около сажени; она сложена изъ громаднѣхъ, прекрасно тесаннѣхъ камней, до двухъ аршинъ длиной и около аршина въ высоту и пригнанныхъ такъ, что между камней совершенно не замѣчается щелей. На углахъ стѣнъ, на изломахъ ея было три круглыхъ крѣпостныхъ башни, такой же кладки. Въ городъ вело двое воротъ, замыкавшихся тяжелымъ, спускавшимся сверху затворомъ. Въ глубинѣ бухты, нынѣ частью занесенной, пристань такой же кладки, а на морѣ—отдѣльный флотъ, охранявшій городъ и торговыя суда. За такой оградой херсонитяне могли свободно и мирно заниматься не только своими дѣлами, но и искусствами, воспринимая всѣ плоды высокой эллинской культуры. И дѣйствительно, раскопки и эпиграфическіе памятники (надписи) показываютъ высокую степень культурнаго развитія и гражданскаго благоустройства херсонитянъ. Масса остатковъ богатыхъ изваяній изъ проконесскаго мрамора, украшавшихъ храмы, дома и городскія площади, груды обломковъ чудной расписной чернолаковой посуды, секретъ изготовленія которой пропалъ для насъ, быть можетъ, навсегда, изящныя терракоты, дивныя ювелирныя издѣлія поражающія даже мастеровъ совершенствомъ отдѣлки и тонкостью рѣзной работы, наконецъ, масса эпиграфическихкихъ памятниковъ говорятъ объ этомъ съ убѣдительностью. И когда осматриваешь эти остатки древности, то кажется, что они найдены не въ далекомъ провинціальномъ городѣ, граничащемъ съ варварами, а въ самомъ центрѣ греческой культуры, въ самомъ сердцѣ Эллады.

Причина такого высокаго развитія и богатства, на которое съ завистью поглядывали сосѣди,—кромѣ обширной торговли съ Греціей, куда Херсонесъ отправлялъ зерновые продукты, соль и скоть,—кромѣ громадной энергіи и предприимчивости колони-

ство, — заключалась еще и въ большой солидарности членовъ всей общины, которые крѣпко держались другъ друга и дружно защищали интересы новой родины. Что это такъ — лучше всего доказываетъ дошедшій до насъ текстъ гражданской присяги херсонянъ, которая по всѣмъ даннымъ относится къ IV в. до Р. Хр., и которая представляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпиграфическихъ памятниковъ, вообще когда-либо найденныхъ.

Вотъ она:

„Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и богинями Олимпа и героями, кои охраняютъ городъ, землю и стѣны херсонаситовъ, что всегда буду дружно стоять за благо и свободу города и согражданъ и не предамъ ни Херсонеса, ни Прекрасной Гавани, ни иныхъ укрѣплений и земель, коими херсонаситы владѣютъ или владѣли, (не предамъ) ничего никому — ни эллину, ни варвару; но буду охранять для народа херсонаситовъ; и не нарушу демократіи, а желающаго предать или нарушить отвращу, и не укрою и заявлю о немъ городскимъ (деміургамъ). Буду врагомъ злоумышляющему, предающему или склоняющему къ отпаденію Херсонасъ, Керкенииду, Прекрасную Гавань, укрѣпления и земли херсонаситовъ; и буду служить деміургомъ и членомъ совѣта какъ можно лучше и справедливѣе для города и гражданъ и... народу охраню и не передамъ на словахъ ничего тайнаго ни эллину, ни варвару, что можетъ повредить городу; не дамъ взятки и не приму ея ко вреду города и гражданъ; и не замыслу ничего дурнаго противъ гражданъ, вѣрныхъ общинъ, а на судѣ подамъ голосъ и буду судить по законамъ. Не вступлю въ заговоръ ни противъ общины херсонаситовъ, ни противъ кого-либо изъ гражданъ, если онъ не объявленъ врагомъ народа. А если я узнаю о какомъ-либо заговорѣ существующемъ или замышляющемся, то заявлю деміургамъ. Не буду продавать хлѣба изъ равнины (?), а равно вывозить въ другое мѣсто помимо Херсонеса.

„Если я свято исполню свое обѣщаніе, да ниспошлетъ Зевесъ, Солнце, Земля, Дѣва и боги Олимпа все хорошее мнѣ самому и всему роду; если же я не исполню, пусть злая судьба постигнетъ меня со всѣмъ родомъ; да не принесетъ мнѣ плода ни земля, ни море, и жена да не родить“¹⁾...

Текстъ присяги вырѣзанъ на большой мраморной плитѣ, украшенной вверху фронтономъ. Вся высота ея 139 сантим. при ширинѣ 40 сантим. и толщинѣ 11—13. Буквы надписи, въ 1—2¹/₂

¹⁾ Въ концѣ нѣсколько словъ уничтожено временемъ.

сантим., вырѣзаны очень тщательно и красиво и въ верхней части превосходно сохранились, въ нижней мѣстами попорчены, особенно по краямъ плиты. Найдена плита разбитою на двѣ части немного ниже середины. Оба куска вполне сходятся, такъ что отъ нарушенія цѣлости исчезла только одна строка, смыслъ которой не трудно возстановить. Нижняя часть плиты найдена въ октябрѣ 1890 г., а верхняя—въ мартѣ 1891 г., въ центрѣ древняго Херсонеса (недалеко отъ храма св. Владимира) въ одномъ изъ раскопанныхъ христіанскихъ храмовъ византийскаго эпохи, гдѣ плита была употреблена въ качествѣ матеріала для настлжки пола.

V.

„Изъ текста присяги, — говоритъ академикъ Латышевъ, — сразу видно громадное значеніе ея не только для пополненія нашихъ свѣдѣній о древнемъ Херсонесѣ, но и для греческихъ государственныхъ древностей вообще. Къ сожалѣнію, въ присягѣ нѣтъ прямыхъ данныхъ, позволяющихъ приурочить ее къ опредѣленному времени, но характеръ письма, особенности языка и орѳографіи документа позволяютъ приурочить ее къ срединѣ III-го или даже къ концу IV в. до Р. Х. (хотя послѣднее, сознаемся, нѣсколько рискованно)“. Намъ именно послѣднее кажется болѣе близкимъ къ истинѣ, и мы даже думаемъ, что настоящая присяга имѣетъ болѣе древнее происхожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, присяга, говоря словами того же г. Латышева, „какъ гарантія вѣрности извѣстнаго общаго, имѣла чрезвычайно широкое распространеніе у древнихъ народовъ, въ томъ числѣ и у грековъ, какъ въ частной жизни, такъ и въ государственной и общественной. По убѣжденію грековъ, клятвopреступникъ не могъ скрыться отъ боговъ и избѣжать ихъ возмездія, и если не самъ онъ, то дѣти и весь родъ клятвopреступника подвергаются великимъ несчастіямъ“. А если это такъ, то употребленіе присяги, въ виду окружающихъ условій, могло быть обязательнымъ вскорѣ послѣ основанія Херсонеса, не говоря уже о томъ времени, когда онъ разбогатѣлъ и вошелъ въ союзъ съ сосѣдними городами, а себя оградилъ надежной стѣной, — а это, надо полагать, было не позднѣе начала IV в. За глубокую древность присяги до нѣкоторой степени говорятъ и названія городовъ Керкинита и Прекрасной Гавани (Kalos Limen), на положеніе которыхъ не указываетъ ни одинъ изъ древнихъ, ни болѣе новыхъ географовъ или историковъ, и доселѣ оно остается намъ неизвѣстнымъ. Очевидно, они покончили свое существованіе,

и только имена городовъ пережили славу ихъ уже въ то отдаленное время.

Во всякомъ случаѣ присяга — очень древній памятникъ. Несомнѣнно, это официальный текстъ ея, по которому присягали вступавшіе въ общину или получавшіе права херсонесскаго гражданства, подобно тому, какъ мы присягаемъ по печатнымъ текстамъ. Въ Аѳинахъ, какъ извѣстно, молодые граждане присягали въ святищѣ Аглавры. Весьма вѣроятно, что и въ Херсонесѣ мѣстомъ приведенія въ присягѣ служилъ какой-нибудь храмъ, въ которомъ и былъ выставленъ для прочтенія присягавшимъ дошедшій до насъ текстъ.

Этотъ интересный памятникъ знакомитъ насъ не только съ духомъ и бытомъ херсонитянъ, но съ ихъ религіей и гражданскимъ устройствомъ. Изъ присяги ясно, что въ то время Херсонесъ былъ самостоятельной колоніей или, вѣрнѣе, — стоялъ во главѣ союза колоній. Въ районъ Херсонесской республики входили города Керкинитъ, Прекрасный Портъ, равнина, „другія земли“ и укрѣпленія.

Гдѣ находились эти города и что понимать подъ словами „другія земли“ — пока не удалось установить точно. Греческій историкъ-географъ Арріанъ (I в. по Р. X.) въ своемъ „Периплѣ Понта Эвксинскаго“, сообщая разстоянія между главными мѣстностями Тавриды по направленію съ востока, говоритъ совершенно опредѣленно, что отъ Херсонеса до Керкинитиды 600 стадій, отъ Керкинитиды до Прекраснаго Порта, тоже склесскаго, — 700 ст. Безымянный авторъ подобнаго же описанія прибавляетъ у себя, что отъ Прекраснаго Порта начинается Керкинитскій заливъ, простирающійся до Тамираки. Если припомнимъ, что греческая стадія равнялась 187 метрамъ, (т. е. около 92 сажень), то выйдетъ, что отъ Херсонеса до Керкиниты — около 100 верстъ, а отъ него до Прекраснаго Порта — вѣскольکو болѣе.

Поэтому думаютъ, что Керкинитъ лежалъ гдѣ-то по близости Евпаторіи, къ сѣверу отъ нея; за это говорятъ и находки въ окрестностяхъ города монетъ съ надписью Керкинитъ (собственно — Керк). Проф. Брунъ подчеркиваетъ фактъ, что на старыхъ итальянскихъ картахъ (XIV в.) недалеко отъ положенія современной Евпаторіи отмѣчается городъ Chirechinit, Chrichiniri. Здѣсь же мимоходомъ замѣтимъ, что чеканка монетъ Керкинитомъ указываетъ, что онъ въ свое время былъ вполне независимой, самостоятельной колоніей. Такихъ монетъ дошло до насъ очень немногихъ, и, вѣроятно, самостоятельность эта продолжалась недолго.

Гдѣ помѣщался Прекрасный Портъ—еще труднѣе сказать. Если принять показанія Арріана, то его надо искать гдѣ-то у вывѣшней Авъ-Мечетской бухты (нѣсколько сѣвернѣе м. Тарханъ-кутъ). Это принимаютъ такіе знатоки древней географіи, какъ проф. Брунъ, Юргевичъ и Латышевъ,—причемъ Юргевичъ указываетъ, что на средневѣковыхъ итальянскихъ картахъ въ этой самой мѣстности находится имя Calolimeua. Это совпадаетъ съ показаніями древнихъ писателей.

Что касается „равнины“, упоминаемой въ присягѣ, то здѣсь, конечно, надо понимать извѣстную часть равнины Таврическаго полуострова, которая, по словамъ Страбона, „чрезвычайно богата хлѣбомъ и, вспаханная какъ попало любымъ пахаремъ, даетъ урожай самъ-тридцать“. А „другія земли“ и владѣнія херсонитянъ въ началѣ II в. до Р. Х. выходили на сѣверъ далеко за предѣлы Таврическаго полуострова и, по словамъ извѣстнаго нумизмата Бурачкова, шли вдоль Днѣпра (Борисфена), простираясь чуть не до пороговъ, и здѣсь, на границѣ поселенія грековъ, херсонитяне вели торговлю съ обитателями сѣвера—россоланами и другими народами, стоявшими близко къ скинамъ.

Таковы предѣлы владѣній и вліяній Херсонесской республики въ этомъ періодѣ ея жизни. Какъ видно изъ присяги, Херсонесъ очень дорожилъ своими владѣніями, правленіемъ и свободой и каралъ измѣнниковъ, призывая на нихъ гнѣвъ боговъ.

VI.

Судя по остаткамъ и письменнымъ памятникамъ, городъ въ то время былъ густо застроенъ; зелени не было; но его украшали многочисленныя, богато отдѣланныя мраморомъ храмы, общественныя зданія, среди которыхъ была и гимназія, памятникъ выдающимся общественнымъ дѣятелямъ. Была въ городѣ и площадь для общественныхъ собраній (агога), навѣрное прекрасно обставленная,—такъ какъ за нею надзидало особое лицо и должность эта считалась почетной. Былъ и портъ („эмпорій“), имѣвшій своихъ отдѣльныхъ смотрителей, какъ видно изъ амфорныхъ ручекъ. Городъ и порядокъ его охранялись постоянной стражей. И благодарные граждане отмѣчали заслуги лицъ, потрудившихся на пользу города, выставляя въ честь ихъ на видныхъ мѣстахъ статуи или благодарственныя надписи. Вотъ одна изъ такихъ надписей, которая подтверждаетъ наши догадки:

„Народъ Агасиклету!

„Который ввелъ стражу и снарядилъ ее, опредѣлилъ въ полѣ межи для виноградниковъ, построилъ стѣны, устроилъ общественную площадь, былъ стратегомъ, былъ жрецомъ, управлялъ гимназіей, надзиралъ за общественной площадью“.

Херсонитяне отличали особыя услуги не только своихъ, но и постороннихъ гражданъ. Одинъ изъ памятниковъ гласитъ:

„Такъ какъ... такой-то оказалъ гражданамъ... услуги, то народъ и совѣтъ постановили похвалить за это... и дать ему право гостепрѣимства, въѣзда и выѣзда моремъ въ военное время, а равно—пріобрѣтенія земли и жилья, какъ ему, такъ и его потомству, равноправность и прочій почетъ, какой даемъ другимъ херсонитянамъ и отъ рожденія гражданамъ. Надпись эту начертать на камнѣ изъ бѣлаго мрамора и поставить въ храмѣ Эскулапа“.

Въ первомъ памятникѣ останавливаютъ вниманіе слова: „опредѣлилъ въ полѣ межи для виноградниковъ“. Очевидно, виноградарство здѣсь имѣло большое экономическое значеніе; имъ занимались на многихъ участкахъ, границы которыхъ были плохо извѣстны ихъ владѣльцамъ,—иначе межеваніе виноградниковъ не вынуждалось бы въ большую заслугу, которую слѣдовало отмѣчать въ декретѣ. Рядомъ упоминается о постройкѣ стѣнъ, конечно не городскихъ, такъ какъ этотъ важный фактъ стоялъ бы на первомъ мѣстѣ декрета, а тѣхъ, которыя отдѣляли владѣнія общественныя отъ частной собственности. Кто знаетъ,—быть можетъ, масса остатковъ стѣнъ, которыя дѣлятъ на маленькіе участки окрестности Херсонеса, ближайшія къ мысу,—последніе свидѣтели стараній Агасиклета? Какъ бы то ни было, но самый фактъ указываетъ на большой порядокъ въ общественныхъ дѣлахъ и владѣніяхъ Херсонеса. Въ политическомъ отношеніи Херсонесская республика, насколько показываютъ присяга и другіе памятники, представляла благоустроенную гражданскую общину съ строго демократическимъ правленіемъ, во главѣ котораго стоялъ совѣтъ, избранный народнымъ собраніемъ закрытой баллотировкою. Въ совѣтъ, да и на другія общественныя должности, судя по словамъ присяги: „буду служить демиургомъ и членомъ совѣта какъ можно лучше и справедливѣе“, могъ попасть каждый полноправный гражданинъ. Во главѣ совѣта стоялъ председатель въ званіи перваго архонта, протевона, проэдра и т. п. Существовало и званіе царя и главнаго жреца, которые обыкновенно совмѣщались въ одномъ лицѣ; за это говорятъ надписи; ю каковы были размѣры этой власти—установить пока не уда-

лось. Можно думать только одно— что должность царя была выборная. Археологія сохранила намъ много именъ въ званіи архонтовъ, протевонновъ, царей; вотъ они: Агасиклетъ, Аполлодоръ, Архиклей, Эвридамъ, Гераклъ, Гераклидъ, Гимнъ, Ксанфъ, Котисъ, Менестратъ, Хорей, Эскинъ и много другихъ, имена которыхъ мы читаемъ на эпитафическихъ памятникахъ и современныхъ монетахъ. Была отдѣльная должность стратега— начальника войскъ. По юридической части были должности деміурговъ, на обязанности которыхъ было слѣдить за точнымъ исполненіемъ законовъ и пещись о демократіи. Тѣ и другіе избирались закрытой баллотировкой, написавъ имя и отчество избранника на глиняныхъ пластинкахъ или камешкахъ. Былъ особый начальникъ гимназіи и смотритель порта агоры (площади общихъ собраній).

За порядкомъ во всемъ городѣ, за правильностью мѣръ, вѣсовъ и чеканкой монеты слѣдилъ особый чинъ, въ званіи астюнома (полиціймейстера). Ихъ имена дошли до насъ на многочисленныхъ ручкахъ амфоръ, мѣдныхъ сосудовъ для продажи маслъ, вина и другихъ продуктовъ. Были, конечно, и другія должности, но о нихъ мы знаемъ мало опредѣленнаго.

VII.

Вмѣстѣ съ энергіей и порядкомъ гераклеоты принесли въ Херсонесъ и свои вѣрованія. Присяга и другіе памятники даютъ довольно свѣдѣній о религіозныхъ воззрѣніяхъ херсонитянъ. Въ ряду боговъ на первомъ мѣстѣ они ставятъ Зевса, за нимъ — Землю (Гея — Церера), Солнце (Гелиосъ), Дѣву, подъ которой слѣдуетъ понимать Артемиду-Діану, а за ними уже слѣдуютъ олимпійскіе боги и герои, покровители города и его владѣній.

Дѣва, какъ мы узнаемъ отъ Страбона и изъ декрета въ честь полководца Діофанта, считалась главной покровительницей города; она имѣла отдѣльный храмъ рядомъ съ храмомъ олицетвореннаго покровителя города „Херсонеса“. Въ честь ея ежегодно совершался праздникъ Partheneia ¹⁾, съ торжественнымъ ходомъ, во время котораго провозглашались благодарности и награды, дарованныя городомъ извѣстнымъ лицамъ.

Особое уваженіе къ богинѣ-дѣвственницѣ выражалось и въ томъ, что она почти всегда изображалась на лицевой сторонѣ древнѣйшихъ херсонесскихъ монетъ (отъ IV в. до Р. X. по II в.

¹⁾ Отъ слова parthenos—дѣва.

по Р. X.) или вся, въ видѣ охотницы, поражающей оленя, или только ея голова съ охотничьими принадлежностями.

Процвѣталъ въ Херсонесѣ и культъ Геракла (Геркулеса), такъ какъ херсонитяне считали себя потомками героя и на древнѣйшихъ монетахъ нерѣдко изображали голову героя или, по крайней мѣрѣ, его палицу. Вмѣстѣ съ Геркулесомъ высоко чтился и его потомокъ — Асклепій (Эскулапъ), и, какъ мы видѣли выше, въ городѣ былъ храмъ его имени. На монетахъ этого періода иногда изображался Эскулапъ вмѣстѣ съ богиней здоровья Гигеей. На оборотной сторонѣ этихъ монетъ обыкновенно изображался дикій бодающійся быкъ (по-гречески *tauros*), отъ котораго, какъ говоритъ Геродотъ, и народъ, и горы, и весь полуостровъ получили названіе Тавриды.

Есть указанія и на то, что въ Херсонесѣ были отдѣльные храмы веселому сыну Юпитера, Діонису (Вакху), и не менѣе веселой богинѣ любви Афродитѣ (Венерѣ). Одна изъ надписей II в. до Р. X. гласитъ о возобновеніи святилища вѣчно пьянаго бога „вждивеніемъ гражданина Пасіада, сына Артемидора, занимавшаго должности царя (губернатора?) и жреца“. Что касается храма Венеры, то изъ надписей того же вѣка на карнизахъ дошедшихъ до насъ колоннъ мы узнаемъ, что нѣкій Аврелій Эрмократъ, сынъ Тимофея, пожертвовалъ на ея храмъ изъ городскихъ суммъ 3.000 денаріевъ ¹⁾. Изъ надписей на другихъ колоннахъ того же храма мы узнаемъ, что на колонны жертвовали Діоскуридъ, сынъ Діоскура, и Хризъ, сынъ Фарнака, — каждый по 500 денаріевъ. Аврелій, сынъ Приска, — 300 денаріевъ. Въ спискѣ жертвователей находятся Маркіанъ, сынъ Гая, изъ Гераклеи (прародительницы Херсонеса), Валеріанъ и др. Какъ видно, культъ богини любви имѣлъ много богатыхъ поклонниковъ, какъ среди грековъ, такъ и римлянъ, поддерживавшихъ храмъ щедрыми по своему времени пожертвованіями. Была ли то золотая молодежь, или увядающая въ любви старость — исторія скромно умалчиваетъ.

Вѣроятно, были и еще храмы, или если не храмы, то алтари въ честь другихъ боговъ; но о нихъ пока можемъ только догадываться. Отсюда видно, что херсонитяне по-своему были религіозны, но оказывали явное предпочтеніе веселымъ богамъ. А разъ были храмы, то были и празднества, игры и состязанія въ честь боговъ. И надо думать, что херсонитяне и въ этомъ отношеніи старались не отставать отъ своей метрополи и далекой родины;

¹⁾ Древняя римская монета цѣной около 40 коп.

на этомъ поприщѣ они даже приобрѣли нѣкоторую извѣстность въ эллинскомъ мѣрѣ. Такъ имѣются положительныя свѣдѣнія, что дельфійцы въ концѣ II в., конечно до нашей эры, отправили въ Херсонесъ двухъ пословъ съ приглашеніемъ принять участіе въ дельфійскихъ играхъ и празднествахъ. Херсонитяне оказали посламъ самый радушный пріемъ, выразили въ особомъ декретѣ свое расположеніе и отправили въ Дельфы отвѣтное посольство. Здѣсь херсонесскіе послы Форміонъ и Гераклидъ принесли отъ лица своей общины жертвы покровителямъ истмійскихъ игръ — Аполлону изъ 100 головъ скота и Аѣинѣ изъ 12-ти; причемъ жертвоприношенія начинались быками и жертвенное мясо раздѣлили между дельфійскими гражданами. — Въ благодарности за такое высокое вниманіе къ божеству, щедрость и дружбу, дельфійцы постановили выразить гражданамъ Херсонеса похвалу въ декретѣ и даровать право первенства при вопрошаніи ихъ оракула. Посламъ пожалованы проксенія, т.-е. права дельфійскаго гражданства, и щедрые подарки, а весь декретъ постановлено вырѣзать на камнѣ и поставить въ храмѣ Аполлона.

За щедрый подарокъ — не менѣе щедрая оплата. Но надо было быть очень богатымъ, чтобы дѣлать подобные подарки. А дельфійцы, вѣроятно, были не первые и не одни.

Херсонитяне не только принимали участіе въ греческихъ играхъ и состязаніяхъ, но даже выходили на нихъ побѣдителями. Доказательства у насъ на лицо. Такъ въ склепѣ, помѣщавшемся въ городской стѣнѣ, гдѣ найдено столько чудныхъ вещей, столько сокровищъ греческаго искусства, помѣщалась, между прочимъ, большая свинцовая ваза, вѣроятно, въ свое время золоченая; на ней крышка съ надписью на горлѣ, исполненной углубленными точками: „Призь съ праздника Анакій“ ¹⁾. Кто былъ счастливымъ обладателемъ этой вазы, намъ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ она была большимъ почетомъ для города отдаленной отъ Эллады провинціи, граничившей съ землями варваровъ, и городъ почтилъ память побѣдителя, похоронивъ его останки въ самомъ почетномъ склепѣ. Въ жизни Херсонеса это было цѣлое событіе, и стоило чествовать его. „Въ Аѣинахъ, какъ справедливо замѣчаетъ гр. Бобринскій, открывалось состязаніе не съ своимъ братомъ обитателемъ береговъ Понта, а съ чемпионами всей Греціи. Въ столицу Аттики стекались знамени-

¹⁾ Анакій — святилище въ честь Діоскуровъ, покровителей мореплавателей и гимнастовъ, недалеко отъ Аѣинъ.

тости всей Эллады, Малой Азии и далекихъ итальянскихъ колоній. Словомъ, весь современный цивилизованный міръ пріѣзжалъ состязаться и любоваться знаменитыми играми... Много ли было надеждъ обитателю далекой Тавриды на какой-либо успѣхъ въ соревнованіи съ первоклассными атлетами греческаго міра? И вдругъ побѣда!.. Въ Херсонесѣ уже ждутъ съ нетерпѣніемъ вѣстей и возвращенія депутатовъ изъ Аѳинъ, чтобы узнать ходъ игръ и имена побѣдителей. Наконецъ, желанный день насталъ. Дуетъ попутный вѣтеръ, и одинъ за другимъ появляются корабли, возвращающіеся изъ Аѳинъ.—Что это?—мачты главнаго судна украшены вѣнками и яркими вымпелами! Уже слышатся восторженные голоса, и... херсонитяне узнаютъ къ своей гордости, что такой-то ихъ гражданинъ удостоился торжественнаго провозглашенія своего имени и города и получилъ въ призъ великолѣпную вазу работы извѣстнаго аѳинскаго художника. Съ какимъ торжествомъ вносится награда побѣдителя въ городъ! Какая встрѣча ему! Вотъ онъ въ лавровомъ вѣнкѣ шествуетъ впереди всѣхъ къ главному храму, хоръ поетъ ему гимнъ. За нимъ толпятся родные, женщины, дѣти и граждане Херсонеса. Побѣдная ваза торжественно вносится въ храмъ и ставится на почетномъ мѣстѣ. А въ назиданіе потомству подъ нею на мраморномъ пьедесталѣ вырѣзывается надпись, гласящая о побѣдѣ ея счастливаго обладателя... И драгоценный сосудъ простоятъ въ храмѣ на славу родному городу до самой смерти добывшаго ее атлета. Только тогда снимутъ вазу съ пьедестала, наполнять ее цѣнными предметами и опустятъ въ могилу, и онъ увесетъ свой призъ съ собой туда... въ загробную жизнь, какъ воспоминаніе лучшихъ минутъ“...

Херсонитяне, какъ вся Эллада, какъ большинство языческихъ народовъ, вѣровали, что душа умершаго, продолжая свое самостоятельное существованіе даже за могилой, можетъ являться живымъ во снѣ, бесѣдовать съ ними, принимать участіе въ ихъ житейскихъ дѣлахъ и жить интересами, которые волновали ее до разлученія съ тѣломъ. Вслѣдствіе этого они полагали, что для души прежде всего нужно жилище, удобная могила, гдѣ бы душа могла найти покой. Мысль остаться непогребеннымъ для древняго грека была такъ же страшна, какъ для средневѣковаго христіанина мысль о мукахъ ада. Вотъ почему древній грекъ дѣлаетъ возможно удобную могилу, обставляетъ и снабжаетъ ее всѣмъ, что умершимъ было мило и дорого на землѣ: лучшая одежда, оружіе, украшенія, которыя покойный носилъ на землѣ, предметы его профессіи: у художника—его краски, у ваятеля—рѣзецъ, у лѣпщика—его формы, у дѣтей—игрушки... все

шло въ сѣлепъ или могилу. Иногда богатые клали на голову умершаго лавровый или золотой вѣнокъ, напоминавшій его подвиги въ жизни, а кто не могъ положить вѣнка, то хоть золотымъ листкомъ закрывалъ умершему глаза; въ ногахъ его ставили сосуды для яствъ и питей, иногда даже утварь и деньги. Гдѣ сжигались трупы, тамъ сжигались на кострѣ и эти предметы и съ пепломъ покойнаго попадали въ урну. Ничего не утаивали, не стѣсняясь цѣнностью, изъ боязни навлечь на себя месть души умершаго или даже кару боговъ. Такъ какъ, прежде чѣмъ перейти въ царство тѣней, душа покойника должна была переплыть въ лодкѣ рѣку Забвенія (Лету), то почившему въ зубы вкладывалась по установленной таксѣ малоцѣнная мѣдная монета.

Благодаря такимъ обычаямъ, благодаря культу мертвыхъ, въ усыпальницахъ Херсонеса, которыя плотной цѣпью окружали городъ и во множествѣ разсѣяны въ ближайшихъ балкахъ (въ древности хоронили даже непосредственно за стѣнами города), до насъ дошла, съ точной датой Харона, масса самыхъ разнообразныхъ и самыхъ цѣнныхъ предметовъ обихода, которые восстанавливаютъ картину жизни древняго херсонесца во всѣхъ ея мелочахъ.

Идеаломъ греческаго воспитанія было гармоническое развитіе души и тѣла. И если въ Херсонесѣ атлетика стояла такъ высоко, что его сыны получали призы на панѣллинскихъ играхъ, то, навѣрное, херсонесскіе юноши успѣвали не менѣе и въ наукахъ. Мы уже знаемъ, что въ Херсонесѣ была гимназія, и благодарность народа ея начальнику показываетъ, что содержалась она въ образцовомъ порядкѣ. Но до насъ пока дошли свѣдѣнія только объ одной гимназій, а сколько ихъ было—мы не знаемъ. Исторія не сохранила намъ ни одного имени херсонесскаго ученаго, философа или историка. Но значить ли, что ихъ не было? Когда читаешь хронику Константина Порфиророднаго (X в.), такъ и чувствуешь, что свѣдѣнія о прошломъ Херсонеса онъ черпалъ у херсонесскихъ хронистовъ или, по крайней мѣрѣ, слушалъ ихъ рассказы.

Если такъ мало положительныхъ свѣдѣній о херсонесской наукѣ, зато масса памятниконъ искусствъ и художественныхъ вещей. Вспомните колоссальную и прекрасно сложенную городскую стѣну съ крѣпостными башнями. Взгляните на остатки большихъ зданій, открытыхъ въ послѣднее время. А масса колоннъ чуднаго мрамора, капителей, карнизовъ всѣхъ стилей и тонкой работы! Мраморы, за неимѣніемъ своихъ, привозились изъ родной Эллады и, какъ говорятъ спеціалисты, изъ бога-

тѣхъ ломокъ Проконеса ¹⁾). Какъ показываютъ находки, карнизы и капители не всегда доставлялись отдѣльными, иногда — и вчернѣ; а это ужъ школа для мѣстныхъ мастеровъ. И эти груды мрамора, украшающія и окружающія дворъ херсонесскаго музея, остались послѣ того какъ въ средніе вѣка гетуэцы, венеціанцы и турки нещадно тащили отсюда все, что возможно и имѣло хотя какую-нибудь цѣнность.

Не мало дошло до насъ и терракотовыхъ издѣлій, служившихъ украшеніемъ и дома, и комнатъ, и несомнѣнно изготовлявшихся здѣсь же, въ Херсонесѣ. Такъ, при раскопкахъ у берега моря, была открыта большая мастерская художественныхъ терракотовыхъ издѣлій. Она состояла изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ находилась обжигательная печь, въ другомъ — складъ моделей изъ терракоты, въ которыя оттискивались фигуры; между ними — большіе медальоны съ мнѳологическими группами, крышки для посуды, модели масокъ Аполлона, Діониса, Сатира, чудныя женскія головки. Восковые оттиски или, лучше сказать, отливки показали тонкую, изящную работу моделей. Масса обломковъ расписной черно-лаковой посуды, сохранившей всю свѣжесть рисунка и отдѣлки, показываетъ, что херсонесцы обладали большимъ вкусомъ и поддерживали живыя связи съ Элладой и эллинскимъ востокомъ.

Но что поражаетъ въ херсонесскихъ находкахъ не только любителя, но и знатока, это — украшения изъ золота и драгоценныхъ рѣзныхъ камней. Здѣсь изящество, художественность работы, какъ бы соперничаютъ между собой, и такихъ вещей найдена масса.

Одно изъ золотыхъ ожерелій, состоящее изъ медальоновъ съ драгоценными камнями и съ подвѣской въ видѣ бабочки, оцѣнивается знатоками въ пятнадцать тысячъ рублей, и когда крупному петербургскому ювелиру показали эту находку, онъ былъ удивленъ мастерствомъ выполненія подобной работы. О камняхъ и перстняхъ я уже не говорю: они поражаютъ тонкостью и художественностью исполненія. И все это дошло до насъ исключительно благодаря поклоненію душамъ усопшихъ, такъ какъ драгоценныя украшения и мелкія вещи домашняго обихода чаодатъ только въ могилахъ и склепахъ. Многія изъ этихъ произведеній древности хранятся теперь въ Эрмитажѣ и московскомъ Историческомъ музеѣ, куда направляются главныя на-

¹⁾ Островъ на Мраморномъ морѣ, славившійся своимъ мраморомъ и мастерами.

ходки раскопокъ, но немало интереснаго остается и на мѣстѣ, въ херсонесскомъ музеѣ древностей.

Само собой разумѣется, что лица, умѣвшія цѣнить подобныя вещи, должны быть очень культурными и имѣть на то средства; ихъ давала обширная торговля Херсонеса. Мы уже знаемъ, что Таврида въ то время славилась урожаями хлѣба; „Аттика получала отсюда половину хлѣба, нужнаго ей для прокормленія своего многочисленнаго населенія“ (Кулаковскій). Страбонъ говоритъ, что босфорскій царь Левконъ I-й (388—347 до Р. Хр.) вывезъ изъ Θεодосіи въ Аѳины 2.100.000 медимновъ ¹⁾ хлѣба. Если Θεодосія, съ ея неудобной открытой бухтой, могла вывезти столько, то хорошо защищенный отъ вѣтровъ Херсонесъ, съ его длинной бухтой, могъ вывезти не меньше. Какъ видно изъ текста присяги, хлѣбная торговля Херсонеса строго регулировалась властями и въ извѣстное время даже воспрещался вывозъ зерна изъ „равнины“.

Такъ какъ во владѣннхъ Херсонеса и его ближайшихъ сосѣдей были соляныя озера съ громадной добычей соли, то чрезъ посредство его вывозилась въ Грецію масса соли. Хлѣбъ и соль были главными предметами торговли. Вывозились отсюда, вѣроятно, скоть и кожи. Объ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ херсонесцевъ говорятъ монеты разныхъ греческихъ городовъ, найденныя при раскопкахъ города. По словамъ К. К. Косцюшко-Валюжинича, чаще всего попадаются монеты Пантикалея, Амиса, Синопа, Гераклеи, Ольвіи, Пропонтиды, изрѣдка Θεодосіи и Тиръ (Аккерманъ), и выходящихъ изъ предѣловъ Эвевинскаго Понта—Византіи, острова Родоса и болѣе отдаленныхъ—Галатіи и даже Тарента. Херсонесцы вели торговлю также со скинами и народцами вверхъ по Днѣпру, и если отъ нихъ не осталось монетъ, такъ потому, что ихъ не было: торговля была мѣновая или шла на монету ближайшихъ самостоятельныхъ городовъ, чеканившихъ монету. Въ 1889 г. въ раскопкахъ нашли двѣнадцать серебряныхъ слитковъ, по $\frac{1}{2}$ ф. каждый,—ужь не наши ли древніе „рубли“?

Съ IV по I в. до Р. Х. Херсонесъ чеканилъ собственную серебряную и мѣдную монету. Полагаютъ, что въ римскую эпоху Херсонесъ чеканилъ и золотую монету, но ея дошло до насъ чрезвычайно мало. Оно и понятно: высокая цѣнность заставляла хранить и при каждомъ погромѣ уносить ее съ собой. Серебряной и особенно мѣдной дошло много и разной цѣнности.

¹⁾ Мѣра сыпучихъ тѣлъ, равная, приблизительно, двумъ четверикамъ (около пяти ведеръ).

На древнѣйшихъ херсонесскихъ монетахъ чаще всего изображались покровители колоній: Артемида, поражающая лань, и Гераклъ, рѣже — Аполлонъ, Афродита, Побѣда, и др.; на оборотной сторонѣ — волъ, дельфинъ, палица, львы, корабли, грифы, луки, стрѣлы, колесницы, воины и т. п. Найдено нѣсколько свинцовыхъ кружковъ съ изображеніемъ Гермеса (Меркурія), орла, дельфина. По мнѣнію нумизмата Бурачкова, это — медали, жетоны, которые выпускались во время празднествъ въ честь различныхъ божествъ, почитавшихся въ Херсонесѣ. Приобрѣтались они за плату и, можетъ быть, служили входными знаками на игры и зрѣлища. Г. Косцюшко-Валюжиничъ считаетъ ихъ за вотивные знаки. Изъ всего видно, что въ то отдаленное время Херсонесъ былъ живымъ торгово-промышленнымъ и образовательнымъ центромъ, откуда эллинская культура распространялась между сосѣдними варварами и далеко на сѣверъ. Культура вѣками облагораживала дикіе нравы тавровъ, скивовъ и ихъ соплеменниковъ, смягчала ихъ и насаждала среди нихъ образованіе. Чѣмъ ближе къ нашей эрѣ, тѣмъ чаще и чаще попадаются имена скивовъ, которые получали права гражданства и даже играли видную роль въ политической жизни херсонесской общины; имена скивовъ попадаются даже среди посланниковъ и ходатаевъ по дѣламъ общины.

VIII.

Однако, не надо думать, что жизнь херсонесцевъ протекала тихо и мирно. Уже одна гигантская стѣна показываетъ, что необходима была, хотя и очень дорогая, но надежная защита отъ скивскихъ племенъ, которыя не могли смотрѣть равнодушно ни на богатства, ни на завоевательныя стремленія и захваты херсонесцевъ. Мы уже знаемъ, что херсонесцы владѣли плодородной долиной, но, какъ извѣстно, площадь ея была невелика, и херсонесцы обязывались клятвой не продавать ея урожая. При такихъ условіяхъ предприимчивые греки стремились увеличить площадь владѣній, и то, что захватили, прочно держали. До насъ сохранился изуродованный сколокъ акта о продажѣ херсонесскихъ земель, изъ котораго видно, что особая комиссія продавала участки отдѣльнымъ лицамъ. Однако приобрести таковыя, какъ показываютъ документы, могли не всѣ, а только тѣ, кто пользовался этимъ правомъ, т. е. правомъ херсонесскаго гражданства. Бывало, ко-

вечно, и такъ, что участокъ не могъ приобрести недавній законный владѣлецъ его—аборигенъ.

Прошло много вѣковъ, и дикіе скиѣи времянь Геродота подь вліяніемъ тѣхъ же грековъ сильно измѣнились: они восприняли многое изъ эллинской культуры и уже стали дѣлиться на осѣдлыхъ и кочующихъ. Это уже были не тѣ скиѣи, и полумифическій другъ Солона, скиѣи Анахарсисъ, сталъ живымъ и обиденнымъ лицомъ. Анахарсисовъ уже было много, и соотечественники не убивали ихъ за проведеніе новыхъ идей, а принимали дома, какъ желанныхъ гостей. Да и греки охотно давали имъ права гражданства, а въ степяхъ устьевъ Борисѣена и Истра (Днѣпра и Буга) скиѣи готовы были слиться съ греками и почти образовали особое племя эллино-скиѣи. Словомъ, среди скиѣи съ вѣками все болѣе и болѣе увеличивалось число „сознательныхъ“, и они уже не могли равнодушно смотрѣть на захваты и хозяйничанье въ ихъ исконной странѣ пришлыхъ грековъ, игравшихъ въ то время ту же роль, что нынѣшніе европейцы во владѣніяхъ Китая. При такихъ условіяхъ столкновенія двухъ народовъ были неизбежны. И дѣйствительно, и историки, и обломки археологій позволяютъ догадываться о постоянныхъ столкновеніяхъ между скиѣи и херсонесцами. И по мѣрѣ того какъ варвары культивировались, борьба становилась для грековъ труднѣе. Такъ идетъ до середины третьяго вѣка (до Р. Х.). Но вотъ волею судебъ падаетъ значеніе Аѣи, а вмѣстѣ съ ними—и всей классической Элады. Призрачную свободу съ трудомъ поддерживаютъ Ахейскій и Этолійскій союзъ. Но трудно грекамъ вырваться изъ цѣпкихъ когтей тиранновъ, поставленныхъ македонскими царями. Падаютъ связи съ понтійскими колоніями, падаетъ торговля съ ними, и это сильно отражается на дѣлахъ Херсонеса, который былъ поставщикомъ и комиссіонеромъ Аѣи, котора въ этотъ періодъ до нѣкоторой степени замѣняетъ островъ Родосъ. Средства общины уменьшаются; борьба становится не подь силу; а тутъ еще появляется новый политическій и торговый врагъ и сосѣдъ въ видѣ Боспорскаго царства, которое за это время успѣло наложить свою тяжелую руку на торговлю Херсонеса и уже повушалось на его политическую свободу.

На противоположномъ Херсонесу (восточномъ) берегу Таврическаго полуострова, какъ разъ у самаго пролива Боспора Киммерійскаго (Керченскаго), около VII в. до Р. Х., а можетъ быть и ранѣе, возникла, подобно Херсонесу, греческая колонія Пантикапей (Керчь), которая со временемъ „организовалась въ своемъ

внутреннемъ устройствѣ по тому типу, въ какой вообще улаживалась политическая жизнь грековъ, т.-е. по типу городской республики. Въ ряду понтійскихъ колоній Пантикапей въ своихъ судьбахъ выдѣляется прежде всего тѣмъ, что онъ не остался городомъ, какъ другіе, а превратился въ центръ значительнаго политическаго цѣлаго, при чемъ верховная власть организовалась здѣсь на иныхъ началахъ" (Кулаковскій). Еще въ началѣ V в., во время персидскихъ войнъ, въ Пантикапей захватилъ власть одинъ изъ представителей греческаго рода Археанактидовъ. Затѣмъ ихъ смѣнила династія варварскаго происхожденія, вѣроятно еракійскаго, Спартакидовъ. При первыхъ правителяхъ этой династіи Пантикапей расширилъ свое значеніе и превратился изъ города въ царство. Расширеніе предѣловъ власти пантикапейскихъ правителей совершилось путемъ подчиненія сосѣднихъ, самостоятельныхъ дотогдѣ греческихъ городов—каковы: Мирмекій, Гермизій, Нимфей, Фанагорія и др., и даже сосѣднія варварскія племена и селившіяся далеко по берегамъ Меотійскаго озера (Азовскаго моря) признали ихъ власть. Такимъ образомъ образовалось Боспорское царство, или просто Боспоръ. Это имя примѣнялось и для обозначенія самого города, служившаго центромъ державы Спартакидовъ. Одному изъ внуковъ Спартака—Левкону удалось утвердить свою власть и въ Θεодосіи (IV в.), судя по его титулу на одной изъ надписей — „архонтъ Боспора и Θεодосіи“. Къ слову сказать, исторію Боспора, какъ исторію Херсонеса, мы узнаемъ не на основаніи греческихъ историковъ, которые „мало интересовались судьбами своихъ отдаленныхъ родичей“, а главнымъ образомъ на основаніи монетъ и надписей, извлекаемыхъ при раскопкахъ. Сынъ Левкона, Перисадъ, уже называется „архонтомъ Боспора и Θεодосіи, царемъ синдовъ и всѣхъ меотовъ“. Такимъ образомъ Боспоръ являлся значительной политической силой и въ то же время это былъ крупный торговый центръ, снабжавшій чрезъ Аіоны Элладу хлѣбомъ, мѣхами, кожами и другимъ сырьемъ, получая въ обмѣнъ вино, масло, ткани, предметы убранства и роскоши, не только для себя, но и для сосѣднихъ варваровъ, входившихъ во вкусъ цивилизаціи. Вспомнимъ чудныя скинскія вазы чертомлыцкой и куль-обской гробницы, которыми можно любоваться въ музей Эрмитажа, и которыя несомнѣнно были изготовлены греческими мастерами специально для владѣтельныхъ скиновъ. И аіоняне, какъ показываютъ памятники, высоко ставили и боспорскихъ царей, и боспорскихъ гражданъ, отличая тѣхъ и другихъ во время празднествъ и торжественныхъ процессій. Есть свѣдѣнія

о томъ, что боспорскіе цари просили у аеинянъ дать имъ моряковъ, и просьба была исполнена.

Въ концѣ II вѣка до Р. Х., нѣсколько скиескихъ племенъ, замѣтивъ, что торговля, а вмѣстѣ съ ней и силы херсонесцевъ слабѣютъ, падаютъ, соединились, подъ главенствомъ престарѣлаго, но энергичнаго царя Скилура, и задумали не только отобрать у Херсонесской республики свои владѣнія, но даже наложить на херсонесцевъ дань. Уже сынъ Скилура, Палакъ, успѣлъ завоевать нѣсколько приморскихъ городковъ и укрѣпленій и, по видимому, готовился обложить Херсонесъ, который на этотъ разъ оказался не въ силахъ отстаивать своими средствами свою самостоятельность. Херсонесцы рѣшили было обратиться къ боспорскому царю Перисаду (IV или V в.), но у него самого дѣла были также плохи, и онъ самъ не зналъ, какъ избавиться отъ наложенной Палакомъ дани. Тогда херсонесцы рѣшили обратиться за помощью (около 115 г.) къ могущественному малоазійскому властелину, царю Каппадокіи, Митридату Евпатору, знаменитому въ исторіи своей непримиримой враждой къ Римской имперіи. Митридатъ согласился помочь, и, по совѣту своего начальника войскъ, Діофанта, собралъ армию, посадилъ ее на суда и отправилъ въ Херсонесъ, подъ командой того же Діофанта. Діофантъ хотя и съ большимъ усиленіемъ, но отвоевалъ обратно владѣнія херсонесцевъ, разбилъ скиеовъ въ открытомъ полѣ и надолго отбилъ у нихъ охоту воевать съ греками. Въ благодарность за такую услугу и необыкновенный подвигъ херсонесцы поставили Діофанту въ городѣ статуи съ надписью, подробно излагающей всѣ дѣянія полководца на пользу херсонесцевъ. Судьба не сохранила намъ статуи Діофанта, но зато сохранила намъ полностью подножіе съ надписью. Эта надпись лучше расскажетъ, чѣмъ мы, всю исторію этого періода жизни города.

„Діофантъ, сынъ Асклепідора, синопецъ, нашъ другъ и благодѣтель, и виновникъ всякаго добра для каждаго изъ насъ, склонилъ царя Митридата Евпатора къ прекраснѣйшимъ и славнѣйшимъ дѣяніямъ. Онъ же, призванный царемъ, взялся вести войну со скиеами, и сдѣлалъ со всѣмъ войскомъ отважную переправу черезъ море, и прибылъ въ нашъ городъ. Когда же скиескій царь Палакъ внезапно напалъ съ большими полчищами, то (Діофантъ) далъ сраженіе и разбилъ скиеовъ, считавшихся до того времени непобѣдимыми. Благодаря чему, царь Митридатъ Евпаторъ первый изъ всѣхъ воздвигъ трофей побѣды. Послѣ того Діофантъ покорилъ окрестныхъ тавровъ и на томъ мѣстѣ основалъ городъ. Ходилъ въ мѣста, граничившія съ Боспоромъ, и, совер-

ширь въ короткое время многія важныя дѣянія, воротился въ сосѣднія намъ мѣстности и, набравъ гражданъ цвѣтущаго возраста, проникъ въ сердце Скиѣи, овладѣлъ скиѣскими крѣпостями Хабами и Неаполисомъ и подчинилъ почти всѣхъ скиѣовъ власти царя Митридата Евпатора. И за это народъ, освобожденный отъ гнета варваровъ, благоговѣнно почтилъ царя достойнымъ образомъ“.

„Однако вѣроломные скиѣи возстали и отложились, почему Діофантъ вновь посланъ царемъ Митридатомъ Евпаторомъ, и хотя время шло къ зимѣ, онъ, взявъ войска и лучшихъ изъ гражданъ, двинулся на прежнія скиѣскія крѣпости, но распутье помѣшало ему; онъ повернулъ въ приморскія мѣста, вновь овладѣлъ Керкинитомъ и укрѣпленными пунктами, а затѣмъ началъ осаду Прекраснаго Порта. Въ это самое время Палакъ, полагая, что погода помогаетъ ему, собралъ всѣ свои войска и привлекъ, сверхъ того, орду ревисналовъ. Но покровительница херсонитякъ Дѣва-богиня въ храмѣ своемъ предзнаменовала успѣхъ и влила бодрость и отвагу во все войско. Когда Діофантъ построилъ полки, то послѣдовала побѣда, славная для Митридата Евпатора и памятная на всѣ времена; ибо изъ непрітельской пѣхоты не спасся никто, а изъ конницы лишь немногіе успѣли уйти. А затѣмъ, не тратя времени въ бездѣйствіи, взявъ съ собою лучшихъ гражданъ, пошелъ въ началѣ весны на Хабы и Неаполисъ и заставилъ бѣжать непрітеля, послѣ чего отправился въ Боспоръ и сосѣднія съ нимъ мѣста, гдѣ убѣдилъ и остальныхъ скиѣовъ подчиниться. Такимъ образомъ и эти дѣла покончилъ прекрасно и съ пользой для царя Митридата Евпатора. Но послѣ этого скиѣи, во главѣ которыхъ стоялъ Савмакъ, устроили переворотъ и убили бывшаго воспитателя Савмака, боспорскаго царя Перисада, а противъ него, Діофанта, составили заговоръ. Діофантъ, по причинѣ явной опасности, сѣвъ на корабль, отправленный къ нему (херсонесскими) гражданами, прибылъ къ нимъ и просилъ ихъ о помощи, а съ началомъ весны, при добромъ содѣйствіи Митридата Евпатора, снова явился съ сухопутнымъ и морскимъ войскомъ и, взявъ отборныхъ гражданъ, съ тремя морскими отрядами изъ нашего города, овладѣлъ Феодосіей и Пантикапеемъ, наказалъ виновниковъ возстанія и, захвативъ Савмака, отъ руки котораго погибъ Перисадъ, послалъ его въ царство (Митридата). Такъ какъ Діофантъ, завершившій такія дѣла во славу царя Митридата Евпатора, дѣйствовалъ на пользу херсонессцевъ и нашимъ посламъ показывалъ свое расположеніе и готовность служить, то народъ, чтобы

всѣмъ было видно, какую приносить онъ благодарность своимъ благотворителямъ, чрезъ совѣтъ постановилъ: возложить на Діофанта, сына Асклепιάдора, золотой вѣнокъ во время торжественнаго шествія на праздникѣ Дѣвы и огласить чрезъ распорядителей, что народъ награждаетъ вѣнкомъ Діофанта, сына Асклепιάдора, уроженца города Синопа, за доблесть и расположение къ народу". „Сверхъ того народъ постановилъ воздвигнуть ему мѣдную статую въ военномъ облаченіи въ акрополѣ, возлѣ жертвенниковъ Дѣвы и Херсонеса, о чемъ поручается озаботиться упомянутымъ ниже чинамъ, съ тѣмъ, чтобы все было сдѣлано какъ можно скорѣе и какъ можно лучше. А надпись начертать на подножѣ статуи, а деньги на всѣ издержки выдать казначеямъ храмовыхъ суммъ. Такое постановленіе сдѣлано совѣтомъ и народомъ въ девятнадцатый день мѣсяца Діонисіа при архонтѣ царѣ Агелѣ, сынѣ Аагорина, при предсѣдателѣ сената Меніѣ, сынѣ Геракла и секретарѣ Д... сынѣ Аоенея". Этотъ интересный документъ найденъ лѣтомъ 1877 г. при раскопкахъ средней части города, недалеко отъ храма св. Владимира. Мраморный камень, на которомъ сдѣлана надпись, разбитъ пополамъ. Размѣръ его: высота около 1 метра, ширина 30 сант., толщина 12 с. Камень, очевидно, служилъ подножіемъ статуи Діофанта, такъ какъ на немъ видны углубленія для ногъ. Надпись испорчена только по краямъ и потому читается легко; хранится она въ Эрмитажѣ.

Комментаріи здѣсь не нужны. Далекое прошлое Херсонеса встаетъ передъ нами въ живой, полной жизни картинѣ. Здѣсь ясно видно, въ какомъ положеніи находился Херсонесъ въ началѣ I в. до Р. X. И хотя въ декретѣ ни слова не говорится о зависимости херсонесцевъ отъ Митридата, и напротивъ, декретъ подъ конецъ какъ бы умышленно игнорируетъ участіе царя въ этихъ походахъ и дважды повторяетъ, что „народъ и совѣтъ постановилъ“ почтить заслуги знаменитаго полководца, надо думать, что херсонесцы, избавившись отъ гнета скифовъ, должны были, не теряя автономіи, признать надъ собою власть каппадокійца и платить ему дань. Ближайшій историкъ этихъ событій, географъ Страбонъ, утверждаетъ даже, что съ этого времени Херсонесъ потерялъ свободу и до двадцати годовъ новой эры подчинялся боспорскимъ, собственно понтійскимъ царямъ, распространившимъ власть на Боспоръ. Но врядъ-ли можно говорить о полномъ подчиненіи Херсонеса. По крайней мѣрѣ, известный знатокъ херсонесской нумизматики, Кене, совершенно основательно указываетъ на тотъ фактъ, что на монетахъ, к-

торыя надо отнести къ этому періоду, стоитъ надпись „свободнаго Херсонеса“, что врядъ-ли могло имѣть мѣсто, еслибы городъ утратилъ свободу. Вѣроятно же всего подчиненіе Боспору выразалось только данью, и тотъ же Страбонъ точно указываетъ размѣры дани, говоря, что Митридатъ съ своихъ новыхъ владѣній получалъ ежегодно 180.000 медимновъ хлѣба и 200 талантовъ серебра, что на нашу мѣру составляетъ 400 тысячъ пудовъ хлѣба и около 250.000 рублей деньгами. Сколько приходилось на долю Херсонеса—пока не извѣстно.

IX.

Итакъ, съ избавленіемъ отъ скивовъ Херсонесъ сталъ данникомъ понтійскаго царя, и такимъ образомъ памятникъ Діофанту сдѣлался въ то же время памятникомъ потери независимости Херсонеса и сталъ на рубежѣ новой исторіи города, подчинившагося новому владыкѣ міра—Риму. Къ этому быстрымъ темпомъ велъ непримиримый врагъ римлянъ Митридатъ. Въ самомъ дѣлѣ, событія повеселись какъ бы съ головокружительной быстротой. Прошло нѣсколько короткихъ лѣтъ, и недовольный своей зависмостью Пантикапей, воспользовавшись тѣмъ, что Митридатъ затѣялъ съ Римомъ новую войну, вздумалъ освободиться отъ опеки Митридата, который, по сказанью историковъ, оставилъ здѣсь (какъ, вѣроятно, и въ Херсонесѣ) понтійскій гарнизонъ въ обезпеченіе правильной уплаты дани. Получивъ извѣстіе о возстаніи на Боспорѣ, Митридатъ послалъ туда отрядъ подъ командой Неоптолема, который разбилъ боспорцевъ зимою на льду замерзшаго пролива, а лѣтомъ—вторично тамъ же въ морскомъ сраженіи. Утвердивъ такимъ образомъ вновь свою власть, Митридатъ посадилъ здѣсь въ 80-хъ г. до Р. X. своего сына Махара въ званіи правителя сѣверныхъ областей своей державы, которая въ то время обнимала большую часть Малой Азіи. Въ составъ ея, между прочимъ, входила и родина херсонесцевъ—Гераклея. И можно думать, что она-то и позаботилась пригласить Митридата и его полководцевъ для защиты интересовъ херсонесцевъ.

Прошло пятнадцать лѣтъ. На военныхъ поляхъ Малой Азіи, для защиты римскихъ интересовъ въ этихъ мѣстахъ и для отмщенія Митридату за избіеніе 100.000 римлянъ, появился Лукуллъ; онъ продолжаетъ побѣды своего энергичнаго предшественника Суллы и вскорѣ располагается лагеремъ подъ стѣнами столицы

Понтийскаго царства, Синопа. Махаръ, считая дѣло своего отца проиграннымъ, вступаетъ въ переговоры съ врагомъ, обѣщаетъ доставить въ римскій лагерь провіантъ, который назначался для осажденнаго Синопа, и выдать римлянамъ сокровища своего отца, за что и признается Римомъ въ званіи самостоятельнаго правителя Боспорскаго царства и союзника Рима. Въ это время (около 70-го года) Лукулла смѣняетъ еще болѣе энергичный Помпей. Онъ окончательно вытѣсняетъ Митридата изъ его азіатскихъ владѣній, и недавно грозный властитель вынужденъ бѣжать на Боспоръ, преодолевая чрезвычайныя трудности. Пантикапей открываетъ ворота своему законному владыкѣ, а Махаръ бѣжитъ въ Херсонесъ и здѣсь же лишаетъ себя жизни, боясь мести отца, который въ былое время не постѣснился казнить свою мать и на виду у цѣлаго войска собственноручно задушить своего непокорнаго племянника, царя Вифиніи, Аріарата VII.

Митридатъ, обладавшій желѣзной волей, несмотря на свой преклонный возрастъ (шестьдесятъ-пять лѣтъ), не унывалъ. Онъ заключилъ союзъ съ своими недавними врагами скиво-сарматами и направилъ свою завоевательную дѣятельность на придунайскія земли. Въ головѣ безпокойнаго старика уже засѣлъ смѣлый планъ: пройти эти страны, поднять обитавшія тамъ племена противъ всюду тѣснившаго Рима, напасть и раздавить его съ сѣвера. Дѣла, казалось, шли успѣшно, и Митридатъ уже готовился приводить въ исполненіе свой несбыточный планъ, какъ возмутились его же собственныя войска, и даже его любимый сынъ Фарнакъ руководилъ мятежниками. Старецъ не выдержалъ и послѣ тщетной попытки отравить себя ядами (онъ, какъ извѣстно, долго приучалъ себя къ ядамъ) закололъ себя мечомъ при помощи одного галла (64 г.). Въ ознаменованіе своей покорности Риму Фарнакъ переслалъ Помпею въ Синопъ трупъ отца, и, подобно брату, былъ признанъ союзникомъ Рима и правителемъ стоявшихъ подъ властью его отца земель.

Такимъ образомъ Митридатъ, благодаря властолюбію и своей ненависти къ римлянамъ, ввелъ, помимо желанія, сѣверное побережье Эвксинскаго Понта съ его колоніями, въ томъ числѣ и Херсонесъ, въ кругъ римскихъ политическихъ интересовъ и тѣмъ обусловилъ подчиненіе Херсонеса всесильному Риму. Фарнакъ своей безразсудной тактикой еще болѣе усилилъ вліяніе Рима на эти провинціи. Пользуясь, по примѣру отца, раздорами въ столицѣ міра и тѣмъ, что Помпей и Цезарь сошлись на Фарсальскихъ поляхъ, оспаривая другъ у друга владычество надъ римскимъ міромъ, Фарнакъ возмечталъ воротить себѣ царство

предковъ въ Малой Азіи, и переправился туда съ большимъ войскомъ. Ему уже удалось подчинить себѣ Колхиду, часть Каппадокіи и Понта, но дальнѣйшіе успѣхи были задержаны извѣстіемъ о возстаніи противъ него на Боспорѣ, которое поднялъ его родичъ Асандръ. Между тѣмъ въ Малую Азію явился Цезарь, послѣ побѣды надъ Помпеемъ, и въ августѣ 47-го г. и въ той же провинціи Понта нанесъ Фарнаку рѣшительное пораженіе, о которомъ сообщилъ сенату въ трехъ знаменитыхъ словахъ: „Veni, vidi, vici!“ — „Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!“

Съ остатками своихъ силъ Фарнакъ бѣжалъ на Боспоръ. Ему удалось овладѣть Пантикапеемъ и Θεодосіей, но въ рѣшительной битвѣ съ Асандромъ онъ былъ разбитъ и палъ на полѣ сраженія (47 г.). Съ тѣхъ поръ Асандръ остался правителемъ Боспора до самой смерти (16 г. до Р. X.), именуя себя на монетахъ сначала „архонтомъ“, а нѣсколько позднѣе царемъ и „другомъ римлянъ“. Асандру наслѣдовала его супруга, дочь Фарнака, Динамія. Въ Керчи и у Тамани (Фанагоріи) найдены три пьедестала, на которыхъ въ былое время красовались статуи императора Августа и его супруги Ливіи. На пьедесталахъ — надпись: „Царица Динамія, другъ римлянъ, императору Августу спасителю и благодѣтелю“ — титулъ, которымъ обыкновенно украшали имена повелителей и сюзереновъ.

Въ правленіе Динаміи на Боспорѣ явился искатель приключеній, нѣкій Скрибоній, который выдавалъ себя за внука Митридата, посланнаго изъ Рима принять царство. Динамія поторопилась повѣрить смѣлому авантюристу и отдала ему свою руку. Но вскорѣ, по порученію императора Августа, его полководецъ Агриппа вмѣшался въ это дѣло и предоставилъ боспорскій тронъ нѣкоему Полемону. Скрибоній былъ убитъ, и Полемонъ вмѣстѣ съ трономъ получилъ и руку вдовы Динаміи. Однако правленіе его продолжалось не долго. Около 8-го г. до Р. X., подъ руководствомъ Аспурга, какъ нѣкоторые полагаютъ, сына Асандра и Динаміи, на Боспорѣ произошло возстаніе, во время котораго Полемонъ палъ, и власть перешла къ Аспургу, который правилъ по 38 г. по Р. X. Въ какихъ отношеніяхъ былъ Херсонесъ къ Боспору, тавро-скѣнамъ и Риму въ этотъ періодъ, т.-е. отъ смерти Митридата и до конца правленія Аспурга, — объ этомъ нѣтъ пока положительныхъ данныхъ. Можно думать, что Херсонесъ не принималъ прямого участія ни въ авантюрѣ Фарнака, ни въ столкновеніяхъ Боспора съ Римомъ, да и не зависѣлъ отъ Боспора, — за это убѣдительно говоритъ надпись временъ Аспурга, въ которой онъ именуется „другомъ весаря и другомъ римлянъ, царемъ всего

Боспора, Феодосія, синдовъ, меотовъ, тарпейтовъ, торетовъ, пессовъ и тавантовъ и покорителемъ скивовъ и тавровъ⁴, т.-е. величается такъ же, какъ и его отдаленные предшественники IV в., Левконъ и Песады I. И если тавро-скивы въ это время были подчинены Пантикапелю, то врядь-ли они допускали агрессивныя дѣйствія по отношенію къ Херсонесу. Было и другое основаніе для скивовъ держать себя осторожно по отношенію къ тому же Херсонесу. Дѣло въ томъ, что Римъ уже при Фарнакѣ наложилъ свою тяжелую руку на Боспоръ; трудно думать, чтобы давленіе ея миновало Херсонесъ; а къ началу новой христіанской эры римляне уже распространили свою власть на всю Тавриду. Такъ въ одной боспорской надписи 14-го г. по Р. Х. императоръ Августъ называется „повелителемъ всей земли и моря“. И несомнѣнно Херсонесъ былъ въ полной зависимости отъ Рима. Плиній Старшій въ своей „Исторіи“ прямо говоритъ, что „римляне дали Херсонесу права элевтеріи и автономіи“. На это большой знатокъ херсонесскихъ древностей, покойный проф. Юргевичъ замѣчаетъ, что свободу здѣсь надо понимать въ римскомъ смыслѣ: городъ остался зависимымъ отъ римлянъ, но имѣлъ свое собственное управленіе, устройство и нѣкоторыя льготы.

Когда Херсонесъ сталъ подчиняться римлянамъ, и когда онъ получилъ отъ нихъ свободу? Темный вопросъ.

Бертъ-Делагардъ, Кулаковскій и другіе полагаютъ, что это случилось около 25—24 г. до Р. Х., такъ какъ, судя по одной изъ надписей конца V в., именно этимъ годомъ начинается херсонесская эра, которая могла быть приурочена только къ очень важному событію въ жизни города, а таковымъ могла быть свобода, хотя бы и относительная. Конечно, за такое высокое покровительство городъ такъ или иначе долженъ отплачиваться, хотя бы уже за то, чтобы не быть подчиненнымъ вѣчно бунтовавшимъ боспорцамъ. И, конечно, римляне ревниво смотрѣли и слѣдили, чтобы Херсонесъ не соединился съ Боспоромъ, и тѣмъ не усиливалъ непокойнаго пограничнаго врага. Тѣмъ болѣе, что, по словамъ Плинія, въ его времена Херсонесъ былъ богатымъ, благоустроеннымъ городомъ, который „предъ всѣми сосѣдними городами отличается блескомъ и который во всей чистотѣ сохранилъ древнія греческія привычки и языкъ“. Проф. Кондаковъ такъ рисуетъ себѣ картину Херсонеса того времени. „То была богатая греческая колонія съ храмами, алтарями, пританеемъ¹⁾,

¹⁾ Prytaneion—общирное общественное зданіе, служившее для торжественныхъ надобностей, какъ приемъ пословъ, чествованія общественныхъ дѣятелей, торже-

въ которомъ постоянно горѣлъ огонь, привезенный изъ Гераклеи Понтійской, метрополи Херсонеса. На видномъ мѣстѣ стояли конныя и портретныя статуи знаменитыхъ херсонесскихъ мужей, выставлены были псефизмы, или правительственныя постановленія. На перекресткахъ также были выставлены декреты и статуи, и, по примѣру другихъ греческихъ колоній, въ городѣ было нѣсколько площадей и базаровъ". И раскопки показываютъ, что особенно цѣнныя вещи находятся чаще всего въ склепахъ именно римскаго періода.

X.

Подъ покровительствомъ римлянъ жизнь Херсонеса протекала сравнительно спокойно и тихо. Только въ концѣ царствованія Нерона (около 65 г. по Р. Х.) среди варварскихъ народовъ на сѣверъ отъ нижняго Дуная произошли какія-то волненія, которыя, судя по дошедшей до насъ (изъ Ольвіи) эпитафіи римскому савоннику Плавцію Сильвану, угрожали безопасности границъ имперіи, а также и городу Херсонесу. „Плавцій вмѣшался въ дѣла варваровъ, перешелъ Дунай и отогналъ скивоовъ отъ Херсонеса, который былъ въ осадѣ, расширилъ границы имперіи, переселилъ множество варваровъ за Дунай, отвелъ имъ земли для мирнаго земледѣльческаго труда, и установилъ прямыя торговыя сношенія между Херсонесомъ и Римомъ. Впервые, какъ отмѣчено въ эпитафіи, въ римскіе государственные запасы хлѣба отправлены были большія партіи хлѣба изъ Херсонеса“ (Кулаковскій). По словамъ современника этихъ событій, еврейскаго историка Іосифа Флавія, для охраны римскихъ интересовъ въ восточныхъ частяхъ Эвксинскаго Понта былъ посланъ трехтысячный отрядъ и эскадра изъ сорока кораблей. Несомнѣнно, часть отряда и этой эскадры размѣстилась въ Херсонесѣ. Съ этого времени Херсонесъ подчиненъ римскому намѣстнику придунайской провинціи Нижней Мезіи, обнимавшей въ то время нынѣшнюю Болгарію, Добруджу, и нижнее теченіе Тира и Гипаниса (Днѣстра и Буга). Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ надпись на пьедесталѣ статуи, воздвигнутой въ честь Секста Ветуллея Цереалиса, состоявшаго намѣстникомъ этой провинціи при императорѣ Веспасіанѣ (70—79 гг.).

Несмотря на присутствіе римскаго гарнизона, Херсонесъ ственныя засѣданія народнаго совѣта, храненіе государственныхъ пенатовъ, и въ особенности для поддержанія священнаго огня своей родины, съ которой всегда поддерживались самыя близкія связи.

пользовался широкой свободой. Такъ при преемникѣ Веспасіана, императоръ Титъ, въ Херсонесѣ чеканилась золотая монета съ громкой надписью „царствующаго Херсонеса“, т.-е. обладающаго царскими правами, что повторяется и на надписяхъ. По этому поводу Бертье-Делагардъ замѣчаетъ: „Если вспомнить, что въ римское время чеканка даже съ изображеніемъ императора была дозволена въ видѣ единственнаго исключенія только на Боспорѣ, то нельзя не придти къ выводу, что херсонесскіе статеры ¹⁾, на которыхъ даже нѣтъ и намековъ ни на Римъ, ни на императоровъ, указываютъ на такую свободу, о которой и помыслить не смѣли города, пользовавшіеся отъ Рима элевтеріей, т.-е. правомъ свободы“.

Однако свободныхъ херсонитянъ сильно беспокоилъ римскій гарнизонъ. Весь этотъ періодъ и нѣсколько болѣе поздній (до середины III в.) въ жизни города не отмѣченъ ни однимъ крупнымъ политическимъ событіемъ, и дошедшіе до насъ памятники этого періода заключаютъ въ себѣ также просьбы херсонитянъ къ императорамъ о подтвержденіи и расширеніи ихъ свободы и главнымъ образомъ жалобы на дурное поведеніе римскихъ солдатъ, съ появленіемъ которыхъ разгулъ и развратъ, принесенные изъ Рима, приняли самыя широкіе размѣры: въ Херсонесѣ появились публичные дома и въ такомъ количествѣ, что жадные римляне вздумали эксплуатировать ихъ съ цѣлями фиска, установивъ на нихъ специальный налогъ (*pornicon thelos*). На одной изъ гробницъ византійскаго періода найдено три куска тонкой мраморной плиты, покрывавшей могилу. На обломкахъ въ общемъ въ 1 1/2 кв. аршина, — отчетливо нарѣзанная надпись вверху по гречески, а внизу по-латыни. Къ сожалѣнію, изъ нея уцѣлѣла едва половина, изъ которой все же удастся возстановить смыслъ документа, заключающаго въ себѣ переписку Херсонеса съ римскимъ правителемъ (вѣроятно, губернаторомъ Мезіи) о какихъ-то ходатайствахъ и пошлинахъ съ домовъ терпимости. Вотъ какъ передаетъ надпись академикъ Латышевъ, подробно изучившій ее.

Прежде всего предлагается херсонесскому совѣту выставить въ публичномъ мѣстѣ для всеобщаго свѣдѣнія копию какаго-то императорскаго указа; затѣмъ доводится до свѣдѣнія херсонитянъ, что не будетъ сдѣлано никакихъ измѣненій въ дѣлѣ, о которомъ они ходатайствовали. Копію этого письма губернаторъ приказалъ трибунамъ Аттилию Приміану и Валерію Максиму

¹⁾ Статеръ—греческая золотая монета, на наши деньги—около 7 руб. Позднѣйшій херсонесскій статеръ относится къ 134 г. по Р. Хр.

помѣстить на камнѣ подь своимъ письмомъ, и херсонитянамъ предлагается вырѣзать на камнѣ настоящее распоряженіе впереди другихъ документовъ.

Заканчивается эта часть надписи по обычаю времени словами: „желаю вамъ здравія“.

Въ дальнѣйшемъ содержится подробное изложеніе обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ жалобѣ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе потери здѣсь значительной части текста, о подробностяхъ можно только догадываться. Но смыслъ жалобы таковъ: „Полагаясь на указы правителей касательно „дѣвичьей пошлины“, херсонитяне считали возможнымъ снисходительно относиться къ отдѣльнымъ нарушеніямъ постановленій. Но когда римскіе воины стали открыто нарушать столь прочныя узаконенія (!) и позволять себѣ насильственные поступки, они рѣшили заявить объ этомъ правителю, какъ своему благодѣтелю, и выражаютъ надежду, что правитель охранитъ дарованныя имъ права въ мѣстахъ, подлежащихъ этой пошлинѣ, и благосклонно приметъ ихъ просьбу, нужнѣе которой нѣтъ ничего для людей, понимающихъ все значеніе цѣломудренной жизни и желающихъ охранять чистоту нравовъ“.

Въ концѣ документа правитель заявляетъ, что онъ предписалъ трибуву Аттилію Приміану принять мѣры, чтобы ни херсонитяне не терпѣли неприятностей вопреки существующимъ постановленіямъ, ни римскіе солдаты не преступали предписанныхъ предѣловъ. При этомъ высказывается угроза за неисполненіе предписаній о пошлинѣ и нарушеніе тишины и спокойствія гражданъ. И предписывается: одинъ экземпляръ этихъ правилъ выставить на видномъ мѣстѣ къ общему свѣдѣнію.

Этотъ отрывокъ такъ типиченъ, такъ характеризуетъ время и бытъ, что положительно не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

Было, вѣроятно, немало и другихъ столкновеній и неприятностей, которыя заставляли посылать ходатаевъ въ Римъ и хлопотать объ избавленіи отъ римской „свободы“. Однако изъ этихъ ходатайствъ, какъ показываютъ памятники, часто не выходило ничего, и послы возвращались ни съ чѣмъ. Но было въ жизни Херсонеса какое-то важное дѣло, о которомъ граждане долго хлопотали и очевидно безуспѣшно. Тогда обратились къ содѣйствію своей метрополи — Гераклеи, которая и исходатайствовала желаемое. Благодарные граждане поставили псефизмъ, который и дошелъ до насъ почти полностью. Вотъ онъ:

„Въ добрый часъ! Такъ какъ высокочтимые отцы гераклеоты

съ родственнымъ чувствомъ позаботились о нашемъ спасеніи и, приложивъ все стараніе и всю неподдѣльную любовь, отправили къ богу нашему и владыкѣ императору Титу Элію-Адриану-Антонину посольство всячески молить за насъ, а божественные отвѣты и милостиво дарованныя благодѣянія переслали черезъ знатнѣйшихъ мужей, Геракла сына Мнестея и Прокла сына Мемнона, то мы сочли долгомъ усердно вознаградить ихъ. Посему совѣтъ и народъ постановилъ восхвалять за эти дѣянія прародительскій нашъ... городъ и первый въ Понтѣ....“

За что была благодарность, что выхлопотали гераклеоты, — повторяемъ, пока не выяснено. Но во всякомъ случаѣ для неизбалованныхъ исполненіемъ просьбъ херсонесцевъ услуга была велика. Интересно въ этомъ памятникѣ раболѣпное отношеніе къ римскому императору. Гдѣ тотъ свободный тонъ, которымъ дышитъ каждая строка псефизма Діофанту, посланному царемъ Митридатомъ, имя котораго вспоминается только вскользь, безъ раболѣпныхъ эпитетовъ, точно необязательная прибавка? Очевидно, свободное ярмо Рима было очень тяжело для херсонитянъ, которые столько лѣтъ и такъ безуспѣшно старались сбросить его. Въ другой разъ въ своемъ патріотическомъ желаніи херсонитяне зашли такъ далеко, что своего гражданина Аристона, сына Аттина, въ особомъ декретѣ благодарили только за то, что онъ шесть лѣтъ безрезультатно ходатайствовалъ передъ императоромъ Антониномъ о дарованіи свободы „царствующему Херсонесу“. Декретъ этотъ помѣщенъ на подножіи статуи, изваянной художникомъ Кифисодотомъ, написанъ въ видѣ отдѣльныхъ благодарностей, помѣщенныхъ въ отдѣльныхъ вѣнкахъ... Изъ документа ясно, что Аристонъ былъ прекраснымъ ходатаемъ по важнымъ общественнымъ дѣламъ, и не его вина, что императоръ шесть лѣтъ держалъ его въ Римѣ и упорно отказывалъ въ просьбѣ, точно боялся исполнить ее. Юргевичъ, Латышевъ, Бобринскій и другіе полагаютъ, что просьба была о полной свободѣ города, которой не хотѣли давать изъ опасенія усилить окраины.

Въ этомъ документѣ обращаетъ на себя вниманіе посольство къ боспорскому царю Реметалку (131—154) съ предложеніемъ заключить союзъ, конечно не противъ Рима, который считался всемогущимъ, а противъ окружающихъ варваровъ (тавро-скивовъ), которые, вѣроятно, позволяли себѣ агрессивныя дѣйствія, пользуясь тѣмъ, что римскій гарнизонъ былъ удаленъ изъ Херсонеса (134 г.). Очевидно, въ этотъ періодъ Херсонесъ былъ вполне самостоятельнымъ. Но долго ли продолжалась такая самостоятельность,

это—вопросъ другой. Вѣроятно, недолго. Сохранилась надпись того же времени, тоже на пьедесталѣ статуи, поставленной городомъ Демократу, сына Аристогена. Въ надписи говорится о его многократныхъ путешествіяхъ въ Римъ за свой счетъ въ качествѣ посла отъ Херсонеса. Демократъ занималъ разныя должности, былъ прекраснымъ гражданиномъ и славился краснорѣчіемъ, но, какъ видно, оно мало помогло, такъ какъ въ декретѣ ни слова объ успѣхѣ. Однако велика была заслуга продолжительныхъ мытарствъ: и народъ и совѣтъ почтили Демократа „вѣчнымъ провозглашеніемъ“ и статуей. А вѣдь до насъ дошла только часть отказовъ, которые вкусили настойчивые херсонитяне. Но то, чего не удалось достигнуть одному лицу, удалось цѣлому посольству изъ Гераклеи Понтійской. Выходитъ такъ, что ходатайство Аристора предшествовало ходатайству гераклеотовъ.

Къ эпохѣ императора Антонина относится еще декретъ о дарованіи гражданства и разныхъ привилегій гражданину Синопца Каю Эвтихіану Навклару за разныя услуги. Замѣчательна судьба этого памятника. Когда-то въ былыя времена, быть можетъ при одномъ изъ разгромовъ, онъ былъ разбитъ на двѣ части. Одна изъ нихъ была найдена въ 1822 г. на берегу Волги, въ развалинахъ древней столицы татарскихъ хановъ Сараѣ, куда сносили добычу со всѣхъ мѣстъ, гдѣ бывали татарскіе набѣги; а другая — въ 1893 г. (т.-е. 71 годъ спустя) — уже въ Херсонесѣ. Дальнѣйшая политическая исторія римскаго Херсонеса такъ же однообразна, такъ же неинтересна и такъ же мало извѣстна. Тѣ же ходатайства о свободѣ, тѣ же жалобы на солдатъ, которыхъ то убирали, то ставили вновь, тѣ же декреты о благодарностяхъ лучшимъ гражданамъ. Съ каждымъ столѣтіемъ греческій духъ падаетъ, и уже въ серединѣ III в. городъ хотя и пользуется благосостояніемъ, но уже не чеканитъ свою монету, уже чаще называется Херсономъ и постепенно опускается до степени римскаго провинціального города, занятаго римскимъ гарнизономъ; причемъ римскіе офицеры постепенно начинаютъ занимать должности, которыя въ свободныхъ городахъ занимали выборные граждане.

Но если такъ неинтересна и незначительна политическая роль римскаго Херсонеса, то зато уже съ первыхъ годовъ ювой эры онъ получаетъ выдающееся значеніе въ христіанскомъ црѣ. Къ этому мы и переходимъ.

XI.

Въ то время какъ старѣющій Римъ все болѣе и болѣе разрастается, все болѣе погружается въ роскошь и утонченный развратъ, страдая отъ пресыщенія и скуки, — когда подъ жельзною властью Рима и подъ гнетомъ несправедливостей и непосильныхъ налоговъ изнывали покоренные народы въ ожиданіи смерти или обновленія жизни, — на далекой окраинѣ Римской имперіи, въ мало извѣстномъ уголкѣ Палестины раздается вроткій и любовно взывающій голосъ: „Прійдите ко мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ. Да возлюбите другъ друга, да возлюбите враговъ вашихъ, какъ самихъ себя, и миръ будетъ между вами!“

И Херсонесъ одинъ изъ первыхъ озаряется свѣтомъ новаго ученія и въ распространеніи его приобрѣтаетъ выдающееся значеніе. Сохранилось преданіе, что апостолъ Андрей Первозванный приходилъ въ Херсонесъ. Такъ, въ житіи апостола, написанномъ около VIII — IX в., говорится, что апостолъ, „оставивъ Теодосію, городъ многолюдный и образованный... отправился въ Херсонъ, какъ жители Херсона намъ рассказывали. Херсаки же (херсонитяне) — народъ коварный и до нынѣшняго дня туги на вѣру, лгуны и поддаются влеченію всякаго вѣтра. Андрей, пробывъ у нихъ довольно дней, воротился въ Боспоръ и, нашедши корабль, переплылъ въ Синопъ“. А разъ апостолъ былъ въ этихъ мѣстахъ, то, несомнѣнно, проповѣдывалъ здѣсь божественное ученіе и тѣмъ посѣялъ первыя сѣмена христіанства. Но это было только началомъ.

Въ концѣ I в. въ христіанскомъ мірѣ Херсонесъ занялъ исключительное положеніе, благодаря тому, что сдѣлался мѣстомъ ссылки знатныхъ римлянъ, принявшихъ христіанство и ставшихъ первыми страдальцами за новую вѣру. Такъ извѣстно, что племянница императоровъ Тита и Домиціана (79—96), Флавія Домицилла, за принятіе христіанства была сослана въ Херсонесъ, гдѣ, будто бы, жила въ заточеніи. Въ концѣ I в., въ царствованіе Траяна, сюда сосланъ былъ главный римскій епископъ Климентъ.

Такъ какъ жизнь и дѣятельность этого проповѣдника и учителя церкви, здѣсь же пострадавшаго за свои убѣжденія, имѣетъ большое значеніе не только для Херсонеса, но и для всего христіанскаго міра, то на ней мы остановимся нѣсколько подробнѣе,

ва основаніи дошедшихъ до насъ легендъ, не устраняя изъ нихъ даже чудеснаго элемента, который, точно сіяніе, окружаетъ дѣла проповѣдника; удаливъ это сіяніе, увидимъ историческій образъ. Климентъ родился въ Римѣ, въ знатной фамиліи. Отецъ его былъ сенаторомъ. По преданію, во время его ранняго дѣтства, мать Климента должна была оставить Римъ и отправиться въ Аѳины съ двумя старшими дѣтьми. Но буря занесла корабль на одинъ изъ малоазійскихъ острововъ, и мать съ дѣтьми въ числѣ другихъ попала въ руки пиратовъ. Отецъ Климента, желая отыскать семью, предпринялъ долгое путешествіе. И маленькій Климентъ, оставшійся дома, росъ одинокимъ среди богатой, роскошной обстановки, не зная ни материнской любви, ни ласки. Предоставленный себѣ уже съ юныхъ лѣтъ, онъ часто задумывался надъ религіозными вопросами. Языческія вѣрованія и многочисленныя боги не могли ни успокоить, ни разрѣшить мучившихъ его вопросовъ и сомнѣній. Климентъ, какъ и многіе въ его время, ясно сознавалъ всю несостоятельность римскихъ боговъ, олицетворявшихъ собой всѣ человѣческія слабости и ни одной добродѣтели, и занимавшихся, какъ учила религія, главнымъ образомъ пирами и скверными похождениями. Да и сами императоры, уже много поколѣній получавшіе царскій вѣнецъ путемъ крови своего предшественника, и весь императорскій дворъ въ цѣломъ ряду поколѣній распатали устои боговъ, приняли всѣ ихъ земныя атрибуты и задолго до Климента стали именоваться божественными и просто богами. Имъ строили храмы; предъ ихъ изображениями приносились жертвы и курили еиміамъ. Въ это же время на далекомъ востокѣ разгорѣлась заря новаго любвеобильнаго ученія, которое мирило съ тяжелымъ настоящимъ и много обѣщало въ будущей жизни. Новое ученіе уже задолго до Климента проникло въ Римъ и привлекало много вѣрующихъ, готовыхъ пострадать за свои убѣжденія. Плѣвило оно и сомнѣвавшася въ язычествѣ Климента и увлекло его прямо на востокъ, къ самому источнику христіанства. Въ Александріи, говоритъ преданіе, Климентъ встрѣтилъ апостола Варнаву, слушалъ его проповѣдь и поученія. Въ Кесаріи ¹⁾ встрѣтилъ апостола Павла и отъ него принялъ крещеніе (62 г.), долгое время путешествовалъ съ нимъ и раздѣлялъ и опасности, и труды апостольской проповѣди, и возможно, что слова апостола въ посланіи къ филиппійцамъ: „Ей, прошу и тебя, искренній сотрудникъ, помогай имъ, подвизавшимся въ благовѣствованіи вмѣстѣ со мною и съ

¹⁾ Въ Малой Азіи.

Климентомъ и съ прочими сотрудниками моими, которыхъ имена въ книгѣ жизни“ (IV, 3)—относятся именно къ нашему Клименту. По мнѣнію епископа кипрскаго Эпифанія (323—402), Климентъ былъ поставленъ во епископа апостоломъ Петромъ.

Во время своего епископства въ Римѣ Клименту пришлось вытерпѣть весь ужасъ гоненій на христіанъ при императорѣ Домиціанѣ (81—96). Но Климентъ хорошо понималъ, что гоненія происходятъ не отъ непріязни къ христіанской вѣрѣ, такъ какъ императоры и римскіе жрецы мало интересовались вопросами даже своей религіи и терпѣли у себя всѣ вѣроисповѣданія, но тѣмъ и другимъ нужно было, чтобы повелѣнія императоровъ считались божескими, а христіане, вѣруя во Единаго Бога, не хотѣли признать императоровъ богами и тѣмъ уничтожали всю идею о всемогуществѣ и непоколебимости власти императоровъ. Это было государственнѣмъ преступленіемъ, которое каралось мучительной смертью. Перспектива ея не пугала Климента; онъ твердъ былъ въ вѣрѣ и показалъ здѣсь примѣръ самоотверженія. Во время гоненій онъ раздѣлилъ Римъ между семью писцами и съ помощью ихъ собиралъ и записывалъ свѣдѣнія о мученическихъ подвигахъ послѣдователей Христа. Подвиги эти только ободряли Климента, и онъ продолжалъ поучать, обращать ко Христу и крестить даже высокопоставленныхъ лицъ. По одному изъ преданій, божественное слово въ устахъ Климента глубоко запало въ душу Θεодоры, жены нѣкоего Сисинія, друга императора Нервы (96—98). Она увѣровала и посѣщала собранія христіанъ. Сисиній, желая узнать, куда ходитъ жена, однажды отправился вслѣдъ за ней въ христіанскую церковь, и здѣсь, когда Климентъ произнесъ обычную молитву, Сисиній разомъ оглохъ и ослѣпъ. По молитвамъ Климента, Сисиній выздоровѣлъ, увѣровалъ вмѣстѣ съ Θεодорой и крестился. Крещеніе важнаго лица вызвало волненіе. На Климента донесли городскому епарху (градоначальнику), и тотъ, грозя казнью, предложилъ Клименту прекратить проповѣдь и отказаться отъ своего ученія; но духовный наставникъ былъ непреклоненъ, и какъ говорить средневѣковая легенда (привожу ее не всю, а наиболѣе интересную ея часть, наилучше характеризующую Климента и его эпоху), продолжалъ свое дѣло.

„Даже эллинами былъ чтимъ Климентъ ¹⁾, и они охотно внимали ему за то, что безъ порицанія и безъ пренебреженія, но какъ бы съ нѣкоторымъ сочувствіемъ и съ приведеніемъ свидѣ-

¹⁾ Подъ эллинами здѣсь понимаются язычники.

тельство отовсюду изъ книгъ и писаній ясно показывалъ, откуда возникли ихъ мнимые боги, и гдѣ произошли, и къ какому концу пришли, и какъ жалко потеряли жизнь.

„Мамертинъ же, городской эпархъ, не имѣя возможности долго смотрѣть на волнующійся такимъ образомъ городъ и негодую на распространеніе благочестія, призываетъ блаженнаго Климента къ себѣ и такими словами намѣревался поколебать благородную душу: „Ты приходишь отъ родовитаго корня; это свидѣтельствуешь весь римскій народъ; но ты впалъ въ человѣческое заблужденіе, и объ этомъ городъ молчать не можетъ; ибо говорить, что ты вводишь новую религію и помимо отеческихъ боговъ проповѣдуешь нѣкоего Христа. Посему слѣдуетъ тебѣ отложить это излишнее суевѣріе и благоговѣнно чтить однихъ только обычныхъ въ городѣ боговъ“. Епископъ сказалъ: „Молю твою крѣпость дать мнѣ слово и внять мои отвѣтамъ и не смущаться безтолковымъ шумомъ и пустыми смятеніями; ибо не должно быть ни шуму, ни смятенія, когда человѣку надлежитъ говорить о своемъ спасеніи и заботиться объ истинномъ Богѣ“...

„Эпархъ, понявъ разомъ, изъ самаго приступа къ рѣчи, и твердость, и благородство Климента, не захотѣлъ болѣе ни самъ говорить, ни слышать что-либо далѣе отъ Климента, и, прервавъ бесѣду, донесъ о немъ самодержцу Траяну. Императоръ поставилъ такое рѣшеніе: „Пусть Климентъ или принесетъ жертву отеческимъ богамъ, или пусть удалится изъ Рима на вѣчную ссылку за море, въ какой-нибудь пустынный городъ изъ привлекающихъ къ Херсону“.

„Получивъ такое рѣшеніе, Мамертинъ сомнѣвался, выберетъ ли Климентъ изгнаніе, или сочтетъ за лучшее исполнить волю императора и принесетъ жертву богамъ. Ибо, ставя себя въ положеніе наказываемаго, эпархъ не могъ допустить такой доблести; Климентъ же не только не думалъ подчиниться рѣшенію императора или малодушествовать передъ ссылкой, но даже старался самого эпарха обратить къ благочестію. И такая благодать осѣнила Климента и языкъ его источалъ такія рѣчи, что и самъ Мамертинъ, объятый теплою любовью къ Клименту, много сокрушался изъ-за его ссылки и со слезами говорилъ епископу: „Богъ, которому ты беззавѣтно служишь, да будетъ тебѣ помощникомъ въ годину бѣдствій“. И тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе приготовить корабль, снабдить его всѣмъ нужнымъ для Климента, подавъ ему правую руку, обнялъ и отпустилъ при дѣлованіи со стороны присутствовавшихъ...

„Многіе изъ благочестивыхъ людей послѣдовали за Климен-

томъ и достигли мѣста ссылки — въ мраморныя каменоломни, гдѣ и нашли до двухъ или болѣе тысячъ христіанъ, давно уже содержимыхъ тамъ за благочестіе. Они уже слышали о епископѣ, что онъ удаленъ изъ Рима и направляется къ нимъ въ ссылку, и не мало утѣшались, ожидая его. Когда же Климентъ прибылъ, то они, бросивъ свою работу, вышли къ нему со слезами, припали къ ногамъ его, цѣловали обнимавшія ихъ непорочныя руки и плакали о своемъ несчастіи, т.-е. удаленіи изъ отчизны, жаловались на житье на чужбинѣ, на недостатокъ во всемъ необходимомъ и особенно на недостатокъ воды, что было для нихъ весьма тяжело; ибо говорили, они, „если бы это изъ насъ, послѣ цѣлаго дня ручной работы, изнуренный трудомъ, пожелалъ хотя малой капли воды, чтобы освѣжиться, то долженъ былъ бы пройти за водой не менѣе 45 стадій“¹⁾.

„Еще года не пробылъ Климентъ въ изгнаніи, какъ уже создаются вѣрующими церкви, числомъ 75, и вся идольская изгоняется прелесть. — Эта молва доходить до ушей императора. Императоръ посылаетъ гегемона Эвфидіона, съ приказомъ не только не допускать дальнѣйшаго распространенія христіанства, но и уже обратившихся ко Христу отвезть и отторгнуть отъ благочестія.

„Евфидіонъ, пришедши въ Херсонъ, подвергнулъ христіанъ многимъ и различнымъ мученіямъ. Когда же замѣтилъ, что всѣ въ душѣ стали мучениками и готовы на тысячи смертей, то всю ярость обрушиваетъ на блаженную голову Климента и, вывезши мученика на середину моря, привязавъ на шею его желѣзный якорь, опускаетъ въ глубину, дабы и тѣло его, говорилъ гегемонъ, не досталось христіанамъ. Оно было ввергнуто въ море, а множество христіанъ, стоя на берегу, плакали и стонали и печальнѣйшими воплями призывали епископа. Корнилій же и Фивъ, ученики Климента, сами вопили, и не зная, какое утѣшеніе предложить въ несчастіи, сказали: „Помолимся всѣ единодушно, чтобы хотя мощи мученика были явлены намъ“.

„И когда они молились, — о, велики чудеса твои, Господи, ибо чудодѣйствуется здѣсь нѣчто дивнѣе Моисеева! — отступаетъ море назадъ почти не менѣе, какъ на 20 стадій. И пришедшіе во множествѣ христіане по сухому дну — дивная и здѣсь, Христе, твоя сила! — находятъ скалу, подобную храму, устроенную твоею неизреченною мудростью, и лежащее (въ углубленіи скалы) свѣтлое тѣло мученика. Тутъ же вблизи скалы и выше упомянутыя

¹⁾ Греческая мѣра = 125 шагамъ. 45 стадій = около 4 версты.

якорь. Но было откровение Корнилию и Фиву, чтобы не переносить отголѣй мощей, благолѣпно лежащихъ въ глубинѣ.

„И каждое годовое круговращеніе ко времени кончины мученика отступаетъ море на семь дней, открывая доступъ для приходившихъ къ мощамъ пѣшкомъ и шагъ за шагомъ. И это съ того времени ежегодно совершается и донинѣ, обозначая во всенародное извѣстіе срокъ памяти святого. Посему у херсонесцевъ нѣтъ ереси и эллинизма, ибо тамъ на память мученика совершаются знаменія и чудеса, руководящія всѣхъ къ познаванію и ясно направляющія къ истинѣ“¹⁾.

Мученическая кончина Климента не только не утратила новыхъ послѣдователей Христа, но даже произвела такое же дѣйствіе, какъ и „свѣточі христіанства“ въ Римѣ: число вѣрующихъ увеличилось. И, по преданію, вслѣдъ за Климентомъ проповѣдь его продолжали его ученики и сотрудники, Фивъ и Корнилій.

Съ конца II и до III вѣка, т.-е. почти цѣлое столѣтіе, мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о политической и религіозной жизни Херсонеса. Римляне, въ царствованіе Марка Аврелія (161—180) занятые войнами съ германскими народами, а затѣмъ, при Александрѣ Северѣ (222—235), съ персами, очень мало обращали вниманія на провинціи, а тѣмъ болѣе на отдаленный Херсонесъ, которому при свирѣпомъ предшественникѣ Александра, Каракаллѣ, даны права римскаго гражданства,— правда, не отдѣльно, а наравнѣ съ другими провинціями, что, очевидно, было вызвано необходимостью. Съ другой стороны, въ этотъ періодъ стало замѣтно падать язычество, и въ массахъ оно смѣнилось грубымъ суевѣріемъ, или, лучше сказать, вѣрою во всякую чертовщину, а въ высшихъ классахъ — полнымъ невѣріемъ и равнодушіемъ и къ религіи, и къ богамъ, потерявшимъ всякій кредитъ.

ХII.

Въ это время (середина III в.) въ предѣлахъ херсонесскихъ владѣній появился новый грозный врагъ: то были готы и родственные съ ними герулы, явившіеся сюда изъ далекихъ сѣверозападныхъ странъ, съ береговъ Балтійскаго моря и бассейновъ Зислы и Нѣмана. Свое пришествіе они ознаменовали прежде всего тѣмъ, что разрушили крайній сѣверный пунктъ Боспор-

¹⁾ Съ греческой рукописи XII—XIII в.

скаго царства, Танаидъ (въ устьяхъ Дона), а затѣмъ и сама столица царства попала въ зависимость отъ готовъ, которые и начали свои разбойничьи предпріятія по Эвксинскому Повту на боспорскихъ же судахъ. Само собой разумѣется, не оставили они своимъ вниманіемъ и Херсонесъ. Но насколько онъ тогда пострадалъ, пока неизвѣстно. Вѣроятно, немного, такъ какъ въ Тавриду направилась только частица готовъ, большая же ихъ часть оперировала противъ Римской имперіи въ бассейнѣ Днѣстровскаго лимана и западнѣе, ближе къ Дунаю. Часть готовъ, оставшаяся въ Тавридѣ, скоро слилась съ туземнымъ населеніемъ и точно распорядилась въ немъ, а позднѣе на свѣтъ исторіи является въ качествѣ туземнаго населенія Крымскихъ горъ (Кулаковскій).

Въ это время мы уже не видимъ участія Рима въ дѣлахъ подвластныхъ ему окраинъ. Ему было не до окраинъ: его самого тѣснили германскія племена; къ тому же онъ готовился торжественно праздновать тысячелѣтіе своего существованія. Но празднество (248) было тривной надъ славнымъ владыкою міра. Онъ постепенно слабѣетъ и теряетъ свое значеніе. Наступившее за торжествомъ смутное время, извѣстное подъ названіемъ „эпохи тридцати тирановъ“, окончательно ослабило значеніе Рима. Не помогли и побѣды надъ германскими народами возстановителя римскаго единства, императора Аврелиана (270 — 275), и при Диоклетіанѣ (285 — 305) Римъ лишается даже значенія столицы, и имперія дѣлится на четыре части (тетрархіи).

Послѣднему „владителю міра“, Диоклетіану, еще до окончательнаго его паденія, какъ повѣствуетъ Константинъ Порфирородный, Херсонесъ оказалъ значительную услугу и поддержку. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ послѣднихъ боспорскихъ царей, Савроматъ IV, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Рима, задумалъ, по примѣру Митридата и Фарнака, вытѣснить римлянъ изъ Малой Азіи, по крайней мѣрѣ изъ Понта, и вернуть старыя владѣнія. Онъ собралъ полчища сарматовъ, россовъ и другихъ обитателей береговъ Меотійскаго озера (Азовскаго моря) и двинулся на римлянъ. Начало для Савромата было удачно: онъ отвоевалъ страну лавовъ ¹⁾, область Понтики до рѣки Галиса ²⁾ и овладѣлъ нѣсколькими римскими городами. Тогда Диоклетіанъ послалъ противъ Савромата войско подъ предводительствомъ трибуна Констанція Хлора, вполнѣдствіи императора и отца Константина Великаго. Констанцій встрѣтилъ непріятеля у рѣки

¹⁾ Часть нынѣшней Кутаиской губерніи, гдѣ нынѣ абхазцы и мингрельцы.

²⁾ Нынѣ Кизилъ-Ирмакъ, дѣляцій Малую Азію почти пополамъ.

Галиса, но оказался слишком слабымъ, чтобы помѣшать врагу переправиться черезъ рѣку. Въ эту критическую минуту, по совету Констанція, Діоклетіанъ отправилъ пословъ въ Херсонесъ просить о помощи.

Протевономъ и „носителемъ вѣнца“ въ Херсонесѣ былъ Христъ, сынъ Папія. Граждане выслушали пословъ императора и рѣшили помочь ему. Они собрали войска, вооруженныя луками, вызвали ратниковъ изъ подчиненныхъ имъ укрѣпленій, заготовили военныя колесницы, приспособили на нихъ „хиробалисты“ (метательные снаряды) и двинулись къ Пантикапею; хитростью овладѣли плохо вооруженнымъ городомъ, гдѣ захватили въ плѣнъ жену и семейство Савромата. Послѣ этого, будто бы, подчинились Херсонесу всѣ боспорскія вѣрности, расположенныя по берегамъ Меотійскаго озера.

Завладѣвъ городомъ, протевонъ Христъ предложилъ плѣннымъ семействамъ отправить отъ себя посольство въ Азію, въ Савромату, дабы уговорить его заключить миръ съ имперіей въ присутствіи херсонесскихъ пословъ. Отъ Савромата требовалось, чтобы онъ возвратилъ всѣ завоеванныя имъ мѣстности и прислалъ бы отвѣтное посольство для окончательнаго заключенія мира. По заключеніи мира между Савроматомъ и Римомъ, Христъ обязывался вывести херсонесцевъ изъ Пантикапея. Если же Савроматъ задумалъ бы хитрить, то Христъ угрожалъ поголовнымъ избіеніемъ всѣхъ жителей отъ мала до велика. Тогда боспорцы поспѣшили исполнить предложеніе херсонесцевъ и отправить пословъ; послѣ чего Савромату волей-неволей пришлось принять поставленные ему Христомъ условія, и, скрѣпя сердце, онъ возвратился въ Пантикапей, гдѣ херсонесцы передали ему городъ и плѣнныхъ, а сами мирно возвратились домой. Послѣ этого Діоклетіанъ радушно принялъ херсонесскихъ пословъ, горячо благодарилъ херсонесцевъ за оказанную услугу, назвалъ ихъ „истинными *вѣрнопогоданными* Римской имперіи“ и обѣщалъ исполнить все, что они пожелали бы для себя или города. Послы просили, чтобы императоръ далъ имъ „вѣрную свободу“, т.-е. призналъ бы полную независимость Херсонеса и освободилъ городъ отъ уплаты податей. Все это было даровано, и послы, богато одаренные, были отпущены обратно въ Херсонесъ.

Такъ пишетъ Константинъ Порфирородный въ своей лѣтописи. Несомнѣнно, разсказъ заимствованъ со словъ какого-нибудь хвастливаго херсонесца и не заслуживаетъ довѣрія. знаменитый Моменъ даже называетъ его „херсонесскими *аснями*“. Въ самомъ дѣлѣ, откуда у херсонесцевъ въ то

тяжелое время, когда ихъ обирали римляне, могли найдти средства, чтобы поставить большую вооруженную силу? Во всемъ разсказѣ (у насъ очень сокращенномъ) мнѣ кажется достовѣрнымъ только конецъ, гдѣ херсонесскіе делегаты просятъ о свободѣ и освобожденіи отъ податей, и похвальные слова императора, который на этотъ разъ долженъ былъ согласиться и дать просимое, хотя бы на время, такъ какъ ему самому пришлось плохо, и черезъ нѣкоторое время онъ вынужденъ былъ отдать свои регалии другимъ.

XIII.

Въ концѣ царствованія того же Діоклетіана (начало IV в.) іерусалимскій патріархъ Гермаиъ разслалъ многихъ епископовъ въ разныя страны для проповѣдыванія евангельскаго ученія. Двое изъ нихъ—Василей и Ефремъ—прибыли въ Херсонесъ. Преданіе говоритъ, что жители изгнали ихъ за проповѣдь. Тогда Ефремъ ушелъ далѣе на западъ, къ берегамъ Дуная, а Василей удалился на стоящую во ста стадіяхъ отъ Херсонеса пещеру горы, называемой „Дѣвичей“, гдѣ стоялъ древній храмъ и „идолъ нѣкія дѣвицы, эллинскія богини“, и здѣсь въ молитвѣ ожидалъ лучшаго времени. Случай помогъ Василею. Вотъ что говоритъ преданіе. У одного изъ именитыхъ херсонесскихъ гражданъ умеръ единственный сынъ. Его похоронили, и родители съ горькой думой сидѣли надъ свѣжей могилой, не отходя ни днемъ, ни ночью. Во свѣ явился имъ умершій сынъ и сказалъ: „Что сидите здѣсь и рыдаете! Не могутъ боги ваши, бездушные идола, воскресить меня. Если же хотите видѣть меня опять живымъ, умолите того странника, котораго вы изгнали, чтобы онъ обо мнѣ помолился своему Богу, и вы увѣруете въ того Бога, котораго онъ вамъ проповѣдуетъ; ибо Онъ есть единый, истинный, имѣющій власть надъ живыми и мертвыми, и можетъ возстановить меня изъ мертвыхъ молитвами оскорбленнаго вами человѣка“.

Воспрянувъ отъ сна, родители отрока разсказали другъ другу свое видѣніе, и тѣмъ болѣе изумились, что оба, отецъ и мать, видѣли одно и то же. Съ радостью возвратились они въ городъ и возвѣстили бывшее съ ними приснымъ своимъ. Въ тотъ же день пошли искать человѣка божія и обрѣли его въ пещерѣ. Родители съ домашними своими припали къ ногамъ святаго, умоляя воскресить сына. Долго отказывался св. Василей, говоря: „Какъ могу я, человѣкъ грѣшный, сотворить такое чудо? Но

если увѣруете въ проповѣдуемаго мною Бога, получите просимое, ибо Онъ одинъ можетъ воздвигать мертвыхъ изъ гробовъ!“

„Если увидимъ сына нашего живымъ, — отвѣчали родители, — то все, что намъ повелишь, исполнимъ. — Тогда святитель божій подошелъ съ ними къ гробницѣ и, отваливъ камень, взошелъ внутрь гробового покоя. Онъ сотворилъ крестное знаменіе надъ умершимъ и послѣ продолжительной молитвы, освятивъ воду, возлилъ ее на мертваго на подобіе святого крещенія, и... внезапно ожилъ мертвый и прославилъ Бога живаго... Ужась объявъ предстоявшихъ; всѣ припали къ ногамъ святого, называя его великимъ, а Бога, исповѣдуемаго имъ — истиннымъ и всемогущимъ. Епископа ввели съ честью въ Херсонесъ; послѣ чего отецъ воскресшаго крестился со всѣмъ семействомъ и много народа приложилось къ сонму вѣрующихъ. Такимъ образомъ церковь Христова росла въ Херсонесѣ, а капища языческія и еврейскія синагоги упразднились. Видя запустѣніе храмовъ своихъ, іудеи, обитавшіе въ Херсонесѣ, научили идолопоклонниковъ эллиновъ возстать на христіанъ, наипаче же на учителя ихъ св. Василея, и умертвить его. Ибо такимъ образомъ, говорили они, легче разорится христіанство. И собралось множество нечестивыхъ съ оружіемъ въ рукахъ и съ воплемъ напали на архіерея божьяго; извлекли его изъ храмины, связали ноги и такъ влчили по улицамъ, поражая камнями и древолоями. И влекли его чрезъ „святыя ворота“ до того мѣста, гдѣ поставленъ былъ столбъ и на столбѣ крестъ, и страдальчески скончался святитель предъ знаменіемъ нашего искупленія. Онъ предалъ чистую душу свою Богу марта 7-го дня, 310 г. Тѣло святого мученика Василея повержено было за вратами города на сѣденіе псамъ и птицамъ; но ночью приходилъ волкъ и стерегъ святое тѣло отъ хищныхъ звѣрей, а днемъ надъ тѣломъ царилъ орелъ, отгоняя плотоядныхъ птицъ. Также свѣтъ являлся надъ тѣломъ, пока наконецъ христіане, тайно его взявъ, съ честью погребли, гдѣ — неизвѣстно“. — Такъ говоритъ средневѣковая легенда, такъ говорятъ Житія Святыхъ. Мы привели ее во всей чистотѣ и наивной вѣрѣ, для характеристики эпохи. Въ половинѣ XVI столѣтія Бароній писалъ папѣ Павлу IV, что видѣлъ около Херсонеса могилу св. Василея.

Отбросивъ легендарную и чудесную часть сказанія, мы видимъ, что въ то время язычество было очень сильно. Въ Херсонесѣ дѣло проповѣди Христова ученія было небезопасное, и для обращенія въ христіанство требовались особыя условія.

Въ сказаніи о св. Василеѣ заслуживаетъ вниманія упоми-

наніе объ „іудеяхъ“ въ Херсонесѣ, которые хотя непосредственно и не принимали участія въ гоненіи на христіанъ и въ частности въ побиваніи епископа Василея, но, „видя запустѣніе храмовъ своихъ, научали идолопоклонниковъ эллиновъ возстать на христіанъ“. Отсюда видно, что евреевъ здѣсь было довольно, но уменьшалось число сторонниковъ и возможныхъ адептовъ закона Моисеева, и этимъ раздражались іудеи.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ московскомъ „Археологическомъ обществѣ“ А. Л. Погодинъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о „Еврейяхъ въ Боспорскомъ царствѣ“. Докладчикъ, на основаніи изслѣдованныхъ имъ надписей на могильныхъ памятникахъ и другихъ данныхъ, показалъ, что евреи уже въ IV в. до Р. Х. были осѣдлыми жителями Пантикапея. Живя среди греческаго населенія, евреи мѣняли свои имена на греческія, за чтò подвергались осужденію среди талмудистовъ. Такъ одинъ изъ раввиновъ, убѣждая евреевъ не мѣнять ихъ именъ, указывалъ, что и отъ египетскаго плѣна Богъ избавилъ ихъ за то, что они не перемѣнили въ Египтѣ своихъ именъ.

Въ римское время (около 80 г. по Р. Х.) надписи говорятъ о существованіи въ Пантикапеѣ еврейской синагоги и довольно значительной іудейской общины. На Таманскомъ полуостровѣ, въ окрестностяхъ Фанагоріи (Тамани) найдено было много еврейскихъ надписей и камней съ изображеніемъ семисвѣчника. Хронологія этихъ эпитафій пока неизвѣстна, но весьма вѣроятно, что онѣ относятся къ VI—VII вв. нашей эры. Докладчикъ указывалъ на тотъ фактъ, что надписи остаются греческими до 157 г. по Р. Х., а позднѣе уже дѣлаются по-еврейски. Любимымъ греческимъ именемъ, которое принимали евреи, было—Друзъ. Иногда и еврейское имя удваивалось принимаемымъ новымъ греческимъ. То же, конечно, относится и къ херсонесскимъ евреямъ.

Преемниками Василея были епископы: Евгений, Элпидій и Агаѳодоръ, присланные тѣмъ же Германомъ. Ихъ постигла та же участь, что и Василея: они были умерщвлены, при томъ, по преданію, всѣ въ одинъ день—7-го марта 311 г. Церковь причислила ихъ къ лику святыхъ.

Послѣ нихъ „пріиде въ Херсонъ еп. Эферій, во дни Константина Великаго (306—337) и, видѣвъ въ Херсонѣ лютость невѣрнаго народа, иде въ Византію къ царю Константину и жаловася на нечистый херсонскій народъ“.

На обратномъ пути въ Херсонесъ Эферій умеръ (324 г.). Узнавъ объ этомъ, херсонскіе христіане сами просили императора

прислать имъ другого епископа. Къ этому времени вѣннія и отношенія къ христіанамъ рѣзко перемѣнились. Христіанство распространилось и становилось преобладающей религіей. Константинъ Великій, сынъ соправителя Діоклетіана, Констанція Хлора, объединилъ временно Римскую имперію, перенесъ столицу въ Византію, которая вскорѣ приняла имя императора, а ея именемъ стала называться вся имперія. И Константинъ, будучи самъ язычникомъ, миланскимъ эдиктомъ (313 г.) предоставилъ христіанамъ свободу вѣроисповѣданія и право занятія государственныхъ должностей; а передъ смертью и самъ всенародно принялъ христіанство (337 г.). При такомъ положеніи дѣла просьба херсонитягъ была уважена. Къ нимъ былъ посланъ епископъ Капитонъ, „мужъ, какъ говоритъ сказаніе, рѣдкой вѣры и богоугодной жизни“. Когда онъ прибылъ въ Херсонесъ и началъ проповѣдывать, то язычники въ подтвержденіе божественности христіанскаго ученія потребовали отъ святителя знаменія и чудесъ и предложили ему войти въ раскаленную известковую печь, говоря: „Если войдешь и останешься невредимъ, то и мы увѣруемъ въ твоего Бога“. Тогда святитель, сотворивъ молитву, вошелъ въ печь и, къ удивленію всѣхъ, довольно долго пробылъ тамъ въ молитвенномъ положеніи; потомъ, положивъ въ омофоръ горячіе угли, вышелъ невредимъ. Чудо это поразило всѣхъ, и множество язычниковъ крестилось отъ руки епископа. Такъ говоритъ преданіе. Судя по этимъ преданіямъ, а равно по количеству херсонесскихъ мучениковъ, можно заключить, что, благодаря отдаленности провинціи отъ центра просвѣщенія и сосѣдству варваровъ-язычниковъ, христіанство здѣсь прививалось довольно туго. И не мудрено: христіанство шло въ разрѣзъ съ вѣроученіемъ и соціальными взглядами язычниковъ-варваровъ, и, какъ мы видѣли изъ легендъ, не безопасна была проповѣдь среди нихъ. Поэтому даже самъ Константинъ Великій рѣшился водворить въ Херсонесъ епископа Капитона только подъ охраной 500 воиновъ. Да и позднее язычество исчезало очень медленно, что можно видѣть по монетамъ Херсонеса, на которыхъ христіанскій символъ появляется лишь въ царствованіе Тиверія Маврикія (582—602). Папа Мартинъ въ 665 г. писалъ, что въ Херсонесъ и его ближайшихъ окрестностяхъ обитали все язычники и люди, перешедшіе въ языческімъ обычаямъ. И даже далеко позднее (VIII—IX в.) въ житіи апостола Андрея читаемъ: „Херсаки—народъ коварный до нынѣшняго дня туги на вѣру“.

Какъ видно, церковную исторію Херсонеса, вообще мало имъ извѣстную, приходится возстановлять по агіографическимъ

памятникамъ, дошедшимъ до насъ въ обработкѣ и записяхъ позднѣйшихъ вѣковъ (VIII—X). „Что касается до мѣста происхожденія этихъ житій и легендъ,—говоритъ Латышевъ,—то въ нихъ же имѣются непреложныя доказательства того, что они написаны въ самомъ Херсонесѣ. Именно во вступительномъ словѣ читаемъ: „на похвалу *συδε* мученихъ стыхъ и прѣчьствыныхъ мужъ м(о)штыно исповѣдати. Далѣе: „и *συι* херсоньскый градъ“. И наконецъ: „Хсъ Бгъ нашъ остави намъ стыхъ мучениеъ и архиеппъ житие“. Къ этимъ указаніямъ, совершенно яснымъ, можно прибавить еще мелкія подробности о томъ, какими воротами были вынесены изъ города тѣла святыхъ мучениковъ и въ какой сторонѣ отъ города погребены, а также точное опредѣленіе границъ участка, отведеннаго для стражи Капитона. Всѣ эти подробности врядъ-ли кому могли быть интересны и даже извѣстны, кромѣ туземца. Эти соображенія приводятъ къ мысли, что авторомъ было херсонесское духовное лицо, игумень или, вѣроятнѣе, епископъ“. Но опредѣлить время составленія житія очень трудно: приблизительно между концомъ IV и началомъ IX в.

„Въ Корсунѣ, какъ и въ Сурождѣ,—говоритъ Васильевскій въ своихъ „Русско-византійскихъ изслѣдованіяхъ“,—процвѣтала мѣстная греческая письменность, отъ которой дошли до насъ, къ сожалѣнію, только очень скудные остатки и отчасти намеки. Въ числѣ остатковъ, дошедшихъ до насъ, можно отмѣтить, напр., известную „Исторію города Херсона“, сохраненную Константиномъ Багрянороднымъ, сказаніе св. Ефрема „О чудѣ св. Климента“, „Слово на перенесеніе мощей св. Климента“.

Въ указанныхъ памятникахъ зерно исторической правды всегда окутано толстой пеленой апокрифическихъ сказаній, и раскрыть эту пелену и добраться до правды очень трудно. Приводя выписки изъ житій херсонесскихъ святителей, мы вовсе не придаемъ имъ значенія достовѣрныхъ фактовъ, а смотримъ на нихъ, какъ на апокрифы. Впрочемъ, имѣются кое-какія положительныя историческія данныя. Такъ среди подписей отцовъ второго вселенскаго собора (381 г.) имѣется подпись херсонесскаго епископа Эферія. Также имѣются указанія о миссіонерскихъ подвигахъ св. Капитона, о которыхъ было доложено на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Niceѣ (325 г.), и соборъ выразилъ Капитону за его труды молитвенную благодарность, о чемъ было поручено епископу ессалоникскому сообщить въ Херсонесъ. Весьма вѣроятно, что о дѣяніяхъ Капитона сообщалъ „Кадмъ, епископъ Боспора“, подпись кото-

раго имѣется подъ соборными постановленіями. И благодаря дѣятельности семи помянутыхъ херсонесскихъ епископовъ, первая четверть IV в. проходитъ свѣтлой полосой чрезъ исторію Херсонеса. „Со времени св. Капитона, — говоритъ церковный историкъ, — херсонесская епархія основалась вполне и начался непрерывный рядъ ея епископовъ. Впослѣдствіи они стали именоваться архіепископами, а наконецъ и независимыми (автокефальными) митрополитами“. А разъ утвердилась епархія, то, надо полагать, въ это время христіанство въ Херсонесѣ имѣло уже глубокіе корни, и вырвать ихъ не было силы.

Съ этого времени начинается и византійскій періодъ жизни Херсонеса, такъ какъ около 330 г. столица Римской имперіи перенесена въ Византію, и Херсонесъ съ своими просьбами обращается уже не въ Римъ, а сюда. Но большинство историковъ начинаютъ византійскій періодъ нѣсколько позднѣе, а именно отъ распада Рима на западную и восточную (395 г.).

Евг. Э. Ивановъ.

ПУСТОЙ СЛУЧАЙ

РАЗСКАЗЪ.

Ивановъ зналъ, что его братъ Григорій бѣжалъ съ каторжныхъ работъ. Мать наводила о сосланномъ справки, и знатоки тюремнаго дѣла сообщили ей, что въ этомъ еще радости мало, такъ какъ, по всей вѣроятности, онъ попался въ руки стариковъ. Едва только молодого арестанта, сказали они, привозятъ на Сахалинъ, какъ старые каторжники подговариваютъ его бѣжать, разводятъ передъ нимъ турусы на колесахъ, а затѣмъ по дорогѣ отнимаютъ у него деньги, убиваютъ его и возвращаются назадъ. И всѣ такіе исчезнувшіе новички оффіціально числятся въ бѣгахъ. Вотъ почему уже восьмой годъ мать не получаетъ отъ сына никакихъ извѣстій. И еслибы онъ былъ живъ, то навѣрное далъ бы о себѣ знать. И она повѣрила въ то, что говорили ей знатоки, записала раба божія Григорія въ святцы и каждое воскресенье подавала за него за упокой.

Въ ту ночь, когда его арестовывали жандармы, его жена только-что произвела на свѣтъ его сынишку Витьку, и Ивановымъ стоило большихъ хлопотъ, чтобы объ обыскѣ и объ арестѣ не узнала тогда же роженица. Теперь Витькѣ шель уже восьмой годъ, а Анна Ѳедоровна такъ и осталась соломенной вдовой.

Чтобы избѣжать сплетенъ, пересудовъ и сожалѣній, Ивановы тогда же переѣхали на жительство въ другой городъ и съ тѣхъ поръ жили всѣ вмѣстѣ на одной квартирѣ.

Однажды вечеромъ Ивановъ и Анна Ѳедоровна были съ знакомыми въ театрѣ, а затѣмъ отправились поужинать въ ресторанъ. Когда лакей подавалъ имъ второе блюдо, то случилась неприятность. Зазѣвавшись на что-то, онъ зацѣпилъ локтемъ за спинку стула, на которомъ сидѣлъ Ивановъ, и вылилъ весь

соусникъ ему прямо на сюртукъ. Всѣ бросились помогать Иванову обтереться, началась суматоха, и въ концѣ концовъ вышелъ самъ содержатель ресторана, извинился передъ Ивановымъ, а лакею тутъ же, при всѣхъ, рѣзко сказалъ:

— Убирайся вонъ! Ты у меня уже больше не служишь!

Иванову было жаль сюртука и въ то же время было жаль и лакея, который долженъ былъ теперь остаться безъ мѣста. Было неприятно, что пришлось обратить на себя вниманіе всего ресторана, считавшаго его жертвою нерасторопности лакея; къ тому же и соусъ сталъ проникать въ самую тѣлу. Ивановы не доуживали и уѣхали домой.

— Такая досада... — вздыхалъ по дорогѣ Ивановъ. — Какъ нарочно, надѣлъ сюртукъ новый. Ты не знаешь, Нюся, бензиномъ оттереть можно?

— Простофиля... — въ свою очередь ворчала Анна Федорвна. — Нужно же быть такимъ неуклюжимъ! Хорошо еще, что не на голову!

Часа полтора потомъ оба оттирали бензиномъ сюртукъ, но ничего изъ этого не вышло. Рѣшили отдать его въ красильню.

На утро кухарка доложила Иванову, что его спрашиваетъ какой-то человекъ. Ивановъ вышелъ въ кухню и увидалъ вчерашняго лакея. Онъ тяжело дышалъ, вѣроятно, оттого, что поднимался по лѣстницѣ, и, опустивъ глаза, вертѣлъ въ рукахъ шапку.

— Я пришелъ извиниться передъ вами, господинъ... — сказалъ лакей, не поднимая глазъ. — Конечно, не то мнѣ досадно, что я лишился мѣста, а то, что испортилъ вамъ сюртукъ. Такъ ужъ случилось... Очень прошу васъ, господинъ, извинить меня.

Онъ говорилъ это мягкимъ, задушевнымъ тономъ, и въ его голосѣ и манерахъ чувствовалась извѣстная лакейская воспитанность, такъ не гармонировавшая съ вчерашнимъ его поступкомъ. Было видно, что и самому ему было неприятно, что такъ случилось.

— Чтò жъ дѣлать? — отвѣтилъ ему Ивановъ. — Надо быть вперёдъ осторожнѣе, а сдѣланнаго ужъ не воротить!

Лакей склонилъ голову набокъ, еще быстрѣе завертѣлъ шапку въ рукахъ и густо покраснѣлъ.

— Мнѣ бы... — сказалъ онъ, и голосъ его задрожалъ. — Мнѣ и хотѣлось также извиниться и передъ барыней... Могу я ихъ идѣть?

Иванову показалось это нескромнымъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? — отвѣтилъ онъ. — Впрочемъ, я перемъ ей ваше извиненіе!

И, не дожидаясь, когда лакей уйдетъ, онъ самъ вышелъ изъ кухни.

„Гдѣ я его встрѣчалъ?—подумалъ онъ. — Точно рожа его мнѣ знакома!“

И рѣшивъ, что онъ видѣлъ его гдѣ-нибудь раньше въ какой-нибудь гостинницѣ или ресторани, онъ скоро о немъ позабылъ.

Только вечеромъ, ложась спать, онъ вспомнилъ о немъ снова.

„Какъ онъ узналъ, кто я такой и гдѣ я живу? — подумалъ онъ.—Вѣдь я въ этомъ ресторанѣ всего только во второй разъ въ жизни!“

И ему припомнилось, какъ кто-то сказалъ ему, что среди ресторанной прислуги часто попадаются шпионы.

„Можетъ быть, и шпионъ!“—рѣшилъ онъ и легъ спать.

На другой день послѣ обѣда горничная доложила ему, что его спрашиваетъ какой-то Арбузовъ. Ивановъ лежалъ на диванѣ и дремалъ. Спать послѣ обѣда было не въ его обыкновеніи; онъ вскочилъ и виновато сталъ оправлять на себѣ костюмъ.

— Просите!—сказалъ онъ.

Вошелъ небольшого роста приличный господинъ съ очень печальнымъ лицомъ.

— Арбузовъ,—отрекомендовался онъ. — Простите, что, не имѣя чести быть съ вами знакомымъ, осмѣлился васъ беспокоить. Позвольте присѣсть!

Онъ сѣлъ и сталъ тяжело дышать.

— Чтò скажете?—спросилъ его Ивановъ.

Арбузовъ безнадежно махнулъ рукой.

— Да такое, знаете ли, случилось,—отвѣтилъ онъ, — что, въ сущности говоря, и сказать стыдно. Въ прошломъ году схватили моего сына за политическія дѣла и сослали его на каторгу. И вотъ уже цѣлый годъ, какъ я и бѣдная мать не знаемъ о немъ ровно ничего. Ни единой строчки. Истомились душою. Вѣрите ли, не спимъ по цѣлымъ недѣлямъ... Единственный сынъ...

Онъ вытащилъ платокъ и вытеръ имъ глаза.

— И вотъ я узналъ, — продолжалъ онъ, — слухомъ земля полнится,—что и у васъ такая же исторія. Вашъ братецъ, говорятъ, тоже на Сахалинѣ... Будьте такіе добрые, умоляю васъ, протяните руку помощи! Если вы имѣете съ вашимъ братцемъ переписку, то не откажите попросить его, чтобы онъ собралъ тамъ на мѣстѣ справочки о моемъ сынѣ и далъ вамъ знать. Семень Алексѣичъ Арбузовъ, 23-хъ лѣтъ, ссыльно-каторжный,

православный... Сдѣлайте такое одолженіе! Заставьте вѣчно Бога молить!

Иванову стало жаль его.

— Къ сожалѣнію, ничего не могу для васъ сдѣлать,—сказалъ онъ:—мой братъ былъ сосланъ на Сахалинъ еще восемь лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ мы ничего о немъ не знаемъ.

— Почему же съ?—встревожился Арбузовъ.

— Говорять, что онъ бѣжалъ оттуда, но гдѣ онъ въ настоящее время и живъ ли, намъ ровно ничего не извѣстно.

Глаза Арбузова засверкали.

— Значить, побѣги оттуда возможны?—спросилъ онъ.

— Если сосланный числится въ бѣгахъ, — отвѣтилъ Ивановъ, — значить, возможны.

— И вашъ братецъ за все это время вамъ ровно ничего не писалъ?

— Ни единого звука.

Арбузовъ поднялся съ мѣста.

— Какое тяжкое горе свалилось на нашу голову!—сказалъ онъ.—Чѣмъ я утѣшу теперь несчастную мать? Одна была надежда на васъ...

Арбузовъ опять прослезился и, горячо пожавъ Иванову руку, сталъ прощаться.

Въ это время въ комнату вбѣжалъ Витька за карандашомъ, но, увидя чужого человѣка, попятился назадъ.

— Тебѣ чего?—спросилъ Ивановъ.

— Ничего, — отвѣтилъ Витька и такъ же скоро выбѣжалъ изъ кабинета.

Лицо Арбузова приняло умиленное выраженіе.

— Это вашъ сыночекъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не мой... — отвѣтилъ Ивановъ.—Это сынъ того, сосланнаго!.. Мой племянникъ...

Арбузовъ глубоко вздохнулъ и съ участіемъ покачалъ головою.

— Бѣдный, бѣдный мальчикъ!..—сказалъ онъ.—Что-то его ждетъ впереди?

И еще разъ пожавъ Иванову руку и оглядываясь по сторонамъ, точно ища выхода, Арбузовъ надѣлъ пальто и высокія алоши и ушелъ.

Два дня спустя, Ивановъ вышелъ на улицу и снова встрѣлъ лакея около параднаго крыльца. Увидѣвъ Иванова, онъ мутился, точно его застали врасплохъ, и снялъ шапку.

— Вы ко мнѣ?—спросилъ Ивановъ.—Надѣньте шапку!

— Да-съ... — отвѣтилъ онъ. — Впрочемъ, нѣтъ-съ... Какъ будучи безъ мѣста... Хожу вотъ, подыскиваю себѣ занятій...

Ивановъ хотѣлъ что-нибудь посовѣтовать ему, ободрить его, но въ это время точно изъ земли выросъ Арбузовъ и съ радостнымъ видомъ протянулъ Иванову руку.

— А я къ вамъ! — сказалъ онъ. — Здравствуйте! Бѣгу и ногъ подъ собою не слышу! Поздравьте меня... Письмо отъ сына получилъ! Только недавно былъ у васъ, а сейчасъ вотъ письмо тутъ какъ тутъ! Бѣдная старуха просто безъ ума отъ радости!

И онъ смѣялся, и въ то же время слезы катились у него одна за другой по щекамъ.

— Ну, вотъ и отлично! — отвѣтилъ Ивановъ. — Отчего же онъ такъ долго вамъ не писалъ?

— Какое не писалъ! — воскликнулъ Арбузовъ. — Писалъ и много разъ писалъ, да милая почта его письмами печи топила! Ужъ не знаю, какъ это-то проскочило! Сжалился Господь надъ нами, стариками! Вотъ пишу ему на Сахалинъ отвѣтъ, въ какой-то Верхній Армудонъ...

— Армуданъ, — поправилъ его лакей.

Арбузовъ подозрительно поглядѣлъ на него и потомъ строго сказалъ:

— Васъ не спрашиваютъ!

Лакей сконфузился и виновато побрелъ своей дорогой, а Арбузовъ продолжалъ:

— Не желаете ли, я запрошу сына и о вашемъ братцѣ?

— Сдѣлайте одолженіе! — отвѣтилъ Ивановъ. — Только врядъ-ли изъ этого что-нибудь выйдетъ!

Они простились, и Ивановъ отправился по своимъ дѣламъ.

„Все-таки надо было бы сообщить этому старику подробности, — подумалъ онъ. — Кто знаетъ, быть можетъ, Григорій еще и живъ!“

Но привычка считать брата умершимъ была сильнѣе всякихъ соображеній, да и здравый смыслъ говорилъ за то, что Григорій погибъ. И Ивановъ вскорѣ успокоился, что не воспользовался случаемъ навести о братѣ справки.

Какъ-то няня повела Витю погулять. Когда они шли по тротуару, какой-то старичокъ подошелъ къ нимъ и далъ Витѣ конфетъ.

— Какъ здоровье твоего папы? — спросилъ онъ у него.

— У меня папы нѣтъ... — отвѣтилъ мальчикъ. — Мой папа умеръ уже давно.

— И съ тѣхъ поръ ты его не видалъ?

Мальчикъ посмотрѣлъ на него удивленными глазами и отвѣтилъ:

— Не видалъ.

Старичокъ далъ ему еще конфетъ и, поговоривъ о чемъ-то съ няней, ушелъ.

Конфеты были неважные; няня и Витя не сумѣли дома передать, о чемъ имъ говорилъ этотъ человекъ, и для Ивановыхъ такъ и осталось тайной, кто это былъ. Только Анна Федоровна обидѣлась на няню, что она позволила Витѣ ѣсть конфеты.

— Мало ли что можетъ отъ нихъ приключиться?—сказала она.—Конфеты разные бываютъ! Долго ли испортить ребенка?

— И-и, барыня!—отвѣтила нянька.—Отъ доброты никогда порчи не бываетъ!

Въ тотъ же день вечеромъ къ Иванову пришелъ лакей.

— Что онъ ко мнѣ привязался?—крикнулъ Ивановъ.—Скажите ему, что я вовсе не желаю его видѣть и ни въ чемъ не могу ему помочь.

Горничная помялась.

— Онъ очень проситъ васъ, баринъ, принять его,—сказала она.—Говоритъ, что очень ужъ вы ему нужны для чего-то...

Ивановъ нахмурился, хотѣлъ отказать, но потомъ передумалъ и сказалъ:

— Пусть войдетъ!

Въ дверяхъ кабинета показалась знакомая фигура. Лакей вошелъ, сдѣлавъ два шага впередъ, но затѣмъ спохватился и почтительно остановился у косяка. Ивановъ сидѣлъ у письменнаго стола, самъ былъ освѣщенъ, но, благодаря абажуру на лампѣ, весь кабинетъ его былъ въ тѣни и видѣть выраженіе лица у лакея ему было нельзя.

— Что вамъ угодно?—спросилъ Ивановъ.

Лакей кашлянулъ въ кулакъ.

— Какъ будучи безъ мѣсга...—началъ онъ.—Пришелъ попросить васъ, не окажете ли вы мнѣ протекціи?

И прежде чѣмъ Ивановъ успѣлъ ему хоть что-нибудь отвѣтить, онъ быстро, въ два-три прыжка, очутился вдругъ около него, и схвативъ его за оба плеча, низко нагнулъ къ нему и прошепталъ:

— Я твой братъ Григорій! Молчи! Не говори никому!

Сердце у Иванова похолодѣло. Еслибы сейчасъ на него обрушился потолокъ или полъ высочилъ у него изъ-подъ ногъ, то онъ былъ бы менѣе пораженъ, чѣмъ этими словами лакея.

Онъ почувствовалъ, какъ все запрыгало у него въ глазахъ и какъ душу его наполнило вдругъ какое-то странное чувство безпокойства не за брата, а именно за себя и за своихъ. И съ трудомъ поднявшись съ мѣста и еле овладѣвъ собою, онъ подошелъ къ двери и плотно ее затворилъ.

— Это ложь!— строго сказалъ онъ.— Вы самозванецъ! Мой братъ не такой, какъ вы!

Лакей схватилъ его за руку.

— Да, я не такой, какъ вашъ братъ,— горячо заговорилъ онъ.— Вашъ братъ былъ блондинъ, а я брюнетъ, но это оттого, что я крашу себѣ волосы; у вашего брата была русая борода, а я брѣю себѣ все. И еслибы вы захотѣли всмотрѣться въ меня сейчасъ, когда я не измѣняю выраженія своего лица, то вы поняли бы, что я дѣйствительно вашъ братъ. Смотрите же! Бѣглый каторжникъ, весь въ вашей власти, я не въ силахъ былъ совладать съ собой, и вотъ пришелъ повидаться съ вами и съ женой.

Онъ подошелъ къ лампѣ и снялъ съ нея абажуръ.

— Смотрите же!— продолжалъ онъ.— Я опять вашъ братъ!

Ивановъ взглянулъ на него при полномъ освѣщеніи, и теперь для него было ясно, что это дѣйствительно былъ его братъ Григорій. И подобно тому, какъ при воскрешеніи Лазаря одни вѣрили, а другіе, несмотря на очевидность, говорили, что это призракъ, такъ и для Иванова его братъ казался ему призракомъ, и его умъ отказывался признавать то, что такъ давно погребла его душа. И вмѣсто того, чтобы обрадоваться брату и кликнуть къ нему жену и мать, онъ испугался его и измѣнившимъ ему голосомъ сказалъ:

— Значить, у тебя подложный паспортъ?

Григорій печально покачалъ головою.

— Тебя пугаетъ мой паспортъ?..— сказалъ онъ.— Успокойся! У меня настоящій паспортъ. Такой же, какъ у тебя... Мнѣ подарилъ его рабочій на постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги, на которой работалъ и я. Онъ заболѣлъ тамъ сыпнымъ тифомъ, умеръ, и съ тѣхъ поръ я свободенъ такъ же, какъ и ты. Вмѣстѣ съ нимъ ушло въ могилу и мое имя. Его похоронили вмѣсто меня...

Ивановъ молчалъ.

— Я вижу, вы отъ меня отвыкли...— продолжалъ Григорій.— Что-жь? Такъ этого и нужно было ожидать. Страданія, пережитыя вами во время моего ареста и ссылки, исчерпали всѣ запасы вашей ко мнѣ любви. Когда умираетъ горячо любимый

хроническій больной, который всё́мъ надѣлъ своей болѣзнью, то память о немъ становится дороже, чѣмъ онъ самъ... Съ другими утѣшится жена и друга лучший другъ забудеть... Но мать? Что мать? Вспоминаеть? Плачетъ?

— Она записала тебя въ святцы, — проговорилъ Ивановъ, — и каждое воскресенье подаетъ за тебя за упокой.

У Григорія на глазахъ заблестѣли слезы.

— Милая, дорогая старуха! — воскликнулъ онъ съ восторгомъ. — Пусть же эта ея молитва зачтется за того, кто теперь лежитъ тамъ далеко на берегу Уссури! Послѣ него, вѣроятно, тоже осталась мать!..

— Если хочешь, я сейчасъ позову ее сюда! — сказалъ Ивановъ.

Григорій провелъ рукою по волосамъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — погоди! Сейчасъ я не совладаю, пожалуй, съ собой, и можетъ выйти скандалъ, вродѣ того, который случился тогда въ ресторанѣ... Кстати, что твой скуртузь?

— Ничего, оттерли... — отвѣтилъ Ивановъ. — Но какъ ты сюда попалъ?

— Этотъ вопросъ я долженъ задать тебѣ! Какъ вы-то сюда попали? Я хотѣлъ, чтобы вы обо мнѣ забыли; боялся встрѣтиться съ вами, чтобы не побезпокоить васъ, и жилъ своей особой жизнью. То крючникъ на Волгѣ, то землекопъ, то парикмахеръ, я, наконецъ, добрался до этого города и поступилъ въ этотъ несчастный ресторанъ. Когда я увидалъ васъ въ тотъ вечеръ, я тотчасъ же узналъ тебя и жену и — дурацкая натура! — такъ встревожился я такъ расскаясь, что опрокинулъ на тебя сотейникъ. Ты ужъ прости... За это я наказанъ: меня выгнали изъ ресторана.

— Чѣмъ же ты намѣренъ теперь заняться?

— О, это для меня легче, чѣмъ для тебя! Нужда научила меня и спать подъ заборомъ, и не доѣдать... Вѣдь по паспорту я — безземельный крестьянинъ Федоръ Чулковъ: куда ужъ тутъ жить въ сытые и въ господа! А для голоднаго вѣдь всегда найдется заработокъ!

Ивановъ молчалъ. Задача, которую задалъ теперь ему Григорій, была для него совсѣмъ неразрѣшимой. Онъ смотрѣлъ на брата; цѣлая масса вопросовъ возникала въ его головѣ, и онъ не зналъ, что ему дѣлать и какъ поступить. Радостнаго свиданія изъ ихъ встрѣчи не вышло, сердце отступило на задній планъ, и теперь приходилось считаться съ разсудкомъ, или же сталкиваться себя и лицемѣрно вѣшаться другъ другу на шею. Словъ Григорія у себя значило бы снова воскресить въ своей

семьѣ то, что уже давнымъ давно было погребено, а бросить его на произволь судьбы, отречься отъ него — казалось некрасивымъ. И Ивановъ сознавалъ, что еслибы въ его сердцѣ оставалась еще хоть сотая доля той любви къ брату, какую онъ испытывалъ къ нему тогда и какую питалъ къ его памяти теперь, то ихъ встрѣча не была бы такъ холодна. Но такой любви въ себѣ Ивановъ не ощущалъ, и зналъ, что и мать его тоже ее не ощущала. Для нея ее сынъ Григорій былъ святой, съ мученическимъ вѣнцомъ на главѣ, и было бы жестоко теперь показать ей вмѣсто этого великомученика — простого лакея. Анна Федоровна, жившая съ мужемъ всего только годъ, благоговѣла передъ его памятью; лучше его для нея не было мужчинъ, но это только потому, что до сихъ поръ она сохраняла въ своей душѣ его образъ все такимъ же, какимъ онъ былъ въ ихъ медовый мѣсяцъ. И еслибы она увидала его теперь, въ его поношенномъ ватномъ пальто, сутулаго и такъ измѣнившаго свой вѣншій видъ, и ей сказали бы, что это ее мужъ, котораго она когда-то такъ любила, то она почувствовала бы то же, что и человекъ, который неожиданно для себя вмѣсто поэтического, тѣнистаго сада вдругъ видитъ выросшій на его мѣстѣ некрасивый пятиэтажный домъ. О Витькѣ ужъ нечего и говорить. Онъ вовсе не зналъ отца. И тотъ прекрасный, безплотный духъ, оставшійся имъ вмѣсто брата, сына, мужа и отца, который они такъ боготворили и который жилъ среди нихъ и вдохновлялъ собою всю ихъ жизнь, теперь воплощался въ этого некрасиваго лакея, съ сизымъ бритымъ лицомъ. Нѣтъ, покойники не должны вставать изъ гроба и святые не должны воплощаться въ людей! Время дѣлаетъ людей святыми, и вѣра обратилась бы въ ничто, еслибы время не имѣло своей тайны. И еслибы Ивановъ нарушилъ теперь эту тайну и объявилъ семьѣ Григорія, что пришелъ онъ самъ, во плоти, такой же, какъ и они, то Григорій умеръ бы для ихъ душъ навсегда и должна была бы начаться новая жизнь безъ божества, полная страховъ, сомнѣній и неизвѣстности конца.

Наступило тяжелое молчаніе. Ивановъ сидѣлъ и не зналъ, какъ ему поступить, а Григорій стоялъ, переминался съ ноги на ногу и виновато пожималъ плечами. Онъ сознавалъ, что сдѣлалъ большую ошибку, что открылся брату, а Ивановъ чувствовалъ, что ему предстоитъ еще много работы надъ собой, чтобы воскресить въ себѣ умершій образъ брата и снова начать молиться на него такъ же, какъ онъ молился на него до сихъ поръ.

— Прощай...— сказалъ, наконецъ, Григорій.

Ивановъ поднялся съ мѣста.

— Погоди минутку,— сказалъ онъ.

И, подойдя къ двери, онъ отперъ ее и кликнулъ въ столовую, гдѣ въ это время уже сидѣли за чай.

— Мама, Ася, Витька! Идите сюда!

Старушка и мать съ сыномъ вошли въ кабинетъ и, увидя незнакомаго человѣка, почувствовали неловкость. Григорій жадно вникъ въ нихъ глазами.

— Вотъ этотъ человѣкъ,— сказалъ Ивановъ,— былъ въ Сибири и видѣлъ, какъ хоронили нашего Григорія. Онъ умеръ при постройкѣ Уссурійской дороги отъ сыпного тифа!

Мать закрыла платномъ глаза и нѣсколько разъ перекрестилась, а на лицахъ Анны Федоровны и Вити появилось выраженіе глубокаго благоговѣнія передъ памятью мужа и отца.

Григорію хотѣлось протестовать, хотѣлось сказать, что это ложь, что онъ живъ и пришелъ, чтобы остаться съ ними со всѣмъ и ужъ не разлучаться съ ними никогда, но, увидѣвъ эти святые слезы своей матери и эти восторженные взгляды своихъ сына и жены, онъ понялъ, что умеръ для нихъ навсегда, и что нарушать эту связь ихъ душъ съ его душою было бы такъ же преступно, какъ и навязывать имъ новую жизнь и живого себя.

И оглядѣвъ кабинетъ, уставленный и увѣшанный кругомъ только одними его портретами, онъ глубоко вздохнулъ и, махнувъ безнадежно рукою, ни слова не говоря, вышелъ изъ дома.

— Ну, слава Богу!— говорила въ это время мать.— Теперь я знаю точно, что Гриша умеръ, и вѣрю, что душа его въ раю...

Витя тоже перекрестился, и по его глазамъ можно было прочесть, что въ его душѣ образъ его отца сложился въ нѣчто высокое и прекрасное, равнаго чему не могло быть во всей вселенной.

Затѣмъ долго молчали, какъ это бываетъ въ минуты, когда говорятъ о дорогомъ покойникѣ.

— Ну, что-жъ, господа,— нарушилъ наконецъ молчаніе Ивановъ.— Кажется, и самоваръ ужъ давно погасъ!

— Да, идите чай пить,— сказала старушка и вытерла насухо глаза.— Хорошій, Витя, былъ человѣкъ твой отецъ! Благородный, пострадавшій за другихъ. Помни о немъ и цѣни его высоко!

И всѣ перешли въ столовую.

Въ тотъ же вечеръ Ивановъ отправился въ ресторанъ, гдѣ служилъ Григорій, чтобы отъ его товарищей узнать, гдѣ онъ теперь живетъ, и чѣмъ-нибудь ему помочь.

Едва только онъ вышелъ изъ крыльца, какъ на встрѣчу ему попался Арбузовъ. Лицо его перемѣнилось, и какъ-то странно свѣтились теперь его глаза.

— Я такъ и зналъ, что онъ не удержится и придетъ къ вамъ!—весело сказалъ онъ и потеръ себѣ руки.

— Кто придетъ?—спросилъ его Ивановъ.

— Вашъ братецъ Григорій Сергѣвичъ! Я уже давно слѣжу за нимъ, и мнѣ нужно было только убѣдиться въ правдивости моихъ предположеній и въ томъ, покрывали вы его, или нѣтъ? Не трудитесь его искать!

У Иванова похолодѣло подъ сердцемъ.

— Гдѣ же онъ теперь?—спросилъ онъ.

Арбузовъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукой и многозначительно засвисталъ.

Ивановъ понялъ изъ этого, что его братъ умеръ теперь для всѣхъ навсегда и что больше ужъ не воскреснетъ ни для кого.

И полный чувства омерзѣнiя къ Арбузову, онъ вернулся къ себѣ домой и, не снимая пальто, бросился на диванъ и зарыдалъ, какъ дитя.

МИХАИЛЬ ЧЕХОВЪ.

ПО ИРЛАНДІИ

Замѣтки и наблюденія.

Окончаніе.

VI *).

Новыя теченія въ ирландской жизни.

На мѣсто политическихъ, открытыхъ и тайныхъ обществъ, которыми Ирландія была такъ богата въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ XIX-го вѣка, стали нарождаться въ ней одно за другимъ разныя общества культурнаго и экономическаго характера. Насколько эта сторона жизни сильно развилась въ Ирландіи, я могъ убѣдиться даже во время моего краткаго пребыванія на этомъ островѣ. Въ Дублинѣ общественная жизнь была фонтаномъ. На одной недѣлѣ тамъ происходило нѣсколько съѣздовъ, не считая журналистскаго, да рядъ митинговъ мѣстныхъ обществъ, на которыхъ было бы очень долго останавливаться. Въ то же время мѣстныя газеты были полны отчетами о разныхъ митингахъ и политическихъ демонстраціяхъ въ провинціи. Изъ четырехъ съѣздовъ въ Дублинѣ три были экономическаго характера и одинъ культурнаго. Ирландскіе лэндлорды, основавшіе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, свою „конвенцію“ (Irish Landowner's convention), собрались, чтобы поговорить о положеніи дѣлъ. Него говорить, что лэндлорды хотятъ получить болѣе высокія цѣны за свои земли, и получить ихъ какъ можно скорѣе, разъ земля переходитъ въ собственность арендатора. Въ этомъ смыслѣ

*) См. выше: августъ, стр. 491.

произносились рѣчи, высказывались пожеланія и принимались резолюціи для представленія ихъ правительству.

Въ то же время происходила и другая „конвенція“, имѣющая какъ разъ цѣли, противоположныя конвенціи лэндлордовъ, а именно собраніе „лиги городскихъ арендаторовъ“ (Town Tenants League), основанной года три тому назадъ. Эта лига имѣетъ цѣлью сдѣлать для городского жителя то, что поземельная лига сдѣлала для сельскаго жителя, и добиться посредствомъ выкупа городской земли освобожденія отъ лэндлорда. На этой конвенціи присутствовалъ членъ парламента и бывший вождь поземельной лиги Джонъ Диллонъ, который обѣщался провести соотвѣтственный билль въ парламентъ. Такой билль въ пользу городского населенія Ирландіи уже находится на разсмотрѣніи палаты общинъ, и требуется лишь нѣкоторая настойчивость въ доведеніи его до конца. А эта настойчивость зависитъ вполнѣ отъ самого городского населенія. „Насъ, „парламентаріевъ“, любятъ въ послѣдніе годы критиковать, — сказалъ Диллонъ на собраніи лиги. — Пусть себѣ. Я критики не боюсь. Но вошло въ моду вообще отзываться о парламентаризмѣ, какъ о шарлатанствѣ. Съ этимъ я не согласенъ. Парламентаризмъ, чтобы быть сильнымъ, долженъ имѣть за собою мужественную агитацію въ странѣ, и агитацію, основанную на здоровомъ разсудкѣ (common-sense)“.

Но самый интересный съѣздъ изъ ряда экономическихъ, указывавшій на новый характеръ ирландской общественной жизни, былъ съѣздъ рабочихъ, занятыхъ на службѣ у правительства. До недавняго времени „рабочаго“ вопроса какъ будто и не существовало въ Ирландіи. Фабрично-заводская промышленность, за исключеніемъ Бельфаста, въ ней очень слабо развита, и тѣ рабочіе, которые тамъ имѣются, казались больше занятыми религіозно-національными раздорами, чѣмъ улучшеніемъ своего матеріальнаго положенія. Достаточно сказать, что изъ 672 „трэдъ-юніоновъ“, значившихся въ 1903-мъ году въ Соединенномъ королевствѣ и доставившихъ о себѣ свѣдѣнія въ главную регистратуру, лишь 46 находились въ Ирландіи, и число ихъ членовъ въ общемъ не превышало 11.000 человекъ. Это — изъ 1.575.000 зарегистрированныхъ въ Соединенномъ королевствѣ членовъ! Или, иначе говоря, на каждыхъ полтораста англійскихъ трэдъ-юніонистовъ приходится лишь одинъ въ Ирландіи. Но это положеніе начинаетъ быстро мѣняться, и въ Ирландіи рабочіе перестаютъ быть одними лишь статистами на политической аренѣ и начинаютъ формулировать программы и требованія, до сихъ поръ тщательно обходившіяся другими ирландскими партіями —

націоналистами и юніонистами. На послѣднихъ выборахъ въ Бельфасть выступилъ даже кандидатъ рабочей партіи, который получилъ порядочное число голосовъ, хотя и не давшее ему большинства. Конференція рабочихъ, происходившая въ Дублинѣ во время моего пребыванія тамъ, была поэтому особенно многозначительна. Какъ я уже сказалъ, она состояла изъ делегатовъ разныхъ рабочихъ группъ, служащихъ у правительства. Тутъ были представители отъ почтово-телеграфной службы, представители отъ телеграфныхъ и телефонныхъ механиковъ, отъ работающихъ въ картографическихъ заведеніяхъ топографическаго вѣдомства, отъ служащихъ въ государственныхъ паркахъ (Феникскій паркъ и др.) и отъ прочихъ родовъ низшей службы, оплачиваемой сдѣльно или по расчету дней. Для конференціи былъ отведенъ залъ въ ратушѣ („Меншенъ-гоузъ“), и президентомъ ея былъ дублинскій лордъ-мэръ и членъ парламента Наннети, бывший метранпажемъ въ редакціи главнаго органа націоналистской партіи— „Freesman's Journal“. Я былъ на открытіи этой конференціи, начавшейся съ чтенія отчета секретаремъ ея. Въ отчетѣ рассказывалось о первыхъ шагахъ только-что основанной федераціи ирландскихъ правительственныхъ служащихъ, о мѣрахъ, которыя она уже успѣла принять, о запросахъ, которые уже дѣлались по ея инициативѣ въ парламентъ. „Два года тому назадъ,—говорилъ секретарь,—о насъ еще никто ничего не слыжалъ. Ни одинъ редакторъ и не думалъ, что есть какой-то особый классъ правительственныхъ рабочихъ, а нынѣ къ нашимъ услугамъ всѣ демократическія газеты, хорошо знающія жалкія условія нашего труда“.

Секретарь рассказывалъ собранію, между прочимъ, и о томъ, что благодаря давленію федераціи, т.-е. совѣта ея, работа, которая была предназначена къ перенесенію изъ Ирландіи въ Англію (въ Соутгемптонъ, гдѣ имѣются огромныя картографическія заведенія адмиралтейства), осталась въ Дублинѣ.

Въ своей президентской рѣчи лордъ-мэръ совѣтовалъ ирландскимъ рабочимъ союзамъ дѣйствовать заодно съ англійскими, безъ помощи которыхъ они въ парламентѣ ничего не достигнутъ. „Я гомрулеръ, — сказалъ онъ, — но я не принадлежу къ тѣмъ, которые видятъ свѣтъ только въ своемъ окошкѣ. Я знаю, что будь я двадцать разъ гомрулеромъ, и ничего не достигну безъ поддержки народа на другой сторонѣ (т.-е. въ Англіи). Есть люди, которые говорятъ: не сливайтесь съ англичанами! Это самолюбиво. Вы должны соединиться и идти рука-объ-руку съ лондонскими и иными англійскими ассоціаціями. Если вы это

сдѣлаете, то начнете новую эру, и результаты окажутся въ высокой степени плодотворными“.

Занятія этой конференціи и рѣчи на ней съ очевидностью показали мнѣ, что старые лозунги начинаютъ и въ Ирландіи уступать новымъ, и что націоналистская партія, для того, чтобы продолжать пользоваться популярностью, принуждена усваивать себѣ новыя идеи и отвѣчать новымъ запросамъ, не имѣющимъ уже никакого отношенія къ гомрулю.

Рядомъ съ новымъ экономическимъ теченіемъ, столь ярко сказавшимся какъ въ дѣятельности правительственнаго учрежденія (The Congested Districts Board), основаннаго съ цѣлью помощи наиболѣе захудалымъ и обѣднѣвшимъ участкамъ въ западной Ирландіи, такъ и въ организаціи фермерскихъ кооперативныхъ обществъ, идетъ и сильное культурное теченіе. За послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ основанъ рядъ обществъ, съ цѣлью возрожденія ирландскаго языка, ирландской музыки, драмы, живописи. Особенно сильно движеніе, принявшее широкій національный характеръ, въ пользу возрожденія и распространенія ирландскаго, старо-кельтскаго языка. Многіе изъ ирландскихъ патріотовъ пришли къ заключенію, что сохраненіе языка гораздо важнѣе, чѣмъ существованіе въ Дублинѣ отдѣльнаго парламента. „Мои соотечественники! — воскликнулъ въ своей рѣчи, обращенной къ собранію въ Ирландіи въ февралѣ 1900-го года, извѣстный беллетристъ-ирландецъ Джорджъ Муръ: — языкъ нашъ старый уходитъ въ могилу, и помните, что вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ душа народа, частица которой — въ каждомъ изъ насъ. Возстановленіе языка — вотъ національная задача. Еслибы даже у насъ было національное правительство, оно на самомъ дѣлѣ не было бы національнымъ при исчезнувшемъ языкѣ, такъ какъ только языкъ кельта дѣлаетъ ирландцевъ націей“.

Начиная съ середины 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, изученіе такъ называемаго „гельскаго“ нарѣчія стало поощряться всѣми мѣрами и способами, — главнымъ образомъ, конечно, въ школахъ. Основанныя съ этой цѣлью общества требуютъ даже, чтобы преподаваніе кельтскаго языка сдѣлалось обязательнымъ въ государственныхъ элементарныхъ и среднихъ школахъ Ирландіи. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ участкахъ, въ которыхъ населеніе еще говоритъ на этомъ языкѣ, въ начальныхъ школахъ рядомъ съ англійскимъ введено и обученіе мѣстному языку. Кромѣ разныхъ изданій, періодическихъ и иныхъ, на кельтскомъ языкѣ, гельская лига предприняла на немъ и постановку пьесъ. Нашлись и спеціальныя драматурги для этого рода пьесъ, ко-

торья время от времени даются съ большимъ успѣхомъ въ Дублинѣ и другихъ городахъ Ирландіи.

Признаки этого оживленія интереса къ старому и умирающему языку я могъ и самъ замѣтить въ Дублинѣ, хотя ни разу не слышалъ, чтобы кто-нибудь тамъ говорилъ по-кельтски. Такъ, почти всѣ націоналистскія газеты, выходящія въ Дублинѣ, печатаютъ по одному столбцу старымъ національнымъ шрифтомъ на старомъ языкѣ. Если имѣть въ виду, что, напримѣръ, какой-нибудь „Freeman's Journal“ состоитъ изъ 54-хъ, 70-ти и больше столбцовъ, то нельзя сказать, что кельтскому нарѣчію удѣляется много мѣста. Но все же и одинъ столбецъ есть въ одно и то же время значительная уступка новымъ требованіямъ и дань уваженія старинѣ. Возродившаяся любовь къ ней сказалась и въ формѣ танцевально-музыкальных программъ разныхъ вечеровъ, устроенныхъ въ честь съѣхавшихся журналистовъ. Такъ, на вечерѣ, устроенномъ мѣстнымъ кружкомъ дамъ-писательницъ, программа была составлена не только изъ национальной музыки и танцевъ, но и носила заголовокъ на кельтскомъ языкѣ, изукрашенный виньеткой изъ національнаго трилистника. Какъ танцы, такъ и музыка ирландская очень сходны съ шотландскими. Шотландцы танцуютъ только болѣе быстрымъ темпомъ, а музыкальный инструментъ ихъ, такъ называемый „pipe“, болѣе сложенъ. У ирландцевъ, какъ и у шотландцевъ, національный „pipe“ — это духовые мѣхи съ трубками, на дырочкахъ которыхъ и играютъ пальцами. Но у шотландцевъ звуки изъ „пайпа“ извлекаются дуновеніемъ рта въ одну изъ трубокъ, а у ирландцевъ — посредствомъ нажиманія мѣховъ локтемъ правой руки, такъ что, играя на своемъ родномъ „пайпѣ“, ирландецъ никакихъ трубокъ во рту не держитъ. Зато и звуки его инструмента не столь мелодичны, какъ у шотландскаго, если вообще тутъ можетъ быть рѣчь о мелодичности.

Рядомъ съ оживленіемъ интереса къ древнему языку съ начала 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, происходитъ въ Ирландіи возрожденіе литературы и на англійскомъ языкѣ. Огромный потокъ національной энергіи, направлявшійся раньше, между сороковыми и девяностыми годами, въ сторону политики, повернулъ въ другое русло и оросилъ ирландскую жизнь древней народной поэзіей и новѣйшимъ мистицизмомъ. Это новое литературное движеніе, во главѣ котораго стали Йитсъ (Yeats), Муръ и другіе, выразилось въ нѣсколькихъ видахъ. Во-первыхъ, нѣкоторые высоко-талантливые писатели занялись переводомъ съ древне-ирландскаго на англійскій языкъ массы легендъ, сказокъ,

историческихъ преданій, религиозныхъ стиховъ и мѣровъ, которыми столь безмѣрно богатъ кельтскій языкъ. Во-вторыхъ, многіе, какъ, напр., Yeats, Лармини, О'Греди, стали пользоваться для своихъ оригинальныхъ стихотвореній и рассказовъ матеріалами изъ древней ирландской литературы, внося такимъ образомъ въ новѣйшую литературу Ирландіи тотъ мистически-національный тонъ, который такъ окрашиваетъ ирландскій эпосъ. Появилась и третья группа писателей, посвятившихъ себя описанію современной народной жизни. Это возрожденіе литературы сказалось и основаніемъ въ Дублинѣ, въ 1893 г., „Національно-литературнаго общества“, а въ Лондонѣ — „Ирландскаго литературнаго общества“.

Трудно, однако, сказать, насколько возросшій интересъ къ кельтскому языку дѣйствительно содѣйствовалъ его распространенію въ ирландскомъ народѣ. Перепись 1901-го года ничего утѣшительнаго для ирландскихъ патриотовъ въ этомъ отношеніи не дала. Вымираніе языка, несмотря на всѣ усилія гельской лиги, считающей сотни отдѣленій, упорно продолжалось. Въ 1891 г., когда лига еще была только въ зародышѣ, число лицъ въ Ирландіи, умѣвшихъ говорить на своемъ старомъ кельтскомъ языкѣ, равнялось 680.245; а въ 1901 г. ихъ уже было лишь 641.142. Лицъ, знавшихъ только одинъ ирландскій языкъ, въ 1891 г. было 38.192, а въ 1901 г. — 20.953. Въ общемъ, говорящіе по-кельтски составляютъ одну седьмую часть всего ирландскаго населенія. И трудно сказать, насколько этотъ процессъ исчезновенія „души кельтскаго народа“ задержанъ съ 1901 г. Но каковы бы ни были успѣхи распространенія кельтскаго языка, дѣятельность гельской лиги и разныхъ національно-литературныхъ и художественныхъ обществъ несомнѣнно открыла совершенно новую эру въ національной борьбѣ за существованіе. Она заставила народъ обернуться къ самому себѣ, взглянуть въ собственную свою душу и облагородить, расширить и очистить понятіе объ ирландской національности, далеко не состоящей въ обладаніи собственнымъ парламентомъ въ Дублинѣ. Очень замѣчательныя въ этомъ отношеніи признанія можно найти въ книжкѣ-сборникѣ, вышедшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ подъ названіемъ „Ideals in Ireland“ („Идеалы въ Ирландіи“) и составленномъ группой наиболѣе выдающихся вождей новаго литературнаго и кельтскаго движенія. Въ одной изъ статей этого сборника, между прочимъ, говорится:

„Пропаганда гельской лиги произвела частичную революцію въ Ирландіи. Обвиненія, столь широко и часто несправедливо

спавшіяся на Англію, направлены частью теперь обратно на самихъ ирландцевъ. Энергія, покоившаяся въ лѣни, въ ожиданіи нѣкоторыхъ политическихъ реформъ, одухотворилась и начала дѣйствовать, и чѣмъ глубже проникнетъ убѣжденіе, что Ирландія наконецъ обрѣла подъ ногами почву, тѣмъ сильнѣе будетъ это дѣйствіе.

„Лига, — продолжаетъ дальше авторъ, — застала Ирландію спорившей надъ трупомъ Парнелля. Когда *А*, провозглашавшій одно, объявлялъ *Б*, провозглашавшаго нѣчто другое, не ирландцемъ, для многихъ стало очевидно, что въ сущности ни тотъ, ни другой не понимаютъ, что такое ирландская національность. Средній обыватель, подъ вліяніемъ новаго ученія гельской лиги, сталъ наконецъ понимать, что *А* и *Б* — лишь политики, обыкновенные, крикливые политики и больше ничего, а національность тутъ ни при чемъ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, никому и въ голову еще не приходило, что политика сама по себѣ еще не создаетъ національности... Известно, что война является отличнымъ способомъ для отвлеченія вниманія отъ внутреннихъ національныхъ язвъ. Когда борешься на жизнь и смерть съ какимъ-либо непріателемъ, то некогда заниматься домашними дѣлами, а тѣмъ меньше есть охота выслушивать критику... Въ такомъ положеніи Ирландія и провела истекшее столѣтіе. Мы боролись съ Англіей, какъ съ единственнымъ нашимъ врагомъ, и думали, что куда не справимся съ нею, мы ничего не можемъ для себя сдѣлать. А между тѣмъ все время мы сами были нашими наиболѣе страшными врагами. Отдавшись борьбѣ съ Англіей, мы не замѣчали, какъ жизнь уходитъ отъ насъ, и, видя себя умирающей націей, мы еще болѣе винили и проклинали Англію... Гельская лига своей пропагандой заставила насъ задать самимъ себѣ вопросъ: что такое ирландская національность, и что мы собственно хотѣли бы осуществить въ Ирландіи? Неужели тотъ національный инстинктъ, который сидитъ въ каждомъ изъ насъ, былъ бы удовлетворенъ тѣмъ, что солдаты носили бы зеленый мундиръ, или что республика, совершенно чуждая духу ирландскаго народа, заняла бы мѣсто нынѣшней монархіи? Или, можетъ быть, наша національность заключается въ униженіи Англии, въ зрѣлищѣ ста тысячъ англичанъ, пробитыхъ пулями и пивами? (это было писано во время англо-бурской войны)... Но еслибы даже Англія сегодня дѣликомъ провалилась въ морскую бездну, то и тогда наша національность однимъ этимъ фактомъ не была бы восстановлена, такъ какъ національность — это отдѣльная цивилизація, а не отдѣльная политика.

Наша нація не можетъ воскреснуть одной слабостью Англіи, а усилями и мощью самой Ирландіи. Это и есть то положеніе, которое занимаетъ лига. Пусть политическая борьба продолжается, но мы больше не смотримъ на Англію, какъ на разрушительницу ирландской національности. Взваливая все на Англію и сами ничего не дѣлая, мы играли въ теченіе цѣлаго столѣтія роль дураковъ, за которую жестоко теперь и платимся“.

Таковъ отзывъ одного изъ истинныхъ ирландскихъ націоналистовъ, и высказанное имъ настроеніе по отношенію къ Англіи можно считать общимъ въ нынѣшней Ирландіи. Острая враждебность исчезла; ее замѣнило осмысленное національное чувство, готовое отдать кесарево кесарю и признать не только дурныя, но и хорошія стороны союза съ Англіей, хотя время отъ времени и теперь прорываются иногда такіе факты, которые менѣе всего способны внести примиреніе въ англо-ирландскія отношенія. Но эти факты обыкновенно составляютъ единичные случаи, дѣйствіе какого-нибудь отдѣльнаго, „неотвѣтственнаго“ ирландца, и къ области политики партій не принадлежатъ. Такова, напр., была замѣтка, полная сарказма и брани, которую я встрѣтилъ въ одной провинціальной газетѣ, издающейся въ Вексфордѣ. Въ этомъ мѣстѣ происходили въ августѣ мѣсяцѣ маневры, въ которыхъ, кромѣ мѣстныхъ войскъ, участвовало и нѣсколько батальоновъ, прибывшихъ изъ Великобританіи. Очевидно, желая предостеречь мѣстныхъ кухарокъ и горничныхъ, чтобы тѣ не увлекались англійскими солдатами, авторъ замѣтки расписалъ послѣднихъ самыми мрачными красками. Появись эта замѣтка не только въ Россіи, въ этомъ царствѣ военно-полевыхъ судовъ и генералъ-губернаторовъ, не только въ Германіи, въ этой родинѣ „чести мундира“ и безусловнаго послушанія передъ „капитанами Кепениками“, но даже въ демократической Франціи, она бы навѣрное подняла на ноги все офицерство и „Гаргше“ и причинила бы безконечный рядъ дуэлей. Въ Англіи же, насколько мнѣ извѣстно, никто на нее даже не обратилъ вниманія, и я наткнулся на нее въ ирландской газетѣ только потому, что во время моего пребыванія въ Ирландіи я считалъ нужнымъ болѣе обстоятельное знакомство съ мѣстной печатью. Вотъ эта замѣтка съ нѣкоторыми урѣзками: „Войско упражняется въ полевыхъ маневрахъ. Нужно полагать, что при немъ имѣются мулы. Въ южно-африканскую войну мулы играли въ британской тактикѣ большую роль. Когда Томы (солдаты англійскіе) бѣжали, они взваливали вину на муловъ. Можетъ быть, они теперь научатъ ихъ не бѣжать. И нужно же было собрать этихъ

„джентльменовъ“ въ такомъ приличномъ мѣстѣ, какъ наше! Не удивительно, что отцы семействъ встревожены, видя здѣсь, въ нашей мѣстности, отбросы англійскихъ городовъ, дурно воспитанныхъ, плохо обученныхъ, необузданныхъ шалопаевъ, не уважающихъ ни чужого имущества, ни чужой личности. Конечно, есть исключенія, но большинство изъ нихъ отлично подходитъ подъ это описаніе. Какъ солдаты, они ничего не стоить. При Коленсо, англійскій полкъ запрятался въ дыру, откуда его никакъ нельзя было выгнать. Они боялись подвинуться ближе къ неприятелю, и предпочли смотрѣть, какъ бѣдные коннаутцы (ирландскій полкъ), со свойственной имъ національной храбростью, пробовали перейти вбродъ Тугелу. Когда же война кончилась, англійскіе полки пожинали лавры, а ирландскіе отправились служить въ Индію, Аденъ и въ другія мѣста съ убійственнымъ климатомъ. Мы увѣрены, что ни одинъ ирландскій юноша и близко не подойдетъ въ этимъ потомкамъ милиціонеровъ 1798-го года, поджигателей и разбойниковъ. Что же касается до нашихъ дѣвушекъ, то мы себѣ и представить не можемъ, чтобы уважающая себя дѣвица изъ Вексфорда показала въ компаніи съ кѣмъ-либо изъ нихъ. Дѣвушка, которая бы настолько потеряла стыдъ, должна получить достойный урокъ отъ всего прихода. Кстати, прибавимъ, что войско англійское привезло съ собою этого шута горохового Баденъ-Поуэлла, который во время бурской войны заставилъ весь міръ смѣяться надъ его выходками въ Мефекингѣ, гдѣ, будто бы, происходила большая осада. Послѣ недавней осады Портъ-Артура, дѣло съ Мефекингомъ представляется не больше какъ цирковой забавой и театральной игрой“.

Къ этого же рода національнымъ выходкамъ, далеко не пользующимся теперь въ Ирландіи особой популярностью, принадлежит и происшедшій на дняхъ инцидентъ въ Дублинѣ на пароходѣ „Шамрокъ“. Этотъ пароходъ былъ взятъ городской думой для перевозки гостей къ мѣсту, гдѣ происходила церемонія открытія новой системы канализаціи. Среди гостей былъ и ольдерменъ, который, увидя у кормы англійскій флагъ, „не стерпѣлъ“, по его собственнымъ словамъ, „оскорбленія“ и бросилъ его въ воду. На завтракъ, данномъ по случаю той же церемоніи, одинъ изъ ольдерменовъ, предложивъ обычный тостъ за здоровье короля, былъ огорошенъ криками: „не желаемъ того тоста!“, послѣ чего нѣкоторые встали и вышли изъ-за стола.

Новое національно-культурное теченіе имѣетъ одно несомнѣн-

ное преимущество передъ чисто политическимъ, всегда сопровождающимся излишней страстностью. Новое движеніе не только смягчило отношенія между Ирландіей и Англіей, но и начинаетъ служить почвой для объединенія юга и сѣвера въ самой Ирландіи, этихъ самыхъ яростныхъ междоусобныхъ враговъ. Югъ и сѣверъ — это два полюса ирландской политики и ирландской жизни, и чтобы правильно понять истинную сущность ея, необходимо послѣ Дублина, этого центра націоналистской пропаганды, познакомиться съ Бельфастомъ, центромъ ирландскихъ юніонистовъ.

VII.

Дублинъ и Бельфастъ.

Ирландцы обыкновенно приравниваютъ свои главные города Дублинъ и Бельфастъ къ шотландскимъ Эдинбургу и Глазго. По вѣшнимъ признакамъ оно, пожалуй, и такъ. Дѣйствительно, какъ и Эдинбургъ въ Шотландіи, Дублинъ въ Ирландіи почти чуждъ промышленной дѣятельности. Онъ — резиденція главныхъ административныхъ лицъ, мѣсто высшихъ судебныхъ инстанцій, главныхъ ученыхъ учреждений и обществъ и, слѣдовательно, — мѣстожительство почти однихъ профессиональныхъ классовъ, ученыхъ, писателей, адвокатовъ, чиновниковъ. Вся остальная часть населенія — лавочники, извозчики, ремесленники и пр. — служатъ лишь какъ бы придаткомъ къ первымъ. Другое дѣло Бельфастъ. Онъ тоже не лишенъ ученыхъ учреждений и обществъ, адвокатовъ, писателей. Но наука и искусство, а тѣмъ болѣе государственная служба — не его специальность. Бельфастъ — городъ промышленный отъ края до края, также какъ и Глазго въ Шотландіи. Онъ строитъ суда, тклетъ удивительныя полотна, вьетъ веревки и кабели и производитъ множество другихъ вещей, ведя колоссальную торговлю.

Однако, сравнивать ирландскіе города съ шотландскими можно лишь по вѣшности. На самомъ же дѣлѣ Дублинъ и Бельфастъ не только различны по характеру дѣятельности населенія ихъ, но и по самому духу своему. Это не только два различныхъ города, но два противоположныхъ теченія, два различныхъ міросозерцанія, двѣ совершенно, такъ сказать, разныя цивилизаціи. И только когда знакомишься съ Бельфастомъ, начинаешь отчасти понимать и причины ирландской бѣдности, и гомрульное движеніе, и всякія другія особенности ирландской

жизни. Нигдѣ рѣче не сказалась разница между протестантствомъ и католичествомъ, какъ въ Ирландіи. Здѣсь, на этомъ островѣ, словно въ какомъ-нибудь музеѣ, сосредоточены всѣ хорошія и дурныя стороны обѣихъ этихъ религій. Все здѣсь выступаетъ выпукло, ярко, вразумительно. Это не Франція, гдѣ католичество смягчается всеобщимъ невѣріемъ, не Германія или Голландія, гдѣ протестантство, за отсутствіемъ борьбы, ушло внутрь себя. Тутъ обѣ религіи продолжаютъ жить въ вѣчной борьбѣ, въ вѣчной ненависти другъ къ другу, а религіозность народа, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ, болѣе глубока, чѣмъ на континентѣ. Вотъ почему и слѣды религіозныхъ вѣрованій и вѣроисповѣдныхъ различій такъ ясно скрываются здѣсь даже въ обыкновенной жизни, на промышленной предприимчивости той или другой части населенія, на умственномъ развитіи его, на условіяхъ быта. Католичество овладѣло югомъ, протестантство—сѣверомъ Ирландіи, и не требуется особой наблюдательности, чтобы увидѣть разницу. И эта разница—не къ выгдѣ юга. Католическое духовенство именно овладѣло здѣсь „душою“ народа и наложило на него свою тяжелую руку темноты и невѣжества, нетерпимости и бездарности. Ничто такъ глубоко не поразило меня въ Дублинѣ, какъ видъ одного обряда въ одной изъ его церквей. Живя долгіе годы въ глубоко-протестантской Англій, гдѣ даже католичество старается приноровиться къ новымъ временамъ, я какъ-то отвыкъ отъ разныхъ зрѣлищъ грубо-суевѣрныхъ проявленій. Было воскресенье, и я рѣшилъ заглянуть въ первую попавшуюся мнѣ на дорогѣ церковь. Послѣдняя оказалась церковью св. Августина, принадлежащею католическому ордену того же имени. Я поднялся на паперть и, пройдя черезъ сѣни, замѣтилъ слѣва какую-то глубокую нишу, похожую скорѣе на небольшую комнату. Сначала я ничего почти не могъ разглядѣть, такъ какъ было очень темно, особенно для глазъ, только-что оставившихъ уличный свѣтъ. Я только и могъ замѣтить какую-то кучку тѣснившихся тамъ людей. Меня, однако, заинтересовалъ этотъ темный уголокъ сейчасъ же у входа, и я на минуту остановился, чтобы взглянуть. Вскорѣ мои глаза привыкли къ полусвѣту, и я могъ различить въ глубинѣ ниши посрединѣ крестъ съ умирающимъ на немъ Христомъ. Слева креста стояла фигура св. Дѣвы, а справа—св. Іоанна. Все это было отдѣлено желѣзной рѣшеткой, у которой жадно толкался одно одѣтый, неряшливый и жалкій народецъ изъ стариковъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ. За рѣшеткой стоялъ жирный, ритый монахъ съ тарелкой. Каждый изъ лицъ, успѣвшихъ про-

тискаться къ рѣшеткѣ, вѣлать что-нибудь въ тарелку и затѣмъ, шепча какія-то молитвы, продѣлывалъ разныя манипуляціи. Сначала онъ своими грязными руками благоговѣнно потиралъ лобъ, грудь, руки и бедра крашеной статуи св. Дѣвы, а затѣмъ теръ себѣ тѣ же мѣста. Послѣ этого то же самое продѣлывалось со статуей св. Іоанна, а въ заключеніе отдавался глубокой поклонъ кресту съ распятіемъ, послѣ чего молящійся уступалъ мѣсто другому. Рискаю показаться смѣшнымъ и профаномъ, я все же спросилъ одного изъ бывшихъ тутъ богомольцевъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что эти статуи обладаютъ замѣчательной цѣлебной силой и слѣплены, будто бы, изъ глины, въ которую попало нѣсколько капель крови Искупителя.

Сознаюсь, я вышелъ изъ церкви какимъ-то подавленнымъ. Мнѣ какъ-то стало больно и обидно за ирландскій народъ, за ирландскую исторію, за ирландскую культуру. Неужели этотъ темный и невѣжественный народъ, — подумалъ я, — можетъ когда-либо воспрянуть духомъ и завоевать себѣ достойное національное существованіе? Этотъ народъ, надъ которымъ такъ цинично и грубо простерло свою руку католическое духовенство?

Такого рода вопросы въ Бельфастѣ мнѣ и въ голову не могли придти. И тутъ не мало суевѣрія, и тутъ духовенство играетъ большую роль въ жизни, но оно не овладѣло „душою“, оно и не стремится къ этому. И въ Бельфастѣ я зашелъ въ первую попавшуюся церковь, благо мы, т.-е. журналисты, прибыли въ Бельфастъ въ воскресенье. Поѣздъ пришелъ около пяти часовъ вечера. Всѣ магазины, театры, концертныя залы, библіотеки были закрыты. Некуда было дѣваться. Пришлось или сидѣть въ гостинницѣ, или шляться по улицамъ, или пойти въ церковь. И я выбралъ послѣднее. Какъ разъ недалеко отъ гостинницы была церковь, откуда раздавались пѣніе гимновъ и звуки органа. И я отправился туда. Церковь, блестящая внутри чистотой и яркимъ свѣтомъ электрическихъ лампочекъ, была полна жизнерадостностью. Она принадлежала пресвитеріанской общинѣ и отличалась той простотой, не лишенной, однако, удобства, какая вообще господствуетъ въ англійскихъ протестантскихъ, нонконформистскихъ церквахъ. Тутъ не было ничего вычурнаго, искусственно-показнаго, претенціозно-таинственнаго и мнимо-святого. Ни статуй, ни картинъ, ни алтарей. Католикъ принялъ бы помѣщеніе скорѣе за концертную залу, чѣмъ за церковь. Ничто тутъ не внушало мистическаго страха, суевѣрнаго трепета и боязливаго благоговѣнія. Ни стѣны, ни мебель, ни люди не обладали здѣсь сверхъестественными силами. Сама

служба не придавливала своей сакраментальностью, а поднимала и возбуждала своей простотой, красотой и человечностью. Отцы и матери, сестры и братья, взрослые и дѣти сидѣли рядомъ, совместно пѣли гимны, перемежавшіеся краткими рѣчами съ амзона, какимъ-нибудь соло, спѣтымъ мужчиной или женщиной, и пьесой, сыгранной на органѣ. Служба, если вообще этимъ словомъ можно обозначать жизнерадостное, любовное и свободное собраніе людей, кончилась рано, и мы вышли изъ церкви, сожалѣя, что все такъ скоро кончилось. На сердцѣ было легко и радостно и вѣрилось въ счастье, въ братство людей, въ вѣчный разумъ, слѣдящій за судьбами ихъ.

И я тогда глубоко понялъ, отчего протестантскій Ульстеръ такъ боится католическаго юга и такъ энергично противится власти его, предпочитая посылать депутатовъ въ Лондонъ, а не въ Дублинъ. И теперь, даже при англійскомъ правленіи и въ отсутствіе ирландскаго парламента, католическое духовенство успѣло прибрать въ руки своимъ воспитаніе юношества и проникнуть во всѣ сферы общественной жизни, подчиняя насущнѣйшіе интересы народа своимъ собственнымъ цѣлямъ и видамъ. Можно себѣ поэтому представить, что было бы, еслибы католическое духовенство оказалось господиномъ положенія, благодаря клерикальному большинству въ какомъ-нибудь національно-ирландскомъ парламентѣ. Одна мысль о такой возможности господства римскаго католичества въ Ирландіи бросаетъ въ жаръ и дрожь всякаго правовѣрнаго ульстерца, который съ гордостью въ состояніи указать на разницу въ экономическомъ положеніи сѣвера и юга Ирландіи. И дѣйствительно, несмотря на то, что никакими природными преимуществами сѣверъ не обладаетъ въ сравненіи съ югомъ, а скорѣе уступаетъ ему въ почвенномъ и во всякомъ случаѣ въ климатическомъ отношеніи, онъ все же куда богаче и развитѣе его. На сѣверѣ все прогрессируетъ и процвѣтаетъ. Жизнь бьетъ здѣсь ключомъ. Но опять-таки только въ тѣхъ графствахъ, въ которыхъ протестантское населеніе значительно преобладаетъ и гдѣ вліяніе католичества ничтожно. Таковы четыре графства: Антримъ, Доунъ, Тайронъ, Лондондерри. Въ первомъ изъ 196.090 населенія, по переписи 1901 года, католиковъ было лишь 40.381; во второмъ—изъ 205.889 католиковъ было 64.467; въ третьемъ—изъ 150.567 было 82.404 католика, а въ четвертомъ—65.296 католиковъ изъ 144.404 душъ населенія. Но уже въ Донегалѣ, лежащемъ рядомъ съ цвѣтущимъ Лондондерри и обладающемъ тѣми же ресурсами, но находящимся подъ игомъ католическаго духовенства, жизнь какъ будто

замерла, словно ангелъ смерти пролетѣлъ надъ нею. Въ Донегалѣ изъ 170.000 населенія свыше 135.000 были въ 1901 г. католиками.

Главный городъ ульстерской провинціи, Бельфастъ, лежащій у Бельфастскаго залива, частью въ Антримѣ и частью въ Доунѣ, какъ уже выше было отмѣчено, полонъ промышленной дѣятельности. Въ 1901 г. населеніе его было 349.000 чел., на 60.000 больше, чѣмъ въ Дублинѣ. Въ то время, какъ единственное крупное производство въ Дублинѣ — это портеръ и спиртъ, въ Бельфастѣ идетъ обработка всякаго сырья, минераловъ и волокнистыхъ веществъ, и его торговые обороты достигаютъ многихъ миллионновъ фунтовъ стерлинговъ. Въ Бельфастѣ я пробылъ всего два дня, но и за это короткое время успѣлъ достаточно насмотрѣться на его гигантскую дѣятельность, сказывающуюся рѣшительно во всемъ. Какъ разъ за нѣсколько недѣль до нашего приѣзда, было тамъ открыто новое зданіе городской ратуши, могущее служить достойнымъ символомъ богатства и культурнаго роста этого ирландскаго города. Насъ водили по разнымъ помѣщеніямъ этого зданія и показывали его прекрасное внутреннее устройство, его огромныя залы для засѣданій, для митинговъ и концертовъ, его кабинеты и приѣмныя, предназначенныя для лордъ-мера города, его многочисленныя разные административныя департаменты и т. д. Но еслибы мы и не видѣли этихъ мраморныхъ лѣстницъ и лѣпныхъ карнизовъ, этихъ высокихъ куполовъ, электрическихъ люстръ и расписныхъ потолковъ, всей этой внутренней роскоши, съ насъ было бы довольно одного взгляда снаружи, чтобы судить о широкомъ размахѣ бельфастской корпораціи. Ея административный центръ стоитъ на большой площади, возвышаясь надъ ней огромнымъ квадратнымъ корпусомъ въ стилѣ ренессанса, хотя и не строго выдержанномъ. Высокія башни въ центрѣ и по угламъ заканчиваются куполами съ заостренными верхушками. На фронтонѣ главнаго фасада вылѣплены разныя фигуры — символы, по которымъ легко замѣтить, чему поклоняется Бельфастъ. Въ срединѣ, конечно, стоитъ богиня Ирландіи, Ибернія, съ короной на головѣ. Въ одной рукѣ у ней свѣточъ знанія и прогресса, а другою она опирается на арфу, эмблему ея національности. Справа отъ нея стоитъ Минерва съ Меркуриемъ, передъ которыми преклоняются Промышленность и Трудъ. Слѣва стоитъ Свобода. Она простираетъ пальмовую вѣтку въ сторону Промышленности, представленной въ видѣ женщины съ кускомъ полотна. У ногъ Свободы сидитъ другая женщина съ прялкой, а кругомъ стоятъ въ позахъ любопытныхъ наблюдателей

мальчики, эти символы молодости и энергии народа. Есть на фронтонах и другие фигуры, представляющие Судостроительство и разные другие промыслы, процветающие в Бельфасте. Отсюда уже видно, в чем гордость и сила Бельфаста. В Дублин на фронтонах ратуши, если бы они вздумали там соорудить новое здание, несомненно поставили бы св. Патрика с крестом, а рядом с ним — каких-нибудь епископов и политиков. Для характеристики Бельфаста, насколько она выражается в только что воздвигнутом здании ратуши, следует еще, быть может, прибавить, что постройка ее обошлась в 300.000 с четырьмя-то фунтов стерлингов, не считая внутренней обстановки и украшений.

Кроме своей ратуши, бельфастцы показывали нам и свои верфи, заводы, фабрики, музеи, и пр., и пр. Первый визит журналисты сделали одному из крупнейших в мире судостроительных заводов фирмы Гарланд и Вольф, этой утробы, откуда вышли такие океанские великаны, как „Oceanic“, „Cedric“ или „America“, эти пловучие каравансеры водных пустынь. Во время нашего визита, кроме разных других работ, шла и подготовка к спуску в воду новорожденного „Adriatic“, самого большого когда-либо построенного на бельфастской верфи парохода. Пока он перед нами стоял весь как на ладони, начиная с киля и кончая острием своего „носа“, и казался огромной и отвесной горой, наверху которой, у самого обрыва ее, копошились какие-то маленькие люди. Сопровождавший нас по верфи служащий начал сыпать цифрами. Длина 725 футов, бимс — 75 ф., водоизмещение 40.000 тонн. Но цифры мне ничего не говорили в сравнении с тем, что говорили мне мои собственные глаза, и я вовсе не удивился, когда на вопрос одного из журналистов: „На сколько пассажиров оно рассчитано?“ — наш путеводитель ответил: „3.000 пассажиров, с большим комфортом, не считая, конечно, экипажа судна“.

Наше обозрение верфи не могло быть особенно подробным. Весь завод занимает до 80 акров на берегу Бельфастского залива и дает работу свыше 10.000 рабочим. Проходя через разные навесы, дворы и мастерские, мы чувствовали себя как бы потерянными в этом гигантском лабиринте труда, и незлобно завидовали одной из бывших с нами дам, которая, казалось, хотела изучить все судостроительное дело в один этот визит.

— Что они делают? — спрашивала она каждый раз, проходя мимо новой группы рабочих.

— Они буютъ битсы, дѣлаютъ заклепки, сверлятъ полосы, шлифуютъ сталь и т. под.,—отвѣчали ей.

И она вполне удовлетворилась, произнося каждый разъ: „O, I see!“ (Ахъ, вотъ оно что!)

— Вотъ видите!—говорилъ мнѣ одинъ спутникъ, какъ бы заканчивая разговоръ, который я съ нимъ велъ дня четыре до того, и указывая рукою на кипѣвшій дѣятельностью судостроительный заводъ:—безъ угля, безъ желѣза, но съ энергіей и предприимчивостью. Все это, что вы видѣсь видите, сталь и уголь, привезены изъ-за моря, изъ Англій и Шотландіи. То же самое могли бы сдѣлать и въ Дублинѣ, и въ Галовеѣ, и въ Вексфордѣ, и во многихъ другихъ гаваняхъ Ирландіи. Но не дѣлаютъ, потому что попъ придавилъ,—говорилъ онъ.

Отъ судостроительнаго завода мы перешли къ осмотру прядильно-ткацкой фабрики, принадлежащей самой крупной въ Бельфаствъ льнопрядильной компаніи, извѣстной подъ именемъ „Юркъ-Стритской компаніи“. Несмотря на то, что осмотръ верфи насъ порядочно утомилъ, мы съ интересомъ начали обходить и фабрики. Перемена оказалась живительной и освѣжающей. Въмѣсто твердыхъ и огромныхъ кусковъ стали и желѣза, издававшихъ подъ гигантскими молотами и пневматическими сверлами неистовый визгъ и шумъ и извергавшихъ искры, словно они метали громъ и молніи противъ дерзнувшаго покорить ихъ человѣка, мы теперь то-и-дѣло наталкивались на мягкія, глянцовитыя волны льняныхъ волоконъ, на нашихъ глазахъ преобразовавшіяся въ паутину тонкихъ нитокъ, въ мягкія тальки и упругіе клубки, въ длинныя ткани и узорчатыя скатерти, въ кокетливыя батистовыя платочки или миниатюрныя столовыя салфетки. Конечно, и тутъ дѣло не обходилось безъ шума и звуковъ. Но вмѣсто лязга, стука и визга стояло какое-то оглушительное жужжанье, охватывавшее насъ со всѣхъ сторонъ, скрывавшее подчасъ наши чувства и притуплявшее наши способности. Кругомъ насъ, словно вырвавшіеся изъ неволи духи ада, бѣшено вертѣлось несчетное число какихъ-то маленькихъ, круглыхъ, полувоздушныхъ существъ, въ которыхъ лишь при остановкѣ той или другой машины мы могли узнать катушки (веретена) съ намотанными на нихъ нитями. Безконечныя ряды прядильныхъ и ткацкихъ машинъ безпрерывнымъ трещаньемъ, шелканіемъ и стукомъ создавали гулъ, мѣстами уподобившійся поразительно шуму водопада. И въ этомъ вихрѣ звуковъ мы видѣли десятки и сотни молодыхъ дѣвушекъ, почти дѣтей, сновавшихъ у машинъ. Растрепанныя, босыя, испачканныя, эти юныя работницы произвели на всѣхъ

насъ самое тяжелое впечатлѣніе, не изгладившееся и тогда, когда, при переходѣ въ другія отдѣленія фабрики, мы встрѣчали ряды прилично одѣтыхъ и причесанныхъ женщинъ и дѣвушекъ съ интеллигентными и здоровыми лицами.

Какъ я уже сказалъ, осматривавшаяся нами фабрика была самая крупная въ Бельфастѣ. Въ виду огромности ея, мы даже не успѣли побывать во всѣхъ ея отдѣленіяхъ. Достаточно сказать, что количество ея веретенъ достигаетъ 75.000, а число ткацкихъ станковъ—свыше 3.000. Размѣры ея производства выражаются, приблизительно, въ 15 милліонахъ ярдовъ ткани и около 2.000.000 фунтовъ пряжи. Эти цифры говорятъ, конечно, мало нашему воображенію. Но если ихъ представить себѣ въ наглядной формѣ, то онѣ покажутся чудовищно-великими. Стоитъ только себѣ вообразить хотя бы свѣжно-бѣлую дорожку въ ярдъ ширины. Эта дорожка тянется, положимъ, отъ Одессы на сѣверъ. Она пролегаетъ черезъ города и села, черезъ степи, рѣки, озера, болота, простирается вдоль по меридіану до Петербурга, проходитъ черезъ Финляндію, достигаетъ Ледовитаго океана и все еще продолжаетъ бѣлѣть вдаль по поверхности моря, то сливаясь съ бѣлизной глубокихъ полярныхъ снѣговъ, то выдѣляясь опять тонкой бѣлой лентой въ ярдъ ширины на голубой поверхности льдинъ, пока не достигаетъ сѣвернаго полюса. Здѣсь она огибаетъ сѣверное полушаріе, протягивается по Канадѣ и Соединеннымъ Штатамъ и оканчивается въ Мексикѣ. Вотъ этотъ кусокъ полотна и составляетъ приблизительно величину производительности одной изъ бельфастскихъ фабрикъ, не считая ея пряжи. Если же взять общую ткацкую производительность Ирландіи, то послѣдняя своимъ полотномъ въ ярдъ ширины могла бы опоясать три раза земной шаръ вдоль по экватору.

Послѣ льнопрядильной фабрики Гореъ-Стритской компаніи, мы осмотрѣли колоссальную канатную фабрику, на которой, между прочимъ, изготовляются по специальнымъ заказамъ канаты для военнаго флота Англіи. И здѣсь также насъ, конечно, поражаеъ размахъ энергіи и предприимчивости, безконечное разнообразіе машинъ, свивавшихъ всевозможнаго размѣра шнуры, бечевы, веревки и канаты, трепавшихъ и мавшихъ разнаго сорта и вида пеньку и наматывавшихъ огромные круги товара. Но ничто меня еще больше поразило нашъ путеводитель, молодой директоръ фабрики, довольно отчетливымъ произнесеніемъ сааго длиннаго русскаго слова „высокопревосходительство“. Оказывается, онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, гдѣ изучалъ пеньковый рынокъ и куда время отъ времени наѣзжаетъ по тор-

говымъ дѣламъ. Узнавъ, что среди посѣтителей его фабрики есть и русскій журналистъ, онъ очень любезно заговорилъ со мною о Россіи и блеснулъ знаніемъ, хотя и очень слабымъ, русскаго языка. Это былъ внукъ Смайлса, знаменитаго перевозчика англійской предприимчивости и самопомощи, и казалось дивнымъ и страннымъ слышать изъ устъ его внука жалобы на конкуренцію и на свободу торговли. Фабрика вырабатываетъ въ среднемъ сто тоннъ въ недѣлю. Очевидно, это казалось ему малымъ.

— Что же, вы хотите весь міръ опутать своими веревками?—спросилъ я въ шутку.

— А почему бы и нѣтъ!—гордо и смѣло отвѣтилъ онъ.

И въ этомъ отвѣтѣ заключался и весь секретъ процвѣтанія Бельфаста, гордо посылающаго свой вызовъ міру своей вѣрой въ себя, своей энергіей и развитіемъ и своимъ желаніемъ побѣдить, побѣдить не на узкомъ полѣ національной политики, а на широкой аренѣ международнаго мирнаго соперничества.

VIII.

Языкъ природы.

Я оставилъ Ирландію на пароходѣ въ бельфастскомъ портѣ. Но раньше, чѣмъ закончить нашъ очеркъ, необходимо сказать еще кое-что объ ирландской природѣ. Политика, литература и природа ирландскія настолько тѣсно сплетены и связь между ними настолько крѣпка и очевидна, что, поговоривъ хотя бы мелькомъ объ одной изъ нихъ, нельзя умолчать и о другой.

Будучи въ Ирландіи, я только и слышалъ совѣты отъ ирландцевъ поѣхать посмотреть озера въ Килани, на юго-западѣ острова, въ графствѣ Керри.

— Если хотите что-нибудь посмотреть красивое,—поѣзжайте въ Килани (пишется Killagney),—говорили мнѣ всѣ въ одинъ голосъ.

А когда я вернулся изъ Ирландіи въ Лондонъ, первый вопросъ знакомыхъ англичанъ былъ: „Видѣли вы Килани?“—И я долженъ былъ признаться, что не былъ въ Килани и никакихъ ирландскихъ озеръ не видѣлъ. И я не сомнѣваюсь, что многое изъ-за этого потерялъ въ глазахъ англичанъ, специально ѣдущихъ въ Ирландію, чтобы повидать озера въ Килани. Что озера эти прекрасны, что они составляютъ чудо природы, это можно видѣть и изъ описанія ихъ въ разныхъ путеводителяхъ, и конечно, еслибы я развѣзжалъ по Ирландіи досужимъ и богатымъ тури-

стомъ, я бы не преминулъ полюбоваться и красотами Килани, да и многими другими, разсѣянными по юго-западному и сѣверо-западному берегу. Но для моихъ цѣлей было довольно и того, что я успѣлъ повидать. Я проѣхалъ по всему восточному берегу и отчасти по сѣверному и совершилъ путешествіе-въ глубь страны, проѣхавъ отъ Дублина до Атлона, лежащаго въ самомъ центрѣ острова. Послѣ этого природа Ирландіи стала для меня въ нѣкоторомъ родѣ открытой книгой, и мнѣ калалось, что я уловилъ ея главную особенность, столь объясняющую кельтскій характеръ и кельтскую литературу. Эту особенность составляетъ таинственность, по настоящее время не оставляющая ирландскія горы и пещеры, озера и ложбины, несмотря на всю, такъ сказать, фамиллярность съ ними туристовъ и туземцевъ. Какъ ни стараются содержатели гостинницъ, составители путеводителей, гиды, лодочники, разносные торговцы, извозчики и разные попрошайки, толпами гнѣздящіеся во всякомъ мѣстѣ, облубованномъ пріѣзжими, обнажить святую святыхъ ирландской природы, обратить ее въ какую-то табличку умноженія, въ избитую, всѣмъ извѣстную и во всѣхъ деталяхъ доступную обыденщину, она все-таки продолжаетъ сохранять свой дивный покровъ и оставаться совершенно чуждой человѣку и въ то же время столь привлекательной и притягивающей къ себѣ. Пусть себѣ она во всѣхъ подробностяхъ изучена уже сотни лѣтъ, пусть посѣщаютъ и топчуть ее миліоны людей, пусть нарушаютъ ея тишину свистки паровозовъ, грохотъ поѣздовъ, смѣхъ и пѣнне туристовъ, крики пьяныхъ—она все же остается сама собою, загадочной, внушающей трепетъ и благоговѣніе.

Во многомъ Ирландія, особенно прибрежная часть, напоминаетъ Шотландію. Тѣ же узкія и длинныя озера въ горахъ; тѣ же „глени“, т. е. глубокія ложбины, стѣны которыхъ покрыты снизу до верху деревьями и на днѣ которыхъ течетъ по камнямъ мелкій ручей, скрытый подъ нависшими надъ ними вѣтвями деревъ; тѣ же высокіе береговые обрывы, иззубренные волнами, съ разсѣянными вблизи шхерами, и тѣ же, наконецъ, пещеры и пропасти, измытыя моремъ или образовавшіяся провалами. Но Ирландія не столь сурова, какъ Шотландія. Ея горы не столь высоки и на нихъ не играютъ туманы вѣчной смѣной своихъ дивныхъ оттѣнковъ; а поверхность ея, гораздо болѣе шотландской, богата зеленью. Не даромъ ирландцы назвали свой островъ изумруднымъ (Emerald Island). Даже самые высокіе холмы его покрыты травой и зеленой листвою деревьевъ. Даже торфяныя болота, составляющія чуть ли не седьмую часть его поверхности

и занимающія главнымъ образомъ центральную и западную часть острова, покрыты зеленой травкой, хотя никакіе другіе полезные злаки на нихъ произрастать не могутъ.

И эта природа, живущая какой-то своей собственной, индивидуальной и таинственной жизнью, запечатлѣлась въ умѣ кельта чисто человѣческими и фантастическими образами, которые онъ видѣлъ въ каждой отдѣльной черточкѣ ландшафта. Вся ирландская поверхность, отъ востока до запада и отъ юга до сѣвера, покрыта легендами и историческими сказаніями. Каждый клочокъ земли чѣмъ-либо замѣчательнъ, борьбой-ли людей, боговъ или чертей. Какъ и древняя Греція, она — развернутая хартія былой жизни и фантазіи народа. Чтò ни холмъ, то сказка, чтò ни озеро — то легенда, чтò ни ручей — то воспоминаніе. Еслибы кто-либо изъ ученыхъ изслѣдователей народныхъ повѣрій вздумалъ составить фольклорную географію, на подобіе коммерческой или политической, и окрашивать на картахъ ея всякое мѣсто, отмѣченное легендой, то, несомнѣнно, карта Ирландіи была бы сплошь покрыта соотвѣтственной краской. Я, положительно, не знаю тамъ уголка, который остался бы внѣ области ирландской мифологіи и исторіи. Куда я ни заглянулъ, я вездѣ наталкивался на остатки старины и на чрезвычайно образныя названія, свидѣтельствовавшія о богатствѣ фантазіи и о склонности видѣть въ неодушевленной природѣ олицетворенія живыхъ существъ. Вотъ, напримѣръ, у самаго Дублина, на сѣверной сторонѣ его, маленькій полуостровъ Гоутсъ, у берега котораго лежитъ скалистый островокъ, названный „Глазомъ Ирландіи“ (Ireland's Eye). Дѣйствительно, по своему положенію, онъ какъ бы напоминаетъ сторожевой постъ, выдвинутый самой природой въ Ирландское море. И на этомъ островкѣ, на которомъ и разбѣжаться нельзя, чтобы не упасть въ море, вамъ покажутъ развалины часовни, построенной въ VII-мъ вѣкѣ по Р. Хр., и расскажутъ изумительную исторію объ убійствѣ, случившемся на немъ въ новѣйшее время. Самъ полуостровъ Гоутсъ покрытъ, такъ сказать, густымъ пластомъ легендъ. На высокой вершинѣ его показываютъ могильную насыпь какого-то короля Кримтана, жившаго, будто бы, въ первомъ столѣтіи нашей эры, а находящійся вблизи дворецъ связанъ съ красивымъ преданіемъ объ увозѣ, въ 1575 г., молодого лорда Гоутса владѣлицею замка Карривагули, О'Малли. Эта аристократическая ирландка пріѣхала разъ въ гости къ лорду Гоутсу и нашла ворота запертыми. Напрасно она стучала — никто ей не отворялъ, такъ какъ всѣ сидѣли за обѣдомъ. Въ наказаніе, О'Малли схватила маленькаго наслѣдника полуострова, увезла

его въ свои владѣнія и согласилась выдать его лишь на условіи, чтобы впредь въ часы обѣдовъ ворота замка на Гоутсѣ были раскрыты. Съ тѣхъ поръ обычай держать ворота открытыми во время обѣда долго соблюдался. Конечно, не желая портить прелесть преданія, мы не спрашиваемъ, какъ это могло случиться, чтобы маленькій наслѣдникъ замка очутился одинъ внѣ его стѣнъ, за воротами, во время обѣда. Но вѣдь дѣло случилось, какъ увѣряютъ, больше чѣмъ 325 лѣтъ назадъ. Ну, а въ то время, пожалуй, маленькіе наслѣдники бѣгали за воротами одни и во время обѣда.

Кстати, когда я осматривалъ Гоутсѣ, я былъ крайне недоволенъ ирландской стариной: ужъ очень она надоѣдала и не давала погрузиться въ спокойное созерцаніе развертывающейся здѣсь передъ глазами картины. Гоутсѣ — очень высокій мысъ, соединенный съ островомъ Ирландіи узенькимъ перешейкомъ. Съ вершины этого мыса, спускающагося въ море широкими скалистыми уступами, открывается восхитительный видъ на безбрежное море, а по сторонамъ зеленѣютъ вдали высокіе берега и видна дублинская гавань, Кингстоунъ, Далки и другія окрестности Дублина. Хотѣлось сидѣть и отдохнуть въ этой тишинѣ, въ которой только и слышенъ вѣчный плескъ волнъ, мягко разбивающихся о берега. Но не тутъ-то было. Не успѣлъ я усѣсться на мягкой травѣ, какъ надъ самымъ моимъ ухомъ раздались какіе-то визгливые звуки, рѣзкимъ диссонансомъ ворвавшіеся въ торжественную тишину моря. Это старый ирландецъ, для моего, очевидно, удовольствія, заигралъ на своей старой волынкѣ. Я уже имѣлъ случай описать ирландскую волынку. Но то была волынка культурная, воспитанница гельской лиги, украшенная серебряными трубочками, надувавшаяся въ превосходные пузыри и свистѣвшая подъ пальцами виртуоза. Между тѣмъ какъ здѣсь это была залежавшаяся, перешедшая, вѣроятно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, примитивно сколоченная штука, выдавшая виды. Она не играла, а визжала, пищала и рѣзала уши. Я бросилъ музыканту монетку, проговоривъ съ сердцемъ:

— Получайте, только, ради Бога, перестаньте!

Старикъ взялъ монету, поблагодарилъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ. Я думалъ, что мученье кончено. Но, оказалось, оно только-что началось. Прибыла какая-то компанія изъ дамъ и мужчинъ, съ биноклями, кодаками, сумками. Словомъ, истые туристы. Они ухватились за старика, какъ за кладъ. Они не только заставили его „играть“, но снимали его во время игры своими аппаратами въ разныхъ позахъ и съ разныхъ сторонъ, —

и старикъ, чувствуя себя центральной фигурой, какъ бы въ отместку мнѣ и торжеству побѣду, игралъ, не переставая, добрыхъ полчаса и, казалось, изо всѣхъ своихъ старческихъ силъ. Но еще хуже старой волынки оказались приставающаго разныхъ оборвышей, предлагавшихъ свои объясненія ирландской старины и мѣстныхъ достопримѣчательностей.—Вотъ здѣсь жилъ Кримтонъ Ниаднейръ, не то полубогъ, не то человекъ; вотъ тамъ — „Львиная голова“, утесъ, дѣйствительно похожій на голову льва, а тутъ — руины какой-то церкви. Напрасно объясняете, что все это можете узнать изъ любого путеводителя. Васъ будутъ провожать и поучать. Впрочемъ, мнѣ говорили, что день моего визита былъ исключительный. Ожидали какую-то партію американскихъ туристовъ, и въ надеждѣ на ихъ щедрость посѣщали на гору попрошайки.

Гораздо спокойнѣе провелъ я день на южной сторонѣ Дублина, въ Бреѣ. День былъ воскресный и американскихъ туристовъ здѣсь, очевидно, не ожидали. Въ этомъ мѣстѣ не только замѣчательны нѣкоторые остатки древности и разные поэтическия названія, данныя населеніемъ отдѣльнымъ скаламъ, глубокимъ оврагамъ и прочимъ штрихамъ ландшафта, но и разные современные искусственныя сооруженія, имѣющія цѣлью облегчить посѣтителемъ любованье здѣшней природой и обезопасить ихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Одна только дорожка, проложенная въ видѣ террасы по крутому склону прибрежной горы Бреѣ (Braу Head), говорила о высокой степени культурности населенія и его любви къ природѣ больше, чѣмъ можно было бы высказать въ десяткахъ томовъ. Дорожка нивакой другой цѣли, кромѣ удобнаго любованья природой, не имѣетъ; какъ путь сообщенія, она излишня, утомительна, не безопасна и годна лишь для пѣшехода. Чтобы пройти отъ Бреѣ до слѣдующей станціи, нѣтъ нужды пользоваться этой дорожкой. Для этого тутъ же, подъ дорожкой прорыты туннели для желѣзной дороги, а для пѣшеходовъ и экипажей есть другіе превосходные пути. Но ни изъ оконъ поѣзда, то-и-дѣло выныривающаго изъ туннелей, ни со стороны шоссеиной дороги нѣтъ такого вида, какъ со склона горы, обращеннаго къ морю. И поэтому, несмотря на всю трудность сооруженія, вдоль горы проложена тропинка, аршина въ два ширины, которая тянется около восьми верстъ, куда не достигаетъ долины. Изгибаясь прихотливыми колѣнами, въ зависимости отъ формы склона, который то выступаетъ въ море мысами, то, какъ будто испугавшись собственной смѣлости, отскакиваетъ вглубь берега, тропинка все время вьется почти

на одинаковой высотѣ и на всемъ своемъ протяженіи отгорожена со стороны моря витой проволокой на желѣзныхъ столбикахъ. Эта тропинка, оказывается, составляетъ подарокъ лэнд-лорда, которому принадлежитъ гора, отчасти же она продолжена и содержится на мѣстныхъ общественныхъ средствахъ. И наврядъ-ли можно было придумать болѣе подходящій подарокъ въ этой мѣстности. Прогулка вдоль склона горы и теперь не безопасна, такъ какъ она почти все время идетъ вдоль очень высокаго и крутого обрыва, подверженнаго обваламъ. Но именно эта капелька опасности прибавляетъ прогулкѣ еще больше интереса, а развертывающіяся передъ глазами картины моря и дальнихъ горъ, дивныхъ скалъ и каменистыхъ островковъ сторицею вознаграждаютъ за всякія неудобства.

Возвращаясь обратно съ прогулки по склону горы, я увидѣлъ на одномъ изъ покатыхъ отлоговъ ея большую группу танцовавшей молодежи. Это были рабочіе парни и дѣвушки, явившіеся сюда съ своимъ собственнымъ оркестромъ изъ Дублина. Вся компанія принадлежала къ какой-то „ложѣ“, знамя которой они привезли съ собою. Танцовали, однако, не подъ звуки оркестра, состоявшаго изъ барабановъ и маленькихъ флейтъ, а подъ музыку скрипача, безконечно повторявшаго одинъ и тотъ же мотивъ. Оркестръ же служилъ для болѣе торжественныхъ моментовъ пикника, а именно: во время шествія на вокзалъ и съ вокзала. Я не знаю, былъ ли это специально ирландскій танецъ, или нарочно изобрѣтенный для описываемаго случая, но онъ былъ поразительно простъ и въ то же время всеобъемлющъ. Повидимому, въ немъ могутъ участвовать столько паръ, сколько имѣется налицо. Онъ состоялъ въ томъ, что въ центрѣ хоровода по очереди становилась каждая изъ дѣвицъ и вертѣлась съ каждымъ изъ кавалеровъ. Когда она кончала свою „работу“, ей мѣсто занимала другая дѣвица и т. д., покуда всѣ онѣ не повертѣлись отдѣльно съ каждымъ кавалеромъ. Въ промежутки между смѣнами дѣвицъ происходило общее верченье всѣмъ хороводомъ; при этомъ сплетались руками, мѣнялись мѣстами и подпрыгивали ногами. Все это продѣлывалось очень чинно и даже галантно. Я, конечно, описываю этотъ танецъ какъ совершеннѣйшій профанъ. Но и изъ этого неумѣлаго описанія очевидно, что такой танецъ можетъ продолжаться хотя бы цѣлый день. И дѣйствительно, въ виду того, что въ танцѣ участвовало человѣкъ тридцать, онъ окончился лишь къ вечеру, когда нѣкоторые изъ танцоровъ, обратившись въ музыкантовъ, одѣли свои барабаны или взяли флейты, и съ веселой музыкой и съ широкимъ веле-

нымъ знаменемъ вся компанія женщинъ и мужчинъ тронулась въ обратный путь на вокзалъ.

Но какъ ни полонъ очарованія восточный берегъ Ирландіи, ни одно мѣсто его не произвело на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ сѣверный берегъ ея, въ особенности знаменитое „Шоссе Гигантовъ“ (The Giant's Causeway), близъ Портреша. Не даромъ народная фантазія приурочила къ этому мѣсту большой циклъ кельтскаго эпоса. Все здѣсь окружено какой-то невыразимой жуткостью, словно пещера таинственнаго, невидимаго волшебника. Море здѣсь по большей части бурное, усѣянное скалами. Берегъ на огромномъ протяженіи представляетъ собою рядъ фантастическихъ профилей и страшныхъ пропастей, обнимая собою и такое чудо, какъ нагроможденіе базальтовыхъ столбовъ въ одной изъ своихъ бухтъ. Напрасно ирландцы какъ бы нарочно стараются обратить „Шоссе“ въ грубый базаръ, въ вульгарное зрѣлище для туристовъ. Въ 1898 г. они даже создали синдикатъ, который поставилъ у базальтовыхъ столбовъ калитку и вѣзаетъ по шиллингу за входъ. Напрасно поставлены лавочки, въ которыхъ продается разный хламъ въ видѣ сувенировъ, и нищія, и гиды, и лодочники, и всякій другой сбродъ слѣдуютъ по вашимъ пятамъ. Напрасно! Природа продолжаетъ говорить своимъ величаво-таинственнымъ языкомъ, исходящимъ какъ бы изъ нѣдръ первобытнаго хаоса, и чувствуется, что не калитку для взиманія шиллинговъ, не лавочки слѣдовало здѣсь построить, а воздвигнуть величайшій храмъ, если вообще сама природа не служитъ здѣсь таинственнымъ и великимъ храмомъ.

Само „Шоссе“, хотя съ геологической точки зрѣнія составляетъ любопытнѣйшее явленіе, представляетъ собою лишь мелкій аксессуаръ въ очень большой картинѣ. Гиды любятъ обыкновенно выдѣлять ту или другую мелочь, какъ самую интересную. Столбы базальтовые, выступающіе въ море сплошной массой вплотную другъ къ другу какъ бы нарочно вбитыхъ въ морское дно многогранниковъ, далеко не однообразны по формѣ. Есть трехугольные, четырехугольные и съ большимъ числомъ граней. Вышина ихъ также разная, такъ что ходишь по нимъ не какъ по паркету, а подпрыгивая со столба на столбъ. И гиды считаютъ своимъ долгомъ обращать ваше вниманіе, что вотъ подъ вашей ногой пятигранный столбъ или трехгранный и что въ этомъ мѣстѣ просачивается вода, а тамъ столбъ съ выемкой. Дѣло, однако, вовсе не въ отдѣльныхъ столбахъ, и смотрѣть надо не подъ ноги себѣ, а на общій видъ берега, и только тогда можно постичь народную фантазію, изукрашившую это мѣсто,

которое ученые объясняют изверженіемъ базальтовой лавы, борьбой гигантовъ и надѣлившую всю эту мѣстность легендарными названіями. Вотъ группа выдѣлившихся столбовъ, образовавшихъ „Кресло гиганта“, вотъ „Гробъ гиганта“, его „Подкова“, вотъ „Органъ гиганта“. Этотъ „органъ“, состоящій изъ ряда столбовъ у самаго берега, по народному повѣрью играетъ лишь разъ въ семь лѣтъ, но и тогда издаетъ лишь два тона.

Одинъ изъ приставшихъ къ намъ лодочниковъ убѣдилъ меня и нѣкоторыхъ моихъ спутниковъ прокатиться съ нимъ въ одну изъ ближайшихъ пещеръ. Море было волнистое, небо пасмурное, берегъ дикій, словомъ, обстановка какъ разъ такая, при которой въ далекую старину морскія пещеры посѣщались лишь разбойниками или темными духами. Обогнувъ „Шоссе гигантовъ“, мы направились къ мысу, торчавшему на западной сторонѣ бухты, и здѣсь мимо скалъ, почти закрывавшихъ съ виду пещеру, мы приплыли къ мѣсту нашего назначенія. Лодка вошла подъ высокій и узкій сводъ, покрытый какой-то зеленью, повидимому не растительной. Вода стояла тихой и прозрачной гладью, черезъ которую, несмотря на страшную глубину, видѣлось красивое и свѣтлое дно, словно подъ нами была крыша затонувшаго волшебнаго дворца. И кругомъ была такая царственная, величавая тишина, что малѣйшій звукъ казался въ ней громомъ.

Лодочникъ прошлылъ вглубь грота сажень пять и остановился. Всѣ какъ-то невольно примолкли. Все казалось полнымъ таинственнаго ужаса.

— Купите, господа, камешки. Дешево продамъ, — вдругъ раздался громовымъ эхомъ голосъ лодочника.

Тишина и спокойствіе пещеры показались ему, очевидно, наиболѣе удобнымъ моментомъ для его торговыхъ операций, и, вынувъ изъ-подъ скамейки ящички съ минералогическими коллекціями, онъ сталъ навязывать ихъ намъ въ сувениры, — какъ будто можно было унести отсюда болѣе глубокой, болѣе возвышенный и драгоцѣнный сувениръ, чѣмъ воспоминаніе о пережитомъ чувствѣ.

По дорогѣ изъ „Шоссе“ въ Портрешъ, куда ведетъ электрической трамвай (первый въ Соединенномъ королевствѣ, выстроенный въ 1882 г.), путешественникъ можетъ видѣть выступающую въ море „Голову гиганта“, утесъ, имѣющій поразительное сходство съ человѣческой головой; „Львиную лапу“, дѣйствительно очень похожую на лапу льва; огромную пропасть, названную „Чашей діавола“, и многія другія фантастическія образованія, словно таинственная морская стихія тутъ нарочно разгулялась и хотѣла пошутить надъ воображеніемъ человѣка. И

тутъ же, изумительно гармонируя со всей мѣстностью, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ „Шоссе гигантовъ“, торчатъ угрюмыя руины загадочнаго замка, построеннаго когда-то на одинокомъ утесѣ, отдѣленномъ отъ берега глубокой пропастью, и извѣстнаго нынѣ подъ старо-ирландскимъ именемъ „Dunluce Castle“ (Замокъ Дюнлюсъ). Кѣмъ и когда построено это замѣчательное зданіе, какъ бы бросившее вызовъ морскимъ волнамъ, вѣчно шумящимъ у подножія его, — неизвѣстно. Впервые о немъ встрѣчается свѣдѣніе въ ирландскихъ лѣтописяхъ начала XVI-го вѣка, когда замкомъ владѣлъ ирландскій вождь Мак-Кланъ. Потомъ его захватилъ шотландскій вождь, изъ клана Мак-Доннеллей, а въ началѣ XVII-го вѣка въ немъ еще обитала герцогиня Кемберлендская, при которой случилась ужасная катастрофа: въ бурную ночь одинъ изъ угловъ утеса обвалился, а вмѣстѣ съ нимъ обрушилась въ морскую пучину и часть зданія, гдѣ помѣщалась кухня, и девять человекъ прислуги погибло. Съ тѣхъ поръ замокъ заброшенъ, и вотъ уже почти триста лѣтъ, какъ морскія волны и вѣтры и дожди довершаютъ дѣло разрушенія.

— Grand! Grand! (грандіозно!) — повторялъ американецъ, въ одно время съ нами осматривавшій достопримѣчательности берега. — Такая страна только и можетъ быть мѣстомъ происхожденія президента Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки! — прибавилъ онъ не безъ гордости.

Оказывается, предки Вильяма Мак-Кинлея, бывшаго два раза президентомъ великой заатлантической республики, выселились въ Америку именно изъ этой мѣстности въ 1838 г., и домъ, въ которомъ жило нѣсколько поколѣній Мак-Кинлеевъ, еще сохранился и служитъ цѣлью паломничества многихъ тысячъ американцевъ. Мой американскій спутникъ съ своимъ семействомъ также посѣтилъ домъ Мак-Кинлея близъ Баллимона и, повидимому, былъ немного пораженъ скромностью и даже убогимъ видомъ этой одиноко стоящей крестьянской хижины, и лишь въ величій отрывшагося передъ нимъ берегового ландшафта американецъ обрѣлъ удовлетвореніе своему патриотизму.

Когда мы возвращались по берегу въ Портрешъ, полилъ дождь, не прекращавшійся до самаго Бельфаста. Морская даль наполнилась сѣровой мглой, находившейся въ хаотическомъ движеніи. Сильный прибой волнъ то-и-дѣло ударялъ о прибрежныя скалы, издавая трескъ и глухой ропотъ, которые, вѣроятно, вслѣдствіе пещеристаго характера берега, разносились далеко потрясающимъ гуломъ.

С. И. Рапопортъ.

ДВА РАЗСКАЗА

I.

ПОДЪ ИГОМЪ РЕФЛЕКСІИ.

I.

„...Что сказать тебѣ еще, дорогая Лиля? — писала Мери Быстрова, вдумчиво хмуря тонкія черныя бровки. — У насъ уже весна. Москва наполняется пѣніемъ птицъ и... разносчиковъ. На Тверскомъ бульварѣ (мы переѣхали сюда изъ Сущева въ расчетъ быть поближе къ clientèle) все зелено; снуетъ и шумитъ по вечерамъ студенчество... Последнее не очень пріятно, и мы выходимъ погулять рано утромъ — когда не такъ людно“ ...

Лампа начинала коптить.

Мери положила перо и убавила огонь. Красивая и свѣжая, съ выпуклыми, слегка близорукими глазами, она зѣвнула и потянулась, вскинувъ руки.

Она писала своей бывшей товаркѣ по высшимъ курсамъ, Лилѣ Сомовой, въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ окончили курсы, прошло уже довольно времени; Лиля успѣла выйти замужъ за петербургскаго присяжнаго повѣреннаго средней руки, а Мери (по просту, Марья Кондратьевна) — за начинающаго доктора въ Москвѣ. Дружба ихъ, однако, не остывала, и онѣ аккуратно обмѣнивались нѣсколько разъ въ годъ пространными письмами, хотя и ограничивались въ нихъ лишь пересказами своего будничнаго.

„Мама, наконецъ, отдѣлила меня, и теперь я вполне

независима, — продолжала она. — На Оминой былъ у купцовъ Шумовыхъ (паціентовъ) bal pagé et travesti, веселились до утра; шампанское лилось; кто отказывался пить, тому ставили мѣломъ крестъ на спинѣ — въ знакъ, что онъ какъ бы умеръ. Удовольствіями за зиму мы, вообще, пользовались очень. Какъ твой Serge? Мой Michel здравствуетъ и цвѣтеть. Вчера у насъ „завинтились“ до зари, и теперь у него болить немного голова. Пиши. Твоя—Мери Быстрова“.

Заклеивъ конвертъ и написавъ адресъ, Мери насторожилась, прислушиваясь, точно кошка; потомъ безшумно встала, отыскала на этажерѣ книгу „Спутникъ женщины“ и расположилась читать.

Въ дверяхъ залы показалась кухарка Федосья.

— Кучеръ спрашиваетъ, поѣдете ли куда?... — начала она пронзительнымъ сопрано.

— Т-с-ссь! — остановила ее Мери, встрепенувшись вся и замахавъ руками. — Михаилъ Петровичъ спитъ!.. — пояснила она чуть слышнымъ шопотомъ. — Потомъ, потомъ скажу...

Федосья отступила въ сумракъ передней.

II.

Михаилъ Петровичъ Быстровъ былъ рядомъ, въ кабинетѣ. Онъ лежалъ на широкомъ пружинномъ диванѣ, но не спалъ.

Уставивъ въ темнотѣ глаза на сравнительно свѣтлое пространство между неплотно сходящимися дра при окна, онъ какъ бы застылъ подъ наплывомъ тѣснившихся въ головѣ мыслей.

„...Не все ли равно, кто гнететь въ семьѣ — мужъ или жена?... Какая разница, если авторитетомъ, господствующею половиной въ человѣчествѣ станетъ женщина?... — думалъ онъ. — Не изъ-за этого же сыр-боръ горѣлъ, ломались копья въ „женскомъ вопросѣ“!... Достичь справедливости: упорядочить отношенія, согласить интересы — вотъ цѣль!“

Онъ безпокойно повернулся на диванѣ всѣмъ своимъ рослымъ, статнымъ корпусомъ и закинулъ руки подъ голову.

Мысли продолжали тѣсниться, дѣляясь то за одно, то за другое...

Вспоминались недавнія — всего годъ тому назадъ — не легкія старанія стать скорѣе на свои ноги, не быть больше въ тягость отцу — многосемейному секретарю провинціального земства... Выступилъ въ яркомъ, ласкающемъ свѣтѣ завязавшійся на одномъ изъ вечеровъ въ дворянскомъ собраніи романъ съ Мери — до-

черью богатой помѣщицы-вдовы, кончившейся женитьбой, принесшей стотысячное приданое, — котораго онъ не искалъ и не былъ способенъ искать, но которое все-таки было счастливымъ плюсомъ, открывавшимъ перспективу матеріальнаго довольства, сновоюнаго свободнаго труда... И тутъ же нахлынули темною тучей послѣ-свадебныя воспоминанія... Устроившись въ домѣ тещи — Марѣ Даниловны Зуевой, — въ Суцевѣ, и рассказывая по анфиладѣ высокихъ, богато убранныхъ комнатъ; надѣвая утромъ традиціонный въ приданомъ халатъ („рытаго“ бархата и съ шолковыми кистями); садясь за обильную, вкусную трапезу, — Быстровъ не могъ не сознавать всей полноты окружающаго благополучія, но въ то же время не могъ не чувствовать, что несомнѣннѣйшимъ благополучіемъ этимъ онъ весь стиснуть, точно нога въ новомъ сапогѣ... Любящая жена не чаяла въ немъ души и оберегала эту душу до невозможности пошевелиться... Родственная любвеобильность тещи подавляла свою неусыпностью... Витавшій въ самомъ воздухѣ, неустанный женскій авторитетъ, всѣмъ любвеобильно надѣлявшій, все предусматривавшій, создавалъ безмятежность для счастливица, пригнетавшую его, какъ гробовая крышка.

Состоявшійся видѣлъ жены освобождалъ отъ этой мертвенности, выпускалъ на волю. Но попечительный женскій авторитетъ оказался и тутъ: властнымъ лицомъ въ домѣ стала Мери, плодя и множа свою заботливость о мужѣ. Являвшіеся гости спрашивали, дома ли Марья Кондратьевна, а у нея освѣдомлялись: — „Какъ поживаетъ *самъ* Михаилъ Петровичъ?“ — Даже о паціентахъ кухарка Федосья докладывала прежде всего барынѣ...

Все это, пожалуй, было и не такъ важно, чтобы мѣшать семейному счастью, тревожить думами. Но мало-по-малу, — и настолько сознаниемъ, разумомъ, сколько нервнымъ, обезпкоеннымъ чутьемъ, — Быстровъ сталъ подмѣчать, что онъ, среди такой попечительной заботливости о немъ, важенъ не какъ собственно мужъ, человекъ, а лишь какъ темныя будри, ласковые глаза, розовыя щеки...

При первомъ столкновеніи съ такимъ упрощеннымъ представленіемъ супружества, любви, Быстровъ только содрогнулся, вознегодовалъ самъ на себя за цинизмъ, за несообразныя мысли. Но отогнанное представленіе толкалось и толкалось снова въ сознаніе... Чутье продолжало схватывать, подмѣчать, убѣждаться...

„Ужасно!.. — прошепталъ онъ, заканчивая тянувшееся теперь въ умъ разсужденіе именно на эту тему. — И нельзя ни подступиться, ни выяснить“...

Онъ приподнялся и сѣлъ на диванъ, нащупывая ногами туфли на коврѣ; потомъ прошелъ къ письменному столу, зажегъ свѣчу.

Одѣтый въ сѣренькую домашнюю пару, видный и хорошо сложенный, съ задумчиво-ласковымъ взглядомъ синихъ глазъ, съ шапкою темныхъ шелковистыхъ вудрей, онъ имѣлъ въ себѣ то счастливое „нѣчто“, которое сразу выказываетъ человѣка, располагающаго къ нему.

III.

Почти неслышные шаги Быстрова не укрылись отъ тонкаго слуха Мери.

Она мгновенно очутилась въ кабинетѣ, около мужа, и заговорила, приложивъ ручку къ его лбу:

— Что? прошла голова?

— Конечно...

— Но у тебя жаръ!

— Почему ты знаешь?

— Какъ это странно! Рука чувствуетъ...

— У тебя нервы неспокойны, а отъ этого температура въ рукахъ пониженная, и онѣ ненормально чувствительны къ теплу...

— Да?

Она припала къ его груди, провела легонько ладонями по кудрявымъ вискамъ, по бородѣ и поцѣловала его въ самыя губы.

— А если рябой буду?—проговорилъ онъ.

— Что?! — вскрикнула Мери. — Ты у оспеннаго больного былъ?.. ты заразился?!

Онъ засмѣялся сухимъ, ненатуральнымъ смѣхомъ и опустился въ кресло.

Мери вся тряслась и продолжала допрашивать его.

— Да нѣтъ у меня никакого оспеннаго больного! — отвѣтилъ онъ, съ замѣтною досадою.

— Но почему же ты сказалъ?.. почему?

— Такъ... пошутилъ!

Она приняла спокойный видъ, всматриваясь въ мужа своими близорукими карими глазами. Онъ чувствовалъ, что спокойствіе ея только наружное, „конспираторское“, что внутренно она терзается сомнѣніемъ, боязнью. — „И не за меня, собственно, а за щеки...—думалъ онъ, охваченный подступившими мрачными мыслями.—И заботливость всякая не обо мнѣ, а о пластикѣ...“

— Хочешь прокатиться?—спросила Мери.

Онъ взглянулъ на нее задумчиво.

— Лучше пѣшкомъ прогуляемся? Да?

Она скрылась, не дожидаясь отвѣта.

Эта манера была частью попечительной системы: прогулки — пѣшкомъ или въ экипажѣ — какъ бы предписывались и строго различались въ гигиеническомъ отношеніи.

На этотъ разъ прогулка пѣшкомъ совпадала съ желаніемъ Быстрова.

Онъ причесался, надѣлъ ботинки.

Вошла Мери — въ котиковой шапочкѣ, въ коротенькой шубкѣ съ собольимъ воротникомъ.

Современная эстетическая ограниченность была въ ней вообще замѣтною чертой. Странное сочетаніе цвѣтовъ, „кричащія“ огромныя пуговицы на платьѣ, „залихватское“ перо на шляпѣ верѣдко оскорбляли врожденный вкусъ Быстрова и приводили въ спорамъ съ женою. Теперь ему кинулся въ глаза выставленный клинышкомъ изъ кармана платокъ.

— *Это* зачѣмъ? — сказалъ онъ, запихивая его пальцемъ вглубь.

— Такъ всѣ носятъ...

— Потому-то и не надо дѣлать этого!

Мери несовсѣмъ поняла. Но, видя, что мужъ недоволенъ, сказала, отыскивая мысленно причину:

— Тебѣ не хочется идти гулять?

— Палка стоитъ въ углу, и потому дождь идетъ! — отвѣтилъ Быстровъ, захохотавъ и схватывая со стола шляпу, перчатки.

Нервная гнѣвная вспышка, впрочемъ, тутъ же улеглась въ немъ, смѣнившись раскаяніемъ. Онъ поцѣловалъ Мери, приподнявъ на щеку у нея краешекъ вуалетки, и мягко, съ передавшеюся ей нѣжностью, взялъ ее подъ-руку.

IV.

У входа на Тверской бульваръ шумно толпились кучки студентовъ. По площади проносились въ Паркъ тройки съ компаніями встрѣчающихъ весну...

Въ Страстномъ монастырѣ шла по случаю чего-то всенощная.

— Какой праздникъ завтра? — проговорила Мери, остановивъ взглядъ на пылавшихъ свѣтомъ, растворенныхъ дверяхъ. — Зайдемъ...

Внутренно она не имѣла вѣры, не имѣла почвы для нея — важности, и исходила въ религіозномъ изъ узко-практическихъ

соображеній, видѣла спасеніе въ обрядностяхъ, эгоистически уповала на Промыслъ во всякихъ своихъ повседневностяхъ... Быстровъ убѣжденно отвергалъ обрядность, приравнивалъ упованіе къ хитрости. Уступая женѣ, онъ иногда показывался съ нею въ церкви.

Теперь ему хотѣлось подышать свѣжимъ весеннимъ воздухомъ, хотѣлось двигаться.

— Иди, я потомъ найду за тобою!—сказалъ онъ добродушно.

— Нѣтъ, пойдемъ!—возразила Мери и потянула его за собою.—Вспомни, когда ты былъ въ церкви!

На него опять набѣжало.

— Что ты „обращаешь“ меня!—отвѣтилъ онъ, освобождая свою руку.—Миссіонерка ты, что-ли?

— Ты сердисься?

— Нисколько! Но зачѣмъ это вмѣшательство въ чужую совѣсть?

— Мы—мужъ и жена...

— Прекрасно! Почему же я долженъ подчиняться твоимъ воззрѣніямъ, а не ты—моимъ, напримѣръ?

Мери молча повернула съ нимъ вверхъ по Тверской.

Давъ время, по ея соображеніямъ, успокоиться мужу, она заговорила:

— Ты не обращаешь вниманія, не знаешь... А мнѣ приходится слышать—и самой, и черезъ другихъ... Очень большое значеніе придаютъ пациенты...

— Всенощной?

— Бываетъ или нѣтъ докторъ въ церкви...

Быстровъ расхохотался искреннимъ веселымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, ты комикъ, милая!—воскликнулъ онъ потомъ.—Хорошъ христіанинъ, обдѣлывающій свои дѣлишки черезъ церковь! Да и это не все: татаринъ-пациентъ прикажетъ въ мечеть идти, еврей—въ синагогу...

— Ты крайности берешь!—перебила серьезно Мери.—А съ образованными пациентами нельзя не считаться...

— И ты полагаешь...

— Шумова, Агаея Устиновна, прямо сказала мнѣ: „Вашъ Михаилъ Петровичъ, кажется, и въ церкви не бываетъ совсѣмъ?“...

— *Вашъ?* Что это значить?—съ удареніемъ и передернувшись, спросилъ Быстровъ.

— Мой, то-есть...

— *Твой?*

— Ну, да: ты—мой, а я—твоя,—пояснила кокетливо Мери, взявъ его подъ руку и прижимаясь къ нему.

Внутри у него подступила и заклокотала желчность. Моментъ высказаться предъ женою, „выяснить“,—показался ему самымъ подходящимъ; въ мысляхъ мгновенно сложилась цѣлая тирада...

— Интересно уловить идею нынѣшняго, моднаго, отношенія нѣкоторыхъ женъ къ мужьямъ... отношенія, когда мужчина весь исчерпывается, такъ сказать, пластикою, и лишь по ней получаетъ цѣнность... — началъ онъ, схватывая лихорадочно фразы въ умѣ. — Отсюда, вѣроятно, и водворяющееся слово: „мой“... Въ каждомъ словѣ кроется внутренній смыслъ... есть онъ и въ этомъ, конечно... Потому оно и въ ходу теперь у женъ... при данныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ...

Стройно сложившаяся въ мысляхъ тирада не давалась и ступевывалась. Сновавшіе, толкавшіе прохожіе, грохотъ мчавшихся экипажей мѣшали и говорить, и слышать.

Быстровъ умолялъ, надвинувъ шляпу на самыя брови, стараясь сдержать себя, умиротворить внутренно.

V.

Дальше прогулка прошла безъ споровъ, безъ шероховатостей.

На обратномъ пути супруги завернули въ кондитерскую и съѣли по пирожку.

Быстровъ хотѣлъ заплатить, но Мери держала уже наготовѣ монетку.

— Я заплачу: я должна тебѣ 75 копѣекъ, — сказала она.

— Какія?

— Разносчику, за картофель, ты отдалъ... У меня записано...

Быстровъ пожалъ плечами.

Его всегда смущали эти расчеты, какъ бы требовавшіе, чтобъ и онъ, съ своей стороны, помнилъ о разныхъ копѣйкахъ. Онъ сталъ было вести свою приходо-расходную книжку, но скоро почувствовалъ отвращеніе къ такой „двойной“ бухгалтеріи и предоставилъ все Мери. Были неприятны эти расчеты и въ другомъ, серьезномъ отношеніи: докторскій заработокъ мало прибавлялся со времени женитьбы и былъ совсѣмъ недостаточенъ для довольно широкой семейной жизни; Мери приплачивала изъ „своихъ“, и потому какъ бы выходило, что Быстровъ погрязаетъ въ долгахъ женѣ...

— Хочешь еще?—спросила Мери, утирая надушеннымъ платкомъ свои полныя, румяныя губки.

Онъ былъ не прочь съѣсть еще пирожокъ—другой, но вопросъ почему-то кольнулъ его.

— Нѣтъ, пойдемъ, — сказалъ онъ, ставя въ то же время мысленно діагнозъ себѣ:— „Нервы окончательно пошаливаютъ... всякій пустякъ раздражаетъ...“

Въ кухнѣ, когда они вернулись, Ѳедосья неистово стучала ножами, рубя къ ужину мясо для котлетъ.

Мери прошла туда.

— Не пережарь, какъ вчера!—раздался тамъ ея звонкій и всегда какъ бы повелительный голосокъ.

Это исполнялась также часть системы, заключавшая въ себѣ конфиденціальный рецептъ пріятельницы Мери, женщины-врача, Гимновой, — „питать мужчину“...

Ростбифъ, полусырыя котлеты изъ филея, яйца въ смятку, какао или шоколадъ составляли основу этого водворившагося рецепта. Быстрову иногда до страсти хотѣлось налечь на какіе-нибудь соусы, на „углеводы“, и онъ принимался протестовать. Мери хитрила, уступая въ деталяхъ, но не посягая на основу рецепта.

— Опять котлеты?.. — проговорилъ Быстровъ, когда она вышла изъ кухни.

— Самое питательное!

— Конечно...

Онъ улыбнулся и направился въ кабинетъ.

На столѣ ждали, присланные уже нѣсколько дней тому назадъ, нѣмецкія и французскія новинки по медицинѣ.

Чтобъ убить время до ужина, Быстровъ усѣлся просматривать ихъ. Но дѣло спорилось плохо: улегшаяся нервная приподнятость смѣнилась умственной лѣнностью; вяло двигавшіяся мысли не охватывали предмета, память не удерживала прочитаннаго. — „Разучился мыслить... Эта тревожность, выбивающая изъ колеи... эта нервность бередящая...“ — думалъ онъ, поднявшись и размѣщая въ шкафикѣ тѣ изъ книгъ, которыя рѣшилъ оставить себѣ.

VI.

За ужиномъ, послѣ выпитой рюмки водки, Быстровъ оживился немного.

На второй рюмкѣ Мери остановила его.

— Michel! — воскликнула она и постучала ножомъ по тарелкѣ.

— Что такое?

— Вѣдь ты знаешь, что алкоголь—ядъ! что введеніе его въ организмъ—вредно!

— Кто это сказалъ тебѣ? Гимнова?

— Ты, врачъ, отвергаешь...

— Потому и отвергаю, что врачъ... Вреденъ не алкоголь, вредно излишество, какъ и во всемъ... Чай, на что ужъ невинный напитокъ, а „неумѣренное употребленіе его надолго разстроило здоровье“ великому поэту Шиллеру, какъ значитса въ біографіи, которую ты читала, надѣюсь... Недаромъ вырѣзано было на вратахъ Дельфійскаго храма: „Ничего чрезъ мѣру“...

— Но двѣ рюмки...

— Хоть бы двадцать! Смотря по натурѣ и обстоятельствамъ....

Онъ опрокинулъ рюмку въ ротъ и продолжалъ:

— У насъ, на что найдетъ полоса, то и на языкѣ у всѣхъ! Захлѣвъ современный человекъ отъ всякихъ политическихъ да экономическихъ золъ, сталъ ни на что не годенъ со своимъ распатаннымъ, издерганнымъ организмомъ,—начали съ „микробами“ возиться... Таки же и алкоголь въ опалу попалъ—какъ зеркало, когда рожа крива...

— Что ты хочешь сказать?

— То, что не въ алкогольъ суть... Онъ не придаетъ побужденій—ни дурныхъ, ни хорошихъ, а только повышаетъ имбюціи... Прежде, подъ вліяніемъ алкоголя рыцарскіе характеры выказывались... создавались перлы поэзіи, искусства... Теперь оказываются повышающимися лишь дикія стремленія, склонность къ преступности... А алкоголь какимъ былъ, такимъ и остался... Причина, очевидно, не въ немъ.

Онъ налилъ себѣ еще рюмку.

Мери, сидѣвшая по другую сторону стола, вскочила стремительно.

— Michel! Я прошу тебя, умоляю!.. — заговорила она трагическимъ голосомъ и отодвигая рюмку.—Если ты любишь меня...

— Ахъ, да перестань же! — перебилъ онъ, отстраняя ея руку, и въ его ласковыхъ синихъ глазахъ мелькнулъ нехорошій огонекъ.—Младенецъ я, что-ли, или подъ опекой по слабоумію!

Мери сѣла, съ обиженнымъ видомъ, и потушила надъ тарелкой.

— Формулируй яснѣе,—въ чемъ опасность-то, по твоему?—сказалъ Быстровъ.

— Вредно...—отвѣтила Мери, не поднимая головы.

Онъ выпилъ рюмку и захохоталъ, думая:— „Вредно вліяетъ на *мужчину*...“

— Не понимаю, что смѣшного тутъ... — сухо отозвалась Мери.— Медицина же считаетъ вреднымъ... Она ставитъ эти... нормы...

Быстровъ поморщился.

Въ дѣтствѣ очень понятливая и живая, Мери, послѣ гимназій и высшихъ курсовъ, какъ-то странно потупѣла: запасшись формальными знаніями, она нашла какъ бы умственную трусость, неспособность отрѣшиться отъ шаблона, оцѣнить самостоятельно мысль, явленіе; вмѣсто жизни, стала существовать для нея книга; вычитанное или услышанное она повторяла, не претворяя въ свое.

Это послѣднее, случавшееся нерѣдко при разговорахъ, всегда затрогивало непріятно Быстрова и заставило его поморщиться теперь.

— Видишь ли что, милая... — сталъ говорить онъ. — Медицина вообще не вмѣшивается въ причины и благоразумно предпочитаетъ имѣть дѣло лишь со слѣдствіями... Устроили, скажемъ, инженеры костоломку изъ желѣзной дороги... завели домовладѣльцы тифозныя клоаки вмѣсто квартиръ... переутомили, довели до идиотизма юношество казенные педа-магоги,—медицина вездѣ врачуетъ слѣдствія, закрывая глазки на причину... Такъ и съ алкоголемъ: вредитъ онъ человѣку, ну, значить, и ядъ...

— Вотъ, видишь!—вернула Мери.

— То-то, что не вижу... Французы, а за ними и мы, ядомъ провозгласили алкоголь; американцы же доказали строго-научными опытами, что онъ — полезнѣйшій факторъ для организма, питательнѣйшій продуктъ... А вотъ это...—продолжалъ Быстровъ, потрогавъ ножомъ кусочекъ красной, сочной котлеты,—этотъ архи-ядъ — въ почетѣ у насъ, и всѣ объѣдаются имъ, отравляются! Во цвѣтѣ лѣтъ человѣкъ уже пропитанъ альбуминами — толстякъ, диабетикъ, подагрикъ... И если счастье, то на алкоголизмъ придется, сравнительно, десятокъ жертвъ, а на *альбуминизмъ*—тысяча!..

— Ты былъ противъ вегетаріанства! — проговорила сбитая съ толку и удивленная Мери.

— И всегда буду!—отвѣтилъ Быстровъ. — Вегетаріанство, походы противъ алкоголя, табуку—все это ненормальность, сектанство! Человѣкъ долженъ *жить*, знать во всемъ свою волю,

понимать самъ, что вредно или полезно ему... и именно ему— Петру или Ивану,—а не выдуманному, книжному облику чело- вѣческому!.. Спасеніе, какъ и вообще, не въ запретахъ и го- невіяхъ, а въ просвѣщеніи, въ разумѣ... Только такой обще- ственный строй—самосознательный, а не на помочахъ водимый— и можетъ быть названъ здоровымъ, дѣйствительнымъ!

Ужинъ былъ конченъ. Мери поднялась изъ-за стола.

— Вотъ видишь, не умеръ отъ трехъ рюмокъ! — сказалъ шутливо Быстровъ, поцѣловавъ руку у нея.

Она закинула руки ему на плечи и пристально посмотрѣла въ глаза, какъ бы удостовѣряясь, что онъ дѣйствительно не умеръ...

— Который часъ?—сказала она, откинувшись и остановивъ на немъ какъ бы посоловѣвшіе глаза.

— Одиннадцатый...

— Я устала... мы много ходили...

— Ложись спать.

— А ты?

— Мнѣ надо книги дочитывать...

— Ночью!

— Нельзя же, чтобы онѣ валялись по недѣлямъ: магазинъ прислать не будетъ.

Онъ отвелъ ея руки, поцѣловалъ ихъ, одну за другою, и прошелъ въ кабинетъ.

VII.

Лампа не чадила, не горѣла криво — чѣмъ не всегда бало- вала угрюмая, меланхолическая Федосья. Ничто не отрывало вниманья. Обезпокоенная внезапнымъ свѣтомъ, двѣ раннія мухи, несовсѣмъ еще очнувшіяся отъ зимней спячки, зажужжали- было, тронувъ отзвѣчивые нервы, но тутъ же умолкли, усѣвшись въ теплѣ—на краешкѣ бумажнаго абажура.

Все располагало къ сосредоточенности, способствовало ясно- сти мыслей. Быстровъ отдался этому настроенію, пробѣгая стра- ницу за страницей, схватывая сущность, разбирая ее, противо- поставляя вычитанному свои, тутъ же формировавшіеся взгляды...

— Барыня зовутъ васъ! — коротко и рѣшительно объявила Федосья, растворивъ дверь.

Быстровъ откинулся въ креслѣ, приходя въ себя, и мед- ленно повернулъ къ ней голову.

— Скажи, что занимаюсь я,—проговорилъ онъ разсѣянно. Онъ снова зашуршилъ страницами.

Ееодосья постоала, какъ бы изумленная такимъ супружескимъ неглижированіемъ, утерла носъ рукавомъ платья и скрылась неслышно.

Шуршить пришлось недолго.

Дверь растворилась снова и вошла Мери—въ розовомъ „китайскомъ“ капотѣ, въ воздушномъ ночномъ чепчикѣ, распространяя запахъ одеколона...

— Пойдемъ же... будетъ тебѣ глаза портить...—томно проговорила она, обнявъ мужа за плечи и подѣловавъ его въ голову.

— Приду... сейчасъ... Вотъ только эту книгу докончу...—отвѣтилъ Быстровъ, вскинувъ голову и заложивъ пальцемъ страницу.

— Чтò это за манера—ночи просиживать!—воскликнула съ неудовольствіемъ Мери, отступая отъ кресла.—Развѣ нельзя докончить завтра, днемъ!

У него опять мелькнулъ огонекъ въ глазахъ.

— Вотъ чтò... послушай...—началъ онъ, сунувъ торопливо между страницами костяной ножъ и поворачиваясь къ ней въ креслѣ. — Ты видишь, что я не праздное воображеніе веселю, не романъ французскій читаю... Знать необходимое и въ-время—обязанность моя... долгъ... И потомъ... для чего это буржуазное желаніе подгонять всѣхъ и все подъ какой-то нивелирующей масштабъ?.. Есть личный характеръ человѣка... особенности... Я, напримѣръ, не могу заниматься спокойно при другихъ... не могу скоро вправиться въ работу, въ мысли, если бываю оторванъ... Да и охоту, живость мыслей, представленія, — вдохновеніе, такъ сказать,—нельзя вызывать произвольно...

— Приучай себя!

— Да нельзя, милая!

Онъ подвинулъ ей стулъ, но она продолжала стоять, сложивъ руки у талии и смотря на него сощуренными, искрившимися глазами.

— Я объясню тебѣ... ты поймешь...—сталъ говорить онъ, оживляясь.—Не человѣкъ распоряжается вдохновеніемъ этимъ, влеченіемъ къ умственной работѣ, а оно имѣ... Готовымъ результатомъ безотчетнаго, уже завершившагося внутренняго процесса является оно, и знать объ этомъ можно тогда лишь, когда результатъ проявляется... Не займись, не воспользуйся въ-время,—результатъ изсякнетъ бесплодно, уступить мѣсто новому безот-

четному процессу... Выхода нѣтъ!.. А занявшись... вообще занимаюсь, надо еще нормой имѣть это, привычкой! Чего достигъ въ умственной работоспособности, того—высоты этой—не сохранишь, отрываясь, работая дилеттантски! Снова и снова надо начинать тогда, Сизифовой работѣ отдаваться...

— Занимайся...—перебила капризно Мери и вышла.

У Быстрова точно гора съ плечъ свалилась.

Онъ схватился за покинутыя мысли, связалъ ихъ удачно и весь ушелъ въ интересовавшую его книгу.

Время побѣжало.

Какъ сквозь сонъ, слышалъ онъ стукъ затворявшихся Федосьею дверей... За окномъ, на проѣздѣ бульвара, стали стихать грохотъ экипажей, споры и крики подвыпившихъ гулякъ...

Было совсѣмъ уже поздно, когда Быстровъ, весь охваченный пріятною лихорадкой отъ умственной и нервной приподнятости, вошелъ въ спальню.

Предъ большимъ „благословеніемъ“ въ золоченой ризѣ и съ вѣнчальными свѣчами за стекломъ рамки теплилась „неугасимая“ лампадка, озаряя трепетнымъ свѣтомъ пестрый кретоновый балдахинъ надъ кроватью, походившею отъ этого убранства на кафалякъ. Розовый капотъ видѣлся брошеннымъ въ креслѣ.

Быстровъ осторожно шагнулъ мимо, чтобъ не наступить на оборку; но капотъ вдругъ, какъ живой, поднялся изъ кресла, выпрямился...

— Ты не спишь?—удивился Быстровъ, взглядываясь при слабомъ, неровномъ свѣтѣ въ лицо Мери.—Что съ тобою?

— Я ждала тебя...

— Какъ это можно!—воскликнулъ онъ.—Что за ребячество!

— Я не могу спать...

— А если меня задержать у больного ночь, двѣ...

Она не дослушала и кинулась ему на шею—вся пылающая.

Черныя мысли нахлынули на него, ошеломили. Онъ замеръ неподвижно, чувствуя себя совершеннымъ трупомъ...

VIII.

Каково было прошлое бойкой, смазливой гимназисточки петербургской гимназіи Марточки Пущиной, „эманципировавшейся“ отъ власти своихъ „бѣдныхъ, но благородныхъ“ родителей, перебивавшихся на Пескахъ отдачею комнатъ со столомъ,—могли

знать лишь хроникеры „Демидрона“ да танцевальныхъ вечеровъ по прямой линіи отъ „Ефремова“...

Достовѣрно извѣстно только одно — что въ самый критическій дѣвичій моментъ, когда румяныя губки грозятъ поблекнуть, а лично начинаетъ требовать усиленнаго освѣженія пудрой, Марточка „подхватила“ себя гдѣ-то на Островахъ солиднѣйшаго помѣщика—москвича Кондратія Назарыча Зуева, для котораго и стала „примѣрною“ женой-повелительницей...

Московско-сущевскія кумушки говорили, что „примѣрнаго“ въ женѣ мало... что супругъ напрасно мнитъ себя обожаемымъ... что даже дѣти „ни въ мать, ни въ отца“... Самъ же Зуевъ—рыхлый, лысый блондинъ съ усталымъ взглядомъ, одаренный врожденною способностью „пріумножать“ и спекулировавшій покупкою имѣній у прожившихся собратьевъ, — оставался доволенъ женою, дарилъ ей брилліанты къ именинамъ и безмятежно проводилъ свои вечера въ дворянскомъ клубѣ; а умирая—отъ постепенно развившейся водянки—завѣщалъ Марѣ Даниловнѣ все свое, недурно округленное, *бляю*-пріобрѣтенное состояніе.

Уже располѣвшаяся, „сырая“ и съ выцветшими голубыми глазами, Марѣ Даниловна прожила первые годы вдовства въ свое полное удовольствіе; „попала въ газеты“ по случаю судбища съ красавцемъ-гусаромъ, „выманившимъ“ у нея векселя; побывала въ Парижѣ... Окончательно успокоившись затѣмъ и осѣвши въ Сущевѣ, она отдалась набожности, „винту“, участію во всякихъ благотворительныхъ вечерахъ и базарахъ...

Пережитое надѣлило Марѣу Даниловну, при самомъ недалекомъ умѣ, большою практическою смѣтливостью, умѣньемъ разбираться въ „дѣлахъ“ и... самымъ безповоротнымъ недоверіемъ къ людямъ... Тридцатилѣтняго сына своего, служившаго въ гвардіи въ Петербургѣ, она продолжала держать на „жалованьи“, не торопясь выдѣломъ, чтобъ не лишиться „почтенія“. На такомъ жалованьи хотѣла держать она и выданную дочь, спасая предусмотрительно приданое отъ рукъ зятя. Уступая настояніямъ дочери, естественно жаждавшей собственнаго декорума хозяйки, Марѣа Даниловна согласилась на выдѣлъ, но сама положила деньги въ банкъ, на имя Мери, а ей сказала:

— На свою волю рвешься ты, имѣй тогда и умъ свой... Помни, что поколь деньги въ рукахъ у тебя, потолокъ и мужъ къ тебѣ ласковъ...

IX.

Случайная дождевая тучка только-что пронеслась надъ Москвою, спрыснуть и освѣживъ ее. Клонившееся къ закату весеннее солнце тихо и ласково сіяло.

Деревянный съ мезониномъ домъ Зуевой, въ переулкѣ близъ Суцеевскаго бульвара, тонулъ въ яркой молодой зелени, окруженный садомъ и палисадникомъ. Въ богато, но по-старомодному убранной гостиной, съ окнами въ садъ, Марѳа Даниловна, одѣтая въ чесунчу и кружева, бесѣдовала съ мѣстнымъ батюшкой.

День для нея выдался „жаркій“... Пришлось побывать въ Обществахъ: „Защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія“, „Помощи безработнымъ“, „Спасенія на водахъ“, въ засѣданіи по устройству столовой для голодающихъ, въ банѣ—чтобъ провѣрить газетные биржевые слухи... Возвратившись, она надѣялась собраться наединѣ съ мыслями и все обдумать, но тутъ пришелъ батюшка—узнать, подвигается ли вышиваніе обѣщанныхъ въ церковь „воздуховъ“. Воздухи—блѣдными шелками по гранатовому атласу—были почти готовы, и Зуева, не безъ гордости, показала работу, придвинувъ пальцы къ окну. Но батюшка сѣлъ и повелъ разговоръ о погодѣ... Зуева поняла, что дѣло не въ воздухахъ, и насторожилась выжидательно, приказавъ престарѣлой горничной, продолжавшей зваться Аринкой, подать чаю, варенья.

Въ черной люстриновой рясѣ съ порыжѣвшею спиной, одутловатый и съ отрепанными, давно переставшими расти косичками вокругъ потной лысины, батюшка говорилъ медлительно, сирымъ баскомъ, при чемъ постоянно перекладывалъ одну на другую толстыя нывшія ноги.

Постепенно выяснилось, что батюшка намѣревается привлечь почтенную прихожанку въ лоно „Союза истинно-русскихъ людей“...

— Это тѣ, что съ пистолетами накидываются на всякаго!?!— испуганно вскрикнула Зуева.

— Молодежь... въ пылу патріотическаго увлеченія...— произнесъ успокоительно батюшка.— Да и тутъ: „любой наказуетъ“... можно выразиться... Въ фондѣ же—народъ умудренный, степенный... Вчера приватное собраніе было въ нашемъ приходѣ...

Батюшка умолчалъ, что „собраніе“ состояло всего изъ трехъ

довольно странныхъ личностей, таинственно вызвавшихъ его въ церковную караулку...

— Что же надо дѣлать тамъ?

— Охранять Русь святую... стоять за то, чтобъ было все по старому—безъ Думы, безъ новшествъ разныхъ.

— Идти противъ царя?

— Ахъ, что вы!—изумленно воскликнулъ батюшка и даже руками отмахнулся.

— Да вѣдь Думу-то царь далъ...

— А вѣрноподанные выражаютъ... повергаютъ... Гдѣ-жъ тутъ?.. Возможно ли иное толкованіе?..

Не зная, что сказать дальше, батюшка припалъ толстыми безкровными губами къ стакану чаю.

— Не занималась я политикою-то никогда... — начала, подумавъ, Зуева.—Бывало, въ гимназіи еще, явятся конспиративно студенты-депутаты организовывать ночную расклейку прокламацій, такъ подруги на перебой одна предъ другою, а мнѣ страшно только... —

— Политикою дозвоительно теперь заниматься всякому, — ободрилъ батюшка.

Зуева пристально посмотрѣла на него.

— Зачѣмъ же тогда союзы-то эти дѣлать... накидываться съ пистолетами на прочихъ?—произнесла она, съ явнымъ неодобреніемъ.—Пусть всякій и пользуется своимъ, дозволеннымъ, какъ знаетъ... Для меня все равно—что, какъ ни дѣлается въ Думѣ или гдѣ; а вонъ Аринка—откуда и набралась она, не понимаю!—спитъ и видитъ конституцію... Что же? Стрѣлять мнѣ надо въ нее за это?..

Появившаяся въ дверяхъ, легкая на поминѣ, Аринка — съ трясущеюся головой и въ бѣломъ коленкоровомъ чепцѣ — доложила о прибытіи гостей.

Батюшка всталъ, откланиваясь и придерживая ладонью наперсный крестъ на груди.

Х.

— Ну, вотъ... давно бы... Дарья Егоровна... — заговорила Зуева, лобызаясь трижды съ гостей.—Гдѣ это вы задропали?

Гостя — худощавая и блѣдная, высокаго роста особа, въ черномъ дешевенькомъ платьѣ, въ запыленной соломенной шляпкѣ на порѣдѣвшихъ, наскоро подобранныхъ волосахъ и съ ридикюлемъ на лѣвой рукѣ,—воскликнула горестно:

— Точно вы не знаете моей жизни!

Это была женщина-врач — Гимнова — „разводка“, как называли ее за глаза. Вся ее жизнь состояла из горестей; горестным пропитана была она вся сама — отъ вѣчно стоптанных ботинокъ до дурныхъ, почернѣвшихъ зубовъ... Но все это, почему-то, не производило должнаго впечатлѣнія на знавшихъ ее, не вызывало сочувствія... — „Сама виновата!“ — былъ общій голосъ. И дѣйствительно: совсѣмъ „красная“ цюрихская докторесса, она „выбрала“ себѣ въ мужа хориста-тенора — бездѣльника и волокиту, съ которымъ и мучилась, тратя на него свои послѣднія наслѣдственные крохи, пока тотъ не соблазнилъ какую-то шальную купчиху и не устроилъ себѣ фальшиваго развода, выставлявъ „прелюбодѣйкою“ жену; вызубрившая отлично теоріи о „микробахъ“, о „ядѣ-алкоголь“ и о всемъ прочемъ, она совсѣмъ запугивала пациентовъ своимъ ученымъ краснорѣчіемъ и никакъ не могла составить себѣ хотя какой-нибудь прочной правянки...

— Представьте! — продолжала она, сдавъ на руки Аринкѣ шляпку и ридикюль. — Представьте! У Назаровыхъ совсѣмъ, совсѣмъ столковалась я, чтобъ быть годовымъ врачомъ; а сегодня вдругъ узнаю, что ему отъ должности отказали... за политическія убѣжденія! У Тихоновыхъ пенсія задержана, потому что сынъ ихъ подозрѣвается... Оружіе ли это противъ идей?!

Узнавъ отъ словоохотливой хозяйки, ради чего являлся батюшка, Гимнова превратилась въ настоящую Мегеру... Блѣдное лицо ея позеленѣло, остатки волосъ встали дыбомъ.

— Чтобъ вы... въ этой шайкѣ!.. — воскликнула она, потрясая въ воздухѣ своими длинными костлявыми руками. — Чтобъ на ваши деньги они вербовали хулигановъ чрезъ сыщиковъ, чрезъ квартальныхъ!.. Да знаете ли — чтд... кто это такіе!..

Слова: „черносотенцы“, „алеуты“, „инквизиторы“ полились потокомъ... Развернулась широкая, мрачная картина дѣятельности...

— Какъ наши молодые? были вы у нихъ? — спросила Зуева, когда экспансивная докторша поуспокоилась и онѣ усѣлись на диванѣ. — Я такъ, такъ занята эти дни!

— Вчера заходила я...

Зуева остановила на ней выразительный вопрошающій взглядъ.

— Ни плюсъ, ни минусъ...

Это должно было означать, что Быстровъ могъ бы вести себя лучше, какъ супругъ. Зуева поняла и вздохнула.

Гимнова усиленно задыхалась дешевою папироской, которая урила она обыкновенно одну за другою, непрерывно.

— Мери сумѣла выбрать... счастливо выбрала... — начала

она, какъ бы разсуждая сама съ собою.— Но надо и то сказать, что стотысячная невѣста да съ такою красотой можетъ хоть кому счастье составить... и себѣ требовать...

— Ума не приложу... — проронила Зуева, полуприкрывъ рукою глаза.

Чувствуя, что дипломатическая передача мыслей наладилась и вопросъ уже ясенъ, Гимнова приступила къ заключенію.

— Въ такомъ бракѣ, при наличности всѣхъ данныхъ къ счастью... — заговорила она, затаившись и торопливо отрясая сыпавшіяся на платье искорки отъ папироски.— Въ такомъ бракѣ стимулъ, руководящій... отдаляющій мужчину... мыслимъ только... на почвѣ несогласій... изъ-за матеріальнаго...

— Охъ, деньги, деньги!.. — простонала Зуева, давая знать этимъ, что все ей понятно, какъ нельзя лучше.

Увѣренная, что къ какому бы чарамъ ни прибѣгалъ зять, стараясь прибрать деньги къ своимъ рукамъ, Мери не сдѣлаетъ ни одного финансоваго шага, не переговоривъ предварительно съ нею, Марѳа Даниловна не очень огорчилась услышаннымъ. Разговоръ, попавъ въ интересную колею счастливыхъ и несчастныхъ замужествъ, покатился по ней, задѣвая то тѣхъ, то другихъ знакомыхъ... Повѣяло атмосферою настоящаго московскаго „petit comité“... Началась филиграновая отдѣлка былей и небылицъ...

XI.

Была среда — *jeu-fixe* Быстровыхъ, съ дешевенькимъ „винтомъ“, съ легонькою закуской изъ колбасной лавки.

По вечерамъ же, отъ трехъ до пяти часовъ, собирался „комитетъ“ устроеннаго стараніями Мери „Женскаго союза“, гдѣ, безъ гордости, занимала она постъ предсѣдательницы. Засѣданія происходили въ гостиной, и на нихъ не допускался ни одинъ мужчина, даже самъ Быстровъ. Союзъ имѣлъ задачу ратовать за равноправность женщинъ на общественномъ, экономическомъ, политическомъ и всякихъ другихъ поприщахъ... Когда Быстрову случалось быть въ эти часы дома, къ нему въ кабинетъ доносились сквозь стѣнку шумъ, споръ, крики, непрестанныя трели предсѣдательскаго колокольчика... Дѣлая — и всегда слишкомъ часто — перерывъ засѣданія, Мери — возбужденная, раскраснѣвшаяся — забѣгала въ кабинетъ, поцѣловать мужа, но о происшедшемъ не заикалась ни словечкомъ, точно храня важнѣйшую государственную тайну...

На первых порах Быстров спорилъ съ женою, старался доказывать ей, что отвоевывать какія-то права у мужчинъ — странное занятіе; что права у каждаго пола свои и по-своему необходимы; что силу составлять могутъ онѣ только вмѣстѣ, а не обособленные. Потомъ онъ приобыкъ, пересталъ вмѣшиваться.

Возвратившись съ визитовъ, Быстровъ засталъ спѣшныя приготовления къ засѣданію.

Онъ прошелъ въ кабинетъ, переодѣлся и углубился въ газету, наполненную думскими преніями.

Забѣжавъ по обыкновенію, Мери обняла его и сказала:

— Мы сейчасъ будемъ чай пить, иди и ты!

— Но я мужчина...

— Засѣданіе кончено!

— Чтò такъ рано?

— Матвѣева обѣщала ознакомить съ своимъ будущимъ рефератомъ: „Женщина и публичныя функціи“, а готова у нея всего одна страничка, — отвѣтила съ дѣловымъ видомъ Мери. — Постановлено выслушать въ слѣдующемъ засѣданіи.

Когда Быстровъ вышелъ въ залу, тамъ все уже оказалось готовымъ: на раздвинутомъ столѣ, покрытомъ новенькою, ни разу еще не мытою скатертью, кипѣлъ никелированный керосиновый самоваръ; красовался новенькій фарфоровый чайный приборъ, не успѣвшій еще пострадать отъ рукъ Федосьи... Мери важно хозяйничала.

Гостями были только столпы комитета: извѣстная уже Гимнова — вице-предсѣдательница; секретарь — писательница Маврина-Суцянская, анемичная, тщедушная фигура въ пенснэ и съ чрезмѣрно-пышными буфами на плоской груди, совсѣмъ захирѣвшая отъ науки въ Парижѣ; казначейша — купеческая дочка Полянская, круглолицая, быстроглазая атлетка, прошедшая сельскохозяйственныя курсы, отличавшаяся на велосипедныхъ, гребныхъ и плавательныхъ состязаніяхъ и сидѣвшая въ старыхъ дѣвицахъ, потому что женихи боялись ея атлетизма...

Онѣ, на перебой, говорили, обсуждая будущій рефератъ Матвѣевой.

— ...Ну, да!.. Тоже самое я и говорю! — кричала Гимнова, отвѣчая всѣмъ сразу, поворачиваясь то вправо, то влѣво. — Научныхъ основаній нѣтъ, чтобы въ силу полового различія ставить барьеры въ дѣятельности!.. Важна степень способности индивидуума!.. Полянская! Вы говорите: законъ... законодательнымъ путемъ... Надо еще, чтобы время измѣнило нравы, чтобы ужина видѣлъ въ женщинѣ товарища по труду!.. И этотъ

поступательный шагъ есть, онъ констатируется!.. Ахъ, Маврина!.. Извините, что не прибавляю другой вашей фамилии: такъ короче!.. Литература, вы говорите... Она — вспомогательное средство, не больше! А надо вліять жизненно, непосредственно! Воспитаніе — вотъ устой!.. Чтò?.. Школа не удовлетворяетъ?.. Въ этомъ-то и вопросъ! Все должно основываться на принципѣ свободнаго развитія личности, личной инициативы! Только самостоятельность, отвѣтственность за свои поступки могутъ давать правильный критическій взглядъ, научаютъ... приучаютъ... Вы согласны? Вотъ, видите!.. Тогда женщина займетъ положеніе независимаго члена общества, избавится собственными усиліями... силами... отъ тирании мужчины!..

— Этого не достаточно, — замѣтилъ Быстровъ. — Необходимо, чтобы женщина проявляла равныя, если не большія способности...

— И будетъ проявлять! — перебила Гимнова, ткнувъ въ блюдо докуренную папиросу и доставая другую изъ коробочки.

— Гениальныхъ женщинъ исторія насчитываетъ не меньше, чѣмъ мужчинъ! — крикнула тоненькимъ голоскомъ Маврина.

— Гениальность — дѣло исключительное и не такъ важна въ женскомъ вопросѣ, тѣсно связанномъ съ экономическимъ... — отвѣтилъ Быстровъ. — Возьмемъ трудоспособность женщины...

— Ну, и чтò же? чтò? — вступилась Гимнова. — Развѣ деревенская женщина менѣе сильна, чѣмъ мужчина, меньше работаетъ?

— И все-таки, чтобы не терять экономически предъ мужчиною, должна обладать вотъ такую физическою благодатью, какъ у Татьяны Петровны! (такъ звали атлетку Полянскую).

— Почему?

— По своимъ особенностямъ... чисто женскимъ... Не говоря о прочихъ вычетахъ, одинъ періодъ беременности отнимаетъ цѣлые мѣсяцы рабочаго времени. Тамъ же, гдѣ беременная женщина форсируетъ себя, гонится въ трудѣ за мужчиною, въ результатѣ получаютъ: вредъ плоду, неизлечимыя болѣзни матери... Въ Бельгій, въ Англіи само законодательство предписываетъ покой беременнымъ женщинамъ-работницамъ. Въ Швейцаріи, сверхъ того, имъ вообще запрещены: ночной трудъ, чистка машинъ... Какой же хозяинъ, въ какой области труда будетъ вознаграждать одинаково женщину и мужчину? Какая можетъ быть равноправность при такой естественной экономической зависимости женщины въ семьѣ, въ хозяйствѣ, на фабрикѣ?..

— Возбуждено... вопросъ возбужденъ во Франціи! — возразила поспѣшно Маврина, расправляя беспокойными пальчиками свои

буфы на груди. — Будетъ законъ... „indemnité de droit“ будетъ выдаваться беременнымъ работницамъ!

— Да?.. Но причеъ же тутъ равноправность? Это именно признаніе слабости, неравносилности женщины... И насколько еще отрывается женщина отъ труда своими обязанностями матери, хозяйки дома? Даже въ высшихъ классахъ, при либеральнымъ профессіяхъ, женщина-мать меньше чѣмъ полуработница...

— Не надо выходить замужъ!—рѣшительно произнесла Полянская.

— Какъ же быть?—спросилъ озадаченный Быстровъ.

— Такъ... женщина должна оставаться независимою, свободною какъ вѣтеръ!.. Не женятся же многіе мужчины!

— Ахъ, это замужество! Въ Америкѣ справедливо предлагали упразднить раздѣленіе человѣчества на мужской и женскій полъ!—подхватила Гимнова, завозившись безповойно на стулѣ.— Бракъ и религія — два буржуазныхъ кита, на которыхъ камнетѣеъ человѣчество! Никакой дѣйствительный прогрессъ, никакое серьезное обновленіе — немислимы, пока не шевельнутся эти киты, не откроютъ простора для личности, для идей!..

— И за кого выходить теперь замужъ? Гдѣ взять жениховъ?—отозвалась, вспыхивая и съ чувствомъ, Маврина, обреченная влечь „построчное“ существованіе.— Невѣста со средствами, какъ вотъ Мери, разумѣется, можетъ выбрать себѣ стоящаго мужчину; а вообще... Вы правы, Гимнова!

Быстровъ винулъ взглядъ на Мери: она дружески улыбалась Мавриной—видимо, польщенная и довольная...

Онъ угрюмо потушился надъ своею чашкой, чувствуя, какъ горять у него лицо, шея. — „Правы... новые нравы... — думалъ онъ. — Дѣвица не замужъ выходить, а „мужчину выбираетъ“ себѣ... щеки и прочее... Такъ и я *выбранъ*“.

Вечеромъ Быстровъ очень часто подходилъ съ гостями къ закусочному столу... Мери то краснѣла, то блѣднѣла, посматривая на „отравлявшася“ мужа, но тонкимъ женскимъ инстинктомъ чувствовала, что подступиться къ нему нельзя, что упрекъ можетъ только вызвать бурю... Винтившая Марѳа Даниловна осторожно наблюдала за зятемъ, дѣлая свои заключенія, и перешептывалась съ подходившею къ ней дочерью...

XII.

Прошло съ недѣлю.

Возвратившійся съ визитовъ Быстровъ ходилъ безпокойно по залѣ. Въ дверяхъ стояла Ѳедосья и объясняла:

— ...Тогда же, слѣдомъ за вами и ушли. Обѣщали вернуться черезъ часъ, не больше. Приказали бѣлье собрать, которое въ стирку,—переписать чтобы... Прачка ждала, ждала — ушла... Объ обѣдѣ тоже ничѣмъ не распорядились...

— Куда же пошла барыня?

— Этого не сказали.

Быстровъ остановился задумчиво.

Ѳедосья пригорюнилась, подперевъ щеку рукой и нахмутивъ брови, въ напрасной попыткѣ разрѣшить неразрѣшимое.

— Вѣроятно, дачу смотрѣть повѣхала, — высказалъ догадку Быстровъ.

— А вѣдь и то! — воскликнула Ѳедосья, встрепенувшись и расцвѣтая вся. — Вчера, безъ васъ, были маменька и все про дачу говорили...

Шель уже четвертый часъ. Быстровъ распорядился насчетъ обѣда, по листку календаря, и улегся въ кабинетъ, на диванъ.

Дачный вопросъ былъ не изъ легкихъ для Быстрова: лично ему хотѣлось устроиться гдѣ-нибудь около Москвы — чтобы не прерывать практики; Мери, напротивъ, стояла за отдыхъ въ деревенскомъ уединеніи; Марѳа Даниловна соглашалась съ зятемъ, но осложняла вопросъ желаніемъ взять дачу вмѣстѣ...

Среди размышленій объ этомъ донесся звонокъ изъ передней.

Быстровъ кинулся, надѣясь встрѣтить Мери, но столкнулся съ сотоварищемъ — ординаторомъ больницы, Ольшанскимъ.

Худенькій, юркій брюнетъ небольшого роста — „природный малороссъ“ по его словамъ и перекрестившійся еврей по документамъ, — Ольшанскій отличался изумительною способностью со всѣми ладить, всюду проникать, выкапывать себѣ практику чуть не изъ земли... „Усовершенствовавшись“ въ Парижѣ, онъ зналъ твердо учебники и былъ во всякихъ прочихъ „вопросахъ“ такъ ограниченъ, что не понималъ даже газетныхъ статей...

— Простите, collega, что безпокою васъ!.. Я на одну,

только на одну минутку!—заговорилъ онъ, вступая съ Быстровымъ въ кабинетъ.

Онъ былъ въ полномъ докторскомъ парадѣ: въ новенькомъ черномъ сюртукѣ, въ черномъ атласномъ галстукѣ, въ которомъ мерцалъ брилліантивъ булавки, и въ чистѣйшихъ высокихъ воротничкахъ.

— Напротивъ: располагайтесь и будемъ бесѣдовать, если есть время у васъ! — отвѣтилъ Быстровъ, пододвигая кресло гостю.— Жены нѣтъ дома, а я на диванѣ валяюсь, отъ нечего дѣлать...

Онъ распорядился, чтобы Федосья дала закусить.

— Вотъ ужъ одолжили, collega!—воскликнулъ Ольшанскій, выпивъ рюмку водки и выражая хозяину признательность своими черненькими подвижными глазами. — Съ утра по визитамъ и хоть бы капля во рту.

— По такой бѣднотѣ ѣздили?

— Какъ можно! Лучшіе дома! Но... — Онъ прожевалъ кусочекъ семги и докончилъ:— Я у пациентовъ воздерживаюсь отъ угощенія!

— Почему?

— Гдѣ закусилъ, тамъ меньше за визитъ заплатятъ...

Быстровъ расхохотался.

— Пожалуй, вы правы, — сказалъ онъ. — Мнѣ тоже случилось замѣчать...

— Да-съ! да-съ!.. Съ пациентами вообще вѣдь, какъ вы сами знаете, нельзя держать себя этакъ... по-просту... Чуть что—ни внимательности такой, ни страха къ тебѣ не будетъ...

Быстровъ не зналъ этого. Онъ всегда старался держать себя съ пациентами именно по-просту, по-человѣчески.

— Развѣ страхъ къ врачу необходимъ?—спросилъ онъ.

— А какъ же? Страхомъ — что вотъ, молъ, въ рукѣ у меня и жизнь, и смерть твоя,—только и можно привязать пациента!

— Мнѣ кажется, наука, достоинство врача... — началъ Быстровъ.

— Ну, ужъ это, какъ тамъ хотите! — перебилъ Ольшанскій.— А практиковать иначе нельзя-съ! Нѣтъ!

Онъ окинулъ глазами большой, научно обставленный кабинетъ — съ отличными препаратами, инструментами, — какъ бы оцѣнивая по немъ хозяина, и сказалъ:

— Я къ вамъ вотъ зачѣмъ, collega: позвольте просить васъ завтра на консилиумъ къ моему больному...

— Меня? Что я за знаменитость? — съ искреннимъ удивленіемъ проговорилъ Быстровъ и даже приподнялся изъ угла дивана.

— По части діагностики у васъ многимъ поучиться слѣдуетъ, collega... — отвѣтилъ значительно Ольшанскій.

— Будто?

— Да-съ!

— Будетъ еще кто-нибудь? — спросилъ, подумавъ, Быстровъ.

— Жабинъ, Иліодоръ Симфороновичъ, удостоилъ своимъ согласіемъ...

— И я — рядомъ съ этимъ столпомъ науки! — воскликнулъ Быстровъ.

Ольшанскій хихикнулъ и совсѣмъ спрятался въ глубокое репсовое кресло.

Вынырнувъ потомъ оттуда и остановивъ на хозяйнѣ смѣющіеся черные глазки, онъ спросилъ:

— Это ваше серьезное мнѣніе о немъ?

— Такъ извѣстно... Лично я только въ клубѣ встрѣчалъ его...

— Обмѣнъ ученыхъ мыслей имѣли съ нимъ?

— Онъ вѣдь не разговорчивъ...

— Такъ-съ, такъ... Насупится, бороду свою патріаршью погладить, да бурянетъ что-нибудь и взглядомъ этакимъ испытующимъ окинетъ... Ума палата у человѣка, да и только!.. А въ сущности — вотъ-съ!

Ольшанскій знаменательно постучалъ востышками пальцевъ по століку.

— Тупица-съ! — пояснилъ онъ, встрѣтивъ удивленный взглядъ Быстрова. — Развѣ что горячку да лихорадку можетъ распознать сознательно...

— Зачѣмъ же вы пригласили его? — изумленно спросилъ Быстровъ.

— А репутація-то? Безъ него ни одинъ состоятельный больной не умретъ спокойно!.. И, надо вамъ сказать, проникаемость практическая, смекалка — здорово развиты въ немъ! Постигъ онъ пациента — вотъ какъ! до послѣдней жилки!.. Въ кабинетѣ у него, не то что у васъ вотъ или у прочихъ, — понятное, надобное. Нѣтъ-съ! Все — точно у мага-волшебника какого — пригнано такъ, чтобы эмоцію, трепеть наводить!.. И скелеты, и щипцы аршинные, и банки съ солитерами, съ кишками, съ уродцами!.. Насчетъ простого насморка нарочно полчаса цѣлыхъ протолкуетъ, — чтобы прочіе ждали и уваженіемъ прови-

кались!.. Первое слово къ пациенту: „Когда я изучалъ въ Парижѣ“...

Дальше слѣдовало перечисленіе совсѣмъ невѣроятныхъ врачебныхъ пріемовъ столпа науки, — вродѣ рекомендаціи іерусалимскихъ шапочекъ противъ головныхъ болей, посланки недужныхъ въ Саровъ...

Какъ бы достаточно насладившись изумленіемъ мало-опытнаго сотоварища, Ольшанскій чокнулся съ нимъ рюмкой и спросилъ:

— О докторской диссертациі подумываете, collega?

Быстровъ, имѣвшій это завѣтною мечтой, уныло отвѣтилъ, что не находитъ еще возможности сосредоточиться, отдаться работѣ, отрѣшившись отъ посторонняго.

— Ну, вамъ-то грѣшно жаловаться на невозможность! — замѣтилъ Ольшанскій.

— Мнѣ?

— Разумѣется! Вы обезпечились, достигли своего...

Быстровъ вздрогнулъ, какъ ужаленный.

— Вся холостежь наша завидуетъ вамъ!—продолжалъ Ольшанскій, бывшій вообще не прочь посудачить, при случаѣ.— Товарищъ вашъ по университету, Сыропятовъ, вѣдь ужъ какой кавалергардъ-мужчина: на вечерахъ да балахъ всѣ ноги отбилъ себѣ... А вотъ не успѣваетъ до сего времени!.. Въ разочарованіе даже пришелъ, стихи противъ любви написалъ... Чтò тамъ, дескать, про любовь поэты разные ни говорятъ, а это, молъ, лишь *perci vagus et sumptuicus* шалать! Очень хорошо написалъ!...

Потолковавъ еще о томъ, о семъ, условившись окончательно насчетъ консиліума, Ольшанскій справился со своимъ новенькимъ золотымъ хронометромъ и быстро поднялся.

XIII.

Слова и взгляды практическаго сотоварища оставили странный осадокъ въ душѣ Быстрова: въ его обычный правильный порядокъ мыслей точно какой-то пестрый фельетонъ вторгся... „Да... по наукѣ „какъ тамъ хотите“, а практика—иное дѣло... Идеаль—и у знаменитаго монстра Жабина, и у безвѣстной ничтожности Сыропятова—одинъ: „обезпечиться, достигнуть своего“... Какъ увѣрить, что у человѣка могутъ быть не гадкія мысли, что онъ не хочетъ только обезпечиться?..“—думалъ Быстровъ, кура и прохаживаясь по кабинету.

На этихъ размышленіяхъ застала его явившаяся Мери.

— Ты дачу смотрѣла? гдѣ? — спросилъ, встрѣчая ее, Быстровъ.

— Нѣтъ... — проговорила она, съ усталымъ, разсѣяннымъ видомъ и спимая на ходу шляпку. — Меня задержали... Ты... не будешь сердиться?

— За что?! — отвѣтилъ онъ, тронутый ея озабоченностью. — Пообѣдаемъ часомъ позднѣе, только и всего! Это даже прекрасно: авторитеты — ученые говорятъ, что однообразная правильность жизни не допускаетъ проявленія гениальности!

Онъ разсмѣялся весело.

Мери молча положила на этажерку шляпку, перчатки, поправила себѣ волосы передъ зеркаломъ.

Усѣвшись потомъ съ мужемъ на диванѣ, она заговорила смущенно:

— Я была... Полянская просила, чтобъ вмѣстѣ... А тамъ... Представь, что случилось съ нею?

— Замужъ выходить?

— Нѣтъ... Но ей понравился кто-то, и она придумала...

Дальше изъ торопливаго разсказа слѣдовало, что Полянская — по просту, безъ затѣй, — придумала „приворожить“ предметъ чрезъ извѣстную по этой части цыганку въ Грузинахъ, къ которой, не одинъ уже разъ, и отправлялась съ нею Мери; что для „наговора“ отданы были браслетъ и брошка, и ихъ никакъ нельзя теперь выручить, потому что цыганки все нѣтъ да нѣтъ дома... (Какъ пыталась при этомъ Мери свою собственную судьбу и во сколько обошлось ей это, она благоразумно умалчивала...)

— Это непостижимо! — воскликнулъ Быстровъ, вскочивъ и бѣгая по кабинету. — Образованныя женщины, отрада XX вѣка, умѣщаютъ въ просвѣщенныхъ головахъ своихъ ворожбу, наговоры... чертовщину всякую! Ни переутомленіе швольное, ни всякіе курсы — высшіе, низшіе... лекціи, рефераты не помогаютъ даже тьму кромѣшную разсѣять въ головахъ!.. И ты... вмѣсто того, чтобы пристыдить, образумить сумасшедшую, ты потворствуешь...

— Ты невѣрующій... — промолвила, потупившись, Мери.

— Сообрази, что говоришь ты: при чемъ тутъ *впра*?

— Я про судьбу говорю... Отчего не вѣрить въ судьбу? Былъ же у древнихъ рокъ...

— Въ судьбу — а не въ цыганку! И древность... для того ли она, чтобъ нянчиться съ нею, воспроизводить ее?.. Всѣ мы бываемъ дѣтьми; а потомъ растемъ, умѣемъ... То же и по отношенію къ человѣчеству... Трудна, что-ли, очень аналогія?..

Онъ опустился въ кресло предъ столомъ, закинувъ нервно одну ногу на другую.

Мери молчала, смотря предъ собой съ упрямствомъ наказаннаго ребенка, и вертѣла пуговицу на платьѣ.

XIV.

Быстрову показалось, что моментъ „подступитья, выяснить“ назрѣлъ, что накопившееся требуетъ само разрѣшенія...

— Намъ вообще надо поговорить, милая... — началъ онъ, пересѣвъ на диванъ и поцѣловавъ руку у Мери. — Мы какъ-то не можемъ все вправиться въ колею... и рискуемъ свернуть со-всѣмъ съ дороги, забраться не знаю куда...

Мери встрепенулась и подняла на него вопросительно глаза.

— Въмѣсто того, чтобъ свыкаться и успокаиваться, мы испытываемъ только недоразумѣнія... — продолжалъ онъ. — Духовное дружеское единеніе какъ-то все не дается намъ...

— При чемъ-же тутъ я?

— Не будемъ винить другъ друга... Вникнемъ только и обсудимъ...

— Ну?

— Я ничего не имѣю противъ твоего хозяйственнаго господства въ домѣ—оно можетъ быть только приятно и желательно въ хозяйкѣ... Но... не надо, чтобъ господство касалось личности, совѣсти мужа, въ извѣстныхъ предѣлахъ... И эту черточку необходимо провести, установить... Правдъ вообще нельзя создавать себѣ... нельзя и создать никакъ, не уважая правъ другого... Потомъ... самая заботливость твоя обо мнѣ... которую я цѣню и чувствую, конечно... она окрашивается чѣмъ-то постороннимъ... какъ бы чувственнымъ исключительно... Неловко бываетъ, когда слышишь слова эти: „мой“, „выбрала“...

Онъ вспыхнулъ и отвернулъ лицо, глядя безцѣльно въ сторону.

— Ты ни къ чему не относишься, какъ прочіе... — возразила Мери, съ слышавшеюся ноткой раздраженія въ голосѣ. — Ты всегда... подъ игомъ рефлексіи...

Быстровъ не могъ не согласиться внутренно, что Мери права, не могъ не отдать должнаго ея наблюдательности. Видно было однако, что наблюдательность эта—слишкомъ женская, субъективная...

— Хорошо, положимъ! Рефлексія при чемъ-то тутъ!—сталь говорить онъ. — И все же нельзя... недостаточно ограничиться

знаніемъ факта. Надо еще уяснить его, связать съ причиною... Ты сама видишь, что рефлексія — не капризъ мой; что придуматься, поразмыслить есть надъ чѣмъ... И къ тому, о чемъ уже говорилъ я, надо прибавить еще многое... Возьмемъ хоть деньги—эту заразу нашего духовно-смутнаго времени... Нельзя, чтобъ приданое твое всовывалось въ наши отношенія, играло роль регулятора какого-то!.. Будемъ жить исключительно на мой заработокъ, если ты желаешь... Я принимаю все, все на себя!..

— Послушай!—перебила Мери, положивъ любовно ручку на плечо мужа.—Ты вѣдь знаешь Сутугинныхъ?

— Какихъ Сутугинныхъ?

— Ну, Вава и Романъ Авксентьевичъ. На свадьбѣ у насъ были они!

Товарка Мери по курсамъ, богачка—дочь ростовщика подъ закладныя—Вава (Варвара) Шурупова, „вѣдьма“ лицомъ и нравомъ, „выбрала мужчину“ въ образѣ промотавшагося выгнаннаго гвардейскаго адъютанта Сутугина. Быстровъ зналъ эту чету лишь потому, что товарки раскланивались при встрѣчахъ въ театрѣ, и не могъ смотрѣть безъ отвращенія на пошлую, самодовольную фигуру развѣвшагося хлыща, фривившаго цѣпочками и перстнями на счетъ жены...

— Не понимаю, что значитъ твой вопросъ,—отвѣтилъ онъ.

— Я къ тому говорю, — стала пояснять Мери, сдвинувъ серьезно бровки:—что на что ужъ некрасива и такая жадная, жадная Вава, а какъ согласно живутъ они! Ни одной сцены между ними не было еще, и мужемъ не нахвалится она... Почему же у насъ?.. Я, кажется, ни въ чемъ, никогда тебѣ...

— Оставь, оставь...—умоляюще произнесъ Быстровъ, отодвинувшись отъ нея.—Если не стыдно тебѣ ставить меня на одну доску съ такимъ... quasi-мужемъ, какъ Сутугинъ, то подумай, съ кѣмъ ты себя равняешь: съ грубою, безнравственною женщиной... не стыдящейся выставять публично свою покушку...

Онъ умолялъ, дрожа весь и сцѣпивъ холодѣвшіе пальцы...

— Ты не любишь меня... не любишь! — вскрикнула Мери, заливаясь слезами, и выбѣжала изъ кабинета.

XV.

Поданный поздній обѣдъ остался нетронутымъ.

Быстровъ провозился до разсвѣта съ книгами, стараясь

прийти въ себя, уравновѣситься; а потомъ прилежъ въ кабинетѣ, на диванѣ.

Не спала ночь и Мери.

Она молилась въ спальнѣ, кладя земные поклоны предъ „благословеніемъ“, шепча молитвы...

Молитвы эти были особенныя, — имѣвшія мало общаго съ катихизисомъ, съ православіемъ. Сперва отъ няньки-старухи, странствовавшей до этого по монастырямъ, а потомъ—отъ „вѣрующихъ“ товаровъ по курсамъ, Мери научилась разнымъ молитвамъ „на случай“ (въ томъ числѣ, „зубной“, „отъ грозы“),—неизвѣстно кѣмъ и когда сложеннымъ.

Теперь шепталось относившееся къ „умиренію мужа“. Просилось о „вселеніи въ сердце рабу божьему Михаилу — яко же радуется женихъ о невѣстѣ“; о „наученіи раба сего всему добру закону и добру норову“...

Дѣлая перерывы и какъ бы ожидая немедленнаго вмѣшательства небесныхъ силъ, Мери садилась въ кресло, прислушивалась жадно къ малѣйшему шороху... Но мужъ не смирялся, не шелъ... Слезы снова лились у нея неудержимо, и она снова распостиралась на коврѣ, судорожно и неслышно шевелись при слабости, трепетномъ свѣтѣ лампадки...

Первая серьезная размолвка съ мужемъ — „сцена“, какъ звалось это вообще въ ея женскомъ кружкѣ,—была первымъ ея жизненнымъ горемъ, трогала самое дорогое изъ благъ. Помни слова матери, она не сомнѣвалась, что все недовольство мужа—изъ-за денегъ. Она старалась разобраться въ своемъ горѣ, обдумать его, но мысли только мутились, не находя разрѣшенія... Да, собственно, *думать* она и не могла, не умѣла. При всякомъ встрѣчавшемся затрудненіи она, обыкновенно, лишь соображала практически, не выходя изъ круга фактовъ, разрѣшая все при помощи изощрившейся у нея женской умственной изворотливости.

XVI.

Только разслабленный тревожнымъ, прерывистымъ подобіемъ сна, Быстровъ поднялся, когда бронзовые часы подъ стекляннымъ колпакомъ, на каминѣ, стуча торопливо и неравномѣрно молоточкомъ, пробили десять.

Въ залѣ Оедосья гремѣла тарелками, приготовляясь накрывать къ завтраку.

Визитовъ предстояло немного, да и торопиться съ ними не

было надобности. Но Быстровъ поспѣшно одѣлся въ черную пару и вышелъ, чувствуя какъ бы боязнь встрѣтиться съ женою.

Сверхъ обыкновенія, онъ не велѣлъ закладывать экипажъ, а взялъ извозчика.

Послѣ консилиума онъ долго бесѣдовалъ съ Ольшанскимъ въ ресторанѣ, стараясь протянуть время, и возвратился домой поздно, предъ самымъ обѣдомъ.

По угрюмому и какъ бы обиженному лицу Ѳедосьи онъ безъ труда заключилъ, что о размолвкѣ извѣстно ей, и что она не на его сторонѣ.

— Барыня дома?—спросилъ онъ, думая, не отправилась ли Мери съ извѣстіемъ къ матери.

— Въ спальнѣ онѣ... Такъ убиваются, такъ убиваются...— пропѣла плаксиво Ѳедосья. — Маменька только-что ушли отъ нихъ,—прибавила она вскользь.

О томъ, что за Мареею Даниловной отправлялась она сама, на извозчикѣ, съ письмомъ Мери, Ѳедосья не сочла нужнымъ упомянуть.

Быстровъ молча прошелъ въ кабинетъ.

„Собственно говоря, все это—вздоръ, и не мнѣ бы, врачу, слѣдовало волноваться изъ-за подобнаго... То ли бываетъ между мужемъ и женой!.. Она права, что я подъ этимъ... игомъ рефлексіи и слишкомъ разсуждаю надо всѣмъ...“—думалъ онъ, доставая изъ кармана и укладывая въ ящикъ письменнаго стола полученныя на визитахъ бумажки, снимая черный сюртукъ.

Отъ сердца у него уже давно отошло, и онъ искренно терзался. Позорное приравниванье къ хлыщу Сутугину вставало теперь предъ нимъ безсвязно, одиноко, казалось пустою, нестоющею вниманія нетактичностью, которую можно и должно перенести отъ любимой и любящей жены. Онъ раскаявался, винилъ себя въ горячности, опрометчивости.

Онъ торопился переодѣться, чтобъ пойти въ спальню, повидать жену.

Въ это время дверь кабинета отворилась и вошла Мери—съ замѣтно покраснѣвшими отъ слезъ глазами, съ освѣженнымъ пудрою лицомъ.

— Скоро будемъ обѣдать?—ласково сказалъ Быстровъ, ступивъ навстрѣчу ей.

— Да...

Онъ обнялъ ее за талію и медленно, съ чувствомъ, поцѣловалъ въ лобъ.

Мери прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ, охвативъ за шею лѣвою рукой, и остановила на немъ какою-то загадочный взглядъ.

— Вотъ...—проговорила она, подавая сложенную аккуратно бумажку.

— Что это?—спросилъ Быстровъ.

— Тебѣ...

— Не понимаю.

— Тебѣ...—повторила Мери и выжидательно впилась въ него искрившимися темными глазами. — Ты не будешь больше сердиться?

Быстровъ полу-развернулъ бумажку.

Она оказывалась банковымъ чекомъ. Онъ могъ замѣтить какую-то цифру и нѣсколько нуликовъ.

Теперь онъ уже не разсердился, не всплѣлъ. Неожиданное олимпийское спокойствіе нашло на него. Все залокотавшее осталось внутри; стиснутые зубы скрипнули, а руки судорожно равнули бумажку вдоль, потомъ—поперекъ.

— Стыдись...—послышался совсѣмъ не его, глухой и странный голосъ. — Я не Сутугинъ—не продаюсь...

— Michel! Я... люблю тебя! Дѣ... дѣлай, что хочешь!...—какъ-то неестественно выкрикнула Мери.

Она затряслась вся, закинувъ назадъ голову, и, съ помертвѣвшимъ лицомъ, рухнула на полъ.

Быстровъ поднялъ ее, какъ ребенка, и отнесъ въ спальню.

Тамъ онъ привелъ ее въ чувство,—ставя діагнозъ началу той женской истеричности, противъ которой бываетъ бессильно все врачебное и которая зовется „stux medicorum“,—раздѣлъ и уложилъ въ постель.

Дрожь, стуча зубами о края стакана, Мери приняла изготовленное мужемъ лекарственное питье и впала въ глубокой сонъ.

XVII.

Нахмуренный, блѣдный, Быстровъ прошелъ въ кухню, распорядился, въ чемъ слѣдовало, за жену и строго наказалъ Федосьѣ не принимать никого, не беспокоить барыню.

Лежа потомъ навзничъ на диванѣ, въ кабинетѣ, онъ собралъ всѣ силы, чтобы взглянуть серьезно въ глаза своей дѣйствительности.

Большая, дружная семья, нѣжная близость съ сестрами прили ему мягкость чувствъ, отзывчивость. Онъ просто и глубоко

полюбилъ Мери, опоэтизировалъ свой будущій семейный уголокъ, и такъ же глубоко сталъ чувствовать потомъ тревогу за возможность счастья... Пока тревожили только частности, позволявшія ждать, надѣяться... Теперь рушилась основа, клалась непреходимая пропасть.

„...Да... О случайныхъ недостаткахъ, о сознательномъ отступленіи отъ нравственнаго не можетъ быть и рѣчи... Это—особый организмъ, съ своимъ особымъ содержаніемъ, съ своею моралью...—проходило у него въ головѣ.—И Дарвиновская борьба за существованіе, и „нищезанство“ съ его человѣкомъ-животнымъ, и родное „толстовство“ съ мертвенно-мистическимъ византійскимъ туманомъ,—все наслонилось тутъ при судорожной ломѣ культурнаго строя, при глухомъ нравственно-духовномъ переворотѣ... Разница въ томъ только, что одни—сознательно болѣютъ скептицизмомъ, рушатъ сами гнетъ лицемѣрной общественной морали, ищутъ новыхъ путей, новыхъ началъ жизни... Другіе—фатально, невѣдомо для самихъ себя, сживаются съ навѣянными новымъ, съ успѣвшимъ пристать, наслониться... Она—такая.. Но она права... Она искренно слѣдуетъ владѣющей ею морали... Ей тоже хочется „достигнуть своего, обезпечиться“, завладѣть прочно и возможно большимъ среди благъ жизни... *Задарить* „выбраннаго мужчину“, *купить* ласку, не только—естественность, а, быть можетъ, доблесть, подвигъ, по ея міросозерцанію“.

Но разсужденія помогали мало... Связать эту мораль съ своею онъ не могъ. А оторвать отъ сердца сросшееся съ нимъ было мучительно больно. Роковая двойственность томила, держала точно въ когтяхъ.

Въ сумеркахъ Быстровъ прошелъ въ спальню, провѣдать жену.

Уже проснувшаяся, Мери окликнула его слабымъ голосомъ.

Она какъ бы съ испугомъ подняла на него померкшіе глаза, когда онъ зажегъ свѣчу и приблизился къ кровати. Поблѣднѣвшее лицо ея казалось утомленнымъ, пульсъ былъ слабъ и неровенъ.

— Appetitъ есть у тебя?—спросилъ Быстровъ.

Она отрицательно шевельнула головой.

— А охота встать, посидѣть?

— Нѣтъ...

— Старайся не волноваться, не думать ни о чемъ,—сказалъ онъ, вступая въ роль врача.—Хочешь, я почитаю тебѣ что-нибудь?

Она снова и пытливо подняла на него глаза, потомъ проговорила:

— Вонъ тамъ, на этажерѣ, *наши* книги...

„Наши“ означало: женскія.

Быстровъ выбралъ, переговариваясь съ нею, книжку, придвинулъ кресло къ кровати и сталъ читать статью, съ нешуточнымъ заглавіемъ: „*Женщина съ культурно-исторической точки зрѣнія*“.

Компилятивная статья написана была неумѣло, тяжелымъ, мудреватымъ слогомъ, обиллованнымъ барбаризмами. Приходилось чуть не задыхаться на длиннѣйшихъ сложныхъ періодахъ.

И это, и лежавшая на сердцѣ тяжесть, мутившая мысли, не позволяли вправиться въ чтеніе. Да въ сущности и читать было не для чего: онъ чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ Мери и понималъ, что она не слушаетъ.

Онъ все-таки продолжалъ читать, слѣдя машинально за строчками, перевортывая листокъ за листкомъ. Однообразно и томительно звучалъ его голосъ въ тишинѣ комнаты, — точно читалась „отходная“... счастью.

Бросивъ взглядъ на кровать и замѣтивъ, что Мери поворотилась въ сонномъ забытіи, онъ умолкъ, откинувшись на спинку кресла, сдерживая подступавшія въ горлу спазмы.

XVIII.

Мери продолжала оставаться въ постели — не больная собственно ничѣмъ, но разслабленная, разбитая.

Марѳа Даниловна не пропускала дня, чтобъ не навѣстить дочь, не прислать Ариныкъ справиться о здоровьи, и видимо косялась на зятя.

Однажды Быстровъ получилъ отъ нея письмо, по почтѣ. Холодно и въ изысканныхъ, безъ надобности, выраженіяхъ, Марѳа Даниловна просила его заѣхать къ ней „по очень важному дѣлу“.

Быстровъ отправился немедленно.

Шелъ пятый часъ. Надъ зеленѣвшею, озаренною солнцемъ Москвою носился нестройный гулъ колоколовъ, благовѣстившихъ къ вечернѣ на всѣхъ „сорока сорокахъ“... По улицамъ тянулись возы со сварбомъ начинавшихъ выбираться дачниковъ...

Марѳа Даниловна, въ темномъ добротномъ шольвовомъ платьѣ и въ брилліантовыхъ серьгахъ, — только-что вернувшаяся изъ какого-то благотворительнаго комитета, — впала при видѣ зятя въ замѣтное волненіе и церемонно указала ему въ гостиной на кресло.

— Ахъ, какъ свѣтъ-то мѣняется... какъ мѣняется! — говорила она, послѣ обычныхъ разспросовъ о здоровьи Мери. — На моей памяти и то сколько, сколько перемѣнъ во всемъ!.. Мы съ покойнымъ Кондратіемъ Назарычемъ на что ужъ разные по лѣтамъ и по богатству были — пятый десятокъ шелъ ему, когда женился онъ на мнѣ, безприданницѣ, — а жизнь провели, прямо можно сказать, душа въ душу!.. Теперь же только и слышишь, что тамъ, при красотѣ да при богатствѣ, „характерами не сошлись“, тутъ — нѣ вѣсть изъ-за чего, нелады да сцены у молодыхъ!..

Быстровъ приблизительно понялъ, въ чемъ должно состоять „важное дѣло“.

— Я писала вамъ... Я хочу поговорить съ вами, Михаилъ Петровичъ, серьезно... по родственному... — приступила Марea Даниловна, выпрямляясь на диванѣ и нервно потеревливая платокъ бѣлою пухлою ручкой, сверкавшей браслетами и кольцами, знакомъ счастливой супружеской жизни.

— Я къ вашимъ услугамъ, — чинно отвѣтилъ Быстровъ.

— Я... я хочу поговорить съ вами о счастьи Ме... моей дочери... — поправила Зуева, считая выраженіе это болѣе подходящимъ къ важности дѣла. — Все ея счастье связано съ вашею любовью... зависитъ отъ васъ... Когда вы присватались, я прямо сказала, что деньги Мери будутъ у меня... И вы не высказывались противъ, вы согласились... И не я одна примѣромъ тутъ: Лахутины вонъ, Рѣщиковы — богачи изъ богачей — проценты вяткамъ выплачиваютъ... Жены, которыя отдѣлены... очень многія имѣютъ свои деньги у себя, сами распоряжаются...

— Извините, Марea Даниловна... — перебилъ недоумѣвавшій Быстровъ. — Къ чему клонится все это?..

— Да какъ же-жъ?.. Теперь, когда Мери отдѣлена, вы противъ, вы желаете...

— Я?! — воскликнулъ изумленный Быстровъ.

— Вы обидѣлись, когда Мери хотѣла дать вамъ десять тысячъ... — продолжала Зуева, поднося платокъ къ затуманившимся голубымъ глазамъ. — Но ей нельзя остаться ни съ чѣмъ... Она совѣтовалась со мною... И... мнѣ счастье, согласіе ваше дороже всего... я готова... Пусть будетъ такъ: половина — на ваше имя, половина — на ея... Въ этомъ, мнѣ кажется, не можетъ быть для васъ...

— Позвольте-съ... позвольте... — остановилъ ее Быстровъ, сдерживая себя внутренно и краснѣя до корней волосъ. — Мери... при ея вообще специально-настроенномъ воображеніи, при ея

такъ неожиданно обострившейся нервичности... могла многое представить себѣ не какъ слѣдуетъ... могла передать вамъ... Не спорю-съ!.. Но если вы имѣете сказать что-нибудь по поводу нашихъ съ нею отношеній, то исключите деньги... совершенно исключите!.. Иначе... я не могу слушать васъ!

Марѳа Даниловна сперва остолебенѣла, а потомъ воскликнула, привскочивъ на диванѣ:

— Но... изъ-за чего же все это?!

— Чтò?

— Несогласія ваши?

Быстровъ развелъ руками.

— Вѣроятно, особенности воспитанія вашей дочери...— началъ онъ.

— Ахъ, Михаилъ Петровичъ!— перебила Зуева, давая волю слезамъ.— Какъ мнѣ горько слышать это отъ васъ!.. именно отъ васъ—отъ человѣка, такъ все понимающаго, ученаго!.. Я ли не старалась, не полагала силъ своихъ всѣхъ!.. Покойный Кондратій Назарычъ, по своимъ взглядамъ дворянскимъ, былъ противъ гимназій даже, а на курсы и совсѣмъ не пустилъ бы!.. Я настаивала, я заботилась!..

— Первый вопросъ теперь—здоровье Мери...—сказалъ Быстровъ.—Мнѣ практика моя, — очень и очень нуждающаяся въ ростѣ, — не позволитъ скоро освободиться... А Мери неизбѣжно быть скорѣе на воздухъ, на повоѣ... Не займетесь ли вы подысканіемъ дачи и не переѣдете ли съ нею?

Марѳа Даниловна снова пролила слезы, но уже радостныя. Зять казался ей теперь совсѣмъ инымъ, новымъ человѣкомъ. Несогласія—разъ не виѣшиваются тутъ деньги—превращались, въ ея материнскихъ глазахъ, въ пустыя, неизбѣжныя на первыхъ порахъ, недоразумѣнія молодыхъ хозяевъ...

XIX.

Все вошло, видимо, въ должную колею.

Дачу нашли въ Петровскомъ-Разумовскомъ. Начавшая пользоваться прогулками, катаньемъ (экипажъ, по настоянію Быстрова, аходился въ распоряженіи дамъ, а самъ онъ довольствовался въ Москвѣ извозчиками), Мери успѣшно поправлялась и хороѣла. Про свой улегшійся внутренній переполохъ она и не вспоминала. Зная отъ матери объ отказѣ мужа отъ денегъ, она, не думываясь, рѣшила:— „Значить, Michel просто капризничаетъ;

а это пройдетъ!“ — И восторжествовать надъ капризомъ было такъ легко: занимаясь по утрамъ туалетомъ и любясь своимъ стройнымъ станомъ, бѣлымъ тѣломъ, тонкою атласною кожей, Мери сама изумлялась отъѣвной роскоши своихъ внѣшнихъ достоинствъ...

Для Федосьи,—оставленной, ради барина, въ Москвѣ,—наступила истинная масляница.

Всѣ труды ея, не считая ѣды и спанья, свелись къ уходу за фикусами въ гостиной да за своею собственною пунцовою „еранью“ въ кухнѣ. Она немедленно, — спустя какихъ-нибудь двѣ-три недѣли, — потолстѣла и начала выказывать склонность къ благодушію. Не зная, куда дѣвать тянувшееся лѣниво время, она стала ридиться въ свои лучшія платья и „шлѣндрать“ — какъ выражался не долубливавшій ее за что-то дворникъ — по церквамъ, по народнымъ „туманнымъ чтеніямъ съ картинами“, бѣгать, какъ угорѣлая, за шайками „черносотенцевъ“, крестясь на ихъ „знамя“... — „Баринъ у меня не характерный... нѣтъ въ немъ того, чтобъ доходить, усчитывать тебя! — хвалилась она предъ своими знакомками. — Хоть бы обѣдъ, къ примѣру: какъ сготовила я, такъ и сготовила; ему все хорошо!“

И Быстровъ, дѣйствительно, не замѣчалъ ни порядковъ въ домѣ, ни самой Федосьи.

Не считая наѣздовъ изрѣдка на дачу, онъ проводилъ свободное отъ визитовъ время, валяясь на диванѣ, въ кабинетѣ, погруженный въ нескончаемыя, неотвязныя думы... Первымъ усиліемъ его, по отъѣздѣ жены, было скомкать въ себѣ, заглушить все, такъ мучившее, приводившее къ неладамъ. Но тѣмъ больше усиливался онъ, тѣмъ настойчивѣе твердило ему сознаніе, что возникшей пропасти не уничтожишь этимъ; что въ неладахъ надо разобраться, надо выяснять въ своей совѣсти будущія отношенія къ женѣ.

И онъ сталъ разбираться...

Онъ видѣлъ, что дѣло не въ *соглашеніи* только, не въ частныхъ уступкахъ личнымъ особенностямъ другого, а въ полномъ отреченіи отъ самого себя, въ принятіи всей той новой морали, которая узаконяетъ „выборъ мужчины“... И принять эту мораль, превратиться въ такого „выбраннаго мужчину“ у него не хватало ни духу, ни силъ... Вспыхивавшее чувство отметало разсужденія, застилало дальнѣйшее туманомъ, выказывая лишь оболстительное настоящее... Пригнетенный разумъ соглашался, что всякое благо требуетъ жертвъ; что новая мораль — стихія, отъ которой некуда дѣться, которая заставляетъ неповорныхъ ей вы-

мирать, — как заставила природа вымирать мастодонтов... А неутомимо шевелившаяся червячокъ-совѣсть твердила: „Но мастодонты боролись, а не сдавались *avec les armes et bagages*... Они вымерли, а не превратились ни въ хищниковъ, ни въ слизняковъ... Вымирай и ты, но борись, будь честенъ; сдавайся лишь тамъ, гдѣ велитъ чувство долга... помни „категорическій императивъ“... Въ этомъ и есть смыслъ жизни; въ этомъ — исторія“...

Иногда, въ минуты набѣгавшей бодрости, подъема духа, его осыняло какъ бы прозрѣніе, что вторгшіяся въ его судьбу „деньги“, устроившееся безмятежное благополучіе — только принизили его духовно, облѣнили, подточили энергію... Ему становилось яснымъ, что вся эта меркантильная благодать, самъ пресловутый идеаль — „обезпечиться, достигнуть своего“ — годны лишь для безвременно-засохшихъ да для отжившихъ, разслабленныхъ; что живому человѣку надобна *жизнь* — во всей ея многогранной сложности, со всею нераздѣльностью тревогъ, радостей, печалей, сомнѣній, надеждъ, торжества...

И его тянуло къ этой жизни, къ простору...

XX.

Однажды, совсѣмъ неожиданно для самого себя, раздумывавшій Быстровъ вдругъ отрѣшился отъ всякихъ сомнѣній, сталъ веселъ, бодръ.

Умывшись, причесавшись, надѣвъ черный сюртукъ, онъ вышелъ, взявъ перваго попавшагося извозчика и „погналъ“ его на Арбатъ — къ адвокату, у котораго лечилъ жену и былъ не дальше, какъ утромъ этого же дня.

Тотъ только что отобѣдалъ.

Небольшого роста, полный и лысый, онъ вышелъ въ кабинетъ, держа чашку кофе въ рукахъ и добродушно поглядывая исподлобья умными карими глазами.

— Михаилу Петровичу! — выкрикнулъ онъ звонкимъ, навѣшшимъ въ „судоговореніяхъ“ голосомъ, соображая въ то же время: „Что за надобность у доктора? Не ошибся ли давеча въ рецептъ, чего добраго?“...

Быстровъ, неумѣло и конфузиво, сталъ передавать, въ общихъ выраженіяхъ, о несогласіяхъ съ женою, о необходимости покончить съ этимъ, „урегулировать отношенія формальнымъ порядкомъ“...

— Расходитесь съ Марьей Кондратьевной? — резюмировалъ

адвокатъ, удивляясь мысленно, что и такой „счастливейшій“ бракъ оказывается не лучше прочихъ...

— Да...

— И опять сойдетесь...

— Нѣтъ!—перебилъ поспѣшно Быстровъ. — Я хочу, чтобъ былъ разводъ!

Адвокатъ отхлебнулъ кофе и прицѣлкнулъ языкомъ. (Онъ любилъ покушать и полакомиться.)

— Разводъ—канитель... сложная, неприятная... — сталъ говорить онъ искренно, „по знакомству“. — И денегъ много потребуется... Марья Кондратьевна тоже желаетъ развода?

— Не знаю... не думаю...

— Такъ дайте ей отдѣльный видъ, да и все тутъ!

— А если она замужъ захочетъ выйти?

— Тогда пусть сама и хлопочетъ о разводѣ... Вы-то, собственно, нуждаетесь въ немъ?

— Нисколько!

— Конечно...—согласился адвокатъ.—Теперь и въ высшемъ свѣтѣ сквозь пальцы смотрится на подобное... Сановники, вонъ...

Онъ не договорилъ, не желая нарушать профессиональную тайну.

Быстровъ спросилъ о формальностяхъ.

Адвокатъ тутъ же набросалъ требовавшееся для отдѣльнаго вида; растолковалъ, что и какъ надо сдѣлать, куда обратиться.

Дома Быстровъ прошелся по пустыннымъ комнатамъ, съ завѣшанными зеркалами, съ мебелью въ чехлахъ, съ окутанными газетною бумагой лампами, и опустилъ голову, охваченный грустнымъ чувствомъ близившагося одиночества... Сердце дрогнуло у него при мысли о мелькнувшемъ, оторвавшемся клочкѣ жизни... Онъ не зналъ, что будетъ съ нимъ, гдѣ приклонить онъ свою голову... Ясно сознавалъ онъ только одно—что въ Москвѣ, на свѣжихъ развалинахъ былого, ему нѣтъ пока мѣста... Нуждаясь въ участіи, въ тихомъ пристанищѣ, чтобъ дать затянуться ранѣ, онъ рѣшилъ отправиться къ роднымъ, передавъ практику Ольшанскому — этой немудрой, но специально-точной машинѣ...

Утро слѣдующаго дня Быстровъ провелъ въ укладѣ. — „Да, вымирай, но борись... будь послѣднимъ изъ мастодонтовъ, а не иди въ хищники... въ слизняки...“ — думалъ онъ, возясь надъ упаковкой инструментовъ, препаратовъ, книгъ... Онъ бралъ съ собою только свое, — прибрѣтенное на трудовыя деньги. Онъ оставлялъ въ письменномъ столѣ обручальное кольцо, золотыя часы—подарокъ Мери; оставлялъ въ спальнѣ халатъ рытаго бархата.

Объясненія съ женою Быстровъ, по совѣсти, счелъ необходимымъ избѣжать: онъ видѣлъ бесполезность переключанья съ различныхъ полюсовъ, зналъ, какъ можетъ отразиться на ней ударъ... Онъ адресовался съ подробнымъ письмомъ къ Марѣ Даниловнѣ, приложивъ необходимыя женѣ бумаги.

И Мери, дѣйствительно, едва перенесла ударъ.

Несмотря на всю материнскую осторожность Марѣ Даниловны при передачѣ извѣстїя, она свалилась, какъ подкошенная, и долго оставалась между жизнью и смертью. Поселившись снова въ домъ матери и прослывъ среди сущевскихъ кумушекъ „соломенной вдовой“, она продолжала страдать, считала себя жертвой, роптала на Провидѣнїе, которому сама же слала молитвы, но вынести поучительное изъ опыта—не могла...

II.

„ПО КРАФТЬ-ЭВИНГУ“.

I.

Егоръ Саввичъ Брусницинъ, человѣкъ лѣтъ сорока, съ остренькою французскою бородкой, плотный и румяный, весь, такъ сказать, составленный изъ здоровья и благополучія, одернулъ жилетъ, крякнулъ и заговорилъ:

— Никого посторонняго на дачѣ не было — рразъ! (Онъ загнулъ одинъ палецъ.) — Тихонъ платье чистилъ у задняго крыльца — два!..

— Вы сущность дѣла изложите; въ доказательствамъ мы потомъ перейдемъ... — остановилъ его Кирилль Макаровичъ Рябовъ — одно изъ свѣтилъ московской адвокатуры, — рыхлый, бѣло-губый и лысый блондинъ, одѣтый франтомъ и во все свѣтлое.

— Разумѣется! — согласилась съ нимъ хозяйка, Зинаида Прохоровна.

Она поднялась изъ-за стола, выпрямила свою стройную, нѣсколько излишне располнѣвшую фигуру, точно облитую шоколовымъ крупноцвѣтнымъ „китайскимъ“ капотомъ, и заговорила торопливо, едва успѣвая переводить духъ:

— Третьяго дня... мы, какъ вотъ и теперь... пили чай на балконѣ, послѣ завтрака... Приходятъ разносчики съ кружевами деревенскими... кустарными... На дачѣ рѣдко случается это!.. Мы вышли на крыльцо — я и Егоръ Саввичъ... Я выбрала на двадцать рублей...

— А-а-а!.. — простоналъ Брусницинъ, и зашагалъ безпокойно по длинному балкону, освѣенному на концахъ густою зеленью листвы.

— Чтѣ... чтѣ такое? — обратилась къ нему, вспыхнувъ, Зинаида Прохоровна.

— Волнуешься ты очень...

— Какъ же не волноваться!

— Тогда молчи...

— Позвольте высказаться Егору Саввичу, а мы съ вами... обсудимъ потомъ... — вступился дипломатически Рябовъ.

Зинаида Прохоровна сѣла, отвернувъ лицо и оглядывая даль, мѣлѣвшую въ мягкомъ искристомъ туманѣ, сверкавшіе извивы Москвы-рѣки, золотистыя полосы созрѣвавшихъ хлѣбовъ...

Брусницынъ снова крикнулъ и одернулъ жилетъ, набралъ воздуха въ грудной ящикъ. Онъ торговалъ ситцами, держался либеральныхъ взглядовъ, состоя гласнымъ въ уѣздномъ земствѣ, и—въ будущемъ—желѣлъ тайную мечту попасть въ Думу. Ораторскія способности, въ виду этого, онъ старательно развивалъ въ себѣ и ревниво подстерегалъ всякій случай попрактиковаться...

— Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что Тихонъ—обстоятельнѣйшій, безупречнѣйшій слуга... а Демка—деревенскій подонокъ... пролетарій...—сталъ говорить онъ, хмурясь дѣловито и пощипывая бородку. — Затѣмъ, ходъ дѣлъ... то-есть обстоятельствъ собственно, таковъ-съ... Разносчикъ,—продолжалъ онъ, повышая тонъ голоса и отставивъ одну ногу, — дѣйствительно былъ, но суть не въ немъ! По какому бы поводу ни произошелъ фактъ, въ данномъ случаѣ дѣло именно въ этомъ фактѣ: въ томъ, что я послалъ Демку въ кабинетъ, взять со стола бумажникъ... и принести!.. Въ бумажникѣ же, кромѣ мелочи, было четыре сотенныхъ, а потомъ... когда хватился я... оказалось только три!..

— Не ужасно ли! — проговорила, повертываясь къ Рябову, Зинаида Прохоровна.

— Не разоримся, Боже ты мой! — воскликнулъ успокоительно Брусницынъ.

— Я не потому...

— Ну, и не волнуйся!

Скупой, хотя порою и любившій щегольнуть тратами, Брусницынъ огорчался пропажею сотенной прежде всего какъ убыткомъ. Зинаиду Прохоровну, — отличавшуюся вообще слабонервностью, — тревожило отвлеченное, пугающее представление о таящемся гдѣ-то „ворѣ“...

Collega по земству и неизмѣнный партнѣръ въ „винтъ“ по воскресеньямъ, Рябовъ долженъ былъ внести юридическій свѣтъ во тьму...

— А вы того... въ Москвѣ не потратили ли? — спросилъ онъ.

— Ни-ни! — категорически удостовѣрилъ Брусницынъ.

Рябовъ задумался, захватывая въ кулакъ свою рыжеватую съ просѣдью бороду и стараясь дотянуть ее до рта.

Хозяева примолкли выжидательно.

II.

Демка принадлежалъ къ числу обитателей небольшой деревушки, видѣвшейся сквозъ голубоватую дымку по ту сторону извиновъ Москвы-рѣки. На дачу Брусницыныхъ попалъ онъ только весною, взятый въ услуженье, „на выучку“.

Случилось это такимъ образомъ: въ числѣ всякаго окружнаго люда, нахлынувшаго съ предложеніемъ услугъ перебравшимся дачникамъ, къ Брусницынымъ явилась баба продать курицу. Курица, по докладу кухарки, оказалась „испитая — ни дать, ни взять, чахоточная“, и ее не купили. Тогда баба освѣдомилась: не возьмутъ ли у нея „парнишку-Демку“, который „ужъ такой-то тихій да работящій“. Предложеніе это совпало съ желаніемъ Брусницына имѣть кого-нибудь на побѣгушкахъ, въ помощь Тихону — слугѣ respectableному, служившему въ „первыхъ домахъ“, respectableному до того, что Брусницыны щеголяли имъ предъ своими гостями и не обращались къ нему иначе, какъ со словомъ „вы“.

Парнишку велѣли прислать.

Демка явился и былъ принятъ. Едва прикрытый рубищемъ, малорослый, вихрастый, истощенный въ конецъ деревенскою безкормицей, онъ выглядѣлъ еще испитѣе и невзрачнѣе забракотанной курицы, а при ходьбѣ даже и ноги какъ бы заплетались у него. Не смотря, однако, на все это, онъ оказался исполненнымъ необыкновенной внутренней живучести и не зналъ усталости при побѣгушкахъ; а въ работѣ сталъ отдаваться чисто поэтическому увлеченію, такъ что, „вышмыгавъ“ до сіянія самоваръ, самъ сіялъ не меньше его — отъ удовольствія.

Въ награду за такія качества, Демку одѣли въ красную кумачную рубашку, обули въ сапоги и помѣстили въ передней, подъ лѣстницей, въ темномъ низенькомъ чуланчикѣ, — гдѣ пахло пылью и гнилушками, а постель и всякія мебели замѣняла старая лошадиная попона изъ верблюжьяго сукна.

Впервые выглянувшій дальше родной околицы и приближенный къ „господамъ“, Демка совсѣмъ потерялъ голову отъ нахлынувшаго счастья и сталъ жить, окруженный самымъ розовымъ упоительнымъ туманомъ... Брусницынъ представлялся ему какимъ-то всевластнымъ, всемогущимъ существомъ, держащимъ судьбы въ рукахъ... Въ Зинаидѣ Прохоровнѣ видѣлъ онъ подобіе доброй волшебницы... Питая сообразныя съ этимъ и чувства къ

господамъ, Демка не служилъ имъ, а изъяснялъ самую безпредѣльную преданность, — бросаясь со всѣхъ ногъ за всякою малостью, тая отъ восторга при милостивой улыбкѣ, приходя въ грусть и безпокойство отъ равнодушнаго взгляда.

Проводивъ день, — иногда шумный и хлопотливый, иногда тихій и однообразный, — Демка свертывался въ своемъ чуланѣ волечкомъ на попонѣ, закрутивъ одинъ уголъ ея подъ голову, и засыпалъ сномъ истинной невинности. Случалось, что новыя, разнообразныя впечатлѣнія дня, переутомивъ Демку, приводили его въ состояніе безпредметной внутренней приподнятости, отгонявшей сонъ, въ состояніе какого-то внутренняго восхищенія. Тогда Демка вслушивался, притаивъ дыханіе, въ безконечныя переливчатыя трели соловья, облюбовавшаго себѣ густыя черемуховыя кусты около дачи, или читалъ, прильпивъ къ дощечкѣ огарокъ свѣчи, старую газету, представлявшуюся таинственнымъ, неисчерпаемымъ источникомъ всякихъ знаній... Когда не случалось огарка, Демка просто таращила глаза въ темнотѣ и мечталъ. Мечты его касались рисовавшагося предъ нимъ будущаго: онъ представлялъ себѣ, какъ попадетъ съ господами осенью въ Москву, — еще невиданную имъ, огромную, великолѣпную Москву, гдѣ столько церквей, столько народу, гдѣ есть царь-пушка, царь-волокоть... какъ напишетъ изъ-этой Москвы письмо въ деревню — обо всемъ, обо всемъ...

III.

Надумавшись, Рябовъ всталъ и прошелся по балкону.

Привычнымъ бессознательнымъ полетомъ мыслей онъ уже парилъ въ мірѣ руководящихъ, самыхъ отборныхъ криминалистическихъ и психологическихъ теорій...

— По Крафтъ-Эбингу... равно, держась взглядовъ и указаній Ломброзо и его послѣдователей, съ Энрико Ферри во главѣ... научно-психіатрическое расчлененіе преступныхъ личностей можно производить въ наше время почти съ такою же точностью, какъ производится химическій анализъ веществъ! — сталъ говорить онъ, прохаживаясь глассадами и прислушиваясь самъ къ своему голосу, какъ имѣлъ привычку дѣлать это послѣднее въ судѣ. — Тихонъ... станемъ по отношенію къ нему въ роль экспертовъ — дѣйствительно, является субъектомъ, психически вполне уравновѣженнымъ, исключаящимъ самую мысль о тождественности съ типомъ носителя злой воли, порвавшаго связь съ обществомъ...

Къ этому — опредѣленность легальной профессіи, отсутствіе матеріальной нужды... Демка... тутъ экспертиза сразу какъ бы лишается почвы, выбивается изъ колеи... Элементу защиты не остается и мѣста... Послушный, такъ сказать, научнымъ авторитетамъ, тутъ всецѣло самъ бросается въ глаза типичный образчикъ физическаго вырожденія, — неразлучнаго съ психическою развинченностью, съ ослабленіемъ нравственныхъ основъ!.. И въ то время, какъ Тихонъ матеріально благоденствуетъ, Демка является пропитаннымъ, и лично, и наслѣдственно, скудою, — этимъ современнымъ могущественнымъ стимуломъ разлада, преступности...

— Значить, Демка! — вскрикнула Зинаида Прохоровна.

— Мы не обвиняемъ, мы анализируемъ только! — остановилъ ее Рябовъ. — Будемъ защитниками Демки... потребуемъ формальныхъ уликъ отъ прокурора... И... смотрите, что выходитъ: у Тихона несомнѣннѣйшее, неопровержимое alibi — онъ чистилъ платье, не могъ физически находиться на мѣстѣ преступления въ данный моментъ... Противъ Демки — несомнѣннѣйшая, неотразимая улика: фактъ прикосновенія къ бумажнику!.. Вотъ данныя: рѣшайте!

— Кому же больше? Посуди ты сама! — хмуро проговорилъ Брусницынъ.

— Мнѣ такъ жаль его! Онъ такой бѣдный, несчастный! — отвѣтила, чуть не со слезами, Зинаида Прохоровна.

— Я разогорчилъ васъ, милая барынька! Простите! — воскликнулъ, ловеласничая, Рябовъ, и припалъ толстыми бѣлыми губами къ ея унизанной кольцами рукѣ. — Добры и чувствительны вы истинно по-женски! — продолжалъ онъ какъ бы шутливо. — Но за это-то и не позволяютъ вашему брату ни дѣла вести, ни присяжными засѣдателями быть! Гдѣ требуется логическій выводъ изъ факта, тамъ у васъ альтруистическое соображеніе является; гдѣ думать надо, тамъ вы волю чувствамъ даете... Субъективны вы очень, взглядъ на предметъ у васъ всегда черезъ призму какую-нибудь!..

Онъ еще разъ поцѣловалъ у нея руку и обратился къ Брусницыну, принявъ подобающую серьезность:

— Фактъ покражи вы не разглашали?

— Все до васъ отложено...

— Прекрасно! Попробуемъ нравственное воздѣйствіе...

Они прошли въ кабинетъ.

IV.

Предсѣдательское мѣсто за большимъ красивымъ письменнымъ столомъ занялъ Рябовъ. Разслѣдованіе открылось опросомъ Тихона, какъ эксперта.

Респектабельный слуга вошелъ, какъ и всегда, исполненный невозмутимости и почтительной сдержанности. Его лицо, съ длиннымъ, красноватымъ на кончикѣ носомъ и съ узенькими черными, какъ смоль, бакенбардами, хранило неизмѣнный отпечатокъ достоинства; такъ же, какъ всегда, — методично, не спѣша — переставлялъ онъ ноги, изогнувшись слегка и двигаясь неслышною поступью.

— Вы, Тихонъ, ничего предосудительнаго не замѣчали за Демкой? — обратился къ нему Рябовъ.

— Касательно чего-съ? — осведомился Тихонъ.

— Не потаскиваетъ онъ?... не выказываетъ склонности?

Тихонъ развелъ руками, помолчалъ, сжавъ значительно губы, и сталъ докладывать. (Онъ всегда какъ бы докладывалъ, а не говорилъ.)

— Досконально сказать не могу-съ... А иногда, точно, недостачу какъ бы замѣтишь въ буфетѣ...

— Чтѣтъ.. серебро? — перебилъ тревожно Брусницынъ.

— Нѣтъ-съ, какъ это можно! Я доложилъ бы... Такъ, изъ сладкаго что-нибудь, или прочіе остатки... Важности въ этомъ, конечно, не много-съ, а къ заключенію здѣсь надобно придти въ томъ, что отъ малаго до большого шагъ скорый бываетъ... Вы, позвольте спросить-съ, изволили замѣтить что-нибудь?

И онъ остановилъ взглядъ узенькихъ, безцвѣтныхъ глазъ сперва на баринѣ, потомъ на адвокатѣ.

Брусницынъ рассказалъ о пропажѣ денегъ.

Тихонъ процѣдилъ сквозь зубы неопредѣленное: „с-с-с...“, покачалъ длинною, полусѣвшею на макушкѣ головою и отступилъ нѣсколько отъ стола.

Съ минуту длилось молчаніе.

Какъ бы почувствовавъ за это время всю глубину паденія Демки, но все же питая жалость къ юному носителю злой воли, Тихонъ заговорилъ, уныло и въ носъ:

— Легкомысленность ребяческая, да и примѣры нынѣшніе черевенскіе... Безъ строгости, безъ внушительности, въ чемъ ривадежить, долго ли парню свертѣться...

Это разсужденіе было какъ бы отголоскомъ собственныхъ мыслей Брусницына. Онъ подумалъ и распорядился:

— Пошлите сюда Демку. Да не того... не распространяйтесь съ нимъ...

— Слушаю-сь, — отвѣтилъ, съ поклономъ, Тихонъ.

V.

Послѣ краткаго совѣщанія рѣшено было примѣнить систему неожиданнаго нападенія. Бумажникъ положенъ былъ на столъ, — какъ моральный намекъ и вещественное доказательство.

Демка, по своему обыкновенію, не вошелъ, а влетѣлъ въ кабинетъ.

Не давая ему опомниться и знаменательно потрогивая бумажникъ, Брусницынъ проговорилъ:

— Отдай деньги!

— Какія? — спросилъ Демка, тараща свои голубые глаза.

— Ты знаешь... Сотенную бумажку...

— Сотенную! — воскликнулъ Демка и обвелъ глазами кабинетъ, какъ бы не зная, куда дѣваться отъ изумленія.

Рябовъ былъ хорошо знакомъ съ этой воровской манерой выигрывать время и потомъ ставить слѣдователя втупикъ какою-нибудь хитро придуманною уверткой. Толкнувъ Брусницына слегка локтемъ и глядя въ упоръ на Демку, онъ заговорилъ строго:

— Третьяго дня, когда Егоръ Саввичъ послалъ тебя сюда вотъ, въ кабинетъ, за этимъ бумажникомъ (онъ взялъ и потрясъ бумажникъ предъ Демкой), въ немъ было *четыре* сотенныхъ; а послѣ оказалось только *три* — одной недостаетъ... Понимаешь?

— Куда же дѣвалась она? — спросилъ Демка, встрепенувшись и съ видомъ совсѣмъ дѣтской невинности.

Не оставалось сомнѣнія, что Демка рѣшилъ утвердиться въ заперательствѣ. Соображая, что заперательство „носителей злой воли“ можетъ происходить или отъ крайней испорченности субъекта, или отъ стыда и самолюбія, Рябовъ, — склоняясь къ послѣднему и давая упорствующему приличный выходъ, — сказалъ, съ видомъ добродушія:

— Ты, можетъ быть, выронилъ ее, когда несъ бумажникъ?

— Гдѣ-жъ выронить! — отвѣтилъ Демка. — Я остерегался.

— Роняютъ нечаянно; сами не знаютъ иной разъ, выронили или нѣтъ... Такъ, можетъ быть, и ты... — продолжалъ тонко на-

водить Рябовъ. — Ты посмотри... въ передней... у крыльца... Авось найдешь...

— Кабы найти, такъ давно бы нашли—убиравши комнаты!—возразилъ догадливо Демка.

Брусницынъ не вытерпѣлъ.

Схвативъ бумажникъ и прихлопнувъ имъ по столу, онъ заговорилъ сердито:

— Кромѣ тебя, никто не прикасался къ бумажнику, — значитъ, никто, кромѣ тебя, не могъ и взять сотенной! Сыщешь ли ты ее, или просто вынешь оттуда, куда спряталъ, — мнѣ дѣла нѣтъ, только была бы она тутъ!

Онъ внушительно постучалъ щиколотками пальцевъ по столу.

Демка, какъ-то вяло вникавшій до этого въ происходившее передъ нимъ, вникнулъ теперь какъ должно. Его наивные голубые глаза странно выкатились и остановились, блѣдное лицо совсѣмъ помертвѣло.

— Правду... правду говори!..—промолвилъ увѣщательно Рябовъ, пользуясь получившимся эффектомъ.—Егоръ Саввичъ простить...

— Я правду-съ...

— Ну?

— Я какъ взялъ бумажникъ, такъ и принесъ-съ...

— Куда же сотенная дѣвалась?

Демка молчалъ. Лицо его судорожно подергивалось и сквозь эти судороги мелькала на кривившихся губахъ какая-то неестественная и совсѣмъ неумѣстная улыбка.

— Ступай!—приказалъ Брусницынъ, едва сдерживая въ себѣ гнѣвъ.

VI.

Упорное запирательство совсѣмъ доканало Демку въ глазахъ Брусницына. Особенно бѣсила его улыбка, представлявшаяся просто чудовищною, и только смутно поднимавшаяся жалость мѣшала послать за урядникомъ, предать въ руки правосудія дерзкаго воришку.

— Какъ же быть теперь съ Демкой?—спросила за обѣдомъ опечаленная Зинаида Прохорова.

— Со двора долой! Не ждать же, когда онъ сундуки начнетъ взламывать!—угромо отвѣтилъ Брусницынъ, не поднимая глазъ отъ тарелки.

Стоявшій за кресломъ хозяйки Тихонъ кашлянулъ осторожно

въ руку, обтянутую бѣлою нитяною перчаткой, и произнесъ съ видомъ обычной почтительности, не лишенной достоинства:

— Мой прежній господинъ сами сенаторомъ были, а тоже куда какъ не уважали судьбища всякія...

Помолчавъ немного, Тихонъ прошелся мѣрными, какъ бы театральными шагами вдоль края стола, прикоснулся къ корзинкѣ съ хлѣбомъ, одернулъ скатерть и прибавилъ, уже по адресу Демки:

— Этакій, можно сказать, молокосось и къ чему склонность имѣеть!

Почему эта „склонность“ должна была какъ бы составлять привилегію старшихъ, Тихонъ не объяснилъ, а только погладилъ глубокомысленно свои узенькія бакенбарды и заложилъ одну руку за спину.

Брусницынъ, имѣвшій склонность считать себя также не чуждымъ барственнымъ похвальныхъ особенностей, соглашался мысленно съ сенаторомъ насчетъ неуваженія судьбищъ; но отдать чуть не собственными руками и такимъ глупымъ образомъ сотенную негодному ворюшкѣ онъ далеко не хотѣлъ...

— Тихонъ! — сказалъ онъ, ухватываясь за мелькнувшую мысль. — Подите, посмотрите... нѣтъ ли сотенной этой при Демкѣ... въ карманахъ... или въ чуланѣ гдѣ...

Тихонъ вышелъ.

Демка лежалъ, свернувшись на попонѣ, и пытался, въ перепугѣ, осмыслить разразившуюся бѣду, когда въ чуланную дверь просунулась голова Тихона.

Съ трескомъ шаркнувъ восковою спичкой о никелированную спичечницу, Тихонъ увидѣлъ на полу, передъ попоной, прилѣпленный къ дощечкѣ огарокъ свѣчи и зажегъ его. У Демки зубы застучали отъ страха, а вихры встали совсѣмъ дыбомъ: грозный исполнитель казни представился ему въ важномъ, нахмуренномъ Тихонѣ, — Малюта Скуратовъ, о которомъ Демка достаточно былъ наслышанъ и начитанъ еще въ деревнѣ...

Тихонъ, напротивъ, повелъ себя очень милостиво: къ Демкѣ онъ даже не прикоснулся, а только согналъ его съ попоны, заставивъ прижаться въ углу; самую же попону встряхнулъ и сталъ потомъ шарить, для чего-то, ногою въ углу...

Сотенная не отыскалась.

VII.

Волшебный мірокъ Демки разбился. Все вокругъ точно назнанку вывертывалось передъ нимъ; мысли его, не отличавшіяся и безъ того завиднымъ порядкомъ, мутились совсѣмъ.

Улегшись, по уходѣ Тихона, снова на попонѣ, онъ продолжалъ задаваться, въ тупомъ недоумѣніи, вопросами: куда могла дѣваться „сотельная“? Какъ это такъ вышло, что его вдругъ считаютъ воромъ?.. Онъ то замиралъ, охваченный ужасомъ и стыдомъ, то оживалъ какою-то неясною надеждой, и ему казалось, что все это такъ, въ шутку случилось и вотъ-вотъ перемѣнится...

Время бѣжало.

По знакомому характерному шуму, начавшемуся въ залѣ, Демка догадался, что господа, отобѣдавъ, собираются уходить, „для променаду“, — чтобы не спать. Вскорѣ захлопали двери гдѣ-то въ отдаленіи, — это въ людской прислуга готовилась пить на досугѣ чай и кальявать. Демка всегда радостно бѣжалъ въ это время въ людскую, но теперь ему стыдно было показать глаза. Уткнувъ въ попону лицо и стараясь забыться, онъ долго и глухо рыдалъ, а потомъ уснулъ.

Когда онъ пробудился, изъ залы доносились веселые голоса господъ. Егоръ Саввичъ крикнулъ звонко: — „Тихонъ, дайте вазу!“ — Демка сообразилъ, что господа гуляли въ лѣсу и принесли цвѣтовъ. Онъ приподнялся и сѣлъ на попонѣ, охвативъ колѣни руками. На душѣ было у него легче, а мысли въ головѣ двигались живѣе. Бѣда не представлялась уже такою страшною: все произошло отъ того — такъ казалось ему теперь, — что онъ не сумѣлъ отвѣтить, какъ надо, барину... Слѣдовало прямо сказать, что онъ, Демка, не воръ; что за нимъ не водилось этого никогда; что его одобрить вся деревня... И Егоръ Саввичъ — такой умный, извѣстный баринъ — вошелъ бы въ это... Щеки вспыхнули у Демки отъ конфуза при сознаніи такой оплошности, и онъ нервно тряхнулъ вихрами.

Донеслись быстрые шаги Брусницына, отправлявшагося изъ залы въ кабинетъ. Демка поднялся съ попоны. Предъ глазами мелькали у него отъ слабости свѣтлые круги; онѣмѣвшія отъ непривычнаго бездѣйствія ноги гудѣли. Ободрающая, набѣжавшая вдругъ, рѣшимость точно толкнула Демку изъ чулана. Приостановившись въ передней передъ зеркаломъ, онъ пригладилъ рукою вихры и смѣло двинулся къ полуотворенной двери кабинета.

Низко спустившееся солнце било красноватыми лучами прямо въ окна. Брусницынъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, перебирая пачки счетовъ и фактуръ. При входѣ Демки лицо его превратилось вдругъ изъ веселаго въ строгое. Это смутило Демку. Онъ безпокойно завертѣлъ пальцами опущенныхъ рукъ и остановился у двери.

— Чтò тебѣ?—хмуро проговорилъ Брусницынъ.

Демка вздохнулъ, собираясь съ духомъ.

— Эти деньги, сотельная, что не хватаетъ которой...— началъ онъ, подступая къ столу.

Брусницынъ, не переставая копать въ бумагахъ, насторожилъ уши, готовясь услышать повинную.

Демка продолжалъ, оживляясь:

— Эту сотельную, Егоръ Саввичъ... баринъ... я и пальцемъ не трогалъ ее—отсохни рука моя!.. Я званія одного не возьму!.. Я у вашей милости какъ сталъ жить, такъ не то что... а всегда, какъ предъ Богомъ, предъ вами...

— Ну, ты не бралъ, значить? — перебилъ разочарованный Брусницынъ.

— Не бралъ-съ!

— Это твое послѣднее слово?

— Послѣднее, лопни глаза! — отвѣтилъ храбро Демка, не вникая въ тонъ вопроса.

— Ну, и я скажу тебѣ мое послѣднее слово! — крикнулъ вышедшій изъ себя Брусницынъ.—Я сегодня же напишу твоему отцу и въ волость, чтобъ убрали тебя отсюда поскорѣе да расправились съ тобою, какъ слѣдуетъ!.. Пошелъ вонъ!

Демка вылетѣлъ изъ кабинета, не помни себя.

VIII.

Въ сумеркахъ, понукаемый голодомъ и жаждой, Демка поплелся въ людскую.

Звѣзды чуть мигали сквозь застилавшій небо вечерній туманъ. Сильно пахла трава, вдалекѣ звонко „билъ“ перепель... Демка, путаясь слабыми ногами въ попадавшихся росистыхъ куртинкахъ чернобыли и ковскаго щавеля, брелъ широкимъ дворомъ точно лунатикъ, ничего не видя и не слыша, направляясь безотчетно на краснѣвшее свѣтомъ окно людской.

Всѣ были уже за столомъ, и какъ-то странно, вдругъ, замолчали, когда онъ вошелъ. Среди этого молчанія кухарка

Аеимья—полногрудая и краснощекая молодница изъ солдатоеъ — отрѣзала хлѣба Демкѣ, подала ложку, и начала сама хлѣбать щи, вздыхая глубоко и знаменательно. Демка взялся за ложку и тоже сталъ хлѣбать щи. Но вздохи Аеимьи, продолжавшее длиться недоброе молчанье,—превращавшееся для Демки въ крикъ про „сотельную“, — заставляли „горѣть шапку на ворѣ“, убивали послѣдній остатокъ бодрости... Демка горбился приниженно, не смѣя поднять глазъ, чувствуя взгляды на себѣ...

Вдругъ онъ выронилъ ложку и повалился, всхлипывая, на лавку.

Сострадательная Аеимья обратилась-было къ нему съ утѣшеніями, но, видя, что онъ „совсѣмъ какъ въ родимцѣ“, взяла его, точно свертокъ, подъ-мышку, вынесла на крыльцо и подставила тамъ головою подъ рукомойникъ.

Демка очнулся и утвердился на ногахъ, проводя, какъ бы въ недоумѣніи, рукою по своимъ мокрымъ вихрамъ.

— Иди, ѣшь!—сказала жалобно Аеимья.

Демка ничего не отвѣтилъ ей и пошелся черезъ дворъ къ парадному крыльцу, въ свой чуланъ.

Ночь Демка провелъ въ бреду, охваченный томительнымъ, спутаннымъ кошмаромъ. Ему мерещились отецъ, волостной судъ, полчища чудовищъ, неотступно требовавшихъ „сотельную“, мерещилась и она сама, въ видѣ разодѣтой барыни—Зинаиды Прохоровны... И только одна ясная мысль, то исчезая въ этой путаницѣ, то снова вырываясь, не покидала Демку: будутъ ли его лишь „пороть“ въ волости и запрутъ потомъ въ холодную, или поведутъ еще по улицѣ, надѣвъ ему на шею хомутъ и звоня вокругъ въ сковороды, въ печные заслоны,—какъ дѣлаютъ это съ ворами въ деревняхъ?..

IX.

Наутро Брусницынъ собрался въ Москву. Тихонъ отправился съ нимъ.

Зинаида Прохоровна, любившая поспать, нѣжилась еще въ постели, когда Брусницынъ, въ восьмомъ часу, вышелъ въ переднюю. Коляска была уже подана, и Тихонъ ожидалъ барина, эржа наготовѣ бѣлую чесунчевую накидку. Набросивъ ее заиеннымъ ловкимъ приѣмомъ на широкія плечи барина и деликатно одернувъ кончиками пальцевъ, онъ поспѣшилъ къ коляскѣ, обы встрѣтить его тамъ и посадить.

Брусницынъ тоже готовъ былъ выйти, но въ это время скрипнула чуланная дверь, и въ передней показался Демка, — пошатываясь, точно пьяный.

— Баринъ... Егоръ Саввичъ... — заговорилъ онъ, падая какъ-то сразу на оба колѣна и стараясь поймать руку Брусницына. — Не проговяйте меня... Я всё деньги вамъ заслужу...

Брусницынъ не могъ удержаться, чтобъ не покатиться со смѣху надъ этимъ бухгалтерскимъ расчетомъ.

— Заслужишь? А? — проговорилъ онъ, натягивая перчатки. — Смейся, сколько жалованья получаешь ты!.. Ха-ха-ха!

Дойдя до двери, онъ повернулся и сказалъ серьезно:

— Имущество свое укладывай: завтра отецъ за тобою прїѣдетъ!

Вернувшись снова на свою попону, Демка сжался въ комочекъ, точно на смерть подстрѣленный заяцъ, и тупо уставилъ глаза на щель подъ дверью, наполненную свѣтомъ запавшаго солнечнаго луча, какъ золотомъ...

Думалъ ли онъ, и о чемъ именно, Демка не сказалъ бы и самъ. Когда онъ очнулся, солнце перешло уже далеко за полдень, и щель подъ дверью поблекла, едва очерчивалась... Донеслись звуки піанино изъ гостиной, гдѣ Зинаида Прохоровна разбирала какую-то музыкальную новинку... Демка всегда такъ любилъ слушать музыку, такъ восхищался при этомъ непостижимымъ умѣньемъ барыни... Теперь звуки точно вонзались ему въ сердце, щемили болью, тоской... Онъ замеръ въ неподвижности, хмурился напряженно и сводя мелькашіе въ головѣ обрывки мыслей къ одному: какъ быть теперь? куда дѣваться?..

Х.

Брусницынъ вернулся къ обѣду.

Встрѣтивъ мужа въ залѣ, Зинаида Прохоровна звонко поцѣловала его и спросила, видя, что привезенныя покупки вносить кучеръ:

— А гдѣ же Тихонъ?

— Въ домѣ побудеть онъ дня два, — отвѣтилъ Брусницынъ. — Родственники какіе-то или земляки прїѣхали къ нему... Москву показать имъ надо...

— Вотъ ты какъ распоряжаешься! Тихона отпустилъ, Демку возьмутъ завтра... Кто же служить будетъ?

— Не возьмутъ твоего Демку! Не успѣлъ я написать въ деревню, не до того было... Чтò, какъ онъ тутъ?

— Все время въ чуланѣ сидитъ...

— Это что за манера? Пусть занимается дѣломъ... Демка! — крикнулъ Брусницынъ въ переднюю.

Демка не показывался.

Брусницынъ позвонилъ. Исполнительный всегда Демка не явился и на звонокъ.

— Въ людскую, вѣроятно, отправился, — высказала догадку Зинаида Прохорова.

Брусницынъ прошелъ въ кабинетъ, раздѣться. Спустя минуту, онъ поспѣшно вернулся въ залу и воскликнулъ:

— Представь, Демка-то сбѣжалъ!

Разбравшая покупки Зинаида Прохорова измѣнилась въ лицѣ отъ неожиданности и тоже воскликнула, въ нервномъ испугѣ:

— Сбѣжалъ?!

— Да. Вотъ записку нашелъ я въ кабинетѣ...

Въ запискѣ было всего, кое-какъ нацарапанныхъ, нѣсколько словъ. Прочестъ ихъ, придавъ должныя знаки препинанія, можно было такъ: „*Не я... не я соетельную... Не видать мнѣ васъ больше...*“

Пробѣжавъ записку нѣсколькимъ въ кабинетѣ, Брусницынъ, — употребляя юридическую терминологию, — обратилъ вниманіе лишь на фактъ, не давъ ему освѣщенія. Теперь, перечитывая, онъ вникнулъ въ смыслъ немногихъ простыхъ словъ ея, и сердце стукнуло у него, чувствуя что-то недоброе...

Немедленно отправленъ былъ въ деревню кучеръ верхомъ — узнать, тамъ ли Демка. Привезенный отвѣтъ оказался несовсѣмъ хорошимъ: родныхъ Демки кучеръ не засталъ — всѣ они были въ полѣ, — но сосѣди сказали, что Демка ни въ семью, ни вообще въ деревню не являлся.

Пока, не на шутку встревоженный, Брусницынъ раздумывалъ, сидя за послѣобѣденною чашкою кофе, что предпринять дальше? не послать ли за Рябовымъ, дача котораго была всего верстахъ въ двухъ? — прибылъ урядникъ...

Онъ сталъ „извѣщать“, что Демка — по свидѣтельству видѣвшихъ это дачниковъ — „бултыхнулся“ съ кручи въ Москворѣчку... что водоворотомъ протащило его почти съ версту, пока не перехватили рыбаки...

— Живъ? не утонулъ? — перебилъ нетерпѣливо Брусницынъ.

— Откачали-съ! — успокоилъ урядникъ. — Только въ сознательность настоящую не вошелъ онъ, и вродѣ какъ бы корчи съ нимъ: даже воды наглотался...

— Гдѣ же онъ?

— Въ больницу въ земскую отправили...

ХІ.

Стало вечерѣть. Солнце, спустившееся до вершинъ дальнихъ деревьевъ, стелило по луговинѣ, передъ дачей, длинные багровые переливы заката. Въ воздухѣ вѣяло прохладною влажностью, и Москва-рѣка начинала кутаться въ волнистый, мѣстами розовый туманъ. Уныло каркая, тянулись грачи къ гнѣздамъ...

Брусницынъ оставался на балконѣ, прохаживаясь и раздумывая. (Зинаида Прохорова, испытавшая жестокой нервной припадокъ, покоилась въ спальнѣ). Душевное состояніе его было самое хаотическое, впервые переживаемое имъ... Встревоженная совѣсть выдвигала вопросъ за вопросомъ, требовала разрѣшенія, не давала покоя... — „Да, ты христіанинъ, соль земли... — твердила она. — Но воистину ли таъ это? Не кривишь ли ты душой? не фарисействуешь ли?.. Ты соблюдаешь обряды, но очищаешься ли внутренно? приближаешься ли къ свѣту истины?... Нѣтъ... Ты укрылся въ сухія, лицемѣрныя формы, утративъ духъ... отвернулся отъ жизни, отъ христіанскаго общенія съ ближнимъ... Не убилъ ли ты Демку — „одного изъ малыхъ сихъ“ — твоею жестокою, себялюбивою холодною, твоимъ отдаленіемъ отъ пониманія живой человѣческой души?.. Онъ уцѣлѣлъ, да... но ты причемъ тутъ?.. Христіанинъ ли ты даже? Развѣ христіанская, а не языческая, проникающая тебя мораль, — что тебѣ, сильному, и благъ слѣдуетъ больше, чѣмъ слабому?.. На христіанскомъ ли чувствѣ, на любви ли къ ближнему покоятся всѣ твои желанія, поступки?..“

И мысли его неслись неудержимо, охватывая минувшее, цѣпляясь то за одну, то за другую подробность, — и онѣ, давно пережитыя, покрытыя забвеніемъ, вставали, какъ укоръ, какъ ожившія мстительныя тѣни.

На слѣдующій день, вскорѣ послѣ завтрака, явившійся вновь урядникъ привезъ изъ стана еще вѣсть, бросившую истинный свѣтъ на дѣло... Она касалась Тихона. Оставшись въ Москвѣ подъ выдуманномъ предлогомъ свиданія съ земляками и проводивъ барина, Тихонъ закутилъ. Одѣтый франтомъ — во все барское, находившееся въ домѣ, — онъ затесался съ какою-то феей

въ первоклассный ресторанъ, затребовалъ шампанскаго, рябчиковъ со свѣжей игрой, повелъ себя совсѣмъ „не по чину“... Взятый въ полицію потому, что шумѣлъ и „сорилъ деньгами“, и допрошенный, онъ повинился въ своемъ неказистомъ прошломъ, — подводившемъ его какъ нельзя лучше подъ Крафтъ-Эбинга, подъ Ломброзо, — показалъ, что проживаетъ по чужому виду. „За одно“, признался онъ и въ кражѣ „сотенной“, объяснивъ, что наткнулся на бумажникъ случайно, — когда вошелъ въ кабинетъ за щеткой, собираясь чистить платье.

Н. СЪВЕРОВЪ.

ДАЛЕКІЙ ГОРИЗОНТЪ

Романъ Люкаса Малета.

The far horizon. By Lucas Malet. London. 1907.

I.

Доминикъ Иглезіасъ, стоя у окна, видѣлъ, какъ юнскія сумерки, медленно сгущаясь, переходили въ ночь. Онъ былъ утомленъ физически, но находился въ необычайно тревожномъ состояніи духа. Гостиная, несмотря на довольно большіе ея размѣры, казалась ему душной, и мысль его упорно стремилась за предѣлы Триммеръ-Грина и близлежащихъ садовъ, къ сѣверо-востоку, этому району вѣчныхъ бурь, страстей и столкновеній, надъ которымъ стояли теперь плоскія грязно-фіолетовыя облака, а за ними открывались дымныя пурпурно-алыя пространства лондонскаго заката. Громъ гремѣлъ цѣлый день, но гроза такъ и не разразилась. И даже въ настоящую минуту небо казалось не столько спокойнымъ, сколько втайнѣ угрожающимъ, словно неминуемый бой откладывался имъ лишь въ виду неприбытія ожидавшихся подкрѣпленій.

Помимо этого мѣстность носила вполне мирный характеръ, свойственный предмѣстью съ добропорядочнымъ средней руки населеніемъ. Изъ Кедроваго котѣджа открывался видъ на весь Триммеръ-Гринъ, имѣвшій форму бутылки. Было бы совершенно напрасною въ данное время попытку опредѣлить: кто былъ Триммеръ, давшій свое имя этой мѣстности, какимъ образомъ приобрѣлъ онъ свой Гринъ,—ознаменовалъ ли свое пребываніе тамъ служеніемъ на пользу общества, или просто былъ тамъ повѣшенъ? Во всякомъ случаѣ этотъ уголокъ принадлежалъ къ

числу тѣхъ „лондонскихъ легкихъ“, которыя представляютъ собою отрадныя оазисы зелени въ отдаленныхъ кварталахъ столицы. Прежде Триммеръ-Гринъ могъ похвалиться великолѣпными аллеями стройныхъ вязывъ и садами, окружавшими виллы и дома XVIII-го вѣка. Теперь на мѣстѣ ихъ явились (Кедровый котѣдъжъ былъ счастливымъ исключеніемъ) банально однообразныя современныя дома.

Изъ всего этого слѣдуетъ однако, что обстановка м-ра Иглезіаса не лишена была пріятности, и, будучи человѣкомъ весьма умѣренныхъ ожиданій, онъ сознавалъ, что пользуется максимумомъ комфорта, на какой имѣетъ право человѣкъ среднихъ лѣтъ съ неособенно широкими средствами, живущій въ качествѣ „платнаго гостя“—вѣжливый терминъ, замѣняющій слово: „желецъ“. Онъ неоднократно благодарилъ своего сосѣда и школьнаго товарища, м-ра Джорджа Лѣвгрова, за то, что тотъ не только указалъ ему на объявленіе м-ссъ Парчеръ, но и разсвѣялъ зародившееся было въ немъ предубѣжденіе. Согласитесь, что лэди, рекомендуемая печатно „вдовою офицера, веселаго характера, музыкально образованною особою и превосходною хозяйкою, предлагающею пріятный и изящный домашній кровъ въ Вестъ-Эндѣ, на разстояніи трехъ минутъ ходьбы отъ omnibуса и подземной желѣзной дороги“,—такая лэди можетъ внушить на первыхъ порахъ легкое недовѣріе человѣку, одаренному чувствомъ юмора.

Справки, наведенныя почтенною м-ссъ Лѣвгровъ какъ у достойнѣйшаго мѣстнаго викарія—доктора Невингтона, такъ и у мѣстныхъ поставщиковъ, оказались, однако, въ пользу м-ссъ Парчеръ: она довольно много жертвовала въ пользу прихода и покупала лишь безукоризненно свѣжую провизію.

Такимъ образомъ Доминикъ Иглезіасъ, послѣ смерти своей матери, восемь лѣтъ тому назадъ, сдѣлался жильцомъ м-ссъ Парчеръ, и до сихъ поръ ему еще ни разу не пришлось на это пожаловаться. Послѣ долгихъ часовъ напряженной работы въ банкирскомъ домѣ Баркингъ и К^о, онъ ежедневно, съ сознаниемъ исполненнаго долга, входилъ въ эту гостиную; ея бѣлыя панели, тонкая рѣзьба камина, лѣпной потолокъ и видъ изъ высокихъ, узкихъ оконъ—удовлетворяли присущее ему чувство изящнаго. Онъ принадлежалъ къ людямъ, которые страдаютъ не столько отъ лишеній, сколько отъ вульгарныхъ претензій на моду и вкусъ.

Сегодня, противъ обыкновенія, м-ръ Иглезіасъ, отказавшись отъ обѣда въ обществѣ хозяйки, преданной ея помощницы миссъ Элизы Гартъ и троихъ джентльменовъ-гостей, одиноко пообѣдалъ

у себя, и Фредерикъ, лакей-швейцарецъ, только-что убралъ со стола. Въ обыкновенное время м-ръ Иглезіасъ досталъ бы изъ своей рѣзной краснаго дерева испанской библіотечки одну изъ любимыхъ своихъ книгъ, дѣйствовавшихъ на него успокоительно, какъ разговоръ со старымъ другомъ, но сегодня ни „Донъ-Кихоть“, ни Гиббонъ, ни поэмы Байрона, ни Кальдеронъ—не привлекали его. Его мысли, его судьба—наполняли весь его горизонтъ, не оставляя мѣста для мыслей и жизни другихъ людей. Уже не разъ въ теченіе своей трудовой, монотонной „добродѣтельной“ жизни онъ чувствовалъ себя выброшеннымъ на берегъ кораблемъ. Суждено ли ему сидѣть на мели—добычею непогоды и солнечныхъ лучей, покуда онъ не превратится въ развалину, или благодѣтельный приливъ подхватитъ его, и онъ снова поплыветъ по синимъ морямъ?

Первое крушеніе онъ смутно помнилъ съвозъ туманъ дѣтскихъ лѣтъ: гулъ возстанія, пушки, кровь, посѣшное бѣгство изъ Испаніи, родной страны его отца. Съ тѣхъ поръ мать его постоянно жила въ Лондонѣ, въ Кенсингтонѣ, въ старинномъ запущенномъ домѣ, темномъ и таинственномъ, съ небольшимъ садомъ—очаровательнымъ весною и бывшимъ источникомъ восторговъ и мечтаній для маленькаго, росшаго въ одиночествѣ Доминика, населявшаго домъ и садъ призраками своей фантазіи. Отецъ его, серьезный и озабоченный, изрѣдка пріѣзжалъ къ нимъ на короткое время, и въ эти короткіе пріѣзды домъ оживалъ, хотя они совершались какъ-то втайнѣ, что понималъ даже мальчикъ. Появлялись и уходили странные люди, съ которыми входилъ духъ страха, требовавшій, чтобы двери запирались и окна занавѣшивались. При Доминикѣ они почти всегда молчали, но какъ только его вводили въ дѣтскую, они становились краснорѣчивы и разговаривали между собою на звучномъ иностранномъ языкѣ. Сознаніе тайны, широкихъ замысловъ, чего-то одновременно сильнаго и скрытаго, непонятнаго для него и не допускавшаго разспросовъ—окружало дѣтство Доминика и влелось въ работу его мысли. Мать его, безконечно нѣжная къ нему, жила въ атмосферѣ затаеннаго энтузіазма и вѣчной, безмолвно переносимой тревоги. Эта серьезность и чувство какой-то отвѣтственности—отразились на ребенкѣ, подавляя врожденную его живость и настраивая даже смѣхъ его на болѣе сдержанный тонъ.

Лишь много лѣтъ спустя, читая уже послѣ смерти матери ея переписку съ мужемъ, сынъ получилъ ключъ къ загадкѣ и понялъ, какой гнетъ лежалъ на немъ съ дѣтства. Отецъ его былъ авархистомъ—изъ числа самыхъ непримиримыхъ, становя-

щихся въ концѣ концовъ тиранами—въ ихъ стремленіи уничтожить всякую власть и всякую общественность. Мать Доминика полюбила его со всею преданностью и жаромъ своей ирландской натуры. То, что она выстрадала, живя въ постоянномъ страхѣ за него, было такъ ужасно, что свято чтившій память ея Доминикъ старался объ этомъ не думать.

Когда мальчику было четырнадцать лѣтъ, отецъ его отправился въ одно изъ своихъ неожиданныхъ путешествій, цѣль которыхъ оставалась всегда тайною. Время отъ времени отъ него получались письма изъ Парижа, Неаполя, Праги и, наконецъ,—изъ Петербурга, затѣмъ послѣдовали устные сообщенія одного изъ бывшихъ его сподвижниковъ—француза Паскаля Пеллетье, длинноволосаго истерическаго субъекта съ ангельскимъ лицомъ, бредившаго адскими машинами—въ теоріи, и безконечно преданнаго на практикѣ м-ссу Иглезіасъ и юному Доминику. Но кроткій анархистъ простудился холодною зимою и кончилъ скоротечною чахоткою, а съ его смертью прекратились всякія извѣстія о „вождѣ“.

Доминикъ, усердно занимавшійся въ школѣ, не ощутилъ въ своей жизни особаго пробѣла вслѣдствіе прекращенія этихъ извѣстій,—такъ бывало и ранѣе, странникъ всегда возвращался неожиданно,—но онъ всѣмъ сердцемъ оплакивалъ многорѣчиваго Паскаля съ его кроткими глазами. Домикъ на Голландъ-Стритъ становился съ годами все тише, и Доминикъ, еще полный юношескимъ оживленіемъ, сразу затихалъ, переступая порогъ его, и его легкіе шаги становились еще безшумнѣе, когда онъ поднимался по старой лѣстницѣ.

— Когда отецъ твой вернется, мы рѣшимъ, какую професію ты выберешь, мой Доминикъ,—говорила обыкновенно его мать; но прежде чѣмъ онъ достигъ юношескаго возраста, Доминикъ инстинктивно понялъ, что ему придется самому о себѣ позаботиться. Мать его была, очевидно, больна. Въ чемъ состояла ея болѣзнь—онъ не могъ бы сказать,—ему казалось кошунственнымъ касаться этого предмета. Она сохранила свою красоту,—хотя сильно исхудала, словно ее пожирала внутренняя лихорадка,—а также присущую ей своеобразную грацію и манеру одѣваться, но ее преслѣдовали странныя фантазіи, припадки страха; она переставала понимать дѣйствительность, погружалась въ глубокую меланхолію. Со смерти Паскаля Пеллетье, она перестала выходить изъ дому и прекратила всякія сношенія съ живымъ міромъ. Живой по природѣ, гордый и самолюбивый мальчикъ тоже становился печальнымъ и задумчи-

вымъ. Одно было ясно для него: всёмъ его честолюбивымъ мечтаніямъ—конецъ, онъ не можетъ оставить мать.

Много пришлось ему побродить по огромному, страшному, чужому Лондону, жившему лихорадочною жизнью по вечерамъ, прежде чѣмъ онъ нашель себѣ занятіе въ банкирской конторѣ, гдѣ ему предложили сначала временно замѣнить м-ра Джорджа Лѣвgroва, внезапно заболѣвшаго. Знаніе иностранныхъ языковъ, недюжинныя способности и трудолюбіе его — были замѣчены, и онъ остался на постоянной службѣ. Съ тѣхъ поръ прошли года дѣловой рутинны; теперь ему уже было за пятьдесятъ, и, глядя на сумрачный закатъ, онъ съ грустью думалъ о своемъ прошломъ и будущемъ.

II.

То, что случилось сегодня поутру, казалось Иглезіасу про- нійей судьбы.

Лондонъ, бывшій до сихъ поръ его тюремщикомъ и над- смотрщикомъ, неожиданно далъ ему свободу. Оскорбленный въ своемъ самолюбіи, выбитый изъ колеи, Иглезіасъ спрашивалъ себя: что ему дѣлать съ этимъ даромъ,—съ остатками своей жизни?

Ему отказали отъ мѣста.

Сегодня онъ испросилъ аудіенцію у сэра Абея Баркинга, съ тѣмъ, чтобы попросить его о болѣе раннемъ отпускѣ, въ виду того, что онъ чувствуетъ себя несомнѣно здоровымъ.

— Тяжесть въ головѣ, боли?.. Понимаю! Вамъ затрудни- тельно справляться съ механизмомъ нашихъ финансовыхъ опе- рацій, который становится все болѣе сложнымъ? — протянулъ сэръ Абель.—Сознаюсь, любезный другъ, что я несомнѣно под- готовленъ къ этому заявленію.

— Насколько мнѣ извѣстно, моя работа не пострадала ни въ какомъ отношеніи,—спокойно вставилъ Иглезіасъ.

— Конечно, конечно. Я не жалуясь, ничуть. Но операція наши расширились, такъ расширились, благодаря замѣчательной личной энергіи и американскому методу, введеннымъ въ дѣло моимъ племянникомъ Реджинальдомъ, что вамъ, быть можетъ, уже не подъ силу ориентироваться въ нихъ...—Сэръ Абель произнесъ цѣлую рѣчь. Новое дѣло требуетъ новыхъ людей, громаднаго напряженія, тяжелой отвѣтственности. Онъ самъ, со всей его многолѣтнею финансовою опытностью, иногда чувствуетъ себя подавленнымъ лежащимъ на немъ бременемъ отвѣтственности.

Банкиръ говорилъ напыщенно, безсвязно, съ длинными паузами, опираясь одною пухлою рукою о край полированного стола, между тѣмъ какъ другая рука его небрежно лежала на спинкѣ кресла, и время отъ времени онъ незамѣтно поднималъ глаза на свой собственный портретъ, на которомъ онъ былъ изображенъ въ той же позѣ. Иглезіасъ исполнилъ свой долгъ, — онъ можетъ съ честью удалиться. Онъ счастливъ. Другіе желали бы это сдѣлать, но не могутъ: на нихъ лежатъ обязательства передъ обществомъ, передъ отечествомъ. Высокое положеніе обязываетъ...

Смыслъ рѣчи былъ ясенъ: ты устарѣлъ, выслужилъ пенсію, имѣешь сбереженія, будь благодаренъ и уходи...

На мигъ у Иглезіаса мелькнула мысль — швырнуть своему хозяину въ лицо эти заработанныя имъ тяжелымъ трудомъ деньги. Служба въ банкѣ Барвингъ и К^о взяла его молодость, его силы. Онъ считалъ интересы фирмы своими, и въ трудныя времена, быть можетъ, не разъ спасалъ готовый потерпѣть крушеніе корабль. Его разумность и осмотрительность высоко цѣнились понимающими дѣло. А теперь его самого выбрасываютъ за бортъ. Гордость подсказывала ему: откажись, отвергни дары данайцевъ! — Здравый смыслъ говорилъ: эти деньги по праву — твои! — Чувство собственного достоинства заявляло: не подавай виду, что ты оскорбленъ, ступай домой и обдумай все на свободѣ.

И онъ поступилъ такъ, какъ ему подсказывало чувство собственного достоинства.

Дорогою первый пылъ гнѣва успѣлъ остыть, но онъ чувствовалъ себя растеряннымъ. Два новыхъ лица заглянули къ нему: одиночество и свобода. Онъ зналъ о ихъ существованіи, но ему въ его занятой жизни не приходило на умъ, что они имѣютъ къ нему какое-нибудь отношеніе. У него не было для нихъ времени, но они терпѣливо ожидали его, и теперь онъ понималъ, что ему придется волею-неволею отпереть имъ двери.

На обратномъ пути онъ занялъ въ омнибусѣ наружное мѣсто. Вечеръ былъ душный, грозовой, и какъ ни удручали Иглезіаса его собственныя мысли, онъ не могъ не обратить вниманія на потокъ экипажей, занятыхъ разряженною, оживленною публикою, очевидно куда-то стремившеюся. Этотъ блескъ и оживленіе смутно напомнили ему, оставшему банковскому дѣльцу, о какой-то иной, невѣдомой жизни, къ которой его когда-то влекло. Онъ даже узналъ среди проѣзжающихъ младшаго сына сэра Абея, очаровательнаго вѣтрогона, сорившаго деньгами, и

леди Сокингтонъ, родственницу Баркингговъ, которой онъ, въ качествѣ старшаго служащаго, имѣлъ честь поднести, лѣтъ двадцать тому назадъ, дорогой сервизъ отъ имени своихъ сослуживцевъ по случаю ея свадьбы. Съ ними была еще одна особа: очень молодая, прелестная дѣвушка. Ея поза, поворотъ хорошенькой головки въ шляпкѣ съ блѣднорозовыми и сѣрыми перьями—все обличало въ ней желаніе понравиться своему спутнику. Иглезіасъ подумалъ, что они, дѣйствительно, были очень милою парочкой, и его рыцарское сердце преисполнилось по отношенію къ нимъ симпатіей и благоволеніемъ. И вдругъ онъ содрогнулся, такъ какъ ему стало ясно, что къ двоимъ непрощеннымъ гостямъ—одиночеству и свободѣ—присоединилась третья гостя—старость. Не взирая на кротость души его и врожденную склонность къ самообузданію, въ немъ еще несомнѣнно улеглись первоначальные порывы и запросы. Старость—страшная посѣтительница, даже для тѣхъ, чья жизнь чиста и требованія—умѣренны. Она даетъ испить отъ чаши не наслажденія, но терпѣнія, физической слабости и умственного униженія, и отъ ея власти единственное спасеніе—смерть.

Въ первую минуту Иглезіасъ возмущился, но, будучи благоразуменъ, онъ призналъ неумолимую логику фактовъ. Послѣ короткой паузы, призвавъ на помощь гордость, являющуюся союзницею мужества, онъ съ тою утонченною вѣжливостью, которая доставила ему прозваніе „старого гидальго“, обратился къ кондуктору, помѣщавшемуся рядомъ съ нимъ, съ вопросомъ о томъ, куда направляется публика?

Кондукторъ приподнялъ свое широкое потное лицо и объяснилъ не безъ отбѣнка снисхожденія, что всѣ спѣшатъ на состязаніе въ игрѣ въ „поло“. Самая модная игра. Многіе ломаютъ себѣ шею, калѣчатъ лошадей...

Звонокъ и остановка прервали его объясненіе, но Доминикъ Иглезіасъ былъ удовлетворенъ. Всѣ эти люди, включая Аларика Баркинга и его милую спутницу, стремились на поиски удовольствія—неуловимаго, но важнаго фактора, снимающаго съ людей излишнее бремя заботы, возвращающаго имъ равновѣсіе, помогающаго имъ надѣяться, смѣяться, забывать. И сознавая близость одиночества и старости, Иглезіасъ впервые обратилъ на людей, ищущихъ удовольствія, болѣе серьезное вниманіе. Быть можетъ, они были обладателями тайны, которая давала имъ радость жизни. Попытаться овладѣть ею? Но какъ осуществить это на практикѣ? Какъ разложить ее на ея составныя части—внутреннюю и внѣшнюю?

Такимъ образомъ, трудовая глава его жизни была закончена, и м-ръ Иглезіасъ, по уходѣ Фредерика, убравшаго со стола, почувствовалъ пустоту и смутное раздраженіе противъ окружавшей его мирной обстановки. Между тѣмъ изъ общей гостинной къ нему доносились звуки веселья, весьма умѣреннаго, конечно, но все же не особенно успокоительно дѣйствовавшіе ему на нервы.

Маленькій мистеръ Фарджъ выводилъ тонкимъ теноркомъ модные куплеты подѣ аккомпаниментъ своего друга и поклонника, мистера Уоррингтона. Изъ окна Иглезіасъ видѣлъ освѣщенные окна столовой м-ссы Лѣвгровъ, и ему казалось, что эти огоньки — глаза, смотрящіе на него съ укоромъ. Не пойти ли туда, не рассказать ли старому другу о случившемся и избавить себя такимъ образомъ отъ вокальныхъ упражненій Фарджа? Но гордость его какъ-то возмущалась противъ этого. Оба они, мужъ и жена — добрейшіе люди, но они скажутъ именно то, чего не надо говорить. Они не поймутъ. Джорджъ предложить, въ виду утѣшенія, принскать ему мѣсто; жена его снова подниметь вопросъ о женитбѣ. Все это будетъ сказано съ самыми лучшими намѣреніями, но сегодня кожа его такъ чувствительна къ малѣйшему уколу, что онъ не можетъ отнестись къ этому съ философскою терпимостью.

Онъ отошелъ отъ окна — фигура у него была высокая, осанистая — и прошелся по комнатѣ. Онъ чувствовалъ себя страшно одинокимъ; его прямо пугала образовавшаяся внутри и вокругъ него пустота. Совѣсть его была чиста: онъ пожертвовалъ личнымъ счастьемъ и личнымъ самолюбіемъ самому дорогому для него существу, и еслибы ему пришлось начать жизнь сызнова, онъ, не колеблясь, сдѣлалъ бы то же самое. И все же — вотъ расплата.

— Рутѣна все вытравила изъ меня, — говорилъ онъ себѣ съ горечью: — я потерялъ гибкость, способность общенія съ людьми. Я сталъ машиною, не человѣкомъ, а для машины работа — жизнь. Работа кончена — кончена и жизнь, машина становится ненужнымъ хламомъ, и ее продаютъ на сломъ. — Что ожидаетъ его? Годы постепеннаго умственного и тѣлеснаго разрушенія, бессмысленное убиваніе времени, возрастающій эгоизмъ и узоръ взглядовъ, быть можетъ, въ концѣ концовъ — отвратительная старческая чувственность. О, Доминикъ Иглезіасъ, этимъ ли безобразнымъ путемъ суждено тебѣ идти?

Изъ окна зловѣщимъ аккомпаниментомъ къ легкомысленному чирканью м-ра Фарджа отвѣтно звучалъ голосъ громаднаго города — глухой, многотысячный, грубый, безъ повышеній, но и

безъ малѣйшаго перерыва. Это напомнило Иглезіасу его первыя скитанія по Лондону въ поискахъ занятій: молодость, энергію, красоту, то время, когда Лондонъ казался ему живымъ собира- тельнымъ чудовищемъ, грознымъ въ своей таинственной силѣ, вѣчно чреватымъ рожденіями, вѣчно грозящей смертью.

„Я честно служилъ тебѣ; ты много взялъ у меня и мало далъ мнѣ, но я уже не уйду отъ тебя, хотя я—чужой тебѣ по происхожденію, по образу мыслей, по темпераменту“.

Невольно пугаясь налетѣвшихъ на него въ сумракѣ мыслей, Иглезіасъ постарался сосредоточить свой умъ на практическихъ вопросахъ, и ему какъ-то сразу стало ясно, что онъ имѣетъ неоспоримыя права на пенсію. Онъ будетъ жить и тратить ее; работа сбѣжала изъ него машину, онъ попытается стать чело- вѣкомъ. Онъ проживетъ такъ долго, что сэру Абелю надоѣстъ выплачивать ему пенсію. Это будетъ его местию бездушной восковой фигурѣ, изрекающей широковѣщательныя пошлыя фразы. Иглезіасу вспомнился портретъ сэра Абеля, эта талантливая кар- рикатура на псевдо-великаго человѣка, и онъ почувствовалъ не- вольное удовлетвореніе.

При свѣтѣ газовыхъ рожковъ Иглезіасъ увидѣлъ приближа- вшуюся къ подъѣзду невѣрными шагами фигуру, въ которой узналъ третьяго жильца м-ссъ Парчеръ, недавно поселившагося въ Кедровомъ коттеджѣ. М-ссъ Парчеръ отзывалась о немъ какъ о джентльменѣ „весьма вліятельномъ въ литературныхъ и арти- стическихъ сферахъ, но несчастномъ въ своей семейной жизни“. Онъ носилъ звучное имя Декурси-Смитъ.

Съ минуту онъ простоялъ въ нерѣшимости, ярко освѣщенный падавшимъ ему въ лицо свѣтомъ. Подъ легкимъ пальто на немъ былъ вечерній костюмъ; свою мягкую фетровую шляпу онъ дер- жалъ въ рукѣ. Лицо у него было блѣдное, опухшее, рѣдкіе рыжеватые волосы и борода—растрепаны; онъ производилъ впе- чатлѣніе человѣка совершенно опустившагося, страдавшаго, мо- жетъ быть, по собственной винѣ отъ всевозможныхъ лишеній.

Доминикъ слышалъ его тяжелые шаги по лѣстницѣ; стукъ отпираемой двери, звонъ паденія каминныхъ щипцовъ, прегра- дившихъ путь м-ру Декурси-Смиту, а затѣмъ—скрипѣніе пружиннаго матраца, на который тотъ бросился, не раздѣваясь. Этотъ привычный звукъ вернулъ Иглезіаса къ дѣйствительной жизни. Въ гостиной пѣніе и смѣхъ давно уже смолкли. Почему-то онъ сталъ припоминать сцены изъ своей дѣтской жизни, Паскаля Пеллетье съ его ангелоподобнымъ лицомъ, съ жестяною изъ-подъ бисквитъ, заключающей какое-то адское снадобье—подъ мышкой.

Ему вспомнилось, какъ онъ едва не взорвалъ на воздухъ пестраго кота, охотившагося за воробьями: эмблема капиталиста, уловляющаго пролетаріатъ въ свои сѣти. Морда кота—широкая, бѣлая, съ маленькими хитрыми глазками и сѣрыми усами—смутно напоминала сэра Абея. Вѣроятно, онъ увѣрялъ, что ловить воробьевъ для нихъ собственнаго блага. Не говорилъ ли онъ объ отвѣтственности, налагаемой богатствомъ и высокимъ положеніемъ?

Доминикъ понялъ, что онъ усталъ, что его начинаетъ влечь ко сну; онъ раздѣлся и легъ; смутныя воспоминавія дѣтства какъ-то размягчили и убаюкали его. Голосъ Лондона тоже звучалъ слабѣе и по временамъ словно прерывался. Онъ заснулъ.

III.

На протяженіи четверти мили возвышался плотно сколоченный высокой некрашенный заборъ, за которымъ видѣлись верхушки гигантскихъ, поднимавшихся къ небу вязовъ и слышался топотъ лошадей, мчавшихся во весь опоръ по травѣ, восклицанія, свистъ палочекъ „поло“ въ воздухъ и стуканье деревянныхъ шаровъ. Очевидно, тамъ происходило состязаніе въ модной игрѣ, но, къ своему несчастію, Иглезіасъ очутился по другой сторонѣ загородки, и изъ замѣчавій направлявшаго потокъ экипажей монументальнаго полисмена онъ узналъ, что на арену „поло“, какъ и въ другія завидныя мѣста, можно проникнуть лишь съ помощью билета и притомъ—съ противоположной стороны. Доминикъ оказался въ числѣ людей, попавшихъ не туда, куда слѣдовало. Сначала это раздосадовало его, но непривычная долгая ходьба и свѣжій воздухъ привели его въ хорошее настроеніе. Выбравшись изъ толпы, онъ пересѣлъ дорогу и присѣлъ на деревянной скамьѣ, манившей къ отдыху. Кругомъ разстилались поля, зеленѣли кусты, на боярышникѣ еще сохранился бѣлорозовый цвѣтъ, и птицы перелетали съ вѣтки на вѣтку. Въ ихъ веселомъ отрывистомъ чирьяваніи ясно слышались вопросъ и отвѣтъ. Вдали, позади линіи желѣзной дороги, поднимались густо поросшіе лѣсомъ холмы Рогемптона и Шина, а на ихъ пурпурно-зеленомъ фонѣ рельефно выдѣлялись рѣзкія бѣлыя линіи и углы строеній станціи, испещренныхъ краснымъ и чернымъ, на подобіе гигантскихъ буквъ какой-то странной азбуки. На большой дорогѣ шипѣли моторы и медленно двигались экипажи; вучера и лакеи отдыхали и курили, ожидая окончанія игры и возвращенія домой—къ лондонской жарѣ и дыму.

Иглезіасъ наслаждался солнечнымъ свѣтомъ и отдыхалъ, но какъ только усталость прошла, мысль его снова заработала. Цвѣты—и тѣ истинно таятся къ солнцу. Почему онъ уклонился отъ жизни,—не изъ трусости ли, не изъ малодушія ли? Кто знаетъ?!

Повелительный голосъ, въ которомъ слышался, однако, смѣхъ, прервалъ его невеселыя думы.

— Каппадочія! Сюда! Ахъ, ты, маленькая дрянь!

Тутъ Доминикъ замѣтилъ, что онъ не одинъ занимаетъ скамейку. Рядомъ съ нимъ сидѣла крошечная испанская болонка. Она примостилась къ нему и смотрѣла на него забавно выпуклыми глазами. Ея окаймленные коричневымъ уши, мягкія и лоснящіяся какъ шелкъ, висѣли двумя длинными бандо по обѣимъ сторонамъ ея миниатюрной меланхолической мордочки. Она высунула кончикъ краснаго языка, и общее выраженіе ея было самодовольно-серьезное. Она положила одну мохнатую лапку на рукавъ Иглезіаса и потянула воздухъ.

— Каппадочія, ты самая негодная изъ собаченокъ!..

Говорившая внезапно расхохоталась—не безъ оттѣнка лукаваго торжества, и м-ръ Иглезіасъ вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ молодою женщиной. Она медленно подходила, небрежно поддерживая рукою свои кружевные юбки. На плечи ея былъ наброшенъ шарфъ, на которомъ золотомъ и шелками были вышиты кѣтайскіе драконы. Эти нѣсколько яркіе цвѣта повторялись въ листьяхъ и цвѣтахъ настурціи, украшавшихъ ея кружевную шляпу цыганскаго типа, завязанную узкою красною бархатною лентою подъ подбородкомъ. Она держала подъ мышкою другую такую же крошечную собачку, головка которой забавно выглядывала изъ-подъ развѣвавшихся при ходьбѣ драконовъ. Лицо ея было въ тѣни широкополой шляпки, но солнце озаряло всю ея фигуру, и она казалась чѣмъ-то яркимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воздушнымъ, подобно столбу пыли, пронизанному солнечнымъ лучомъ.

Это впечатлѣніе чего-то ненастоящаго, чуждаго дѣйствительной жизни, лишило Иглезіаса его обычной, исполненной достоинства вѣжливости; онъ вытаращилъ глаза на приближавшееся видѣніе. Собачка еще плотнѣе прижалась къ нему.

— Пожалуйста, не беспокойтесь! Я знаю, что неловко надождать людямъ, но если Каппадочія не идетъ ко мнѣ, я должна идти къ ней. Горничныя положительно отказываются водить ее—даже на цѣпочкѣ. Она ужасно боится или дѣлаетъ видъ, что боится моторовъ. При видѣ ихъ она забываетъ свои аристокра-

тическія манеры и ищеть покровительства у перваго встрѣчнаго. Она готова укрыться въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ. Она совсѣмъ не нынѣшняго вѣка.

Всего благоразумнѣе было бы встать и уйти, но въ этотъ мигъ обѣ собачки, молодая женщина, ея разговоръ — казались Доминику, только-что порвавшему съ „рутиной“, чѣмъ-то настолько неправдоподобнымъ, что онъ не могъ отнестись къ нимъ серьезно. Пусть ее болтаетъ, если хочеть.

— Я самъ — отчасти чуждъ нынѣшнему вѣку. Быть можетъ, потому вашъ кингъ-чарльзъ и почувалъ во мнѣ родственную душу, — отвѣтилъ онъ съ отгѣнкомъ усталости.

— Но вѣдь вы во всякомъ случаѣ не современникъ Чарльза II-го? отвѣтила она быстро.

Она нѣсколько дерзкимъ движеніемъ приподняла подбородокъ, и теперь Иглезіасъ могъ разсмотрѣть ея лицо. Оно было миниатюрно, черты его незначительны, кожа гладкая, но желтоватая. Ея черные, очень густые волосы были низко зачесаны и прикрывали пышными бандо ея уши. Губы ея были очень красны, а пятна слабаго румянца на щекахъ даже и неопытнаго м-ра Иглезіаса наводили на мысль о гримѣ. Зато глаза ея рѣзко отличались отъ всей ея внѣшности. Они принадлежали женщинѣ совсѣмъ иной породы, женщинѣ съ тонкой организаціей, высшей интеллигентностью, болѣе благородными стремленіями. Они были очень велики и еще уменьшали собою размѣры ея лица; цвѣтъ ихъ былъ нѣжный, свѣтло-карій, а прозрачность бѣлка и голубоватый цвѣтъ его напоминали дѣтскіе глаза. Въ выраженіи ихъ было тоже нѣчто дѣтское, когда она устремила ихъ на Доминика Иглезіаса.

— Быть можетъ, Каппадочія и дура, когда дѣло идетъ о моторахъ, но она большая умница по части оцѣнки характеровъ. Вы ей понравились, значитъ вы — хорошій человекъ... Я при-саду здѣсь. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не уходите. Весь интересъ — именно въ томъ, чтобы вы остались.

Такимъ образомъ Доминикъ Иглезіасъ и дама въ платьѣ цвѣта поднимаемой вѣтромъ пыли размѣстились по обоямъ концамъ скамьи, съ двумя незлѣпными очаровательными собачками — по серединѣ. И она продолжала болтать. Голосъ у нея былъ нѣжный и звучный, съ меланхолическими и смѣющимися нотами и едва уловимымъ вульгарнымъ отгѣнкомъ въ интонаціяхъ. Иглезіасъ слушалъ ее такъ, какъ будто бы ихъ раздѣляла рампа.

Сейчасъ она уйдетъ со своими собачками—и представленіе окончится.

— Я люблю вести дѣло на чистоту, и если въ концѣ концовъ мнѣ захочется узнать что-нибудь о васъ, я все же начну съ себя и своихъ. Вотъ это,—она тихонько потеребила за ухо собачку, — м-ръ Вилли. Не очень аристократическое имя, не правда ли? Но Каппадочія разыгрываетъ изъ себя такую герцогиню, что нужно было такъ или иначе сбить съ нея слѣсъ. И одинъ изъ моихъ друзей нашель, что *mésalliance*—лучшее для этого средство. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы васъ презирало въ вашемъ собственномъ домѣ существо величиною съ ноготокъ! Она всегда была слишкомъ аристократична для меня. Я знала даму, которая, выйдя замужъ за мистера Синтгильса, купила ему титулъ графа д'Оппиталь; она соглашалась на то, чтобы онъ колотилъ ее зонтикомъ, лишь бы у этого зонтика была ручка съ короною. Каппадочія—изъ той же породы. Вѣѣшность для нея—все. Но вѣдь лучше сдѣлать изъ нея м-съ Вилли, нежели бить ее,—не правда ли?

М-ръ Иглезіасъ серьезно согласился съ этимъ. Дама поправила на плечахъ шарфъ со сверкающими драконами и посмотрѣла на куполообразныя вершины виазовъ.

— Мнѣ пріятно слышать вашъ голосъ. Нашъ разговоръ былъ нѣсколько одностороннимъ. Я боялась, что надоѣдаю вамъ, но теперь вы меня поощрили, и я продолжаю. Мое имя—Пеппи, Пеппи Сентъ-Джонъ, м-съ Сентъ-Джонъ... Вамъ нравится?

— Вполнѣ, — отвѣтилъ м-ръ Иглезіасъ; ея беззащитная развязность начала забавлять его. Вѣдь онъ искалъ развлечения, не въ этой формѣ, разумѣется, но зачѣмъ же отказываться отъ него?

— Я рада, что оно нравится вамъ. Мой другъ былъ правъ. Отъ имени не отдѣлаешься, и какимъ бы совершенствомъ ни былъ мужъ, трудно бываетъ простить ему, если онъ наградитъ васъ глупой фамиліей. Мнѣ всего двадцать-три... впрочемъ—нѣтъ, по вашему лицу я вижу, что вамъ противна всякая, даже пустяшная ложь... Мнѣ двадцать-девять лѣтъ.

Она остановила на Доминикѣ свои загадочныя глаза, которые одновременно подчеркивали и скрашивали банальность ея лица, точно такъ же, какъ нѣжность ея голоса и сдержанность манеръ умѣряли рѣзкость словъ и нѣкоторую вульгарность интонаціи.

— Вотъ и все, что вы вправѣ знать—покуда; говорю: покуда, если, благодаря Каппадочіи, нашему знакомству суждено продлиться. Она, очевидно, страшно плѣнилась вами, а я считаю ее способной на продолжительную привязанность.

Пеппи тихо размѣялась и поглядѣла на м-ра Иглезіаса изъ-подъ полей своей шляпки.

— Ну, а теперь—ваша очередь. Выкладывайте все на чистоту. Кто вы такой, ради всего святого? Я все время думаю и раздумываю объ этомъ...

Иглезіасъ съ неудовольствіемъ выпрямился, но на нее невозможно было сердиться; ея добродушіе обезоружило его.

— Кто я такой? Никто!—отвѣтилъ онъ серьезно.

— Вотъ такъ новость! Не имѣть имени—такъ же странно, какъ не имѣть тѣни. Будетъ вамъ морочить меня. Карты на столъ и будемъ играть въ открытую. Другими словами: чтѣ вы дѣлаете?

— Со вчерашняго дня—ничего.

Незнакомка посмотрѣла на него съ возрастающимъ интересомъ.

— Но, кроткій мой помѣшанный, не со вчерашняго же дня началось ваше знакомство съ нашею планетою? Этого не можетъ быть, хотя вы и молодежавы, и очень красивы. Поэтому, если вамъ все равно, мы начнемъ съ по-за-вчера.

Серьезность Иглезіаса не устояла, онъ улыбнулся.

— Я служилъ тридцать-пять лѣтъ въ банкѣ.

— Чтѣ такое?—порывисто воскликнула Пеппи:— за какую идіотку вы меня принимаете? Если ужъ вы хотите сочинять, то придумайте что-нибудь болѣе правдоподобное, а это—недостойно васъ.

Она надула губы и покачала головою въ знакъ величайшаго неодобренія.

— Не ребячьтесь, — продолжала она, — ваша выдумка прозрачна до глупости... Вы — самый изящный съ виду человѣкъ, какого я только видала, исключая лорда... все равно, какъ его зовутъ,—вы служили клеркомъ въ Сити? Это—извините меня... Пеппи щелкнула пальцами, какъ кастаньетами, отъ чего обѣ собачки вздрогнули, — можете рассказывать такія сказки выжившей изъ ума слѣпорожденной... Дудки!

Доминикъ Иглезіасъ расхохотался. Со времени смерти Паскаля онъ, кажется, ни разу такъ не смѣялся.

Пеппи слѣдила за нимъ смѣющимися глазами. Выраженіе у нея было самое милое и естественное, чуть-чуть материнское. Но Иглезіасъ этого не замѣтилъ.

— Вотъ и хорошо, — проговорила она: — я видѣла, что съ вами что-то неладно. Нужно было васъ расшевелить, а теперь бросьте сочинять и скажите правду.

— Къ несчастью, я уже сдѣлалъ это.

— И вы хотите меня увѣрить, что тянули эту лямку ежедневно въ теченіе столькихъ лѣтъ?

— Я отдыхалъ по воскресеньямъ, а затѣмъ два раза пользовался отпусками: одинъ разъ—на три недѣли, другой разъ—на двѣ.

Онъ уже не смѣялся; ему доставляло горькое удовольствіе сознаваться передъ этимъ легкомысленнымъ существомъ женскаго рода въ скудости своей жизни.

— И вы ухитрились сохранить такой видъ? Сознаюсь, что вы поразили меня. Но вы не похожи на англичанина.

— По происхожденію я испанецъ, — сказалъ Иглезіасъ нѣсколько холодно.

— Только, пожалуйста, не замораживайтесь сызнова! У насъ только-что дѣло пошло на ладъ. А вы давно въ Англій? Я не хочу касаться вопроса о годахъ, хотя вы — изъ тѣхъ счастливецъ, для которыхъ года не существуютъ.

— Меня привезли сюда, когда я былъ ребенкомъ. Мать моя—ирландка.

Онъ поднялъ глаза къ лѣсистымъ скатамъ Рогемптона и Шина, на фонѣ которыхъ станціонныя строенія выдѣлялись рѣзкими чертами, напоминавшими буквы гигантской азбуки.

Пахло свѣжимъ сѣномъ и чирикали птицы, но Доминика вдругъ охватила тоска; онъ снова увидѣлъ передъ собою непрощенныхъ гостей: одиночество и старость.

— А ваша мать еще жива?—спросила Пеппи съ едва уловимю насмѣшкой.

Иглезіасъ вдругъ гнѣвно обернулся къ маленькой женщинѣ въ платьѣ цвѣта пыли. Она слишкомъ близко подошла къ нему, перешагнувъ черезъ рампу,—не были ли ея губы накрашены?—и прикоснулась руками къ тому, что было для него священо. Онъ разсердился на нее и на себя за то, что, отбросивъ обычную свою сдержанность, онъ отвѣчалъ на ея разпросы и прислушивался къ ея сумасбродной болтовнѣ. Онъ сразу поднялся—помолодѣвшій и надменный.

— Боже сохрани!—воскликнулъ онъ: — святая и мученица, она избавлена отъ житейской грязи. Она умерла. Мнѣ пора идти, — проговорилъ онъ, овладѣвъ собою, — нашъ разговоръ и такъ былъ довольно дологъ.

Но Пеппи Сентъ-Джонъ странно измѣнилась. Смѣлость совершенно покинула ее; она сидѣла, вся сжавшись въ комочекъ, маленькая и жалкая; глаза ея были наполнены слезами.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите!—воскликнула она съ дѣтскою мольбой.—Почему вы уходите? Вы мнѣ нравитесь, и я не хотѣла васъ обидѣть. Сегодня у меня былъ чертовски непріятный день, и встрѣча съ вами явилась счастливымъ нумеромъ. Сама не знаю какъ—но вы принесли мнѣ пользу. Я только потому васъ разспрашивала, что вы не похожи на другихъ. Не говорите, ничего не говорите... Вы были правы. Вы—хорошій.

Слова сыпались съ ея устъ съ такою быстротою, что онъ едва понималъ ихъ значеніе, но одно было для него ясно, что это легкомысленное созданіе—человѣкъ, такъ какъ она способна страдать.

— Не уходите, я очень несчастна. Присядьте, я все вамъ объясню. Видите ли, я ожидала друга. Мнѣ было необходимо сказать ему одну вещь, и я не спала половину ночи, собираясь съ духомъ, чтобы сказать ему это. А онъ не пришелъ. Я ждала его—часъ за часомъ, всѣ нервы у меня измотались. Чего я только не передумала—всякіе ужасы мнѣ представлялись...

Пеппи отерла глаза.

— Простите, я сейчасъ оправлюсь. Вы говорите, что вы—никто, и дѣлать вамъ нечего, слѣдовательно вамъ некуда спѣшить. Со мною иногда такъ бываетъ. Это очень глупо, конечно, но какая-нибудь бездѣлица меня разстроитъ—и я пойду, пойду фантазировать... Не думаете ли вы, что вамъ лучше сѣсть? Я принуждена говорить такъ громко, что прохожіе будутъ посвящены въ мои тайны. Благодарю васъ. Это очень мило съ вашей стороны. Когда открываются „шлюзы воспоминаній“, какъ кто-то выразился, то хлынувшая изъ нихъ вода бываетъ зачастую грязновата, но выплываетъ и многое такое, что мы считали уже погребеннымъ...

Она остановилась и поправила свой шарфъ съ драконами.

— Вотъ почему я надѣла сегодня эту вещь. Мнѣ подарилъ ее человѣкъ, который страстно любилъ меня до моего замужества. Онъ прислалъ мнѣ ее изъ Индіи наканунѣ схватки, въ которой онъ былъ убитъ. Посмотрите.

Пеппи показала м-ру Иглезіасу концы шарфа.

— Онъ стоилъ, должно быть, кучу денегъ. Камни настоящіе и шитье золотомъ—очень массивное. Во всемъ виноваты его родные; они не считали меня подходящей партіей для него, скорѣе—для себя самихъ. Они ничего изъ себя самихъ не представляли, но имъ хотѣлось выйти въ люди: микробъ честолюбія заѣлъ ихъ, они и отправили его въ Индію. Не будь этого, все пошло бы для меня по иному; такъ думается мнѣ въ такіе

дни, какъ сегодня. А впрочемъ, — тутъ Пеппи заговорила съ прежнимъ аппломбомъ, хотя въ смѣхѣ ея еще слышались нервныя нотки, — за вѣрность мужчинъ можно поручиться только тогда, когда ихъ уже нѣтъ въ живыхъ, а разъ они умерли — какой отъ нихъ прокъ: вѣрны они или невѣрны?

Она еще разъ отерла глаза и посмотрѣла съ грустной улыбкою на м-ра Иглезіаса.

— Жизнь въ концѣ концовъ — порядочная гадость, не такъ ли? Вѣроятно, за тридцать пять лѣтъ банковской службы вы сами пришли къ тому же заключенію? Кстати, чтó это было за банкъ?

Тронутый простотою разсказа и искренностью ея исповѣди, Доминикъ машинально отвѣтилъ:

— Какой банкъ? Баркингъ и К^о.

Съ секунду Пеппи сидѣла неподвижно, округливъ отъ изумленія ротъ. Затѣмъ она вдругъ рѣзкимъ движеніемъ смахнула со сцѣмы бѣднаго Вилли. Его мохнатая лапка и длинныя уши мелькнули въ воздухѣ во время этого поворота полета, придавъ ему какой-то безумный видъ.

— Лови птицу! — крикнула она: — лови птицу, говорятъ тебѣ! Дѣлай движеніе, или ты растолстѣешь, какъ шаръ!

Она поощрительно хлопала въ ладоши, но маленькое животное полу-обиженно, полу-испуганно подошло къ ней. Она хлопнула его платкомъ.

— Убирайся! Неужели у тебя нѣтъ никакого самолюбія? Нечего лѣзть съ нѣжностями, когда тебя совсѣмъ не желаютъ.

Затѣмъ, не поднимая глазъ, она обратилась къ м-ру Иглезіасу: — Пожалуйста, простите, но семейныя обязанности — прежде всего. Я... я хотѣла бы спросить у васъ только одну вещь. Мое имя, я сейчасъ назвала вамъ его: Пеппи Сентъ-Джонъ... Помните?

— Помню.

— Не связано ли оно съ чѣмъ-нибудь особеннымъ? Оно ничего вамъ не напоминаетъ?

— Боюсь, что нѣтъ; извините мое невѣжество, но я жилъ вдали отъ свѣта. Я незнакомъ съ обществомъ.

— Тѣмъ лучше. Свѣтъ черезчуръ высоко цѣнится, а общество — величайшій обманъ, какой только существуетъ! — Она перестала дразнить собачку и сидѣла выпрямившись, смотря прямо въ лицо Иглезіасу своими удивительными глазами. — Если вы дорожите спокойствіемъ и независимостью, забудьте

о нихъ. Они не дадутъ ничего хорошаго такимъ людямъ, какъ вы и... я! Я ненавижу ихъ, но я принадлежу имъ, и мнѣ уже не вырваться оттуда. Что же касается васъ, — голосъ Пеппи зазвучалъ горестно и вѣжно, — они не годятся для такого милаго блаженнаго короля безъ царства, какимъ вы ваетесь мнѣ!

Она встала, подобрала свои юбки и позвала собачекъ.

— Падаютъ роса, а Каппадочіа поднимаетъ каждый разъ крикъ, когда ей случается промочить лапки. Надо вести ее домой. Вотъ моя карточка. Приходите, когда вздумается, только извѣстите меня за день. Мнѣ будетъ жаль, если вы меня не застанете или застанете у меня гостей. Каппадочіа по васъ соскучится, и я тоже. Вы хорошо повліяли на меня. Общаю вамъ всегда играть въ открытую. Покойной ночи.

Солнце сіяло въ вѣнцѣ изъ пурпура и золота, переходившаго ниже въ голубоватую мглу. На востокъ небо тоже горѣло румянцемъ, но съ мѣднокраснымъ оттѣнкомъ, и яркость лазури омрачалась облаками дыма и поднимавшихся отъ земли испареній.

Пеппи Сентъ-Джонъ медленно шла по дорогѣ; фигура ея была залита блескомъ заката, на плечахъ ея сверкали вышитые драконы; собачки смиренно бѣжали за нею по пятамъ, и нѣкоторое время она казалась ослѣпительной. Но вотъ она вступила въ полосу тѣни, отбрасываемой домиками съ балконами, и снова преобразилась въ какое-то чуждое дѣйствительности, прозрачное существо, напоминавшее столбъ поднимаемой вѣтромъ пыли, въ которомъ свѣтятся золотистыя песчинки.

IV.

У м-съ Джорджъ Лѣвгровъ происходила еженедѣльная церемонія пріемнаго дня. По этому случаю она облачилась въ свое черное атласное платье, съ добавленіемъ бѣлой кружевной косынки — дань лѣтнему времени. При своей полнотѣ она сильно страдала какъ отъ своего туалета, такъ и отъ предварительныхъ приготовленій въ пріему и опасеній, что никто не придетъ, смѣняемыхъ страхомъ, что явятся сразу слишкомъ многіе и, по-алуи, не хватить пирожнаго.

Но теперь этотъ подготовительный періодъ счастливо миновалъ, и она готова была ворковать отъ удовольствія, такъ какъ а софѣ рядомъ съ нею помѣщался самъ викарій, д-ръ Джемсъ Левингтонъ, заявившій, что онъ явился на этотъ разъ не по

приходскимъ дѣламъ „въ своей высокоцѣнной сотрудничѣ“, а исключительно „съ дружескимъ визитомъ“.

Викарій, высокій, гладко выбритый брюнетъ, говорилъ звучнымъ басомъ, искусно поддѣлываясь подъ добродушно-благожелательный тонъ, которому нѣсколько противорѣчили, по словамъ его хулителей, его холодные сѣро-голубые глаза, устремленные въ ту сторону, гдѣ рисовалась ему епископская шапка.

Но м-съ Лѣвгровъ принадлежала къ числу пламенныхъ его поклонницъ; онъ казался ей идеаломъ добраго и справедливаго пастыря. Она спрашивала его о мѣстныхъ дѣлахъ, комитетахъ, о воскресныхъ чтеніяхъ, о здоровьи м-съ Невингтонъ.

— Благодарю васъ. Она бодра и энергична, какъ всегда.

— Настоящая помощница мужу въ его христіанскомъ дѣлѣ,— проворковала м-съ Лѣвгровъ.

— Вотъ именно, она замѣчательная организаторша, и я признаю, что въ этомъ отношеніи она стоитъ выше меня. Я согласенъ взять на себя самую тяжелую часть брачнаго обѣта. Если она согласна „любить и чтить“, я готовъ ей „повиноваться“. Прекрасное правило для мужей,—не правда ли, Лѣвгровъ,—когда сдѣлаешь настоящій выборъ, какъ мы съ вами,—не такъ ли?

М-съ Лѣвгровъ расплывалась отъ удовольствія. Сегодня и ея милый разсѣянный Джорджъ былъ „на высотѣ положенія“: онъ занималъ разговоромъ и затѣмъ провожалъ до дверей двухъ богатыхъ дамъ-диссидентокъ.

Въ разгаръ этой очаровательной бесѣды хозяйкѣ пришлось встать, чтобы принять новыхъ гостей.

— Какъ ваше здоровье, м-съ Парчеръ? Какъ вы поживаете, миссъ Гартъ? Очень любезно съ вашей стороны. Сегодня собрались лишь немногіе друзья, но это и пріятнѣе въ такую жаркую погоду... Д-ръ Невингтонъ обаятеленъ сегодня,—она понизила голосъ:—преисполненъ высокихъ мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ—такъ простъ; слушать его—прямо наслажденіе.

Поощренный своими дипломатическими успѣхами, Джорджъ Лѣвгровъ снова проявилъ свѣтскій тактъ. Это былъ средняго роста толстенькій человѣкъ, коротконогій и короткорукій, отчасти напоминавшій черепаху. Лицо его было круглое, бритое и до того чисто вымытое, что оно лоснилось, а свѣтло-голубые маленькіе глаза его съ ихъ дѣтскимъ выраженіемъ—производили впечатлѣніе не лишенной пагоса неожиданности. По характеру онъ былъ безобиденъ и преисполненъ смиренія, но тѣмъ не менѣе каждая несправедливость и жестокость превращали его въ разъяренную овцу. Онъ считалъ себя счастливымъ, и бывалъ удивленъ

и обиженъ, видя въ другихъ недовольство жизнью. Рубрика самоубійствъ чрезвычайно огорчала его,—онъ считалъ ихъ актами безумія, но у Джорджа Лёвgroва было свое глубоко затаенное отъ жены горе: отсутствіе въ ихъ домѣ маленькѣхъ Лёвgroвovъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій онъ отвелъ въ сторону миссъ Гартъ, подѣ предлогомъ разсматриванія новыхъ открытокъ. М-ссъ Парчеръ, задумчивая, аккуратная, сентиментальная, могла быть допущена къ бесѣдѣ съ виваріемъ, но „большая Элиза“, потрясающая желтою гривой своихъ торчащихъ волосъ, съ ея громкимъ говоромъ и рѣзкими манерами, не годилась для такого избранныго общества.

М-ръ Лёвgroвъ питалъ нѣкоторую слабость къ Элизѣ, но она дѣйствовала на нервы его жены, и потому онъ поспѣшилъ удалить ее. Онъ былъ правъ, такъ какъ она оказалась въ шутовскомъ настроеніи и сразу принялась дразнить его модною актрисою, портретъ которой онъ показывалъ ей. Очаровательное платье, стильная прическа! Вотъ бы Пышечка—это ласкательное относилось къ м-ссъ Парчеръ—такъ одѣться и причесаться и послать эту карточку въ отвѣтъ на письма по поводу объявленій! Отбою бы не было отъ жильцовъ!

Она лукаво посмотрѣла на него сбоку; онъ скромно хихикнулъ.

— Вы замѣчаете, что она сегодня особенно интересна? А почему—вы навѣрное угадали, лукавый вы человекъ? Вы меня не проведете.

Подобно всѣмъ добродѣтельнымъ и кроткимъ людямъ, Лёвgroвъ былъ польщенъ тѣмъ, что его принимаютъ за кутизу, видавшего виды.

— Съ вами опасно разговаривать, миссъ Гартъ.

— Ну, я-то не опасна. Я достаточно хорошо вижу себя въ зеркалѣ. А вотъ я хотѣла бы спросить васъ относительно одного близкаго вамъ человека. Мы съ Пышечкой очень тревожимся на его счетъ. Вотъ уже недѣля, какъ онъ не ходитъ на службу. Каковы его планы на будущее? Не можете ли вы разузнать?

— Вы меня поражаете, миссъ Гартъ. Я ничего объ этомъ не знаю. Зайду къ нему сегодня же вечеромъ...

Но тутъ со стороны дивана послышались глубокія басовыя ноты.

— Воистину величіе нашей родины, нашей дорогой старой Англіи, связано съ процвѣтаніемъ церкви. Церковь и государство должны идти рука-объ-руку. Бѣдность нѣкоторой части духо-

венства—вопиющее зло и позоръ. Духовенство должно пользоваться влияніемъ, играть роль въ политикѣ, откликаться на вопросы дѣйствительности; намъ не нужны мечтатели, живущіе призраками...

Басъ продолжалъ рокотать — къ удовольствію слушателей и къ смущенію горничной, которой никакъ не удавалось доложить о Доминикѣ Иглезіасѣ, стоявшемъ въ дверяхъ.

Эта недѣля произвела въ немъ перемѣну. Онъ пересталъ быть умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ, и страдалъ отъ безтактности и безвкусіа болѣе, чѣмъ прежде. Онъ уже отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что такая-то женщина некрасива, такая-то рѣчь—неискренна, такая-то обстановка—вульгарна. И теперь онъ уловилъ въ голосѣ викарія недостатокъ деликатности и пониманія, излишнюю самоувѣренность. Этотъ голосъ словно стремился все растоптать, и въ немъ проснулось желаніе противорѣчить.

Держась съ большимъ противъ обыкновенія достоинствомъ и надменностью, онъ подошелъ къ хозяйкѣ. Викарій удивленно взглянулъ на него, но когда ихъ познакомили, отнесся къ нему съ видомъ покровительства, словно говорившимъ: „Не бойтесь! Я—человѣкъ свѣтскій и христіанинъ. Я не сдѣлаю вамъ ничего дурного“.

— Если я не ошибаюсь, вы носите иностранное имя? Давно ли вы въ Лондонѣ? Надѣюсь, что посѣщеніе нашей столицы произвело на васъ пріятное впечатлѣніе?

— Оно было такъ продолжительно, что первое впечатлѣніе уже успѣло изгладиться.

— Вотъ какъ? Это бываетъ со всѣми нами. Значитъ, вы постоянно здѣсь живете? Въ моемъ приходѣ? Чрезвычайно сожалѣю, что не зналъ этого ранѣе. У меня нѣтъ англійскихъ предразсудковъ. Я всегда бываю готовъ помочь иностранцу.

— Вы очень добры.

— Ничуть, ничуть. Я смотрю на это съ практической точки зрѣнія, имѣя въ виду не только отношенія пастыря къ своему стаду, но и обязанности англичанина относительно чужестранцевъ. Но я фактически не успѣваю познакомиться лично со всѣми моими прихожанами, хотя моя жена и оба кьюрета—замѣняютъ меня, гдѣ можно. Мы чередуемся. Такова моя система.

— Превосходная система!—улыбнулся м-ръ Иглезіасъ.

Сказавъ ему еще нѣсколько любезныхъ словъ и перепутавъ его фамилію,—чего Доминикъ не выносилъ,—викарій простился. М-съ Парчеръ съ миссъ Гартъ ушли ранѣе.

М-ссъ Лёвгровъ обратилась къ Доминику; отблескъ сіянія еще лежалъ на ея лицѣ.

— Какая добрая фея привела васъ сегодня въ такой ранній часъ? Я такъ рада, что вамъ удалось познакомиться съ д-ромъ Невингтономъ. Я видѣла, что онъ увлекся вами, онъ съ вами самъ заговорилъ, онъ — врагъ излишнихъ церемоній.

— Я это замѣтилъ.

— Вы замѣтили? Онъ старался каждого ободрить... — м-ссъ Лёвгровъ провела платкомъ по лбу и по губамъ, она готовилась къ рѣшительному выступленію. — Вы... вы, кажется, не особенно часто бываете въ церкви, м-ръ Иглезіасъ?

— Я былъ воспитанъ въ другой вѣрѣ.

— Да, Джорджъ говорилъ мнѣ. Никто изъ насъ, конечно, не подумаетъ ставить вамъ это въ укоръ; это было ваше несчастье, но не ваша вина. Но это было такъ давно, что уже позабылось.

Доминикъ серьезно взглянулъ на нее, но было очевидно, что она не имѣетъ въ виду его обидѣть. Чувство грусти его охватило: онъ вспомнилъ о непрошенныхъ гостяхъ — одиночествѣ и старости. М-ссъ Лёвгровъ продолжала закидывать свои дипломатическіе намеки, пытаясь привлечь его въ лоно истинной церкви. Тутъ подошелъ сіяющій Джорджъ. Онъ угодилъ женѣ, а Доминикъ, бывшій для него самымъ удивительнымъ существомъ, сидѣлъ у него въ гостяхъ, — чего же ему еще желать?

— Я слышалъ новость, Доминикъ, — воскликнулъ онъ: — вы, кажется, начинаете новую жизнь? Какъ же съ банкирскимъ домомъ Баркингъ и К^о?

— Мы рѣшили разстаться.

— Совсѣмъ? — одновременно воскликнули мужъ и жена.

— Совсѣмъ.

М-ръ Лёвгровъ пересталъ сѣять и встревожился.

— Вы меня поражаете! Ничего неприятнаго не произошло?

— Ничего, — отвѣтилъ Иглезіасъ; онъ рѣшилъ, что въ разговорѣ съ этими добрыми душами онъ отнесется къ вопросу объ отставкѣ слегка. — Я пришелъ къ убѣжденію, что я слишкомъ долго работалъ. Вы оставили службу уже много лѣтъ тому назадъ.

— Да, но Джорджъ очень скучалъ сначала по банку, хотя у него была семья. Положимъ, это дѣло поправимое, — лукаво замѣтила она.

Доминикъ вспомнилъ, что ему пора домой. Въ передней Джорджъ, буквально, удержалъ его за пуговицу, глядя ему въ глаза мигающими голубыми глазками.

— Я не хочу навязываться на откровенность, Доминикъ, но не могу ли я чего-нибудь для васъ сдѣлать?

— Ничего, мой добрый старый другъ.

— Я знаю, у васъ болѣе широкіе горизонты, вы найдете содержаніе въ самомъ себѣ. Я былъ сначала болѣе несчастенъ, чѣмъ это извѣстно женѣ,—я старался по мѣрѣ силъ избавить ее отъ огорченія. Но вы не оставите насъ, Доминикъ, вы не уѣдете отсюда?

— Развѣ вы стали бы жалѣть обо мнѣ? — спросилъ Иглезіасъ, пораженный его тономъ.

— Жалѣть о васъ? Послѣ сорокалѣтней дружбы? Я знаю, насколько я ниже васъ во всѣхъ отношеніяхъ; я могу вамъ дать только мою дружбу. Но для меня жена-моя и вы — самое дорогое, что есть у меня въ жизни.

Иглезіаса странно поразила мысль, что изъ милліоновъ людей это простодушное, недалекое существо было ему самымъ близкимъ. Это невольно тронуло его и какъ-то облегчало гнетъ одиночества.

— Въ такомъ случаѣ я не переѣду изъ Триммеръ-Грина.

Когда Джорджъ вернулся въ гостиную, жена встрѣтила его такими словами:

— Я все обдумала, Джорджъ, и рѣшила, что намъ необходимо пригласить твою кузину Серену. Я не довѣряю м-ссъ Парчеръ. Ты замѣтилъ этотъ голубой развѣвующійся бантъ? Эти вдовы на все способны.

Она поднялась съ трижды счастливаго дивана.

— Я рада, что м-ръ Иглезіасъ познакомился съ д-ромъ Невингтономъ, но мы, положительно, должны пригласить Серену.

V.

Въ теченіе десяти дней м-ръ Иглезіасъ упорно старался знакомиться съ увеселеніями. Онъ обѣдалъ въ модныхъ ресторанахъ, посѣщалъ театры, концерты, бывалъ въ паркѣ, наблюдая избранную и неизбранную публику, но все это скорѣе утомляло, чѣмъ увеселяло его. Онъ не чувствовалъ себя здѣсь чужимъ—его чувство достоинства и отрѣшенность мышленія были черезчуръ сильны для этого,—но онъ пришелъ къ убѣжденію, что искусству веселиться нужно научиться съ дѣтства. Онъ замѣтилъ, что зачастую на него обращаютъ вниманіе и даже дѣлаютъ замѣчанія на его счетъ. Сначала онъ въ невинности своей думалъ, что это

вызвано какою-нибудь особенностью въ его костюмѣ или манерѣ, но затѣмъ понялъ, что это вниманіе имѣеть болѣе лестный для него характеръ.

Ему вспомнились откровенныя замѣчанія незнакомаго въ платьѣ цвѣта поднимаемой вѣтромъ пыли, но такъ какъ гордость его была сильнѣе его тщеславія, такое открытіе скорѣе раздражило его, чѣмъ польстило ему.

Однажды онъ посѣтилъ домъ, гдѣ они жили когда-то съ матерью, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ люди вступаютъ въ храмъ. Домъ отдавался въ наймы, но жильцовъ не находилось, такъ какъ онъ былъ въ запустѣніи и требовалъ поправокъ. Доминикъ долго оставался въ комнатѣ матери, куда онъ входилъ сейчасъ же по возвращеніи со службы, стараясь развлечь и занять ее, забавляя ее, какъ больного ребенка. Она постоянно сидѣла у окна, занимаясь плетеніемъ кружевъ, и онъ живо помнилъ ее безостановочно двигавшіяся маленькія руки; казалось, что въ замысловатыхъ фантастическихъ узорахъ она выражаетъ всѣ переживанія своей смятенной, больной души, какъ другіе изливаютъ ихъ въ звукахъ и краскахъ. Иногда ему казалось, что изъ всего ея существа остались живыми лишь эти руки,—все остальное было уже мертво.

Иглезіасъ вышелъ изъ домика успокоеннымъ и смягченнымъ. Признательность старичка-привратника, которому онъ далъ нѣсколько шиллинговъ, была ему пріятна отсутствіемъ въ ней жадности и попрошайства. Уже вечерѣло, и онъ рѣшилъ побѣдять въ итальянскомъ ресторанчикѣ близъ Palace-Gardens; онъ шелъ медленно по улицамъ, уже пустѣвшимъ, и наслаждался свѣжестью, распространяемой Кенсингтонскимъ паркомъ, какъ вдругъ замѣтилъ впереди себя фигуру, въ бѣлыхъ грязныхъ фланелевыхъ панталонахъ, короткой синей жакеткѣ и башмакахъ для игры въ теннисъ, шедшую невѣрною, развинченною походкою и казавшуюся ему знакомою. Фигура въ нерѣшимости остановилась у зеленыхъ кадокъ съ растеніями, украшавшихъ входъ въ ресторанъ; но когда улыбающійся лакей съ салфеткою подъ мышкою подбѣжалъ къ джентльмену, тотъ, засунувъ руки въ карманы панталонъ, съ проклятіемъ повернулъ назадъ, очутившись такимъ образомъ лицомъ къ лицу съ м-ромъ Иглезіасомъ. Тотъ узналъ въ немъ своего сосѣда, м-ра Декурси-Смита.

— Какъ? Это вы?—воскликнулъ тотъ, и его опухшее лицо вспыхнуло.—Сегодня нигуда не уйдешь, какъ видно, отъ нашего милѣйшаго Кедроваго коттеджа!

Затѣмъ онъ разсмѣялся сконфуженнымъ смѣхомъ.

— Прошу прощенія, м-ръ Иглезіасъ, но сейчасъ я только что встрѣтилъ шедшихъ подъ-руку этихъ двухъ идиотовъ—Уоррингтона съ Фарджемъ! Общество какихъ-то лавочниковъ третьяго сорта и ихъ взаимное восхищеніе—это дѣйствуетъ на нервы порядочному человѣку. Я ушелъ изъ дому для того, чтобы отдохнуть отъ нихъ. Вѣроятно, у васъ было такое же намѣреніе? Я не буду мѣшать вамъ.

Онъ стоялъ, какъ-то весь стѣжившись и подгибая колѣни, какъ бѣднякъ, мерзнувшій на холодномъ вѣтру, хотя вечеръ былъ теплый. Иглезіасъ больше обратилъ вниманіе на это, чѣмъ на его нелюбезныя слова.

— Я намѣревался здѣсь пообѣдать, и вы, кажется,—тоже?—отвѣтилъ онъ спокойно.

— Я передумалъ.

— Потому что встрѣтили меня?

— Нѣтъ, по другой причинѣ.

— Я былъ бы очень радъ, еслибы вы еще разъ передумали и приняли мое приглашеніе—пообѣдать со мною. Намъ еще не удалось ближе познакомиться.

Смита украдкою скользнулъ взоромъ по рядамъ бѣлыхъ столовъ, видѣвшихъ въ открытую дверь ресторана, и въ глазахъ его мелькнуло какое-то голодное выраженіе.

— Съ какою стати я стану принимать отъ васъ угощеніе?—спросилъ онъ дерзкимъ и въ то же время жалкимъ тономъ.

— Только потому, что это доставило бы мнѣ удовольствіе.

— Я... я не въ вечернемъ костюмѣ.

— Я тоже. Вонъ тамъ въ углу свободный столъ? Займемъ его.

Сначала разговоръ пришлось поддерживать одному Иглезіасу, но послѣ „бьянти“ гость сдѣлался не только разговорчивъ, но и болтливъ. Онъ принялся громить „лавочниковъ и торгашей, заносящихся передъ людьми съ высшимъ образованіемъ и талантомъ“. Они знаютъ, они сознаютъ свою силу въ нашъ вулгарный торгашескій вѣкъ, когда расчетъ убиваетъ искусство, литературу и происходитъ настоящая „гибель боговъ“.

Иглезіасъ молча выслушивалъ эти удивительныя тирады: сожалѣніе и долгъ гостепримства принуждали его къ молчанію, но извѣстнаго рода профессиональный долгъ и порядочность по отношенію къ дому Баркинга и К^о принудили его къ отвѣту.

— Безъ сомнѣнія, наши времена—не рыцарскія, но я позволю себѣ сказать, что есть разница между торгашомъ и финансистомъ.

— Такая же, какъ между маленькой и большой собакою. Маленькой легче дать пинка; я не могу достать до Ровфеллера

и Ротшильда, а потому срываю злость на Фарджъ съ Уоррингтономъ, но въ принципѣ я правъ: деньги убиваютъ интеллектъ. Кто нуждается въ насъ, если мы не соглашаемся продавать свои дарованія? Простите... Я забылъ, что вы теперь не на сторонѣ побѣдителей, а на сторонѣ побѣжденныхъ. Этотъ разговоръ не можетъ васъ интересовать.

— Нѣтъ, онъ очень меня интересуеъ.

— Все равно. Изъ чувства самоуваженія я долженъ былъ бы молчать. Я примирился съ моимъ положеніемъ, но тяжело человѣку, сознающему, что онъ одаренъ талантомъ, быть можетъ— гениемъ, знать, что онъ потерпѣлъ полное крушеніе, между тѣмъ какъ каждый жалкій вонторщикъ...

Онъ замолчалъ и оперся локтями на столъ, уставясь въ пространство.

— А у меня таланты!—вдругъ вскрикнулъ онъ пискливо:—видитъ Богъ— у меня есть таланты! Они могутъ отказываться печатать меня, ставить мои пьесы, принуждать меня работать въ третьестепенныхъ изданіяхъ, отъ которыхъ можно съ трудомъ кормиться. Но ни одинъ скотъ—издатель или директоръ театра не лишитъ меня вѣры въ то, что я великъ,—говорю вамъ это: ни болѣе ни менѣе, какъ великъ.

Доминикъ сидѣлъ молча, но въ немъ росла симпатія къ опустившемуся, грязно одѣтому, несчастному человѣку. Онъ никогда не сталкивался такъ близко съ бездною отчаянія и паденія. Ему вспомнилась незнакомка въ платьѣ цвѣта крутящейся по вѣтру пыли. Онъ видѣлъ не ея накрашенные губы, но ея печальные глаза; онъ угадывалъ отчаяніе, скрывавшееся подъ ея легкомысленными выходками, ея фантастическимъ костюмомъ, ея вознею съ забавными собачонками. Она была далека во всѣхъ отношеніяхъ отъ этого жалкаго неудачника, но оба они въ своихъ сношеніяхъ съ Иглезіасомъ перешли границу строго установленныхъ приличій. Это сближало ихъ.

Сейчасъ на могилѣ его воспоминаній Иглезіасу пришло въ голову, что не участіе въ праздникѣ жизни, а сочувствіе къ тѣмъ, кто переживаетъ ея будни—можетъ дать ему нравственное удовлетвореніе. Онъ положилъ руку на плечо собесѣдника. Тотъ недовѣрчиво взглянулъ на него своими налитыми кровью глазами.

— Какого осла я разыгралъ изъ себя!—проговорилъ онъ мрачно.

— Нѣтъ, вы почтили меня вашимъ довѣріемъ, и я надѣюсь, что вы объ этомъ не пожалѣете.

Декурси-Смитъ закурилъ сигару. Руки его дрожали. Онъ не

особенно привыкъ къ доброму отношенію со стороны людей. Ресторанъ пустѣлъ; за столомъ поодаль сидѣла парочка—француженка и желтоволосый безусый юнецъ, занятые исключительно другъ другомъ.

Смитъ снова заговорилъ. Антрепренеры боятся его произведенія. Оно—слишкомъ крупно для нихъ, въ немъ течетъ живая кровь, они боятся допустить на сцену хотя одну изъ его драмъ, замалчиваютъ ихъ—изъ опасенія, что публика не захочетъ смотрѣть послѣ этого ихъ обычный худосочный репертуаръ. Это все—*jalousie de métier*, его коллеги топять его. Но его время придетъ, какъ пришло оно для другихъ великихъ писателей и непризнанныхъ гениевъ. И тогда онъ посмѣется надъ врагами, онъ принудитъ и ее—ту женщину—вернуться къ нему; она пойметъ, что она потеряла въ немъ...

— А еслибы она вернулась, что бы вы сдѣлали? Простили ее?

— Не знаю. Можетъ быть. Она всегда умѣла обойти меня.

Онъ вдругъ обернулся къ Иглезіасу съ истерической яростью.

— Почему вы спрашиваете? Не состоите ли вы въ числѣ ея покровителей? Я вамъ довѣрился, а вы, угостивъ меня обѣдомъ, выматываете изъ меня душу? О, проклатіе! Неужели всѣ въ мірѣ—предатели?

Сердце Иглезіаса переполнилось состраданіемъ.

— Миѣ очень жаль, если я неумышленно огорчилъ васъ; я ничего о васъ не знаю, за исключеніемъ того, что вы сами сказали о себѣ. Я хотѣлъ бы чѣмъ-нибудь помочь вамъ.

Наступило молчаніе. Допивъ кофе съ коньякомъ, Декурси тяжело поднялся на ноги.

— Вы говорите серьезно, м-ръ Иглезіасъ, что вы желали бы что-нибудь сдѣлать для меня?—спросилъ онъ полу-вызывающимъ, полу-просительнымъ тономъ.

— Конечно.

— Какую помощь вы подразумеваете? Денежную?

Доминикъ тоже всталъ и задумался.

— Я хочу попытать счастья, — продолжалъ Смитъ, — въ сущности вы ничѣмъ не рискуете. Это—простое помѣщеніе денегъ. Я сниму театръ на два утреннихъ представленія, если вы согласны поддержать меня матеріально. Увѣраю васъ: шансы на успѣхъ—большіе.

Иглезіасъ подумалъ съ минуту, но потребность сдѣлать кому-нибудь добро была такъ велика, что онъ отвѣтилъ утвердительно.

VI.

— Представленіе идетъ тамъ, а толпа—здѣсь, веселье—тамъ, а я сижу здѣсь съ тобою одной для компаніи, ахъ, ты, мерзлая несчастная идиотка! Чего ты дрожишь?

Пеппи Сентъ-Джонъ гладила шелковистыя уши болонки, медленно проводя по нимъ рукою.

— Мнѣ скучно, Каппадочія, — сказала она, не дѣлая попытокъ скрыть зѣвокъ, — скучно до мозга костей... О, еслибы хоть что-нибудь случилось!

Пеппи сидѣла среди пунцовыхъ шолковыхъ подушекъ въ тростниковомъ креслѣ на балконѣ съ бѣлыми перилами. Вокругъ нея были разбросаны книги и модные журналы, но романы казались ей такими же глупыми, какъ модныя картинки. И все окружающее казалось ей глупымъ, начиная съ балкона, шедшаго террасою вокругъ всего дома и отдѣленнаго перегородкою отъ балкона сосѣдей. Такіе же балконы украшали и остальные двадцать-семь домовъ; въ этомъ была какая-то претензія на нарядность. Казалось, что всѣ они вырядились въ свои лучшія платья и ботинки на высокихъ каблучкахъ и становятся на цыпочки, чтобы привлечь на себя вниманіе. Ихъ украшало множество цвѣтовъ: гераніи, настурціи, маргаритки, плющъ — совершенно закрывали перила; это было пожалуй красиво, но опять-таки напоминало шляпки, съ чрезмѣрнымъ обиліемъ цвѣтовъ.

Внизу шелъ асфальтовый троттуаръ, а за нимъ начиналась деревянная загородка, которою была обнесена арена игры въ „поло“. Съ балкона Пеппи можно было видѣть все происходящее на ней, но этотъ блестящій живой калейдоскопъ уже пересталъ интересовать ее.

— О, Боже, еслибы что-нибудь случилось!

Едва слова эти сорвались съ ея губъ, какъ она спихнула съ колѣнъ многострадальную Каппадочию и оперлась локтями о перила.

— Идите сюда, милый, красивый помѣшанный! Бога ради, не пройдите мимо!

Быть можетъ, Доминикъ Иглезіасъ не слышалъ въ уличномъ шумѣ этого не совсѣмъ корректнаго приглашенія. Онъ переходилъ черезъ дорогу съ осмотрительностью, обязательной по отношенію къ эксцентрическимъ приѣмамъ мотористовъ и бициклистовъ. Но и безъ словъ было ясно, что его привѣтствуютъ. Бѣлая пе-

рила, яркіе цвѣты, голова и бюстъ Пеппи, ея тяжелые черные волосы, странные пламенные глаза, красныя пятнышки румянъ на щекахъ, разгорѣвшихся неподдѣльнымъ румянцемъ оживленія,— все это смутило бы, нѣсколько недѣль тому назадъ, аскетическую сторону его характера, но теперь его взгляды измѣнились.

Пять минутъ спустя, Пеппи уже встрѣчала его на порогѣ своей гостиной.

— Ну, вы могли бы придти и раньше!—воскликнула она.— Хотя, съ другой стороны, вы могли бы и совсѣмъ не придти. Поэтому я не стану съ вами ссориться, хотя ваше неоявленіе меня очень огорчало.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я жалѣю, что не приходилъ.

— И жалѣйте, жалѣйте,—повторила она,—мнѣ такъ пріятно слышать это отъ васъ.

Она смотрѣла на него съ полною откровенностью и, взявъ его за руку, подвела его къ креслу у камина.

— Садитесь, и потолкуемъ. Вотъ вамъ другая подушка, и если вы будете хорошей, я сейчасъ дамъ вамъ чаю. Помните, вамъ нечего остерегаться: я играю съ вами въ открытую, мнѣ даже неважѣмъ знать ваше имя. Это стѣснило бы васъ и меня. Я не люблю садовъ и лужаекъ со столбами, на которыхъ надпись: „Ходить воспрещается“. Они возбуждаютъ во мнѣ желаніе поступать наоборотъ.

Пеппи сидѣла, держа сложенные вмѣстѣ ладони рукъ между колѣнъ. Легкій вырѣзъ платья отрывалъ ея шею — закругленную, но нѣсколько длинную. Въ общемъ ея сложеніе—тонкое и хрупкое, нѣсколько анемичное—напоминало дѣвушекъ низшихъ лондонскихъ классовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней было что-то искусственно-утояченное, напоминавшее оранжерейные цвѣты.

— Я много объ этомъ думала,—продолжала она:—въ жизни моей есть много такого, о чемъ обыкновенно не говорится въ книжкахъ, предназначенныхъ для новичковъ. Не сердитесь, милый,—добавила она ласково:—вѣдь, судя по тому, что вы мнѣ прошлый разъ сказали о себѣ, вы — новичокъ въ жизни, и, можетъ быть, я могла бы вамъ быть полезной?

— Конечно, я новичокъ,—согласился Иглезіасъ; для него была странна эта внезапная интимность съ такою одновременно искусственною и умудренною опытною женщиною. Притомъ онъ все болѣе и болѣе довѣрялъ ей.

— Разумѣется. Въ этомъ и есть ваше очарованіе. Достаточно взглянуть на ваше лицо. Пожалуйста, не вздумайте снова замерзнуть. Вы принадлежите къ людямъ другого сорта. И вотъ

почему вы могли бы многое сдѣлать для меня — не въ смыслѣ денежномъ или дѣловомъ, нѣтъ! Но съ вами мнѣ хорошо... Я какъ-то отдыхаю съ вами.

Она стала покачиваться изъ стороны въ сторону. Кончики ея ботинокъ не касались земли.

— Я отдыхаю съ вами, — повторила она.

— Я очень радъ, — сказалъ Иглезіасъ; ему было приятно, онъ былъ почти благодаренъ ей.

Пеппи глянула на него съ боку.

— Съ вами что-то случилось со времени нашего свиданія. Вы словно двинулись впередъ.

— Пожалуй, я скорѣе оглянулся назадъ; я перенесся мыслью къ прошлому и отряхнулъ съ него пыль времени. На это потребовалось извѣстное мужество.

— Всегда нужно мужество, я знаю это по себѣ — для того, чтобы отряхнуть эту пыль.

Доминикъ отвѣтилъ не сразу; онъ былъ пораженъ ея чуткостью. Онъ осмотрѣлся вокругъ. Окружающая обстановка давала ему нѣкоторое понятіе о характерѣ ея обитательницы. Гостиная походила скорѣе на мужскую, чѣмъ на женскую, — въ ней не замѣчалось бездѣлушекъ и лишннихъ драпировокъ; два низкихъ дивана стояли по угламъ, кресла и столъ занимали среднюю комнату; у стѣны стояло пианино, у окна — письменный столъ чернаго дерева съ длиннымъ рядомъ фотографій.

На стѣнахъ висѣли гравюры Никольсона — въ строгихъ темныхъ опредѣленныхъ линіяхъ, хорошая копія съ „Жнецовъ“ Миллэ, и „Лэди Гамильтонъ за пралкой“ Ромнея. На столикѣ стояла серебряная пепельница. Покуда онъ разглядывалъ все это, Пеппи глядѣла на него — пристально, упорно. Вдругъ она откинулась на подушки дивана.

— Не будемъ поднимать праха воспоминаній! — воскликнула она почти рѣзко: — такъ безопасно. Пусть его накаплиется цѣлымъ густымъ слоемъ, пусть покроетъ все и вся, такъ чтобы и шаговъ не было слышно.

Пеппи вскочила и, смахнувъ стоявшія на столѣ фотографіи, бросила ихъ въ ящикъ письменнаго стола. Затѣмъ она обернулась съ высоко поднятою головою и стиснутыми зубами къ Доминику Иглезіасу, также поднявшемуся съ мѣста.

— Вы, можетъ быть, не устанавливаете связи между тѣмъ и этимъ, и я даже не особенно желаю, чтобы вы ее установили, но даю вамъ слово, что въ данномъ случаѣ чѣмъ гуще лежитъ эта пыль, тѣмъ лучше.

Она откинула со лба свои черные волосы и, пройдясь по комнатамъ, остановилась передъ Доминикомъ, улыбаясь, со сложенными на спинѣ руками.

— Да, я отдыхаю съ вами, даже — болѣе, чѣмъ я предполагала. Я страшно хотѣла васъ видѣть и боялась, что мы не сойдемся. Но вѣдь мы сойдемся, не правда ли?

— Я думаю, — сказалъ онъ серьезно: — у меня мало друзей. Я былъ бы радъ новому другу. Я радъ, что вы во мнѣ не разочаровались, — прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.

— Я не допускаю и разговоровъ объ этомъ, — воскликнула Пеппи. — Нѣтъ, пожалуйста, не уходите. Сегодня на моемъ горизонтѣ нѣтъ бурь, и я намѣрена насладиться затишьемъ. Станемъ пить чай.

Но Иглезіасу не суждено было выпить чаю. Послышался звонокъ, и вошла пожилая горничная съ карточкою на поднось.

— Его сѣятельство просить принять его по важному дѣлу. Если барышня занята, — онъ можетъ обождать.

Пеппи взглянула на карточку, потомъ на Иглезіаса.

— Я боюсь, что мнѣ придется отпустить васъ, — она дружески взяла обѣ его руки и держала ихъ въ своихъ.

— Не обижайтесь, или вы чрезвычайно огорчите меня. Но онъ — старшій другъ и поддержалъ меня въ самыя тяжелыя минуты моей жизни. Я не могу его прогнать. Вы не обидитесь?

— Нѣтъ.

— И вы придете ко мнѣ? Обѣщаете, что придете?

— Да.

Въ узкомъ корридорѣ высокой господинъ среднихъ лѣтъ, очень изящно одѣтый, постороился, давая ему дорогу. Надменное выраженіе его лица смягчалось комористическою улыбкой его глазъ и красиваго рта.

Дома Иглезіасъ нашелъ записку. Онъ узналъ аккуратный дѣловой почеркъ Джорджа.

„Дорогой другъ, жена проситъ васъ придти завтра къ ужину — пораньше. У насъ гоститъ миссъ Серена Лѣвгровъ, моя кузина. Приходите безъ церемоніи, по домашнему. — Д. Л.“

VII.

— Здравствуйте, барышня! — закричалъ красно-зеленый попугай, прыгая въ влѣтѣхъ.

Серена Лѣвгровъ неожиданно отворила дверь и, увидѣвъ,

что м-ръ Иглезіасъ одинъ стоитъ среди комнаты, а хозяйина съ хозяйкою нѣтъ, она остановилась въ дверяхъ, нерѣшительно играя лентами своего большого желтаго шольковаго ридикюля и соображая, что предписываетъ ей хорошій тонъ—войти или уйти?

Серена была высокая, элегантная лэди въ черномъ; ея маленькая голова сидѣла необыкновенно прямо на тонкой шеѣ. Несомнѣнно увядшая, она сохраняла однако—особенно по вечерамъ—нѣкоторую молоджавость, и всякое волненіе возрождало на мгновеніе призракъ восемнадцатилѣтней Серены.

— Здравствуйте, барышня, душечка моя! — раздирающимъ голосомъ высвистывалъ попугай. — Эй, кучеръ, подавай! Барышня ѣдетъ кататься! Шевелись, что-ли! Запри дверцу! — послѣднія слова звучали уже хрипло.

— Мнѣ кажется, я уже имѣлъ удовольствіе видѣть васъ раза два, миссъ Лѣвгровъ, — очень вѣжливо проговорилъ Доминикъ, видя, что дѣвица смущена восклицаніемъ попугая.

— О, да, конечно, мы встрѣчались, но вы ошиблись въ счетѣ. Мы видѣлись разъ шесть, нѣтъ—пять. Одинъ разъ васъ ждали, и вы не пришли. Пять разъ.

— У васъ превосходная память, — замѣтилъ Иглезіасъ. — Очень любезно съ вашей стороны—помнить это съ такою точностью.

— Въ самомъ дѣлѣ?—отвѣтила Серена безъ малѣйшей попытки на сарказмъ. Подобно всѣмъ незанятымъ или—скорѣе—занятымъ собою особамъ, она постоянно взвѣшивала и педантически разбирала чужія слова. — Но вы правы: у меня хорошая память. Притомъ меня учили, что забывать—грубо и невоспитанно. Забывчивость происходитъ отъ невниманія. Въ школѣ я легко заучивала все наввустъ.

— Пріятная и полезная способность.

— Можетъ быть,—отвѣтила Серена небрежно; она пришла къ убѣжденію, что м-ръ Иглезіасъ былъ грубъ, такъ какъ забылъ о томъ, сколько разъ они встрѣчались, и теперь старается загладить это удвоенною любезностью. Но она будетъ „на сторожѣ“. Въ сущности, ни она, ни кто-либо другой не могъ бы сказать: почему ей слѣдуетъ быть на сторожѣ и чего собственно остерегаться. Однако, надо было поддерживать разговоръ, и не будучи очень находчива, она спросила Иглезіаса, любятъ ли онъ животныхъ?

— Я какъ-то мало знаю ихъ.

Серена сухо засмѣялась. Онъ уклоняется отъ прямого отвѣта, — это очевидно.

— Странный отвѣтъ! — проговорила она. — Какъ можно не знать: любишь животныхъ или нѣтъ?

— Мнѣ мало приходилось имѣть съ ними дѣла.

— Очень странно.

Серена отошла къ столу и принялась разсматривать открытки. Привлеченный ея движеніями, попугай вскочилъ на жердочку и закивалъ головою.

— Бѣдная старушенція, хочешь водочки съ содовой водой? Поцѣлуй меня и будемъ друзьями. Покойной ночи всей компаніи! — пробормоталъ онъ, уже засыпая.

— Если вашъ вопросъ относится именно къ этой птицѣ, то мои чувства вполне опредѣленны. Я терпѣть ее не могу.

— Вотъ видите, вы знаете. Я была въ этомъ увѣрена! — воскликнула Серена. Ея подозрѣніе въ его неискренности подтвердилось. — Но никто съ вами не согласится, м-ръ Иглезіасъ, такъ какъ это очень умная птица. Немногіе изъ нихъ знаютъ такъ много словъ.

— Какое счастье! — позволилъ себѣ замѣтить Доминикъ.

Но тутъ появленіе м-ссъ Лѣвгровъ прекратило интересный разговоръ.

— М-ръ Иглезіасъ, мы съ Джорджемъ такъ рады васъ видѣть. Насъ задержали на собраніи, нашъ дорогой викарій все хлопочетъ... Теперь онъ устраиваетъ общество для обращенія евреевъ въ христіанство. Ваша сестра Сюзанна принимаетъ въ этомъ участіе, милая Серена...

— Сюзанна во всемъ принимаетъ участіе, — замѣтила Серена не безъ презрѣнія.

— Это очень похвально съ ея стороны, она очень добра, — возразила м-ссъ Лѣвгровъ; — даже викарій находитъ, что у нея настоящій ораторскій талантъ.

— Я не увѣрена въ томъ, что это нужно. Сюзанна любитъ общественную дѣятельность.

— Она дѣлаетъ добро.

— Но если это доставляетъ ей удовольствіе, какая же тутъ заслуга? — Я не увѣрена въ томъ, что тутъ есть заслуга. Иногда люди сами не понимаютъ собственныхъ побужденій.

Она многозначительно взглянула на Доминика, который дружески улыбнулся ей. Мысли его перенеслись, какъ это часто бывало за послѣднія сутки, къ домику въ Barnes Common, гдѣ онъ нашелъ друга. Всѣ женщины въ сущности — загадки, но не всякую изъ нихъ — онъ посмотрѣлъ на Серену — стоятъ разгадывать.

Обѣли за ужинъ, „запросто, безъ всякихъ раснословъ“, какъ заявила хозяйка. Серена кушала очень мало. Въ этомъ отношеніи она отличается отъ Сюзанны, у которой большой аппетитъ. Люди, принадлежащіе къ нижней церкви, много не ѣдятъ.

Она обращалась съ м-ссь Лѣвгровъ нѣсколько покровительственно. Семья находила, что Джорджъ сдѣлалъ отчасти mégal-mance; отецъ ихъ былъ генералъ индійской арміи, и барышни сохранили связи въ обществѣ, которыми очень дорожили. Серена была рада, что она пріѣхала въ Лондонъ, но пусть Рода не думаетъ, что оказываетъ ей одолженіе. Скорѣе—наоборотъ.

Сидя, на сонъ грядущій, въ полосатомъ капотѣ передъ зеркаломъ, Серена погрузилась въ глубочайшія соображенія относительно того, что можетъ быть и что могло бы быть, еслибы... Имѣется ли у Джорджа и Роды—противное имъ!—особая причина для того, чтобы пригласить ее? Положимъ, ей это все равно, но, пожалуй, это было бы черезчуръ самонадѣянно съ ихъ стороны. Надо разузнать.

„Понимаетъ ли бѣдный Джорджъ, что Рода нѣсколько вульгарна? Какую грубою становится у нея кожа! Я думаю, что ему бываетъ неловко за нее передо мною: Не было ли въ письмѣ Роды къ Сюзаннѣ какого-нибудь намека, и потому Сюзанна была со мною такъ мила передъ моимъ отъѣздомъ? Удастся ли мнѣ доказать когда-нибудь Сюзаннѣ, что я—не такой нуль, какъ она думаетъ? Что бы сказали у насъ о м-рѣ Иглезіасъ? Конечно, онъ былъ только служащимъ въ банкѣ, но вѣдь и Джорджъ тоже тамъ служилъ. Разница въ томъ, что м-ръ Иглезіасъ—иностронецъ. Еслибы что-нибудь изъ этого вышло, нашла ли бы Сюзанна, что его происхожденіе можетъ служить препятствіемъ?“

Этотъ послѣдній вопросъ показался Серенѣ, завивавшей въ эту минуту волосы на затылкѣ, такимъ важнымъ, что она, глубоко надъ нимъ задумавшись, застыла въ этой неудобной позѣ, пока у нея не затекли руки и шея. Она замѣтила это и разсердилась.

„Надѣюсь, что они не вздумали сдѣлать какого-нибудь намека м-ру Иглезіасу? Это было бы уже слишкомъ! Я должна быть на сторожѣ, чтобы не скомпрометировать себя. Замѣтили ли они, что я держалась очень осторожно?“

Завивка была окончена, и хотя еще множество вопросовъ остались неразрѣшенными, пришлось ложиться спать.

Тѣмъ временемъ Иглезіасъ, посидѣвъ часть-другой наединѣ со старымъ другомъ, шелъ домой среди сгущающейся таинственности лѣтней ночи. Луны не было, но высоко въ небѣ, надъ

огнями огромнаго города, звѣзды горѣли ярко и свѣтло. Жажда широкихъ пространствъ, далекихъ горизонтовъ, ощущеній личныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, берушихъ свое начало въ вѣчномъ и безсмертномъ,—охватила его. Но надо сознаться, что онъ ни на одну секунду не подумалъ о Серенѣ.

VIII.

Изъ кедровъ, давшихъ свое имя коттеджу, уцѣлѣлъ лишь одинъ.

Одинокій гигантъ, мрачный ливанскій изгнанникъ, царилъ надъ остатками прежняго обширнаго сада и значительно затемнялъ задній фасадъ дома. Хотя листва его порѣдѣла и закоптѣла отъ дыма безчисленныхъ трубъ, онъ сохранялъ свою величавость и декоративность, напоминая старинную бронзу. Съ перваго знакомства Доминика съ домомъ м-съ Парчеръ кедръ этотъ былъ ему пріятенъ, даже симпатиченъ. Онъ признавалъ въ немъ извѣстный стоицизмъ, непоколебимое чувство достоинства и надменное пренебреженіе къ грубой пошлости окружающей среды. Шелестъ вѣтра въ сухихъ бесплодныхъ вѣтвяхъ придавалъ ему нѣкоторую подвижность и пробуждалъ смутный напѣвъ, говорившій о дальнихъ мѣстахъ и далекихъ временахъ, и дерево вздрагивало, словно для него оживали давно позабытыя надежды и мечты.

Кедръ былъ дорогъ Иглезіасу еще и потому, что онъ закрывалъ собою безстыдно-новое зданіе прачешной съ блестящею крышею и громадною трубой, выросшее на сосѣдней улицѣ.

Но однажды, въ дождливый вечеръ, маленькій, желтоволосый м-ръ Фарджъ вздумалъ непочтительно отозваться о кедрѣ, и Доминикъ съ нѣкоторою горячностью выступилъ на его защиту.

— Еслибы я дерзнулъ навести критику на что-нибудь, принадлежащее хозяйнѣ здѣшняго дома,—замѣтилъ онъ,—то я не одобрилъ бы вонъ то старое чучело, заглядывающее въ заднія окна.

— Какъ? Нашъ милый старый кедръ? Не можетъ быть, м-ръ Фарджъ!—воскликнула Элиза.

— Именно онъ. Въ такіе дни—какъ сегодня, когда съ него—капъ! капъ! капъ!—каплетъ весь день, отъ него мало веселья, не правда ли, Берти?

— Вотъ именно,—послушно подхватилъ Уортингтонъ:—если что-нибудь можетъ вогнать насъ обоихъ съ Чарли въ мрачную меланхолю, то это именно кедръ!

— Онъ напоминаетъ кладбище, не такъ ли, Берти?

— Последнюю поѣзду къ мѣстамъ вѣчнаго успокоенія? Билетъ — безъ права передачи? — фыркнулъ Декурси-Смитъ, сидѣвшій противъ обыкновенія за столомъ. Тонъ его былъ такъ рѣзокъ, что невольно привлекъ вниманіе. Все стихло. Слышались лишь рыданія дождя въ вѣтвяхъ кедра. Фарджъ поблѣднѣлъ. М-ссъ Парчеръ вздохнула и возвела къ потолку свои красивые глаза. М-ръ Иглезіасъ не безъ любопытства посмотрѣлъ на говорившаго.

— Фи, м-ръ Смитъ! — воскликнула Элиза: — можно ли такъ пугать? У меня морозъ по кожѣ.

— Извините, — буркнулъ Декурси-Смитъ: — обращаю вниманіе на то, что не я первый затронулъ этотъ вопросъ. Я только пожелалъ принять участіе въ рѣдкомъ у насъ интеллигентномъ разговорѣ. Но я все же извиняюсь.

— Это ничего не значитъ, — любезно заявила м-ссъ Парчеръ, — всѣмъ намъ не мѣшаетъ вспоминать иногда о смерти и тому подобномъ, — она томно перевела глаза на м-ра Иглезіаса, занимавшаго почетное мѣсто по правую ея руку, и вздохнула.

— Милая Пышечка! — прошептала Элиза.

— Но за столомъ, конечно, желательны болѣе веселыя темы. Что касается кедра, — неужели вы серьезно предлагаете его убрать, м-ръ Фарджъ?

— Боюсь, что такъ.

— Вы забываете, что онъ осѣнялъ мое дѣтство, онъ связанъ съ моимъ прошедшимъ.

— Развѣ у бутона розы можетъ быть прошедшее! — воскликнула Фарджъ.

М-ссъ Парчеръ улыбнулась, граціозно покачала головою въ знакъ упрека и снова обернулась къ Доминику.

— Я полагаю, намъ всѣмъ интересно знать: что думаете объ этомъ вы, м-ръ Иглезіасъ? Желаете ли вы, чтобы бѣдное старое дерево спилили?

— Наоборотъ, я сталъ бы очень сожалѣть о немъ. Для меня это было бы утратою, такъ какъ видъ его и шумъ его вѣтвей — доставляли мнѣ удовольствіе. Но вы менѣ всего должны соображаться съ моимъ мнѣніемъ.

— Позвольте мнѣ думать на этотъ счетъ иначе! — замѣтила м-ссъ Парчеръ съ мягкимъ подчеркиваніемъ: — мы не забываемъ — не правда ли, Элиза? — это нашъ самый давнишній гость. Во всемъ, касающемся Кедроваго коттеджа, мнѣніе м-ра Иглезіаса должно быть преобладающимъ.

Тутъ Фарджъ съ Уортингтономъ вытаращили другъ на друга глаза, а Декурси-Смитъ тревожно задвигался на мѣстѣ.

— Конечно, дорогая Пышечка, конечно!—воскликнула миссъ Гартъ. Она сіяла. Какое оживленіе! Какой тавтъ! Жаль, что она не догадалась ранѣе — до пріѣзда этой Серены Лѣвгровъ. Впрочемъ, какое можетъ быть соперничество между нею и этой несчастною худышкой!

Доминикъ принялъ, однако, любезность хозяйки съ невозмутимостью, заставившею пылею Элизу мысленно сравнить его со свалою, монументомъ, каменнымъ слономъ и тому подобными, не поддающимся волненію предметами.

— Вы очень добры, — сказалъ онъ, — но, помимо личнаго мнѣнія, тутъ есть, по моему, болѣе вѣскія соображенія. Это нанесло бы ущербъ красотѣ вашего дома. То, что вашъ домъ выиграетъ въ смыслѣ свѣта, онъ утратитъ въ смыслѣ изящества и представительности.

— Да, — сказала м-съ Парчеръ, скромно сложивъ свои пухлыя ручки и опустивъ глаза: — онъ придаетъ дому аристократическій видъ.

— И это не фальшивый видъ, — заявила неугомонная Элиза, прибавивъ мысленно: „Джентльменъ долженъ сразу понять, что Пышечка принадлежитъ къ другому кругу. Пусть эта Серена ловитъ его, какъ кошка—мышь по ту сторону Грина, онъ сразу пойметъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Для этого не надо быть Соломономъ“.

— Боюсь, что вердиктъ будетъ не въ вашу пользу, м-ръ Фарджъ, — объявила м-съ Парчеръ, вставая: — кедръ останется на своемъ мѣстѣ.

Молодой человекъ сдѣлалъ видъ, что утираетъ слезу; затѣмъ они оба съ Уортингтономъ кинулись обгонять другъ друга — отворить двери для дамъ. М-съ Парчеръ обратилась къ м-ру Иглезіасу съ приглашеніемъ присоединиться сегодня къ ихъ маленькому дружескому кружку въ гостиной, но Декурси-Смитъ, все время тревожно вертѣвшійся около Доминика, успѣлъ предупредить ее. Ему „крайне необходимо“ поговорить съ м-ромъ Иглезіасомъ наединѣ.

Доминикъ извинился передъ хозяйкою и не безъ колебанія провелъ непрощеннаго посѣтителя въ свою гостиную. Состраданіе боролось въ немъ съ отвращеніемъ. Этотъ господинъ былъ не только растрепанъ и неопрятенъ, но онъ имѣлъ видъ человека, способнаго на отчаянный поступокъ. Чувство физическаго страха было чуждо Доминику, но его комнаты были его святы-

лицемъ, гдѣ онъ отдыхалъ послѣ трудового дня и всякихъ неприятныхъ впечатлѣній извнѣ. Тамъ были вещи, на которыя онъ смотрѣлъ какъ на реликвию; поэтому онъ не безъ внутренней борьбы пригласилъ Смита къ себѣ.

Газъ былъ зажженъ. Доминикъ опустилъ шторы, замѣтивъ при этомъ сквозя качаемый вѣтромъ мокрыя вѣтви бальзаминовъ знакомый огонекъ въ столовой Джорджа, и вспомнилъ, что онъ до сихъ поръ не побывалъ у м-ссы Лѣвгровъ и миссъ Серены.

Онъ пододвинулъ Смиту кресло, досталъ изъ шкафчика ливеръ, сифонъ съ содовою водою и стаканъ и поставилъ все это передъ нимъ на столикъ.

Смитъ жадно слѣдилъ за его приготовленіями своими выпѣтшими глазами; изыщество обстановки преисполнило его чувствомъ непреодолимой зависти. Отпивъ до половины изъ своего стакана, онъ облокотился локтемъ на столъ и заговорилъ:

— Сейчасъ мы присутствовали при демонстраціи дамскаго благоволенія по отношенію къ вамъ, м-ръ Иглесіасъ. Это было, пожалуй, и лишнее, такъ какъ обстановка вашихъ комнатъ достаточно ясно говорить о томъ, что вы — привилегированный жилецъ м-сы Парчеръ.

Доминикъ продолжалъ стоять; ему казалось, что такимъ образомъ онъ болѣе огражденъ отъ нахальства гостя.

— Я нанялъ эти комнаты безъ мебели, — отвѣтилъ онъ сухо, — а теперь могу я узнать: въ чемъ заключается ваше дѣло?

Смитъ снова отпилъ изъ стакана; рука его такъ дрожала, что зубы звякнули о стекло.

— Я—глупецъ,—сказалъ онъ: — прихожу сюда — просить васъ объ одолженіи, и какой-то чортъ толкаетъ меня на дерзости! Я ненавижу васъ, потому что долженъ извлечь изъ васъ пользу. Эта комната, съ ея скромной солидною роскошью, представляетъ слишкомъ вопіющій контрастъ съ моею обстановкою, съ моимъ матрацомъ, изъ котораго высунулись пружины, — вѣроятно, онъ остался отъ прежняго лакея. Чтѣ вы сдѣлали, вы — чернорабочій этихъ банкировъ-филистимлянъ, — для того, чтобы пользоваться жизненными благами, между тѣмъ какъ я — превосходящій васъ культурностью и талантами, долженъ страдать отъ лишеній? Я задолжалъ м-ссы Парчеръ, и она выгонила меня. „Вечерній Листокъ“ — и тотъ вышвырнулъ меня за дверь. Мнѣ остается одно — околѣвать съ голоду...

— Мнѣ очень жаль, вы должны были бы сказать мнѣ ранѣе. Я помню свое слово. Какъ дѣла съ песою? Вы ее закончили?

Смитъ смущенно задвигался, избѣгая взора хозяина.

— Она гениальна! — воскликнулъ онъ: — вамъ нечего объ этомъ тревожиться. Ваши деньги вернутся вамъ вдвойнѣ, втройнѣ. Это—простое ихъ помѣщеніе.

— Я не имѣлъ въ виду никакого помѣщенія...

— Но я имѣлъ. Неужели вы полагаете, что я иначе рѣшился бы просить васъ объ одолженіи? Вы оскорбляете меня вашимъ дѣланнымъ безкорыстіемъ. Ваши слова звучатъ фальшиво, предупреждаю васъ. Ваше отношеніе ставитъ меня не на одну доску съ вами, и я это чувствую. Я понимаю вашу коммерческую точку зрѣнія на талантъ, но когда моя пьеса появится—вы увидите, увидите... Я покажу вамъ...

Терпѣніе Доминика истощилось; онъ попросилъ собесѣдника, оставивъ въ сторонѣ личности, перейти прямо къ дѣлу и назвать ту сумму, которая выручила бы его изъ затрудненія.

— Временно, конечно?

— Хорошо. Я понимаю, и считаю всякія пререканія—излишними.

— Вы хотите избавиться отъ меня? — фыркнулъ Смитъ: — всѣ этого хотятъ!

Доминику пришлось призвать на помощь все свое человеколюбіе. Трудно было дѣлать добро такому человеку, но онъ вспомнилъ о его нищетѣ, о нравственныхъ его страданіяхъ, породившихъ эту болѣзненную, оскорбительную фѳорму самолюбія, и заговорилъ съ нимъ, какъ съ больнымъ.

— Я не желаю отдѣлаться отъ васъ,—я хочу дать вамъ возможность работать безъ помѣхи. Настоящее произведеніе искусства можетъ быть создано лишь на свободѣ, при условіяхъ полного душевнаго спокойствія и отсутствія мелкихъ заботъ.

— Почему вы знаете? Это не ваша область,—сказалъ Смитъ рѣзко.

М-ръ Иглевіасъ позволилъ себѣ улыбнуться и пожать плечами.

— Я происхожу изъ народа, давашаго въ прошедшемъ великихъ поэтовъ и художниковъ. Любовь къ искусству и пониманіе его унаслѣдованы отъ нихъ и тѣми, кто лично не одаренъ никакимъ талантомъ.

Смитъ сумрачно глядѣлъ передъ собою и, наконецъ, всталъ съ кресла.

— Я—осель, неблагодарный, подозрительный осель. Именно потому что вы великодушны, мнѣ еще ненавистнѣе просить васъ объ одолженіи. Дайте мнѣ двадцать-пять фунтовъ. Съ меньшею суммою мнѣ не выпутаться.

Когда Доминикъ далъ ему деньги, онъ снова сталъ придирается.

— Я не извиняюсь. Я не объясняюсь. Я даже не благодарю васъ. За что? Мое великое произведеніе не только покроетъ этотъ жалкій долгъ, но и оправдаетъ меня въ глазахъ всѣхъ, кто говорить на англійскомъ языкѣ!

Оставшись одинъ, Иглезіасъ отворилъ обѣ форточки, чтобы освѣжиться. У него было тяжело на душѣ; онъ не жалѣлъ денегъ, хотя далъ не по средствамъ много,—но онъ сознавалъ, что деньги эти не принесутъ пользы. Глупые разговоры за обѣдомъ, неумѣстные авансы бѣдной м-съ Парчеръ, тяжелая сцена съ неудачникомъ — угнетали его. Жизнь казалась пуста и безцѣльна. Гуль Лондона походилъ на стоны сильнаго человѣка, закованнаго въ цѣпи и стремящагося сбросить свои оковы.

Онъ вспомнилъ о Пеппи. Онъ былъ у нея недѣли двѣ тому назадъ, но не могъ дозвониться, и изъ чувства деликатности не повторилъ своего посѣщенія.

Но теперь, прислушиваясь къ жалобному шуму стараго одинокаго кедра, онъ находилъ въ мысляхъ о ней какое-то утѣшеніе и обѣщаніе дружбы на равныхъ правахъ, которая не только даетъ сама, но и получаетъ.

IX.

Доминикъ стоялъ на Гаммерсмитскомъ мосту; было холодно; по небу неслись тяжелыя синія тучи, грозившія дождемъ. Рѣка казалась свинцовою и неподвижною; только близъ Чизвика вѣтеръ, несшійся навстрѣчу приливу, поднималъ на волнахъ бѣлыя гребешки, казавшіеся издали блѣдными руками, поднимающимися съ мольбою къ небу. Пароходы, тащившіе за собою вереницы баржъ, бороздили воду; знамена дыма изъ высокихъ фабричныхъ трубъ разстилались къ небу; мостъ дрожалъ подъ тяжелыми возами; вѣтеръ скрипѣлъ желѣзными, выкрашенными въ зеленую краску цѣпями моста, и казалось, что между природою и сложнымъ механизмомъ современной цивилизаціи происходитъ глухая борьба.

Пеппи тоже шла по сторонѣ, предназначенной для пѣшеходовъ, но она не столько наблюдала за происходившимъ, сколько а Доминикомъ, еще не замѣчавшимъ ея присутствія.

Его высокая, статная, худощавая фигура, серьезное тонкое лицо, отличавшія его отъ большинства окрашенныхъ въ тусклые вѣта смертныхъ—восхищали ея артистическій вкусъ.

„Еслибы какая-нибудь женщина овладѣла имъ, когда онъ былъ молодъ,—какъ бы она была счастлива и осталась бы при этомъ порядочною женщиной, вполне безукоризненною!“

Она рѣшительно подошла къ нему, пробираясь среди прохожихъ.

— Взгляните на меня, милый другъ, взгляните. Я, право, этого заслуживаю. Я вернулась вчера поздно вечеромъ, и мнѣ такъ захотѣлось васъ видѣть, что вы не можете себя представить. Сегодня я была увѣрена, что вы придете, и пошла васъ встрѣчать. Вы рады?

Доминикъ, удивленный, хотя онъ и находилъ это естественнымъ, отвѣтилъ просто.

— Да, я очень радъ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Вѣдь мой выходъ былъ вызванъ простымъ предчувствіемъ: иногда мнѣ кажется, что должно случиться то-то и то-то. Но еслибы вы не пришли,—нечего и говорить, что я пришла бы въ адское состояніе духа.

Иглезіасъ улыбался. Пеппи предстала ему сегодня въ новомъ свѣтѣ: она была въ гладкомъ черномъ платьѣ съ блузкою, придававшемъ ей неожиданно изящный видъ. Онъ заговорилъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, происходившимъ отъ робости и гордости.

— Мое вчерашнее настроеніе совпало съ вашимъ. У меня тоже былъ черный день. Мнѣ хотѣлось васъ видѣть, и еслибы я васъ не засталъ сегодня, мнѣ было бы очень тяжело.

Пеппи вопросительно и пристально взглянула на него, затѣмъ вдругъ быстро отвернулась и обловотилась о перила моста. Онъ увидѣлъ, что она плачетъ, и сталъ съ правой ея стороны, чтобы защитить ее отъ взоровъ прохожихъ. Ему казалось, что они—одни среди шума толпы и грохота экипажей, что онъ долженъ отъ чего-то защищать ее, и это было непривычно сладостное ощущеніе, полное непреходящей красоты. Старость и одиночество перестали грозить ему. Волна признательной радости залила его душу.

Пеппи обернулась; глаза ея смѣялись, но были влажны.

— Ну, пойдите, милый другъ. Мнѣ нужно придти въ равновѣсіе. Поведите меня куда-нибудь—въ тихое мѣсто, мнѣ хочется пройтись.

Уступая ея желанію, Доминикъ повелъ ее по узкимъ стариннымъ улицамъ и переулкамъ, болѣе напоминающимъ маленькій портовый городокъ, чѣмъ Лондонъ. Тамъ были пѣшеходные мостики, переброшенные черезъ каналы, маленькіе коттеджи, склады, построенные наполовину изъ дерева. Пахло смолою и

канатомъ; кое-гдѣ шмыгали кошки и свскали воробы, но прохожихъ попадалось мало; лишь изрѣдка доносился рѣзкій звукъ сирены.

Они молчали, но оба чувствовали присутствіе другъ друга, и слова казались имъ излишними. Когда они достигли открытой площадки съ кирпичною стѣнкой и высокими вязами, Пеппи протянула руку Иглезіасу.

— Какой вы умный!—сказала она.—Вы привели меня какъ разъ туда, куда слѣдуетъ. Я опять бодра и мужественна. Но чтѣ за странное мѣстечко! Какъ вы нашли сюда дорогу?

— Я часто приходилъ сюда въ прежніе годы. По окончаніи службы, я не могъ отлучаться надолго изъ дому. Въ сумеркахъ или вечеромъ мнѣ нравилась эта мѣстность съ ея мелькающими огоньками, со спускомъ къ рѣкѣ; оттуда можно было наблюдать за приливомъ и отливомъ, за вѣчнымъ стремленіемъ рѣки къ морю. Это было единственнымъ доступнымъ для меня уголкомъ свободной, еще не закованной въ цѣпи природы, чуждой кирпича и известки. Я наблюдалъ за умираніемъ заката, за восходящими звѣздами, за шелестомъ блѣдныхъ ивъ, и никто въ сумеркахъ, когда набѣгаетъ вечерній вѣтерокъ, не тревожилъ меня здѣсь. И вотъ я полюбилъ этотъ уголокъ; онъ успокоительно дѣйствовалъ на меня, помогалъ мнѣ спокойно относиться къ жизни, мириться съ неизбѣжнымъ, терпѣть и прощать.

Покуда онъ говорилъ, рука Пеппи продолжала безсознательно лежать въ его рукѣ.

— Вы поэтъ,—сказала она,—и вы очень добрый человекъ. Доминикъ засмѣялся и покачалъ головою.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я не поэтъ и совсѣмъ не такъ добръ. Я только пытался быть вѣрнымъ до конца моему единственному долгу.

Пеппи подошла къ самой стѣнкѣ и смотрѣла на высоко поднявшійся приливъ.

— Вы дѣлали все это и страдали изъ-за женщины, — сказала она:—такой человекъ, какъ вы, всегда разрывается на части изъ-за какой-нибудь женщины. Надѣюсь, что она стояла того,—зачастую онъ этого не стоитъ. Кто она была? Любимая вами женщина? Ваша жена?

— Женщина, которую я любилъ, но не моя жена.

Пеппи рѣзко взглянула на него, — въ глазахъ ея были страхъ и вопросъ, словно она ожидала, что вотъ-вотъ услышитъ самое худшее.

— Не ваша возлюбленная?—воскликнула она:—не говорите

мнѣ, что она была вашею возлюбленною! Видить Богъ, что я не вправѣ огорчаться. Но я огорчилась бы. Для меня это значило бы погасить сразу всѣ огни. Если это такъ—разстанемся сейчасъ же. Вы мнѣ не нужны,—я знаю теперь, гдѣ я. У сквера я найду кѣбъ, и онъ отвезетъ меня домой,—я называю это домомъ, такъ какъ другого дома у меня нѣтъ... Что же касается васъ, то если у васъ есть капля жалости, пусть я никогда васъ больше не увижу! Вы не нужны мнѣ, я уже сказала вамъ. Идите и предоставьте меня моей судьбѣ, а какова она будетъ—это уже не ваша забота.

Она остановилась, задыхаясь; глаза ея сверкали, лицо было очень блѣдно. Она словно выросла, и въ ея горечи, сожалѣніи и отреченіи—чувствовалась огромная сила.

— Въ концѣ концовъ, я не знаю даже вашего имени, и потому, слава Богу, мнѣ не трудно будетъ забыть васъ.

Слова ея и лицо странно взволновали Иглезіаса; они показали ему воплощеніемъ грознаго неба, мрачной рѣки, всей скорби умершаго лѣта и бурныхъ осеннихъ огней. Съ минуту онъ молча глядѣлъ на нее. Затѣмъ онъ взялъ обѣ ея руки въ свои и очень крото улыбулся ей.

— Нѣтъ, дорогой другъ,—сказалъ онъ,—эта женщина не была моею возлюбленною, она была... моя мать!—голосъ его дрогнулъ.—Я никогда не говорю о ней, но постоянно о ней думаю. Она была святая и красавица. И она страдала... она такъ много страдала въ жизни, что разумокъ у нея помутился. Вы поняли теперь? Въ теченіе многихъ лѣтъ она была помѣшана.

Съ англ. О. Ч.

РОСТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА

Р О С С И И

1769 — 1906 гг.

Въ проектѣ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1907 годъ текущія платежи по государственнымъ долгамъ исчислены въ 381 милл. руб. Сверхъ того въ смѣту внесенъ чрезвычайный расходъ въ 53 милл. руб. на погашеніе краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства, выпущенныхъ въ 1906 г. Этотъ долгъ предполагается, впрочемъ, покрыть выручкою отъ новыхъ займовъ на сумму 234 милл. руб., фигурирующихъ въ проектѣ росписи. Въ слѣдующемъ году можно поэтому ожидать возрастанія платежей по государственнымъ долгамъ милліоновъ на десять. А принимая во вниманіе долговныя обязательства государства, не входящія въ рубрику платежей по государственнымъ долгамъ, какъ-то ежегодный взносъ болѣе 3 милл. руб. за отошедшія къ удѣльнымъ крестьянамъ земли, остающіяся на государственномъ казначействѣ, несмотря на отміну выкупныхъ платежей, приплаты по гарантіи желѣзнодорожныхъ капиталовъ, долги разнымъ лицамъ и т. п., — можно допустить, что въ ближайшіе годы ежегодные платежи по смѣтѣ государственнаго кредита приблизятся къ суммѣ 400 милл. руб. Съ этимъ расходомъ можетъ теперь конкурировать только расходъ на военное министерство, занесенный въ роспись на 1907 г. въ суммѣ 389 милл. руб.

Для того, чтобы судить о тяжести расходовъ по системѣ государственнаго кредита, его нужно сопоставить съ суммою тѣхъ ресурсовъ, которые идутъ на государственныя нужды. Въ

росписи на 1907 г. сумма обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ исчислена въ 2.175 милл. руб. Если всю эту сумму считать расходуемой на государственныя нужды, то обязательства по государственному кредиту поглотятъ 17,5⁰/₀ или болѣе ¹/₆ части бюджета. Но средства удовлетворенія государственныхъ нашихъ потребностей далеко не достигаютъ суммы обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, исчисленныхъ въ 2.175 милл. руб. На государственныя нужды идетъ лишь чистый остатокъ, за вычетомъ расходовъ взиманія. Въ отдѣлѣ налоговъ расходомъ взиманія при приблизительныхъ подсчетахъ можно пренебречь потому, что онъ составляетъ ничтожную, сравнительно, часть собираемыхъ суммъ. Но нельзя того же сказать о той части государственныхъ доходовъ, которая получается отъ хозяйственныхъ предприятий. Частные предприниматели остаются довольны, если ихъ имѣнїе, фабрика или желѣзная дорога принесетъ 10⁰/₀ барыша, т.-е. если расходы предприятий поглощаютъ цѣлыхъ 90⁰/₀ валового дохода. Приблизительно то же наблюдается и въ области хозяйственныхъ предприятий государства, и гдѣ эти предприятия играютъ видную роль въ дѣлѣ составленія валовой суммы государственныхъ доходовъ, тамъ эту послѣднюю нельзя цѣликомъ заносить въ счетъ ресурсовъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Изъ нея нужно исключить расходы, поглощаемые хозяйственными предприятиями, какъ таковыми.

Хозяйственныя предприятия играютъ въ послѣдніе годы очень видную роль въ составленіи валовой суммы нашихъ государственныхъ доходовъ, и въ росписи доходовъ на 1907 г. внесено 1.178 милл. руб., получаемыхъ отъ винной монополіи, отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, заводовъ и складовъ. Операционные же расходы этихъ предприятий опредѣлены въ 720 милл. руб. Чтобы получить болѣе точную цифру средствъ, предназначенныхъ на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, указанную выше сумму валового государственнаго дохода (2.175 милл. руб.) нужно поэтому уменьшить на 720 милл. руб. Сумма ожидаемыхъ въ 1907 г. обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ обратится тогда до 1.455 милл. руб., и расходъ по системѣ государственнаго кредита (381 милл. руб.) окажется поглощающимъ уже болѣе ¹/₄ части государственныхъ ресурсовъ.

Но не весь расходъ данной категоріи падаетъ на общегосударственныя средства. Нѣкоторые займы заключены для производительныхъ цѣлей и воплотились, такъ сказать, въ предприятияхъ, рассчитанныхъ на опредѣленный доходъ. Сюда относятся, главнымъ образомъ, желѣзнодорожныя займы. До отѣмны выкупныхъ

платежей, обязательствами, имѣющими спеціальныя источники покрытія, были также долги выкупныхъ операцій, нынѣ переходящія на общегосударственные ресурсы. Къ 1-му января 1907 г. государственный долгъ составлялъ 8.610 милліоновъ рублей. По расчету проф. Мигулина ¹⁾, относящемуся къ долгу въ 8.573 милл. руб., 5.416 милл. руб. или 63% этого долга обязаны своимъ происхожденіемъ общегосударственнымъ надобностямъ и должны оплачиваться изъ общихъ государственныхъ ресурсовъ; а 3.156 милл. руб. занято для желѣзныхъ дорогъ, и уплата лежащихъ на государствѣ обязательствъ должна, казалось бы, покрываться средствами, выручаемыми отъ эксплуатаціи рельсовой сѣти. Посмотримъ же—оправдываются ли эти ожиданія?

Обязательства государственнаго казначейства по оплатѣ слишкомъ 3-хъ-милліарднаго долга, заключеннаго для нуждъ желѣзныхъ дорогъ, опредѣляются на 1907 г. приблизительно въ 130 м. р. Валового дохода отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ ожидается 489 милл. р., а расходъ на эксплуатацію дорогъ, на ихъ улучшение и приобрѣтеніе для нихъ подвижнаго состава предположенъ въ 476 милл. руб. Чистая выручка желѣзнодорожнаго хозяйства составитъ такимъ образомъ 13 милліоновъ рублей, т.-е. ровно $\frac{1}{10}$ часть суммы, назначенной для покрытія процентовъ и погашенія долговъ, заключенныхъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. На погашеніе желѣзнодорожнаго долга могли бы идти поступления отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ возвратъ правительственныхъ ссудъ и другихъ обязательствъ; но эти поступления столь ничтожны, что ихъ можно оставить безъ разсмотрѣнія. Приходится поэтому мириться съ тѣмъ, что на общихъ нашихъ государственныхъ ресурсахъ будетъ лежать вся тяжесть долговъ, заключенныхъ не только для общегосударственныхъ нуждъ, но—въ ближайшемъ, по крайней мѣрѣ, будущемъ—и для такихъ, казалось бы, производительныхъ цѣлей, какъ сооруженіе рельсовыхъ путей.

Въ виду важнаго значенія для нашего бюджета государственнаго долга, увеличивающаго на цѣлую треть ²⁾ денежные жертвы націи для поддержанія государственнаго организма, — не можетъ не представлять интереса вопросъ о причинахъ и послѣдовательности хода задолженности русскаго государства. Мы

¹⁾ Русскій государственный кредитъ, т. III, выш. V, стр. 1.189.

²⁾ Изъ полутора почти милліарда рублей, по сѣтѣ на 1907 г., очищающагося (закрытіемъ эксплуатаціи хозяйственныхъ предпріятій) для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, 380 милл. руб. пойдутъ на оплату долговъ, а 1.075 милл. руб.—на стальные потребности; первая сумма составляетъ болѣе $\frac{1}{3}$ части второй.

воспользуемся поэтому нынѣ закончившимся обширнымъ трудомъ проф. Мигулина „Русскій государственный кредитъ“, чтобы познать читателя съ движеніемъ государственнаго долга Россіи.

I.

Экстренные расходы государствъ почти всюду вызываются, главнымъ образомъ, внѣшними войнами и затратами на приведеніе арміи въ боевую готовность, т.-е. на увеличеніе ея численности, улучшеніе вооруженія и обученіе новому строю и новымъ воинскимъ приемамъ. Отдѣльныя государства могли рѣзко отличаться другъ отъ друга въ отношеніи высоты политическаго развитія, положенія образованія, состоянія промышленности и т. п., но они должны были находиться приблизительно на одномъ уровнѣ въ томъ, что касается ихъ боевой способности—иначе они переставали играть видную роль въ общемъ международномъ концертѣ, и не были даже застрахованы отъ опасности прямого завоеванія сильнымъ сосѣдомъ. Всѣ европейскія правительства стремились поэтому къ усиленію своихъ боевыхъ средствъ. Болѣе культурныя и богатяя государства изобрѣтали съ этой цѣлью новыя орудія истребленія людей; эти усовершенствованія техники военнаго дѣла вели обыкновенно къ увеличенію численности арміи; а слѣдствіемъ того и другого было возрастаніе расходовъ на военное дѣло. Культурныя и богатяя государства выдерживали это возрастаніе; самыя усовершенствованія военнаго дѣла истекали у нихъ изъ предварительныхъ завоеваній науки, развитія промышленной техники и національнаго богатства. Но, появившись, такъ сказать, естественно въ одной странѣ, эти усовершенствованія необходимо перебрасывались въ другія, менѣе подготовленныя къ реформѣ; и чѣмъ болѣе отсталымъ и бѣднымъ было государство, тѣмъ непосильнѣе оказывались для него денежные средства, требовавшіяся для такого нововведенія.

Особенной тяжестью военные расходы ложились на наше государство, какъ потому, что Россія была самая отсталая и наименѣе промышленно развитая изъ европейскихъ странъ, такъ и по причинѣ того, что ей приходилось бороться на нѣсколько очень растянутыхъ фронтахъ, отражать враговъ и наступать на нихъ на западѣ, востокѣ и на югѣ. Какія средства требовались для этого, можно судить потому, что въ Московскомъ государствѣ военныя нужды поглощали цѣлую половину государственныхъ ресурсовъ, при Петрѣ I расходы на армію и флотъ составляли

отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ бюджета, а въ началѣ царствованія Екатерины II (если не считать издержекъ по собиранію доходовъ) на содержаніе войска тратилось $\frac{2}{3}$ суммы обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ¹⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что виднѣйшимъ мотивомъ внутренней политики русскаго правительства со времени образованія Московскаго государства было стремленіе увеличить государственные доходы, и что это наложило рѣзкій отпечатокъ на все наше социальное развитіе. Съ конца XV в., напр., до Петра I „Россія пять разъ переживаетъ коренную ломку во всемъ строѣ государственнаго управленія. И всякій разъ въ основѣ ломки лежитъ необходимость финансоваго переустройства. А необходимость послѣдняго вызывалась новыми, болѣе дорогими, улучшеніями въ техникѣ военнаго дѣла“ (Милюковъ).

Наибольшую нужду въ деньгахъ правительства испытывали во время войнъ. Они прибѣгали для полученія средствъ къ различнымъ пріемамъ, и въ XVII вѣкѣ въ Западной Европѣ начали возникать внутренніе, а затѣмъ и внѣшніе государственные займы.

Русское правительство въ прежнія времена не могло разсчитывать на реализацію внутреннихъ государственныхъ займовъ, потому что при господствѣ натурального быта и отсутствіи широкаго распространенія крупной торговли, населеніе страны не отличалось богатствомъ денежныхъ средствъ. По той же причинѣ у насъ не было организовано правильныхъ кредитныхъ учрежденій для надобностей частныхъ лицъ. Не могли русскіе царя и первые императоры разсчитывать и на кредитъ заграничный, и попытки заключенія внѣшнихъ займовъ при Петрѣ I и Елизаветѣ терпѣли неудачи. Иностранцы плохо знали Россію, а то, что доходило до нихъ свѣдѣнія, не внушало довѣрія къ кредитоспособности этой полуазиатской страны. Къ концу XVIII вѣка положеніе измѣнилось. Россія болѣе и болѣе принимала внѣшнія европейскія формы, привела въ нѣкоторый порядокъ финансы, а успѣшнымъ окончаніемъ многочисленныхъ войнъ завоевала репутацію одной изъ могущественнѣйшихъ державъ. Престоль въ концѣ XVIII вѣка занимала въ Россіи императрица, считавшаяся въ Европѣ одною изъ просвѣщеннѣйшихъ и либеральныхъ правительницъ. Ей-то и удалось пробить брешь въ тѣнѣ недовѣрія европейскихъ капиталистовъ къ кредитоспособ-

¹⁾ П. Милюковъ. Очерки по исторіи культуры. Ч. I. Очеркъ третій.—Н. Д. Челинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II, р. 288.

ности Россіи и положить начало тѣмъ финансовымъ операціямъ, которыя въ настоящее время висятъ на плечахъ русскаго народа бременемъ почти въ 400 милл. р. ежегодныхъ платежей.

Обстоятельствомъ, побудившимъ Екатерину, какъ и ея предшественниковъ, искать денегъ за границей, были расходы на военныя надобности. Закончивъ побѣдоносно войну съ Пруссіей и предполагая начать войну съ Турціей, русское правительство для пріобрѣтенія средствъ приступило, въ 1768 г., къ выпуску ассигнацій, къ тому, что называется безпроцентнымъ займомъ, а въ 1769 г. объявило о заключеніи иностраннаго займа въ $7\frac{1}{2}$ милл. голландскихъ гульденовъ, которые предполагалось израсходовать за границей же на военныя операціи въ Средиземномъ морѣ и на агитацію въ Польшѣ въ пользу Россіи. Хотя заемъ этотъ обезпечивался таможенными сборами, но амстердамскіе банкиры, привлеченные къ участию въ этомъ дѣлѣ, медленно размѣщали русскія обязательства, и правительство для слѣдующихъ займовъ обратилось къ другимъ посредникамъ. Блестящія побѣды русскихъ войскъ надъ турками и полученіе доли въ первомъ раздѣлѣ Польши подняли кредитъ русскаго государства, и къ концу царствованія Екатерины было уже заключено шестнадцать иностранныхъ займовъ, на сумму 53 милл. руб., давшихъ выручку въ 50 милл. руб., или 95⁰/₁₀₀. Часть этой суммы истрачена, впрочемъ, на погашеніе болѣе раннихъ займовъ, а на покрытіе дефицитовъ осталось лишь 33 милл. р. Другой источникъ чрезвычайныхъ средствъ — выпускъ ассигнацій — далъ правительству Екатерины 157 милл. р. Этими двумя ресурсами не были, однако, покрыты дефициты государственнаго хозяйства. По расчету Н. Д. Чечулина, за тридцать-пять лѣтъ царствованія Екатерины, государственныхъ доходовъ поступило 1.415 милл. р., а расходовъ произведено 1.615 милл. р., т.-е. на 200 милл. р. болѣе. Чрезвычайные же ресурсы дали 190 милл. р. За правительствомъ остались еще долги по поставкамъ, погашенные въ слѣдующее царствованіе выпускомъ ассигнацій.

Въ краткій періодъ правленія Павла I русская казна не успѣла обремениться новыми крупными долгами. Заемъ въ 18 милл. руб. заключенъ въ это время главнымъ образомъ для расплаты съ долгами польской короны, лежавшими на земляхъ, перешедшихъ подъ власть Россіи. Расходы итальянскаго похода Суворова покрыты были ассигнаціями, выпущенными въ количествѣ 55 милл. руб.

Александръ I получалъ, такимъ образомъ, отъ предшественниковъ 54 милл. р. с. (63 милл. руб. ассигнаціями) вѣнскихъ дол-

говъ и 212 милл. р. ассигнацій. На первыхъ порахъ новый царь пытался соблюденіемъ экономіи предупредить образованіе новыхъ дефицитовъ. Это ему, однако, не совсѣмъ удалось, а вмѣшательство Александра въ распри западно-европейскихъ правительствъ повело къ обремененію государственнаго казначейства огромными расходами чрезвычайнаго характера. Съ 1805 г. начался десятилѣтній періодъ почти непрекращавшихся войнъ его съ Турціей, Персіей, Швеціей и, главное, съ Франціей; и въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ царствованія дефициты составили сумму въ 376 милл. р. Покрывать эти недочеты путемъ внѣшнихъ займовъ было невозможно: по причинѣ, главнымъ образомъ, смутнаго времени, денежные рынки Европы находились въ стѣсненномъ состояніи. Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ описываемаго періода, обратились поэтому къ выпуску ассигнацій (на 320 милл. р.). Въ это же время правительство начало употреблять въ качествѣ чрезвычайнаго ресурса суммы, хранившіяся въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

До второй половины XIX в., въ Россіи, какъ извѣстно, не существовало частныхъ кредитныхъ учреждений и первые наши банки были казенные. Банки, оперировавшіе не только на свои капиталы, но и за счетъ вкладовъ, возникли въ 1754 г., и въ описываемое время они находились въ столицахъ и губернскихъ городахъ. Банки принимали вклады до востребованія изъ 5⁰/₀ и выдавали ипотечныя ссуды. Эти учрежденія имѣли большой успѣхъ, и количество вкладовъ скоро превзошло требованія ссудъ. Эти-то суммы правительство Александра I и стало заимствовать изъ банковъ изъ 6⁰/₀ на государственныя нужды.

Хотя при помощи указанныхъ средствъ и были покрыты дефициты первыхъ лѣтъ правленія Александра, но будущее не становилось оттого яснѣе, потому что нужда въ деньгахъ росла, а покупательная сила безмѣрно выпускавшихся ассигнацій падала изо дня въ день. Въ концѣ царствованія Екатерины II рубль ассигнаціями упалъ уже до 70 коп. серебромъ, а послѣ выпуска при Александрѣ ассигнацій на 320 милл. руб., курсъ ихъ въ 1809 г. опустился до 33 коп. Подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ въ 1810 г. былъ поставленъ на очередь вопросъ о средствахъ улучшенія финансовъ. Согласно проекту Сперанскаго, для достиженія этой цѣли слѣдовало сократить расходы, повысить налоги и уменьшить болѣе чѣмъ на половину количество обращающихся ассигнацій и тѣмъ возстановить ихъ нормальный курсъ. Средства для изытія ассигнацій предполагалось получить путемъ возвышенія налоговъ, отчужденія нѣкоторыхъ государ-

ственныхъ имуществъ и обращенія къ внутреннимъ процентнымъ займамъ.

Эти предположенія получили, однако, лишь частичное осуществленіе. Подушная подать была дѣйствительно увеличена почти въ два раза, оброчная подать государственныхъ крестьянъ поднята на 4—5 рублей. Что же касается средствъ для сокращенія количества ассигнацій, то продажа государственныхъ имуществъ дала ничтожную выручку, а объявленный въ 1809 г. первый внутренній заемъ, несмотря на предложенные 7⁰/₀, потерпѣлъ неудачу и далъ всего 3 милл. р. Въ 1810 г., впрочемъ, объявленъ новый внутренній заемъ на 100 милл. р. ассигнаціями, причемъ одинъ ссужаемый серебряный рубль принимался за два ассигнаціонныхъ. Первый выпускъ этого займа въ 20 милл. руб. былъ успѣшно реализованъ. Но дальнѣйшіе его выпуски были приостановлены—потому ли, какъ думаютъ гг. Бржескій и др., что въ уплату за облигаціи поступило лишь 5 милл. р. ассигнацій, а 15 милл. р. были внесены вкладными билетами казенныхъ банковъ,—или, какъ полагаетъ г. Мигулинъ, что въ это время стали готовиться къ войнѣ съ Наполеономъ, и правительству было не до реформъ. Такъ или иначе, но вмѣсто извлеченія изъ обращенія ассигнацій періодъ отечественной войны отличался, напротивъ того, усиленными ихъ выпусками.

Съ 1810 по 1816 г. ассигнацій было выпущено на 300 милл. руб. Въ это же время прибѣгали и къ усиленнымъ заимствованіямъ суммъ изъ разныхъ учреждений, и не только излишковъ суммъ въ казенныхъ банкахъ, сверхъ того, что требовалось заемщиками, для которыхъ эти банки и были устроены: въ 1812 г. велѣно было совсѣмъ прекратить выдачу этими банками частныхъ ссудъ и обратить, кромѣ того, въ государственное казначейство капиталы и суммы, принадлежащіе городамъ, остановивъ „на время терпящіе городскіе расходы, какъ-то, строенія и прочія заведенія“. Все приносилось въ жертву богу войны!

Съ окончаніемъ въ 1815 г. отечественной войны, при министрѣ финансовъ Гурьевѣ, занялись опять вопросомъ объ исправленіи финансовъ. Самымъ виднымъ отрицательнымъ послѣдствіемъ прежней политики было пониженіе курса ассигнацій, опускавшася по временамъ до 20 к. с. за рубль, и согласно господствовавшимъ воззрѣніямъ правительство считало нужнымъ и возможнымъ восстановить бумажныя деньги въ ихъ первоначальной цѣнности путемъ извлеченія изъ обращенія излишняго количества ассигнацій. Нужно было, затѣмъ, возвратить суммы,

заимствованныя изъ различныхъ учреждений и возстановить ссудныя операціи банковъ. Средства для этого должны были доставить займы. Условія для заключенія таковыхъ оказались въ это время болѣе благоприятными, и въ теченіе 1817—18 гг. правительству удалось реализовать пять внутреннихъ займовъ на 331 милл. р. асс. (95 м. р. с.), а въ 1820—22 гг. два иностранныхъ займа на 83 милл. р. с. (выручено 59 м. р. с.). Суммы, вырученныя отъ внутреннихъ займовъ, затрачены на уплату частныхъ долговъ по военнымъ поставкамъ и на консолидированіе долга казеннымъ банкамъ; суммы вѣшнихъ займовъ пошли на погашеніе ассигнацій. Отдѣльно отъ этихъ операцій стоитъ вѣшній заемъ въ 10 м. р. для оплаты процентовъ по старымъ займамъ, не производившейся въ теченіе Наполеоновскихъ войнъ. Всего при Александрѣ I было заключено займовъ: на сумму 93 м. р. с. займовъ иностранныхъ, 355 м. р. асс. внутреннихъ и 324 м. р. асс. заимствовано изъ различныхъ учреждений. Считая 3 р. 50 к. асс. равными 1 р. с., это составитъ 287 м. р. с. нарицательныхъ (выручено же 248 м. р. с.). Около 100 м. р. займовъ (считая нарицательную сумму) ушли непосредственно на военныя операціи, 70 м. р.—на погашеніе ассигнацій, выпущенныхъ для той же цѣли, и около 120 м. р. израсходовано на уплаты процентовъ и выкупъ долговъ. Погашено въ это время было 100 м. р. долговъ, и $\frac{3}{4}$ этой суммы падаетъ на консолидацію позайствованій изъ казенныхъ банковъ. Государственный долгъ уменьшился въ это время еще на 28 м. р., потому что Англія и Голландія, за согласіе на политическую между ними сдѣлку, взяли на себя оплату 5⁰/₁₀₀ интереса и 1⁰/₁₀₀ погашенія по иностранному долгу въ 25 милл. гульденовъ каждая. Англія аккуратно выполняла свои обязательства вплоть до 1891 г., когда этотъ долгъ былъ погашенъ. Что же касается Голландіи, взявшей на себя обязательство подъ условіемъ сохраненія за собой присоединенной тогда къ ней Бельгіи, то она отказалась отъ него послѣ того, какъ послѣдняя въ 1830 г. превратилась въ самостоятельное государство. За исключеніемъ 127 м. р., погашенныхъ описанными операціями, правительство Александра I передало своему преемнику новый долгъ въ 160 милл. р. с. вмѣстѣ съ долгами Павла и Екатерины (54 м. р.), задолженность государства достигла въ концѣ царствованія Александра 214 милл. руб. с. Кромѣ указаннаго процентнаго долга, новое царствованіе получило въ наслѣдіе отъ стараго непогашенныя ассигнаціи въ суммѣ 596 милл. р. (погашено при Александрѣ I 240 м. р.), соответствующихъ 170 милл. рублей серебромъ.

II.

Вышеподведенный итогъ относится собственно къ 1822 г., когда, за два года до смерти Александра, въ управленіе финансами вступилъ талантливый финансистъ, гр. Канкринъ, заслужившій одобреніе современныхъ ему западно-европейскихъ дѣятелей. Но со всѣми его талантами Канкринъ не внесъ существенно новаго въ дѣло постановки русскихъ финансовъ, и на пути рѣшительныхъ преобразованій стояли, съ одной стороны, крѣпостной строй и консерватизмъ императора, съ другой—воинственная политика послѣдняго, требовавшая новыхъ жертвъ. Канкринъ только отказался отъ мысли обременять казначейство долгами ради поднятія курса ассигнацій, путемъ сокращенія количества обращающихся бумажекъ. Результаты подобныхъ мѣропріятій его предшественника, дѣйствительно, не располагали къ повторенію опытовъ: изытіе изъ обращенія Гурьевымъ болѣе $\frac{1}{4}$ части ассигнацій подвело ихъ курсъ всего на 5⁰/₀. Но Канкрину пришлось прибѣгать къ тому же, не одобряемому имъ, средству заключенія займовъ изъ-за воинственной политики государя и частью для ликвидаціи дѣлъ, предшествовавшихъ войнѣ. Подобно Александру, Николай вмѣшивался въ европейскія дѣла не въ интересахъ своей страны, но изъ-за постороннихъ принципіальныхъ побужденій; и тогда какъ его братъ не прочь былъ стоять и за либеральныя начала, самъ онъ выступалъ только на защиту реакціи, и будучи—правда, не призваннымъ—стражемъ политическаго status quo Европы, готовилъ войско къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, предпринять походъ для подавленія революціонныхъ движеній у своихъ сосѣдей. Такая политика, естественно, вызывала подозрѣніе о завоевательныхъ планахъ русскаго правительства и ненависть къ нему, какъ къ международному жандарму, и это не могло не отразиться на состояніи нашего кредита. Потребность же въ кредитныхъ операціяхъ была велика, потому что воинственная политика императора въ періодъ управленія финансами Канкринъ привела не только къ непосредственному расходу въ 150 м. р. на военныя операціи, но и къ увеличенію расходовъ военнаго вѣдомства въ мирное время, которое, впрочемъ, можно считать лишь относительно мирнымъ, такъ какъ во все время правленія Николая I не прекращались военныя дѣйствія на Кавказѣ. Денежныя средства требовались еще для образованія размѣннаго фонда (32 м. р.) въ виду воз-

становленія металлическаго денежнаго обращенія и для оплаты обязательствъ по быстро растущимъ займамъ.

Первые займы за границей, на сумму 65 м. р. с., были заключены въ 1828 — 32 гг. для покрытiя расходовъ турецкой войны и слѣдовавшаго за ней польскаго возстанiя. Но вырученная сумма (56 м. р.) покрывала лишь половину дефицита, а потому съ первыхъ же лѣтъ царствованiя Николая I стали прибѣгать къ позаймствованiямъ изъ казенныхъ банковъ; общая ихъ сумма при Канкринѣ составила 166 м. р. с. Въ 1831 г., послѣ испытанныхъ затрудненiй при заключенiи вѣнскихъ займовъ, прибѣгли къ вольнымъ внутреннимъ займамъ. Къ выпуску ассигнацiй для покрытiя дефицитовъ Канкринъ не прибѣгалъ. Внутреннiе займы дали при Канкринѣ 40 м. р. с. (142 м. р. асс.). Этотъ министръ ввелъ новую форму займа въ видѣ краткосрочныхъ (сначала на 4, затѣмъ на 6, наконецъ на 8 лѣтъ) билетовъ государственнаго казначейства. Билеты приносили 4,32⁰/₀ и принимались казною по всѣмъ платежамъ (кромѣ платежей кредитнымъ установленiямъ) и въ залого по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ. Въ 1840 г. наступило улучшенiе положенiя западно-европейскихъ денежныхъ рынковъ, и Канкринъ воспользовался этимъ и заключилъ заемъ въ 25 м. р. с., для образованiя размѣннаго фонда, и займы на 16 м. р. с., для сооруженiя Николаевской ж. д. Хотя Канкринъ, въ виду воинственной политики своего государя, считалъ нужнымъ образовать даже особый военный запасной фондъ, но онъ не шелъ такъ далеко, чтобы отдать финансы страны на погибель и разграбленiе ради ненужныхъ войнъ, и, протестуя противъ непрерывной войны съ горами Кавказа, подалъ весной 1844 г. въ отставку. Преемникъ его, Вронченко, оставался на министерскомъ посту до апрѣля мѣсяца 1852 г. При немъ (считая весь 1852 г.) было заключено на 61 м. р. иностранныхъ займовъ, на 42 м. р. внутреннихъ и заимствовано 245 м. р. изъ казенныхъ банковъ, всего 348 м. р.; 122 м. р. заняты для сооруженiя Николаевской ж. д.; остальная сумма пошла на покрытiе дефицитовъ, главными источниками коихъ были погашенiе долговъ (78 м. р.) и военныя издержки: одна венгерская война стоила государственному казначейству 46 м. р. Черезъ годъ послѣ ухода Вронченко, началась турецкая война, закончившаяся востопольскимъ разгромомъ, пробудившимъ страну отъ вѣковой чужды и двинувшимъ ее на путь коренныхъ реформъ. Этотъ моментъ русской исторiи можно, поэтому, считать началомъ конца стараго режима, и мы подведемъ итоги тому, въ какомъ

положеніи наканунѣ столь важнаго момента находилось дѣло нашего государственнаго кредита.

Екатерина II оставила Павлу 35-ти-милліонный долгъ. Павелъ прибавилъ къ нему 18 милл. р., Александръ I—160 м. р. Николай I получилъ, слѣдовательно, отъ своихъ предшественниковъ 214 м. р. долга, распредѣлявшагося почти поровну между внѣшними и внутренними займами. Министрами Канкриномъ и Врончевымъ заключено на 177 м. р. и погашено 58 м. р. внѣшнихъ займовъ, заключено на 82 м. р. и погашено 26 м. р. внутреннихъ займовъ, заимствовано 411 милл. р. изъ казенныхъ банковъ и возвращено назадъ 67 м. р. Всего, слѣдовательно, занято 670 м. р. и погашено 151 м. р. Государственный долгъ возросъ на 519 м. р. и вмѣстѣ со старымъ (214 м. р.) равнялся 732 м. р. Эта сумма составлялась изъ 225 м. р. внѣшняго долга, 130 м. р. внутренняго и 377 м. р. позаимствованій изъ казенныхъ банковъ.

Изложенное выше относится къ процентнымъ госуд. долгамъ. Къ пользованію долгомъ безпроцентнымъ (выпуску ассигнацій) правительство, какъ мы видѣли, обратилось одновременно съ заключеніемъ процентныхъ займовъ, и въ 1818 г. въ обращеніи находилось уже 836 м. ассигнаціонныхъ рублей. Это средство пріобрѣтенія чрезвычайныхъ ресурсовъ не приводитъ къ вреднымъ послѣдствіямъ, если выпускъ бумажныхъ денегъ сообразуется съ требованіями торговли. Поэтому, не только при Николаѣ или Александрѣ, но и при Екатеринѣ были проектированы мѣры регулированія выпуска ассигнацій. Но всѣ начинанія этого рода пріостанавливались изъ-за того, что въ выпуску бумажныхъ денегъ обращались, какъ въ главному источнику средствъ для веденія войнъ; а обращеніе ассигнацій въ количествѣ, превышавшемъ нужды торговли, естественно приводило къ упадку ихъ цѣны, обезцѣнивавшему бумажки и какъ средство поддержанія финансовъ. Въ концѣ царствованія Екатерины рубль ассигнаціями стоилъ 68 коп. сер., при водареніи Александра I—66 к., потомъ повысился на 14 к.; въ 1810 г., послѣ выпуска 320 м. р. (сопровождавшагося, впрочемъ, и ухудшеніемъ торговаго баланса) курсъ его упалъ до 33¹/₃ к., а послѣ выпуска новыхъ 300 м. р. временами понижался до 20 к. с. Изъятіе изъ обращенія, въ концѣ министерства Гурьева, 28% ассигнацій повысило ихъ цѣну всего на 1 коп., и это побудило, какъ мы видѣли, преемника этого министра отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ восстановленія цѣнности ассигнаціоннаго рубля. Но Канкринъ не пользовался ассигнаціями и какъ средствомъ пріобрѣтенія денегъ. На заемъ въ этой формѣ, при

курсъ въ 25 — 30 к. за рубль, можно рѣшиться лишь въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ; Александръ, съ его грандіозными войнами, находился въ такихъ обстоятельствахъ; войны Николая I были, сравнительно, незначительны.

Въ 1841 г. было восстановлено металлическое обращеніе на началѣ закрѣпленія происшедшаго пониженія цѣны ассигнаціоннаго рубля, съ замѣной въ обращеніи ассигнацій кредитными билетами, одноцѣнными съ металлическими деньгами. Новый бумажный кредитный рубль замѣнял 3¹/₂ старыхъ бумажныхъ рубля, ассигнаціонныхъ, и, взамѣнъ ассигнацій на номинальную сумму 596 милл. руб., выпущено было кредитныхъ билетовъ на 170 милл. руб. сер. Билеты эти обезпечивались всѣмъ достояніемъ государства и безпрепятственнымъ размѣномъ на звонкую монету. Для этого учреждался особый металлическій фондъ, въ размѣрѣ ¹/₆ части обращавшихся тогда (187 милл. руб.) кредитокъ. Выпускъ бумажекъ сверхъ 187 милл. руб. допускался подъ условіемъ обезпеченія ихъ звонкою монетою рубль за рубль.

Восстановленіемъ металлическаго обращенія, т.-е. уравненіемъ кредитнаго рубля съ рублемъ металлическимъ, правительство воспользовалось для того, чтобы выпусками кредитныхъ билетовъ опять покрывать свои экстренныя нужды. Первоначально къ этому средству прибѣгали осторожно, хотя наканунѣ крымской войны все-таки не всѣ выпущенные билеты были покрыты золотымъ фондомъ. Война же заставила отложить въ сторону всѣ прежніе расчеты, и къ моменту осуществленія Александровскихъ реформъ у насъ водворилось бумажное денежное обращеніе.

Заключаемые до сихъ поръ государственные займы имѣли въ виду, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ, военныя нужды, и лишь незначительная ихъ часть расходовалась на другія цѣли (напр., 60 милл. руб. сер. было употреблено при Александрѣ I-мъ на погашеніе ассигнацій). Только во второй половинѣ царствованія Николая I начали обращать значительныя суммы, вырученныя отъ займовъ, на производительную цѣль сооруженія желѣзныхъ дорогъ. При Канкринѣ и Вронченко на этотъ предметъ заключено было вѣнскихъ займовъ на 76 милл. руб., внутреннихъ — на 12 милл. руб. и заимствовано около 50 милл. руб. въ казенныхъ банкахъ. Впослѣдствіи желѣзныя дороги сдѣлались главной, послѣ военныхъ расходовъ, статьей издержекъ, требовавшихъ заключенія государственныхъ займовъ. Причины ого заключаются не только въ стремленіи власти скорѣе обогатить нашу страну наиболѣе совершенными средствами соціалізма. Характернымъ въ данномъ отношеніи представляется

тотъ фактъ, что займы для распространенія нашей рельсовой сѣти заключались главнымъ образомъ за границей, а не внутри страны. Это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что займы съ производительной цѣлью лучше принимаются иностранными финансовыми сферами, и что наше правительство всегда нуждалось въ золотѣ для уплаты процентовъ и погашенія по заграничнымъ долгамъ, для накопленія золотого запаса въ интересахъ денежнаго обращенія и т. п. Но коль скоро приходится обращаться къ займамъ не ради денегъ, самихъ по себѣ, а ради металлической формы послѣднихъ, то чѣмъ держать соответствующія имъ суммы безъ движенія, лучше дать имъ какое-либо полезное употребленіе. Министерство финансовъ не настолько было озабочено общими культурными успѣхами Россіи, чтобы затрачивать эти средства, напр., на народное образованіе. Оно обратило ихъ на сооруженіе рельсовыхъ путей, полагая, что выручка отъ желѣзнодорожныхъ предпріятій дастъ средства оплачивать обязательства, налагаемыя займами. Ожиданія эти далеко не оправдались, и значительная часть платежей по займамъ, заключеннымъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, лежитъ до сихъ поръ на общемъ бюджетѣ. Но хотя бы дороги и покрывали полностью расходы, лежащіе на нихъ, какъ на коммерческихъ предпріятіяхъ, — затруднительное положеніе казны, проистекающее отъ недостатка металлическихъ денегъ для оплаты долговыхъ обязательствъ по заграничнымъ займамъ, все-таки будетъ побуждать ее заключать иностранные металлические займы и этимъ усиливать зависимость русскаго государственнаго казначейства отъ западно-европейскихъ финансовыхъ сферъ.

III.

Пятидесятыя годы истекшаго столѣтія представляютъ довольно печальный моментъ въ исторіи нашего государственнаго кредита, потому что въ это время производились крупныя экстраординарныя расходы, покрывавшіеся выпусками процентныхъ и безпроцентныхъ займовъ. Расходы эти требовались съ одной стороны для покрытія издержекъ крымской войны, закончившейся севастопольскимъ разгромомъ и уронившей нашъ кредитъ за границей; съ другой — для ликвидаціи казенныхъ кредитныхъ учрежденій, начало которой положено преступными, можно сказать, дѣйствіями министерства финансовъ, въ угоду нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ:

Несмотря на все вниманіе, удѣляемое Николаемъ I военному дѣлу и своей арміи, послѣдняя въ боевомъ отношеніи болѣе и болѣе отставала отъ армій западно-европейскихъ, и въ рѣшительномъ столкновеніи силъ въ крымскую войну побѣда естественно склонилась противъ Россіи. Расходы крымской войны разные авторы опредѣляютъ отъ 350 до 800 милл. руб. Быть можетъ, это — и не очень высокая цѣна тѣхъ преобразованій, какія были принесены Россіи крымскими пораженіями, но на русскихъ финансахъ они отразились очень печально. На покрытіе военныхъ расходовъ (и дефицитовъ по исполненію росписи обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ) въ 1852—1857 гг. было выпущено 400 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, заимствовано около 220 милл. руб. изъ казенныхъ банковъ, и заключено два внѣшнихъ займа, на 50 милл. руб. каждый ¹⁾. Всего для военныхъ цѣлей занято было 320 милл. руб., а для покрытія всего дефицита даннаго шестилѣтія затрачено (вмѣстѣ съ кредитными билетами) 720 милл. руб. чрезвычайныхъ средствъ.

Не успѣло государственное казначейство ликвидировать тяжелое наслѣдіе ошибочной внѣшней политики правительства, какъ передъ нимъ стала новая задача: выполненіе необдуманыхъ проектовъ его внутренней политики.

Мы видѣли, какую важную роль въ дѣлѣ покрытія дефицитовъ нашего государственнаго бюджета играли казенные банки, куда населеніе вносило свои сбереженія въ видѣ безсрочныхъ вкладовъ, сначала изъ 5⁰/₀, а со временъ Канкрива—изъ 4⁰/₀ годовыхъ. Банки эти имѣли большой успѣхъ, какъ потому, что вложенныя въ нихъ суммы можно было взять обратно, какъ только онѣ понадобятся, такъ и по причинѣ того, что вкладные билеты этихъ банковъ (выдаваемые на предъявителя) принимались въ казенные подряды и обращались, вмѣсто денегъ, между частными лицами. Вслѣдствіе этого обстоятельства вкладные билеты ссужались, какъ деньги, и лицо, вложившее свои сбереженія въ казенный банкъ, получало проценты не только на вложенную сумму, но и на вкладной билетъ, отдаваемый имъ въ пользованіе третьихъ лицъ. Помѣщеніе сбереженій въ казенные банки считалось настолько надежнымъ средствомъ ихъ сохраненія, что даже иностранцы, при смутныхъ временахъ на Западѣ, посылали деньги въ русскіе банки, и въ 1857 году въ казенныхъ банкахъ находилось 150 милл. руб. вкладовъ иностранныхъ подданныхъ.

¹⁾ Хотя оба займа заключены въ русской валютѣ, но одинъ изъ нихъ впоследствии былъ отнесенъ къ разряду металлическихъ.

Приливъ вкладовъ въ казенные банки находился въ зависимости отъ операцій по выпуску бумажныхъ денегъ. Чѣмъ болѣе министерство финансовъ пускало въ обращеніе ассигнацій или кредитныхъ билетовъ, — не ради удовлетворенія нужды торговли въ денежныхъ знакахъ, а съ цѣлью покрытія ими государственныхъ расходовъ, — тѣмъ болѣе копились въ странѣ излишнія бумажки и тѣмъ болѣе приливало вкладовъ въ казенные банки. Правительство пользовалось этими суммами для развитія ссудныхъ операцій самихъ банковъ и выдавало долгосрочныя ссуды подъ залогъ имѣній. Въ этомъ, конечно, заключалась слабая сторона организаціи банковъ, потому что выдача долгосрочныхъ ссудъ находилась въ противорѣчій съ фактомъ обращенія на этотъ предметъ суммъ, влагаемыхъ въ банки до востребованія. Опасность, проистекающая отъ такого несоотвѣтствія активныхъ и пассивныхъ операцій банковъ, предупреждалась, однако, тѣмъ обстоятельствомъ, что сумма вкладовъ значительно превышала сумму долгосрочныхъ ссудъ, и обратное требованіе вкладовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ могло принять такіе размѣры, чтобы коснуться капиталовъ, ссуженныхъ частнымъ заемщикамъ.

Избытокъ банковыхъ средствъ былъ использованъ, какъ мы видѣли, правительствомъ, употреблявшимъ ихъ на свои экстренныя нужды, и хотя внезапное востребованіе вкладовъ могло и въ этомъ случаѣ грозить неприятными затрудненіями, но ожидать такого востребованія не представлялось оснований; между тѣмъ, пока государство нуждалось въ средствахъ для покрытія экстренныхъ расходовъ — нельзя было не дорожить учрежденіемъ, снабжающимъ его деньгами въ случаѣ неудачи обыкновенныхъ займовъ.

Особенно должно было дорожить этими учрежденіями, по мнѣнію пр. Мигулина, правительство Александра II, приступавшее къ реформамъ, требовавшимъ крупныхъ расходовъ, и предполагавшее развить широкую дѣятельность по сооруженію желѣзныхъ дорогъ. Но въ это именно царствованіе и приняты были мѣры, приведшія затѣмъ къ упраздненію старыхъ кредитныхъ учрежденій.

Въ 1857 г., при министрѣ финансовъ Брокѣ, процентъ по вкладамъ въ казенные банки былъ пониженъ съ 4-хъ до 3-хъ. Оффициально эта мѣра мотивировалась избыткомъ вкладовъ и желаніемъ понизить проценты казначейства по долгамъ казеннымъ банкамъ. Мотивировку эту нельзя, однако, признать серьезною, потому что къ 1858 г. изъ всей суммы вкладовъ въ 1.015 м. р. въ наличности находилось лишь около 100 м. р.; остальная сумма была въ ссудахъ у частныхъ лицъ (болѣе 400 м. р.) и

государственного казначейства (болѣе 500 м. р.). Настоящей причиной даннаго мѣропріятія было желаніе угодить нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, заинтересованнымъ въ дѣлахъ Главнаго Общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ, выпустившаго въ это время свои акціи и облигаціи, которыя не находили помѣщенія ни внутри Россіи, ни внѣ ея. Съ изгнаніемъ вкладовъ изъ казенныхъ банковъ, свободныя суммы станутъ искать новаго пріюта и направятся, между прочимъ, на пріобрѣтеніе бумагъ этого общества.

Ожиданія желѣзнодорожныхъ дѣльцовъ оправдались. Съ пониженіемъ процентовъ влады стали покидать казенные банки и обращались на пріобрѣтеніе различныхъ бумагъ, въ томъ числѣ и бумагъ Главнаго Общества. Но дѣло пошло гораздо дальше, чѣмъ первоначально предполагалось. Влады сотнями милліоновъ отливали изъ банковъ, и тогда, при министрѣ финансовъ Княжевичѣ, рѣшено совершенно уничтожить казенные банки и — согласно господствовавшимъ тогда взглядамъ — содѣйствовать развитію частныхъ кредитныхъ учреждений. Предстояло такимъ образомъ возратить въ краткій срокъ милліардную сумму вкладовъ, и средства для этого можно было получить лишь путемъ кредитныхъ же операцій, потому что другой источникъ экстренныхъ средствъ — выпускъ кредитныхъ билетовъ — былъ использованъ для цѣлей войны, и курсъ бумажныхъ денегъ настолько уже поколебался, что въ 1858 г. нашли нужнымъ прекратить размѣнъ ихъ на металлическую монету.

Для ликвидаціи казенныхъ банковъ произведено займовъ на 658 м. р. и выпущено на 70 м. р. кредитныхъ билетовъ. Въстѣ съ суммами, находившимися въ самихъ банкахъ, вкладчикамъ въ началу 60-хъ годовъ уплачено было (преимущественно процентными бумагами) 832 м. р. Въстѣ съ этимъ была погашена и большая часть долга этимъ банкамъ правительства. Ликвидація казенныхъ банковъ, предпринятая какъ бы въ согласіи съ европейскими взглядами на организацію кредита, вызвала недоумѣніе западныхъ финансистовъ.

„Мы рѣшительно не можемъ объяснить себѣ — пишетъ англійскій „Economist“ въ декабрѣ 1863 г., — по какимъ особеннымъ причинамъ и соображеніямъ русское правительство съ необыкновенной быстротой и энергіей разрушило свою превосходную и практическую государственно-земельную кредитную систему... Ликвидація этой системы, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшей земледѣльческой странѣ, уже произвела разстройство въ русскомъ

денежномъ обращеніи и поставила Россію на широкій и скользяій путь займовъ и биржевыхъ спекуляцій“ (Озеровъ).

Итакъ, въ теченіе описываемаго періода заключены займы на 355 м. р. для военныхъ надобностей и на 658 м. р. для ликвидаціи банковъ; по присоединеніи къ тому 30 м. р., билетовъ государственнаго казначейства, выпущенныхъ въ 1861 г. въ пособіе „Главному Обществу жел. дор.“—общая сумма новыхъ долговъ опредѣлится въ 1.043 м. р. Погашено было въ это время 533 м. р. разныхъ долговъ, переданъ слѣдующему періоду новый долгъ въ 510 м. р., и этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ старымъ долгомъ (732 м. р.), составитъ 1.242 м. р. нарицательныхъ. По переводѣ же 265 м. р. металлическихъ займовъ въ кредитные (по курсу 1 р. кр. = 87 к. мет.), государственный долгъ выразится въ валютѣ того времени суммою 1.282 м. р.¹⁾ Въ нынѣшней валютѣ (1 р. кр. = 67 к. мет.) это будетъ 1.375 м. р.

IV.

Первыя пятнадцать лѣтъ пореформеннаго періода были временемъ общественныхъ и экономическихъ преобразованій, требовавшихъ крупныхъ затратъ; и это отразилось на дѣляхъ заключенія государственныхъ займовъ. Военныя издержки—главная дѣль прежнихъ государственныхъ займовъ—почти ступсевались, но выдвинулись такія задачи внутренняго управленія, какъ выкупъ освобожденными крестьянами отведенныхъ имъ земель и сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ. Эти новыя потребности вызвали и двѣ новыя крупныя категоріи государственныхъ займовъ: на выкупъ крестьянскихъ земель и на нужды желѣзнодорожнаго дѣла. Но новому времени приходилось еще считаться съ дѣлами, унаслѣдованными отъ дореформеннаго періода. Нужно было завершить ликвидацію старыхъ кредитныхъ учреждений (возвратить 180 милл. руб. оставшихся вкладовъ и занятія у государственнаго банка суммы), упорядочить денежное обращеніе и погашать, согласно принятымъ обязательствамъ, прежніе займы.

Особенно озабочивала правительство задача упорядоченія денежнаго обращенія. Разстройство послѣдняго считалось въ то время главной причиною и коммерческаго кризиса начала

¹⁾ Эта цифра расходится съ числомъ пр. Мигулина, отнесенаго 18 милл. руб. билетовъ государственнаго казначейства, выпущенныхъ въ данномъ періодѣ, къ слѣдующему періоду.

60-х годовъ, и паденія нашего кредита за границей, выразившагося, между прочимъ, въ томъ, что два займа, объявленные въ 50-хъ годахъ ради ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій, не имѣли полнаго успѣха. Разстройство денежнаго обращенія выражалось пониженіемъ на 15⁰/₀ курса кредитнаго рубля и исчезновеніемъ изъ обращенія звонкой монеты. То и другое считалось послѣдствіемъ чрезмѣрнаго выпуска кредитныхъ билетовъ; а средство исправленія денежнаго обращенія и восстановленія цѣнности кредитнаго рубля видѣли въ изытаніи излишка бумажекъ. Одною изъ первыхъ мѣръ новаго министра финансовъ, М. Х. Рейтерна, и было восстановленіе прекращеннаго въ 1859 г. размѣна кредитокъ на золото, для чего былъ заключенъ лѣтомъ 1862 г. иностранный заемъ на 95 милл. руб. золотомъ, а въ началѣ 1863 г. получено было согласіе Ротшильда на выпускъ другого крупнаго займа. Въ январѣ 1863 г. вспыхнуло польское возстаніе, обошедшееся государственному казначейству свыше 70 милл. руб.; и когда осенью правительство приступило къ реализаціи внѣшняго займа, Ротшильды отказались отъ выполненія своего обѣщанія. Золотой фондъ продолжалъ, между тѣмъ, истощаться, вслѣдствіе предъявленія къ размѣну кредитокъ, и черезъ 1½ года послѣ объявленія размѣна, эта операція была приостановлена. Этотъ опытъ восстановленія металлическаго обращенія обошелся государственному казначейству въ 70 милл. руб., истраченныхъ бесполезно, такъ какъ изытые билеты скоро опять были пущены въ обращеніе. Потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ непосредственнаго восстановленія металлическаго обращенія, министерство финансовъ занялось подготовительными операціями къ тому, чтобы повторить эту попытку въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Оно начало собирать размѣнный золотой фондъ, и къ срединѣ семидесятыхъ годовъ этотъ фондъ увеличился на 130 милл. руб. сравнительно съ началомъ даннаго періода. Всѣ затраты Рейтерна на денежное обращеніе опредѣлятся такимъ образомъ (въ кредитной валютѣ) въ суммѣ около 220 милл. руб. Кромѣ указанныхъ расходовъ, чрезвычайные ресурсы понадобились еще для срочнаго погашенія государственныхъ долговъ, такъ какъ сумма этихъ погашеній въ теченіе періода времени отъ крестьянской реформы до турецкой войны и достигла 457 милл. руб., что превышало средства обыкновеннаго государственнаго бюджета. Всего для общегосударственныхъ нуждъ было въ этотъ періодъ заключено займовъ (полагая вслѣдъ за пр. Мигулинымъ, что весь второй англо-голландскій заемъ израсходованъ на желѣзнодорожное дѣло) на

493 милл. руб. валюты того времени и на 150 милл. руб. выпущено кредитныхъ билетовъ. Переводя 156 м. р. металл. долга на нынѣшнюю валюту, мы получимъ уже сумму 547 милл. руб. заключенныхъ и 485 милл. руб. погашенныхъ займовъ. Государственный долгъ въ описываемое время возросъ еще на 100 милл. руб., вслѣдствіе присоединенія къ нему (послѣ объединенія въ 1868 г. бюджетовъ имперскаго и Царства Польскаго) долговъ Царства Польскаго; къ 1877 г. 22 милл. руб. этого долга были погашены. Движеніе долговъ данной категоріи въ описываемый періодъ выразится, поэтому, суммой 647 милл. руб. заключенныхъ и 507 милл. руб. погашенныхъ займовъ; приростъ долга опредѣляется въ 140 милл. руб.

Съ началомъ сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ появилась новая крупная статья чрезвычайныхъ расходовъ, требовавшая заключенія государственныхъ займовъ, потому что почти вся наша рельсовая сѣть строилась или на казенный счетъ, или на условіи правительственной гарантіи строительныхъ капиталовъ. Первая большая наша желѣзнодорожная линія, Николаевская, строилась на казенный счетъ, и для покрытія соотвѣтствующихъ расходовъ съ 1842 по 1849 г. было заключено займовъ на 138 милл. р. Доходы отъ этой дороги далеко не достигали суммы ежегодныхъ платежей по займамъ, и послѣдніе были поэтому занесены въ общій списокъ государственныхъ долговъ. Столь же малоудовлетворительными были результаты эксплуатаціи другой казенной дороги, варшавско-вѣнской, и, считая въ этомъ повиннымъ казенное хозяйство, правительство полагало достигать дальнѣйшаго расширенія рельсовой сѣти путемъ поощренія частной строительной дѣятельности—идея, находившаяся въ соотвѣтствіи съ распространявшимися у насъ съ Запада взглядами на значеніе частнаго капитала въ этомъ дѣлѣ. Для осуществленія этой идеи въ 1857 г. было образовано столь прославившееся впоследствии „Главное Общество желѣзныхъ дорогъ“, взявшее на себя сооруженіе четырехъ тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, имѣвшихъ связать Петербургъ съ западной границей и Москву съ Волгой, Балтійскимъ и Чернымъ морями и получавшее 5% гарантіи на строительный капиталъ. Къ учрежденію общества были привлечены иностранные банкиры въ надеждѣ на послѣдующее участіе въ этомъ дѣлѣ иностраннаго капитала и иностраннаго опыта желѣзнодорожнаго строительства. Во главѣ правленія были поставлены вліятельные аристократы—гр. Бобринскій, ген. Тимашевъ, Левшинъ, Абаза и др. Заграничные покупатели доходныхъ бумагъ не оказали, однако, довѣрія новому обществу и не покупали

его акцій; выпускъ послѣднихъ въ Россіи тоже не имѣлъ успѣха, потому что масса частныхъ сбереженій находила себѣ пріюты въ казенныхъ банкахъ. Тутъ-то и оказали первую услугу новому обществу высокопоставленные особы — члены его правленія. Первые акціи общества были разобраны учредителями по нарицательной цѣнѣ (а послѣдующіе выпуски облигацій — по цѣнѣ ниже нарицательной); а чтобы заставить русскую публику пріобрѣтать ихъ съ барышомъ для учредителей, правительство понизило, какъ намъ извѣстно, до 3⁰/₀ интересъ по вкладамъ въ казенныя банки. Вкладчики тогда стали массами требовать обратно свои деньги и покупать 5⁰/₀ акціи „Главнаго Общества“, цѣна которыхъ поднялась на 12⁰/₀ выше нарицательной.

Такимъ образомъ, вмѣсто ожидавшагося привлеченія иностранныхъ капиталовъ, учрежденіе „Главнаго Общества“ повело, какъ разъ обратно, къ отливу русскаго золота за границу, такъ какъ суммы, полученныя отъ реализаціи его процентныхъ бумагъ, обращались на пріобрѣтеніе иностранныхъ принадлежностей желѣзнодорожнаго строительства. Не оправдало „Главное Общество“ ожиданій и въ другихъ отношеніяхъ, показавъ образецъ хищничества и неаккуратности въ выполненіи принятыхъ на себя обязательствъ. Правительство, тѣмъ не менѣе, продолжало выдавать гарантіи акціонернымъ обществамъ, составлявшимся для сооруженій и другихъ линій; и такъ какъ, благодаря этимъ гарантіямъ, общества не были заинтересованы въ экономномъ веденіи дѣла, то ихъ заправили могли всецѣло стоять на точкѣ зрѣнія личной наживы, отчего расходы обществъ оказывались крайне расточительными, а заключаемые ими займы реализировались по очень низкому курсу. Правительство, тѣмъ не менѣе, поощряло образованіе акціонерныхъ обществъ, потому что приливъ иностранныхъ капиталовъ давалъ золото для расплаты по металлическимъ займамъ, по заказамъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей за границей и т. д., а заключать желѣзнодорожныя займы отъ своего имени правительство считало неполитичнымъ, полагая, что это понизитъ, въ глазахъ западныхъ финансистовъ, кредитоспособность государства и создастъ менѣе выгодныя условія для реализаціи займовъ для общегосударственныхъ цѣлей. Въ дѣйствительности было какъ разъ обратно. Займы акціонерныхъ обществъ, выпускаемые по низкому курсу, не могли не ронять и курса государственныхъ бумагъ, а иностранные банкиры, конечно, прекрасно понимали значеніе для нашего бюджета обязательствъ, вытекавшихъ изъ правительственной гарантіи частныхъ займовъ.

Въ 70-хъ годахъ правительство передало въ частныя руки

все желѣзнодорожное хозяйство, но выпускавшіяся акціонерными обществами гарантированныя облигаціи оставляло у себя, оплачивая ихъ суммами, выручавшимися отъ займовъ, заключаемыхъ отъ имени государства. Но и при этомъ оно не отказалось отъ политики укрыванія шила въ мѣшки, и полагало увѣрить иностранныхъ банкировъ въ томъ, что желѣзнодорожные займы не имѣютъ отношенія къ государственному бюджету, не включая ихъ въ общую сумму долговъ, а образовавъ спеціальныя желѣзнодорожныя фонды. И хотя иностранцы врядъ ли могли ошибаться въ оцѣнкѣ того, какое значеніе имѣетъ для государственныхъ финансовъ полумиллиардный долгъ государственному казначейству, накопившійся за дорогами къ срединѣ 70-хъ годовъ, и ежегодный расходъ правительства въ 50 милліоновъ рублей на приплаты по гарантіи, но правительство продолжало укрывать эту категорію государственныхъ долговъ, и лишь въ 1884 г. эта безцѣльная игра была оставлена, и желѣзнодорожные займы стали заноситься въ общій списокъ государственныхъ долговъ.

Всего въ описываемый періодъ заключено было для нуждъ желѣзнодорожнаго дѣла займовъ на сумму 800 м. р. въ тогдашней валютѣ, 1.026 м. р. въ нынѣшней валютѣ. Выручено по нимъ 845 м. р., а за покрытіемъ расходовъ реализаціи и по оплатѣ перваго купона, въ распоряженіе правительства для нуждъ желѣзнодорожнаго дѣла поступило около 700 м. р. въ нынѣшней валютѣ, т. е. немного болѣе $\frac{2}{3}$ нарицательной цѣны займовъ. 156 милл. рублей этого долга причислены къ общему долгу.

Не будемъ останавливаться на объясненіи происхожденія и составѣ выкупного долга за отведенныя крестьянамъ земли. Скажемъ лишь, что къ 1877 г. на государственномъ казначействѣ лежали обязательства (выкупныя свидѣтельства, банковые билеты и т. п.) въ суммѣ 380 милліоновъ рублей и числилось 47 милліоновъ рублей долга за земли удѣльныхъ крестьянъ, всего 427 милліоновъ рублей. Этотъ долгъ вполне обезпечивался выкупными платежами крестьянъ.

Движеніе государственнаго долга въ теченіе разсматриваемаго періода и итогъ задолженности государственнаго казначейства къ моменту турецкой войны, послѣ всего сказаннаго, выразится (въ нынѣшней валютѣ) такъ.

На общегосударственныя надобности (вмѣстѣ съ долгомъ Царства Польскаго и частью желѣзнодорожныхъ займовъ) заключено займовъ на 803 милл. рублей, погашенъ долгъ въ 519 милл. руб.; приростъ долга—284 милліона рублей; образованіе желѣзнодорожнаго фонда увеличило государственный долгъ на 864 мил-

ліона рублей; всего въ теченіе описываемаго періода государственный долгъ (не считая выкупного) возросъ на 1.148 миллионѣвъ рублей. Къ началу періода государственный долгъ равнялся 1.375 миллионамъ рублей; къ концу его онъ увеличился до 2.523 миллионѣвъ рублей. Въ валютѣ того времени государственный долгъ выразится суммою 2.180 милл. рублей.

По этому долгу государственное казначейство должно было ежегодно уплачивать всю сумму взятыхъ на себя обязательствъ или большую ихъ часть (по желѣзнодорожнымъ долгамъ). Если же считать и совершенно обезпечиваемый крестьянскими платежами выкупной долгъ, то задолженность государства къ моменту турецкой войны выразится суммою въ 2.610 миллионѣвъ рублей валюты того времени и 2.950 миллионѣвъ рублей въ нынѣшней валютѣ.

В. В.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

ЭСКИЗЪ

По роману *Michel Corday* „La Mémoire du Coeur“ (Paris, 1907, E. Fasquelle édit.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Какъ трогательны и печальны отъѣзды большихъ курьерскихъ поѣздовъ, которые каждый вечеръ мчатся изъ Парижа, направляясь къ границамъ! Присутствуя случайно при отходѣ такого поѣзда, невольно заражаешься общимъ волненіемъ. Сначала заинтересованный взглядъ наблюдаетъ стоящія вдоль поѣзда передъ открытыми дверцами вагоновъ темныя группы. Рѣзко выступающія при жесткомъ свѣтѣ электрическихъ фонарей отдѣльныя фигуры сплочиваются тѣсными кучками, стараясь до послѣдней минуты сохранить свою обособленность отъ толпы. Потомъ вниманіе сосредоточивается на какой-нибудь отдѣльной парѣ: отъѣзжающемъ путешественникѣ, котораго провожаетъ женщина. Такую пару можно всегда встрѣтить при отходѣ вечернихъ курьерскихъ поѣздовъ. Начинаешь слѣдить за ними и уже не отводишь глазъ до послѣдней минуты, до тѣхъ поръ, пока отходъ поѣзда не оторветъ ихъ насильственно другъ отъ друга. Является инстинктивное желаніе проникнуться самому ихъ печалью. Какъ случайный посѣтитель игорной залы бросаетъ монету на зеленый столъ, чтобы пріобщиться настроенію игроковъ, такъ, наблюдая за драмой прощанія, отдаешь незнакомымъ людямъ частицу сердца, чтобы пріобщиться ихъ печали. Хочется угадать по ихъ лицу, что они переживаютъ. Что они другъ для друга? Одинаково ли страдаютъ при разлукѣ? Почему расстаются? Надолго ли? Словомъ, хотѣлось бы знать ихъ лучше, чтобы глубже ихъ жалѣть.

Въ концѣ сентября 19..., на платформѣ Gare du Nord стояла передъ отходомъ вечерняго поѣзда такая пара, вызывавшая интересъ и сочувствіе всякаго, кто бы ни взглянулъ на нее.

Отъѣзжавшій путешественникъ былъ высокаго роста стройный человѣкъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Широкой дорожный плащъ съ капюшономъ и высокимъ воротникомъ, изящный покрой платья, тонкія узкія ботинки, рука въ сѣрой перчаткѣ, нервно игравшая палкой изъ чернаго дерева съ серебрянымъ набалдашникомъ—вся изящная внѣшность его выдавала человѣка, умѣющаго сочетать требованія моды съ индивидуальнымъ вкусомъ. Коротко остриженные каштановые волосы отгѣняли правильное очертаніе круглой головы, слегка наклоненной къ лѣвому плечу. Пенсы — два хрустальныхъ стекла безъ оправы — и острая борода еще болѣе выдѣляли тонкость умнаго нѣжнаго лица. И несмотря на явное стараніе скрыть печаль, она ясно обозначалась въ скорбной складкѣ полуоткрытаго рта.

Провожавшая его женщина была средняго роста, въ изящномъ костюмѣ tailleur, который мягко обрисовывалъ гармоничныя линіи ея фигуры. Во всемъ ея существѣ сказывался тотъ моментъ расцвѣта красоты, который обыкновенно недолго длится — та пора жизни, когда весна у женщины уже предвѣщаетъ лѣто. Подъ рѣзкимъ, падающимъ съ высоты, свѣтомъ электрическаго фонаря ея темная шляпа бросала тѣнь на лобъ и глаза. Въ тяжелыхъ завиткахъ русыхъ волосъ сверкали болѣе свѣтлыя пряди. Нижняя часть нѣжнаго лица поражала своей граціей, своей дѣтской свѣжестью. Но лицо это было воспалено отъ недавнихъ, невысохшихъ слезъ.

Стоя неподвижно другъ противъ друга передъ открытымъ купэ въ концѣ вагона, они обмѣнивались лишь немногими словами. Видно было стараніе скрыть душевную муку, но она все-таки такъ ясно отражалась на ихъ лицахъ, что другіе путешественники, отвлекаясь отъ собственныхъ заботъ и печали, украдкой смотрѣли отъ времени до времени въ ихъ сторону. Даже рабочіе, врѣзывавшіеся въ толпу со своими тяжелыми желѣзными повозками, нагруженными багажемъ, огибали ихъ, чтобы не мѣшать, и только оборачивались на нихъ, проѣхавъ мимо. И самому равнодушному взору они представлялись трогательными жертвами разлуки; всякому хотѣлось раздѣлить ихъ горе, узнать, въ чемъ оно заключается.

Отъѣзжающаго звали Адриеномъ Делькамбромъ. Онъ родился въ Парижѣ; отецъ его былъ провансалець, мать — шведка. Бракъ его родителей былъ очень романтичный, — они познакомились и

полюбили другъ друга въ Швейцаріи, но родители Делькамбра сопротивлялись его женитьбѣ на эмансипированной, самостоятельной иностранкѣ. Послѣ долгой борьбы съ разными препятствіями, они, наконецъ, все-таки поженились, и противоположность южнаго и сѣвернаго темперамента мужа и жены не помѣшала ихъ супружескому счастью. Адріенъ выросъ въ атмосферѣ полной гармоніи между родителями. Дѣтство онъ провелъ неразлучно съ матерью, которая приучила его къ вдумчивому отношенію ко всему окружающему и привила ему любовь къ самоуглубленію. Она часто говорила ему: „Такъ же, какъ мы смотримъ на свое лицо въ зеркало, такъ нужно умѣть смотрѣть и вглубь самого себя“. Подъ ея влияніемъ ясность духа стала казаться ему главнымъ условіемъ красоты жизни. Мать Адріена сама учила его, и живостью своего ума приохотила его къ ученью, научила его размышлять и обобщать свои знанія. Она много рассказывала ему о себѣ, о томъ, какъ она знакоилась съ новой для нея страной, когда переселилась во Францію. Слушая ея рассказы, Адріенъ сталъ рано задумываться надъ значеніемъ настоящаго и прошлаго — надъ вопросами, которымъ впоследствии посвятилъ свои мысли и знанія.

Потомъ, когда пришлось, наконецъ, поступить въ школу и держать экзамены, Адріенъ ближе сошелся съ отцомъ, помогавшимъ ему въ занятіяхъ математикой. Делькамбръ былъ истинный южанинъ по натурѣ, по живости воображенія. Онъ былъ инженеръ, и, окруженный машинами, онъ, однако, всегда жилъ мечтами о красотѣ, чувствовалъ красоту даже въ области отвлеченнаго мышленія. Когда онъ водилъ сына въ мастерскія и показывалъ ему машины, онъ часто прерывалъ объясненія словами: „Смотри, какъ это красиво!“ У него была ненасытная жажда знанія; онъ одинаково любилъ науку и искусство, увлекался музыкой — и всю эту полноту духовной жизни и пламеннаго южнаго воображенія передалъ сыну. Въ Адріенѣ сливались свѣтлый аналитическій умъ матери и художественный южный темпераментъ отца, а счастливое дѣтство, окруженное разумными заботами родителей, гармонично развило способности мальчика.

Зиму Адріенъ проводилъ съ родителями въ Парижѣ, а на лѣто они уѣзжали на югъ, въ Валескурé, въ Провансѣ, — къ бабушкѣ, матери отца. Эти поѣздки представляли тѣмъ большую радость для Адріена, что онъ тамъ видался съ своей сестрой Маріеттой, которая была старше его на два года. Она была съ самаго рожденія болѣзненнымъ ребенкомъ, и, по совѣту врачей,

ее отправили на югъ, къ бабушкѣ, гдѣ она росла и воспитывалась. Солнце и море излечили унаслѣдованную отъ семьи матери слабость организма.

Братъ и сестра видались такимъ образомъ только во время каникулъ, и поэтому, вѣроятно, они такъ радовались свиданіямъ. Два мѣсяца, которые они проводили вмѣстѣ у моря и въ оливковыхъ кущахъ, казались имъ обоимъ волшебной порой. Но они все-таки часто ссорились, потому что у Мариетты былъ очень властный характеръ, а Адриенъ не любилъ повиноваться. Ссоры ихъ, впрочемъ, были непродолжительныя; порывистая Мариетта первая бросалась обнимать брата, котораго обожала. Она никому не позволяла нападать на Адриена, всегда защищала его и относилась къ нему съ оттѣнкомъ покровительственнаго материнскаго чувства.

Въ Парижѣ жизнь Делькамбровъ протекала очень ровно и тихо. Они не любили показной роскоши, тяготились свѣтскими обязательствами, и потому — хотя и могли, при своихъ большихъ средствахъ, жить очень открыто — предпочитали замкнутую жизнь, ограничиваясь общеніемъ съ тѣснымъ кружкомъ близкихъ друзей.

Изъ всѣхъ друзей его родителей Адриенъ больше всего привязался къ одному человѣку, который имѣлъ на него большое влияніе и помогъ ему опредѣлить свое призваніе. Это былъ Пьеръ Ронсенъ, профессоръ ботаники въ музеѣ Jardin des Plantes. Онъ былъ школьный товарищъ отца Адриена, но въ молодости они не были близки, а подружились уже, когда обоимъ было лѣтъ по сорока.

Адриенъ сохранилъ на всю жизнь воспоминаніе о первой прогулкѣ по оранжереямъ Jardin des Plantes въ сопровожденіи Ронсена. Адриену было тогда четырнадцать лѣтъ. Былъ хмурый ноябрьскій день, дулъ рѣзкій вѣтеръ, — и вдругъ, когда они попали за стеклянную стѣну оранжереи, они какъ бы перенеслись въ тропики, очутившись въ пальмовомъ лѣсу, среди влажной теплоты и запаха растений. Эта теплая влажность и аромать земли и зелени сопровождали ихъ и по боковымъ свѣтлымъ аллеямъ, гдѣ распускались диковинные цвѣты орхидей. Ронсенъ водилъ ихъ по узкимъ дорожкамъ, отвѣчая на почтительные поклоны попадавшихъ по пути садовниковъ. Маленькій, съ впалой грудью, съ худымъ лицомъ, обросшимъ сѣдовой бородой, Ронсенъ не обращалъ на себя вниманія. Но у него была молодая веселая улыбка, открывавшая сверкающіе бѣлые зубы, пріятный музыкальный голосъ и глубокіе голубые глаза. Онъ высказывалъ очень чутко чрезвычайно смѣлыя мысли, интересно говорилъ о цвѣтахъ,

объясняя всё ихъ характерныя особенности. Онъ зналъ каждое растеніе въ своихъ оранжереяхъ, гордился своими цвѣтами, трогалъ ихъ такъ ласково и нѣжно, что казался любящимъ отцомъ среди своихъ дѣтей. Но, кромѣ цвѣтовъ, у него была настоящая дочка, — не похожая на таинственный цвѣтокъ. Сильвія была очень веселая, шаловливая дѣвочка, съ падающими на лицо непокорными черными прядями волосъ. Адриена смущалъ ея шумный нравъ, и въ общемъ онъ предпочиталъ отца дочери. Пьера Ронсена онъ обожалъ, когда былъ мальчикомъ; онъ мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться такимъ же ученымъ, какъ Ронсенъ, работать, какъ онъ, всю жизнь. Въ эту пору юности жажда знанія доходила у Адриена до всепоглощающей страсти. Ожиданіе лекціи любимаго профессора, интересная книга — были событіями, усиливавшими радостное ощущеніе жизни. Адриенъ переживалъ счастливое время, когда пріобрѣтеніе знаній, ученіе, кажется открытіемъ новыхъ истинъ, когда, учась, испытываютъ радость изобрѣтателя или путешественника, открывающаго новыя страны. Онъ зачитывался книгами до полного забвенія; мать старалась образумить его въ такія минуты, вернуть къ дѣйствительности, но отецъ его узнавалъ свою юность въ страсти Адриена къ чтенію и потворствовалъ его вкусамъ.

Адриенъ имѣлъ полную возможность вполне выяснитъ себѣ свое призваніе, прежде чѣмъ избрать опредѣленную карьеру. Родители не торопили его, давали ему возможность учиться, вооружаться знаніями, прежде чѣмъ специализироваться на чемъ-нибудь одномъ. Пьеръ Ронсенъ очень одобрялъ ихъ образъ дѣйствій, выхвалявалъ имъ преимущества университетскихъ занятій для желающихъ дѣйствительно обогатить свой умъ. Рѣшено было, что Адриенъ будетъ одновременно слушать лекціи на филологическомъ и естественномъ факультетахъ, и затѣмъ будетъ, не торопясь, держать экзамены, чтобы имѣть нужные въ жизни дипломы. Адриенъ сталъ усердно посѣщать лекціи и весь ушелъ въ занятія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ правильное теченіе его занятій было нарушено семейнымъ событіемъ — свадьбой его сестры Маріетты. Она воспитывалась на югѣ, у своей бабушки, въ чисто буржуазной средѣ, и въ противоположность брату, выросшему въ интеллектуальной атмосферѣ, прониклась условными взглядами на все и твердой увѣренностью въ правильности понятій своего круга. Она вышла замужъ за человѣка, вполне соответствовавшего ей по взглядамъ и жизненнымъ вкусамъ. Робертъ Дюпрэ былъ сынъ богатаго коммерсанта и служилъ первымъ клеркомъ въ большой нотаріальной конторѣ въ Парижѣ. Знакомство между

нимъ и Мариеттой было устроено общими друзьями, и оба они знали до первой встрѣчи, что подходят другъ къ другу по годамъ и по матеріальнымъ средствамъ. Черезъ два мѣсяца послѣ первой встрѣчи состоялась свадьба, и новобрачные, слѣдуя традиціонному обычаю, уѣхали въ Италію; вернувшись изъ свадебнаго путешествія, они устроились съ надлежащимъ комфортомъ въ одномъ изъ новыхъ домовъ на бульварѣ St.-Germain.

Адриенъ увидѣлъ впервые Робера Дюпрѣ наканунѣ свадьбы, въ Сентъ-Рафаэлѣ, и сталъ съ интересомъ разглядывать своего „брата по закону“, по англійскому выраженію. Роберу было двадцать-восемь лѣтъ, и самое характерное въ его лицѣ была его большая мягкая черная борода, выражавшая спокойствіе духа и увѣренность въ усвоенныхъ разъ навсегда правилахъ жизни. Къ Адриену онъ отнесся съ искреннимъ хорошимъ чувствомъ.

— Видите,—сказалъ онъ ему при первой же встрѣчѣ,—я не отнимаю у васъ сестру, какъ поступаютъ обыкновенно beaufrères'ы, а, напротивъ того, привезу ее вамъ въ Парижъ. Надѣюсь, что вы будете нашимъ постояннымъ гостемъ.

Адриенъ не обманулъ надежды Робера и, по возвращеніи сестры съ мужемъ изъ Италіи, сталъ очень часто бывать у нихъ. Ему было пріятно приходить къ нимъ; все въ ихъ благоустроенномъ новомъ хозяйствѣ было такое новое, чистое, все дышало здоровьемъ и довольствомъ.

Вскорѣ ему пришлось сдѣлаться постояннымъ гостемъ въ домъ сестры.

Не прошло и года со времени свадьбы Мариетты, какъ родители ея и Адриена оставили Парижъ. Получилось письмо изъ Швеціи, отъ дяди и опекуна матери Адриена. Онъ заболѣлъ, чувствовалъ близость смерти и умолялъ мужа своей племянницы пріѣхать къ нему, чтобы взять на себя огромное и очень выгодное предпріятіе, которое онъ затѣялъ незадолго передъ тѣмъ. Онъ первый сталъ эксплуатировать силу водопадовъ для добыванія электрической энергіи. Делькамбръ колебался нѣсколько времени, не рѣшаясь начать новую жизнь въ сорокъ-пять лѣтъ. Но въ виду того, что дѣти уже выросли и были пристроены, онъ все-таки рѣшился поѣхать, по крайней мѣрѣ на время, чтобы поставить дѣло на ноги; къ тому же женѣ его очень хотѣлось по-бывать на родинѣ. Они уѣхали съ тѣмъ, однако, чтобы еще вернуться и даже оставили за собой квартиру, въ которой сынъ долженъ былъ жить одинъ во время ихъ отсутствія.

У Адриена стало тяжело на душѣ, когда онъ вдругъ очутился одинъ въ большой квартирѣ родителей. Онъ началъ ходить

по комнатамъ, стараясь сдержать волненіе. Онъ нѣсколько стыдился своего чисто дѣтскаго чувства осиротѣлости послѣ отъѣзда родителей, съ которыми никогда до того не разставался. Приходъ Маріетты отвлекъ его отъ грустныхъ мыслей. Она пришла привести въ порядокъ квартиру, увидѣла плохо скрываемую печаль брата и, подойдя къ нему, ласково тронула его за плечо. Онъ почувствовалъ въ ней такую же нѣжность и готовность защитить его отъ всѣхъ, — какъ въ дѣтствѣ.

— Бѣдный, — сказала она, — тебѣ очень грустно! Ты никогда съ ними не разставался. Я-то привыкла жить вдали отъ родителей. Бѣдный братецъ... Но вѣдь я осталась съ тобой. И Роберъ... онъ очень тебя любитъ. Ты будешь нашимъ ребенкомъ — мы такъ условились съ папой и мамой. Мы усыновляемъ тебя. У насъ сразу будетъ взрослый сынъ. Я буду баловать тебя... въ ожиданіи своихъ дѣтей. Идемъ къ намъ.

Онъ взялъ ее за руку.

— Благодарю тебя, Маріетта. Какая ты добрая!

И они ушли вмѣстѣ изъ дома родителей.

Еще въ одномъ мѣстѣ Адриенъ чувствовалъ себя какъ дома — у Ронсеновъ. Профессоръ ботаники жилъ неподалеку отъ Jardin des Plantes, вблизи фонтана со статуей Кювье, въ уютной, маленькой, со вкусомъ устроенной, квартирѣ. Уютность дому придавали, главнымъ образомъ, молодая улыбка Ронсена, представлявшая такой пріятный контрастъ съ его сѣдьющей бородой, его глубокой доброй взглядъ и присутствіе его дочери. Сяльвіа уже перестала быть шумнымъ ребенкомъ; она сдѣлалась умной, веселой дѣвушкой. Съ двѣнадцати лѣтъ она вела хозяйство отца, оставшагося вдовцомъ, и привыкла къ непринужденнымъ ученымъ разговорамъ его друзей. У нея былъ нѣсколько мальчишескій видъ, круглое веселое личико, и она правилась Адриену своимъ свободнымъ обращеніемъ. Онъ любилъ ея общество, но относился къ ней безъ малѣйшаго оттѣнка ухаживанія. Въ ней было слишкомъ мало женственности, чтобы увлечь его. Она сама опредѣлила ихъ отношенія, говоря, что они отличные товарищи, причемъ, когда она это ему сказала, въ глазахъ ея мелькнуло неожиданно грустное выраженіе.

— Ну, вотъ, какъ товарищъ, — прибавила она, подавляя грусть, — я окажу вамъ сейчасъ же услугу. Хотите знать, на чемъ рѣжетъ Обэнъ на экзаменѣ зоологій? Онъ самъ мнѣ разсказалъ, и я по дружбѣ вамъ сообщаю. Онъ спрашиваетъ сту-

дента: „Вы видали фонтанъ, выстроенный въ память Кювье?“ Если несчастный отвѣтитъ, что знаетъ, онъ сейчасъ же спрашиваетъ: „Въ такомъ случаѣ, скажите, какую ошибку сдѣлалъ скульпторъ?“ Вы, конечно, не знаете, и я тоже не знала. Обэнь показалъ мнѣ, въ чемъ дѣло: на памятникѣ изображенъ кайманъ, поворачивающій голову. А оказывается, что кайманъ не можетъ повернуть голову, потому что у него позвонки шеи срослись. Помните это, — на экзаменѣ можетъ пригодиться.

Въ домѣ Маріетты къ экзаменамъ Адриена относились съ величайшимъ волненіемъ, — неуспѣха боялись, какъ катастрофы, удача принимала размѣры апогеоза. Маріетта, дѣйствительно, относилась къ младшему брату какъ мать, съ почти слѣпымъ обожаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ суровой требовательностью... Адриенъ, не выдавшій Маріетту съ дѣтства, теперь замѣчалъ съ удивленіемъ странности въ ея характерѣ. Она удивительно быстро увлекалась людьми, и потомъ съ такой же быстрой охладѣвала къ нимъ; у нея были постоянно какія-нибудь любимицы подруги, о которыхъ она же потомъ говорила съ пренебреженіемъ. Точно также она капризно увлекалась какой-нибудь идеей, съ тѣмъ, чтобы черезъ самый непродолжительный срокъ переменить ее на другую... Но среди этихъ капризныхъ увлеченій людьми и идеями у нея былъ какой-то совершенно непоколебимый фонъ убѣжденій, и въ жизни она слѣдовала совершенно опредѣленнымъ правиламъ, какъ рѣка, твердо текущая по своему руслу, какъ бы капризно ни вздымалась и ни опускалась вода на поверхности. Это сказывалось особенно въ отношеніи къ тѣмъ, кого она любила. Къ такимъ избранныкамъ ея сердца принадлежалъ ея братъ, и ее нельзя было бы никакъ разувѣрить въ томъ, что онъ обладаетъ всѣми совершенствами.

Нужно было видѣть ея возбужденное лицо, когда, проникаясь страхами брата-студента передъ экзаменами, она возмущалась трудностями конкурсныхъ испытаній, несправедливостью профессоровъ и сыпала въ разговорѣ техническими словами, точно это былъ ея привычный языкъ.

Передъ друзьями — тѣми, которые случайно въ это время пользовались ея симпатіями — она жаловалась на чрезмѣрное трудолюбіе Адриена, конечно, въ то же время гордясь имъ — по чисто материнской непослѣдовательности.

— Подумайте, — говорила она, — онъ едва сдалъ философію

для *licence ès lettres*, какъ уже готовить эмбриологию, физиологию и гистологию для *licence ès sciences*.

Всѣ должны были знать, — съ тѣхъ поръ, какъ это узнала Мариетта, — что гистологія занимается изученіемъ органическихъ тканей, а эмбриологія изучаетъ эволюцію живыхъ организмовъ. И она распространилась безъ конца о практическихъ занятіяхъ, рассказывала о вскрытіи цефалопода такъ, точно сама держала въ рукахъ скальпель, описывала слои мозгового вещества такъ, точно сама разсматривала все это въ микроскопъ...

Адриенъ дѣйствительно послѣдовалъ плану, предназначавшему Пьеромъ Ронсеномъ, и соединялъ изученіе гуманитарныхъ наукъ съ естественно-научными занятіями; онъ съ такимъ же рвеніемъ углублялся въ свои занятія, съ какимъ Мариетта ихъ комментировала. Перерывъ, сдѣланный для военной службы, послужилъ для него умственнымъ отдыхомъ среди физическаго труда, и послѣ того онъ вернулся къ работѣ съ обновленными силами.

Но онъ вступилъ тогда въ новый фазисъ духовной жизни — болѣе творческой. Его умственная и душевная индивидуальность стала рѣзко опредѣляться, и онъ сталъ относиться къ работѣ уже не съ всепоглощающимъ голодомъ первой юности, а съ опредѣлившимся вкусомъ. Онъ сталъ выбирать то, что ему нравилось, сталъ принимать или отвергать вычитанныя мнѣнія. Теперь уже нѣкоторыя книги возмущали его, и онъ съ негодованіемъ бросалъ ихъ. Другія, напротивъ того, особенно восхищали его, такъ какъ выясняли то, что онъ самъ смутно представлялъ себѣ. Онъ какъ бы продолжали его мысль и возвыщали ее ему же самому. Онъ слѣдовалъ своимъ внутреннимъ влеченіямъ, избиралъ среди мыслителей тѣхъ, которые были близки ему по духу, и, продолжая изучать мысли другихъ, оцупью старался утвердить и укрѣпить свою индивидуальность. Пьеръ Ронсенъ былъ правъ, усматривая аналогіи между жизнью человѣка и жизнью растений. Ростъ ума подобенъ росту растенія, которое слѣпо вытягиваетъ соки изъ темной земли тысячу своихъ корней, потомъ, пробиваясь на свѣтъ, питается болѣе утонченной пищей, слѣдя своимъ особенностямъ и вкусамъ, и, наконецъ, распускаясь въ видѣ цвѣтка, проявляетъ свою обособленность въ очертаніяхъ листьевъ и лепестковъ.

Этимъ первымъ цвѣткомъ, т.-е. первымъ проявленіемъ его индивидуальной сущности, была первая книга Адриена. Онъ ее писалъ два года, стараясь соединить научный характеръ содержанія съ литературностью формы. Книга носила заглавіе „Психей“ и эпиграфомъ къ ней были слова Лейбница: „Жизнь существуетъ“

всюду". Въ результатѣ своихъ серьезныхъ гуманитарныхъ и естественно-научныхъ занятій Адриенъ пришелъ къ панпсихизму, и книга его излагала это міросозерцаніе съ убѣжденностью молодой вѣры. Психея въ его книгѣ не была героиней поэтической античной легенды; онъ бралъ это слово въ первоначальномъ значеніи одухотворяющей силы, принципа жизни. Адриенъ вкратцѣ излагалъ эволюцію этого понятія въ теченіе вѣковъ во всѣхъ философскихъ системахъ и религіозныхъ ученіяхъ, въ которыхъ таинственная сила называлась поочередно душой, духомъ, дуо-веніемъ, флюидомъ. Сначала различаясь въ примѣненіи къ людямъ и къ животнымъ, она, наконецъ, сдѣлалась простымъ выраженіемъ энергіи, одинаковой во всѣхъ органическихъ существахъ и даже въ инертной матеріи. На этомъ опредѣленіи Адриенъ останавливался съ особымъ вниманіемъ и вполне его признавалъ. Не возводя его въ догматъ, чтобы не впасть въ сектанство, онъ считалъ его, однако, наиболѣе близкимъ къ истинѣ.

Первая книга принесла молодому автору много пріятныхъ минутъ. Онъ зналъ, что появленіе ея не вызоветъ шума, и не былъ огорченъ тѣмъ, что о ней было лишь нѣсколько небольшихъ отзывовъ въ кружковыхъ маленькихъ журналахъ безъ подписки; но сочувствіе нѣсколькихъ близкихъ людей очень его ободрило и укрѣпило желаніе идти дальше по намѣченному пути. Онъ получилъ изъ Швеціи отъ родителей обрадовавшее его сочувственное письмо. Учителя, которымъ онъ послалъ свою книгу, хвалили его—вполнѣ искренно, такъ какъ успѣхъ книги далеко не былъ громкимъ.

Больше всего его радовали похвалы Пьера Ронсена—въ особенности въ виду того, что онъ хвалилъ именно тѣ мѣста, которыми Адриенъ болѣе всего дорожилъ въ своей книгѣ. Сильвія радовалась его литературному дебюту, какъ празднику, устроила парадный обѣдъ въ день выхода книжки. За десертомъ они выпили втроемъ бутылку Asti. Потомъ Сильвія потребовала, чтобы Адриенъ далъ ей экземпляръ своей книги съ надписью. Когда онъ, взявъ перо, которое она ему принесла, задумался, не зная, что написать на книгѣ, она сама же ему продиктовала: „Товарищу Сильвіи отъ автора“.

Среди этого общаго сочувствія близкихъ людей прозвучалъ одинъ диссонансъ: Мариеттѣ и въ особенности ей мужу „Психея“ не понравилась.

Адриенъ очень сжился съ сестрой. Родители окончательно

поселились въ Швеціи, гдѣ присутствіе его отца было необходимо для дѣла, и Адріенъ привыкъ считать роднымъ домою дѣмъ сестры. Отношенія съ нею и ея мужемъ оставались самыми близкими. Робертъ тѣмъ временемъ откупилъ нотаріальную контору у своего прежняго патрона; борода его сдѣлалась еще болѣе блестящей, спокойной и внушительной, — но добродушіе его оставалось прежнимъ и къ брату жены овъ былъ искренно привязанъ.

Появленію книги Адріена придавали въ домѣ его сестры значеніе мірового событія. Маріетта была увѣрена, что книга брата должна будетъ произвести переворотъ въ мірѣ. И вдругъ, когда книга вышла въ свѣтъ, когда Маріетта разрѣзала и прочла ее сначала до конца, она ограничилась нѣсколькими пустыми комплиментами автору, а Робертъ просто ничего не говорилъ, — чтѣ, конечно, еще сильнѣе задѣло самолюбіе автора.

Но такое отношеніе въ сущности не очень удивило Адріена, который, несмотря на теплыя родственныя отношенія съ сестрой и ея мужемъ, чувствовалъ въ нихъ уже нѣсколько времени людей совершенно иного духовнаго міра. Маріетта была насквозь пропитана вліяніемъ буржуазной среды, въ которой выросла, и становилась все болѣе и болѣе похожей по складу ума и по характеру на бабушку, мать отца. Очевидно, тѣ, что доказывалъ Адріенъ въ „Психеѣ“, идея равноцѣнности жизненнаго начала въ людяхъ, животныхъ и даже неодушевленной природѣ, должна была возмущать ее, привыкшую къ іерархическому пониманію міра, къ дѣленію людей на высшія и низшія группы, къ перегородкамъ въ общественномъ строѣ.

Еще яснѣе обнаруживалась разница взглядовъ между Адріеномъ и его шуриномъ. Робертъ былъ миролюбивъ и вовсе не чувствовалъ потребности спорить и отстаивать свои убѣжденія. Но овъ былъ твердо увѣренъ въ ихъ непоколебимой истинѣ и выражалъ это въ спокойныхъ и увѣренныхъ жизненныхъ поступкахъ, въ воспитаніи дѣтей, въ сужденіяхъ о политическихъ и общественныхъ событіяхъ дня. Овъ почти никогда не говорилъ съ Адріеномъ о теоретическихъ вопросахъ, но когда взгляды Адріена выяснились въ его книгѣ, Робертъ былъ пораженъ. Теорія единства жизненнаго начала въ природѣ, объединеніе трехъ царствъ воедино казалось ему какимъ-то нарушеніемъ общественныхъ приличій. Овъ никакъ не могъ согласиться съ тѣмъ, что одна и та же энергія дѣйствуетъ въ формирующемся кристаллѣ, въ артишокѣ, въ собакѣ и въ почтенномъ нотаріусѣ. Адріенъ, утверждавшій нѣчто столь дикое, казался ему просто комичнымъ.

Онъ не представлялъ себѣ, что можно мыслить и разсуждать иначе, чѣмъ всѣ. Онъ сталъ разспрашивать Адриена о его теоріяхъ съ явно пренебрежительнымъ любопытствомъ, какъ богатый янки сталъ бы разспрашивать индѣйца о его суевѣріяхъ. Въ особенности его интересовало одно слово, постоянно повторявшееся въ книгѣ Адриена и какъ бы составившее ключъ къ его ученію,—слово „детерминизмъ“.

— Да объясните вы, наконецъ, — сказалъ онъ разъ послѣ завтрака, за кофеемъ, — въ чемъ заключается этотъ пресловутый детерминизмъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, Адриенъ и не подозрѣвалъ, что наступитъ день, когда онъ самъ не рѣшится сразу примѣнить на практикѣ свои идеи, и что, излагая свои мысли передъ сестрой и ея мужемъ, онъ создалъ себѣ въ будущемъ судей и грозныхъ свидѣтелей. Ему только хотѣлось убѣдить, побѣдить ихъ идейную вражду, которую онъ чувствовалъ за личнымъ расположеніемъ къ нему.

— Быть детерминистомъ, — сталъ онъ объяснять, — это значитъ вѣрить, что наши дѣйствія и слова опредѣляются условіями, надъ которыми мы не властны, какъ не властны надъ физическими законами жизни. Разнообразныя силы сочетаются и создаютъ въ результатъ нѣчто, чтò является нашимъ дѣйствіемъ или нашимъ словомъ. Наше сознаніе воспринимаетъ это слѣдствіе разныхъ причинъ, но не управляетъ имъ. Если проанализировать самый простой жестъ, то, что я беру тотъ или другой предметъ, или направляюсь къ какой-нибудь цѣли, то выяснится, что я слѣдую влеченіямъ, которыхъ самъ не вызывалъ. Нашъ мозгъ подобенъ клавиатурѣ, составленной изъ разнообразной и сложной гаммы нашихъ ощущеній. Когда нажимаются извѣстныя клавиши, инструментъ издаетъ опредѣленный звукъ — и не можетъ издать другого. Въ то время, какъ намъ кажется, что мы свободно принимаемъ какое-нибудь рѣшеніе, наши внутренніе голоса уже опредѣлили его заранѣе, и у насъ является только иллюзія воли.

Мариетта молча и сурово слушала объясненія брата, совершенно не убѣждавшія ее, а Робертъ тихо качалъ головой, внутренне удивляясь, что такой образованный и умный юноша могъ принимать въ серъезъ такія глупости. Онъ небрежно возразилъ, что весь этотъ детерминизмъ — не чтò иное, какъ передѣланный на модный манеръ фатализмъ восточныхъ народовъ, и прибавилъ, что эти теоріи, еслибы онѣ, не дай Богъ, привились, могли бы оказаться очень опасными.

— Самое лучшее доказательство, что я обладаю свободой

воли, — закончилъ нотаріусъ свое самодовольное объясненіе, — это то, что я возьму теперь шляпу и палку, и отправлюсь по собственной волѣ въ мою контору, куря сигару, которую, повѣрьте, я выбралъ по собственному вкусу.

Адриенъ вздохнулъ, понимая, что онъ никогда его не убѣдитъ. Со времени появленія „Психеи“, въ ихъ отношенія вералась фальшивая нота, и по поводу каждаго вопроса, заходила ли рѣчь о правосудіи, объ отечествѣ, о семьѣ, о книгахъ, о литературѣ, о законахъ, они выражали діаметрально противоположныя сужденія...

Однажды вечеромъ, послѣ обѣда, Адриенъ засидѣлся въ маленькой гостиной Маріетты. Въ гостяхъ у его сестры была ея новая знакомая, новый предметъ ея перемѣнчивыхъ увлеченій, Елена Обрѣ, молодая дѣвушка, учительница рисованія въ школѣ, гдѣ училась маленькая дочка Маріетты. Маріетта сразу привязалась къ молодой учительницѣ, всячески выказывала ей свои восторги, подружилась съ ней, звала ее по имени и не отпускала отъ себя. Елена спокойно принимала поклоненіе, окружавшее ее въ домѣ ея новой пріятельницы, и держалась очень спокойно.

Подали чай. Мелкія граненныя стекла двери, отдѣлявшей маленькую гостиную отъ большой залы, искрились пестрыми огнями. Электрическія лампочки сверкали въ мѣдныхъ оправкахъ; на темно-красномъ фонѣ стѣнъ выдѣлялись полки краснаго дерева съ золотыми рѣшетчатыми дверцами. Адриенъ обратилъ вниманіе на то, какъ среди этихъ теплыхъ тоновъ эффектно выдѣлялась красота новой подруги Маріетты, ея свѣтлый цвѣтъ лица и волосы съ свѣтлыми переливами среди темно-каштановыхъ волнъ. Онъ любовался стройной фигурой, блестящими глазами и капризно-изгибающейся линіей рта.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался звонокъ телефона, и Робертъ съ неудовольствіемъ поднялся и вышелъ изъ гостиной.

— Вотъ несносное изобрѣтеніе! — воскликнулъ онъ, возвращаясь.

— Зачѣмъ же вы имъ пользуетесь? — спросилъ съ улыбкой Адриенъ.

— Чтобы жить какъ всѣ, чтобы подражать сосѣду, отстаивать свои интересы, не уступая ему въ средствахъ. Еслибы всѣ сразу захотѣли отказаться отъ этой нелѣпой выдумки, то конечно...

— Да вѣдь это теорія разоруженія! — воскликнулъ Адриенъ, чувствуя себя почему-то въ воинственномъ настроеніи.

Маріетта, которая всегда боялась возможныхъ столкновеній между братомъ и мужемъ, постаралась отвлечь разговоръ на

другую тему, втянувъ въ общую бесѣду свою новую пріятельницу, Елену. Но Адриена еще болѣе возбуждало въ спору присутствіе молодой дѣвушки, и онъ продолжалъ свои нападки.

— Самое любопытное во врагахъ науки, — сказалъ онъ, — то, что они, возмущаясь противъ нея, сами же пользуются ея услугами, телеграфомъ, телефономъ, быстрыми поѣздами. Они хвалятъ старые дома, но предпочитаютъ жить въ новыхъ, устроенныхъ по всѣмъ правиламъ современнаго комфорта и гигиены. Они пользуются лифтомъ, устраиваютъ у себя электрическое освѣщеніе — и даже не могутъ жить безъ газетъ.

— Вы ошибаетесь, милый другъ, — отвѣтилъ Роберъ. — Безъ всѣхъ этихъ чудесъ цивилизаціи, которыя вы такъ восхваляете, жилось бы гораздо лучше. Они не улучшаютъ жизнь, а только вносятъ въ нее суету и нервность.

Адриену стало скучно оспаривать избытые доводы противъ матеріальнаго прогресса, будто бы не содѣйствующаго нравственному совершенствованію.

— Знаю, знаю, — пробормоталъ онъ. — Доброе старое время... Конечно. Да я не отвергаю прелесть старины, развалины, античныхъ статуй, живописныхъ старыхъ обычаевъ, пѣсенъ, — всего, что связываетъ насъ съ прошлымъ. Мнѣ тоже отрадно чувствовать корни своего существованія въ прошломъ, — но я не могу преклоняться передъ суетвѣріемъ и невѣжествомъ только на томъ основаніи, что ими жили наши предки.

Адриенъ видѣлъ, что Елена слѣдитъ за его споромъ съ Роберомъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и въ ея блестящемъ взглядѣ Адриенъ почувствовалъ невысказываемое сочувствіе себѣ. Это его обрадовало. Роберъ продолжалъ возражать противъ его защиты прогресса, доказывая, что все равно никакія научныя открытія и усовершенствованія не сдѣлаютъ людей лучшими и болѣе счастливыми.

— Все равно, всѣ вы ничего не измѣнили въ жизни, — сказалъ онъ спокойно и самоувѣренно. — Всѣ тѣ, которые ораторствуютъ на трибунахъ и въ газетахъ, всѣ эти борцы за лучшее будущее не улучшили ничьего положенія — кромѣ своего собственнаго.

Адриенъ съ негодованіемъ вскочилъ съ мѣста. Роберъ передъ сторонней женщиной высмѣивалъ его вѣру, высказывалъ сомнѣніе въ искренности его и его единомышленниковъ. Это его в вело изъ себя.

— Значитъ, вы сомнѣваетесь въ нашей искренности? — кричалъ онъ.

— Относительно искренности я ничего не говорю, — возразил Робертъ, покачавъ головой. — Я только отрицаю здравый смыслъ въ вашихъ разсужденіяхъ... Прогрессъ — пустое слово. На самомъ дѣлѣ ничего нельзя измѣнить.

Мариетта стояла около Робера, опершись на спинку его кресла. Адриенъ подошелъ къ нимъ, весь дрожа.

— Какая чудовищная несправедливость! — воскликнулъ онъ. — Какъ вамъ не стыдно отрицать науку! Послушайте, я привязанъ къ вамъ обоимъ и, очевидно, не желаю вамъ зла. Но что, еслибы вотъ въ эту минуту вы услышали изъ сосѣдней комнаты, гдѣ спятъ ваши дѣти, удушливый кашель, — еслибы, словомъ, у Клода или Лизы вдругъ сдѣлался крупъ? Вы бы все-таки бросились къ доктору за спасеніемъ и моментально сдѣлали бы прививку больному ребенку... И что бы вы сказали, еслибы я загородилъ вамъ дорогу въ дѣтскую, повторяя ваши слова: — „Зачѣмъ лечить? Все равно наука ни къ чему не приводитъ“?

— Адриенъ, перестань! — крикнула въ ужасѣ Мариетта.

Робертъ сдѣлалъ только гримасу, показывая, что считаетъ эту выходку неумѣстной. Адриену было нѣсколько неприятно, что онъ далъ волю своему возмущенію передъ чужой гостью, но все-таки ему стало легче. Теперь ему хотѣлось только остаться одному, чтобы окончательно успокоиться, и онъ воспользовался первой наступившей паузой въ разговорѣ, чтобы уйти.

По дорогѣ домой онъ думалъ о томъ, до чего идейныя разногласія испортили личныя отношенія между нимъ и Роберомъ. Подъ вліяніемъ пережитого возбужденія ему даже казалось, что лучше всего, можетъ быть, перестать бывать у сестры. Но потомъ, успокоившись, онъ сталъ разсуждать болѣе логично.

Чѣмъ виноватъ Робертъ въ томъ, что у него такія убѣжденія? По собственной же теоріи Адриена онъ такъ же неотвѣтственъ за свои взгляды, какъ за форму лица, за голосъ и жесты. Его умственный складъ выработался подъ вліяніемъ воспитанія и наслѣдственности, — и не его вина, что онъ сдѣлался убѣжденнымъ буржуа. Если мы миримся съ физическими недостатками близкихъ людей, то нельзя возмущаться ихъ духовными недочетами, считая мысль только высшей функціей организма, и разсматривая душу и тѣло только какъ разные знаки одной и той же жизненной энергіи.

Адриенъ настолько проникся своими теоріями, что понялъ всю непослѣдовательность своего гнѣва противъ Робера и сестры, и рѣшилъ разъ навсегда примириться съ ихъ взглядами.

На слѣдующій же день онъ съ утра отправился въ контору

Робера и, заставъ его одного, сразу объяснилъ ему совершенно откровенно цѣль своего прихода.

— Я пришелъ объясниться, — сказалъ онъ, — и загладить неприятное впечатлѣніе отъ вчерашняго спора. Наши взгляды совершенно расходятся, — но постараемся избѣгать столкновений. Я общаю вамъ не возбуждать споровъ. Я излагаю и буду излагать свои мысли въ книгахъ, а вы можете ихъ не читать, — вотъ и все. Въ жизни же мы можемъ не касаться нашихъ убѣждений. Я навѣрное готовъ не отстаивать ихъ, — въ этомъ отношеніи я уступчивѣе васъ. Научный образъ мыслей не стремится къ непоколебимости. Наше ученіе подлежитъ всегда совершенствованію, въ зависимости отъ новыхъ научныхъ открытій. Мы это знаемъ и преклоняемся передъ опытомъ. Мы ничего не утверждаемъ — съ такой увѣренностью, какъ вы, догматики. Вы же такъ увѣрены въ себѣ, что, говоря о своемъ образѣ мыслей, о своихъ патриотическихъ чувствахъ, говорите: „здравый образъ мыслей“, „истинный французъ“ и т. д. У васъ — монополія здраваго, истиннаго. Вы такъ увѣрены въ превосходствѣ своихъ принциповъ, что не желаете даже размышлять, потому что размысленіе означало бы споръ съ самимъ собой. Поэтому вы такъ спокойно и высказываете свои взгляды, даже не подозрѣвая возможности иной истины, кромѣ вашей, не думая, что ваши слова могутъ задѣть кого-нибудь. А вѣдь иногда очень больно наступаешь кому-нибудь на ногу именно потому, что не замѣчаешь его ноги. Такъ вотъ я и прошу васъ по возможности не наступать мнѣ на ногу, — и я буду тоже остороженъ въ этомъ отношеніи. — Согласны?

Роберъ выслушалъ Адриена очень спокойно, поглаживая свою бороду; потомъ онъ поднялся и протянулъ ему руку.

— Можетъ быть, вы отчасти правы, — сказалъ онъ. — Во всякомъ случаѣ намѣренія ваши несомнѣнно хороши, — и мнѣ было бы дѣйствительно очень больно, еслибы наши отношенія испортились. И знаете — ужъ я вамъ сознаюсь, — еслибы вы не зашли теперь ко мнѣ, я бы пришелъ къ вамъ передъ обѣдомъ. Идемте же завтракать.

При видѣ брата, пришедшаго съ мужемъ, Мариетта просіяла отъ радости и нѣжно обняла его. Адриену было пріятно очутиться снова въ уютной столовой, за столомъ у сестры, и смотрѣть на свѣжія личики дѣтей, Лизы и Клода. При всемъ своемъ детерминизмѣ, онъ питалъ искреннюю привязанность къ сестрѣ и ея семьѣ.

— Какъ тебѣ нравится моя Елена?—вдругъ спросила его Мариетта.

Адриенъ въ эту минуту какъ разъ подумалъ объ Еленѣ Обрѣ, вспоминая сцену, разыгравшуюся наканунѣ въ ея присутствіи. Онъ помолчалъ и сказалъ:

— Она очень женственна.

— Что ты понимаешь подъ этимъ словомъ?—спросила Мариетта.

Онъ былъ нѣсколько возбужденъ радостью примиренія, чувствовалъ себя въ праздничномъ настроеніи, и въ отвѣтъ сестрѣ сказалъ нѣсколько мечтательнымъ тономъ:

— Это трудно объяснить, потому что въ этомъ словѣ объединено много другого, еще болѣе неопредѣленнаго. Женственность, какъ я ее понимаю,—это, въ чисто пластическомъ отношеніи, стройная полнота, нѣжная закругленность; а духовно—слабость, соединенная со смѣлостью, доброта и веселость, гибкость и прямотуше, невинное очарованіе, естественная грація, сознающая себя и стремящаяся къ совершенству. Это—душа, открытая для чувствъ, и умъ, открытый для мыслей,—что-то страстное, приближающееся къ нѣжности материнства,—словомъ, то, что среди всяческихъ эволюцій и измѣненій остается главнымъ очарованіемъ женщины.

— Однако!—воскликнулъ Роберъ: — да вѣдь это былъ бы перлъ созданія! Неужели m-lle Обрѣ владѣетъ всѣми этими совершенствами?

— Я этого не утверждаю; — я слишкомъ мало знаю ее, чтобы судить. Но она принадлежитъ къ этому типу.

— Сколько ей лѣтъ?—спросилъ Роберъ.

— Двадцать-пять,—отвѣтила Мариетта.

Обѣдъ кончился. Опустивъ кончики пальцевъ въ стаканъ теплой воды, Адриенъ спросилъ:

— Почему она не вышла еще замужъ?

— Потому что у нея нѣтъ ни гроша приданаго,—нѣсколько рѣзко отвѣтила Мариетта.

Она, конечно, вполне раздѣляла обычный взглядъ на приданое, какъ на необходимое условіе брака, и Роберъ былъ такого же мнѣнія.

— Жалко,—сказалъ онъ.—И у нея нѣтъ никакихъ надеждъ на деньги въ будущемъ,—на какое-нибудь наслѣдство?

— Никакихъ. Отецъ служитъ въ Греноблѣ. Ихъ три сестры. Расходы по дому большіе, а жалованье у отца маленькое. А такъ какъ дочерямъ чиновника неприлично работать для зара-

ботка, по крайней мѣрѣ въ городѣ, гдѣ служить отецъ, то двѣ старшія дочери уѣхали изъ родительскаго дома, чтобы искать заработка въ другихъ мѣстахъ. Старшая — въ Англии, самая младшая — дома, а Елена, средняя — здѣсь, въ Парижѣ. У нея большія способности къ живописи; она расписываетъ вѣера, даетъ уроки и хотѣла бы достать заказы для иллюстраціи книгъ. Она удивительно работающая, даровитая дѣвушка, и такая простая, скромная. Говорятъ, что теперь многія дѣвушки въ ея положеніи прѣзжаютъ искать заработка въ Парижѣ. Да это и понятно. Безъ приданаго никто на нихъ не женится, — развѣ какой-нибудь ремесленникъ или мелкій служащій, за котораго онѣ не пойдутъ. Онѣ предпочитаютъ поэтому жить самостоятельнымъ трудомъ.

Робертъ вздохнулъ, поднявъ глаза къ небу. Ему была не по душѣ такая эмансипація дѣвушекъ, идущая противъ традицій буржуазной жизни. Но, согласно обѣщанію, данному Адриену, онъ не сталъ спорить, и только крѣпко сжалъ въ рукѣ свою бороду, какъ сжимаютъ руку другу, сдерживая волненіе.

Адриенъ былъ тронутъ этимъ доказательствомъ дружелюбныхъ намѣреній Робера. Адриенъ, въ свою очередь, тоже старался не высказывать своихъ мнѣній. Онъ не говорилъ также о новой книгѣ, надъ которой работалъ теперь. Въ ней онъ пошелъ еще дальше въ смыслѣ протеста противъ общепринятыхъ взглядовъ, давая новыя, самобытныя объясненія собранному фактамъ дѣйствительности. Онъ занялся изученіемъ мозговыхъ функций и останавливался, главнымъ образомъ, на явленіи сновъ. Онъ хотѣлъ назвать свою книгу „Сны“, чтобы заманить воображеніе читателя анализомъ страннаго раздвоенія жизни во время сна и увлечь его затѣмъ въ таинственный лабиринтъ своихъ мыслей и теорій. Но обо всемъ этомъ онъ не могъ говорить Мариеттѣ и Роберу, такъ какъ пришлось бы выяснять свою теорію, которая не могла не возмутить ихъ.

Адриенъ ясно сознавалъ, что для дѣйствительнаго сохраненія хорошихъ отношеній слѣдовало бы — по крайней мѣрѣ на время работы надъ новой книгой — рѣже бывать у сестры; но почему-то онъ именно теперь не чувствовалъ желанія рѣже бывать у Мариетты; напротивъ того, онъ приходилъ къ ней каждый день къ обѣду и слишкомъ привыкъ анализировать свои дѣйствія и влеченія, чтобы не догадаться, что собственно его влечетъ туда. Онъ ходилъ къ сестрѣ изъ-за Елены...

При всемъ своемъ увлеченіи научными занятіями, Адриенъ былъ менѣе всего равнодушенъ къ женской красотѣ. У него были въ жизни мимолетные романы, причемъ онъ сейчасъ же

охлаждѣвалъ къ женщинѣ, когда замѣчалъ въ ней что-нибудь мелкое. Но истинной, глубокой любви онъ еще не испыталъ въ жизни, хотя мечталъ — и въ то же время боялся — о чувствѣ, которое захватило бы его цѣликомъ.

Шелъ ли онъ навстрѣчу такому чувству, опредѣляющему судьбу человѣка, когда спѣшилъ по вечерамъ на обѣдъ къ сестрѣ? Было ли его волненіе при видѣ верхней одежды Елены въ передней знакомъ, возвѣщавшимъ о готовящейся драмѣ его жизни? Почему, при появленіи Елены, все вокругъ принимало преображенный, сіяющій видъ? Означало ли все это, что она — та, которую онъ долженъ былъ полюбить навсегда, — этого онъ не зналъ и не рѣшался узнать.

Но все въ жизни обнаруживается. Разъ въ апрѣлѣ, около десяти часовъ утра, Адриенъ зашелъ къ Ронсенамъ. Онъ бывалъ у нихъ попрежнему довольно часто, такъ какъ съ ними могъ свободно говорить о своихъ теоретическихъ работахъ и литературныхъ планахъ. Сильвія сейчасъ же стала оживленно спрашивать его о его новой книгѣ. Пьеръ Ронсенъ помогалъ своему молодому другу въ работѣ надъ этой книгой, собирая матеріалы у знакомыхъ ученыхъ, которые охотно говорили ему о своихъ наблюденіяхъ надъ снами, о томъ, при какихъ обстоятельствахъ они видѣли интересные въ какомъ-либо отношеніи сны. Эти сообщенія были тѣмъ болѣе цѣнны, что исходили отъ людей, привыкшихъ къ самоанализу.

Адриенъ, однако, продолжая бывать у Ронсеновъ, приходилъ теперь всегда только утромъ — и не могъ, при всей дружбѣ съ „товарищемъ“ — Сильвіей, объяснить ей, что потому никогда не приходитъ къ нимъ обѣдать, что Елена часто обѣдаетъ у Мариетты, но никогда не бываетъ къ завтраку.

Когда онъ пришелъ на этотъ разъ къ Ронсену, Сильвія сказала ему, провожая его въ кабинетъ отца:

— Вы застанете папу ужасно разстроеннымъ. Заболѣлъ его рисовальщикъ, старикъ, который уже двадцать лѣтъ срисовываетъ для него цвѣты акварелью. А какъ разъ сегодня нужно сдѣлать портретъ рѣдкаго растенія, — до завтра оно утратитъ свои краски. Можете себѣ представить отчаяніе папы! Можетъ быть, случайно, у васъ есть знакомый рисовальщикъ?

— Конечно, есть! — воскликнулъ Адриенъ, входя къ Ронсену и здороваясь съ нимъ. — Впрочемъ, это не рисовальщикъ, а рисовальщица, пріятельница моей сестры Мариетты, — Елена Обрѣ. Она рисуешь вѣера, иллюстрируетъ книги и отлично исполнить то, что вамъ нужно.

Онъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ все, что зналъ про нее, и Сильвія, которая слегка нахмурилась при первыхъ его словахъ объ Еленѣ, разсмѣялась.

— Не долго же, — сказала она шутливымъ тономъ, — пришлось вамъ рыться въ памяти, чтобы вспомнить о ней. Книга раскрылась прямо на нужной страницѣ.

— Вы сдѣлали бы мнѣ огромное одолженіе, — сказалъ Пьеръ Ронсенъ, — еслибы сейчасъ же направили ко мнѣ эту особу. Время не терпитъ.

— Я сейчасъ же поѣду къ ней.

Наклонившись надъ перилами у входной двери, профессоръ и его дочь слѣдили взглядомъ за Адриеномъ, который быстро спустился съ лѣстницы.

— Онъ очень торопится, — радовался Ронсенъ.

— Еще бы! — отвѣтила молодая дѣвушка. — Онъ сразу осчастливитъ трехъ людей: тебя, ее и себя.

Адриенъ сейчасъ же поѣхалъ на rue Grenelle. Адресъ Елены онъ зналъ, такъ какъ нѣсколько разъ провожалъ ее вмѣстѣ съ Роберомъ до дому отъ сестры. Было одиннадцать часовъ — слишкомъ ранній часъ для визита. Но онъ вѣдь шелъ къ ней по дѣлу, и это придавало ему смѣлости. На его звонокъ явилась сама Елена и провела его изъ передней въ свою мастерскую, большую, свѣтлую комнату, заставленную столами съ гипсами и рисунками. Много этюдовъ висѣло на стѣнахъ, стояло на мольбертахъ.

Елена была въ темной блузѣ, перетянутой у пояса шнуркомъ. Тяжелые волосы окружали ее голову свѣтлымъ вѣнцомъ. Глаза и губы сверкали среди теплой бѣлизны лица. „Какъ она красива!“ — подумалъ онъ. Съ полной добросовѣстностью онъ тотчасъ же передалъ ей предложеніе Пьера Ронсена. Она съ радостью приняла его, поблагодарила Адриена за рекомендацію и сказала, что въ теченіе дня зайдетъ къ профессору.

Адриенъ понялъ, что, исполнивъ порученіе, онъ не имѣетъ основанія дольше оставаться, и нехотя поднялся, ища предлога помедлить уходомъ. Увидавъ на мольбертѣ рисунокъ вѣера во вкусъ XVIII вѣка, онъ спросилъ, ея ли это работа, и она разсказала ему, что ей заказана поддѣлка подъ старинный вѣеръ, и объяснила, какъ это дѣлается. Потомъ онъ вспомнилъ, что она не знаетъ, гдѣ живетъ Ронсенъ, и подошелъ къ камину, чтобы записать адресъ его на бумажѣ. Каминъ былъ весь уставленъ фотографическими карточками, и на одной группѣ трехъ дѣвочекъ онъ узналъ Елену.

— Это вы?—спросилъ Адріенъ.

— Да. Отецъ мой всю жизнь увлекался фотографіей и снималъ насъ, меня и сестеръ, безконечное число разъ въ разные времена.

По просьбѣ Адріена, она принесла цѣлую шкатулку съ карточками, среди которыхъ онъ съ восторгомъ нашелъ ея изображенія въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, начиная съ младенческаго возраста, затѣмъ въ дѣтскихъ платьицахъ; всѣ карточки были очаровательны. Затѣмъ шелъ цѣлый рядъ карточекъ ея въ видѣ подростка, а потомъ уже взрослой молодой дѣвушки. Пока онъ разсматривалъ карточки, Елена стояла подлѣ него и говорила, къ какому возрасту относятся разные фотографіи. Потомъ она показала еще портреты отца и матери. Онъ поблагодарилъ ее и тихо сказалъ:

— Теперь мнѣ кажется, что я зналъ васъ всю жизнь.

Когда кончился осмотръ карточекъ, не было уже никакого предлога оставаться дольше, и Адріенъ ушелъ, простившись съ Еленой долгимъ рукопожатіемъ. Въ первый разъ, когда онъ послѣ того зашелъ къ Ронсенамъ, Сильвія встрѣтила его словами:

— Я ее видѣла.

Адріенъ даже не притворился, что не знаетъ, о комъ она говорить.

— М-lle Обрѣ?—спросилъ онъ.

— Ну, конечно. Она приняла завязъ отца. Она сидѣла вотъ тутъ въ креслѣ, гдѣ вы сидите.

Разговоръ происходилъ въ кабинетѣ, гдѣ, въ отсутствіе профессора, Сильвія сидѣла за его столомъ и дѣлала для него выписки.

— Она очень мила,—сказала Сильвія.—Я съ ней обмѣнилась лишь нѣсколькими словами, но она мнѣ очень понравилась. Она очень сдержанна.

— Это такъ кажется,—отвѣтилъ Адріенъ,—потому что она говоритъ какъ разъ только то, что нужно. Она удивительно гармонична во всемъ, — и это сказывается въ ея лицѣ. Замѣтили вы, до чего всѣ черты, всѣ мельчайшія линіи въ ея лицѣ гармонично сливаются?

Онъ сталъ быстрыми, выразительными жестами намѣчать нѣжность очертавій ея лица.

„Можетъ быть, не слѣдуетъ восхвалять красоту одной женщины передъ другой, некрасивой,—подумалъ онъ, но сейчасъ же отстранилъ эту мысль. — Сильвія не кокетка. Она — настоящій маль-

чишка и относится къ нему по-товарищески. Почему же не дѣлиться съ ней своими чувствами?" Онъ продолжалъ свой панегирикъ:

— Въ ней есть что-то удивительно спокойное, свѣжее и сияющее... Она—точно волна, сверкающая на солнцѣ... И умъ у нея такой же свѣжій, сверкающій. Я какъ-то разъ говорилъ въ ея присутствіи, что человѣческій мозгъ имѣетъ болѣе шестисотъ миллионовъ клѣточекъ. Она вскрикнула съ комической скромностью: „Даже мой?“... Ну, развѣ это не очаровательно?!

— Словомъ, — сказала Сильвія съ лукавой улыбкой, — она вамъ нравится.

— Да, — серьезно отвѣтилъ онъ, — нравится. Къ чему это скрывать?

— Да это и бесполезно, — отвѣтила она.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Она продолжала:

— Это бросается въ глаза, другъ мой. Помните, когда вы побѣждали позвать ее къ отцу? Уже по вашей возбужденной торопливости все было ясно: вы помчались вихремъ. Вы не умѣте скрывать... да и она тоже.

— Какъ такъ?—быстро прервалъ онъ.

— Ну, конечно. Ей стоитъ только произнести: „monsieur Адриенъ“ — и все ясно.

Онъ хотѣлъ отвѣтить шутливо, но почувствовалъ, что улыбка у него не вышла.

— Вы болѣе освѣдомлены, чѣмъ я, — сказалъ онъ.

— Возможно... Бываютъ два случая, когда мужчины не видятъ, что они нравятся: это или когда они сами очень влюблены, или когда они совершенно равнодушны.

Адриенъ поднялся со стула радостно возбужденный. Онъ довѣрялъ чуткости Сильвіи. Можетъ быть, она дѣйствительно права. Но онъ не рѣшался разспросить ее подробнѣе объ ея впечатлѣніяхъ и попрощался съ нею. По обыкновенію, она подошла къ периламъ лѣстницы, провожая его взглядомъ. Онъ ни разу не обернулся. Но еслибы онъ поднялъ голову, онъ увидѣлъ бы, какъ душевная печаль краситъ даже некрасивыя черты женскаго лица,

---

Новая книга Адриена вышла въ свѣтъ. На этотъ разъ онъ уже не былъ новичкомъ. Его знали по многимъ статьямъ въ курналахъ, въ которыхъ онъ трактовалъ научные вопросы въ оступномъ для непосвященныхъ тонѣ. Заглавіе книги, „Сны“, тоже вызывало интересъ, — и Адриенъ сразу очутился въ атмо-

сферѣ несомнѣннаго успѣха. Онъ получалъ много писемъ отъ незнакомыхъ людей, выражавшихъ ему сочувствіе. Кромѣ того, критика — а это было уже несомнѣннымъ знакомъ успѣха — отнеслась къ нему не съ прежнимъ равнодушно-нисходительнымъ доброжелательствомъ; на ряду съ сочувственными отзывами появились и рѣзкія нападки. Ученые упрекали его въ томъ, что онъ пишетъ для большой публики, — а друзья говорили ему, что читатели, привлеченные многообѣщающимъ заглавіемъ, на самомъ дѣлѣ не дочитывали его книги, не понимая ея. Адриенъ былъ доволенъ противорѣчивостью сужденій. Съ нимъ спорять, — значить, онъ — авторъ, съ которымъ считаются. Первое изданіе очень скоро разошлось, и сейчасъ же вышло второе, — словомъ, успѣхъ былъ несомнѣнный.

Но зарождавшаяся литературная извѣстность не такъ радовала Адриена, какъ можно было ожидать, потому что ему не съ кѣмъ было дѣлить пріятныя впечатлѣнія; онъ вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ. Почему, когда онъ получалъ присылаемыя изъ агентства вырѣзки съ отзывами, не было около него Елены? Какъ бы она утѣшила его въ случаѣ непріятности, насколько бы при ней его больше радовалъ успѣхъ... Онъ теперь уже ясно сознавалъ, что полюбилъ Елену, и что она воплощаетъ для него идеаль женщины. Если бы онъ могъ создать существо, отвѣчающее его мечтамъ, то это была бы Елена. Она казалась ему источникомъ всѣхъ радостей, осуществленіемъ всѣхъ мечтаній.

Ничто, какъ ему казалось, не могло помѣшать ему жениться на ней. То, что у нея не было денегъ и положенія въ обществѣ, не играло никакой роли. Онъ зналъ отъ сестры, что она безукоризненно честная, скромная дѣвушка, — все остальное не имѣло значенія. Онъ зналъ, что ему придется преодолѣвать разныя препятствія, что Мариетта, несмотря на свою дружбу съ Еленой, будетъ противъ его брака съ нею. Она уже давно пыталась женить его по своему выбору. Но въ концѣ концовъ сестра и ея мужъ не имѣютъ никакой власти надъ нимъ, и онъ можетъ поступать независимо. А съ родителями онъ навѣрное столкнется. Они сами женились внѣ всякихъ житейскихъ соображеній и навѣрное одобрятъ его выборъ.

Важно поэтому только одно — захочетъ ли Елена стать его женой, или откажетъ ему. Онъ совершенно не зналъ, каковы ея чувства къ нему. Онъ видался съ нею только у сестры — и одинъ только разъ былъ у нея съ порученіемъ Ронсена. Ему казалось, что она хорошо относится къ нему, — онъ чувствовалъ въ ней молчаливое сочувствіе его словамъ и взглядамъ, когда при ней

выходили споры съ Роберомъ и Мариеттой; но ничего опредѣленнаго онъ не зналъ. Можетъ быть, Сильвія Ронсенъ все-таки ошиблась, и Елена совершенно равнодушна къ нему.

Онъ рѣшилъ какъ можно скорѣе разрѣшить свои сомнѣнія, поговоривъ съ Еленой. Все побуждало его торопиться. Сестра полна была матримоніальныхъ плановъ; она имѣла много подходящихъ невѣсть для него и сердилась, что онъ отказывался знакомиться съ ними. Она не понимала его упрямства,—не заиѣчая въ своемъ ослѣпленіи дружбой съ Еленой, а также благодаря сдержанности брата и подруги, въ чемъ главное препятствіе ея планамъ.

Приближался іюль; Мариетта собиралась уѣзжать по обыкновенію на югъ, въ Валескуре; Елена тоже готовилась къ отъѣзду на дѣто къ родителямъ. Адриенъ не хотѣлъ отпустить ее, не поговоривъ съ ней, и рѣшилъ, что при слѣдующей же встрѣчѣ съ Еленой у Мариетты попросить у нея позволенія зайти къ ней.

Въ слѣдующій разъ онъ встрѣтился съ Еленой у Мариетты въ отсутствіе Робера, уѣхавшаго по дѣламъ. Послѣ обѣда они перешли втроемъ въ маленькую гостиную. Окна были открыты, и изъ нихъ видны были аллеи высокихъ каштановъ. Адриену хотѣлось быть наединѣ съ Еленой — или хотя бы наединѣ съ сестрой, чтобы довѣрить ей свои чувства, въ надеждѣ на ея привязанность къ нему. Но въ присутствіи обѣихъ женщинъ вѣсть ему приходилось молчать, такъ какъ говорить о чемъ-нибудь постороннемъ онъ не могъ въ эту минуту. Онъ сталъ бродить по комнатамъ, думая о томъ, какъ бы сказать Еленѣ два слова наединѣ. Вдругъ, разглядывая кучку книгъ на одномъ изъ столиковъ въ гостиной, онъ увидѣлъ среди нихъ свою „Сны“. Онъ крайне удивился, такъ какъ не приносилъ своей книги и даже не говорилъ о ней. Онъ взялъ ее въ руки и увидѣлъ, что она вся разрѣзана: ее, очевидно, читали. Онъ удивленно взглянулъ на сестру.

Она съ улыбкой созналась.

— Ну, конечно, у меня есть твоя книга. Мнѣ надоѣло читать отзывы и выписки въ газетахъ и журналахъ и не знать, въ чемъ дѣло. Я рѣшила купить книгу, не сказавъ Роберу. А потомъ оказалось, что и онъ тоже купилъ, не говоря мнѣ.

— Такъ вотъ отчего изданіе такъ хорошо расходится!—воскликнулъ со смѣхомъ Адриенъ.

Онъ понялъ, что на Мариетту подѣйствовало его успѣхъ, смягчившій принципиальное несогласіе.—Я даже одолжила книгу Еленѣ,—прибавила она.

Адриенъ просіялъ отъ радостнаго изумленія.

— И вы все прочли? — спросилъ онъ у Елены.

Она отвѣтила, слегка наклонивъ голову, съ лукавой усмѣшкой:

— И даже, кажется, все поняла.

Ему хотѣлось бы прибавить:—И со всѣмъ согласились?—настолько онъ былъ увѣренъ въ ихъ взаимномъ пониманіи. Но онъ боялся, что это повредитъ Еленѣ въ глазахъ Маріетты, и потому заговорилъ съ сестрой.

— Ну, что же, — не такая ужъ это ужасная книга, какъ ты думала?

— Напротивъ того, — возразила она, — книга интересная. Но меня ты не убѣдишь, — я никогда не соглашусь съ твоей теоріей... съ тѣмъ, что всѣ эти фибры, клѣточки, нейроны, какъ ты ихъ называешь, — превращаютъ нашъ мозгъ въ какое-то центральное телеграфное или телефонное бюро... Нѣтъ, я не могу этого допустить.

— Но вѣдь я могу показать тебѣ эти клѣточки подъ микроскопомъ, — мягко отвѣтилъ Адриенъ, которому пріятно было излагать свои теоріи въ присутствіи Елены. — Эти нервные центры существуютъ, ихъ роль хорошо извѣстна въ наукѣ.

— Можетъ быть... можетъ быть, — задумчиво сказала Маріетта, но тотчасъ же прибавила болѣе рѣшительно и возбужденно: — И все-таки ты не убѣдишь меня, что мы — не что иное, какъ механизмъ, управляемый посторонними силами. Ты не убѣдишь меня, что у насъ нѣтъ воли, что мы не можемъ въ каждую данную минуту выбирать между добромъ и зломъ.

— Однако... — началъ было онъ, но она его прервала:

— Ты никогда не убѣдишь меня, что я не могу подобной волѣ удержаться отъ гнѣвнаго слова или поступка. Я увѣрена, что могу сдерживать себя и стать лучше, если сильно захочу.

— Но въ такомъ случаѣ ты сдерживаешь свой гнѣвъ въ силу болѣе могущественныхъ доводовъ благоразумія или жалости. И вообще, если ты сдерживаешь себя, если ты становишься лучше, то, значитъ, въ тебѣ дѣйствуютъ силы и инстинкты, которые влекутъ тебя туда, куда ты, будто бы, направляешься по собственной волѣ.

— Докажи мнѣ это! — настаивала она.

Онъ вздохнулъ. Какъ объяснить ей результаты научныхъ изслѣдованій въ области психологіи, какъ объяснить механизмъ взаимодѣйствія инстинктовъ, внутреннюю работу мысли, выражающуюся даже въ словахъ обыденной рѣчи? Она была слиш-

жомъ неподготовлена, чтобы слѣдить за его объясненіями. Наново доказывать ей всю теорію детерминизма ему не хотѣлось. Онъ накопилъ достаточно доказательствъ въ своей книгѣ, и если они на нее не подѣйствовали, то какъ убѣдить ее словами? Онъ замолчалъ.

— Нѣтъ, — сказала она, продолжая настаивать на своемъ, — мы съ тобой никогда не согласимся, если ты будешь настаивать на томъ, что люди неотвѣтственны за свои поступки. Знаешь, Робертъ такъ и прозвалъ тебя, прочтя твою книгу: „Никто не виноватъ“.

— Немного неуклюжее и длинное прозвище, — возразилъ Адриенъ съ улыбкой, — но я его принимаю. Это, дѣйствительно, девизъ — и жаль, что люди не выбираютъ его, какъ основное правило жизни. Еслибы мы мирились съ нравственными недостатками, какъ съ физическими, жалѣли бы, а не осуждали — вся жизнь людей измѣнилась бы. Мы старались бы пробуждать и укрѣплять въ себѣ добрые инстинкты, какъ упражняютъ тѣло гимнастикой. За людьми порочными мы ухаживали бы, лечили бы ихъ, и этимъ бы ограждали себя отъ нихъ и отъ послѣдствій ихъ порочныхъ инстинктовъ. Тамъ, гдѣ вы говорите: „виновный“, мы говорили бы: „вредный“. Это такое же огражденіе общества — только безъ суровой идеи мести. Конечно, далеко еще то время, когда законы будутъ исходить изъ формулы: „никто ни въ чемъ не виноватъ“, но, увѣряю тебя, въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка она — единственно вѣрное правило, которымъ слѣдуетъ руководствоваться.

— Ну, а ты руководишься имъ? — спросила Мариетта недоувѣрчиво и съ любопытствомъ.

— Я, по крайней мѣрѣ, стараюсь проводить мои теоріи на практикѣ. Помнишь, какъ, полгода тому назадъ, твой мужъ усумнился въ моей искренности? Я въ первую минуту разсердился, — но, подумавъ, примѣнилъ къ его несправедливой выходкѣ мой девизъ: „никто ни въ чемъ не виноватъ“ — и первый пошелъ мириться. Кстати, я могу напомнить тебѣ случаи, когда ты была несправедлива именно потому, что не имѣла въ виду моего жизненнаго девиза. Помнишь, какъ еще недавно твоя маленькая Лиза противъ обыкновенія стала капризничать. Ты разсердилась и даже, кажется, наказала ее. А потомъ оказалось, что у дѣвочки начиналась корь, — и она не была виновата въ своемъ возбужденномъ настроеніи.

— Ну, дѣти часто бываютъ несносны и безъ всякой коры.

— Значитъ, есть какая-нибудь другая причина. Ихъ капризы

большей частью—въ зависимости отъ состоянія ихъ здоровья. И я увѣренъ, что будь у меня дѣти, я сумѣлъ бы, въ силу моихъ теорій, справиться съ ними, не прибѣгая къ наказаніямъ.

— Ну, это мы увидимъ, когда у тебя будутъ дѣти, — отвѣтила Маріетта нѣсколько сухо. — Только когда это еще будетъ? Что-то не видно, чтобы ты скоро женился.

Онъ быстро взглянулъ въ сторону Елены нѣжнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Какъ знать?

Произнеся это неосторожное слово, Адриенъ сейчасъ же почувствовалъ, что выдалъ себя, — но ужъ было слишкомъ поздно, чтобы поправить дѣло. Очень возможно, что Маріетта угадала желаніе, скрытое въ его восклицаніи, — но она, во всякомъ случаѣ, не показала этого. Когда Елена стала прощаться, она сказала, удерживая обѣ ея руки въ своихъ:

— Милая, приходите ко мнѣ завтра завтракать. Я буду совершенно одна. Мужъ еще не вернется, а Адриенъ приглашенъ къ Ронсенамъ. Приходите!

Увидавъ, что братъ тоже собирается уходить, она нахмурилась:

— Чего ты спѣшишь? Останься еще, — сказала она.

— Я пойду проводить m-lle Обрэ, если она разрѣшитъ.

Быстро взглянувъ на Маріетту, Елена воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ. Не нужно. Я отлично дойду сама. Тутъ недалеко.

Но, рѣшивъ непременно добиться свиданія, Адриенъ настоялъ на своемъ, попрощался съ сестрой и ушелъ вмѣстѣ съ Еленой.

— Я вамъ навѣрное очень надоѣлъ своими объясненіями, — началъ Адриенъ, когда они вышли на улицу.

— Почему вы думаете? — возразила она ему. — Если я не приняла участія въ спорѣ, то только потому, что не хотѣлось огорчать вашу сестру. Она очень мила ко мнѣ, но не выноситъ возраженій, — и я не могу такъ рѣзко нападать на нее, какъ вы.

— Такъ, значитъ, вы за меня противъ нея? — радостно воскликнулъ Адриенъ.

— Я недостаточно вооружена знаніями, чтобы сознательно соглашаться съ вами. Но я выросла въ религіозныхъ традиціяхъ, и ваши теоріи привлекаютъ меня своей широтой и стремленіемъ оправдать всѣхъ.

Они подошли къ ея дому, и Елена собиралась позвонить. Но Адриенъ остановилъ ее, удержавъ за руку.

— Если бы вы знали, до чего я счастливъ, что нашелъ въ васъ союзницу!.. Послушайте. Я знаю, что покажусь вамъ смѣшнымъ... Тутъ не мѣсто и не время говорить... Но это духовное родство,—развѣ оно не предвѣщаетъ... Скажите, могу ли я питать надежду на болѣе тѣсную дружбу и близость?... Я говорилъ, что покажусь вамъ смѣшнымъ, но скажите... согласны вы быть моею женой?

Она отвѣтила только скорбнымъ восклицаніемъ, выразившимъ глубину волненія, вызваннаго его словами.

— Не отвѣчайте сразу, — быстро остановилъ онъ ее. — Я знаю, что вы не подготовлены къ отвѣту. Я слишкомъ неожиданно сказалъ вамъ все это. Но я думаю объ этомъ уже цѣлыя недѣли. Подумайте. Позвольте мнѣ только зайти къ вамъ черезъ нѣсколько времени, — утромъ, какъ тогда, когда я пришелъ отъ имени Пьера Ронсена. Вы позволяете? Больше ничего не нужно. Уходите, уходите!

Онъ убѣжалъ и слышалъ среди ночной тишины на улицѣ, какъ захлопнулась ея дверь.

— Ну что, милая, вы благополучно дошли вчера? — спросила Мариетта на слѣдующее утро Елену, когда та вошла къ ней въ спальню, гдѣ она кончала свой туалетъ.

— Да. Меня вашъ братъ проводилъ до самаго дома.

— Бѣдный Адриенъ! Убѣдить онъ меня не можетъ, но я все-таки преклоняюсь передъ его талантомъ. Какой успѣхъ имѣетъ его послѣдняя книга! Ее читаютъ даже свѣтскія женщины, — а это — самое вѣрное доказательство славы.

Мариетта стала надѣвать кольца и, глядя на нихъ, вздохнула.

— Для завершенія карьеры ему нужно только сдѣлать надлежащую партію, жениться на дѣвушкѣ своего круга, которая была бы равной ему по положенію, связямъ, и принесла бы ему хорошее приданое. Вѣдь Адриенъ можетъ сдѣлать самую блестящую партію, не правда ли?

— Конечно, — согласилась Елена, но, очевидно, голосъ ея не звучалъ достаточно увѣренно, и Мариетта, поднявъ голову, чтобы прикрѣпить передъ зеркаломъ брошку къ корсажу, продолжала убѣждать ее.

— Вы, можетъ быть, удивляетесь моею практичностью и считаете меня отсталой. Но что же дѣлать, милая! Нужно брать жизнь, какова она есть. Я не знаю мнѣнія Адриена на этотъ счетъ, — но нѣтъ сомнѣнія, что для него жениться на дѣвушкѣ безъ приданаго было бы непростительной глупостью.

На этотъ разъ Елена не могла подавить невольнаго восклицанія.

цанія. Но что́ это было — просто несогласіе съ высказаннымъ мнѣніемъ или личное чувство боли? Во всякомъ случаѣ, Маріетта хотѣла добиться полнаго согласія съ своими словами и продолжала говорить, полируя ногти, дружескимъ тономъ, — приче́мъ, однако, глаза ея блестяли темнымъ огнемъ.

— Да вѣдь это очевидно. Подумайте сами. Адриенъ достаточно обезпеченъ для холостого человѣка, но еслибы ему пришлось содержать семью на свои средства, ему пришлось бы оставить занятія и искать хорошо оплачиваемую должность. Кончилась бы его независимость и возможность жить для своихъ идей. Какъ онъ ни благороденъ, а я думаю, что онъ скоро сталъ бы проклинать несчастную женщину, которая испортила бы его жизнь.

Маріетта любила Елену, но была еще болѣе привязана къ брату, и для того, чтобы обезпечить ему блестящее будущее, готова была смести все съ его дороги. Пусть ему нравится эта красивая дѣвушка — противъ этого она ничего не имѣла, тѣмъ болѣе, что Елена привязывала его къ ея дому. Но жениться на ней... Этого Маріетта рѣшила не допускать. Можетъ быть, впрочемъ, онъ и не собирается, и его вчерашнее восклицаніе не имѣло отношенія къ Еленѣ. Но лучше предупредить зло, чѣмъ бороться противъ него.

Надушенная, свѣжая, Маріетта сѣла около своей подруги.

— Еслибы Адриенъ сдѣлалъ такую глупость, я бы никогда не простила ему, — сказала она. — Да и ей тоже. Съ ея стороны было бы страшнымъ эгоизмомъ соблазнить его на такой бракъ. Еслибы женщина, не имѣющая денегъ, полюбила Адриена, то изъ любви къ нему она должна была бы отойти отъ него.

Въ дверяхъ появился слуга. Маріетта обняла Елену за талію и повела ее къ столу.

Черезъ два дня послѣ этой дружеской бесѣды, Адриенъ съ волненіемъ поднимался утромъ къ Еленѣ. Онъ поспѣшилъ воспользоваться ея позволеніемъ придти къ ней, потому что Маріетта собиралась уже уѣзжать съ дѣтьми къ морю, и Елена, вѣроятно, тоже должна была скоро уѣхать къ родителямъ. Онъ же рѣшилъ непременно видѣть ее передъ отъѣздомъ. Ему отворила дверь сама Елена; она поздоровалась съ нимъ нѣсколько смущенно и попросила его войти. Но въ мастерской, гдѣ она принимала его въ первый разъ, былъ страшный беспорядокъ. При видѣ разбросанныхъ рисунковъ и папокъ, у него мелькнуло подозрѣніе. Дверь въ слѣдующую комнату была открыта, и онъ съ

неожиданной для самого себя рѣшимостью кинулся туда. Тамъ стоялъ раскрытый сундукъ съ вынутыми отдѣленіями. Онъ все понялъ.

— Вы уѣзжаете?

Елена, послѣдовавшая за нимъ, наклонила голову.

— Да.

— Къ вашимъ родителямъ? Не дождавшись моего прихода, не предупредивъ меня? Значить, вы бѣжите отъ меня, чтобы избѣжать объясненія, котораго я просилъ у васъ? Вы не рѣшаетесь мнѣ прямо отказать? Я угадалъ?

Она ничего не отвѣчала.

— Но ужъ если я здѣсь, то говорите!—настаивалъ онъ.

Она прислонилась плечомъ къ зеркальному шкафу, въ которомъ отражалась тонкая линия ея шеи, и пробормотала:

— Чтѣ теперь говорить?.. Все сказано.

— Такъ, значить, я правъ!—воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ. —Но нѣтъ,—продолжалъ онъ, какъ бы стараясь сообразить что-то непостижимое,—вѣдь это невозможно! Тогда, когда я провожалъ васъ, вы еще не рѣшили оттолкнуть меня. Иначе вы бы сразу какимъ-нибудь словомъ дали мнѣ понять, что мнѣ нечего надѣяться. Чтѣ же произошло съ тѣхъ поръ? Чтѣ вамъ наклеветали на меня? Говорите, чтѣ случилось? Дѣло вѣдь не въ деньгахъ—этого я не допускаю. Мы оба люди достаточно независимые, чтобы деньги могли стать между нами. Но конечно... можетъ быть, дѣло только въ томъ, что я вамъ не нравлюсь. Вы не хотите стать моей женой—это ваше право. Это очень просто—но ужасно. Мнѣ казалось, что ваши взгляды выражали сочувствіе мнѣ... Когда я разсматривалъ вотъ тутъ, въ вашей мастерской, ваши портреты, какъ я былъ счастливъ!.. И когда я провожалъ васъ вечеромъ, мнѣ казалось, что вы говорили со мной, какъ съ другомъ.

— Я и останусь вашимъ другомъ, — сказала она съ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Но вы отказываетесь быть моей женой! Я знаю, это обычное средство смягчить ударъ: обѣщаніе быть другомъ, сестрой... Нѣтъ, я не дружбы просилъ, а нераздѣльной любви... Чтѣ будетъ теперь со мной безъ васъ?

— Вы забудете. Передъ вами вся жизнь впереди.

— Это слова. Я не могу забыть васъ. Жизнь и будущее—это для меня вы. Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я живу исключительно вами. Я не могу вырвать васъ изъ своей души, не могу... Боже, какъ я несчастенъ!

Онъ замолчалъ, наклонивъ голову, и вдругъ по лицу его потекли слезы, какъ кровь изъ раны.

Она увидѣла это.

— Нѣтъ, только не это! — крикнула она. — Не плачьте. Я не могу видѣть вашихъ слезъ.

Она винулась къ нему и взяла его за плечи. Онъ бормоталъ, чувствуя себя какъ бы воскресшимъ для новой жизни: — Елена! Елена!.. — А она, прижавшись къ нему, тихо говорила: — Не плачьте! Не плачьте! — Онъ покрывалъ ей лицо поцѣлуями и тихо шепталъ: — Значить, вы меня все-таки немного любите?

Ей бы хотѣлось отвѣтить ему то, что у нея было на душѣ. — Люблю ли я васъ? — хотѣлось ей сказать: — Развѣ вы не видите этого? Но поймите. Я не хочу ссорить васъ съ семьей, не хочу, чтобы вы когда-нибудь могли упрекнуть меня, что я своей бѣдностью разбила вашу карьеру. Но доставлять вамъ страданія я не хочу. Я рѣшила уѣхать — но не отъ васъ, а отъ соблазна счастья. Судьба рѣшила иначе, — и я не хочу сопротивляться. Я свободна, я имѣю право на счастье, имѣю право отдать себя. И этимъ правомъ я пользуюсь, такъ какъ это единственная возможность не потерять васъ.

Но она поняла женскимъ инстинктомъ, что нельзя было предложить ему такую жертву ясными словами. Она поэтому молчала.

Но онъ не могъ придти въ себя отъ счастья. Когда все казалось потеряннымъ, вдругъ совершилось какое-то чудо. Елена любитъ его! Для нихъ обоихъ въ эту минуту существовалъ одинъ законъ — ихъ молодой торжествующей страсти.

На опушкѣ Булонскаго лѣса, среди зелени стоятъ маленькій домикъ, который служилъ прежде сторожевой будкой, а потомъ отдавался городомъ въ наймы. Его наняла одна семья, уютно обставила, но потомъ выселилась оттуда и сдавала въ наемъ отъ себя. Тамъ поселились Елена и Адриенъ. Онъ давно уже замѣтилъ этотъ домикъ, гуляя по Булонскому лѣсу, и думалъ о томъ, какъ отраднo было бы жить въ немъ съ Еленой. Теперь же, когда Еленѣ удобнѣе было, чтобы въ домѣ, гдѣ она жила, думали, что она уѣхала къ родителямъ, Адриенъ вспомнилъ объ уромномъ гнѣдышкѣ въ Булонскомъ лѣсу, — и сундуки Елены, уложенные для отправки въ Гренобль, направлены были туда.

Адриенъ былъ такъ счастливъ, что ему порой казалось, точно онъ живетъ въ гипнозѣ. Дни протекали среди тихой радости.

Они гуляли по Булонскому лѣсу, какъ въ собственномъ саду, выбирая самые пустынные уголки, гдѣ имъ казалось, что они далеки отъ всего міра и гдѣ ихъ радовала близость природы, зелень, воздухъ лѣса. Часто послѣ долгихъ прогулокъ они заходили куда-нибудь въ маленькое кафе и садились тамъ пить плохое пиво, только изъ любезности къ хозяйкамъ, очевидно не избалованнымъ посѣтителями.

Воскресенья они проводили дома, избѣгая праздничной толпы. Но и этотъ день въ ихъ уютномъ домикѣ, который Елена сумѣла сдѣлать привлекательнымъ и красивымъ, проходилъ очень быстро. Они жили совершенно одиноко, никого не принимая въ своемъ убѣжищѣ, и только письма связывали ихъ съ окружающимъ міромъ. Видъ писемъ изъ Швеціи или изъ Валескуре отрезвлялъ каждый разъ Адріена, пробуждалъ въ немъ угрызения совѣсти. Какъ это онъ такъ безопасно отдается своему счастью? Онъ тогда опять предлагалъ Еленѣ написать роднымъ и сейчасъ же жениться... Но Елена его останавливала, ласками отгоняла его заботы и говорила:

— Оставь. Мы теперь какъ школьники во время каникулъ. Уроки начнутся осенью. Долгъ, обязанности—на это будетъ время потомъ. Чтѣ намъ за дѣло до свѣта? Мы любимъ другъ друга—и больше ничего намъ не нужно.

— Я люблю тебя,—повторяла она, — ты вѣдь это знаешь. Какъ смѣшно подумать, что именно твоя сестра Мариетта содѣйствовала этому. Она вѣчно расхваливала мнѣ тебя. И какъ это я не разочаровалась, познакомившись съ тобой! Очевидно, ты дѣйствительно заслуживалъ похвалы сестры.

Они не всегда бѣгали отъ общества людей; иногда они ходили обѣдать въ модные рестораны въ Булонскомъ лѣсу. Елена любила изящную роскошь, и эти обѣды доставляли ей удовольствіе. Они возвращались поздно вечеромъ пѣшомъ домой, и эти прогулки, въ особенности въ лунныя ночи, были источникомъ новыхъ радостей.

Вдругъ однажды утромъ пришла телеграмма отъ его матери: „Отецъ боленъ. Постарайся пріѣхать“.

Это было страшнымъ пробужденіемъ отъ счастливаго забытья. Въ послѣднихъ письмахъ изъ Швеціи говорилось о припадкахъ ревматизма у отца, но ревматизмъ былъ у него хроническій, и о немъ говорили, какъ о привычномъ явленіи. Чтѣ же случилось? Задѣтъ какой-нибудь внутренней органъ? Адріенъ проклиналъ лаконизмъ телеграфнаго языка и пробормоталъ, бросая депешу на столъ:

— За все въ жизни приходится платиться!

Казалось ли ему, что въ каждой жизни есть опредѣленный балансъ счастья и несчастья, и что избытокъ счастья непременно уравнивается избыткомъ горя? Или же въ немъ проснулась традиционная вѣра въ искупленіе, и ему казалось, что онъ наказанъ за то, что откладывалъ бракъ, принимая жертву Елены? Онъ самъ не могъ разобраться въ своихъ чувствахъ и мысляхъ.

Онъ рѣшилъ поѣхать въ тотъ же день, и Елена не удерживала его. Пришлось разстаться съ домикомъ, гдѣ они прожили три счастливыхъ мѣсяца, короткихъ какъ сонъ, оставляющій безчисленныя воспоминанія.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Адриенъ телеграфировалъ о своемъ отъѣздѣ родителямъ и Маріеттѣ. Среди хлопотъ, связанныхъ съ внезапнымъ отъѣздомъ, онъ старался забыть свою двойную муку: разлуку съ Еленой и тревогу о томъ, что дѣлается у родителей. Елена сказала, что проводить его на вокзалъ, и онъ не рѣшился удержать ее, хотя и зналъ, какая мука—прощаніе среди толпы чужихъ людей.

Послѣднія минуты передъ отходомъ поѣзда были дѣйствительно ужасны. Воздухъ пропитанъ былъ сѣрымъ туманомъ, — казалось, точно поѣзда, пріѣзжавшіе съ сѣвера, привозили его съ собой. Среди этого тумана не видно было даже стеклянной крыши. Адриенъ стоялъ неподвижно у вагона. Чтобы забыть о объ ужасѣ разлуки, онъ мысленно перескочилъ къ моменту возвращенія. Теперь ему все стало яснымъ. Какъ только онъ вернется, они поженятся. Нельзя жить внѣ условій времени, какъ говорилъ Ронсенъ. Только замужество высвободитъ Елену изъ ложнаго положенія и поставитъ ее на мѣсто, котораго она заслуживаетъ. Онъ это ей говорилъ, а она отвѣчала, качая головой:

— Возвращайся скорѣе! Возвращайся скорѣе!

Чтобы забыть, они стали ходить вдоль поѣзда, интересуясь разными мелочами. Когда они дошли до конца платформы, Елена вдругъ прижалась къ Адриену и сказала задыхающимся голосомъ:

— Не оставляй меня. Молю тебя.

Онъ заглушилъ поцѣлуемъ ея крикъ отчаянія.

— Ты вѣдь знаешь, что я долженъ ѣхать...

Раздался свистокъ. Они вздрогнули и быстро направились къ вагону Адриена. Кондуктора торопили путешественниковъ. Наступилъ часъ отхода поѣзда.

Они взялись за руки, потомъ неловко обняли другъ друга, стѣсняясь посторонними взглядами, но горе разлуки пересилило

стѣсненіе, и они застыли въ долгомъ поцѣлуѣ, въ который вложили всю свою скорбь, всю любовь, всю надежду.

Прислонившись къ двери, одинъ путешественникъ, котораго никто не провожалъ, глядѣлъ на нихъ съ иронической завистью. Адриенъ вошелъ въ вагонъ и сталъ у открытаго окна. Онъ глядѣлъ на Елену, впитывая взглядомъ каждую черту ея лица. Хотѣ бы все скорѣе кончилось и поѣздъ умчался вдаль! Ожиданіе было такое, какъ у осужденнаго передъ казнью. Ему хотѣлось или сойти и остаться, или взять Елену и увести ее съ собой... Раздался унылый свистокъ, потомъ звонокъ, потомъ опять свистокъ... Поѣздъ грузно колыхнулся, скользнулъ. Она протянула руку, и онъ смогъ еще взять ее. Сначала она инстинктивно ускорила шагъ, продолжая держать его за руку. Наконецъ, она остановилась. Онъ высунулся изъ окна и среди темныхъ группъ подъ электрическимъ свѣтомъ видѣлъ только ее. Наконецъ, она исчезла. Она осталась только въ немъ, въ его памяти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Четыре часа утра въ февралѣ. Адриенъ сторааетъ отъ нетерпѣнія въ коляскѣ по дорогѣ съ вокзала. Онъ возвращается къ Еленѣ. Ему кажется, что вучеръ не довезетъ его. Онъ еще ночной и ѣдетъ шагомъ. Весь обратный путь Адриенъ проѣхалъ точно въ лихорадѣ отъ нетерпѣнія. Очутившись въ вагонѣ послѣ морского переѣзда, онъ сталъ считать километрическіе указатели, провѣрялъ скорость поѣзда, повторялъ про себя стихи, алгебраическія формулы, перечитывалъ газеты сплошь, не исключая фельетоновъ, съ обрывками романовъ и объявленій.

Онъ уѣхалъ изъ Швеціи съ совершенно спокойнымъ сердцемъ. Отецъ вылечился, благодаря новымъ энергичнымъ средствамъ леченія, на которыхъ онъ настоялъ. Кромѣ того, онъ привелъ въ порядокъ предпріятіе отца, пострадавшее отъ болѣзни хозяина. Теперь и отецъ выздоровѣлъ, и дѣло процвѣтало, и онъ могъ уѣхать съ спокойной совѣстью. Но на это ушло полтора года. Полтора года онъ не видалъ Елены, и теперь вся душа его рвалась къ ней. Чтобы убить время, онъ сталъ изглядывать вывѣски въ сѣромъ предразсвѣтномъ свѣтѣ. Ничто не измѣнилось за полтора года. Точно городъ заснулъ и теперь росыпается съ его пріѣздомъ.

Хорошо бы и ему спать все это время. Но нѣтъ, ничто

въ немъ не спало, ничто не заглушало мукъ разлуки, ни впечатлѣнія новой жизни въ чужой странѣ, ни радость свиданія съ родителями, ни заботы о больномъ отцѣ и работа за него въ дѣлѣ, ни научныя занятія во время досуга. Онъ все время неустанно думалъ объ Еленѣ съ такою же остротой, какъ въ моментъ отхода поѣзда. Иногда онъ былъ въ ужасѣ отъ своей неспособности забыть ее хоть на минуту. Наконецъ, онъ пріѣхалъ, въ темнотѣ вбѣжалъ въ ворота, быстро назвалъ консьержу имя Елены и сталъ подниматься по лѣстницѣ, намѣреваясь тихонько постучать, чтобы не встревожить Елену слишкомъ рѣзкимъ стукомъ. Но дверь раскрылась настежь при его появленіи, и онъ увидѣлъ бѣлую фигуру, бросившуюся ему навстрѣчу. Елена поджидала его и при звуцѣ остановившагося экипажа побѣжала къ нему навстрѣчу. Кинувшись къ нему, она шептала, вся дрожа:

— Это ты... наконецъ-то!

Они прошли въ комнату, гдѣ уже топился каминъ и стояла лампа подъ краснымъ абажуромъ. Обмѣниваясь первыми обычными словами послѣ пріѣзда: „Ты не очень усталъ?“ — „Когда ты получила мою телеграмму? и т. д., они сѣли, подавленные волненіемъ. Она смотрѣла на него какъ-то робко, точно не рѣшаясь вѣрить своему счастью, а онъ не отводилъ глазъ отъ любимаго лица. Наконецъ-то оно снова передъ нимъ—это лицо, которое не повидало его душу всѣ эти долгіе мѣсяцы!.. Они долго не могли говорить, охваченные стихійной радостью свиданія.

— Еслибы ты знала, какъ я страдалъ отъ разлуки!—сказалъ Адриенъ, уже нѣсколько часовъ спустя.—Я не переставалъ думать о тебѣ ни на минуту. Я вспоминалъ всѣ минуты, которыя мы провели вмѣстѣ въ Булонскомъ лѣсу. И я испытывалъ тѣ же восторги, то же волненіе, какъ въ твоемъ присутствіи. Но было еще мучительнѣе испытывать весь трепетъ любви къ тебѣ, не видя тебя...—Онъ продолжалъ вспоминать живость своей мучительной памяти въ разлукѣ и говорить о своихъ страданіяхъ вдали отъ нея. Прижавшись къ нему, обнимая его, Елена только шептала:

— Не думай объ этомъ! Не думай! Теперь все это кончено.

— Да, кончено,—говорилъ онъ.—Къ тому же я вѣдь писалъ тебѣ обо всемъ этомъ.

Онъ проклиналъ въ разлукѣ недостаточность писемъ, невозможность передать въ нихъ всю острую жизнь сердца... И все-таки, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ писемъ отъ Елены, какъ бѣжалъ всегда навстрѣчу почтальону!.. Она прервала его воспоминанія.

— Бѣдный!—сказала она.—А вѣдь письма мои не приносили тебѣ дѣйствительной отрады. Я не умѣю выражать на бумагѣ свои чувства,—я должна видѣть лицомъ къ лицу того, съ кѣмъ говорю. У художниковъ всегда чернильницы стоятъ съ засохшими чернилами и перья заржавлены. Они не умѣютъ писать. Въ этомъ отношеніи я—настоящая художница.

Онъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, всѣ письма Елены были торопливыя и короткія, и въ нихъ повторялось всегда только одно слово: „Вернись, вернись!“

— Ты вѣдь даже разъ не писала мнѣ цѣлую недѣлю—прошлымъ лѣтомъ, въ сентябрѣ. Ты была тогда у твоихъ родителей въ Греноблѣ. Помнишь?

Ей, вѣроятно, было больно вспомнить объ этомъ,—можетъ быть, она упрекала себя въ этомъ молчаніи; при напомниманіи Адриена, она прошептала взволнованнымъ тономъ, точно стараясь отряхнуть тяжелое воспоминаніе:

— Я была тогда больна, я вѣдь тебѣ потомъ объяснила.

— Да. Но, Боже, какъ я мучился тогда,—и ничего не могъ подѣлать. Оставалось только послать до востребованія безчисленныя письма и телеграммы... Ну, да все это кончено. Ты со мной, навсегда.

Да, навсегда. Теперь онъ твердо рѣшилъ какъ можно скорѣе жениться на Еленѣ. Родителямъ онъ рассказалъ всю романтическую исторію ихъ любви; они отнеслись сочувственно къ его браку съ Еленой, которую онъ описывалъ имъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Они сами помнили, что женились не въ силу житейскихъ соображеній, и не противились любви сына къ дѣвушкѣ изъ бѣдной семьи. Словомъ, въ ихъ согласіи онъ уже не сомнѣвался. Ему хотѣлось теперь убѣдить и Мариетту, чтобы не ссориться съ сестрой изъ-за своей женитьбы. Мариетта была на югѣ все время ихъ идилліи въ Булонскомъ лѣсу и не знала объ ихъ отношеніяхъ. Изъ писемъ Елены Адриенъ видѣлъ, что она почти не видалась съ Мариеттой. Это его и не удивило. Еленѣ было, вѣроятно, неловко бывать у его сестры, такъ какъ она не умѣла притворяться, а Мариетта вообще никогда не была дружна съ кѣмъ-нибудь больше одного сезона. Какъ она приметъ вѣсть о его женитьбѣ? Навѣрное, возмутится перавнымъ бравомъ, разрушающимъ всѣ ея честолюбивыя планы. Ну, да, можетъ быть, примѣръ родителей образумитъ ее.

Ни въ письмахъ къ Еленѣ, ни теперь, по приѣздѣ, Адриенъ не распространялся о своихъ планахъ. Ему хотѣлось сначала убѣдить Мариетту, побороть всѣ препятствія и затѣмъ уже

явиться къ Еленѣ и сказать ей, что ничто не стоитъ на пути къ ихъ браку.

Эта перспектива окрыляла его и дала ему силу уйти отъ Елены черезъ нѣсколько часовъ послѣ прїѣзда.

— Я долженъ пойти завтракать къ Мариеттѣ, — сказалъ онъ. — Она меня ждетъ. И до того я долженъ еще зайти домой.

Она обняла его и, какъ въ вечеръ отъѣзда, прошептала со стономъ:

— Не уходи! Не оставляй меня!

Онъ удивился ея отчаянію, успокоилъ ее, сказавъ, что вернется къ ней, какъ только освободится, и что они пойдутъ вмѣстѣ обѣдать.

— Да, да, конечно, иди. Не обращай вниманія на мои глупые страхи... — Но она вздохнула при этихъ словахъ такъ, точно онъ навсегда покидалъ ее.

У Мариетты его ждалъ парадный завтракъ и прїятный сюрпризъ. Мариетта пригласила къ завтраку Ронсеновъ. Оказалось, что за время его отсутствія она съ ними подружилась и теперь увлекается Сильвіей Ронсенъ. Расхваливая ее, какъ перлъ созданія, Адриену, она какъ-то забывала, что это лишнее, что ея братъ отлично ее знаетъ и друженъ съ нею. Адриенъ обратилъ вниманіе на то, до чего Мариетта выбираетъ неподходящихъ прїятельницъ. Послѣ Елены — Сильвія! Роберъ спокойно мирился съ этимъ новымъ увлеченіемъ жены. За тринадцать лѣтъ онъ видѣлъ достаточно мнѣняющихся фаворитокъ въ домѣ... Адриенъ только нѣсколько удивлялся Сильвіи. Почему она дружитъ съ Мариеттой? Чтѣ между ними общаго?

Послѣ оживленныхъ разговоръ за завтракомъ, во время которыхъ Ронсенъ излагалъ свои любимыя теоріи объ аналогіи между растеніями и людьми, перешли пить кофе въ маленькую гостиную. Сильвія вскорѣ оставила тамъ мужчинъ и прошла въ залу, и Адриенъ послѣдовалъ за ней. Она сѣла за рояль, но когда Адриенъ подошелъ къ ней, перестала играть.

— Скажите, у васъ оставалось все-таки время работать для себя въ Швеціи? — спросила она.

Она знала, что ему прїятно говорить съ ней о своихъ книгахъ, — только это и интересовало его, кромѣ Елены. А на этотъ разъ книга была непосредственно связана съ мыслями объ Еленѣ.

— Да, я много работалъ. Я подготовлялъ матеріалы для большого труда — для книги о памяти, — о томъ, какъ воспоминанія укрѣпляются въ мозгу и какъ они пробуждаются въ насъ.

— Это, действительно, интересная тема, — сказала она.

— Еще бы. Жить значить вспоминать. Чѣмъ была бы жизнь безъ воспоминаній? Память — единственная связь между днями. Это — нить, на которую нанизанъ жемчугъ, и безъ этой нити жемчужины бы рассыпались. Ходить, писать, говорить — все это воспоминанія, тамъ какъ все это дѣйствія, которыя мы когда-нибудь производили въ первый разъ. Вся масса нашихъ впечатлѣній, нашихъ знаній — все это воспоминанія. Знать — это вспоминать. Область памяти — очень велика, но нѣкоторыя части ея хорошо изслѣдованы. Почти все уже сказано о памяти зрительной, слуховой, о памяти на слова.

— Еще бы. У отца есть груды книгъ объ этомъ. Я ихъ знаю. Я вѣдь ставлю ихъ по мѣстамъ и стираю съ нихъ пыль.

— Вы слишкомъ скромны. Сознайтесь, что вы ихъ читали... Но есть и менѣе изслѣдованныя области. Память чувствъ, напримеръ, очень мало изслѣдована. Не знаю, думали ли вы объ этомъ, — но вѣдь ненависть, ревность, честолюбіе, нѣжность — все это — память, только другого рода. Хранить въ душѣ теплоту чувства — значить помнить свои ощущенія. Вы понимаете меня? И почему одни воспоминанія быстро блѣднѣютъ и исчезаютъ, а другія остаются неувидаемыми навсегда, такъ что, благодаря имъ, прошлое всегда живо?

— Это вѣрно, — проговорила она.

— Вотъ это меня и занимаетъ, — продолжалъ онъ. — Въ этомъ — содержаніе моей новой книги. Во всякомъ случаѣ я много вложилъ въ нее самого себя. Я задумалъ ее, наблюдая за собой на чужбинѣ.

— Я понимаю, — сказала она тихимъ голосомъ, и потомъ прибавила слегка шутивымъ тономъ: — Кстати, говоря о воспоминаніяхъ... гдѣ теперь ваша знакомая, m-lle Обрѣ? Она уже мѣсяцевъ шесть не бывала у насъ. Вы знаете что-нибудь о ней?

Адриену не хотѣлось притворяться — вѣдь онъ все равно скоро сообщить Сильвіи о своей женитьбѣ.

— Да, — сказалъ онъ, — мы переписывались.

Она захлопала въ ладоши, какъ бы обрадовавшись своей проницательности.

— Такъ, значить, прошлое, которое остается живымъ, чувства, сохраняющія теплоту жизни, свѣжесть воспоминаній — это все относится къ ней?

— Да.

— Но мнѣ кажется, — сказала она съ улыбкой, — что по-

мнить о комъ-нибудь въ разлукѣ—явленіе достаточно извѣстное. Не то ли это, быть можетъ, что принято называть любовью?

— Конечно,—отвѣтилъ онъ. — Это любовь. Но это не непрѣмное условіе любви. Когда любящіе расстаются, они не одинаково помнятъ другъ о другѣ. Одни, какъ я, напримѣръ, сохраняютъ такое живое воспоминаніе, что чувства ихъ одни и тѣ же вдали, какъ и вблизи. У другихъ память сердца можетъ ослабѣть,—что не значитъ, что любовь ихъ умерла. Она только погрузилась въ сонъ.

— Опасный сонъ!—воскликнула, смѣясь, Сильвія. — Этотъ сонъ—братъ забвенія. Надѣюсь, что у васъ нѣтъ пережитыхъ давнихъ для этого случая?

Какое-то нелѣпое опасеніе промелькнуло въ головѣ Адріена. — А Елена... осталась ли она вѣрна памяти о немъ?.. Какое безуміе! Ему сдѣлалось стыдно за свое сомнѣніе.

— Нѣтъ,—мягко отвѣтилъ онъ, и продолжалъ развивать свою мысль. — Подумайте,—сказалъ онъ,—какъ таинственна эта память, которая мѣняется у разныхъ людей. Какъ укрѣпляется въ насъ воспоминаніе? Это ощущеніе, которое сохраняется въ мозгу безконечно долго послѣ толчка, какъ кристаллъ, сохраняющій воспринятый свѣтъ,—оно кажется мнѣ истинно чудеснымъ. Восхищаются поэзіей и красотой вечерняго лѣтняго неба,—а для меня столь же полно чудесъ внутренній міръ каждаго человѣка, миллиарды клѣточекъ, которыя свѣтятся во мракѣ мозга, освѣщая другъ друга, составляя созвѣздія, опредѣляющія рисунокъ нашихъ воспоминаній.

Около четырехъ часовъ Ронсены ушли, и Адріенъ остался наединѣ съ Маріеттой. Онъ разсказалъ ей про родителей, про то, какъ они постарѣли, но какъ ихъ поддерживаетъ взаимная любовь и нѣжность, и, вздохнувъ, сказалъ:

— Да... любить, вотъ тайна жизни!

Потомъ вдругъ, придвинувъ свой стулъ ближе къ сестрѣ, онъ сказалъ:

— Помнишь, Маріетта, за нѣсколько дней до твоего отъѣзда въ Валескуре, два года тому назадъ,—помнишь, мы спорили по поводу моей книги о снахъ?—ты упрекнула меня въ томъ что я долго не женюсь. Могу сообщить тебѣ теперь новость: я рѣшилъ жениться,—я женюсь на Еленѣ Обрѣ.

Маріетта вскочила и вскрикнула:

— На Еленѣ?

— Да.

Она наклонилась къ брату, блѣдная, съ горящими глазами.

— Ты съ ума сошелъ!—крикнула она. — Это невозможно. Понимаешь ли—невозможно.

Онъ ждалъ протеста съ ея стороны, но не такого бѣшенства. Она вела себя—такъ ему казалось—какъ капризный ребенокъ, настаивающій на исполненіи своей воли.

— Я ничуть не сошелъ съ ума, — отвѣтилъ онъ снисходительно и кротко, — и не знаю, что можетъ помѣшать мнѣ жениться на Еленѣ. Я—совершеннолѣтній. Родители согласны, и я могу жениться, когда хочу. Но мнѣ хотѣлось бы убѣдить тебя для того, чтобы сохранить прежнія отношенія между нами. Мы десять лѣтъ жили общей жизнью, я знаю, что ты меня любишь—какъ и я тебя. Было бы нелѣпо разойтись изъ-за того, что я женюсь на дѣвушкѣ, которую ты же расхваливала мнѣ. Я понимаю, что ты невольно одобряешь этотъ бракъ...

— Невполнѣ!.. Это ты все таки допускаешь?—насмѣшливо прервала она его.

— Я понимаю, — продолжалъ онъ, — судя по тѣмъ кандидатамъ, которыхъ ты мнѣ предлагала, и по твоимъ взглядамъ, которые ты не разъ мнѣ излагала, что Елена Обрѣ не соответствуетъ твоему идеалу жены для меня. Ты ставишь ей въ упрекъ то, что у нея нѣтъ ни приданого, ни связей. Я знаю заранее все твои возраженія, но...

— Подожди, — прервала она его, поднявъ руку. — Одно слово: она согласна?

Началась предвидѣнная Адриеномъ атака. Онъ не сразу отвѣтилъ. Правда, что Елена не такъ хотѣла брака, какъ онъ, что она всегда отвѣчала уклончиво, когда онъ заводилъ объ этомъ разговоръ, но во всякомъ случаѣ она не отталкивала его.

— Я думаю, что она не откажетъ мнѣ, — отвѣтилъ онъ, подумавъ.

Мариетта пришла въ бѣшенство.

— Не думаю, что у нея хватитъ на это дерзости!—вскрикнула она. — Это было бы неслыханно—и по многимъ причинамъ. Я вѣдь ей объяснила, что она погубитъ твою карьеру, если сдѣлается твоей женой. Да, я это совершенно ясно ей сказала. И я не скрыла также, что если она все-таки согласится стать твоей женой, то я буду ея непримиримымъ врагомъ.

„Что? Мариетта все это сказала ей? Вотъ объясненіе ея отказа“... Адриенъ схватилъ сестру за руку и прерывисто спросилъ:

— Ты все это ей сказала? Когда?

Нѣсколько растерявшись отъ его настойчивости, она стала припоминать:

— Да незадолго до твоего отъѣзда... или, вѣрнѣе, до моего отъѣзда въ Валескюре. На слѣдующій день послѣ того, какъ ты пошелъ провожать ее вечеромъ отъ меня.

— И ты посовѣтовала ей избѣгать меня, не слушать?..

— Да.

Теперь все ясно. Онъ отпустилъ руку сестры и внѣ себя отъ волненія выдалъ тайну ихъ связи.

— Такъ ты же, значить, сблизила насъ... Послушай!—сказалъ онъ и снова наклонился къ Мариеттѣ:— Черезъ два дня послѣ твоего... подвига я былъ у Елены и просилъ ее стать моей женой. Она отказала... слѣдуя, какъ я теперь понимаю, твоему совѣту,—но не такъ, какъ ты надѣялась. Гордая и свободная, она отдалась мнѣ, не связывая моей жизни никакими обязательствами. Теперь я понимаю ея поступокъ и еще болѣе преклоняюсь передъ нею... Я понимаю теперь ея сопротивленіе, понимаю, почему она и потомъ уклонялась отъ моихъ наставаній на бракъ... Мы были безгранично счастливы, и за все время она была идеальной подругой жизни. Мы провели три блаженныхъ мѣсяца, которыхъ я не забывалъ ни на одну секунду во время разлуки.

Мариетта, ошеломленная его призваніемъ, молча слушала его рассказъ. Наконецъ, оправившись, она проговорила шипящимъ ироническимъ тономъ:

— Да, ты ихъ не забылъ, но...

Адриенъ не слушалъ ее.—Конечно, ты любишь меня, какъ мать,—продолжалъ онъ,—но именно слѣпой материнской любовью. Ты хотѣла разлучить насъ, а достигла только того, что сблизила насъ навсегда;—между нами создалась неразрывная связь.

Въ отвѣтъ на это Мариетта крикнула съ мрачнымъ торжествомъ:

— Ты на ней не женишься... ты не можешь на ней жениться! Вотъ увидишь, я это тебѣ докажу.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, она выбѣжала изъ комнаты, только еще крикнувъ ему на порогъ:

— Да, я люблю тебя, какъ мать, и я спасу тебя... У меня опасное оружіе въ рукахъ, которымъ я не хотѣла пользоваться... Но я не думала, что эта женщина осмѣлится принять твое имя. Если же у нея хватаетъ на это безстыдства, то я не буду больше скрывать... я все скажу...

Выбѣжавъ въ корридоръ, она крикнула:—Роберъ... Роберъ!

Онъ былъ въ дѣтской, гдѣ, какъ всегда передъ обѣдомъ, репетировалъ уроки съ Лизой и Клодомъ. Онъ пришелъ съ обычнымъ добродушнымъ видомъ, но встревожился при видѣ жены. У нея было злое, потемнѣвшее лицо, губы сжались въ судорожномъ жестокомъ движеніи.

— Чтѣ случилось?—тревожно спросилъ онъ.

— Пожалуйста, Роберъ,—сказала Мариетта,—расскажи Адриену о твоёмъ маленькомъ приключеніи въ Уриажѣ.

— Затѣмъ?—спросилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.— Развѣ это необходимо? Не знаю, имѣю ли я право...

— Ты спрашиваешь, необходимо ли это? Онъ хочетъ жениться на Еленѣ Обрѣ.

Потариусъ вскочилъ съ изумленнымъ лицомъ.

— Чортъ возьми!.. Въ такомъ случаѣ я, дѣйствительно, долженъ рассказать. Нѣтъ, милый Адриенъ, m-lle Обрѣ—не такая особа, на которой можно жениться. И я вамъ это докажу...

Онъ спокойно сѣлъ въ кресло, погладилъ бороду и приготовился спокойно рассказывать интересный анекдотъ.

— Ради Бога,—пробормоталъ Адриенъ, который стоялъ, опершись на спинку стула, весь замирая отъ ужаса.— Скажите однимъ словомъ, въ чемъ дѣло!

— Подождите, милый другъ,—сказалъ Роберъ.—Я вамъ уже сказалъ—это очень тонкое и сложное дѣло,—я хочу точно представить вамъ всѣ доказательства, и потому расскажу все по порядку. Вы увидите, что случай тутъ ни при чемъ,—что все было предопредѣлено,—какъ говорите вы, люди науки. На этотъ разъ я присоединяюсь къ вашимъ теоріямъ.

— Ради Бога, скорѣе!—повторилъ Адриенъ.

— Ну, такъ вотъ. Въ прошломъ году, въ сентябрѣ, я былъ въ Греноблѣ по дѣламъ—предстояла ликвидация одного большого наслѣдства. Мнѣ нужны были справки въ регистративномъ вѣдомствѣ, и я вспомнилъ про Обрѣ, который служитъ именно въ этомъ вѣдомствѣ. Я считалъ его полу-знакомымъ, въ виду нашихъ отношеній съ его дочерью, и съ утра отправился къ нему. Поговоривъ о дѣлѣ, я спросилъ, какъ поживаетъ его дочь, и узналъ, что она уѣхала наканунѣ съ знакомыми въ Уриажъ, курортъ о близости, съ тѣмъ, чтобы подняться на зарѣ къ распятію въ Панрусѣ и спуститься оттуда днемъ. Вечеромъ она должна была вернуться въ Гренобль. Уйдя отъ Обрѣ и не зная, куда дѣвать свободное время до вечера, я рѣшилъ тоже поѣхать въ Уриажъ, востокъ потому, что тамъ дѣйствительно очень красиво,—а отчасти съ мыслью встрѣтить m-lle Елену, которую я давно не видалъ.

— Ну, и что же, вы ее встрѣтили тамъ?— прерывисто спросилъ Адриенъ, съ трудомъ произнося слова.

— Подождите, я расскажу все по порядку. Я позавтракалъ въ Уриажѣ, и, не торопясь, сталъ подниматься на Шанрусь, смутно думая, что встрѣчу, можетъ быть, m-lle Елену и ея знакомыхъ. Было жарко, и я шелъ медленно, изнемогая отъ жары. Увидѣвъ лѣсовъ на холмѣ, я направился туда и сѣлъ, не будучи въ состояніи идти дальше. Я даже, кажется, вздремнулъ, какъ вдругъ услышалъ шумъ съ дороги и стукъ горныхъ палокъ о камни. Я выглянулъ изъ своей засады въ чащѣ и увидѣлъ спускавшееся внизъ общество, которое шло нѣсколькими разбросанными группами. Сначала шли группы незнакомыхъ мнѣ людей, дамъ и мужчинъ. Наконецъ, показалась m-lle Елена и рядомъ съ нею коренастый, очень увѣренно выступавшій человекъ лѣтъ тридцати, въ изящномъ костюмѣ туриста...

Адриенъ уже не торопился своего шурина. Онъ задышался. Ему казалось, точно какая-то тяжелая рука опустилась на него и давить его къ землѣ. Роберъ продолжалъ:

— Они медленно шли рядомъ. Въ немъ видна была самоувѣренная манера фата; онъ явно ухаживалъ за ней, и меня удивило, что она слушала его, очевидно, совершенно благосклонно. Мнѣ стало грустно за нее. Вдругъ они исчезли изъ виду. Меня это такъ заинтриговало, что я вышелъ изъ лѣсу на дорогу, чтобы слѣдить за ними взоромъ. Но представьте себѣ мое удивленіе: на слѣдующемъ поворотѣ дороги никого не оказалось. А между тѣмъ передо мной разстился широкой горизонтъ. Ничего не было видно, кромѣ пустыннаго шалэ, одного изъ тѣхъ, въ которыхъ горцы держатъ фуражъ. У стѣны домика устроены были кранъ съ водой. Я такъ и не догадался бы, въ чемъ дѣло, еслибы не увидѣлъ прислоненную къ стѣнѣ шалэ палку спутника m-lle Елены.

Оглушенный какъ отъ удара, Адриенъ ясно представлялъ себѣ сцену, скрытую отъ взоровъ Робера. Но, чувствуя на себѣ взглядъ Мариетты, онъ не поддавался боли, не крикнулъ. И въ немъ уже зарождалась надежда: Роберъ все-таки не видѣлъ ихъ. Значить, ничего еще неизвѣстно навѣрное. И онъ спросилъ, дѣлая попытку улыбнуться:

— Что же было дальше?

— Дальше? Я спустился внизъ, думая объ опасностяхъ восхождения на горы... Для меня сомнѣнія не было.

Адриенъ проговорилъ, не отдавая себѣ отчета въ своихъ словахъ:

— Да, может быть, вы правы. Благодарю васъ.

Мариетта подошла къ нему съ выраженіемъ жалости въ потемнѣвшемъ взорѣ и стала его утѣшать. — Нужно вѣдь было показать тебѣ, что эта женщина недостойна тебя. Эта операція была необходима. Ты не сердисься?

— Ничуть, — сухо отвѣтилъ онъ — и поспѣшилъ черезъ нѣсколько минутъ распрощаться съ сестрой подъ предлогомъ усталости съ дороги.

Когда онъ вышелъ, Робертъ покачалъ головой.

— Онъ, кажется, очень огорченъ, — сказалъ онъ.

Она отвѣтила голосомъ, въ которомъ еще слышалась злоба противъ побѣжденнаго:

— Еще бы... Вѣдь они три мѣсяца прожили вмѣстѣ передъ его отъѣздомъ.

Робертъ остолбенѣлъ. — Хороша же ты, нечего сказать! — проговорилъ онъ. — Какъ ты не предупредила меня? Я думалъ, что онъ слегка ухаживалъ за ней, и рассказалъ всю исторію, какъ пикантный анекдотъ... А вдругъ... Какъ можно было допустить такую жестокость!

Она остановила его. — Именно хорошо, что ты говорилъ, ничего не подозревая. Въ противномъ случаѣ ты не рѣшилъ бы говорить прямо, оставилъ бы нѣкоторое сомнѣніе въ умѣ Адриена. Она бы продолжала отрицать, и все-таки онъ бы на ней женился. Благодаря твоей деликатности, Адриенъ женился бы на дѣвушкѣ безъ гроша, которая отдается первому встрѣчному, — этого ты хотѣлъ, что-ли?

— Все-таки, такъ не слѣдовало поступать. Бѣдный Адриенъ вправѣ сердиться на меня. Я пойду къ нему завтра.

— Конечно, пойдѣ. Мы будемъ знать по крайней мѣрѣ, какъ онъ перенесъ это.

Адриенъ прямо отъ сестры поспѣшилъ къ Еленѣ, думая только объ одномъ — о томъ, что она скажетъ въ свое оправданіе. Онъ внутренне не сомнѣвался. Все сходилось: какъ разъ въ сентябрѣ она ему не писала, потомъ перестала бывать у Ронсеновъ и у Мариетты... И все-таки... все-таки... Можетъ быть, она объяснитъ!

Елена открыла ему дверь. При свѣтѣ, падавшемъ съ улицы, онъ увидѣлъ, что она въ шляпѣ и верхней кофточкѣ.

— Подожди еще, — сказалъ онъ ей. — Намъ нужно поговорить.

Онъ прошелъ съ ней въ комнату, подождалъ, пока она зажгала лампу, и ея спокойныя движенія воскрешали въ немъ надежду. Наконецъ, она кончила и, подойдя къ нему, спросила:

— Что ты хотѣлъ сказать?

— Послушай, Елена, — сказалъ онъ задыхающимся голо-
сомъ:— Робертъ встрѣтилъ тебя прошлой осенью въ Уріажѣ, при
спускѣ съ Шанруса. Ты была не одна... Онъ слѣдилъ за вами.
Ему кажется, что вы вошли въ заброшенный шалѣ. Онъ подозрѣ-
ваетъ... нѣчто ужасное... Скажи, неужели это правда?

Смертельно поблѣднѣвъ, она опустила голову и сказала тихо
и внятно:

— Да, правда.

Онъ глухо вскрикнулъ отъ боли, но тутъ же оправился. Онъ
все-таки не хотѣлъ вѣрить, — можетъ быть, она опять нарочно
клеветаетъ на себя. Но нѣтъ, такой клеветы не взводятъ на
себя. Да вѣдь онъ зналъ, что это правда, во время разсказа
Робера.

— Значить, ты меня не любила?—крикнулъ онъ, сознавая,
что въ немъ говорить не разумъ, а только инстинктъ. — Какъ
же ты звала меня въ письмахъ? Ты, значить, лгала? А еще се-
годня, когда я пріѣхалъ... твоя радость... твоя нѣжность... все
это была ложь?

Елена плакала. Прерывающимся отъ рыданій голосомъ она
сказала, отвернувъ голову:

— Не старайся понять... Ты знаешь правду—такъ лучше.
Я бы все равно не могла жить, скрывая. Меня душила ложь.
Такъ лучше.

Его терзала жажда узнать подробности.

— Какъ же это случилось? Кто онъ? Ты видала его съ
тѣхъ поръ? Ты давно его знаешь?

Она протянула впередъ руки, останавливая его:

— Не спрашивай меня... Зачѣмъ напрасно мучить другъ
друга?.. Того, что ты знаешь, достаточно, чтобы различить насъ
на вѣки. Зачѣмъ же спрашивать?

Она была права. Между ними все кончено. Онъ замкнулся
въ гордости и проговорилъ:

— Ты права. Намъ нечего больше сказать другъ другу.
Прощай.

Онъ еще остановился на порогѣ, въ надеждѣ на какое-то
чудо, на какое-нибудь неожиданное признаніе. Но она продол-
жала стоять неподвижно... какъ мертвая.

Онъ пошелъ къ себѣ домой, совершенно уничтоженный, и
долго сидѣлъ, запершись въ своей комнатѣ, безъ свѣта. Что те-
перь дѣлать? Вернуться въ Швецію?

Это слишкомъ мучительно послѣ его разсказовъ матери про

Елену. Уѣхать въ Валескурé, — нѣтъ, тамъ слишкомъ много воспоминаній. Нужно уѣхать куда-нибудь въ новое мѣсто, съ которымъ ничто не связано. Вдругъ онъ вспомнилъ о зоологической станціи въ Баньюльсѣ, на берегу моря, у испанской границы. Пьеръ Ронсенъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ недавно тамъ былъ, и совѣтовалъ Адриену при случаѣ остановиться тамъ и поработать. Когда профессоръ говорилъ ему это за завтракомъ у Маріетты, онъ съ улыбкой поблагодарилъ за совѣтъ, не думая, что попадетъ куда-то въ заброшенный уголокъ, когда счастье ждало его тутъ же, въ Парижѣ. Но теперь все измѣнилось, — и онъ рѣшилъ поѣхать въ Баньюльсъ какъ можно скорѣе.

Съ этой мыслью онъ пошелъ спать — и вопреки ожиданію крѣпко проспалъ всю ночь, измученный всѣмъ, что пережилъ за безконечно длинный тяжелый день. На слѣдующее утро его разбудилъ слуга докладомъ о приходѣ Робера. Онъ удивился неожиданному утреннему визиту шурина и, быстро одѣвшись, вышелъ къ нему въ кабинетъ.

— Я пришелъ къ вамъ, милый Адриенъ, какъ вы ко мнѣ года два тому назадъ, когда считали себя неправымъ передо мной. Теперь я неправъ. Мнѣ не слѣдовало рассказывать вамъ эту исторію, — но я не зналъ о вашихъ отношеніяхъ съ m-lle Еленой. Я бы, по крайней мѣрѣ, не говорилъ въ такомъ небрежномъ тонѣ.

— Ничего, я ничуть не сердитъ, — сказалъ Адриенъ, стараясь казаться спокойнымъ.

— Но, конечно, — продолжалъ Роберъ, — слѣдовало же предупредить васъ, съ кѣмъ вы имѣете дѣло. Вамъ не слишкомъ тяжело теперь?

— Вы видите. Я живъ и здоровъ. Я уѣзжаю, чтобы разсѣяться отъ всякихъ воспоминаній. Я ѣду въ Баньюльсъ, на зоологическую станцію, о которой говорилъ мнѣ Ронсенъ. Хочу тамъ поработать.

— Ну, и отлично. Возвращайтесь оттуда совсѣмъ здоровымъ... Да, — прибавилъ онъ, чувствуя потребность подчеркнуть свое идейное торжество, — кто бы сказалъ, что вы такъ скоро оправдаете мои слова! Вы видите: человѣкъ всегда остается человѣкомъ, и наступаетъ моментъ, когда нельзя утѣшиться девизомъ: „никто ни въ чемъ не виноватъ“.

Онъ ушелъ, и Адриенъ задумался. Роберъ правъ. Этотъ девизъ, который долженъ былъ стать его жизненнымъ правиломъ, который онъ считалъ почти такимъ же твердымъ въ себѣ, какъ голосъ инстинкта, — вѣдь онъ ни разу не вспомнилъ о немъ съ минуты признанія Елены.

По дорогѣ въ Баньюльсь Адриена неотступно преслѣдовали все тѣ же мысли. Онъ представлялъ себѣ измѣну Елены, и чувствовалъ, что никогда не забудетъ ни ее, ни того, что произошло... Онъ подумалъ о томъ, какъ Робертъ напомнилъ ему о его де-визѣ, и еще болѣе вознегодовалъ:

— Что мнѣ отъ того, что она не виновата? Развѣ она все-таки не солгала и не измѣнила? Развѣ я все-таки не страдаю, представляя себѣ ее въ объятіяхъ другого человѣка?

Въ Баньюльсѣ Адриена приняли очень привѣтливо, такъ какъ о его пріѣздѣ Ронсенъ предупредилъ телеграммой. Жизнь его устроилась очень удобно. Онъ поселился, по рекомендаціи Сильвіи, въ томъ же домикѣ, гдѣ жили она и ея отецъ, и хозяйка дома взялась вести хозяйство молодого ученаго. Она готовила ему обѣды, и только огорчалась его равнодушіемъ къ ѣдѣ, тѣмъ, что онъ никогда не хвалилъ ея стряпню.

Но одиночество, на вліяніе котораго рассчитывалъ Адриенъ, не оказалось благотворнымъ. Оно не исцѣлило его. Прошлое не покидало его душу—онъ думалъ только объ Еленѣ, о всемъ недосказанномъ въ ея признаніи. У него были знакомые въ Баньюльсѣ—два молодыхъ человѣка, занимавшіеся на зоологической станціи, — но онъ съ ними не сошелся, такъ какъ не могъ выносить ихъ болтливаго фатовства, вѣчныхъ разговоровъ о женщинахъ или объ успѣхахъ въ жизни, въ наукѣ. Адриенъ предпочиталъ разговорамъ съ ними одинокія прогулки по скаламъ. Онѣ его успокаивали, давая ему возможность заняться самоанализомъ, объяснить себѣ свои страданія.

Онъ вспомнилъ опредѣленіе любви у Спенсера, поразившее его своей вѣрностью: „Вокругъ физическаго обаянія,—говорить Спенсеръ,—которое составляетъ зерно чувства,—группируются чувства, вызываемыя красотой, затѣмъ чувства, составляющія простую привязанность, наконецъ уваженіе, самолюбіе, чувство собственности, любовь къ свободѣ, симпатія. Всѣ эти чувства, доведенныя каждое до высшей точки развитія, составляютъ то психическое состояніе, которое мы называемъ любовью. И такъ какъ каждое изъ этихъ чувствъ очень сложное, то вмѣстѣ образуется огромный агрегатъ, въ которомъ сходятся почти всѣ стихійныя влеченія, на которыя мы способны. И въ этомъ—тайна несокрушимаго могущества чувства любви“.

Адриенъ пытался примѣнить къ своему частному случаю этотъ точный научный методъ. Онъ былъ оскорбленъ въ чувствахъ преклоненія передъ Еленой—онъ пересталъ уважать ее. Оскорблено было также его самолюбіе—такъ какъ Елена предпочла

ему его соперника. Оскорблено было чувство собственности... ея красота сдѣлалась достоинствомъ другого... Но вѣдь другое осталось. Осталось обаяніе красоты, осталась привязанность... нѣжность. Эти чувства вѣдь еще живы въ немъ...

Однажды Адриенъ отправился подѣ вечеръ гулять вдоль моря и дошелъ до доковъ, гдѣ готовился къ отплытію транспортъ солдатъ. Съ самаго отъѣзда изъ Парижа онъ не былъ среди толпы, и его оглушилъ крикъ пьяныхъ солдатъ, готовившихся къ отъѣзду, оглушила брань, запахъ водки, грубые пѣсни—вся картина нищеты и человѣческаго паденія. Онъ чувствовалъ себя подавленнымъ,—и все-таки именно тутъ онъ опять вспомнилъ о своемъ девизѣ: „Никто ни въ чемъ не виноватъ“—и впервые попытался примѣнить его къ Еленѣ, чего не могъ сдѣлать до того, слишкомъ страдая отъ неожиданнаго удара судьбы. Теперь чувства его стали снова подчиняться голосу разума, и онъ понялъ главное: Елена не виновата.

Онъ, конечно, не зналъ всего, что произошло, но какъ бы ни поступала его подруга, онъ долженъ былъ признать въ силу своего ученія—какъ ни тяжело было это признать,—что она не могла иначе дѣйствовать. Вѣдь онъ всегда утверждалъ, что мы дѣйствуемъ подѣ влияніемъ всего, что владѣетъ нами, и что мы не можемъ овладѣть влияніями извнѣ, какъ не можемъ быть господами надѣ своимъ тѣломъ и его страданіями. Среди обстоятельствъ, неизвѣстныхъ ему, онъ и его соперникъ боролись за власть надѣ Еленой. Онъ потерпѣлъ поражение—вотъ и все. Но онъ не могъ ненавидѣть за это Елену, какъ не могъ бы возненавидѣть ее за то, что она ранила его движеніемъ, отъ котораго не могла удержаться. Она не виновата въ его пораженіи. Какъ знать, каковы причины этого пораженія? Елена не была исключительно чувственной натурой—это онъ зналъ. Она не была также капризной кокеткой. Нѣтъ, если онъ утратилъ власть надѣ ея душой, значить, онъ не жилъ такъ неотступно въ ея памяти, какъ она въ его памяти,—значить, она его забыла... Снова его охватила горечь при этой мысли. Забыла!..

Но что же дѣлать? Вѣдь онъ самъ доказывалъ, что одни люди скорѣе забываютъ, чѣмъ другіе, что у иныхъ память исчезаетъ, если ее не оживлять. Онъ вѣдь самъ говорилъ объ этомъ Жильви въ день своего возвращенія, доказывая, что отсутствие памяти—просто органическій недостатокъ. Можетъ быть, Елена именно жертва отсутствія памяти. И опять онъ сталъ упрекать

себя за то, что не спросилъ ее въ день ихъ послѣдней встрѣчи, не узналъ отъ нея полной правды...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой прогулки въ доки, Адриенъ получилъ длинное письмо отъ Сильвіи Ронсенъ, которое онъ сначала быстро пробѣжалъ глазами, а потомъ перечелъ слово за словомъ. Вотъ что она писала ему:

„Дорогой другъ, заняты ли вы еще вашей книгой о памяти? Я увѣрена, что да, такъ какъ вы не изъ тѣхъ, которые оставляютъ какую-нибудь мысль, не додумавъ ее до конца. Я тоже не забыла нашихъ бесѣдъ по этому поводу, и вотъ хочу послать вамъ интересный документъ для вашей книги. Я знаю, что вы собираете такіе документы съ жадностью. Помните, какъ папа доставлялъ вамъ свидѣтельства разныхъ ученыхъ для книги о снахъ? Съ какой важностью всѣ эти почтенные господа рассказывали свои смѣшные сны и обстоятельства, вызывавшія ихъ!

„Такъ вотъ и я вамъ сообщу такого же рода наблюденіе для вашей новой книги. За полную достовѣрность я ручаюсь, такъ какъ лично знаю объектъ сообщаемыхъ мною наблюденій. Если я не писала подъ диктовку, то лишь потому, что данное лицо не должно было знать о моихъ намѣреніяхъ. Но я все записывала тотчасъ же послѣ нашихъ бесѣдъ, а память у меня фонографическая—это вы знаете. Впрочемъ, если я что-нибудь прибавила отъ себя, то вы сейчасъ же догадаетесь, что.

„Рѣчь идетъ о памяти ощущеній и чувствъ, о той памяти сердца, которая, если я не ошибаюсь, специально васъ интересуетъ.

„Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Жила была одна красивая, гордая и смѣлая молодая женщина—настоящая Діана. Она любила одного молодого человѣка—и настолько любила его, что, въ виду препятствій къ ихъ браку, отдалась ему свободно. Они прожили три мѣсяца въ тѣсномъ счастливомъ союзѣ, послѣ чего молодого человѣка отозвали за шестьсотъ миль. Противъ судьбы ничего нельзя было подѣлать. Молодая женщина очень страдала отъ разлуки и снова стала вести прежнюю трудовую жизнь.

„Она была очень красива, и за ней много ухаживали,—такъ какъ дѣло происходило во Франціи. Пока она жила въ Парижѣ, она легко отстраняла всѣ приставанія, тѣмъ болѣе, что постоянно ждала возвращенія своего друга и—что очень важно—жила въ городѣ, гдѣ все напоминало ей его и ихъ любовь. Прошелъ годъ—замѣтьте, цѣлый годъ. Она уѣхала на лѣто къ родителямъ и тамъ за ней стали ухаживать еще съ большей настойчивостью. Среди всѣхъ поклонниковъ самымъ энергичнымъ былъ одинъ

инженеръ, женатый на очень некрасивой дочери богатаго фабриканта и открыто измѣнявшій постоянно своей женѣ. Всѣ это знали, и это считалось въ порядкѣ вещей. Онъ былъ красивъ въ пошломъ вкусѣ, но зналъ жизнь, зналъ женщинъ и имѣлъ успѣхъ. Онъ былъ знакомъ съ родителями молодой дѣвушки и, встрѣтившись съ ней, сталъ за ней ухаживать, — исполняя до нѣкоторой степени свою роль официального поклонника всѣхъ красивыхъ женщинъ въ городѣ. Къ нему отнеслись довольно безразлично, — не отклоняя и не поощряя его. Это равнодушіе — непривычное, потому что обыкновенно его поклоненіе считалось лестнымъ — его подзадорило. Онъ сталъ дѣйствовать болѣе настойчиво. Тутъ мы вступаемъ въ область интересующихъ васъ психологическихъ наблюденій.

„Вѣрность — я полагаю и вы, вѣроятно, согласитесь со мной — имѣетъ свои основанія: чувство долга, уваженіе къ себѣ, любовь. Каковы же были способы защиты молодой женщины въ данномъ случаѣ? Не чувство долга: она не была законной женой своего друга. Уваженіе передъ собой — но есть минуты, когда человекъ теряетъ самосознаніе. Нѣтъ, ея единственнымъ оплотомъ была любовь къ отсутствующему. Она могла оставаться ему вѣрной только изъ любви.

„Но что значитъ любить кого-нибудь въ отсутствіи? Это значитъ постоянно думать о немъ, постоянно представлять его себѣ, вспоминать всѣ минуты, проведенныя съ нимъ, слышать звукъ его голоса, видѣть малѣйшія черты его лица, осязать его присутствіе, когда его нѣтъ, — жить всѣми этими воспоминаніями, такъ, какъ будто онъ продолжаетъ быть тутъ. Наконецъ, это значитъ обращаться ко всѣмъ предметамъ, которыхъ онъ касался, къ зеркаламъ, отражавшимъ его, къ воздуху, которымъ онъ дышалъ, прося ихъ: — покажите мнѣ его! верните мнѣ его! Вотъ что значитъ — такъ я полагаю — любить отсутствующаго.

„Такое чувство дѣйствительно бы могло спасти любящую женщину во время разлуки. Но помните, вы сами говорили мнѣ это въ день возвращенія изъ Швеціи, у вашей сестры, когда подошли ко мнѣ къ роялю, — все это свойственно тѣмъ, которые обладаютъ спеціальной памятью, дающей теплоту жизни всему, что она вызываетъ. Подумайте же, каково несчастной, которая, чувствуя опасность, призываетъ на помощь всѣ воспоминанія, и они оказываются мертвыми. Она ничего не забыла, помнить всѣ нѣжныя слова, но они утратили свои оттѣнки, такъ же, какъ она помнить черты лица, но онѣ мертвы, какъ на фотографіи. Воспоминанія остались, но они, какъ цвѣты, гербарія въ ея рукахъ:

въ нихъ нѣтъ ни красокъ, ни запаха. Воспоминанія ея точны, но они не вызываютъ въ ней сильныхъ ощущеній. Она обладаетъ памятью, которая хранитъ прошлое, но не той, которая воскрешаетъ ее. У нея нѣтъ памяти сердца, — вы вѣдь предвидѣли такой случай въ задуманной книгѣ, считали, что возможно отсутствіе такой памяти, какъ и памяти зрительной.

„Съ другой стороны, все соединяется для гибели несчастной женщины. Она уже не въ той странѣ, гдѣ протекала ея любовь. Ничто не напоминаетъ отсутствующаго, ни улицы, ни дома, ни природа. Ничто не помогаетъ ей, — у нея нѣтъ защиты. И какъ разъ въ это время ея преслѣдователь становится настойчивѣе. Представляется удобный случай — экскурсія въ горы, спускъ вразбродъ, усталость и жара. Несчастливая, измученная усталостью, соглашается пойти выпить воды у резервуара около горнаго шала. И когда преслѣдователь пользуется случаемъ и дѣлаетъ грубое нападеніе, она, бессильная, оглушенная, становится какъ бы сама свидѣтельницей своего паденія.

„Потомъ? Потомъ наступаетъ пробужденіе. Эта женщина, умѣющая жить только настоящимъ, почувствовала ужасъ случившагося только послѣ того, какъ оно стало непоправимымъ фактомъ. Тогда только она поняла всѣ его послѣдствія. „Я измѣнила“ — фактъ только-что совершившійся — сильнѣе потрясаетъ ее, чѣмъ „я люблю“, относящееся къ чему-то далекому. Дѣло въ томъ, что она любила. Не знаю, сумѣла ли я показать вамъ, какъ эта любовь проснулась именно послѣ катастрофы. Вы должны понять — вы сами доказывали, что любовь не исчерпывается памятью сердца, — что можно забывать въ отсутствіи, не переставая любить въ присутствіи. И доказательство того, что она любила, это то, что она не перестала любить. Это ясно видно изъ всѣхъ ея дальнѣйшихъ поступковъ, того, какъ она, вернувшись съ горъ, не выходила изъ дому подъ предлогомъ болѣзни до тѣхъ поръ, пока смогла, не возбуждая подозрѣній, уѣхать незамѣтно въ Парижъ. Изъ любви она не писала ни о чемъ далекому другу, чтобы не тревожить его, и съ тайной надеждой, что онъ никогда ничего не узнаетъ. Любовь ея видна и по ея слезамъ послѣ того, какъ она снова свидѣлась съ тѣмъ, кому измѣнила, и поняла, что напрасно скрывала, и что все кончено. Любовь оказывается и въ ея гордомъ смиреніи, въ томъ, что она не проситъ прощенія, — словомъ, во всемъ. Если вы сами не вѣрите, то повѣрьте мнѣ. Я это знаю.

„Вотъ мои наблюденія. Они — полезный для васъ противовѣсъ вашимъ. У васъ такимъ образомъ получатся два полюса — примѣръ

памяти вѣрной и памяти измѣняющей. Меня вовсе не радуешь, что жизнь сама доставляетъ вамъ такіе документы, но я довольна тѣмъ, что, разобравшись въ этихъ противоположныхъ случаяхъ, вы сумѣете понять ихъ.

„Сказать вамъ, какъ я собрала мои наблюденія, для того, чтобы вы были вполне увѣрены въ ихъ достовѣрности? Я вамъ скажу. Вы не зашли къ намъ до отъѣзда въ Баньюльсъ. Я узнала о вашемъ бѣгствѣ изъ Парижа по запискѣ къ отцу, въ которой вы просили рекомендаціи къ директору зоологической станціи. Но я сразу узнала, въ чемъ дѣло, отъ вашей сестры. Я вѣдь теперь ея любимица;—надѣюсь скоро сказать вамъ, почему я согласилась быть при ней ея *dame d'honneur*. Во всякомъ случаѣ, я узнала причину вашего отъѣзда, выслушивая ея сожалѣнія о томъ, что вы уѣхали такъ далеко и живете въ одиночествѣ. Я не настолько ей сочувствовала, однако, чтобы дѣйствовать въ ея смыслѣ,—вѣдь я болѣе дружна съ вами, чѣмъ съ нею. Поэтому, какъ только я узнала, въ чемъ дѣло, я тотчасъ же направилась къ *m-lle Обрѣ*. Какъ я вынудила у нея признаніе среди слезъ—это вѣдь васъ не интересуешь. Словомъ, я все узнала—женщины или ничего не говорятъ другъ другу, или все. Я счастлива, что могла раздобыть для васъ свѣдѣнія изъ лучшихъ источниковъ... Обдумайте ихъ, другъ мой. И если письмо мое можетъ показаться вамъ слишкомъ длиннымъ, подумайте, что въ сущности всѣ мои наблюденія можно выразить въ короткой пословицѣ: „Съ глазъ долой—вонъ изъ сердца“,—что, впрочемъ, не относится ни къ вамъ, ни къ вашему „товарищу“—

„Сильвіи Ронсенъ“.

Послѣ письма Сильвіи все вокругъ Адриена показалось ему преображеннымъ, точно возродившимся для новой жизни. Письмо ясно выражало то, что уже смутно складывалось у него въ головѣ. Ему казалось, точно онъ самъ себя написалъ это письмо послѣ размышленій о памяти сердца и объ отсутствіи ея. Онъ самъ не рѣшался еще примѣнить своихъ теорій къ Еленѣ,—но вотъ это сдѣлало за него,—и передъ нимъ открылась новая возможность снова увидѣть Елену. Нѣсколько дней онъ провелъ, ни на что не рѣшаясь. Пришло письмо изъ Швеціи, отъ матери, которая нѣжно разсиривала его о его планахъ... Онъ вспомнилъ, съ какой увѣренностью онъ говорилъ ей объ Еленѣ... Если онъ внутренне оправдываетъ ее теперь, то все останется по старому, и онъ можетъ поѣхать съ нею къ матери. Но онъ почувствовалъ, что это еще не рѣшено въ его душѣ, что въ немъ борются два человѣка, старый и новый, что есть въ его

инстинктахъ что-то противорѣчащее его разуму. Съ этимъ еще нужно справиться... Прошло нѣсколько дней среди размышлений. Однажды онъ пошелъ въ далекую прогулку и медленно направился вдоль границы Испаніи. Идя въ гору навстрѣчу вѣтру, онъ чувствовалъ, какъ крѣпнеть его духъ. Уже ничто въ немъ не противилось разуму, — и губы его шептали: „Елена... Елена!“ Новый человекъ побѣдилъ. Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ въ Парижъ.

Въ самый день пріѣзда онъ пошелъ днемъ къ Ронсенамъ, которыхъ предупредилъ о своемъ пріѣздѣ. Ему хотѣлось прежде всего видѣть Сильвію. Но ея не оказалось дома. Адриенъ засталъ только ея отца, который сказалъ, что она должна сейчасъ вернуться, а до ея прихода сталъ спрашивать Адриена о Баньюльсѣ, о работахъ. Адриенъ сидѣлъ какъ на иголкахъ отъ нетерпѣнія. Наконецъ, явилась Сильвія и тотчасъ же увела Адриена, сказавъ отцу, что должна поговорить съ своимъ другомъ о важномъ дѣлѣ.

Проведя его въ залу, она взглянула на него съ нѣжнымъ, серьезнымъ выраженіемъ, рѣдко выступавшимъ на ея веселомъ кругломъ личиѣ.

— Ну, чтѣ, вылечились?

— Кажется — и благодаря вамъ. Вы многое объяснили мнѣ въ своемъ изложеніи — или, вѣрнѣе, въ своей защитительной рѣчи. Вы громко высказали то, чтѣ я началъ внутренно говорить себѣ.

— Конечно. Я надѣялась, что являюсь именно въ нужную минуту.

— Какъ вы меня хорошо знаете! — пробормоталъ онъ.

— Надѣюсь, — подтвердила она.

— Вѣдь безъ васъ я бы все еще блуждалъ въ потемкахъ; вы помогли мнѣ найти себя.

— Это естественно. Мнѣ было больно, что вы такъ несчастны — неужели это васъ удивляетъ? Я вѣдь къ вамъ относился съ нѣкоторой нѣжностью — развѣ вы этого не замѣтили? — сказала она, скрывая подъ смѣхомъ свое волненіе. — Я даже не скрываю, — какъ сдѣлала бы героиня романа. Но вѣдь я съ моимъ китайскимъ лицомъ не гожусь въ героини романа — и довольствуюсь ролью товарища. Мнѣ пріятно часто видать васъ. Сознаюсь вамъ встать, что съ вашей сестрой я только потому и веду дружбу, чтобы быть ближе къ вамъ. Правда, всѣ мои хитрости ни къ чему, — я все-таки только всего разъ и видѣла васъ

съ вашего прїѣзда изъ Швеціи. Надѣюсь, что въ будущемъ мнѣ больше повезетъ. Но во всякомъ случаѣ мнѣ тяжело было знать, что вы несчастны, и я хотѣла помочь вамъ.

— Какой вы истинный другъ!—пробормоталъ онъ.

— Я не могла иначе поступить, чѣмъ поступила. Нельзя же было оставить васъ тамъ, въ Баньюльсѣ, а Елену здѣсь... Нужно было объяснить вамъ, что вы должны вернуться къ ней. И что же, вы поняли это?

— Да, понялъ. Я пережилъ нравственный кризисъ, какъ физическую рану; благодаря времени и вашему письму, я вернулся къ принципамъ, всегда руководившимъ моими мыслями, и могъ отнестись къ Еленѣ, какъ требовали мои убѣжденія. Я понялъ все, что произошло, понялъ, что „она не виновата“...

— Вы ее еще не видѣли?—спросила Сильвія, перебивая его.

— Нѣтъ. Я хотѣлъ раньше быть у васъ. И я не знаю, какъ быть; — я не хотѣлъ бы просить у нея свиданія, чтобы не дать ей времени для размышленія, но не хотѣлъ бы и явиться неожиданно.

— Но чтобы жениться на ней, нужно все-таки повидаться, — сказала Сильвія, улыбаясь. — Вѣдь вы женитесь?—прибавила она болѣе серьезнымъ тономъ.

— Конечно. Я вѣдь знаю, что Елена не соглашалась до сихъ поръ на бракъ изъ-за Маріетты. Теперь ужъ я знаю причину ея сопротивленія. Но я хотѣлъ раньше поговорить съ вами.

— Вамъ хочется знать подробности? Но, право, я могу повторить вамъ только то, что говорила. Знайте только одно. Вы увѣрены, что сильнѣе любите Елену, чѣмъ она васъ. Повѣрьте, хотя бы съ моихъ словъ, что она любить васъ не меньше. Только любовь ея—такая, которая расцвѣтаетъ въ присутствіи того, кого любятъ... Въ разлукѣ такая любовь не исчезаетъ, а только скрывается. Повѣрьте мнѣ — и идите скорѣе къ Еленѣ.

— Я повинуюсь вамъ и пойду. Но раньше я зайду къ Маріеттѣ.

— Зачѣмъ? Вѣдь она будетъ въ бѣшенствѣ.

— Это все-таки необходимо. Я хочу, женившись, сейчасъ же уѣхать съ Еленой въ Швецію, и боюсь, чтобы Маріетта не надѣлала непріятностей, написавъ родителямъ объ исторіи съ Еленой. Кромѣ того, я хочу въ послѣдній разъ попытаться объяснить ей мое отношеніе къ Еленѣ и къ тому, что произошло... Это будетъ для меня проверкой силы доводовъ, которые я нашелъ въ одиночествѣ.

— А что, если ваши доводы окажутся слабы, и сестра васъ переубѣдитъ...

— Еслибы это было возможно, я бы отказался отъ свиданія съ Еленой.

— Ну, хорошо. Идите и выходите побѣдителемъ изъ испытанія.

Мариетты не было дома. Адриенъ засталъ только Робера, который искренно обрадовался его неожиданному возвращенію, и первымъ дѣломъ спросилъ его:

— Ну, что, какъ ваше сердце?

— Здорово, — отвѣтилъ веселымъ тономъ Адриенъ.

— Ну, слава Богу! — воскликнулъ Роберъ. — Я зналъ, что такой благоразумный молодой человѣкъ...

— Простите, — сказалъ Адриенъ, — во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, я долженъ сейчасъ же вамъ сказать, что пребываніе въ одиночествѣ мнѣ помогло въ томъ отношеніи, что я нашель себя. Словомъ, я женюсь на m-lle Обрѣ.

— Что? — раздался испуганный крикъ Робера.

Адриенъ ничего не отвѣтилъ. Тогда Роберъ подошелъ къ нему и, дружески касаясь его плеча, сталъ говорить ласковымъ, убѣждающимъ тономъ:

— Послушайте, милый Адриенъ, мы, конечно, люди разныхъ взглядовъ, но есть вѣдь безспорныя, очевидныя истины, противъ которыхъ никто не можетъ идти. Простите мою настойчивость, но вѣдь я говорю изъ дружбы. Нельзя вѣдь... нельзя жениться на женщинѣ, которая принадлежала вамъ до брака... и въ особенности если она была возлюбленной другого человѣка... Она можетъ нравиться попрежнему, можно сохранять съ ней отношенія... Но жениться...

Его краснорѣчіе было внезапно прервано появленіемъ Мариетты. Она влетѣла какъ вихрь, узнавъ отъ прислуги о приходѣ Адриена, стала бурно обнимать его, радуясь возвращенію, говоря, что уже не отпустить его такъ скоро. Но Адриенъ съ первыхъ же словъ объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, сказавъ, что женится на Еленѣ и уѣзжаетъ съ ней въ Швецію. Мариетта поблѣднѣла, опустила на стулъ, и шептала только внѣ себя: „Ты съ ума сошелъ!..“ Она чуть не рыдала, и ея печаль больше трогала Адриена, чѣмъ ея прежнее бѣшенство. Она стала говорить кротко, убѣждать его, говоря почти то же, что Роберъ, доказывая невозможность забыть паденіе Елены, и Роберъ не могъ удержаться отъ ироническаго возгласа:

— Что бы ты ни доказывала ему, — сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ, — онъ тебѣ отвѣтитъ: „она не виновата“.

Адриенъ почувствовалъ себя очень сильнымъ передъ этими двумя непоколебимыми въ своей узости людьми.

— Да, — сказалъ онъ, — я именно это и скажу. И если хочешь, Мариетта, я постараюсь выяснить тебѣ мою мысль. Послушай. Ты знаешь, что часто говорятъ: „у меня нѣтъ памяти на лица“... Затѣмъ, ты помнишь, вѣроятно, что тебѣ случилось иногда живо вспомнить какую-нибудь сдѣланную неловкость или же вспомнить что-нибудь смѣшное или грустное, и при этомъ воспоминаніи ты или краснѣла, или смѣялась, или тебѣ дѣлалось грустно. Бывало это съ тобой?

— Бывало, — отвѣтила Мариетта, не понимая, къ чему все это должно привести.

— Это доказываетъ, что есть память чувства, которая опредѣляетъ продолжительность нашихъ ощущеній, сохраняя ихъ живость. Если я помню умершаго человѣка, то потому, что во мнѣ жива печаль, связанная съ его утратой. Если не смягчается мой гнѣвъ противъ кого-нибудь, значить, память моего первоначальнаго гнѣва осталась прежней. Но, допуская это, нужно понять, что человѣкъ не виновенъ, если эта память ему измѣняется, — какъ это было съ Еленой въ мое отсутствіе.

— Несчастный! Вѣдь это просто значить, что она перестала тебя любить.

— Нѣтъ. Забыть въ отсутствіи не значить разлюбить. Если я не могу припомнить лицо отсутствующаго друга по недостатку зрительной памяти, — развѣ это значить, что онъ пересталъ быть мнѣ милымъ? Нужно помогать недостатку памяти. И я буду это дѣлать своимъ постояннымъ присутствіемъ...

— Но вѣдь она принадлежала другому... Повѣрь, что ты никогда этого не забудешь, что потомъ, въ семейной жизни, ты будешь вспоминать... и будешь презирать свою жену...

— Я не ревную ее къ прошлому, какъ не ревнуютъ, женившись на вдовѣ или на женщинѣ, разведенной съ первымъ мужемъ. А за недостатокъ памяти я не могу презирать ее, какъ бы не презиралъ ее за физическій недостатокъ, за болѣзнь. Нѣтъ точныхъ границъ между болѣзнями тѣла и болѣзнями души...

— Ну, посмотримъ, — воскликнула Мариетта внѣ себя, — какъ ты проведешь свои принципы въ жизни! Я увѣрена, что ты вернешься къ намъ — мой домъ тебѣ всегда открытъ.

— Я уѣзжаю въ Швецію съ Еленой — и не такъ скоро смогу воспользоваться твоимъ гостепріимствомъ. Родителямъ я расскажу все, что предшествовало нашему браку, — и они меня поймутъ, — я увѣренъ въ этомъ. Прощай.

На слѣдующій день Адриенъ получилъ письмо отъ Сильвіи, извѣщавшей его, что Елена срисовываетъ какой-то цвѣтокъ для ея отца въ городскихъ оранжереяхъ, и что онъ можетъ застать ее тамъ. Онъ тотчасъ же взялъ коляску и съ волненіемъ направился въ оранжерею, думая по дорогѣ о внутренней борьбѣ, пережитой наединѣ въ Баньюльсѣ, а потомъ о спорѣ съ Роберомъ и Маріеттой. Теперь уже все успокоилось въ немъ. Старый инстинктъ былъ окончательно побѣжденъ свѣтлымъ сознаніемъ. Онъ былъ спокоенъ и чувствовалъ только радость отъ близкаго свиданія. Онъ прошелъ въ указанную имъ въ письмѣ Сильвіи аллею и увидѣлъ Елену. Обернувшись на звукъ его шаговъ, Елена бросилась къ нему. Она отъ волненія не могла отвѣчать на его вѣжныя слова, и онъ едва могъ остановить ея слезы. Они вмѣстѣ ушли, и Адриенъ предложилъ ей поѣхать въ Булонскій лѣсъ. Тамъ, обходя знакомыя мѣста, связанныя съ прошлымъ ихъ любви, Елена точно воскресала отъ тяжелаго испытанія.

— Я точно просыпаюсь отъ тяжелаго сна... Ты около меня... и навсегда?

Тогда только онъ рассказалъ ей о ближайшихъ планахъ, о томъ, что они сейчасъ же повѣнчаются и уѣдутъ въ Швецію. Она, съ тихимъ выраженіемъ счастья на лицѣ, шептала:

— Быть всегда съ тобой... умереть подлѣ тебя!..

Мѣсяцъ спустя, когда Роберъ, вернувшись домой, прошелъ въ маленькую гостиную Маріетты, она показала ему письмо, которое держала въ рукахъ, и сказала сухимъ тономъ:

— Свершилось.

Въ короткомъ письмѣ Адриенъ сообщалъ сестрѣ въ моментъ отъѣзда о своей женитьбѣ и отъѣздѣ въ Швецію.

— Быстро же онъ все устроилъ! — сказалъ Роберъ, привыкшій къ долгимъ формальностямъ.

— А все-таки это неслыханно, — сказала Маріетта со вздохомъ. — Неужели ты думаешь, Роберъ, что Адриенъ дѣйствительно поступилъ согласно своимъ идеямъ, что этотъ безумный поступокъ вызванъ тѣми разсужденіями, которыя онъ излагалъ намъ? Словомъ, скажи, почему онъ женился на этой женщинѣ?

Роберъ откинулся въ креслѣ и поглядѣлъ въ потолокъ, самодовольно поглаживая бороду. Въ его глазахъ люди всегда оставались одинаковыми. Онъ не допускалъ, что инстинкты ихъ могутъ стать болѣе тонкими, осложниться новыми мотивами. Онъ не думалъ, что Адриенъ женился на Еленѣ, зная объ ея измѣнѣ,

потому, что душа его просвѣтлѣла, что у него явились новыя вѣрованія, благодаря которымъ онъ сумѣлъ оправдать Елену, отнести къ нравственной винѣ, какъ къ физической слабости. Нѣтъ. По его убѣжденію, Адриенъ просто продолжалъ питать страсть къ этой женщинѣ... Смягчая свою мысль, чтобы сдѣлать ее болѣе скромной, онъ отвѣтилъ Мариеттѣ съ мечтательной снисходительностью, къ которой примѣшивалась, быть можетъ, тайная зависть:

— Потому что онъ ее любитъ...

Съ франц. З. В.

ЭЛИЗА ОЖЕШКО

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

I.

Сорокалѣтній литературный юбилей знаменитой польской романистки Элизы Ожешко заставляет читателя и критика попытаться подвести общіе итоги дѣятельности талантливой писательницы, сочиненія которой имѣли сильное вліяніе не только на ея родное общество, но и на многочисленныхъ русскихъ читателей. Почти всѣ романы Ожешко переведены на русскій языкъ; особенно хороши переводы г. Лаврова.

Начало писательской дѣятельности Ожешко относится къ періоду, слѣдовавшему за возстаніемъ 1863 г. Событія 1863 г. оказались роковыми не только для польскаго, но и для русскаго общества, вызвавъ въ немъ реакціонное движеніе. Законное, какъ естественное проявленіе живучести націи, возстаніе 1863 г. было безуміемъ съ политической точки зрѣнія, по несоразмѣрности силъ. Возстаніе ограничивалось территоріей Царства Польскаго и частью Литвы. Въ другихъ провинціяхъ бывшей Рѣчи Посполитой возстаніе имѣло характеръ отдѣльныхъ мелкихъ вспышекъ, скорѣе проявленій патріотическаго пыла незрѣлой молодежи, нежели организованнаго движенія. Правительство дало возможность организовать и вспыхнуть возстанію, а послѣ усмиренія—примѣвило суровыя, террористическія мѣры. Для реакціи возстаніе было сюрпризомъ и притомъ пріятнымъ; она использовала событія 1863 г. съ такимъ совершенствомъ и послѣдовательностью, что быстро подавила зарождающееся свободное общественное самоуправленіе не только въ Польшѣ, но и въ Россіи. Безъ возстанія 1863 г. вліяніе Каткова не было бы сильно.

Реакціи было выгодно расширить размѣры возстанія. Въ кругъ повстанцевъ, а затѣмъ „неблагонадежныхъ“ были искусственно зачислены широкіе слои польскаго и литовскаго общества въ Литвѣ и въ Западномъ краѣ — бѣлоруссы-католики. Стали искоренять крамолу тамъ, гдѣ ея никогда не было. Исторія разоблачитъ дѣянія знаменитаго усмирителя Западнаго края, Муравьева, предоставленнаго инстинктамъ своей феноменальной жестокости и изумлявшаго міръ своими экзекуціями. Муравьевъ прекрасно зналъ, что единству и цѣлости Россіи не можетъ грозить опасность отъ кучки энтузіастовъ, но воспользовался случаемъ, чтобы свести счеты не только съ настоящимъ, но и съ прошедшимъ. Вспомнились преслѣдованія поляками православія въ эпоху казацкихъ войнъ, и была провозглашена рядомъ съ политической и проповѣдь религіознаго реванша. Церкви, часовни — закрывались, священнослужители высылались въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста — правые и виноватые. Смутю воспользовались люди болѣе чѣмъ сомнительной репутаціи, набросившіеся на продававшіяся за безцѣнокъ конфискованныя имѣнія и на мѣста выгнанныхъ массами чиновниковъ-католиковъ, которыхъ единственная вина заключалась въ иновѣріи.

Вслѣдъ за полнымъ замиреніемъ края въ немъ воцарилась пришедшая полуобразованная и часто невѣжественная бюрократія. Мракъ нестерпимаго полицейскаго бюрократическаго режима густою мглою окуталъ обездоленный край. Русское населеніе страдало не менѣе польскаго и литовскаго, такъ какъ крестьяне находились въ полномъ рабствѣ у чиновниковъ. Всякіе слѣды мѣстнаго самоуправленія исчезли. Землевладѣльцы „польскаго“ происхожденія (такowymi назывались и литовцы, и бѣлоруссы-католики) были обложены громадными спеціальными налогами (контрибуція). Польскій языкъ былъ устраненъ не только изъ школъ и общественныхъ учрежденій, но даже частнымъ лицамъ „запрещалось говорить по-польски“ въ клубахъ и вокзалахъ. Въ гимназіяхъ школьники исключались за разговоръ на родномъ языкѣ и чтеніе польскихъ книгъ. Подъ этимъ ужасающимъ гнетомъ замолкли всѣ проявленія общественной жизни; всякій ушелъ въ свои личныя дѣла и скрывался, подобно улиткѣ.

При такихъ обстоятельствахъ Ожешко пришлось выступить на литературную арену.

Территорія, къ которой относятся наблюденія Ожешко, обнимаетъ литовскія губерніи: виленскую, гродненскую и ковенскую. Сама писательница безвыѣздно живетъ въ Гроднѣ. Эти губерніи населены литовцами, бѣлоруссами, поляками и евреями. Среди

поляковъ значительное большинство составляютъ ополяченные литовцы. Небольшой процентъ населенія — татары и караймы. Кромѣ евреевъ и крестьянскаго бѣлорусскаго населенія въ восточной части края, кромѣ мѣщанъ, не занимающихъ виднаго положенія, все прочее населеніе относится къ шляхетскому сословію, которое иногда — весьма неудачно — представляется аналогичнымъ дворянству. Шляхетство скорѣе можно сопоставить съ испанской *hidalgua*; оно было, подобно испанскому дворянству, извѣстной корпораціей, члены которой были связаны понятіями о благородствѣ происхожденія и чести (*honor*), несли извѣстные сословныя обязательства и имѣли права, въ значительной степени фиктивные.

Я уже упомянулъ, что территорія, бывшая ареной наблюденій Ожешко, населена смѣшаннымъ населеніемъ; литовцы, поляки, русскіе, евреи живутъ безъ вражды рядомъ, и всѣ лишены въ болѣе или меньшей степени элементарныхъ правъ гражданства.

При отсутствіи какихъ-либо общественныхъ интересовъ всѣ упомянутыя группы населенія живутъ своими — узкими эгоистическими. Эта вынужденная односторонность жизни должна была до крайности сузить міросозерцаніе этихъ общественныхъ группъ и заставить ихъ въ замкнутой обособленности чуждаться другъ друга.

Ожешко въ началѣ своей литературной дѣятельности могла наблюдать приблизительно слѣдующіе составные элементы общества.

Высшія сферы — родовая, немногочисленная аристократія — являлись или абсентеистами, проживавшими состояніе за границей, или довольствовались отношеніями въ своемъ очень тѣсномъ кругу и пребываніемъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ, въ столицѣ и губернскихъ городахъ. Понятно, они не могли оказывать никакого вліянія на мѣстныя дѣла.

За аристократіей слѣдовала наиболѣе многочисленная шляхетская группа, насчитывавшая въ своей средѣ цѣлый рядъ социальныхъ и экономическихъ разновидностей — до бездомныхъ пролетаріевъ включительно. Всѣ онѣ принадлежали къ землевладѣльческому и земледѣльческому сословію. Болѣе достаточная часть шляхты выдержала натискъ политической и социальной бури и упорно продолжала держаться за наслѣдіе предковъ, отказывая себѣ даже въ самомъ необходимомъ. Менѣе благоразумныя, обезпеченныя и стойкія группы претерпѣли экономическое разореніе и ютились въ поискахъ за жалкимъ кускомъ хлѣба — по городамъ и мѣстечкамъ. Наиболѣе матеріально обезпе-

ченная часть шляхетскаго сословія оказалась наиболѣе сильной въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними бѣдствіями и, крѣпко держась за вѣру, столь же упорно держалась за клочок родной земли.

Эта часть шляхетскаго сословія въ сущности ничѣмъ не отличалась отъ крестьянства, къ которому ее приравняла и правительственная политика. Эта часть шляхетства сохранила до сихъ поръ рядъ самобытныхъ и оригинальныхъ чертъ характера.

Еврейское населеніе, чрезвычайно многолюдное, населяющее города и мѣстечки Западнаго края, изстари занималось торговлей, мелкой промышленностью и ремеслами и оттѣснило отъ нихъ христіанское населеніе края.

Евреи образуютъ нѣчто вродѣ третьяго сословія; они не представляютъ компактнаго цѣлаго, а распадаются на много разновидностей, обусловленныхъ главнымъ образомъ имущественными отношеніями. Прогрессивная еврейская партія существовала во время появленія Ожешко на литературной аренѣ лишь въ зародышѣ. Громадное большинство еврейской массы почерпало свои знанія и питало умственные интересы въ темныхъ и малопонятныхъ книгахъ, среди которыхъ первое мѣсто отводилось Талмуду. Евреи отличались глубокой привязанностью къ старымъ завѣтамъ, крайней нетерпимостью къ новшествамъ и презрительно относились къ христіанамъ, которыхъ они превосходили умомъ, ловкостью, воздержаніемъ и изобрѣтательностью. Евреи, за немногими исключеніями, были люди трезвые и умѣренные.

Что касается до литовцевъ, то высшіе ихъ классы всецѣло примкнули къ польскому шляхетству, а низшіе — къ крестьянству. Литовскій элементъ играетъ сравнительно небольшую роль въ романахъ Ожешко.

Вся эта пестрая, разнородная масса, несмотря на чрезвычайно тяжелыя политическія условія жизни, о которыхъ мы говорили, должна была переживать разнообразныя фазисы развитія. Сквозь свинцовыя тучи политическаго гнета проникали лучи новыхъ политическихъ и общественныхъ вѣяній и воспаляли пылкія сердца молодежи. Старшее поколѣніе являлось постороннимъ наблюдателемъ и не раздѣляло увлеченій и надеждъ молодежи. Оно какъ бы застыло въ своемъ эгоистическомъ самодовольствѣ, обереганіи старыхъ традицій и предразсудковъ.

Романисту, наблюдавшему этотъ пестрый фонъ разнообраз-

ныхъ слоевъ общества въ ихъ взаимодействіи, предстояла двойная, весьма заманчивая задача: изображеніе проникновенія и эволюціи новыхъ идей въ политически-обездоленную среду и вмѣстѣ съ этимъ изображеніе борьбы со старыми предрассудками, нетерпимостью и косностью. Рядомъ съ этимъ могла идти проповѣдь положительныхъ идеаловъ, гуманности, равенства и прогресса. Съ другой стороны, романистъ-художникъ не могъ отнестись равнодушно къ своеобразнымъ красотамъ той отходящей въ вѣчность жизни, которой не коснулось вліяніе новшествъ и которую необходимо было живописать, прежде чѣмъ стремительный потокъ революціи, общественной, политической и социальной, не смететъ ихъ съ лица земли.

Ожешко преслѣдовала и блестяще выполнила обѣ задачи. Она изобразила падающее и возрождающееся общество; она съ громаднымъ успѣхомъ проводила высокія идеи гуманности, терпимости и гражданственности, умѣло наблюдая и выбирая соотвѣтствующія жизненныя комбинаціи. Она внесла въ общественное самосознаніе цѣлый міръ идей и нарисовала для грядущаго потомства цѣлый рядъ отходящихъ въ вѣчность типовъ. Преслѣдуя по преимуществу дидактическія цѣли, стараясь ввести въ сознаніе своего общества рядъ прогрессивныхъ идей, освободить отъ предрассудковъ и слабостей людей, не лишенныхъ задатковъ на будущее, Ожешко никогда не жертвовала художественными интересами романиста правоучительному элементу. Отсюда и высокое значеніе ея романовъ, не только какъ показателей общественныхъ, политическихъ и философскихъ теченій, но и какъ собраніе поэтическихъ мотивовъ и прекрасно законченныхъ образовъ. Въ Ожешко мы имѣемъ—рядомъ съ учителемъ и публицистомъ—поэта,—и это дѣлаетъ значеніе писательницы независимымъ отъ случайныхъ элементовъ политической и общественной эволюціи.—Постараемся окинуть взглядомъ многолѣтнюю производительность романистки. Мы будемъ имѣть въ виду значеніе для польскаго общества тѣхъ идей, которыя въ свое время были откровеніемъ, а впоследствии вошли въ сознаніе большинства, и тѣ художественныя типы и образы, которые упрочили вліяніе польской романистки на много поколѣній.

II.

Ожешко появилась на литературной аренѣ въ 1864 году, когда родное ей общество переносило многообразныя испытанія.

Послѣ возстанія порѣдѣли ряды польской интеллигенціи. Возстаніе было своего рода революціоннымъ движеніемъ, за которымъ неминуемо должна была послѣдовать репрессія правительства. Политическія невзгоды осложнились социальными; хотя литовское дворянство раньше другихъ высказалось за освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ землей, переходъ отъ крѣпостного труда къ вольнонаемному былъ въ высшей степени болѣзненной и опасной для экономическаго положенія операціей. Администрація, слѣдуя указаніямъ Муравьева, всѣми мѣрами нарушала элементарные принципы человѣчности и справедливости, систематически возбуждая крестьянъ противъ помѣщиковъ. Масса конфискованныхъ безъ должныхъ основаній имѣній создала интеллигентный пролетаріатъ, не знающій, какъ и за что взяться, и къ житейской борьбѣ неподготовленный. Романисткѣ приходилось переживать крушеніе цѣлаго социальнаго строя, цѣлой фаланги семействъ. Роль бытописателя, художника по преимуществу—была невозможна. Это обездоленное, разрозненное, потерявшееся общество нуждалось въ поддержкѣ, утѣшеніи и наставленіи; все это оказалось у Ожешко, вмѣстѣ съ прекраснымъ знаніемъ среды. Романы ея не могли быть легкимъ, остроумнымъ чтеніемъ; они не могли довольствоваться живописаніемъ различныхъ общественныхъ сферъ; общество страдало, оглушенное громовымъ несчастіемъ: оно потеряло прежній путь и не умѣло обрѣсти новаго. Писатель долженъ былъ по неволѣ сдѣлаться наставникомъ. Будучи художникомъ, даже поэтомъ, Ожешко обладала большимъ политическимъ тактомъ, знаніемъ отношеній, жизненнымъ опытомъ и гражданскимъ мужествомъ. Она могла научить и наставить, и за эту задачу она взялась бодро и смѣло.

Больныхъ мѣстъ въ окружающихъ Ожешко сферахъ было много. Отторженные отъ почвы аристократы предпочитали сомнительную роль въ варшавскихъ или заграничныхъ салонахъ — плодотворной дѣятельности у себя дома; дворянство, владѣвшее крупными имѣніями, мало-по-малу таяло отъ своихъ и наслѣдственныхъ долговъ, отъ неумѣнья ограничивать свои нужды, слѣдовать за требованіями времени, специализироваться въ хозяйственномъ дѣлѣ, отъ котораго зависѣло ихъ существованіе. Недѣльное воспитаніе мужчинъ и женщинъ дѣлало молодое поколѣніе неспособнымъ къ труду и многихъ изъ нихъ губило. Особенно страдали женщины, знавшія всего понемногу и неспособныя къ сколько-нибудь продуктивному труду. Люди, которыхъ поздно уже было перевоспитывать, должны были, въ силу печальной необходимости, стремиться къ изысканію средствъ заработка;

иные падали въ непривычной борьбѣ, меньшинство выходило побѣдителями. Для людей, привязанныхъ узами преданія и привычки къ землѣ, необходимо было бороться съ враждебными элементами.

Наблюдая за этой борьбой, романистка создала цѣлый культъ органическаго труда на родной почвѣ. Общество, огорченное, обиженное и обездоленное, не забывало старыхъ распрей, и одна часть не переставала обезсиловать другую. Предразсудки и увлеченія высшихъ слоевъ шляхетства очень тормазили сближеніе съ мелкопомѣстной, родственной по крови и религіи шляхтой и создавали часто комическія и иногда трагическія положенія. Взаимное недоброжелательство давало лишь лишнее оружіе въ руки врагамъ. Еврейское населеніе, очень многочисленное и могущественное въ краѣ, относилось враждебно къ христіанскому. Однако и въ немъ находились элементы менѣе фанатичные, которые могли бы сыграть роль примирителей двухъ націй, вынужденныхъ жить вмѣстѣ. Впервые въ нѣдра еврейства былъ брошенъ яркій свѣтъ романистской, и перо ея создало такія великолѣпныя повѣсти, какъ „Эли Маковерь“ и „Мееръ Эзофовичъ“.

Талантъ Ожешко—талантъ оптимиста и идеалиста. То, что она рисуетъ, въ высшей степени безотраднo. Сколько жертвъ слѣпoго случая, собственной вины, неумолимаго рока! И при всемъ этомъ ея глубокая вѣра въ то, что вдали свѣтитъ заря обновленія, сообщаетъ бодрость и читателю. Лишь немногія повѣсти Ожешко проникнуты пессимизмомъ. Идеалы не чужды и самымъ темнымъ, отталкивающимъ типамъ Ожешко, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть причину того бодрящаго вліянія, которое оказываетъ ея романъ.

Соціальная сторона повѣстей Ожешко представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ предшествующими имъ произведеніями польской беллетристики. „Аристократизма“ чувствъ романистка, очевидно, не признаетъ. Герои ея повѣстей изъ низшихъ слоевъ общества способны въ патетическимъ, возвышеннымъ чувствамъ, самопожертвованію и милосердію.

Первые романы Ожешко, напр. „Послѣдняя любовь“, обладаютъ техническими недостатками, длиннотами и отступленіями. Однако романистка скоро овладѣваетъ техникой, и лишь немногія ея произведенія изобличаютъ спѣшность работы. По объему и количеству романовъ, повѣстей и новеллъ, Ожешко занимаетъ среди романистовъ выдающееся мѣсто. Если мы постараемся разобратъся въ общей суммѣ произведеній Ожешко, то можно

будеть отмѣтить въ ней нѣсколько общихъ темъ, излюбленныхъ авторомъ. Одной изъ важнѣйшихъ темъ, развиваемыхъ авторомъ, является проповѣдь органическаго труда на родной почвѣ. Эта идея сквозитъ во многихъ романахъ Ожешко, и особенно талантливо проводится въ повѣстяхъ: „Два полюса“, „Братья“, „Семья Брохвичей“. Въ повѣсти „Два полюса“ весь интересъ сосредоточивается на характеристикѣ замѣчательной дѣвушки. Обрекая себя на трудовую жизнь, пожертвовавшая своей молодостью для идеи, Северина отвергаетъ призракъ любви и всѣ свѣтскія удовольствія. Она поступаетъ такъ, какъ поступалъ чтимый ею покойный братъ, и жизнь ея становится служеніемъ на благо человѣчеству; она учитъ, лечитъ, широко благотворитъ. Свою confession de foi Северина излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Красавцы (имѣніе) принадлежатъ не мнѣ, — говоритъ она, — а моему брату Адасю; я буду употреблять изъ этого состоянія для себя столько, сколько это будетъ необходимымъ; остальное отдамъ тому, что онъ любилъ. Душа можетъ пережить тѣло; душа Адася здѣсь будетъ жить тѣмъ, что я все буду дѣлать такъ, какъ бы дѣлалъ онъ, еслибы жилъ“. Северинѣ понравился ея молодой кузень; она готова отплатить ему взаимностью за его горячія чувства, но сознаніе, что замужемъ она будетъ лишена возможности проводить въ жизнь священные обѣты своего брата, заставляетъ ее рѣшительно отклонить предложеніе кузена.

Въ повѣсти „Братья“ романистка выводитъ на сцену двухъ братьевъ: одинъ добился положенія и карьеры, другой жилъ скромно и трудился въ деревнѣ. Всѣ симпатіи романистки на сторонѣ деревенскаго труженика. Въ „Семьѣ Брохвичей“ мы находимъ семью Спунскихъ, трудящуюся послѣ финансоваго крушенія въ городѣ и не гнушающуюся, несмотря на свое шляхетство, торговать въ лавкѣ, шить бѣлье, давать уроки. Совмѣстная трудовая жизнь въ любви и согласіи дѣлаетъ этихъ людей болѣе счастливыми, нежели во дни благоденствія. Я уже замѣтилъ, что въ этихъ и другихъ романахъ Ожешко вопросъ о цѣлесообразномъ трудѣ въ жизни, обязанной своимъ существованіемъ усердію и предпримчивости, всюду ставится Ожешко, и никто не возбуждаетъ въ ней столько негодованія и ироніи, какъ тунеядцы. Ближе всего лежалъ къ сердцу Ожешко, какъ передовой женщины, женскій вопросъ. Это былъ, какъ извѣстно, злободневный вопросъ въ семидесятыхъ годахъ въ русскомъ и польскомъ обществѣ. Ожешко неоднократно выступала по этому вопросу въ публицистикѣ; извѣстны ея статьи о недостаткахъ женскаго воспитанія и образованія, вышедшія отдѣльной книгой

въ нѣсколькихъ изданіяхъ („О женщинахъ“). Эти же идеи она развиваетъ на фонѣ семейныхъ и общественныхъ романовъ. Среди романовъ, затрогивающихъ почти исключительно женскій вопросъ, первое мѣсто занимаетъ „Марта“. Марта—во всѣхъ отношеніяхъ достойная женщина, благороднаго характера, безукоризненнаго поведенія, но воспитанная по-дилеттантски. Она по-дилеттантски знаетъ языки и музыку, домашнее хозяйство, шитье, рисованье, но всѣ эти познанія, будучи несовершенными, не могутъ выручить Марту въ нуждѣ. Страданія этой несчастной женщины, не въ мѣру самолюбивой для своего положенія, бющейся въ нуждѣ, какъ рыба объ ледь, описаны Ожешко въ очень яркихъ и правдивыхъ чертахъ. На всѣхъ поприщахъ труда Марту постигаютъ неудачи. Она оказывается слабой гувернанткой, слишкомъ самолюбивой швеей, и всѣ ея попытки обезпечить себѣ заработокъ оканчиваются неудачей. Для того, чтобы искать легкой наживы, Марта слишкомъ честна. Исчерпавъ всѣ средства, Марта, ради ребенка, продаетъ свое послѣднее сокровище—обручальное кольцо. Когда исчерпался послѣдній ресурсъ, несчастная женщина проситъ милостыню и, получивъ отказъ, похищаетъ въ магазинѣ трехрублевую бумажку. Кража замѣчена, полиція преслѣдуетъ воровку; но Марта попадаетъ подъ омнибусъ, который лишаетъ ее жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безконечнаго горя.

Съ другой стороны подходитъ къ женскому вопросу Ожешко въ повѣсти „Марія“ и романѣ „Дневникъ Вацлавы“. Первая представляетъ собою повѣсть въ видѣ дневника, формѣ, дающей возможность углубить психологическій анализъ. Письма пишутся четырьмя лицами, изъ которыхъ двое играютъ видную роль въ романѣ. Прекрасная дѣвушка выходитъ замужъ за почтеннаго, гораздо старше ея, комммерсанта, который спасаетъ ея состояніе отъ разоренія. Молодая женщина очень уважаетъ своего мужа, страстно любитъ его дѣтей отъ перваго брака, и въ теченіе десяти лѣтъ счастье этой четы, ничѣмъ не нарушается. Однако въ жизни молодой женщины наступаетъ моментъ колебанія и душевной борьбы. Марія полюбила другого, давно любившаго ее, прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка. Несмотря на всѣ искушенія, на благородную уступчивость мужа, Марія остается вѣрной своему долгу и разстается навсегда съ любимымъ человѣкомъ.

Въ этой повѣсти простое и элементарное сознаніе долга противопоставляется понятію о роковой страсти, столь распростра-

ненному въ модныхъ повѣстяхъ. Непреоборимости страсти противопоставляется вѣрное и честное исполненіе долга.

Во многихъ романахъ Ожешко (если не во всѣхъ) такъ или иначе выступаетъ на сцену женскій вопросъ. Романистка наглядно показываетъ, какую пустоту и легкомысленность порождаетъ плохое воспитаніе и недостаточное обученіе женщины. Незнающія ничего, кромѣ модъ и баловъ, молодыя дѣвушки попадаютъ на первую удочку и дѣлаются несчастными на всю жизнь. Жанця Брохвичъ, убѣгающая съ безталаннымъ музыкантомъ, терпѣливо несетъ свой крестъ, полагая, что всѣ идеалы ограничиваются пьянымъ и грубымъ комедіантомъ. Почти всѣ онѣ выходятъ замужъ безъ любви и коротаютъ жизнь въ бездѣйствіи и, иногда, порокѣ. Мальвина Дарвидъ не находитъ для себя ничего лучше, какъ взять въ любовники пустого свѣтскаго кавалера; другія ограничиваются ухаживателями, наглядно обучая флирту взрослыхъ дочерей.

Почти вся галерея женщинъ, выводимыхъ въ романахъ Ожешко изъ жизни аристократіи и обеспеченнаго шляхетства, состоитъ изъ женщинъ, изнѣженныхъ, избалованныхъ, неспособныхъ къ самостоятельной продуктивной дѣятельности. Лишь немногія („Два Полюса“, „Въ клѣткѣ“) способны вести идейную жизнь. Наоборотъ, женщины низшаго шляхетскаго круга соединяютъ трудолюбіе и практичность—съ чертами идеализма, придающими имъ эстетическій характеръ („Надъ Нѣманомъ“, „Вене Nati“ и др.).

Съ наибольшею полнотой и обстоятельностью трактуется женскій вопросъ въ „Дневникѣ Вацлавы“—романѣ, являющемся вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе глубокимъ психологическимъ анализомъ женской души. Вацлава—дочь богатой, свѣтской женщины и почтеннаго ученаго, бракъ съ которымъ семья жены считаетъ мезальянсомъ.

Противорѣчіе характеровъ, наклонностей родителей сказалось весьма рано; супруги разѣхались подъ условіемъ, что единственная дочь ихъ, Вацлава, достигнувъ юношескаго возраста, будетъ поочередно гостить у родителей. Хорошая, но легкомысленная и нѣсколько взбалмошная мать могла бы сдѣлать изъ своей дочери лишь свѣтскую женщину. Вацлава отъ вліянія матери переходитъ подъ вліяніе отца; характеръ ея созрѣваетъ и крѣпнеть, умственный горизонтъ расширяется. Она подаетъ руку помощи матери, которой грозитъ разореніе. Романистка чрезвычайно искусно слѣдитъ за душевнымъ развитіемъ дѣвушки, наблюдаетъ ея увлеченія и сердечныя заботы. Вацлава уходитъ

въ жизнь, которая во многихъ случаяхъ кажется ей непонятной. Ей непонятны скрытыя пружины, управляющія обществомъ, лицемѣріе, тамъ царящее. Она видитъ угодничество и рабскую лесть, оказываемыя бѣдными богатымъ, пустоту золотой молодежи, коварство и измѣну друзей. Поклонники, вызывавшіе симпатію дѣвушки, мало-по-малу разочаровываютъ ее. Одинъ изъ нихъ, кузень Франусъ, оказывается лишеннымъ всякаго самолюбія, позволяя себя третировать теткамъ, у которыхъ онъ живетъ изъ-за куска хлѣба. Другой, гр. Агеноръ, дѣлая предложеніе Вацлавѣ, увѣряя ее въ своей любви, любитъ ее кузину Розалію; обманъ въ-время раскрывается. Третій, прикидывающійся идеалистомъ, заводитъ пашни съ горничной. Все это, къ счастью, не испортило Вацлаву. Въ домѣ отца она вела трудовой образъ жизни и вернулась къ матери зрѣлою умственно и нравственно и уравновѣшенной благодаря вліянію отца. Мать она застаётъ въ чрезвычайно тяжелыхъ обстоятельствахъ, близкою къ разоренію. Главнымъ врагомъ пани Матильды является Генрихъ С., скупившій всѣ ея долговыя обязательства. Всѣ усилія адвоката и Вацлавы не могутъ задержать катастрофу. Мать, не желая вернуть ее къ мужу, котораго она покинула въ періодъ своего благосостоянія, переѣзжаетъ съ дочерью въ городъ. Подготовка, данная Вацлавѣ отцомъ, спасаетъ разорившихся женщинъ отъ нищеты. Общество, среди котораго живетъ Матильда, переживаетъ различные моменты. Вацлава имѣетъ возможность наблюдать, извлекая изъ своихъ наблюденій немалую дозу опыта и поученій. Если не относиться слишкомъ строго къ страннымъ эпизодамъ интриги романа (находка затерянныхъ документовъ, возвращеніе богатства пани Матильды), а вникнуть лишь въ идею романа и характеристику дѣйствующихъ лицъ, то впечатлѣніе получится весьма благопріятное. Въ упрекъ можно поставить романисткѣ лишь резонерство Вацлавы и иныхъ дѣйствующихъ лицъ, рѣчи которыхъ кажутся слишкомъ искусно построенными. Въ общемъ романистка руководилась вѣрными и правдивыми наблюденіями.

Весьма важную группу любимыхъ темъ Ожешко составляютъ мотивы изъ еврейской жизни. Евреи, занимающіе видное мѣсто среди населенія Западнаго края и связанные съ христіанами разнообразными, по преимуществу матеріальными интересами, должны были занять въ романахъ Ожешко видное мѣсто. Эпизодически евреи появляются во многихъ разсказахъ Ожешко; притомъ нигдѣ романистка не позволяетъ себѣ комической ноты; напротивъ, даже у самыхъ закоренѣлыхъ ростовщиковъ (Вигель

въ „Панъ Граба“) отиѣчена глубокая любовь къ своему народу. Въ „Эли Маковеръ“ и „Мееръ Эвофовичъ“ Ожешко даетъ замѣчательныя картины еврейской жизни и въ изображеніи главныхъ представителей этого племени достигаетъ высоты своего художественнаго творчества. „Эли Маковеръ“ принадлежитъ къ числу романовъ съ широкой соціальной и общественной перспективой; онъ изображаетъ процессъ упадка, по преимуществу матеріальнаго, но отчасти и моральнаго, шляхетской среды, подъ вліяніемъ перехода отъ крѣпостнаго къ свободному труду. Въ этомъ процессѣ евреи играютъ выдающуюся роль.

Романъ изобилуетъ очень интересными типами, а главный интересъ фабулы сосредоточивается вокругъ семьи Орховскихъ. Самый старшій представитель этой семьи, Каетанъ Орховскій, заканчиваетъ свой вѣкъ, послѣ крушенія личныхъ и общественныхъ иллюзій. Жена дала ему не много счастья, отстранила отъ него дѣтей, и лишь сынъ Мечиславъ понимаетъ, что дѣлается въ душѣ бѣднаго больного отца. Наслѣдіе Орховскихъ, послѣ смерти главы, распалось на части, причемъ самая большая, но обремененная обязательствами доля досталась Мечиславу. Между тѣмъ противъ Орховскихъ и противъ другихъ крупныхъ и средней руки землевладѣльцевъ евреи составили заговоръ экспроприаціи. Во главѣ заговора сталъ знаменитый купецъ Эли Маковеръ, задавшійся цѣлью, вмѣстѣ со своими многочисленными единомышленниками, принизить и обездолить столь недавно сильное и вліятельное сословіе родовитой шляхты. Арендуя имѣнія, ссужая болѣе легкомысленныхъ деньгами, потворствуя всякимъ слабостямъ молодежи, Эли Маковеръ и его приспѣшники успѣли, въ сравнительно непродолжительное время, довести многихъ помѣщиковъ до разоренія. Однимъ изъ немногихъ владѣльцевъ, не поддавшихся никакимъ искушеніямъ, и бодро трудившимся для семьи, былъ Мечиславъ Орховскій, женившійся на бѣдной и умной гувернанткѣ, терпѣвшей великія притѣсненія отъ ограниченныхъ, кичливыхъ баръ. Противъ этого стойкаго Орховскаго были безсильны всѣ происки Маковера, но онъ нашелъ достойнаго помощника въ лицѣ нѣкоего Порицкаго, потомка древняго рода, прикрывавшаго гербомъ свои низменныя продѣлки агента посреднической конторы.

При помощи этого Порицкаго, Эли наноситъ Орховскому рѣшительный ударъ. Порицкій заставляетъ обольщенную имъ сестру Мечислава, Лили Ренчицъ, потребовать возврата ея доли. Въ моментъ неминимаго крушенія Орховскаго спасаетъ заступ-

ничество отца Эли, престарѣлаго портного Юдея. Старикъ помянуть добрыя къ нему отношенія отца Мечислава, и спасаетъ послѣдняго, запретивъ Эли губить Орховскихъ. Эли повинуется отцу, и не только спасаетъ Мечислава отъ интриги Цорицкаго, но и ссужаетъ его деньгами на веденіе образцоваго хозяйства. Въ романѣ противопоставлены два общества, одно отживающее, другое — преисполненное силъ, стремящееся къ богатству и захвату. Первое состоитъ изъ разрозненныхъ, враждующихъ другъ съ другомъ членовъ, второе — солидарная, послушная мановенію Эли община. Первое общество быстро сходитъ по наклонной плоскости; второе при дружныхъ усиліяхъ быстро поднимается въ гору. Еврейская среда изображена Ожешко съ совершенствомъ; мы видимъ рядъ пластичныхъ художественныхъ фигуръ. Высокая гуманность, которою романистка одаряетъ стараго портного Юдея, вполне логично исходитъ изъ глубокой житейской мудрости, которую этотъ старецъ приобрѣлъ вслѣдствіе своего жизненнаго опыта и многолѣтнихъ размышленій.

Второй романъ исключительно изъ еврейской жизни — „Мееръ Эзофовичъ“. Это — одно изъ лучшихъ произведеній Ожешко. Странно, но несомнѣнно, что польскіе романисты, до послѣдняго времени, мало интересовались народомъ, входившимъ въ составъ населенія Польши и Литвы.

Впервые Нѣйцевичъ своимъ романомъ „Лейбе и Сора“ обратилъ вниманіе соотечественниковъ на евреевъ. Комизмъ нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ еврейства охотно эксплуатировался беллетристами, особенно въ послѣднее время, но никто не заглядывалъ такъ глубоко въ психологію еврейскаго народа, какъ Ожешко. Въ „Меерѣ Эзофовичѣ“ она проявила замѣчательное знакомство съ чуждой ей еврейской средой. Романистка раскрыла ея внутренній міръ. Она изучила еврейскій языкъ и своеобразную литературу. Она уловила начатки прогрессивнаго движенія въ еврействѣ и борьбу ихъ съ отсталостью и фанатизмомъ.

Романистка указываетъ и на генезисъ этихъ прогрессивныхъ элементовъ въ отдаленномъ прошломъ, въ ученіи Маймонида. Ученіе и жизнь караимовъ равнымъ образомъ извѣстны романисткѣ. вмѣстѣ съ Мееромъ и его предкомъ читатель невольно вдается въ мечтанія о будущемъ единеніи народовъ въ духъ истинной культуры и человечности. Трудно передать обаяніе этого „chef d'oeuvre“ Ожешко — своеобразный ориентализмъ, воспроизводимый романисткой. Нигдѣ — ни шаржа, ни преувеличенія. Къ убѣжденіямъ двухъ противоположныхъ партій романистка относится съ одинаковымъ вниманіемъ. Привлекательный образъ главнаго дѣйствующаго

шаго лица, Меера Эзофовича, остается въ памяти читателя на всю жизнь. Еврейское общество выступаетъ передъ нами во всемъ разнообразіи его разновидностей. Очень тонко схвачены характерныя особенности его психики и міросозерцанія. Наконецъ, романъ полонъ возвышенныхъ гуманныхъ идей, отличается широкимъ социальнымъ кругозоромъ, всеобъемлющей любовью къ человѣчеству. Исаакъ Тодросъ—темный, жестокій фанатикъ,—становится человѣчнымъ, если мы вдумаемся въ его жизнь, полную лишений, въ его милосердіе и снисходительность къ вѣрнымъ, его своеобразное рвеніе объ израильскомъ народѣ. Въ романѣ есть рядъ типичнѣйшихъ еврейскихъ фигуръ, которыя запечатлѣваются въ памяти разъ навсегда. Романистка мечтаетъ съ Мееромъ о лучшемъ будущемъ для Израиля, когда евреи станутъ истинными гражданами своей страны и братьями христіанству.

Къ еврейскимъ повѣстямъ относится и комическій рассказъ „Сильный Самсонъ“; здѣсь находимъ комизмъ совершенно вѣшняго характера. Въ сущности въ глубинѣ души Самсона скрывается трагедія: жалкій, грязный еврей, обреченный на бѣдствія, чувствуетъ себя способнымъ на высшія дѣла.

Особенно много вниманія Ожешко посвящаетъ шляхетству во всѣхъ его разновидностяхъ.

Неудивительно: это сословіе по численности и общественной роли является первымъ. Отъ бѣлаго очерка вродѣ „Прерванная пѣснь“, гдѣ молодой князь, подъ фамиліей своего секретаря, ухаживаетъ за бѣдной дочерью чиновника, повидимому, влюбляется въ нее, но когда ему предлагаютъ жениться на ней—разражается гомерическимъ хохотомъ,—до того ему кажется невѣроятной женитьба на незнатной дѣвушкѣ,—отъ этой повѣсти-фрагмента до великолѣпной эпопеи „Надъ Нѣманомъ“ мы находимъ всѣ фазисы этого рода повѣсти, посвященной шляхтѣ. Ожешко жестоко казнить шляхту въ романѣ „Помпалинскіе“. Романъ пронизанъ сатирическимъ элементомъ. Изображается богатая семья шляхты, купившая себѣ графскій титулъ въ Римѣ, кичащаяся своимъ мнимымъ знатнымъ происхожденіемъ и богатствомъ. Старшій представитель этого рода, Святославъ, изъ-за родовой спѣсы пренебрегъ чувствомъ бѣдной родственницы и сдѣлалъ изъ нея, въ послѣдствіи богачки, злѣйшаго врага своей семьи. Это, впрочемъ, умный и тонкій человѣкъ; его ни въ коемъ случаѣ нельзя сравнивать съ братомъ Августомъ, легкомысленнымъ прожигателемъ жизни, имѣющимъ столь же достойнаго сына. Интрига ювѣсти состоитъ въ романѣ одного изъ Помпалинскихъ, Цезаря,

съ небогатой и незнатной дѣвушкой, которая измѣняетъ своему жениху и выходитъ за его двоюроднаго брата, а также въ злобной интригѣ, которую всю жизнь ведетъ противъ Святослава отвергнутая имъ родственница. Ударъ, постигшій Цезаря (отказъ невѣсты), сдѣлалъ изъ этого неловкаго, безвольнаго, но очень добраго человѣка весьма полезнаго общественнаго дѣятеля. Онъ принимается за работу и дѣлаетъ много добра. Параллельно съ дворцомъ Помпалинскихъ мы видимъ жилища разорившихся помѣщиковъ; одного изъ нихъ спасаетъ отъ голодной смерти Цезарь. Въ заключеніе семья Помпалинскихъ распадается на двѣ группы: одна поддерживаетъ традиціи рода, посредствомъ удачныхъ браковъ и связей, другая (Цезарь и его родственникъ Павелъ) идетъ по трудовому пути; симпатіи романистки—на сторону послѣдней.

Романъ, несмотря на нѣкоторыя сатирическія преувеличенія, изобилуетъ очень тонкими психологическими наблюденіями и характеристиками.

Въ одинаковой степени шляхетской сферѣ посвященъ романъ „Семья Брохвичей“, о которомъ мы упоминали выше; счастье и здѣсь выпадаетъ на долю трудолюбивыхъ и трудоспособныхъ людей.

Съ полнымъ совершенствомъ Ожешко умѣетъ описывать низшіе, близко стоящіе къ крестьянству слои шляхетскаго общества. Въ этомъ отношеніи особенно интересны повѣсть „Bene Nati“ и романъ „Надъ Нѣманомъ“. Въ „Bene Nati“ дѣйствіе происходитъ между лицами одной категоріи—мелкопомѣстной шляхты. Интрига повѣсти: любовь богатой шляхтянки Саломеи и старшаго лѣсника Юрія—крестьянина. Саломея любитъ Юрія, но родовая гордость брата и сестеръ мѣшаетъ ея браку, и она рѣшается отдать руку богатому шляхтичу. Юрій—въ большомъ горѣ отъ этой неудачи, но находитъ себѣ утѣшеніе въ лицѣ прелестной дочери арендатора Кулеша, давно его любившей.

Саломея, однако, уступивъ минутной слабости, не перестала любить своего прежняго жениха. Она убѣжала изъ дома наканунѣ свадьбы и случайно наткнулась на свадьбу Юрія. Это такъ повліяло на нее, что несчастная дѣвушка пыталась броситься въ прорубь; къ счастью, подоспѣвшій во время ея родственникъ Габрысь убѣдилъ Саломею остаться въ живыхъ.

Повѣсть реалистична по замыслу и исполненію и лишній разъ свидѣтельствуетъ объ отличномъ знакомствѣ романистки съ шляхетскими сферами.

„Надъ Нѣманомъ“—настоящая эпопея шляхетской жизни.

Цѣлый рядъ разнообразныхъ шляхетскихъ типовъ, превосходно составленная интрига, весьма интересная фабула. Представители шляхты изображены сильными и мѣткими красками.

Бенедиктъ Корчинскій, помѣщикъ среднего достатка, неутомимый хозяинъ, заботливый семьянинъ, имѣетъ подругой жизни совершенно ничтожную, сантиментальную женщину, заботящуюся лишь объ удовлетвореніи своихъ такъ-называемыхъ эстетическихъ потребностей. Она въ деревнѣ не находитъ себѣ дѣла и стремится къ великосвѣтской, празднои жизни.

Мужу она служитъ помѣхой и разореніемъ. Другая чета—Кирло. Мужъ—провинціальный ловеласъ, жена—трудолюбивая, усердная хозяйка, держащая въ порядкѣ хозяйство и дѣла. Мужъ, мнящій себя эстетомъ, запустилъ дѣла по имѣнію.

Весьма типичны преисполненные традицій и сознанія своего достоинства шляхтичи Богатыровичи, оправдывающіе польскую поговорку: „Szlachcic na zagrodzie gównu jest wojewodzie“. Это—чрезвычайно трудолюбивое выносливое и самолюбивое поколѣніе. Соприкасаясь со знатью, Богатыровичи сумѣли проломить брешь въ стѣнѣ, отдѣляющей ихъ отъ богатой шляхты, романомъ двухъ поколѣній (Марта и Ансельмъ, Юстина и Янекъ); лишь младшее поколѣніе, отрѣшившись отъ предрасудковъ, успѣваетъ достигнуть согласія и счастья. Цѣлый рядъ персонажей шляхетской сферы выступаетъ на яркомъ фонѣ прекраснаго нѣманскаго пейзажа. Великолѣпная въ своей скорби, достойная названія матроны, вдова Андрея Корчинскаго посвящаетъ всю свою жизнь памяти мужа и воспитанію неудачнаго сына.

Сынъ ея Зигмунтъ усвоилъ всѣ тонкости западной культуры, былъ влюбленъ въ Юстину, небогатую кузину, потомъ женился на очаровательной Клотильдѣ и вновь, но безуспѣшно пытался вернуться къ прежней симпатіи.

Ружицъ, великолѣпный типъ изнѣженнаго морфиниста, — по странному капризу изнервничавшагося человѣка влюбляется въ Юстину и дѣлаетъ ей предложеніе. Талантливый музыкантъ Оржельскій, отецъ Юстины, чрезвычайно жалокъ въ своей безпомощности и отсутствіи всякаго самолюбія. Витольдъ, сынъ Корчинскаго, привлекаетъ своей прямою и искренностью своего характера и дѣлается женихомъ Марины Кирло. Романъ представляетъ разнообразную и пеструю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣльную картину довольно обширнаго района, рисуетъ много интересныхъ этнографическихъ особенностей мелкопомѣстной шляхты. Романъ проникнутъ истинно демократическимъ духомъ, и романистка вполне права, когда указываетъ на возможность

оздоровленія высихъ слоевъ общества брачными союзами со свѣжими силами еще неиспорченныхъ ложной культурой труженниковъ и усвоенія ихъ трудового, а потому нравственнаго образа жизни.

Въ романѣ есть и искренній юморъ. Здѣсь вы найдете несравненное описаніе природы. Знакомство романистки съ мѣстной ботаникой и зоологіей—весьма замѣчательное.

Разносторонность таланта Ожешко заставляетъ ее приниматься за обработку темъ, которыя ее привлекають глубиной психологіи главнаго дѣйствующаго лица и проблемами, связанными съ этой психологіей. Лучшими представителями этой категоріи являются: „Аргонавты“, „Павъ Граба“ и „На днѣ совѣсти“. „Аргонавты“ — очень серьезное литературное произведение. Герой—Дарвидъ — крупный финансистъ, упорствомъ и силой характера достигшій миллионнаго состоянія. Семья Дарвида, кромѣ главы, неоднократно покидавшего ее изъ-за дѣлъ, состоитъ изъ слабохарактерной матери, кутилы сына, Марія, и двухъ дочерей. Старшая, Ирена, унаслѣдовала сильную волю отца; младшая, полуребенокъ Кара, отличается голубиной кротостью и мягкостью характера. Въ отсутствіе мужа, Мальвина Дарвидъ вступила въ интимную связь съ нѣкимъ Краницкимъ, очень свѣтскимъ человѣкомъ, добрымъ, но легкомысленнымъ малымъ, посвящавшимъ юнаго Марія Дарвида въ тайны свѣтской жизни и холостыхъ кутежей.

По возвращеніи изъ продолжительнаго путешествія, Дарвидъ-отецъ узнаетъ о своемъ позорѣ. Гордый, сильный и властолюбивый, Дарвидъ не могъ простить какоюсь женою ея проступка, подавлялъ убитую женщину своимъ презрѣніемъ и, наконецъ, со всѣмъ разошелся съ семьей.

Любимицей Дарвида была младшая дочь его Кара, съ нѣжной, отзывчивой душой. Случайно узнала Кара о семейномъ разладѣ, и это такъ на нее повліяло, что она умышленно простудилась и, несмотря на всѣ старанія врачей, умерла отъ скоротечной чахотки.

Смерть любимаго ребенка не сблизила, а еще болѣе разединила родителей. Дарвидъ мужественно выдержалъ напоръ бѣдствій, блестяще велъ свои дѣла, но, наконецъ, силы его истощились, и онъ повончилъ счеты съ жизнью самоубійствомъ. Романисткѣ на рѣдкость удалось нарисовать рядъ весьма цѣльных и пластичныхъ характеровъ. Дарвидъ — стальной человѣкъ, одаренный сильной волей. Въ рѣшительныя минуты онъ уподобляется шальному игроку и ставитъ все на карту.

Въ своемъ побѣдоносномъ шествіи Дарвидъ забываетъ о семьѣ и является самъ виновникомъ измѣны своей жены. Съ ужасомъ узнаетъ онъ о своемъ позорѣ. Дарвидъ отталкиваетъ отъ себя старшую дочь и приводитъ младшую къ катастрофѣ.

Превосходно изображена Мальвина Дарвидъ, ея дѣти и второстепенныя лица романа. Дѣйствіе въ „Аргонавтахъ“ сосредоточивается въ средѣ одного сословія, а характеръ Дарвида поглощаетъ всѣ прочіе. Душевный процессъ, которымъ Дарвидъ приходитъ къ самоубійству, изложенъ романисткой послѣдовательно, съ глубокимъ знаніемъ психологіи.

Опытъ изображенія алчнаго и склоннаго къ злодѣяніямъ характера представляетъ одно изъ раннихъ произведеній Ожешко — „Панъ Граба“. Герой романа — шулеръ и мотъ — лишенъ даже элементарныхъ проблесковъ доброты, но притомъ слишкомъ нерѣшителенъ, чтобы сдѣлаться злодѣемъ. Онъ жестокъ съ женой, неумолимъ для партнеровъ и производитъ впечатлѣніе маніака.

Неполнѣ удачна и жена Грабы, принесшая не только ненужную, но и бесполезную жертву. Граба въ сущности — нравственный уродъ, и романистка совершила ошибку, заполняя этимъ характеромъ романъ. Ожешко, много думавшая и наблюдавшая, интересовалась всегда живучестью положительнаго нравственнаго элемента въ сердцѣ человѣка. Даже злодѣи у нея имѣютъ часы просвѣтленія и раскаянія. Она твердо вѣритъ, что хотя бываютъ преступленія, послѣдствія которыхъ неисправимы, все же сила раскаянія и удовлетвореніе потерпѣвшихъ можетъ уменьшить вину. На эту тему написанъ романъ „На днѣ совѣсти“. Дѣйствіе происходитъ въ городской сферѣ и объединяется честолюбивымъ чиновникомъ Дембелинскимъ, изъ-за карьеры совершившимъ подлогъ.

Особенно интересны въ романѣ представители мелкаго чиновничьяго люда съ ихъ однообразной, убогой жизнью. Превосходно написанъ портретъ мелкаго адвоката Суцица, спустившагося съ высей идеаловъ юности до самыхъ низкихъ сдѣлокъ съ совѣстью.

Полонъ юмора типъ маленькаго канцеляриста Валерія, мнящаго себя потомкомъ императорскаго рода. Герой романа, Анатолій Дембелинскій, производитъ впечатлѣніе чего-то дѣланнаго, а его позднее раскаяніе неспособно доставить внутренняго удовлетворенія. Слишкомъ много жизней разбито подлогомъ Дембелинскаго, которому романистка даетъ утѣшительницу въ лицѣ прекрасной и богатой дѣвушки! Благодарный тезисъ романистки менѣе удачно разработанъ въ этомъ романѣ, нежели въ предыдущихъ.

Я уже замѣтилъ, что Ожешко слѣдуетъ считать вполне демократической писательницей. Она знаетъ всѣ общественныя сферы и изображаетъ ихъ превосходно. Мелкопомѣстная жизнь, изображенная въ „Vene Nati“ и „Надъ Нѣманомъ“, дополняется прекрасной жанровой повѣстью „На провинцію“. Эта повѣсть замѣчательна не только по своему жанровому колориту, — она изображаетъ искреннюю, чистую любовь и позднее раскаяніе молодой несчастной женщины, легкомысленно отвергшей своего перваго жениха, котораго она въ глубинѣ души своей всегда любила. Столь же хорошъ и честный, вѣрный ей женихъ Топольскій, любившій въ своей невѣстѣ ея душу и простившій всѣ ея заблужденія.

Вполнѣ ориентирована Ожешко во всѣхъ составныхъ частяхъ низшихъ слоевъ общества. Ея новеллы изъ простонародной жизни отличаются яркимъ реализмомъ и задушевностью. Первое мѣсто среди этихъ рассказовъ слѣдуетъ отвести повѣсти „Хамъ“. Интересъ этой повѣсти сосредоточивается вокругъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, представляющихъ двѣ разновидности родной среды. Простой, честный и добрый рыбакъ, живущій упорнымъ трудомъ, противопоставляется своей женѣ, истеричной служанкѣ провинціального города, прошедшей до замужества всевозможныя мытарства. Художественное чутье романистки заставило вложить въ душу „Хама“ (такъ звала его жена) глубокую человѣчность, всепрощеніе и незлобивость. Художественное чутье придало характеру Франки (такъ звали жену рыбака) трагизмъ, сопровождающій преступленіе на высшихъ его ступеняхъ. Франка упорно мститъ мужу за благодѣянія, а онъ съ такимъ же упорствомъ прикрываетъ ея злодѣянія. Несчастливая женщина отъ злобы и досады налагаетъ на себя руки. Рыбакъ окружаетъ нѣжной заботливостью ея ребенка. „Хамъ“ — одно изъ лучшихъ произведеній Ожешко; мы встрѣчаемъ здѣсь блестящія описанія природы и глубину психологическаго анализа.

Изъ народной или международной жизни — повѣсть „Сильвекъ Могильщикъ“. Романистка раскрываетъ здѣсь тайны городской провинціальной жизни, муть, находящуюся на днѣ грустнаго и монотоннаго житейскаго моря.

Въ домѣ престарѣлаго могильщика Луки и его жены Настаси находятъ пріютъ мальчикъ Сильвестръ, — плодъ любви красивой служанки и богатаго барича. По неизвѣстнымъ причинамъ мать Сильвека забываетъ о своемъ обѣщаніи помогать старикамъ, и Сильвекъ терпитъ побои и голодъ. Онъ работаетъ, какъ умѣетъ, и входитъ въ сношенія съ подобными ему бездомными уличными

мальчишками. Важнымъ событіемъ въ жизни Сильвека является посѣщеніе могильщика народнымъ учителемъ Кемпой, яркимъ социалистомъ. Кемпа ведетъ среди убогой молодежи пропаганду, вооружая ихъ противъ имущихъ своими страстными и убѣдительными рѣчами. Когда Лука лишился мѣста, а жена его не пережила крушенія, онъ изъ могильщика превратился въ шарманщика, а Сильвекъ—въ уличнаго плясуна. Сильвекъ поражалъ публику красотой и ловкостью движеній. Однажды онъ обратилъ на себя вниманіе богатаго помѣщика Торжица, котораго поразило сходство мальчика съ женщиной, когда-то имъ любимой. Проповѣдь Кемпы приносила своеобразные плоды, и многіе изъ его учениковъ становились заурядными ворами и мошенниками. Сильвекъ долго не поддавался внушеніямъ Кемпы, но, наконецъ, и онъ пришелъ къ выводу, что борьба съ богатыми необходима. Онъ намѣтилъ себѣ жертвой Торжица. Къ счастью для Торжица, его племянникъ, сообщникъ Сильвека, спасъ дядю своимъ внезапнымъ появленіемъ. Преступники были преданы въ руки правосудія. Кемпа, здѣсь присутствовавшая, злорадно доказываетъ Торжицу, что преступникъ—его сынъ. Убитый этимъ открытіемъ, Торжицъ тщетно старается спасти Сильвека. Сильвека уводятъ въ тюрьму, откуда онъ выйдетъ закоренѣлымъ злодѣемъ, не подозревая, что тотъ, на жизнь котораго онъ посягалъ, былъ его отецъ.

Повѣсть о Сильвекѣ подкупаетъ читателя яркостью красокъ, живымъ изображеніемъ характеровъ и глубиной основной идеи, сближающей этотъ романъ съ „Обѣтованной землей“ Бурже. Въ обоихъ произведеніяхъ различными путями романисты приходятъ къ заключенію, что къ такъ называемымъ „увлеченіямъ молодости“ нельзя относиться поверхностно, и что они губятъ непоправимыя ни въ чемъ существа.

Мы подходимъ къ концу нашей статьи, далеко не исчерпавъ всего богатства мотивовъ повѣстей Ожешко. Особенными художественными достоинствами отличаются ея новеллы. Вспомнимъ исторію взлелѣяннаго родителями „милорда“, предки котораго гончарнымъ искусствомъ составили себѣ нѣкоторое состояніе. „Милордъ“ сталъ подражать аристократамъ и въ скоромъ времени разорился. Романистка ставитъ вопросъ: кто виноватъ въ трагедіи юноши? Онъ—или мать?

Превосходная новелла, проникнутая истиннымъ чувствомъ состраданія и милосердія—„А, В, С“. Здѣсь описывается убогая учительница, изъ состраданія къ заброшеннымъ дѣтямъ обучавшая ихъ на дому. Ее обвиняютъ въ незаконномъ преподаваніи и

приговариваютъ къ тюрьмѣ, замѣняемой значительнымъ штрафомъ. Братъ дѣвушки, бѣдный канцеляристъ, закабаляетъ себя на всю жизнь ростовщику, чтобы спасти сестру отъ позора.

Новелла „Въ зимній вечеръ“ — прекрасная картинка изъ крестьянской жизни. Въ мирную семью является неизвѣстный странникъ въ сочельникъ Рождества. Изъ его разсказовъ становится очевидно, что это — бѣглый каторжникъ, наведшій страхъ на всю окрестность. Еще далѣе выясняется, что передъ нами — давно пропавшій безъ вѣсти сынъ старика хозяина. Отецъ узнаетъ сына, спасаетъ отъ напасти, тайкомъ благословляетъ его. Бродяга, прослезившись, уходитъ. Любовь къ отцу жила въ немъ, несмотря на совершенныя злодѣянія и многолѣтнюю каторгу.

Столь же жизненные и свѣтлые мотивы мы находимъ въ другихъ повѣстяхъ и новеллахъ. Въ новеллѣ „Свѣтъ въ развалинахъ“ бездѣльно скучающая женщина находитъ просвѣтъ въ поддержкѣ, оказанной дряхлому старцу, всѣми покинутому. Въ новеллѣ „Австралиецъ“ молодой человекъ, дѣлающій карьеру, подъ вліяніемъ обстановки окружающихъ его трудовыхъ людей, рѣшаетъ покинуть службу, чтобы трудиться съ природой и для природы.

Изъ сказаннаго могло уясниться значеніе многолѣтняго литературнаго служенія Ожешко. Она заняла видное мѣсто и въ отечественной, и во всемирной литературѣ. Она соединила качества высоко одареннаго художника съ качествами моралиста и философа. Она изображала различные слои общества, раскрывала его язвы и предоставляла средства для уврачеванія. Ея діагнозы были вѣрны, а средства указывались въ органическихъ силахъ природы и труда. Ожешко — оптимистъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Она вѣритъ въ лучшія стороны человѣческой природы; она не видитъ непреодолимыхъ помѣхъ сближенію людей между собою. Въ лицѣ этой романистки человѣчество имѣетъ талантливаго художника и благороднаго гражданина.

Л. ШЕПЕЛЕВИЧЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1907.

Теоретикъ обскурантизма и конституція 1906-го года. — Реформа, революція или государственный переворотъ?—Мнимая вина „кодификаторовъ“.—Возможна ли неизмѣняемость верховной власти?—Сложная верховная власть и ея факторы.—Предстоящій процессъ о выборгскомъ воззваніи.—Движеніе законодательныхъ работъ прежде и теперь.—В. А. Половцовъ †.

Мобилизируя, въ виду приближенія выборовъ, всё свои наличныя силы, „истинно-русскіе“ реакціонеры рѣшили подкрѣпить привычныя для нихъ выкликанія и извѣщенія мало свойственною имъ діалектикою. Они нашли въ своихъ рядахъ доктринера, взявшаго на себя теоретическое обоснованіе ихъ вождельній. Въ докладахъ, представленныхъ петербургскому „клубу умѣренныхъ и правыхъ“ и московскому „монархическому собранію“ и напечатанныхъ, затѣмъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 166 — 172), г. Л. Тихомировъ старается раскрыть „недостатки конституціи 1906-го года“. Замѣтимъ, прежде всего, что хотя въ заглавіи этого произведенія и въ первыхъ его параграфахъ слово *конституція* поставлено въ кавычкахъ, тѣмъ не менѣе всё дальнѣйшія разсужденія автора исходятъ изъ признанія основныхъ законовъ 1906-го года составляющими, въ сущности, именно конституціонныхъ, т.-е. вводящими Россію въ категорію государствъ конституціонныхъ. Аргументація автора сводится къ обнаруженію несовершенствъ новаго строя—такихъ несовершенствъ, изъ-за которыхъ онъ долженъ быть радикально измѣненъ или вовсе уничтоженъ; но измѣнить или уничтожить можно только то, что существуетъ. Оставаясь на почвѣ, избранной г. Тихомировымъ, единомышленники его уже не въ правѣ утверждать, что у насъ нѣтъ конституціи.

Основные законы 1906-го года, по мнѣнію г. Тихомирова, не были ни реформой, ни даже революціей: послѣдняя „санкціонируется ка-

кою-нибудь высшей волей, имѣющею учредительныя права“,—а у насъ измѣненіе верховной власти „не имѣло никакихъ учредительныхъ полномочій ни отъ народа, ни отъ царя“. Въ виду такой „полной самовольности“, это измѣненіе представляется г. Тихомирову „*юсударственнымъ переворотомъ*“.—Да, манифестъ 17-го октября 1905-го года и основанные на немъ законы нельзя назвать *реформой*; они были направлены не къ частичному усовершенствованію дѣйствовавшего порядка, а къ замѣнѣ его другимъ, существенно отъ него отличнымъ. Не вполне примѣнимъ къ нимъ и терминъ: *революція*, потому что они шли сверху, а не снизу—но еще меньше подходитъ къ нимъ выраженіе: *юсударственный переворотъ*, съ которымъ неразрывно связано понятіе о внѣ-легальномъ, ищущемъ опоры только въ грубой силѣ посягательствѣ власти на законныя права народа. Напрасно, такимъ образомъ, г. Тихомировъ начинаетъ свою аргументацію съ жонглированья словами: оно не подвигаетъ его ни на шагъ къ его цѣли. Напрасно онъ говоритъ о высшей волѣ, *санкционирующей* революцію: такая санкція, сводящаяся, въ сущности, къ простому признанію совершившагося факта, слѣдуетъ за настоящей революціей, т.-е. за насильственнымъ ниспроверженіемъ или произвольнымъ паденіемъ государственнаго строя¹⁾, а ни того, ни другого у насъ въ 1905-6 г. не произошло.

Переходя отъ словъ къ дѣлу, г. Тихомировъ ставитъ себѣ чрезвычайно трудную задачу: онъ берется доказать, что „попытка переимѣны субъекта верховной власти совершена *безъ уполномочія монарха*“. Въ содержаніи манифестовъ, какъ предшествовавшихъ *конституціи* 1906-го года, такъ и послѣ нея появившихся, нельзя—увѣрять г. Тихомировъ—„найти присутствія воли императора на замѣну его верховной власти какою-либо иною“. Относительно манифестовъ 26-го февраля 1903-го и 6-го августа 1905-го года не можетъ быть, съ этой точки зрѣнія, никакого спора: утверждая, что въ нихъ нѣтъ ничего конституціоннаго, г. Тихомировъ ломится въ открытую дверь. Но что же онъ скажетъ о манифестѣ 17-го октября, отъ котораго всецѣло зависитъ рѣшеніе вопроса? Буквально—вотъ что: „должно обратить вниманіе, что этотъ манифестъ не отмѣняетъ предписанія предъиду-

¹⁾ Пояснимъ нашу мысль прижѣромъ. Первый актъ великой французской революціи закончился въ ту минуту, когда Генеральныя Штаты, по собственному побужденію и вопреки волѣ короля, провозгласили себя Учредительнымъ Собраніемъ; санкція, данная этому акту утвержденіемъ конституціи 1791-го года, была его логическимъ результатомъ. Второй актъ революціи—переходъ отъ монархіи къ республикѣ—совершился тогда, когда король былъ взятъ подъ стражу и созвано собраніе, не предусмотрѣнное конституціей; постановленіемъ Національнаго Конвента этотъ актъ былъ только оформленъ.

щаго о сохраненіи неприкосновенною ст. 1-ой тогдашнихъ основныхъ законовъ (провозглашавшей императора всероссійскаго монархомъ самодержавнымъ и *неограниченнымъ*), а потому кодификаторы не получили права истолковывать выраженіе о *незыблемомъ правилѣ* думскаго одобренія въ смыслѣ ограниченія власти императора“. О формальномъ правѣ „кодификаторовъ“ мы скажемъ ниже; теперь замѣтимъ только, что манифестъ 17-го октября, замѣняя совѣщательную Думу Думою рѣшающею, очевидно отмѣнилъ ту часть манифеста 6-го августа, въ силу которой „оставлялся неприкосновеннымъ основной законъ россійской имперіи о существѣ самодержавной власти“. Когда послѣдующій законъ безусловно несомнѣтеленъ съ предъидущимъ, онъ уничтожаетъ его дѣйствіе, хотя бы это и не было выговорено прямо— а въ несомнѣстности манифестовъ 6-го августа и 17-го октября не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Единственный аргументъ, приводимый г. Тихомировымъ противъ обычнаго пониманія манифеста 17-го октября, не заслуживаетъ даже названія софизма: это—просто продуктъ буквѣйства, доводящаго до ослѣпленія.

Не выше цѣна и тѣхъ соображеній г. Тихомирова, которыя касаются манифеста 20-го февраля 1906-го года. И въ этомъ государственномъ актѣ не говорится ни слова объ *отмѣнѣ* чего-либо установленнаго манифестомъ 6-го августа: ergo — онъ также не давалъ кодификаторамъ права исключать изъ основныхъ законовъ постановленіе о неограниченности власти императора. Въ манифестѣ 20-го февраля сказано, притомъ: „мы постановляемъ впредь *общимъ правиломъ*, что со времени созыва Государственного Совѣта и Государственной Думы законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы“. Г. Тихомировъ придаетъ большое значеніе тому, что „двукратное требованіе совѣтскаго и думскаго одобренія выражается не словомъ *законъ*, а словомъ *правило*; правило далеко не есть законъ, а только *руководство къ поведенію*“. Предоставляя самимъ читателямъ приискать подходящее названіе для такого разсужденія, ограничимся указаніемъ, что *общее правило*, о которомъ идетъ рѣчь въ манифестѣ, есть *постановленіе* императора, бывшаго въ данный моментъ — какъ сказано въ другомъ мѣстѣ статьи г. Тихомирова— „законною верховною властью“. Не г. Тихомирову, слѣдовательно, и не его единомышленникамъ подобаетъ колебать значеніе такихъ *общихъ правилъ*.

Не желая или не умѣя видѣть, что ограниченіе императорской власти вытекаетъ не изъ того или другого отдѣльнаго слова, сказаннаго 17-го октября и 20-го февраля, а изъ рѣшающаго значенія, даннаго Государственной Думѣ, г. Тихомировъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что не былъ пущенъ въ ходъ одинъ изъ указываемыхъ имъ

способовъ обезцвѣченія и обезсиленія манифестовъ¹⁾, и заканчиваетъ прямымъ обвиненіемъ „кодификаторовъ“ въ непониманіи воли Государя. Читая статью г. Тихомирова, можно подумать, что дѣло происходило такъ: всѣ акты, касающіеся преобразованія государственнаго строя, были переданы на усмотрѣніе кодификаціонной коллегіи, отъ которой и зависѣло извлечь изъ нихъ, такъ или иначе, рядъ постановленій, взаимѣнъ прежнихъ основныхъ законовъ. Въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ иное. Самая смѣлая „фигура умолчанія“ не можетъ заставитьъ забыть о такихъ несомнѣнныхъ фактахъ, какъ Высочайшая надпись: „Быть по сему“ на новомъ текстѣ основныхъ законовъ и Именной указъ 23-го апрѣля 1906-го года, при которомъ они препровождены въ Прав. Сенатъ. „Въ видахъ укрѣпленія *обновляемаго* государственнаго строя“ — сказано въ этомъ указѣ, — „Мы повелѣли свести во едино постановленія, имѣющія значеніе основныхъ государственныхъ законовъ, и дополнить ихъ положеніями, точиѣе разграничивающими область принадлежащей Намъ нераздѣльно власти верховнаго государственнаго управленія отъ власти законодательной. Начертанные на сихъ основаніяхъ, *по предугазаніямъ Нашимъ*, основные государственные законы Мы признаемъ за благо утвердить“. Не странно ли, затѣмъ, говорить о новыхъ основныхъ законахъ, какъ о произведеніи „кодификаторовъ“, не уразумѣвшихъ или извратившихъ волю монарха? Не ясно ли, что, противопоставляя законодательную власть *нераздѣльной* власти верховнаго управленія, Именной указъ 23-го апрѣля, согласно съ ст. 7-ой основныхъ законовъ, прямо призналъ первую изъ этихъ властей *раздѣленною*, т.-е. ограниченной?

Не довольствуясь увѣреніемъ, что въ государственныхъ актахъ 1905-го и 1906-го гг. не содержится „измѣненія верховной власти“, г. Тихомировъ отрицаетъ самую возможность такого измѣненія, „въ виду характера полномочій носителя верховной власти, врученной дому Романовыхъ земскимъ соборомъ 1613-го года“. „Верховная, а потому и неограниченная власть императора“ — читаемъ мы дальше — „не есть его частная собственность, а политическая обязанность, освященная божественнымъ призваніемъ. Еще при объявленіи его наслѣдникомъ онъ даетъ присягу соблюдать законы о престолонаслѣддіи, въ коихъ (ст. 178 прежнихъ и 222 новыхъ основныхъ законовъ) императоръ опредѣляется какъ *неограниченный Самодержецъ*. Это обязательство повторяется и при вступленіи на престолъ. При священномъ

¹⁾ О нравственномъ и юридическомъ достоинствѣ этихъ способовъ даетъ понятіе слѣдующій примѣръ: „требованіе непремѣннаго одобренія могло быть введено въ законъ *въ видѣ примѣчанія*, съ сохраненіемъ выраженія *правило*“. Итакъ, примѣчаніе, введенное въ текстъ закона, имѣетъ меньшую силу, чѣмъ статья, къ которой оно относится?!

коронаваніи императоръ принимаетъ корону и прочія регаліи послѣ рѣчи митрополита, говорящаго отъ имени народа (1) и объясняющаго ихъ значеніе, какъ символовъ царской верховной власти, и слѣдовательно самымъ фактомъ принятія регалій коронующійся выражаетъ свое обязательство пребыть именно тою властью, которая ему вручается, во имя воли Божіей, какъ *служеніе*. При такихъ фамилныхъ и личныхъ обязательствахъ императора, ни одинъ членъ правительства, облеченный обязанностью кодификаціи, не имѣлъ права предположить, будто бы воля императора состояла въ измѣненіи носимой имъ верховной власти *безъ всякаго соотвѣщенія о семъ съ народомъ*“. Въ другомъ мѣстѣ своей статьи г. Тихомировъ указываетъ на то, что „со стороны народа не было никакихъ ясныхъ требованій, внушительныхъ петицій въ пользу измѣненія верховной власти; выработка конституціи не была совершена какимъ-нибудь земскимъ соборомъ, и конституціи не была, затѣмъ, ни повергнута на рѣшеніе земскихъ соборовъ, ни отдана на всенародное голосованіе“. Въ подтвержденіе своего взгляда на неизмѣняемость императорской власти г. Тихомировъ приводитъ извѣстныя слова Карамзина, обращенныя къ императору Александру I-му: „Россия вручила самодержавію твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти: иной не имѣешь. Можешь все, но не можешь законно ее ограничить“.

Устранимъ сначала изъ аргументаціи г. Тихомирова все очевидно невѣрное и лишнее всякаго значенія. Сюда относится ссылка на ст. 222 основн. зак., изъ которой уже не разъ пытались вывести неприкосновенность *неограниченной* самодержавной власти. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что слова: *неограниченный самодержецъ* уцѣлѣли въ этой статьѣ только по недосмотру: учрежденіе императорской фамиліи, въ составъ котораго она входитъ, вовсе не подверглось передѣлкѣ и совершенно механически введено въ новую редакцію основныхъ законовъ. Вся статья относится, притомъ, только къ членамъ императорской фамиліи; только для нихъ, слѣдовательно—если толковать статью буквально и не считать ее отчасти потерявшей свою силу—императоръ и остается *неограниченнымъ* самодержцемъ. Къ числу законовъ о престолонаслѣдіи ст. 222-ая вовсе не принадлежитъ: они изложены въ ст. 25—39 осн. зак. Въ формѣ присяги наслѣдника (прилож. III къ осн. госуд. зак.) дѣйствительно говорится о соблюденіи постановленій, относящихся къ наслѣдію престола; такое же обязательство, за силою ст. 39 осн. зак., принимаетъ на себя и императоръ, при вступленіи на престолъ и миропомазаніи—но развѣ порядокъ престолонаслѣдія опредѣляетъ собою сущность и предѣлы верховной власти? Развѣ основные законы возлагаютъ на императора обя-

зательство „свято наблюдать“, наравнѣ съ порядкомъ престолонаслѣдія, неограниченность императорской власти? Развѣ комическія усилія г. Тихомирова вывести такое обязательство изъ рѣчи, произносимой митрополитомъ при коронованіи, и изъ символическаго смысла коронаціонныхъ регалій не обнаруживаютъ съ полною ясностью всю безнадёжность поддерживаемой имъ темы? Развѣ обрядъ коронованія предрѣшаетъ значеніе и характеръ освящаемого имъ сана? Корновались и конституціонные короли (Карлъ X во Франціи, Вильгельмъ I въ Пруссіи); коронуются до сихъ поръ англійскіе монархи— а ограниченность ихъ власти признана всѣми, начиная съ нихъ самихъ. Такихъ выраженій, которыя можно было бы истолковать какъ обѣщаніе охранять неограниченность самодержавія, нѣтъ и въ молитвѣ, произносимой императоромъ „по возложеніи на себя короны и воспріятіи скипетра и державы“ (примѣч. 2-ое къ ст. 58 основн. законовъ).

Обязательство *соблюдать* тотъ или другой законъ, тотъ или другой порядокъ не должно быть, притомъ, смѣшиваемо съ обязательствомъ *оставлять его навсегда неизмѣннымъ*. Въ новѣйшей исторіи извѣстенъ примѣръ такого смѣшенія, какъ нельзя лучше иллюстрирующій его несостоятельность и его опасность. Со времени изгнанія Стюартовъ короли англійскіе обѣщали, при коронованіи, исполнять законы, ограничивавшіе права католиковъ. Когда Питтъ (младшій), проводя унію Ирландіи съ Великобританіей, призналъ необходимымъ укрѣпить ее путемъ эманципаціи католиковъ, Георгъ III, передъ тѣмъ нѣсколько разъ впадавшій въ безуміе, отказалъ въ своемъ согласіи на эту мѣру, потому что видѣлъ въ ней нарушеніе коронаціонной присяги. Питтъ вышелъ въ отставку; лучшіе плоды уніи были потеряны; вражда ирландцевъ къ Англіи постоянно обострялась и, четверть вѣка спустя, грозила вооруженнымъ возстаніемъ. Новый король, Георгъ IV, долго не рѣшался отступить отъ политики своего отца, но *консервативное* министерство (Пилля и Веллингтона) настояло на своемъ, и давню необходимая мѣра была, наконецъ, осуществлена, не вполнѣ успокоивъ страну именно вслѣдствіе своей запоздалости. Теперь для всѣхъ ясно, что колебанія двухъ королей, очень дорого стоявшія какъ Ирландіи, такъ и Англіи, исходили изъ простаго недоразумѣнія. Коронаціонная присяга имѣла въ виду предупредить такія *правонарушенія*, такія *злоупотребленія* властью, какія были допущены Іаковомъ II; она должна была обезпечить *исполненіе* законовъ, пока они существуютъ, а не увѣковѣчить ихъ *неизмѣнное существованіе*. Въ государственной жизни нѣтъ и не можетъ быть, вообще, ничего вѣчнаго; ея основной законъ—движеніе; все въ ней возникаетъ, измѣняется, уничтожается, сообразно съ требованіями времени. Не составляютъ исключенія изъ

общаго правила и формы верховной власти. Три столѣтія — періодъ времени болѣе чѣмъ достаточный для возникновенія потребности въ ихъ обновленіи.

Въ чемъ бы ни заключались, слѣдовательно, постановленія земскаго собора 1613-го года, законная возможность перехода къ другому образу правленія, къ другой организаціи верховной власти не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Не входя въ подробное обсужденіе вопроса о содержаніи этихъ постановленій, замѣтимъ только, что онъ разрѣшается вовсе не такъ просто и не такъ безспорно, какъ кажется г. Тихомирову. Есть много оснований утверждать, что власть, восстановленная въ 1613 г., вовсе не была неограниченною, что первый царь изъ дома Романовыхъ подписалъ ограничительную записку и что именно потому земскіе соборы, во все продолженіе его царствованія, играли гораздо большую роль, чѣмъ когда бы то ни было раньше или позже. Чему могъ вѣрить Карамзинъ, при тогдашнемъ положеніи исторической науки, то не должно быть выдаваемо за аксіому въ настоящее время. Повторяемъ, впрочемъ: историческая сторона вопроса имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, весьма второстепенное значеніе. Гораздо важнѣе освѣтить тѣ политическія дебри, въ которыя ведетъ оспариваемый нами взглядъ. Г. Тихомировъ допускаетъ, повидимому, что порядокъ вещей, созданный (т.-е. *будто бы* созданный) земскимъ соборомъ 1613-го года, могъ бы быть измѣненъ „какимъ-либо“ земскимъ соборомъ и, затѣмъ, всенароднымъ голосованіемъ. Каковъ же долженъ былъ быть составъ этого собора, какими правами, какою властью онъ долженъ былъ располагать, кто долженъ былъ быть допущенъ къ участию въ голосованіи и какъ оно должно было происходить? На всѣ эти вопросы можетъ быть дано безчисленное множество отвѣтовъ, одинаково произвольныхъ, такъ какъ формы, существовавшія три столѣтія тому назадъ — если бы онѣ и были до мельчайшихъ подробностей извѣстны — оказались бы непримѣнимыми къ условіямъ настоящаго времени, столь отличнымъ отъ тогдашнихъ. Неизбѣжно выступило бы на сцену политическое творчество — или, по терминологіи завзятыхъ охранителей старины, политическое сочинительство. Неизбѣжными, затѣмъ, оказались бы и возраженія: всякій шагъ впередъ былъ бы опротестованъ, какъ несогласный съ „завѣтами предковъ“. Тѣ самые господа, которые проливаютъ теперь крокодиловы слезы надъ отсутствіемъ земскаго собора и всенароднаго голосованія, не преминули бы возопить: „Что это за земскій соборъ, ничего, кромѣ имени, не имѣющій общаго съ своими предшественниками! Къ чему всенародное голосованіе, небывалое въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкѣ!“ Теорія, защищаемая г. Тихомировымъ, упирается, такимъ образомъ, въ безнадежный тупикъ: отрицая возможность ограниченія импера-

торской власти свободнымъ актомъ самого монарха, она осуждаетъ государство на неподвижность, равносильную смерти.

Перечисляя ошибки, сдѣланныя „модификаторами“ основныхъ законовъ, г. Тихомировъ замѣчаетъ, между прочимъ, что *общее правило*, требующее для новыхъ законовъ одобренія Государственной Думы, могло бы быть „оговорено какъ правило установленное императоромъ въ руководство властямъ собственно *во время его правленія* или *впредь до отмычки*“. Итакъ, съ точки зрѣнія г. Тихомирова переимѣна „образа дѣйствій“, равносильная переимѣнѣ образа правленія, допустима не только каждый разъ, когда воцаряется новый императоръ, но и во всякое время? Хороша, нечего сказать, была бы монархія, лишенная, такимъ образомъ, главнаго своего преимущества: устойчивости, постоянства! Не трудно себѣ представить, какова была бы судьба государства, въ которомъ все, въ каждый данный моментъ, могло бы быть поставлено вверхъ дномъ, въ которомъ никто не могъ бы ручаться за завтрашній день! Самъ, можетъ быть, того не замѣчая, г. Тихомировъ выражаетъ готовность замѣнить монархію худшею формою деспотіи, ни на чемъ и ни передъ чѣмъ не останавливающейся, ничѣмъ не сдерживаемой, слѣдующей только внушеніямъ минуты. Вполнѣ понятенъ и, въ сущности, неизбѣженъ обдуманнѣйшій, спокойнѣйшій, *безповоротнѣйшій* переходъ со старой дороги, приведшей къ самому краю пропасти, на новый путь, общій всѣмъ цивилизованнымъ государствамъ: но совершенно ненормальны и крайне опасны скачки то въ одну, то въ другую сторону, впередъ, назадъ, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ.

Добавочное доказательство тому, что манифесты 17-го октября и 20-го февраля ничего не измѣнили въ характерѣ императорской власти, г. Тихомировъ находитъ въ манифестѣ 3-го іюня нынѣшняго года. Въ этомъ манифестѣ—воскликаетъ г. Тихомировъ—„Государь Императоръ заявилъ свое право, и даже обязанность, измѣнить самолично избирательный законъ, хотя это ему возбранялось законами, сочиненными въ 1906-мъ году. При этомъ Государь Императоръ прямо объясняетъ, что создавалъ Думу какъ учрежденіе обязанное содѣйствовать его державной волѣ, въ имъ указанныхъ цѣляхъ, и давалъ выборнымъ права только для исполненія ихъ обязанностей. Слѣдовательно, Императоръ имѣлъ въ виду учрежденіе *служебное*, а вовсе не какого-либо новаго носителя верховной власти“. Что учрежденіе, свободное одобреніе котораго необходимо для дѣйствительности новаго закона, не можетъ считаться учрежденіемъ *служебнымъ*, что слова манифеста: „согласно Державной волѣ Нашей“, относясь только къ основной цѣли призыва народныхъ представителей—успокоенію Россіи,—вовсе не возлагаютъ на Думу обязательства содѣйствовать испол-

женію не ея принятыхъ рѣшеній — это не требуетъ поясненія; но г. Тихомировъ одинаково невѣрно толкуетъ какъ отдѣльныя выраженія, такъ и идею манифеста 3-го іюня. Въ августовской общественной хроникѣ нашего журнала было уже указано, что общій смыслъ манифеста прямо говорить за существованіе у насъ конституціоннаго строя. Отъ требованій этого строя признано было нужнымъ, въ одномъ случаѣ, отступить, но во всемъ остальномъ они провозглашаются неизмѣнными. Истинный характеръ отступленія освѣщенъ нами съ достаточною ясностью въ іюльскомъ внутреннемъ обозрѣніи.

Дальше идутъ разсужденія г. Тихомирова о существѣ верховной власти, еще меньше выдерживающія критику, чѣмъ толкованіе, данное имъ государственнымъ актамъ 1905—1906 гг. Опредѣляя атрибуты верховной власти, „хотя бы и по конституціонному праву“, онъ находитъ, что она „заключаетъ въ себѣ всѣ частныя подраздѣленія власти: ей принадлежитъ законодательная власть, ей же принадлежатъ въ основѣ и осуществленіе закона, т.-е. власть судебная и исполнительная“. Только „для удобства дѣйствія“ власть раздѣляется между учрежденіями законодательными, исполнительными и судебными, „которыя въ отношеніи другъ ко другу независимы, но всѣ они истекаютъ отъ суверена и ему подчинены; каждая отдѣльная власть ограничена, но суверенъ неограниченъ“. Приведя извѣстную формулу о неограниченности власти англійскаго парламента, который можетъ сдѣлать все, кромѣ превращенія мужчины въ женщину или обратно, г. Тихомировъ спрашиваетъ себя, гдѣ же у насъ власть, которая, на основаніи законовъ 1906-го года, можетъ сдѣлать все — и отвѣчаетъ, что такой власти нѣтъ. Почему? Потому что императору дано лишь одно наименованіе верховной власти, но права его ограничены со всѣхъ сторонъ, въ законодательствѣ, въ управленіи, въ судѣ. Не создана, съ другой стороны, и сложная верховная власть, изъ императора и двухъ палатъ: назначеніе министровъ предоставлено одному императору, вслѣдствіе чего Государственный Совѣтъ и Государственная Дума являются учрежденіями подчиненными. Они не имѣютъ даже принадлежащаго каждому гражданину права возбуждать вопросы объ измѣненіи нѣкоторыхъ отдѣловъ законодательства. Между тѣмъ, каждый изъ носителей верховной власти долженъ имѣть, и въ отдѣльности взятый, характеръ верховенства... Изъ отсутствія верховной власти вытекаетъ невозможность организациі правильнаго правительства и установленія ясной политики. Положить конецъ господствующей у насъ анархіи можетъ только „постоянное дѣйствіе ясной верховной власти, увѣренное въ своей прочности и правѣ“.

Совершенно напрасно г. Тихомировъ ссылается на неограниченность могущества, признаваемаго за англійскимъ парламентомъ — со-

вершено напрасно потому, что спорный вопрос касается не объема власти, принадлежащей монарху *вмѣстѣ съ палатами* („королю въ парламентъ“), а объема власти, принадлежащей одному монарху. Всемогущество парламента, какъ сложнаго цѣлаго, несомнѣнно, хотя формула, его выражающая, никогда вполнѣ не переходитъ въ жизнь и должна быть понимаема *cum grano salis*; множество разнообразныхъ условій сдерживаютъ его въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ теченіемъ времени скорѣе суживающихся, чѣмъ расширяющихся. Даже въ теоріи судебную власть нельзя назвать *подчиненною* парламенту: она можетъ быть имъ преобразована, перестроена, но пока существуетъ установленный для нея порядокъ, ея рѣшенія, состоявшіяся въ этомъ порядкѣ, неприкосновенны для самого парламента. Нельзя говорить и о подчиненности законодательной власти, потому что всемогущество принадлежитъ парламенту именно какъ носителю законодательныхъ функций. Всемогущимъ, съ этими оговорками, представляется не только англійскій парламентъ, но и всякій другой комплексъ факторовъ, обремененныхъ, въ конституціонномъ государствѣ законодательною властью¹⁾. Весьма различно положеніе cadaго изъ этихъ факторовъ, разсматриваемаго въ отдѣльности — весьма различно какъ юридически, такъ и фактически; но во всякомъ случаѣ только ихъ *совмѣстною* дѣятельностью движется и живетъ государство, только имъ *вмѣстѣ* взятымъ, слѣдовательно, принадлежитъ верховная власть. Съ г. Тихомировымъ можемъ, поэтому, согласиться лишь въ одномъ: власть императора, въ томъ видѣ, какой ей данъ манифестами 17-го октября и 20-го февраля и построенными на нихъ новыми основными законами, неправильно названа *верховною*, если соединять съ этимъ выраженіемъ понятіе *суверенитета*. Но въ государственной жизни важно не наименованіе учреждений — важна ихъ сущность, опредѣляемая объемомъ правъ и свойствомъ функций. „Верховный“, „самодержавный“ — это титулы, унаслѣдованные отъ невозвратнаго прошлаго; прежде за ними стояло реальное содержаніе — теперь они обратились въ украшеніе, присвоенное высокому сану.

Въ конституціонной монархіи верховная власть, въ смыслѣ суверенитета, неизбежно является раздѣленной между нѣсколькими факторами. Неограниченнымъ не можетъ быть ни одинъ изъ нихъ, въ отдѣльности взятый. Ограниченіе власти монарха — основная, характерная черта конституціоннаго строя; гдѣ его нѣтъ, тамъ мыслимъ только абсолютизмъ. Такое ограниченіе несомнѣнно имѣлось въ виду

¹⁾ Къ числу такихъ факторовъ можетъ принадлежать и народъ (т.-е. политически полноправная часть народа), если въ странѣ принята система референдума или плебисцита.

и у насъ, когда состоялся манифестъ 17-го октября. Недостатокъ новыхъ основныхъ законовъ заключается не въ томъ, что оно ими проведено, а въ томъ, что оно не осуществлено ими съ надлежащею послѣдовательностью и полнотою. Во всякомъ случаѣ ими создано именно то, что г. Тихомировъ называетъ *сложною* верховною властью. Какъ ни скудны, во многихъ отношеніяхъ, права Государственной Думы, она ни съ какой стороны и ни въ какомъ смыслѣ не можетъ считаться учрежденіемъ *подчиненнымъ*. Ей ничего не можетъ быть предписано; въ предѣлахъ своей компетенціи она независима и свободна. Независимъ *de jure* — хотя, быть можетъ, и не *de facto* — Государственный Совѣтъ. Если Думѣ и Совѣту не предоставлено инициативы въ измѣненіи основныхъ законовъ, то это еще не значитъ, что имъ отказано въ правѣ, принадлежащемъ каждому отдѣльному гражданину: указать на необходимость и желательность перемѣны они безспорно могутъ, только не въ формѣ законопроекта. Неравноправностью факторовъ законодательной власти отнюдь не устраняется, притомъ, основное начало конституціоннаго строя — *раздѣленіе верховенства*. Въ Англіи, напримѣръ, палата лордовъ не въ правѣ видоизмѣнять финансовыя билли, обязательно разсматриваемыя сначала палатою общинъ. На выборъ министровъ палата лордовъ не имѣетъ ни юридически, ни фактически ни малѣйшаго вліянія: недоувѣріе, выраженное ею министерству, проходитъ совершенно безслѣдно. Въ Австріи, въ германской имперіи, въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ назначеніе министровъ зависитъ отъ монарха, весьма часто вовсе не руководствующагося при этомъ желаніемъ палатъ. Совершенно ошибочно, такимъ образомъ, утвержденіе г. Тихомирова, что каждый изъ носителей сложной верховной власти, въ отдѣльности взятый, долженъ имѣть „характеръ верховенства“ и быть вполне равноправенъ съ остальными. Такой равноправности нѣтъ даже при господствѣ парламентаризма: въ Англіи, напримѣръ, палата общинъ имѣетъ безспорный перевѣсъ не только надъ палатою лордовъ, но и надъ королемъ; во Франціи палата депутатовъ несравненно сильнѣе сената. Тѣмъ меньше о равноправности можетъ быть рѣчь въ конституціонныхъ не-парламентарныхъ государствахъ, о которыхъ г. Тихомировъ какъ бы забылъ, хотя именно къ ихъ числу въ настоящее время принадлежитъ Россія. „Что же выйдетъ“ — спрашиваетъ онъ, — „если министры не станутъ исполнять постановленнаго закона? Что сдѣлаютъ палаты? Онѣ могутъ сдѣлать запросъ; но что будетъ если министры не обратятъ на это вниманія? Въ тѣхъ конституціяхъ, гдѣ палаты суть составныя части верховной власти, министры будутъ низвергнуты, отданы подъ судъ и т. д. Наши палаты такихъ правъ не имѣютъ. Ясно, что онѣ не носятъ характера верховной власти“. Нѣтъ, совсѣмъ не ясно. Низ-

вергнуть министерство не можетъ ни германскій рейхстагъ, ни прусскій сеймъ—а между тѣмъ никому не приходитъ въ голову утверждать, что верховной власти въ германской имперіи или въ прусскомъ королевствѣ вовсе нѣтъ—или что она принадлежитъ всецѣло императору-королю. Безспорно, конституціонализмъ, не дошедшій до парламентаризма, представляетъ серьезныя неудобства: больше при немъ шансовъ столкновѣнія между палатами и монархомъ, больше препятствій къ осуществленію назрѣвшихъ преобразованій, меньше увѣренности въ послѣдовательномъ и полномъ ихъ проведеніи. Вполнѣ совмѣстимо съ нимъ, однако, „постоянное дѣйствіе ясной верховной власти, увѣренное въ своей прочности и правѣ“; вполнѣ возможна плодотворная работа, какъ показываетъ, на примѣръ, исторія соціального законодательства въ Германіи. Необходимо только одно: искреннее усвоеніе всѣхъ особенностей конституціоннаго режима, рѣшительный разрывъ съ традиціями и приемами абсолютизма.

Съ остальными обвиненіями, вводимыми г. Тихомировымъ на конституцію 1906-го года, можно покончить въ немногихъ словахъ. Конституція, по мысли теоретика „Московскихъ Вѣдомостей“, должна была сдѣлать изъ Думы „дѣловое, рабочее, подчиненное учрежденіе“. Другими словами, никакой конституціи создавать не слѣдовало, а нужно было только кое-что почистить и подновить въ старомъ законодательномъ механизмѣ. Возражать противъ такого взгляда—значило бы напрасно терять слова. Конституція—читаемъ мы дальше—„искажила понятіе о дѣйствіи въ порядкѣ верховнаго управленія“. Чѣмъ? Тѣмъ ли, что она черезчуръ расширила его предѣлы, въ ущербъ правамъ законодательныхъ собраній? Нѣтъ: тѣмъ, что она поставила его въ слишкомъ узкую рамку. Надлежало установить „постоянную готовность дѣйствія въ порядкѣ верховнаго управленія“, такъ, чтобы всегда можно было „поправить“ этимъ путемъ „неудачно составленные законы или неумѣлое ихъ примѣненіе“. Къ чему привело бы совмѣстное существованіе двухъ законодательныхъ факторовъ: ординарнаго и экстраординарнаго, съ подчиненіемъ перваго второму—это не требуетъ поясненія... Конституція „приводитъ къ необходимости дѣйствовать внѣ-законнымъ порядкомъ и этимъ подрываетъ уваженіе къ законности“. Да, изданіе законовъ внѣ установленнаго порядка несомнѣнно подрываетъ уваженіе къ законности,—но г. Тихомировъ не доказалъ и не могъ доказать, чтобы такое изданіе было *необходимо*. Во всякомъ случаѣ единичное отступленіе отъ закона, даже весьма существенное, менѣе вредно, чѣмъ предлагаемое г. Тихомировымъ непрерывное вторженіе „верховнаго управленія“ въ законодательную область... Конституція „въ корнѣ подрываетъ гегемонію русскаго народа въ имперіи“. Въ истинно-конституціонномъ государствѣ немн-

слима неравноправность національностей, сколько-нибудь культурныхъ. Предоставить политическія права однимъ русскимъ, значило бы поставить цѣлость имперіи подъ охрану одной лишь внѣшней силы — охрану недостаточную и несомвѣстную съ дѣйствительнымъ торжествомъ права и правды. Да и что это былъ бы за народъ, который, имѣя на своей сторонѣ громадный перевѣсъ числа, нуждался бы еще въ какихъ-то искусственныхъ средствахъ вліянія на другія національности? Утверждая, что „подрывъ русской гегемоніи въ имперіи составляетъ подрывъ самой имперіи“, г. Тихомировъ выдаетъ очень плохую аттестацію — не русскому народу, у котораго слишкомъ мало общаго съ его самозванными защитниками, а себѣ самому и своимъ единомышленникамъ, все и всѣхъ низводящимъ до своего невысокаго уровня.

Отстаивая конституцію 1906-го года отъ нападений, подрывающихъ ее въ самомъ корнѣ и направленныхъ къ ея полному уничтоженію, мы, конечно, далеки отъ признанія ея совершенною или даже сколько-нибудь удовлетворительною. Недостатковъ въ ней очень много, но они прямо противоположны тѣмъ, которые усматриваютъ въ ней „истинно-русскіе люди“. Съ нашей точки зрѣнія важно, прежде всего, установить, что конституція существуетъ и, слѣдовательно, возвращеніе къ старому порядку вещей было бы настоящимъ государственнымъ переворотомъ. Необходимо стать, рѣшительно и твердо, на конституціонную почву и, не сходя съ нея, приступить къ усовершенствованію новаго порядка. Необходимо исполнить всѣ обѣщанія, данныя манифестомъ 17-го октября, и устранить все то, что съ ними не согласно. Необходимо пересмотрѣть, съ этой точки зрѣнія, основные законы 1906-го года, а также всѣ временныя правила, изданныя въ междудумье и не рассмотрѣнныя второю Думой, и избирательный законъ 3-го іюня 1907-го года. Необходимо водворить то внутреннее согласіе между народнымъ представительствомъ и министерствомъ, безъ котораго немислимъ правильный ходъ государственной жизни. Необходимо, однимъ словомъ, нѣчто прямо противоположное тому, что рекомендуется реакціонными элементами въ обществѣ и печати. Такія произведенія, какъ разобранная нами статья г. Тихомирова, полезны именно и только въ качествѣ указателя дороги, по которой не слѣдуетъ идти.

Прошло болѣе года со времени составленія такъ-называемаго выборскаго воззванія — и только на дняхъ получилъ огласку обвинительный актъ, которымъ обвиняемые по этому дѣлу предаются суду с.-петербургской судебной палаты. Обстоятельства, за это время, пе-

ремѣнились настолько, что самое преслѣдованіе бывшихъ членовъ первой Государственной Думы представляется явнымъ анахронизмомъ. Выборгское воззваніе было актомъ политической борьбы, теперь вступившей въ совершенно другой фазисъ. Разсматриваемое въ исторической перспективѣ, оно является ошибкой, а не преступленіемъ—ошибкой сознанный и потому неопасной. Ожидать ея повторенія нѣтъ ни малѣйшаго повода. Между тѣмъ, многіе изъ подписавшихъ воззваніе могутъ сослужить Россіи, въ переживаемыя ею тяжелыя минуты, большую службу. Не такъ велико у насъ число выдающихся политическихъ дѣятелей, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ надолго или навсегда закрывать для цѣлой ихъ группы доступъ къ государственной и общественной жизни. Вредъ, сопряженный съ обвинительнымъ приговоромъ, не будетъ уравновѣшенъ пользой отъ формальнаго „торжества правосудія“—если и допустить, что такимъ торжествомъ было бы подведеніе обвиняемыхъ подъ 3 пунктъ 129 ст. уголовного уложенія. Юридическая шаткость обвиненія была указана въ печати еще тогда, когда оно только что возникало. Достаточно припомнить, что доказано лишь участіе обвиняемыхъ въ *составленіи* выборгскаго воззванія—а ст. 129-ая караетъ *распространеніе* противозаконныхъ сочиненій.

Преувеличить значеніе предстоящаго процесса старается изъ всѣхъ силъ реакціонная печать. Она называетъ его „процессомъ первой Думы“, какъ будто бы судятся не отдѣльныя лица, а цѣлое учрежденіе. „Собралась первая Дума“—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“—„и совершила рядъ тяжкихъ государственныхъ преступленій, за которыя не потерпѣла никакого наказанія, исключая выборгскаго воззванія“. Что же это за преступленія, совершенныя Думой? Очевидно—ея постановленія, шедшія въ разрѣзъ съ желаніями и взглядами правительства. Итакъ, рѣшенія законодательнаго собранія подлежатъ не только суду исторіи, но и уголовному суду?.. „Собирается вторая Дума“—читаемъ мы дальше,—„и въ ней снова повторяется государственное преступленіе, уже доходящее до замысловъ царубійства. Каково будетъ наказаніе преступниковъ? Россія не знаетъ“. Россія знаетъ, что никакихъ преступленій не совершалось ни второю Думою, ни во второй Думѣ; противъ нѣкоторыхъ ея членовъ возбуждено *обвиненіе*, еще не разсмотрѣнное судомъ и, слѣдовательно, не доказанное, но возбуждено по поводу дѣйствій, совершенныхъ *внѣ Думы*. Извративъ, такимъ образомъ, значеніе процесса, реакціонная газета переходитъ къ запугиванью суда. Отъ голоса суда зависитъ, по ея словамъ, „чрезвычайно многое въ ближайшихъ судьбахъ Россіи вообще, а въ частности и въ исходѣ выборовъ въ третью Думу. Если приговоръ суда будетъ соотвѣтствовать страшной тяжести преступленія лицъ,

составившихъ выборгское воззваніе, народъ увидить, что русское государство существуетъ и не допускаетъ той тяжкой измѣны, каковую составляетъ попытка его разрушенія силами государственныхъ же учреждений. Увидавъ такую твердость государственнаго самосознанія, всѣ люди, преданные существующему государству, почувствуютъ свои силы удесатеренными, а революціонные элементы поймутъ, что ихъ замыслы — безплодныя химеры“. И все это ожидается отъ одного судебного приговора? Да развѣ мало было до сихъ поръ судебныхъ рѣшеній, направленныхъ противъ революціонныхъ элементовъ? Развѣ дѣло суда — проявлять „государственное самосознаніе“? Развѣ его призваніе не исчерпывается примѣненіемъ закона къ данному факту? Если въ народѣ зародилось сомнѣніе въ „существованіи государства“, то развѣ оно можетъ быть устранено хотя бы и самымъ строгимъ наказаніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ?

Центръ тяжести аргументаціи, какъ бы подсказываемой суду, заключается въ томъ, что выборгское воззваніе имѣло въ виду не „возбужденіе къ неповиновенію и противодѣйствію закону“ — какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, — а „*ниспроверженіе существующаго государства*“. Правосудіе, по мнѣнію самозванныхъ его совѣтчиковъ, „должно показать, сомнѣвается ли государство въ самомъ себѣ, склоняется ли оно къ мысли, что, можетъ быть, оно и не имѣетъ права поддерживать свой *принципъ*“. Суду навязывается, такимъ образомъ, совершенно чуждая ему задача: онъ призывается къ рѣшенію политическаго спора или, лучше сказать, къ участію въ немъ въ качествѣ стороны, къ нискожденію на арену, гдѣ нѣтъ мѣста для безпристрастія. Да и что значить *ниспроверженіе государства*? Наше уголовное уложеніе знаетъ „ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя“, знаетъ „насилъственное посягательство на измѣненіе образа правленія или порядка наслѣдія престола“; но ему незнакомо понятіе, сочиненное „Московскими Вѣдомостями“. Какъ бы многого ни оставлялъ желать современный судъ, на путь сочинительства, куда его толкаютъ, онъ, нужно надѣяться, не вступитъ.

Второй Государственной Думѣ, какъ и первой, до сихъ поръ безпрестанно ставится въ вину недостатокъ трудоспособности и серьезнаго законодательнаго творчества. Не мѣшаетъ, поэтому, почаще вспоминать о томъ, въ какой степени быстро и успѣшно подвигалась у насъ законодательная работа въ недавно закончившемся періодѣ нашей исторіи. Возьмемъ, для примѣра, уголовное уложеніе. Составлялось оно редакціонной комиссіей въ теченіе *четырнадцати лѣтъ* — срокъ весьма продолжительный, если принять во вниманіе относи-

тельную простоту дѣла и обиліе западно-европейскихъ образцовъ, во многомъ примѣнимыхъ къ русской жизни ¹⁾). Три года, затѣмъ, проектъ уложенія разсматривался въ министерствѣ юстиціи и въ другихъ вѣдомствахъ. Внесенный, наконецъ, въ Государственный Совѣтъ, онъ былъ переданъ въ „особое совѣщаніе“, обсуждавшее его цѣлыхъ три года, потомъ перешелъ въ „особое присутствіе“, гдѣ оставался больше года, и только въ мартѣ 1903 года, черезъ *двадцать два года* послѣ учрежденія редакціонной комиссіи, получилъ Высочайшее утвержденіе. Определеннаго срока для введенія его въ дѣйствіе назначено не было, да и не могло быть назначено, потому что не были своевременно приняты необходимыя для того подготовительныя мѣры (напр. устройство исправительныхъ домовъ). Были назначены новыя комиссіи, работа которыхъ, повидимому, не закончена и по настоящее время. Лѣтомъ 1904 года дѣйствію уложенія подчинены дѣла о государственныхъ преступленіяхъ. Позднѣйшія уголовныя новеллы, довольно многочисленныя и далеко не маловажныя, приурочиваются отчасти къ старому, отчасти къ новому уложенію. Отсюда цѣлый рядъ вопиющихъ аномалій, ярко освѣщенныхъ въ прекрасной статьѣ В. Д. Набокова: „Современное положеніе нашего уголовного законодательства“ („Право“, № 30). Теперь, по справедливому замѣчанію В. Д. Набокова, „уже невозможно введеніе въ дѣйствіе уголовного уложенія иначе, какъ въ порядкѣ законодательномъ, ибо подлежитъ введенію не уложеніе, утвержденное 22-го марта 1903 года, а новый кодексъ, значительно измѣненный“. Старый порядокъ, такимъ образомъ, и въ этой области оставилъ наслѣдство запутанное, обремененное долгами. Государственная Дума имѣетъ передъ собою, по его винѣ, два уголовныхъ кодекса; къ числу ея задачъ, безъ того крайне трудныхъ и сложныхъ, присоединяется еще одна, завѣщанная ей медлительностью и несовершенствомъ отжившаго законодательнаго механизма. Позволительно ли, затѣмъ, упрекать Государственную Думу за незначительность результатовъ, достигнутыхъ ею въ теченіе полуугодовой, прерванной по срединѣ работы? Позволительно ли удивляться, что въ этотъ короткий срокъ думскія комиссіи, встрѣчавшія на своемъ пути препятствія всякаго рода, не закончили, большею частью, своихъ трудовъ? Гораздо удивительнѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ — на примѣръ комиссія о мѣстномъ судѣ — успѣшно справились съ своимъ дѣломъ. Она существовала всего три мѣсяца — а комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, учрежденная при министерствѣ юстиціи въ 1894 г.,

¹⁾ Приведемъ, для сравненія, слѣдующій фактъ. Сѣверо-германскій союзъ былъ основанъ въ 1867 г., а къ 1870-му году было уже готово уголовное уложеніе союза, настолько удовлетворительное, что оно почти безъ измѣненій стало уложеніемъ Германской имперіи.

работала болѣе пяти лѣтъ, ничего, въ концѣ концовъ, не сдѣлавъ для улучшенія нашего судоустройства и судопроизводства.

Въ нашемъ судебномъ мірѣ хорошо извѣстно имя скончавшагося на дняхъ Валеріана Александровича Половцова, хотя онъ давно уже не игралъ въ немъ дѣятельной роли. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ всего полнѣе воплотились лучшіе завѣты судебной реформы. Когда, въ 1866 г., въ петербургскомъ судебномъ округѣ были введены въ дѣйствіе уставы 20-го ноября, В. А. былъ назначенъ товарищемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты. На немъ лежала почти вся тяжесть работы, которую нужно было организовать и направить на новый путь. Онъ постоянно давалъ заключенія въ гражданскомъ департаментѣ палаты, показывая своимъ примѣромъ, что эта сторона прокурорской дѣятельности, многимъ казавшаяся излишней или чисто-формальной, можетъ имѣть серьезное значеніе. Въ уголовномъ департаментѣ палаты, дѣйствующемъ въ качествѣ обвинительной камеры, онъ много способствовалъ правильному направленію дѣлъ, поступавшихъ отъ прокурорскаго надзора окружнаго суда. Нужно было установить демаркаціонную линію между обвиненіями достаточно и недостаточно мотивированными, чтобы избѣжать, съ одной стороны, преданія суду по шаткимъ, сомнительнымъ уликамъ, съ другой—прекращенія преслѣдованій, основательность которыхъ могла обнаружиться именно на судѣ. Къ этому постоянно и успѣшно стремился В. А., тщательно пробѣряя выводы молодыхъ обвинителей. Его руководству охотно подчинялись, его мнѣніемъ дорожили даже такіе люди, какъ А. Ф. Кони, начинавшій тогда свою блестящую дѣятельность. Назначенный, въ 1870 году, прокуроромъ с.-петербургской палаты, В. А. получилъ возможность еще прочнѣе установить приемы, которые считалъ единственными подходящими для обновленной прокуратуры. Выступая обвинителемъ, онъ умѣлъ сохранять, насколько это было возможно, чисто судейское спокойствіе и безпристрастіе. Образцовыми, съ этой точки зрѣнія, были рѣчи, произнесенныя имъ въ 1871 г., по первымъ тремъ категоріямъ такъ называемаго нечаевского процесса. Основанныя на самомъ внимательномъ, детальномъ изученіи дѣла, онѣ были чужды всякаго задора, всякаго желанія обвинить во что бы то ни стало. Ровной, мягкой ихъ формѣ соотвѣтствовало содержаніе. Иногда прокуроръ превращался въ защитника, прямо признавая права подсудимаго на полное снисхожденіе. Когда результатъ нечаевского процесса не оправдалъ ожиданій администраціи, это было поставлено въ вину не столько судьямъ, сколько обвинителю. Неудовольствіе возрасло еще больше, когда новый порядокъ, установлен-

ный—именно подъ вліяніемъ нечаевского дѣла—для разслѣдованія политическихъ процессовъ не нашелъ въ прокурорѣ палаты особаго сочувствія и усердной поддержки. Твердость В. А. Половцова не могла нравиться третьему отдѣленію, безпрестанно соприкасавшемуся съ прокурорскимъ надзоромъ. Не была она по сердцу и высшимъ чинамъ министерства юстиціи. Нужно было устранить человѣка, мѣшавшаго или, по меньшей мѣрѣ, не помогавшаго новымъ теченіямъ. В. А., помимо его желанія, былъ переимѣненъ, въ 1873 г., на должность предсѣдателя гражданскаго департамента судебной палаты. Что это была опала—доказательствомъ тому послужили немилостивыя слова, которыя пришлось выслушать новому предсѣдателю. Вынужденныя занятія не удовлетворяли В. А. Половцова: онъ оставилъ судебное вѣдомство и посвятилъ себя всецѣло дѣятельности въ акціонерныхъ обществахъ. Съ 1874 г. онъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ. Когда, въ эпоху диктатуры сердца, повѣяло ненадолго другимъ духомъ, Д. Н. Набокову удалось провести назначеніе В. А. Половцова сенаторомъ и управляющимъ межевою частью. Онъ принялся за дѣло съ обычнымъ рвеніемъ, но не могъ отказаться отъ работы въ обществѣ, съ которымъ сроднился, и послѣ изданія правилъ о совмѣстительствѣ оставилъ государственную службу. И въ главномъ обществѣ, до самаго его упраздненія, и въ другихъ, ставившихъ его у себя на первое мѣсто, онъ работалъ неутомимо, во все входя, все зная, всегда участливый къ чужимъ нуждамъ и чужому горю. Вездѣ онъ оставилъ лучшую память, вездѣ пріобрѣлъ преданныхъ друзей; но только тотъ, кто стоялъ къ нему близко—какъ пишущій эти строки—дѣлалъ полевѣе, знаетъ, сколько въ немъ было доброты, ясности пониманія, любви къ правдѣ. Трудоспособность его была по истинѣ изумительна—и можно только пожалѣть, что ему не было дано посвятить ее всецѣло тому дѣлу, къ которому онъ готовился и въ служеніи которому провелъ свои лучшіе годы. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ отбрасывалъ старый русскій государственный механизмъ, какъ матеріалъ недостаточно податливый, недостаточно гибкій—отбрасывалъ ко вреду для Россіи и, въ концѣ концовъ, для самого себя.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1907.

I.

— Н. Котляревскій. Старинные портреты. С.-пб., 1907. Стр. 457.

Книга г. Котляревскаго—одна изъ самыхъ красивыхъ книгъ, вышедшихъ у насъ въ послѣднее время. Въ ней все красиво: заглавіе, языкъ, сюжеты, мысли и настроенія. Милой задушевностью вѣетъ съ ея страницъ; ея тихая вдумчивость, мягкость и благородство ея тона, не нарушаемаго ни однимъ рѣзкимъ звукомъ, подкупаютъ и покоряютъ читателя. Она—какъ часовня въ лѣсу, далекая отъ нестройнаго шума жизни, полная тишины и поэтической грусти. Есть красота и есть красивость; книга г. Котляревскаго—лучшій образецъ красиваго въ литературѣ. Можно многое возразить противъ манеры, въ которой написаны эти характеристики; можно спросить, достигаютъ ли онѣ той цѣли, которую ставилъ себѣ авторъ, т.-е. воспроизводить ли духовную сущность изображаемыхъ лицъ во всей ея полнотѣ и своеобразности, но нельзя отрицать, что въ мягкомъ обаяніи этой манеры есть своя сила, и что, быть можетъ, не достигая своей прямой цѣли, книга, тѣмъ не менѣе, даетъ нѣчто цѣнное, эстетически-заразительное. Въ литературѣ шаблоновъ нѣтъ; личность автора сама творитъ свою форму, и если эта личность цѣльна и интересна, если она умѣетъ сполна высказываться, мы должны съ благодарностью принимать ея даръ, какова бы ни была форма. И если мы хотимъ въ дальнѣйшемъ характеризовать манеру г. Котляревскаго, то отнюдь не въ осужденіе книги, а только съ цѣлью указать ея особенности.

Въ этой книгѣ,—если не считать приложенныхъ въ концѣ „Воспоминаній о В. П. Преображенскомъ“,—шесть „портретовъ“: Баратынскій, Веневитиновъ, В. Ѳ. Одоевскій, Бѣлинскій, Тургеневъ какъ дра-

матургъ и А. Толстой. Это не біографія, хотя авторъ, гдѣ ему нужно, пользуется и біографическимъ матеріаломъ, и не историко-литературныя изслѣдованія, хотя историческому элементу авторъ отводитъ большое мѣсто. Это философски-эстетическія характеристики, гдѣ центр тяжести лежитъ въ анализѣ того слитнаго цѣлаго, которымъ является духъ и творчество всякаго поэта. Въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость г. Котляревскому: онъ никогда не упускаетъ изъ виду сущности дѣла, не даетъ себя увлечь ни соблазну психологическихъ тонкостей, ни колоритности фактическаго матеріала, и отовсюду беретъ лишь то, что можетъ служить выясненію общаго облика изображаемаго писателя. Это придаетъ большую законченность его характеристикамъ; въ нихъ дѣйствительно нѣтъ ничего лишняго.

Есть въ сущности только два способа изучить личность и творчество художника. Можно, игнорируя біографію и его историческія условія, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, принять его психику и его произведенія за нѣчто данное, законченное въ себѣ, какъ живой организмъ, и изучать его внутреннее строеніе и развитіе безотносительно къ внѣшнимъ силамъ, воздѣйствовавшимъ на него. Это будетъ анализъ психологическій, эстетическій и т. п. Или можно, напротивъ, сосредоточить свое вниманіе какъ разъ на процессѣ сформированія данной личности, т.-е. на томъ взаимодействіи внутреннихъ и внѣшнихъ силъ—личныхъ свойствъ, съ одной стороны, историческихъ и біографическихъ условій—съ другой,—результатомъ котораго и явился данный складъ личности и творчества. Обыкновенно историко-литературное изслѣдованіе совмѣщаетъ оба способа, и это дѣйствительно представляетъ большія удобства. Историческій методъ не только вноситъ значительную ясность въ картину явленія, но сплошь и рядомъ даетъ возможность подмѣтить въ немъ такія черты, которыя иначе остались бы скрытыми.

Теоретически и г. Котляревскій, повидимому, отдаетъ преимущество этому двойственному методу. Въ началѣ своей статьи о поэзиі А. Толстого онъ такимъ образомъ опредѣляетъ задачу изслѣдованія: „Поэзія Толстого озаряется совсѣмъ особымъ свѣтомъ, если взять ее какъ цѣлое, какъ поэтическое воплощеніе оригинальнаго міросозерцанія, этическаго и эстетическаго, и если къ тому же вдвинуть ее въ историческую рамку, т.-е. оцѣнить ее какъ живую силу, дѣйствовавшую въ опредѣленный и притомъ весьма важный моментъ нашей общественной жизни“. Приблизительно такъ же авторъ опредѣляетъ планъ и всѣхъ другихъ своихъ характеристикъ: вездѣ онъ, наряду съ анализомъ философскимъ, психологическимъ и эстетическимъ, выдвигаетъ, какъ важное подспорье, уясненіе историческихъ условій.

Но достаточно прочитать хотя бы только одинъ изъ его очерковъ,

чтобы замѣтить, какъ неравномѣрно распредѣляется его интересъ между этими двумя частями его задачи. Въ то время, какъ эстетико-психологическій анализъ развертывается у него послѣдовательно въ ширь и въ глубину, стремясь охватить всю полноту явленія, — историческое освѣщеніе сводится обыкновенно къ простому, почти механическому констатированію извѣстныхъ фактовъ или отношеній. Оно свидѣтельствуєтъ о большой освѣдомленности автора, даетъ иногда цѣнныя обобщенія, — но оно только сопровождаетъ анализъ, въ лучшихъ случаяхъ лишь поверхностно переплетаясь съ нимъ. Интересы автора — явно не въ этой области: они всецѣло сосредоточены на изученіи психологическихъ основъ личности и ея художественнаго творчества.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ первый очеркъ г. Котляревскаго — „портретъ“ Баратынскаго. Судя по вводнымъ строкамъ, авторъ имѣлъ въ виду дать историко-психологическую картину. Онъ говоритъ о томъ переломѣ, который совершился въ умственной жизни нашего общества съ конца тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда на смѣну поколѣвію двадцатыхъ годовъ стали выдвигаться новые люди, съ иными вкусами, и когда немногіе удѣлѣвшіе изъ Пушкинской плеяды, грустно сиротѣя, допѣвали свои послѣднія пѣсни; въ этихъ пѣсняхъ они — кто съ гнѣвомъ, кто съ горечью — воспѣвали закатъ своего поколѣнія, проносили надъ собой надгробное слово: „самыя художественныя пѣсни Баратынскаго были такимъ похороннымъ пѣньемъ, и въ этомъ ихъ историческое значеніе“.

Опредѣливъ такъ свою тему, авторъ, казалось бы, долженъ былъ затѣмъ показать намъ, прежде всего, именно внутреннюю неизбежность конфликта; онъ долженъ былъ, оставаясь на исторической почвѣ, нарисовать обликъ Баратынскаго не какъ поэта вообще, а какъ представителя Пушкинскаго поколѣнія, и съ другой стороны — показать намъ, что новаго принесли съ собою новые люди, откуда эта горечь и гнѣвъ Пушкинскихъ эпигоновъ и, въ частности, Баратынскаго. Тогда мы получили бы настоящую историческую картину, въ которой личность и творчество Баратынскаго освѣщали бы цѣлую эпоху общественнаго развитія и въ свою очередь освѣщались бы ею. Но этого въ статьѣ г. Котляревскаго нѣтъ. Мы находимъ въ ней очень цѣнный психологическій разборъ поэзіи Баратынскаго въ связи съ внѣшними фактами его жизни, видимъ своеобразіе его личности и творчества, но не видимъ его типичности, и въ концѣ концовъ на основаніи этого анализа имѣли бы полное право заключить, что по основнымъ своимъ свойствамъ Баратынскій совершенно мыслимъ и внѣ Россіи двадцатыхъ — сороковыхъ годовъ со своей грустью, чувствомъ безцѣльности бытія и даже враждой къ наукѣ. Но это не такъ: Баратынскій дѣйствительно при всей своей глубинѣ — плоть отъ плоти нашихъ двадцатыхъ —

сороковыхъ годовъ, и именно это хотѣлъ показать г. Котляревскій. Дѣло объясняется просто тѣмъ, что общечеловѣческіе элементы поэзіи Баратынскаго ощущаются нашимъ авторомъ несравненно сильнѣе, чѣмъ ея историческій смыслъ, который поэтому и остается въ тѣни. Авторъ превосходно обрисовалъ, такъ сказать, въ разрѣзѣ, ту своеобразную смѣсь молодого ликованія съ неопредѣленной философской грустью, которая такъ характерна для нашей поэзіи двадцатыхъ годовъ; но онъ ничего не говоритъ намъ о томъ, какъ родилось это настроеніе, почему это поколѣніе стало такимъ, какимъ было, а поэтому и оно, и вмѣстѣ съ нимъ Баратынскій кажутся висящими въ воздухѣ, безъ корней, уходящихъ въ родную почву. Когда мы читаемъ у Баратынскаго:

Что въ славѣ! что въ мовѣ!—на время жизнь дана!

и когда мы узнаемъ, что эти слова поэтъ и его сверстники твердили за полной чашей, то для насъ ясна типичность этихъ размышленій; но почему же веселье пира омрачалось для этихъ юношей мыслями о скоротечности счастья и о безцѣльности бытія, и они „весело въ струяхъ блестящаго вина *забвенье* сладостное пили“? Баратынскій по свойствамъ своего ума и чувства (грусть и философское углубленіе) безъ сомнѣнія имѣлъ всѣ данныя, чтобы стать выразителемъ именно такого міровоззрѣнія; но если онъ дѣйствительно сталъ имъ, а не остался одинокимъ голосомъ въ пустынѣ, то потому, что таково было его поколѣніе; слѣдовательно, онъ неотдѣлимъ отъ послѣдняго и безъ него не можетъ быть понятъ. А г. Котляревскій не ввелъ насъ въ психологію этого поколѣнія, а только слегка намѣтилъ ея внѣшнія черты. И еще меньше сдѣлалъ онъ для историческаго уясненія второй половины дѣятельности Баратынскаго — его столкновенія съ новыми вѣяніями. Слишкомъ поверхностны и общи тѣ немногія строки (на стр. 57-ой), въ которыхъ онъ характеризуетъ противоположность между новымъ и старымъ, и оттого цитируемая имъ дальше жалоба Баратынскаго остаются только цитатами, не расчлениаясь и не осмысливаясь въ своей исторической многозначительности.

Сказанное приложимо и ко всѣмъ остальнымъ очеркамъ г. Котляревскаго. Всюду тема поставлена исторически, и всюду историческій элементъ остается только рамкой, т. е. болѣе или менѣе формальнымъ придаткомъ. Характеризуетъ ли онъ Тургенева, какъ драматурга, — мы узнаемъ, *какова* была русская драма до Тургенева, но получаемъ только самыя общія, и очень недостаточныя, свѣдѣнія о томъ, почему появленіе новой драмы стало у насъ, какъ разъ въ ту пору, исторической необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ ставится такъ: почему, при неоспоримой типичности и разнообразіи русской жизни, наша до-Турге-

невская сцена была такъ бѣдна яркими типами? На это авторъ отвѣчаетъ: „Для созданія живой драмы и истинной комедіи нравовъ... необходимо, чтобы жизнь сама по себѣ, какъ таковая, независимо отъ взглядовъ писателя на искусство, стала предметомъ его глубокаго интереса. Нужно, чтобы художникъ детально зналъ жизнь и любилъ ее какъ таковую“, — и онъ поясняетъ, что наши художники только съ конца сороковыхъ годовъ научились цѣнить и изслѣдовать русскую народную жизнь. Но это объясненіе слишкомъ широко, чтобы что-нибудь объяснить: таково условіе развитія всякой литературы. Намъ нужно было бы узнать, *почему* наши художники въ концѣ сороковыхъ годовъ вышли на эту дорогу; намъ нужно было бы далѣе узнать, *какъ* они понимали народную жизнь и что знали изъ нея; оба эти вопроса неразрывно связаны, потому что причиною интереса опредѣлялось и его направленіе, т. е. характеръ тогдашняго изученія народной жизни; и въ заключеніе у насъ оставался бы еще специальный вопросъ — о проявленіи этого интереса именно въ драмѣ. Только такой анализъ могъ бы намъ объяснить и особенности Тургеневскихъ драмъ, и самый фактъ ихъ появленія и успѣха.

Точно также и обширный очеркъ о Бѣлинскомъ, несмотря на чисто-историческую постановку темы (стр. 158—160), даетъ прекрасный анализъ внутренняго развитія Бѣлинскаго, въ историческихъ же своихъ частяхъ не идетъ далѣе указаній на аналогичныя теченія общественной мысли. Историческая необходимость этихъ теченій, ихъ соціальныя и психологическія источники не вскрываются передъ читателемъ, а безъ этого и весь Бѣлинскій является какъ бы отрѣзаннымъ отъ корня. Констатировать романтическое направленіе въ русской литературѣ не значитъ ввести въ его пониманіе; указаніе на романтическій характеръ нѣмецкой философіи двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ очень мало объясняетъ въ томъ фактъ, что для Бѣлинскаго и его друзей „усвоеніе, уясненіе и распространеніе нѣмецкаго идеализма въ русскомъ обществѣ стало дѣломъ жизни“, и т. д. Въ статьѣ о Веневитиновѣ г. Котляревскій прекрасно выясняетъ взгляды нашихъ поэтовъ и писателей — отъ Карамзина и кончая Пушкинымъ — на призваніе поэта; но это опять-таки рядъ наблюденій, эволюція же явленія не обнаружена, причины этой эволюціи не указаны даже намекомъ. Но всего любопытнѣе, мы сказали бы — доказательнѣе, тѣ страницы книги, которыя трактуютъ о романтизмѣ. Къ этому предмету г. Котляревскій возвращается безпрестанно; это объясняется отчасти тѣмъ, что большинство его очерковъ посвящено писателямъ, такъ или иначе примыкавшимъ къ романтизму. Казалось бы, выясненіе историческихъ основъ и историческихъ же особенностей того романтизма, который въ началѣ прошлаго вѣка покорилъ себѣ и западную,

и русскую литературу, должно было составлять его прямой интересъ. И дѣйствительно, онъ каждый разъ пытается это сдѣлать, но послѣ первыхъ общихъ указаній рѣчь его тотчасъ сбивается на анализъ эмоциональной природы романтизма, который въ этомъ смыслѣ вѣченъ, надъ-историченъ, и въ итогѣ мы все-таки не узнаемъ, что представлялъ собою именно романтизмъ двадцатыхъ годовъ. Зато общечеловѣческая сторона романтизма освѣщена отлично, и потому очеркъ г. Котляревскаго о поэзіи А. Толстого, въ которой какъ разъ этотъ элементъ первенствуетъ, является, на нашъ взглядъ, лучшей статьей сборника.

Мы съ умысломъ подчеркнули отношеніе г. Котляревскаго къ романтизму. Онъ самъ романтикъ, и оттого онъ не историкъ. Вѣчный романтизмъ челоуѣческаго духа ему всего ближе,—этимъ объясняется и выборъ его темъ, и ихъ обработка. Этой преобладающей его наклонности соответствуетъ и характеръ его письма, въ которомъ много задушевности, много поэзіи сердца, но мало отчетливости и рельефности. По неуловимости контуровъ и нѣжности тоновъ его портреты можно назвать пастелями.

II.

— Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповникъ“. Книга вторая. Спб. 1907. 284 стр.

Первое мѣсто въ этомъ сборникѣ занимаетъ обширный разсказъ В. Муйжеля, до крайности тусклый и тяжеловѣсный, по манерѣ и языку—алыповатое подражаніе бытовымъ картинамъ у Л. Андреева, но любопытный, какъ добросовѣстно написанная этнографическая картина. Изображается артель мужиковъ, дренающая болото въ лѣсу подъ желѣзнодорожный путь; изображается ихъ тяжкій трудъ и вся ихъ безпросвѣтная жизнь въ вѣчной нуждѣ, въ грязи и пьянствѣ,—жизнь страшная, какъ кошмаръ, русская мужицкая жизнь, не имѣющая себѣ подобія во всемъ цивилизованномъ мірѣ. За очеркомъ г. Муйжеля слѣдуютъ три небольшихъ разсказа изъ нашей интеллигентной жизни, и потомъ съ десятокъ стихотвореній. Составители альманаха навѣрное не рассчитывали на то впечатлѣніе, которое производитъ этотъ подборъ матеріала. Но, рядомъ со страшными героями г. Муйжеля, авторы этихъ разсказовъ и стиховъ—это такой эффектъ контраста, который поражаетъ несравненно сильнѣе, нежели содержаніе самихъ произведеній.

Вотъ разсказъ и стихи г. Бунина. Разсказъ (воспоминаніе о дѣтскихъ дняхъ) проникнуть какой-то вялой и незаразительной грустью и крайне манеренъ по исполненію; стихи холодны, лишены лиризма,

но красивы, особенно тамъ, гдѣ весь смыслъ пьесы — въ описаніи: такъ четко рисовать детали стихомъ, какъ это сдѣлано, на примѣръ, въ „Проводахъ“, умѣть у насъ только г. Бунинъ. А. Койранскій изображаетъ тоску одиночества, Б. Зайцевъ—упоеніе мая, С. Городецкій поетъ гимнъ Руси, А. Блокъ воспѣваетъ свою „снѣжную“ любовь; и во всемъ этомъ столько призрачнаго и равнодушнаго, и такой манерностью вѣтъ отъ этихъ пьесъ, что съ невольнымъ ужасомъ возвращаешься мыслю къ мужикамъ г. Муйжеля: неужели всѣ эти Липатовы, Стригуцовы и пр. и гг. Бунинъ, Блокъ, Городецкій — дѣти одной матери Россіи и современники? Между ними бездна десяти вѣковъ,—какъ же они могутъ ужиться рядомъ, возможенъ ли такой укладъ жизни, при которомъ и тѣмъ, и другимъ было бы сносно жить?

Это старый вопросъ, но онъ такъ остеръ, особенно сейчасъ, когда начата перестройка общаго жилища, что каждый разъ поражаетъ умъ, какъ что-то новое. И точно въ отвѣтъ на него составители сборника отвели вторую половину книги подъ пьесу французскаго автора, Сентъ-Жоржъ де-Буэлье, „Король безъ вѣнца“. Это замѣчательное произведение заслуживаетъ того, чтобы остановиться на немъ подробнѣе.

Мы не будемъ говорить о художественныхъ достоинствахъ пьесы. Ее писалъ настоящій художникъ, со всей искренностью и силой большого дарованія и горячаго сердца; послѣ „Ткачей“ Гауптмана это, безъ сомнѣнія, лучшая социальная драма, какую мы знаемъ. Въ своей художественной полнотѣ и сложности она обнимаетъ, разумѣется, конечно больше, чѣмъ та ея идея, которую можно выразить въ логическихъ терминахъ; но насъ интересуетъ сейчасъ именно эта идея, такъ кстати завершающая содержаніе сборника.

Центральная фигура пьесы — Черный, вождь забастовщиковъ въ каменоломнѣхъ подъ Парижемъ. Одушевленный мечтой о равенствѣ и братствѣ, онъ пришелъ къ обездоленнымъ и ожесточеннымъ нуждою каменоломамъ, и своими пламенными рѣчами увлекъ ихъ за собою на борьбу за свободу человѣка. Но они поняли его по-своему. Онъ звалъ ихъ созидать и говорилъ имъ, что созидать можетъ только духовная сила, а они услышали въ его рѣчахъ только призывъ къ разрушенію и мести: Онъ говорилъ имъ: „Вы съ вашими мирными инструментами—хозяева мира... Если вамъ кажется, что въ какомъ-нибудь зданіи живетъ зло, предоставьте этому зданію распасться на куски... Оно само рухнетъ. Пусть никто изъ васъ не добываетъ камней и не участвуетъ въ постройкѣ замковъ, казармъ и тюремъ... но не дѣлайте ни одного движенія, вызваннаго гнѣвомъ. На землѣ все исчезаетъ только само собой, только подточенное собственнымъ гнѣніемъ“. Онъ говорилъ имущимъ: „Ты живешь рабомъ, рабомъ твоей должности, твоей земли, твоего имущества, твоихъ денегъ... ты болѣе порабо-

щепь, чѣмъ всѣ отягченные трудомъ... Горе имущимъ!.. Кто строитъ себѣ домъ, строитъ свою тюрьму, роетъ себѣ могилу, воздвигаетъ военную крѣпость. Когда ты покупаешь кусокъ земли, ты уже закапываешь себя въ могилу. Проявлять власть, значить уйти отъ чистой жизни и стать чужимъ даже для своего лучшаго друга. Единственное благое состояніе — ничего не имѣть. Богатство души — единственная цѣль, достойная человѣка. Не желайте ничего иного и глядите беззаботно на будущее. Будьте сами для себя своимъ достоинствомъ, своимъ знаменемъ, своимъ престоломъ". И всѣмъ вмѣстѣ онъ говорилъ: „Внимайте только голосъ любви. Любовь да будетъ вашей единой цѣлью“.

Но изъ этихъ словъ любви темная толпа, ожесточенная своими вѣковыми страданіями, поняла лишь то, что было ей подъ силу понять, и она пошла передѣлывать жизнь по-своему, матеріальнымъ разрушеніемъ и насиліемъ. Возбужденная толпа взрываетъ церковь; для нея церковь — только даромъ пустующее богатое зданіе, служащее къ тому же цѣлямъ ненавистной кучки угнетателей. Напрасно Черный указываетъ на то, что есть что-то прекрасное въ храмахъ, предназначенныхъ служить кровомъ только для мечты, убѣжищемъ для разбитыхъ сердецъ: его не слушаютъ, дѣло совершается и влечетъ за собою весь рядъ своихъ неизбѣжныхъ послѣдствій. И въ результатѣ Черный не только гибнетъ самъ и губитъ вмѣстѣ съ собою немногихъ своихъ вѣрныхъ послѣдователей, но еще осужденъ видѣть передъ казнью, какое страшное зло онъ сдѣлалъ своей проповѣдью бѣднымъ каменоломамъ, утратившимъ и тѣ жалкія опоры, которыми до него держалось ихъ существованіе: работу и безопасность. Свѣтлая мечта стала разрушительной силой при первой попыткѣ воплощенія. Пьеса кончается ужасной картиной ослѣпленія и смерти Нелли, чистѣйшей провозвѣстницы грядущаго царства любви... Казалось бы, итогъ безнадежный, ибо что можетъ быть страшнѣе той трагедіи идеализма, которая здѣсь изображена?—Но читатель закрываетъ книгу съ просвѣтленнымъ чувствомъ. Пусть временно гибнетъ мечта, пусть она волеяется въ свою гибель все, до чего она коснулась,—она носитъ свое освященіе въ самой себѣ, въ той лучезарной красотѣ, которую она облекаетъ своихъ носителей. Они сами—Черный, Нелли, Марія—такъ прекрасны и святы въ своемъ высокомъ стремленіи и своемъ подвигѣ, что все остальное содержаніе картины—ожесточеніе толпы, насилія, безумства, казни—разсѣивается какъ прахъ, меркнетъ, какъ все случайное; стоитъ неизменно среди этого хаоса случайностей только дивный идеализмъ человѣческаго духа, эта твердая вѣра въ грядущее царство правды и любви и готовность отдать себя за его воцареніе. Этотъ дѣятельный идеализмъ—примиритель; онъ подаетъ руку съ одной стороны матеріальнымъ страданіямъ человѣчества, съ

другой—его высшимъ духовнымъ запросамъ; въ немъ—синтезъ и рѣшеніе вопроса. Быть можетъ, онъ безсиленъ въ чистомъ своемъ видѣ пересоздать жизнь, и ему нужно для этого сочетаться съ грубыми силами міра сего, сообразно двойственной природѣ человѣка. Это—вопросъ немаловажный, но вопросъ средствъ; направленіе же пути указываетъ только онъ, и вѣдь его нѣтъ правды. Только онъ можетъ вывести на истинно-человѣчный путь и мужиковъ г. Муйжеля, и тѣхъ, кто поетъ манерные гимны Руси.

III.

— Петрашевцы. (Политическіе процессы Николаевской эпохи). Изд. В. М. Саблина. Москва. 1907. 160 стр.

Въ этой книгѣ собраны официальные матеріалы о дѣлѣ петрашевцевъ—записка Липранди, докладъ генераль-аудиторіата, записка о дѣйствіяхъ секретной слѣдственной комиссіи, и пр., далѣе—обширное письменное показаніе Достоевскаго, нѣкоторые отрывки изъ мемуаровъ, относящіеся къ тому же дѣлу, и рядъ другихъ документовъ и выписокъ, болѣе или менѣе интересныхъ, но выбранныхъ безъ всякаго плана и во всякомъ случаѣ очень далекихъ отъ полноты. При скудости нашихъ свѣдѣній о петрашевцахъ и такой сводъ официальныхъ матеріаловъ не лишень значенія, но, надо признаться, мы предпочли бы ему сводъ всѣхъ литературныхъ данныхъ, потому что первый знакомитъ насъ не столько съ сущностью движенія петрашевцевъ, сколько съ отношеніемъ къ нему властей; второй же раскрылъ бы передъ нами, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени, характеръ движенія и психологію его участниковъ, что, разумѣется, несравненно интереснѣе и важнѣе. И въ этой книгѣ, наполненной безконечными повтореніями однихъ и тѣхъ же грубыхъ свѣдѣній, добытыхъ невѣжественными агентами, и плоскихъ соображеній, рожденныхъ въ умѣ господъ вродѣ Липранди и др., живое вниманіе привлекаютъ не эти изъясненія канцелярскаго усердія, а тѣ трепещущія жизнью страницы, которыя писаны самими обвиняемыми и которыя въ видѣ уликъ цитируются слѣдователями. Эти драгоценныя выдержки, да тексты прокламацій, да показанія подсудимыхъ (и самое ихъ поведеніе во время слѣдствія) даютъ возможность хотя несовершенно представить себѣ общественно-психологическій типъ петрашевцевъ.

В. И. Семевскій, въ своемъ извѣстномъ очеркѣ „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ“, остающемся дониндѣ лучшей работой о дѣлѣ Петрашевскаго, проводитъ внѣшнюю параллель между движеніемъ петрашевцевъ и движеніемъ декабри-

ствова. Безъ сомнѣнія, болѣе демократическій составъ кружка и преобладаніе въ немъ лицъ интеллигентныхъ профессій очень характерны, такъ какъ свидѣтельствуютъ о перемѣщеніи центра умственной жизни въ обществѣ, но неизмѣримо важнѣе другое различіе, касающееся самаго содержанія и строя этой умственной жизни. Было бы въ высшей степени поучительно сопоставить эти два идейныхъ движенія въ цѣломъ и въ подробностяхъ, начиная съ ихъ общей психологической основы и кончая выработанными въ нихъ положительными требованіями социальными, политическими и пр.; такая работа сама по себѣ уяснила бы многое въ эволюціи нашего общества, именно въ *направленіи*, по которому, вся въ цѣломъ, со всѣмъ арсеналомъ своихъ интересовъ и пожеланій, передвигалась наша общественная мысль. Но основныя черты различія видны даже при поверхностномъ сличеніи, и первѣйшая изъ нихъ—самый объемъ идеала.

Декабристы—за немногими исключеніями—были люди трезвые, положительные, съ умомъ, всецѣло направленнымъ на дѣйствительность; такой же положительный характеръ носилъ и ихъ идеаль: онъ весь лежалъ въ плоскости общественнаго быта, социальнo-политической дѣйствительности. Идеологическій элементъ въ ихъ движеніи былъ чрезвычайно слабъ; въ своихъ планахъ реформъ они исходили преимущественно отъ конкретныхъ западныхъ образцовъ, и немногія отвлеченныя начала, заимствованныя ими изъ „Декларациі правъ“ и западныхъ ученій о естественномъ правѣ, служили имъ больше какъ знамя, нежели какъ оружіе; источникомъ ихъ вдохновенія на дѣло и подвигъ были не эти отвлеченныя идеи, а частью знакомство съ западной дѣйствительностью, частью непосредственное чувство, на каждомъ шагу оскорбляемое созерцаніемъ родной дѣйствительности. Со всѣмъ другой характеръ носить движеніе петрашевцевъ. Изъ двухъ элементовъ, сочетающихся во всякомъ общественномъ движеніи, идеологія у нихъ безмѣрно преобладала надъ реальностью; они не исходили отъ какой-нибудь образцовой дѣйствительности и не соображали своихъ построеній съ наличными условіями русскаго быта: источникомъ ихъ вдохновенія и исходной точкой ихъ построеній служили нѣкоторыя отвлеченныя идеи, какъ извѣстно, заимствованныя ими изъ фурьеризма.

Отсюда, прежде всего, всеобъемлющій характеръ ихъ идеала. Они мечтали не о частичныхъ поправкахъ въ общественномъ строѣ, а о полномъ преобразованіи всей жизни, какъ оно обуславливалось ихъ новыми представленіями о природѣ человѣка и общества, и мечта ихъ касалась не одной Россіи, но всего человѣчества. Вся жизнь человѣка и все человѣчество — таковъ былъ объемъ ихъ идеала. На обѣдѣ въ день рожденія Фурье Д. Д. Ахшарумовъ говорилъ: „Раз-

рушить столицы, города, и всё матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселія, богатства, счастья, и всю землю нищюю покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ—вотъ цѣль наша. Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразование, а кончить его вся земля. Скоро избавленъ будетъ родъ человѣческой отъ невыносимыхъ страданій“. Другой петрашевецъ, Кашкинъ, говорилъ въ рѣчи, читанной на одномъ изъ собраній: „Истина ни въ слѣпой вѣрѣ, ни въ невѣріи, ни въ томъ, ни въ другомъ метафизическомъ ученіи,— истина въ природѣ. Въ ней высшій разумъ начерталъ волю свою, и изъ природы человѣкъ долженъ перенести ее въ свою жизнь, въ свое общественное устройство. Онъ научился открывать въ естественныхъ наукахъ законы природы,— остается примѣнить ихъ въ наукѣ общественной. И когда онъ это сдѣлаетъ, человѣчество будетъ имѣть законъ, счастье и совершенство; пока же онъ не осуществитъ воли высшаго начала, Творца своего, ясно начертанной въ великой книгѣ Природы, будетъ борьба, будетъ мракъ, будетъ несчастіе, царство жи и зла“.

Это была чистая утопія, прекрасная и неосуществимая мечта о свѣтлой, радостной, гармонической жизни, стройной и сознательной, и политика входила въ нее не какъ самостоятельный элементъ, а лишь постольку, поскольку политическія условія могли затруднять или облегчать осуществленіе этого всеобъемлющаго идеала. Критика петрашевцевъ, въ противоположность декабристамъ, касалась не отдѣльных частей дѣйствительности, а самыхъ ея основъ, и оттого она была радикальна и революціонна по существу. У того же Ахшарумова при обыскѣ была найдена записная книга, гдѣ на первой страницѣ, въ видѣ перечня предметовъ, о которыхъ надо писать, было записано слѣдующее: „О невозможности улучшенія человѣчества доселѣ принятыми средствами: религіею и ею предписываемыми правилами, проповѣдями священниковъ, устройствомъ суда и законовъ, и о крайней необходимости измѣнить все, переделатъ во всѣхъ основаніяхъ общество и всю нашу глупую, безтолковую жизнь; объ уничтоженіи семейной жизни, труда, собственности въ такомъ видѣ, какъ они теперь... государства... законовъ, войны, войска, городовъ и столицъ...“ Этотъ пересмотръ основъ быта былъ совершенно чуждъ декабристамъ, какъ чуждо имъ было и исканіе критеріевъ истины; истина была для нихъ вѣчно данное, они носили въ себѣ ея безсознательное мѣрило, тогда какъ петрашевы въ безконечныхъ спорахъ о Богѣ и о природѣ человѣка страстно искали это мѣрило, искали его сознательно.

Такимъ образомъ, эти два движенія глубоко разнятся качественно,

и сопоставлять политическій элементъ, составлявшій и душу, и плоть движенія 1816—1825 гг., съ политическимъ элементомъ движенія петрашевцевъ, подчиненнымъ ихъ общей идеѣ и ею обусловленнымъ, можно только съ большою осторожностью. Разница такъ велика, что кажется почти непонятной. Но въ дѣйствительности не было никакого скачка. Между движеніемъ декабристовъ и движеніемъ петрашевцевъ въ умственной жизни русскаго общества лежитъ цѣлый періодъ развитія, далекій отъ положительнаго творчества и весь занятый идеологическими исканіями. Движеніе петрашевцевъ вытекло изъ фурьеризма, но если ученіе Фурье могло привиться на русской почвѣ, то только потому, что эта почва была подготовлена умственнымъ движеніемъ тридцатыхъ годовъ. Такъ называемые идеалисты тридцатыхъ годовъ—Станкевичъ и др.—не пошли по слѣдамъ декабристовъ, да это и было бы тогда бесполезно; ихъ жизненное призваніе было иное: имъ суждено было подвергнуть пересмотру самый критерій истины, а вслѣдъ затѣмъ и основы жизни, личной и общественной. И они не только выработали первое русское сознательное міровоззрѣніе, но—что главное, они—направленіемъ своихъ исканій—вызвали наружу ту глубочайшую склонность къ идеологіи, которая до тѣхъ поръ дремала въ русскомъ обществѣ, а съ тѣхъ поръ является непрерывно его главнымъ отличіемъ. Они первые выставили всеобъемлющій идеалъ жизни радостной и прекрасной, они первые вывели это солнце на горизонтъ нашей общественной мысли,—съ тѣхъ поръ оно незакатно стоитъ надъ русской интеллигенціей. Отъ него заимствовала свой свѣтъ и тепло и получила свои краски наша художественная литература, и всѣ позднѣйшія движенія общественной мысли характеризовались неизмѣнно своимъ отношеніемъ къ этому всеобъемлющему идеалу. Безъ идеализма тридцатыхъ годовъ утопізмъ петрашевцевъ на русской почвѣ былъ бы немислимъ. Эту преемственную связь хорошо понялъ Герценъ, сказавшій о петрашевцахъ: „Наслѣдники сильно возбужденной умственной дѣятельности сороковыхъ годовъ, они прямо изъ нѣмецкой философіи шли въ фалангу Фурье, въ послѣдователи Конта“. Прослѣдить эту связь детально будетъ благодарной задачей для историка.

IV.

— Д-ръ Н. Г. Котикъ. Эманация психофизической энергіи. Изд. В. М. Саблина. М. 1907.

Содержаніе этой книжки такъ поразительно, что еслибы не элементарная очевидность фактовъ, изложенныхъ въ ней,—его можно было бы принять за сказку. И какъ ни недостаточны эти факты для

обоснованія самоувѣренныхъ выводовъ автора, ихъ довольно, чтобы привлечь вниманіе науки къ неизвѣстному доселѣ ряду явленій и вызвать живой интересъ въ широкой публикѣ. Дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о доказательствѣ радіоактивной природы психическихъ процессовъ.

Исходной точкой для автора послужила новѣйшая психологическая теорія, согласно которой между такъ-называемыми „сознательными“ и „бессознательными“ психическими явленіями не существуетъ рѣзкой грани и которая поэтому замѣняетъ эти два термина — терминами „верхнее“ и „нижнее“ сознание. Въ нормальномъ состояніи верхнее и нижнее сознанія дѣйствуютъ совмѣстно, однимъ слитнымъ процессомъ, но при нѣкоторыхъ состояніяхъ нашей психики нижнее сознание проявляетъ себя независимо отъ верхняго, и тогда получаютъ акты автоматическіе. Къ этому ряду явленій принадлежитъ такъ-называемый графическій автоматизмъ, т.-е. автоматическое писаніе, широко практикуемое, напримѣръ, въ спиритизмѣ; его-то авторъ избралъ объектомъ своихъ наблюденій.

Ученые объясняютъ автоматическое писаніе у медиумическихъ субъектовъ проявленіемъ дѣятельности нижняго сознанія. Но извѣстно, что медиумы во время сеансовъ записываютъ иногда такія вещи, о которыхъ ихъ нижнее сознание не могло ничего знать. Это обстоятельство, въ связи съ наблюденіемъ, что медиумъ сообщаетъ только факты, извѣстные кому-либо изъ присутствующихъ на сеансѣ лицъ, навело автора на предположеніе, что знаніе о фактахъ какимъ-то способомъ переходитъ изъ сознанія присутствующихъ въ нижнее сознание медиума безъ посредства внѣшнихъ органовъ чувствъ.

Чтобы провѣрить эту догадку, авторъ произвелъ рядъ опытовъ надъ дѣвицей, обладающей способностью автоматическаго писанія. Оказалось, что медиумъ совершенно правильно записывалъ не только слова, задуманныя авторомъ, но и содержаніе иллюстрированныхъ открытыхъ писемъ, на которыхъ онъ во время сеанса сосредоточивалъ свое вниманіе. Характеръ ошибокъ, случавшихся при этомъ, указалъ на то, что преобладающую роль въ передачѣ играло, со стороны автора, нижнее сознание; это подтвердилось и тѣмъ, что для успѣха передачи ему не было надобности внимательно изучить открытку — достаточно было взглядѣться въ нее минуту, — а также тѣмъ, что передавались только общія черты картины и никакое волевое усиліе съ его стороны, — напримѣръ, сосредоточеніе вниманія на какой-нибудь детали картины, — не оказывало никакого дѣйствія: „передается только то, что моему нижнему сознанію больше говорить, чѣмъ верхнему“.

Придя на основаніи этихъ опытовъ къ заключенію, что передача

представленій совершается посредствомъ какой-то психической энергии, авторъ попытался достигнуть той же цѣли путемъ установленія между собою и медиумомъ матеріальнаго проводника, именно мѣдной палочки, и оказалось, что проводникъ чрезвычайно ускоряетъ передачу. При этомъ выяснилось еще одно поразительное явленіе. При опытахъ съ проводникомъ часто передавалось содержаніе не той открытки, которую авторъ избралъ для опыта, а какой-нибудь другой, на которую онъ мелькомъ взглянулъ передъ тѣмъ, когда перебиралъ принесенныя съ собою открытки съ цѣлью выбрать подходящую. Авторъ объяснилъ себѣ это тѣмъ, что при быстротѣ, съ которою дѣйствуетъ металлическій проводникъ, медиуму передавался *первый* психическій зарядъ экспериментатора; и дѣйствительно, говоритъ онъ, послѣ того, какъ онъ сталъ передъ опытомъ отводить въ землю эту случайно накопившуюся въ немъ энергію, прикасаясь рукою къ водопроводной трубѣ, ошибки больше не повторялись; отсюда онъ заключилъ, что „психическая энергія, возникающая въ нашемъ мозгу, можетъ скопляться на поверхности нашего тѣла (подобно тому, какъ электричество накапливается на конденсаторахъ) и покидаетъ его довольно медленно; если же соединить наше тѣло съ металлическимъ проводникомъ, то энергія быстро устремляется по немъ дальше и можетъ такимъ образомъ переходить къ другому лицу или въ землю“.

Дальнѣйшій рядъ опытовъ, произведенный надъ тою же дѣвицей, имѣлъ своимъ предметомъ такъ-называемое ясновидѣніе, т.-е. чтеніе писемъ въ запечатанных конвертахъ—явленіе, подлинность котораго неоднократно удостовѣрена наукой. Опыты эти привели къ неожиданнымъ результатамъ. Медиумъ не только въ большинствѣ случаевъ правильно передавалъ содержаніе картины, описанной въ запечатанномъ письмѣ, которое давалось ему въ руки, но часто сообщалъ детали, имѣвшія мѣсто въ дѣйствительности, но въ письмѣ не упомянутыя, передавалъ содержаніе въ дѣйствительномъ хронологическомъ порядкѣ и съ пережитыми въ дѣйствительности эмоціями, о которыхъ въ письмѣ не упоминалось. Это навело автора на мысль, что представленія запечатлѣваются на бумагѣ непосредственно, т.-е. помимо словесныхъ знаковъ. Для провѣрки этой гипотезы былъ произведенъ рядъ новыхъ опытовъ, уже съ пустыми бумажками, надъ которыми какое-нибудь третье лицо придумывало какую-нибудь картину, и опыты эти, по увѣренію автора, блестяще подтвердили его догадку. Еще большей ясности достигъ онъ, добившись правильной передачи картинъ, продуманныхъ надъ пустыми бумажками, путемъ металлической проволоки, одинъ конецъ которой бралъ въ руку медиумъ, а другой конецъ, въ сосѣдней комнатѣ, прикладывался къ „запечатлѣнному“ листку.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ авторъ считаетъ себя въ правѣ

выставить слѣдующія положенія: мышленіе сопровождается выдѣленіемъ особой лучистой энергіи, обладающей психическими и физическими свойствами; ея психическія свойства заключаются въ томъ, что, попадая въ мозгъ другого лица, она вызываетъ въ немъ точно такія же представленія, какимъ сама обязана своимъ возникновеніемъ въ мозгу перваго лица; физическія ея свойства заключаются въ томъ, что она можетъ проходить въ тѣлѣ человѣка изъ мозга въ периферію и обратно, скопляться въ тѣлѣ и на поверхности его, медленно проходить черезъ воздухъ, быстро пробѣгать по металлическому проводнику, переходить на бумагу и сохраняться въ ней, наконецъ переходить изъ тѣла, заряженнаго ею, въ тѣло незаряженное.

Въ заключеніе авторъ путемъ аналогіи пытается доказать тождество этого психофизическаго излученія съ такъ-называемой радиоактивной эманацией, и высказываетъ нѣсколько не лишенныхъ интереса соображеній о томъ, какую громадную роль должна играть психическая эманация въ населенныхъ пунктахъ, гдѣ она выдѣляется въ громадномъ количествѣ и, такъ сказать, насыщаетъ всю атмосферу.

Выводы автора, при малочисленности произведенныхъ имъ опытовъ, безъ сомнѣнія чрезвычайно смѣлы и, можетъ быть, поспѣшны. Спеціальная критика, конечно, не замедлитъ произнести свой приговоръ, но, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать ни глубокаго интереса затронутыхъ здѣсь фактовъ, ни остроумія въ постановкѣ вопроса.

V.

— С. Рафаловичъ. Отвергнутый Донъ-Жуанъ. Драматическая трилогія въ стихахъ. Издат. „Шиповникъ“. С.-Пб. 1907. Стр. 112.

Въ обширномъ предисловіи, предпосланномъ трилогіи г. Рафаловича, Э. А. Венгерова очень хорошо выяснила идею пьесы. Послѣдняя дѣлится на три части: „Жена“, „Инокія“ и „Блудница“. Всѣ три женщины любятъ Донъ-Жуана, и всѣ три отвергаютъ его—одна ради вѣрности супружескому обѣту, другая—ради вѣрности монашескому обѣту, третья—ради чистоты своей любви. Такимъ образомъ, самоутверженію свободы, олицетворенному въ Донъ-Жуанѣ, противопоставляется самоутверженіе отреченія, столь же безусловное и свободное. Два вида свободы борются въ нашей душѣ; человѣкъ властенъ свободно отдаваться своему чувству, и властенъ добровольно наложить на себя запретъ,—и изъ этой двойственности человѣческой природы рождается понятіе грѣха.

Тема, здѣсь затронутая, безъ сомнѣнія интересна, и подъ перомъ поэта могла бы дать живнѣ настоящему художественному произведе-

нію. Къ сожалѣнію, перо г. Рафаловича лишено этой магической силы; его трилогія—не что иное, какъ пьеса à thèse, произведеніе начитаннаго и набившаго руку въ обращеніи со стихомъ литератора.

Это сказалось не только въ такихъ внѣшнихъ признакахъ, какъ схематическое построеніе пьесы и симметрическое расположеніе дѣйствующихъ лицъ въ трехъ частяхъ ея, но, прежде всего, въ самомъ замыслѣ. Каковъ въ сущности итогъ пьесы? Во всѣхъ трехъ случаяхъ борьба кончается торжествомъ самоотреченія. Но такая побѣда не можетъ служить идеей: она—только фактъ, случайный результатъ сильной воли, которою произвольно одаряетъ авторъ своихъ героинь. Да и по самому характеру темы, какъ она поставлена авторомъ, она—сама по себѣ, безъ могущихъ осложнить ее внѣшнихъ обстоятельствъ—не содержитъ матеріала для драмы; она представляетъ собою простое констатированіе, наглядное доказательство наличности двухъ видовъ свободы. Между этими двумя свободами возможна двоякаго рода борьба: когда онѣ сталкиваются въ *одномъ* духѣ, и когда лицомъ къ лицу встрѣчаются два представителя обѣихъ свободъ. Въ первомъ случаѣ имѣетъ мѣсто та борьба, которая обычно и изображается въ драмахъ; второй случай любопытенъ лишь постольку, поскольку внѣшнія условія психически усложняютъ борьбу опять-таки въ нѣдрахъ каждой изъ двухъ противостоящихъ личностей; самая же борьба между ними, взятая схематически, сводится естественно къ простому діалогу, гдѣ одинъ провозглашаетъ права свободного чувства, другой—святость заповѣди. И это будетъ не драма, а діалогъ.

Именно такъ поступилъ авторъ „Отвергнутаго Донъ-Жуана“. Онъ написалъ не драматическую трилогію, а три діалога, развилъ тему, но не далъ идеи. Его три пьески—три словесныхъ турнира, изъ которыхъ два любыхъ—совершенно лишніе, потому что нѣтъ никакой разницы въ томъ, во имя чего человѣкъ отрывается отъ свободы, лишь бы онъ дѣлалъ это добровольно, и такихъ мотивовъ можно придумать не три, а тысячи. Достаточно было иллюстрировать свой тезисъ однимъ примѣромъ, и картина получилась бы та же: картина того, какъ *не* рождается грѣхъ. Откровенно говоря, мы предпочитаемъ въ искусствѣ картины противоположнаго свойства, хотя бы уже потому, что онѣ глубже вскрываютъ антиноміи человѣческаго духа. „Идея“ г. Рафаловича, на первый взглядъ столь значительная, въ дѣйствительности чрезвычайно поверхностна: гдѣ два голыхъ принципа сходятся, какъ двѣ стѣны, только для того, чтобы продефилировать другъ передъ другомъ, тамъ жизнь неглубоко захвачена, тамъ парадъ, а не битва.

Глубинѣ идеи воплѣтъ соответствуетъ художество исполненія. Въ трилогіи нѣтъ живыхъ лицъ, а есть только литературные шаблоны

(за исключеніемъ, впрочемъ, одного вводнаго лица—Инесъ въ третъей части); все это—воспоминанія изъ безчисленныхъ пьесъ о Донъ-Жуанѣ, вообще изъ репертуара на испанскіе сюжеты. Такъ какъ они—не живые, и такъ какъ имъ, по самому замыслу автора, больше нечего дѣлать, какъ объяснять олицетворяемые ими принципы, то они сплошь провозглашаютъ сентенціи, иногда въ красивыхъ стихахъ, но почти всегда банальны. Въ этихъ изреченіяхъ тонетъ и послѣдній проблескъ чувства, которое, казалось, должно бы одушевлять героевъ. Вотъ образчикъ—изъ сцены рѣшительнаго свиданія Донъ-Жуана съ Донъей Бьянкой.

Донъ-Жуанъ.

.....
 Я временемъ своей любви не мѣрю.
 Иль вѣчность—ложь, иль вѣченъ мигъ любви.
 Не помню прошлаго, въ грядущее чуть вѣрю...
 Когда расцвѣтъ цвѣтокъ,—приди, взгляни, сорви.

Донья Бьянка.

И брось его, какъ только онъ завянетъ.

Донъ-Жуанъ.

Цвѣтокъ не сорванный завянетъ на стеблѣ.

Донья-Бьянка.

Но вѣтеръ освѣжить и солнца лучъ прогнать...

Донъ-Жуанъ.

И все же лепестки развѣетъ по землѣ.

Донья-Бьянка.

Предѣлъ всему мгновенному положенъ,
 И преступить его мы не должны.
 Умѣренъ тотъ, кто остороженъ,
 И разумъ—вѣрннй стражъ у каменной стѣны, и т. д.

Такими афоризмами и острыми репликами наполнены всѣ страницы. Даже живая Инесъ, субретка у „блудницы“, пересыпаетъ свою рѣчь банальностями вродѣ „любовь и ревность—сестры“ или: „Какъ розѣ шипъ невидимый и острый,—такъ жало ревности цвѣтку любви даво“.

Кстати, по поводу цвѣтовъ: ихъ слишкомъ много въ стихахъ г. Рафаловича, и нѣкоторые изъ нихъ до того махровы, что даже удивительно. Такъ, Донъ-Жуанъ обращается къ Терезитѣ („блудницѣ“) съ такими словами:

Хочу я, чтобъ глаза твои забвенъе нели
 Въ моихъ глазахъ, гдѣ бьетъ ключомъ восторгъ.

Это, конечно, великолѣпно (особенно если написать прозою), но Пушкинъ училъ насъ иному.—М. Г.

VI.

— Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ. Очерки культурной и экономической жизни германскихъ рабочихъ. П. Гёре. Москва. 1907. Ц. 75 к.

Современное рабочее движеніе въ культурныхъ странахъ отождествляется съ движеніемъ революціоннаго социализма. И дѣйствительно, самой сильной политической организаціей рабочихъ на Западѣ является социаль-демократія, которой предстоитъ, повидимому, сдѣлаться единственнымъ политическимъ представителемъ рабочихъ массъ. Социаль-демократія же объявляетъ себя партией, поставившей себѣ цѣлью упраздненіе господствующей капиталистической организаціи общества и замѣну ея организаціей коллективистической, а этой задачѣ предстоитъ разрѣшиться революціоннымъ путемъ диктатуры пролетаріата. Это отождествленіе рабочаго движенія и революціоннаго социализма заставляеть мирныхъ гражданъ съ трепетомъ слѣдить за ростомъ организаціи пролетаріата подъ знаменемъ социаль-демократіи, и служить въ рукахъ воинствующей буржуазіи прекраснымъ средствомъ вооружить правительственную власть противъ рабочаго движенія, устрашающаго ее не отдаленными социалистическими цѣлями, въ осуществленіе коихъ она мало вѣритъ, а ближайшими, реальными задачами возможнаго ограниченія экономической и политической эксплуатаціи трудящихся.

Выдающіеся вожди нѣмецкой и бельгійской социаль-демократіи понимаютъ, однако,—и при случаѣ высказываютъ это,—что видимые успѣхи социаль-демократіи въ рабочемъ классѣ еще не означаютъ такого же успѣха социалистическихъ идей. И въ нашей литературѣ можно найти довольно подробныя разъясненія того, какимъ образомъ вовсе не социалистически настроенныя рабочія массы могутъ отдавать при выборахъ свои голоса социаль-демократическимъ кандидатамъ (см., напр., „Очерки теоретической экономіи“, стр. 246 и слѣдующія). Соответствующія положенія, развивавшіяся априорно, находятъ фактическое подтвержденіе въ наблюденіяхъ быта нѣмецкихъ рабочихъ одного интеллигента, поступившаго на фабрику для того, чтобы узнать „полную правду о возрѣніяхъ рабочихъ массъ, ихъ матеріальныхъ желаній, ихъ духовный, нравственный, религіозный характеръ“ и опубликовавшаго свои наблюденія въ книжкѣ, указанной въ заголовкѣ нашей замѣтки.

Авторъ этой книжки принадлежалъ къ христіанско-соціальной партіи. Наблюденія, о которыхъ идетъ рѣчь, привели его къ очень высокому мнѣнію о роли соціаль-демократіи въ развитіи рабочаго класса. Соціаль-демократія есть представительница и выразительница нѣмецкаго рабочаго класса (стр. 268). Она, „какъ никто, сумѣла подслушать стремленіе къ знанію въ низшихъ слояхъ и систематически работаетъ надъ тѣмъ, чтобы удовлетворить это стремленіе въ широкихъ размѣрахъ“ (стр. 191). Удовлетворяя этому стремленію, она съ большимъ успѣхомъ разрушаетъ архаическія воззрѣнія рабочихъ и замѣняетъ ихъ новыми. Уничтожить вліяніе соціаль-демократіи на рабочихъ невозможно, да и нежелательно. Но съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ авторъ, „возможно, желательно и необходимо воспитать ее, облагородить и освятить“ (стр. 270). Не знаемъ, измѣнились ли эти взгляды Гёре теперь, когда онъ самъ сдѣлался очень виднымъ соціаль-демократомъ, но изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что авторъ не склоненъ былъ преуменьшать вліяніе соціаль-демократіи, и его заключенія, о которыхъ мы будемъ говорить, рисуютъ, нужно полагать, довольно вѣрно дѣйствительное положеніе вещей.

Соціаль-демократія есть прежде всего партія соціальная и политическая. Между тѣмъ изъ своихъ наблюденій Гёре вынесъ заключеніе, что вліяніе соціаль-демократической агитаціи „значительно менѣе важно по своимъ послѣдствіямъ на политической и экономической образъ мысли рабочихъ, чѣмъ на ихъ духовное образованіе, ихъ религиозное убѣжденіе и ихъ нравственность“ (стр. 135). Въ области религіи и общаго міросозерцанія понятія рабочаго подъ вліяніемъ соціаль-демократіи претерпѣли полное превращеніе и отъ полу-теологическихъ воззрѣній онъ перешелъ къ матеріалистическимъ. Въ области же соціально-политической онъ придерживается довольно умѣренныхъ мнѣній, въ главномъ отражающихъ, такъ сказать, тотъ соціально-политическій бытъ, который его окружаетъ. Наблюденія автора относятся къ старѣйшему и преданнѣйшему соціаль-демократіи округу Хемницъ въ Саксоніи. Всѣ извѣстные ему рабочіе, „бережливые и моты, прилежныя и лѣнивыя, умныя и глупыя, сумѣвшіе улучшить свое положеніе и обѣднѣвшіе, туземцы и пришельцы, всѣ группы, всѣ классы, всѣ категоріи, принадлежащія къ фабрикамъ — за исключеніемъ крошечной группы — считаютъ себя соціаль-демократами, слѣдуютъ за ея вождями и вѣрятъ въ нихъ, въ ихъ слова и въ ихъ произведенія, какъ въ новое евангеліе“, говоритъ авторъ. „Здѣсь все соціаль-демократично, даже сами машины“, заявлялъ автору одинъ рабочій. Изъ этого, однако, никоимъ образомъ не слѣдуетъ заключать, что всѣ эти соціаль-демократы достаточно освѣдомлены относительно принциповъ той партіи, къ которой они себя причисляютъ. Какъ о

сознательныхъ социаль-демократахъ можно говорить „о трехъ, самое большее четырехъ процентахъ всѣхъ рабочихъ, только о небольшой кучкѣ руководителей и носителей агитаци и ихъ ближайшихъ друзей и учениковъ. Они одни до известной степени основательно и съ пониманіемъ читали всю агитационную литературу партіи, они одни знали и понимали всю официальную программу, ея минимальныя требованія и послѣднія цѣли“ (стр. 139). „Что же касается остального подавляющаго большинства социаль-демократическихъ рабочихъ, то тамъ не могло быть и рѣчи о такомъ законченномъ и ясномъ образѣ мыслей. Здѣсь скорѣе была пестрая смѣсь всевозможнѣйшихъ, запутаннѣйшихъ, самыхъ противоположныхъ мнѣній всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ“. „Почти у всякаго изъ этихъ людей было свое особенное отношеніе къ социаль-демократической программѣ, и зачастую въ нее вкладывали самый различный, даже консервативный смыслъ“. И это не покажется удивительнымъ, если имѣть въ виду, что политическія и экономическія представленія социаль-демократическаго происхожденія у большинства рабочихъ ограничивались тѣмъ, „что у нихъ оставалось отъ короткихъ полупонятныхъ статейкъ далеко не постоянно читаемой мѣстной социаль-демократической прессы, отъ рѣчей и лекцій, слышанныхъ на социаль-демократическихъ собраніяхъ (привавимъ кстати—посѣщавшихся довольно ограниченнымъ числомъ лицъ), отъ личнаго общенія съ сознательными рабочими“. Въ одномъ только сходятся всѣ эти именующіе себя социаль-демократами: въ равнодушіемъ, если не отрицательномъ отношеніи къ тѣмъ послѣднимъ цѣлямъ социаль-демократіи, которыя придаютъ этой партіи радикально-социалистическій характеръ.

Среди большинства этихъ среднихъ социаль-демократовъ „ни официальный демократическій республиканизмъ, ни экономическій коммунизмъ особенно популярны не были. Это были такія вещи, для которыхъ у большинства этихъ головъ не было никакого внутренняго пониманія и которыя въ ихъ сердцахъ не вызвали никакого воодушевленія и никакой симпатіи. Но ихъ принимали, какъ и многое другое отъ социаль-демократіи, какъ нѣчто такое, что неразрывно съ ней связано и необходимо должно такъ быть, равнодушно представляя вождямъ возиться съ этими отвлеченными проблемами, и въ душѣ зачастую были убѣждены, во всякомъ случаѣ готовы были къ тому, что эти предсказанія никогда не осуществляются“. „То, чего хочеть Бебель въ будущемъ, никогда не осуществится. Онъ уже не разъ мѣнялся и потому еще больше будетъ мѣняться“, говорилъ, напр., автору одинъ рабочій — „восторженный приверженецъ социаль-демократіи“. „Знаешь, я никогда не читаю социаль-демократическихъ книгъ и очень рѣдко газеты... Я думаю по-своему... Мы вовсе не

хотимъ богатыхъ уравнивать съ бѣдными. Богатые и бѣдные должны быть и всегда будутъ“, высказывалъ свои мысли „тоже очень умный, разсудительный и убѣжденный социаль-демократъ“.

Столь же интересны для характеристики рабочихъ приверженцевъ социаль-демократіи и наблюденія Гёре относительно политическихъ ихъ воззрѣній. „Среди массы среднихъ социаль-демократовъ, даже среди наиболѣе убѣжденныхъ изъ нихъ, политическія воззрѣнія ихъ вождей распространены очень мало, и въ большинствѣ случаевъ чувство любви и симпатіи къ своей родинѣ, императору и арміи было поразительно живо среди нихъ“. Правда, значительная часть рабочихъ, по мнѣнію автора, относилась, напр., къ императору и имперіи совершенно равнодушно. „Но для большинства среднихъ социаль-демократовъ императоръ былъ вполне симпатичной народной личностью“. „У императора Вильгельма лучшія намѣренія,—говорятъ рабочіе,—но онъ не можетъ дѣлать такъ, какъ хочетъ, потому что они крѣпко держатъ его въ своихъ рукахъ и заставляютъ дѣлать, что имъ надо. Но можно, все-таки, надѣяться, что ему удастся еще пойти своей дорогой“. „Я глубоко убѣжденъ,—заявляетъ авторъ,—что социаль-демократической агитаціи врядъ-ли когда удастся разрушить этотъ монархическій образъ мыслей народа, *разъ императоръ по прежнему будетъ заботливо относиться къ рабочимъ и ихъ справедливымъ требованіямъ* и, поскольку это въ его силахъ, будетъ стремиться къ ихъ удовлетворенію“. Наблюденія автора относятся къ началу истекшаго десятилѣтія; интересно знать, насколько измѣнились съ тѣхъ поръ политическія воззрѣнія нѣмецкаго пролетаріата.

Илишнее приводитъ наблюденія автора относительно отношенія рабочихъ къ насильственной революціи: отношеніе это безусловно отрицательное. Но интересно замѣтить, что объ арміи и военной службѣ рабочіе высказывались вполне сочувственно. Всякій съ удовольствіемъ вспоминалъ о своей службѣ въ солдатахъ; призывные „съ радостнымъ нетерпѣніемъ“ ожидали своей очереди поступленія на службу; запасные охотно принимаютъ участіе въ десятидневномъ учебномъ сборѣ для повторныхъ военныхъ занятій, несмотря на то, что это ведетъ къ потерѣ ими заработка. Описанное отношеніе нѣмецкаго рабочаго къ военной службѣ авторъ отчасти объясняетъ тѣмъ, что „время военной жизни для фабричнаго рабочаго является самой длинной, самой полной и самой блестящей переминой въ его однообразной, скучной фабричной жизни“. При этомъ само собою, конечно, должно разумѣться, что условія отбыванія воинской повинности въ Германіи не особенно тяжелы и не унижительно для человѣческаго достоинства.

Но если социаль-политическія воззрѣнія массы нѣмецкихъ рабочихъ такъ далеки отъ идеаловъ и принциповъ социаль-демократіи,

то чѣмъ же объяснить поголовную почти приверженность хемницкихъ, напр., рабочихъ къ этой партіи? Гѣре даетъ на этотъ вопросъ положительный и вполне понятный отвѣтъ. Нѣмецкій пролетаріатъ видитъ въ социаль-демократіи „единственно сильнаго и признаваемаго представителя своихъ интересовъ“. Его привязываетъ къ этой партіи не социализмъ и политическій радикализмъ, а ея программа сегодняшняго дня, защищающая интересы именно рабочаго класса, и ея „безкорыстная, энергичная и смѣлая“ защита этой программы.

Наблюденія Гѣре имѣютъ немалый интересъ для насъ, русскихъ, въ виду политическаго пробужденія рабочихъ массъ и претензіи социаль-демократической партіи быть единственнымъ представителемъ русскаго пролетаріата. Наблюденія эти учатъ насъ прежде всего тому, что не слѣдуетъ придавать особое значеніе „страшнымъ“ словамъ партіи, потому что у насъ, какъ и въ Германіи, соответствующія понятія могутъ не вызывать сочувствія массъ, слѣдующихъ за нею; и въ этомъ случаѣ громкія фразы будутъ играть роль декораціи безъ реальнаго политическаго содержанія. Наблюденія эти показываютъ затѣмъ, насколько нѣмецкій пролетаріатъ еще умственно несамостоятеленъ. Обидно предполагать, что такую же несамостоятельность мысли проявить и русскій рабочій классъ. Если ученіе нѣмецкой социаль-демократіи явилось, какъ завершеніе работы теоретической и практической мысли цѣлыхъ поколѣній борцовъ за интересы рабочаго класса,— въ числѣ которыхъ мы видимъ такіе блестящіе умы и великіе характеры, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, предшествующіе имъ и послѣдующіе социалисты,—то совершенно иное происхожденіе имѣетъ социаль-демократическое ученіе въ Россіи, вылупившееся изъ чужого яйца, развивавшееся людьми, правда, не безъ таланта, но весьма умѣреннаго, лишь въ послѣднее время проявившими склонность къ самостоятельной оцѣнкѣ явленій русской дѣйствительности. Русская социаль-демократія, словомъ, только теперь выходитъ изъ стадіи ученичества и не можетъ претендовать на авторитетъ, вырастающій исторически.

Русской социаль-демократіи предстоитъ завершить построеніе своей программы послѣ всеобщаго пробужденія политическаго сознанія массъ; и это не можетъ произойти безъ активнаго участія послѣднихъ. Въ рабочей средѣ уже проявилось стремленіе самостоятельно разбираться въ вопросахъ социально-политической жизни. Часть социаль-демократической интеллигенціи тоже сознаетъ необходимость болѣе дѣятельнаго вліянія массъ на партію. Можно, поэтому, ожидать, что организація рабочихъ въ Россіи пойдетъ по пути значительно отличному отъ нѣмецкаго; что русскій рабочій классъ объединится подъ знаменемъ принциповъ, припятыхъ имъ сознательно, а не привѣшенныхъ

въ его программѣ, какъ красивое украшеніе, и что партія или партіи, которыя поведутъ за собой трудящихся, получать право именоваться „рабочими“ не только по составу, но и по своему разумѣнію.

VII.

— Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ. 1907. Ц. 2 р.

Было время, когда реформы Петра Великаго представлялись намъ крупнымъ переломомъ хода нашей государственной жизни, произведеннымъ чуть-ли не исключительно гевіемъ и энергіей этого правителя. Дальнѣйшія историческія изысканія значительно смягчили это возрѣніе, и преобразования Петра рисуются теперь, какъ продолженіе процесса, начатаго задолго до него. Преувеличеніе роли Петра I въ исторіи преобразования порядковъ Московскаго государства не исчезло, однако, окончательно, и оно естественнымъ образомъ сохраняется въ мало разработанныхъ отдѣлахъ исторической науки. Къ числу такихъ отдѣловъ относится исторія русской медицины, о состояніи которой можно судить хотя бы потому, что единственное сочиненіе по этой части, обнимающее всѣ стороны даннаго предмета, составлено еще въ началѣ истекшаго вѣка. Сочиненіе, указанное въ заголовкѣ настоящей замѣтки, разрушаетъ общепринятые взгляды на этотъ предметъ, и авторъ его не безъ основанія можетъ утверждать, что въ его книгѣ приведено достаточно данныхъ для того, чтобы „не повторять за многими историками, будто бы и первыя медицинскія школы, и вся вообще врачебная организація появилась въ Россіи со времени Петра Великаго“ (стр. 237).

Трудъ г. Новомбергскаго, въ большей его части, нельзя считать настоящимъ изслѣдованіемъ,—какъ онъ неуклюже выражается — „врачебнаго строенія“ въ до-Петровской Россіи. Это скорѣе первоначальная обработка сырого матеріала, въ собираніи коего — прибавимъ встать — немало участія принималъ и самъ авторъ. Въ предисловіи къ своему труду г. Новомбергскій замѣчаетъ, что онъ старался „строго держаться въ предѣлахъ фактическаго матеріала“. Точнѣе же говоря, въ его трудѣ мы находимъ сортировку матеріала по нѣкоторымъ предметамъ, такъ какъ по каждому изслѣдуемому вопросу приводятся многочисленныя выдержки изъ документовъ, сопровождаемыя краткимъ обобщеніемъ о ихъ содержаніи. Въ этомъ цитированіи источниковъ авторъ подчасъ заходитъ слишкомъ далеко. Но, несмотря на обусловливаемую такимъ изложеніемъ громоздкость разсматриваемаго труда въ отношеніи сырого матеріала, книга г. Новомбергскаго читается съ

большимъ интересомъ,—такъ важны, живы, а часто и новы сообщаемые имъ факты!

Первые европейски-образованные врачи появляются на Руси въ концѣ XV вѣка; но судьба пионеровъ была очень печальна. Первый врачъ, Антонъ, „врачева князя Каракучю царевича Даньярова, да умори его смертнымъ зелиемъ. Князь же велики выда его сыну Каракучеву“, а тотъ „сведше его на рѣку на Москву подъ мостъ, да зарѣзаша его ножомъ, яко овцу“. Второй врачъ, Леонъ, былъ казненъ въ 1490 г. за то, что его пациентъ, сынъ вел. кн. Ивана Васильевича, во время леченія умеръ. Согласно взглядамъ на врачеваніе,—присущимъ тому времени, когда леченіе находилось въ рукахъ знахарей, боровшихся съ недугомъ не столько лекарствами, сколько вѣрою во вмѣстательство таинственныхъ силъ — лекарь могъ излечить всякую болѣзнь. Неудачное леченіе, поэтому, приписывалось не его незнанію, а его злой волѣ. Трагическая судьба врачей Антона и Леона свидѣтельствуетъ о томъ, что указанная точка зрѣнія на врачеваніе примѣнялась и къ прибывавшимъ изъ-за границы патентованнымъ врачамъ. „Неудачный выѣздъ первыхъ врачей не остановилъ, однако, дальнѣйшаго движенія образованныхъ медиковъ въ Россію“; а ближайшее ознакомленіе съ ихъ дѣятельностью постепенно разрушило архаичскіе взгляды на леченіе, какъ на проявленіе сверхъестественныхъ силъ. Въ случаяхъ неудачнаго леченія слѣдующимъ врачамъ приходилось лишь на время укрываться отъ проявленія княжескаго гнѣва. Случалось, однако, что съ заподозрѣннымъ врачомъ расправлялась разъяренная толпа. Первоначально врачи призывались изъ-за границы исключительно для нуждъ царской семьи и даже только мужской ея половины, потому что женщины еще долго отдавали предпочтеніе знахаркамъ. Затѣмъ къ помощи придворныхъ врачей начали обращаться знатные бояре (каждый разъ по особой челобитной), потомъ менѣе знатныя лица, и во второй половинѣ XVII вѣка требованія врачебной помощи настолько увеличились, что на ряду съ аптекой для царской семьи правительство сочло нужнымъ открыть въ Москвѣ аптеку для вольной продажи лекарствъ. Но гораздо большее значеніе въ дѣлѣ распространенія правильной медицинской помощи имѣло развитіе военно-полковой медицины. Эта отрасль медицинскаго дѣла начала распространяться у насъ послѣ того, какъ на русскую службу стали вызываться иноземные офицера и солдаты, и въ теченіе первой половины XVII в. постоянные лекаря были, повидимому, лишь въ иноземныхъ полкахъ. Къ концу этого столѣтія, по утверженію автора, правильная медицинская помощь получила въ войскахъ всеобщее распространеніе, и полки имѣли даже не по одному, а по нѣскольку врачей-специалистовъ. Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи медицинскаго

дѣла въ Россіи было появленіе вольно-практикующихъ врачей; главный ихъ контингентъ составлялся военными врачами, уволенными со службы.

Придворные врачи въ Московскомъ государствѣ не стояли изолированно и независимо, а были подчинены особому боярину. Въ этомъ надо видѣть зародышъ Аптекарскаго Приказа, вѣдавшего врачебное дѣло съ конца XVI столѣтія. Строгій надзоръ за придворной медициной устроенъ былъ изъ опасенія, какъ бы врачи, аптекаря и другія лица не нанесли вреда государю. Медицинскіе препараты хранились за дѣячей печатью, и входить въ соотвѣтствующее помѣщеніе можно было только вмѣстѣ съ дьякомъ. Приготовленіе лекарства аптекарями происходило также въ присутствіи особыхъ лицъ; приготовленное лекарство пробовалось врачомъ и аптекаремъ, запечатывалось и черезъ надежнаго боярина доставлялось государю. Поднося его царю, бояринъ долженъ былъ еще самъ „надкусить“ или—принявъ рюмку обратно—выпить остатокъ. Если возникало сомнѣніе въ доброкачественности лекарства, то врачу, для доказательства своей благонадежности, приходилось самому его поѣдать или выпивать. Такъ, въ 1676 г. врачъ Розенбергъ выпилъ цѣлую сьянку приготовленнаго для царицы лекарства, послѣ того какъ оно вызвало тошноту у придворной дамы, предварительно его отвѣдавшей.

Вся дѣятельность иностранныхъ врачей находилась подъ строгимъ контролемъ Аптекарскаго Приказа. Каждый актъ ихъ врачебной дѣятельности заносился на бумагу; тамъ же записывалось и назначенное кому-либо лекарство. Въ случаѣ же заболѣванія кого-либо изъ царской семьи, врачами составлялись пространныя описанія болѣзни, ея причинъ и леченія, съ приведеніемъ мнѣній различныхъ медицинскихъ авторитетовъ. Такія же описанія и подробныя наставленія составлялись и въ случаѣ появленія эпидемическихъ болѣзней или выполненія врачами какихъ-нибудь болѣе или менѣе важныхъ порученій, вродѣ осмотра заболѣвшихъ лицъ, изслѣдованія найденныхъ у кого-либо подозрительныхъ кореньевъ, рѣдкихъ аптекарскихъ матеріаловъ и т. п. Записныя книги Аптекарскаго Приказа представляли, поэтому, нѣчто вродѣ медицинской энциклопедіи. „По нимъ русскіе люди, обращавшіеся около аптеки и дѣль Аптекарскаго Приказа, усвоивали элементарныя познанія въ медицинѣ“ (стр. 222).

Первые наши лекаря выписывались изъ-за границы; но съ распространеніемъ медицинской практики почувствовалась крайняя необходимость въ обученіи медицинскому дѣлу русскихъ людей внутри страны. При тогдашнемъ состояніи общаго образованія такое обученіе могло происходить только практически: ученики помогали врачамъ и аптекарямъ въ работѣ и такимъ путемъ приобретали нѣкоторыя по-

знанія. Во второй половинѣ XVII вѣка обученіе медицинскому искусству принимаетъ болѣе систематическій видъ и отъ учениковъ требуется прохожденіе практическимъ путемъ нѣсколькихъ опредѣленныхъ стадій обученія. Спеціальныхъ школъ для этого, впрочемъ, устроено не было. Для того, чтобы ученикамъ открыть былъ доступъ къ источникамъ теоретическихъ знаній по медицинѣ—принимались мѣры для перевода иностранныхъ сочиненій и для обученія учащихся иностраннымъ языкамъ.

Очень интересны въ разсматриваемомъ сочиненіи главы, посвященныя мѣрамъ борьбы въ до-Петровской Руси съ эпидеміями и эпизоотіями, а также глава о преслѣдованіи колдовства. По этому послѣднему предмету въ литературѣ господствуетъ, какъ извѣстно, мнѣніе, что Россія была свободна отъ того изувѣрскаго преслѣдованія колдуновъ, которое окрашиваетъ такимъ мрачнымъ цвѣтомъ средніе вѣка западно-европейской исторіи. Г. Новомбергскій протестуетъ противъ этого мнѣнія. Многочисленными фактами онъ доказываетъ распространенность у насъ въ XVI и XVII вѣкахъ дѣлъ о колдовствѣ, въ которыхъ главнымъ процессуальнымъ орудіемъ служила пытка, а чуть-ли не самымъ обычнымъ наказаніемъ—сожженіе. „Ужасны кровавые процессы о колдовствѣ, но всего ужаснѣе то, что они начинались по пустыкамъ, а нерѣдко подъ вліяніемъ личной мести, своекорыстныхъ расчетовъ и т. д.“. Достаточно было бреда пьянаго человека, пустой похвалыбы отомстить порчею, доноса на конкуррента, что онъ „принесъ съ поля коренья и сказалъ (кабатчикъ), отъ того коренья будетъ у меня много пьяныхъ людей“; достаточно при случайномъ обыскѣ оказаться у кого-либо корню растенія, какъ начиналось дѣло, допрашивались десятки, сотни и даже тысячи лицъ, примѣнялись пытки и т. д. „Вѣдовство считалось общеопаснымъ преступленіемъ, преслѣдуемымъ въ порядкѣ публичнаго обвиненія; поэтому дѣло, начатое по частной челобитной, уже не прекращалось, хотя бы и поступило со стороны заинтересованнаго заявленіе о прекращеніи... Правительство брало въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ свои руки вѣдовскій процессъ не потому, что оно желало придти на помощь частному человеку (какъ утверждаютъ нѣкоторые ученые), но потому, что оно черезъ посредство частнаго дѣла рассчитывало распутать цѣлую организацію, бросить на кровавую дыбу по возможности всѣхъ колдуновъ даднаго района... Такимъ образомъ, каждое дѣло могло превратиться въ погромъ цѣлой мѣстности“; и по одному дѣлу 1649 г. обыскъ производился въ трехъ уѣздахъ! „Вдумываясь въ общій смыслъ приведенныхъ историческихъ документовъ,—заключаетъ авторъ,—мы находимъ, что процессы о вѣдмахъ въ Россіи протекали съ такою же жестокостію, какъ и на Западѣ; что къ этимъ процессамъ правитель-

ственная власть Московскаго государства привлекалась не менѣе, чѣмъ въ католическихъ или протестантскихъ странахъ. Здѣсь разница лишь въ масштабъ дѣятельности, а не въ существовѣ ея“.

Отъ кошмарныхъ видѣній прошлаго авторъ невольно обращается къ кошмару настоящаго. „Безпоощадною жестокостью вѣсть отъ затронутаго нами времени,—говоритъ онъ;—но если выикнуть въ текущую дѣйствительность, съ разстрѣлами сотенъ людей безъ суда и слѣдствія, то предпочтеніе нужно отдать XVII столѣтію“.

VIII.

— Н. И. Сувицовъ. Безработица и страхование отъ ея послѣдствій въ Западной Европѣ. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Настоящая книга, составленная на основаніи новѣйшихъ матеріаловъ, собранныхъ германскими правительственными учрежденіями, имѣетъ задачей ознакомить русскую публику съ современнымъ положеніемъ вопроса о мѣрахъ помощи безработнымъ на Западѣ. Она состоитъ изъ пяти главъ, посвященныхъ различнымъ сторонамъ даннаго предмета. Въ первой главѣ излагаются статистическія данныя о количествѣ безработныхъ. Имѣющіяся на этотъ счетъ свѣдѣнія далеко не достаточно рисуютъ распространеніе безработицы даже въ тѣ моменты времени, къ которымъ они относятся, потому ли что собирались они между прочимъ, или что касались ограниченнаго числа рабочихъ. Главнѣйшими источниками свѣдѣній, о которыхъ идетъ рѣчь, служатъ промышленныя народныя переписи и отчеты рабочихъ союзовъ; но въ послѣдніе годы наблюденія надъ распространеніемъ безработицы—не особенно, впрочемъ, точными методами—стали производить нѣкоторые, преимущественно, нѣмецкіе города. Цифровыя свѣдѣнія о числѣ безработныхъ, собранныя въ различныхъ странахъ различными учрежденіями, сгруппированы (преимущественно въ относительныхъ числахъ) въ первой главѣ разсматриваемаго труда.

Во второй главѣ описываются способы страхованія отъ безработицы, практикуемые рабочими союзами, и приводятся статистическія данныя объ этомъ страхованіи. Изъ крупныхъ государствъ всего болѣе распространено страхование въ союзахъ англійскихъ и нѣмецкихъ; но и здѣсь оно распространяется далеко не на всѣхъ членовъ союзовъ. Въ Англійи помощь на случай безработицы обеспечена приблизительно 800 тысячамъ рабочихъ, что составляетъ около 43% организованныхъ рабочихъ и лишь 6% всего числа промышленныхъ рабочихъ Соединеннаго Королевства; въ Германіи страхование въ рабочихъ союзахъ распространяется на миллионъ слишкомъ или на большую половину

членовъ послѣднихъ. Въ другихъ крупныхъ государствахъ страхованіе этой категоріи распространено гораздо слабѣе. Въ Австріи помощь въ случаѣ безработицы обезпечивается профессиональными союзами 200 тысячамъ рабочихъ, во Франціи—лишь 30 тыс. рабочихъ и т. д. Наибольшее распространеніе страхованій отъ безработицы получило въ датскихъ союзахъ. Рабочіе союзы охватываютъ здѣсь около половины общаго числа промышленныхъ рабочихъ, а союзы, страхующіе своихъ членовъ отъ безработицы, заключаютъ $\frac{2}{3}$ организованныхъ рабочихъ. Слабое, сравнительно, развитіе этого вида взаимопомощи рабочихъ въ большей части европейскихъ государствъ объясняется тѣмъ, что вниманіе на этотъ предметъ рабочихъ организацій обращено лишь очень недавно—въ небольшихъ государствахъ даже только въ текущемъ столѣтіи. Но зато, разъ начавшись, дѣло взаимопомощи рабочихъ въ отношеніи ослабленія послѣдствій безработицы развивается, вообще говоря, довольно быстро; въ Германіи, напр., съ 1900 по 1905 расходы союзовъ на помощь безработнымъ увеличились въ $2\frac{1}{2}$ раза.

Собственно говоря, только въ своихъ организаціяхъ рабочіе и находятъ сколько-нибудь замѣтную помощь въ случаѣ безработицы; участіе же въ этомъ дѣлѣ общественныхъ учреждений, можно сказать, ничтожно и еще не вышло изъ области опытовъ. Этому предмету посвящены остальные главы труда г. Сувинова. Муниципальныя учрежденія оказываютъ денежную поддержку безработнымъ, или организуя самостоятельное добровольное страхованіе отъ безработицы, или внося опредѣленныя суммы въ страховыя кассы рабочихъ союзовъ. Послѣдній способъ связанъ съ наименьшими затрудненіями, но такъ какъ общественная помощь направляется при этомъ на рабочихъ, и безъ того уже болѣе или менѣе обезпеченныхъ, то нѣкоторыя городскія общины пробовали ввести самостоятельное страхованіе отъ безработицы, для рабочихъ, не принадлежащихъ къ организаціямъ. Первая попытка этого рода предпринята городомъ Берномъ въ 1893 г. Но эту попытку нельзя считать особенно удачной, потому что членами кассы становятся лишь тѣ рабочіе, для которыхъ вѣроятность сдѣлаться безработными очень велика (главнымъ образомъ сезонные, строительные рабочіе), и касса поддерживается, поэтому, не столько страховыми взносами, сколько субсидіями. То же самое надлежитъ сказать и о немногихъ кассахъ этого типа въ другихъ городахъ. Въ г. С.-Галленѣ сдѣланъ былъ опытъ обязательнаго страхованія отъ безработицы, но успѣха попытка эта не имѣла. Законопроекты обязательнаго страхованія вырабатывались и въ нѣкоторыхъ другихъ кантонахъ Швейцаріи.

Интересъ къ вопросу о страхованіи отъ безработицы очень оживился подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса начала текущаго вѣка,

и въ теченіе послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ во Франціи, Норвегіи и Даніи въ помощи безработнымъ стало принимать нѣкоторое участіе и государство. Здѣсь изданы были законы о выдачѣ правительственныхъ субсидій кассамъ страхованія отъ безработицы. Въ нѣкоторыхъ другихъ западно-европейскихъ государствахъ вопросъ о государственномъ участіи въ страхованіи отъ безработицы поставленъ на очередь и подвергается горячему обсужденію. Высказываемыя на этотъ счетъ мнѣнія нашли также себѣ мѣсто на страницахъ разсматриваемаго труда. Трудность общаго рѣшенія даннаго вопроса обуславливается тѣмъ, что, при введеніи обязательнаго страхованія отъ безработицы, государству предстояла бы весьма трудная задача различать невольную потерю работы отъ такой, которая произошла по винѣ претендующаго на пособіе. Такіе вопросы разрѣшаются рабочими организаціями легче, но въ союзахъ объединена лишь незначительная часть рабочихъ.

Вопросъ о страхованіи отъ безработицы не сегодня-завтра станетъ на очередь и въ нашей странѣ; и книжка г. Сувиорова, излагающая организацію этого дѣла на Западѣ, будетъ хорошимъ пособіемъ при первоначальныхъ обсужденіяхъ этого предмета.—В. В.

Въ теченіе августа мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бьянегъ, И. С.—Практической курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII столѣтій. М. 907. Стр. 84. Ц. 1 р.

Вамеръ, Ю. Н., проф.—Начальный курсъ природовѣдѣнія. Съ 105 рис. въ текстѣ. Ч. I. Изд. Пироговскаго тов. Кіевъ, 907. Стр. IV + 188. Ц. 60 к.

Венеровъ, С. А.—Очерки по исторіи русской литературы. (Библиотека „Свѣточа“ подъ ред. С. А. Венгерова. №№ 56—65. Серія „Исторіи и теоріи литературы“, № 4). Спб. 907. Стр. 483. Ц. 2 р. 50 к.

Воложайкинъ, В. М., д-ръ.—О неврозѣ и нервномъ анастомозѣ. Спб. 907. Стр. 110.

В. П.,—Разказы. Спб. 906. Стр. 365. Ц. 1 р.

Вульфъ, А.—Общій методъ расчета электромагнитныхъ механизмовъ. Спб. 907. Стр. 123.

Гагенъ, В. А.—Борьба съ народнымъ пьянствомъ. (Попечительства о народной трезвости, ихъ современное положеніе и недостатки). Спб. 907. Стр. 103. (Оттиски изъ журн. „Трудовая Помощь“).

Гауптманъ, Г.—Сестры изъ Бишофсберга. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. Перев. съ нѣм. Э. Бескина. М. 907. 16°. Стр. 139. Ц. 50 к.

Гѣре, Павелъ.—Воспоминанія и достопамятныя происшествія изъ жизни одного рабочаго. Издано на нѣм. языкѣ и снабжено предисловіемъ П. Гѣре. Полный перев. съ нѣм. подъ ред. А. Паевской. Спб. 907. Стр. 300. Ц. 1 р.

Геруа, А.—Послѣ войны о нашей арміи. Второе дополн. изд. Спб. 907. Стр. 390. Ц. 1 р. 50 к.

- Къ познанію арміи. Спб. 907. Стр. 133. Ц. 1 р.
- Герцень, А. И.*—О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи. Перев. съ франц. А. Тверитинова. Спб. 907. Стр. 169. Ц. 40 к.
- Гершуни, Г.*—Изъ недавняго прошлаго. Спб. 907. Стр. 96. Ц. 20 к.
- Гольденбергъ, Изр.*—На трудовомъ пути. Этюды и эскизы. Одесса 907. 16°. Стр. 16. Ц. 3 к.
- Граціановъ, Н. А.*—Организація популярно-научныхъ курсовъ въ Нижнемъ-Новг. для рабочаго и ремесл. населенія. Н.-Новг. 907. Стр. 12. Ц. 10 к.
- Гутурбъ, Ф. П.*—Сборникъ стихотвореній. Кіевъ 907. Стр. VIII+285. Ц. 1 р. 25 к.
- Гутьяръ, Н. М.*—Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Юрьевъ 907. Стр. 400. Ц. 1 р. 75 к.
- Е. О. L.*—Проектъ основныхъ положеній объединенной школы. Уфа 907. Стр. 31.
- Заленскій, В. Р.*—Учебникъ физиологіи растений для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 105 рис. въ текстѣ. Изд. Пироговскаго тов. Кіевъ 907. Стр. III+182. Ц. 80 к.
- Замуравкинъ, К. И., д-ръ.*—Туберкулезъ ячвеа и придатка. (Клиника и леченіе). Спб. 907. Стр. 111—256.
- Земцегов, В.*—Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи. Рига 907. Стр. 107. Ц. 75 коп.
- Зоренфрей, Г.*—Вопросы современной школы. Спб. 907. Стр. 83. Ц. 75 к.
- Каменоградскій, П. И.*—Доходное грибоводство. Практич. руководство для огородниковъ, сельскихъ хозяевъ и любителей. Съ 56 рис. Изд. А. Ф. Девриена. Стр. XIV+183. Ц. 1 р. 20 к.
- Карлейль, Томасъ.*—Французская революція. Исторія. Съ 104 портретами и 68 рисунками. Перев. съ англ. Спб. 907. Изд. В. И. Яковенко. Стр. VI+615.
- Котляревскій, Н. А.*—Старинные портреты. Спб. 907. Стр. VIII+457. Ц. 2 р.
- Кумъчицкій, К. (Мазовецкій).*—Автономія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Перев. съ польскаго А. Паткина, съ дополненіями, измѣненіями и предисловіемъ автора специально для русскаго изданія. М. 907. Стр. 211. Ц. 75 к.
- Лабуль, Эдуардъ.*—Принцъ-пудель. Cosas de España. Полный перев. съ франц. П. Казановича. Спб. 907. Стр. 215. Ц. 50 к.
- Лейченко, А.*—Старое въ новомъ. Спб. 907. Изд. А. Артемьева. Стр. 181. Ц. 1 р.
- Либкнехтъ, В.*—Германія полвѣка тому назадъ (къ юбилею мартовской революціи). Съ портретомъ автора. Перев. съ нѣм. А. И. Ульяновой. Спб. 907. Стр. 110. Ц. 30 к.
- Мирбо, О.*—Себастьянъ Рокъ. Романъ нравовъ. Перев. съ франц. Анастасіи Чеботаревской. Изд. С. Скимунта. Стр. 270. Ц. 1 р.
- Нечаевъ, А. В.*—Учебникъ минералогіи и геологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 219 рис. въ текстѣ. Изд. Пироговскаго тов. Кіевъ 907. Стр. VI+171. Ц. 80 к.
- Новомбергскій, Н.*—Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ 907. Стр. VII+387+XCIX+V. Ц. 2 р.
- Петровскій, А. И.*—Донскіе депутаты во II-й Госуд. Думѣ (Историческая справка). Правда о думской казачьей фракціи. Спб. 907. Стр. 136. Ц. 25 к.
- Пибоди, Ф. Г.*—Иисусъ Христосъ и социальный вопросъ. Перев. С. П. Никитскаго. 2-ое испр. изд. М. 907. Стр. 319. Ц. 1 р. 25 к.

Иффенгисдорфъ, Е.—Иисусъ Христосъ въ современной духовной жизни. Христіанское введеніе въ духовный міръ настоящаго времени. Перев. съ 7-го нѣм. изд. С. П. Никитскаго. Харьковъ 907. Стр. IV+304+VII. Ц. 1 р. 50 к.

Литина, А. Ц.—Исторія русской литературы. Т. II. Изд. 3-е, безъ перем. Спб. 907. Стр. 552. Ц. 3 р.

Голстой, гр. А. К.—Полное собраніе стихотвореній. Т. I. Изд. 19-ое. Спб. 907. Изд. С. А. Хитрово. Съ портретомъ. Стр. XVI+367.

Тотоміанцъ, В. Ф.—Формы рабочаго движенія. 2-ое испр. и доп. изд. Спб. 907. Стр. 236. Изд. Н. Глаголева. Ц. 60 к.

Тэнъ, Ипполитъ.—Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Т. I. Старый порядокъ. Перев. съ 3-го фр. изд. Германа Лопатина. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 907. Стр. 576. Ц. 2 р. 50 к.

— Краткій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности геологическаго комитета и отчетъ о состояніи и дѣят. геолог. комит. въ 1906 году. Спб. 907. Стр. 124.

— Краткое руководство для приготовленія домашнимъ способомъ булочеъ, хлѣба, кондитерскихъ печеній, тортовъ и т. д. Составила Э. Кальнинкѣ. Спб. 907. Стр. 132. Ц. 1 р. 20 к.

— Матеріалы къ познанію ископаемой флоры Домбровскаго каменноугольнаго бассейна. М. Д. Залѣскаго. Съ 2 таблицами. Спб. 907. Стр. 68. 4° (Труды геологич. комитета. Вып. 33). Ц. 1 р. 40 к.

— Монголія и Камъ. Труды экспедиціи Имп. Русскаго Геогр. общества, совершенной въ 1899—901 гг. подъ руководствомъ П. К. Козлова. Т. III. Вып. I. *Н. А. Тачаловъ.* Астрономическія наблюденія П. К. Козлова. Съ 20 таблицами. Спб. 907. Стр. 7+20. 4°. Т. V. *В. Бианки.* Матеріалы для авифауны Монголіи и вост. Тибета. Съ картою и 4 таблицами. Стр. 58+251. 4°.

— Наставленія для обученія войскъ гимнастикѣ и полевая гимнастика 1879 года. Изд. В. Березовскій. Спб. 907. Съ рис. и таблицами. Стр. 116+16. Ц. 35 коп.

— Отчетъ о дѣятельности врачей санитарнаго надзора на рр. Волгѣ и Камѣ и на Маринской системѣ за 1906 г. Изд. управленія внутр. водныхъ путей и шоссеиныхъ дорогъ. Спб. 907. Стр. 148.

— Отчетъ по лѣвному управленію за 1905 годъ. Спб. 1907. Стр. VII+497. Изд. Главнаго управленія землеустройства и земледѣлія.

— Пермскій научно-промышленный музей. Отчетъ за 1906 годъ. Стр. 48. Ц. 25 к. Библиотека музея. Вып. I. Каталогъ книгъ о Пермскомъ краѣ. Стр. 104. Пермь 907. Ц. 25 к. Краткій указатель. (Извлеченіе изъ Путеводителя И. Г. Остроумова). 16°. Стр. 16. Ц. 5 к.

— Попечительства о народной трезвости въ 1904 году. Спб. 907. Стр. 42+90+40. 4°. Изд. мин. финансовъ.

— Поѣздки за границу (*Voyages à l'Étranger*). Двухнедѣльный журналъ. 1907 г. Августъ. Спб. 907. Стр. 144+32+12. Ц. 40 к.

— Протоколы Бердянскаго очереднаго уѣзднаго земскаго собранія 41 очередной сессіи. Бердянск. 1907. 4°. Стр. 267+39+70+21+129.

— Революціонное движеніе въ Россіи въ докладахъ министра Муравьева, съ предисл. Л. Мартова. 1894—1905. Съ приложеніями. Изд. книгоизд. „Лѣтописца“. Спб. 907. Стр. 242.

— Свѣдѣнія о мужскомъ и женскомъ коммерческомъ училищѣ Н. М. Глаголевой. Съ прилож. программъ приготов. I, II, III и IV классовъ. Спб. 907. Стр. 46.

— „Сполохи“. Альманахъ I. Издательство Стожары. М. 907. Стр. 111. Ц. 50 коп.

— Труды госпитальной хирургической клиники (Имп. Военно-медиц. академіи). Проф. С. П. Федорова. Т. III. Ч. I. Спб. 907. Стр. 256.

— Труды русскаго Энтомологическаго общества въ Спб. Т. 38, № 1—2 съ 6 таблицами и 3 фиг. въ текстѣ. Стр. 108—184. Ц. 4 р. № 3. Съ 2 фиг. въ текстѣ. Подъ ред. Н. Я. Кузнецова. Спб., 907. Стр. 109—203. Ц. 1 р.

— Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ. Сост. С. Миропольскій. Изд. 10-ое. Спб., 907. Стр. 111. Ц. 15 к.

— Энциклопедія практической медицины. Подъ редакціей д-ра М. Т. Schniger и д-ра Н. Vierordt. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. В. В. Подвысоцкаго и д-ра Л. Я. Якобсона. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 907. Томъ I, вып. 1. Аарезунъ—Бактеріи. Стр. 4—319. Ц. 1 р. 50 к.; в. 2. Бактеріи — Родяной ракъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1907 г.

Новыя международныя соглашенія. — Двѣ конвенціи—русско-японская и англо-русская.—Дипломатія короля Эдуарда VII.—Македонскій вопросъ и мароккскія дѣла.—Международный сѣздъ социалистовъ. — Болгарскій юбилей.

Интересы международнаго общенія никогда еще, кажется, не поддерживались съ такою энергіею и не проявлялись въ такихъ разнообразныхъ формахъ, какъ въ настоящее время. Въ Гаагѣ засѣдаетъ еще вторая конференція мира, обсуждающая самые важные и коренные вопросы международной политической жизни; въ Штутгартѣ собрался международный социалистическій конгрессъ при участіи многочисленныхъ представителей разныхъ странъ и народностей; свиданія монарховъ и руководящихъ министровъ великихъ державъ слѣдуютъ одно за другимъ; наконецъ, въ короткое время заключены три международныя конвенціи, изъ которыхъ каждая имѣетъ значеніе крупнаго политическаго событія. Послѣ франко-японской конвенціи 10 іюня (нов. ст.) состоялось соглашеніе между Россіею и Японіею, подписанное 17 (30) іюля въ Петербургѣ, а 18 (31) августа заключена давно ожидаемая англо-русская конвенція.

Официальный текстъ русско-японскаго соглашенія очень кратокъ; онъ заключаетъ въ себѣ только двѣ статьи, съ маленькимъ дипломатическимъ вступленіемъ:

„Правительство Его Величества Императора Всероссійскаго и правительство его величества императора японскаго, желая упрочить мирныя и добрососѣдскія отношенія, столь счастливо возстановившіяся между Россіею и Японіею, и устранить всякіе поводы къ недоразумѣніямъ въ будущемъ, въ сношеніяхъ между двумя Имперіями, согласились на слѣдующія условія:

„Статья I. Каждая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ обязуется уважать существующую территоріальную цѣлость другой и всѣ права, вытекающія для той и другой стороны изъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и контрактовъ между ними и Китаемъ, копіи которыхъ были обмѣнены между договаривающимися сторонами (поскольку и права совмѣстимы съ принципомъ общаго равноправія), изъ Португальскаго договора 23-го августа (5-го сентября) 1905 г., а равно изъ еціальныхъ соглашеній, заключенныхъ между Россіею и Японіею.

„Статья II. Обѣ высокія договаривающіяся стороны признають ве-

зависимость и цѣлость территоріи Китайской имперіи и принципъ общаго равноправія по отношенію къ торговлѣ и промышленности всѣхъ націй въ этой имперіи и обязуются поддерживать и защищать сохраненіе status quo и означенный принципъ всѣми мирными средствами, имѣющимися въ ихъ распоряженіи“.

Дипломатическій языкъ имѣетъ свои странности. Можно только порадоваться тому, что у насъ такъ скоро возстановились „мирныя и добрососѣдскія отношенія“ съ Японією; но не вслѣдствіи той, въ какомъ смыслѣ употреблены при этомъ слова: „столь счастливо“. Событія на Дальнемъ Востокѣ окончились весьма счастливо для Японіи и крайне несчастливо для Россіи; а съ тѣхъ поръ какъ они совершились, не произошло ничего такого, что прямо или косвенно могло бы считаться благопріятнымъ для русскихъ интересовъ. Положеніе осталось именно такимъ, какимъ оно создано было рѣшительными японскими побѣдами на сушѣ и на морѣ: ни малѣйшей уступки намъ не сдѣлано, да мы и не имѣли основанія рассчитывать на какую-либо уступку со стороны противника, который еще недавно былъ для насъ „дерзкимъ“ и „коварнымъ“ врагомъ. Напротивъ, японцы благоразумно старались извлечь всѣ выгоды изъ своего положенія, прочно закрепили за собою достигнутые результаты и обезпечили для себя возможность спокойно пользоваться своими пріобрѣтеніями, не опасаясь „реванша“, — при помощи дружественной и союзной Англіи, которая способствовала устройству франко-японскаго соглашенія и этимъ подготовила дипломатическую почву для дѣловаго примиренія Россіи съ Японією. Если мы вынуждены были примириться съ печальнымъ оборотомъ дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ и признать его окончательнымъ на долгіе годы впередъ, то что же тутъ утѣшительнаго для русской дипломатіи, и съ какой точки зрѣнія можно назвать этотъ оборотъ „столь счастливымъ“?

Конвенція 17 (30) іюля есть только краткое предисловіе — или, вѣрнѣе, послѣсловіе, — къ заключеннымъ съ Японією обстоятельнымъ договорамъ о рыбной ловлѣ у береговъ нашей Приморской области и о взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ; тексты этихъ договоровъ еще не обнародованы, но, насколько можно судить по проникшимъ въ печать извѣстіямъ, Россія уступила японцамъ больше, чѣмъ обязана была по Портсмутскому трактату, и предоставила имъ цѣнный для нихъ льготы и преимущества по торговлѣ и судоходству, безъ соответственной компенсаціи, исключительно для доказательства своего искренняго желанія ликвидировать тяжелое наслѣдіе недавняго прошлаго и возстановить мирныя добрососѣдскія связи съ побѣдителями. Наши присяжные патріоты-націоналисты выступили уже съ горячими нападками и обвиненіями противъ дипломатическаго вѣдомства, не сумѣв-

шаго или не пожелавшаго отстоять русскіе національные интересы на Дальнемъ Востокѣ; но тѣ же патріоты являются усердными защитниками безотвѣтственности и неограниченности государственной власти, и слѣдовательно они не имѣютъ уже нравственнаго права возставать противъ неизбѣжныхъ послѣдствій этой безотвѣтственности правительства. Вѣдь не самовольно же дѣйствуютъ наши дипломаты, а съ согласія и одобренія верховной власти; противъ кого же протестуютъ эти убѣжденные сторонники стараго режима? Наши дипломатическіе дѣятели, въ отличіе отъ своихъ западно-европейскихъ и японскихъ коллегъ, не обязаны считаться съ общественнымъ мнѣніемъ; они не отвѣчаютъ предъ народнымъ представительствомъ и не должны бояться парламентскихъ запросовъ: ничто не измѣнилось въ этомъ отношеніи со времени японской войны, несмотря на категорическія конституціонныя обѣщанія 17 октября. И тѣ самые публицисты, которые съ наибольшимъ усердіемъ хлопотали, чтобы у насъ не было настоящей „конституціи“ и парламентаризма, удивляются теперь, что органы власти—и въ томъ числѣ дипломатія—дѣйствуютъ по старому!

Несомнѣнно, что прочное примиреніе съ Японією, въ связи съ англо-русскимъ соглашеніемъ относительно разныхъ спорныхъ вопросовъ въ Азіи, было въ высшей степени желательно для нашего правительства въ виду продолжающагося внутреннего кризиса, требующаго напряженія всѣхъ государственныхъ силъ для борьбы съ всемѣстной народной оппозиціей или крамолой. Заботы о незаконченныхъ или сомнительныхъ внѣшнихъ дѣлахъ связывали руки правительству въ нашей внутренней политикѣ; этимъ и объясняется та необыкновенная поспѣшность, съ какою заключены важныя и сложныя дѣловыя соглашенія съ Японією и Англією. На Западѣ, въ Европѣ, достигнуто дружественное сближеніе съ Германією путемъ секретныхъ переговоровъ и свиданій въ Свинемюнде; на Востокѣ, въ Азіи, восстановлены мирныя „добрососѣдскія“ отношенія съ недавними врагами и улажены всѣ давнишніе споры съ нашими главными противниками и соперниками, англичанами. Понятно, что для скорѣйшаго достиженія такого желаннаго результата необходима была нѣкоторая уступчивость съ нашей стороны: это вытекало само собою изъ общаго положенія дѣлъ и изъ нашихъ собственныхъ печальныхъ обстоятельствъ. Осуждать эту уступчивость въ иностранныхъ дѣлахъ всего менѣе подобало тѣмъ, которые стоятъ за упорное продолженіе внутренней борьбы во имя сохраненія существенныхъ исконныхъ началъ стараго режима. Избавившись отъ внѣшнихъ тревогъ, правительство пріобрѣтаетъ полную свободу дѣйствій внутри страны; значительныя военныя силы, находившіяся въ разныхъ пограничныхъ областяхъ Азіи, могутъ быть размѣщены въ другихъ мѣстахъ, соотвѣтственно потребностямъ

и условіямъ внутренняго положенія. Независимо отъ этой ближайшей практической цѣльности состоявшихся дипломатическихъ сдѣлокъ для нынѣшняго нашего правительства, онѣ представляютъ огромный принципиальный успѣхъ для самой Россіи и для всей ея будущности, — и этотъ успѣхъ рѣшительно перевѣшиваетъ въ нашихъ глазахъ тѣ возраженія и сомнѣнія, которыя вызываются скрытыми „внутренними“ мотивами и положительнымъ содержаніемъ указанныхъ актовъ.

Обѣ конвенціи — русско-японская и англо-русская — завершаютъ собою продолжительный, стойвшій намъ чрезвычайно дорого періодъ военно-политической предприимчивости въ средней и восточной Азіи, — періодъ опасныхъ, разорительныхъ и безцѣльныхъ авантюръ, которыя не разъ ставили насъ лицомъ къ лицу съ перспективою неминуемыхъ кровавыхъ столкновеній съ Англією и ея союзниками. Неопредѣленные честолюбивые планы патріотовъ стараго режима тянули насъ то къ Индіи и къ Персидскому заливу, то къ Манчжуріи и Портъ-Артуру, и на эти ненужныя затѣи безотвѣтственныхъ фантазеровъ щедро тратились сотни миллионъ рублей, безжалостно извлекаемыхъ изъ нищенской, періодически голодающей массы коренного русскаго населенія. Тѣ средства и усилія, которыя съ семидесятыхъ годовъ употреблялись на средне-азиатскія дѣла, были бы болѣе чѣмъ достаточны для введенія у насъ всеобщаго народнаго образованія, для основательнаго подъема народнаго земледѣлія и прочнаго улучшенія быта нашего крестьянства. Возбуждая противъ себя постоянную вражду и подозрительность англичанъ, обезпокоенныхъ насчетъ безопасности своего владычества въ Индіи, наша азиатская политика создавала намъ тяжелыя затрудненія на европейскомъ юго-востокѣ, гдѣ намъ приходилось сталкиваться съ Турцією на почвѣ интересовъ и традицій, настойчиво напоминавшихъ о себѣ при каждомъ серьезномъ кризисѣ или замѣшательствѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Во время русско-турецкой войны и на берлинскомъ конгрессѣ мы расплачивались за средне-азиатскія увлеченія; въ 1885 году Россія едва избѣгла войны съ Англією изъ-за стычки съ афганцами на Кушкѣ; непріязненное англо-русское соперничество сдѣлалось какъ бы обязательнымъ элементомъ международной политики; оно сопутствовало и послѣднимъ злополучнымъ предпріятіямъ въ Китаѣ и у Тихаго океана. Опасенія русскихъ замысловъ на Дальнемъ Востокѣ побудили Англію заключить союзъ съ Японією; наконецъ, японская война положила конецъ нашимъ бессмысленнымъ азиатскимъ мечтаніямъ, подобно тому какъ полустолѣтіемъ раньше севастопольскій разгромъ положилъ конецъ притязаніямъ нашихъ правителей на руководящую роль въ Европѣ. Теперь мы поневолѣ должны отречься отъ активной наступательной политики въ Азіи, и заключенныя нынѣ конвенціи суть

именно акты такого отреченія. Обычныя мысли о возмездіи, стремленія къ будущимъ войнамъ съ цѣлью обратнаго завоеванія потерянныхъ позицій или, по крайней мѣрѣ, восстановленія утраченнаго военнаго престижа, — мысли и стремленія, вытекающія изъ ложнаго національнаго самолюбія и тщетно поддерживаемыя въ печати нѣкоторыми патріотами, — формально отвергнуты и устранены новыми дипломатическими договорами. Россія освобождается такимъ образомъ отъ кошмара дальнѣйшихъ военно-политическихъ приключеній, и если этому способствовали соображенія внутренней политики, то можно сказать: нѣтъ худа безъ добра. Конвенціи 17-го іюля и 18-го августа безповоротно рѣшаютъ вопросъ, который въ близкомъ будущемъ могъ бы послужить источникомъ новыхъ опасныхъ блужданій и честолюбивыхъ проектовъ. Отнынѣ нѣтъ у насъ щекотливыхъ счетовъ ни съ Англією, ни съ Японією: недавнее прошлое предается забвенію, и мы можемъ спокойно заняться устройствомъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ для пользы народа. Остается только пожелать, чтобы и въ этой области внутренняго устроенія прекратилась бесплодная борьба и чтобы между правителями и управляемыми установились такія же мирныя, дружественныя отношенія, какія „столь счастливо“ восстановлены теперь между великими державами въ Европѣ и въ Азіи.

Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ устроителей международныхъ дипломатическихъ соглашеній и сближеній является въ наше время король Эдуардъ VII, успѣшно соперничающій съ Вильгельмомъ II по части заграничныхъ путешествій. Не будучи самодержавнымъ монархомъ и потому пользуясь неограниченною свободою передвиженій и дѣйствій, англійскій король оказываетъ несомнѣнно большое и благотворное вліяніе на политику, и это вліяніе постоянно принимается теперь въ расчетъ при оцѣнкѣ общаго международнаго положенія въ Европѣ. Крайне общительный и жизнерадостный по натурѣ, Эдуардъ VII повсюду дѣйствуетъ въ духѣ искренняго миролюбія, смягчаетъ возможныя недоразумѣнія и облегчаетъ дружескіе компромиссы; издавна, еще въ качествѣ наслѣдника престола, онъ старался подготовить соглашеніе между Англією и Францією, для чего сблизился съ Гамбеттою и съ другими выдающимися французскими дѣятелями во время своихъ частыхъ посѣщеній Парижа, и нельзя отрицать, что нынѣшняя франко-британская дружба, имѣющая отчасти характеръ союза, есть прежде всего результатъ его личныхъ усилій. Конечно, онъ ничего не предпринималъ безъ вѣдома и согласія отвѣтственнаго правительства своей страны, но онъ легко устраивалъ то, что не могло быть достигнуто профессиональными дипломатами.

Такъ, напримѣръ, между Англіею и Германіею существуетъ скрытый антагонизмъ, замѣтно отражающійся и на официальныхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ; Германія постепенно становится первоклассною морскою державою, стремится расширить свои колоніальныя владѣнія и готовится оспаривать торговое первенство Англии въ разныхъ частяхъ свѣта; между вліятельными газетами обѣихъ странъ возбуждается часто непріязненная и нерѣдко весьма ядовитая полемика, свидѣтельствующая о недоброжелательныхъ взаимныхъ чувствахъ. Официальная дипломатія не имѣетъ тутъ опредѣленнаго матеріала для обсуждения и не можетъ ничего сдѣлать своимъ вмѣшательствомъ; она только опровергаетъ прямые обвиненія, въ родѣ указаній на умышленное будто бы содѣйствіе возставшимъ туземцамъ южно-африканскихъ германскихъ колоній, но эти опроверженія остаются безплодными и даютъ лишь новую пищу для газетныхъ нападокъ. Настроеніе противниковъ сразу измѣняется, когда добродушный король Эдуардъ, въ качествѣ родного дяди германскаго императора, отправляется къ нему съ визитомъ и обмѣнивается любезностями съ Вильгельмомъ II; поѣздка англійскаго короля въ Германію заставляетъ всю европейскую печать говорить объ англо-германскомъ сближеніи, и поводы къ взаимному неудовольствію забываются или исчезаютъ на время.

Впрочемъ, на этотъ разъ свиданіе Эдуарда VII съ Вильгельмомъ II въ замкѣ Вильгельмстее, близъ Касселя, 14 (1) августа, должно было имѣть серьезное политическое значеніе, такъ какъ короля сопровождалъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, сэръ Чарльзъ Гардингъ, и съ другой стороны присутствовалъ германскій канцлеръ, князь Бюловъ. Оба дипломата прибыли въ Вильгельмстее, разумѣется, не для простаго развлечения; но политическія бесѣды пріобрѣтаютъ особый отбѣнокъ, когда онѣ происходятъ при обстановкѣ дружескаго свиданія монарховъ, вдали отъ официальныхъ дипломатическихъ канцелярій. Самая встрѣча монарховъ, какъ удостовѣряютъ газеты, отличалась чисто-родственною сердечностью; подчеркивается даже то обстоятельство, что они облобызались „въ обѣ щеки“; разговоръ велся сначала на англійскомъ языкѣ, но за обѣдомъ Эдуардъ VII произнесъ свой отвѣтныи тостъ по-нѣмецки. Въ обоихъ тостахъ выражались самыя лучшія пожеланія относительно взаимныхъ отношеній обѣихъ націй; однако въ рѣчи Вильгельма II говорилось больше о фамилныхъ чувствахъ, а въ рѣчи короля преобладали національно-политическіе мотивы. „Мое величайшее желаніе,—сказалъ, между прочимъ, король Эдуардъ,—видѣть истинную дружбу между обѣими странами; я радуюсь, что ваше величество собираетесь посѣтить меня въ Англию; я твердо убѣжденъ, что не только моя семья, но и весь англійскій на-

родъ съ величайшею радостью встрѣтитъ ваше величество“. Нѣмецкая печать не могла не придти въ умиленіе отъ этихъ словъ, и слѣды невпріязни и недовѣрія исчезли изъ газетныхъ отзывовъ и сужденій объ Англіи.

Исполнивъ свою миссію въ Вильгельмсгѣе, Эдуардъ VII на слѣдующій день былъ уже въ гостяхъ у императора Франца-Иосифа, въ Ишлѣ, куда прибылъ и австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Эренталь; затѣмъ онъ отправился для отдыха въ Мариенбадъ, гдѣ его посѣтилъ приглашенный имъ на свиданіе французскій министръ-президентъ Клемансо. Въ то же время итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ Титтони ѣздилъ къ своему австрійскому коллегѣ и потомъ побывалъ въ Ишлѣ. О чемъ такъ дѣятельно совѣщались дипломаты и чтѣ составляло предметъ и цѣль этихъ свиданій монарховъ и оживленныхъ бесѣдъ ихъ министровъ? Кромѣ общей цѣли — улучшенія взаимныхъ отношеній между государствами — имѣлось въ виду соглашеніе, во-первыхъ, относительно македонскихъ дѣлъ, наиболѣе интересующихъ Австро-Венгрію и Италію, и во-вторыхъ, относительно мароккесскаго вопроса, озабочивающаго главнымъ образомъ Германію, Францію и Англію.

Македонія давно уже находится подъ номинальною опекою Европы, отъ имени которой двѣ державы, Австро-Венгрія и Россія, взяли на себя заботу о введеніи необходимыхъ реформъ и обезпеченіи внутренняго порядка въ странѣ; эта программа мнимыхъ реформъ примѣняется уже десять лѣтъ, въ Македоніи устроено какое-то подобіе международной жандармеріи и предположены зачатки административно-финансоваго контроля, подъ верховною властью турецкаго султана, но кровавыя внутреннія междоусобія сдѣлались хроническими, и положеніе несчастной страны всѣми признается невыносимымъ. Организованные греческіе отряды нападаютъ на болгарскія села и вырѣзываютъ жителей, болгары въ свою очередь дерутся съ сербами и греками, а турки покровительствуютъ грекамъ, какъ болѣе благонадежнымъ, и открыто помогаютъ имъ въ патріотическомъ дѣлѣ истребленія крамольниковъ — болгаръ и сербовъ; опекунская дипломатія перестала даже слѣдить за однообразнымъ ходомъ этой безнадежной рѣзни, считая ее какъ бы неизбѣжною и неустранимою принадлежностью установленнаго status quo. Для вѣнскаго кабинета весь македонскій вопросъ сводится къ сохраненію и расширенію австрійскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ; главныя заботы направлены къ тому, чтобы не давать поводовъ для вмѣшательства постороннихъ державъ и для созданія какихъ-либо новыхъ международныхъ комбинацій, касающихся Македоніи, а чтѣ собственно дѣлается съ самими македонцами — это въ сущности безразлично съ точки зрѣнія дипло-

матии. Австро-Венгрия замѣняетъ теперь Европу для Македонии, какъ и для другихъ балканскихъ областей и государствъ,—какъ отчасти и для самой Турціи; Россія едва принимается уже въ расчетъ на ближнемъ Востоке, съ тѣхъ поръ какъ она занялась дальнимъ Востокомъ; она пассивно слѣдуетъ за Австріею и молчаливо подписываетъ всѣ ея рѣшенія и заявленія, охраняя неприкосновенность пресловутой „миръ-штегской“ программы. Только англичане не могутъ успокоиться и иногда выказываютъ интересъ къ судьбѣ Македонии и ея безправныхъ обитателей; они полагаютъ, что обязанность Европы, т.-е. великихъ державъ, участвовавшихъ въ подписаніи берлинскаго трактата, — позаботиться о дѣйствительномъ прекращеніи неслыханныхъ бѣдствій, терзающихъ несчастную страну, а не ограничиваться только обереганіемъ бесплодныхъ дипломатическихъ формулъ. Но вѣнскій кабинетъ твердо стоитъ на своемъ и беретъ на себя всякія дальнѣйшія опекунскія мѣры, лишь бы не нарушать status quo, а такъ какъ „постороннія“ европейскія націи никакихъ серьезныхъ интересовъ, ни коммерческихъ, ни политическихъ, въ Македоніи не имѣютъ, то положеніе остается прежнимъ, и австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ легко убѣждаетъ своихъ оппонентовъ въ невозможности или опасности вновь поднимать вопросъ и дѣлать его предметомъ международнаго обсужденія. Послѣ бесѣды барона Эренталя съ королемъ Эдуардомъ и сэромъ Гардингомъ, какъ и позднѣе — съ Титтони, австрійскія офиціозныя газеты съ удовольствіемъ сообщали, что австро-венгерская точка зрѣнія сохраняетъ свою силу и на будущее время и что въ Македоніи будетъ преобразована судебная организація съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ проведено учрежденіе международной жандармеріи.

Нѣкоторую аналогію съ Македоніею представляетъ и Марокко: Марокко также состоитъ подъ опекою Европы, при ближайшемъ фактическомъ участіи двухъ уполномоченныхъ державъ — Франціи и Испаніи, взявшихъ на себя устройство международной полиціи въ извѣстныхъ пунктахъ; разница только въ томъ, что Марокко считается самостоятельнымъ государствомъ и по своему географическому положенію, какъ и по размѣрамъ своихъ торговыхъ сношеній, представляетъ огромный интересъ для нѣкоторыхъ изъ наиболее могущественныхъ европейскихъ націй — для Германіи, Англии и Франціи. Французское правительство, вмѣстѣ съ испанскимъ, имѣетъ относительно Марокко опредѣленные полномочія, которыя оно также выполняетъ самостоятельно, безъ замѣтнаго участія Испаніи, — подобно тому, какъ Австрія распоряжается на Балканскомъ полуостровѣ при номинальномъ только участіи Россіи; но Франція вынуждена точно держаться постановленій международной алжесирасской конференціи, за соблю-

деніемъ которыхъ зорко слѣдитъ Германія, и въ этомъ кроется источникъ возможныхъ пререканій и конфликтовъ, болѣе или менѣе опасныхъ для общаго мира. Послѣднія событія въ Марокко наглядно доказали всю тщету искусственныхъ политическихъ комбинацій, предполагающихъ коллективную опеку иностранныхъ государствъ надъ чуждымъ и неподвластнымъ имъ народомъ. Въ концѣ іюля туземцы въ Казабланкѣ напали на портовые сооруженія, производимыя европейцами, разрушили начатыя постройки, разбили локомотивъ и убили восемь человекъ, въ томъ числѣ пять французовъ; толпы туземныхъ патриотовъ, возбужденныхъ фанатическими рѣчами мусульманскихъ проповѣдниковъ, угрожали смертью всѣмъ вообще иноземцамъ, но были на первыхъ порахъ разсѣяны высадившимися съ французскаго крейсера матросами. Нѣсколько дней спустя, стали собираться въ окрестностяхъ многочисленные отряды вооруженныхъ всадниковъ, жабилонъ, готовясь къ „священной войнѣ“ противъ иновѣрцевъ и иноземцевъ, вздумавшихъ завладѣть ихъ родиной; особенно пугала и возмущала ихъ мысль о желѣзной дорогѣ, которую будто бы предполагалось построить черезъ ихъ территорію. Эти арабскія полчища ворвались 5 августа (нов. ст.) въ городъ и совершили въ немъ рядъ жестокихъ звѣрствъ, причѣмъ особенно пострадали туземные бѣдняки-евреи; немногіе европейцы и иностранные консулы успѣли спрятаться въ хорошо защищенныхъ домахъ, подъ охраною матросовъ и при весьма сомнительной и недостаточной помощи войскъ, находившихся въ распоряженіи мѣстнаго губернатора, который вообще склоненъ былъ воздерживаться отъ вмѣшательства въ дѣйствія своихъ соплеменниковъ и только крайне неохотно подчинился призывамъ иностранныхъ представителей. Два дня владѣли городомъ кабилы; для изгнанія ихъ французская эскадра бомбардировала Казабланку и почти совершенно разрушила значительную часть города; нѣкоторые выстрѣлы попали въ мусульманскія мечети, что еще болѣе разожгло мусульманскій фанатизмъ. Кабилы удалились на время, но затѣмъ собрались вновь въ еще болѣе значительномъ числѣ; они неоднократно повторяли свои смѣлые набѣги, но каждый разъ отступали подъ сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ французовъ.

Эти военныя дѣйствія отдѣльной европейской державы въ предѣлахъ Марокко не были предусмотрѣны алжесирасскою конференціею и даже прямо возбранялись ею; а между тѣмъ они вызваны настоятельною необходимостью, и противъ нихъ ничего не можетъ сдѣлать самая придирчивая и недовѣрчивая дипломатія. Но какъ справиться съ туземнымъ населеніемъ Марокко и съ родственными ему воинственными обитателями пустыни? Внутренняя государственная власть безсильна, или, вѣрнѣе, она фактически почти совсѣмъ не существуетъ;

султанъ, имѣющій свою резиденцію въ Фецѣ, не располагаетъ никакими реальными силами, и противъ него поднялись два конкуррента, изъ которыхъ каждый имѣетъ своихъ вліятельныхъ и многочисленныхъ приверженцевъ. Для водворенія порядка въ странѣ и для обезпеченія прочной безопасности европейцевъ пришлось бы предпринять цѣлую военную экспедицію и потомъ оставить гарнизоны въ главныхъ торговыхъ центрахъ; другими словами, произошло бы завоеваніе Марокко, которое однако немислимо при существующемъ соперничествѣ заинтересованныхъ державъ. Такимъ образомъ, весь планъ алжесиракской конференціи оказывается построеннымъ на пескѣ и падаетъ, какъ карточный домикъ, при первомъ столеновеніи съ дѣйствительностью. Марокко признано самостоятельнымъ государствомъ и въ то же время подвергнуто постоянному иноземному вмѣшательству во имя защиты интересовъ пришлыхъ поселенцевъ, предпринимателей и коммерсантовъ; при этомъ упущено изъ виду вполне естественное предположеніе, что Марокко, будучи самостоятельнымъ государствомъ, можетъ пожелать избавиться отъ иностранныхъ благодѣтелей и устроить свою жизнь по своимъ собственнымъ понятіямъ, идеямъ и вѣрованіямъ, безъ стѣснительной иноземной опеки. Марокко, съ его своеобразнымъ мусульманскимъ населеніемъ, было принято почему-то за свободную область для европейской колонизаціи, и между посторонними націями возникли только споры о томъ, кому и какъ и въ какихъ предѣлахъ слѣдуетъ по взаимному соглашенію распоряжаться въ этой странѣ. Подобный взглядъ на чужія земли, занятія не-европейскими, малокультурными расами, лежитъ въ основѣ всей такъ называемой колониальной политики современныхъ просвѣщенныхъ государствъ; онъ въ существѣ глубоко несправедливъ, предполагая безправіе народовъ, имѣющихъ свои вѣковыя права и традиции, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ошибоченъ на практикѣ, вслѣдствіе чего приводитъ къ крайне тягостнымъ разочарованіямъ и неожиданностямъ. Даже африканскіе готтентоты и герреро не расположены подчиняться культурнымъ нѣмецкимъ пришельцамъ и упорно возстаютъ противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, къ удивленію и неудовольствію германской дипломатіи; какъ же можно было ожидать, что туземные жители Марокко и пограничныхъ съ нимъ областей согласатся признать свои земли безхозяйными, подлежащими свободному завладѣнію иноземными предпринимателями? Къ сожалѣнію, этотъ принципиальный вопросъ не существуетъ для дипломатіи, и оттого такъ часто выступаютъ предъ нею неразрѣшимыя и опасныя задачи, вызывающія тревогу въ культурномъ мірѣ.

Международный социалистическій конгрессъ, засѣдавшій въ Штутгартѣ, отличался необычайнымъ многолюдствомъ и оживленіемъ; въ скромную вюртембергскую столицу прибыло изъ разныхъ странъ и мѣстъ 886 делегатовъ, въ томъ числѣ изъ Германіи—300, изъ Англии—123, изъ Австріи, Венгрии и Чехіи—141, изъ Франціи—78, изъ Россіи—37, изъ Соединенныхъ штатовъ—20, изъ Италіи—13, даже изъ Японіи, южной Африки и Австраліи—по одному представителю. Собрались знаменитѣйшіе ораторы, проповѣдники и теоретики социализма—Бебель, Каутскій, Фольмаръ, Вандервельде, Жоресъ, Гедъ, Валльянъ, Гервѣ и другіе, — и имъ предоставлено публично громить существующій общественный строй, принимать соответственныя резолюціи и произносить „разрушительныя“ рѣчи, не опасаясь ни вмѣшательства полиціи, ни привлеченія къ суду.

Подробные отчеты о конгрессѣ печатались во всѣхъ газетахъ, и многіе невольно вспоминали то отдаленное время, когда социал-демократія подвергалась еще преслѣдованіямъ и ограниченіямъ и когда организація подобнаго съѣзда въ предѣлахъ Германіи казалась несовмѣстимою съ интересами общественной безопасности. Теперь никому уже не приходило въ голову беспокоиться по поводу вопроса о разрѣшеніи или запрещеніи конгресса; требовалось только соблюденіе установленныхъ закономъ формальностей, и затѣмъ полиція, сообразно своему истинному назначенію, старательно слѣдила за внѣшнимъ порядкомъ на улицѣ, у входа въ помѣщеніе конгресса. Одинъ только разъ вмѣшалась правительственная власть, — когда британскій делегатъ Квельчъ позволилъ себѣ оскорбительно отозваться о членахъ Гаагской конференціи мира, назвавъ ихъ шайкою мошенниковъ; на имя предсѣдателя, депутата Зингера, была на слѣдующій день прислана официальная бумага съ предложеніемъ, чтобы Квельчъ въ ближайшемъ засѣданіи взялъ свои слова назадъ; Квельчъ не только не исполнилъ этого требованія, но еще подтвердилъ и усилилъ свои рѣзкія выраженія, послѣ чего ему пришлось немедленно выѣхать изъ предѣловъ страны. Сверхъ этого эпизода, никакихъ непріятныхъ инцидентовъ или столкновеній съ полиціею не было, и занятія конгресса прошли вполне благополучно.

Таковъ установившійся законный порядокъ вещей въ маленькомъ государствѣ могущественной Германіи. А у насъ даже законнѣйшій по своимъ задачамъ и программѣ съѣздъ „кадетской“ партіи не разрѣшается только потому, что эта партія—оппозиціонная! Вюртембергъ нисколько не поколебался въ своихъ монархическихъ учрежденіяхъ и законахъ отъ того, что въ Штутгартѣ собрались и шумно спорили между собою социалисты разныхъ странъ и на разныхъ языкахъ; напротивъ, эти учрежденія и законы только лишній разъ оправдали

свое существованіе, показавъ наглядно возможность полной свободы собраній и мнѣній при монархическомъ государственномъ строѣ.

Изъ крупныхъ общихъ вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе конгресса, съ наибольшею горячностью обсуждались два—о милитаризмѣ и колониальной политикѣ. По обоимъ вопросамъ образовалось два теченія—склоннаго къ компромиссамъ большинства и непримиримаго меньшинства. Относительно милитаризма выработана была очень длинная и подробно мотивированная резолюція, такъ какъ, по словамъ докладчика Вандервельде, не было времени изложить ее короче; милитаризмъ безусловно осуждается, но при выборѣ способовъ отрицанія войны и противодействія ей принципамъ предоставляется социалистамъ отдѣльныхъ странъ поступать въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ политическихъ условий и обстоятельствъ. Французскій делегатъ Гервѣ требовалъ, чтобы признана была необходимость военной забастовки въ случаѣ объявленія войны; но огромное большинство высказалось противъ этой радикальной мѣры, которая, однако, и не отвергнута текстомъ резолюціи, и потому послѣдняя могла пройти единогласно, при шумномъ одобреніи самого Гервѣ. По колониальному вопросу предложены были двѣ резолюціи, изъ которыхъ одна отвергаетъ въ принципѣ всякую вообще колониальную систему, какъ основанную на нарушеніи чужихъ человѣческихъ правъ, а другая высказывается лишь противъ хищнической капиталистической политики; потомъ, послѣ долгихъ и бурныхъ преній, уже при баллотировкѣ, первая резолюція—меньшинства—была неожиданно превращена въ поправку ко второй резолюціи, взамѣнъ ея перваго пункта, и въ такомъ видѣ была принята, по очевидному недоразумѣнію, большинствомъ, при громкихъ ликованіяхъ меньшинства; обѣ формулы спутались вмѣстѣ, и получился какой-то двусмысленный результатъ, неясный для самихъ участниковъ голосованія.

При пестромъ составѣ конгресса и при слишкомъ частомъ взаимномъ непониманіи его членовъ трудно было соблюдать строго-корректный парламентскій порядокъ преній; особенно удивляли публику англійскіе и отчасти также французскіе делегаты: они больше всего шумѣли и иногда приводили въ отчаяніе предсѣдателя Зингера. Англичане начали съ того, что стали обвинять и поносить другъ друга: представители англійской социаль-демократической федераціи требовали устраненія делегатовъ „рабочей партіи“, какъ не социалистической и притомъ виновной въ предосудительныхъ и мошенническихъ приемахъ во время агитаціи при выборахъ въ парламентъ, и т. п. Насилу удалось прекратить эту распрю, предложивъ передать возникшій споръ на разсмотрѣніе международнаго бюро. Въ другомъ случаѣ, когда большинство рѣшило прекратить пренія, англійскіе делегаты выразили свое неудовольствіе за то, что ихъ не выслушали, и подняли по этому

поводу неслыханный скандалъ: наступали на президіумъ съ кулаками, вскакивали на столы и стулья, и непрерывно кричали, такъ что предсѣдатель совершенно растерялся; извѣстный англійскій социалистъ Гайндманъ, человѣкъ очень почтенный и уже пожилой (65-ти лѣтъ), пришелъ въ настоящую ярость, и долго нельзя было его успокоить. Вообще надо сказать, что социаль-демократы разныхъ націй дали въ Штутгартѣ плохую иллюстрацію къ девизу своей партіи: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Не только не было единенія, но не было и простой терпимости къ чужимъ взглядамъ, не было и уваженія къ чужой личности, и на каждомъ шагу обнаруживался непримиримый духъ узкаго сектанства, имѣющій мало общаго съ широкими объединительными задачами социализма.

Въ ряду делегатовъ присутствовала на конгрессѣ молодая индусская женщина, произведшая большой эффектъ своимъ появленіемъ на трибунѣ въ длинномъ бѣломъ шелковомъ балахонѣ; она произнесла пламенную рѣчь въ защиту свободы и самоуправленія Индіи, съ негодованіемъ говорила о британскомъ владычествѣ и въ заключеніе развернула знамя индусской независимости, среди восторженныхъ рукоплесканій публики. Англійскіе делегаты съ своей стороны внесли резолюцію, требующую освобожденія Индіи отъ постыднаго эксплуататорскаго британскаго гнета; они не объяснили при этомъ, въ чемъ собственно выражается этотъ гнетъ и слѣдуетъ ли оставить туземныя народности подъ безконтрольною властью индусскихъ князей и аристократическихъ кастъ; осталось также неяснымъ, какую связь имѣетъ вопросъ о политической свободѣ Индіи съ идеями и программой социаль-демократіи. Тѣмъ не менѣе, резолюція была встрѣчена весьма сочувственно, такъ какъ общій смыслъ ея казался симпатичнымъ. Конгрессъ закрылся 24 (11) августа, выразивъ, между прочимъ, пожеланіе успѣха русской революціи, причемъ устроена была овація русскимъ представителямъ.

Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ болгарское народное собраніе въ Тырновѣ единогласно избрало княземъ принца Фердинанда Кобургскаго, внука французскаго короля Луи-Филиппа. Въ Болгаріи управлялъ тогда, въ званіи регента, Стамбуловъ, и благодаря усиліямъ російскихъ патріотовъ, страна, освобожденная Россією отъ турецкаго ига, все болѣе выходила изъ-подъ господствовавшаго вліянія и авторитета державы-освободительницы, систематически отталкивалась отъ нея грубыми запугивающими приемами нашихъ отечественныхъ военно-дипломатическихъ дѣятелей и должна была искать защиты и покровительства Австріи и Англии. Болгарія находилась тогда

подъ гнетомъ формальной опалы, объявленной ей могущественнымъ, грознымъ, самодержавнымъ русскимъ правительствомъ; наши естественныя связи съ Болгарскимъ княжествомъ были порваны, всякія сношенія съ болгарскимъ народомъ прекратились, и страна была вполне предоставлена самой себѣ. Россія отреклась отъ Болгаріи, привыкшей видѣть и уважать въ ней свою великодушную заступницу, — отреклась за то, что она не пожелала промѣнять турецкое начальство на русское и не согласилась признать своимъ правителемъ русскаго губернатора съ титуломъ болгарскаго князя, въ лицѣ князя Мингрельскаго.

Избранный болгарами князь изъ дома Кобурговъ долго назывался въ нашихъ патріотическихъ газетахъ не иначе какъ „лже-княземъ“ или „самозванцемъ“, ибо подлиннымъ и законнымъ княземъ Болгаріи могъ быть только кавказскій или иной россійскій помпадуръ. Россія была тогда первенствующею державою въ Европѣ: внутреннее безсиліе ея подъ мертвящимъ гнетомъ самовластия было еще тайной будущаго, — оно было скрыто отъ поверхностныхъ наблюдателей принудительною тишиною народнаго прозябанія и обманчивымъ внѣшнимъ могуществомъ. Гнѣвъ Россіи угнеталъ Болгарію; положеніе принца Фердинанда было крайне трудное. Не признанный европейскою дипломатіею, онъ терпѣливо и бодро переносилъ невзгоды первыхъ лѣтъ своего номинальнаго правленія; онъ поневолѣ мирился съ тяжелымъ режимомъ Стамбулова, старался сблизиться съ народомъ, изучалъ болгарскій языкъ и нравы, добросовѣстно исполнялъ принятыя на себя обязанности и мало-по-малу вошелъ въ роль дѣйствительнаго болгарскаго князя. Теперь онъ признанъ всѣми державами, и въ числѣ поздравленій ко дню его двадцатилѣтняго юбилея получена имъ официальная телеграмма отъ русскаго Государя.

Чего же достигла Россія своимъ многолѣтнимъ бойкотированіемъ Болгаріи? Она достигла дѣйствительнаго отчужденія, достигла того, что русское вліяніе въ Болгаріи, какъ и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, равняется теперь нулю. „Лже-князь“ понинѣ остается княземъ, а россійскіе патріоты, неустанно громившіе болгаръ за непослушаніе и неблагодарность, давно уже забыли о Болгаріи, продолжая съ такимъ же усердіемъ громить болѣе близкихъ намъ финляндцевъ, поляковъ и прочихъ инородцевъ. Судьба нашихъ отношеній съ Болгаріею ничему не научила отечественныхъ охранителей; но какой опытъ можетъ дѣйствовать на людей, для которыхъ даже тяжкіе удары Мукдена и Цусимы прошли безслѣдно?

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Bernard Shaw. „John Bull's other Island“ and „Major Barbara“. Стр. 292. London 1907 (Constable).

Бернард Шоу пользуется въ Англіи большой популярностью, приобрѣтенной, однако, не подчиненіемъ вкусамъ публики, а напротивъ того—рѣзкостью и откровенностью нападокъ на самодовольное англійское общество. И вотъ въ чемъ особенность положенія Бернарда Шоу. Онъ—идейный протестантъ и демократъ, возстающій противъ всякихъ классовыхъ различій, противъ всѣхъ предразсудковъ, и твердо исповѣдуетъ принципы социализма. Это, казалось бы, должно было дѣлать его апостоломъ своихъ идей, учителемъ, за которымъ идутъ обращенные имъ, и котораго ненавидятъ тѣ, на кого онъ нападаетъ. Съ Бернардомъ Шоу, однако, произошло нѣчто противоположное—онъ „вошелъ въ моду“. Фешенебельная вестъ-эндская публика толпится на его лекціяхъ, увлекается его комедіями, его рѣчами, его статьями; онъ „нравится“—нравятся его дерзости, его каррикатурное изображеніе національныхъ чертъ. Для проповѣдника общественнаго переворота, или даже только коренныхъ реформъ, такой успѣхъ вовсе не благоприятенъ,—и дѣйствительно Бернардъ Шоу, при всей рѣзкости своихъ общественныхъ сатиръ и своихъ социалистическихъ проповѣдей, все же скорѣе интересный писатель, чѣмъ общественный дѣятель, проводящій свои принципы въ жизнь. Для такой миссіи ему не хватаетъ фанатизма. Онъ въ сущности никого не осуждаетъ. Онъ только выясняетъ психологію англійскаго консерватизма, а также доказываетъ привилегированнымъ классамъ, что ихъ торжество не будетъ долго длиться и что они сами готовятъ возмущеніе противъ себя.

Но именно преобладаніе психологическаго анализа надъ стихійнымъ не разсуждающимъ гнѣвомъ и ослабляетъ идейную пропаганду Бернарда Шоу. Съ его психологическими толкованіями и выводами можно соглашаться или не соглашаться—а въ его остроумномъ блестящемъ изложеніи они всегда интересны,—но они ни къ чему не обязываютъ. Поэтому, хотя Бернардъ Шоу—членъ социалистической партіи и выступаетъ представителемъ ея на митингахъ и въ печати, но, какъ партійный дѣятель, онъ слишкомъ безпристрастенъ, слишкомъ склоненъ оправдывать все психологически, и потому въ его обличеніяхъ нѣтъ разрушительнаго яда. Вестъ-эндская публика можетъ спокойно ходить на его чтенія, выслушивать его дерзкія обвиненія—и уходитъ домой съ

прежней увѣренностью въ себѣ и съ пріятнымъ сознаниемъ еще одного своего драгоцѣннаго національнаго свойства — свободолюбія и уваженія къ личности всякаго человѣка — по крайней мѣрѣ всякаго англичанина, — признанія за нимъ права осужденія и критики, поскольку она интересна, остроумна и не переходитъ въ реальную опасность.

Но недостатки Бернарда Шоу, какъ партійнаго дѣятеля и проповѣдника общественнаго переустройства, становятся достоинствами его, какъ писателя. Въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ онъ — тонкій психологъ и сатирикъ. Особенность его сатиры заключается въ отсутствіи желчности, а также въ томъ, что, исповѣдуя самъ опредѣленные взгляды, во имя ихъ онъ не творитъ, суда надъ людьми противоположныхъ жизненныхъ принциповъ. Онъ не судитъ, а наблюдаетъ, и извлекаетъ изъ своихъ наблюденій очень мѣткія характеристики. То, къ чему тяготеетъ Бернардъ Шоу, опредѣленно и ясно сказывается въ его художественныхъ и теоретическихъ произведеніяхъ. Онъ — крайній индивидуалистъ, доводящій культъ свободы личности до протеста противъ всякихъ ограниченій во имя нравственныхъ законовъ. Онъ стремится къ осуществленію закона справедливости и, видя путь къ этому осуществленію въ социалистической пропагандѣ, примыкаетъ самъ къ ней. Его философскіе и эстетическіе вкусы влекутъ его къ людямъ безнадежно непрактичнымъ въ своей чисто духовной жизни, къ мечтателямъ, почти безумцамъ съ житейской точки зрѣнія, — но это не мѣшаетъ ему признавать силу людей, преуспѣвающихъ въ своемъ трезвомъ пониманіи жизненныхъ цѣлей. Любимая тема Бернарда Шоу — столкновенія между мечтателями и практическими людьми, причемъ онъ съ легкой ироніей изображаетъ крайности того и другого жизнепониманія и, никого не осуждая, изображаетъ жизнь какъ синтезъ этихъ крайностей, дополняющихъ одна другую. Чувство справедливости, которое Бернардъ Шоу считаетъ основой разумной общественной жизни, можетъ окрѣпнуть только при проникновеніи одно другимъ двухъ противоположныхъ міросозерцаній — житейской мудрости и того, что онъ называетъ „метафизическимъ строемъ души“.

Въ своихъ критическихъ и публицистическихъ очеркахъ Бернардъ Шоу выясняетъ свое пониманіе жизни, т.-е. соединяетъ проповѣдь справедливости съ оправданіемъ всѣхъ жизненныхъ принциповъ. Въ области общественныхъ отношеній онъ выступаетъ защитникомъ и проповѣдникомъ социалистическаго устройства, а въ многочисленныхъ очеркахъ, посвященныхъ литературнымъ вопросамъ, онъ горячо отстаиваетъ идеалистическое искусство. Бернардъ Шоу — увѣжденный приверженецъ Ибсена, и былъ первымъ „ибсенистомъ“ въ Англии.

Въ драмахъ Ибсена Бернарда Шоу привлекалъ индивидуализмъ, и на примѣрахъ Ибсеновскихъ драмъ Бернардъ Шоу боролся противъ шаблонности и условности англійской сцены. Онъ пытался оживить театръ, превратившійся въ Англии въ чисто коммерческое предприятие, привлекающій публику или сенсационностью эффектовъ, или нарядно фальшивымъ изображеніемъ жизни. Можно сказать, что интересъ къ серьезному иностранному театру, въ особенности къ Ибсену, привился въ Англии въ значительной степени благодаря Бернарду Шоу. Другіе театральные критики применили къ начатой имъ кампаніи, и въ настоящее время, наряду съ коммерческимъ театромъ, продолжающимъ успѣшно эксплуатировать праздное любопытство и безвкусіе средней публики, въ Лондонѣ возникаютъ частныя театральныя предприятия, рассчитанныя на публику съ болѣе развитымъ вкусомъ. Возникаютъ такіе театры, какъ „Court Theatre“, въ которомъ наряду съ выдающимися пьесами иностраннаго репертуара ставятся пьесы англійскихъ авторовъ — слишкомъ литературныя для публики большихъ театровъ. Въ этомъ театрѣ поставлено было большинство пьесъ Бернарда Шоу съ неожиданно большимъ успѣхомъ. Пьесы Бернарда Шоу привлекали юморомъ и легкостью своей сатиры, не слишкомъ ядовитой, и потому не вызывающей возмущенія, но необычайно мѣткой и правдивой.

Почти всѣ пьесы Бернарда Шоу построены на одномъ и томъ же столкновеніи: съ одной стороны мечтательныя, не способныя къ жизни натуры, съ другой — преуспѣвающіе въ жизни сильные люди. Мечтатели правы въ своихъ стремленіяхъ, расходящихся съ требованіями дѣйствительности, но правы и тѣ, которые, ставя себѣ практическія цѣли, достигаютъ ихъ. У Бернарда Шоу есть пьесы, въ которыхъ онъ въ намѣренно легкой, какъ бы ни къ чему не обязывающей формѣ возстаетъ противъ самыхъ коренныхъ общественныхъ взглядовъ на „безнравственность“. Такова пьеса подъ названіемъ „Профессія м-съ Варренъ“, въ которой авторъ оправдываетъ женщину съ такъ называемымъ темнымъ прошлымъ, — не во имя правоты ея образа жизни, а во имя справедливости. Онъ не защищаетъ безнравственности, а только доказываетъ людямъ, зазнавшимся въ своей легко достающейся имъ удобной добродѣтели, что виновныхъ нѣтъ, потому что нѣтъ правыхъ. Блестящій діалогъ его пьесъ, смѣлость и простота, съ которой онъ говоритъ о томъ, о чемъ въ Англии не говорятъ, — такъ какъ предполагается, что всѣ согласны въ молчаливомъ осужденіи порока или того, что условлено называть порокомъ, — все это создало успѣхъ комедіямъ Бернарда Шоу. Одна изъ самыхъ его интересныхъ пьесъ, въ которой оправдывается и мечтательность вѣт-жизненныхъ натуръ, и качества, обуславливающія жизнеспособ-

ность въ современныхъ условіяхъ жизни,—„Кандида“. Въ ней изображена женщина, олицетворяющая мечту молодого поэта, правая въ своемъ свободолобіи, также какъ правъ ея мужъ, умѣющій сохранить привязанность жены своей жизненной мудростью.

Вышедшій недавно новыи томъ драматическихъ произведеній Бернарда Шоу заключаетъ въ себѣ двѣ большія пьесы, очень характерныя для его манеры. Сатира нравовъ соединяется въ нихъ съ психологическимъ оправданіемъ высмѣиваемыхъ чертъ характера. Обѣ пьесы посвящены изображенію и психологическому выясненію характерныхъ сторонъ національной жизни Англіи. Въ одной изъ нихъ Бернардъ Шоу старается разъяснить отношенія англичанъ и ирландцевъ, въ другой—затронуть вопросъ о филантропическихъ движеніяхъ, находящихъ въ Англіи всегда множество послѣдователей и послѣдовательницъ. Въ предисловіяхъ къ обѣимъ пьесамъ, написанныхъ со свойственнымъ Бернарду Шоу публицистическимъ талантомъ, онъ выясняетъ свои теоретическіе взгляды на вопросы, составляющіе основу пьесъ.

Первая изъ этихъ пьесъ носитъ заглавіе: „Другой островъ Джона Буля“ (John Bull's other Island). Этотъ „другой островъ“, конечно, Ирландія. На отношеніяхъ англійскаго національнаго характера къ ирландскому Бернардъ Шоу иллюстрируетъ свою основную мысль о правотѣ двухъ противоположныхъ міровозрѣній—отвлеченно идеалистическаго и жизненно практическаго. Бернардъ Шоу объясняетъ въ своей пьесѣ психологическія причины политическаго господства Англіи надъ Ирландіей. Онъ видитъ ихъ въ расовыхъ особенностяхъ обѣихъ націй. Носителями двухъ противоположныхъ національных типовъ въ пьесѣ Бернарда Шоу являются англичанинъ Томасъ Бродбентъ и его другъ ирландецъ Лоренсъ Дойль. Оба они—гражданскіе инженеры, вѣстѣ живуть и ведутъ дѣла сообща. Для большей опредѣленности характеристикъ оба типа, англичанина и ирландца, представлены въ преувеличенно карикатурномъ видѣ. И остальные дѣйствующія лица въ пьесѣ, какъ ирландцы, такъ и англичане,—карикатурны. Основныя національныя черты представлены болѣе выпуклыми, чѣмъ они могли бы проявиться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,—и такимъ образомъ комедія нравовъ превращается въ сатиру, въ которой, впрочемъ, ирландскія симпатіи автора уравновѣшиваются его признаніемъ англосаксонской силы.

Характерная особенность Томаса Бродбента заключается въ томъ, что онъ всегда принимаетъ себя въ серьезъ, очень самоувѣренъ, и при этомъ совершенно невоспримчивъ къ комизму въ жизни,—ему никогда не приходитъ въ голову, что онъ можетъ быть смѣшонъ. Кромѣ того, онъ лишень чувства истинны, всегда живетъ въ состояніи

самообольщенія, всегда въ рабствѣ у своего воображенія. Такимъ Бернардъ Шоу изображаетъ типичнаго, преуспѣвающаго въ политикѣ и въ жизни англичанина, и ему онъ противопоставляетъ ирландцевъ, совершенно неспособныхъ жить иллюзіями, воспримчивыхъ къ комизму, гордыхъ, легко уязвимыхъ въ своей гордости и потому лишенныхъ всякой самоувѣренности. Кромѣ того, вмѣсто практической дѣловитости англичанъ, умѣющихъ приспособлять свои чувства къ требованіямъ обстоятельствъ, у ирландцевъ развиты чувства, враждебныя жизни. Они видятъ правду жизни, но не любятъ ее,—вѣрны своимъ романтически гордымъ чувствамъ, склонны къ мечтамъ о святости. Или же, въ болѣе низменныхъ національных типахъ, та же нежизнеспособность сказывается въ лѣни, въ пьянствѣ, во всемъ, что нарушаетъ нормальное теченіе жизни. Или святые, или бездѣльники—или романтики въ жизни, или мелко корыстные, неспособные къ широкой предпримчивости аферисты—такими изображаетъ Бернардъ Шоу своихъ соотечественниковъ. Бернардъ Шоу самъ ирландецъ и пространно говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ своей пьесѣ. Кажалось бы, по этой характеристикѣ двухъ націй, что симпатіи Бернарда Шоу—на сторонѣ ирландцевъ, въ виду ихъ большей духовности, которая сказывается какъ въ положительныхъ, такъ и въ отрицательныхъ чертахъ. А между тѣмъ,—таково философское безпристрастіе Бернарда Шоу,—его пьеса—одинаковая сатира какъ на англичанъ, такъ и на ирландцевъ, и въ то же время одинаковое оправданіе и тѣхъ, и другихъ. Истину Бернардъ Шоу склоненъ видѣть съ синтезѣмъ англійской практичности съ ирландской правдивостью, англійской самоувѣренности—съ ирландской мечтательностью и духовностью. При существующемъ же различіи двухъ націй справедливость—по совершенно вѣрному, конечно, заключенію Бернарда Шоу—можетъ быть только въ предоставленіи ирландцамъ полной самобытности. Достигнувъ, наконецъ, самобытности и свободы, Ирландія перестала бы ревниво оберегать свою національную обособленность и могла бы развиваться внѣ обостреннаго націонализма, вызваннаго политической борьбой и составляющаго, по убѣжденію Бернарда Шоу, язву ирландской національной культуры.

Особенности обѣихъ національностей представлены въ пьесѣ Бернарда Шоу въ обостренно каррикатурномъ видѣ: Томасъ Бродбентъ собирается ѣхать въ Ирландію, предчувствуя возможность извлечь практическую пользу изъ своего пребыванія тамъ, — также какъ его другъ, ирландецъ Дойль, уѣхалъ изъ Ирландіи въ Англію, понявъ, что онъ, какъ ирландецъ, можетъ преуспѣть въ жизни только, если приобщится къ англосаксонской культурѣ. Онъ отлично понимаетъ своего друга Бродбента, считаетъ его низшимъ типомъ въ духовномъ отно-

шеніи, — но цѣнить его выдержанную практичность во всемъ и привязанъ къ нему, — даже съ грустью сознаетъ его превосходство надъ собой въ жизни. Бродбентъ ѣдетъ въ Ирландію съ практическими планами, которымъ Дойль сочувствуетъ, хотя въ то же время внутренно возстаетъ противъ идейной ограниченности своего преуспѣвающаго друга, относясь къ Бродбенту съ такимъ же двойственнымъ чувствомъ, какъ и къ своей родинѣ. Онъ осуждаетъ ирландцевъ за ихъ слабость, за ихъ беспомощность и за ихъ пороки, но относится къ нимъ съ болѣзненнымъ чувствомъ, внутренно сочувствуя имъ и жалѣя ихъ. Бродбентъ восхищается ирландцами, но относится къ нимъ при этомъ совершенно бездушно, какъ къ чужакамъ, которыхъ легко обойти. Дойль же не выноситъ такого глумленія подъ маской сочувствія, и очень нападаетъ на своего друга, когда тотъ приходитъ въ восторгъ отъ перваго встрѣчнаго пьяницы и тунеядца, который выпрашиваетъ у него деньги, обманувъ его своимъ поддѣльнымъ ирландскимъ акцентомъ. Дойль хотѣлъ бы поѣхать съ Бродбентомъ въ Ирландію, но боится встрѣчи съ дѣвушкой, съ которой у него установились сложные отношенія — типичныя для національнаго характера ирландцевъ. Нора Рэли живетъ въ домѣ родителей Дойля, считается богатой невѣстой, такъ какъ, при крайней нетребовательности ирландскихъ семей, ея нѣсколько сотъ фунтовъ обеспечиваютъ ей безбѣдное существованіе. Въ молодости Дойль слегка увлекался ею, но уѣхалъ изъ дому, не связавъ себя никакими обѣщаніями. Но для ирландской дѣвушки ихъ мимолетная дружба превратилась въ чувство, наполнившее всю ея жизнь. Она „ждетъ“ возвращенія Лоренса, и хотя прошло уже восемнадцать лѣтъ послѣ того, какъ онъ покинулъ родину, она все же хранить ему вѣрность. Она ни разу не говоритъ въ письмахъ о своихъ чувствахъ — національная гордость не допустила бы этого, — и онъ не имѣетъ права намекнуть ей о своемъ равнодушіи. Вѣрность и гордость наполнили всю молодость Норы, и она живетъ по прежнему ожиданію, окаменѣвъ въ своихъ чувствахъ. Дойль боится показаться на родинѣ, не зная, какъ быть съ Норой, — но его выручаетъ Бродбентъ. Онъ заранѣе восхищенъ Норой по рассказамъ своего друга и ѣдетъ, уже готовый влюбиться въ нее, — для его практическихъ плановъ какъ разъ нужна любовь къ ирландцѣ, и Бродбентъ обладаетъ даромъ загораться моментально тѣми чувствами, которыя ему полезны въ жизни. Для Дойля это исходъ. Онъ рѣшаетъ ѣхать вмѣстѣ съ Бродбентомъ и способствовать его женитьбѣ на Норѣ. Онъ самъ привязанъ къ Норѣ и ближе понимаетъ ее, чѣмъ Бродбентъ, но онъ рѣшилъ оторваться отъ родины, такъ какъ иначе его жизнь станетъ такой же безысходной, какъ жизнь всѣхъ его соотечественниковъ. И къ тому же отказаться отъ самаго желаннаго и сохранить въ душѣ неисполненную мечту — чисто

ирландская черта. Поэтому и Дойль способствует женитьбѣ Бродбента на Норѣ, и она въ концѣ концов соглашается на этотъ бракъ, убѣдившись въ равнодушіи Дойля. Бродбентъ преуспѣваетъ въ Роскеленѣ, родномъ городѣ Дойля, благодаря своимъ національнымъ свойствамъ. Онъ съ самаго начала попадаетъ въ смѣшныя положенія, но такъ какъ самъ этого не замѣчаетъ, а напротивъ того, увѣренъ въ томъ, что всѣ симпатіи на его сторонѣ, — то дѣйствительно всѣ его планы осуществляются. Еще до пріѣзда Дойля—онъ опоздалъ на день, такъ какъ по дорогѣ у него сломался автомобиль,—Бродбентъ располагается какъ дома у отца его, старика Дойля, который живетъ вмѣстѣ съ пожилой сестрой и съ Норой, ставшей членомъ ихъ семьи. Бродбентъ пріѣзжаетъ съ готовымъ запасомъ восхищенія и съ почерпнутыми изъ путеводителя знаніями Ирландіи. Мѣстнымъ жителямъ смѣшны его свѣдѣнія о достопримѣчательностяхъ ихъ города, и они относятся къ нему сначала съ снисходительнымъ пренебреженіемъ; но это его не смущаетъ. Все въ Ирландіи для него ново и странно, но онъ рѣшилъ восторгаться всѣмъ, что бы ни увидѣлъ,—и вѣренъ своему рѣшенію. Онъ требуетъ даже отъ своего слуги, возмущеннаго отсутствіемъ комфорта и некультурностью ирландцевъ, чтобы и онъ тоже всѣмъ восторгался. Бродбентъ начинаетъ ухаживать за Норой съ возмущающей гордую ирландку стремительностью. Онъ узнаетъ отъ старика Дойля, что Нора нѣтъ дома. Она на Круглой Башнѣ,—это одна изъ достопримѣчательностей Роскелена,—куда пошла въ надеждѣ, что Лоренсъ Дойль пойдетъ за нею туда, какъ только пріѣдетъ. Она сначала принимаетъ въ полутемной башнѣ Бродбента за своего невѣрнаго друга дѣтства и окликаетъ его нѣжнымъ голосомъ. Но, убѣдившись въ своей ошибкѣ, она мѣняетъ тонъ и говоритъ съ другомъ Дойля очень холодно. Когда же Бродбентъ начинаетъ объясняться ей въ любви и увѣрять, что ея голосъ сразу покорилъ его сердце, она спокойно говоритъ ему, что онъ, вѣроятно, выпилъ за ужиномъ слишкомъ много ирландской водки и что у него съ непривычки закружилась голова. Она провожаетъ его домой,—Бродбентъ, конечно, живетъ у старика Дойля, радушно пріютившаго у себя въ домѣ друга своего сына. На слѣдующій день, когда пріѣзжаетъ наконецъ молодой Дойль, ирландскія похождения Бродбента осложняются политическими интересами. Мѣстные землевладѣльцы, бывшіе арендаторы старика Дойля, ставшіе мелкими собственниками, недовольны своимъ представителемъ въ парламентѣ и готовятся замѣнить его на приближающихся выборахъ—новымъ. Кандидатуру предлагаютъ молодому Дойлю, но онъ отказывается, объясняя, что его политическія убѣжденія слишкомъ радикальны, чтобы удовлетворить интересамъ собственниковъ. Бродбентъ выставляетъ тогда свою кандидатуру, и ему удается убѣдить нераз-

витыхъ землевладѣльцевъ, что англичанинъ, преданный ихъ дѣлу, лучше сумѣетъ защитить интересы ирландскаго населенія, чѣмъ мѣстный уроженецъ. Бродбентъ старается вслѣдствіе расположить къ себѣ своихъ будущихъ избирателей и ухаживаетъ за каждымъ въ отдѣльности. Происходитъ комическій эпизодъ: Бродбентъ, изъ желанія угождать избирателямъ, берется отвезти на своемъ автомобилѣ на крестьянскую ферму — купленную фермеромъ свинью. Поѣздка кончается печально. Свинья выскакиваетъ изъ автомобиля, попадаетъ подъ колеса, на улицѣ происходитъ переполюхъ, есть нѣсколько слегка пострадавшихъ. Въ общемъ получается комическій эпизодъ, но Бродбентъ не чувствуетъ комизма своего положенія. Напротивъ того, онъ произноситъ прочувствованную рѣчь, благодаритъ населеніе за сочувствіе и выходитъ побѣдителемъ. Все населеніе — за него, и выборъ его обезпеченъ. Лоренсъ Дойль самъ поддерживаетъ его кандидатуру и даже объясняетъ старой теткѣ, что напрасно Бродбентъ кажется ей только смѣшнымъ — что онъ принесетъ больше пользы, попавъ въ парламентъ, чѣмъ любой изъ мѣстныхъ ирландцевъ, подпавшихъ подъ его вліаніе. Но, одобряя Бродбента и участвуя въ его предпріятіяхъ, Дойль чувствуетъ, однако, что въ лицѣ Бродбента торжествуетъ не истина, а житейская изворотливость. Только въ этомъ, т.-е. въ сознаніи, что есть нѣчто истинное, противорѣчащее интересамъ дѣйствительности, только въ этомъ сознаніи — духовное превосходство ирландца Дойля. Бродбентъ торжествуетъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ, создавъ себѣ политическое положеніе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ эксплуатируетъ его для коммерческихъ цѣлей. Онъ готовъ дать каждому изъ своихъ избирателей деньги подъ залогъ ихъ земель; онъ даетъ имъ даже больше, чѣмъ они надѣялись получить, причѣмъ они не понимаютъ его разчета. На самомъ дѣлѣ эти заложеныя по высокой цѣнѣ земли уже не могутъ быть выкуплены, и сдѣлаются его собственностью. Бродбентъ уже заранѣе знаетъ, какъ онъ используетъ приобрѣтенныя земли: онъ построитъ большой отель — единственный въ этой живописной мѣстности — и, конечно, наживетъ этимъ безконечно больше, чѣмъ несчастные собственники маленькихъ клочковъ земли, которые они обрабатывали, работая какъ волы. Женитьба на Норѣ — тоже въ связи съ этимъ планомъ, такъ какъ жена-ирландка упрочитъ его связь съ страной, на которую онъ смотритъ только какъ на источникъ доходовъ. Онъ правъ въ своей предпримчивости, — и ирландецъ Дойль первый признаетъ его права на завоеванное имъ положеніе въ Ирландіи. Но есть еще и другая правда — представителемъ ея въ пьесѣ является чудакъ Киганъ, бывшій священникъ, отрѣшенный отъ своего сана за свои еретическіе взгляды. Онъ самъ объявляетъ себя сумасшедшимъ, хотя на самомъ дѣлѣ его сумасшествіе —

только въ томъ, что, отлично понимая житейскіе интересы, онъ предпочитаетъ имъ другіе. Онъ ясно видитъ политику Бродбента, понимаетъ, что онъ проведетъ довѣрившееся ему населеніе. Онъ говоритъ Бродбенту и Дойлю, въ чемъ заключается ихъ планъ, какъ они построить отель и путемъ спекуляцій сдѣлаются единственными его собственниками, устранивъ прежнихъ владѣльцевъ земли. Они поражены его проникательностью. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ противопоставляетъ практическимъ идеаламъ Бродбента свои мечты о превращеніи земли въ рай,—что настанетъ тогда, когда сольется земное и божественное, когда все земное освятится. Вотъ мечты, которыми живутъ ирландцы въ то время, какъ англичане прибираютъ къ своимъ рукамъ ихъ земли.

Задача Бернарда Шоу въ этой пьесѣ—установить равновѣсіе между двумя жизненными идеалами и въ то же время освѣтить отношенія двухъ націй, не падая слабостей ни той, ни другой. Какъ ни карикатуренъ и мало привлекателенъ практичный Бродбентъ, все же онъ представленъ сильнымъ и полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, въ то время какъ ирландцы въ пьесѣ или мечтатели, или, какъ нѣсколько мелкихъ собственниковъ, тупы и некультурны въ своей упорной погонѣ за мелкой наживой. Въ изображеніе какъ ирландцевъ, такъ и англичанъ Бернардъ Шоу вложилъ много блеска и остроумія, такъ что успѣхъ пьесы вполне понятенъ. Она написана была, какъ авторъ объясняетъ въ предисловіи, для маленькаго національно-ирландскаго театра, но потомъ шла съ успѣхомъ на большой сценѣ. Въ предисловіи къ пьесѣ проводится параллель между двумя націями. Особенно интересна глава о роли католической церкви въ Ирландіи, о ненормальности того, что революціонный элементъ ирландской національной жизни связанъ съ католической церковью, реакціонной по духу.

Вторая пьеса—„Major Barbara“—любопытное изображеніе „Арміи спасенія“. Въ этой пьесѣ опять выведенъ излюбленный Бернардомъ Шоу контрастъ. Съ одной стороны, представитель крайняго материализма—милліонеръ Ондершафтъ, собственникъ знаменитой во всемъ мірѣ фабрики пушекъ и усовершенствованныхъ военныхъ снарядовъ, и при этомъ не просто фабрикантъ, а фабрикантъ съ принципами, философъ, возводящій въ теорію „кровь и желѣзо“, т.-е. власть, покупаемую путемъ разрушенія. Съ другой стороны—дочь Ондершафта, идеалистка, которая вѣрится въ спасеніе міра любовью. Она вступила въ „Армію спасенія“, занимаетъ рангъ маіора и предана своему дѣлу всей душой. Столкновение этихъ двухъ міросозерцаній и составляетъ интересное содержаніе пьесы. Барбара вѣрится только въ любовь; ея отецъ—только въ силу и власть. Нужно, чтобы ихъ міросозерцанія

сплелись, — тогда можетъ выработаться плодотворное отношеніе къ жизни. Ондершафтъ берется доказать дочери, что ея дѣло зависитъ всецѣло отъ него, и что она не можетъ обойтись безъ его помощи. Барбара дѣйствительно убѣждается въ необходимости обращаться за помощью къ капиталистамъ, каковъ бы ни былъ источникъ ихъ богатства. Вначалѣ это ее настолько смущаетъ, что она выходитъ изъ „Арміи спасенія“. Но потомъ она понимаетъ, что не нужно считать дѣло, которому служишь, идеальнымъ, что нужно понять несовершенство всего, что дѣлается волей человѣческой, и, зная это, продолжать служить не съ гордостью, а съ смиреніемъ, допуская и противоположное тому, что самому кажется истиной, — такъ какъ истина неосуществима. Картины нравовъ, изображенія „Арміи спасенія“ и въ особенности тѣхъ, кому она помогаетъ, сдѣланы въ пьесѣ съ большимъ юморомъ. Сатирическое изображеніе дѣятельности „Арміи“ не мѣшаетъ автору сочувствовать ей; — онъ только доказываетъ, что нельзя и не слѣдуетъ ничего идеализировать, а нужно трезво видѣть слабости и недочеты — и принимать ихъ во вниманіе, продолжая служить своему дѣлу. Очень интересенъ типъ милліонера Ондершафта, теоретика силы, — часто оказывающагося правымъ въ своемъ пониманіи жизни, какъ арены, на которой побѣждаетъ сила, а не чувство. Правъ онъ — какъ правы отрицающіе силу и власть во имя отрицанія жизненныхъ благъ. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1907.

О политическомъ утомленіи и политическомъ отдыхѣ. — Вѣрно ли опредѣленіе: „страна отдыхаетъ“? — Неуспѣшность проведенія въ жизнь закона о самоупражденіи крестьянской общины. — Перемена ролей въ вопросѣ объ общинѣ. — Неудачныя усилія землеустроительныхъ комиссій. — Циркуляръ о раздѣленіи избирательныхъ сѣвдовъ.

„Страна отдыхаетъ“... Чтобы не нарушать ея отдыха, газеты — помимо воли, конечно, — печатаютъ переводные романы, отчеты объ автомобильной гонкѣ Пекинъ-Парижъ и о состояніи здоровья ея побѣдителя, кн. Боргезе (совсѣмъ какъ въ былое время тиши и глади, когда сотни Пѣшковъ ѣхали на „Сѣромъ“ изъ Владивостока въ Петербургъ), компиляціи изъ техническихъ журналовъ о занимательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, — и въ страстной полемикѣ переминаютъ другъ другу кости о томъ, кто и когда какія дѣлалъ ошибки... Чтобы не нарушать отдыха страны, всѣ проявленія общественности поставлены подъ дѣйствіе неумолимаго недопущенія. Получилось, что какъ будто у людей вдругъ вовсе пропала тагъ захватывавшій ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ политической интересъ и совершенно исчезла охота сѣзжаться и собираться, обмѣниваться мыслями и формировать убѣжденія свои и другихъ.

Сказанное, впрочемъ, требуетъ оговорки. Запретъ повисъ надъ проявленіями общественности односторонне. Также и газеты обходятъ молчаніемъ большыя, злободневныя вопросы, или говорятъ о нихъ обиняками, забытымъ было эзоповскимъ языкомъ, либо вскользь, „по поводу“ — не всѣ. То, что исходитъ отъ правыхъ политическихъ теченій, разумѣя подъ ними всѣ открыто и сокровенно реакціонныя, недопущенія не знаетъ. Для этихъ теченій, напротивъ, существуетъ полная свобода, и они широко ею пользуются. Сѣззды „монархистовъ“ слѣдуютъ за сѣзздами. Собранія и даже уличныя манифестаціи происходятъ повсюду. Правая печать, по словамъ полуправаго „Голоса Москвы“, безвозбранно „ругаетъ правительство тагъ, какъ лишь въ „дни свободы“ ругали другіе, лѣвыя анархисты“. Проекты, требованія и указанія, самыя рѣшительныя и самыя радикальныя, ежедневно заполняютъ столбцы „Русскаго Знамени“, „Вѣча“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Кіевлянина“. И излагаются эти требованія и указанія не только не обинякомъ, но такимъ авторитетнымъ тономъ, который

порой переходить въ властный. Куда дальше идти, въ смыслѣ категоричности тона и сознанія за собой права активного надзора за обывателями, тѣмъ пошелъ казанскій мѣстный совѣтъ „союза русскаго народа“ въ слѣдующемъ приказѣ (это самое подходящее названіе): „Вмѣнить въ обязанность членамъ союза русскаго народа не допускать въ своемъ присутствіи поношенія св. церкви, вѣры, святынь, непочтительнаго отношенія къ особѣ Государя Императора и царствующаго дома и издѣвательства надъ людьми, преданными вѣрѣ, царю и отечеству. Дозволяющихъ себѣ оскорблять русскіе устои,— вѣру православную, самодержавіе и отечество, — кто бы то они ни были, русскіе люди обязаны задерживать при свидѣтеляхъ, при помощи полиціи требовать составленія протокола и возбуждать судебныя преслѣдованія противъ виновныхъ. Если полиція откажетъ въ составленіи протокола, то сообщать совѣту номеръ городского или фамилію не оказавшаго содѣйствія“. Едва ли гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было партійными организаціями публиковались во всеобщее свѣдѣніе подобныя распоряженія...

Но ни черносотенные съѣзды и манифестаціи, ни черносотенная печать, ни властный тонъ подобныхъ „приказовъ“ общаго впечатлѣнія не нарушаютъ. Оно остается тѣмъ же: проявленій общественности не видно. Какъ ни кричатъ „истинно-русскіе“ люди, что они не партія, а весь многомилліонный русскій народъ, поднятый ими шумъ до народа не доходитъ, а если и доходитъ, то не встрѣчаетъ въ народѣ отклика. Манифестація, даже при участіи архіереевъ и съ торжественнымъ несеніемъ знаменъ и хоругвей, проходятъ едва замѣченными. Собранія не привлекаютъ большой публики. Реакціонныя газеты не имѣютъ читателей. Если бы не придавленная лѣвая печать, воспроизводящая наиболѣе замѣчательные перлы „истинно-русской“ литературы, то можно смѣло сказать, что Россія о нихъ и не знала бы. Крикливо проявляетъ повышенный интересъ къ вопросамъ внутренней политики весьма небольшой кругъ лицъ, наивно обнаруживающій свою слабость воплями о субсидіяхъ и объ обложеніи въ его пользу монастырей, евреевъ, тотализатора и азартной карточной игры. Вся масса населенія — крестьянская деревня, городъ и интеллигентные слои — молчатъ.

Что скрывается за этимъ молчаніемъ? Дѣйствительно ли Россія отдыхаетъ? Дѣйствительно ли страна утратила интересъ къ политикѣ и на этомъ успокоилась? Чрезвычайно трудно отвѣтить на поставленные вопросы. Тѣмъ болѣе трудно, что при данныхъ вѣдѣніяхъ въ основаніе сужденій приходится власть почти исключительно личныя наблюденія и непосредственно воспринимаемая субъ-

ективные впечатлѣнія. А давно замѣчено, что непосредственный наблюдатель всегда склоненъ видѣть то, что желаетъ, чтобы было видно.

Страна испытываетъ чувство утомленія. Въ этомъ едва ли могутъ быть сомнѣнія. Населеніе истомилось и извѣрилось. Признаки того и другого бросаются въ глаза на каждомъ шагу. На кровь и человѣческую смерть общество почти вовсе не реагируетъ—это самое рѣзкое выраженіе общественнаго утомленія. Извѣстія объ убійствахъ и о казняхъ не вызываютъ возмущенія. Мало того: ихъ читаютъ и тутъ же сейчасъ забываютъ. Спросите себя: кто изъ должностныхъ лицъ, занимавшихъ замѣтное служебное положеніе, когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ въ послѣднее время былъ убитъ? Вы навѣрное не помните. Спросите себя: когда, гдѣ, за что и сколько было въ послѣднее же время приведено въ исполненіе смертныхъ приговоровъ? Вы навѣрное не скажете—хотя бы приблизительно. Даже холера не привлекаетъ вниманія... Извѣрились социалисты, мечтавшіе о близкой реализаціи замѣны капиталистическихъ производственныхъ отношеній социалистическими. Извѣрились крестьяне, ожидавшіе, что соберутся народные представители и свершится чудо: какъ по волшебству исчезнетъ земельная тѣснота, бѣдные перестанутъ платить непосильные налоги и земля снова начнетъ давать обильные урожан. Извѣрились конституціоналисты, надѣявшіеся, что возвѣщеніе новаго государственнаго строя и гражданской свободы есть уже безповоротный конецъ не только формъ, но и содержанія былой безправной жизни. Извѣрились люди физическаго и интеллектуальнаго труда, земцы, мелкіе служащіе, профессора, студенты... Такъ недавно мы всѣ были въ большей или меньшей степени идеологами. Вихремъ событій мы были подняты съ земли и унесены въ облака. Мы три года безрезультатно расходовали нервную энергію,—утомленіе не могло не явиться слѣдствіемъ бесплодности борьбы идеи съ фактомъ.

И оно явилось. Политическій интересъ не только лишенъ средствъ и способовъ проявленія, но онъ дѣйствительно упалъ во всѣхъ слояхъ населенія. Онъ упалъ не въ той мѣрѣ, какъ это рисуется на фонѣ всякаго рода запретовъ, но паденіе его, все-таки, ощущается. Можно съ увѣренностью думать, что если бы правительство вдругъ отказалось отъ суровой системы запретовъ и возвратило бы гражданамъ свободу собраній, печати и союзовъ, общественное оживленіе ни въ какомъ случаѣ не поднялось бы до уровня „дней свободы“. Намъ довелось въ минувшемъ мѣсяцѣ провести три недѣли въ поѣздѣ по Волгѣ, отъ Рыбинска до Астрахани и обратно. Люди мѣнялись на пароходахъ, какъ въ калейдоскопѣ. Тутъ были катающіеся туристы и коммерсанты, ѣхавшіе на ярмарку въ Нижній, офицеры разныхъ чиновъ и родовъ оружія и студенты всевозможнаго типа—отъ бѣлопод-

кладочниковъ до мрачнаго вида юношей въ черныхъ, синихъ и красныхъ косовороткахъ, чиновники изъ Петербурга и чиновники мѣстные; провинціальныя барыни и барышни всѣхъ возрастовъ и курсистки... И за всѣ три недѣли мы не слышали ни одного серьезнаго политическаго разговора. Только разъ, поздно вечеромъ, въ салонѣ перваго класса, трое молодыхъ людей, послѣ музыки и пѣнія, спорили о политикѣ въ присутствіи дѣвиць, съ которыми они занимались флиртомъ. Но это былъ не разговоръ, а скорѣе турниръ въ цѣляхъ покоренія сердець. Мыслимо ли было что-либо подобное два года назадъ, въ прошлое лѣто или даже лѣтомъ 1904 года? Русскіе люди всегда были исключительно откровенны въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ и на пароходахъ. У людей, въ другой обстановкѣ весьма сдержанныхъ, невольно развязывался языкъ отъ скуки и отъ сознанія, что „меня“ здѣсь не знаютъ и что „я“ завтра никому невѣдомымъ уйду изъ вагона или съ парохода, и они, не стѣсняясь, излагали другъ другу самыя сокровенныя мысли. Неужели всѣ видѣнные нами столь безконечно разнообразныя люди такъ рѣзко вдругъ измѣнились? Очевидно, нѣтъ. Очевидно, утратилась охота говорить, а пожалуй, и думать даже о политикѣ. Сгруппировавшись въ партіи, мы въ теченіе двухъ лѣтъ были фанатиками тѣхъ или другихъ политическихъ идеаловъ. Мы имѣли вѣру въ то, что исповѣдывали. Теперь мы переживаемъ критическіе дни. Въ душу каждаго закралась сомнѣнія—и чѣмъ кто держался болѣе категорическихъ, рѣшительныхъ воззрѣній, тѣмъ сомнѣнія закралась глубже. Мы всѣ испытываемъ утомленіе.

Утомленіе требуетъ отдыха. Страна отдыха ищетъ, его желаетъ и къ нему стремится. Но можно ли исканіе отдыха принимать за отдыхъ? Чтобы мысль отдѣльнаго человѣка или общества отдыхала, она должна имѣть передъ собою что-либо, ея въ данный моментъ принимаемое за твердо обоснованное отправное положеніе, ошибочно или нѣтъ—вопросъ другой. Гдѣ же и въ чемъ такое принятое сейчасъ русской общественной мыслью твердое отправное положеніе? Что оно въ крикѣ: „долой подлую конституцію!“ и въ возвратѣ къ исконнымъ началамъ, какъ селятся убѣдить „истинно-русскіе“ люди,—объ этомъ даже смѣшно говорить. Что оно въ вѣрѣ въ начальственное всемогущество власти или въ ожиданіе созыва господской Думы—объ этомъ тоже говорить не приходится. Такъ въ чемъ же оно?

Такого отправнаго положенія въ общественномъ сознаніи нѣтъ. Населеніе, встрѣтивъ неодолимое препятствіе въ достиженіи идеаловъ свободы, права и экономической правды имъ самимъ намѣчавшимися путями, извѣрилось въ этихъ путяхъ, но отнюдь не приобрѣло тѣмъ вѣры въ пути, указываемые властью. Къ нимъ оно относится такъ же отрицательно, какъ относилось тогда, когда было на высшей точкѣ

подъема настроенія. Духъ протеста въ населеніи не погасъ, и въ отношеніи его только подавлены проявленія. Привести доказательства не трудно. Въ ту же поѣздку по Волгѣ мы имѣли случай сдѣлать нѣсколько характерныхъ мелочныхъ наблюденій. Ни на пристаняхъ, ни въ рукахъ у пассажировъ намъ ни разу не пришлось видѣть ни „Россіи“, ни „Московскихъ Вѣдомостей“, ни „Русскаго Знамени“. Все ставящій на счетъ „жидамы“ и „крамолѣ“, органъ „союза русскаго народа“ утверждаетъ, что газетчики намѣренно продаютъ одаѣ оппозиціонныя газеты, но, конечно, „Русское Знамя“ само не вѣрится этому утверженію. „Новое Время“ мы видѣли очень рѣдко. Чаше всего—изъ петербургскихъ газетъ—„Товарищъ“, затѣмъ „Рѣчь“ и „Русь“, изъ московскихъ—„Русское Слово“, „Русскія Вѣдомости“ и „Столичное Утро“. Изъ журналовъ пассажиры читали только „Русское Богатство“, „Былое“ и „Міръ Божій“; изъ новыхъ книгъ—сборники „Знанія“ и „Шиповникъ“ и „Записки губернатора“ кн. С. Д. Урусова. Интересуется публика, слѣдовательно, попрежнему оппозиціонной печатью, и въ ней, а не въ печати „благонамѣренной“, черпаетъ фактическія свѣдѣнія и стремится найти формулировку испытываемыхъ ею чувствованій и вообще переживаемыхъ душевныхъ состояній. Хотя пассажиры не вели политическихъ разговоровъ, но всѣ шутки, остроты и случайно оброненныя слова ясно показывали, гдѣ лежатъ симпатіи. Во время стоянки въ одномъ изъ городовъ, на пароходъ вошелъ полицейскій и, назвавъ фамилію, спросилъ помощника капитана, есть ли это лицо въ числѣ пассажировъ. Помощникъ капитана рѣшительно отвѣтилъ, что администрація парохода паспортовъ у пассажировъ не повѣряетъ, и всѣ слышавшіе этотъ отвѣтъ видимо его одобрили. На пароходѣ ѣхалъ членъ второй Думы изъ лѣвыхъ. Человѣкъ мало разговорчивый, онъ былъ окруженъ всеобщимъ вниманіемъ, но не вниманіемъ любопытства, а сочувствія. Намъ удалось подслушать на одной изъ пристаней его разговоръ съ грузчиками. Разговоръ былъ краткій. Едва начался, подошелъ десятникъ, вмѣшался и весьма ловко перевелъ разговоръ съ грузчиками на разговоръ съ собою. Говорили самыя обыденныя вещи: что отъ четырехъ рублей за тысячу пудовъ на долю каждаго грузчика приходится въ недѣлю рублей 10—12 и что въ теченіе навигаціи отъ каторжнаго труда вьючнаго животнаго у аккуратнаго человѣка можетъ очиститься для деревенскаго „дома“ до 150 рублей. Но грузчики знали, что говорить съ бывшимъ членомъ Думы, и ихъ оживленныя лица и выраженіе глазъ ясно показывали, какъ далеки они отъ осужденія неоправдавшихъ довѣрія „крамольныхъ“ народныхъ представителей.

Отъ мелочныхъ, случайныхъ и—весьма возможно—ошибочныхъ непосредственныхъ впечатлѣній перейдемъ къ крупнымъ фактамъ. То-

варное движеніе на Волгѣ въ теченіе всего лѣта было весьма слабое. Несмотря на удовлетворительный урожай въ нижнемъ Поволжьѣ, нижегородская ярмарка не оправдываетъ ожиданій. Землеустроительное дѣло по прошлогоднимъ законамъ, принятымъ въ порядкѣ 87 статьи, идетъ болѣе, чѣмъ туго. Крестьяне отнюдь не обнаруживаютъ большой охоты покупать земли, предлагаемыя крестьянскимъ банкомъ. Купившіе не обнаруживаютъ охоты вносить срочные платежи. Какъ извѣстно, понадобился циркуляръ о понудительномъ ихъ взысканіи, подобно взысканію государственныхъ и земскихъ сборовъ. Еще менѣе успѣшно идетъ выдѣленіе домохозяевъ изъ общины. Неужели все это говорить о томъ, что населеніе приняло за отправное положеніе своихъ мыслей необходимость „послушной“ Думы, одобреніе мѣръ репрессій и разрѣшеніе земельного вопроса способами, такъ настойчиво проводимыми въ жизнь, и что оно, „успокоившись“ на этомъ отправномъ положеніи, „отдыхаетъ“?.. Мы ждемъ обычнаго возраженія: успѣшности хода землеустроительнаго дѣла и самоупражденія общины искусственно мѣшаетъ революціонная пропаганда. Пора, думаемъ, когда-нибудь перестать преувеличивать значеніе и силу козней революціонеровъ...

Даже г. А. Ст—нъ, на основаніи письма, полученнаго имъ изъ Тамбовской губ., пришелъ къ выводу, что политика успокоенія дала обратное слѣдствіе. „Поправѣвшее было тамъ,—пишетъ онъ,—подъ вліяніемъ крайняго отвращенія къ революціоннымъ ужасамъ“, населеніе въ последнее время измѣнилось; „теперь настроеніе тамъ лѣвѣетъ“. Причина—въ дѣйствіяхъ мѣстной администраціи. По поводу очередной замѣтки г. Ст—на, выдержки изъ которой мы приводимъ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 183) читаемъ: „Г. А. Ст—нъ въ „Новомъ Времени“ приходитъ къ убѣжденію, что административное давленіе вызываетъ болѣе „лѣвое“ настроеніе обывателей. Уже сколько разъ твердили міру эту истину органы оппозиціонной печати, но они встрѣчали всегда суровую отповѣдь реакціи: „сперва успокоеніе, а потомъ реформы“, причемъ подъ „успокоеніемъ“ подразумѣвалось именно административное давленіе. Въ числѣ апологетовъ своеобразнаго успокоенія выступало и „Новое Время“. И вдругъ что-то заставило г. А. Ст—на увидать, что „успокоеніе“ ведетъ къ недовольству и „полѣвнѣнію“. Мало того, онъ начинаетъ различать, что „пріемы сгибанія въ бараній рогъ“ имѣютъ цѣлю „доказать кому-то бутфорское, никого не обманывающее благополучіе“; въ дѣйствительности же пріемы эти „наиболѣе ненавистны народу“ и ведутъ къ тому, что „настроеніе лѣвѣетъ“.

Нѣтъ, очень далеко до того, чтобы Россія въ настоящій моментъ отдыхала! Населеніе утомлено и желаетъ отдыха, но политика успо-

коенія его будить и не даетъ ему того, на чемъ оно могло бы отдохнуть. Страна замолкла и ждетъ событій... Каждый изъ насъ поминутно спрашиваетъ себя: „что будетъ?“—и не находитъ отвѣта...

Въ какой мѣрѣ слабое примѣненіе получилъ до сихъ поръ законъ 9-го ноября 1906 г., „о дополненіи нѣкоторыхъ постановленій дѣйствующаго закона, касающихся крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія“,—объ этомъ, сравнительно съ важностью вопроса, весьма мало появлялось и появляется въ печати фактическихъ данныхъ. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ напечатанное въ № 178 „Русскихъ Вѣдомостей“ отношеніе земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ на имя тульского губернатора.

„Изъ сообщенныхъ вашимъ превосходительствомъ въ земскій отдѣлъ свѣдѣній,—говорится въ отношеніи,—видно, что требованія объ укрѣпленіи надѣльной земли изъ общиннаго владѣнія въ личную собственность заявлены по Тульской губ. 119-ю домохозяевами и что по этимъ требованіямъ состоялось только четыре общественныхъ приговора и ни одного постановленія земскаго начальника“. Итакъ, въ губерніи, имѣющей двѣнадцать уѣздовъ, поступило 119 заявленій о выдѣленіи изъ общины, или менѣе 10 заявленій въ среднемъ на уѣздъ. Это число заявленій земскій отдѣлъ далѣе называетъ „сравнительно большимъ“. Очевидно, слѣдовательно, что въ другихъ губерніяхъ заявленій поступаетъ еще меньше. Между тѣмъ, указъ 9-го ноября создалъ такія преимущества для выдѣляющихся домохозяевъ, при которыхъ, казалось бы, заявленія должны были сыпаться тысячами—и не въ губерніи, а въ уѣздѣ. Достаточно вспомнить, что, освобождаясь отъ всѣхъ тяжелыхъ сторонъ общиннаго землепользованія и приобретаая всѣ права частнаго собственника, выдѣлившіяся сохраняютъ за собою всѣ выгоды принадлежности къ общинѣ: участіе въ пользованіи въ неизмѣнной долѣ сѣнокосными, лѣсными и другими угодьями, передѣляемыми на особыхъ основаніяхъ, а равно мірскую усадебную землю, выгонами, пастбищами, оброчными статьями и друг. Нужна исключительная непопулярность законодательной мѣры среди крестьянъ, чтобы при такихъ условіяхъ приходилось для ея проведенія примѣнять начальственные воздѣйствія.

Но заявленій, все-таки, поступило въ Тульской губерніи хотъ 119. А общественныхъ приговоровъ по нимъ состоялось только *четыре*. Только въ четырехъ случаяхъ заявителямъ удалось собрать простое большинство голосовъ на сельскомъ сходѣ. Въ цѣляхъ облегченія для отдѣльныхъ домохозяевъ укрѣпленія земли въ личную собственность, законъ замѣнилъ обычно требуемое отъ рѣшеній сельскихъ сходовъ

большинство двухъ третей голосовъ простымъ большинствомъ—и, не смотря на это, въ 115 случаяхъ изъ 119 послѣдовалъ со стороны сходовъ отказъ! Земскіе начальники ни одного раза не воспользовались правомъ произвести укрѣпленіе земли за выдѣляющимися, помимо сходовъ, своими „по сему предмету постановленіями“. „Столь незначительное количество приговоровъ и полное отсутствіе постановленій земскихъ начальниковъ — пишетъ земскій отдѣлъ — свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣстныя крестьянскія учрежденія не въ достаточной мѣрѣ уяснили себѣ значеніе указа 9-го ноября 1906 г. и не озаботились надлежащимъ разъясненіемъ его, какъ подвѣдомственными должностнымъ лицамъ, такъ и сельскимъ сходамъ“. „Министерство внутреннихъ дѣлъ—говорится далѣе въ отношеніи—признаетъ необходимымъ поручить губернаторамъ установить самый внимательный надзоръ за исполненіемъ подвѣдомственными крестьянскими учрежденіями возложенной на нихъ Высочайшимъ указомъ 9-го ноября 1906 г. обязанности. Въ этомъ отношеніи надлежитъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы поступающія ходатайства объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность были разрѣшаемы земскими начальниками и уѣздными сѣздами въ кратчайшій срокъ, *привлекая виновныхъ въ нерадѣніи и медленности къ законной отвѣтственности*“.

Такимъ образомъ, и причина неуспѣхности проведенія закона въ жизнь, и средства ее парализовать найдены. Причина—въ томъ, что благодѣтельный для крестьянъ указъ недостаточно имъ „разъясненъ“. Средства парализовать—внимательный надзоръ губернаторовъ и привлеченіе „виновныхъ въ нерадѣніи и медленности къ законной отвѣтственности“. На земскихъ начальниковъ посылаются—и, вѣроятно, уже посыпались—выговоры. Цѣлыхъ сходовъ за „шумъ“ теперь штрафовать нельзя и сажать въ холодную „крикуновъ“—тоже. Но власть наложенія земскими начальниками дисциплинарныхъ взысканій на волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ сохранена. Сколько ихъ насидѣлось за „нерадѣніе“ и сколько еще насидится?!.. Какъ это привычно, старо и... бесполезно! Если огромныя выгоды для отдѣльных домохозяевъ—выгоды сегодняшняго дня—не въ силахъ способствовать успѣхному проведенію закона, то неужели возможно ожидать, что начальственные „разъясненія“ и „внимательный надзоръ“, подкрѣпляемые выговорами, арестами и штрафами, помогутъ дѣлу?..

Восемь мѣсяцевъ назадъ мы писали: „Во всякой деревнѣ есть голытьба, есть и пауки. Для первыхъ законъ (9 ноября) создалъ искушеніе—выдѣлиться, продать надѣль и хоть мѣсяцъ, если не годъ, не видѣть полуголодныхъ дѣтей. Для вторыхъ законъ создалъ не меньшее искушеніе—сдѣлаться въ своей же деревнѣ баринкомъ, помѣщикомъ. Въ деревню внесена рознь, отъ которой недалеко до

кольевъ“¹⁾... Сознание, что въ деревнѣ стало „недалеко до кольевъ“ — вотъ истинная причина отрицательнаго отношенія великорусскаго крестьянства къ закону 9 ноября. Это сознание, проникшее въ крестьянство, какъ цѣлое, создало преграду для голытьбы и для пауковъ. Немногіе изъ нихъ рѣшаются воспользоваться предоставленными закономъ выгодами: снова подчеркиваемъ, что во всей Тульской губерніи *только* 119 домохозяевъ заявили требованія объ укрѣпленіи земли въ личную собственность. Но и эти немногіе встрѣтили отпоръ въ крестьянской массѣ — въ сельскихъ сходахъ. Гораздо менѣе ясно, почему потребовалось министерское воздѣйствіе и угрозы каръ для земскихъ начальниковъ. Имена нѣсколькихъ губернаторовъ, подъ-рядъ управлявшихъ Тульской губерніей, не позволяютъ думать, что тамъ въ институтъ „властной руки“ свила гнѣздо „крамола“ и господствуетъ „вольный духъ“. Если же такъ, то официально завѣренный фактъ — „и ни одного постановленія земскаго начальника“ — представляется особенно характернымъ для жизненной правды закона.

Отношеніе земскаго отдѣла на имя тульскаго губернатора заключается въ себѣ и еще нѣчто, чрезвычайно существенное. Вскользь сказанными тремя словами оно раскрываетъ весь внутренній смыслъ закона. Тексту указа 9 ноября были предпосланы одни формальные мотивы, а именно, что съ 1-го января 1907 г. отменяется взиманіе выкупныхъ платежей, что съ этого срока надѣльныя земли освобождаются отъ лежавшихъ на нихъ ограниченій и крестьяне приобретаютъ право свободнаго выхода изъ общины — и что, „однако, дѣйствительное осуществленіе сего признаннаго закономъ права въ большинствѣ сельскихъ обществъ встрѣчаетъ практическія затрудненія въ невозможности опредѣлить размѣръ и произвести выдѣлъ участковъ, причитающихся выходящимъ изъ общины домохозяевамъ“. Но почему сочтено было необходимымъ столь радикальный и тѣсно связанный съ общимъ рѣшеніемъ земельного вопроса законъ издать экстренно, не выжидая трехъ съ небольшимъ, къ тому же зимнихъ, мѣсяцевъ, оставшихся до созыва второй Думы, — мотивы не объясняли. Министерство внутреннихъ дѣлъ на это и многія другія сомнѣнія, касающіяся закона 9 ноября, отвѣчаетъ слѣдующими словами. Прежде вывода о необходимости установить внимательный надзоръ губернаторовъ и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности, оно пишетъ: „придавая сему дѣлу особенное *по обстоятельствамъ времени* значеніе“, и т. д. Да, дѣйствительно, законъ о мѣрахъ скорѣйшаго самоупражденія общины изданъ „по обстоятельствамъ времени“. Этотъ законъ — въ полномъ смыслѣ слова политическій, преслѣдующій, главнымъ обра-

¹⁾ „Изъ Общественной Хроники“; 1907 г., январь, стр. 437.

зомъ, стороннюю цѣль. Его задача во что бы то ни стало безотлагательно разрушить общину, ибо, „по обстоятельствамъ времени“, она признана политически-опасной.

Общинному землепользованию, при освобожденіи крестьянъ, было отдано предпочтеніе передъ владѣніемъ землей на правѣ частной собственности по многимъ разнороднымъ соображеніямъ, въ числѣ которыхъ тоже преобладали соображенія политическія. Съ одной стороны, желаніе въ лицѣ „мира“ создать достаточно устойчивый противовѣсъ „барину“, съ которымъ у крестьянъ положеніе 1861 г. сохраняло на неопредѣленный срокъ „временно-обязательныя“ отношенія. Съ другой — предположеніе о непоколебимой твердости и живучести въ крестьянахъ „исконныхъ началъ“. Съ тѣхъ поръ начался въ литературѣ и въ жизни никогда не прекращавшійся и по настоящее время не-оконченный споръ между сторонниками общины и ея противниками. Правительство всегда было въ рядахъ первыхъ. Особенно громко прозвучали голоса вторыхъ въ заключеніяхъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, которые въ громадномъ большинствѣ отнеслись къ общинѣ отрицательно, какъ къ институту, препятствующему развитію въ деревнѣ самостоятельной и самодѣятельной личности, сильной сознаниемъ своихъ правъ. Но эти голоса не были услышаны. Манифестъ 26-го февраля 1903 г. повелѣлъ положить въ основу трудовъ по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи „неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія“. И, слѣдуя этому повелѣнію, В. К. Плеве свой извѣстный проектъ построилъ на обособленіи крестьянъ отъ другихъ сословій и на полномъ закрѣпощеніи ихъ за общиной, а черезъ нее — за земскими начальниками, предводителями дворянства и губернаторами.

По политическимъ же основаніямъ, въ надеждѣ на мистическій консерватизмъ надѣльныхъ крестьянъ-общинниковъ, положеніемъ 6-го августа 1905 г., имъ было предоставлено двойное и привилегированное участіе въ выборахъ членовъ Государственной Думы. Немногіе изъ состава совѣщанія, окончательно установившаго принципы избирательнаго закона, раздѣляли взглядъ министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина, доказывавшаго, что самый вѣрный оплотъ консерватизма въ Россіи—земельное дворянство. Въ глазахъ большинства земельное дворянство рисовалось въ образѣ либеральныхъ земцевъ, а крестьянство—въ образѣ мистически настроенныхъ мужичковъ, проникнутыхъ страхомъ, любовью и почтеніемъ къ начальству. Крестьянство не оправдало надеждъ. Въ первой Думѣ его представителями были рѣзко выдвинутъ земельный вопросъ во всей широтѣ, и передъ правящимъ классомъ выросла совсѣмъ не проблематическая угроза принудительнаго отчужденія, націонализаціи и даже социализаціи земли, въ корнѣ

своемъ столь сродныхъ съ общиннымъ строемъ. Распустивъ Думу, правительство направило всѣ усилія, чтобы ко времени вторыхъ выборовъ раскрыть передъ крестьянами блага владѣнія землей на правѣ частной собственности и тѣмъ измѣнить направленіе ихъ мыслей. Рядъ законовъ, изданныхъ „по обстоятельствамъ времени“, завершилъ указъ 9-го ноября. Надежды, однако, опять не оправдались. Теперь заботиться о предвыборной подготовкѣ крестьянъ нѣтъ нужды. Положеніе о выборахъ 3-го іюня достаточно позаботилось объ обращеніи ихъ привилегированнаго участія въ едва замѣтное. Но въ смыслѣ политическаго значенія общины „обстоятельства времени“ не измѣнились. Твердо рѣшившись стать на защиту интересовъ ста-тридцати тысячъ дворянъ, правительство не можетъ не считаться съ тѣмъ, что сколь „послушною“ ни оказалась бы третья Дума, за нею будетъ стоять и хотя бы хроническими голодовками будетъ постоянно напоминать о себѣ стомилионное крестьянство. „Обстоятельства времени“ требуютъ сдѣлать изъ крестьянъ такихъ же собственниковъ, какъ землевладѣльцы-дворяне, и для этого упразднить общину.

При ошибочной, какъ показала дѣйствительность, политической предпосылкѣ, въ 1903 г. „неприкосновенность общиннаго строя“ была признана условіемъ реформы крестьянскаго права. Менѣе чѣмъ черезъ три года, опять по политической предпосылкѣ, восторжествовало диаметрально противоположное воззрѣніе, и еще черезъ годъ за нерадѣніе и медленность въ удовлетвореніи ходатайствъ объ укрѣпленіи надѣльной земли въ частную собственность министерство внутреннихъ дѣлъ грозитъ виновникамъ законной отвѣтственности. Кто бы повѣрилъ, четыре года назадъ, что въ пользу развитія самодѣятельной личности въ крестьянствѣ будутъ писать въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“? „Васъ интересуютъ—пишетъ корреспондентка газеты, помѣщица,—взгляды моего мужа на крестьянско-земельный вопросъ и ихъ острое малокровіе..., pardon, острое безземелье, которое такъ недавно развилось и, въ сущности, такъ трудно поддается опредѣленію, ну, какъ блѣдная немочь у молодыхъ дѣвушекъ. И, вѣроятно, такъ же само собой бы исчезло у первыхъ, какъ и у послѣднихъ, коль скоро тѣхъ и другихъ поставятъ въ нормальныя условія, то-есть однихъ выдадутъ замужъ и заставятъ заниматься дѣломъ, а другихъ *перестанутъ опекать и заставятъ стать на ноги* и устраивать свои дѣла, не рассчитывая на матушку-казну“. Конечно, болѣе чѣмъ позволительно усомниться, чтобы корреспондентка и ея мужъ имѣли въ виду интересы крестьянъ, независимо отъ своихъ собственныхъ, но приведенныя строки написаны навѣрное искренно. Помѣщикамъ, корреспондирующимъ въ „Московскія Вѣдомости“, двадцать, десять и пять лѣтъ назадъ нуженъ былъ дешевый и безотвѣтный работникъ и не

смѣющій поднять головы сосѣдъ-крестьянинъ,—и они писали о властной рукѣ, о неприкосновенности общины и о бдительно-попечительной опеке. Теперь имъ приходится дрожать передъ возможностью лишиться земли не за искусственно вздутую цѣну, и они готовы примириться съ меньшимъ зломъ—съ стоящимъ на своихъ ногахъ мужикомъ. Характерно выдаетъ себя корреспондентка. Во-первыхъ, слѣдующими дальнѣйшими строками письма: „Слишкомъ необразованнымъ нашимъ мужикамъ, даже кто и получше, ничего хорошаго въ руки дать нельзя: неряхи, все испортятъ, потомъ весь вѣкъ и ѣздить на чивенномъ“. Во-вторыхъ, прямо великолѣпнымъ словомъ—„заставять“.

„Безземелье само собой исчезло бы у крестьянъ, коль скоро ихъ *заставятъ* стать на ноги!“! Вдумайтесь въ эту фразу. Не обстоятельства или условія жизни „заставятъ“, а имущіе власть люди, начальство. И не одна помѣщица-корреспондентка, захваченная страхомъ потерять право продать землю по ея самой назначенной цѣнѣ, думаетъ, что власть начальства всемогуща и что можно по приказу сдѣлать человѣка самостоятельнымъ. Та же нота слышится въ бумагѣ земскаго отдѣла тульскому губернатору. Земскій отдѣлъ полагаетъ, что разъясненіями и взысканіями можно разрушить общину тамъ, гдѣ общинный строй не тяготитъ народа и, напротивъ, вошелъ въ нравы и гдѣ на губернію въ теченіе болѣе полугода дѣйствія закона поступило 119 заявленій о выдѣленіи и состоялось четыре общественныхъ приговора. Только подъ вліяніемъ страсти политической борьбы возможно рассчитывать на поворотъ въ дѣлѣ въ силу начальственныхъ побужденій. Да и приведетъ ли законъ къ цѣли, если совершится невозможное и всѣ крестьяне обратятся въ кратчайшій срокъ въ собственниковъ,—развѣ не большой еще вопросъ? Рѣзко ли отличались на выборахъ и въ первую, и во вторую Думу мелкіе крестьяне-собственники отъ надѣльныхъ?

Общинный строй землепользованія—глубокое экономическое и социальное явленіе. Оно имѣетъ и положительныя, и отрицательныя стороны. Мы отнюдь не принадлежимъ къ числу его безусловныхъ защитниковъ. Но для насъ ясно, что какъ прежде законъ былъ безсиленъ предотвратить процессъ разложенія общины тамъ, гдѣ это явленіе было искусственно создано, такъ онъ безсиленъ общину разрушить тамъ, гдѣ она не была создана, а создавалась самой жизнью, и гдѣ жизнь не перешла къ другимъ формамъ экономическаго строя. Само по себѣ значеніе общины во много разъ больше значенія преходящихъ „обстоятельствъ времени“...

Передъ нами брошюра, изданная Н уѣздной землеустроительной комиссіей и разосланная черезъ волостныя правленія во всѣ деревни

уѣзда. Брошюра содержитъ въ себѣ изложеніе, такъ называемымъ „понятнымъ для крестьянъ языкомъ“, закона, а равно наказа и циркуляровъ, данныхъ комиссіямъ. Самостоятельнаго въ ней немного по мыслямъ, но весьма много по тенденціознымъ „разъясненіямъ“ и подчеркиваніямъ. Очевидно, авторы ея въ этомъ именно (не въ поддѣлкѣ же подь мѣстный крестьянскій говоръ!) и усматривали отличие обычнаго языка официальныхъ актовъ и литературы отъ „понятнаго для крестьянъ“. Брошюра рельефно показываетъ, въ какомъ видѣ доходятъ до крестьянства мѣры благодѣтельствованія его, принятыя въ экстраординарномъ, сверхзаконномъ порядкѣ, чтобы къ моменту разрѣшенія земельного вопроса въ порядкѣ, основными законами установленномъ, въ сущности уже нечего бы было рѣшать.

Брошюра начинается съ объясненія: „зачѣмъ комиссія учреждена, что будетъ дѣлать и какая отъ нея польза крестьянамъ“. Подь этимъ заголовкомъ, прежде всего, перечисляются законодательныя мѣры послѣдняго времени и дарованныя крестьянамъ милости, вѣлчительно до права закладывать надѣльныя земли, чтò комиссія, повидимому, особенно стремится вбить въ голову читателямъ, такъ какъ затѣмъ много разъ возвращается къ этому праву. „Для исполненія этихъ мѣръ и царскихъ милостей“—говорится далѣе—„учреждена N уѣздная землеустроительная комиссія, которая обязана содѣйствовать болѣе успѣшной и полезной для хлѣбопашцевъ дѣятельности крестьянскаго банка, заботиться, чтобы купленная банкомъ, а также казенныя и удѣльныя земли *достались тѣмъ, кто въ нихъ больше нуждается, и чтобы помочь крестьянамъ справедливо и удобно для ихъ хозяйства разверстать угодія и устранить чрезполосицу* (курсивъ подлинника),— чтобы вообще оказать помощь хлѣбопашцамъ въ земельномъ дѣлѣ“. „Поэтому“—продолжаетъ брошюра—„комиссія составлена изъ мѣстныхъ знающихъ людей, большая часть которыхъ выбрана самимъ населеніемъ: три члена—уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, а еще три—крестьянами, на волостныхъ сходахъ“.

Въ этихъ двухъ фразахъ логика сохранена: на комъ лежитъ обязанность „заботиться“, чтобы земля досталась нуждающимся, и „помогать“ крестьянамъ разверстать угодья „удобно для ихъ хозяйства“, тотъ, конечно, долженъ быть человекомъ знающимъ и мѣстнымъ, а самое лучшее—уполномоченнымъ на это дѣло населеніемъ и, въ частности, крестьянами. Но для сохраненія логики авторамъ брошюры пришлось поступиться фактической правдой. Во-первыхъ, по ихъ арифметикѣ вышло, что шесть больше семи, ибо, согласно закону 6-го марта 1906 года, въ составъ землеустроительныхъ комиссій, кромѣ шести выборныхъ членовъ, входятъ: предводитель дворянства, предсѣдатель земской управы, чиновникъ по назначенію главнаго

управленія землеустройства и земледѣлія, уѣздный членъ окружного суда, членъ отъ удѣльнаго вѣдомства (въ уѣздѣ имѣются удѣльныя земли), податной инспекторъ и земскій начальникъ, — т. е. семь лицъ. Во-вторыхъ, они назвали избраніемъ „самимъ населеніемъ“ избраніе реакціоннымъ по направленію и образованнымъ по положенію 1890 г. земскимъ собраніемъ трехъ ультра-реакціонныхъ гласныхъ. Въ-третьихъ, забыли упомянуть, что три крестьянина изъ тридцати, выбранныхъ волостными сходами, вошли въ комиссію по жребію.

Свою политическую задачу комиссія формулируетъ рѣшительно и съ большой увѣренностью въ своихъ силахъ: „Такъ какъ назначеніе комиссіи только помогать и посредничать въ земельныхъ дѣлахъ, то она, конечно, не можетъ никого ни къ чему принудить; не можетъ, напримѣръ, заставить кого-либо продать землю, если онъ того самъ не желаетъ, или противъ воли владѣльца размѣнять, либо подѣлить угодія. *Ибо неприкосновенность собственности, какъ всегда охранялась, такъ и сейчасъ крѣпко охраняется неизмѣннымъ закономъ.* Послѣ же царскаго манифеста 17 октября 1905 года, возвѣстившаго свободу, каждый хозяинъ теперь еще болѣе, чѣмъ прежде (любопытное пониманіе свободы!) свободенъ распоряжаться всѣмъ своимъ законнымъ имуществомъ и ни къ какимъ уступкамъ собственности противъ воли своей никѣмъ не можетъ быть принуждаемъ“. „Комиссія не только не можетъ нарушать права кого-либо, будь то помѣщикъ или крестьянинъ, но, наоборотъ, будетъ всемѣрно заботиться, чтобы крѣпче утвердить собственность каждаго, чтобы прекратить всякіе споры о землѣ, и чтобы за каждымъ хлѣбопашцемъ, по возможности, обезпечить вѣчное владѣніе землей: *безспорное, нерушимое и потомственное*“ (въ обоихъ случаяхъ — курсивъ подлинника).

Послѣ приведенныхъ длинныхъ разсужденій, комиссія, наконецъ, переходитъ къ практическому вопросу: какая отъ нея будетъ польза? Она „выяснить, — говорится въ брошюрѣ, — кто больше нуждается и кому какая помощь необходима и возможна, а кто можетъ обойтись и безъ помощи“. „Комиссія установитъ тотъ размѣръ владѣнія, который въ N уѣздѣ нужно признать вполне достаточнымъ“; „по тѣмъ дворамъ, у которыхъ столько земли уже имѣется, сколько комиссія установитъ, никакой помощи такимъ крестьянамъ въ покупкахъ земли не окажетъ“. „Впрочемъ, и достаточнымъ дворамъ оказывается помощь въ прикупкѣ земли, если иначе нельзя устранить черезполосицу или если такіе достаточные крестьяне обяжутся прикупать землю, вмѣстѣ съ надѣльной и раньше купленной, развести для каждаго двора къ одному мѣсту, т. е. хуторскія хозяйства“. При покупкѣ земли отъ крестьянскаго банка, комиссія будетъ опре-

дѣлать, „кому изъ крестьянъ, заявившихъ желаніе купить землю, и по сколько на дворъ слѣдуетъ распродать купленное банкомъ имѣніе“. При размежеваніи, особенно при расселеніи на хутора, — будетъ присылать своихъ членовъ, „чтобы привести стороны къ соглашенію“, и землемѣровъ. При сдачѣ казенныхъ земель въ аренду — будетъ рѣшать „кому земля нужнѣе“. Въ двухъ случаяхъ, „если крестьяне, купившіе казенную землю, переселяются на нее выселками, либо хуторами“ и „если владѣльцы отрубныхъ участковъ пожелаютъ выселиться на свои надѣлы“, — комиссія, „по мѣрѣ своихъ (?) средствъ“ будетъ выдавать „казенное пособіе“.

Чего больше во всемъ этомъ: пользы или тяготы? Въ N уѣздѣ крестьяне успѣли купить послѣ отгнѣны крѣпостного права 153 тыс. десятинъ, и площадь этой принадлежащей имъ на правѣ собственности земли почти въ два раза превышаетъ площадь земли, принадлежащей собственникамъ другихъ сословій. Они отлично знакомы со стѣсненіями, съ которыми была связана покупка земли черезъ крестьянскій банкъ безъ землеустроительной комиссіи, и во многихъ случаяхъ предпочитали прибѣгать къ содѣйствію частныхъ банковъ. Теперь имъ говорятъ, что будутъ продавать землю съ еще неизмѣримо бѣльшими стѣсненіями, — съ вмѣшательствомъ начальства въ семейныя условія, въ хозяйственные распоряжки и въ сосѣдскіе споры и съ явнымъ „принужденіемъ“ — рублемъ вмѣсто дубья — къ разрушенію привычнаго уклада жизни въ общинѣ. Прочтя брошюру, они естественно увидятъ, что новая „помощь“ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ извѣданной „помощи“ земскихъ начальниковъ, и станутъ искать реальныя выгоды, уравнивающимія стѣсненія. Какой отвѣтъ о выгодахъ дасть комиссія?

Во-первыхъ, она объявляетъ о милости, данной пониженіемъ платежей въ крестьянскій банкъ съ шести процентовъ до четырехъ съ половиной, но тутъ же прибавляетъ, что въ одинаковомъ размѣрѣ понижены платежи и по ранѣ совершеннымъ сдѣлкамъ. Слѣдовательно, покупка земли черезъ крестьянскій банкъ при посреднической помощи землеустроительной комиссіи, въ данномъ отношеніи, никакой особой выгоды не представляетъ. Съ другой стороны, едва ли можно назвать льготнымъ платежъ четырехъ съ половиной со ста рублей ссуды, когда рядомъ помѣщики-дворяне платятъ за землю, безъ всякихъ стѣснительныхъ ограниченій въ полученіи ссуды и въ веденіи хозяйства, съ тѣхъ же ста рублей только четыре. Крестьянамъ хорошо извѣстно, что большинство предлагаемыхъ помѣщиками къ продажѣ земель заложены въ дворянскомъ банкѣ, и они не могутъ не понимать, что операція по приобрѣтенію ими земель при содѣйствіи комиссіи есть не что иное, какъ купля-продажа съ пере-

водомъ долга. Не трудно при этомъ дорадаться, для которой стороны выгодна сдѣлка: отъ прежнего владѣльца, дворянина, казна получала четыре рубля со ста рублей ссуды, а отъ новаго, крестьянина, будетъ получать на полтинникъ больше.

Во-вторыхъ, комиссія говоритъ, что крестьянскій банкъ „купленныя имъ имѣнія распродаетъ крестьянамъ за ту же цѣну, за какую самъ купилъ“. Хотя это вѣрно только отчасти — въ отношеніи размѣра капитальной суммы, но не ежегодныхъ платежей, — что объясняетъ эта фраза въ смыслѣ предоставляемыхъ крестьянамъ выгодъ? Только то, что само собою разумѣется, — именно, что посредничество крестьянскаго банка, или, иначе, государственной казны, не есть посредничество спекулятора или ростовщика. Важно знать, за какую цѣну банкъ приобретаетъ и будетъ впредь приобретать помѣщичьи земли. По этому предмету въ брошюрѣ разъяснено, что отнынѣ покупную цѣну назначаетъ не банкъ, а землеустроительная комиссія. А далѣе приведены основанія опредѣленія цѣны: „При опредѣленіи цѣны комиссія соображаетъ всѣ мѣстные обычныя условія: почему такія земли въ этой мѣстности продавались другими и почему ходятъ въ аренду; хороша ли, удобна ли земля, и какіе даетъ урожай, и сколько приносить чистаго дохода; кромѣ того, комиссія учитываетъ: сколько пользы эта земля можетъ принести крестьянамъ и посильны ли для нихъ будутъ платежи“. Замѣна банковскаго оцѣнщика комиссіей мало можетъ утѣшить крестьянъ. Предводитель дворянства, предсѣдатель земской управы, три дворянина изъ гласныхъ земскаго собранія и земскій начальникъ — сами мѣстные землевладѣльцы и сами заинтересованы въ покупныхъ цѣнахъ на землю. Перечисленные же основанія опредѣленія цѣны совершенно ясно говорятъ, какъ дорого обойдутся услуги комиссіи. Существующія продажныя цѣны — вздуты крестьянской нуждой и спекуляціей и значительно превышаютъ норму. Арендныя цѣны — настолько высоки, что дворянскій банкъ отказывается принимать ихъ въ расчетъ при залогѣ имѣній. Чистая доходность двухъ-трехъ десятинъ, прикупаемыхъ мало-земельнымъ крестьяниномъ, равна валовой и потому, отправляясь отъ нея, можно дойти до безграничнаго размѣра цѣнности. Посильность платежей — вещь условная, и если принимать въ соображеніе возможность ихъ взысканія стражниками, то граница весьма и весьма отодвигается... Подумавши, каждый крестьянинъ невольно скажетъ: „нѣтъ, ужъ лучше дайте мнѣ самому поторговаться, пусть лучше меня прижметъ владѣлецъ, нежели комиссія станетъ дѣлать свои соображенія и усчитыванія“!..

Безвозвратно минуло то время, когда можно было надѣяться, что „разъясненіями“ на „понятномъ для нихъ языкѣ“ возможно такъ за-

пугать и затуманить крестьянъ, что они утратятъ способность мыслить и различать, гдѣ начинается и кончается ихъ экономическій интересъ. Крестьяне во-очію доказали умѣнье понимать не только написанное на общепринятомъ языкѣ, но и на „понятномъ“. Слишкомъ прозрачно сквозить изъ-за тумана „разъясненій“ истинная цѣль настойчиво проводимой земельной политики, чтобы она сокрылась отъ мужика... Зачѣмъ, спросить онъ себя, понадобилось создавать новую опеку во имя освобожденія его отъ опеки? Зачѣмъ эта внезапная „хутороманія“? Зачѣмъ комиссія „набивается“ со своими услугами? Зачѣмъ призывъ народа къ участию въ законодательной власти, зачѣмъ выборы, зачѣмъ Дума, — если главнѣйшій вопросъ русской жизни такъ просто разрешается въ порядкѣ милости?... И онъ прочтетъ отвѣты въ строкахъ и между строкъ брошюры...

„Вотъ почитайте, какъ о насъ начальство зоблется!“ — иронически сказалъ намъ въ прошломъ году одинъ заправскій немолодой крестьянинъ, подавая присланный въ деревню экземпляръ правительственнаго сообщенія отъ 20-го іюня съ пересказомъ рѣчи г. Гурко. Такую же иронию вызоветъ въ немъ навѣрное чтеніе брошюры N уѣздной землеустроительной комиссіи...

При разборѣ новаго избирательнаго закона, въ „Вѣстникѣ Европы“ ¹⁾ была отмѣчена одна изъ существенныхъ его особенностей, заключающаяся въ правѣ министра внутреннихъ дѣлъ раздѣлять, какъ предварительные сѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ равно уѣздные и городскіе сѣзды, не только по мѣстностямъ, но также по роду ценовъ или по національностямъ, а предварительные сѣзды, сверхъ того — по размѣрамъ владѣній. Какъ воспользуется министръ этимъ правомъ, тогда, конечно, представлялось гадательнымъ. Теперь объ этомъ можно судить съ положительностью на основаніи разосланнаго губернаторамъ циркуляра товарища министра, г. Крыжановскаго. Циркуляръ первоначально появился въ „Рѣчи“ (№ 189), а затѣмъ былъ перепечатанъ другими газетами.

Первые выборы, какъ извѣстно, прошли почти вовсе безъ вмѣшательства министерства. Вторые — проходили, напротивъ, при самомъ энергичномъ вмѣшательствѣ. Предстоящіе третьи — будутъ проходить не при вмѣшательствѣ власти, а при руководствѣ ею. Право направлять выборы, учитывая шансы тѣхъ или другихъ элементовъ избирателей и тѣмъ предопредѣляя составъ народныхъ представителей, за министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ значительной мѣрѣ,

¹⁾ „Внутреннее Обозрѣніе“, 1907 г., іюль, стр. 349.

признано закономъ. Такимъ образомъ, его дѣйствія въ этой области уже не могутъ быть названы вмѣшательствомъ, а составляютъ законно на него возложенное руководство. Указанія циркуляра распадаются на двѣ части: на касающіяся губерній со сплошнымъ русскимъ населеніемъ и на касающіяся губерній съ населеніемъ смѣшаннымъ. Относительно первыхъ, въ общемъ, должно признать, что министръ внутреннихъ дѣлъ положилъ себѣ предѣлы руководства ближе, чѣмъ онъ могъ бы ихъ положить, и что онъ ограничительно передовѣрилъ, такъ сказать, свою власть губернаторамъ. Но относительно вторыхъ министръ съ неуклонной послѣдовательностью использовалъ свое право способствовать побѣдѣ представителей русскаго населенія надъ представителями инородческаго.

Избирательные сѣзды землевладѣльцевъ въ уѣздахъ, гдѣ не имѣется болѣе или менѣе значительнаго числа землевладѣльцевъ инородческаго происхожденія, согласно циркуляру, „раздѣленію не подлежатъ“. Это самый существенный для коренной Россіи отказъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ своего права. Благодаря ему, если не падаетъ, то, во всякомъ случаѣ, весьма затрудняется, по крайней мѣрѣ, возможность такой искусственной комбинаціи голосовъ, которая имѣетъ цѣлью проведеніе или устраненіе индивидуальныхъ кандидатуръ въ выборки. Также не подлежатъ раздѣленію—въ тѣхъ же уѣздахъ—сѣзды уполномоченныхъ отъ волостей. Въ отношеніи предварительныхъ сѣздовъ землевладѣльцевъ, установлено: „Въ каждомъ уѣздѣ надлежитъ образовать для избранія уполномоченныхъ (ст. 28, пункты 4 и 5) три отдѣльныхъ предварительныхъ сѣзда (ст. 30): а) первый сѣздъ—въ составѣ настоятелей православныхъ церквей, которыя или причтъ которыхъ владѣютъ въ уѣздѣ землей; б) второй сѣздъ—въ составѣ лицъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ въ размѣрѣ менѣе полного ценза (ст. 28, пункты 1, 2 и 3), но не менѣе одной пятой онаго; в) третій сѣздъ—въ составѣ всѣхъ остальныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ участіе въ предварительномъ сѣздѣ“. Почему обособлены настоятели православныхъ церквей—въ циркулярѣ не разъяснено. Причина же выдѣленія владѣльцевъ пятой части полного ценза объяснена съ полной откровенностью: „Указанное выше образованіе отдѣльныхъ предварительныхъ сѣздовъ въ соотвѣтствіи съ размѣрами имущественнаго ценза имѣетъ цѣлью оградить интересы землевладѣльцевъ, которые въ случаѣ образованія одного общаго для всѣхъ предварительнаго сѣзда подавились бы численнымъ превосходствомъ мелкихъ владѣльцевъ и лишались бы возможности избрать изъ своей среды уполномоченныхъ“. Въ видахъ наиболѣе полного достиженія этой цѣли, губернаторамъ дано право представлять министру, „въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и значенія тѣхъ или иныхъ

разрядовъ землевладѣнія“, о дальнѣйшемъ пониженіи „нормы владѣній, относимыхъ къ среднимъ, съ тѣмъ, чтобы пониженіе это не шло далѣе одной десятой полнаго ценза“.

Владѣльцы земли, площадью менѣе одной пятой или одной десятой полнаго ценза, почти исключительно—крестьяне. Мѣстные крестьяне-собственники устранены вовсе отъ участія въ землевладѣльческихъ сѣздахъ. Но это участіе сохранено за крестьянами пришлыми, т.-е. приписанными къ сельскимъ обществамъ другихъ уѣздовъ—и, слѣдовательно, противъ нихъ направлено давленіе предварительныхъ сѣздовъ. Циркуляръ, такимъ образомъ, дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ къ умаленію практическаго значенія избирательнаго права крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ значеніе избирательнаго права землевладѣльцевъ другихъ сословій и православнаго духовенства. Отнюдь не безразличнымъ окажется на практикѣ—въ томъ же направленіи — указаніе циркулара, что „всѣ три сѣзда (предварительные) надлежитъ созывать въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ по принадлежности“. Городъ—обыкновенно въ центрѣ уѣзда. Мелкіе же чужеуѣздные крестьяне-собственники суть по преимуществу крестьяне сосѣднихъ уѣздовъ, и владѣнія ихъ, въ громадномъ большинствѣ, расположены на окраинахъ даннаго уѣзда. Отдаленность для нихъ уѣзднаго города не можетъ не отразиться на числѣ „всѣхъ остальныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ участіе въ предварительномъ сѣздѣ“, которые осуществятъ свое право. А дабы третье отдѣленіе предварительнаго сѣзда оказало ощутительное вліяніе на выборы, это число должно быть весьма большимъ. При размѣрѣ полнаго ценза въ 225 десятинъ и при размѣрѣ мелкаго владѣнія, въ среднемъ, въ 10 десятинъ, для избранія одного уполномоченнаго должно явиться 23 избирателя, для избранія десятерыхъ — 225. Если же взять за средній размѣръ мелкаго владѣнія 5 десятинъ, что во многихъ уѣздахъ ближе къ дѣйствительности,—то 45 и 450.

Въ губерніяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ подлежатъ раздѣленію всѣ сѣзды. Циркуляръ гласитъ: „Избирательный сѣздъ (землевладѣльцевъ) раздѣленію не подлежитъ, за исключеніемъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ имѣется болѣе или менѣе значительное число землевладѣльцевъ инородческаго происхожденія. Въ этихъ уѣздахъ надлежитъ проектировать раздѣленіе землевладѣльцевъ на два отдѣленія, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ одному изъ нихъ были отнесены землевладѣльцы русскаго происхожденія, а къ другому—инородческаго. Въ этомъ случаѣ необходимо раздѣлить по національности избирателей также и предварительные сѣзды, уполномоченные отъ коихъ войдутъ затѣмъ въ подлежащіе сѣзды землевладѣльцевъ по принадлежности. Сѣзды городскихъ избирателей въ случаѣ, когда отъ нихъ избирается болѣе

одного выборщика, надлежитъ раздѣлять по возможности на отдѣленія съ такимъ расчетомъ, чтобы избиратели русскаго происхожденія произвели избраніе выборщиковъ отдѣльно отъ избирателей-инородцевъ. Съѣзды уполномоченныхъ отъ волостей въ уѣздахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, *особенно въ тѣхъ, гдѣ преобладаютъ по числу инородческія волости*, подлежатъ раздѣленію по національностямъ, съ отнесеніемъ къ одному уполномоченныхъ отъ русскихъ, а къ другому—уполномоченныхъ отъ инородческихъ волостей*.

Мы не могли не подчеркнуть чрезвычайно характерныхъ словъ: „особенно въ тѣхъ, гдѣ преобладаютъ по числу инородческія волости“. Гдѣ инородческія волости по числу не преобладаютъ, тамъ циркуляръ не особенно заботится о національныхъ различіяхъ и о раздѣленіи съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей: большинство голосовъ на такомъ съѣздѣ будетъ принадлежать крестьянамъ русскаго происхожденія. Если же имѣетъ мѣсто обратное численное соотношеніе и есть опасность, что большинство голосовъ на съѣздѣ будетъ принадлежать инородцамъ, то циркуляръ неуклонно требуетъ раздѣленія, т.-е. устанавливаетъ, что отъ каждаго уѣзда, какъ ни мало въ немъ число волостей, населенныхъ крестьянами русскаго происхожденія, обязательно хотя одинъ выборщикъ долженъ быть русскій. Нельзя при этомъ забывать, что отъ многихъ уѣздовъ со смѣшаннымъ крестьянскимъ населеніемъ положено всего два волостныхъ выборщика и что, въ силу циркуляра, возможна такая комбинація: одного выборщика будутъ избирать двѣ или три волости, а другого—двадцать или двадцать-пять.

Во всѣхъ приведенныхъ выдержкахъ изъ циркуляра проводится одно противоположеніе: избиратели русскаго происхожденія и избиратели-инородцы. Любопытно, какія начала установитъ министерство для выборовъ въ остзейскомъ краѣ. Какъ бы не оказались тамъ нѣмцы-бароны, завѣрившіе свой „октябризмъ“, граничащій съ черносотенствомъ, въ категоріи русскихъ избирателей, противопоставленныхъ революціонерамъ-латышамъ и эстамъ...

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЪ

въ 1907 г.

(Сорокъ-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемесячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходить въ порядкѣ чиселъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСКА ЦѢНА:

	На годъ	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Первое	Второе	Первое	Второе	Третье	Четвертое
Въестникъ, въ Конторѣ журнала	16 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ —	8 „ —	8 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл.	17 „ —	9 „ —	9 „ —	5 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Въ провинціи, въ госуд. почтом. совѣзѣ	19 „ —	10 „ —	10 „ —	5 „ —	5 „ —	5 „ —	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Выдано редакціи годовой подписки на журналъ, подписки по четвертямъ въ январѣ и въ апрѣлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, июлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Рибера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ ВІЕНѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Ослоблана, Крещатикъ, 35.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжные магазины Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линияхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Рингельевскія, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ дослать заказывать въ рубль имя, отчество, фамилія, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и жительствоваемаго въ населенномъ мѣстѣ. 2) Почтовый адресъ дослать заказывать въ рубль имя, отчество, фамилія, съ точнымъ обозначеніемъ мѣста жительства, если мѣст. такого устроения въ слѣдствіе обстоятельство извѣстны. — 3) Почтовый адресъ долженъ быть сообщенъ Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при всѣхъ городскихъ перемѣнахъ, а именно въ январѣ, апрѣлѣ, июлѣ и октябрѣ, и не менѣе чѣмъ за 1 рубль. — 4) Жалобы на несправильность доставки представляются исключительно въ Редакцію журнала, если доставка была гдѣ-либо въ исключительномъ мѣстѣхъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не имѣетъ еще полученаго слѣдующей книги журнала. — 5) Выданы на получение журнала «названіемъ Конторы» только тѣмъ въ провинціальныхъ или иностранныхъ мѣстностяхъ, которые принадлежатъ къ почтовой думѣ 14-го почтоваго округа.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Свб., Галеріалъ, 20.

Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Петербургская-Острова, Кропоткинская ул., 21.

ВЪСНУЛЪ ЕВРОПѢ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ИСКУССТВЪ.

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — КНИГА 10.

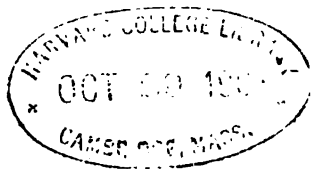
ОКТАВРЬ, 1907.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1907.

I.—ПЕРВОЕ ПАНЦЕВО И ГОСУДАРСТВО в 19-м вѣкѣ.—I-V.—И. П. Герье.	111
II.—ДОНЪ-ЖУАНЪ ГРАФА ДЛЕЗЕВЪ ТОЛСТОГО.—Историческо-художественный очеркъ.—I-XIII.—Маргарита Саломона.	140
III.—МОСКОВСКИЙ „АМЕРИКАНЕЦЪ“.—Романы. I-XI.—Г. Васильева.	129
IV.—ОТЪХОДНИЧЕСТВО.—Ученая. I. Волкова записка.—И. Савва обели.—О. Чисовой.	134
V.—ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКИЙ и его историческая судьба.—Очеркъ.—XIV-XVI.—Евг. Я. Ивановъ.	156
VI.—ДАЛЕКИН ГОРНОДОБЪ.—Романъ. Лексис Малета. The Far Horizon. By Lexis Malo.—X-XVII.—Съ авт. О. Ч.	112
VII.—П. П. ОРАСЛОВЪ И ЕГО ЛЮБОВЬ.—I-12.—Сообщения М. О. Гершензона.	150
VIII.—ТОЛКДСКИЙ СЪВОРЪ.—Повесть.—Viscont' Blasco Ibañez. La Catedral. Novela.—I-II.—Съ испанск. —В. В.	152
IX.—РОСТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА РОССИИ.—1760-1906.—Описание.—V-IX.—В. В.	115
X.—ВЪЗН. КНИЖИ „ТОСКА ПЛЕТИ“ ГИИ.—ПАНОЛЪМАНИ.—Сток. А. Ратгауа.	137
XI.—МАЩЕРНИЦЪ И ПУШКИНЪ ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.—I-IV.—А. В. Ицхаревскаго.	129
XII.—ХРОНИКА.—Удѣльные земли и ихъ междоусобица.—I-V.—И. Родубева.	154
XIII.—ВНУТРОКНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ретроспективный взглядъ на истекшіе полтора года.—Новое издание, брошюрованное съ вѣдом. на первую Государственную Думу.—Историческая роль партій „народной свободы“ и партій „народнаго общенств.“—Архивистическія письма и письма къ нему съестимыя статьи.—Второй общенств. съѣздъ.—Очеркъ третей Думѣ.—Условно-политич. факты.—Рижскій процессъ.—Известія на смертномъ.	177
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. П. Павловъ-Самойловичъ. Декларация Царства вѣтъ Вероломныя Угрозившия Султанъ.—II. С. М. Степелъ-Брянскій. Собрание сочиненій. Ч. III.—III. Влад. Станковичъ. Персидск. —II. Тренскій. Туза и обратно.—А. Шумовскій. Изъ-подъ земли въ-горахъ I. Собратья.—Ж. Р.—VI. В. Святловскій. Профессиональное движение въ Россіи.—VII. А. Тобинъ. Аурарийскій стрѣлъ материализма въ Лифляндской губерніи.—В. Земцова. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи.—VIII. С. Заль. Социально-политическія таблицы всѣхъ странъ міра. Годъ свѣтъ. 1907-1908.—В. В.—Поэма книги и брошюры.	198
XV.—А. П. ЧЕХОВЪ-ПЕВУЧІИ.—Материалъ для его біографіи.—А. С.—иб.	123
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Англо-русскія конвенціи.—Отдѣльныя соглашения относительно Персіи, Афганистана и Тибета.—Восточная особенность договоров и „сфератахъ вліянія“ въ Персіи.—Важное изменение въ жизни армянъ либеральныхъ армянства.—Странное происшествіе англо-русскато союза.—Конецъ парламентской сессіи въ Англіи.	124
XVII.—НЪЗ. ЖИЗНИ ВЪ ПОЛЬСЬ.—1879-1885 гг.—По документамъ, опубликованымъ.—С. Равенскаго.	130
XVIII.—ВЪЗН. ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Почему либералы въ третью Думу.—Роль православнаго духовенства на выборахъ и избранныхъ—въ Думѣ.—Действительно ли вторая Дума была недобросовѣстна?—Составъ предствителенъ либеральныхъ съѣзда.—Л. П. Тиминъ объ убійствахъ.—РБ.	131
XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ думоворядительнаго В. А. Савоина.—II. Отъ Комитета по изслѣдванію дѣлънаго гонимыхъ, составнаго при И. В. З. Обществ.—III. Отъ Международнаго Комитета для помощи безработнымъ рабочимъ Россіи.	130
XX.—ВИЗНОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изд. П. Яв. Николая Михайловича. Т. III, вып. 2.—Дун Палъ. Исторія армянской революціи. Т. I, II и III, серия. А. Ридлингъ.—Около политическаго. Изд. Заремскаго.—Собрание сочиненій А. А. Гродовскаго. Т. VIII, ч. 2-я: Органы управления.—Османъ Паркъ-Артура, верев. М. Прокурашина.	
XXI.—ОПЫТЪКНИЖИ.—I-VII.	

ЦЕРКОВЬ, ПАПСТВО

И

ГОСУДАРСТВО

ВЪ IV-мъ вѣкѣ

I.

Четвертый вѣкъ нашей эры былъ величайшей эпохой въ жизни христіанской церкви. Послѣ трехсотъ лѣтъ гоненій и мученическихъ подвиговъ она побѣдила угнетавшія ее враждебныя силы—языческихъ боговъ, которые въ ея глазахъ были нечестивыми демонами,—и языческихъ императоровъ съ ихъ жестокими проконсулами и звѣрскими палачами. Разрозненныя и разсѣянныя на далекихъ пространствахъ, общины слились въ одну могущественную церковь и въ пестромъ составѣ римской имперіи не было націи, которая не принимала бы участія въ триумфальномъ шествіи церкви на Голгоѣу. Но это торжество не напоминало кровавыхъ „триумфовъ“ языческой эпохи. Оно совершалось не во славу императора или консула, украшеннаго отличіями Юпитера,—а во славу „единого Бога“, которому церковь приписывала свое торжество. „Jam resurgit unius Dei triumphus!“ побѣдносно восклицаетъ архіепископъ Миланскій Амвросій. Описывая это торжество, онъ въ мѣткой и краснорѣчивой антитезѣ противопоставляетъ его триумфамъ языческой поры, какъ побѣду духа свободы и морали—дикому насилию: „Не со связанными за спиной руками видимъ мы народы въ этомъ шествіи, не декорации, изображающія разрушенные города, не статуи, похищенные изъ

покоренныхъ муниципій, не плѣнныхъ царей съ согбенной выей, — но ликующіе народы, влекомые не на казнь, а къ вѣчной жизни, царей, свободно и добровольно преклоняющихъ колѣна; города, охотно сдавшіеся, и виды преобразованныхъ къ лучшему муниципій (*in melius reformatas*)“.

Это было по истинѣ торжество духа. Побѣдитель не только сокрушилъ своихъ противниковъ, но претворилъ въ себѣ ихъ духовныя силы и заставилъ ихъ служить своимъ высшимъ цѣлямъ. Христіанство, столь долго гнушавшееся вмѣстѣ съ язычествомъ и его образованія, его философіи, литературы и искусства, воспользовалось ими, чтобы создать величественное зданіе богословской догматики и роскошныя базилики для богослуженія. Подобнымъ образомъ церковь заставила служить себѣ и римское государство. Императоръ сталъ *сыномъ* церкви; подъ его охраною церковь объединилась въ могущественной организаціи, подъ его покровительствомъ завладѣла богатствами языческихъ храмовъ, обезпечила привилегіями духовенство, проникла въ область свѣтскаго суда.

Но это внѣшнее торжество церкви не ослабило ея; духъ, создавшій ея силу, продолжалъ въ ней дѣйствовать; объ этомъ свидѣтельствовали церковныя празднества, въ то время захватывавшія гораздо глубже, чѣмъ теперь, религіозную жизнь всей общины. „Наступаетъ Пасхальный день, — восклицаетъ Амвросій, — и во всемъ мірѣ совершаются крещенія, облакаются покрываломъ святыхъ дѣвы“. О силѣ этого духа не менѣе свидѣтельствовали длинныя ряды кающихся „на народѣ“ грѣшниковъ, которые своимъ поканіемъ краснорѣчиво говорили и о строгой нравственной дисциплинѣ церкви, и о ея всепрощеніи. Духъ подвижничества въ церкви особенно поддерживали празднества въ память мучениковъ. Ихъ подвиги были еще у всѣхъ на свѣжей памяти; почти не было мѣстечка въ обширной имперіи, которое бы не могло гордиться тѣмъ, что и его граждане запечатлѣли своею кровью истину христіанской вѣры. Память о нихъ, память объ испытанныхъ ими страданіяхъ, поддерживала въ церкви прежній высокій идеализмъ, хотя онъ и принялъ другія формы. Въ первые вѣка христіанства этотъ идеализмъ проявлялся въ горячей вѣрѣ въ скорое наступленіе царства Божьяго и въ напряженномъ ожиданіи его; теперь это нетерпѣливое ожиданіе улеглось; церковь начала устраиваться на землѣ, но вѣра въ близость царства Божьяго не исчезла. По справедливому замѣчанію историка церкви, никогда не бывало у людей такой способности возноситься чувствами надъ видимымъ міромъ, такого живого стремленія про-

никнуть мыслью въ невидимое царство, — и въ то же время такой искренней увѣренности въ своемъ торжествѣ на землѣ. Но идеализмъ этой эпохи проявлялся и въ другомъ направленіи, — въ отрицаніи всего земного и мірскаго. Во время борьбы съ язычествомъ эта потребность могла находить удовлетвореніе въ предѣлахъ христіанскихъ общинъ, которыя среди окружающаго ихъ язычества, утопавшаго въ соблазнахъ грѣховнаго міра, сами являлись его отрицаніемъ; съ тѣхъ поръ какъ христіанство вступило въ этотъ міръ и въ союзъ съ государствомъ стало имъ завладѣвать, аскетическое стремленіе, избѣгая всякаго соприкосновенія съ этимъ міромъ, стало порывать связь и съ христіанскимъ обществомъ, и создало монашество.

Въ этотъ великій вѣкъ церкви жилъ величайшій сынъ ея, Августинъ. Онъ былъ великъ потому, что глубже пережилъ въ себѣ и шире охватилъ современные ему проблемы въ жизни церкви, что онъ стоялъ на вершинѣ этой знаменательной эпохи и можетъ быть признанъ самымъ зрѣлымъ ея плодомъ; онъ былъ великъ еще и потому, что онъ сдѣлалъ для величія и прославленія церкви. Мы не будемъ здѣсь касаться ни его борьбы съ врагами церкви, ни его просвѣтительнаго вліянія на нее, ни его заслугъ передъ нею въ области догматики, — но мы разумѣемъ догму изъ догмъ¹⁾, установленіе Августиномъ самаго понятія о церкви. Своимъ опредѣленіемъ этого понятія Августинъ, по выраженію Г. Шмидта, внесъ *самосознаніе* въ церковь. У предшествовавшихъ Августину отцовъ церкви²⁾, говоритъ этотъ ученый, можно встрѣтить отдѣльныя размышленія о церкви, особенно у Тертуліана и Кипріана, но лишь Августинъ подвергъ этотъ вопросъ такому многостороннему обсужденію, что, начиная съ него, можетъ идти рѣчь о догмѣ по отношенію къ церкви.

Шмидтъ замѣчаетъ, что самосознаніе въ церкви могло пробудиться лишь тогда, когда ей пришлось формулировать ея отношеніе не только къ ересямъ, но и къ схизмѣ. Этотъ моментъ наступилъ лишь при Августинѣ, который, оторвавшись отъ ереси мавихейства, велъ борьбу и съ самой могущественной схизмой древней церкви — съ донатизмомъ.

Переходя къ понятію о церкви у Августина, мы ставимъ въ сторонѣ тѣ опредѣленія ея, которыя имѣютъ специально бого-

¹⁾ Выраженіе Бауэра: „die Lehre von der Kirche—das Dogma aller Dogmen“ — въ „Исторіи церкви отъ IV до VI вѣка“.

²⁾ См. Н. Schmidt. Des Augustinus Lehre von der Kirche въ „Jahrbücher für deutsche Theologie“. VI т. 1856. О заслугахъ этого ученаго, впервые разработавшаго этотъ вопросъ, см. у Рейтера.

СЛОВСКОЙ СМЫСЛЪ, и сосредоточился на томъ, которое получило наибольшую извѣстность и оказало наибольшее влияние на самую судьбу церкви.

Евангеліе было благою вѣстью о царствѣ Божіемъ, и вмѣстѣ съ Евангеліемъ распространялось среди христіанъ и это предствленіе о Божіемъ царствѣ. „Царство Божіе“ являлось имъ, какъ нѣчто *грядущее*, имѣющее скоро наступить, но еще не совершившееся. Они ежедневно молились въ „Отче нашъ“ о наступленіи царства Божьяго. Они полагали, что царство небесное водворится съ пришествіемъ Христа на землю, съ нетерпѣніемъ ожидали этого пришествія, полагая, что оно скоро наступитъ. При такомъ положеніи дѣла они были далеки отъ мысли смѣшивать настоящее съ будущимъ и усматривать въ современной имъ церкви какое-либо проявленіе царства небеснаго.

Но годы шли, церковь росла и крѣпла, и ожиданіе предстоящей реализаціи царства небеснаго утратило для большинства христіанъ свой *острый* характеръ. Когда же церковь пережила эпоху страданій, восторжествовала надъ язычествомъ, подчинила себѣ римское государство, — тогда явилась возможность, вмѣсто прежняго противопоставленія церкви и царства небеснаго, сближать эти два понятія, сопоставлять ихъ (координировать), наконецъ отождествлять ихъ въ формулѣ: *церковь есть царство небесное*. — Когда же появилась эта формула, и кто первый ее выставилъ? — Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Августина, посвятившій этому вопросу особое изслѣдованіе, пришелъ къ заключенію, что формула: „церковь есть царство небесное“ — принадлежитъ Августину ¹⁾.

Допуская, что задолго до Августина христіанская догматика проявляла наклонность къ сближенію понятій церкви и „царства небеснаго“, и указавъ, что однако еще Кипріанъ Карфагенскій былъ далекъ отъ этого, Рейтеръ приходитъ къ заключенію, что отождествленіе ихъ „впервые было сдѣлано Августиномъ“.

Приписывая Августину главную роль въ данномъ вопросѣ, Рейтеръ особенно ссылается на слова Августина: „церковь уже теперь есть царство небесное“. Онъ находитъ неправдоподобнымъ, чтобы Августинъ сталъ такъ выражаться, еслибы хотѣлъ этимъ высказать уже извѣстную до него мысль. Очевидно, эти слова должны установить нѣчто *новое*, дать такое опредѣленіе церкви, которое еще не было въ ходу. А на этомъ основаніи Рейтеръ считаетъ себя въ правѣ заявить, что формула, отожде-

¹⁾ Reuter. Augustinische Studien. № III, p. 106.

ствляющая церковь съ Божьимъ царствомъ, установлена лишь Августиномъ ¹⁾).

Это заключеніе Рейтера не для всѣхъ убѣдительно. Гарнакъ, напримѣръ, и послѣ появленія въ свѣтъ изслѣдованія Рейтера утверждаетъ противное въ своей „Исторіи христіанскихъ догмъ“, не приводя, впрочемъ, доказательствъ. На самомъ дѣлѣ нельзя допустить, чтобы до Августина никто не примѣнялъ къ церкви названія царства небснаго, или Божьяго. Это противорѣчило бы свидѣтельству самого Августина. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Августинъ проводитъ мысль, что церковь на землѣ не безъ грѣха, однако *называется* царствомъ небснымъ, а въ томъ самомъ сочиненіи „О царствѣ Божіемъ“, откуда взята вышеприведенная формула отождествленія церкви съ царствомъ небснымъ, Августинъ говоритъ: еслибы *святые* не управляли церковью такъ или иначе вмѣстѣ съ Христомъ *уже теперь*, то не говорили бы уже теперь о церкви, что она царство небесное ²⁾).

Не сталъ бы, конечно, Августинъ такъ выражаться: „церковь *называютъ*“, и „о церкви *говорятъ*“, что она царство небесное“, если бы только онъ самъ, или онъ первый вздумалъ такъ ее величать или о ней такъ говорить. Тѣмъ не менѣе, должно сказать, что Августинъ является въ этомъ дѣлѣ великимъ новаторомъ, что *ему*,—хотя и въ иномъ смыслѣ, чѣмъ высказывается Рейтеръ,—принадлежитъ формула, что церковь *есть* царство Божіе. Если до него кто-нибудь и называлъ такъ церковь, то это отождествленіе не имѣло вовсе того значенія, которое онъ ему придалъ. Дѣло въ томъ, что Августинъ преобразилъ самое представленіе о царствѣ Божіемъ; онъ, можно сказать, *создалъ* то понятіе о царствѣ Божіемъ, съ которымъ онъ сопоставлялъ церковь. Въ этомъ смыслѣ, конечно, нужно сказать, что никто до него не отождествлялъ церкви съ Божьимъ царствомъ, и отнести къ исторической роли Августина тѣсную связь, установившуюся между этими двумя понятіями.

Царство Божіе до Августина противопоставалось церкви, какъ грядущее благо, изображаемое въ неясныхъ очертаніяхъ. Царство Божіе, какъ его понималъ Августинъ, охватывало вмѣстѣ съ будущимъ все прошлое и настоящее. Оно существуетъ для него изъ начала, предшествуетъ сотворенію міра; оно есть вѣчная борьба со зломъ и ложью демоновъ, вѣчное торжество Божьей правды и праведности. Оно пребываетъ на небѣ, но часть его

1) Erst er ist—wie man vernunthen darf—der Producent der Formel gewesen.

2) Non etiam nunc diceretur ecclesia regnum coelorum.

пынѣ скитается на землѣ. Эта часть и есть церковь. Церковь такимъ образомъ становится неотъемлемою частью мірозданія. Она—дѣло божественнаго провидѣнія, она предвѣщена пророками, къ ней относится предсказаніе, что „словою ея наполнится весь міръ“, и предсказаніе это уже исполнилось, „такъ какъ ежедневно весь міръ склоняется къ имени Христа“¹⁾. Она осуществлена очеловѣченіемъ Христа, странствованіемъ апостоловъ, страданіями мучениковъ, подвигами святыхъ; она поддерживается непрерывной преемственностью епископовъ отъ апостольскихъ престоловъ.

„Будучи такимъ образомъ результатомъ всей предшествующей міровой исторіи, церковь становится основаніемъ, на которомъ зиждется все спасеніе человѣка; она есть единственный путь къ спасенію“. — „Она одна побуждаетъ глупца устремиться къ мудрости“.

Августинъ испыталъ это на самомъ себѣ. Выбываясь изъ путь призрачной мудрости манихеевъ, Августинъ нашелъ спасеніе въ вѣрѣ въ авторитетъ церкви. Эта вѣра дала ему Евангеліе и возвратила ему Христа²⁾. — Въ борьбѣ съ доонатистскою смутю, которая ставила моральный принципъ выше авторитета церкви, Августинъ почерпалъ свою силу въ представленіи о провиденціальномъ и міровомъ назначеніи церкви. Поэтому въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ Августинъ не упускаетъ случая прославлять и возвеличивать церковь. Церковь прославляется имъ не только какъ учрежденіе Христово: онъ возвышаетъ ее какъ бы до одного уровня съ ея божественнымъ Основателемъ: у Августина постоянно встрѣчается извѣстное аллегорическое обозначеніе церкви — какъ тѣла Христова³⁾, или какъ невѣсты (sponsa) Христовой. Согласно съ этимъ Августинъ высоко прославляетъ авторитетъ церкви, вытекающій изъ ея мистическаго единенія съ ея главой. Она есть „столпъ и основаніе истины“.

„То, чему вѣрять вся церковь, даже если оно не можетъ быть постигнуто разумомъ и не можетъ быть выражено рѣчью, должно быть принято, какъ истина“.

Даже истина Св. Писанія держится авторитетомъ и поставленіями вселенской церкви⁴⁾.

¹⁾ In Christianem nomen totus quotidie vertitur mundus. Schmidt. L. c.

²⁾ Ego vero evangelio non crederem, nisi me catholicae ecclesiae non commoveret auctoritas. Contra ep. Man. C. 8.

³⁾ Напрям., въ объясненіи 29 пс. (Еп. 52): „Исаломъ сей поется во славу тѣла Его, т.-е. церкви, во славу единства (т.-е. церкви), глава котораго на небѣ.“

⁴⁾ Scripturarum tenetur veritas cum hoc fit quod universae Ecclesiae placuit.

Этот авторитетъ непоколебимъ, ибо церкви присущъ духъ Божій: „Еслибы Господь не жилъ въ церкви, всякое и самое тщательное размышленіе впало бы въ заблужденіе; про эту церковь сказано: священный храмъ Божій—это вы (Кор. III, 17). Поэтому церковь никогда не будетъ введена въ соблазнъ дьяволомъ. Поэтому то, что въ ней будетъ рѣшено (*judicatum*), не можетъ быть отмѣнено“.—Но этотъ авторитетъ имѣетъ не одинъ теоретическій характеръ; съ нимъ связана власть благодѣтельная для человѣка: „Церкви предоставлены ключи отъ царства небснаго. Эта власть „отпускать грѣхи“ служитъ новымъ основаніемъ для ея прославленія. Въ церкви нѣтъ спасенія. „Грѣхи не прощаются въ церкви“. Церковь же въ состояніи отпустить всякіе грѣхи: не будемъ слушать тѣхъ, кто отрицаетъ, что церковь Божія можетъ простить всѣ грѣхи. Церковь (*rex ecclesiae*) отпускаетъ грѣхи, а кто чуждъ мира церкви, тотъ одержимъ грѣхомъ“.

Въ она церкви не только царствуетъ грѣхъ, но не имѣетъ значенія и добродѣтель, даже тускнѣетъ блескъ христіанскаго подвига. „Добрыя дѣла,—говоритъ Августинъ,—въ церкви бесполезны“. Въ церкви ничья молитва о вѣчномъ спасеніи не будетъ услышана. Въ церкви можно всѣмъ обладать, кромѣ вѣчнаго спасенія, кромѣ любви. Донатистамъ, которые гордились фанатизмомъ мученичества и сами себя обрекали на ничѣмъ не вызванную мученическую смерть, Августинъ объявляетъ, что мученичество имѣетъ цѣну только въ предѣлахъ церкви, а не у нихъ; онъ идетъ еще далѣе, утверждая что въ церкви не приносятъ никакой пользы (*nihil prodest*) ни дѣвственность, ни мученичество, ни отпущеніе грѣховъ, ни милостыня, ни молитва“.

При такихъ условіяхъ церковь представляетъ какъ бы спеціальное царство Христа. Такъ мы читаемъ у Августина: „Въ яномъ смыслѣ мы говоримъ о царствѣ Христа въ силу его божественнаго всемогущества, на основаніи котораго ему вся тварь подчинена; и въ *иномъ смыслѣ* церковь называется его царствіемъ въ силу вѣры ей присущей; „ибо царство Его тамъ, гдѣ Онъ царствуетъ въ силу вѣры“.

II.

Но какъ ни важно для исторіи, не только церковной, но и всеобщей, отмѣтить знаменательный фактъ подведенія Августиномъ церкви подъ понятіе царства Божьяго,—не менѣе существенно

выяснить, какую именно церковь разумѣлъ при этомъ Августинъ. Если церковь есть царство Божіе, то всѣ ли причисляющіе себя къ церкви состоятъ гражданами этого царства? Въ прежнее время, когда церковь чуждалась языческаго общества и государства, такой вопросъ былъ бы излишнимъ. Принадлежность къ церкви служила залогомъ спасенія. Но иначе обстояло дѣло теперь. Два фактора въ особенности побуждали Августина обратить вниманіе на этотъ вопросъ: донатизмъ и ученіе о благодати. Донатисты видѣли главный признакъ церкви въ святости *ecclesia* ея членовъ. Съ этой точки зрѣнія они отвергали православное духовенство Африки, признавая его членовъ ставленниками традиторовъ и, отрицая поэтому силу произведеннаго имъ крещенія, считали только себя истинно-православными. Вооружаясь противъ ихъ притязаній и доказывая, что ихъ церковь полна нечестивыхъ грабителей и убійцъ, Августинъ долженъ былъ искать другихъ признаковъ истинной церкви. Онъ долженъ былъ пожертвовать принципомъ, что признакомъ истинной церкви является праведность всѣхъ ея членовъ, — другими словами, онъ долженъ былъ допустить, что въ составѣ православной церкви есть праведники и нечестивые. Съ другой стороны, цѣльность понятія о церкви нарушалась у Августина понятіемъ о благодати. По ученію Августина человѣкъ удостоивался благодати не по своимъ заслугамъ, а по промыслу Божьему, т.-е. по предназначенію къ ней. Поэтому видимый составъ церкви заключалъ въ себѣ какъ предназначенныхъ, такъ и непредназначенныхъ къ спасенію. Первые составляли истинное ядро церкви, общину *sanctum*, *communio*; видимая церковь представляла лишь вѣшнюю оболочку этого ядра, и только эта внутренняя церковь была частью Божьяго царства. Вѣра въ спасеніе черезъ благодать была основана у Августина на лично пережитомъ убѣжденіи; она укоренилась у него еще глубже вслѣдствіе полемики съ пелагианцами. Такимъ образомъ обѣ могущественныя партіи, въ борьбѣ съ которыми протекала его жизнь, повліяли на его представленіе о церкви въ одномъ и томъ же направленіи, препятствуя отождествленію видимой церкви, церкви *настоящаго* съ Божьимъ царствомъ.

Вотъ почему у Августина прославленіе церкви такъ часто чередуется съ сѣтованіемъ на ея составъ; вотъ почему Августинъ такъ часто *противопоставляетъ* современной церкви, церкви земной — церковь будущаго, церковь небесную, царство Божіе. Церковь земная страдаетъ не только отъ еретиковъ, открыто отъ нея отпадающихъ и „тѣлесно съ нею разлученныхъ“, но и отъ не-

честивыхъ (*mali*), отпавшихъ отъ нея втайнѣ и въ духовномъ отношеніи. У Августина не переводятся жалобы на то, что въ лонѣ церкви такъ много этихъ дурныхъ людей. Онъ заявляетъ, что мы обладаемъ безчисленными свидѣтельствами „о смѣшеніи злыхъ и добрыхъ, одинаково участвующихъ въ таинствѣ причащенія“. — Онъ говоритъ о „ложныхъ“ христіанахъ въ церкви и о томъ, что въ ней два рода людей: тѣ, въ которыхъ царствуетъ истинная любовь, и другіе, въ которыхъ преобладаетъ притворство; поэтому не всѣ, состоящіе въ церкви, царствуютъ съ Христомъ. Такое положеніе дѣла будетъ и впредь продолжаться. Ибо „пока у церкви будутъ рождаться сыновья, въ ихъ числѣ будутъ и добрые и злые“. И сравнительно съ числомъ дурныхъ — праведныхъ немного (*justi pauci*). Говоря словами притчи, Августинъ замѣчаетъ, что есть плевела, отдѣленные отъ церкви, но есть и плевела, которыя въ ней пребываютъ. А въ другомъ мѣстѣ онъ заявляетъ, что еще большой вопросъ, кто хуже, плевела ли, отдѣленные отъ церкви или находящіеся внутри ея? Поэтому Августинъ называетъ церковь „лиліей, окруженной терніемъ“. — „Внѣ церкви, говоритъ онъ, совершается кое-что достойное имени Христа, не противное церкви; внутри же церкви совершается дьяволомъ (*ex parte diaboli*) противное церкви“. И въ пастырскомъ негодованіи Августинъ восклицаетъ: „Тѣ, кто дурно живетъ въ церкви, превращаютъ Божью обитель въ пещеру разбойниковъ“. О неправедныхъ (*mali*) упоминается у Августина въ цѣломъ рядѣ другихъ свидѣтельствъ. То онъ ихъ отчисляетъ отъ церкви: въ церкви много такихъ, которые къ ней не принадлежатъ; „къ церкви не принадлежатъ не только схизматики, но и нечестивые (*perversi*)“. То онъ говоритъ, что церковь терпитъ, выносить у себя дурныхъ: „церковь терпитъ дурныхъ въ общеніи таинствъ“; — или: „дурные, даже явные, терпятся церковью ради единенія“. — Онъ и самъ взываетъ къ терпимости по отношенію къ нечестивымъ, пребывающимъ въ церкви. Въ толкованіи на 25-й псаломъ онъ говоритъ: „тотъ, кто преуспѣваетъ въ церкви, долженъ претерпѣвать въ ней дурныхъ — онъ, правда, ихъ не знаетъ, но многіе дурные ропщутъ противъ присутствія дурныхъ, подобно тому, какъ здоровый человекъ скорѣе сноситъ общество двухъ больныхъ, чѣмъ выносить другъ друга двое больныхъ. И потому вотъ чтò я вмѣняю вамъ въ обязанность, братья: церковь нашего вѣка представляетъ собою гумно; часто я это говорилъ, часто повторяю. На этомъ гумнѣ есть пшеница и плевела. Но пусть никто не настаиваетъ на удаленіи плевелъ до наступленія дня провѣванія ихъ. Пусть никто до

этого дня не покинетъ гумна подь предлогомъ, что не хочетъ терпѣть грѣшниковъ“.

Въ виду такой значительной примѣси дурныхъ элементовъ въ составѣ церкви она является въ глазахъ Августина учрежденіемъ *смѣшаннаго* достоинства. Много разъ у Августина проводится мысль, что добрые и злые перемѣшаны въ церкви по лицу всего земного круга. Вслѣдствіе этого Августинъ называетъ церковь также хромающей (*clauda*) и подкрашенной. Таковымъ смѣшаннымъ учрежденіемъ церковь останется до конца вѣка; „ибо только тогда произойдетъ отдѣленіе отъ тѣла церкви печестивыхъ“. Или, какъ говоритъ Августинъ въ другомъ мѣстѣ, „очищенною отъ всякаго смѣшенія съ дурными людьми церковь сдѣлается лишь по прошествіи этого брэннаго вѣка“. А въ положительной формѣ Августинъ выражаетъ ту же мысль, говоря: „Церковь *тогда* будетъ заключать въ себѣ только однихъ праведниковъ (*non nisi bonos*)“.

Противопологая церковь *отна сею* церкви въ будущемъ, Августинъ признаетъ современную ему церковь лишь подготовительною ступеню къ другой, лучшей и высшей по достоинству церкви. Истолковывая, въ бесѣдѣ на псал. 9-й, слова: „Господь обитаетъ въ Сіонѣ“, Августинъ объясняетъ, что Сіонъ значить мысленное созерцаніе и обозначаетъ образъ церкви, какою мы знаемъ ее нынѣ. Іерусалимъ же обозначаетъ церковь, какою она станетъ въ будущемъ, а именно общиною святыхъ, уже наслаждающихся ангельскимъ житіемъ, ибо слово Іерусалимъ объясняется „узрѣніемъ мира“. — Мысленное созерцаніе предшествуетъ видѣнію, такъ и *эта* церковь предшествуетъ той, которая обѣщана, т.-е. общинѣ безсмертной и вѣчной. Противопологая настоящее будущему, Августинъ восклицаетъ: „Церковь, нынѣ смертная, въ грядущемъ вѣкѣ будетъ безсмертна“.

Это свойство церкви не должно быть, впрочемъ, поводомъ къ упрекамъ ей, ибо оно обусловливается ея земнымъ существованіемъ. Будучи по своему началу небснаго происхожденія, церковь *скитается* на землѣ, какъ на чужбинѣ, совершаетъ свое земное странствованіе (*peregrinatio*). Поэтому, упоминая о дурныхъ людяхъ, Августинъ напоминаетъ, что присутствіе ихъ въ церкви не должно служить основаніемъ къ тому, чтобы хулить церковь — *Ecclesia non est vituperanda*. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Смѣшеніе съ дурными не смущаетъ церкви; они не пятнаютъ ее—*non maculant*“.

Но, выражаясь такъ, Августинъ далекъ отъ мысли, чтобы можно было къ современной церкви примѣнять слова апостола,

„что она безъ пятна и морщины“ (Ефес. V. 27). Онъ, напротивъ прямо утверждаетъ, что церковь *здѣсь* не безъ пятна и морщины. Онъ спрашиваетъ, какимъ образомъ могли бы принадлежать къ церкви безъ пятна и порока сторонники дьявола? Къ такому протесту Августина особенно побуждало утверженіе Пелагія, что церковь безъ пятна. Августинъ укоряетъ пелагіанцевъ, что по ихъ ученію церковь уже въ настоящее время состоитъ изъ однихъ праведниковъ. Вопреки этому Августинъ утверждаетъ, что слова апостола слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, какъ будто церковь уже теперь безъ пятна, но что она готовится быть таковой. Ибо къ той церкви, которая безъ пятна и порока, не можетъ принадлежать тотъ, кто причастенъ къ сонму святыхъ лишь плотью. Переноса на самую церковь грѣховность ея членовъ, Августинъ заявляетъ, что и „церковь не безъ грѣха“. — Указывая на то, что слова молитвы Господней: „и остави намъ долги наши“, произносятся всей церковью, Августинъ заключаетъ: „И такъ, на ней пятна и морщины“. — Онъ, правда, прибавляетъ, что „появленіемъ пятна смываются, а исповѣдью морщины сглаживаются“, но это не въ ущербъ его общей мысли, что лишь въ будущемъ вѣкѣ церковь достигнетъ незапятнанной чистоты. „Безъ пятна и морщинъ — торжественно заявляетъ Августинъ — церковь будетъ лишь послѣ воскресенія изъ мертвыхъ“. Современное ея положеніе онъ характеризуетъ въ другомъ мѣстѣ словами: „Здѣсь всѣ усилія клонятся лишь къ тому (*hic agitur*), чтобы она на небѣ была безъ пятна и морщинъ“.

И для того, чтобы не было никакого сомнѣнія въ его оцѣнкѣ современной церкви, Августинъ въ концѣ своей жизни въ „Поправкахъ“ къ своимъ сочиненіямъ заявляетъ, что „вездѣ, гдѣ онъ въ этихъ книгахъ упоминалъ о церкви безъ пятенъ и морщинъ, подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть не церковь, какъ она есть, а какою она готовится быть“.

Это несовершенство церкви вѣка сего, обусловленное ея составомъ съ большою примѣсью негодныхъ членовъ, побуждаетъ Августина представлять себѣ *надѣ* конкретной церковью, или въ лонѣ ея, другую церковь, очищенную отъ этой примѣси и состоящую только изъ святыхъ праведниковъ (*sancti*)¹⁾. Такъ является представленіе о церкви, какъ объ „общинѣ святыхъ“ (*congre-*

¹⁾ См. объ этомъ у Гарнака. *Dogmengeschichte*, III (3 изд.), p. 136. „Hier giebt es nicht wenige Ausführungen Augustins, die den Gedanken nahe legen eine in der sichtbaren Kirche „in occulto“ vorhandene unsichtbare sei die wahre Kirche“. (*De bapt.* V. 38).

gatio sanctorum), о церкви внутренней въ противоположность къ церкви внѣшней. Эта невидимая церковь и есть настоящая церковь. „Церковь, эта едипственная голубица, состоитъ (reficetur) изъ однихъ святыхъ“. — „Церковь, — говоритъ Августинъ въ другомъ мѣстѣ, — состоитъ изъ *святыхъ*, которымъ будетъ принадлежать царство небесное“. — Конечно, Августинъ, какъ апологетъ видимой церкви, всю свою жизнь посвящавшій ея защитѣ отъ еретиковъ и лжетолкователей, не могъ въ ущербъ ей углубляться въ представленіе, что настоящую церковь составляютъ лишь одни святые, по это представленіе и не могло оставаться безъ вліянія на его оцѣнку конкретной церкви. Приближаясь къ идеѣ „Божьяго царства“, представленіе объ „общинѣ святыхъ“ раздвигало разстояніе между царствомъ небеснымъ и конкретной церковью. Оно низводило послѣднюю на степень земной церкви, противопоставляя ее церкви небесной. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Августинъ: „Эта земная церковь послѣ воскресенія должна быть собрана на небесахъ“. Такимъ образомъ Августинъ явственно различаетъ *два* поры въ жизни церкви, — пору несовершенства, земного странствованія, настоящаго вѣка, — и пору грядущую. Въ виду различія состава церкви характеръ ея, въ ту или другую пору, представляетъ полную противоположность. Признавая церковь въ будущемъ вѣкѣ *безсмертною*, Августинъ называетъ въ противоположность ей церковь сего вѣка *смертною* (mortalis). А такъ какъ церковь въ порѣ небесной жизни совпадаетъ съ царствомъ небеснымъ, отождествляется съ царствомъ Божиимъ, то земная церковь не можетъ быть отождествляема съ царствомъ небеснымъ и называться имъ.

Къ такому выводу приводитъ еще другой рядъ мыслей, высказанныхъ Августиномъ по поводу состава церкви. Она состоитъ не только изъ добрыхъ и злыхъ: въ ней скрывается еще другой контрастъ. Какъ бы ни была важна въ глазахъ Августина роль церкви въ спасеніи людей, онъ признавалъ еще *иной*, такъ сказать, высшій источникъ спасенія — Божью благодать. Благодать эта не обуславливалась ни усиліями или заслугами лицъ, ея добивавшихся, ни вспомогательными дѣйствіями церкви, но она вытекала изъ воли Божіей. Такимъ образомъ, тѣ люди, которые удостоились благодати, являлись *избранниками* Божиими — *electi*, а такъ какъ воля, избравшая ихъ, существовала искони, то ихъ можно было считать и называть *предназначенными* къ спасенію — *praedestinati*.

Понятіе Августина о предназначеніи къ благодати вносило существенный контроверсъ въ ученіе церкви о спасеніи, кон-

троверсь, котораго церковь не разрѣшила и оставила открытымъ. У насъ нѣтъ основанія входить въ данномъ случаѣ въ изложеніе и обсужденіе самаго контроверса, поскольку онъ выходитъ изъ рамокъ разсматриваемаго нами вопроса. Уважемъ только на его неизбѣжность. Онъ обусловливался не только исторіей христіанской догматики — еще до возникновенія спора между Августиномъ и Пелагіемъ, — но и личной эволюціей Августина. Его обращеніе въ христіанство совершилось подъ обаяніемъ авторитета церкви, но затѣмъ онъ пережилъ внутри себя, въ борьбѣ съ собою и съ своимъ прошлымъ то, что онъ разумѣлъ подъ благодатью (*gratia*) Божіей, и такимъ образомъ то, что не совпадало въ догматикѣ — авторитетъ церкви и предназначеніе Божіе — то уживалось въ личной жизни Августина, какъ продуктъ этой жизни.

Подъ вліяніемъ понятія о предназначеніи появляется у Августина еще новое представленіе о составѣ и характерѣ церкви. Избранники, предназначенные благодатью къ спасенію, или *святые*, составляютъ среди прочей массы членовъ церкви особый разрядъ людей, „никому изъ остальныхъ неизвѣстный, но Богу извѣстный“. Они — какъ бы привилегированные члены церкви, обезпеченные въ своей принадлежности къ ней: ибо, какъ говоритъ Августинъ, они никоимъ образомъ не могутъ быть вырваны изъ ложа церкви. Кругъ церкви въ прежнемъ значеніи смѣшаннаго тѣла (*corpus permixtum*) — пересѣкается такимъ образомъ другимъ кругомъ общины избранныхъ, болѣе узкимъ, но въ то же время нѣкоторыми частями выступающимъ изъ прежняго церковнаго круга. Церковь, какъ община избранныхъ, служивается, ибо не только нечестивые (*mali*), или притворные христіане, не принадлежатъ къ кругу избранныхъ, но и среди добрыхъ (*boni*) далеко не всѣ входятъ въ ихъ число. Но съ другой стороны кругъ церкви, какъ общины избранныхъ, расширяется: церковь, говоритъ Августинъ, еще до пришествія Христа существовала въ лицѣ святыхъ праведниковъ. Къ такимъ святымъ Августинъ причисляетъ не только патріарховъ, но и другихъ праведниковъ, жившихъ до Рождества Христова; точно также онъ допускаетъ, что и въ настоящее время Господь можетъ имѣть избранниковъ среди необратившихся еще язычниковъ, среди схизматиковъ, еретиковъ и даже среди — въ данное время — еще нечестивыхъ. „Многіе, стоящіе внѣ церкви, — говоритъ Августинъ, — и называющіеся еретиками, лучше многихъ праведныхъ католиковъ, по предвѣднію Божьему“. „Въ церкви, —

говорить онъ, — есть ложные христіане, а среди нечестивыхъ (impios) есть сыны церкви“.

У Августина встрѣчаются мѣста, гдѣ онъ прямо отождествляетъ церковь съ сонмомъ избранныхъ Божиихъ. „Эта совокупность праведниковъ, которые призваны по промыслу (Божьему) — и есть церковь. Изъ этого числа нѣкоторые и теперь еще воснѣютъ въ ересяхъ и языческихъ суевѣріяхъ, и однако и тамъ ихъ знаетъ Господь, какъ своихъ; ибо при несказанномъ предвѣдѣніи Божіемъ многіе, кажуціяся стоящими внѣ, стоятъ внутри (обители Божіей), а многіе, кажуціяся стоящими внутри, — внѣ ея“.

Возможно ли согласить эти различныя опредѣленія состава и характера церкви — вопросъ спорный ¹⁾. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что отождествленіе церкви съ сонмомъ избранныхъ Божиихъ не допускаетъ отождествленія конкретной церкви, въ ея смѣшанномъ составѣ, съ царствомъ небеснымъ, въ составъ котораго войдутъ только призванные къ нему. Однако на ряду съ указанными мѣстами, гдѣ Августинъ проводитъ рѣзкое различіе между земною церковью и церковью будущаго, или гдѣ онъ прямо противопоставляетъ земной церкви „царство Божіе“, встрѣчаются другія, гдѣ онъ какъ будто забываетъ о всякомъ различіи между ними и просто называетъ церковь царствомъ Божиимъ. Такія мѣста встрѣчаются въ сочиненіи „De civitate Dei“, и ихъ появленіе здѣсь очень понятно. Въ этомъ изложеніи исторіи Божьяго царства съ сотворенія міра церковь является составною частью ея и потому можетъ быть называема царствомъ Божиимъ, какъ часть вмѣсто цѣлаго (pars pro toto).

Такъ, рассказывая о томъ, какъ Ной благословлялъ своихъ старшихъ сыновей, и усматривая въ этомъ пророчество по отношенію къ „Христу и его церкви“, Августинъ называетъ церковь „царствомъ Божиимъ“ (ad ecclesiam, quae civitas Dei est). Здѣсь эпитетъ царство *Божіе* выражаетъ собою не какое-либо догматическое опредѣленіе церкви, а чувство почтенія автора къ этому учрежденію. Еще яснѣе проявляется такая точка зрѣнія Августина въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Августинъ, приводя пророчество Анны, матери Самуила, объясняетъ, что оно относится къ „религии христіанской, къ царству Божію, царемъ котораго и основателемъ былъ Христосъ“. — Изъ этихъ послѣд-

¹⁾ Гарнакъ, наур., заключаетъ: „Somit sprengt der Gedanke der Praedestination jeden Kirchenbegriff“. Dogm. Gesch., III, 154.

нихъ словъ видно, что Августинъ употребляетъ здѣсь понятіе „царства Божія“ не въ общепринятомъ у него смыслѣ, который положенъ въ основаніе сочиненія „De civitate Dei“, а въ болѣе узкомъ, называя церковь царствомъ Божиимъ, такъ какъ она основана Христомъ.

III.

Но въ этомъ же сочиненіи „О царствѣ Божиемъ“ есть глава, гдѣ Августинъ не просто величаетъ церковь царствомъ Божиимъ, а прямо утверждаетъ и доказываетъ, что церковь „уже теперь есть царство Божіе“ — „jam nunc est civitas Dei“. Эти слова находятся, повидимому, въ полномъ противорѣчій съ тѣмъ, что Августинъ утверждалъ въ другихъ мѣстахъ объ отношеніи церкви и царства небеснаго. Августинъ здѣсь какъ будто забываетъ, что онъ всегда противопоставлялъ современную ему церковь, въ ея смѣшанномъ составѣ (*corpus permixtum*), въ ея земномъ скитаніи — грядущей церкви и Божьему царству. Притомъ слова: „церковь уже теперь“ — такъ категоричны и опредѣленны, что не допускаютъ, повидимому, никакого сомнѣнія въ намѣреніи автора подчеркнуть свою мысль о тождествѣ видимой церкви и царства небеснаго. Поэтому приведенная формула заслуживаетъ особеннаго вниманія: отъ ея истолкованія зависитъ въ значительной степени установленіе взгляда Августина на отношенія церкви къ Божьему царству.

Въ настоящее время правильное пониманіе этого мѣста не представляетъ особенныхъ затрудненій. Оно подверглось такому тщательному критическому обсужденію, которое ничего не оставляетъ желать. Въ основаніе своей критики Рейтеръ совершенно правильно положилъ тѣ соображенія, которые постоянно надо имѣть въ виду при изученіи Августина: сильное вліяніе полемики на мысль и языкъ Августина, а съ другой стороны — уступки, которыя его побуждали дѣлать затрудненія, встрѣчаемыя имъ со стороны текстовъ Св. Писанія. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ колемикой Августина противъ *хиліастовъ* и ихъ мечтаній о тысячелѣтнемъ царствѣ.

Эсхатология, т. е. толки и сужденія о послѣднихъ дняхъ, играла большую роль въ жизни древне-христіанскихъ общинъ. Христіане долго жили въ ожиданіи непосредственно предстоящаго пришествія Христа и лишь постепенно установилось среди нихъ болѣе спокойное настроеніе. Однако еще и во времена

Августина не смолкали толки о скоромъ пришествіи Христа и не прекращались попытки высчитать время, оставшееся до наступленія конца міра. Апокалипсисъ Іоанна поддерживалъ въ христіанскомъ обществѣ тревогу, вызываемую мѣслью о катастрофѣ міра и о страшномъ судѣ, и въ то же время давалъ богатую пищу для догадокъ и фантастическихъ бредней.

Противъ этихъ догадокъ и направилъ свои усилія Августинъ, доказывая несостоятельность всѣхъ хронологическихъ подсчетовъ конца міра, и ссылаясь на опредѣленное свидѣтельство Св. Писанія, что объ этомъ никто ничего не знаетъ. Но особенно затруднительный пунктъ представляло въ эсхатологіи ожидаемое „тысячелѣтнее царствѣ“ Христово, которое должно было предшествовать появленію Антихриста. Этому вопросу Августинъ и посвятилъ нѣсколько главъ двадцатой книги своего сочиненія „О царствѣ Божіемъ“.

Толки о тысячелѣтнемъ царствѣ имѣли исходнымъ пунктомъ видѣніе, изложенное въ 20-й главѣ Апокалипсиса: „И увидаль я ангела, сходящаго съ неба, который имѣлъ ключъ отъ бездны и большую цѣпь въ рукѣ своей. Онъ взялъ дракона, змія древняго, который есть дьяволъ и сатана, и сковалъ его на тысячу лѣтъ, и низвергъ его въ бездну, и заключилъ его, и положилъ надъ нимъ печать, дабы не прельщаль уже народъ... и увидѣлъ я престолы и сидящихъ на нихъ, которымъ дано было судить, и души обезглавленныхъ за свидѣтельство Іисуса и за слово Божіе. Они ожили и царствовали съ Христомъ тысячу лѣтъ. Прочіе же изъ умершихъ не ожили, доколѣ не окончится тысяча лѣтъ. Это первое воскресеніе“.

Хилиасты выводили отсюда, что мученики и другіе праведники воскреснутъ на тысячу лѣтъ раньше другихъ людей, чтобы царствовать съ Христомъ, причемъ представляли себѣ это царствованіе въ весьма матеріальныхъ краскахъ. Августинъ признается, что и онъ сначала такъ понималъ *первое воскресеніе*, но что его образумили „нелѣпыя басни“ и плотскія представленія хилиастовъ о наслажденіяхъ тысячелѣтнаго царства. И поднявшись до духовнаго пониманія указаннаго текста, онъ далъ ему совершенно новый смыслъ. Средствомъ для этого послужилъ ему обычный у тогдашнихъ богослововъ аллегорическій методъ истолкованія. Но оригинальность его объясненія заключалась въ томъ, что если обыкновенно истолковывались аллегорически факты *прошлаго*,—въ данномъ случаѣ этому истолкованію подверглись факты *грядущіе*, еще имѣвшіе случиться.

И, такъ Августинъ усматриваетъ въ видѣніи о *первомъ воскре-*

сенн и о начавшемся съ него тысячелѣтнемъ царствѣ Христо-вомъ *аллегорію*. Но чтó же она обозначаетъ? Она относится къ фактамъ, частью уже совершившимся, частью совершающимся.

Тысячелѣтнее царство Христа, по объясненію Августина, уже наступило, дьяволъ уже низвергнуть въ бездну и уже скованъ. Его власть надъ народами сломана, многіе изъ нихъ уже вошли въ лоно церкви, другіе войдутъ въ нее. Поэтому „церковь уже теперь есть царство Христа“ — или, какъ выражается Августинъ въ другомъ мѣстѣ пространства: „церковь уже нынѣ есть царство Христа и царство небесное“. Праведники уже теперь царствуютъ съ Христомъ, ибо, — прибавляетъ Августинъ, — „еслибы этого не было, то не называлась бы уже теперь церковь царствомъ небеснымъ“.

Но кто же эти праведники, царствующіе съ Христомъ? Это тѣ, къ которымъ относятся слова о *первомъ* воскресеніи. Это первое воскресеніе, въ отличіе отъ второго, общаго воскресенія изъ мертвыхъ, — есть въ глазахъ Августина *духовное* воскресеніе. Второе воскресеніе, говоритъ онъ, относится къ плоти, первое — къ духу. Это первое воскресеніе при *жизни* своей должны испытать на себѣ всѣ, кто не хочетъ быть осужденъ при *второмъ* воскресеніи. Съ помощью этого объясненія, заявленіе о томъ, что церковь уже теперь есть царство Христа и царство небесное — получаетъ особенный смыслъ. Принимая здѣсь все въ духовномъ смыслѣ, и низверженіе дьявола, и воскресеніе, и самое царствованіе праведныхъ съ Христомъ, Августинъ разумѣетъ и церковь духовно. Это не видимая церковь, а сонмъ святыхъ и праведныхъ, *communio sanctorum*. *Объ ней можно сказать уже нынѣ: „церковь есть царство Христа, есть царство небесное“.*

Но этому объясненію, повидимому, мѣшаетъ слѣдующее затрудненіе. Въ *видѣніи*, о которомъ идетъ рѣчь, упоминается о судьяхъ и о судѣ: — „и увидѣлъ я престолы и сидящихъ на нихъ, которымъ дано было судить“. Желая убѣдить своихъ читателей, что видѣніе относится не къ страшному суду и не къ тысячелѣтнему царству, Августинъ долженъ былъ и эту часть видѣнія отнести къ настоящему. Такъ онъ и поступаетъ. Не слѣдуетъ думать, — замѣчаетъ онъ, — что здѣсь идетъ рѣчь о послѣднемъ судѣ, а слѣдуетъ разумѣть престолы начальниковъ (епископовъ) и самихъ начальниковъ, которыми церковь нынѣ управляется“. Но если отнести эти слова — какъ предлагаетъ здѣсь Августинъ — къ епископамъ, управлявшимъ церковью въ его время, то не будетъ ли это противорѣчить утвержденію, что церковь, „которая уже нынѣ есть царство небесное“, есть сонмъ праведниковъ? — Вѣдь та цер-

ковь, которая управляется епископами, есть церковь конкретная, видимая; а если это такъ, то надо будетъ отнести къ земной церкви эпитетъ царства Христова, царства небеснаго!

Однако ничто не уполномочиваетъ насъ къ такому выводу. Напротивъ, мы видимъ, что все вниманіе Августина въ этой части его разсужденій обращено на то, чтобы лишить видѣніе о первомъ воскресеніи эсхатологическаго характера и доказать, что оно относится къ современной церкви. Дьяволъ уже побѣждаетъ, языки уже обращаются ко Христу, Христосъ уже *приходитъ*, *духовное* воскресеніе уже совершается; при такой точкѣ зрѣнія слова Аповалипсиса о *престолахъ и сидящихъ на нихъ* очень встаетъ для Августина, предоставляя ему возможность прибавить къ своему отождествленію перваго воскресенія съ церковью еще одну реальную черту: престолы и сидящіе на нихъ уже осуществились въ наличной церковной организаціи. Но упоминаніе объ этой организаціи не нарушаетъ духовнаго облика церкви, которую разумѣетъ Августинъ. Епископы могутъ лично принадлежать къ числу праведниковъ или нѣтъ; лишь въ первомъ случаѣ они будутъ входить въ составъ той церкви, которая уже теперь есть царство небесное. Не епископская организація обращаетъ церковь въ царство небесное, а лишь та часть епископской организаціи, которая осуществила въ своихъ членахъ пророческое видѣніе о первомъ воскресеніи, т.-е. воскресла духовно, — есть „уже теперь царство небесное“.

Что именно такъ нужно понимать въ данномъ случаѣ мысль Августина, слѣдуетъ и изъ другихъ мѣстъ разбираемой главы. Когда онъ говоритъ, что и до общаго воскресенья „души благочестивыхъ праведниковъ не отрѣшаются (*separantur*) отъ церкви“ и прибавляетъ: „которая уже и теперь есть царство Христа“, то очевидно, что это относится къ церкви не конкретной, а къ церкви какъ сонму праведныхъ. А что еще важнѣе, — именно эту церковь, которую онъ величаетъ царствомъ небеснымъ, Августинъ отличаетъ отъ настоящаго царства небеснаго, о которомъ говорится въ Евангеліи. „Уже теперь, — говоритъ Августинъ, — церковь есть царство Христа и царство небесное. Ибо уже *теперь* управляютъ съ нимъ святые его, хотя и *иначе*, чѣмъ *тогда* будутъ управлять“. Еще яснѣе подтверждается эта мысль въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Августинъ противопоставляетъ церковь тому царству, въ которомъ Христосъ въ концѣ вѣковъ скажетъ: „прійдите, благословенные Отца моего, унаслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра“. И лишь послѣ этой оговорки Августинъ заявляетъ: „если бы какимъ-нибудь инымъ способомъ,

но совершенно различнымъ, не царствовали съ нимъ уже теперь святые его, которымъ онъ говорить: я съ вами до конца вѣка, то конечно не называлась бы уже теперь церковь царствомъ его и царствомъ небеснымъ". Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ ясно вытекаетъ, во-первыхъ то, что по мысли Августина то царство небесное, которое *уже теперь* собою представляетъ церковь, отлично отъ того царства, которое наступитъ въ концѣ міра, и что въ томъ царствѣ Христовомъ или царствѣ небесномъ, которое церковь уже теперь собою представляетъ, царствуютъ съ Христомъ не епископы, а *святые* его. Сдѣланный нами выводъ, что Августину не слѣдуетъ приписывать отождествленія земной церкви съ Божьимъ царствомъ, находитъ себѣ еще новое подтвержденіе въ кажущемся исключеніи изъ общаго правила. Поводомъ къ такому исключенію послужила евангельская притча, въ которой Христосъ уподобляетъ царство небесное „неводу, закинутому въ море и захватившему рыбъ всякаго рода“ (Матѣ. 13, 47). Притча эта давно истолковывалась въ такомъ смыслѣ, что подъ неводомъ слѣдуетъ разумѣть церковь. И Августинъ усвоилъ себѣ это толкованіе и, приводя въ одной изъ проповѣдей этотъ текстъ, ставитъ вопросъ: „что же это такое — царство небесное?“ — на что отвѣчаетъ: — „это церковь, нынѣ существующая“, — и прибавляетъ: „ибо и она называется царствомъ небеснымъ“. Затѣмъ онъ находитъ нужнымъ мотивировать это названіе и говорить: „Ибо, еслибы не называлась царствомъ небеснымъ и эта (ista) церковь, которая собираетъ добрыхъ и злыхъ, Господь не сказалъ бы въ притчѣ, что царство небесное подобно неводу, закинутому въ море“ и т. д. И такъ, общепринятое предположеніе, что Христосъ въ своей притчѣ разумѣлъ наличную церковь, которая подобно неводу собираетъ добрыхъ и злыхъ, заставляетъ Августина примѣнить къ ней названіе: „царства небеснаго“. Не даромъ однако онъ ограничивается выраженіемъ, что церковь называютъ (vocatur) царствомъ небеснымъ. Ее такъ называютъ потому, что и она уподобляется неводу, собирающему всякаго рода рыбъ, т. е. собираетъ въ лонѣ своемъ „добрыхъ и злыхъ“. — Но именно это послѣднее обстоятельство, этотъ смѣшанный составъ церкви дѣлаетъ невозможнымъ ея отождествленіе съ „Божьимъ царствомъ“. Онъ и самъ уподобилъ иносказательно церковь царству небесному. „Почитайте, — восклицаетъ онъ, — святую церковь, мать вашу, какъ бы горній Іерусалимъ, святое царство Божіе, ибо ей предоставлены ключи къ царству небесному“.

Но, не взирая ни на какія уподобленія или вынужденныя

толкованія текстовъ, Августинъ неотступно держится убѣжденія, что земная церковь не есть царство небесное, ибо она представляетъ только путь къ нему. Въ этомъ смыслѣ онъ считаетъ ее частью царства небеснаго, скитающагося на землѣ. Примѣняя къ церкви 149-й псаломъ, онъ говоритъ: „Сыны Израиля—это церковь; ибо Сионъ былъ городомъ, который палъ; въ его развалинахъ временно жили святые. Но настоящій Сионъ и настоящій Иерусалимъ (ибо это одно и то же) вѣчны и находятся на небѣ. Это мать наша, насъ родившая; это церковь святая, насъ вскормившая; она частью скитается, въ большей части пребываетъ на небѣ. Въ той части, которая пребываетъ на небѣ, она есть блаженство ангеловъ; въ той части, которая скитается въ этомъ мірѣ, она есть надежда праведныхъ“.

Вопросъ объ отношеніи церкви къ царству Божьему у Августина окончательно рѣшается знаменательнымъ текстомъ въ его сочиненіи „О дѣвственности“, въ которомъ онъ съ негодованіемъ осуждаетъ тѣхъ, кто идетъ далѣе *названія* и дерзаетъ отождествлять церковь съ царствомъ небеснымъ: „Что же остается имъ, какъ не утверждать, что царство небесное само составляетъ достояніе этой земной жизни, которую мы переживаемъ?—Ибо, почему бы ихъ ослѣпленной надменности не дойти до такого неистовства, и что можетъ быть безумнѣе такого утверждения? Ибо, если иногда называется царствомъ небеснымъ также и церковь, нынѣ существующая, то *называется* она такъ именно потому, что собираетъ гражданъ для будущей и вѣчной жизни“¹⁾.

IV.

Знакомясь съ представленіемъ Августина о церкви, мы до сихъ поръ разсматривали идеальную сторону вопроса—отношенія церкви къ *Божьему царству*. Церковь, какъ *земное учрежденіе*, находилась въ служебномъ отношеніи къ *Божьему царству*; она имѣла свою *цѣль* внѣ себя и выше себя: она должна была собирать и готовить гражданъ для царства Божьяго. Но, чтобы исполнить свое назначеніе, земная церковь должна была имѣть извѣстную *форму*, обладать извѣстной организаціей. Въ какомъ же видѣ представлялъ себѣ Августинъ организацію земной церкви?

Приступая къ разсмотрѣнію этого вопроса, весьма важнаго

¹⁾ De Sc. Virg. C. 24, § 24. XI, 775.

для оцѣнки исторической роли Августина, мы посвятимъ особенное вниманіе его взгляду на положеніе въ церкви римскаго епископа и ея власть. Это тѣмъ болѣе нужно, что въ данномъ случаѣ позднѣйшія событія „бросили свою тѣнь“ на прошлое и затемнили вопросъ.

Вѣкъ Августина какъ разъ совпадаетъ съ эпохою быстрого возрастанія роли и мощи римскаго епископа. Это возрастаніе было давно уже подготовлено. Среди первоначальныхъ христіанскихъ общинъ римская община тотчасъ заняла почетное мѣсто, благодаря тому, что находилась въ городѣ-владыкѣ, благодаря покровительству вліятельныхъ лицъ и въ особенности тому, что могла считать своими основателями обоихъ апостоловъ, представлявшихъ собою оба теченія въ возникшемъ христіанствѣ. Когда надъ общинной организаціей стала слагаться епископская власть, никто не извлекъ изъ этой перемены такой выгоды для своего авторитета, какъ *римскій* епископъ. Легенда и традиція еще разъ сослужили Риму великую службу. Еще разъ возникавшая въ Римѣ власть была окружена ореоломъ божественнаго авторитета; еще разъ позднѣйшая фикція наполнила недостававшія звенья между позднѣйшими римскими епископами и *первымъ* легендарнымъ епископомъ Рима, апостоломъ Петромъ, получившимъ власть пасти *все* Христово стадо. Продолжительныя гоненія не умалили значенія христіанской общины Рима; напротивъ, съ расширеніемъ римскихъ катакомбъ и увеличеніемъ числа покоившихся въ нихъ римскихъ мучениковъ, росла слава Рима и возрасталъ почетъ его епископа. Коренная перемена въ судьбѣ языческаго Рима, перенесеніе императорской столицы на Востокъ, не подорвала авторитета римскаго епископа. Даже организованное первымъ христіанскимъ императоромъ представительство *всей* церкви—вселенскіе соборы освятили этотъ авторитетъ, и съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ имперіи въ Константинополь христіанскіе епископы торжественно почтили въ 381 г. своего отсутствовавшего товарища, римскаго епископа, признавъ за нимъ *старшинство* предъ всѣми другими.

Послѣдовавшіе затѣмъ тяжелые раздоры среди христіанства, вызванные ученіемъ Арія, создали новую ступень для возвышенія римскаго епископа. Торжество христіанства на Востокѣ и преслѣдованіе тамъ православныхъ епископовъ побудили послѣднихъ прибѣгнуть къ защитѣ римскаго епископа, и собранныя послѣднимъ въ Сардикѣ (въ Даліи) въ 344 году епископы—преимущественно западные—предоставили папѣ Юлію право, въ случаѣ неправильнаго сверженія кого-либо изъ епископовъ, со-

звать мѣстный соборъ изъ сосѣднихъ епископовъ для пересмотра его дѣла. И хотя постановленія собора въ Сардиніѣ даже на Западѣ не вездѣ признавались общеобязательными, однако они послужили папамъ основаніемъ для повсемѣстнаго вмѣшательства въ дѣла церкви.

Мужественная защита православнаго ученія римскимъ епископомъ Либеріемъ противъ аріанскаго императора, усилила уваженіе къ престолу апостола Петра, и когда миновали аріанскія смуты, императоръ Θεодосій объявилъ жителямъ Константинополя, чтобы всѣ его подданные держались вѣры, которую апостолъ Петръ передалъ римлянамъ и которой слѣдуютъ римскій епископъ Дамазь и Петръ Александрійскій.

Но на Востокѣ дѣло не пошло далѣе почета. Иначе обстояло оно на Западѣ, гдѣ римская церковь была единственная апостольская и положеніе провинціальныхъ церквей благопріятствовало стремленіямъ римскихъ епископовъ расширить свой авторитетъ. Хотя въ IV вѣкѣ провинціальные соборы вездѣ обнаруживали обширную дѣятельность, но вездѣ возникали вопросы, побуждавшіе провинціальныхъ епископовъ справляться въ Римъ, какого обычая или ученія держится апостольская церковь. Особенно часто поступали запросы изъ Галліи и Испаніи, и уже папа Дамазь заявилъ, что ни одинъ епископъ не долженъ отговариваться незнаніемъ рѣшеній, данныхъ римскимъ епископомъ, также какъ и незнаніемъ постановленій соборовъ (каноновъ). Тотъ же папа призналъ отвѣты, которые римскій епископъ давалъ другимъ епископамъ по частнымъ случаямъ я запросамъ—общеобязательными нормами церковнаго ученія и права; а къ первому году его преемника, Сириція, къ 385 г., уже относится первая дошедшая до потомства *декреталія*, т.-е. рескриптъ папы Гимерію, епископу Таррагоны въ Испаніи, положившій начало длинному ряду дальнѣйшихъ декреталій, создавшихъ каноническое право католицизма.

Римскіе епископы этого времени успѣшно стремились не только возводить римскій обычай на степень неотъемлемой нормы для другихъ церквей, но и приобрѣсти апелляціонную власть надъ провинціальными церквями и соборами. Особенно выдается этимъ Иннокентій Первый (401 — 417), игравшій, какъ мы увидимъ, не малую роль въ жизни Августина. Пользуясь запросомъ къ нему руанскаго епископа Виетриція, Иннокентій наставляетъ его, что дѣла и тяжбы клериковъ, какъ высшаго, такъ и низшаго чина, нужно согласно постановленію нивейскаго собора рѣшать въ предѣлахъ провинціи—безъ ущерба однако авторитету

римской церкви, по отношенію къ которой необходимо во всѣхъ дѣлахъ сохранять уваженіе. А въ одномъ изъ слѣдующихъ канонѣвъ онъ уже говоритъ о томъ, что болѣе крупныя дѣла должны быть переносимы на разсмотрѣніе апостольскаго престола, согласно благочестивому обычаю и требованію собора. Здѣсь папа не называетъ собора, предоставляя думать, что рѣчь идетъ о томъ же никейскомъ соборѣ, — хотя его заявленіе не что иное, какъ весьма широко и съ большой натяжкой истолкованное въ пользу Рима постановленіе собора въ Сардиѣ. Осторожнѣе, — по замѣчанію историка церковнаго права ¹⁾, — чѣмъ къ отдаленному отъ культурнаго міра руанскому епископу, относится Иннокентій къ епископу Тулузы. Похваливъ его за то, что онъ предпочелъ обратиться въ Римъ, чѣмъ поступать въ высоко-мѣрной заносчивости по личному усмотрѣнію, Иннокентій прибавляетъ, какъ бы оправдываясь, — почему бы считать болѣе постыднымъ учиться у другого, чѣмъ вовсе не вѣдать, и что тотъ, отъ котораго требуютъ наставленія, самъ всегда чему-нибудь научается.

Но совсѣмъ уже откровенно и безцеремонно пишетъ Иннокентій епископу Губбіо въ Италіи — своему суфрагану. Церковь нуждается въ единствѣ; она не можетъ допустить никакого различія, никакого отступленія въ церковномъ строѣ и порядкѣ. Отдѣльные епископы должны слѣдовать не своему усмотрѣнію, а тому, что апостолъ Петръ передалъ римской церкви. Одно это преданіе должно служить имъ нормой, такъ какъ несомнѣнно, что нѣтъ на Западѣ ни единой церкви, которая не была бы основана тѣми, кто были посланы для этого св. Петромъ и его преемниками.

Римскіе епископы счумѣли быстро превратить свои теоретическія притязанія въ фактическія преимущества — вездѣ, гдѣ для этого представлялся случай. Уже преемникъ Иннокентія, епископъ Зосима, воспользовался политическими и церковными смутами въ южной Галліи, чтобы подчинить эту область непосредственному вліянію римскаго епископа. Когда надвигавшіяся волны германскаго нашествія стали угрожать Триру, — этому вѣковому оплоту римскаго могущества на границахъ Германіи, намѣстникъ императора перенесъ отсюда свое мѣстопробываніе въ Арль, въ южной Галліи. Это обстоятельство благопріятствовало честолюбивому стремленію тамошняго епископа, вздумавшаго сдѣлаться примасомъ всей южной Галліи. Какъ ставлен-

¹⁾ Löning. Gesch. d. d. Kirchenrechts.

никъ полководца Констанція, женатаго на сестрѣ императора Плацидіи, онъ добился своей цѣли. Но вынужденный сдѣлать эту уступку, папа Зосима съумѣлъ извлечь изъ этого еще большую выгоду для римскаго престола. Награждая Патрокла разными привилегіями на счетъ другихъ епископовъ, Зосима провозгласилъ епископа арльскаго *викаріемъ* апостольскаго престола, мотивируя это тѣмъ, что св. Трофимъ, котораго чтили въ Арлѣ и южной Галліи, какъ перваго мѣстнаго епископа, былъ посланъ туда *изъ Рима* ¹⁾. Преемникъ Зосимы, Бонифаций продолжалъ поддерживать Патрокла, но со смертью въ 421 году Констанція круто измѣнилъ свой образъ дѣйствій. Благодаря этой политикѣ, сообразной съ обстоятельствами, римской курии удалось высоко поднять въ Галліи папскій авторитетъ и осуществить притязанія Иннокентія I. Самыя важныя дѣла стали подвергаться на усмотрѣніе римскаго епископа, къ нему поступали жалобы на мѣстныхъ епископовъ; онъ вмѣшивался въ назначеніе епископовъ, присвоивалъ себѣ утвержденіе приговоровъ, постановленныхъ надъ епископами мѣстными соборами, самъ созывалъ соборы и назначалъ имъ сроки.

Все это, конечно, еще не было окончательно установившимся порядкомъ вещей: императорское правительство продолжало по прежнему вмѣшиваться въ церковныя дѣла, и то, что происходило въ южной Галліи, проходило, можно сказать, бесслѣдно для другихъ провинцій.

Въ особенности это относится къ римской Африкѣ. Эта провинція получила христіанство изъ Рима, и, пользуясь сравнительно легкимъ сообщеніемъ, африканскіе епископы поддерживали частыя сношенія съ Римомъ. Но это не было въ ущербъ ихъ самостоятельности. Объясняется это прежде всего извѣстною сплоченностью африканскихъ церквей, обусловленною тѣмъ, что ни одна изъ нихъ не могла соперничать съ авторитетомъ карфагенской, т. е. митрополичьей. Затѣмъ немаловажную роль играло то обстоятельство, что африканская церковь выставила не разъ замѣчательныхъ учителей церкви, съ которыми не могъ помѣриться никто изъ римлянъ. Наконецъ слѣдуетъ указать на извѣстную противоположность между духомъ и направленіемъ

¹⁾ Св. Трофима Арльскаго стали отождествлять съ Трофимомъ, о которомъ упоминаетъ апостоль Павелъ въ письмѣ къ Тимошею, и считать въ числѣ 70 учениковъ Христа. Григорій же Турскій передаетъ, что Трофимъ, первый епископъ арльскій, явился туда лишь въ III-мъ вѣкѣ. Іезуитъ Bonucci — *Istoria di S. Trofimo, Roma, 1711, p. 42* — рассказываетъ, что „по порученію рим. епископа св. Петра апостоль Павелъ поставилъ Трофима духовнымъ главою *всей Франціи*“.

африканскаго и римскаго христіанства. Африканская церковь всегда обнаруживала наклонность къ ригоризму въ этическихъ вопросахъ, которая легко вырождалась въ фанатизмъ, тогда какъ, напротивъ, римская іерархія всегда руководилась практическими соображеніями и тѣмъ оппортунизмомъ, который въ послѣдствіи выродился въ продажу индульгенцій и пробабиллизмъ іезуитовъ. На этой почвѣ столкновенія были неизбѣжны. Первое изъ нихъ относится еще къ самому началу проявленія римской церковной политики, когда въ началѣ III-го вѣка краснорѣчивый и бурный Тертуліанъ возсталъ противъ римскаго епископа Зефирина за ослабленіе церковной дисциплины при нарушеніи брака. Тертуліанъ приблизился въ своемъ ригоризмѣ даже къ сектѣ монтанистовъ. Но еще важнѣе, для насъ, чѣмъ это разногласіе, — взглядъ африканскаго епископа на власть его римскаго собрата. Тертуліанъ не хочетъ допустить, чтобы власть „связывать и разрѣшать“, предоставленная апостолу Петру, могла служить основаніемъ для какихъ-либо притязаній римскаго епископа: „Какъ же ты, — обращается Тертуліанъ къ Зефирину, — извращаешь явно выраженную волю Господа, когда мнишь, что этотъ даръ перешелъ къ тебѣ!“ Замѣчательно, что у Тертуліана впервые встрѣчается въ примѣненіи къ Зефирину громкій титулъ: „епископъ епископовъ“; но Тертуліанъ употребляетъ его иронически, желая этимъ заклеймить притязанія папы.

Въ половинѣ того же вѣка произошелъ новый, болѣе глубокой разладъ между Карфагеномъ и Римомъ. На этотъ разъ его уже нельзя было объяснить еретическими крайностями африканцевъ. Представителемъ оппозиціи противъ притязаній Рима былъ авторитетный учитель церкви, въ послѣдствіи мученикъ, карфагенскій епископъ Кипріанъ. Во все свое епископство онъ держался весьма самостоятельно относительно Рима въ вопросахъ, какъ дисциплинарныхъ, такъ и догматическихъ. Когда смѣщенные мѣстнымъ соборомъ испанскіе епископы нашли защиту въ Римѣ, ихъ судьи обратились къ Кипріану, и онъ не задумался стать на ихъ сторону. Кипріанъ не признавалъ — вопреки мнѣнію римской церкви — крещенія, совершеннаго еретикомъ, и въ особенности разошелся съ римскимъ епископомъ въ вопросѣ объ отношеніи церкви къ падшимъ (*lapsi*), т.-е. отпавшимъ въ язычество во время одного изъ самыхъ жестокихъ гоненій на христіанъ при Деціи. Кипріанъ отстаивалъ въ этомъ вопросѣ традиціонный въ Африкѣ ригоризмъ. Карфагенскій епископъ писалъ римскому, что епископамъ надлежитъ не только учить, но и самимъ учиться для того, чтобы лучше учить. Разладъ между ними дошелъ до

того, что папа Стефанъ отлучилъ Кипріяна отъ церкви и отказался принять его посольство. Такое отчужденіе между Каррагеномъ и Римомъ обуславливалось не только самостоятельностью Кипріяна, но и его представленіемъ о церкви, совершенно отличнымъ отъ того, которое усвоилъ себѣ Римъ. Кипріянь признавалъ первенство римской церкви: она была для него *ecclesia principalis*, но не въ смыслѣ *главенствующей* церкви, а *старѣйшей*. Тѣ доводы, съ помощью которыхъ Римъ доказывалъ необходимость своего главенства, были для Кипріяна неубѣдительны при его взглядѣ на самостоятельную роль епископата въ церкви. И онъ также былъ проникнутъ идеей *единства* церкви, но искалъ залогъ этого единства не въ іерархическомъ главенствѣ *одного*, а въ духѣ согласія и вѣры всѣхъ епископовъ, представляющихъ церковь. Онъ желалъ видѣть на землѣ *единое* стадо, но *много* пастырей; онъ требовалъ для каждаго изъ этихъ пастырей полной свободы въ управленіи своей епархіей съ отвѣтственностью передъ Господомъ за свой образъ дѣйствій. Требуя простора для каждаго епископа, Кипріянь признавалъ обязанностью *каждаго* изъ нихъ заботиться объ интересахъ общей церкви, т.-е. вмѣсто первосвященника ставилъ во главѣ церкви сонмъ епископовъ. Въ призваніи Петра Кипріянь усматривалъ лишь живое выраженіе церковнаго единства. Представленіе, что Христосъ построилъ свою церковь „на Петрѣ“, Кипріянь истолковывалъ въ томъ смыслѣ, что Христосъ хотѣлъ создать единую церковь. Противъ безусловной авторитетности римскаго преданія Кипріянь возражалъ, что укоренившійся тамъ или сямъ обычай не можетъ устоять противъ силы истины. Въ своемъ сочиненіи о единствѣ церкви Кипріянь примиряетъ представленіе о множествѣ церквей съ идеей единства ихъ съ помощью слѣдующихъ метафоръ. „много лучей исходитъ изъ солнца, но свѣтъ одинъ; много вѣтвей у дерева, но стволъ одинъ; много ручьевъ вытекаетъ изъ одинаго источника“. Какъ бы предугадывая будущее, Кипріянь обвиняетъ на африканскомъ соборѣ римскаго епископа въ томъ, что онъ себя ведетъ какъ „епископъ епископовъ“, хотя въ то время римскій епископъ былъ еще далеко отъ такихъ притязаній.

Сочиненія Кипріяна имѣли значительное распространеніе и вліяніе въ Африкѣ и, вѣроятно, съ своей стороны содѣйствовали тому, что расколъ въ африканской церкви, вызванный донатизмомъ, не подорвалъ ея самостоятельности. Вмѣсто того, чтобы побудить православныхъ епископовъ Африки искать опоры въ римскомъ епископѣ, борьба съ донатистами только содѣйствовала большей сплоченности африканской церкви. Въ этомъ можно

убѣдиться изъ сочиненія епископа Оптата, предшественника Августина въ борьбѣ съ донатистами. Тѣснимые донатистами, православные искали защиты у свѣтской, а не у духовной власти Рима. Сплоченность православной части африканской церкви особенно проявляется въ правленіе примаса Африки, карфагенскаго епископа Аврелія или „папы Аврелія“, какъ гласилъ его почетный титулъ, подъ предсѣдательствомъ котораго съ конца IV вѣка почти ежегодно созывался провинціальный соборъ африканскихъ епископовъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію отношеній Августина къ современнымъ ему римскимъ епископамъ и вопросу о ихъ власти.

V.

Въ продолженіе долгой жизни Августина на римскомъ престолѣ перебивало восемь епископовъ; если же не считать тѣхъ, епископаты которыхъ относятся ко времени до его крещенія, то шесть епископовъ. Въ личныхъ сношеніяхъ онъ могъ быть только съ первымъ изъ нихъ, Сириціемъ, во время своего пребыванія въ Римѣ при возвращеніи изъ Милана въ Африку. Но у насъ нѣтъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Слѣдующіе за этимъ папы, между которыми мы впервые встрѣчаемъ громкія вполнѣдствіи имена Иннокентія и Бонифація, знали Августина и находились съ нимъ въ письменныхъ или дѣловыхъ сношеніяхъ, какъ и Сикстъ, который вступилъ на римскій престолъ уже по смерти Августина. Но личной близости между этими папами и Августиномъ мы не замѣчаемъ, что, —если принять во вниманіе значеніе Августина какъ богослова и писателя, —не свидѣтельствуетъ въ пользу богословскаго интереса и литературнаго образованія современныхъ ему римскихъ епископовъ.

Какого содержанія было письмо Иннокентія I, которое Августинъ получилъ чрезъ посредство сановника Цециліана, мы не знаемъ. Отъ папы Зосимы Августинъ имѣлъ порученіе уладить какое-то дѣло въ Мавританской Цезареѣ. Бонифацій I переслалъ Августину два письма, изъ которыхъ одно было написано пелагианцемъ Юліаномъ, епископомъ экланскимъ, другое ему приписывалось. Его преемникъ, Целестій, еще будучи дьякономъ, писалъ Августину, который отвѣтилъ ему своимъ прекраснымъ разсужденіемъ о взаимной любви, неизсякающей и возрастающей по мѣрѣ того, какъ она расходуется. Къ этому папѣ Августину

пришлось затѣмъ обратиться съ разъясненіемъ по дѣлу епископа Антонія Фуссальскаго, поставленнаго Августиномъ изъ числа своихъ пресвитеровъ и вызвавшаго своимъ поведеніемъ сильныя на него нареканія. Письмо дьякона Сивеста также касалось пелагианства и было обращено къ Августину вмѣстѣ съ Алипіемъ. Оно вызвало въ отвѣтъ со стороны Августина два письма.

Отсюда можно заключить, что сношенія между Римомъ и Гиппоною не были слишкомъ часты. Но и эти нечастыя сношенія главнымъ образомъ обуславливались однимъ изъ важнѣйшихъ для тогдашней церкви вопросовъ — пелагианствомъ. Это нужно особенно имѣть въ виду *потому*, что ходъ пелагианской распри и отношенія къ ней Рима несомнѣнно повліяли на отношенія Августина къ римскому престолу.

Пелагій нашель въ Римѣ радушный пріемъ и немало приверженцевъ. И Пелагій, подобно Августину, выступилъ поборникомъ господствовавшаго въ то время аскетическаго направленія. Но онъ указывалъ людямъ на иной путь къ нравственному совершенству, чѣмъ Августинъ — путь, можно сказать, противоположный. Желая ободрить людей въ борьбѣ со страстями, онъ убѣждалъ ихъ, что въ нихъ самихъ достаточно силы для этого, лишь бы они пожелали побороть грѣхъ, — „человѣкъ могъ бы быть безъ грѣха и легко соблюдать заповѣди Божіи, еслибы *захотѣлъ*“. Пелагій принималъ во вниманіе лишь этическую сторону дѣла, не вдаваясь въ догматику и не давая себѣ отчета о послѣдствіяхъ своего ученія для христіанской догматики. Онъ не сознавалъ, что его этика была возвращеніемъ къ рационалистической морали языческихъ философовъ и что она подрывала самую сущность христіанской этики — понятіе грѣха и вытекающую изъ него потребность прощенія и спасенія *свыше*. Если человѣчество можетъ собственными усиліями побѣдить пороки, то зачѣмъ ему божественная помощь, зачѣмъ ему ученіе, которое видѣло въ пороки уклоненіе отъ Божьей воли, т.-е. *грѣхъ*?

Пелагій былъ далекъ отъ такихъ заключеній и вообще уклонялся отъ какихъ-либо выводовъ изъ своей проповѣди, которые могли бы привести къ столкновеніямъ съ церковной практикой. Но иначе велъ себя его горячій и смѣлый приверженецъ, Целестій. Разореніе Рима Аларихомъ заставило Пелагія и Целестія искать убѣжища на югѣ — въ Сициліи и Африкѣ. Не встрѣтивъ здѣсь сочувствія, Пелагій отправился въ Палестину, Целестій же остался въ Карфагенѣ и сталъ добиваться пресвитерства.

Но настроеніе африканскаго духовенства было для него весьма неблагопріятно. Потомки пунійцевъ всегда отличались склонностью

къ нравственному и религіозному ригоризму и, какъ мы видѣли, не разъ расходились въ этомъ отношеніи съ Римомъ. Въдъ и самый донатизмъ былъ крайнимъ проявленіемъ такого настроенія. Пелагіанство не могло пустить корней на этой почвѣ. На ближайшемъ соборѣ въ Карфагевѣ 412 г. Целестій былъ привлеченъ въ обвиненію миланскимъ дьякономъ Павлиномъ. Въ числѣ обвинительныхъ пунктовъ мы встрѣчаемъ вышеприведенное общее положеніе Пелагія и другихъ, въ которыхъ отрицались *наслѣдственность* совершеннаго Адамомъ грѣха и послѣдствія, которыя выводились изъ этого первороднаго грѣха: такъ Целестію приписывалось утвержденіе, что новорожденные дѣти находятся въ такомъ же состояніи, въ какомъ находился Адамъ до грѣхопаденія (т.-е. безгрѣшны); или—что до пришествія Христа были на землѣ люди безгрѣшны. Полное значеніе такихъ утверждений могли оцѣнить только люди, знакомые съ ученіемъ церкви, но практическій выводъ изъ ученія Пелагія былъ понятенъ всякому и не могъ не взволновать массу. Еще въ дни Августина многіе христіане откладывали крещеніе, такъ какъ съ нимъ было связано полное отпущеніе грѣховъ, но уже стали укореяться обычаи крестить новорожденныхъ. При утвержденіи же Целестія, что они безгрѣшны, ихъ крещеніе должно казаться преждевременнымъ. На соборѣ Целестій защищалъ себя тѣмъ, что признавалъ необходимость крещенія новорожденныхъ, но стоялъ на томъ, что при этомъ не происходитъ отпущенія грѣховъ. Онъ былъ осужденъ и удаленъ въ Малую Азію.

Африканское духовенство не хотѣло оставить въ покоѣ и главнаго виновника ереси, самого Пелагія, и отправило въ Іерусалимъ пресвитера Орозія, ученика Августина, извѣстнаго какъ историка. Пелагію пришлось дать отвѣтъ на двухъ соборахъ—въ Іерусалимѣ и въ Діосполисѣ. Онъ сдѣлалъ существенную уступку своимъ противникамъ, заявивъ, что признаетъ невозможность быть безъ грѣха—безъ помощи Божіей благодати, и не только отрекся отъ утверждений Целестія, но и предалъ ихъ анаемѣ. Какъ патріархъ Іоаннъ Іерусалимскій, такъ и соборъ въ Діосполисѣ удовлетворились этимъ объясненіемъ и, не входя по существу въ различіе ученій Августина и Пелагія, признали послѣдняго состоящимъ въ общеніи съ католической церковью.

Не удовлетворились, однако, этимъ африканскіе епископы. Не возражая противъ постановленія своихъ братьевъ на соборѣ въ Діосполисѣ, признавая согласно съ ними, что Пелагій *исправился*, они сочли нужнымъ обезпечить торжество истины тамъ, гдѣ Пелагій нашелъ сочувствіе—въ Римѣ. Въ теченіе 416 г.

они два раза съѣзжались на соборъ — въ Карфагенѣ и въ Милево въ Нумидіи — съ участіемъ Августина. Оба собора обратились съ посланіемъ къ римскому епископу Иннокентію I „по дѣлу Пелагія и Целестія“.

Такъ завязалась переписка, крайне интересная для рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ Августина къ римскому престолу. Посланіе карфагенскаго собора, подписанное 69-ю епископами, сообщаетъ, что вслѣдствіе полученныхъ черезъ Орозія съ Востока писемъ было перечитано постановленіе, сдѣланное пять лѣтъ тому назадъ по случаю заблужденій Пелагія и Целестія. Соборъ считалъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія папы для того, чтобы онъ „присоединилъ къ нашимъ скромнымъ постановленіямъ авторитетъ апостольскаго престола. Если же Пелагій и въ глазахъ папы правильно оправданъ постановленіями Восточнаго собора, то самое заблужденіе, имѣющее многихъ приверженцевъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, должно быть предано анаемѣ апостольскимъ престоломъ“.

Болѣе настойчиво и наступательно посланіе нумидійскихъ епископовъ, подписанное 61-мъ именемъ, въ числѣ которыхъ находится и Августинъ. Посланіе мотивировано тѣмъ, что самъ папа могъ бы поставить имъ въ упрекъ, еслибы они умолчали предъ нимъ о нуждахъ церкви. Новая и слишкомъ гибельная ересь враговъ благодати Христовой пытается подняться, а именно, что человѣкъ можетъ съ помощью свободной воли дойти до такого совершенства, что не будетъ нуждаться въ молитвѣ — „оставь намъ долги наши“. Упомянувъ и о второмъ заблужденіи, что новорожденные не нуждаются для своего спасенія въ крещеніи, посланіе выражаетъ полную увѣренность, что папа приметъ къ сердцу необходимость положить конецъ распространенію такихъ заблужденій.

По отношенію къ виновникамъ этихъ пагубныхъ заблужденій, Пелагію и Целестію, нумидійскіе епископы заявляютъ, что предпочли бы ихъ исправленіе отлученію отъ церкви. Но ихъ посланіе выражается гораздо скептически, чѣмъ карфагенское, объ образѣ дѣйствія Пелагія на восточныхъ соборахъ; передается слухъ, что онъ „нѣкоторыхъ обманулъ, но что большинство лучше поняло смыслъ его увѣреній и продолжаетъ бороться съ нимъ“. Посланіе упоминаетъ между ними и находившагося на Востокѣ римскаго пресвитера Иеронима. Посланіе выражаетъ надежду, что авторитету папы, основанному на авторитетѣ Священнаго Писанія, будетъ легко прекратить такіа опасныя заблужденія.

Руководители африканскаго духовенства не удовольствовались, однако, официальными посланіями двухъ соборовъ. Вслѣдъ за ними папѣ Иннокентію было отправлено письмо, подписанное Аврелиемъ и Августиномъ съ его тремя учениками, Алипіемъ, Еводиемъ и Поссидіемъ. Въ ихъ лицѣ соединялся какъ бы авторитетъ обоихъ соборовъ — карфагенскаго и нумидійскаго, т.-е. говорила вся африканская церковь. Письмо, нужно думать, составлено Августиномъ.

Цѣль письма очевидна: авторы желали не только заручиться противъ ереси авторитетомъ римскаго епископа, но и *наставить* того, въ чьихъ рукахъ сосредоточивался такой высочій авторитетъ; во-вторыхъ, они желали указать папѣ, что и въ самомъ Римѣ слѣдуетъ принять мѣры противъ ереси Пелагія.

„Мы слышали, что въ Римѣ, гдѣ Пелагій долго жилъ, нѣкоторые ему потворствуютъ по различнымъ причинамъ: одни потому, что онъ убѣдилъ ихъ въ своемъ ученіи, другіе потому, что не вѣрятъ, чтобы онъ держался такого ученія — въ особенности въ виду толковъ о состоявшихся на Востокахъ постановленіяхъ, его, какъ они думаютъ, оправдавшихъ“. Августинъ спѣшитъ разъяснить недоразумѣніе по поводу этого оправданія, очевидно для того, чтобы предостеречь отъ него римскаго епископа. Восточные епископы объявили Пелагія православнымъ (каеоликомъ) потому, что онъ призналъ благодать (gratia) Божію; заявляя, что человекъ можетъ жить праведно, благодаря собственнымъ усиліямъ и волѣ, онъ не отрицалъ, однако, что ему въ этомъ помогаетъ благодать Божія. Услышавъ эти слова, каеолическіе епископы разумѣли ту благодать, о которой идетъ рѣчь въ Св. Писаніи, и не могли не придать ей тотъ смыслъ, который установленъ церковнымъ обычаемъ. Они разумѣли ту благодать, посредствомъ которой мы получаемъ оправданіе и избавляемся отъ грѣховной слабости, а не ту благодать Божію, которая насъ создала и снабдила собственною волею. Если бы каеолическіе епископы поняли, что Пелагій разумѣлъ только эту благодать, которую мы раздѣляемъ съ нечестивыми, будучи одинаково съ ними людьми, созданными Творцомъ, и что онъ отрицаетъ ту благодать, въ силу которой мы христіане и сыны Божіи, — то кто же изъ нихъ сталъ бы его терпѣливо слушать или даже пустилъ бы въ себѣ на глаза! Поэтому нельзя осуждать церковныхъ судей, не знавшихъ, что эти люди распространяютъ въ своихъ сочиненіяхъ или нашептываютъ на ухо своимъ приверженцамъ.

Но дѣло не въ Пелагій, который, можетъ быть, уже испра-

вился—дай Богъ, чтобы это было такъ, — но въ тѣхъ многихъ, которые своей пустой болтовней увлекаютъ за собою слабыя и неопытныя души. Поэтому Августинъ и товарищи настаиваютъ, чтобы Иннокентій вытребовалъ Пелагія въ Римъ, или письменно потребовалъ отъ него объясненія, что онъ разумѣетъ подъ благодатью, помогающей человѣку праведно жить, и лишь тогда, когда окажется, что онъ въ этомъ вопросѣ согласенъ съ церковнымъ ученіемъ, онъ можетъ быть вполне оправданъ безъ всякаго соблазна для церкви, безъ всякой двусмысленности, — только тогда можно будетъ истинно порадоваться его исправленію.

Но Августинъ, очевидно, былъ и послѣ этого не увѣренъ, вполне ли понимаетъ дѣло Пелагія римскій судья, къ которому онъ обращался. Онъ поэтому въ своемъ письмѣ подробно излагаетъ папѣ различіе между понятіемъ, за которымъ Пелагій скрывалъ свое ученіе, и тѣмъ представленіемъ о благодати, которая по его ученію была необходима для спасенія. Кромѣ того Августинъ приложилъ къ своему письму сочиненіе Пелагія „De natura“, доставленное ему двумя молодыми монахами, обращенными самимъ Пелагіемъ изъ міра, — а также свое опроверженіе: „О природѣ и благодати“. Весьма характерно, что Августинъ, „чтобы не затруднять“ папу богословскими разсужденіями, отмѣтилъ значками тѣ мѣста въ рукописи, изъ которыхъ особенно явствовало, что Пелагій подъ словами *благодать Божія* не разумѣлъ благодати, о которой говорить апостоль Павелъ.

Если Пелагій откажется отъ авторства этой книги или заявитъ, что въ ней встрѣчаются мѣста, вставленные его недругами, „то пусть онъ ихъ предастъ анаемѣ по увѣщанію и приказанію твоего святѣйшества“. Пусть онъ такимъ образомъ устранить тяжелый для него и опасный для церкви соблазнъ. Ибо когда его приверженцы, распространяющіе его ученіе, узнаютъ, что книга, которую они ему приписываютъ или завѣдомо признаютъ его произведеніемъ, „имъ осуждена въ силу авторитета каеолическихъ епископовъ и преимущественно твоимъ святѣйшествомъ, которому онъ безъ сомнѣнія придаетъ особый вѣсъ, они не посмѣютъ болѣе вопить противъ благодати Господней“.

Въ заключеніе, епископы просятъ извиненія у „братчайшаго сердцемъ“ папы, что они посылаютъ ему письмо, можетъ быть болѣе длинное, чѣмъ онъ бы желалъ. Они не имѣютъ намѣренія „увеличивать своимъ ручейкомъ обильный потокъ“ мудрости, которымъ обладаетъ папа, но желаютъ лишь въ эту трудную минуту, чтобы папа призналъ, что и ихъ „хотя слабый ручей беретъ начало изъ того же самаго источника, откуда исте-

каеть твой обильный потокъ“ — и найти утѣшеніе въ его отвѣтъ, что причастны вмѣстѣ съ нимъ одной и той же благодати. Папа Иннокентій отвѣтилъ особымъ посланіемъ на каждое изъ полученныхъ имъ отъ епископовъ Африки. Эти отвѣты папы весьма характерны: въ нихъ обнаруживается весь контрастъ между настроеніемъ римской и африканской іерархіи, между воззрѣніями папской канцеляріи и епископовъ, руководимыхъ Августиномъ. Съ одной стороны глубокой религіозный интересъ, сильное, искреннее убѣжденіе, горячая забота о чистотѣ догматовъ, обуславливающихъ спасеніе, съ другой — извѣстное равнодушіе къ богословской сторонѣ дѣла и искусная дипломатія, озачоченная тѣмъ, чтобы воспользоваться заявленіями истцовъ и извлечь изъ нихъ пользу для увеличенія папскаго авторитета. Папа Иннокентій позналъ вѣроятно только изъ посланія Августина всю богословскую важность вопроса, возбужденнаго ученіемъ Пелагія и разъясненнаго Августиномъ. Но онъ отлично понималъ политическое значеніе для Рима этой догматической распри. Не касаясь существа дѣла, папа открыто ставитъ на первый планъ авторитетъ Рима. Забывая, что африканскіе епископы считаютъ пелагіанскій вопросъ уже рѣшеннымъ, папа дѣлаетъ видъ, какъ будто они обращаются за рѣшеніемъ его къ нему, какъ главѣ церкви.

Въ отвѣтъ карагенскимъ епископамъ онъ хвалитъ ихъ за то, что они „апеллировали къ его суду, сознавая свои обязанности по отношенію къ апостольскому престолу, и всѣ пожелали слѣдовать за апостоломъ, отъ котораго происходитъ епископія и весь авторитетъ Рима“... Онъ одобряетъ ихъ за то, что они держатся преданія отцовъ, установленнаго не человѣческимъ, а божественнымъ усмотрѣніемъ, согласно которому, что бы ни обсуждалось въ отдаленныхъ провинціяхъ, не должно считаться рѣшеннымъ, пока не доведено до свѣдѣнія апостольскаго престола, для того, чтобы въ силу его полного авторитета правильное рѣшеніе могло получить утвержденіе.

Пользуясь уподобленіемъ римской и африканской церкви двумъ ручьямъ, хотя и различнымъ по силѣ, но вытекающимъ изъ одного *общаго* источника (ученія Христа), папа измѣняетъ его въ пользу Рима и говоритъ о томъ, что „какъ вода разливается изъ первоисточника (*fons natalis*) въ чистыхъ струяхъ по всей землѣ, такъ всѣ церкви получаютъ отъ римской указаніе того, чего держаться и кого омыватъ водою оправданія“.

Наконецъ, папа благодаритъ епископовъ за ихъ требованіе (?), чтобъ онъ разослалъ по всей землѣ декретъ и этимъ снова укрѣ-

пилъ церковь. Въ краткихъ выраженіяхъ осудивъ пелагіанское ученіе, Иннокентій отклоняетъ отъ себя необходимость высказаться по существу дѣла подъ предлогомъ, что „не хочетъ входить въ подробности, потому что они многочисленны, и весьма ученые епископы уже *все* нужное высказали“.

Еще безцеремоннѣе высказываются папскія притязанія въ письмѣ къ собору нумидійскихъ епископовъ. Если въ первомъ письмѣ говорится только о томъ, что римская церковь есть первоисточникъ христіанскаго ученія, то теперь ей уже приписывается особое вѣдѣніе божественныхъ тайнъ, скрытое отъ другихъ церквей. Папа высказываетъ одобреніе епископамъ за то, что они обратились къ мѣсту, осѣненному почетомъ апостола, съ просьбою сообщить свои тайны (агсапа); — къ праву на почетъ, поясняетъ онъ, присоединяются въ Римѣ и заботы о всѣхъ церквахъ. Возводя свои недавнія притязанія на степень традиціоннаго права, папа поучаетъ епископовъ, что „древнему правилу (обращаться къ Риму) всегда слѣдовалъ весь міръ“. Имъ самимъ это извѣстно, и они это сами подтвердили, зная, что вопрошающіе изъ всѣхъ провинцій получаютъ отвѣты изъ апостольскаго источника. Всѣ братья и соепископы должны обращаться только къ апостолу Петру, какъ *они* это сдѣлали на пользу всему міру.

Въ большія подробности входить папа въ отвѣтъ на выдающееся облеомъ и содержаніемъ письмо къ нему пяти епископовъ съ Августиномъ во главѣ. Но тутъ особенно бросается въ глаза контрастъ между страстной заботой о торжествѣ истиннаго церковнаго учителя и ухищреніями церковнаго политика, который боится попасть въ просакъ при разногласіи между африканскими и сирійскими соборами и хочетъ избавить себя отъ разбирательства дѣла Пелагія. Гдѣ бы ни встрѣчались пелагіанцы, говоритъ папа, хотя бы въ Римѣ, — чего онъ знать не можетъ (?) въ виду большого объема города и того, что они держатъ себя смиренно, — пусть они будутъ прокляты. О томъ же, что Пелагій на одномъ изъ соборовъ оправданъ, онъ хотя и слышалъ отъ нѣкоторыхъ мірянъ, но сомнѣвается въ вѣрности этого слуха, такъ какъ не получилъ посланія отъ собора, о чемъ похлопоталъ бы самъ Пелагій. Въ представленныхъ ему протоколахъ кое-что не договорено, кое-что извращено. Нѣтъ надобности вызывать Пелагія въ Римъ; пусть онъ добровольно туда прибудетъ, если желаетъ быть оправданнымъ. Но если слѣдуетъ его вызвать, то пусть это лучше сдѣлаютъ тѣ, которые ближе къ мѣсту его нахожденія. Если же Пелагій будетъ письменно просить прощенія, то онъ ему въ немъ не откажетъ.

По поводу новой книги Пелагія, присланной Августинѣмъ, папа отзывается весьма развязно: присланную книгу онъ читалъ, она полна заблужденій, но нѣтъ надобности опровергать ее ⁴⁾.

Переписка папы Иннокентія I съ африканскими епископами представляетъ, какъ изъ этого видно, весьма интересную страничку изъ исторіи развитія папской власти. Изложивъ ее, намъ остается дополнить ее замѣчаніемъ, касающимся положенія, занятого Августинѣмъ въ этой распрѣ. Августинъ, очевидно, раздѣлялъ мнѣніе, высказанное когда-то Кипріанѣмъ карфагенскимъ, что всѣ христіанскія церкви представляютъ собой ручейки, вытекающіе изъ одного общаго источника — ученія Христа и апостоловъ; онъ признаетъ лишь, что источникъ, текущій въ Римѣ, обильнѣе другихъ. Папское представленіе, что римская церковь — первоисточникъ — *fons natalis*, — изъ котораго вытекаютъ всѣ прочія церкви, ему чуждо. Но онъ нигдѣ не выставляетъ на видъ этого существеннаго разногласія; онъ какъ бы не замѣчаетъ церковно-политическихъ послѣдствій папскихъ притязаній; все вниманіе его устремлено на догматическую сторону вопроса. Удовлетворенный тѣмъ, что Римъ высказался за ученіе о благодати, Августинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ высказываетъ свое удовольствіе, что Иннокентій отвѣтилъ на всѣ письма, „какъ надлежало епископу на апостольскомъ престолѣ“.

Надменному и покровительственному обращенію Иннокентія съ его африканскими собратьями не соответствовалъ однако дальнѣйшій ходъ дѣла, благодаря опрометчивости его преемника Зосими. Этотъ папа нанесъ, несмотря на свое краткое правленіе, тяжелый ударъ авторитету Рима. Мы упоминали о его попыткѣ посредствомъ вмѣшательства въ распри южно-гальскихъ епископовъ подчинить ихъ своей власти, назначивъ надъ ними викарія римскаго епископа. Съ такою же рѣшительностью вздумалъ онъ покончить, въ вѣщней славѣ Рима, пелагіанскія распри, не обращая вниманія на постановленіе африканскихъ соборовъ и авторитетъ такого богослова, какъ Августинъ. Пелагій прислалъ въ Римъ искусно составленную апологію, а Целестій лично явился

⁴⁾ По поводу этихъ писемъ Лангенъ въ своей „Исторіи папъ“ замѣчаетъ, что Иннокентій въ нихъ отступилъ отъ древне-римскаго представленія, еще сохранившагося въ остальныхъ церквахъ, а именно — что особый авторитетъ Рима въ церковномъ ученіи опирается лишь на сохраненіе общезвѣстнаго апостольскаго преданія и что тотъ, кто знакомъ съ этимъ преданіемъ по *Св. Писанію*, точно также обладаетъ истиннымъ христіанскимъ ученіемъ.

туда и подалъ новому папѣ Зосимѣ „заявленіе вѣры“ (libellus), въ которомъ, сдѣлавъ новыя уступки своимъ противникамъ и объяснивъ свою точку зрѣнія, выражалъ полную готовность подчиниться рѣшенію папы. Порадованный возможностью повончить затянувшуюся распрю, Зосима благосклонно принялъ заявленіе и призналъ его православнымъ (catholicum). А созванный по этому поводу соборъ въ Римѣ (417 г.) оправдалъ какъ Пелагія, такъ и Целестія, признавъ ихъ обвинителей недобросовѣстными людьми и, укоряя африканскихъ епископовъ въ опрометчивости, предложилъ имъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ подтвердить свои обвиненія. Объ этомъ Зосима извѣстилъ африканскихъ епископовъ въ весьма развязномъ тонѣ. „Хотя, писалъ онъ, у него много дѣлъ болѣе важныхъ, онъ подвергъ разслѣдованію дѣло пресвитера Целестія и тотчасъ созвалъ соборъ въ церкви св. Климента, ученика св. Петра. Онъ вынесъ изъ этого дѣла заключеніе, что африканскіе епископы осудили Целестія заочно по навѣтамъ Героса и Лазаря, присвоившихъ себѣ въ Галліи епископскіе столы и имъ смѣщенныхъ; поэтому онъ объявляетъ, что Целестій имъ оправданъ. Впрочемъ сочиненіе, переданное ему Целестіемъ, могло бы послужить для нихъ доказательствомъ, что поименованные обвинители не заслуживаютъ довѣрія. Если же бы теперь кто-нибудь захотѣлъ возвести на Целестія обвиненіе за что-либо иное, имъ письменно или устно заявленное въ Римѣ, то пусть тотъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ явится въ Римъ съ своимъ обвиненіемъ“.

Далѣе папа сообщалъ, что онъ внушилъ какъ Целестію, такъ и епископамъ, собравшимся въ Римѣ изъ разныхъ странъ, что такого рода хитроумные вопросы возникаютъ изъ суетнаго любопытства и изъ того, что каждый желаетъ на Св. Писаніи проявить свой талантъ и свое краснорѣчіе; —отъ этого, продолжаетъ папа, священные авторы и ихъ сочиненія подвергаются теперь, по прошествіи столько долгаго времени, опасности сдѣлаться предметомъ произвольныхъ толкованій даже со стороны высокодостойныхъ людей.

Какъ видно изъ этого, папа Зосима свелъ великій богословскій и этическій споръ къ навѣту двухъ замѣшанныхъ въ церковную смуту южной Галліи и враждебныхъ ему епископовъ и не усомнился косвенно высказать свое неодобреніе Августину и его послѣдователямъ за ихъ серьезное стремленіе разрѣшить споръ съ Пелагіемъ съ помощью Св. Писанія. Но Зосима на этомъ не остановился. Оправдавъ Целестія, онъ вздумалъ оправдать и самого Пелагія, и 21-го сентября 417 года писалъ по-

этому поводу африканскимъ епископамъ, что преемникъ іерусалимскаго епископа Іоанна ходатайствовалъ предъ нимъ за Пелагія и самъ Пелагій прислалъ ему оправдательное сочиненіе въ такомъ же направленіи мыслей, какъ и Целестій. Жаль, что африканскіе епископы не присутствовали при чтеніи этого сочиненія, которое вызвало радость и восхищеніе у всѣхъ присутствовавшихъ св. мужей. Они едва могли воздержаться отъ слезъ. Вездѣ въ этомъ сочиненіи упоминается о милости и о помощи Божіей; если же кто подъ этимъ разумѣетъ нѣчто иное, чѣмъ благодать, тотъ грѣшитъ противъ Св. Духа.

И въ этомъ письмѣ папа не преминулъ выставить виновниками всей смуты Героса и Лазаря. Намекая на то, что *они* выступили на Востокѣ обвинителями Пелагія, хотя по нездоровью не явились на діоспольскій соборъ для его обличенія, папа пишетъ о нихъ—что когда дѣло идетъ о полученіи епископскихъ мѣстъ, они рыщутъ по землямъ и по морямъ, а ради обвиненія шевинныхъ они пишутъ навѣты въ своей *постели* и наводятъ туманъ на всю Африку и на весь міръ. Папа призываетъ африканскихъ епископовъ къ согласію и совѣтуетъ имъ руководиться тою осторожностью, которая примѣняется даже въ свѣтскихъ судахъ.

Африканцы должны радоваться тому, что ложно ими обвиненные никогда не были отчуждены отъ тѣла церкви и католической истины. Если отецъ радуется возвращенію раскаявшагося сына, то еще болѣе слѣдуетъ радоваться возвращенію тѣхъ, которые никогда не были блудными сынами. Но африканскій епископатъ не поддался этимъ внушеніямъ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли протоколы состоявшагося въ Африкѣ собора,—но намъ извѣстенъ его результатъ. Противопоставляя папѣ авторитетъ другого папы, епископы постановили, что рѣшеніе Инноцентія должно остаться въ силѣ, пока Пелагій и Целестій не заявятъ въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ, что Божья помощь нужна человѣку не для уразумѣнія только, но и для достиженія правды. По отношенію же къ Целестію они кромѣ того требовали отъ папы, чтобы онъ принудилъ его отречься отъ всего, что онъ утверждалъ въ своемъ „заявленіи“; въ противномъ случаѣ соборъ грозилъ папѣ, который призналъ это заявленіе *яволическимъ*, считать его единомышленникомъ осужденнаго Целестія. Даже дьяконъ Паулинъ Миланскій объявилъ папѣ, что не явится въ Римъ для обвиненія Целестія, такъ какъ его дѣло уже рѣшено.

Такой неожиданный оборотъ дѣла сразу образумилъ Зосиму.

Опрометчивое высокоуміе замѣнилось у него полною растерянностью. Онъ вызвалъ къ себѣ Целестія, вѣроятно для того, чтобы побудить его къ отреченію, но тотъ не явился, а удалился изъ Рима. Тревожное состояніе Зосимы явно отразилось въ оправдательномъ письмѣ его къ африканскимъ епископамъ отъ 21-го марта 418 года. Оно представляетъ собою небывалое и неосмысленное нагроможденіе словъ, не поддающееся передаче. Прославляя апостола Петра и выводя отъ него свой авторитетъ, которому никто не можетъ противорѣчить, папа тутъ же отрывается отъ всего, что онъ писалъ раньше. Его „братія“ впала въ недоразумѣніе, полагая, что онъ во всемъ повѣрилъ Целестію безъ всякаго разслѣдованія. Онъ ничего не измѣнилъ, и дѣло Целестія остается въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось прежде.

Но Зосимъ, раньше очевидно дѣйствовавшему подъ вліяніемъ пелагианской партіи въ Римѣ, предстоили еще новыя огорченія: 30 апрѣля послѣдовалъ императорскій указъ, изданный вѣроятно по настоянію африканскихъ епископовъ, подвергавшій изгнанію изъ Рима новыхъ „еретиковъ“, — и въ тѣ же дни засѣдавшій въ Каррагенѣ многочисленный соборъ африканскихъ епископовъ съ участіемъ испанскихъ осудилъ Пелагія.

Все это побудило Зосиму совершенно порвать съ пелагианствомъ и разслать всѣмъ епископамъ окружное посланіе (*epistola tractoria*), въ которомъ, призывая главныя положенія ученія Августина о благодати существеннымъ для спасенія — *de fide* — заявилъ, что усваиваетъ себѣ 3-ій, 4-ый и 5-ый каноны послѣдняго каррагенскаго собора такъ, какъ будто бы они исходили отъ апостольскаго престола. Посланіе сопровождалось требованіемъ, чтобы всѣ епископы засвидѣтельствовали своею подписью свое согласіе съ нимъ.

Какъ же отнесся Августинъ къ этому образу дѣйствія римскаго епископа? Августинъ несомнѣнно раздѣлялъ точку зрѣнія своихъ африканскихъ собратій на дѣло Пелагія и Целестія; но онъ расходился съ ними въ оцѣнкѣ образа дѣйствія папы Зосимы. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ держалъ себя Августинъ во время пререканій между этимъ папой и африканскими епископами, но, нѣсколько времени спустя въ своей полемикѣ противъ пелагианцевъ, Августинъ выступаетъ защитникомъ папы Зосимы. Онъ оправдываетъ снисходительность этого папы къ Целестію и объясняетъ, что папа имѣлъ основаніе признать „заявленіе“ Целестія „каволическимъ“; ибо, если кто, думая иначе, чѣмъ требуетъ истина, не настаиваетъ на своемъ мнѣніи,

а по раскрытіи его заблужденія отрывается отъ него, то онъ поступаетъ, какъ истинный католикъ (*catholicae mentis est*). Вместе съ тѣмъ папа, по словамъ Августина, старался образумить Целестіа; поступая съ нимъ съ „цѣлебной медлительностью“, онъ хотѣлъ ему дать время одуматься. Отъ самъ его наставлялъ и требовалъ, чтобы онъ отрекся отъ представленныхъ его обвинителемъ Паулиномъ положеній и подчинился посланіямъ Иннокентія I къ африканцамъ по его дѣлу. Отъ перваго Целестій отказался, на второе согласился и этимъ связалъ себя. Если не удалось уладить дѣло и Целестій бѣжалъ изъ Рима, то виною этому не папа. Папа шадилъ Целестіа, цѣня его острый умъ, который въ случаѣ исправленія принесъ бы церкви большую пользу. Онъ поступилъ съ нимъ, какъ съ бѣшенымъ, несущимся въ пропасть, предпочитая остановить его своимъ окликомъ, чѣмъ рѣзкимъ приговоромъ вторгнуться въ бездну. Обвиненіе же папы Зосимы въ томъ, что онъ былъ сообщникомъ Целестіа, ни на чемъ не основано. Гдѣ же сказано въ его посланіи, что человѣкъ родится незапятнанный первороднымъ грѣхомъ? Его обращеніе съ Целестіемъ было милосерднымъ призывомъ къ исправленію, а не одобреніемъ гибельнѣйшаго заблужденія. „Папа въ Целестіѣ поощрялъ желаніе исправленія, а не лжеученія“ (*falsitas dogmatis*).

Даже то, что наиболѣе странно въ поведеніи папы Зосимы — его внезапный переходъ отъ заступничества за Целестіа и Пелагіа къ ихъ осужденію, — находитъ у Августина снисходительное истолкованіе. Онъ объясняетъ, что осужденіе, произнесенное папою надъ Целестіемъ и Пелагіемъ, происходило изъ строгости, временно отсроченной, но неизбежной, — оно не было отступленіемъ отъ равнѣ сознанной истины, не было слѣдствіемъ сознанія новой истины.

Такимъ образомъ Августинъ представляетъ поведеніе папы Зосимы по отношенію къ Целестію и Пелагію не только милосерднымъ, достойнымъ пастыря, но и *последовательнымъ*. Конечно, по этой искусной защитѣ нельзя не узнать знаменитаго учителя риторики, но нужно имѣть въ виду, что эта защита папы Зосимы, хотя и сосредоточивается около его лица, не была его личной защитой, тѣмъ болѣе, что папы Зосимы въ это время уже не было въ живыхъ. Защищая папу Зосиму, Августинъ вступался не за Зосиму, а за папу. Важно было доказать, что римскій епископъ въ эту критическую для церкви минуту не отступилъ отъ истины, что онъ не *поддался обману*. Была сдѣлана попытка ввести его въ заблужденіе, но она не удалась.

Базалось одно время, что Пелагій утверждалъ кое-что согласное съ каеодическимъ ученіемъ, — „но онъ не былъ въ состояніи обмануть до конца апостольскій престолъ“. А въ другомъ мѣстѣ Августинъ замѣчаетъ: „Пелагій ввелъ въ заблужденіе палестинскій судъ; поэтому онъ какъ будто былъ имъ оправданъ. Римскую церковь обмануть онъ не могъ“.

Совершенно отрицать происходившія въ Римѣ при Зосимѣ колебанія въ вѣрученіи, на которыя потомъ ссылались пелагианцы, Августинъ, правда, не могъ. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ихъ признаетъ, онъ явно выгораживаетъ папу. „Если же бы, пишетъ онъ, Боже упаси, въ римской церкви одобрялись и признавались тѣ ученія Целестія и Пелагія, которыя осудилъ папа Иннокентій, то клеймо отступниковъ скорѣе заслужили бы римскіе клерики (potius)“. Много же лѣтъ спустя, оглядываясь на свою литературную дѣятельность, Августинъ слѣдующимъ образомъ формулировалъ ходъ и исходъ борьбы съ пелагианствомъ: „Ересь Пелагія съ ея виновниками была обличена и осуждена епископами римской церкви, сначала Иннокентіемъ, затѣмъ Зосимомъ при содѣйствіи (соoperantibus) посланій африканскихъ соборовъ“.

Какъ изъ этого видно, Августинъ является передъ нами въ своихъ отзыхъ о папѣ Зосимѣ отнюдь не историкомъ, но богословомъ-полемистомъ. Напомнимъ, что и самые эти отзыхы заимствованы изъ полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ пелагианства. Нужно было выбить изъ рукъ искуснаго противника и борца за пелагианство, Юліана Экланскаго, два оружія—ссылку на то, что Римъ самъ поощрялъ или одобрялъ ученіе Пелагія, и обвиненіе что Римъ, осудившій затѣмъ пелагианство, совершилъ отступничество. Оба аргумента были одинаково опасны для дѣла, которое отстаивалъ Августинъ: первый — потому, что являлся сильнымъ доводомъ въ пользу ученія Пелагія, тѣмъ болѣе, что послѣдній могъ сослаться и на два восточныхъ собора; второй — потому, что подрывалъ вѣру въ стойкость ученія римской церкви и неприкосновенность апостольскаго преданія. Никто, конечно, не имѣлъ такого отчетливаго представленія о губительномъ вліяніи пелагианскаго ученія для христіанской церкви, какъ учитель благодати, и потому понятно, до какой степени было для Августина важно оберечь православность и авторитетъ римскаго престола отъ посягательствъ пелагианцевъ. Прославляя этотъ авторитетъ, Августинъ охотно забывалъ свою личную долю въ побѣдѣ надъ пелагианствомъ (quogum pars magna fuit); онъ готовъ былъ свести дѣятельность африканскихъ соборовъ на *содѣйствіе* Риму, тогда

какъ на самомъ дѣлѣ Кареагенъ, или точнѣе Гиппона, увлекли за собою Римъ. Но самое дѣло, дорогое для Августина, проиграло бы, еслибы казалось дѣломъ провинціальной церкви, не имѣвшей авторитета ни на Востокѣ, ни на Западѣ. Побѣдить пелагианство можно было только въ Римѣ, и для этого нужно было всѣхъ убѣдить, что *Римъ* поборолъ пелагианство.

Не такъ объясняютъ дѣло поборники папскаго авторитета и непогрѣшимости римскаго епископа: они выставляютъ Августина своимъ предшественникомъ и приписываютъ ему представленія позднѣйшаго ультрамонтанства. Съ этой точки зрѣнія они находятъ у него пресловутую формулу—*Roma locuta est*—*Римъ сказалъ свое слово*, и слѣдовательно вопросъ рѣшенъ. Рейтеръ съ обычной своей точностью разслѣдовалъ дѣло и вывелъ на свѣтъ кроющееся въ немъ болѣе или менѣе сознательное недоразумѣніе. Упомянутая формула не встрѣчается у Августина, и мнимая ссылка на одно изъ его сочиненій, приводимая въ доказательство противнаго—не вѣрна ¹⁾.

Успокаивая своихъ прихожанъ и совѣтуя имъ не придавать значенія толкамъ пелагианцевъ, Августинъ сказалъ: „Дѣло ихъ кончено. Опровергайте тѣхъ, кто будетъ противъ этого спорить, а упрямыхъ приводите къ намъ; ибо по этому дѣлу апостольскому престолу уже посланы постановленія двухъ соборовъ, и оттуда уже пришелъ отвѣтъ. Дѣло кончено; дай Богъ, чтобы когда-нибудь кончилось и самое заблужденіе“.

Только при предвзятой мысли можно изъ этихъ словъ проповѣдника, обращенныхъ къ собравшейся толпѣ и сказанныхъ по данному случаю,—извлечь общее, *догматическое* заключеніе въ пользу признанія папскаго верховенства въ началѣ V вѣка.

Августинъ излагаетъ своимъ слушателямъ ходъ пелагианскаго дѣла: оно разрѣшено *двумя* африканскими соборами; ихъ постановленія сообщены римскому епископу и оттуда уже полученъ (благопріятный) отвѣтъ. Дальнѣйшіе споры излишни; *дѣло кончено*, но не потому, что оно рѣшено въ Римѣ, а потому, что относительно его нѣтъ никакого разногласія между рассмотрѣнными его соборами и римскимъ епископомъ. Достаточно вспомнить образъ дѣйствія африканскаго епископа въ столкновеніи съ папой Зосимомъ, чтобы убѣдиться, что ученіе Августина о благодати отнюдь не зависѣло отъ посланій папской канцеляріи.

¹⁾ См. полемику Рейтера противъ Янсена и Эбрарда и указаніе, что въ сочиненіи Августина „*De anima*“, на которое они ссылаются, выраженія: „*Roma locuta est*“, вовсе нѣтъ.

Истоковать его слова „дѣло кончено“ въ ультрамонтанскомъ смыслѣ значило бы кромѣ того совершить великій анахронизмъ, который грѣшилъ бы въ двухъ отношеніяхъ: онъ исходилъ бы изъ невѣрнаго предположенія, будто Августинъ раздѣлялъ ученіе о главенствѣ преемниковъ св. Петра, какъ то понимали въ Римѣ; во-вторыхъ, онъ упустилъ бы изъ виду великое значеніе, какое имѣла для Августина христіанская церковь Востока. Обоихъ этихъ пунктовъ мы коснемся, но предварительно приходится выяснитъ другую сторону притязаній современныхъ Августину римскихъ епископовъ и его отношенія къ нимъ.

В. И. ГЕРЬЕ.

„ДОНЪ-ЖУАНЪ“

ГРАФА АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭТЮДЪ.

I.

Среди произведений гр. А. К. Толстого есть одно, пользующееся меньшей известностью, чѣмъ остальные. Мало было о немъ написано, и даже это малое, подчасъ весьма неблагопріятное, не стяжало вниманія читателей; а между тѣмъ надъ этимъ произведеніемъ авторъ много трудился, и оно неоспоримо заслуживаетъ тщательнаго изученія. Рѣчь идетъ о драматической поэмѣ „Донъ-Жуанъ“ [1859].

Тема этого произведенія не нова, основная идея также не вполне самобытна; но если зерно мысли поэта и зародилось подъ постороннимъ вліяніемъ, то развитіе ея, равно какъ и обрисовка характеровъ дѣйствующихъ лицъ въ ихъ окончательномъ образѣ, безусловно принадлежать гр. Толстому.

Толстой признаетъ, что мысль о созданіи „Донъ-Жуана“ зародилась въ немъ подъ вліяніемъ Моцарта и Гофмана, и онъ посвящаетъ свое произведеніе памяти этихъ двухъ своихъ вдохновителей. Въ постепенномъ и логичномъ расширеніи и развитіи этой идеи, которая въ Донъ-Жуанѣ видитъ не простого прожигателя жизни, а страждущаго идеалиста, такъ же, какъ и въ разработкѣ вопроса о возможности спасенія для этой мятежной души, и заключается главный психологическій интересъ произведенія Толстого.

Но кромѣ своеобразной психологіи, въ поэмѣ „Донъ-Жуанъ“ есть еще большая примѣсь элемента мистическаго. Въ поэмѣ

сверхъестественное связано съ судьбою героя гораздо тѣснѣе, нежели въ самой легендѣ, изъ которой заимствована фабула. Сверхъестественныя силы не только въ послѣдній моментъ направляютъ судьбу героя, но непрестанно слѣдятъ за нимъ, окружая его своимъ благимъ или злымъ вліяніемъ, и борются изъ-за него. Сильная мистическая окраска поэмы придаетъ ей особую своеобразность, и эта своеобразность остается безъ поясненія въ дальнѣйшій періодъ творчества поэта. Мистическія вѣрованія Толстого какъ бы кристаллизировались въ одной этой поэмѣ, чтобы нигдѣ уже не выразиться съ такою силой.

Другой отличительной чертой „Донъ-Жуана“ Толстого является глубина характеристики Донны-Анны, этой идеальной женщины, которая одна способна подарить Донъ-Жуана „любовью постоянной“ и спасти его отъ неминуемой гибели. Образъ спасительницы Жуана намѣчался и другими писателями, — но Ал. Толстой первый вполне обработалъ и развилъ характеръ этой оскорбленной, но любящей до конца женщины, которая пытается мстить разрушителю своего счастья, но, умирая, предостерегаетъ его отъ погибели.

Поэма гр. Ал. Толстого болѣе другихъ его сочиненій проникнута высокимъ идеализмомъ, горячей вѣрой въ окончательное торжество добра надъ зломъ и въ высшую справедливость. Въ моментъ своего появленія она круто шла въ разрѣзъ съ общественнымъ настроеніемъ и была „случайнымъ и невольнымъ протестомъ противъ практическаго направленія нашей беллетристики“. Тѣмъ не менѣе она — произведеніе не тенденціозное: „смыслъ ея былъ общечеловѣчскій, а содержаніе не только не относилось къ современнымъ вопросамъ, но заключалось именно въ любви къ прекрасному, безо всякаго примѣненія къ практической пользѣ“¹⁾; и съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ ее разсматривать. Ал. Толстой никогда не писалъ съ цѣлью „доказать“ что-нибудь, или навязать читателю свои мысли и убѣжденія; онъ творилъ, въ полномъ смыслѣ слова, изъ любви къ чистому и возвышающему душу искусству, и если въ его твореніяхъ и отразились завѣтныя его убѣжденія, то только постольку, эти идеалы были вмѣстѣ художественны и эстетичны. И нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что особенно ярко они выразились въ такомъ одухотворенномъ произведеніи, какъ „Донъ-Жуанъ“.

Должно отмѣтить и еще одну характерную черту поэмы:

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“. Письма гр. А. К. Толстого къ друзьямъ. 1895 г., кн. XI.

герой ея ничѣмъ рѣшительно не напоминаетъ ни героевъ другихъ произведеній автора, ни его самого, — до того своеобразенъ его характеръ, до того, если можно такъ выразиться, необыченъ онъ въ творествѣ нашего поэта.

Толстой очень любилъ это свое созданіе, надъ которымъ долго трудился. „Не знаю, появятся ли когда-нибудь на свѣтъ Божій „Донъ-Жуанъ“ и „Серебряный“, такъ какъ я ихъ писалъ совѣстливо и съ любовью, будто бы и не существовало цензуры“, — писалъ онъ извѣстному Б. М. Маркевичу, и на критику Маркевича по поводу характеровъ поэмы, отвѣчалъ: „Дѣло сдѣлано, я не могу его *передѣлать*, я лишь могу поправить нѣкоторыя подробности тамъ-и-сямъ. Не думайте, что самолюбіе маѣ мѣшаетъ; совсѣмъ другое. Я въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ сжилъ съ моими дѣйствующими лицами, и мнѣ невозможно ихъ себѣ представить иначе, чѣмъ какъ они мнѣ явились“. Написавъ драму, поэтъ заботится о томъ, чтобы ее узнали всѣ тѣ, чьимъ мнѣніемъ и критикой онъ дорожить, и чтобы она по возможности не потеряла, будучи прочитана вслухъ не имъ самимъ: „Я былъ бы очень доволенъ, еслибы императрица поручила вамъ прочесть ей мою драму — съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой“, — писалъ онъ Б. М. Маркевичу. — „Но, во всякомъ случаѣ, прочтите ее и скажите мнѣ все, что вы найдете, pro et contra... Если „Донъ-Жуанъ“ будетъ читаться при нѣсколькихъ лицахъ, то сдѣлайте мнѣ удовольствіе, назовите ихъ, и скажите мнѣніе cadaго, — главное, конечно, мнѣ хотѣлось бы знать мнѣніе людей компетентныхъ“. Посылая въ Россію свою драму, поэтъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ похвалы тѣхъ лицъ, которымъ онъ уже читалъ ее: „Не знаю, понравится ли „Донъ-Жуанъ“ въ Россіи, но я буду считать себя очень счастливымъ, если онъ будетъ имѣть половину успѣха, который онъ имѣлъ въ Германіи... Г-жа Павлова и нѣсколько нѣмецкихъ литераторовъ... сказали мнѣ такія вещи, которыхъ я никогда не посмѣю повторить; но, полагая, что слѣдуетъ на долю преувеличенія и доброжелательности, все-таки остается достаточно, чтобы сдѣлать меня счастливымъ и утѣшить отъ крупнаго фіаско, которое потерпѣло мое чтеніе у великой княгини Маріи Николаевны... Не могу удержаться и не процитировать одну изъ фразъ m-me Павловой, которая мнѣ показалась болѣе чѣмъ лестною. Такъ какъ сюжетъ „Донъ-Жуана“ совершенно извѣстенъ и читатель знаетъ впередъ все, что должно случиться, то она меня сравнила съ шахматнымъ игрокомъ, который заранѣе показываетъ мѣсто на доскѣ,

гдѣ онъ сдѣлаетъ мать, и который исполняетъ строго свое обѣщаніе, подвигаясь шагъ за шагомъ“.

Защищаясь отъ критическихъ нападокъ, Толстой пишетъ: „Если драма дурно сочинена, то это не оттого, что я мало о ней думалъ, или что я торопился ее окончить! Нѣтъ, далеко не то; я ее началъ или лучше сказать набросалъ — скоро будетъ уже два года, и если я не сдѣлалъ лучше, то потому что *не могу* лучше сдѣлать... Это нисколько не значить, что я считаю „Донъ-Жуана“ совершеннымъ; что же касается до передѣлки всего—это невозможно... Не обижайтесь, если я защищаюсь съ нѣкоторымъ упрямствомъ. Какъ настоящій гасконецъ, я хочу привлечь вниманіе на одно достоинство, котораго не замѣтили. Это—огромная простота начерченнаго плана и малое число дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ сатана и ангелы не считаются дѣйствующими лицами: они—хоръ“.

Еще ранѣе Толстой говорилъ: „Всякій понимаетъ Донъ-Жуана по-своему, и я становлюсь на точку зрѣнія Гофмана: вѣрующій сперва, потомъ озлобленный и скептической, столько разъ обманутой, Жуанъ не вѣритъ даже очевидности“ ¹⁾.

И дѣйствительно, изъ этого невѣрія проистекаетъ трагизмъ положенія Жуана послѣ смерти Анны, трагизмъ тѣмъ болѣе захватывающій, что невѣріе героя внушено ему не имъ самимъ, а силою обстоятельствъ, въ которыхъ онъ лишь отчасти виновенъ.

II.

Поэма Толстого, какъ всякое крупное литературное произведеніе, должна быть изучена со стороны содержанія, т. е. основныхъ идей и ихъ развитія, равно какъ и разработки характеровъ дѣйствующихъ лицъ, и со стороны формы. Чѣмъ глубже идеи, чѣмъ правдивѣе характеры, чѣмъ гармоничнѣе и цѣлесообразнѣе форма произведенія, тѣмъ оно совершеннѣе. Конечно, чѣмъ ближе стоитъ произведеніе къ началу литературной карьеры автора, тѣмъ недостаточнѣе гармонія содержанія и формы, тѣмъ чаще встрѣчаются неправильности построенія, длинноты или излишняя краткость изложенія, шероховатости языка,—недостатки, которые обыкновенно съ теченіемъ времени сглаживаются и исчезаютъ, и отъ которыхъ не вполне свободна и поэма Толстого, именно въ силу того, что она—произведеніе раннее.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, X, 1895. Письма гр. А. К. Толстого къ друзьямъ.

Поэма названа „драматической“. Во всемирной литературѣ насчитывается цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній, называемыхъ „драматическими поэмами“, которыя хотя и расчленены на дѣйствія и явленія, но не предназначаются къ театральной постановкѣ. Онѣ страдаютъ длиннотами, интересными съ точки зрѣнія психологической, но неумѣстными на сценѣ. Это своего рода картины внутренней жизни человѣка, захватывающія все вниманіе читателя, но утомляющія зрителя разсужденіями и отсутствіемъ движенія. Нельзя поэтому признать вполне правильнымъ мнѣніе тѣхъ критиковъ, которые въ этой особенности формы усматриваютъ недостатокъ всего даннаго произведенія; они забываютъ, что оно написано не для сцены, и что цѣль его — дать не живую драму, а психологическій этюдъ.

Въ общей сложности такіа драматическія произведенія съ успѣхомъ замѣняютъ романы; ихъ форма исключаетъ массу мелкихъ подробностей, неизбежныхъ во всякой другой категоріи литературныхъ произведеній, а главные моменты схвачены и переданы глубоко и тонко. Особенно благоприятнымъ является то обстоятельство, что психологія дѣйствующихъ лицъ разъясняется не отъ лица автора, а непосредственно самими героями, безъ всякой систематизаціи, несвязно, нестройно, со всѣми рѣзкими переходами и переборами мыслей и чувствъ, которые не поддаются описанію, а могутъ быть только выражены.

Въ пьесѣ, написанной для театра, мало мѣста для монологовъ и разсужденій героевъ; въ ней мысли и настроенія, ведущія къ событіямъ или поступкамъ, выражаются именно въ этихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, заставляющихъ угадывать душевное состояніе дѣйствующихъ лицъ, тогда какъ въ драматической поэмѣ центръ тяжести лежитъ въ анализѣ психическихъ движеній. Автору незачѣмъ и некуда торопиться, онъ не связанъ ни временемъ, ни мѣстомъ; герою предоставляется полная свобода размышлять, переходить отъ одного настроенія къ другому, возвращаться далеко назадъ, уноситься далеко впередъ, — однимъ словомъ, на нашихъ глазахъ развертывается не столько внѣшняя, видимая жизнь героя, сколько внутреннее его бытіе.

Форма драматической поэмы съ чисто внѣшней стороны выгодна еще и потому, что легко можетъ быть преобразована въ сценичную драму; стоитъ только внести въ нее нѣкоторыя измѣненія — выпустить кое-какія сцены и урѣзать инныя длинноты. Поэтому и „Донъ Жуанъ“, писанный, не для сцены, безъ труда попалъ на подмостки.

Всѣми этими выгодами литературной формы Толстой воспользовался.

Въ смыслѣ языка, „Донъ-Жуанъ“ менѣе совершененъ, нежели другія произведенія гр. Ал. Толстого; встрѣчаются иногда неправильныя ударенія, неправильныя окончанія; но зато въ поэмѣ есть мѣста, искупающія всѣ недостатки стиха и рѣчи, какъ, напр., погребальный хоръ монаховъ въ эпилогѣ, серенада Жуана или его прощальный романсъ къ Испаніи.

Поэма написана бѣлыми стихами, любимую драматическую формой рѣчи Ал. Толстого. Онъ находилъ, что этотъ стихъ исключаетъ многословіе, и что ритмованной рѣчью говорить сжатѣе и сильнѣе, нежели прозою.

III.

Содержаніе поэмы отличается рѣдкой глубиной и богатствомъ идей—мистическихъ, нравственныхъ и психологическихъ, рѣдкой полнотой и законченностью образовъ и тонкостью ихъ разработки.

Вопросъ о характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, въ особенности самого героя—вопросъ настолько сложный, что требуетъ извѣстной подготовки для своего изученія, но прежде чѣмъ перейти къ ней, остановимся на обзорѣ руководящихъ идей произведенія.

Въ основу драматической поэмы „Донъ-Жуанъ“ легла мысль, извѣстнѣе навѣянная Толстому, и сущность ея заключается въ коренномъ различіи между традиціонно установившимися представленіями о веселомъ Жуанѣ и тѣмъ понятіемъ, которое составилъ себѣ объ этомъ странномъ человѣкѣ русскій писатель. До Ал. Толстого, Жуана судили то какъ порочнаго, безвозвратно завоснѣлаго во грѣхахъ весельчака, то какъ развращеннаго, но все же еще способнаго покаяться и спасти свою душу человѣка; въ обоихъ случаяхъ, однако, причины, побуждавшія Жуана къ постояннымъ измѣнамъ и преступленіямъ, находили себѣ объясненіе то въ обстановкѣ и обстоятельствахъ его жизни, то въ его жадѣ наслажденій и утѣхъ; Толстой первый ясно и открыто заявилъ то, на что другіе только намекали,—а именно, что Жуанъ не удалецъ, не злодѣй, не кутила, а искатель идеала, мучительно его жаждущій, неудержимо стремящійся къ нему и въ этихъ поискахъ разрушающій и уничтожающій на своемъ пути всѣ преграды и препятствія; отсюда—его преступность. Благородныя стремленія

Жуана пагубны для него и его окружающихъ только до тѣхъ поръ, пока они ложно направлены; удайся ему понять свое положеніе и сойти со скользкаго пути, на которомъ онъ стоитъ,— его развратной жизни настанетъ конецъ, и онъ обратится въ полезнаго и добраго члена человѣческаго общества. Такое превращеніе и спасеніе Жуана возможно только въ томъ случаѣ, если онъ познаетъ, что ищетъ идеаль не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, что любовь, которой онъ предается — низменное и земное чувство, и что его идеаль и спасеніе заключаются въ чистой, возвышенной, одухотворенной, почти-что неземной любви. Для того, чтобы Жуанъ понялъ тайну своей мятежной, томительной жизни, нужно, чтобы онъ встрѣтилъ такую женщину, которая сумѣла бы подарить его „любовью настоящей“, открыть ему глаза на самого себя, и этимъ путемъ вывести его изъ пагубнаго заблужденія. Познавъ, наконецъ, истинную любовь, къ которой въ теченіе цѣлой жизни онъ стремился всѣмъ своимъ существомъ, Жуанъ раскается, заслужитъ прощеніе грѣховъ и спасется отъ конечной гибели.

Все вышезложенное составляетъ только часть идейнаго содержанія драмы. Допуская основное положеніе, что Жуанъ—идеалистъ, а потому способенъ раскаяться и обрѣсти спасеніе, мы тѣмъ самымъ ставимъ новый вопросъ: какъ и почему впалъ онъ въ роковое заблужденіе, какія причины побуждаютъ его искать идеала тамъ, гдѣ онъ его ищетъ, а не тамъ, гдѣ онъ возможенъ, и гдѣ таится его спасеніе и блаженство? Ал. Толстой отвѣчаетъ на этотъ вопросъ рядомъ сложныхъ мистическихъ идей, почерпнутыхъ частью изъ оккультическихъ сочиненій, частью изъ религиозныхъ преданій.

Не касаясь пока первой категоріи упомянутыхъ идей, мы найдемъ объясненіе внутренняго разлада Жуана съ самимъ собой въ представленіи о двухъ противоположныхъ, враждебныхъ началахъ мірозданія вообще. Богъ одѣлил Жуана высокими душевными качествами и предназначалъ ему блестящую и завидную участь, призвавъ его къ подвигамъ и благостнымъ дѣламъ. Отсюда—идеализмъ Жуана. Сатана, со своей стороны, враждуя съ Провидѣніемъ, задумалъ погубить небеснаго избранника, и погубить его именно чрезъ посредство того святого и хорошаго, что вложено Божествомъ въ его душу. Онъ увлекаетъ Жуана на ложную дорогу, обманывая и мороча его каждый разъ, когда онъ встрѣчаетъ нравящуюся ему женщину. Полный неутолимой жаждой идеала, Жуанъ въ каждой готовъ предположить наличность всѣхъ требуемыхъ совершенствъ, и горько и мучительно

разочаровывается, когда обманъ дѣлается очевиднымъ. Измученный, истомленный, онъ наконецъ озлобляется и безжалостно самъ обманываетъ и губить любящихъ его женщинъ, не переставая, однако, мечтать о достиженіи своего завѣтнаго идеала. Преступленія Жуана усиливаютъ власть Сатаны надъ нимъ и приближаютъ его къ гибели; но идеализмъ еще удерживаетъ его на краю гибели и даетъ добрымъ духамъ возможность спасти его; борьба между злымъ и добрымъ началомъ терзаетъ душу Жуана вѣчнымъ разладомъ его стремленій съ окружающей его дѣйствительностью; но все же лучшія его стороны не гибнутъ въ борьбѣ. Божество всесильно, и потому зло не можетъ не быть побѣжденнымъ; но Провидѣніе даетъ волю злу и его усиліямъ для того, чтобы собственныя Его благость и мудрость, въ силу контраста, выступали еще ярче и свѣтлѣе, — и этимъ объясняется не только существованіе, но даже польза и необходимость зла въ мірѣ. Не всѣмъ, однако, дано понимать это, и несчастный человѣческій родъ осужденъ коротать свой вѣкъ въ борьбѣ изъ-за насущнаго хлѣба; но между тѣмъ какъ брѣнное тѣло человѣка, согбенное надъ плугомъ, тяжелымъ потомъ снискиваетъ себѣ пропитаніе, бессмертный духъ его рвется въ небесную высь, стремясь освободиться отъ тягостныхъ условій дѣйствительности; человѣкъ страдаетъ всѣми страданіями—физическими и нравственными, мучаясь борьбою собственнаго духа съ собственною плотью; онъ легко можетъ утратить правый путь и погибнуть, если божественный разумъ не озаритъ его, и божественное милосердіе не поддержитъ его въ тяжкихъ испытаніяхъ. Жуанъ, какъ человѣкъ, подверженъ всѣмъ этимъ опасностямъ, а свойственныя его духу стремительность и мощь являются столь же роковыми, сколь и спасительными свойствами его души; и вотъ почему Сатанѣ сравнительно легко удается ввести въ заблужденіе и долго мучить несправимаго идеалиста.

Въ поэмѣ Ал. Толстого эти мысли проводятся въ наглядной картинѣ борьбы Сатаны со свѣтлыми духами, стоящими на стражѣ сердца Донъ-Жуана. Въ прологѣ поэмы Сатана сообщаетъ ангеламъ о своемъ намѣреніи погубить Жуана, и указываетъ средства, которыми расчитываетъ сбить его съ прямой дороги; но ангелы заявляютъ, что неуставно будутъ слѣдить за небеснымъ избранникомъ и предвѣщаютъ спасеніе Жуана, такъ какъ зло необходимо для гармоніи и совершенства мірозданія. Сатана и духи еще дважды выступаютъ передъ зрителями. Они сходятся на кладбищѣ, незадолго до нравственнаго кризиса, который долженъ рѣшить спасеніе или гибель Жуана, и тутъ выясняются всѣ

тайныя пружины душевныхъ волненій героя. Духи свѣта и духъ тьмы полемъ своей борьбы избрали самую душу Жуана; одни, въ безмолвіи ночи, пользуясь минутами его покоя, бесѣдуютъ съ нимъ, проясняя его спящія очи; изъ небесной тверди вѣщаютъ они ему тайну его жизни, показываютъ ему незримый, безтѣлесный міръ, въ которомъ таится задача его сердца, и, обновленный, Жуанъ стремится къ нимъ, и рыдаетъ, и плачетъ въ глубокой тоскѣ по этому міру красоты и святости; но другой міръ, міръ дневной тревоги, отвращаетъ его отъ спасительнаго пути, хотя и не можетъ вполне изгладить изъ его памяти небесное видѣніе; въ часы покоя Жуанъ снова отълекается на призывъ ангеловъ, и умомъ постигаетъ, и сердцемъ чувствуетъ неудачу земного стремленія, — и онъ близокъ къ спасенію.

Такое состояніе томленія и колебанія не можетъ продолжаться безконечно, — нуженъ какой-нибудь выходъ изъ положенія, и поэтъ видитъ его въ появленіи третьяго участника борьбы — таинственной астральной силы, воплощенной въ статуѣ командора; съ этого момента и до послѣдняго появленія ангеловъ и Сатаны, сверхъестественный элементъ драмы принимаетъ совершенно своеобразный мистическій оттѣнокъ; наконецъ, въ послѣднихъ словахъ ангеловъ свѣтится конечная мысль о томъ, что чистая, святая любовь, которую Жуанъ всю жизнь смутно прорывалъ вдали, теперь ему близка и понятна, и что въ ней — его спасеніе.

IV.

Богатство природы Жуана, его жажда идеала и истины, и наконецъ та извѣстность, которою пользуется легенда о Жуанѣ, невольно наводитъ на мысль о сравненіи этой легенды и ея героя съ другимъ преданіемъ и другимъ героемъ, еще болѣе извѣстнымъ во всемирной литературѣ, — а именно съ Фаустомъ. Оба эти образа стали теперь общечеловѣческимъ достояніемъ и имѣютъ міровое этическое и художественное значеніе, одинъ — благодаря сложной работѣ цѣлаго ряда выдающихся литературныхъ талантовъ, другой — потому что созданъ гениемъ. Не взирая на различіе процессовъ созданія этихъ образовъ, сходство между ними въ самомъ дѣлѣ велико, но такъ же велика и ихъ разница, коренящаяся въ самомъ различіи тѣхъ сферъ духа, въ которыхъ слагается и живетъ нравственный обликъ каждаго героя.

Не желая болѣе повторяться, мы приведемъ здѣсь вѣскольکو страницъ изъ старой статьи А. Калерта (Dr. A. Kahlert),

которому необычайно удалась трудная параллель между Фаустомъ и Жуаномъ „Если Фаустъ—пишетъ онъ — высочайшій трагическій матеріалъ для поэта, то Донъ-Жуанъ имѣетъ тоже значеніе для композитора. Этому утверженію не противорѣчатъ тотъ фактъ, что легенду о Фаустѣ пытались воспроизвести музыкально, а легенду о Донъ-Жуанѣ—поэтически; попытки эти не могли вполнѣ совладать со своей задачей. Причина этому та, что область обоихъ названныхъ искусствъ различна, что словесная рѣчь разоблачаетъ царство мысли, а музыкальная—царство чувства. Легенда о Фаустѣ принадлежитъ сферѣ мысли, легенда о Донъ-Жуанѣ—сферѣ чувства. Ихъ роднитъ то, что грѣховность человѣческой природы въ обоихъ вызываетъ трагическую гибель героя, но въ то же время особое различіе заключается въ томъ, что Фаустъ впадаетъ въ грѣхъ мысли, а Донъ Жуанъ—въ грѣхъ плоти. Духовная надменность, желавшая все познать, усвоить послѣднія причины явленій, тайну міроздавія, соблазняетъ столь же могущественно, сколь и безграничное расплываніе въ бреду чувствъ; тутъ, какъ и тамъ, удовлетвореніе только повышаетъ желаніе. Темныя силы природы, не дающія совлечь съ себя свой покровъ, противятся испытующему уму и смѣются его логической силѣ; отравляющее дыханіе совѣтъмъ неодоухотворенной чувственности несетъ смерть украшающей, осчастливливающей мечтѣ и ожесточаетъ этимъ плодотворную сторону души. Фаустъ противится допустить то, что долженъ допустить, а именно, — что его духовной силѣ, покуда она заключена въ земную оболочку, присущи необходимыя узы; Жуанъ не признаетъ, что духъ есть нѣчто независимое отъ нервовъ; оба разными путями становятся грѣшниками, въ концѣ-концовъ принимая или отталкивая предлагаемое имъ спасеніе; Фаустъ отъ гибели спасается дѣломъ, —непрестанной, весь день продолжающейся дѣятельностью; Донъ-Жуанъ глумится надъ убѣжденіемъ духа, который велитъ ему покаяться и признать, что было кощунственнымъ бредомъ отрицать присутствіе въ его груди чего-то безсмертнаго. Поэтому Фаустъ въ концѣ-концовъ спасенъ, а Донъ-Жуанъ гибнетъ. Покаяніе было бы для него тѣмъ, чѣмъ для Фауста было дѣло. Въ приглашеніи статуи на пиръ лежитъ верхъ всѣхъ беззаконій Жуана. Невидимый міръ приглашается доказать свое существованіе, принять участіе въ чувственномъ наслажденіи; лѣстница чувственного наслажденія не можетъ идти дальше этой головокружительной, обзорѣвающей бездонную пропасть высоты; матерія, вещество—вотъ все, что вообще существуетъ, а если есть еще что-нибудь, имъ противоположное.

то пусть оно проявится воздѣйствіемъ на чувства. Отсюда — ужасное содроганіе, которое испытываетъ заносчивость плоти, когда совершается чудесное, тотъ величайшій испугъ, который Моцартъ изобразилъ въ Жуановскомъ „*bizaga è inver la scena*“.

„Обѣ эти крайности грѣха должны быть разъяснены съ точки зрѣнія двухъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и соотвѣтствуютъ различному воззрѣнію на грѣхъ вообще, какъ оно сложилось въ протестантской и католической церкви. Фаустъ — протестантскій, Донъ-Жуанъ — католическій грѣшникъ. Тотъ сомнѣніемъ лишилъ себя наконецъ вѣры, а потому и знанія; этотъ отреченіемъ отъ напряженія высшихъ душевныхъ силъ также утратилъ и то, и другое. Оба ловили призракъ, блуждающій огонекъ, приводящій ихъ къ гибели. Этотъ смыслъ ясно заключается въ самихъ легендахъ, и ему соотвѣтствуетъ ихъ историческое происхожденіе. Испанское преданіе, возникшее на почвѣ католицизма, дышитъ зноемъ юга; нѣмецкое, сложившееся въ вѣкъ реформаціи, не отрицаетъ сѣвернаго отвлеченнаго направленія. Наконецъ, художественная обработка обѣихъ темъ не есть дѣло одного и того же искусства. Легенда о Донъ-Жуанѣ — болѣе чувственнаго, легенда о Фаустѣ — болѣе духовнаго характера. Душевную жизнь Жуана можетъ изобразить въ соотвѣтствующихъ краскахъ только музыка, а жизнь Фауста — только поэзія“...

Ал. Толстой при созданіи своего Жуана думалъ надъ этой параллелью: во всякомъ случаѣ, влияніе Гёте несомнѣнно, и въ Жуанѣ Толстого не мало Фаустовскаго элемента, по основной легендѣ ему мало свойственнаго. При внимательномъ разборѣ поэмы Толстого найдется много сходнаго въ характерѣ Жуана и Фауста. Главное сходство — въ стремленіи обоихъ къ чему-то высшему, къ вѣчной истинѣ. Чтобы достичь своей цѣли, оба не останавливаются ни передъ какими усиліями; Фаустъ до самыхъ основъ изучаетъ всѣ человѣческія науки, — и не удовлетворенъ; Жуанъ безпечно расточаетъ свои, сначала искреннія и глубокія чувства — и тоже утомленъ и разочарованъ. Жуанъ, подобно Фаусту, близокъ одно мгновеніе къ самоубійству, и подобно ему отказывается отъ этой мысли, хотя и на другихъ основаніяхъ; Фаустъ съ отчаянія продаетъ себя аду — Жуанъ и небесныя и адскія силы готовъ вызвать на бой, когда одолеваетъ его порывъ отчаянія. Оба они — баловни природы, одарившей ихъ щедрѣе прочихъ людей; оба размышляютъ о загадкѣ жизни и тайнѣ бытія, хотя Жуанъ и не заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, какъ Фаустъ; но все же и тутъ видно ихъ сходство; Жуанъ Толстого, выражаясь терминологіей Калерга, такой же протестантскій

стантъ, какъ и Фаустъ, по примѣру котораго онъ не даетъ коснѣть въ рутинѣ высшимъ своимъ духовнымъ силамъ, свободно и индивидуально рассуждая о религiи, оставаясь чуждымъ католическаго фанатизма, требуя свободы разума и совѣсти, и т. п. — однимъ словомъ, это младшiй братъ Фауста.

Но въ Жуанѣ Ал. Толстого не одинъ лишь Фаустъ нашелъ свое перевоплощенiе; въ немъ слились всѣ предшествующiе типы этого героя; его натура — какъ бы итогъ всѣхъ характерныхъ чертъ, отмѣченныхъ и разработанныхъ въ немъ когда-либо другими авторами; въ немъ чувствуешь силу духа и твердость воли Мольеровскаго героя, узнаешь просвѣтленнаго грѣшника Меримѣ, замѣчаешь даже иныя черты, свойственныя героямъ Байрона. Поэтому для полнаго пониманiя и всесторонней оцѣнки личности Жуана въ изображенiи Ал. Толстого слѣдуетъ, хотя бы вкратцѣ, пересмотрѣть созданiя его ближайшихъ предшественниковъ, на ту же тему. Въ нашей литературѣ вопросъ объ историческомъ развитiи типа Жуана почти не затрагивался, а между тѣмъ разъясненiе его очень важно для опредѣленiя литературной стоимости поэмы Толстого.

V.

Содержанiе поэмы гр. Ал. Толстого заимствовано изъ испанской легенды, возникшей еще въ глубинѣ среднихъ вѣковъ. Существуютъ двѣ версии этой легенды. По одной изъ нихъ, сложившейся въ Севильѣ, герой преданiя, Донъ-Жуанъ Тенорю, велъ распутную, преступную жизнь. На душѣ его, въ числѣ другихъ преступленiй, тяготѣло убiйство одного командора; въ минуту безразсудной заносчивости онъ оскорбилъ словами его статую, которая и низринула его въ преисподнюю.

Вариантъ данной легенды рассказываетъ, что распутному Жуану (а по другимъ источникамъ — Эмануялу) де Маранья однажды было видѣнiе: ему почудилось, что онъ присутствуетъ на собственныхъ своихъ похоронахъ, и это такъ потрясло его, что онъ раскаялся и кончилъ жизнь въ монастырѣ, пребывая непрестанно въ постѣ и молитвѣ.

Можно съ точностью прослѣдить исторiю этихъ двухъ типовъ Жуана въ произведенiяхъ западной словесности. Первымъ, кто писалъ о Жуанѣ, былъ, по имѣющимся свѣдѣнiямъ, испанецъ Тирсо де Молино. Монахъ, скрывавшiйся подъ этимъ псевдонимомъ, получилъ отъ своего духовнаго начальства раз-

рѣшеніе напечатать свою пьесу въ назиданіе читателямъ, и ограничился тѣмъ, что пересказалъ севильскую легенду о Жуанѣ Теноріо. Вслѣдъ за нимъ, этимъ предаіемъ завладѣли странствующія труппы уличныхъ актеровъ, которые и занесли его въ Италію, гдѣ въ возникшей подъ его вліяніемъ „Арлекинадѣ“ главный интересъ сосредоточился уже не на самомъ героѣ, а на комическомъ его спутникѣ; впоследствии Гольдони сънова переработалъ испанскій сюжетъ, придерживаясь легенды о Жуанѣ Теноріо. Ею же воспользовался во Франціи Мольеръ, создавая свою знаменитую комедію, навлекшую на него такое негодованіе его современниковъ. Вслѣдъ за Гольдони, аббатъ Да-Понте написалъ своего „Il Dissoluto punito“, послужившаго либретто къ извѣстной Моцартовской музыкѣ. Текстъ оперы повторяетъ традиціонныя преступленія и гибель Жуана, но въ самой музыкѣ уже чувствуется нѣчто особенное, какой-то возвышенный трагизмъ, доселѣ чуждый жизнеописанію героя. Съ момента появленія Моцартовской музыки, въ литературѣ замѣчается постепенный переходъ отъ легенды о Жуанѣ Теноріо къ преданію о жизни Жуана де Маранья; средней стадіей на этомъ пути развитія сюжета является „Донъ-Жуанъ“ Гофмана, такъ сильно повліявшій на Ал. Толстого, а завершеніе упомянутаго переходнаго періода мы находимъ въ длинной повѣсти Меримэ, озаглавленной „Души Чистилища“.

Сюжетъ о Донъ-Жуанѣ возбудилъ интересъ писателей не только испанскихъ, итальянскихъ и французскихъ, но нѣмецкихъ, русскихъ, англійскихъ и другихъ. Среди новѣйшихъ изъ нихъ слѣдуетъ особенно упомянуть о Граббе, Ленау, Мюссе и Пушкинѣ, сильно видоизмѣнявшихъ типъ героя и подчасъ вовсе не придерживавшихся основной легенды.

Ал. Толстой воспользовался для своей поэмы обѣими версиями легенды; статуя командора является къ оскорбленному ее Жуану Теноріо, — но не губить его; онъ спасается въ монастырскомъ уединеніи, какъ Жуанъ де Маранья.

Что Донъ-Жуанъ — историческая личность, это весьма вѣроятно; говорятъ, что онъ былъ другомъ и неизмѣннымъ товарищемъ всѣхъ походовъ короля кастильскаго, Педро Жестокаго, царствовавшаго во второй половинѣ XIV вѣка. Но ужасный конецъ его есть, разумѣется, плодъ народной фантазіи. Если Жуанъ дѣйствительно существовалъ, то слухъ о немъ, проникнувъ въ темную массу невѣжественнаго народа, долженъ былъ разростись въ огромную повѣсть о цѣломъ рядѣ совершен-

ныхъ имъ чудовищныхъ преступленій, за которыя онъ былъ осужденъ на вѣчныя мученія.

Преданіе о томъ, какъ приговоръ надъ преступникомъ исполнила оскорбленная имъ статуя, не есть измышленіе испанской народной фантазіи; уже одна эллинская легенда рассказываетъ, какъ статуя убила человѣка, осмѣлившагося оскорбить ее. Существуетъ, кромѣ того, цѣлый рядъ легендъ и преданій объ оживаніи статуй. Очень возможно, что кто-нибудь пустилъ слухъ о томъ, что Донъ-Жуанъ погибъ отъ руки каменнаго командора, а народъ, уже знакомый по легендамъ съ мстью оскорбленныхъ изваяній, повѣрилъ и закрѣпилъ этотъ слухъ въ своемъ пересказѣ.

Такимъ образомъ, вокругъ историческаго факта — существованія порочнаго и распутнаго Донъ-Жуана — возникъ цѣлый рядъ преданій, толковъ, рассказовъ, которые съ теченіемъ времени становились все фантастичнѣе, пока не приняли наконецъ той окончательной формы легенды, въ которой дошли и до насъ.

Легенда эта была необыкновенно живуча, вѣроятно потому, что и у другихъ народовъ существовали преданія, по типу своему напоминавшія Донъ-Жуана. Популяризаціи и распространенію легенды въ болѣе широкихъ размѣрахъ способствовалъ интересъ къ ней писателей. Въ ихъ рукахъ испанская народная легенда перерабатывалась на всѣ лады, дополнялась и видоизмѣнялась соотвѣтственно фантазіи авторовъ; характеръ героя развивался и выяснялся въ зависимости отъ того, къ какой эпохѣ принадлежалъ писатель, какую идею онъ вносилъ въ свое произведеніе, которою изъ двухъ извѣстныхъ легендъ онъ пользовался. Если прослѣдить судьбу легенды въ этихъ обработкахъ, то окажется, что первыя переработки придерживаются первой ея версіи, а именно изображаютъ гибель героя и низверженіе его въ адъ каменной статуей командора, и лишь послѣднія останавливаются на второй версіи и даютъ своему Донъ Жуану возможность и средства къ покаянію. Въ первыхъ произведеніяхъ о Донъ-Жуанѣ проводится мысль о неизбѣжномъ возмездіи за всѣ поступки и дѣянія человѣка; характеръ героя еще сравнительно простъ и ясенъ; но въ связи съ тѣмъ, какъ усложняется міровоззрѣніе авторовъ послѣдующихъ столѣтій, измѣняется и пониманіе характера Донъ-Жуана. Авторы стремятся какъ можно убѣдительнѣе объяснить необходимость казни, обрушивающейся на главу ихъ героя; поэтому они изображаютъ его все болѣе и болѣе преступнымъ и развращеннымъ, и то, что въ его характерѣ у нѣкоторыхъ писателей объяснялось молодостью, неопытностью, неумѣньемъ обуздывать собственные стремленія,

то теперь объясняется его мировоззрѣніемъ, его моральными теоріями. Появляется рядъ произведеній, занимающихся развитіемъ и изложеніемъ этихъ теорій и мировоззрѣній; вмѣстѣ съ тѣмъ углубляется, развивается и одухотворяется характеръ героя произведенія. Въ немъ начинаютъ видѣть искателя идеала, человѣка съ благородными, но превратно направленными стремленіями,— и тутъ на помощь является легенда о Жуанѣ Маранья. Сперва она почти безъ измѣненій входитъ въ новыя произведенія, потомъ и она подвергается переработкѣ. Сперва Донъ-Жуана спасаетъ видѣніе собственныхъ похоронъ; потомъ авторы заставляютъ души его предковъ молиться объ его спасеніи; затѣмъ появляется въ его произведеніяхъ образъ одной души — чистой и праведной, молящейся о гибнущемъ грѣшникѣ и даже жертвующей своимъ блаженствомъ для его искупленія. Сперва эта душа—самъ ангель-хранитель Жуана, принявшій человѣческій обликъ, потомъ уже настоящая смертная женщина, всю жизнь любившая злодѣя, погубленная имъ и все-же вѣрная своему чувству до самопожертвованія. Такова идеальная Донна-Анна Толстого.

VI.

Пьеса Тирсо де Молино является первымъ письменнымъ документомъ о Донъ-Жуанѣ. Здѣсь Донъ-Жуанъ — просто молодой, не сдерживаемый опытомъ и разумомъ человѣкъ, стремящійся къ одному только наслажденію любовью во всемъ ея разнообразіи; онъ хитеръ, лживъ, изворотливъ, самоувѣренъ, энергиченъ, храбръ, ловокъ, красивъ, въ высшей степени непостояненъ. Всѣ эти черты, заимствованныя изъ ходячей легенды, повторяются во всѣхъ почти послѣдующихъ произведеніяхъ и составляютъ какъ бы основу характера Жуана, на которой свободно можетъ разыгрываться творческая изобрѣтательность писателей.

Драма Тирсо де Молино пользовалась въ свое время большой популярностью, и содержаніе ея до сихъ поръ не забыто. Оно не сложно. Въ Севильѣ Жуанъ явился къ Изабеллѣ на свиданіе вмѣсто ожидаемаго ею Октавіо; обманъ открывается, и Жуану удается спастись только благодаря тому, что явившійся арестовать его севильскій губернаторъ приходится ему дядей. Жуанъ бѣжитъ въ Кастилію, гдѣ находитъ убѣжище; король хочетъ даже женить его на дочери одного изъ своихъ приближенныхъ—Аннѣ. Но Жуанъ между тѣмъ успѣлъ увлечь и обмануть простую рыбачку Тизбу, которая въ отчаяніи ищетъ его

повсюду. Отецъ Жуана, Діаго, узнавъ о томъ, что случилось въ Севильѣ, разоблачаетъ продѣлки своего сына, и король отказываетъ Жуану въ руку Анны. Жуану удается, однако, обмануть доверчиваго возлюбленнаго Анны, маркиза де ла Мота, и проникнуть къ ней; отецъ Анны вступаетъ за оскорбленную дочь— и гибнетъ въ поединкѣ; подозрѣніе въ его убійствѣ падаетъ на маркиза, котораго арестуютъ; между тѣмъ Жуанъ является на сельскую свадьбу, отбиваетъ у Патриціо его невѣсту, которой страшными клятвами клянется, что женится на ней, смѣется надъ преслѣдованіями Тизбы и Изабеллы, и наконецъ приглашаетъ на ужинъ статую убитаго имъ отца Анны. Статуя приходитъ и зоветъ его къ себѣ на отвѣтный пиръ, на который Жуанъ идетъ, хотя внутренно все же робѣетъ. Мѣра его злодѣяній давно завершилась, и онъ проваливается вмѣстѣ со статуей; такимъ образомъ, всѣ обманутыя имъ отомщены; маркизъ женится на Аннѣ, Октавіо на Изабеллѣ, а король благодаритъ Бога за справедливую кару злодѣя.

Идея пьесы ясна: это—необходимость и неизбежность наказанія за проступки человѣка, и характеры дѣйствующихъ лицъ пока не осложнены никакими тонкими психическими мотивами.

VII.

То же слѣдуетъ сказать и о первой итальянской обработкѣ сюжета. Въ ней Жуанъ ничѣмъ не отличается отъ героя Молино, и только комическая личность слуги является нововведеніемъ; въ пьесѣ выступаютъ почти все тѣ же лица: Изабелла, Октавіо, Донна-Анна, обманутая рыбка; впервые упоминается списокъ жертвъ Жуана; содержаніе переработки почти тождественно съ содержаніемъ испанской драмы: Донъ-Жуанъ хитростью проникаетъ къ Изабеллѣ и Аннѣ, убиваетъ ея отца, статую котораго впоследствии приглашаетъ на ужинъ; статуя зоветъ его къ себѣ на пиръ и увлекаетъ пераскаяннаго грѣшника въ адъ, гдѣ его давно уже ждутъ лютыя муки, а Октавіо женится на Аннѣ.

Эта обработка драмы Молино сама по себѣ мало замѣчательна; но черезъ ея посредство легенда о Жуанѣ проникла во Францію, гдѣ ею заинтересовался Мольеръ.

Строго говоря, комедію Мольера трудно назвать комедіей, такъ какъ комическаго въ ней мало, исключая развѣ нѣкоторыхъ выходокъ Сганарелля, да разговора Пьеро съ Шарлотой. „Донъ-

Жуанъ“ или „Каменный Пиръ“ („Festin de Pierre“) — вѣрнѣе, драма, подчасъ очень глубокая и серьезная; въ ней есть мѣста и положенія прямо трагическія: несчастная, обманутая Эльвира, вызывающая сочувствіе окружающихъ своей неизмѣнною любовью къ недостойному мужу; старикъ отецъ, угнетенный и возмущенный порочной жизнью единственнаго, вымоленнаго у Бога сына, съ такою готовностью вѣрящій его исправленію и съ такою любовью его прощающій, — это лица, которымъ нѣтъ мѣста въ легкой, веселой пьесѣ. А между тѣмъ современники и даже послѣдователи Мольера не признавали за этой пьесой серьезнаго литературнаго значенія, преслѣдовали ее узкой и недоброжелательной критикой, и добились того, что она впервые въ печати появилась много лѣтъ спустя послѣ смерти ея автора.

Сюжетъ Мольеровскаго „Донъ-Жуана“, за небольшими отступленіями — стереотипный сюжетъ: Жуанъ влюбляется и измѣняетъ, похищаетъ Эльвиру изъ монастыря, женится на ней и бросаетъ ее, общается Шарлотѣ и Матюринѣ жениться на нихъ, насмѣхается надъ вѣрой, совѣстью, долгомъ, потомъ вдругъ прикидывается обращеннымъ, раскаявшимся, но только для того, чтобы грѣшнить еще болѣе; упорно стоитъ онъ на своемъ невѣріи, оскорбляетъ статую, смѣется надъ небесными знаменіями, и гибнетъ, наконецъ, поглощенный бездной. Но дѣло не столько въ содержаніи, сколько въ образѣ самого Жуана. Конечно, въ Мольеровскомъ героѣ изображенъ отчасти современный автору французскій дворянинъ, — пустой, франтоватый, расточительный, щепетильный въ мелочахъ, касающихся личной его чести, но не заботящійся о чести другихъ, презирающій низшихъ, равнодушный къ убійству, если оно совершено на дуэли, съ соблюденіемъ правилъ приличія и чести; но даже за вычетомъ этихъ свойствъ Жуанъ Мольера отличенъ отъ оригинала Тирсо де Молино. Это не пылкій, безразсудный молодой южанинъ, бросающійся, очертя голову, въ самый омутъ бурныхъ житейскихъ наслажденій, повинующійся импульсу мгновенья и не разсуждающій о своихъ поступкахъ и ихъ послѣдствіяхъ; напротивъ, это человѣкъ съ опредѣленными, установившимися взглядами и убѣжденіями; у него есть отвѣты и доводы на всѣ вопросы Сганарелля. Онъ непостояненъ въ любви — потому, говоритъ онъ, что постоянство смѣшно: „Хороша штука — навѣки похоронить себя въ одной страсти и съ молодости умереть для всѣхъ другихъ красотъ, которыя могутъ поразить наши глаза! Нѣтъ, нѣтъ; всѣ красавицы имѣютъ право очаровывать насъ, и преимущество быть встрѣченной первой не должно отнимать у другихъ тѣхъ справедли-

выхъ притязаній, которыя всѣ онѣ имѣютъ на наши сердца. Что до меня, то красота восхищаетъ меня вездѣ, гдѣ я ее нахожу, и я легко уступаю сладостному насилію, которымъ она насъ увлекаетъ. Пускай я связанъ — любовь моя къ одной красавицѣ не принуждаетъ моей души быть несправедливымъ къ другимъ; я сохраняю глаза, чтобы видѣть достоинства всѣхъ, и каждой отдаю почтеніе и дань, въ которымъ насъ обязываетъ природа. Какъ бы то ни было, я не могу отказывать въ моемъ сердцѣ всему, что я вижу достойнаго любви, и коль скоро красивое лицо проситъ его у меня, — будь ихъ у меня десять тысячъ, я всѣ бы отдалъ... Нѣтъ ничего, что могло бы остановить стремительность моихъ желаній, я чувствую въ себѣ сердце, способное любить всю землю, и, какъ Александръ, я желалъ бы, чтобы были другіе міры, чтобы и на нихъ простереть мои любовныя завоеванія“.

Донъ-Жуанъ находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы наблюдать, какъ его волѣ удается шагъ за шагомъ подчинить себѣ волю женщины; но разъ цѣль достигнута—чего же еще желать? Прелесть борьбы и побѣды исчезаетъ, и приходится искать новыхъ встрѣчъ и новыхъ трудностей. Свою волю Донъ-Жуанъ Мольера ставитъ выше всего, и въ жизни руководится только ею. Сопротивленіе ей выводитъ его изъ себя; онъ ежеминутно грозитъ Сганареллю, когда тотъ пробуетъ возразить или перечить ему, но въ то же время онъ умѣетъ цѣнить твердость воли нищаго, не желающаго грѣшнымъ способомъ заработать ту золотую монету, которою онъ его соблазняетъ.

Донъ-Жуанъ ни во что и ничему не вѣритъ; онъ смѣется, когда при немъ упоминаютъ о небѣ, адѣ, Богѣ, чортѣ, загробной жизни, и прямо заявляетъ, что вѣритъ только тому, что „два и два четыре, а четыре и четыре восемь“. Въ общемъ, онъ не склоненъ къ философствованію, и не задается вопросами о томъ, отчего въ жизни то или другое такъ, а не иначе; ему кажется, что онъ все понимаетъ и знаетъ, и онъ только одинъ разъ теряетъ присутствіе духа—при встрѣчѣ со статуей. „Есть въ этомъ что-то такое, чего я не понимаю“,—говоритъ онъ, но въ этихъ словахъ нѣтъ и намека на какое либо желаніе покаяться; напротивъ того, послѣ появленія статуи Жуанъ представляется обращеннымъ, богохульствуетъ и глумится надъ богомъ еще болѣе прежняго.

Готовый любить все земное, Жуанъ, однако, недоступенъ никакимъ мягкимъ чувствамъ; родителей своихъ онъ не любитъ, о матери и не вспоминаетъ, надъ отцомъ издѣвается и желаетъ

ему поскорѣй умереть. Сганарелли заставляетъ уступить ему свое платье, когда ему самому грозитъ опасность, и убѣждаетъ его, что „блаженъ слуга, имѣющій славу умереть за своего господина“. Но со всѣмъ этимъ, видя, что трое напали на одного, онъ спѣшитъ ему на выручку, рискуя своей жизнью.

Тирсо де Молино намѣтилъ общія черты характера Жуана—Мольеръ разработалъ ихъ подробнѣе. Въ изображеніи Мольера Жуанъ—негодяй, но негодяй съ убѣжденіями, мужествомъ, непреклонной волей, безъ колебаній, безъ сомнѣній, идущій къ своимъ цѣлямъ, человекъ съ порочной, развращенной, но богатой и цѣльной натурой,—образъ сильный.

VIII.

Рядомъ съ произведеніемъ Мольера пьеса Гольдони производитъ впечатлѣніе чего-то слабого и довольно безцвѣтнаго; интрига отступаетъ отъ текста легенды—въ томъ, что статуя командора никакой роли не играетъ; Жуанъ ея не оскорбляетъ, и погибаетъ не отъ ея руки, а отъ молвіи, которая поражаетъ его среди всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. На сценѣ всѣ три героини, — но онѣ играютъ ничтожную роль. Одна Донна-Анна заслуживаетъ вниманія тѣмъ, что, повидимому, любитъ Жуана, прощаетъ ему его обиды, и даже проситъ тѣнь своего отца заступиться за Жуана. Самъ Жуанъ нѣсколько отличается отъ типа Молино и Мольера: тогда какъ герой послѣдняго постепенно и систематично овладѣваетъ сердцемъ привлечшей его женщины, наслаждаясь именно этой медленностью и постепенностью, Жуанъ Гольдони не знаетъ преградъ и удержу, и доходитъ до того, что съ кинжаломъ бросается на Донну-Анну, чтобы вынудить ее на взаимность. Но кромѣ того, въ самомъ концѣ пьесы, онъ выказываетъ неожиданное и странное настроеніе, чуть-что не малодушіе: неаполитанское правительство требуетъ его выдачи, является стража, чтобы его арестовать; и Жуанъ, въ отчаяніи, умоляетъ Карино, оскорбленнаго имъ жениха Элизы, убить его. Это не похоже на гордаго и смѣлаго Жуана испанскаго и французскаго, — того Жуана, который еще ни разу не блѣднѣлъ передъ опасностью, не покорялся даже высшимъ силамъ мірозданія и съ высокомѣрнымъ спокойствіемъ шелъ на встрѣчу ожидавшему его возмездію; или онъ боится позора, которымъ покроетъ его казнь отъ руки палача? Судьба Жуана какъ будто рѣшена—его ждутъ судъ и

кара за его злодѣянія, оскорбленныя и обманутыя имъ жертвы будутъ отомщены; но вдругъ сверкаетъ молнія и поражаетъ его. Почему и зачѣмъ? Развѣ затѣмъ только, чтобы спасти его отъ рукъ земного правосудія. Во всякомъ случаѣ, развязка не обоснована, такъ какъ ничего сверхъестественнаго во всей пьесѣ не встрѣчается, развѣ выпущенъ весь эпизодъ съ „Каменнымъ Гостемъ“. Содержание произведенія, конечно, только потеряло отъ отсутствія этого мрачнаго эффекта.

Слабой по замыслу и по выполнению пьесѣ Гольдони слѣдуетъ противопоставить рассказъ Меримэ, чтобы увидеть, какъ изъ простой народной легенды можно создать психологически глубоко мотивированную повѣсть.

Меримэ въ „Душахъ Чистилища“ подробно пересказываетъ легенду о Донъ-Жуанѣ де Маранья, котораго рѣзко отличаетъ отъ личности Жуана Теноріо.

Его Жуанъ — сынъ знатныхъ и по-своему добродѣтельныхъ людей; отецъ его — храбрый рыцарь, прославившійся въ борьбѣ съ маврами, а мать — благородная дѣвица именитаго рода, красивая и богатая. Сына своего они воспитали, какъ того требовало его богатство и положеніе въ свѣтѣ, — т.-е., съ дѣтства предоставили ему полную свободу во всемъ; никто не смѣлъ противиться его желаніямъ, а родители старались только привить ему свойственныя имъ самимъ мужество и набожность. Мать учила его молитвамъ, читала и рассказывала ему легенды изъ жизни святыхъ, а отецъ училъ его владѣть оружіемъ и похвалялся о подвигахъ славнаго Сиды и собственныхъ своихъ побѣдахъ. Покой отца, убранный щитами, пледами, копыями и всякимъ оружіемъ, возбуждали въ немъ воинственность; въ покояхъ матери — особенно въ ея молельнѣ — на мальчика вѣяло мистическимъ духомъ католическаго благочестія, проникнутаго ужасомъ передъ адскими муками и экстагическимъ восхищеніемъ передъ утѣхами рая. Среди религиозныхъ изображеній, украшавшихъ стѣны молельни, мальчика всегда поражала и привлекала картина, изображавшая чистилище и его мытарства. На днѣ темной пещеры мучились грѣшныя души, но ангелъ протягивалъ свою спасающую руку одной душѣ, удостоившейся очищенія. Мать Жуана говорила, что это — душа одного изъ предковъ отца Жуана, за котораго онъ много молился, и ради избавленія котораго отъ мученій дѣлалъ богатые вклады въ церкви и монастыри; она увѣщевала сына — по примѣру отца, заставлять священниковъ читать мессы и молиться за ея душу, когда она умретъ и будетъ терзаться въ чистилищѣ. Рассказъ этотъ всегда произво-

дидь на Жуана потрясающее впечатлѣніе, и онъ нерѣдко всѣ свои карманныя деньги жертвовалъ на обѣды по душамъ бѣдныхъ усопшихъ, за которыхъ некому было молиться.

Подъ такими впечатлѣніями росъ Жуанъ до восемнадцатилѣтняго возраста, когда отецъ послалъ его въ университетскій городъ Саламанку, гдѣ онъ долженъ былъ дополнить свое образованіе; мать снабдила его всевозможными образками и ладанками, научила многимъ чудодѣйственнымъ молитвамъ, а отецъ вручилъ ему завѣтный мечъ, съ наставленіемъ—никогда первымъ не обнажать его, но зато и не вкладывать его обратно въ ножны равнѣ, чѣмъ выйдетъ изъ боя побѣдителемъ, а паче всего беречь свою честь и честь своего рода. Снабженный этими наставленіями, ничего почти не знающій по-латыни, но свѣдущій во всемъ, что касалось богослуженія, и превосходно владѣющій какъ длинной, острой шпагой, такъ и двуострымъ боевымъ мечомъ, юноша отправился въ Саламанку, гдѣ заслужилъ любовь и расположеніе товарищей и преподавателей своимъ усердіемъ и прилежаніемъ.

Среди новыхъ товарищей Жуана былъ одинъ молодой дворянинъ,—донъ-Гарсія Новарро,—про котораго ходили странные слухи. Онъ былъ сыномъ друга стараго графа Маранья, и въ дѣтствѣ страдалъ какою-то необъяснимой болѣзью, которую тщетно пытались излечить самые знаменитые медики. Родители больного возили его по разнымъ мѣстамъ для поклоненія чудотворнымъ святынямъ, чая найти исцѣленіе, но напрасно. Кончилось, по рассказамъ студентовъ, тѣмъ, что отецъ Гарсіи, отчаявшись въ помощи свыше, воскликнулъ однажды, обращаясь къ изображенію архангела Михаила: „Такъ какъ ты не хочешь спасти моего сына, то я погляжу, не обладаетъ ли бѣльшимъ могуществомъ тотъ, кто лежитъ у тебя подъ ногами!“ Мальчикъ выздоровѣлъ. Рассказы товарищей чуть было не оттолкнули набожнаго Жуана отъ Гарсіи; но тотъ сумѣлъ своимъ пристойнымъ и внимательнымъ поведеніемъ въ церкви усыпить непріязненные чувства юноши, и они сдѣлались неразлучными друзьями. Мало-по-малу Жуанъ вполне подпалъ подъ вліяніе Гарсіи, забросилъ науку, сталъ кутить, играть, задавать серпады и однажды, въ столкновеніи подъ окнами любимой имъ Терезы, убилъ своего соперника. Это первое убійство тяжелымъ гнетомъ пало ему на душу: „О, Гарсія, какъ ужасно убить своего ближняго!“—говорилъ онъ другу, но похвалы и лесть товарищей, превозносившихъ его храбрость и ловкость, его утѣшили, а любовь къ Терезѣ и вовсе отвлекла его отъ мрачныхъ мыслей. Впрочемъ,

постоянство ему скоро надоѣло,—онъ измѣнилъ Терезѣ ради ея сестры, убилъ ихъ отца, и вынужденъ былъ покинуть Саламанку. Гарсія послѣдовалъ за нимъ, и оба они отправились воевать во Фландрію, гдѣ скоро отличились и заслужили повышение въ чинахъ. Они продолжали отличаться и на другихъ поприщахъ, и ни одна красавица не избѣжала ихъ сѣтей, а мужьямъ и братьямъ плохо приходилось въ поединкахъ съ искусными и безжалостными противниками.

Въ одной стычкѣ съ непріателемъ предводитель отряда, въ которомъ служили донъ-Жуанъ и Гарсія, старикъ Гомара, былъ смертельно раненъ; вблизи не было священника, чтобы напутствовать его, а Гарсія въ насмѣшку предложилъ ему фляжку съ виномъ вмѣсто молитвенника. Гомара обратился къ Жуану, подарилъ ему кошелекъ со всѣми своими деньгами и просилъ, чтобы онъ велѣлъ отслужить по немъ нѣсколько заупокойныхъ обѣдѣнъ, что тотъ обѣщалъ исполнить. Но въ тотъ же вечеръ, слѣдуя наущеніямъ пріятеля, онъ проигралъ до послѣднаго гроша не только собственные деньги, но и содержимое подареннаго ему Гомарой кошелька. „Чортъ поberi душу Гомары!“ — сказалъ онъ къ тому же. На слѣдующее утро, проѣзжая по полю битвы мимо трупа старика, Жуанъ ужаснулся,—до того обезображено было лицо умершаго,—вѣроятно, предсмертными мученіями; онъ велѣлъ похоронить его; прохожій капуцинъ сотворилъ надъ нимъ молитву, а старый солдатъ тайкомъ сунулъ монаху горсть денегъ за поминъ души своего начальника. Все это произвело-было на Жуана нѣкоторое впечатлѣніе,—онъ еще вѣрилъ въ существованіе души и чистилища, и мысли объ этомъ иногда его мучили; но Гарсія все смѣялся и смѣялся... Наконецъ, этотъ Гарсія былъ убитъ, и убійца его скрылся. Жуанъ искренно оплакалъ друга, и даже на время какъ будто исправился; но дурныя склонности его души заговорили въ немъ съ новой силой, и онъ, по смерти родителей, вернулся въ Севилью, чтобы съ необычайнымъ блескомъ продолжать тамъ свою распутную жизнь.

Постигшая его болѣзнь не образумила его; во время выздоровленія онъ отъ скуки занялся составленіемъ списка своихъ жертвъ, и не могъ вспомнить всѣхъ,—такъ ихъ было много. Пріятель, которому онъ показывалъ этотъ списокъ, замѣтилъ, что среди наполнявшихъ его именъ не было имени ни одной монахини, и Донъ Жуанъ рѣшился во что бы то ни стало пополнить такой пробѣлъ. Онъ перебывалъ во всѣхъ женскихъ монастыряхъ Севильи, куда не нашелъ, наконецъ, приглянувшейся ему отшельницы. Каково было его удивленіе, когда онъ узналъ въ

ней свою первую возлюбленную—Терезу. Онъ сталъ всячески преслѣдовать ее, добился того, что вступилъ съ нею въ переписку, увѣрилъ, что никогда не забываетъ ея, и наконецъ убѣдилъ Терезу бѣжать изъ монастыря. Онъ все приготовилъ къ побѣгу, и ожидалъ только назначеннаго часа, чтобы явиться къ монастырской стѣнѣ, какъ съ нимъ произошло нѣчто странное и ужасное, что совершенно измѣнило всѣ его намѣренія.

Онъ провелъ передъ тѣмъ нѣсколько дней въ своемъ родовомъ замкѣ близъ Севильи, и его сызнова и еще сильнѣе прежняго поразила знакомая картина въ молельнѣ матери. Ему казалось, что лицо несчастнаго грѣшника, висящаго надъ востромъ, походило на искаженное лицо трупа Гомары, и мысль эта не давала ему покоя. Онъ отправился въ Севилью, все еще находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ своихъ мыслей. Приближался часъ похищенія Терезы; Жуанъ ждалъ на улицѣ, напѣвая пѣсенки; вдругъ слухъ его поразило заунывное похоронное пѣнье, и онъ увидалъ приближающееся погребальное шествіе. Было что-то необыденное въ нарядахъ провожавшихъ покойника: прямыми, неподвижными складками падали ихъ одѣянія, лица казались мертвенно-блѣдными, изможденными, какъ будто у людей, только что перенесшихъ мучительную болѣзнь; двигались они не такъ, какъ обыкновенные люди,—казалось, они не шли, а медленно рѣбли надъ самой землей. Движимый непонятнымъ чувствомъ жуткаго любопытства, Жуанъ послѣдовалъ за шествіемъ въ церковь, и по пути спросилъ у провожатыхъ, кого хоронятъ. Ему отвѣчали: „Графа Жуана Маранья“. Думая, что онъ ослышался, онъ повторилъ свой вопросъ, и получилъ тотъ же странный, грозный отвѣтъ. Ему стало жутко, особенно когда началась служба, и глухіе голоса провожавшихъ покойника слились съ мощными звуками органа. Охваченный невыразимымъ ужасомъ, въ трепетѣ, Жуанъ остановилъ проходившаго мимо него священника: „Именемъ Неба, отче, — о комъ вы молитесь, и кто вы такіе?“ — спросилъ онъ. Священникъ, котораго онъ схватилъ за холодную и какъ камень тяжелую руку, скорбно посмотрѣлъ на него, и отвѣчалъ: „Мы молимся о графѣ Жуанѣ Маранья, мы молимся о душѣ его, погрязшей въ смертныхъ грѣхахъ; мы сами—души, молитвами его матери и заказанными ею обѣднями освобожденные изъ чистилища. Мы теперь выплачиваемъ сыну принадлежащій матери долгъ, но эта обѣдня— послѣдняя, которую намъ дозволено отслужить о душѣ графа Жуана Маранья“. Въ эту минуту раздался бой часовъ— наступилъ часъ, назначенный для похищенія Терезы; вдругъ Жуанъ

услышалъ страшный голосъ, говорившій: „Время миновало! Принадлежитъ ли онъ намъ?“ и увидалъ окровавленнаго, блѣднаго Гарсію и старика Гомару, лицо котораго искажалось передергивавшей его судорогой; они приблизились ко гробу, сорвали съ него крышку, и огромная змѣя, поднявшись за ними, готовилась черезъ ихъ головы броситься въ открытый гробъ; но Жуанъ собралъ остатокъ силъ и закричалъ: „Иисусе!“ Все помутилось въ его глазахъ, и онъ безъ чувствъ грохнулся на камни. Придя въ себя, онъ призвалъ монаха, каялся ему въ грѣхахъ, и заявилъ о своемъ желаніи отрѣшиться отъ міра. Онъ письменно простился съ Терезой, которая не перенесла этого новаго удара судьбы и скончалась, роздалъ половину своихъ богатствъ немущимъ родственникамъ, на остальные деньги построилъ больницу и часовню, а кромѣ того много денегъ роздалъ нищимъ и по церквямъ, чтобы тамъ молились объ освобожденіи изъ чистилища душъ всѣхъ убитыхъ имъ въ поединкахъ. Жуанъ смирился до такой степени, что созвалъ всѣхъ своихъ друзей и просилъ у нихъ прощенія за дурной примѣръ, который такъ долго онъ подавалъ имъ. На многихъ обращеніе его благотворно подѣйствовало, и они исправились; самъ же Жуанъ обратился въ суровѣйшаго аскета. Настоятель и братія монастыря, гдѣ онъ затворился, удивлялись рвенію, съ которымъ онъ исполнялъ уставы, и тѣмъ эпитиміямъ, которыя онъ добровольно на себя налагалъ; приходилось даже иногда удерживать его отъ самоистязаній, которымъ онъ денно и нощно предавался. Слухъ о подвижничествѣ Жуана вскорѣ распространился за предѣлами монастыря, и многіе стали смотрѣть на него съ благоговѣніемъ; слава его выросла еще и оттого, что во время страшной чумы Жуанъ—теперь извѣстный подъ именемъ брата Амброзіо—бестрепетно ухаживалъ за зачумленными, призрѣваемыми въ выстроенной имъ больницѣ, ободрялъ и утѣшалъ ихъ, стараясь облегчить ихъ страданія, а когда моръ усилился настолько, что не успѣвали хоронить умершихъ, Жуанъ добровольно сталъ обходить дома зачумленныхъ, отыскивая и хороня тѣхъ покойниковъ, до которыхъ никто уже не рѣшался дотронуаться. Самъ онъ остался невредимъ, и народъ считалъ это чудомъ, вызваннымъ его святостью. Благословенія облагодѣтельствованныхъ имъ поддерживали въ немъ бодрость, и онъ начиналъ обрѣтать душевное спокойствіе, вытекавшее изъ искренности его покаянія, ни на минуту, впрочемъ, не забывая своего прошлаго и непрестанно сокрушаясь о немъ. Однажды, въ самый зной полудня, когда братія по уставу пользовалась отдыхомъ,

Жуанъ съ непокрытой головой работалъ въ саду на самомъ солнопекѣ. Это было одно изъ тѣхъ послушаній, которыми онъ добровольно усложнялъ для себя монастырскій уставъ. Къ нему подошелъ неизвѣстный ему юноша, назвавшій себя братомъ несчастной Терезы, и оказавшійся тѣмъ самымъ убійцей, который нѣкогда по ошибкѣ убилъ, вмѣсто Жуана, его друга и учителя—Гарсію; юноша требовалъ, чтобы Жуанъ сразился съ нимъ, и принесъ для него оружіе; но смиренный инокъ упорно отказывался отъ поединка, несомнѣнимаго съ его саномъ; чтобы заставить его драться, юноша нанесъ своему врагу ударъ по лицу—первый въ жизни Жуана. Гнѣвъ, бѣшенство, негодованіе ослѣпили несчастнаго; онъ бросился на обидчика со шпагой въ рукѣ, и тотъ черезъ минуту палъ бездыханный. Его коварный замыселъ—завлечь просвѣтленнаго и близкаго во спасенію врага въ смертный грѣхъ и умертвить его, не давъ ему времени загладить эту вину покаяніемъ, не удался. Въ безпредѣльномъ ужасѣ поспѣшилъ Жуанъ къ настоятелю и во всемъ признался. Снова началось для него время жестокихъ угрызений совѣсти, глубокаго раскаянія и уничтоженія и непосильнаго самоистязанія. Однимъ изъ наложенныхъ на него наказаній было обязательство—ежедневно принимать пощечину отъ монастырскаго повара; Жуанъ всегда подставлялъ и другую щеку, и благодарилъ бившаго его за нанесенное оскорбленіе. Съ тѣхъ поръ ничто болѣе не могло вовлечь Жуана въ прежніе грѣхи и проступки; десять лѣтъ прожилъ онъ еще въ монастырѣ, а умирая, просилъ, чтобы прахъ его погребенъ былъ у входа въ церковь, дабы входящіе попирали его ногами, и тѣмъ уничтожали его и послѣ смерти; онъ самъ составилъ свою эпитафію: „Здѣсь лежитъ худшій человекъ, который когда-либо жилъ“,—но братія не исполнила его просьбы: Жуанъ былъ похороненъ у главнаго алтаря построенной имъ часовни, а на могильной плитѣ, вслѣдъ за эпитафіей, красуется хвалебная повѣсть объ его обращеніи и подвижничествѣ.

Таково содержаніе повѣсти Меримэ,—въ Россіи очень мало извѣстной. Уже изъ этихъ набросковъ видно, какъ красиво и глубоко развитъ въ ней типъ Жуана Маранья, и какъ тонко и подробно разработанъ вопросъ объ его развращеніи и нравственномъ возрожденіи. Авторъ рядомъ мелкихъ подробностей и замѣчаній показываетъ, какъ гложутъ богатя качества души Жуана, какъ подъ пагубнымъ вліяніемъ Гарсіа наивное, дѣтское благочестіе Жуана, его честность, прямота, щедрость и мягкосердіе понемногу уступаютъ мѣсто коварству, безчувственности, эгоизму, расточительности, невѣрію; какъ, однако, несмотря на

видимое пренебреженіе, съ которымъ онъ относится къ религіи, въ глубинѣ его души не умираетъ увѣренность въ существованіи-высшаго правосудія и загробной жизни, которая дѣлаетъ вполне возможнымъ и искреннимъ его покаяніе и обращеніе. Благодаря этой вѣрѣ, картина чистилища и производитъ на него страшное, потрясающее впечатлѣніе, когда онъ видитъ ее передъ похищеніемъ Терезы; воспоминаніе о ней преслѣдуетъ его и тогда, когда самой картины вѣтъ у него подъ глазами; поэтому и видѣніе похоронъ, справляемыхъ душами чистилища, поражаетъ его, подтверждая существованіе возмездія и наказанія. Послѣ видѣнія и испытаннаго имъ ужаса, Жуанъ перерождается; бывшая вѣра вспыхиваетъ въ немъ, но это уже не дѣтская вѣра, питаемая воображеніемъ и мистическими разсказами; это вѣра мужественная, сознательная, не скрывающая отъ него глубины его развращенности и преступности, но дающая ему надежду загладить, искупить совершенныя имъ злодѣянія. Эта вѣра удерживаетъ его отъ отчаянія послѣ убійства его послѣдняго врага — брата Терезы, даетъ ему мужество ходить за зачумленными, хоронитъ разлагающіеся трупы, даетъ смиреніе и кротость.

Вѣрующій сперва, потомъ скептикъ и отрицатель, и наконецъ снова вѣрующій Жуанъ Меримэ — очень характерное явленіе въ исторіи развитія этого типа; послѣ образа злодѣя и развратника, созданнаго Мольеромъ, передъ нами типъ кающагося грѣшника, — типъ, допускающій самыя разнообразныя варіаціи.

IX.

Перейдемъ къ разбору двухъ произведеній, имѣвшихъ прямое-вліяніе на драматическую поэмѣ Ал. Толстого, а именно оперы Моцарта съ ея либретто и короткаго разсказа Гофмана „Донъ-Жуанъ“.

Музыка Моцарта и либретто аббата Да-Понте возникли одновременно въ шестинедѣльный промежутокъ. Моцарту, задумавшему написать оперу, понадобилось либретто, и онъ обратился къ аббату съ просьбой сочинить слова къ его музыкѣ. Результатомъ ихъ совмѣстнаго творчества явилась опера, на первый взглядъ не вполне соответствующая тому впечатлѣнію, какое она произвела на Гофмана, а вслѣдъ за нимъ и на Ал. Толстого.

Жуанъ хитростью проникъ въ покои къ Аннѣ, невѣстѣ Октавіо; она узнаетъ, что она обманута, и зоветъ на помощь; командоръ, ея престарѣлый отецъ, спѣшитъ на выручку дочери;

между нимъ и Жуаномъ происходитъ поединокъ, въ которомъ Жуанъ наноситъ слабому противнику смертельную рану. Анна возбуждаетъ своего жениха къ страшной мести, и оба они отправляются на поиски злодѣя. Къ нимъ присоединяется донна Эльвира, обманутая и покинутая жена Жуана, проклиная его, но въ то же время все еще любящая своего мучителя. Они находятъ Жуана въ самый разгаръ бала, который онъ даетъ съ цѣлью отнять у глуповатаго деревенскаго парня его хорошенькую, вѣтреную невѣсту, и спасаютъ Церлину отъ опасности. Правосудіе угрожаетъ Жуану заслуженною карой, но онъ не боится наказанія, и продолжаетъ свой разнузданный образъ жизни. Однажды, спасаясь отъ преслѣдованія, онъ перескакиваетъ черезъ ограду кладбища, на которомъ погребенъ командоръ, и въ заносчивомъ безразсудствѣ приглашаетъ на ужинъ его статую, которая обѣщаетъ явиться на зовъ. Во время рокового ужина къ Жуану приходитъ Эльвира, заклиная его раскаяться, но встрѣчаетъ только насмѣшку и оскорбительныя рѣчи. Слѣдомъ за нею является статуя и зоветъ грѣшника на отвѣтный пиръ; получивъ его согласіе, она увѣщаетъ его покаяться, но онъ отвергаетъ спасеніе и проваливается въ бездну. Въ характеръ Жуана по либретто нѣтъ ничего такого, что могло бы указать на болѣе духовныя и чистыя стремленія и побужденія его жизни; онъ думаетъ только объ удовольствіяхъ и наслажденіи, недоступенъ ни жалости, ни состраданію; для него жизнь есть сплошной праздникъ, пиръ, гдѣ все создано для радости и веселья; и онъ веселится, гдѣ и какъ можетъ. Въ изображеніи Да-Понте Жуанъ — веселый, жизнерадостный, неутомимый гуляка и кутила, въ высшей степени легкомысленный и развращенный; гибель его является достойнымъ возмездіемъ за всѣ его преступленія.

Казалось бы, что музыка, написанная на такой сюжетъ, не можетъ, отличаться особенной глубиной; а между тѣмъ въ аріяхъ Жуана звучитъ подчасъ глубокая грусть, какъ-то не ладящая съ удалствомъ основного мотива, да и вообще съ его характеромъ, и протестующая противъ безповоротнаго осужденія его, какъ вполне неизменнаго и легкомысленнаго человѣка. Между музыкой и словами оперы существуетъ внутренний разладъ. Особенно сказывается это въ нѣкоторыхъ, почти что трагическихкихъ мѣстахъ увертюры; но и вся остальная опера представляетъ собою не игривый, веселый аккомпаниментъ къ игривому, веселому тексту, а своеобразную, глубоко серьезную обработку ихъ общаго сюжета. Вслѣдъ за Гофманомъ, который первый подмѣтилъ это противорѣчіе, иные

критики утверждаютъ, что музыка Моцарта выразила собою всю сущность легенды о Жуанѣ, и что все, что бы ни сдѣлала въ этомъ направленіи поэзія, будетъ только частичнымъ ея повтореніемъ; самъ же Гофманъ въ музыкѣ Моцарта видитъ обрисовку героевъ, нисколько не похожихъ на дѣйствующихъ лицъ либретто. Изобразить такого героя, какъ тотъ, котораго изобразилъ Да-Понте, не есть задача, достойная гевія; поэтому герою Моцарта—не презрѣнный, низменный кутила; это—человѣкъ, богато одаренный природой, полный самыхъ возвышенныхъ качествъ, приближающихъ его къ Божеству. Онъ многого требуетъ отъ жизни, и имѣетъ на это право по своему духовному и физическому превосходству. Вся бѣда его въ томъ, что онъ ищетъ въ земной любви того блаженства, которое доступно только въ неземномъ мірѣ. Въ это роковое заблужденіе вводитъ его Сатана, сохранившій, благодаря грѣхопадению первыхъ людей, власть вредить человѣку именно съ помощью самыхъ возвышенныхъ и лучшихъ его стремленій. Постоянныя разочарованія приводятъ Жуана къ тому, что онъ съ презрѣніемъ смотритъ на людей и на Создателя, и находитъ высочайшее блаженство въ нарушеніи нормальнаго и спокойнаго теченія жизни.

X.

Оригинальную вариацию типа Донъ-Жуана находимъ мы у нѣмецкаго лирика Ленау, своеобразнаго, бурнаго и въ то же время безконечно унылаго поэта. У критиковъ, цѣнящихъ его главнымъ образомъ какъ лирика, поэма Ленау имѣла мало успѣха; для насъ же, въ связи съ остальными произведеніями о Донъ-Жуанѣ, это твореніе имѣетъ особенный интересъ.

Фабула этой поэмы значительно отступаетъ отъ легенды; только чудовищное непостоянство героя, количество его жертвъ, да обращеніе его къ статуѣ, — вслѣдъ за которымъ она ему однако не является, — напоминаютъ испанское преданіе; все остальное — плодъ неудержимой фантазіи поэта. И самъ Донъ-Жуанъ не таковъ, какимъ мы привыкли его видѣть въ изображеніи другихъ авторовъ. Начать съ того, что совершающійся въ немъ переломъ приводитъ къ совершенно иному результату, чѣмъ, напр., у Меримэ; тамъ изъ преступника Жуанъ обращается въ праведника; здѣсь же изъ жизнерадостнаго, кипящаго энергіей и силой поклонника красоты, любви и веселья вырабатывается душевно состарившееся, неудовлетворенное, скучающее существо,

ищущее смерти и бросающее шпагу въ бою со слабымъ противникомъ, что равносильно самоубійству. Впрочемъ, мотивы этого страннаго самоубійства вытекаютъ изъ стремлений и принциповъ его жизни.

Жуанъ у Ленау въ жизни ищетъ одного — безмѣрнаго и неограниченнаго наслажденія любовью; это стремленіе и желаніе доходитъ у него до исполинскихъ размѣровъ. Ему мало того, что можетъ дать ему настоящее, онъ негодуетъ на судьбу за то, что ему не дано насладиться любовью въ далекомъ будущемъ, грустить о томъ, что не могъ наслаждаться ею въ далекомъ прошломъ. Для него безразлично, насколько устойчивы его увлеченія; они — послѣдствія страсти, жаждущей вѣчности, и по тому самому постоянной и вѣчной. Ему кажется, что въ немъ живетъ какой то высшій духъ, управляющій его стремленіями, толкающій его отъ одной женщины къ другой; онъ мѣшаетъ ему дожидаться расхолаживанія его чувствъ, разнообразныхъ какъ тѣ, которыя ихъ въ немъ возбуждаютъ; его не смущаютъ оскорбленія и страданія, которыми его измѣна поражаетъ злополучныя жертвы; измѣняя каждой въ отдѣльности, онъ не перестаетъ увлекаться женщиной вообще, и не намѣренъ мѣняться, покуда въ немъ ключомъ кипитъ молодость; когда же наступитъ конецъ и ему придется расплачиваться за то, что онъ разбилъ и разрушилъ, онъ все искупитъ своимъ послѣднимъ вздохомъ, который обратитъ его въ ничто для міра, и міръ, въ то же время, обратитъ въ ничто для него. Но покуда моментъ этотъ не насталъ — да здравствуетъ наслажденіе! Все въ мірѣ любить и хотеть быть счастливымъ; картина лѣса весною приводитъ Жуана въ умиленный восторгъ, и онъ готовъ спасти токующаго глухаря, въ котораго цѣлится охотникъ.

Преувеличенное наслажденіе неизмѣнно вызываетъ пресыщеніе; то же происходитъ и съ Жуаномъ. Онъ не находитъ прежняго удовольствія въ удовлетвореніи своихъ стремлений; искусственные способы, которыми онъ пробуетъ возбудить въ себѣ угасающую жажду наслажденій, не помогаютъ, и онъ наконецъ признается, что веселый Жуанъ покинулъ міръ, и преемникомъ его сталъ печальный, во всему охладѣвшій. Тѣхъ боговъ, которые даны были его юности, онъ давно лишился, а тѣ, которыхъ онъ себѣ создалъ, мѣста въ мірѣ больше не имѣютъ; что же остается ему, кромѣ смерти? Но только смерть въ пылу увлеченія, въ поединкѣ, отъ руки врага, привлекаетъ Жуана; онъ не хочетъ собственной рукой покончить съ жизнью; веселье было его божествомъ, — самоубійство, по отношенію къ нему, не что иное, какъ святотатство,

и Жуанъ въ поединкѣ съ Педро бросаетъ шпагу и падаетъ, сраженный противникомъ.

Несмотря на свою преступность, Жуанъ не вовсе лишень высокихъ мыслей; онъ не вполне безбоженъ, такъ какъ признаетъ существованіе высшаго начала, которое пронизываетъ все мірозданіе, и отъ котораго исходить и радость и красота; онъ вѣритъ въ невидимый міръ. Онъ смутно сознаетъ, что любовь къ женщинѣ можетъ быть чѣмъ-то святымъ и возвышеннымъ, хотя дальше этого сознанія не идетъ; въ немъ есть и совѣсть — его удручаетъ разрушеніе монастыря, имъ оскверненнаго, его забываютъ судьба развращенныхъ имъ монаховъ, которые могли погибнуть въ пожарѣ. Онъ не забываетъ и другихъ несчастныхъ, погубленныхъ имъ; списокъ жертвъ служить ему для того, чтобы ни одной не обойти въ завѣщаніи, по которому онъ каждой отказываетъ часть своего богатства, такъ же, какъ и старому слугѣ своему, Каталинону.

Этотъ Жуанъ менѣе могучъ и силенъ, чѣмъ его предки, но онъ интересенъ тѣмъ, что онъ — усталый, пресыщенный, блазирванный Жуанъ — совсѣмъ новый типъ въ ряду изображеній этого загадочнаго человѣка.

XI.

Изъ французскихъ писателей, кромѣ Меримэ, затронутая Мольеромъ тема заинтересовала Альфреда де Мюссэ, посвятившаго ей въ тридцатыхъ годахъ нѣсколько строфъ одной изъ своихъ поэмъ. Мюссэ не могъ, въ немногихъ строкахъ, дать полной характеристики Жуана, но уже изъ немногихъ указаній видно, какъ онъ смотрѣлъ на него, и какъ его себѣ представлялъ. Мюссэ самого себя выдѣляетъ изъ числа авторовъ, вдохновлявшихся образомъ Жуана, потому что всѣ они „съ ихъ ужасами, сомнѣніями и хулою“ оставались равнодушными къ нему, а онъ любилъ своего героя, какъ вѣрный трубадуръ своего плѣннаго короля. Поэтому-то его изображеніе не похоже на обыкновенное. По опредѣленію Мюссэ, Жуанъ — это „сучокъ, упавшій съ дерева жизни, для того, чтобы, какъ Христосъ, любить и страдать“. Его душа проникнута прекрасными чувствами и порывами; красота природы вызываетъ у него слезы умиленія; онъ ото всѣхъ ждетъ отклика и любви; онъ слабъ еще, въ жизни ему нужна опора, которую онъ могъ бы охватить, какъ цѣпкій плющъ обвиваетъ мощный дубъ, но въ то же время, несмотря на эту сла-

бость, онъ способенъ обнять весь міръ; все ему улыбается; куда бы онъ ни пошелъ — любовь, дружба, слава, богатство обурываютъ его, и онъ такъ чистъ и святъ душою, что мнится, будто ангелы-хранители тѣхъ мѣстъ, которыя онъ посѣщаетъ, встаютъ и слѣдуютъ за нимъ. И тѣмъ не менѣе этотъ юноша, повидимому сдѣшкомъ святой для грѣшной земли, будетъ проводить жизнь въ порокахъ и развратѣ, и дойдетъ до крайнихъ предѣловъ преступности и злодѣйствъ. Отчего это? Неужели жизнь обманетъ и разочаруетъ того, кто ждалъ отъ нея только счастья и ласки, и самъ былъ однимъ изъ ея лучшихъ украшеній? Ничуть не бывало; Жуанъ никогда не узнаетъ, что такое неудача или разочарованіе; всѣ пути ему открыты, всѣ цѣли для него достижимы; препятствія сами собою исчезаютъ съ его пути, и даже бедна, куда онъ палъ, никого не отталкиваетъ отъ него; напротивъ, ему какъ-то все прощается, все забывается, потому что онъ — Донъ-Жуанъ. Очевидно, что въ жизни Жуана есть роковая тайна, дѣлающая изъ его существованія какое-то сплошное противорѣчіе, а изъ него самого — загадочную и непонятную личность.

Мюссé останавливается на вопросѣ о любви Жуана, и держится того мнѣнія, что Жуанъ былъ искрененъ всѣ три тысячи разъ, когда любилъ; но ни одна изъ этой толпы женщинъ не удовлетворила его, а между тѣмъ всѣ онѣ сторицей воздавали ему за его скоропроходящее чувство. Въ чемъ же дѣло? Очевидно — въ томъ, что Жуанъ ни въ одной изъ нихъ не нашелъ вполне того, чего искалъ, — т. е. идеала, самимъ Богомъ указаннаго его душѣ, котораго онъ не могъ забыть ни на минуту, и стремленіе къ которому не могли охладить три тысячи искреннихъ увлеченій; всѣ похожи были на мавишную его волшебную тѣнь, и ни одна не могла замѣнить ее. Онъ искалъ ее вездѣ, на всѣхъ высотахъ и во всѣхъ безднахъ, подобно рудокопу, спускающемуся во мракъ смраднаго колодца, чтобы вынести оттуда драгоцѣнный, искрометный алмазь. Онъ думалъ найти ее на днѣ бурнаго житейскаго моря, и погибъ въ непрерывной погонѣ за своей мечтой, не заботясь о кровавыхъ слѣдахъ, оставленныхъ имъ въ мірѣ, не проклиная его за его ложь и глупость, и не противясь року, увлекавшему его въ лицѣ каменной статуи. Онъ не попралъ погами посланнаго ему самимъ Богомъ призрака, и пылавшая въ его сердцѣ неугасимымъ пламенемъ любовь вернулась къ Создателю не уменьшенная и не охлажденная ни однимъ изъ его увлеченій.

Какъ видно, Мюссе самъ такъ увлекся образомъ Жуана, что дошелъ до крайней степени идеализаціи, создалъ изъ него ка-

кого-то святого мученика вѣры въ идеаль, т.-е. впалъ въ такую же чрезмѣрную крайность, какъ другіе авторы, изображавшіе того же героя въ преувеличенно мрачныхъ краскахъ.

XII.

Написалъ своего „Каменнаго гостя“ и нашъ Пушкинъ. Это — вѣскольکو короткихъ, но живыхъ и ясныхъ сценъ, воспроизводящихъ обликъ жизнерадостнаго, легкомысленнаго чело-вѣка съ однимъ только богомъ въ жизни — любовью.

Герой Пушкина не похожъ на тѣ сложныя натуры, которыя выведены у Ленау, а тѣмъ паче у Ал. Толстого. Его Жуанъ напоминаетъ героя Да-Понте, — такъ онъ безпечень, жизнерадостень, неутомимъ въ поговѣ за наслажденіемъ. Какъ герой либретто, подъ впечатлѣніемъ котораго онъ созданъ (о чемъ свидѣтельствуесть эпиграфъ, заимствованный у Да-Понте), — Пушкинскій Донъ-Жуанъ живетъ однимъ только настоящимъ, вовсе не помышляя о будущемъ и почти не вспоминая прошедшаго; и къ чему? Настоящее такъ богато, представляетъ такое обширное поле для его дѣятельности, что ему нѣтъ охоты и времени размышлять о своихъ поступкахъ и анализировать ихъ побужденія. Онъ не философствуетъ о любви, не высказываетъ никакихъ теорій и мировоззрѣній; онъ любитъ потому, что иначе не можетъ, потому, что любовь — его стихія, а не потому, что ищетъ въ ней способа приближенія къ Божеству, какъ герой Ленау, или источника истины, какъ Жуанъ Толстого. Онъ ежеминутно увлекается, и увлекается, повидимому, вполне искренно. Жуанъ храбръ, неустрашимъ; онъ „никого въ Мадридѣ не боится“ — и не въ одномъ только Мадридѣ. Онъ не вѣритъ въ Бога, даже и не упоминаетъ о Немъ до того момента, какъ статуя на его глазахъ оживаетъ.

Другія черты Жуана только намѣчены. Мы видимъ, какъ спокойно и равнодушно онъ относится къ убійству: явившись на свиданіе къ Лаурѣ, онъ прехладнокровно закалываетъ въ ея комнатѣ своего неожиданнаго соперника, и, нисколько не смущаясь присутствіемъ трупа, ведетъ съ нею нѣжныя разговоры; вспоминая свою дуэль съ командоромъ, онъ иронически сравниваетъ врага, наткнувшагося на его шпагу, со стрекозой на булавкѣ; ни раскаянія, ни сожалѣнія. Воображеніе Жуана „проворнѣй живописца“; по легкимъ признакамъ оно всегда готово дорисовать образъ плѣвившей его красавицы; къ тому же онъ

поэтъ, чего еще не отмѣчали такъ ясно въ его характерѣ другіе писатели.

Произведеніе Пушкина, заключая въ себѣ нѣкоторыя мелкія подробности, подчеркиваетъ главнымъ образомъ въ Жуанѣ, какъ видимъ, — любовника, и даетъ читателю представленіе о немъ какъ о простой, ясной натурѣ беззаботнаго, жизнерадостнаго удалца и повѣсы.

XIII.

Еще на одной переработкѣ легенды слѣдуетъ остановиться, прежде чѣмъ перейти, наконецъ, къ драмѣ Толстого, какъ къ вѣчному выводу изъ всѣхъ предшествовавшихъ твореній, — а именно на фантастической трагедіи Граббе, озаглавленной имъ: „Донъ-Жуанъ и Фаустъ“. Драма написана въ 1829 г., т.-е. ранѣе нѣкоторыхъ другихъ, разобранныхъ выше; но для насъ имѣетъ значеніе не столько хронологическій порядокъ этихъ произведеній, сколько психологическая, такъ сказать, послѣдовательность развитія въ нихъ типа главнаго героя. Простой искатель наслажденій у Молино и въ итальянскихъ передѣлкахъ, непреклонный, могучій, съ желѣзною волей атеистъ Мольера, баловень природы у Гофмана, Жуанъ въ музыкѣ Моцарта является личностью, носящей въ себѣ зародышъ глубокаго трагизма; у Ленау трагизмъ этотъ состоитъ въ пресыщеніи Жуана благами жизни. Еще достаточно молодой, чтобы видѣть въ мірѣ много прекраснаго, достойнаго поклоненія и восторга, Жуанъ ничѣмъ уже не можетъ наслаждаться, и не въ силахъ возбудить угасшіе стремленія и порывы, которые могли бы стать благородными и возвышенными; трагизмъ заключается въ несоотвѣтствіи задатковъ, которыми одѣлила его природа, и результатовъ его жизненной дѣятельности. Стремленія и порывы Жуана доведены Мюссэ до высшей степени идеальности; наконецъ, Пушкинъ подробно разобралъ психологію любви этого страннаго, загадочнаго чловѣка; что же осталось сдѣлать Граббе? Онъ сравниваетъ Жуана съ Фаустомъ. Идея сама по себѣ плодотворная; выше было указано, какими сторонами соприкасаются эти образы, и какими особенностями рознятся между собою; но Граббе не сумѣлъ самостоятельно понять и оцѣнить по достоинству этихъ глубокихъ различій; онъ не переработалъ образовъ Жуана и Фауста въ ихъ совокупности, не отгѣнилъ связей, не указалъ различій; онъ просто-на-просто сопоставилъ ихъ, и

сопоставилъ въ одномъ только проявленіи ихъ богатыхъ и разнообразныхъ натуръ—въ любви. Въ его трагедіи Жуанъ и Фаустъ любятъ одну и ту же идеальную женщину — Донну-Анну. Фаустъ тщетно добивается ея привязанности, и, разгнѣванный неудачей, волшебной силой одного своего слова убиваетъ ее. Съ гибелью Донны-Анны порывается, въ сущности, всякая связь между героями трагедіи. Ни Фаустъ на Жуана, ни Жуанъ на Фауста никакого внутренняго воздѣйствія больше не оказываютъ, а потому оба являются личностями вполне самостоятельными. Такимъ образомъ, мы получаемъ возможность изучить типъ Жуана у Граббе, какъ отдѣльное лицо, нисколько не затрагивая при этомъ Фауста; и вотъ къ чему сводится то, что въ трагедіи касается Жуана.

Жуанъ въ Римѣ увидѣлъ Анну, дочь дона Гусмана, испанскаго посла при дворѣ папы, и плѣненъ ея красотою; ея отца и жениха онъ увѣряетъ, что кудесникъ Фаустъ, теперь находящійся въ Римѣ, чарами преслѣдуетъ Анну; они отправляются въ погоню за чародѣемъ, а Лепорелло, по приказанію Жуана, испытываетъ у служанки, гдѣ удобнѣе всего встрѣтиться съ Анной. Она указываетъ мѣсто. Жуанъ является въ садъ Анны и признается ей въ любви, но она, хотя и отвѣчаетъ ему взаимностью, не хочетъ нарушить слова, даннаго Октавіо, съ которымъ должна обвѣнчаться въ тотъ же вечеръ. Является Октавіо, и Жуанъ принужденъ скрыться; но онъ уже ранѣе получилъ приглашеніе на свадьбу Анны, и принимаетъ участіе въ торжествѣ. Онъ рѣшилъ убить Октавіо и похитить Анну; Лепорелло заводитъ ссору съ Октавіо, Жуанъ вступается за своего слугу; между нимъ и мужемъ Анны происходитъ поединокъ, въ которомъ Октавіо умираетъ; тогда Жуанъ хочетъ овладѣть Анной, но Фаустъ, тоже явившійся на свадьбу и неузнанный, отталкиваетъ его и уноситъ Анну въ сказочный дворецъ, на вершину Монблана. Жуанъ преслѣдуетъ его, но предварительно между нимъ и отцомъ Анны происходитъ дуэль; Жуанъ убиваетъ старика, издѣвается надъ его предсмертной мольбой пощадить Анну, и стремится къ вершинѣ Монблана, которой, однако, не достигаетъ: поворные Фаусту вихри сметаютъ его съ Альпъ и приносятъ обратно въ Римъ, на то кладбище, гдѣ похороненъ донъ Гусманъ; Жуанъ приглашаетъ его статую на ужинъ, какъ въ легендѣ, и она соглашается. Къ Жуану является Фаустъ, блѣдный, полный отчаянія, и сообщаетъ ему о смерти Анны, которую самъ же онъ убилъ въ минуту ревности. Жуанъ предлагаетъ ему поединокъ, но Фаустъ объявляетъ, что часъ его насталъ, и Сатана, невя-

димо находящійся тутъ же, овладѣваетъ имъ. Вслѣдъ затѣмъ входитъ статуя командора; Жуанъ сперва бросается на нее со шпагой, но потомъ, овладѣвъ собой, угощаетъ ее отборными яствами; она говоритъ, что явилась къ нему съ увѣщаніемъ поваяться, такъ какъ Анна и Октавіо въ раю молятся о немъ; но Жуанъ дерзко отвергаетъ покаяніе; тщетно указываетъ она ему на приближающагося Сатану и повторяетъ свои уговоры; грѣшникъ остается непоколебимъ. Статуя проваливается, на ея мѣсто является Сатана и увлекаетъ Жуана, умирающаго съ горделивымъ восклицаніемъ: „Король и слава, отчизна и любовь!“ Огненный дождь сжигаетъ домъ Жуана и находящагося въ немъ Лепорелло.

Жуанъ у Граббе ничего не признаетъ въ мірѣ, кромѣ любви и наслажденій; имъ онъ посвящаетъ всю свою жизнь, неустанно отыскивая ихъ всюду, куда ни попадаетъ, и не утомляясь ими. Онъ не терпитъ никакихъ преградъ и ограниченій своихъ стремленій—даже всякая опредѣленность ему нестерпима. „Не называй мнѣ цѣли, хотя бы я и стремился къ ней—да будетъ проклята самая мысль; каждая цѣль есть смерть. Благо тому, кто вѣчно стремится; благо, благо тому, кто бы вѣчно могъ алкать!“ Поэтому онъ врагъ всякой системы; онъ умѣетъ цѣнить красоту; гдѣ бы и какова бы она ни была. Поэтому-то онъ такъ часто и легко мѣняетъ свои увлеченія; любя Анну, онъ въ то же время восхищается красотой Лизетты; вся прелесть жизни для него заключается въ разнообразіи; но, несмотря на это, онъ увлекается искренно и горячо. Любя Анну, онъ думаетъ, что никогда никого такъ сильно еще не любилъ; въ ней его привлекаетъ не одна только внѣшняя ея красота, но и нравственный ея обликъ; побѣда надъ такимъ сердцемъ, какъ ея сердце, кажется ему привлекательнѣе и достойнѣе, чѣмъ побѣда надъ цѣлымъ міромъ. Въ мысляхъ своихъ онъ идеализируетъ любимую женщину до того, что природа съ ея волшебной красотой представляется ему рамой, только-только достойной воспринять самую картину, т. е. Анну. Жуанъ ненавидитъ все банальное, обычное; Октавіо противенъ ему не потому, что онъ ревнуетъ его къ Аннѣ,—по его мнѣнію, истинная любовь чужда ревности,—а потому, что его возмущаютъ свѣтская порядочность, благовоспитанность, трезвая практичность Октавіо, кажушіяся ему пошлостью; поэтому не признаетъ онъ и брака, скрывающаго и унижающаго пылъ, который „не можетъ и не долженъ“ входить въ привычку. Такъ какъ любовь, по мнѣнію Жуана, теряетъ свою прелесть и возвышенность, какъ только ее связы-

ваютъ какія бы то ни было узы, то онъ и не приходитъ въ отчаяніе при смерти Анны; вѣдь равно или поздно онъ измѣнилъ бы ей; вѣдь есть еще на свѣтѣ другія красавицы; такъ что же горевать объ одной? Въ память своей привязанности онъ готовъ пойти на смерть, чтобы отомстить убійцѣ Анны; но отчаяніе ему не знакомо. Отчаяніе—слѣдствіе бездѣйствія, а его беспокойная, горячая натура не можетъ жить безъ борьбы, будь то борьба за славу и честь короля и родины, или его личное благополучіе. Нѣтъ въ мірѣ слова, которое привѣтливѣе и слаще звучало бы для его слуха, чѣмъ слово „отчизна“, и въ Аннѣ ему еще особенно нравится то, что она—испанка. Патриотизмъ, преданность королю, любовь къ славѣ—все это чувства, которыя могутъ корениться въ самыхъ благородныхъ порывахъ человѣческой души; но у Жуана ихъ происхожденіе объясняется иначе; ему просто „доставляетъ удовольствіе жертвовать собою ради содержанія этихъ словъ“; захочетъ онъ—и измѣнитъ свой девизъ; вѣдь вѣрность и постоянство ему ненавистны, какъ рабство.

Жуанъ въ пьесѣ Граббе не атеистъ; онъ не отвергаетъ существованія Бога и таинственнаго міра духовъ; онъ довольствуется тѣмъ, что трунить надъ первымъ; „земля такъ прелестна“, говоритъ онъ, что ему недосугъ размышлять о создавшемъ ее; если ее создалъ Богъ, то тѣмъ лучше для Него: Ему отъ этого славы только прибавится. Эпизодъ со статуей понимаетъ онъ очень просто; на кладбищѣ онъ сперва предполагаетъ возможность чей-то шутки, и удивляется, — даже *забавляется* происшествіемъ. Когда же онъ убѣдился, что къ нему на пиръ является настоящее каменное изваяніе, движимое сверхъестественною силою, то послѣ перваго порыва безумнаго ужаса онъ признаетъ, что имѣетъ дѣло съ невидимыми силами, и съ „отважнымъ вызовомъ протягиваетъ руку въ подземное царство“, т.-е. подаетъ ее статуѣ. Гибель не устрашаетъ его; онъ проваливается въ бездну не съ кривомъ ужаса и отчаянія, а съ горделивымъ восклицаніемъ, являющимся какъ бы заключительной бравадой его жизни.

Жуанъ гордъ, заносчивъ, безжалостенъ, но въ то же время полонъ сознанія своей рыцарской чести, какъ ее понимаютъ окружающіе его; убійство Октавіо, происшедшее въ честномъ поединѣ, по его мнѣнію—не преступленіе, и онъ даже отдаетъ себя въ этомъ случаѣ подъ защиту оскорбленнаго имъ командора, вполне увѣренный, что тотъ, какъ испанскій грандъ и рыцарь, поддержитъ и не покинетъ его въ бѣдѣ. Гордость у Жуана развита необычайно; въ сознаніи того, что онъ—Донъ-

Жуанъ, онъ въ одномъ звукѣ своего имени черпаетъ мужество и силу на вызовъ статуѣ командора, и такъ доволенъ собою и такъ дорожитъ своею личностью, что предпочитаетъ мучиться въ аду, лишь бы не измѣнить себѣ до конца.

Данная у Граббе характеристика Жуана, въ сущности, вносить, такимъ образомъ, мало новаго въ типъ этого героя. Сравненіе его съ Фаустомъ, такимъ, какимъ онъ изображенъ у Граббе, тоже трудъ довольно непроеводительный. Правда, драма интересна по замыслу, но изъ нея основной идеи можно было бы извлечь несравненно больше, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ, а потому если уже приравнивать типъ Донъ-Жуана къ типу Фауста, то такое сравненіе, какъ мы увидимъ, Алексѣю Толстому удалось лучше, чѣмъ Граббе.

МАРГАРИТА САЛОМОНЪ.

МОСКОВСКІЙ

„АМЕРИКАНЕЦЪ“

РАЗСКАЗЪ

I.

Съ дѣтствомъ Ястребова я не знакомъ. Но не думаю, чтобы тѣ его годы представляли интересъ: слишкомъ традиціонна, глуха жизнь Замоскворѣчья, съ его большими неуклюжими зданіями купеческихъ домовъ, непременно въ садахъ, окруженныхъ заборами съ гвоздями, прибитыми остриемъ вверхъ. „Не жилище, а крѣпость“ — подѣ комендантствомъ „самого“ хозяина, и непременно потомственного почетнаго гражданина.

Сытая, однообразная жизнь купеческаго порядка царила въ домѣ, во дворѣ и даже конюшнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: крупичата, сыра и грузна „сама“ Глафира Ивановна; такой же фигурой обладаетъ и няня-экономка; откармливается на дѣйствительно жирныхъ харчахъ прочая прислуга, дворникъ и кучеръ — солидные ребята со склонностью къ ожирѣнію.

— Данило! Данило!.. — слышится зовъ изъ дома, — отвѣта нѣтъ.

— Митяйка!.. подѣ, покличь дяню Данилу, побуди его, ежели спить!.. — приказываетъ тотъ же голосъ мальчику, приспособленному бѣгать — звать и будить дядей Данилу, Петра и Степана.

Дѣйствительно, „спять дяди“, хотя время до обѣда, спять сладко, одинъ въ теплой и просторной дворницкѣ, другіе въ конюшнѣ, гдѣ дремлютъ толстыя, раскормленные лошади, и гдѣ двѣ кудластыя собаки тоже дремлютъ, прислушиваясь къ храпу дядей.

Въ домѣ пьютъ чай. Большой самоваръ, ярко вычищенный, солидно гудятъ. Хозяйка любитъ такую музыку, и какъ только самоваръ начинаетъ замолкать или переходить на высокія, скрипучія ноты, она непременно скажетъ нянѣ:

— Что-то, Никитишна, самоваръ, важись, глохнетъ... вели подложить угольковъ!.. ишь, запищалъ какъ невесело!

— Анна!—кричитъ Никитишна...—Алена! несите углей, да скорѣича!..

Черезъ минуту, босая, съ подоткнутымъ къ поясу подоломъ, является съ жаровней углей кухарка Анна и толстымъ, заскорузлымъ указательнымъ перстомъ сталкиваетъ горячіе уголья въ трубу самовара...

— Ой!..—кричитъ она, обжигая палецъ.

— Глупая!.. чего же не взяла лучинку!.. — упрекаетъ хозяйка.—Отцы мои, да вѣдь ты мнѣ скатерть новую сожгла!

Дѣйствительно, отъ неловкаго поворота Анны мелкіе уголья посыпались на столъ. Всѣ—хозяйка, Никитишна, Анна—бросились сдувать, стряхивать искры, пепель... Прожжена совершенно новая скатерть.

Слѣдуетъ шумъ, крики, и новая бѣлая скатерть снимается и замѣняется старой цвѣтной. Являются дѣти, два мальчика и дѣвочка, пухлые, на толстыхъ ногахъ. Дѣвочка всхлипываетъ: ее ущипнулъ и отнял кусокъ булки Васенька, который сидитъ и деревянной ложкой уписываетъ вишневое варенье, крупныя ягоды котораго валятся на свѣжую скатерть. Скоро онъ, впрочемъ, получаетъ подзатыльникъ отъ матери, а дѣвочка берется подъ ея покровительство.

— Кушать хочешь?—спрашиваетъ мать.—Няня, вели принести пышекъ, да пусть семгу, иеру захватятъ... Что-то кисленькаго захотѣлось!

И такъ весь день. Самоваръ не сходитъ со стола, закуски мѣняются, а если заѣдетъ гостя или зайдетъ матушка-попадья, то весь столъ заставляется яствами и графинчиками съ домашними настойками, и нѣтъ мѣста, куда поставить тарелку или чашку съ чаемъ.

— Отодвинь, няня, семгу, грибки туда къ блинчикамъ поставь!.. Да пускай горячихъ напекутъ,--ишь, энти остыли вовсе. Кушайте, кушайте, да наливочки отвѣдайте!

Кушаютъ и отвѣдываютъ до обѣда, до жирныхъ щей, до жирнаго гуся или индейки съ маринованными вишнями и огурчиками. Послѣ чего, часу этакъ въ третьемъ, сраженные всѣми

этими съѣстными и питейными продуктами, полубезсознательные, съ переполненными желудками, идутъ на повой.

До вечеренъ домъ словно вымираетъ, ибо все живущее, старое и малое, господа и слуги, покоятся непробуднымъ и тяжкимъ сномъ. Храпъ или сдавленный крикъ кошмара нарушаетъ тишину послѣобѣденнаго времени такого купеческаго дома.

Если въ лѣтнее время не спать дѣти, то они навѣрно въ саду, гдѣ ѣдятъ незрѣлыя яблоки, смородину или что-нибудь въ этомъ родѣ, но непременно ѣдятъ!

Купеческій домъ, это—мѣсто непрерывнаго почти потребленія лучшихъ предметовъ московскаго рынка. Всего въ изобиліи — чаша полная; и дѣйствительно, ѣдятъ, пьютъ люди до одурѣнія и постоянно, ибо привыкли ихъ желудки быть полными или вовсе переполненными. Даже когда кто заболѣетъ, то лечатъ ѣдой, а не лекарствомъ. Можетъ быть, этотъ способъ и недурной, но все-таки оригинальный.

— У Сережи животикъ болить, — говоритъ мать эконома, — такъ бульонцу ему пусть сдѣлаютъ, побольше чтобы мяса, надо покрѣпче бульонъ, а то не поможетъ... да чтобы яичекъ туда, да пирожковъ полегче, съ морковью, я думаю... Матушка вчерась говорила, что хорошо морковь отъ желудка помогаетъ!.. Котлетку ему тоже изъ курицы надо приготовить! Чтобы все было... да не говори „самому“, что Сережа-то боленъ... еще за докторомъ пошлетъ!.. Не дай Богъ, голодать заставить малаго... Знаю я ихнее леченье, діету эту самую!..

— Хорошо, сейчасъ велю! — отвѣчаетъ няня. — Ермолай пришелъ, тоже жалуется, боеть, говоритъ, колетъ, да и дышать несвободно...

— Заложило, значитъ? знаю, — рѣшаетъ хозяйка и нѣсколько задумывается. — Вотъ что, Никитишна: отрѣжь ему кусокъ сырой ветчины съ жиромъ, непременно съ жиромъ, да налей травяной настойки, которая въ плетеной бутылѣ...

— Знаю, знаю, — говоритъ няня, уходя исполнять врачевныя приказанія хозяйки. И дѣйствительно, охотно лечится прислуга, въ особенности когда выпить хочется.

Приходитъ дворникъ Данило и докладываетъ, что пошли по его тѣлу мурашки... такъ и бѣгаютъ, никакого слада нѣтъ...

— И ознобъ? — спрашиваетъ хозяйка.

— Точно, — отвѣчаетъ здоровенный мужичище, — какъ, значить, примѣрно по спинѣ побѣгутъ, такъ и ломаетъ...

— Знаю, знаю, — рѣшаетъ хозяйка. — Дайте ему водки съ

«Солью... а вотъ закусить что?.. кислаго надо... севрюга тамъ осталась въ укусу... вотъ севрюгой закуси!..»

— Слушаю, благодаримъ покорно, — отвѣчаетъ дворникъ и на ходу слышитъ: „Да огурчиковъ пару или двѣ соленыхъ ему отпустите!“

Вотъ каковы были впечатлѣнія первыхъ дѣтскихъ годовъ Сергея Ястребова въ тихомъ и сытномъ отцовскомъ домѣ, гдѣ цѣлыми днями ѣли, пили и даже лечились, переѣбывая и выдушивая вѣду.

Сытные годы дѣтства—и только!

II.

Сергѣй Семеновичъ Ястребовъ дома обыкновенно не бывалъ съ утра до ночи, кромѣ праздниковъ, да по вечерамъ буднихъ дней, когда у него въ домѣ бывали гости и играли въ карты.

Въ присутствіи хозяина порядокъ и тишина были примѣрные. Сергѣй Семеновичъ не выносилъ проявленія личности, его слово было законъ, противорѣчіе — преступленіе. Дѣти страшно боялись отца, который въ то же время былъ ихъ авторитетъ. „Папаша сказалъ“, „папаша велѣлъ“, — значить, это неизмѣнно. „Папаша умный“, „богатый“, „у папаши много, много денегъ“! „Надо походить на папашу“!..

Деньги для маленькихъ Ястребовыхъ представлялись и силой, и добродѣтью. Можно все купить, можно дать денегъ, кто нуждается. Григорій былъ старшій, одиннадцатилѣтній мальчикъ, и уже имѣлъ небольшія деньги, которыя хранилъ и расходовалъ... Послѣ выигрыша въ карты отецъ надѣлялъ своего любимаго сына иногда порадочными деньгами. Зачѣмъ? чтобы къ нимъ приучаться. Бывало, проигрываетъ и зоветъ: „Гриша! Григорій!“

— Что угодно, папаша?

— Есть у тебя деньги?—спрашиваетъ отецъ.

— Какъ же, папаша!.. безпримѣнно!..

Со всѣхъ ногъ стремится Гриша въ свою комнату, гдѣ отпирываетъ шкатулку, вынимаетъ требуемую сумму и летитъ къ отцу.

— Извольте получить, папаша... двадцать-пять цѣлковыхъ!..

— Молодецъ! Получишь съ процентами!—говоритъ отецъ.

Партнеры, довольные, смѣются.

— Теперь обдуетъ насъ Сергѣй Семеновичъ... счастливыя деньги у него!.. — замѣчаетъ милліонеръ, по шерстяному дѣлу, Александровъ.

— Безпримѣнно обчекрыжить!.. Знаемъ мы Сергѣя Семеновича,—говорить богачъ и скупецъ Авгіевъ.

— И васъ тоже знаемъ! — отвѣчаетъ Ястребовъ, покрываясь трескомъ короля противника козырнымъ тузомъ.

Одна изъ такихъ игръ, между прочимъ, рѣшила судьбу Гришв. Благодаря винту, онъ попалъ учиться въ гимназію. Дѣло въ томъ, что у одного изъ партнеровъ Ястребова жилъ студентъ, репетиторъ его сына, учившагося въ гимназіи. Этотъ студентъ, прекрасный вивтѣръ, понравился Ястребову, и онъ рѣшилъ отдать сына въ гимназію. „Въ университетъ, — думалъ Ястребовъ, — я его не пушу, а пусть въ гимназіи учится, — это не вредно!.. Правда, никто изъ нашей фамиліи не учился въ гимназіи, всѣ обучались въ коммерческихъ училищахъ, но Гришка пусть!.. Ходовой мальчишка... Коммерція отъ него не уйдетъ!“

Пришло время, сталъ ходить къ Гришѣ студентъ, который иногда по вечерамъ съ Ястребовымъ и его гостями игралъ въ карты и почти постоянно выигрывалъ. Въ такихъ случаяхъ ученикъ не отходилъ отъ учителя, слѣдилъ, соображалъ и скоро совершенно освоился съ игрой.

— Пошли бы съ дамы, еще была бы взятка!.. — замѣтилъ онъ своему наставнику.

— А вѣдь вѣрно, голубчикъ!.. — отвѣчалъ, подумавъ, учитель.

— Каковъ! — поглядѣлъ на сына отецъ. — Каковъ указатель?! Ай да малецъ!.. ты можешь и взаправду въ винтъ играть?

— Отчего жъ? — скромно отвѣчалъ Гришка:—могу, папаша!

Но отецъ, слѣлавъ строгое лицо, прибавилъ:

— Еще малъ, чтобы съ нами въ компаніи, еще молоко на губахъ не высохло!.. понимаешь?

— Очень хорошо понимаю, папаша!..

Но въ скоромъ времени случилось такъ: пріѣхалъ, навѣрно, послѣ добраго обѣда, въ веселомъ расположеніи самъ Ястребовъ съ покупателемъ-купцомъ изъ провинціи. Стали пить чай. Разговоры какъ-то не клеились.

— Чтò Гришка съ учителемъ? — спросилъ жену Ястребовъ.

— Занимаются у себя на верху.

— Зови чай пить! — приказалъ хозяинъ.

Ученикъ и учитель не замедлили явиться.

— Хотѣли въ Малый театръ сегодня... — рассказывалъ Сергѣй Семеновичъ, — билетовъ ни одного нѣтъ... Тронули въ Большой... тоже!.. А въ циркѣ вчера были!..

— Любопытная пьеса... — замѣтилъ студентъ. — Городской голова выведенъ...

— Ну?! нашъ голова?—воскликнулъ хозяинъ.

— Говорять; я тоже билета не досталъ...

— Любопытно будетъ поглядѣть!.. Про кого теперь не пишутъ, подумаешь... и какъ начальство позволяетъ!? Уважаемаго человѣка и на показъ актеръ изображаетъ. Нѣтъ, не дѣло, не дѣло, говорю!

Ему не возражали. Хозяйка зѣвнула, широко разинувъ ротъ, который быстро и испуганно перекрестила.

— Въ винтъ бы до закуски не мѣшало? — предложилъ хозяинъ, — да четвертаго нѣтъ...

— Недурно бы повинтить, — замѣтилъ гость. — Мы въ Костромѣ каждый день этимъ занимаемся... Скромная игра... и умственная...

— Развѣ вотъ чтѣ...—заговорилъ Ястребовъ и остановился, глядя на Гришу. — Видишь мальчика моего, — обратился онъ къ гостю. — Дошлый... винтъ понимаетъ!..

— Вотъ и отлично!—обрадовался гость.

— Слышишь, Григорій?.. Можешь, чтобы серьезно?!

Глазенки засверкали у Гриши, и онъ отвѣчалъ:

— Помилюйте, папаша!

— Деньги есть у тебя?

— Какъ же, папаша!

— Ну, прощайся, братъ, съ ними!—засмѣялся отецъ.

Однако, хозяйка взволновалась.

— Статочное ли дѣло, чтѣ выдумали!? грѣхъ какой! Развѣ хорошо дитя въ карты съ этакихъ лѣтъ приучать?.. Господи!..

— Ну,—нахмуривъ брови, отвѣчалъ Сергѣй Семеновичъ,— не съ кѣмъ другимъ, а съ отцомъ играть будетъ!.. Чтѣ говоришь?.. Лучше позаботься о хорошей закускѣ и чтобы пару бутылочъ заморозили!..

Приготовили столъ, и черезъ пять минутъ четыре партнера сидѣли по сторонамъ, серьезные, рѣшительные передъ предстоящей битвой. Учитель съ ученикомъ составляли одинъ лагерь, противниками котораго были хозяинъ и гость.

— Посмотримъ, — говорилъ, сдавая карты, хозяинъ. — Посмотримъ, господа ученые люди!..

Гриша сидѣлъ, бросалъ карты, сдавалъ и говорилъ крайне важно, до комизма. Онъ не замѣчалъ ничего кругомъ, совершенно увлекшись игрой. Другія дѣти, прислуга съ удивленіемъ, а нѣкоторые со смѣхомъ, смотрѣли на маленькаго человѣка, игравшаго съ большими и на большія деньги.

Въ столовой было большое оживленіе. Звякали тарелки, стучали ножи и вилки. Прислуга смѣялась, перешептываясь. Хозяйка и няня вздыхали и качали головами. Въ игровой было тихо, ни шума, ни спора. Спокойно и отчетливо доносилось: „три пика!“ — „пассъ!“ — „шесть бубны!“

Голосъ Гриши измѣнился. Странныя, низкія ноты слышались въ немъ, когда, не поднимая отъ картъ своихъ глазъ, онъ говорилъ:—Двѣ черви!.. пассъ!.. четыре черви!

Игра затянулась. Гриша и учитель были въ порядочномъ выигрышѣ и получили его наличными деньгами.

Съ того самаго вечера Гриша возвысился въ глазахъ всѣхъ домашнихъ, и когда доставало четвертаго партнера, то Гришу звали, и онъ игралъ хорошо и расчетливо.

III.

Я не буду рассказывать о первыхъ годахъ Гришина ученія въ гимназіи. Особенныхъ способностей и любознательности онъ не оказалъ, но, благодаря смѣтѣ, практическая сторона жизни ему была знакома лучше товарищей, а вѣра въ деньги была крѣпкая, безусловная.

Онъ тѣсно познакомился и подружился съ нѣкоторыми одноклассниками изъ богатыхъ. Одинъ, Масловъ, былъ сынъ умершаго купца-фабриканта, другой, Лавровъ—изъ дворянъ-землевладѣльцевъ, и третій, Подполичъ—что-то въ родѣ послѣдняго, хотя въ своей фамиліи ни графовъ, ни князей не насчитывалъ.

Мало-по-малу этотъ небольшой кружокъ сталъ извѣстенъ въ гимназіи подъ именемъ „консерваторовъ“. Компания держала себя нѣсколько свысока, кромѣ Ястребова, вслѣдствіе, такъ сказать, его коммерческаго и демократическаго характера. „Деньги,—говорилъ онъ,—это вещь первая и самая уважаемая, а онѣ водятся у всякаго сословія и даже у крестьянина... Я уважаю человѣка, который умѣетъ наживать деньги!.. А что мнѣ князь, если онъ нищій, да еще глупый... плевать я хочу!“

Друзья снисходительно улыбались, ибо и они почитали деньги,—разумѣется, не маленькія, а капиталы. Еще бы не относиться снисходительно къ Ястребову, у котораго всегда были деньги, и своимъ друзьямъ онъ никогда не отказывалъ.

Пока Ястребовъ учился въ послѣднихъ классахъ гимназіи, онъ проходилъ и школу жизни. Отецъ относился къ нему почти какъ къ взрослому: бралъ его съ собою въ рестораны обѣдать,

возилъ даже за городъ къ цыганкамъ. Скоро Григорій научился выразительно, съ придыханіемъ, пѣть цыганскіе романсы и смотрѣть на жизнь проще, то-есть, совсѣмъ узко, матеріально.

Съ ресторанной средой онъ познакомилъ своихъ друзей, которые удивлялись Григорію, какъ просто и рѣшительно онъ тамъ распоряжался, и тому, какъ его уважали по отцу и личному характеру, веселому и откровенному.

На первый взглядъ вообще Ястребовъ былъ рубаха-человѣкъ, простодушный, откровенный и удалой. Соображеніе у него было быстрое, а хитрость—прирожденное качество Ястребовыхъ—давала ему возможность играть первую роль среди друзей.

Однако онъ не такъ былъ простъ, какъ это казалось, и во все не искрененъ,—напротивъ, молодой человѣкъ былъ истинный карьеристъ, хотя оригинальный и чисто московскій. Этотъ разухабистый „добрый молодецъ“ въ былые годы непремѣнно былъ бы виднымъ ушкунникомъ и добытчикомъ капиталовъ прямымъ, почти разбойнымъ путемъ. Но теперь времена были иныя, культурныя, а потому и приемы требовались подходящіе, современные.

Въ то время, къ которому относятся мой разсказъ, въ торговомъ московскомъ мірѣ занималъ первое мѣсто хлопокъ. Сергѣй Семеновичъ Ястребовъ, въ сущности человѣкъ безъ особенныхъ капиталовъ, хорошо кормился около хлопка. Григорій зналъ это, и когда отецъ заявилъ ему, что не допуститъ сына поступить въ университетъ, откуда выходить „крамольники“, сынъ отвѣтилъ:—Хорошо, папаша, тогда дайте мнѣ возможность изучить хлопковое дѣло... отправьте меня въ Ташкентъ.

Отецъ Ястребовъ былъ не только доволенъ, но не утерпѣлъ, чтобы не похвалить первенца, сказавъ, что совсѣмъ въ него пошелъ сынокъ.

— Американецъ ты у меня... настоящій американецъ!.. Деньги-то есть ли на расходы? — прибавилъ Ястребовъ.

— Немного, папаша!..

— Ну, надо помочь... держи вотъ!..

Довольный Григорій опустилъ въ свой карманъ „сотенную“ бумажку и поѣхалъ къ товарищамъ, у которыхъ въ послѣднія времена дѣла были плохи, ибо сплеховали ихъ родители. Лаврову изъ деревни писали, что нѣтъ урожаявъ, а Маслова матушка и опекунашя отдала капиталы въ „очень выгодное дѣло“, которое стояло наканунѣ краха.

О Подполичѣ и говорить нечего. Мало-по-малу онъ оказался форменнымъ прохвостомъ, но, благодаря лести и всякому лицемерію, продолжалъ держаться въ кругу товарищей, которые тер-

пѣли его великодушно. Въ университетъ послѣдній тоже не поступилъ и проживалъ въ арендованномъ отцомъ, мажоромъ по специальности, имѣннѣ, откуда нерѣдко прїѣзжалъ въ Москву.

Масловъ и Лавровъ были студентами. „Консерваторами“, какъ ихъ звали въ гимназїи, они не были, считая, можетъ быть, себя теоретическими членами такой партїи. Ни въ какую политику внутреннюю они не вмѣшивались, ни съ какими представителями партїй не сходились, держась въ сторонѣ и заводя знакомство осторожно съ подобными себѣ. Ихъ занимала больше казовая, столичная жизнь. Хорошїй извозчикъ, ресторанъ, вкусныя обѣды и ужины и театръ съ новой пьесой, когда они важно сидѣли въ первыхъ рядахъ,—вотъ былъ ихъ жанръ, солидный и недешево стоющїй.

Въ другое время ихъ, этихъ друзей, кромѣ, впрочемъ, Ястребова, занимала внѣшняя политика, и они совершенно спокойно и корректно обсуждали дѣла европейскихъ кабинетовъ, парламентовъ и бороны.

— Ну, политики,—влетѣлъ Ястребовъ къ Лаврову, гдѣ былъ и Масловъ,—собирайтесь!.. Идемъ обѣдать, а потомъ за городъ!..

— Что, разбогатѣлъ?.. — спросили друзья, у которыхъ, какъ говорится, „ни копя“ не было.

— Папаша выручилъ, да еще „американцемъ“ назвалъ!.. Слышите?.. Вы—европейцы, а я—„американецъ“. А вотъ и билетъ, на который мы тряхнемъ стариной. — Онъ показалъ имъ сто-рублевую бумажку и прибавилъ:—Скорѣйча, старикашки!

Всѣ были въ хорошемъ расположенїи духа и, одѣваясь, говорили:—Въ самомъ дѣлѣ, Григорїй, ты американецъ!.. Сидѣли мы тутъ въ робкомъ унынїи... и вдругъ... молодецъ!.. Какъ это такъ, въ-время? въ самую точку!...

Ястребовъ волновался и кипѣлъ. Онъ то затягивалъ цыганскїй романсъ, то подпрыгивалъ, однимъ словомъ, велъ себя развязно, „по-американски“, какъ онъ, вѣроятно, думалъ.

Я забылъ прибавить, что Григорїй Ястребовъ, теперь уже двадцати-лѣтнїй молодой человекъ, далеко не напоминалъ того дѣловаго, покорнаго мальчика, котораго мы оставили играющаго съ отцомъ въ винтъ. О, нѣтъ! Это былъ необыкновенно шустрый, хотя и толстый человекъ. Папашины жирныя и сытныя харчи скомпактовали жирную и плотную фигуру Григорїя Ястребова, представлявшаго собой типичнаго купчика, у котораго деньги есть и которому все тринтъ-трава.

Григорїй умѣлъ тратить деньги, умѣлъ заказать *manger et boire* и время провести. Въ Москвѣ любятъ и уважаютъ такихъ

людей, которые весело и шумно проживаютъ деньги. Кромѣ того, молодой Ястребовъ такъ проживалъ и столько вносилъ въ кутежи жизни и подъема чувствъ, что казалось—истрачено много сотенъ, а на повѣрку—одна лишь съ четвертной. И были всѣ довольны до самаго послѣдняго швейцара, которому, какъ и остальнымъ „человѣкамъ“, Ястребовъ умѣлъ дать „на чай“, не забывая снабдить даваемое лаской и привѣтомъ.

Григорій Сергѣевичъ былъ желаннымъ гостемъ не только въ ресторанахъ, а вообще въ домахъ не-аристократическаго характера, гдѣ шумное безпредметное веселье, вслѣдствіе общаго русскаго унынія, встрѣчалось съ удовольствіемъ. Толстый молодой человѣкъ умѣлъ отвлечь, поднять настроеніе, и потому былъ желаннымъ и пріятнымъ гостемъ. Онъ нравился дамамъ, которымъ умѣлъ намекнуть, что хотя онъ веселъ, но тамъ, далеко, его сердце грызетъ тоска и точитъ печаль.

Это было интересно дамамъ, которыя, впрочемъ, цѣнили его полупрезрительное отношеніе къ деньгамъ.

— Чтѣ деньги?—говорилъ имъ толстякъ.—Деньги дѣло наживное, а сердце, душа—это важнѣе милліона!

Однимъ словомъ, толстякъ былъ тонокъ въ умѣннн, какъ поставить себя въ той или другой средѣ.

— Ну, „американецъ“, заказывай обѣдъ! — предоставили Григорію его друзья.

Опытность въ этомъ дѣлѣ сказалась на этотъ разъ такая, что даже „человѣки“ увлеклись, повторяя:—Будетъ сдѣлано, не беспокойтесь, Григорій Сергѣевичъ!

— Да не забудь, Дмитрій, скажи повару, чтобы въ мѣру и укусу, и сметаны.

— Будьте покойны! А закусить чтѣ приважете?

И закуска была продиктована оригинальная.

Весело и пріятно было слушать веселаго гастронома со здоровымъ желудкомъ.

— Когда же, Григорій, въ Америку думаешь?—шутили любовно друзья.

Ястребовъ на минуту задумался. На мигъ потемнѣли его каріе глаза.

— А что-жь?..—быстро и смѣло проговорилъ онъ:—и въ Америку поѣдемъ!.. Вотъ сначала Азію посмотримъ. Чтѣ вы думаете, кляси!.. Ахъ, чортъ возьми, забылъ... Надо повару сказать... сейчасъ сбѣгаю въ кухню!..

Загрѣмѣлъ стулъ, и Ястребовъ живо, какъ шаръ, выкатился изъ отдѣльнаго кабинета.

— А что ты думаешь...— обратился Масловъ къ Лаврову:— съ него станется въ Америку поѣхать?

— И поѣдетъ,— отвѣчалъ послѣдній.

— Ловкій малый,— сказалъ Масловъ.

— И рѣшительный!..— прибавилъ Лавровъ.

IV.

Прошло два года. Ястребовъ уѣхалъ въ Туркестанскую область, на мѣсто производства хлопка. Масловъ умеръ. Передъ смертью онъ злоупотреблялъ спиртными напитками, вообще ничѣмъ не интересовался, ни университетомъ, ни общественной жизнью. Молодой и неглупый человѣкъ пошелъ быстро на смарку. Говорили, что покойный отецъ Маслова страдалъ и умеръ отъ запоя.

Плохо себя сталъ чувствовать и Лавровъ. Преобладающею болѣзнию въ его родѣ была чахотка, отъ которой многіе близкіе, въ томъ числѣ и братъ, довольно быстро поумирали.

Вообще кружокъ товарищей разсѣивался при весьма мрачныхъ обстоятельствахъ.

Къ этому времени относится знакомство Лаврова съ довольно оригинальной личностью — Ивановымъ, съ которымъ раньше познакомился Ястребовъ гдѣ-то, не то въ театрѣ, не то въ ресторани.

Въ годы студенчества Лаврова марксизмъ среди молодежи былъ моднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выдающимся ученіемъ. Земледѣльческій народъ былъ забытъ. Робочій и интеллигентъ шли во главѣ освободительнаго движенія. Русскій марксизмъ и материализмъ видѣлъ будущее Россіи въ развитіи центровъ и капиталистическаго производства, которое мы безусловно должны были пережить по западному образцу, чтобы потомъ стать лицомъ къ лицу въ борьбѣ труда съ капиталомъ.

Странно! сегодняшніе друзья—завтра должны стать врагами!

Огромная земледѣльская трудовая масса билась въ желѣзныхъ тискахъ наступавшаго экономическаго кризиса. По мнѣнію большей части интеллигенціи, тамъ были мракъ и невѣжество и земельный животный консерватизмъ.

— Дайте мужику влочокъ земли, и онъ будетъ счастливъ!.. Всякая свобода личности у него связана съ землей. Надо идти впередъ, надо встряхнуть и мужика!

Такъ говорили въ то время.

— Всякій пропойца босякъ ближе къ прогрессу и сознательнѣе мужика,—прибавляли другіе.

Еще и еще... Появились писатели, не особенно талантливые, пошли въ походъ на мужика и имѣли успѣхъ.

Лавровъ, считавшій себя европейцемъ, потому вѣроятно, что его дѣды и отцы прожили огромныя деньги въ Парижѣ, сочувствовалъ ученію марксистовъ, еслибы оно не было такъ революціонно, хотя въ Лавровѣ таилось и нѣчто теплое по отношенію мужика. Это чувство было несознательное, что-то далекое и тѣмъ не менѣе близкое, свѣтлая страница дѣтства и даже юности.

„Хорошо, еслибы Парижъ былъ въ Россіи, а Ницца на берегу Чернаго моря, а внутри и около—фабрики и заводы; производство и обмѣнъ, торговля и деньги“... При послѣдней мысли Лавровъ вспоминалъ Ястребова и думалъ: „А онъ марксистъ!“ Думалъ и смѣялся надъ этой думой.

„Да, золотое время развитія центровъ и крупной промышленности!.. Хорошо!.. Золото такъ и льется въ Государственную Кассу или банкъ. Хорошо! Но мужикъ что же дѣлаетъ въ это время? Попрежнему ковыряетъ сохой свою узкую до смѣшного, выпханную полосу, и попрежнему его Савраска съ вытянутой шеей и впалыми бочками тянетъ и тянетъ допотопный инструментъ“...

Сердце Лаврова дрогнуло, и ему стало жаль мужика, того, далекаго, добродушнаго, который, совершая въ сущности земельное геройство, говорилъ: „ничего!“

„Дѣйствительно хорошо, еслибы Парижъ въ Россіи, но куда тогда дѣнется деревня?“

Такия мысли и воспоминанія о мужикахъ чаще и чаще приходили въ голову Лаврова,—особенно тогда, когда онъ встрѣчался съ Ивановымъ, съ которымъ ему было хорошо и оригинально. Ивановъ былъ страстный народникъ, поклонникъ Достоевскаго и Некрасова, видѣвшій и будущее, и обновленіе Россіи только въ мужикѣ, въ свободномъ совершенно земледѣльцѣ.

— Кто сотворилъ великое русское государство? кто? Мужикъ. А что онъ за сіе получилъ? Знаете сами. Чѣмъ онъ живетъ? терпѣніемъ и трудомъ, да еще какимъ трудомъ! упорнымъ, сложнымъ, который порой, по капризу природы, обращается въ ничто, безъ всякаго результата, что называется неурожаемъ. Мужикъ производитъ хлѣбъ, зерно, которые рѣшительно нужны для *всѣхъ* безъ исключенія, для человѣка и полезныхъ животныхъ... Укажите мнѣ такую фабрику, которая производила бы подобный безусловно нужный для всѣхъ предметъ?! Нѣтъ, не укажете, не усиливайтесь думать... напрасно!.. Мы забыли о мужикѣ, возло-

живъ на него огромный трудъ и гигантское терпѣнiе, и думаемъ, что онъ добродушный рабъ... Какая преступная, удивительная ошибка!.. Вы не предполагаете, что въ мужикѣ зрѣеть протестъ, протестъ сознательный и въ то же время стихійный. Наступитъ часъ, когда одновременно архангельскій и таврическій мужикъ закричитъ и потребуетъ свободной земли!..

— Ну, что-жь?—спрашиваетъ Лавровъ.

— Какъ что-жь?..—кричитъ Ивановъ.— Мы приготовились въ этому или приготавливаемся.

— То-есть, какъ это?

— Такъ! Понимаемъ ли мы всю мудрость и сложность такой задачи? знакомы ли съ мировоззрѣнiемъ мужика, или думаемъ, что онъ рабъ?

— Я не понимаю васъ...

— Если онъ рабъ, то тогда мы, культурные европейцы, должны будемъ усмирить, уничтожить его. А если въ немъ стихійно или сознательно появилась объединяющая мысль, которой мы не знаемъ... тогда чтò?

— Какъ не знаемъ?—возражалъ Лавровъ.— Да вы первый прекрасно знаете народъ, и я не понимаю, отчего вы не пишете и не помѣщаете вашихъ статей. То, чтò вы говорите, такъ интересно во всякомъ случаѣ...

Ивановъ горько усмѣхнулся.

— Развѣ можно одному человѣку знать, чтò дѣлается у насъ съ русскимъ народомъ, и по какому пути идетъ и развивается его мысль?.. Вѣдь это такое огромное тѣло, на которомъ столько слѣдовъ пережитого, историческаго, и геройскаго, и рабовладѣльческаго періода, что, право, руками разведешь, а вы говорите, что такъ просто и немудрено знать народъ. Я знаю только, что народъ—организмъ измученный, но здоровый, который хочетъ жить самъ по себѣ... Имѣетъ ли онъ на это право?

— Конечно имѣетъ,—отвѣчалъ Лавровъ.

— Въ этомъ-то и дѣло... Тогда посмотримъ... русская исторія только еще начинается.

Собесѣдники замолчали на нѣкоторое время.

— Знаете, я отъ Ястребова получилъ письмо,—сказалъ Лавровъ:—скоро онъ будетъ въ Москвѣ.

— Чтò такъ?

— Поссорился со своимъ патрономъ и пишетъ мнѣ, что изъ Москвы думаетъ ѣхать въ Америку...

— Зачѣмъ?

— Не знаю. Объ этомъ въ письмѣ ни строчки.

— И поѣдетъ, и приѣдетъ назадъ, — отвѣчалъ Ивановъ, — и деньги наживетъ!

— Гдѣ? въ Америкѣ?

— Нѣтъ, въ Москвѣ.

— А я думаю, что ни въ какую Америку онъ не поѣдетъ... да и отецъ не пуститъ... Дѣло ему всегда въ Москвѣ найдется...

— Ястребовъ — натура не такая, — проговорилъ Ивановъ: — во-первыхъ, самолюбивъ, любить деньги и вслѣдствіе этой любви смѣлъ. Знаете, что влюбленные рѣдко передъ тѣмъ останавливаются!..

— Я не думаю, чтобы Григорій ужъ такъ любилъ деньги... Правда, онъ любить и умѣетъ ихъ тратить и проживать...

— А наживать, можетъ быть, еще интереснѣе... процессъ весьма завлекательный! Въ этомъ случаѣ Америка можетъ поучить и дать ему необходимую выдержку...

— Но, тѣмъ не менѣе, изъ русскаго американцемъ не сдѣлается... у Григорія все-таки душа, натура!..

— Поживемъ, увидимъ... Ястребовъ — любопытный, чисто московскій типъ, предприимчивый.

V.

Приѣхалъ Григорій Ястребовъ въ Москву. Онъ сильно измѣнился, похудѣлъ и загорѣлъ; его борода округлилась, придавая ему солидность. Характеръ и приемы попрежнему были живые, но какое-то непонятное безпокойство проглядывало въ немъ по временамъ. Съ отцомъ онъ, по приѣздѣ, пребывалъ въ хорошихъ отношеніяхъ, которыя, какъ увидимъ, послѣ рѣзко измѣнились.

— Что-жъ, — говорилъ приѣхавшій Лаврову, — надо будетъ поминки справить по Масловѣ... Рѣдѣетъ наше товарищество... А гдѣ Подполичъ?!

— Онъ у меня въ имѣніи хозяйничаетъ, — отвѣчалъ Лавровъ: — съ отцомъ у него что-то вышло... не знаю, право!.. Ну, рассказывай про востокъ! Хорошо пожилъ? много нажилъ?..

Ястребовъ усмѣхнулся.

— Нажили, братъ, другіе, у кого капиталы, а я смотрѣлъ, какъ обдирали сартовъ... Ну, и народъ!.. больно довѣрчивый... Если его съ собой посадить, да разъ-другой хорошо угостить — бери тогда голыми руками!..

— Какъ хлопковое дѣло?

— Чтѣ хлопковое дѣло! — повторилъ Ястребовъ, задумываясь.—Какая тамъ природа! какое яркое солнце! Декорація, да и только!.. Я и въ Ферганской области, и въ Бухарѣ былъ... Богатая страна, да не умѣютъ за нее взяться... Никто работать не хочетъ. Ты спросишь про хозяйство, культуру?.. Чтѣ объ этомъ говорить!.. Чтѣ дала природа сама, чтѣ выросло, то и бери!.. Виноградъ роскошный, фрунты замѣчательные, вино мѣстное—прелесть!.. Всего пропасть, все дешево, почти даромъ. Такихъ дынь, какія я тамъ ѣлъ, не думалъ, что могутъ быть... Сахаръ и аромать!..

— И вино, говоришь, хорошее?—перебилъ Лавровъ.—Что же не привезъ бутылочку-другую?

— Какъ же, захватилъ бѣлаго, захватилъ порядочно!.. Но знаешь меня?—сошелся въ дорогѣ съ теплой компаніей... дорога дальняя... ну!..

— Повнимаю! Чтѣ же теперь въ Москвѣ будешь? назадъ не думаешь обратно?

— Не знаю...—задумчиво отвѣчалъ Григорій.—Вотъ еслибы компаньона, человѣка съ капиталами найти,—такое золотое дѣло можно устроить!.. Остался бы тамъ жить совсѣмъ!.. Утопалъ бы въ коврахъ... сартянку завелъ бы!.. И житье же... Всего въ волю!..

— Отчего же фрунты и вина сюда не доставляютъ? ты очень хвалишь!..

— А провозъ? а дорога?—вскричалъ Ястребовъ.—Ты не знаешь нашихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ: это... это грабежъ!.. Дороги наши для чего строятся? Ты думаешь, для торговли, для промышленности? Держи карманъ шире!.. Для тарифовъ и для стратегіи! И еще для кого?—для важныхъ и вліятельныхъ подрядчиковъ!..

— Это еще чтѣ такое?

— Не знаешь... а я съ такимъ подрядчикомъ завтракалъ... У него въ секретаряхъ служить генералъ въ отставкѣ, тайный совѣтникъ... понимаешь, какая штука!.. Подрядчикъ только и говорить о живописи да о театрѣ... въ Европѣ, въ Америкѣ долго жилъ!..

— Кстати, какъ же Америка?

— Надо ѣхать; да отецъ противъ этого. Въ деньгахъ отказалъ, да еще намекаетъ и въ будущемъ лишить своего покровительства!.. Чтѣ отецъ!.. Конечно, уменъ, ловокъ, но по-московски!.. Въ другихъ-то мѣстахъ и папашу проведутъ. Ого! какой народъ! Я съ англичанами познакомился. Вотъ поди, до-

берись до нихъ, узнай ихъ мысли!.. Нѣтъ, братъ, палишь — не люди, а каменные маски... да-съ!..

Григорій задумался и, стукнувъ кулакомъ по столу, съ силою воскликнулъ:

— Въ Америку нашему брату надо, въ Россіи безъ капитала ничего нельзя сдѣлать... Не пустякъ, братъ, капиталисты, на ноги стать не дадутъ, хотя поятъ и угощаютъ до чортиковъ!.. Его свиную кожу не прошибешь такъ-то, поди-ка!..

— Чѣмъ же тебѣ Америка поможетъ?..

— Не знаю, чѣмъ... а увѣренъ, что поможетъ! — весело сказалъ Ястребовъ и запѣлъ отчаянный цыганскій романсъ.

— Однако, Григорій, ты сталъ нервнымъ, — замѣтилъ Лавровъ. — Прежде этого за тобой не водилось!..

— Развѣ?.. — молвилъ „американецъ“ и, помолчавъ, прибавилъ: — Что ты не женишься, братъ?..

— Ха! ха! Это еще что такое?.. Вотъ не ожидалъ!.. Ужъ не влюбленъ ли ты, милый мой?.. Тогда женись самъ.

Григорій сдѣлалъ мечтательное лицо и таинственно засвисталъ.

— Наверно влюбился, толстякъ?

Ястребовъ продолжалъ свистать, несомнѣнно о чемъ-то мечтавъ.

— Иванова не видѣлъ? Онъ тобой очень интересуется, — спросилъ Лавровъ.

— Этого чудака-то? — засмѣялся Григорій.

— Знаешь, что онъ про тебя сказалъ? что ты марксистъ!.. Ловко?

— Дуракъ онъ и больше ничего!.. — вдругъ разсердился „американецъ“. — Что онъ понимаетъ?.. Я люблю русскій народъ, потому что онъ добродушный, хорошій народъ!.. Марксисты — это какіе-то иностранцы!..

— По духу, по характеру... Говорилъ, что ты предприимчивый человѣкъ!..

— Ну, что-жь? — сурово отвѣчалъ Григорій. — А онъ не предприимчивый... Когда надо, трехъ рублей не можетъ достать... Тоже говорить!..

— Что ты сердиться?.. — удивился Лавровъ. — Вѣдь это, наконецъ, твой знакомый!

— Мало ли у меня знакомыхъ... цѣлая Москва знакома!.. Не люблю я фантазеровъ!.. Мнѣ дѣло подай, а не разговоры хорошіе, — на разговорахъ далеко не уѣдешь и денегъ не наживешь!..

— Ну, братъ, все деньги да деньги!..

— Я не говорю—однѣ деньги... а что мы съ тобой были бы безъ нихъ?! тоже, братъ, подумать надо!.. всякій купчишка черезъ голову будетъ смотрѣть!.. Деньги? ты не понимаешь меня... Эхъ, какія ночи на востокѣ!.. жгучія, съ истомой, съ яркими звѣздами. Тишина... Бывало, выйдешь изъ палатки въ садъ, да таеъ и за-мрешь! Музыки, пѣсенъ хочется, женщинъ!..

— Ловко. Вотъ это я понимаю!.. Поэзія!..

— А что вы сидите въ Москвѣ?.. Одно и тоже, одно и тоже! И кутить, и выпивать надоѣстъ... скучно!.. Хорошо путешествовать, вездѣ побывать!..

— Миѣ совѣтуютъ доктора ѣхать лечиться за границу!..

— Лечиться... лучше въ Россіи!.. Въ степяхъ кумысъ пить... жить въ висловодскихъ горахъ... Поѣдемъ въ Кисловодскъ?.. Хорошая компанія собирается...

— Нѣтъ, благодарю. А ты развѣ думаешь ѣхать туда?

— Миѣ по дѣлу надо въ Ростовъ, а оттуда совсѣмъ близко.

— Желаю успѣха,—улыбнулся Лавровъ.

— Въ чемъ?

— Въ дѣлахъ, конечно... во всякихъ!..

— А все-таки Иванова надо повидать!.. Съ нимъ время интересно провести. Поѣдемъ къ нему сейчасъ, а потомъ ужинать!..

— Я, Григорій, теперь рано ложусь спать!..

— Ну, для друга-то можно, для первой встрѣчи послѣ столькаго времени... Поѣдемъ!..

Поѣхали. Ивановъ былъ очень занятъ, но обѣщаль придти въ указанный ресторанъ—и не пришелъ.

— Ишь, обмануль,—говорилъ Ястребовъ.—А ты все ки-снешь!.. Поѣдемъ за городъ, что-ли!.. вспомнимъ старину!..

За городомъ дѣйствительно было оживленно. Цыганки искренно обрадовались Ястребову, который вошелъ въ свою колею, и пошло разливанное море и пѣсни. На зарѣ возвращались пріатели домой. Ястребовъ ѣхаль ночевать къ Лаврову.

— Я къ тебѣ, братъ,—домой неловко, не хочется... Нѣтъ, папаша!.. напрасно страшась... твой Григорій не изъ трусли-выхъ... въ Америку поѣдетъ... да-съ, поѣдетъ!..

Это было пьяное бормотанье, котораго не слыхалъ Лавровъ, раскачивавшійся въ полуснѣ на извозчицѣй пролетѣ.

Черезъ нѣсколько дней Ястребовъ уѣхаль изъ Москвы, ко-торую вскорѣ покинулъ и Лавровъ. Весна была въ разгарѣ. Изъ каменнаго города таяла вонъ какая-то неодолима сила. На-ступило время, когда природа брала верхъ надъ городскимъ че-ловѣкомъ, у котораго въ глубинѣ сердца просыпалось что-то

радостное, которое было не что иное, какъ желаніе простой законной жизни среди вольнаго пространства непосредственности. Летѣли поѣзда на западъ и югъ. Первые—на чужбину, вторые—въ родные края. Въ окнахъ вагоновъ были видны дѣтскія лица, на которыя всякій смотрѣлъ съ удовольствіемъ, въ особенности теперь, когда изъ города, гдѣ воздухъ на половину смѣшанъ съ дымомъ фабричныхъ и жилыхъ трубъ, гдѣ нѣтъ цвѣтовъ и зелени, вы, маленькіе люди, ѣдете на волю и будете легко дышать и хорошо себя чувствовать.

Рѣзвитесь, дѣти, запасайтесь въ природѣ силами, которыя вамъ понадобятся въ будущемъ, и какъ еще понадобятся! Дышите крѣпче—пусть ширится грудь, двигайтесь—пусть крѣпнуть и растутъ мускулы.

Да будетъ благословенъ вашъ жизненный путь!..

VI.

Осень въ тотъ годъ наступила скоро: Холодный, мелкій дождь моросилъ, не переставая. Москвичи совсѣмъ забыли солнце и ясные, свѣтлые дни. Правда, объ этомъ мало горевали: дурная погода не мѣшала ни дѣламъ, ни удовольствіямъ, — напротивъ, не отвлекала ни отъ того, ни отъ другого.

Обычный сезонъ начинался.

Прибывшій изъ деревни Лавровъ собирался въ южную Германію, въ одинъ изъ зимнихъ курортовъ. Григорій Ястребовъ, недавно вернувшійся изъ Кисловодска, гдѣ-то таинственно пропалъ. Его нельзя было застать дома; онъ рѣдко показывался у Лаврова, и то на какихъ-нибудь полчаса.

Проводилъ онъ время и даже ночевалъ у Иванова, съ которымъ у нихъ завязались близкія и дружескія отношенія. Какъ выяснилось послѣ, никто такъ просто и искренно не отнесся къ путешествію Григорія въ Америку, какъ Ивановъ, который говорилъ: „Хорошо вы дѣлаете, очень хорошо!.. Надо переломить вашу жизнь и привычки, а Новый Свѣтъ это сдѣлает!.. Знаете, и это хорошо, что отецъ денегъ не даетъ!.. Превосходно!.. Вы—способный, молодой, своими трудами проживете. Въ Америкѣ всякій трудъ уважается, потому тамъ, какъ у насъ, рабства, крѣпостнаго права—не было... Я завидую вамъ... вотъ только насчетъ языка плохо... съ этой стороны вамъ трудно будетъ“.

— Я немного французскій, нѣмецкій знаю... могу объяснить!..

— Это, конечно, хорошо, даже очень хорошо, — ободрялъ Ивановъ, — но лучше бы вмѣсто нихъ знать англійскій. .

— Я подучаюсь, — говорилъ Григорій: — нѣсколько уроковъ взялъ... вотъ у меня! — и онъ показывалъ, вытаскивая изъ кармана, новѣйшій самоучитель англійскаго языка.

— Это хорошо! Посмотрите, — продолжалъ Ивановъ, — какъ люди тамъ живутъ, какъ устроились... Вѣдь не дешево стоила американцамъ ихъ культура!.. Эмигранты, изгнанники сколько энергій, труда и горя положили на новыхъ заокеанскихъ земляхъ! Право, завидую вамъ! Вы молоды и сильны.

Григорій потому и привязался, и посѣщалъ почти ежедневно Иванова, что послѣдній былъ въ сущности единственнымъ человекомъ, видѣвшимъ въ его путешествіи не только полезное, но нужное и хорошее дѣло. Другіе, отецъ и близкіе — тѣ были положительно противъ поѣздки, какъ глупой и безцѣльной. Отецъ отказалъ въ деньгахъ, предлагая Григорію выгодное сравнительно занятіе по шерстяному дѣлу, уговаривалъ, если этого не хочетъ, остаться при себѣ. Но Григорій всѣмъ этимъ пренебрегъ, тѣмъ и вооружилъ противъ себя даже меньшого брата, который, имѣя небольшія деньги, отказалъ дать займы.

— Ладно!.. Еще папаша узнаетъ... Не дамъ, братъ!..

— А на кутежъ, на „Стрѣльну“, на цыганокъ далъ бы, ей Богу, далъ! — говорилъ Ястребовъ Иванову.

— Ну, охота вамъ объ этомъ тужить! Развѣ у васъ ужъ вовсе мало „грошей“?

— Нѣтъ, хватить доѣхать и на первое время, — отвѣчалъ Ястребовъ. — А все-таки не мѣшаетъ имѣть нѣкоторый запасецъ...

— Вотъ она, купеческая жилка!.. Не хотите или бонтесъ попробовать свои силы безъ всякаго, какъ вы говорите, запаса?.. Американцы начинаютъ ни съ чего; только благодаря смѣтливости и энергій наживаютъ милліоны... Тамъ деньги крутятся, обрачиваются скоро... На пробу, на опыты бросаются милліоны!..

— Гдѣ мнѣ! Я не разбогатѣть въ Америку ѣду, а при-смотримъ, — понимаете?

— Понимаю, понимаю, — отвѣчалъ Ивановъ. — И это хорошо. Въ коммерческій, въ торговый міръ внесете, по приѣздѣ, свѣжую, новую жилку...

— А вы думаете — прошибешь ихъ, нашихъ тузовъ?.. Ого!.. И толстокожи же, окаянныя! Вѣдь до сихъ поръ на денежныхъ сундукахъ сидятъ, на вѣрное дѣло, если небольшой процентъ приносятъ, ни за что, изъ-за преданія, не пойдутъ!

— Я мало знаю купеческую среду, совѣмъ почти незнакомъ!..

— Я-то выросъ въ ней!..—горячо прибавилъ Григорій.—Особенно трудно положеніе женщины!.. Скверное положеніе... безправное!.. Вотъ я въ Кисловодскѣ познакомился съ женой одного московскаго милліонера... Вотъ женщина!.. рѣдкая, одинъ характеръ, нѣжный, любящій, чего стоитъ!.. А вѣдь чтд? мученица!.. Не смотря на то, что еще свои капиталы не перевела на мужа: они вмѣстѣ съ материнскими... Можетъ еще кое-какъ дышать!.. Вотъ и въ Кисловодскѣ лечится ѣздила, все-таки отдохнула отъ семейныхъ узъ!..

Григорій помолчалъ, вздохнулъ и продолжалъ:

— Я ей совѣтовалъ держать деньги во что бы то ни стало за собой; ни за что не присоединять въ мужнино дѣло!.. Не рѣшается... „Какъ, говорить, дѣти наши, общія, надо для дѣтей это сдѣлать“... Что-жъ, говорю, половину отдайте, а другой держитесь... Правильно я говорю, вѣрно?

— Въ этомъ отношеніи я не компетентенъ,—отвѣчалъ Ивановъ,—какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вообще по части капиталовъ.

— Ну, да,—говорилъ Григорій,—я не въ тому, а вообще жаль человѣка, жаль женщину!.. Еслибы вы знали ее, были бы съ ней знакомы...

— Можетъ быть, можетъ быть,—соглашался, улыбаясь, Ивановъ.

Но какъ бы то ни было, день отъѣзда Григорія Ястребова въ Америку наступилъ — и возврата не было. Знали всѣ, что Григорій Сергѣевичъ Ястребовъ ѣдетъ въ Америку, въ которой будетъ жить и работать; всѣ знали, что сынъ состоятельнаго жупца, привыкшій кататься, какъ сыръ въ маслѣ, въ отцовскомъ домѣ, молодой человѣкъ, которому открыты жизнь и карьера, ѣдетъ въ невѣдомый край на нужду и работу. Это въ самомъ дѣлѣ было по меньшей мѣрѣ трогательно, а въ нѣкоторомъ смыслѣ даже героично! Несмотря на разные препятствія, все-таки ѣдетъ, ѣдетъ, не обращая вниманія на привазь отца остаться и бросить „глупую блажь“, несмотря на слезы слабой матери, на предостереженія друзей, —ѣдетъ!

Въ пасмурный, сырой вечеръ на дебаркадерѣ московско-брестской дороги собрались немногіе, чтобы проводить въ Новый Свѣтъ Григорія Ястребова. Были только Ивановъ и одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ. Эта скромная компанія скромно и провожала юнаго путешественника. Ни шампанскаго, ни ка-

кихъ-либо тостовъ произнесено не было. Говорили искренно, но и будто печально, подъема духа не было даже у всегда оживленнаго, приподнятаго Ястребова. Его взоръ не то потускнѣлъ отъ сборовъ, тревоги и усталости, или онъ въ минуту отъѣзда далеко въ чуждый край не подумалъ ли: „зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ ѣдетъ, на кой чортъ несетъ его за океанъ, въ страну умныхъ и холодныхъ янки?“

Ивановъ подбадривалъ настроеніе. Онъ улыбался, хвалилъ Григорія за мужество, а главное за энергію.

— Чтò бы тамъ ни было, Ястребовъ, но вы объ этомъ шагѣ не пожалѣете, никогда не пожалѣете, вѣрьте мнѣ!..

Хорошій человекъ крѣпко жаль отъѣзжающему руку и влажными глазами смотрѣлъ на грустнаго Григорія. Поѣздъ тронулся тихо и неожиданно, и почти тотчасъ же скрылся въ туманѣ.

VII.

Около мѣсяца прошло времени съ отъѣзда Ястребова въ Америку, когда на имя Иванова пришло письмо отъ Григорія. Путешественникъ описывалъ дорогу, которую онъ выдержалъ всю въ третьемъ классѣ и на палубѣ парохода,—это входило въ его программу. Картинокъ и наблюденій не было въ первомъ письмѣ изъ-за океана,—было довольно ясно, что труденъ и непривыченъ для русскаго этотъ переѣздъ черезъ океанъ. Правда, мы—сухопутные, земляные люди.

Письмо оканчивалось довольно оригинально. Когда таможенный чиновникъ въ Нью-Йоркѣ отмѣчалъ паспорта и взялъ билетъ Ястребова, то рѣзко проговорилъ: „Купецъ!.. На чтò намъ купцы?.. намъ нужны рабочіе!“—и при этомъ по адресу московскихъ купцовъ произнесъ неблагопріятный эпитетъ.

„Чортъ возьми!—писалъ Ястребовъ:—Первый шагъ въ Новомъ Свѣтѣ—и нахлобучка за то, что принадлежу къ почтенному и почетному сословію. Рѣшилъ теперь называться рабочимъ, просто русскимъ крестьяниномъ—это будетъ, видимо, удобнѣе. Еще одно неудобство: скверно, что я толстъ, въ Америкѣ толстые на рѣдкость!.. Думаю, все-же какъ-нибудь обойдется... Нашелъ нѣсколькихъ русскихъ, которые обѣщались добыть мнѣ работы“.

Послѣ этого письма извѣстій отъ Ястребова долго не было. Повидимому, онъ никому не писалъ. Родные и, навѣрно, въ томъ числѣ отецъ, не говоря о матери, стали беспокоиться о немъ и

справляться объ его адресѣ. Къ Иванову какъ-то пришелъ родной его братъ, Василій, разспрашивалъ о Григорьѣ и попросилъ его адресъ. Изъ разговора Ивановъ понялъ, что „американцу“ не прочь изъ дома выслать денегъ на обратную дорогу. Но вообще Григорія Ястребова мало-по-малу стали забывать, хотя ресторанныя прислуга, когда Иванову случалось бывать въ знакомыхъ „кабачкахъ“, непремѣнно и притомъ почтительно спрашивала:—А чтѣ, не слыхать о Григорьѣ Сергѣевичѣ? не пишутъ? гдѣ они?

— Въ Америкѣ... работаетъ! — отвѣчалъ Ивановъ.

— По какому же дѣлу занятіе имѣютъ?

— Грузить на суда товары...

— Это значить какъ бы чернорабочимъ? — дивились „человѣки“.— Скажите, пожалуйста, дѣло какое!..

— Да, обыкновеннымъ рабочимъ, а теперь, кажется, поступилъ кельнеромъ при ресторанѣ... на такую же работу, какъ ваша!..

— Не можетъ быть!.. Григорій Сергѣевичъ... первый и самый лучший гость и посѣтитель,—можно сказать, благородный господинъ—и на такой службѣ?! Чтѣ вы? какъ можно!—говорили „человѣки“, удивляясь и вмѣстѣ съ тѣмъ радуясь, что вотъ какой человекъ на одномъ съ ними положеніи,—значить, они не только „человѣки“, а люди.

— А какъ же ихній папаша? — продолжали допытывать Иванова.— Вѣдь они богатые, солидные... какъ же такую обиду принимаютъ?

— Не могу вамъ сказать, — отвѣчалъ Ивановъ, — но я никакой обиды въ этомъ не вижу...

— Оно конечно, — говорили официанты, — кому-нибудь надо подавать, служить, но все-таки будто неловко, когда Григорію Сергѣевичу закричать: „Эй, человекъ! вружку пива“. Еслибы, положимъ, я пришелъ и крикнулъ: „Давай рюмку водки!..“

— Чтѣ же такое? — говорилъ Ивановъ.— И крикнули бы, но только вѣжливо... Въ Америкѣ говорятъ прислугѣ „вы“ и обращаются равно, какъ со всѣми!..

— Все-таки неловко приказывать господину Ястребову... Помилуйте!.. — Официантъ оглянулъ залу, гдѣ сидѣли посѣтители, и прибавилъ:—Посмотрите, развѣ найдете такого, хоть одного, похожаго на Григорія Сергѣевича... Нѣтъ... куда!.. Тотъ, бывало, пріѣдетъ, какъ орелъ!..

— Ну, что-жъ, — смѣялся Ивановъ.— А теперь орломъ на жушню и въ погребъ летаетъ... Вѣрно, свой жиръ послустилъ!..

Но „человѣки“ стояли около него задумчивыми и серьезными.— Обидно для ихъ папаша и мамаша, — сказалъ одинъ.

— Не можетъ быть, — прибавилъ другой, — чтобы такъ просто, безъ причины, господинъ Ястребовъ пошелъ на такую работу... Что-нибудь другое, особенное имѣется въ его мысляхъ... Не первый годъ знаемъ Ястребова, очень умный господинъ и образованный... Что-нибудь есть другое... если рѣшился быть въ услуженіи!..

Но скоро и „человѣки“ перестали интересоваться судьбой „американца“, спрашивая Иванова только, не знаетъ ли, когда прійдетъ господинъ Ястребовъ, и все ли онъ находится въ Америкѣ?

На возвратившагося Ястребова, теперь дѣйствительнаго американца, знакомымъ, конечно, было интересно посмотрѣть. Но въ послѣдніе мѣсяцы всякія извѣстія отъ него прекратились. Къ Иванову зашелъ Василій Ястребовъ ужъ прямо по порученію отца спросить, не писалъ ли Григорій и не знаетъ ли, что съ нимъ?

Ивановъ давно не имѣлъ свѣдѣній, получивъ послѣ перваго одно основательное письмо о портовой работѣ и о мѣстѣ, выходящемъ для него въ „средней руки“ ресторанѣ.

— Ну, я папашѣ объ этомъ не буду говорить! — воскликнулъ Василій. — Чортъ знаетъ, что такое, лакеемъ сдѣлался!.. Срамота какая!..

Ивановъ молчалъ. Ему не нравился Василій.

— Ничего не пишетъ и намъ, — говорилъ послѣдній. — Папаша послалъ ему денегъ, велѣлъ возвращаться, а онъ даже не отвѣчаетъ.

— Вернется, — успокаивалъ Ивановъ, — можетъ быть, даже въ пути находится... что же писать!..

— А вы не знаете той женщины, съ которой онъ въ Кисловодскѣ путался?.. Она ему все записки передъ отъѣздомъ послала!?

— Нѣтъ, — удивился Ивановъ, — не знаю.

— Вотъ она, навѣрно, побольше насъ съ вами знаетъ о Григорѣ, — насмѣшливо сказалъ Василій.

— Можетъ быть, — согласился Ивановъ, вспоминая неизвестную даму, о которой такъ восторженно отзывался Григорій Ястребовъ. Заходилъ не разъ Василій къ Иванову за справками, но писемъ не было.

Наступило лѣто, и Ястребовы переехали на дачу. Ивановъ собирался въ деревню, куда-то на югъ, но передъ отъѣздомъ за-

получилъ простуду съ сильнѣйшимъ кашлемъ, и рѣшилъ переждать нѣкоторое время до выздоровленія.

Скучно въ Москвѣ лѣтомъ, особенно въ жаркіе, ясные дни. Городъ принимаетъ въ это время особый, ремонтноровочный характеръ. Воздухъ, кромѣ пыли, пропитанъ известью, красками, кипящимъ асфальтомъ. Повсюду идутъ работы, спѣшатъ строить заново, спѣшатъ красить, ремонтировать, укладывать по мостовымъ и панелямъ асфальтъ. Тяжко и неприятно во всѣхъ отношеніяхъ лѣтомъ жить въ Москвѣ, сравнить нельзя съ Петербургомъ, гдѣ глубокая красавица-Нева живетъ и освѣжаетъ городъ.

Москва бѣдна водой, а грязью и пылью особенно богата лѣтомъ. Въ такіе дни городъ не похожъ на оживленную торговую столицу центральной Россіи, когда ея кипучая жизнь и дѣятельность какъ бы приостанавливаются и историческая старушка прихорашивается и подбадривается передъ будущимъ сезономъ. Въ такое время пріѣхалъ Григорій Ястребовъ изъ-за границы.

Поздно вечеромъ въ передней квартиры Иванова, послѣ рѣзкаго звонка, раздался громкій голосъ „американца“. Ивановъ очень обрадовался неожиданному визиту.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. — кричалъ Ястребовъ. — Въ комнату, ей Богу, не могу. Поѣдемте куда-нибудь на свѣжій воздухъ... Извозчикъ ждетъ!.. Силь нѣтъ, какъ душно! Какъ вы только дышите этимъ!.. — и Григорій повелъ носомъ.

Ивановъ посмотрѣлъ на него.

— Молодецъ!.. — проговорилъ онъ. — И загорѣлъ, и похуѣлъ... превосходно! Ну, ѣдемъ, куда хотите. Очень и очень радъ васъ видѣть!..

— Спасибо на добромъ словѣ!.. — не думалъ, что застану васъ въ Москвѣ.

— Думалъ завтра, послѣ-завтра уѣзжать...

— Погодите немножко. Вѣдь давненько не видались!..

VIII.

Выбравъ уютное мѣсто въ ресторанномъ садочкѣ и заказавъ скромный ужинъ, Ястребовъ связалъ:

— Вотъ я и въ Москвѣ... Какъ тихо, почти пустынно послѣ Европы и Америки!.. Перемѣнъ нѣтъ?..

— Попржежнему переживаемъ кризисъ, — добавилъ Ивановъ: —

купецъ жалуется, промышленникъ недоволенъ, рабочій вопросъ обостряется... Вообще, веселья и оживленія нѣтъ... уныніе какое-то, хмурое настроеніе!.. Ну, рассказывайте!.. Я думаю, впечатлѣніи пропасть, свѣжихъ, непосредственныхъ!..

— Да, много!—задумался Ястребовъ.— Не знаю, какъ и съ чего начать?

— Рассказывайте про первое время... Ну, пріѣхали... въ Нью-Йоркъ...

— Ну-съ, остановился въ гостинницѣ, сначала въ дорогой, не для рабочаго человѣка... Одну ночь переночевалъ, отдохнулъ, а потомъ нанялъ другое помѣщеніе въ рабочемъ кварталѣ, за полтора доллара въ день, за комнату и полный пенсіонъ. Скажу откровенно,—скучно, даже тяжело было въ первое время. Подумайте,—совершенно одинъ въ огромномъ и чужомъ городѣ. Куда идти? гдѣ искать работы? Пошелъ я на пристань. Судовъ масса... Идетъ погрузка, работа кипитъ, слышатся оригинальные окрики, раздаются свистки, звонки, то-и-дѣло выходятъ и приходятъ пассажиры. Я пробылъ на пристани до вечера, рѣшивъ придти сюда завтра чуть свѣтъ. На другой день мнѣ повезло. Было очень рано, и работы еще не начинались. Кучва человѣкъ въ шесть сидѣла около какихъ-то тюковъ, перекидываясь между собой короткими фразами. Одѣтые въ шерстяныхъ блузахъ, въ фартукахъ и въ мягкихъ шляпахъ, нѣкоторые держали въ зубахъ короткія трубки. Я подошелъ и услышалъ польскій говоръ. Собравшись съ духомъ, я поздоровался по-польски и заговорилъ по-русски. На меня поглядѣли молча, переглянулись между собою, и самый молодой отвѣчалъ плохо по-русски. Обрадовался я чрезвычайно и заговорилъ такъ, что на меня вытаращили глаза.

— Русскій эмигрантъ? — спросилъ старый человѣкъ съ трубкой.

— Да, да, эмигрантъ,—обрадовался я,—русскій эмигрантъ!.. насилу убѣжалъ, чортъ возьми!.. Ищу какой-нибудь работы...

— Стало быть, на первыхъ порахъ пришлось прибѣгнуть... къ хитрости?—перебилъ Ивановъ.

— А что же дѣлать?.. Эмигранту скорѣе помогутъ, будь онъ русскій или еврей!..

— А развѣ къ русскимъ плохо относятся американскіе рабочіе?

— Не особенно хорошо... Къ эмигрантамъ—ничего! Эти люди повели меня къ надсмотрщику, тоже поляку, который поставилъ меня сталкивать кули на мѣсто, съ котораго брали носильщики, чтобы доставлять на пароходъ. Работа была для меня трудная,

и къ вечеру я, что называется, не чуялъ ни рукъ, ни спины. И такъ пошло изо дня въ день. Получалъ я полтора доллара, а потомъ положили два, когда началъ эти кули таскать на пароходъ. Обжился, познакомился съ товарищами, которые стали относиться ко мнѣ привѣтливо. Тутъ работали американцы, нѣмцы, поляки, грузилъ даже одинъ финляндецъ, очень ловкій малый... Знаете, что мнѣ помогло войти въ товарищество съ этими людьми? Вотъ никогда не угадаете! Ни за что!

Ястребовъ сталъ смѣяться громко и хитро.

— Право, не знаю!—улыбался Ивановъ.

— Подумаешь,—продолжалъ Григорій,—мало ли какая дрянь пригодится въ жизни?! Имъ, этимъ серьезнымъ и сумрачнымъ рабочимъ, понравились отчаянно-веселые мотивы цыганскихъ романсовъ. Я какъ-то запѣлъ „А тамъ хоть трава не расти!“—и меня слушали, улыбались, и ждали еще... А я пѣлъ да пѣлъ!.. Произошло это по окончаніи работъ. Иногда мы проводили вечеръ въ дешевомъ ресторанѣ за пивомъ, и я пѣлъ, и меня слушали. Скоро я познакомилъ рабочихъ со всѣмъ своимъ репертуаромъ. Около двухъ мѣсяцевъ работалъ я грузчикомъ, и когда уходилъ, то меня искренно жалѣли, и, я увѣренъ, жалѣли потому, что не услышатъ больше цыганскихъ пѣсень!.. Однако, давайте закусывать!.. Вотъ славная закуска! Въ Америкѣ такой не найти!

— Потомъ вы попали въ ресторанъ?

— Подождите! Расскажу по порядку!.. Приключенія — впереди...

— А какъ вы себя чувствуете вообще?

— Превосходно! — отвѣчалъ Ястребовъ. — Основательный курсъ прошелъ... Въ Америкѣ слѣдуетъ во всемъ: и жить, и работать. А у насъ, наоборотъ, не торопятся, половицу даже изобрѣли: „тише ѣдешь, дальше будешь“. Русскій и американскій характеры совершенно противоположны. Американецъ за все берется, всякое дѣло пробуетъ и все торопится. Не удалось одно, налаживаетъ другое; тамъ сорвалось, смотришь—тутъ выгорѣло. Энергія не только не теряется отъ неудачъ, а напротивъ — откуда только берется! У русскаго отъ двухъ, трехъ неудачъ опускаются руки. Въ этомъ случаѣ вліяніе Америки безусловно положительное. Если у васъ рабочія руки и голова на плечахъ — тамъ не пропадете и всегда выбьетесь изъ худшаго положенія на лучшее. Американцы цѣнятъ и уважаютъ въ человѣкѣ инициативу. Свободный человѣкъ работаетъ не такъ, какъ подневольный, соразмѣря самъ свои силы, приспособляясь по-своему... Это очень важно!

— Однимъ словомъ, не изъ-подъ палки!—замѣтилъ Ивановъ.

— Да, въ Америкѣ о всякой палкѣ, даже въ метафорическомъ смыслѣ, надо забыть.

— Однако, продолжайте пожалуйста,—попросилъ Ивановъ:— мнѣ хочется познакомиться съ фактической стороной вашей жизни въ Новомъ Свѣтѣ.

— Во время работъ на пристани,—разсказывалъ Григорій,— конечно, время свободное было только по праздникамъ, въ которые хотѣлось отдохнуть, почитать, написать письмо... Поэтому я мало знакомился съ городской и общественной жизнью. Но условія скоро измѣнились. Какъ-то съ товарищемъ, молодымъ полякомъ, мы отправились вечеромъ во французскій ресторанъ, выпить бутылочку вина. Народа было тамъ немного. Хозяинъ, небольшого роста, плотный старикъ, подошелъ къ нашему столу и, узнавъ, что я русскій, подсѣлъ къ намъ, разговорился и на прощаніи даже угостилъ насъ хорошимъ краснымъ виномъ. Должность хозяйки исполняла молодая француженка, ловкая, изящная. Это была дочь хозяина. Она на насъ изрѣдка кокетливо посматривала.

Каждое воскресенье бывалъ я у француза, познакомился съ дочерью и увлекся дѣвушкой. Отецъ ея предложилъ мнѣ свободное мѣсто гарсона. Съ радостью принялъ это предложеніе... Помилуйте, быть постоянно около молодой француженки и не мовнуть подъ дождемъ на пристани. Дѣло чистое, домашнее, и гарсоны въ Америкѣ поставлены хорошо, какъ рабочіе, а не какъ лакеи. Я къ тому времени научился объясняться по-англійски, а французскій языкъ здѣсь мнѣ пригодился очень. Требованія посѣтителей по картѣ было исполнить нетрудно, и мнѣ было удобно дальнѣйшее изученіе англійскаго языка. Вообще, я былъ очень доволенъ, перешелъ изъ своей квартиры поближе къ ресторану, въ которомъ имѣлъ завтракъ и обѣдъ. Теперь мнѣ приходилось платить только за комнату и стирку бѣлья. Были деньги, чтобы порядочно одѣться, о чемъ, повятно, я весьма заботился... Пошла жизнь сравнительно легкая, на ногахъ, служба десятичасовая, заработокъ недурной. Къ удовольствію француза, я обнаружилъ свое кулинарное искусство, и мы съ хозяиномъ ввели въ карту московскій соусъ и селянку. Кислый соусъ пришелся по вкусу американцамъ.

Дочь хозяина была мной, повидимому, довольна и не отказывалась отъ моихъ услугъ. Между нами установились почти дружескія отношенія. Ресторанъ недавно открылся, и дѣло развивалось, замѣтны стали постоянные посѣтители. Я хлопоталъ,

взопрился, точно это было мое дѣло. Хозяинъ былъ мной доволенъ, что высказывалъ откровенно. Пригласивъ какъ-то обѣдать вмѣстѣ съ собой и дочерью, онъ объявилъ, что рѣшилъ меня сдѣлать помощникомъ и ввѣрить мнѣ надзоръ за кухней. Лучшаго я не могъ желать. Это меня устраивало прекрасно и давало свободное время по вечерамъ, когда дежурила m-lle Marie.

Условія жизни и работа сближали меня съ французскимъ семействомъ, отношенія между мной и Маріей становились проще, искреннѣе. Отецъ не мѣшалъ нашей близости, напротивъ... Онъ былъ уже старъ, и ему хотѣлось пристроить дочь за вѣрнаго человѣка.

Французъ сталъ намекать и спрашивать о моемъ семейномъ положеніи и о томъ, думаю ли я постоянно жить въ Америкѣ?

Однимъ, словомъ трудно мнѣ было разстаться съ хорошими людьми, особенно съ Маріей, и я уѣхалъ только на время, ликвидировать свои дѣла въ Россіи.

— Что вы? Не можетъ быть!—удивился Ивановъ.

Ястребовъ, глядя на него, весело смѣялся.

IX.

Напрасно Ивановъ ждалъ „американца“ на другой день, — его не было и на третій.

Только въ самый день отъѣзда изъ Москвы, Ястребовъ явился къ Иванову. Онъ былъ такой радостный, веселый.

— Что пропали?

— Дѣло тутъ одно наклеивается, — уклончиво отвѣчалъ Ястребовъ.

— А я васъ такъ ждалъ, — хотѣлось познакомиться съ вашими наблюденіями надъ американской жизнью.

— Какія же особенныя мои наблюденія!—серьезно отвѣчалъ Григорій. — Американцы устроились превосходно, удобства жизни въ комфортъ замѣчательные, не забыты и нужды рабочихъ, которые тамъ составляютъ политическую силу. Но... но въ Россіи все-таки лучше... Я не могъ бы жить постоянно въ Америкѣ!..

— Какъ?—удивился Ивановъ. — Почему?

— Скучно отъ всѣхъ ихъ порядковъ; нѣтъ этого — какъ бы вамъ сказать? — теплаго, душевнаго, размаха нѣтъ!.. Сегодня, завтра — одно и то же: выдержка, дѣловитость и деньги, деньги, которые не играютъ такой роли, какъ у насъ... Тамъ — дѣловыя,

деньги. А у насъ? Какіе милліоны спущены... такъ, черезъ руки прошли, прокучены, истрачены чортъ знаетъ какимъ манеромъ!.. Просто не придумаешь въ здоровомъ умѣ и разсудкѣ. Чтò говорить, сами знаете примѣры!.. Въ Америкѣ этого не можетъ быть! Человѣкъ, ставшій богатымъ, — такимъ же, если не богаче, и умереть, потому что капиталъ свой уважаетъ и чтитъ, это его культъ, и не станетъ онъ, какъ московскій милліонеръ, надъ своими же деньгами надмываться и куралесить, и выдумывать, какъ бы ихъ смѣшнѣе и нелѣпнѣе прожить... Нѣтъ, ничего подобнаго онъ никогда не позволитъ!.. А русскій, въ особенности московскій человѣкъ, можетъ выкинуть такую штуку, что и самъ потомъ удивляется... И есть чему, когда послѣ капитала чистенькаго въ нѣсколько сотнягъ тысячъ, да въ ночлежный домъ на Хитровку!.. Не угодно ли?

— Но вѣдь это дикость и невоспитаніе! — замѣтилъ Ивановъ.

— Какъ хотите, такъ и назовите. Онъ деньгами владѣетъ, ими распоряжается, а не деньги властвуютъ такимъ капиталистомъ. Кто знаетъ, чтò тутъ есть?.. Конечно, самодурство, но и душа въ этомъ дѣлѣ участвуетъ. Вспомните любимую пьесу москвичей — „Вѣдность не порокъ“, въ которой героемъ все-таки нищій Любимъ Торцовъ, а не богатый его братъ. Это характерно!..

— Стало быть въ Америкѣ вамъ было не по-себѣ? Скучали по Россіи?

— Въ Америкѣ хорошо русскому пожить и отрезвиться!.. Временно пожить... Главное и самое важное тамъ — трудъ; не только капиталъ, а самый обыкновенный, рядовой трудъ пользуется безусловнымъ уваженіемъ. А у насъ — ни капиталъ, ни трудъ... Все тринь-трава... — И Ястребовъ запѣлъ: „А тамъ хоть трава не расти“!

Ивановъ больше не сталъ его спрашивать объ Америкѣ, и когда Григорій простился и ушелъ, то онъ вспомнилъ одинъ случай, подходящий къ данному заявленію Ястребова.

Было это въ годъ послѣдней коронаціи, когда послѣ этого событія Ивановъ возвращался въ Москву изъ Финляндіи. Ѣхалъ онъ въ третьемъ классѣ, въ пассажирскомъ, довольно медлительномъ поѣздѣ. Въ вагонѣ народа было мало. Только на одной изъ станцій передъ Тверью въ вагонъ вбѣжали три мужика, красивые и потные. На шеяхъ у нихъ висѣли сапоги, а въ рукахъ была на половину допитая четверть водки и французская булка. Шумно размѣстилась эта компанія около Иванова и тотчасъ приступила къ сложнымъ, какимъ-то имъ извѣ-

стнымъ разсчетомъ. Скоро Ивановъ съ ними разговорился, они его угостили водкой и дали кусокъ бѣлаго хлѣба. Помнить онъ, что водка была теплая, а отъ закуски его чуть не стошнило.

Сталъ Ивановъ рассказывать своимъ сосѣдямъ о Финляндіи, порядкахъ этой культурной страны и о томъ, какъ хорошо и спокойно тамъ жить.

Мужики слушали внимательно.

— Не то, что у насъ, не правда ли?—спросилъ мужиковъ Ивановъ, въ полной увѣренности, что они съ нимъ непременно согласятся.

— Скучно тамъ, у насъ веселѣе!—отвѣтили мужики, неизвѣстно чему радостно улыбаясь.

Удивленный Ивановъ старался доказать всю нелѣпость подобнаго мнѣнія, указывая на условія тяжелыя, въ которыхъ находится народъ.

— Знаемъ, знаемъ... ты вѣрно говоришь!—гуторили странные люди.—Но все-таки у насъ веселѣе куда, какъ тамъ!..

Чтобы ихъ окончательно убѣдить въ лучшихъ порядкахъ въ Финляндіи, Ивановъ указалъ на только-что происшедшую ужасную катастрофу въ дни коронаціи на Ходынскомъ полѣ, когда, благодаря непорядкамъ, погибли тысячи народа. Но и эта аргументація не помогла, и они хладнокровно отвѣтили: „Въ Россіи народа много!“

Что же это въ самомъ дѣлѣ? Россія—веселая страна, гдѣ все построено шиворотъ-навыворотъ!

Х.

Григорій Ястребовъ устраивался. Америка ему дѣйствительно помогла. Она, такъ сказать, дала ему имя. Помилуйте, человѣкъ безъ копѣйки денегъ, несмотря на запретъ отца, переѣхалъ Европу и океанъ, и не только не пропалъ, но, наоборотъ, набрался тамъ дѣлового духа и вернулся совершеннымъ молодцомъ! Развѣ можно не обратить вниманія и не оказать довѣрія такому человѣку?

Отецъ помирился съ Григоріемъ и теперь иначе не называлъ его, какъ „американцемъ“. Одно нѣсколько удивляло Сергѣя Семеновича, что сынъ велъ себя скромно, денегъ не просилъ, въ свое будущее отца не посвящалъ и видимо что-то скрывалъ, а между тѣмъ дѣйствовалъ.

— Григорій, что ты теперь думаешь дѣлать?—спрашивалъ старшій Ястребовъ младшаго.

— Пока еще ничего, папаша! присматриваюсь... не сразу начинать! Вотъ на первое время квартиру нанялъ...

— Вотъ какъ! Въ отцовскомъ домѣ жить не желаешь?.. Стало быть, у тебя деньги есть?

— Малую толику скопилъ своими трудами,—отвѣчалъ сынъ.

— Ого, ловко!—молвилъ старикъ холодно и замолчалъ.

Григорій устраивался далеко не скромно, а для „американца“, пожалуй, болѣе чѣмъ удобно. Небольшая квартира въ три комнаты была оригинально, со вкусомъ меблирована, дѣльная прислуга, хорошіе, вкусные обѣды, завтраки и вина—до шампанскаго включительно—вотъ въ чемъ заключалась обстановка молодого человѣка.

Квартира находилась въ глухомъ переулкѣ; около дома помѣщалась мелочная обыкновенная лавка; съ хозяиномъ послѣдней Ястребовъ вошелъ въ таинственное соглашеніе, по которому тотъ держалъ у себя секретно для Григорія разныя вина и закуски. Приемъ былъ остроумный: хорошіе магазины были далеко, а напитки и закуски часто требовались экстренно, и посѣщавшимъ „американца“ казалось, что все у него имѣется въ запасѣ дома.

Однимъ словомъ, житье было привольное, но требующее немалыхъ денегъ. Откуда онъ бралъ послѣднія?

Ястребовъ работалъ. Его можно было видѣть на биржѣ, въ конторахъ знакомыхъ купцовъ, завтракающимъ съ ними же въ такъ называемой „Дырѣ“¹⁾ или у „Арсеньича“. Григорій, оживленный, возбужденный, рассказывалъ свои приключенія изъ американской жизни, рассказывалъ, соображаясь со вкусами купцовъ, которые, очевидно, были довольны „американцемъ“ и, смѣясь, наперерывъ угощали Григорія, приглашая вечеромъ къ цыганкамъ.

Да, Москва для „американца“ была мать родная; только въ Москвѣ онъ чувствовалъ себя сытно черезъ край, покойно, какъ нигдѣ, и несомнѣнно Москва должна его окончательно устроить, поставить на линію человѣка съ капиталомъ.

Внѣ денегъ счастья не понималъ Григорій. Онъ допускалъ увлеченіе женщиной, но семейное счастье, вѣрнѣе, бракъ строилъ главнымъ образомъ на денежныхъ расчетахъ, на соображеніяхъ родственныхъ связей и проч.

Григорій дѣйствительно работалъ, но не на биржѣ и не въ „дѣловыхъ“ ресторанахъ, вѣтъ! Сюда онъ ѣздилъ для „отвода глазъ“, будто бы у него дѣла, ѣздилъ, чтобы поддерживать связи

¹⁾ Ресторанъ близъ Биржи.

съ нужными людьми и, правда, иногда маелерствомъ заработать малую толику денегъ. Не тутъ, „не въ городѣ“, сосредоточивались „его ливія и центръ“; тутъ былъ онъ свой, веселый, беззаботный товарищъ, кровный купецъ и москвичъ по духу и преданію. Именно по преданію, ибо въ немъ жили смѣлость и инициатива, — положимъ, то и другое торговаго характера, — но поэтому онъ былъ оригиналенъ. Молодое поколѣніе купцовъ въ огромной степени утратило эти качества и, если можно такъ выразиться, опислилось, а Григорій не утратилъ непосредственности, а приемы у него были вѣрные и хватка вполне московская. Онъ никогда не терялъ „купецкаго“ достоинства, хотя въ физическомъ отношеніи былъ трусливъ и даже суевѣренъ.

— Тебѣ бы къ бурамъ надо было съѣздить!—говорили ему приятели.— Въ Америкѣ былъ, въ Африкѣ не мѣшало бы побывать тоже...

— Хотѣлъ-было махнуть, да Пучковъ перебилъ дорогу, а двоимъ москвичамъ тамъ нечего дѣлать!

— А то бы поѣхалъ? и съ англичаниномъ воевать сталъ?..

— А что-жъ такое...

И дѣйствительно, поѣхалъ бы, но не воевать, а высмотрѣть, сообразить и провести время, тамъ гдѣ-нибудь въ авангардѣ или въ городахъ. Онъ и бурамъ сталъ бы пѣть цыганскіе романсы и готовить московскіе соусы... и, повѣрьте, приспособился бы, безъ опасности для жизни.

Мнѣ думается, что Ястребовъ могъ бы быть прекраснымъ репортеромъ и даже корреспондентомъ, еслибы не органическое пренебреженіе къ публицистикѣ и литературѣ, пренебреженіе истинно купеческое, московское...

Однако, въ чемъ же дѣло? На какой линіи остановился Ястребовъ и какъ и куда эту линію гнулъ?

Онъ велъ бракоразводное дѣло, велъ твердо и аккуратно, прибѣгая къ протекціи, борясь съ сильнымъ и богатымъ противникомъ. Кто знаетъ, привязался ли этотъ узкій московскій матеріалистъ къ перестрадавшей въ „темномъ царствѣ“ женщицѣ, или влекли его ея капиталы? кто знаетъ?

Но что онъ произвелъ на женщину впечатлѣніе—это несомнѣнно. Слабая по существу, религіозная, трепещущая передъ грѣхомъ, она была побѣждена Америкой, когда онъ туда поѣхалъ на трудъ и нужду. Любовь къ герою творить чудеса. Она—это была кисловодская жена купца—порвала съ нелюбимымъ мужемъ, пожертвовала сыномъ, не убоилась полицейскихъ козней и ушла, бросила домъ свой. Это былъ скандалъ, и до сихъ поръ рѣдкій по характеру въ московскомъ купечествѣ.

До развода борьба была страшная. Съ той и другой стороны сыпались деньги. Мужъ не жалѣлъ ничего,—до того его самолюбіе было тронуто. Съ другой стороны безумныхъ тратъ не происходило, ибо „американецъ“ не терялъ хладнокровія и, дѣйствуя осторожно, дѣло велъ хитро.

Нужно было найти сильнаго человѣка въ Петербургѣ. Шли годы. По правдѣ сказать, немало непріятностей и горя пришлось пережить ему, а особенно ей, но позиція крѣпла и непріятель колебался.

Все окружено было непроницаемой тайной. Старшій Ястребовъ недоумѣвалъ. Поведеніе Григорія для него было загадкой. Не разъ онъ предлагалъ сыну въ отъѣздъ выгодныя дѣла, но Григорій отказывался.

— Не могу, папаша, занять!.. Вотъ еслибы пораньше...

— Да чѣмъ занять-то?—въ раздраженіи кричалъ отецъ.— Фальшивыя деньги что-ли дѣлаешь?

— Чтò вы, папаша! Развѣ можно такъ говорить!—серьезно и сердито замѣчалъ сынъ.

— Да чтò же? Говори, наконецъ... Вѣдь я не кто иной, какъ отецъ твой!

Григорій молчалъ. Сергѣй Семеновичъ смотрѣлъ на него долго и грозно.

— Смотри, Григорій, за свое ли дѣло взялся? Смотри!..

Григорій молчалъ.

— Григорій, помни!..

У отца мелькнула ужасная мысль: „А чтò, если тамъ, въ Америкѣ, онъ, этотъ мальчишка, вступилъ въ тайное общество? Откуда... откуда у него деньги?“ Сергѣй Семеновичъ позвалъ Глафиру Ивановну и спросилъ ее:

— Не говорилъ тебѣ ничего Григорій? Чтò онъ дѣлаетъ, какъ живетъ?

— Зарабатываетъ, закупаетъ, не знаю, товары какіе... хлопковъ, краску...

— Краску?.. Вретъ онъ!.. А денегъ у тебя не просилъ?

— Не просилъ... Какія же у меня деньги?—и Глафира Ивановна горько и громко заплакала.

— Дура!—сказалъ Ястребовъ, хлопнулъ дверью и уѣхалъ изъ дома.

XI.

Прошло нѣсколько лѣтъ: Оканчивалась русско-японская война и наступило для Россіи трудное время. Въ Москвѣ только-что

кончились декабрьскіе дни, и когда-то патріархальный городъ находился подъ впечатлѣніемъ пережитого, новаго и страшнаго.

Унылые дни; хмурые, нервные люди...

Ивановъ кончилъ обѣдъ и дочитывалъ газету. Въ ресторанъ быстро вошелъ Григорій Ястребовъ.

— Можно сѣсть?—обратился онъ къ Иванову.

— Пожалуйста!..

Непріятное чувство охватило Иванова. Почему? Передъ нимъ сидѣлъ какъ бы совершенно чужой человѣкъ.

— Каково!—заговорилъ Ястребовъ.—Что съ Москвой понадѣлали? Помилуйте, двѣ недѣли изъ дома выходить было нельзя... А у меня дѣла, каждый день потери... Слава Богу, очистили городъ, усмирили!

— Но положеніе все-таки серьезное! — коротко замѣтилъ Ивановъ.

— Вздоръ! Ничего серьезнаго... Наша биржа крѣпка. Правда, была небольшая заминка. Все пройдетъ... Русский народъ не такой: это—добродушный народъ, революціоннымъ не былъ и никогда не будетъ... напрасно думаютъ. Ошиба-сь!

Ивановъ не возражалъ.

Григорій, между тѣмъ, потребовалъ дорогого вина и, наливая стаканы, сказалъ:—А я вѣдь женился!—Онъ протянулъ правую руку, на толстомъ указательномъ пальцѣ которой было надѣто массивное золотое кольцо.

— Завтра ѣдемъ за границу,—продолжалъ онъ,—немного пожуировать, переждать. Время теперь не совсѣмъ удобное для новаго дѣла, которое я задумалъ... Вѣрное дѣло; рассчитываю—не меньше 30, 40⁰/о годовыхъ.

— Женился на комъ?—спросилъ Ивановъ.—На той кисловодской барынь?

— Вѣрно! угадали!—засмѣялся Григорій.—Трудное дѣло пришлось обломать... Однако слѣзшу... Прощайте!

„Вотъ она гдѣ Америка-то была!“—подумалъ Ивановъ, покидая ресторанъ.

С. Васюковъ.

У ОЗЕРА

I. — Водяныя лиліи.

Озеро свѣтлое — съ лунными чарами,
Съ тихимъ журчаньемъ волны, —
Все расцвѣтилось оно невьюфарами
Въ блѣдномъ сіяньи луны.

Всплѣски весла затихаютъ несмѣлые;
Внемя ночнымъ голосамъ,
Лилій пловучихъ кадильницы бѣлыя
Шлютъ аромать свой лѣсамъ.

Тополи, мглой серебристой повитые,
Странно бѣлѣютъ вдали.
Травы — купавы росю покрытыя —
Блещутъ въ алмазной пыли.

Тише, таинственнѣй полночь становится,
Робко смолваютъ уста;
Чудо въ безмолвіи ночи готовится
Тамъ, гдѣ цвѣтеть красота.

II. — Слезы осени.

Пришла пора осенних ливней,
Поблекли бѣлые цвѣты,
И падаютъ все непрерывнѣй,
Какъ слезы осени — листы.

Гдѣ бѣлыхъ лилій хороводы
Цвѣли у берега въ тиши —
Тамъ пѣнятся, бѣлѣя, воды
И вѣтеръ клонитъ камыши.

Холодный вѣтеръ тучи гонить,
Въ лѣсу топоръ стучитъ вдали,
И дерево какъ будто стонетъ,
Склоняясь тихо до земли.

За ярко-красною рябиной —
Кусты въ ихъ черной наготѣ,
И слышенъ влѣкотъ ястребинный
Въ прозрачно-мертвой высотѣ.

Рыдаетъ вихрь все заунывнѣй
Среди вечерней темноты,
И влагою осеннихъ ливней
Въ лугахъ оплаканы цвѣты.

О. Чюмина.

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ

И

ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

О ЧЕРКЪ.

—
XIV *).

Съ половины третьяго вѣка нашей эры судьба Херсонеса является связанною съ судьбами Боспорскаго царства, особенно послѣ неудачныхъ походовъ Фарнака, подчинившихъ республику Риму. Церковные вопросы какъ будто заслонили собой политическую жизнь города. Послѣдующее время — вплоть до перенесенія столицы въ Византію и первый вѣкъ византійскаго Херсонеса — даетъ мало для фактической исторіи города. Раскопки открываютъ только обиліе монетъ этого періода и... очень бѣдную эпиграфику, и для возстановленія исторіи этого промежутка приходится пользоваться кое-какими агіографическими данными, а главнымъ образомъ исторіей Константина Багрянороднаго, въ которой часто положительно невозможно отдѣлать были отъ небылицы.

Несомнѣнно—одно: съ середины III в., когда въ Херсонесѣ уже забыли о бывшемъ когда-то здѣсь римскомъ гарнизонѣ, городъ былъ предоставленъ себѣ, и въ случаяхъ нападенія скинскихъ племенъ или готтовъ долженъ былъ защищаться собственными средствами. Но, отражая враговъ, Херсонесъ, какъ римская провинція, тѣмъ самымъ оказывалъ услугу и имперіи.

*) См. выше: сентябрь, стр. 59.

Около 318 г., повѣствуетъ державный историкъ, херсониты совершили удачный походъ противъ нѣсколькихъ сарматскихъ (скиѣскихъ) племенъ. Императоръ Константинъ за эту услугу Херсонеса въ знакъ благодарности подтвердилъ вольности города, далъ полную свободу, далъ грамоту и перстень со своимъ портретомъ для печати, пожаловалъ городу для украшенія свою вызолоченную статую и не только освободилъ Херсонесъ отъ налоговъ, но даже обѣщалъ высылать городу ежегодно извѣстное количество тетивъ, дерева, желѣза и масла для устройства баллисть, и кромѣ того—1000 медимновъ пшеницы и денежную субсидію для содержанія баллитраріевъ, т. е. военной команды. Вслѣдствіе этого херсонитяне, будто бы, поставили себя и дѣтей своихъ на военную ногу, и порядокъ этотъ существовалъ до времени Константина Багрянороднаго (X в.). Всякій, конечно, пойметъ, что это ужъ слишкомъ много для отдаленной и сравнительно незначительной провинціи, которая въ то время была предоставлена самой себѣ. Такія щедрыя подачки, даже за дѣйствительную услугу имперіи, врядъ ли были возможны для Константина Великаго, который стремился къ единой державѣ, и для восстановления его (324 г.) велъ упорную и дорого стоявшую борьбу съ соправителями Діоклетіана.

Около этого времени, но нѣсколько позднѣе, повѣствуетъ тотъ же историкъ, одинъ изъ сарматскихъ князьковъ, Сарматъ (?) сдѣлалъ набѣгъ на Херсонесскую область; но херсонитяне побѣдили его у Θεодосіи и расширили свои владѣнія до этого города. Черезъ нѣсколько лѣтъ опять повторилось столкновение съ сарматами, пожелавшими отобрать назадъ отнятыя херсонесцами земли. Протевономъ города былъ нѣкій Фарнакъ. Онъ немедленно выступилъ къ Θεодосіи и вмѣсто сраженія предложилъ Сармату рѣшить дѣло поединкомъ. Крѣпкій Сарматъ охотно принялъ предложеніе болѣе слабаго грека; но во время единоборства Фарнакъ употребилъ хитрость. По условленному знаку херсонесцы издали воинскій крикъ, Сарматъ оглянулся; Фарнакъ ловко воспользовался этимъ моментомъ и убилъ противника. Послѣ этого, согласно условію, еще болѣе сократились границы Боспорскаго царства. Часть плѣнныхъ протевонъ удержалъ для работъ, другимъ позволилъ возвратиться на родину, за что они поставили ему въ Боспорѣ статую. „Съ тѣхъ поръ,—говоритъ Константинъ Багрянородный,—пало владычество сарматовъ въ Боспорскомъ царствѣ“.

Странно звучитъ этотъ рассказъ въ общемъ ходѣ исторіи Херсонеса. Такъ и слышишь здѣсь хвастливаго корсунянина,

вхваляющаго свои небыгалье подвиги. Но канва разсказа, отнесеннаго Багрянороднымъ ко времени императора Константина III (337—361 г.), мнѣ кажется правдивой, и надо полагать, за этотъ періодъ совершенно нѣсколько нападеній на Херсонесъ, конечно съ цѣлью поживы. Здѣсь же нельзя не указать на интересный фактъ: во всей исторіи города не отмѣчено ни разу, чтобы онъ начиналъ противъ кого-либо агрессивныя дѣйствія; это и естественно, привнимая во вниманіе, что колонія, да и весь союзъ ея преслѣдовалъ главнымъ образомъ торговыя цѣли.

Херсонесу въ этомъ случаѣ повезло, и онъ одержалъ побѣду, одинъ разъ—на чистоту, а другой—съ помощью хитрости. Размѣры этихъ побѣдъ, конечно, преувеличены во много разъ; но какъ бы то ни было, нѣкогда сильныя боспорцы потерпѣли поражение. Слѣдовательно, ихъ могущество и сила къ этому времени значительно упали. Не помогли имъ и временныя союзники—сарматы.

Само собой, съ паденіемъ Боспора, возрастало значеніе Херсонеса, какъ постояннаго торговаго соперника Пантикапея.

Не имѣя успѣха въ открытомъ полѣ и желая какъ-нибудь поправить свои дѣла за счетъ херсонесскихъ богатствъ, боспорцы прибѣгли къ хитрости. По этому поводу тотъ же державный историкъ сообщаетъ такой анекдотъ. Передамъ его вкратцѣ, такъ какъ подробная передача заняла бы много мѣста.

Боспорскій царь (вѣрнѣе — царѣкъ) Асандръ II, задумавъ воспользоваться богатствами Херсонеса, посылаетъ туда нарочитыхъ людей къ протевону Ламаху, сватать его единственную дочь Гикию за одного изъ своихъ сыновей. Ламахъ принимаетъ предложеніе, но, зная коварство боспорцевъ, ставитъ условіемъ, чтобы женихъ, и по вступленіи въ супружество, не возвращался на родину, а навсегда остался бы въ Херсонесѣ, даже въ случаѣ смерти или болѣзни его отца. Царь согласился и прислалъ своего старшаго сына, который и женился на Гикии. Ламахъ жилъ богато; имѣлъ у Сузской бухты громадный домъ съ обширнымъ дворомъ и службами.

Года черезъ два послѣ свадьбы умеръ отецъ Гикии. Въ годовщину его смерти она, при содѣйствіи города и именитыхъ гражданъ, устроила достойныя покойнаго поминки, съ играми и танцами для всего города, и дала обѣтъ ежегодно устраивать подобныя поминки до конца своей жизни. Мужу Гикии пришло въ голову воспользоваться подобнымъ моментомъ, чтобы отомстить за свое униженіе и за свой народъ. Онъ тайкомъ попросилъ отца, съ которымъ ему подъ страхомъ смертной казни бывалъ

запрещены всякія сношенія, время отъ времени присылать къ нему подъ предлогомъ навѣщаній десять—двѣнадцать отборныхъ боспорцевъ, которыхъ онъ ловко скрывалъ въ многочисленныхъ покоехъ и службахъ обширнаго дома, но показывалъ видъ, что будто каждый разъ отправлялъ ихъ обратно на томъ же суднѣ. Такимъ образомъ во дворцѣ Гикіи въ теченіе двухъ лѣтъ набралось около двухсотъ надежныхъ боспорцевъ, съ которыми предполагалось, во время третьихъ поминковъ, „когда весь городъ будетъ веселиться и граждане опьянѣютъ и лягутъ спать, сдѣлать ночное нападеніе, городъ поджечь, а жителей избить“.

Гикія совершенно случайно узнала о заговорѣ отъ одной изъ служанокъ и сообщила объ этомъ гражданамъ. Тогда было рѣшено домъ, въ которомъ жили боспорцы обложить хворостомъ и зажечь, а когда они будутъ искать спасенія, то истребить всѣхъ до одного. Такъ и поступили. И вмѣстѣ съ боспорцами погибъ и вѣроломный супругъ. Такимъ образомъ Гикія сдѣлалась если не спасительницей города, то избавительницей его отъ грозившей большой опасности. Благодарные херсонесцы рѣшили тамъ же построить новый домъ доблестной гражданкѣ, но Гикія не согласилась, считая мѣсто проклятымъ и предложила сваливать на немъ всякій мусоръ, изъ котораго со временемъ образовалась высокая куча. Она оставалась еще во времена Константина Багрянороднаго и называлась „Башней Ламаха“. Тогда признательные граждане поставили въ честь Гикіи двѣ мѣдныя статуи съ соотвѣтствующими надписями и разсказомъ о ея подвигѣ. Но Гикія, кромѣ того, потребовала, чтобы ее похоронили въ городѣ, что разрѣшалось только за исключительно важныя услуги. Граждане, хотя и не сразу, согласились и на это. Гикія, конечно, знала, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и пожелала испытать соотечественниковъ. Однажды она притворилась мертвой. Пришлось хоронить. Херсонитяне понесли ее за городъ на кладбище. Каково же было удивленіе вѣроломныхъ, когда Гикія у самой могилы встала и разразилась потокомъ упрековъ. „Бѣда тому, кто повѣритъ херсонесскому гражданину!“ — такъ закончила свою рѣчь мнимо-умершая.

Въ этомъ разсказѣ, конечно, много прикрасъ, но въ немъ, несомнѣнно, кроется и дѣйствительный историческій фактъ патристическаго подвига, увѣнчанаго статуями, которыя сохранились до временъ Константина Порфиророднаго и составляли предметъ заботливости гражданъ. „Если кто желаетъ проявить любовь къ прекрасному, — заканчиваетъ свое повѣствованіе Багря-

породный, — то время отъ времени очищаетъ основаніе этихъ статуй для прочтенія и поминовенія дѣяній Гикіи“.

Трудно, конечно, повѣрить, чтобы возможно было, хотя бы въ самыхъ обширныхъ покаяхъ и подвалахъ, скрывать двѣсти людей въ теченіе двухъ лѣтъ такъ, чтобы объ этомъ не узнали граждане Херсонеса. Но зато вполне возможно, что боспорскіе заговорщики жили въ томъ же, даже въ большемъ числѣ, въ разныхъ мѣстахъ города, занимаясь до поры до времени невинной профессіей. Вѣроломство и хитрость — отличительныя черты древнихъ и малокультурныхъ народовъ. Несомнѣнно, заговорщики замыслили крупный переворотъ или избіеніе съ грабежомъ. Но ни то, ни другое не удалось, благодаря Гикіи.

Константинъ Багрянородный относитъ это происшествіе (конечно, со словъ или записи корсунянина) къ концу IV в.; но англійскій ученый Гарнетъ, посвятившій изслѣдованію этого рассказа спеціальныи трудъ, возстаетъ противъ этой даты и пытается доказать, что исторія Гикіи нисколько не подходитъ къ христіанской эпохѣ, а происходитъ въ языческія времена, а именно въ концѣ I в. до Р. X.

„Въ концѣ IV в., — замѣчаетъ Гарнетъ, — едва ли было бы разрѣшено Гикіи сдѣлать подобное празднество въ память покойнаго отца съ плясками и увеселеніями; непременно требовалась бы какая-нибудь религіозная церемонія и мы услышали бы о епископахъ и священникахъ, о пѣснопѣніяхъ и благодарственныхъ молебнахъ по случаю освобожденія города отъ опасности. А желаніе Гикіи быть похороненной внутри стѣнъ города было бы дополнено указаніемъ на базилику, гдѣ она пожелала бы почить, что въ тѣ времена считалось особо завидною почестью. Христіанка Гикіа непременно была бы похоронена внутри храма. Да и всѣ имена этой повѣсти не соответствуютъ IV вѣку. Такія имена, какъ Ламахъ, Асандръ, Филомузъ, Стратофилъ, въ IV в. по Р. X. уже давно не существовали въ Херсонесѣ. Имена, въ которыхъ встрѣчаются „филосъ“ и „стратосъ“, относятся къ лучшимъ вѣкамъ греческой исторіи. Ламахъ — имя извѣстное въ эпоху целопонесской войны; Асандръ — македонское имя временъ Александра Великаго. Въ Гераклеѣ вліятельный гражданинъ, по имени Ламахъ, играетъ важную роль въ эпоху Митридата. Имя Асандра носилъ боспорскій царь отъ 47 до 16 г. до Р. X. Монетъ же Асандра II, упоминаемаго Константиномъ Багрянороднымъ, не найдено вовсе. Кромѣ того, Асандръ выступаетъ на сцену въ такую эпоху, когда родъ боспорскаго царя Савромата пресѣкъ“.

Не оспаривая того, что дата Константина не точная, что описываемое событіе случилось нѣсколько ранѣе, чѣмъ указываетъ повѣствователь, а возможно, что и нѣсколько позднѣе, когда обветшавшее Боспорское царство готово было рухнуть, и во всякомъ случаѣ съ трудомъ влачило свое существованіе, — мы все же находимъ неубѣдительными доводы Гарнета. Въ самомъ дѣлѣ, если монетъ Асандра II не найдено до сихъ поръ, то это еще не значитъ, что не было Асандра II. Монеты, если онѣ были, еще могутъ найтись, но ихъ могло и совсѣмъ не быть. Весьма возможно, что плутоватый Асандръ II властвовалъ короткое время и не успѣлъ или, за отсутствіемъ средствъ на чеканку монетъ, не могъ оставить на память исторіи свое имя. Послѣднее мнѣ кажется вѣроятнымъ, послѣ того какъ Асандръ согласился женить своего старшаго сына на такихъ униженныхъ для себя и владѣтельнаго принца условіяхъ: жить безвыѣздно въ Херсонесѣ и прекратить всякое общеніе съ отцомъ подъ страхомъ смертной казни.

Что „имена Ламахъ, Асандръ и др. въ IV в. по Р. X. не существовали въ Херсонесѣ“ — смѣлое отрицаніе: мы такъ мало знаемъ исторію этого періода, изъ него дошло до насъ такъ мало именъ, что, несмотря на весь авторитетъ Момзена, на котораго ссылается Гарнетъ, трудно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Словарь именъ древности далеко не полонъ. Раскопки Херсонеса и Керчи далеко не закончены, и каждый день кирка археолога можетъ обнажить передъ нами темное имя.

Гарнетъ хочетъ сдѣлать Гикію IV вѣка христіанкой — и неосновательно. Скромная и любвеобильная религія Христа была и есть религія бѣдныхъ и туго прививалась среди богатыхъ и сильныхъ міра, которыхъ она даже не удовлетворяла. Да и помимо этого, въ силу указанныхъ выше условій, христіанство здѣсь, несмотря на беззавѣтно преданныхъ дѣлу проповѣдниковъ, прививалось не разомъ. Вспомнимъ число пострадавшихъ проповѣдниковъ. Напомнимъ и тотъ фактъ, что Константинъ Великій, уже спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ миланскаго эдикта, предоставившаго христіанамъ свободное исповѣданіе ихъ вѣры и право занятія государственныхъ должностей, посылаетъ (въ 325 г.) въ Херсонесъ епископа Капитона подъ охраной пятисотъ воиновъ, а черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ эдикта, Юліанъ-Отступникъ (361 — 363) пытается возстановить язычество, т. е. не задолго до подвига Гикіи. Можно поэтому допустить, что Гикія и громадное большинство современнаго ей „общества“ были преданные язычники. Да и не только въ IV в., но и далеко позднѣе — въ VII и даже VIII в.

въ Херсонесѣ была еще масса язычниковъ. Мы уже знаемъ, что писалъ папа Мартинъ и что сказано о корсунянахъ въ житіи ап. Андрея.

Что касается необходимости присутствія духовенства и торжественныхъ пѣснопѣній въ христіанскомъ Херсонесѣ IV вѣка, то и здѣсь Гарнетъ нѣсколько поторопился съ своими заключеніями: весь христіанскій обиходъ торжественныхъ службъ, весь церковный ритуалъ былъ выработанъ и сталъ обязательнымъ далеко позднѣе—въ эпоху расцвѣта византизма.

И мнѣ кажется, что дата описаннаго событія очень близка къ истинѣ уже потому, что во времена Константина Порфиророднаго еще стоялъ памятникъ Гикіи, и каждому предоставлялось оберегать его, читать надписи и поминать дѣянія мужественной патріотки. Конечно, въ надписи была точная дата, переходившая изъ устъ въ уста и, вѣроятно, попавшая въ записи мѣстныхъ лѣтописцевъ, и трудно было извратить ее предъ лицомъ современника.

Исторія Херсонеса конца IV в. можетъ быть пополнена еще нѣсколькими фактами. Такъ, при императорѣ Валентѣ, — пишетъ современный историкъ Амміанъ Марцеллинъ, — проживалъ въ Херсонесѣ (368 г.) въ качествѣ опальнаго префектъ Константинополя Фронемій, нѣкогда приближенный императора, а теперь замѣшанный въ заговорѣ противъ него, затѣянномъ Прокопіемъ; а около 370 года бѣжалъ въ Херсонесъ и самъ Прокопій, дальній родственникъ Юліана-Отступника, который считалъ себя претендентомъ на царскій престолъ и мечталъ облачиться въ императорскую порфиру; но, преслѣдуемый сыщивами и боясь быть выданнымъ мѣстными властями, пробылъ здѣсь недолго, снова бѣжалъ въ Константинополь, произвелъ здѣсь возстаніе, но былъ пойманъ и казненъ.

XV.

Около этого времени на европейской территоріи появляются огромными массами изъ степей средней Азіи гунны. Пережившій эту эпоху историкъ Амміанъ Марцеллинъ даже точно указываетъ годъ этого событія, именно—371-й. Однако въ сохранившемся матеріалѣ свидѣтельствъ о вторженіи гунновъ, нѣтъ упоминанія о томъ, что они провикли на полуостровъ и совершили здѣсь свое дѣло разрушенія, но болѣе чѣмъ вѣроятно, — говоритъ проф. Кулаковскій, — что кочевья гунновъ „простирались и на эту территорію;

также вѣроятно, что готы загнали въ горы надвинувшіяся въ Тавриду гунскія орды^а. Но были ли гунны въ то время у стѣвъ Херсонеса, утверждать пока нельзя. „Херсонесъ въ это время, т.-е. къ концу IV в., достигъ значенія первокласснаго города Тавриды. Власть его простиралась на Боспоръ и на Малоазіатское побережье. Херсонесу принадлежали нѣсколько городовъ и деревень съ многочисленнымъ промышленнымъ населеніемъ. Его владѣнія, согласно вычисленію нѣмецкаго историка Шнейдервирта (Schneiderwirth), обнимали площадь, равную королевству Саксоніи. Въ общемъ Херсонесская республика была въ эту пору самымъ могущественнымъ государствомъ въ Тавридѣ^а. Такъ пишетъ гр. Бобринскій въ своей монографіи. Въ его словахъ все преувеличено или невѣрно, исключая первой фразы. Что съ ослабленіемъ Пантикапея Херсонесъ сталъ первымъ городомъ на Таврическомъ полуостровѣ — съ этимъ, конечно, никто не будетъ спорить, но чтобы власть его, помимо извѣстныхъ уже намъ городовъ, простиралась на Боспоръ и Малоазіатское побережье — объ этомъ не говоритъ даже хвастливый корсунянинъ, диктовавшій исторію Херсонеса Константину Багрянородному. Да это было и невозможно: между Херсонесомъ и Боспоромъ уже съ III в. вклинились сильныя готы, владѣнія которыхъ, какъ можно предполагать изъ указаній историка VI в. Проконія, занимали большую часть южнаго берега Крыма — отъ Фороса до Судака. „Готы, — говоритъ онъ, — многочисленны, прекрасныя воины и еще при мнѣ продолжаютъ быть союзниками римлянъ: вмѣстѣ съ ними ходятъ на войну противъ ихъ враговъ. Обыкновенно же готы занимаются земледѣліемъ и винодѣліемъ, живутъ въ открытыхъ селеніяхъ, не знаютъ и не любятъ городской жизни“.

Гдѣ ужъ тутъ говорить о подчиненіи Боспора Херсонесу! Къ тому же даже и распавшаяся Римская имперія стремилась держать Боспоръ въ своихъ рукахъ. Да и это было временемъ гунновъ, которые шарили по всей Тавридѣ, когда херсонесцы навѣрное боялись и выйти за стѣны своего города. А наканунѣ нашествія гунновъ мы имѣемъ свидѣтельство современника, Амміана Марцеллина, который говоритъ о посольствѣ съ Боспора въ 362 г. къ имп. Юліану въ Византію, искавшемъ у него покровительства и защиты отъ варваровъ, причемъ ни словомъ не упоминаетъ о Херсонесѣ. Какъ нѣмецкій историкъ умудрился вычислить площадь херсонесскихъ владѣній, не имѣя на это никакихъ данныхъ (намъ неизвѣстны границы владѣній) — для насъ остается загадкой. Не почерпнулъ ли онъ косвенно свѣдѣній у очень ученаго, талантливаго, но крайне легкомыслен-

наго французскаго изслѣдователя Дюбуа-де-Монпере, который въ тридцатыхъ годахъ посѣтилъ Херсонесъ, поверхностно осмотрѣлъ его, но... подобно Цезарю — пришелъ, увидѣлъ и *рѣшилъ*. Что „Херсонесская республика въ это время была самымъ могущественнымъ государствомъ въ Тавридѣ“, это совсѣмъ невѣроятно. Марцеллинъ пишетъ, буквально, слѣдующее: „Къ лѣвой сторонѣ Меотиды близокъ Херсонесъ, изобилующій греческими колоніями, почему населеніе его спокойно и мирно занимается хлѣбопашествомъ и живетъ его плодами“. Ни слова — ни о могуществѣ, ни о величіи. Да и можно ли говорить о могуществѣ маленькаго союза, который съ половины II и до VI вѣка (Юстиніана I) потерялъ право чеванки монеты и долженъ былъ пользоваться римской, „которой въ раскопкахъ находятъ цѣлыя горы“ (Косцюшко). Кромѣ того, въ одной изъ дошедшихъ до насъ надписей, украшавшихъ городскую стѣну во времена имп. Θεодосіа (379—395), самъ Θεодосій и его сынъ, соправитель Аркадій, названы очень подобострастно. Надпись гласитъ: „Въ память нашихъ владыкъ, вѣчныхъ августовъ, непобѣдимыхъ Флавіевъ Θεодосіа и Аркадіа и много потрудившагося при работѣ трибуна Флавія Вита и строителей (инженеровъ): высоко (чтимаго) Эвтеріа...“ Изъ этой надписи мы узнаемъ еще, что городъ въ это время поправлялъ свои стѣны и укрѣпленія, и что „въ этомъ дѣлѣ много потрудился Флавій Витъ, трибунъ“ имперской арміи и, конечно, представитель военной и гражданской (имперской) власти.

Отсюда ясно, что въ это время здѣсь стоялъ римскій гарнизонъ и городъ находился въ полномъ подчиненіи имперіи, и на этотъ разъ въ важномъ дѣлѣ поправки стѣнъ и укрѣпленій принималъ главное участіе не херсонянинъ, — иначе имя его было бы помянуто, — а римлянинъ, подъ наблюденіемъ котораго и велось это дѣло.

Но если Херсонесъ не былъ въ это время могущественнымъ, то все же онъ былъ важнымъ, пожалуй даже главнымъ торговымъ центромъ Тавриды; о размѣрахъ же торговли и промышленности въ это время говорить нельзя, за отсутствіемъ данныхъ. Однако можно думать, что торговля города, по сравненію съ первыми вѣками подчиненія Риму, въ этотъ періодъ нѣсколько упала, во-первыхъ, по тому, что сильно упала торговля съ Греціей и разрослись другіе торговые пункты Тавриды; во-вторыхъ, сильно тормозили торговлю гунны тѣмъ, что разгоняли и разоряли тавро-скиевъ и мирныхъ готовъ, и тѣмъ, что грабили караваны съ товарами. Херсонесъ былъ также единственный граничившій съ варварами пунктъ Тавриды, гдѣ прочно держалось христиан-

ство, и въ этомъ смыслѣ Херсонесу придаютъ большое значеніе въ столицѣ имперіи. Мы уже знаемъ, что въ IV в. епископы въ Херсонесъ назначаются изъ Константинополя. Нѣкоторые изъ херсонесскихъ епископовъ присутствовали на вселенскихъ соборахъ, что удостовѣряютъ ихъ подписи. Такъ седьмой херсонесскій епископъ Эверій II засѣдалъ на второмъ вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ (318 г.) и подписался: „episcopus Tersonitanus“ (см. Chersonitanus). На третьемъ соборѣ присутствовалъ херсонесскій епископъ Леонтій. Епископу Капитону для охраны былъ данъ изъ Константинополя большой отрядъ. Словомъ, мы видимъ особое вниманіе въ херсонесской епархіи, которое продолжается и въ послѣдующее время.

Такимъ былъ Херсонесъ наканунѣ раздѣла Римской имперіи на восточную и западную (въ 395 г., по смерти Θεодосіа Вел.), причемъ восточная досталась старшему сыну Θεодосіа, Аркадію, къ которому отошли, какъ и слѣдовало ожидать, и владѣнія Херсонеса. Исторія сохранила намъ очень мало свѣдѣній о первыхъ временахъ византійскаго владычества въ Херсонесѣ. О періодѣ сравнительно кратковременнаго царствованія перваго императора—Аркадія (395—408)—говорятъ только монеты съ его клеймомъ. Въ раскопкахъ ихъ найдено довольно много. Найдено нѣсколько монетъ съ изображеніемъ жены императора Эли Евдокии, а равно монеты брата Аркадія, императора Гонорія, и въ довольно большомъ количествѣ, въ томъ числѣ — одна золотая. Но всѣ эти монеты, говоритъ Косцюшко, чеканились въ Константинополѣ.

При преемникѣ Аркадія—Θеодосіи II (408—450 гг.)—Византія сильно пострадала отъ нашествія полчищъ гунновъ, которые, какъ мы уже знаемъ со словъ Прокпія, въ 371 г. съ большой силой обрушились на Таврический полуостровъ, вытѣснили сарматовъ, обитавшихъ по сосѣдству съ Херсонесомъ, и наводнили всю область отъ Боспора до Херсонеса. Пострадалъ ли онъ отъ наводненія Тавриды гуннами или нѣтъ, исторіи свѣдѣній не оставили; но вѣроятно—нѣтъ, или очень мало, судя по ходу послѣдующихъ событій. Въ 438 г., на константинопольскомъ соборѣ присутствуетъ херсонесскій епископъ Лонгинъ. Нѣсколько поздиѣе, а именно въ 451 г., тотъ же Лонгинъ присутствуетъ (что подтверждается подписью) на халкидонскомъ соборѣ, на которомъ, между прочимъ, постановлено подчинить херсонесскую епархію, пользовавшуюся до этого времени полною независимостью, константинопольскому патріарху. Тотъ же епископъ Лонгинъ значится въ числѣ участниковъ и слѣдующаго собора

въ Константинополѣ, въ 459 г. Около этого времени или нѣсколько раньше „были сосланы въ Херсонесъ на заточеніе епископъ томитанскій Александръ и епископъ александрійскій Тимофей Элусудъ, „упорный и горячій еретикъ“. Онъ былъ отданъ на судъ епископовъ за разныя незаконныя дѣйствія и сначала сосланъ въ Гангру, но такъ какъ онъ здѣсь сталъ развивать смуту и собирать незаконныя сборища, то императоръ Левъ I (457—474 г.) перевелъ его въ Херсонесъ.

Въ 474 г., по свидѣтельству Прокочіа, гунны завладѣли Пантикапеемъ и начали тѣснить; затѣмъ они напали на Херсонесъ, долго держали его въ осадѣ и хотя взять города не могли, однако причинили ему много вреда и отобрали у херсонесцевъ большую часть ихъ владѣній.

Истощенный отъ продолжительной и неравной борьбы съ варварами, обѣднѣвшій отъ потери владѣній и крайняго упадка торговли, Херсонесъ не имѣлъ средствъ возобновить свои стѣны и укрѣпленія, и городу грозила опасность быть завоеваннымъ гуннами. Тогда, въ томъ же 474 г., херсонитяне обратились съ горячей просьбой въ императору Зенону (474—491 г.) помочь имъ возстановить стѣны и башни. Императоръ внялъ мольбѣ своихъ подданныхъ и помогъ, — о чемъ гласитъ найденная знаменитымъ Палласомъ, въ 1794 г., у его друга Габлица надпись, нѣкогда украшавшая башню. Надпись гласитъ слѣдующее:

„Самодержецъ кесарь Зенонъ, благочестивый, украшенный трофеями величія и славы, доказалъ щедроту и благочестіе свое какъ всѣмъ подвластнымъ ему городамъ, такъ и нашему городу, пожаловавъ изъ городскихъ пошлинъ вѣрныхъ ему баллистаріевъ, съ тѣмъ, чтобы деньги были употреблены на постройку стѣнъ, служащихъ для защиты города. И мы, благодарные граждане, поставили сію надпись въ вѣчное воспоминаніе его царствованія. Построена башня въ правленіе свѣтлѣйшаго комита Діогена, лѣта 521 инд. 14“.

Надпись эта, благодаря тому, что французскій ученый, консулъ Кузинери (Cousinéry), неосмотрительно высказалъ мнѣніе о принадлежности ея не Херсонесу, а г. Θεσσαλονικιαμъ, гдѣ онъ будто бы видѣлъ ее въ 1793 г., долго служила предметомъ ученаго спора. Она породила цѣлую литературу и была издана восемнадцать разъ. Однако извѣстный инженеръ-археологъ Бертье-Делагардъ въ своемъ тщательномъ изслѣдованіи разъяснилъ все недоразумѣніе и доказалъ, что эта надпись принадлежитъ несомнѣнно Херсонесу.

Надпись, кромѣ подтвержденія важнаго въ жизни города исто-

рическаго факта, интересна и въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего самая надпись—это главный документъ, указывающій на существованіе въ Херсонесѣ особой эры, а слѣдовательно, и самостоятельнаго лѣтоисчисленія. Отъ историковъ мы узнаемъ, что указываемый здѣсь извѣстный полководецъ „свѣтлѣйшій комитъ Діогенъ“ былъ посланъ въ Тавриду, повидимому для оказанія помощи городамъ, пострадавшимъ въ сентябрѣ 480 г. отъ сильнаго сорокадневнаго землетрясенія. Въ числѣ значительно потерпѣвшихъ городовъ выдано было пособіе и Херсонесу. А между тѣмъ надпись указываетъ 512 г. 14 индикта, когда Зенона, умершаго въ 491 г., давно уже не было въ живыхъ. Такая дата—въ связи съ датами нѣкоторыхъ монетъ—позволяетъ допустить, что херсонесская эра начиналась на двадцать пять лѣтъ раньше христіанской, что соотвѣтствуетъ, приблизительно, 25—24 г. до Р. Х., когда, можно полагать, римляне избавили Херсонесъ отъ боспорскаго ига и даровали ему, какъ говоритъ Плиній, права свободы (элевтерію). Такимъ образомъ 512 годъ надписи соотвѣтствуетъ 488 году нашего лѣтоисчисленія.

Изъ надписи ясно видно, что Херсонесъ находился тогда въ полномъ подчиненіи Византіи; правда, нѣтъ прежняго раболѣпія, но все же городъ не могъ даже распорядиться доходами своей таможни, которыми вѣдалъ комитъ Діогенъ. Видно и то, что баллистаріи, учрежденные Константиномъ Великимъ, продолжали существовать, какъ войско императора. Притомъ, въ данномъ случаѣ жалованье этимъ древнимъ артиллеристамъ Херсонеса выдавалось отъ имени императора, съ разрѣшенія комита, который представлялъ собой особу императора и былъ главнымъ лицомъ городского правленія. Иначе въ надписи не было бы сказано: „въ управленіе комита“.

Судя по надписи, стѣны были хорошо отремонтированы и даже выстроена крѣпостная башня. Это было истиннымъ благодѣніемъ для города, котораго гунны не оставляли въ покоѣ и въ дальнѣйшее время, и надо удивляться, какъ Херсонесъ могъ устоять подъ напоромъ варваровъ, успѣвшихъ, повидимому, овладѣть всей страной между Херсонесомъ и Пантикапеемъ. Только гигантскія стѣны да удивительная энергія херсонитянъ спасали ихъ отъ гуннскаго рабства. Впрочемъ, можетъ быть, были какія-нибудь политическія или другія соображенія, которыя удерживали гунновъ отъ настойчиваго разрушенія Херсонеса. Гр. Бобринскій полагаетъ, что гунны сами воздерживались отъ разрушенія города, который снабжалъ ихъ, по крайней мѣрѣ начальниковъ, многимъ необходимымъ. Впрочемъ гунны, противъ которыхъ без-

сильна была имперія, иногда затихали, и при Юстинѣ I (518—527 г.) византійская дипломатія даже вошла съ ними въ мирныя сношенія; однако не надолго. Уже въ началѣ царствованія слѣдующаго императора, Юстиніана I (527—565 г.), какъ пишетъ Прокопій, они опять напали на Пантिकाпей и разграбили его, а затѣмъ, около 536 г., часть ихъ двинулась на Херсонесъ, осадила его, и городъ былъ сильно поврежденъ. „Юстиніанъ,—говоритъ Прокопій,—узнавъ, что стѣны Боспора и Херсонеса и приморскихъ городовъ, лежащихъ на берегу за Меотійскимъ озеромъ, за таврами и тавро-скинами, совершенно пришли въ упадокъ, привелъ ихъ снова въ прекрасный и прочный видъ. Также построилъ онъ два сторожевыя укрѣпленія, такъ называемый Алустонъ и Горзувиты“¹⁾. Кромѣ того, Юстиніанъ упрочилъ за собой владѣнія Боспора, который уже издавна сдѣлался варварскимъ городомъ и находился подъ властью гунновъ, а при немъ опять возвращенъ римской державѣ.

Вообще при Юстиніанѣ I замѣчается новый расцвѣтъ внѣшняго римскаго (собственно византійскаго) могущества. Говоримъ—византійскаго, потому что къ этому времени латинскій языкъ сталъ замѣтно вытѣсняться греческимъ, который сталъ и придворнымъ, и оффиціальнымъ государственнымъ языкомъ. Да и вообще греческій духъ вытѣснилъ романскія формы, господствовавшія въ Константинополѣ со временъ Аркадія. Хотя византійцы считали себя гражданами Римской имперіи и называли себя „ромеями“ (rhomaioi), но обыкновенно въ *литературѣ* начинаютъ византійскій періодъ VIII-мъ вѣкомъ, такъ какъ съ этого времени онъ принимаетъ, такъ сказать, специфическій характеръ: отсутствіе всякой индивидуальности и оригинальности, что особенно замѣтно у историковъ, которые занимаются главнымъ образомъ компиляціями и выдержками изъ оригинальныхъ трудовъ своихъ предшественниковъ, причемъ вездѣ доминируетъ дворъ и царская особа. Вообще, вся *византійская* литература, въ противоположность классической греко-римской, какъ бы отрывается отъ дѣйствительности и все болѣе и болѣе опутывается сначала евангельскимъ ученіемъ, а затѣмъ и оно заслоняется густой пеленой апокрифическихъ сказаній, которыя надолго полонили собой, можно сказать, всю литературу того времени.

Построивъ укрѣпленія Горзувиты и Алустонъ, находившіяся во владѣніяхъ готовъ, императоръ тѣмъ самымъ показалъ, что

¹⁾ Теперь—Алушта и Гурзуфъ. Остатки башенъ и крѣпостныхъ стѣнъ, которые видимъ теперь,—дѣло Юстиніана.

онъ могъ хозяйничать и въ ихъ странѣ, и во всякомъ случаѣ былъ ихъ покровителемъ въ борьбѣ съ гуннами. Прокопій прямо говоритъ, что готы имѣютъ договоръ съ императоромъ и по его требованію ставятъ въ нужныхъ случаяхъ свое ополченіе въ 3.000 человекъ.

При Юстиніанѣ притихли по какимъ-то причинамъ даже гунны; а историкъ Малала говоритъ, что въ первые годы правленія этого императора въ столицу имперіи прибылъ князь гуннской орды, кочевавшей вблизи Босфора, по имени Гродъ или Горда, съ цѣлью принять христіанство. Императоръ былъ самъ воспріимникомъ, и послѣ крещенія, богато одаривъ духовнаго сына, отпустилъ назадъ въ Тавриду и просилъ его блюсти интересы имперіи на Востока. Однако, христіанство новаго члена церкви дѣйствовало недолго, такъ какъ онъ вскорѣ былъ убитъ своими же за гоненіе язычества и пропаганду ученія Христа, и Юстиніану снова пришлось ограждать окраины отъ нападений варваровъ оружіемъ, а гдѣ возможно — подкупомъ и даже хитростью, натравляя одно племя на другое и возбуждая путемъ сплетенъ вражду между ними. Однако, когда императоръ увидѣлъ, что онъ не можетъ справиться съ таврическими хищниками, онъ рѣшилъ удержать за собой только восточную часть Тавриды съ Пантикапеемъ въ центрѣ, а западную часть съ Херсонесомъ и его владѣніями предоставилъ гуннамъ и готамъ.

Относительно Херсонеса историкъ умалчиваетъ, но несомнѣнно, что по временамъ ему приходилось очень плохо; такъ какъ, по словамъ Юрнанда (VI в.), по „сосѣдству съ Херсонесомъ, почти у самыхъ его стѣнъ поселилось гуннское племя аулзіагровъ, которые въ теченіе лѣта кочуютъ въ своихъ степяхъ, останавливаясь по временамъ на пастбищахъ для кормленія скота, на зиму же возвращаются къ своимъ зимовкамъ на берегу Понта“. Однако, несмотря на такое сосѣдство, Херсонесъ не прекращаетъ своихъ торговыхъ сношеній съ варварами, даже самыми отдаленными, и, по свѣдѣніямъ того же историка, сюда доставляли свои товары азіатскіе купцы. „Такимъ образомъ, — говоритъ Кулаковскій, — существовавшіе въ теченіе вѣковъ караванные пути для товаровъ изъ глубины Азіи къ устью Танаида (Дона), на Боспоръ и въ Херсонесъ, уцѣлѣли, несмотря на гуннское нашествіе и перемѣну степного населенія. Имперія извлекала изъ этого свои выгоды, и ея комитѣ находился тогда не только въ Херсонесѣ, но и на Боспорѣ“.

Конечно, такое близкое сосѣдство варваровъ, постоянное соприкосновеніе и борьба съ ними, а равно съ грубыми, распу-

ценными имперскими солдатами, пагубно вліяли на весь строй городской жизни и въ корни распатывали греческую культуру, которая все болѣе и болѣе растворялась въ варварской волнѣ и все болѣе и болѣе впитывала ея мутныя воды.

Такъ было въ Херсонесѣ, защищенномъ надежной стѣной и поддерживавшемъ постоянныя общенія съ имперіей, а въ другихъ городахъ, не такъ защищенныхъ, смѣшеніе культуръ и народовъ шло гораздо быстрѣе, и одинъ изъ историковъ отмѣчаетъ, что въ этому времени красивый греческій языкъ исказился здѣсь отъ примѣси чуждыхъ словъ, а мѣстами его вытѣснилъ языкъ гунновъ и готовъ. И дѣйствительно, измѣненіе древняго дорійскаго нарѣчія зашло далеко; даже въ надписяхъ этого періода замѣчается преобладаніе аттическаго нарѣчія.

XVI.

Несмотря на неблагопріятныя условія существованія, Херсонесъ въ это время не только не падаетъ, но даже какъ будто развиваетъ и расширяетъ свою дѣятельность. Опять появляются херсонесскія монеты, исчезнувшія, какъ то упомянуто выше, въ срединѣ II в. Правда, теперь на нихъ — бюстъ императора Юстиніана, и только на оборотной сторонѣ—монограмма съ именемъ города. Но, по мнѣнію г. Косцюшко-Валюжинича, монета эта чеканилась не въ Херсонесѣ, а въ столицѣ имперіи—Константинополѣ.

На пятомъ вселенскомъ соборѣ (въ Константинополѣ, въ 553 г.) опять присутствуетъ херсонесскій епископъ Стефанъ и преемникомъ его упоминается Ефремъ. Хотя вообще свѣдѣній о христіанствѣ въ Херсонесѣ за этотъ періодъ почти нѣтъ никакихъ, но несомнѣнно къ этому времени христіанство здѣсь разрослось, окрѣпло и пустило такіе корни, которыхъ не въ силахъ было вырвать никакое язычество. Христіанство сдѣлалось преобладающей, государственной религіей, и къ этому времени въ Херсонесѣ если не всѣ, то почти всѣ языческіе храмы превратились въ христіанскія церкви. Это убѣдительно всего доказываютъ раскопки. Въ 1902 г., въ полуверстѣ отъ угла городской стѣны, въ высокоомъ холмѣ, завершающемъ балку, нынѣ занятую огородами, открыты стѣны большого и богато изукрашеннаго по тому времени крестообразнаго храма, въ которомъ сохранилась большая часть мозаичнаго пола и частица стѣнной живописи съ паписью. По монетамъ, найденнымъ въ стѣнахъ храма, по ха-

рактору рисунка мозаики и другимъ даннымъ Бертье-Делагардъ относить этотъ храмъ къ VI в., именно ко временамъ Юстиніана I; проф. Покровский и Шгернъ считаютъ его болѣе древнимъ. Мы держимся мнѣнія Бертье-Делагарда. Не вступая въ споръ, скажемъ лишь нѣсколько словъ для подтвержденія нашей мысли.

Храмъ помѣщается на скалистомъ бугрѣ, кругомъ, точно пещерный городъ, сплошь изрытомъ тщательно выдолбленными могилами, склепами и катакомбами, часть которыхъ расположена въ глубокомъ подземномъ ходѣ, оканчивающемся колодезь съ хорошей водой, которую можетъ испробовать каждый туристъ. Раскопки ясно показываютъ остатки древнихъ погребеній на этихъ мѣстахъ и между прочимъ обнаружили одинъ фамильный языческой склепъ II в. по Р. Х., въ которомъ была погребена богатая гражданка, по имени Агаѳоклея, судя по дорогому перстню съ ея именемъ.

Отсюда ясно, что церковь была кладбищенская и помѣщалась она на мѣстѣ древняго языческаго кладбища, которое со временемъ превратилось въ христіанское. Судя по размѣрамъ церкви и ея мозаичной отдѣлкѣ, она принадлежала и богатой, и обширной паствѣ. Это до извѣстной степени подтверждаютъ и обнаруженные раскопками остатки прочной стѣны, окружавшей церковь и дворъ, точно крѣпостца.

Бертье-Делагардъ удивляется: „какъ херсонесцы рѣшились выстроить внѣ стѣнъ города таковой большой и богато украшенный храмъ, рискуя подвергать всѣмъ случайностямъ войны и разбоя его священныя зданія и драгоценныя предметы богослуженія“. Но корсуняне знали, что дѣлали. И мнѣ кажется, постройка церкви въ такомъ опасномъ мѣстѣ объясняется тѣмъ, что въ то время корсуняне имѣли дѣло съ язычниками, у которыхъ сильна была вѣра въ загробную жизнь и они, подобно современнымъ китайцамъ и монголамъ, высоко уважали жилища мертвыхъ и изъ боязни мести духовъ, тѣней умершихъ, не рѣшались трогать ни кладбищъ, ни храмовъ, имъ принадлежавшихъ.

Со смерти Юстиніана Великаго (565 г.), раздвинувшаго владѣнія имперіи на востокъ до Евфрата, на западъ—до Атлантическаго океана, точно умираетъ великая сдерживающая народы сила, и въ Тавридѣ опять чувствуется большое движеніе народныхъ массъ, а за нимъ появляются новыя полчища тюркскихъ племенъ. Сначала появляются они на низовьяхъ Волги и Дона, затѣмъ—въ предѣлахъ нынѣшней Таврической губерніи и отсюда черезъ перешеекъ наводняютъ Тавриду и несутъ съ собой грозныя

тучи. И гроза прежде всего разразилась надъ ближайшимъ къ востоку Боспоромъ; но раскаты ея отдались и въ Херсонесѣ.

Византійскіе лѣтописцы говорятъ, что уже въ концѣ царствованія Юстиніана I въ нашихъ южныхъ степяхъ, подъ вліяніемъ переворотовъ въ Китаѣ и Монголіи, появилась оттуда новая кочевая орда, которую византійскіе историки называютъ аварами, а наши лѣтописцы — обрами. Въ царствованіе Юстиніана II (565—578) они уже были въ степяхъ между устьями Дона и Днѣстра; здѣсь разбили и подчинили себѣ нѣсколько гуннскихъ племенъ, имѣвшихъ здѣсь свои стоянки. По слѣдамъ аваровъ шли, повидимому преслѣдуя ихъ, турки. Часть ихъ, подъ командой вождя Бохана и гуннскаго князька Анагея, подчинившагося туркамъ, направилась къ Боспору, осадила его, а затѣмъ и взяла (580 г.), а въ слѣдующемъ году тѣ же турки уже угрожали Херсонесу, но взять его не могли (хотя историкъ Менаандръ утверждаетъ противное), и турецкая волна, ударившись о неприступную стѣну, отхлынула, какъ нѣкоторые думаютъ, вслѣдствіе междоусобицъ въ главномъ станѣ турокъ.

Когда кончилось турецкое нашествіе, Боспоръ опять оказался во власти византійскаго императора Маврикія (582—602 г.) и въ подчиненіи у херсонесскаго генераль-губернатора (дукса) Эвпатерія; за это говоритъ надпись, найденная въ Тамани еще въ 1803 г. извѣстнымъ крымскимъ судьей Сумароковымъ. Она гласитъ слѣдующее: „Сверхъ прочихъ великихъ и дивныхъ дѣяній и этотъ славный на Боспорѣ царскій дворецъ возобновилъ благочестивѣйшій и богохранимый нашъ властелинъ чрезъ своего вѣрноподаданнаго Эвпатерія, славнѣйшаго начальника войскъ и дукса Херсона“.

Итакъ, въ то время (590 г.) Херсонесъ былъ первымъ городомъ Тавриды. Въ немъ проживалъ Эвпатерій, дуксъ, подъ командой котораго, по объясненію Латышева, находились войска, охранявшія границу имперіи; но, судя по тому, что дуксъ слѣдилъ и за постройкой дворца, ему была подчинена и гражданская власть. Такимъ образомъ, Эвпатерій былъ высшимъ представителемъ императорской власти, и ему былъ подчиненъ не только Херсонесъ, но и Боспорскія владѣнія. Это былъ современный генераль-губернаторъ края. А если такъ, то врядъ ли Херсонесъ незадолго передъ тѣмъ, какъ говоритъ Менаандръ, попалъ въ руки турокъ. Напротивъ, городъ все время оставался во владѣніи императора, который и назначалъ сюда высшихъ начальниковъ войскъ и края.

Однако, несмотря на полное подчиненіе имперіи, при Ма-

врикѣ снова въ изобиліи попадаются херсонесскія монеты, исчезнушія со смертью Юстиніана I. На этихъ монетахъ изображенъ императоръ, его жена и какой-то святой, въ которомъ извѣстный историкъ и знатокъ херсонесскихъ монетъ Кене видитъ мѣстнаго мученика и святого Евгенія; прямое указаніе, что въ то время христіанство здѣсь было государственной религіей и окончательно подавило язычество. И въ раскопкахъ находится не мало предметовъ церковно-христіанскаго обихода, которые можно отнести къ этому періоду жизни города, а можетъ быть—нѣсколько болѣе раннему или позднему. Такъ, найденъ обломокъ мраморной статуэтки Добраго Пастыря, служившей, вѣроятно, украшеніемъ какого-либо храма. Найдено довольно большое терракотовое блюдо, въ срединѣ котораго выдавлено изображеніе безбородаго лица и вокругъ—голуби. Полагаютъ, что это—образъ Христа. Къ этому же времени относятъ большой надгробный каменный крестъ съ надписью: „объ упокоеніи рабовъ божіихъ пресвитеровъ Стефана и Христофора“, и мѣдный крестъ съ изображеніемъ Вознесенія и Преображенія; затѣмъ—каменная форма, по объясненію проф. Веселовскаго, для отливки металлическихъ амулетовъ, которые широко были распространены у древнихъ христіанъ, что они получили въ наслѣдіе отъ своихъ отдаленныхъ прародичей-язычниковъ. Въ срединѣ формочки—неясное поясное изображеніе лица съ простертыми вверхъ руками, а вокругъ—надпись: „Господи! помоги носящему! Аминь“.

У одной изъ катакомбъ древняго владѣнща, у самаго входа въ нее найденъ надгробный крестъ изъ мѣстнаго камня грубой работы съ хорошо сохранившейся, но крайне небрежно сдѣланной надписью: „Памятникъ святой мученицы Анастасіи“. Эта находка дала поводъ акад. Латышеву предложить, что „памятникъ сохранилъ имя мѣстной мученицы, пострадавшей при одномъ изъ преслѣдованій христіанъ, которыя неоднократно бывали въ Херсонесѣ“. Однако, противъ своего предположенія Латышевъ самъ находитъ рядъ возраженій и приходитъ къ мысли, что памятникъ поставленъ кѣмъ-либо изъ вѣрующихъ и почитавшихъ святую, носившую имя Анастасіи. Конечно, трудно допустить, чтобы подобное, можно сказать, жалкое напоминаніе могло быть на могилѣ мѣстной святой мученицы, да еще въ то время, когда христіанство стало господствующей религіей.

Изъ находокъ этого періода особенно интересна формочка въ видѣ глинянаго кружка, размѣромъ небольшого блюда (9 сантим. въ діаметрѣ); на немъ—рельефное изображеніе св. Фоки, стоящаго въ лодкѣ съ простертыми вверхъ руками. Кругомъ по краю въ

видѣ бордюра надпись: „Благословеніе святого Фоки отъ богадѣльни Херсона“. Эта надпись прежде всего указываетъ на интересный фактъ, что въ то время въ Херсонесѣ существовала богадѣльня имени св. Фоки, который, согласно его житію „и до сего дня признается первымъ кормчимъ понтіійскихъ мореплавателей и прославляется во всемъ мірѣ“. Корсуяне, какъ истые моряки, конечно глубоко чтили блаженнаго Фоку, посвятили ему свое благотворительное учрежденіе и, какъ сказано въ житіи святого, среди моряковъ существовалъ обычай при каждой трапезѣ отдѣлять часть пищи или питья св. Фокѣ, затѣмъ продавать ее каждому изъ сотрапезниковъ по очереди и вырученныя деньги, по прибытіи въ гавань, раздавать нуждающимся. Это наводитъ Латышева на мысль, что „въ херсонесской богадѣльнѣ изготовлялись особые хлѣбы, которые продавались богомольцамъ подъ именемъ благословенія св. Фоки, и вырученныя за нихъ деньги употреблялись на содержаніе призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ. Возможно, что нашъ кружокъ примѣнялся для тисненія на такихъ хлѣбахъ изображенія святого. Могло быть и такъ, что въ церквахъ раздавались хлѣбы съ священными изображеніями благочестивымъ жертвователямъ, въ знакъ благословенія святого покровителя храма и богадѣльни за пожертвованія. Такимъ образомъ кружокъ вполнѣ аналогиченъ съ печатами, которыя употребляются теперь для тисненій изображеній на просфорахъ“.

Такое объясненіе кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что обычай раздавать въ церквахъ вещественные предметы въ знакъ благословенія благочестивымъ поклонникамъ былъ широко распространенъ среди христіанъ съ древнѣйшихъ временъ. Проф. Помяловскій, подробно изслѣдовавшій этотъ вопросъ, указываетъ, между прочимъ, на паломницу IV в. Сильвію, которая въ своемъ описаніи неоднократно упоминаетъ о такихъ благословеніяхъ, и — на Автолина изъ Плаценціи, путешествовавшаго къ св. мѣстамъ въ концѣ IV в., и который прямо говоритъ о раздачѣ хлѣба бѣднымъ при церкви св. Исихія въ Іерусалимѣ по распоряженію св. Елены.

Особенно распространенъ былъ обычай освящать масло или чрезъ прикосновеніе къ мощамъ, или чрезъ наливаніе его въ лампы, горѣвшія передъ мощами. Такой освященный елей увозился паломниками въ стеклянныхъ или глиняныхъ сосудахъ и употреблялся для врачеванія; причемъ паломники иногда дарили его своимъ знакомымъ или уважаемымъ лицамъ. Кромѣ обычая увозить елей, былъ обычай увозить въ глиняныхъ сосудахъ и воду изъ священныхъ мѣстъ. Такіе сосуды, изъ другихъ мѣстъ,

дошли до насъ въ значительныхъ количествахъ. На нѣкоторыхъ изъ такихъ сосудовъ имѣются надписи: „Елей древа жизни святыхъ мѣстъ Христовыхъ“: или „Благословеніе Господа отъ святыхъ мѣстъ Христовыхъ“, или: „Благословеніе святого Мины“ или: „Благословеніе Господа на васъ“.

Я позволилъ себѣ привести эти подробности въ виду того, что кромѣ указанной печати св. Фоки, въ раскопкахъ была найдена подобная же печать, такой же работы и размѣра; къ сожалѣнію недостаетъ у нея небольшого кусочка верхней части. На печати изображенъ большой крестъ, а по сторонамъ его—два святыхъ въ длинныхъ одеждахъ, причемъ у праваго руки простерты къ небу, а у лѣваго—въ одной рукѣ посохъ, а другая прижата къ сердцу. Вокругъ головы и креста—сіяніе (нимбъ), а по краямъ, какъ и въ печати св. Фоки—обратная надпись, часть которой теряется на выломанномъ недостающемъ треугольномъ кускѣ; надпись неполнѣ ясна, однако удастся возстановить ее, и читается такъ: „Благословеніе святого и славнаго великомученика...“ (какъ Латышевъ полагаетъ—Георгія). Очень можетъ быть, что эта печать служила клеймомъ для указанныхъ сосудовъ. Всѣ эти памятники, говоритъ Латышевъ, „по характеру начертанія надписей и стили изображеній, несомнѣнно принадлежать одной эпохѣ. Для опредѣленія ея главнымъ критеріемъ служить священное изображение и въ особенности форма креста, которая представляетъ разительное сходство съ изображеніями креста на памятникахъ V—VI вв. И во всякомъ случаѣ эти памятники не позднѣ VII в.“...

По смерти Маврикія (602 г.) и до середины царствованія Константа II (641—668 г.), т.-е. полъ-столѣтія, за отсутствіемъ свѣдѣній замѣчается какъ бы перерывъ въ исторіи города, и даже въ раскопкахъ почти не встрѣчается монетъ предшествовавшихъ императоровъ—Фоки (602—610) и долго царствовавшего Гераклія (610—641 г.). Эти перерывы встрѣчаются и позднѣ, въ болѣе близкую намъ эпоху. Объясняются они тѣмъ, что византійскіе историки пренебрегаютъ исторіей провинцій, занимаясь почти исключительно исторіей столицы и придворныхъ интригъ. Около 653 г., по свидѣтельству житія, къ которому „надо относиться очень осторожно“ (Васильевскій), Херсонесъ еще разъ послужилъ мѣстомъ ссылки. А именно, по разсказу житія, папа или епископъ римскій Мартинъ „всажденъ бысть на корабль и въ заточеніе посланъ въ Херсонъ“ за то, что не пожелалъ принять моноелитской ереси, признававшей въ Христѣ только одну божескую волю, каковую ересь поддерживалъ самъ императоръ,

суровый и страстный Константинъ II; которому Мартинъ заявилъ: „Еслибы и весь міръ принялъ это новое, противное православію ученіе, то я не приму и не отступлю отъ евангельскаго и апостольскаго ученія и отъ преданій святыхъ отецъ, еслибы даже пришлось пострадать до смерти“. Мартинъ, какъ и Климентъ, будто бы былъ сосланъ въ каменоломни. Старецъ не выдержалъ ссылки и скончался въ 655 г. Церковь причислила его къ лику святыхъ. Сохранилось нѣсколько писемъ Мартина, изъ ссылки, въ которыхъ онъ жалуется своимъ далекимъ друзьямъ на дикіе нравы населенія, называя его языческимъ или обратившимся въ язычество, жалуется на свое бѣдственное положеніе, на дороговизну и недостатокъ жизненныхъ продуктовъ, и между прочимъ дѣлаетъ интересное сообщеніе о томъ, что въ Херсонесѣ не было своего хлѣба, и онъ получалъ его съ противоположнаго берега моря, который называетъ Романіей, причемъ, суда, привозившія хлѣбъ, возвращались назадъ съ грузомъ соли. По этому поводу проф. Кулаковскій справедливо замѣчаетъ: „Такимъ образомъ, въ половинѣ VII в. Таврида, которая была житницей Эллады за пять вѣковъ до Р. X., при измѣнившихся этническихъ условіяхъ сама нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ, расплачиваясь за него солью“.

Такимъ образомъ, вывозная торговля хлѣбомъ, главный нервъ жизни города, сильно упала. Иначе и быть не могло: послѣ Юстиніана I, да и задолго до него, Херсонесъ и принадлежавшая ему область испытали на себѣ всю тяжесть переселенія народовъ. Сначала готы, за ними гунны, авары, татары тѣснятъ другъ друга, тѣснятъ и Херсонесъ, а если возможно, то и грабятъ его.

Вскорѣ послѣ смерти Мартина и особенно въ концѣ VII в., при императорѣ Константиѣ Погонатѣ (668—685 г.), на Таврическомъ полуостровѣ появляются новые гости—хозары. Кто они—трудно отвѣтить: исторія ихъ очень темна. По византійскимъ и армянскимъ источникамъ, еще при Аттилѣ какія-то тюркскія племена, обитавшія въ степяхъ Волги и Дона и по западному побережью Каспійскаго моря, объединились и появились на свѣтъ исторіи подъ именемъ хозарь. Мало-по-малу они расширяютъ свое вліяніе и господство и въ концѣ VII в. подчиняютъ себѣ одно изъ гуннскихъ племенъ, сосѣднихъ Боспору, а за нимъ—Фанагорію и самый Боспоръ. Когда именно хозары овладѣли ими,—неизвѣстно; но хорошо извѣстно, что въ концѣ VII в. въ обоихъ указанныхъ городахъ сидѣли намѣстники хозарскаго правителя (кагана), носившіе званіе „тудуна“. Постепенно власть хозарь простерлась и далѣе на западъ полуострова. Побережье

съ городомъ Сугдеей (нынѣ Судаэкъ), вѣрѣно внутри полуострова Фуллы (вѣроятно — Старый Крымъ) и часть горъ вплоть до земель, занятыхъ готами, попали подъ власть хозаръ (проф. Кулаковскій, Бильбасовъ). Такимъ образомъ Херсонесъ не попалъ въ ихъ владѣнія, и несмотря на это, престижъ хозаръ былъ такъ великъ, что бытописатели VIII—IX вѣка и даже позднѣе часто называли Тавриду Хозаріей.

XVII.

Однако, хотя Херсонесъ и не попалъ въ руки хозаръ и оставался въ прежнихъ отношеніяхъ къ имперіи, но въ жизни города, можно сказать въ самый трагическій моментъ ея, они сыграли видную роль.

Дѣло въ томъ, что по смерти Погоната вступилъ на престолъ (въ 685 г.) его сынъ Юстиніанъ II. Десять лѣтъ Византія стонала отъ его жестокости и расточительности, ряда нелѣпостей и политическихъ ошибокъ. Наконецъ, народъ не выдержалъ и свергнулъ его съ престола, и военная партія провозгласила императоромъ (695 г.) командующаго войсками Леонтія II, стяжавшаго себѣ славу въ войнѣ съ арабами, у которыхъ онъ отнялъ Иберію, Албанію и Арменію. Первымъ дѣломъ новаго императора было вырвать ноздри своему предшественнику, что онъ и произвелъ для большаго эффекта на столичномъ гипподромѣ въ виду массы народа и всей знати, присутствовавшей на играхъ. Не оставилъ Леонтій своимъ вниманіемъ приверженцевъ и фаворитовъ обезображеннаго императора, которыхъ безжалостно убивали. Послѣ этой операціи изуродованный Юстиніанъ, получившій прозваніе „безносаго“ (по греч. „ринотметъ“), немедленно былъ отправленъ въ ссылку въ Херсонесъ. Такимъ образомъ на этотъ разъ городъ удостоился высокой чести поселенія въ немъ хотя и развѣнчанной, безносой, но все же царской особы, каковыя до этого времени никогда не заглядывали сюда.

Леонтій II царствовалъ недолго. Вынужденный вести войну со все болѣе и болѣе усилившимися въ Африкѣ арабами, онъ потерялъ Карфагенъ, очень важный торговый и стратегическій пунктъ. Это было поставлено Леонтію въ вину, хотя онъ, повидимому, былъ ни при чемъ. Въ это время возмущилась сильная вритская эскадра съ десантомъ и провозгласила императоромъ хорошо извѣстнаго ей начальника мало-азійскихъ войскъ, Аписмара, который вскорѣ былъ уже у стѣнъ Константинополя

(698 г.), захватилъ не успѣвшаго бѣжать Леонтія и поступилъ съ нимъ совершенно такъ же, какъ тотъ съ своимъ предшественникомъ Юстиніаномъ, т.-е. отрѣзалъ ему кусокъ носа и сослалъ въ монастырь, а себя, взобравшись на тронъ, провозгласилъ Тиверіемъ III (698 — 705 г.). Такой способъ восшествія на престолъ, съ легкой руки Леонтія и его предшественниковъ, скоро сталъ обычнымъ въ Византійской имперіи въ послѣдующихъ вѣкахъ, когда рѣдкій императоръ не вступалъ на престолъ черезъ трупъ своего предшественника, съ которымъ обыкновенно не связывали никакія узы, кромѣ женскихъ интригъ.

Пока совершались эти событія, Юстиніанъ II очень усердно интриговалъ въ Херсонесѣ, въ надеждѣ снова посидѣть на престолѣ. Однако, какъ говоритъ ближайшій историкъ этихъ событій, Теофанъ, херсонесцы терпѣть не могли Юстиніана за его несносный характеръ и постоянно преслѣдовали бранью и насмѣшками за невольное уродство, и не только не склонились на его сторону, но даже пригрозили выдать его Тиверію.

Положеніе ссыльнаго императора было опасное, и онъ бѣжалъ сначала къ готамъ въ Дорось, а затѣмъ дальше въ Хазарію, къ кагану, гдѣ и женился на его дочери, принявшей въ крещеніи имя Θεодоры, и поселился, съ согласія кагана, въ Фанагоріи (Тамань). Но и здѣсь положеніе бѣглеца было непрочное. До него дошли слухи, что Тиверій ищетъ умертвить его. Юстиніанъ побоялся византійскаго императора, побоялся, что его выдадутъ, и онъ снова бѣжалъ, — на этотъ разъ въ простомъ баркасѣ, съ приверженцами, вызванными изъ Херсонеса къ берегамъ Дуная, — къ болгарскому царю Тербелію, обладавшему въ то время значительными силами. Съ его помощью и при содѣйствіи дворцовой интриги Юстиніанъ, послѣ десяти лѣтъ изгнанія, снова очутился на византійскомъ престолѣ (705 г.) и просидѣлъ на немъ, — правда, не совсѣмъ благополучно — до 711 г., т.-е. шесть слишкомъ лѣтъ.

Первымъ желаніемъ Юстиніана по восшествіи на престолъ было желаніе отомстить своимъ врагамъ. „Съ этой цѣлью, — говоритъ Герцбергъ, — чудовищный царь, безпримѣрная мстительность и жестокость котораго не разъ принимали окраску сумасшествія, устроилъ на гипподромѣ, по случаю своего возстановленія на престолѣ, блестящія ристалища. При этомъ царь сидѣлъ на высококомъ тронѣ, а ноги его покоились на затылкахъ его первыхъ жертвъ — узурпаторовъ Леонтія и Тиверія, лежавшихъ передъ нимъ на землѣ. Въ то же время запуганная столічная чернь громко привѣтствовала царя словами псалмопѣвца:

„На аспіда и вѣсилиска наступиши и попереши льва и змія“!.. Затѣмъ обоихъ недавнихъ владыкъ повѣсили, а вмѣстѣ съ ними и храбраго полководца Гераклія“. Вспомнилъ здѣсь царь и херсонесцевъ, — всѣ ихъ насмѣшки и отказъ поддержать въ трудную минуту. И рѣшилъ отомстить такъ, чтобы каждый изъ нихъ отъ мала до велика чувствовалъ всю силу мести жестокаго царя. И онъ приказалъ готовить флотъ и большой карательный отрядъ подъ командой мавра Бѣза и патриція Стефана по прозванію Асмета, т. е. свирѣпаго.

До корсунянъ уже дошелъ слухъ, что на нихъ идетъ стотысячный отрядъ, съ приказаніемъ отъ императора уничтожить до основанія города Пантикапей и Херсонесъ, а всѣхъ жителей отъ мала до велика перебить. Не вида исхода, херсонесцы обратились за помощію къ кагану, но онъ на этотъ разъ отказалъ въ войскѣхъ и помощи, и только послалъ въ городъ для переговоровъ своего намѣстника (тудуна). Тогда что могло, то бѣжало изъ Херсонеса. Городъ былъ взятъ, и съ оставшимися жителями, исключая отроковъ и дѣтей, которыхъ взяли въ рабство, поступили съ восточной жестокостію. Главныхъ виновниковъ Стефанъ Свирѣпый, привязавъ за ноги къ столбу головою внизъ, приказалъ въ такомъ положеніи изжарить на медленномъ огнѣ. Двадцать были связаны и брошены въ барку, которую наполнили камнями и затопили въ морѣ; сорокъ-два члена городского совѣта, въ томъ числѣ тудунъ, протевоны Дикосъ и Зоилъ, „первый гражданинъ по роду и положенію“, были закованы въ цѣпи и съ женами и дѣтьми были посланы къ императору. „Горше была участь Херсонеса, — говоритъ историкъ XII в., Константинъ Манассія, — чѣмъ участь Вилеема; въ послѣднемъ избивали только маленькихъ дѣтей, а въ Херсонесѣ убивали мужчинъ и женщинъ“.

Однако кровавая расправа не удовлетворила Юстиніана, говорятъ византійскіе историки, и онъ разразился новымъ гнѣвомъ за то, что пощадил отроковъ и дѣтей, и приказалъ немедленно доставить ихъ въ Константинополь. Тогда Стефанъ отплылъ обратно, оставивъ Илью намѣстникомъ Херсонеса. На возвратномъ пути флотъ Стефана былъ разбитъ бурей. Адмиралъ и 73 тысячи войскъ и плѣнныхъ погибли въ волнахъ. Юстиніанъ не опечалился гибелью флота и велѣлъ снарядить новый флотъ и вторично послалъ того же Стефана Асмета съ тѣмъ, чтобы „не оставить въ Херсонесѣ живой души и обратить мѣсто города въ пустыню. Велѣно было: не оставить даже слѣдовъ стѣнъ и уничтожить даже тѣ мѣста, гдѣ сваливались нечистоты. И какъ

можно чаще увѣдомлять императора объ успѣхахъ и исполненіи приказаній“.

Оставшіеся въ живыхъ и возвратившіеся въ городъ жители рѣшили защищаться до послѣдней крайности. На этотъ разъ ихъ ободрило обѣщаніе кагана прислать помощь и—оставшіеся по отъѣздѣ Стефана временнымъ правителемъ Ілія, перешедшій на сторону херсонесцевъ. Но душой всего дѣла, повидимому, былъ патрицій армянинъ Варданъ, недавно (въ 710 г.) сосланный сюда за то, что имѣлъ неосторожность хвастать предсказаніемъ астролога, прорицавшаго ему царскій вѣнецъ. Наскоро были исправлены стѣны города и пришелъ отрядъ хозарь. Все это вскорѣ стало извѣстно Юстиніану, и онъ поторопился прислать сюда специальную миссію подъ охраной конвоя въ 300 еракійцевъ. Миссія находилась подъ начальствомъ канцлера (логофета) сиріянина Георгія, бывшаго градоначальника Константинополя. Съ миссіей прибыли взятые Стефаномъ въ плѣнъ хозарскій тудунъ и протевонъ Зоилъ. Георгію было приказано: извиниться передъ родственнымъ императору каганомъ за арестъ тудуна, возстановивъ его, равно какъ и протевона Зоила, въ прежнихъ должностяхъ, а въ городѣ все привести въ порядокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было требовать у кагана, чтобы онъ принудилъ херсонесцевъ выдать императору Ілію и Вардана, какъ государственныхъ преступниковъ.

Херсонесцы, зная приготовленія императора, впустили къ себѣ только представителей миссії и затѣмъ, заперевъ городскія ворота, умертвили ихъ. Хозары же обрружили еракійскій конвой и вмѣстѣ съ тудуномъ повели ихъ къ кагану. По пути тудунъ умеръ. Тогда хозары умертвили конвойныхъ на могилѣ тудуна, какъ надгробную жертву.

Въ то же время херсонесцы, какъ говоритъ лѣтопись, стерли имя Юстиніана со стѣнъ укрѣпленій и другихъ городовъ и провозгласили императоромъ Ілію, но тотъ отказался; тогда они провозгласили императоромъ давно стремившагося къ этому Вардана и, по обычаю времени, измѣнили его имя, назвавъ Филиппикомъ. Узнавъ объ этомъ, Юстиніанъ собственноручно умертвилъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей Ілія, а жену его отдалъ на поруганіе негру. Между тѣмъ подошелъ къ Херсонесу имперскій флотъ съ десантомъ, подъ командой уже извѣстнаго намъ мавра Бѣза, и началъ осаду города. Сначала дѣло шло успѣшно: византійскимъ таранамъ и осаднымъ машинамъ стали уступать херсонесскія стѣны. Уже пали двѣ башни: Кентенарійская и Синагра. Но вотъ, благодаря энергіи Вардана, подошелъ свѣжій хозарскій

отрядъ подѣ начальствомъ тудуна, отгѣснилъ императорскія войска и заставилъ снять осаду.

Тогда Бэзъ, его флотъ и десантъ, страшась возвратиться ни съ чѣмъ, такъ какъ имъ грозила жестокая расправа со стороны безносаго императора, измѣнили ему, присоединились къ херсонесцамъ и просили кагана прислать къ нимъ въ станъ новаго императора. Осторожный каганъ потребовалъ отъ византійцевъ торжественной присяги новому императору и обѣщанія уплатить ему военныя издержки „по монетѣ съ каждаго человѣка“. И это было исполнено. Тогда херсонесцы, соединившись съ византійцами, вмѣстѣ съ Бэзомъ и Варданомъ-Филиппикомъ, по словамъ лѣтописи, „какъ разъяренные волки и тигры“ отплыли въ Константинополь, гдѣ въ то время уже волновалась чернь, недовольная императоромъ, и Вардану не трудно было низложить Юстиніана, схватить его и, во избѣжаніе новыхъ попытокъ его украсить себя византійской короной, умертвить поскорѣе. Такимъ образомъ закатилась звѣзда Юстиніана, и астрологи увидѣли на сводѣ небесъ новую звѣзду—Вардана-Филиппика.

Всѣ эти сказанія византійскихъ лѣтописцевъ Бертъе-Делагардъ называетъ баснословіями. „Изъ всего этого баснослоія, — говоритъ онъ, — мы только извлекаемъ свѣдѣнія о существованіи ранѣе первой экспедиціи Юстиніана правителя города, которымъ былъ хозарскій тудунъ или протополитъ Зоилъ, — быть можетъ, оба вмѣстѣ; одинъ — отъ хозаръ, другой — отъ Византіи. Ихъ обоихъ заковали и отвезли въ Константинополь, оставивъ вмѣсто нихъ Илію“. Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ Бертъе-Делагардъ чересчуръ недовѣрчивъ и напрасно хочетъ аннулировать эти интересные документы... Ни строгій Момзенъ, ни осторожный въ своихъ заключеніяхъ Кене, ни проф. Кулаковскій, ни Герцбергъ не только не отрицаютъ ихъ историческаго значенія, но даже пытаются использовать ихъ какъ историческій матеріалъ.

Несомнѣнно, въ разсказахъ, записанныхъ, быть можетъ, черезъ 150—200 лѣтъ — много неточностей, противорѣчій и искаженій, и придана имъ неправильная окраска, такъ какъ вѣроятнѣе всего записаны они со словъ корсунянина, одареннаго богатой фантазіей, быть можетъ, такою же, какъ и потомокъ его, диктовавшій исторію Херсонеса Багрянородному. Но обязанность исторической критики — очистить ихъ отъ наслоеній и открыть въ нихъ зерно правды, т.-е. поступить такъ, какъ поступаетъ археологъ, нашедшій въ раскопкахъ неизвѣстную вещь, облѣпленную грязью и землей. И тогда изъ этихъ памятниковъ намъ удастся извлечь болѣе того, чѣмъ воспользовался Бертъе-Делагардъ.

Оба похода — историческій фактъ. Изъ сказаній о нихъ мы приведемъ у себя только болѣе достовѣрное. Вѣрно указанъ и промежутокъ между походами (706 — 711 гг.). Несомнѣнно и то, что эскадра Бэза не могла имѣть на себѣ сто-тысячное войско: это было не по силамъ Византіи, которую на южныхъ окраинахъ тѣснили арабы, а на сѣверныхъ — славяне и хозары. А разъ эскадра не была такъ велика, то не могло быть и такихъ большихъ потерь послѣ бури, уничтожившей эскадру, о которой говорятъ хроники. Цѣль экспедиціи не была только карательной, — такъ могъ думать и говорить развѣ корсунянинъ, который чувствовалъ себя виновнымъ по отношенію къ Юстиніану II. Для экспедиціи вовсе не требовались ни большая армія, ни многочисленный флотъ, тѣмъ болѣе, что у Юстиніана въ Херсонесѣ было не мало друзей и единомышленниковъ. Изъ тѣхъ же сказаній мы узнаемъ, что бѣжавшій императоръ по пути въ Тербелію зашелъ „въ гавань Символонъ ¹⁾ и отсюда тайно послалъ въ Херсонъ и вызвалъ къ себѣ своихъ приверженцевъ: Васвакурія, брата его Сильвана, Стефана и Мороплава съ Теофиломъ“. Знаемъ также, что въ 709 г. Юстиніаномъ былъ сосланъ сюда за мнимый бунтъ ослѣпленный имъ архіепископъ равенскій Феликсъ. И по этому поводу самъ Бертье-Делагардъ справедливо замѣчаетъ: „Было бы совершенно немисливо послать въ Херсонесъ въ ссылку Феликса, если у Юстиніана не было тамъ своего правителя, а имѣлось только враждебное ему народное правленіе, знающее ненависть къ нему жестокаго императора“. То же можно сказать относительно Вардана. А имѣя въ Херсонесѣ своихъ сторонниковъ, ставленниковъ и престижъ власти, Юстиніану, конечно, не было необходимости посылать цѣлый флотъ и армію, чтобы отомстить и поварать десятокъ-другой херсонесцевъ. Вторая экспедиція еще менѣе преслѣдовала карательныя цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ, чтобы Юстиніанъ вздумалъ мстить черезъ пять лѣтъ *post factum* только за то, что тогда не истребили дѣтей и юношей.

Цѣль этихъ походовъ была иная, и она ясно проглядываетъ въ тѣхъ же повѣствованіяхъ. Тамъ сказано, что Юстиніанъ приказалъ умертвить всѣхъ жителей городовъ, подчиненныхъ Херсонесу, Пантикапею, и сосѣднихъ мѣстностей и въ добавокъ — разорить Херсонесъ до тла. Причемъ здѣсь неповинные жители отдаленныхъ мѣстностей, не только не видѣвшихъ, а можетъ

¹⁾ Нынѣ Балаклава.

быть никогда и не слышавшихъ имени Юстиніана? Цѣль очевидна: вытѣснить изъ Херсонеса, Пантикапея и другихъ мѣстъ хозарь, которые успѣли за это время распространить свою власть на готы и на Херсонесъ. Да и онъ, какъ видно, готовъ былъ отпасть отъ Византійской имперіи и присоединиться къ готамъ или подчиниться хозарамъ. Такъ, въ самомъ концѣ VII вѣка, на трульскомъ соборѣ участвовалъ херсонесскій епископъ и подписался: „Георгій, недостойный епископъ Херсона доранскаго“¹⁾. А нѣсколько позднѣе (VIII—IX в.) въ житіи ап. Андрея, составленномъ Эпифаніемъ, Херсонесъ называется готскимъ городомъ. Изъ хроникъ мы тоже знаемъ, что тудунъ въ то время въ Херсонесѣ играетъ большую роль, чѣмъ протевонъ. Тудунъ поддерживаетъ Вардана, къ тудуну обращается Базъ съ просьбой прислать въ станъ вновь избраннаго императора; тудунъ требуетъ торжественной присяги, и онъ же требуетъ возвратитъ военныя издержки (контрибуцію). И не видно, чтобы тудунъ оставилъ городъ, послѣ того какъ подъ командой Вардана и Бэза ушли въ Константинополь возмущившіеся противъ императора корсуняне и эскадра. Вторымъ походомъ преслѣдовалась и другая, болѣе узкая, но очень важная для Юстиніана цѣль: получить изъ Херсонеса Вардана, намѣренія котораго были хорошо извѣстны императору. Эти цѣли дѣйствительно могли оправдать послыку большой эскадры и арміи въ дальніе края, а не только мелкая личная месть.

Такимъ образомъ, Херсонесъ того времени сыгралъ важную роль въ исторической драмѣ Византіи. Онъ долго ютиль у себя коронованнаго изгнанника, помогъ ему, хотя и косвенно, снова получить царскую корону; неудачными походами онъ содѣйствовалъ низверженію правителя; онъ же далъ Византіи новаго императора Вардана-Филиппика, и первый провозгласилъ его имя.

Изъ всего сказаннаго видно, что Херсонесъ въ то время былъ подчиненъ имперіи, но имѣлъ самоуправленіе, во главѣ котораго стоялъ именитый гражданинъ со званіемъ протевона (первенствующаго), котораго, повидимому, утверждалъ императоръ; и въ то же время надъ Херсонесомъ былъ какой-то протекторатъ хозарь.

Интересно то, что въ этотъ періодъ въ Херсонесѣ происходила чеканка монеты въ широкихъ размѣрахъ. Это, конечно, нисколько не говоритъ противъ зависимости отъ Византіи, такъ какъ чеканка могла производиться подъ контролемъ византій-

¹⁾ Область готы въ Крыму Ам. Марцеллинъ называетъ Дори, слѣдовательно доранскій—лежащій въ готской землѣ.

сваго чиновника. „И хотя на монетахъ нѣтъ имени города, — говоритъ Бертье-Делагардь, — не можетъ быть сомнѣнiя, что онѣ чеканены именно здѣсь. Эти монеты почти всѣ особаго типа, находятся въ огромныхъ количествахъ въ развалинахъ города и очень рѣдко въ другихъ мѣстахъ черноморскаго побережья“.

XVIII.

Съ воцаренiемъ въ Византiи Вардана-Филиппика Херсонесъ вдохнулъ глубоко и легко. Какъ и слѣдовало ожидать, ставленникъ Херсонеса возвратилъ ему старыя льготы и даровалъ новыя: освободилъ отъ налоговъ, далъ право беспошлинной торговли, снабдилъ и другими правами, какъ теперь принято выражаться, наиболѣе благопрiятствуемаго города. Кромѣ того, императоръ обѣщалъ, какъ и Константинъ Великiй, ежегодно выдавать городу желѣзо, дерево, масло и другiе материалы для постройки баллистъ и другихъ осадныхъ машинъ, необходимое число тетивъ для луковъ и сѣстныхъ припасовъ на 1.000 человекъ; но въ то же время потребовалъ отъ города ежегодной подати въ 12 пудовъ золота вмѣсто прежнихъ 10. Солидная подать: считая пудъ золота 15—18 тысячъ рублей, выходитъ, что Херсонесъ ежегодно платилъ византiйскому императору 180—200 тысячъ рублей. Надо было имѣть хорошiй доходъ, чтобы давать подобную подать.

„Въ это время многочисленныя греческiя колонiя, процвѣтавшiя на Таврическомъ полуостровѣ и на восточномъ и сѣверномъ берегахъ Чернаго моря, были почти всѣ покинуты. Большая часть ихъ покорилась хозарамъ, орды которыхъ теперь занимали всю страну вдоль побережья моря. Хозары могли бы завладѣть и Херсонесомъ, еслибы пожелали этого, но, говоритъ акад. Васильевскiй, каганъ, повидимому, предпочиталъ такимъ прiобрѣтенiямъ дружественныя отношенiя къ имперiи, съ которой онъ имѣлъ одного и того же врага, въ лицѣ халифа. И хозары ограничились только назначенiемъ протектората надъ Херсонесомъ, вполнѣ оцѣнивая значенiе этого города, какъ важнаго торговаго пункта. А городъ, лишенный плодородныхъ полей и хлѣбнаго рынка, теперь существовалъ только иностранной торговлей, которая должна была быть велика вслѣдствiе паденiя или закрытiя другихъ рынковъ Тавриды. Херсонесскiя суда попрежнему обмѣнивали въ Константинополѣ и другихъ морскихъ городахъ имперiи шкуры, воскъ, соль и соленую рыбу на необходимыя предметы потребленiя и роскоши городской жизни“ (Бобринскiй).

Но не долго пришлось Херсонесу находиться подъ покровительственной рукой Вардана-Филиппика. Ставленникъ Херсонеса не оправдалъ надеждъ государства. Распутный и не интересовавшийся дѣлами государства, онъ не въ состояніи былъ удержать ни набѣговъ болгаръ, мстившихъ ему за Юстиніана, ни успѣховъ арабовъ въ Малой Азіи; при этомъ Варданъ возобновилъ моноелитскіе споры, уменьшившіе и безъ того значительное число его сторонниковъ. При такихъ условіяхъ не прошло и трехъ лѣтъ, какъ его свергнулъ съ престола (713 г.) вѣкій Артемій, бывший первый министръ, коронованный именемъ Анастасія II и жаждавшій такъ сильно короны, что сорвалъ ее съ головы своего несчастнаго предшественника. Но и онъ просидѣлъ на тронѣ ровно столько же, сколько и его предшественникъ (713—716), почти не выходя изъ Константинополя, угрожаемый осадами арабовъ. Его столкнулъ съ престола Θεодосій III, бывший командиръ эскадры, провозгласившей его императоромъ. Онъ не проносилъ корону и года; ее отнялъ энергичный фельдмаршалъ византійскихъ войскъ, исавріанинъ ¹⁾ Левъ III, который не хотѣлъ признать Θεодосія законнымъ правителемъ.

Никакихъ слѣдовъ кратковременныхъ царствованій Анастасія II и Θεодосія III въ Херсонесѣ, какъ и слѣдовало ожидать, не сохранилось. И, надо думать, городъ въ этотъ періодъ придворныхъ интригъ и частой смѣны правленій, былъ почти независимъ отъ имперіи.

Левъ Исавріанинъ не въ примѣръ прочимъ продержался на престолѣ почти четверть столѣтія (717—741). При немъ, какъ извѣстно, появилась и развилась иконоборческая смута, продолжавшаяся почти цѣлое столѣтіе. И, какъ говорятъ, одной изъ причинъ преслѣдованія иконъ было желаніе императора задержать распространеніе магометанства и обратить арабовъ-магометанъ въ христіанство, чему большимъ препятствіемъ было развившееся къ этому времени иконопочитаніе. Левъ явился однимъ изъ первыхъ и ярыхъ противниковъ иконъ, и издалъ указъ, запрещающій употреблять иконы; ослушники преслѣдовались настойчиво и сурово и обыкновенно изгонялись изъ столицы.

Иконоборческая смута не обошла Тавриды и Херсонеса. Въ числѣ преслѣдуемыхъ былъ извѣстный слагатель духовныхъ пѣсенъ, Юсифъ Пѣснопѣвецъ. О немъ въ Макарьевскихъ Четивхъ Минеехъ читаемъ: „Память иже со святымъ Стефаномъ Новымъ,

¹⁾ Исаври — дикій, разбойничій народецъ въ горахъ Тавра, въ глубинѣ Малой Азіи.

святыхъ ради иконъ замученнымъ. Носъ ему урѣзавъ, въ Херсонъ прогна и хотя его убити; бѣжа въ Хозарію идѣже епископъ поставленъ бысть и потомъ преставися. Инъ же Стефанъ именемъ въ Сугдаѣ заточенъ бывъ и многихъ тамъ приобрѣтъ и по семъ тамо епископъ бывъ, добръ о тѣхъ упасъ. Успѣ о Господѣ“.

Стефанъ Новый, о которомъ здѣсь упоминается, подвизался въ началѣ гоненія въ Никомидіи, въ Малой Азійи, и возставалъ противъ ереси. Свою вѣрность иконопочитанію запечатлѣлъ мученической смертью въ 765 г. Въ утѣшеніе гонимымъ собратьямъ Стефанъ подалъ слѣдующій, заслуживающій нашего вниманія, совѣтъ, который сохранился въ его житіи, составленномъ въ началѣ IX вѣка. „Есть три области,—поучаетъ Стефанъ, которыя не приняли участія въ нечестивой ереси; тамъ вы должны искать себѣ убѣжища отъ гоненія дракона. Это — сѣверные склоны береговъ Эвксинскаго Понта, побережнія области, лежація по направлению къ Зихійской епархіи, и пространства—отъ Боспора и Херсона по направлению къ Готіи“.

Принимающіе иконы послѣдовали совѣту Стефана, и такимъ образомъ Херсонесъ сталъ убѣжищемъ для многихъ преслѣдуемыхъ епископовъ, пресвитеровъ, монаховъ и мірянъ. Изгнанники, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Тавриды, содѣйствовали распространенію и укрѣпленію христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и греческаго языка и греческой образованности. Такова была роль Херсонеса въ то время, т.-е. во второй половинѣ VIII вѣка.

Однако не слѣдуетъ думать, что сами херсонесцы того времени были истыми христіанами и сторонниками почитанія иконъ; нисколько: занятые на два фронта—постоянной борьбой съ хозарами и съ притязаніями имперіи, они больше думали о своихъ личныхъ дѣлахъ, плохихъ въ то время, и равнодушно относились къ вопросамъ религіи. Конечно, переселеніе въ Херсонесъ множества монаховъ и образованныхъ духовныхъ лицъ могло только облагородить городъ и поднять его въ умственномъ отношеніи.

Гоненія на иконопочитателей продолжались и въ царствованіе сына Льва Исавріанина, Константина IV (741—775 гг.), который, отбросивъ всякую политику, былъ убѣжденнымъ противникомъ иконъ, поклоненіе имъ считалъ идолопоклонствомъ, и по тому времени былъ правъ. „Дѣйствительно, простой народъ вслѣдствіе недостаточнаго религіознаго образованія, по большей части придавалъ виѣшности и обрядности въ религіи главное значеніе. Смотри на иконы и молясь передъ ними, люди необразованные забывали возноситься умомъ и сердцемъ отъ видимаго къ неви-

дямому и мало-по-малу усвоили себѣ убѣжденіе, что лица, изображаемая на иконахъ, неотдѣлимы отъ иконъ. Отсюда развилось поклоненіе собственно иконамъ, а не лицамъ, изображаемымъ на иконахъ. Развилось суевѣріе, граничащее съ идолопоклонствомъ. Естественно, что явилось стремленіе уничтожить такое суевѣріе“ (Смирновъ). И Константинъ въ борьбѣ противъ иконъ поступалъ суровѣе и беспощаднѣе, нежели его отецъ. „Особенно сильно, преслѣдовались монахи и монашество, какъ самая твердая опора оппозиціи. Многіе монастыри были конфискованы и упразднены, нѣкоторые разрушены. Монахи разбѣгались; при этомъ утрачено было много книжныхъ сокровищъ, такъ что научныя занятія зачахли надолго“ (Герцбергъ). „Монашество было словно уведено въ плѣнъ,—говорить лѣтописецъ,—и Византія осиротѣла. Позднѣйшіе историки, иконопочитатели, преслѣдовали этого могучаго правителя съ пламенною ненавистью и дали ему бранное прозвище Копронимъ (Навозникъ), каковое и удержалось за нимъ въ исторіи.“

Однако въ своихъ преслѣдованіяхъ иконъ Константинъ не остановился даже и на этомъ. Въ 754 г., онъ созвалъ въ Константинополь соборъ изъ 338 епископовъ, на которомъ самъ председательствовалъ и, подавляя своимъ авторитетомъ, заставилъ соборъ вынести рядъ самыхъ рѣзкихъ постановленій. „Иконопочитаніе было отвергнуто соборомъ, какъ идолопоклонство, строго воспрещено выставлять въ церквахъ иконы, статуи и даже расписанія; мало того, энергія собора была направлена противъ самаго искусства, которое, по его мнѣнію, надо было принести въ жертву чистотѣ религіи. Кто изготовлялъ иконы или скульптурныя произведенія, тому грозили анафема и гражданское наказаніе. Самый могучій борецъ за иконопочитаніе, Іоаннъ Дамаскинъ, былъ преданъ анаемѣ. Борьба партій обострилась, и была масса кровавыхъ жертвъ и столкновеній. При такихъ условіяхъ изъ столицы имперіи и другихъ ея мѣстъ бѣжало не только преданное поклоненію иконъ духовенство, но и усердные граждане; навѣрное, немалое ихъ число поселилось въ Херсонесъ. Можно думать, что именно въ этотъ періодъ здѣсь была построена масса мелкихъ церквей, многочисленныя фундаменты которыхъ сохранились и нынѣ, но много еще ихъ скрыто въ нераскопанныхъ грудяхъ мусора и камней. Ревнителі, особенно изъ высшаго духовенства и богатыхъ людей, старались строить храмы во спасеніе души и чистаго почитанія иконъ и такимъ образомъ, по выраженію проф. Кондакова, превратили Херсонесъ въ большую лавру. И дѣйствительно, только на площади нынѣшняго собора

св. Владимира и рядомъ съ нимъ открыты фундаменты семи церквей.

„Весьма вѣроятно, — говоритъ Кулаковскій, — что къ эпохѣ монашеской эмиграціи относится возникновеніе тѣхъ пещерныхъ монастырей (городовъ), остатки которыхъ сохранились дониндѣ въ разныхъ мѣстахъ горнаго Крыма и между прочимъ рядомъ съ Херсонесомъ у Инкермана. Немногіе эпиграфическіе тексты, сохранившіеся кое-гдѣ на стѣнахъ пещеръ, а также изсѣченные въ скалахъ изображенія креста относятся ко временамъ болѣе позднимъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что эти монастыри расширялись и украшались въ XII—XV вѣкахъ и позднѣе. Можетъ быть, многіе изъ этихъ пещеръ и пещерныхъ храмовъ возникли только въ это время. Для Инкермана это блестяще доказано обстоятельнымъ изслѣдованіемъ Бертъ-Делагарда. Но начало пещерножителства, какъ типа монастыря, можно все-таки отнести къ эпохѣ иконоборства и монашеской эмиграціи въ Тавриду. Основаніемъ для такого предположенія является сходство въ типѣ, которое можно констатировать между крымскими сооружениями этого рода и тѣми, какія имѣются въ южной Италіи и Сициліи. Эти послѣдніе сооружены монахами, бѣжавшими съ Востока. Они принесли съ собой свой типъ пещерножителства, процвѣтавшій въ Малой Азіи. Такіе же эмигранты, направлявшіеся на сѣверное побережье Чернаго моря, могли занести его и въ горы южнаго берега Крыма. По условіямъ и характеру горной породы, онъ привился здѣсь и переданъ былъ отсюда на Днѣстръ, а можетъ быть и въ Кіевъ“...

„Подобная работа греческихъ монаховъ (можетъ быть, херсонесскихъ) существуетъ на Донцѣ недалеко отъ Изюма (харьковской губ.), въ извѣстномъ Святогорскомъ монастырѣ, который весь вырубленъ въ высокомъ, лежащемъ надъ Донцомъ утесѣ мѣловыхъ горъ, поросшихъ деревьями. Монастырь въ скалѣ имѣетъ 50 саж. длины; надъ нимъ особенно выдаются два утеса, въ видѣ двухъ башенъ надъ церковью изъ чистаго мягкаго мѣла“ (Бурачковъ).

Слѣдовательно, образованіе пещерныхъ городовъ надо приписать не троглодитамъ, какъ думали Розенъ и извѣстный писатель Марковъ, а болѣе близкому намъ времени.

XIX.

Послѣ энергичнаго Константина Копронима вступаетъ на престолъ его болѣзненный и далеко болѣе мягкій сынъ Левъ IV,

отъ Ирины, дочери хозарскаго кагана, почему Левъ и былъ прозванъ Хозаринъ. Въ отношеніи иконоборцевъ онъ держался воззрѣній отца, но не прибѣгалъ къ суровымъ мѣрамъ. Смягчала его и мать, почитавшая иконы.

Въ царствованіе Льва Хозарина въ Херсонесъ былъ сосланъ „подъ стражу и для безопасности“ родной братъ императора, котораго обвинили въ заговорѣ. Левъ, процарствовавъ всего пять лѣтъ (775—780 г.), умеръ, и за малолѣтствомъ сына императора, Константина V, власть перешла къ его матери, тоже Иринѣ, красивой, знатной аеинянкѣ, крайне властолюбивой, ревностной поклонницѣ иконопочитанія и большой интриганкѣ. Когда подросъ Константинъ, Ирина съ болью въ сердцѣ передала ему бразды правленія. Но долго не выдержала и начала интриговать. Константинъ не имѣлъ талантовъ правителя и показалъ себя жестокимъ и грубо неблагодарнымъ къ своимъ самымъ близкимъ людямъ. Ирина воспользовалась этимъ, склонила ихъ на свою сторону, и вотъ 19 августа 717 года клеветы императрицы самымъ жестокимъ образомъ ослѣпили Константина въ той самой комнатѣ дворца, гдѣ онъ родился.

Пять лѣтъ пользовалась царица плодами своей интриги. За это время на политическомъ горизонтѣ стало довольно мрачно. Да уже и раньше сгущались тучи надъ несчастной имперіей. Арабы, болгары и франки давятъ ее и сокращаютъ границы. Хозары въ то же время приобрѣтаютъ господство надъ всей Готіей, угрожаютъ самостоятельности Херсонеса и, какъ видно, гнетутъ его налогами. Такъ, въ лѣтописи упоминается, что въ это время былъ въ Херсонесѣ епископъ Іоаннъ, который старался освободить городъ отъ гнета хозарь. Въ то же время, говоритъ лѣтопись, „хозары начаша помалу навькати христіанской вѣрѣ отъ своихъ сосѣдей херсонянъ“.

При такихъ условіяхъ Ирина теряла всякій престижъ, и осенью 802 г. государственный канцлеръ и казначей Никифоръ смѣстилъ ее и сослалъ въ монастырь, а себя украсилъ царскими регаліями.

Недолго процарствовалъ и Никифоръ. На девятый годъ своего правленія онъ отправился походомъ противъ болгаръ и здѣсь сложилъ свою голову (811 г.), которую болгарскій князь Крумъ приказалъ надѣть на копьѣ и выставить на нѣсколько дней на показъ, а затѣмъ сдѣлалъ изъ нея задравную чашу.

Никифора на годъ смѣнилъ его сынъ Ставракій, а у него похитилъ корону куропалатъ (смотритель дворцовъ) Михаилъ I; а еще черезъ два года армія, послѣ неудачнаго похода Михаила на болгаръ, свергла его и провозгласила императоромъ армянина

Льва. Но и онъ пребылъ недолго (813—820 гг.). Разгорѣвшись при немъ борьба за и противъ иконъ, противъ которыхъ былъ и Левъ V, повела къ дворцовому заговору, во главѣ котораго сталъ другъ императора, военачальникъ Михаилъ. Заговорщики, переодѣтые пѣвчими, напали на царя въ дворцовой церкви и тамъ же, во время обѣдни въ первый день Рождества, буквально изрубили его на части (820 г.), а Михаила II, прозваннаго косноязычнымъ, плохо даже говорившаго по-гречески, провозгласили императоромъ; онъ и началъ собою такъ называемую Аморийскую династію.

Такъ кончали въ этотъ періодъ свою жизнь и такъ начинали карьеру владыки Херсонеса, съ которыми городъ готовъ былъ порвать всякія связи. Да и вообще незамѣтно проходили ихъ краткія и бурныя царствованія въ жизни Херсонеса. Въ раскопкахъ даже не находятъ монетъ съ ихъ именемъ. Въ то же время найдено немало монетъ арабскихъ вѣлителей того и болѣе поздняго времени. Слѣдовательно, торговля поддерживалась и съ этими далекими мѣстами.

Изъ предметовъ, найденныхъ въ раскопкахъ, которые можно отнести къ этому времени, заслуживаютъ вниманія большіе полные нагрудные кресты (эпиколіоны) съ изображеніемъ распятія и евангелистовъ.

Въ 829 г., императоръ Михаилъ, потерявъ богатый островъ Критъ и часть Сициліи, перешедшей въ руки арабовъ, мирно почилъ, — что рѣдко случалось съ византійскими владыками въ тѣ времена, — и престолъ перешелъ къ сыну его Теофилу, молодому, образованному и богато одаренному отъ природы правителю, хорошо знакомому съ богословіемъ, большому противнику почитанія иконъ. Онъ имѣлъ неосторожность повторить указъ, воспрещавшій поклоненіе иконамъ; кромѣ того, повелѣлъ выкинуть слово „святой“ передъ именами лицъ, чтимыхъ церковью, и тѣмъ самымъ раздулъ утихшую при отцѣ иконоборческую смуту. Онъ любилъ пышность и архитектуру: возобновилъ сухопутныя стѣны столицы и содѣйствовалъ постройкѣ великолѣпныхъ зданій. Зная это, хозарскій каганъ обратился къ Теофилу съ просьбой пригласить ему мастеровъ для постройки крѣпости на Дону, необходимой для охраны границъ своихъ кочевій отъ печенѣговъ, одного изъ дикихъ тюркскихъ племенъ, прорывавшихся съ востока и искавшихъ себѣ новыхъ земель. Печенѣги внушали страхъ, какъ отличные стрѣлки, и подъ ихъ напоромъ слабѣла сила хозаръ.

Теофилъ согласился исполнить просьбу кагана; это было въ интересахъ Византіи, потому что хозары служили посредниками

въ византійской торговлѣ съ народами дальняго сѣвера и востока; по словамъ Константина Багрянороднаго, существовало постоянное парусное сообщеніе между Херсонесомъ и столицей хозарь Саркеломъ-на-Дону, гдѣ хозары хотѣли построить крѣпость, которая, конечно, служила складочнымъ мѣстомъ византійскихъ и херсонесскихъ товаровъ.

Около 835 г., императоръ Теофилъ отправилъ изъ Константинополя въ Херсонесъ, а отсюда далѣе въ Саркель цѣлую экспедицію строителей подъ руководствомъ своего зятя (брата жены) Петроны Каматера (Трудолюбиваго). Прибывъ въ Херсонесъ, — повѣствуетъ Константинъ Багрянородный, — Петрона оставилъ здѣсь свои корабли и, набравъ рабочихъ и матеріалъ для постройки, пошелъ отсюда черезъ Меотиду (Азовское море) и вверхъ по Дону на плоскодонныхъ судахъ, гдѣ и устроилъ крѣпость.

Поѣздка Петроны дала ему возможность ближе узнать Херсонесъ и настроеніе его гражданъ, и онъ писалъ императору: „Если хочешь дѣйствительно властвовать надъ Херсономъ и принадлежащей ему областью, то поставь здѣсь своего намѣстника, а не довѣрай его архонтамъ“. Словомъ, Петрона совѣтовалъ положить конецъ самостоятельности города.

Теофилъ одобрилъ предложенный ему планъ и взаимно избираемаго херсонесцами противона назначилъ самого Петрону, какъ человѣка, хорошо знакомаго съ мѣстомъ, первымъ стратегомъ и катапаномъ ¹⁾ Херсонеса. Всѣмъ мѣстнымъ должностнымъ лицамъ и гражданамъ вмѣнено было полное подчиненіе императорскому намѣстнику.

Образована была особая Херсонесская область (фѣма) изъ разныхъ греческихъ городовъ, включая Готію, которая получила названіе „Готскихъ климатовъ“, и города Боспора, а Херсонесу дано право первенства надъ прочими городами и поселеніями побережья Эвксинскаго Понта, находившимися въ Тавридѣ; даже была подчинена область по ту сторону Боспорскаго (Керченскаго) пролива до рѣки Гиппанисъ (Кубань).

Съ этихъ поръ Херсонесъ сталъ, такъ сказать, губернскимъ городомъ Тавриды, но въ то же время потерялъ свободу и управлялся уже византійскими стратегами. И въ археологическомъ архивѣ имѣются печати цѣлаго ряда стратеговъ Херсонесской

¹⁾ Титулъ стратега былъ общимъ титуломъ всѣхъ византійскихъ управителей провинцій. Они были облечены властью какъ военною, такъ и гражданскою. Катапанъ — градоначальникъ.

фэмы. „Отсюда видно,—говоритъ Кене,—что хотя Херсонесъ и былъ нѣкоторое время независимымъ отъ имперіи, однако считался за принадлежащій ей городъ, на который императоръ предъявилъ права при первомъ удобномъ случаѣ“.

20-го января 842 г., скончался Теофилъ, и на тронъ безъ смуть взошелъ его четырехлѣтній сынъ Михаилъ III (842—867 г.). По волѣ покойнаго императора, правила его мать Теодора при содѣйствіи нѣсколькихъ лицъ, назначенныхъ умирающимъ императоромъ. Какъ только Теодора приняла бразды правленія, она рѣшила возвратиться къ политикѣ Ирины. Въ это время пылъ партійной борьбы угасъ; всѣ желали мира, и даже высокопоставленные иконоборцы уже опускали оружіе.

Немедля былъ созванъ соборъ, составленный изъ духовенства, потерпѣвшаго отъ иконоборцевъ. При этомъ были низложены иконоборческіе епископы и предано анаемѣ ученіе иконоборцевъ, а затѣмъ, 19 февраля того же года, въ воскресенье на первой недѣлѣ великаго поста, иконы и распятія были вновь поставлены въ храмахъ, и въ этотъ день установленъ былъ праздникъ, названный „торжествомъ православія“; его наша церковь чтитъ и теперь. И вообще въ царствованіе Теодоры церковная миссіонерская дѣятельность разрослась и приняла грандіозные размѣры, особенно среди славянъ, какъ противовѣсь охватившему Востоку исламу, который готовъ былъ залить собой и Европу. Самыми выдающимися миссіонерами того времени были „апостолы славянъ“, братья Кириллъ и Меѳодій.

XX.

По сказаніямъ, которыя дошли до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, иногда противорѣчивыхъ, равноапостольные братья между 856 и 862 годомъ осчастливили Херсонесъ своимъ посѣщеніемъ. По одной версіи они прибыли сюда по порученію папы Ниволая I съ цѣлью разыскать и перенести въ Римъ мощи св. Климента, котораго считали третьимъ преемникомъ ап. Петра на епископской каѳедрѣ Рима; по другой—братья посланы сюда патріархомъ константинопольскимъ по просьбѣ кагана съ цѣлью проповѣди христіанства среди хозаръ, которые тяготились своимъ язычествомъ и хотѣли измѣнить религію, но не знали, на чемъ остановиться. У нихъ уже были іудейскіе и магометанскіе проповѣдники, но ни тѣ, ни другіе не удовлетворили, и хозары колебались. „Пришли намъ ученаго мужа,—писалъ каганъ импе-

ратору,—и если онъ одержитъ верхъ надъ евреями и сарацинами, то мы примемъ вашу вѣру“. Въ Херсонесѣ Кирилль и Меѳодій пробыли довольно долго, изучая сарматскій и хозарскій языкъ, необходимый для проповѣди. Послѣ этого братья отправились, чрезъ сосѣднюю Фульскую область ¹⁾ въ Хозарію. По пути Кирилль „въ фульствѣ языцѣ“ обличалъ языческое поклоненіе дереву, срубилъ огромный дубъ, предметъ культа язычниковъ, и проповѣдывалъ среди нихъ слово Божіе.

Послѣ проповѣди у хозаръ, Кирилль и Меѳодій оставили имъ священниковъ, пришедшихъ съ ними изъ Херсонеса, а сами возвратились съ благодарственнымъ письмомъ отъ кагана къ императору. По сказанію, послѣ проповѣди братьевъ „не малая часть хозаръ Христову вѣру прише; содружиса съ херсоняны и навыкоша отъ нихъ добрымъ нравомъ и честному, христіаномъ подобающему житію, и веселяхуся въ греки въ Таурицѣ и Херсонѣ, чесо ради нѣци отъ космографовъ и Таурику и Херсонѣ Хозарію или Козарію нарекоша, яко козары съ греки тамъ смѣсисася“. — При этомъ образовалась отдѣльная христіанская община, которая первоначально была подчинена епископу херсонесскому; нѣсколько позднѣе она получаетъ своего отдѣльнаго епископа.

Хотя житіе просвѣтителей славянъ и хозаръ и говорить о благодарственномъ письмѣ кагана и успѣхѣ проповѣди равноапостольныхъ братьевъ, но на дѣлѣ повѣзда ихъ не имѣла желанныхъ результатовъ, такъ какъ хозарскій каганъ обратился въ іудейство, которое и стало исповѣданіемъ правящаго рода и ближайшихъ къ нему вельможъ. Обращеніе хозаръ въ іудейство ослабило связи, которыя существовали раньше между ними и православнымъ Херсонесомъ.

Нѣкоторое время козары продолжаютъ оставаться господствующимъ народомъ въ восточной части сѣвернаго побережья Чернаго моря, но уже въ началѣ IX в. ихъ даютъ печенѣги. Затѣмъ изъ-за Волги начинаютъ появляться новыя племена тюркской расы и идутъ уже прямо по хозарскимъ владѣніямъ въ приднѣпровскія степи и далѣе. Въ это же время съ далекаго сѣвера сталъ проникать на югъ невѣдомый дотогдѣ врагъ въ лицѣ „диваго народа Руси“. Въ житіи св. Стефана Сурожскаго сохранилось извѣстіе, что какой-то князь Бравлинъ или Бравалинъ изъ Новгорода грабилъ все побережье отъ Херсона до Боспора, который здѣсь уже называется Корчюю. Побывалъ

¹⁾ Въ центрѣ Крыма.

этотъ ушеуйникъ и въ Сурожѣ (Судакѣ), ограбилъ здѣсь церковь, въ которой былъ погребенъ св. Стефанъ, но, по преданію, былъ пораженъ тяжелой болѣзнію. Чтобы избавиться отъ нея, Бравалинъ принялъ христіанство и приказалъ возвратить „все, елико пограбихомъ священные сосуды церковныя Корсуни и въ Корчи“. Подобное же свѣдѣніе имѣется и въ житіи св. Георгія Амастридскаго.

Легендарный характеръ подробностей, которыми изукрашены эти повѣствованія, не лишаетъ историческаго значенія ихъ сущность, а именно—появленіе Руси въ этихъ мѣстахъ задолго до Владимира.

Въ жизнеописаніи Кирилла сообщается одинъ очень интересный фактъ, а именно, что онъ „обрѣтъ (въ Корсуни) евангеліи и псалтыри, роуськими письмены писано и человекъ обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою и бесѣдова съ нимъ и силу рѣчи приємъ своей бесѣдѣ, прикладая различныя письмена гласныя и согласныя. Въскорѣ начать чѣсти и связати и мнози ся ему дивляху“. Въ другихъ редакціяхъ того же житія читаемъ еще: „И грамота русская явися Богомъ дана въ Корсуни русину; отъ нея же научися философъ Константинъ; отъуду сложивъ, написавъ книги руськимъ гласомъ“.

Эта находка повергла въ великое смущеніе какъ русскихъ, такъ и славянскихъ ученыхъ. Дѣйствительно, здѣсь возникалъ крайне интересный для всего славянскаго міра и важный для славы равноапостольныхъ братьевъ вопросъ: какимъ образомъ въ Херсонесѣ того времени (около 860 г.), до изобрѣтенія и во всякомъ случаѣ до перевода братьями на славянскій языкъ священнаго писанія, могло оказаться евангеліе и псалтырь, писанное „роуськими письмены“. Фактъ громаднаго значенія во всей исторіи Херсонеса и даже славянскаго міра, почему для выясненія его мы позволимъ себѣ остановиться здѣсь нѣсколько дольше и даже отступить немного въ сторону.

Имѣя эти данныя въ рукахъ, мы должны были рѣшать трудную дилемму: либо дать правдивое или, по крайней мѣрѣ, вѣроятное объясненіе этихъ данныхъ; либо признать фактъ, что Кириллъ нашелъ въ Херсонесѣ готовыя славянскія письмена и переводъ евангелія, чѣмъ онъ и воспользовался; слѣдовательно, ему незачѣмъ было трудиться надъ изобрѣтеніемъ письменъ, ибо имѣлся уже и переводъ евангелія на одно изъ славянскихъ нарѣчій. Но тогда отпадаетъ и главная заслуга Кирилла передъ всѣмъ славянскимъ міромъ, которому онъ подарилъ и начертанія буквъ, и первый переводъ священныхъ книгъ.

Надъ рѣшеніемъ этого вопроса, буквально, ломала голову масса ученыхъ—Шафарикъ, Ягичъ, Гильфердингъ, Голубинскій, Бѣляевъ, Викторовъ и много другихъ. Я не буду, да и не могу здѣсь входить въ разборъ ихъ мнѣній, а интересующихся ими отсылаю къ трудамъ этихъ авторовъ; скажу только, что мнѣнія ихъ сводятся къ тому, что Кириллъ видѣлъ въ Херсонесѣ собственно не славянскій, а извѣстный готскій переводъ евангелія и псалтыри, сдѣланный извѣстнымъ готскимъ епископомъ Ульфиллою (318—388 гг.), а въ житіи славянскихъ апостоловъ онъ названъ русскимъ только потому, что въ то время въ Готіи было много русскихъ, — они будто бы слились съ готами, представляли одинъ народъ и въ понятіи чужеземцевъ одни часто назывались именемъ другихъ. Однако проф. Ламанскій довольно убѣдительно опровергъ это мнѣніе, — собственно даже не мнѣніе, а выдумку, но споръ еще болѣе обострился, нисколько не разъясняя сущности. И такъ это дѣло остается и донныѣ.

Повойные слависты Григоровичъ и Бодянский рѣшили, что все сказаніе о находкѣ русскихъ письменъ въ Херсонесѣ—простая интерполяція, т. е. позднѣйшая вставка въ основной текстъ панноссаго житія, принадлежащая западнымъ славянамъ.

Такимъ рѣшеніемъ, казалось, кончались всѣ споры. Но въдъ это — не рѣшеніе, а произволь, который ровно ничего не разъяснилъ.

Еслибы кому-нибудь пришлось познакомиться ближе съ литературой и полемикой этого вопроса, то онъ увидѣлъ бы, сколько здѣсь догадокъ, сколько поломано перьевъ и пролито чернилъ, а между тѣмъ событія и факты слагались тихо, мирно и просто.

Прошу при этомъ читателя отрѣшиться на время отъ навязаннаго намъ славистами мнѣнія, будто бы Кириллъ и Меодій были единственными изобрѣтателями письменъ и первыми переводчиками священнаго писанія на славянскій языкъ.—Это не совсѣмъ такъ. Несомнѣнно, славянскій алфавитъ, какъ и алфавиты другихъ народовъ, слагались постепенно, вѣками. Прочтите интересную исторію письменъ Шницера, и вы убѣдитесь, что „письмена, какъ и языки, не выдумывались и не изобрѣтались отдѣльными лицами, какъ это принято думать на основаніи преданій, а вырабатывались очень медленно и постепенно одно изъ другого, подчиняясь тѣмъ же законамъ эволюціи и постепеннаго развитія, какимъ подчинено развитіе растений, животныхъ и всего живущаго въ мірѣ“. Несомнѣнно также, что славяне русскіе (какъ отдѣльная вѣтвь ихъ) нуждались и получили алфавитъ не въ IX вѣкѣ, какъ еще думаетъ большинство, полагая, что онъ

данъ славянамъ Кирилломъ, но уже имѣли его въ гораздо болѣе раннее время.

Современникъ, или почти современникъ равноапостольныхъ братьевъ, черноризецъ Храбръ, въ своемъ „Сказаніи, како состави св. Кириллъ Словеномъ письма“, говоритъ, что славяне язычники, до появленія кириллицы „погани суще, чрътами и рѣзами чѣтюху, писаху“. Слѣдовательно, у нихъ былъ алфавитъ; какой—это другой вопросъ. Шафарикъ, Востоковъ, а за ними и другіе говорятъ, что это было руническое письмо. Но въдѣ этимъ ровно ничего не опредѣляется, такъ какъ одно неизвѣстное опредѣляется другимъ такимъ же неизвѣстнымъ.

Арабскій путешественникъ, писатель Ибнъ-Фошланъ, въ бытность у волжскихъ болгаръ присутствовалъ на похоронахъ одного изъ русскихъ въ 921 г., и по поводу этого обряда писалъ: „Сначала они (русскіе) развели костеръ и сожгли въ немъ тѣло, а затѣмъ насыпали что-то въ родѣ холма, поставили по срединѣ деревянный столбъ и написали на немъ имя покойника вмѣстѣ съ именемъ русскаго князя“.

Другой арабскій писатель, а именно Ибнъ-эль-Недимъ, въ своемъ „Спискѣ книгъ“, составленномъ въ 987 г., рассказываетъ слѣдующее: „Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, человѣкъ вполне достовѣрный, бывший у русскихъ, передавалъ мнѣ, что у нихъ есть свои письма, вырѣзываемыя на деревѣ. При этомъ вынулъ кусокъ бѣлаго дерева, на которомъ были написаны знаки, неизвѣстно—цѣлыя ли слова, или отдѣльныя буквы“.

Ибнъ-эль-Недимъ срисовалъ эту надпись и представилъ ее въ своемъ сочиненіи, которое дошло до насъ вмѣстѣ съ надписью. Но до сихъ поръ ученые не могли разобрать ее.

Кромѣ этихъ прямыхъ указаній арабскихъ писателей о существованіи письменности у русскихъ до принятія христіанства, мы имѣемъ указанія нашихъ лѣтописей. Такъ, въ сохранившихся спискахъ договора Олега съ греками (911 г.) говорится между прочимъ: „Аще ли сътворитъ обряженіе, таковый возьметъ уряженое его; кому будетъ писалъ наслѣдiti имѣнье, да наслѣдитъ е“. Несомнѣнно здѣсь идетъ рѣчь о писанномъ завѣщаніи.

Нѣсколько позднѣе, въ договорѣ Игоря съ греками (945 г.), также находятся указанія на то, что русскіе князья имѣли золотыя и серебряныя печати, писали договорныя грамоты и посылали таковыя въ Царьградъ. Затѣмъ, со словъ того же лѣтописца узнаемъ, что во время осады Херсонеса Владимиромъ одинъ изъ борсунянъ по имени Анастасъ, которому надоѣла

осада, пустилъ въ русскій станъ стрѣлу съ надписью: „Кладези иже суть за тобою отъ востока, копавъ перейми“.

Итакъ, письменность была, но какое было письмо, какое имѣло оно начертаніе—неизвѣстно.

На основаніи дошедшей до насъ чрезъ арабскаго путешественника надписи надъ могилой русскаго, а равно на основаніи свидѣтельства извѣстнаго латино-нѣмецкаго лѣтописца еп. Дятмара (976—1018), который говоритъ, что въ языческомъ храмѣ города Ретры онъ видѣлъ нѣсколько славянскихъ идоловъ, на которыхъ особыми знаками было начертано имя и такія же черты находились и на стѣнахъ храма, можно думать, что русскіе того времени пользовались какими-то „чертами и рѣзами“, похожими на руны. Такъ полагалъ Бодянский и другіе. Однако, надо думать, такое письмо примѣнялось только въ болѣе отдаленное время, пока не проникло христіанство—у сѣверныхъ руссовъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ германцами и варягами; напротивъ, у южныхъ руссовъ, постоянно общавшихся съ греками и частью принявшихъ христіанство, да навѣрное и до него, примѣнялось въ сношеніяхъ греческое письмо, удобное и высоко совершенное, которое греки давно примѣнили къ русскому языку, какъ транскрипцію для записи именъ, названій городовъ, товаровъ и предметов обихода. И греческіе купцы, несомнѣнно, были первыми распространителями своего алфавита и первой грамоты на Руси. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, какъ изображали они большой рядъ отсутствующихъ въ греческомъ языкѣ шипящихъ звуковъ ж, ч, ш, щ, џ или твердый ѣ, столь свойственныхъ русскимъ и особенно другимъ славянскимъ языкамъ? Какъ поступали они въ такихъ случаяхъ?—А поступали такъ же, какъ поступаемъ и мы, передавая нашимъ письмомъ звуки, несвойственные нашему языку, т.-е. замѣняли ихъ наиболѣе подходящими своими буквами, соединяли ихъ нѣсколько вмѣстѣ, придавая имъ новое, совершенно несвойственное имъ произношеніе, или ставили надъ буквами особые значки, которые показывали, что звукъ надо произносить иначе, чѣмъ принято алфавитомъ. Все это мы видимъ и теперь въ языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, чешскомъ, польскомъ и многихъ другихъ, принявшихъ латинскій алфавитъ, въ которомъ не было шипящихъ звуковъ, и которые надо было выразить средствами принятаго алфавита такъ или иначе, не прибѣгая къ изобрѣтенію новыхъ начертаній.

И такое письмо съ греческимъ алфавитомъ несомнѣнно существовало въ то отдаленное время по крайней мѣрѣ у рус-

скихъ купцовъ, которымъ необходима была грамота. Мы это утверждаемъ, хотя до насъ не дошло ни одной строчки такого письма, и утверждаемъ на основаніи аналогіи. Дѣло въ томъ, что западные славяне, склонявшіеся въ сторону Рима, въ то время (IX—X в.) широко пользовались латинскимъ письмомъ, и до насъ дошли три славянскія, писанныя латинскимъ письмомъ рукописи. Двѣ изъ нихъ представляютъ формулы исповѣди, одна—отрывокъ поученія.

Перечитывая эти рукописи, видишь въ нихъ прочно установившееся правописаніе, и, надо полагать, оно постепенно слагалось вѣками, до появленія его въ дошедшихъ до насъ спискахъ.

Итакъ, если западные славяне усвоили тогда звуковое латинское письмо, то восточные—имѣли такое же греческое, и если оно не дошло до насъ въ своемъ древнѣйшемъ видѣ (до кириллицы), то на это—много причинъ. Прежде всего—безпощадное время, которое даже отъ латинскихъ записей сохранило всего... три ключка; затѣмъ—наша деревянная культура, которая уничтожалась до тла съ каждымъ пришествіемъ новаго народа, новой орды. Не меньшее значеніе имѣло отсутствіе въ этихъ записяхъ общеприятныхъ вещей и, наконецъ,—введеніе христіанства, а съ нимъ и кириллицы, которая вытѣснила, такъ сказать, случайныя письмена.

Какъ бы то ни было, а письмена были особенно необходимы въ мѣстахъ постояннаго соприкосновенія русскихъ съ греками,—а такимъ мѣстомъ именно былъ Херсонесъ. Изъ житій Стефана Сурожскаго и Георгія Амастрійскаго мы уже знаемъ, что въ IX вѣкѣ руссы массами нагрянули на Тавриду, и, надо полагать, ихъ особенно много было въ Херсонесѣ, какъ главномъ городѣ, торговомъ и духовномъ центрѣ Тавриды. Здѣсь легко было встрѣтить не только русскаго купца, воина, но и путешественника. Все это былъ народъ передовой, и среди нихъ было, конечно, немало принявшихъ христіанство или склонявшихся къ нему, а изъ нихъ немало владѣвшихъ греческой рѣчью и по своему времени образованныхъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что уже въ первые вѣка христіанства среди корсунянъ было немало отдаленныхъ предковъ руссовъ, именовавшихся еще общимъ именемъ скиновъ, но получившихъ всѣ права гражданства и занимавшихъ въ городѣ почетныя мѣста. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Кириллъ встрѣтилъ въ Херсонесѣ русскаго, у котораго оказалось евангеліе и псалтырь, писанныя „роуськи письмены“. Вотъ это послѣднее обстоятельство, какъ мы сказали, и смутило славянскихъ и русскихъ уче-

ныхъ. Какимъ образомъ въ Херсонесѣ того времени оказалось евангеліе на языкѣ руссовъ, да еще съ русскими письменами, до изобрѣтенія Кирилломъ славянской азбуки?

„Зачѣмъ, — спрашиваетъ Шницеръ, — повадобилось русскимъ переводить на свой языкъ въ до-христіанское время евангеліе и другія священныя книги?“ Это мѣсто такъ поразило своей необычайностью, что два старыхъ ученыхъ, а за ними и много другихъ, какъ мы знаемъ, готовы были совсѣмъ отказаться отъ этого мѣста и признать его позднѣйшей вставкой, лишь бы не производить смуты въ укоренившихся предрассудкахъ ученаго міра, которые проникли во всѣ учебники и твердились цѣлыми поколѣніями. Другіе, какъ извѣстный ученый Шафарикъ, проф. Голубинскій и даже, какъ говоритъ гр. Бобринскій, академикъ Васильевскій, не хотѣли вѣрить этимъ словамъ панносскаго житія и... выдумали, — извиняюсь за слово, но другого въ данную минуту не подберу, — выдумали, что Кириллъ видѣлъ въ Херсонесѣ не русское, а готское евангеліе еп. Ульфилы. Хотя появленіе русскаго евангелія въ Херсонесѣ того времени было вполне возможно и естественно. Постараемся доказать это.

Прежде всего, — можно ли мѣста панносскаго житія о „русскихъ письменахъ“ считать позднѣйшей вставкой? Есть ли для этого какія-либо основанія? — Никакихъ. — Свѣдѣнія о русскомъ евангеліи не противорѣчатъ исторіи, не нарушаютъ общаго хода разсказа, не являются случайными, не нарушаютъ связи частей, не отличаются отъ остальнаго текста ни языкомъ, ни характеромъ изложенія.

Словомъ, нѣтъ признаковъ вставки, и никто, кромѣ названныхъ очень почтенныхъ ученыхъ, не считаетъ ее за таковую. Слѣдовательно, нельзя отрицать достовѣрность этихъ свѣдѣній, точнѣе сказать — нельзя выбрасывать это мѣсто, а должно принять его такъ, какъ оно есть. Отрицать это мѣсто и фактъ тѣмъ болѣе трудно, что все житіе, не въ примѣръ прочимъ, составлено очень близко ко времени дѣятельности братьевъ или, по крайней мѣрѣ, по свѣжей памяти о ней, и составлено не курсянинномъ, а лицомъ, которое, можетъ быть, до того и не слыхало имени Херсонеса.

Идемъ далѣе. — Утверждаютъ, что Кириллъ видѣлъ въ Херсонесѣ не „русскія письмена“, а готское евангеліе епископа Ульфилы. Здѣсь и знаменитый Шафарикъ, и профессоръ Голубинскій, и легковѣрный Шницеръ, и другіе, идущіе по ихъ стопамъ, заблуждаются, впадаютъ въ противорѣчіе съ текстомъ и въ глубокую ересь. Но прежде чѣмъ разяснить это недоразу-

мѣніе, позволю себѣ отвѣтить на поставленный выше вопросъ Шницера: „Зачѣмъ понадобилось русскимъ славянамъ перевести въ до-христіанское время евангеліе и псалтырь на русскій языкъ?“ — Да затѣмъ, что масса русскихъ, бывшихъ и бывавшихъ въ Херсонесѣ, уже тяготились своимъ язычествомъ и пытались познать ученіе Христа, но они не настолько знали греческій языкъ или совсѣмъ не знали его, и не могли узнать христіанское ученіе, изложенное въ греческихъ книгахъ и греческими проповѣдниками, а безъ перевода на русскій языкъ главнѣйшихъ священныхъ книгъ невозможно было распростра- нять ученіе Христа и успѣшно вести проповѣдь.

По дошедшимъ до насъ преданіямъ и достовѣрнымъ истори- чески свѣдѣніямъ, въ то время въ Херсонесѣ, ютившемъ столь долго гонимыхъ почитателей иконъ, было много церквей, мона- стырей и разнаго духовенства. Извѣстный знатокъ византійской исторіи и искусствъ профессоръ Кондаковъ говорилъ, что тогда Херсонесъ былъ чуть не лаврой. Во всякомъ случаѣ это былъ главный центръ христіанства не только Тавриды, но и всего юга Руси, или Великой Скіеи, какъ называли византійскіи хроники и нашъ лѣтописецъ. И благодаря ратнымъ походамъ русскихъ людей и постояннымъ торговымъ связямъ, отсюда широкой рѣкой лилось христіанство на Русь. „Къ тому же,—говоритъ церковный историкъ Смирновъ,—это было время высокаго подъема религіоз- наго духа и православія и широкаго распространенія монасты- рей, монашества и пещерножительства, какъ реакція на недав- нія гоненія иконъ“. А при такихъ условіяхъ число желающихъ послушать слово и ученіе Христа съ каждымъ годомъ росло и росло. Даже хозары, стоявшіе въ культурномъ развитіи далеко ниже славянъ, и тѣ уже просятъ прислать къ нимъ наставни- ковъ христіанской вѣры. При такихъ условіяхъ евангеліе и дру- гія священныя книги на русскомъ языкѣ являлись въ Херсонесѣ прямой необходимостью, вызываемой жизнью, и всегда можно было рассчитывать найти здѣсь русскаго, принявшаго христіанство, ко- торый хорошо владѣлъ греческимъ и могъ изложить это священ- ное писаніе на родномъ языкѣ, и записать его, пользуясь для этой цѣли ходившимъ письмомъ, взятымъ, конечно, у грековъ. Къ тому же списываніе и переводъ священныхъ книгъ всегда и вездѣ считались великой заслугой и дѣломъ богоугоднымъ, общавшимъ въ загробной жизни великія блага и милости. И такой человекъ, очевидно, нашелся и перевелъ на русскій языкъ одинъ или со- вмѣстно съ другими евангеліе и псалтырь, которыя видѣлъ Ки- риллъ. Возможно, что были здѣсь другія книги на русскомъ языкѣ,

которыя остались неизвѣстными Кириллу или составителю его житія. Такимъ образомъ, мы признаемъ фактъ находенія „русскихъ письменъ“ въ Херсонесѣ, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній отрицать его.

Теперь спрашивается: есть ли какія-нибудь основанія найденное въ Херсонесѣ русское евангеліе и псалтырь считать готскими?—Никакихъ. И это ясно вытекаетъ изъ текста житія. Если припомнимъ, тамъ сказано: „Обрѣтъ еоуангеліе и псалтыри, роуськими письмены писана и человекѣа обрѣтъ, глаголюща тоу бесѣдоу и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ своей бесѣдѣ, прикладая различныя письменъ гласныя и согласныя. Вскорѣ начать чести и сказовати и мнози ся ему дивляху“.— Ясно, что Кириллъ нашелъ здѣсь не только русскія евангеліе и псалтырь, но и русскаго человекѣа, съ которымъ и бесѣдовалъ, на хорошо извѣстномъ ему по родинѣ славянскомъ (собственно древне-болгарскомъ) языкѣ, который въ то время, судя по дошедшимъ до насъ памятникамъ, мало отличался отъ языка руссовъ. Не менѣе знакомымъ оказался и алфавитъ. Этимъ и объясняется, что, сравнивъ письмена, найденныя въ Херсонесѣ, съ тѣми, которыя были извѣстны ему, онъ научился вскорѣ читать, и такъ быстро, что даже многіе удивлялись ему.

Какъ видно, все это событіе передается такъ картинно и живо, точно мы слышимъ его отъ очевидца, близкаго свидѣтеля, или человекѣа, хорошо освѣдомленнаго о немъ. (Это тоже говоритъ противъ вставки).—Гдѣ же тутъ хотя слово о готскомъ евангеліи, о готахъ или ихъ языкѣ?

Трудно и даже невозможно себѣ представить, чтобы Кириллъ былъ хотя немного знакомъ съ языкомъ и письменами готовъ, отъ которыхъ онъ всегда былъ такъ далекъ и съ которыми врядъ ли приходилось ему встрѣчаться до путешествія въ Тавриду. Слѣдовательно, онъ не могъ понимать, а тѣмъ болѣе говорить по-готски. Напротивъ, самъ родившись въ славянской провинціи, среди славянъ, онъ легко могъ понять такого же славянина русса и скоро научиться разбирать славянскій текстъ, писанный знакомыми буквами, что такъ удивило окружающихъ. Да и сообщеніе о находкѣ въ Херсонесѣ готскаго евангелія не имѣетъ никакого отношенія къ дѣятельности Кирилла, и съ нимъ нельзя поставить ни въ какую связь извѣстныя уже намъ слова: „И Русская грамота явися Богомъ дана въ Корсуни русину, отъ нея же научися философъ Константинъ... откуда сложивъ, написавъ книги русьскимъ гласомъ...“; такое сообщеніе, повторяемъ, врядъ ли нашло бы себѣ мѣсто въ житіи, а еслибъ

оно и оказалось, то было бы именно не идущей къ мѣсту вставкой.

И все предположеніе профессора Голубинскаго и другихъ, что въ то время все готское называлось русскимъ, а русское готскимъ—простая выдумка. Готы въ это время были сильно подавлены и руссами, и хозарами, и, сливаясь съ окружающимъ населеніемъ, превращались въ мирныхъ земледѣльцевъ и окончательно теряли свою индивидуальность. При такихъ условіяхъ врядъ ли они думали о распространеніи евангелія на своемъ малоупотребительномъ и еще менѣе извѣстномъ и вымиравшемъ языкѣ, да еще по сосѣдству съ Херсонеемъ, гдѣ была масса церквей, монастырей и всякаго духовенства и всѣ церковныя книги были на общепринятомъ греческомъ языкѣ. Трудно даже предположить, чтобы въ Херсонесѣ того времени даже нашлось дорого стоящее готское евангеліе; скорѣе его можно было найти гдѣ-нибудь подальше въ сердцѣ Готіи, а никакъ не здѣсь.

Такова наша точка зрѣнія на этотъ вопросъ. Что же касается только-что приведеннаго мѣста житія, то профессоръ Бодянскій считалъ его позднѣйшей вставкой, какъ по выше приведеннымъ причинамъ, такъ, сколько помнится (я не имѣю сейчасъ подъ руками его интересной работы ¹⁾), и потому, что это мѣсто встрѣчается не во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ житія.

По нашему мнѣнію, это даже не вставка, а перифраза, пересказъ уже хорошо и намъ извѣстнаго, — пересказъ, основанный, несомнѣнно, на болѣе древнихъ сказаніяхъ и спискахъ и еще разъ приводящій къ той же мысли, что сказаніе о нахожденіи русскихъ письменъ въ Херсонесѣ принадлежитъ имейно древнѣйшему составителю житія равноапостольныхъ братьевъ, и что *русская грамота впервые открылась Кириллу, а черезъ него всему славянскому міру именно здѣсь, въ Херсонесѣ*. Здѣсь Кириллъ научился ей и даже списалъ для себя священныя книги, писанныя русскимъ языкомъ.

Такъ вотъ гдѣ впервые увидѣло свѣтъ русское евангеліе. Преклонимся предъ остатками древнихъ храмовъ и стѣнъ Херсонеса, гдѣ впервые раздались и услышаны на русскомъ языкѣ ученіе Христа и гимны царя Давида!

Говоря такъ, мы вовсе не думаемъ умалить славу равноапостольныхъ братьевъ, отнимая у одного изъ нихъ честь изобрѣтенія азбуки и перваго перевода письменъ на славянскій языкъ.

¹⁾ О времени происхожденія славянскихъ письменъ. 1856.

И безъ изобрѣтенія азбуки, — что напрасно приписываютъ одному изъ братьевъ, собственно Кириллу, такъ какъ, повторяемъ, азбуки не изобрѣтались отдѣльнымъ лицомъ, а вырабатывались, какъ и языкъ, гениемъ народа, — братья велики своей боговдохновенной проповѣдью и своимъ поученіемъ.

Къ сожалѣнію, о значеніи находокъ русскихъ письменъ въ Херсонесѣ для славянскаго міра приходится говорить предположительно, такъ какъ мы не знаемъ, насколько они повліяли на азбуку, разработанную Кирилломъ, и на текстъ перевода священныхъ книгъ на славянскій (древне-болгарскій) языкъ. По нашему мнѣнію, вся заслуга Кирилла въ изобрѣтеніи письменъ сводится къ тому, что онъ нѣсколько исправилъ, а можетъ быть и цѣликомъ пустилъ въ ходъ видѣнную имъ въ Херсонесѣ азбуку, которую онъ до нѣкоторой степени фиксировалъ переводами на славянскій языкъ богослужебныхъ книгъ. Говоримъ — до нѣкоторой степени, потому что азбука, предложенная Кирилломъ, не считалась достаточно полной и удовлетворительной для передачи звуковъ славянскаго языка. Это видно изъ того, что, по словамъ черноризца Храбра, въ Кирилловской азбукѣ было 38 буквъ, а въ текстѣ Остромирова евангелія (1056—57 гг.) ихъ насчитывается 46, а въ позднѣйшемъ церковно-славянскомъ письмѣ — 43. Древнія сказанія, написанныя въ приподнятомъ византійскомъ стилѣ, несомнѣнно преувеличили степень участія славянскихъ братьевъ и въ изобрѣтеніи азбуки, и въ переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ. И право славянской азбуки именоваться Кирилловской — такое же, какъ — новооткрытой части свѣта — Америкой (а не Колумбіей), единственно потому, что Америго далъ *первое* описаніе новооткрытыхъ земель. Повторяемъ, — Кириллъ видѣлъ прототипъ славянской (русской) азбуки и перевода евангелія въ Херсонесѣ, и *первымъ* въ обширномъ кругу и въ сильной проповѣди распространилъ и азбуку, и ученіе Христа среди славянъ.

XXI.

Окончивъ проповѣдь у хозарь, неудача которой частью объясняется недостаточнымъ знаніемъ хозарскаго языка, — въ чемъ имѣли громадное преимущество еврейскіе и магометанскіе проповѣдники, постоянно врацавшіеся среди хозарь, — Кириллъ возвратился въ Херсонесъ и, по порученію римскаго папы Николая I, который въ то время почитался наравнѣ съ патріархомъ константинопольскимъ, началъ разыскивать мѣсто мученія и мощи св. Кли-

мента, о которыхъ долго ходила уже извѣстная намъ легенда. Она передавалась изъ устъ въ уста, попала въ рукописи, иногда даже такія, которыя не имѣли никакого отношенія къ св. Клименту. Такъ, въ одной изъ рукописей VIII—IX в., трактующей о святыхъ мѣстахъ, послѣ разсказа о Иерусалимѣ, безъ всякой связи съ остальнымъ текстомъ, сказано: „Также городъ Херсонъ, что у моря Понта; тамъ замученъ св. Климентъ. Гробница его въ морѣ, гдѣ брошено его тѣло. Этому Клименту былъ привязанъ на шею якорь и теперь въ день его памяти народъ и священники садятся въ ладьи, и когда приплываютъ туда, море высыхаетъ на шесть миль, и на мѣстѣ, гдѣ находится гробница, раскидываются шатры и сооружается алтарь и въ теченіе восьмидней служатся тамъ литургіи; и Господь совершаетъ тамъ много чудесъ. Тамъ изгоняются бѣсы, и если кто изъ одержимыхъ имѣетъ возможность прикоснуться къ якорю и прикоснется, тотчасъ исцѣляется“.

Эти, какъ и другія преданія, вѣроятно, были извѣстны Константину, но они не давали болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ погребенія св. Климента. Разпросы Константиномъ корсунянъ не привели ни къ чему, такъ какъ они совершенно забыли о Климентѣ, а о чудесахъ его ничего не слышали. Однако, послѣ настойчивыхъ трудовъ, Константину все-таки удалось отыскать мощи святого. Вотъ что по этому поводу сообщаетъ современникъ событій, римскій бібліотекаръ Анастасій, въ письмѣ, которое онъ писалъ, приблизительно около 870 г., къ епископу Гаудеріку, очень интересовавшемуся житіемъ Климента.

Анастасій, между прочимъ, пишетъ, что онъ сообщаетъ „сущую правду“ со словъ Митрофана, предстоятеля смирской митрополи, мужа, славящагося святостью и мудростью, который проживалъ недалеко отъ Херсона, какъ сосланный туда вмѣстѣ съ другимъ патріархомъ Фотіемъ, въ то время, когда Кириллъ былъ отправленъ въ Хозарскую землю.

По свидѣтельству Анастасія, Херсонъ въ ту пору граничилъ съ Хозарской землей: со всѣхъ сторонъ его тѣснили язычники. Населеніе его казалось скорѣе жителями тюрьмы, чѣмъ города, такъ какъ они не смѣли изъ него выходить. Часть Херсонской земли совсѣмъ запустѣла. Пришелъ въ разрушеніе и тотъ храмъ, расположенный неподалеку отъ города, въ которомъ находились мощи св. Климента. Разпросы Константина-философа у мѣстныхъ жителей относительно чудеснаго отлива моря и самаго храма не приводили къ выясненію мѣстонахожденія его. О чудѣ они даже не знали, считали его невѣроятнымъ, и разпросы о

чемъ возбуждали только насмѣшки. „Самый городъ,—пишетъ Анастасій,—заселяли не туземцы, а пришельцы изъ разныхъ варварскихъ народовъ, даже лютые разбойники“. Епископомъ Херсона въ ту пору былъ Георгій, а неподалеку отъ города жилъ, находившійся въ изгнаніи, смирскаій митрополитъ Митрофанъ. Обрѣтеніе мощей совершилось при участіи въ поискахъ епископа Георгія и всего херсонскаго населенія, такъ какъ всѣхъ Константина сумѣлъ воодушевить. Анастасій узналъ о подробностяхъ этого событія не только отъ Митрофана, но и отъ самого Константина.

Въ такъ называемой „Итальянской легендѣ“, прототипъ которой проф. Ягичъ, на основаніи письма Анастасія, приписываетъ самому Кириллу, подробно разсказывается объ открытіи мощей св. Климента, и какъ Кириллъ послѣ усердной молитвы вошелъ на судно вмѣстѣ съ епископомъ Херсона и вкромѣ, принялъ къ островку въ одной изъ бухтъ, обошелъ его со свѣтилниками и всѣ приступили къ раскопкамъ остатковъ храма и уже обрушившейся и засыпанной землею гробницы, гдѣ и были обрѣтены мощи и якорь—орудіе пытки и смерти мученика. Мощи были перенесены на судно и перевезены съ пѣснопѣніемъ въ городъ. Правитель города вышелъ на встрѣчу, и мощи были положены въ церкви св. Созонта, находившейся вблизи города; затѣмъ ихъ отнесли въ церковь св. Лаврентія, а оттуда, взявъ ковчегъ съ мощами, обошли весь городъ и положили ихъ въ главной церкви города св. Софій. Фактическая сторона этого сказанія вполне совпадаетъ съ данными письма Анастасія. Событіе это сказаніемъ приурочивается къ 30-му декабря, а случилось оно около 862 г.

Всѣ эти данныя, вся обстановка житія и мученій св. Климента, а равно и тотъ фактъ, что все это, согласно письму, Кирилломъ было сдѣлано въ одинъ день,—приводятъ къ островку, который находится въ глубинѣ Казачьей бухты, ближайшей къ Херсонесскому маяку, верстахъ въ 12 отъ Херсонеса. Любопытный туристъ легко можетъ добраться сюда изъ Севастополя на яликѣ, или еще скорѣе—на извозчикѣ.

Преданіе о пребываніи здѣсь Климента, страданіяхъ его, открытіе мощей и самый островокъ очень заинтересовали нашего почтеннаго инженеръ-археолога Бертъе-Делагарда, и онъ подвергъ подробному изслѣдованію и сказаніе объ этихъ событіяхъ, и самый островокъ,—и вотъ что по этому поводу онъ пишетъ. Мы позволимъ себѣ привести выдержки изъ этихъ работъ Бертъе, такъ какъ и по нашему мнѣнію островокъ этотъ

заслуживаетъ полнаго уваженія, какъ святыня христіанства на которую не обращали должнаго вниманія. „Это единственный островокъ Херсонеса,—пишетъ Бертье;— правда, есть еще маленькій островокъ почти по срединѣ Песочной бухты (болѣе, близкой къ Херсонесу), но онъ вполнѣ естественный. На этомъ островѣ находились развалины, указанныя еще Палласомъ, побывавшимъ здѣсь во времена Евтатеріны II, вскорѣ послѣ присоединенія Крыма. Въ 1845 г., здѣсь были сдѣланы раскопки лейт. княземъ Барятинскимъ, и онѣ обнаружили остатки церкви, съ нѣсколькими жилыми помѣщеніями; при чемъ небольшіе, найденные здѣсь предметы оказались вполнѣ тождественными съ обычными церковными находками въ Херсонесѣ: мраморная плита съ крестами отъ какой-то ограды, кое-какіе фрагменты мрамора, монеты Романа I (921—944) и т. п. Послѣднія раскопки на островѣ (1890—1 г.) обнаружили фундаменты цѣлой группы мелкихъ зданій, окружающихъ небольшой дворъ и маленькую церковь, похожую на планѣ на церкви-часовни византійскаго Херсонеса. Можно утверждать, что церковь имѣла подпольный ярусъ, родъ крипты, низъ котораго уцѣлѣлъ на высоту 1—1½ аршина; верхняя же часть церкви исчезла совсѣмъ. Въ одно изъ отдѣленій низа, очень узенькое,—отдѣльный ходъ, поддерживаемый столбами и арками. Безъ особой натяжки можно предположить, что это была могила, помѣщавшаяся подъ поломъ церкви, въ которой найдены мощи св. Климента. Это отвѣчаетъ общей распространенности обычая погребать тѣла мучениковъ въ особыхъ криптахъ подъ церквами съ отдѣльнымъ къ нимъ ходомъ. Дворъ монастыря и полъ крипты находятся почти на уровнѣ воды и даже покрываются водой при большомъ ея нагонѣ. Возможно, что это заливаніе и объясняетъ легенду о подводномъ храмѣ Климента и объ отступленіи моря. Все это не оставляло во мнѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ островокъ, образованный сначала крѣпостной оградой древнѣйшаго Херсонеса, впоследствии былъ занятъ византійско-христіанскими постройками, находящимися въ прямой связи съ открытіемъ мощей св. Климента, какъ это доказывается документальными данными“...

Если во времена Кирилла,—продолжаетъ Бертье,—и даже до него, храмъ на островѣ не существовалъ, то нѣтъ сомнѣнія, что потомъ и, вѣроятно, вскорѣ вслѣдъ за открытіемъ мощей, его возстановили или построили вновь. На это указываютъ монеты X-го вѣва, найденныя при раскопкахъ на островѣ. Въ этомъ убѣждаютъ и дальнѣйшія свидѣтельства, которыя также доказы-

ваютъ, что дѣло идетъ именно о нашемъ островѣ, а не о какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Въ маѣ 1253 г., посоль французскаго короля Людовика Святого, монахъ Рубрукъ (Рюисбрекъ), посланный къ татарамъ, по пути изъ Константинополя въ Судахъ, а оттуда въ Золотую орду, плылъ въ виду Херсонеса, гдѣ, по его словамъ, замученъ св. Климентъ, но, не заходя въ городъ, видѣлъ издали островъ и на немъ церковь, которая, по рассказамъ жителей, построена руками ангеловъ. По топографическимъ условіямъ мѣстности и путей плаванія это есть совершенно точное указаніе именно нашего островка, къ тому же въ связи съ св. Климентомъ и легендою о его мученіяхъ и о построеніи храма, — который, прибавимъ отъ себя, судя по легендѣ, что храмъ „выстроенъ руками ангеловъ“, былъ выстроенъ задолго до Рубрука, когда, очевидно, было забыто время постройки храма и появленіе его объясняли божественной силой.

Повѣствованіе Рубрука показываетъ, что въ то время церковь не была разрушена; иначе ее нельзя было бы примѣтить съ моря.

Память о значеніи островка и церкви на немъ сохранялась весьма долгое время, и еще наканунѣ покоренія Крыма русскими, несмотря на общее запустѣніе всѣхъ этихъ мѣстъ и упадокъ христіанства въ Крыму вообще, на этомъ островкѣ существовалъ греческій монастырь, настолько хорошо сохранившійся, что показанъ (какъ и сосѣдній Георгіевскій) на первыхъ документальныхъ картахъ Крыма, снятыхъ около 1772 г., во время первой турецкой войны. Въ это время монастырь едва ли былъ обитаемъ. По крайней мѣрѣ, тогдашній греческій митрополитъ Игнатій, давшій позднѣе списокъ церквей, оставленныхъ греками, выслѣдившимися изъ Крыма въ 1778 г., умолчалъ объ этомъ монастырѣ, хотя упомянулъ о Георгіевскомъ. То же молчаніе находимъ и въ официальныхъ спискахъ церквей того времени. Но очевидно, что этотъ монастырь если и былъ покинутъ, то очень незадолго до занятія Крыма, такъ какъ иначе его маленькія постройки обратились бы въ незамѣтную кучу камня ко времени прихода русскихъ и не попали бы на наши карты, на которыхъ показанъ не только монастырь, но и особенная, существовавшая къ нему, дорога, нигуда болѣе не ведшая. Нужно замѣтить, что вся эта мѣстность была тогда совершенно пустыня, и если на ней поддерживался монастырь въ такомъ неудобномъ и глухомъ мѣстѣ, въ близкомъ разстояніи (около 12 верстъ) отъ другого монастыря (Георгіевскаго), то, вѣроятно, на это была какая-то особенно важная причина, вродѣ

воспоминанія о нахожденіи тамъ мощей св. Климента, подвонецъ, вѣроятно, забытаго.

Всего сказаннаго достаточно для утвержденія съ документальной точностью того, что чудесный храмъ легенды о св. Климентѣ былъ построенъ именно на этомъ островѣ, гдѣ Кирилломъ найдены и мощи этого святого.

Довольно вѣроятно, — говорить Бертъе-Делагардъ, — что и ссылка св. Климента, и его мученія происходили около этихъ мѣстъ, а никакъ не въ Инверманѣ, куда съ легкой руки Сестренцевича, написавшаго такъ много совершенно бездоказательнаго и выдуманнаго имъ вздора по исторіи Крыма, приурочили эту церковную легенду, и гдѣ даже физическія условія мѣстности тому безусловно противорѣчатъ. И тутъ же онъ прибавляетъ: „Приуроченіе легенды о св. Климентѣ къ Инверману кѣмъ-либо ранѣе Сестренцевича мнѣ неизвѣстно, хотя я тщательно разыскивалъ перваго автора этого предположенія“. Последнее можемъ подтвердить и мы. А Сестренцевичъ писалъ вотъ что: „Климентъ осужденъ былъ работать тамъ на каменоломняхъ, воихъ находятъ еще остатки. Мѣсто сіе есть мысъ близъ Инвермана... Тамъ тесали камни и отправляли въ Грецію на строеніе городовъ. На вершинѣ горы, гдѣ находятся развалины инверманскаго замка, есть колодезь весьма чистой ключевой воды. Можетъ быть, это тотъ самый, который, какъ увѣряютъ, былъ найденъ святымъ Климентомъ“. Но Сестренцевичъ совершенно упустилъ изъ вида, что мѣстность Инвермана, гдѣ протекаетъ и впадаетъ въ бухту Черная рѣчка, совершенно не соотвѣтствуетъ сухой, безводной мѣстности житія св. Климента, которому въ ссылкѣ приходилось ходить за 45 стадій, чтобы добыть воды, и который по молитвѣ открылъ „источникъ проліявся, рѣкою сотворися“. А это, напротивъ, вполне соотвѣтствуетъ родникамъ балокъ Камышевой и Казачьей бухты, которые послѣ расчистки въ дождливые годы превращаются въ ручьи, стекающіеся въ море. Это отмѣчаетъ и Палласъ.

Съ своей стороны, мы можемъ прибавить, что нѣтъ даже основаній предполагать, что во времена св. Климента въ Инверманѣ были каменоломни, а тѣмъ болѣе обширныя, на которыхъ, какъ говорятъ новѣйшія легенды, работало двѣ тысячи человѣкъ. Мягкій, какъ мѣлъ, инверманскій камень въ то время, вѣроятно, и не шелъ на подѣлку, какъ ненадежный матеріалъ. Онъ даже почти не примѣнялся при постройкѣ дошедшихъ до насъ инверманскихъ укрѣпленій, возникшихъ въ гораздо болѣе позднее время (XII—XIV в.). Равнымъ образомъ не находятъ инвер-

манскаго камня и въ раскопкахъ Херсонеса, построеннаго цѣликомъ изъ твердаго степнаго камня.

Словомъ, на основаніи имѣющихся данныхъ нельзя даже говорить объ инкерманскихъ каменоломняхъ I в. по Р. Хр. Но возможно, что въ то время здѣсь былъ поселокъ. (Не стояли ли римской конницы? За это говорятъ кое-какія находки). Вотъ что по этому поводу пишетъ нашъ извѣстный нумизматъ Бурачковъ: „Намъ положительно извѣстно, что въ этой мѣстности не встрѣчается монетъ или надписей древняго періода, тогда какъ монеты римскія, время императорскихъ, попадаются довольно часто, и при устройствѣ проходящей здѣсь желѣзной дороги найдены цѣлый кувшинъ съ серебряными монетами Домиціана (81—96) и послѣдующихъ императоровъ до Коммода включительно (180—192). Такимъ образомъ, существованіе здѣсь римскаго поселенія во время ссылки св. Климента подтверждается вещественными памятниками“.

Однако Косцюшко-Валюжиничъ не вѣрилъ этимъ „вещественнымъ памятникамъ“ и передалъ намъ, что въ данномъ случаѣ Бурачковъ былъ введенъ въ невольное заблужденіе: монеты, о которыхъ говоритъ Бурачковъ, найдены не въ мѣстности Инкермана, а, какъ ему доподлинно извѣстно, близъ Симферополя; приобрѣтены онѣ были французскимъ гражданиномъ Ваке и чрезъ него попали въ руки спеціалиста,—и въ данномъ случаѣ онѣ ничего не доказываютъ.

Я здѣсь не буду входить въ разрѣшеніе спора и только указываю на этотъ фактъ, какъ на хорошій примѣръ того, какъ легко создаются историческія и археологическія недоразумѣнія, даже въ наше научно-строгое время. Какъ бы то ни было, но слова Сестренцевича и теперь крѣпко держатся и, какъ преданіе, переносятся изъ устъ въ уста, изъ книжки въ книжку. Весьма вѣроятно, что предположеніемъ Сестренцевича воспользовался и знаменитый таврической архипастырь Иннокентій, когда въ началѣ пятидесятихъ годовъ задался мыслью возстановить въ Тавридѣ важныя въ церковно-историческомъ отношеніи христіанскіе памятники. Тогда въ Инкерманѣ, въ его крѣпкахъ (пещерахъ) у каменоломенъ основали монашеское общежитіе. Самую большую пещеру съ признаками бывшаго храма признали за пещерную церковь, сооруженную будто бы трудами св. Климента. Такимъ образомъ, ошибочное предположеніе Сестренцевича было, такъ сказать, санкціонировано высшимъ духовенствомъ и стало достовѣрнымъ фактомъ. Но мы уже знаемъ, что пещеры Инкермана, какъ и другихъ мѣстъ, возникли гораздо позднѣе.

Бертъе-Делагардъ, на основаніи формы древнихъ крестовъ на стѣнахъ инверманской церкви, приходитъ къ предположенію, что указываемая церковь возникла около XIV—XV вѣка (по Кулазовскому—нѣсколько ранѣе). Мнѣ кажется, это предположеніе слабо обосновано; такъ какъ церковь навѣрное съ вѣками обновлялась и расширялась согласно потребностямъ и духу времени. Что она древнѣе времени, указываемаго Бертъе, за это говорить форма ея въ видѣ базилики въ три нѣфа, что не встрѣчается въ XIV вѣкѣ.

Такимъ образомъ, данныя легенды и исторіи заставляютъ насъ признать мѣстомъ ссылки и мученій св. Климента островокъ и мѣстность у Казачьей бухты. Здѣсь св. Климентъ имѣлъ, такъ сказать, постоянное пребываніе и отсюда ходилъ на свою бого-вдохновенную проповѣдь. Инверманъ уже почталъ память святого, который только, можетъ быть, заходилъ сюда со словами Христа,—а островокъ, гдѣ жилъ и почилъ св. Климентъ, принявъ мученичeskій вѣнецъ, и гдѣ долго хранились его драгоценныя для всего христіанскаго міра останки, стоитъ пустынно, одиноко: мало кто знаетъ о немъ; и дорога къ нему заросла уже вѣками. Послѣ этого невольно скажешь вмѣстѣ съ Бертъе-Делагардомъ: „Нельзя не пожелать, чтобы и этотъ островокъ, единственный обладающій документальными доказательствами на вѣроятность мученія и кончины здѣсь св. Климента и несомнѣннаго находенія здѣсь его останковъ, не остался заброшенной и даже неочищенной развалиной; *это мѣсто должно быть священнымъ для насъ*“ и охраняться такъ, какъ того заслуживаетъ. Выраженіемъ нашего почитанія острова св. Климента могъ бы служить хотя бы простой крестъ изъ инверманскаго камня или хотя маленькая часовня. Память великаго дѣятеля христіанской церкви и святого заслуживаетъ, конечно, чего-нибудь большаго. Много разъ обращался я по этому поводу къ настоятелямъ херсонесскаго монастыря, среди которыхъ бывали и образованные, но мнѣ ничего не удалось сдѣлать. Видно, заботу о сохраненіи святыни должны будутъ принять на себя не херсонесскіе отшельники, а міряне.

Послѣ ряда церковныхъ службъ и процессій, Кириллъ и Меодій распростились съ херсонесскимъ духовенствомъ и, захвативъ съ собой часть останковъ Климента, отправились въ Константинополь, а оттуда—позднѣе (около 865 г.)—въ Римъ. Папа Адрианъ II въ торжественной процессіи вышелъ навстрѣчу мощей св. Климента: граждане, духовенство съ крестами и свѣчами въ

рукахъ, народъ—обружали папу, шедшаго въ полномъ облаченіи за городъ, встрѣчать останки одного изъ первыхъ преемниковъ св. Петра, самимъ апостоломъ избраннаго въ папы.

Священный подарокъ, который несли Риму Кириллъ и Меодій, былъ для папы тѣмъ болѣе дорогъ, что непосредственные преемники святого апостола Петра, Линъ и Анаклетъ, не осчастливили Римъ своими мощами, и такимъ образомъ св. Климентъ являлся прямымъ преемникомъ святыхъ апостоловъ въ ряду мощей римскихъ первосвященниковъ.

Е. Э. Ивановъ.

ДАЛЕКІЙ ГОРИЗОНТЪ

РОМАНЪ ЛУКАСА МАЛЕТА.

The far horizon. By Lucas Malet. London. 1907.

X *).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ произошло два событія, имѣвшихъ не одинаковое мировое значеніе, но одинаково повліявшихъ, какъ это оказалось впоследствии, на жизнь Доминика Иглезіаса. Первымъ было—объявленіе войны Англій южно-африканскими республиками; вторымъ—новый пріѣздъ миссъ Серены Лѣвгровъ въ Лондонъ.

Въ настоящее время война нѣсколько смущаетъ совѣсть цивилизованныхъ народовъ, а въ этой войнѣ былъ, кромѣ того, элементъ нелѣпаго и уродливаго. Большинству она показалась плохой шуткою: очень маленькій и дерзкій мальчикъ далъ оплеуху гиганту; конечно, его слѣдовало наказать, но все же положеніе оказывалось отчасти смѣшнымъ, и потому англичане старались относиться къ нему слегка. Они пытались увѣрить себя, что мальчикъ, отирая слезы кулачками, скоро запроситъ прощенія, но нѣкоторые изъ болѣе проникательныхъ помнили Маюбскій холмъ, и потому далеко не были въ этомъ увѣрены. Еще нѣкоторые осмѣливались подозрѣвать, что англійское общество страдаетъ апоплексіей богатства въ той формѣ, которая требуетъ вровоусканія.

Среди нихъ былъ Иглезіасъ. Его недавнія наблюденія надъ обществомъ, брошенныя вскользь замѣчанія Пеппи и злополуч-

---

*) См. выше: сент., стр. 202.

наго Декурси-Смита, породили въ немъ убѣжденіе, что смиряющія и печальныя послѣдствія войны могутъ оказаться цѣлительными для общественнаго и политическаго организма страны. Голландецъ, такъ же, какъ еврей—самый стойкій и упрямый изъ людей; кромѣ того, онъ—прирожденный воинъ. Иглезіасъ не могъ отнестись къ войнѣ какъ къ военной прогулкѣ съ музыкой,—она тяготила его душу, и тяжесть эта еще увеличилась, когда ему неожиданно пришлось окунуться снова въ міръ финансовыхъ операцій.

Въ утренней газетѣ онъ прочелъ длинную, очевидно—инспирированную статью о компаніи, основанной съ цѣлью эксплуатаціи южно-африканскихъ копей. Заранѣе исчислялись несмѣтные барыши, но о расходахъ и могущихъ возникнуть препятствіяхъ—какъ-то умалчивалось. Ясному и логическому уму Иглезіаса вся эта спекуляція представлялась гигантскимъ пухомъ, въ особенности послѣ того, какъ онъ узналъ, что въ успѣхъ ея сильно заинтересованъ финансистъ новѣйшей американской формаціи, м-ръ Реджинальдъ Баркинъ, ставшій теперь фактически во главѣ старинной фирмы Баркинъ и К^о.

Хотя Иглезіасъ былъ обязанъ ему своимъ увольненіемъ, это не повлияло на его отношеніе къ нему, но старая связи и долготѣнія привычки не такъ легко порываются,—и будущность фирмы съ исходомъ этихъ рискованныхъ операцій начала серьезно его тревожить.

Реджинальдъ—безпокойный, нервный, рано разочарованный и порядкомъ развращенный юноша—былъ отправленъ родителями, послѣ не дѣлающаго ему чести эпизода съ горничной,—въ Америку, на службу въ извѣстной фирмѣ, имѣвшей сношенія съ банкомъ Баркинъ и К^о. Дремавшій въ немъ духъ спекулятивнаго авантюризма сразу пробудился въ немъ, но онъ вскорѣ понялъ, что Америка—для американцевъ, и вернулся въ Европу съ честолюбивыми планами, элегантною женою—дочерью американскаго милліонера—и двумя блѣдными, сухими дѣтьми. Въ трехъ- и пяти-лѣтнемъ возрастѣ они обладали самоувѣренностью и разочарованностью взрослыхъ людей, ничему не удивлялись и очень немного могло доставить имъ развлеченіе. Они жаловались уже на нервы и пищевареніе, и воздерживались, въ виду этого, отъ всякихъ излишествъ.

Сложивъ газету, Доминикъ прошелся по комнатѣ. Солнце ярко свѣтило; желтые и коричневые листья платановъ, тополей и бальзаминовъ выдѣлялись на фонѣ красныхъ и сѣрыхъ домовъ Грина, вызывая игру свѣтотѣней. Иглезіасъ всталъ въ хорошемъ на-

строеніи; за послѣднее время онъ еженедѣльно посѣщалъ Пеппи, и сегодня ему предстояло быть у нея.

Со времени разговора о покойной его матери, его дружба съ Пеппи Сентъ-Джонъ вступила въ новый фазисъ,—она стала уже не экспериментальной, но положительной, тѣмъ болѣе, что Пеппи не навязывалась на откровенность. Онъ могъ говорить или не говорить ей о томъ, что занимало его. Кромѣ того, онъ понималъ, что подъ ея болтовнею скрывалось весьма основательное знакомство съ общественными дѣлами и вѣяніями,—такъ что съ нею можно было говорить о чемъ угодно. Онъ привыкъ довѣрять ея сужденіямъ не менѣе, чѣмъ ея искренности.

Но хорошее настроеніе Доминика омрачилось послѣ прочтенія статьи. Было ли подобное предпріятіе простою неосторожностью въ это тревожное время, или — ослѣпленною самонадѣянностью по отношенію къ бурямъ? А можетъ быть, Реджинальдъ такъ уже далеко зашелъ, что для спасенія капитала фирмы ему приходилось прибѣгать къ отчаянной рекламѣ?

Рыцарское чувство долга относительно людей, у которыхъ онъ столько лѣтъ работалъ, все сильнѣе охватывало Доминика. Ихъ разореніе и позоръ являлись косвенно позоромъ для него самого. Доминикъ рѣшилъ посовѣтоваться съ Джорджемъ.

Онъ вышелъ изъ дому; сегодня голосъ Лондона былъ бодрый, возбуждающій, онъ словно звалъ къ борьбѣ. Солнечный свѣтъ и бодрящій воздухъ радовали Иглезіасъ; если и въ вечеру погода не измѣнится, тѣмъ пріятнѣе будетъ для него посѣщеніе Пеппи. Онъ чувствовалъ себя тоже оживленнымъ, готовымъ къ труду и борьбѣ; въ эту минуту онъ былъ бы даже радъ имъ. Нѣсколько возбужденный, онъ шелъ по аллеѣ, покуда женская фигура не преградила ему путь. Онъ, не глядя, посторонился вправо, чтобы пропустить ее, и она тоже посторонилась вправо. Онъ подался влѣво, и она — тоже.

— Извините,—произнесъ Иглезіасъ.

— Ахъ!—воскликнула Серена Лѣвгровъ.

— Простите, пожалуйста!—Доминикъ приподнял шляпу.— Я не видѣлъ, что это были вы!

— Какъ странно!—замѣтила Серена.

Она стояла посреди дорожки; глаза ея моргали, полковая юбка шуршала. Серена очень заботилась о качествѣ шолка на своихъ юбкахъ. Ихъ шуршаніе придавало ей апломбъ и извѣстную моральную поддержку.

— Очень странно!—повторила она:—развѣ вы не слышали, что я вернулась?

Доминикъ могъ бы по совѣсти отвѣтить, что онъ не слышалъ объ ея отъѣздѣ, но онъ воздержался.

— Вы доставили большое удовольствіе вашимъ кузенамъ,—сказалъ онъ любезно.

Серена смотрѣла на падающіе листья.

— Я право не знаю, доставляетъ ли это имъ удовольствіе, или они приглашаютъ меня только потому, что мы — родня?— Она остановилась и поглядѣла на м-ра Иглезіаса. — Джорджъ, безъ сомнѣнія, прекрасно относится ко мнѣ и къ Сюзаннѣ,—вѣдь мы кузены. Но относительно Роды—я не такъ увѣрена. Разумѣется, мы и не подозрѣвали о ея существованіи, покуда она не вышла за Джорджа.

— Она превосходная жена,—вставилъ Иглезіасъ.

— Да, кажется, но все же я удивляюсь, что Джорджъ не выбралъ себѣ жену, которая была бы удовлетворительнѣе во многихъ отношеніяхъ.

Серена оцѣнила глубокомысленность своего замѣчанія, но со стороны Доминика на него не послѣдовало отвѣта.

— Не знаю, замѣчаетъ ли онъ, насколько она ниже насъ во всѣхъ отношеніяхъ, и не хочетъ въ этомъ сознаться,—или онъ совсѣмъ этого не замѣчаетъ?

— А вы имѣете обыкновеніе гулять по утрамъ?—спросилъ Доминикъ, чувствуя, что молчаніе затягивается.

Серена оживилась.

— Да, насъ приучили гулять по два раза въ день. Мама очень на этомъ настаивала. Она полагала, что моціонъ необходимъ для здоровья. Мнѣ даже кажется, что она черезчуръ далеко заходила въ этомъ отношеніи. Но, конечно, у Сюзанны очень крѣпкое здоровье. Она гораздо здоровѣе меня. Я думаю, что она была бы здорова, еслибы даже мама не заставляла насъ такъ много гулять. Но я не знала, что вы выходите по утрамъ, т.-е. я не видѣла ранѣе, чтобы вы выходили.

— Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнулъ Иглезіасъ, пораженный такою освѣдомленностью.

— Вѣдь изъ дома Джорджа прекрасно виденъ Кедровый котѣджъ, и я часто сижу у окна. Это—одно изъ лондонскихъ развлеченій. Но странно, что ни Джорджъ, ни Рода не сказали вамъ о моемъ приѣздѣ.

Доминикъ не зналъ, что отвѣтить, и притомъ эта остановка начинала слегка раздражать его; онъ сталъ желать, чтобы она посторонилась и пропустила его.

— Вы простудитесь, — сказалъ онъ, — я не смѣю дольше задерживать васъ.

Глаза Серены заморгали; она была возбуждена и слегка обижена. „Онъ очень рѣзокъ, но все же у него хорошія манеры. Еслибы не знать, что онъ былъ клеркомъ въ банкѣ, догадался ли бы кто-нибудь объ этомъ? Положимъ, незачѣмъ объ этомъ упоминать въ Слоуби, хотя Сюзанна навѣрное упомянетъ. Сюзанна убѣждена, что всегда нужно говорить правду“.

Дойдя до конца аллея, Серена оглянулась и увидѣла, что м-ръ Иглезіасъ вошелъ въ дверь, которую отворилъ ему Джорджъ. Серена окаменѣла.

„Такъ онъ шель туда! Какъ странно, что онъ не упомянулъ объ этомъ! Развѣ онъ не подумалъ, что я могу оглянуться? Или онъ сдѣлалъ это нарочно, желая обидѣть меня?“

Она продолжала свою прогулку.

„А можетъ быть онъ именно желалъ видѣть ихъ безъ меня — по какой-нибудь особой причинѣ, — и желаетъ, чтобы я объ этомъ знала? Онъ, можетъ быть, желаетъ ихъ о чемъ-нибудь разспросить? Но странно только, что онъ сказалъ, что онъ не зналъ о моемъ пріѣздѣ. А можетъ быть, онъ этого и не сказалъ?“

Серена шла легкими шагами; она была оживлена, юбки ея шуршали.

„Конечно, онъ не сказалъ, — онъ явно избѣгалъ отвѣта на этотъ вопросъ. Надо вывѣдать это отъ Роды, но пусть она не догадается, что я кое-что знаю“.

Чувство обиды прошло. Фантазія Серены устремилась путемъ всякихъ изворотовъ къ неожиданнымъ выводамъ. Она чувствовала себя очень пронизательной, очень опасной, и эти ощущенія наполняли ее самодовольствомъ.

XI.

Джорджъ Лѣвгровъ отнесся къ заявленію Доминика очень оптимистически.

Дѣла банка не внушаютъ никакихъ опасеній. Недаромъ о немъ говорятъ: „вѣрно, какъ въ государственномъ банкѣ“. Сэръ Абель, конечно, слѣдитъ за племянникомъ и не допуститъ младшаго члена фирмы до совершенія подобной неосторожности. Что же касается войны, она для буровъ — самоубійство. Хорошо еще, если эти бѣдныя во-время опомнятся. Гдѣ же имъ устоять противъ англійскихъ регулярныхъ войскъ?

Погода располагала къ оптимизму, и Доминикъ ушелъ отчасти успокоенный. Онъ поѣхалъ въ омнибусѣ и сошелъ на Гаммерсмитскомъ мосту. Небо было ярко-синяго цвѣта; пестрые листья кружились въ воздухѣ; дѣти въ цвѣтныхъ платьяхъ бѣгали и рѣзвились, преслѣдуемыя няньками и матерями: свѣжій воздухъ и солнце ударили имъ въ голову. Снигирь, сидя на перекладинѣ перилъ, издавалъ звонкое чирканье. Осень говорила скорѣе о возрожденіи, чѣмъ объ увяданіи. Было весело жить. Даже трезвому уму Доминика ужасы войны и банкротства казались чѣмъ-то неправдоподобнымъ и отдаленнымъ.

Пеппи встрѣтила его веселымъ смѣхомъ.

— Милый другъ,—воскликнула она,—у насъ домъ вверхъ дномъ! Каппадочія — прошу извиненіе за упоминаніе о такомъ предметѣ — разрѣшилась отъ бремени четырьмя щенками. Настоящіе агнятки — ни одного бѣлаго волоска. И Каппадочія — такая хорошая мать. Попробуйте подойти — укусить.

Пеппи говорила очень быстро, держа его за руку и глядя ему прямо въ лицо. Ея странные глаза имѣли очеь кроткое выраженіе, но сіяли яркимъ блескомъ.

— Какъ я рада васъ видѣть! Еслибы вы знали, до чего я рада!

И Доминикъ, сильно тронутый, молчалъ.

— Вы не обидѣлись? Вы не собираетесь по такой погодѣ напустить на себя суровость?

Онъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой другъ, но такая встрѣча нѣсколько удивительна для меня. Исключая моей матери, всѣмъ было все равно — прихожу я или ухожу.

— Ну, и дурачье они были! — воскликнула Пеппи съ великодушнымъ презрѣніемъ къ хорошему тону. — Но все это прошло, и въ сущности я не должна негодовать на ихъ глупость, такъ какъ это увеличиваетъ мои шансы. Садитесь, я вамъ объясню. Видите ли, мой прекрасный, невинный другъ, я говорю только о мужчинахъ, не о мальчуганахъ-цыплятахъ, еще бѣгающихъ со сворлупкой на головѣ и не знающихъ, куда дѣвать свои привязанности. Но и у мужчинъ, когда зайдетъ объ этомъ рѣчь, ты оказываешься обыкновенно въ лучшемъ случаѣ — третьимъ, въ худшемъ — двадцать-третьимъ номеромъ. Не приходите въ ужасъ... Они сохранили романическія воспоминанія о полдюжинѣ женщинъ, по меньшей мѣрѣ, и все позднѣйшее является уже подогрѣтымъ блюдомъ. Ихъ преслѣдуютъ образы милыхъ Кларъ, Глэдисъ, маленькихъ Эмили, Беатрисъ, Розинъ и Люциндъ, ка-

ждая изъ которыхъ была ангеломъ десять лѣтъ тому назадъ, хотя они не узнали бы ее теперь при встрѣчѣ съ нею на улицѣ. Для женщины въ настоящемъ не остается такимъ образомъ ничего.

Пеппи откинулась головою на красно-желтыя подушки дивана и засмѣялась, показывая бѣлыя зубы.

— Съ мальчишками не стѣитъ имѣть дѣла, — они слишкомъ первобытны, да и не хочется портить ихъ будущность. Итакъ, вы понимаете, мой очаровательный помѣшанный другъ, почему вы и ваша дружба болѣе дороги для меня, чѣмъ я могу выразить словами. Когда вы уходите, я готова плакать; когда вы приходите, я способна танцовать...

Она заговорила почти вызывающимъ тономъ:

— И это — хорошее, чистое, свѣтлое чувство. Мы съ вами счастливы по-своему, не такъ ли? И оно можетъ оставаться такимъ, если только... — она взглянула сбоку на Доминика съ полу-юмористическимъ, полупатетическимъ выраженіемъ, — если только оно не сыграетъ съ нами штуку и не превратится во что-нибудь другое.

Она быстро поднялась.

— Я должна двигаться, должна что-нибудь дѣлать... Нѣтъ, сидите, милый другъ. Я люблю чѣмъ-нибудь заниматься при васъ; тогда мнѣ кажется, что вы не въ гостяхъ, что вы здѣсь — у себя.

Пеппи подбросила въ огонь дровъ, и пламя стало переливаться разноцвѣтными огоньками. Она поставила на рѣшетку камина свою ногу въ черномъ полковомъ ажурномъ чулкѣ и лакированной вязанной туфелькѣ. Отблескъ огня игралъ на ея блѣдномъ профилѣ и массѣ черныхъ волосъ, на кружевномъ жабо ея платья. Иглезіасъ сидѣлъ и ждалъ, покуда ей вздумается заговорить. Онъ уже привыкъ въ этимъ переменамъ въ ея настроеніи, и не всегда понималъ ихъ. Онъ и не стремился ихъ понять; въ немъ таилась смутная боязнь — познакомиться слишкомъ близко съ подробностями ея жизни. Это невѣдѣніе было безопаснѣе, и въ немъ заключалось своего рода утонченное очарованіе. По мѣрѣ того, какъ дружба ихъ крѣпла, они открывали другъ въ другѣ новыя особенности, какъ мореходы отерываютъ новыя страны.

Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того, какъ молчаніе затягивалось, Доминикъ чувствовалъ себя все грустнѣе и тревожнѣе въ надвигавшихся сумеркахъ. Онъ увидѣлъ съ облегченіемъ, какъ Пеппи откинула, наконецъ, волосы со лба рѣшительнымъ движеніемъ и опустила руки, словно отогнавъ вазойливую мысль. Въ глазахъ

ея еще было разсѣянное выраженіе, словно они глядѣли куда-то въ иной міръ.

— Ну, вотъ, что я за идиотка! Теряю время въ вашемъ присутствіи. Но духъ мой улеталъ въ другія сферы, и я не удерживала его именно потому, что вы—со мною, и я чувствовала, что я въ безопасности. Я навѣрное не вывожу васъ изъ себя?

— Навѣрное,—улыбнулся Доминикъ.

— Да благословить васъ Богъ. Въ такомъ случаѣ—все хорошо.

Пеппи утомленно опускалась на прежнее мѣсто.

— Я страшно устала. Я просидѣла половину ночи съ Каппадочіей—въ качествѣ воспріемницы,—простите за вторичное упоминаніе объ этомъ семейномъ событіи. Но, пожалуйста, не беспокойтесь. Не бѣда, что я устала. Милый другъ, я никогда не хвораю; я здорова, какъ лошадь. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Какія нынче злобы дня? Я какъ-то все забыла... Ахъ, да! Дирекція „Театра Двѣнадцатаго Вѣка“ дала главную роль въ новой пьесѣ Дотти Пэррисъ. Вамъ это все равно? Помилуйте, это—событіе въ театральномъ мірѣ! Мнѣ самой интересно видѣть ее въ драмѣ послѣ ея дебютовъ къ комедіи съ музыкою и на эстрадѣ. Теперь она будетъ называться: миссъ Чарлотта Кольтгерстъ. Конечно, тутъ сыграло роль покровительство, но вѣдь съ этимъ далеко не уѣдешь,—не такъ ли?

— Возможно. Но мнѣ такъ мало приходилось дѣлать наблюденій по этой части, что я вполне полагаюсь на ваше сужденіе.

Пеппи тихо засмѣялась, дружелюбно глядя на него.

— Вы сумѣли бы покровительствовать людямъ, еслибы судьба справедливо поставила васъ на ваше настоящее мѣсто, т.-е. на какой-нибудь свободный престолъ. Я такъ и вижу васъ на немъ—во всей вашей величавости и безупречности. Вы заняли бы его по праву и многихъ научили бы кое-чему хорошему. Но шутки въ сторону. Есть вопросъ, по которому я хотѣла бы знать ваше мнѣніе: что вы скажете объ этой войнѣ?

Повинуясь ея измѣнившемуся настроенію, Доминикъ отвѣтилъ откровенно:

— Мнѣ говорятъ, что я алармистъ. Хотѣлъ бы я оказаться имъ. Но причины общественнаго и спеціальнаго характера заставляютъ меня страшиться этой войны.

Утомленіе Пеппи исчезло. Она оживилась и сидѣла теперь, держа руки ладонь къ ладони между колѣнъ, наклонясь впередъ, какъ ребенокъ, когда онъ надъ чѣмъ-нибудь задумывается.

— Вы совершенно правы. Ненавижу это легкомысленное отношеніе: „Поѣзжайте сегодня, завтра ждемъ васъ обратно къ чаю, а потому не стоитъ прощаться“. Вамъ знакомъ этотъ идиотскій фатовской стиль? Это—не бравада. Англійскіе офицеры на нее неспособны, да и мозговъ у нихъ для этого не хватитъ, они—слишкомъ уравновѣшенный народъ. Они не маскируютъ свой страхъ, они дѣйствительно не боятся. Одинъ изъ моихъ друзей говоритъ то же, что и вы. Онъ—членъ палаты лордовъ, но вѣдь онъ не виноватъ въ этомъ, бѣдняга?—вставила она въ видѣ извиненія, метнувъ искоса взглядъ на м-ра Иглезіаса:— вы, кажется, встрѣтили его, уходя отъ меня?

— Я помню, что встрѣтилъ кого-то, — сказалъ Доминикъ надменно: онъ не желалъ ничего слышать.

Разговоръ былъ ему неприятенъ, хотя онъ не могъ бы сказать, почему? Но Пеппи вдругъ обуилъ духъ лукавства. Потирая руки, она начала болтать и смѣяться.

— Ну, конечно, вы со свойственнымъ вамъ величіемъ не обратили вниманіе на него, бѣднягу. Но онъ не былъ такъ надмененъ и обратилъ на васъ большое вниманіе. Вы произвели на него громадное впечатлѣніе, увѣряю васъ. Не сердитесь. Я говорю святую истину. Ему страшно хотѣлось узнать: кто вы? откуда? и черезъ кого мы познакомились? И ничего не могло быть пріятнѣе, какъ отвѣтить ему, что мы познакомились на скамьѣ въ „Wagner Commons“, да еще такой неудобной, безъ спинки, познакомились черезъ Каппадочію; что же касается вашего имени и адреса—я не имѣю о нихъ отдаленнаго понятія... Вы сердитесь? Не сердитесь!

— Я не сержусь,—отвѣтилъ м-ръ Иглезіасъ, утративъ свое обычное спокойствіе и отвѣчая почти рѣзко.

— Нѣтъ, вы сердитесь! Вы чуточку, крошечку меня ревнуете! Вы сами это знаете, и я ничуть объ этомъ не жалѣю. Напротивъ, я въ восторгѣ, такъ какъ это доказываетъ, что вы въ концѣ концовъ принадлежите къ породѣ смертныхъ и должны, подобно имъ, имѣть имя и мѣстожителство. Я не спрашиваю о нихъ, но какъ-то спокойнѣе знать, что они существуютъ. Это доказываетъ, что вы не спускаетесь разъ въ недѣлю прямо съ неба на Mortlake Road и не возноситеся туда обратно...

Доминикъ колебался. То, о чемъ онъ думалъ, трудно было передать на словахъ, но и умолчать о немъ—значило бы подвергнуть опасности ихъ дальнѣйшія отношенія.

— Простите мою откровенность, — сказалъ онъ, — но мнѣ

грустно, что вы считаете необходимымъ точно оправдываться въ чемъ-то передо мною...

— Ну?—тихо проговорила Пеппи.

— Это огорчаетъ и тревожитъ меня.

— Да?—прошентала Пеппи.

— Боюсь, что я—эгоистъ,—кרותво продолжалъ Иглезіасъ;—но вы были такъ добры и говорили мнѣ, что вы дорожите моею дружбой. Приходило ли вамъ въ голову, что я гораздо больше дорожу вашею дружбой? Для этого имѣются многія причины. Во-первыхъ, какимъ блескомъ вы ни окружены, но, будучи молоды и имѣя широкій кругъ знакомства, вы можете ждать большаго и смотрѣть впередъ съ надеждою и увѣренностью, между тѣмъ какъ я—одинъ въ цѣломъ мірѣ. За исключеніемъ стараго школьнаго товарища, у меня никого нѣтъ, кому бы не было все равно: живъ я или умеръ?

— Неужели?—тихо сказала Пеппи.

— Не истолковывайте моихъ словъ въ томъ смыслѣ, что я жалуюсь,—прибавилъ Иглезіасъ;—я не сомнѣваюсь въ томъ, что мои жизненныя условія—именно таковы, какими они должны быть, еслибы я понялъ ихъ сокровенный смыслъ и подчинился ему.

— Не знаю... Сомнѣваюсь!..—поспѣшно вставила Пеппи.

— Сомнѣваетесь, потому что вы молоды и находитесь въ стадіи измѣненія и развитія. За немногими исключеніями, покорность судьбѣ—не должна быть добродѣтелью въ молодости. Она зачастую прикрываетъ собою лѣнь и трусость. Но условія моей жизни не подлежатъ перемѣнѣ и развитію. Они—окончательны. Поэтому я долженъ принять ихъ съ покорностью. Трудъ моей жизни законченъ. Я не скажу, чтобы она была неудачна, такъ какъ я выполнилъ главную цѣль ея. Но въ ней не было ничего яркаго, блестящаго. Мое солнце зайдетъ въ туманѣ. Мое настоящее бѣдно содержаніемъ. Мое будущее—вѣроятно очень недолгое—ничего не общаетъ мнѣ. Поэтому ваша дружба имѣетъ для меня исключительно важное, преобладающее значеніе.

Иглезіасъ остановился; голосъ его былъ ясный, серьезный, проникнутый волненіемъ. Онъ не рѣшался взглянуть на Пеппи, такъ какъ открылъ въ себѣ неожиданную глубину чувства.

— И вотъ именно потому я по-дѣтски страшусь, я по-дѣтски избѣгаю самаго легкаго облачка, которое могло бы омрачить наши свѣтлыя отношенія. Тутъ нѣтъ ничего обиднаго для васъ, дорогой другъ.

— Нѣтъ,—сказала она,—тутъ нѣтъ обиды, напротивъ, тутъ

есть большая красота, но также — и страшная отвѣтственность!

Она сидѣла совсѣмъ тихо съ поднятою головою и сложенными на колѣняхъ руками.

— Я невѣрно оцѣнила положеніе. Я думаю только о себѣ, о томъ, какъ вы мнѣ нравитесь. Я обѣщала вамъ играть въ открытую, но это — уже не игра. Это захватило меня слишкомъ сильно. И я не знаю, да, я не знаю: оважусь ли я на высотѣ?..

Она страннымъ взглядомъ окинула Иглезіаса въ надвигающихся сумеркахъ.

— Милый незнакомецъ, даю вамъ слово, что я испугана, я — никогда и никого не боявшаяся. По-своему, я играла сердцами мужчинъ, какъ мячиками, за исключеніемъ того юноши — я говорила вамъ о немъ при первой нашей встрѣчѣ? — который подарилъ мнѣ шарфъ и которому родные запретили на мнѣ жениться. Но эта исторія съ вами — совсѣмъ не то. Она зашла такъ далеко, что влечетъ за собою нѣчто вроде полного перелома для меня: я должна со многими порвать, отъ многого отказаться.

Пеппи вскочила и принялась ходить по комнатѣ. Доминикъ также поднялся и стоялъ по другую сторону камина; въ немъ зародилось убѣжденіе, что наступилъ кризисъ, подвергающій опасности ту радость, которую давала имъ обоимъ ихъ дружба.

— Вы не понимаете? — пылко воскликнула Пеппи: — и слава Богу, что вы не понимаете! Это избавляетъ васъ отъ половины страданій. Я хочу васъ сохранить. Ваша дружба — лучшее, что было у меня въ жизни. И все же — я не знаю... Во мнѣ сидитъ не одна, а полдюжины женщинъ сразу, и всѣ онѣ тянутъ меня въ разныя стороны, и я не могу ручаться за себя... Я хочу сохранить васъ, я безумно этого хочу, и я отчаянно боюсь, что я не сумѣю оправдать ваши ожиданія. Цѣна — слишкомъ высока.

Пеппи неожиданно нажала пуговку электрическаго звонка, и въ отвѣтъ на продолжительный рѣзкій звонокъ вошла пожилая горничная, внесшая двѣ лампы подъ розовыми абажурами. Безшумно и ловко, какъ человекъ, не видящій и не слышащій того, что ей не полагается видѣть и слышать, она опустила шторы, помѣшала въ каминѣ и приготовила столикъ для чая.

И вмѣстѣ съ переменою обстановки — измѣнилась и Пеппи. Несмотря на свое скромное черное платье, она стала прежнею искусственною, фантастическою женщиною въ платьѣ цвѣта крутящейся по вѣтру пыли, носительницею вышитыхъ драконовъ, актрисою съ накрашенными губами: серьезность и твердость

покинули ее вмѣстѣ съ сумерками. Она безостановочно болтала, не обращая вниманія на возраженія и отвѣты.

— Ну-съ, вернемся къ повседневной жизни. Чашку чаю? Вы не присядете? Ну, какъ хотите! О чемъ мы говорили? Да, о войнѣ. Фаллоуфильдъ утверждаетъ, что плохое дѣло—сражаться съ народомъ фермеровъ и охотниковъ на ихъ собственной территории, гдѣ они знаютъ каждую пядь земли. Съ ними не справится ни нашъ простодушный солдатъ, ни воспитанный на парадахъ и рутинной дисциплинѣ офицеръ. Фаллоуфильдъ говоритъ, что трауръ поднимется въ цѣнѣ и въ южной Африкѣ вырастетъ рядъ могилъ...

Она остановилась, такъ какъ Доминикъ поставилъ на столъ нетронутою свою чашку. На душѣ у него было тяжело.

— Вы уходите?—спросила она.

— Да, отвѣтилъ онъ, — становится поздно. Кажется—мнѣ пора уходить.

— Можетъ быть.—Глаза Пеппи вдругъ сдѣлались непроницаемы. — Я пойду въ Каппадочію; ея капризы разогнали прислугу!—Она нагнулась и стала прибирать что-то на столѣ. — Прощайте!—проговорила она:—я не знаю, когда мы увидимся.

— Какъ?—спросилъ Иглезіасъ; у него сдавило горло, и ему трудно было говорить естественнымъ тономъ: — развѣ вы уѣзжаете?

— Да,—отвѣтила она.— Я уѣзжаю. Еще разъ—прощайте. Я васъ не задерживаю. Я уѣзжаю... Мнѣ кажется, что я уже уѣхала—навсегда!

Она откинула голову назадъ и рѣзко разсмѣялась.

На подъѣздѣ холодный порывъ вѣтра охватилъ Иглезіаса. Небо было черно-синее, ясное; дорога поблѣбла отъ изморози; газовые фонари ярко мигали въ холодномъ воздухѣ. Онъ поднялъ воротникъ пальто. Въ ту же минуту показался кабъ, изъ котораго поспѣшно выскочилъ молодой человѣкъ въ длинномъ пальто моториста. Онъ былъ высокъ, бѣлокуръ, красивъ, очень озабоченъ, и совершенно не обратилъ вниманія на Иглезіаса, хотя пробѣжалъ мимо него. Доминикъ отчетливо слышалъ, какъ онъ взбѣжалъ по ступенямъ, открылъ дверь своимъ ключомъ и съ шумомъ захлопнулъ ее за собою. Доминикъ похолодѣлъ и ощутилъ легкую слабость. Онъ не удостоилъ оглянуться, но онъ узналъ Аларика Баркинга и зналъ, въ чей домъ тотъ вошелъ.

— Пожалуйте, сэръ. Привезъ одного джентльмена и отвезу другого. Ночь холодная. Тороплюсь на ночлегъ. Отвезу васъ по дорогѣ.

Иглезіасъ покачалъ головою. Отъ лошади валилъ паръ,—очевидно, Аларикъ очень спѣшилъ,—но даже будь лошадь въ лучшемъ состояніи, Доминикъ не поѣхалъ бы въ этомъ экипажѣ. Онъ скорѣе предпочелъ бы вернуться домой гѣшкомъ.

Однако, на перекресткѣ, гдѣ кончаются виллы и начинаются дома и лавен, м-ръ Иглезіасъ почувствовалъ непонятную усталость; рѣзкій воздухъ затруднялъ его дыханіе, давилъ ему грудь. Онъ съ облегченіемъ увидѣлъ приближающійся омнибусъ и влѣзъ на имперіалъ. Тамъ никого не было, но вслѣдъ за нимъ поднялись туда и сѣли рядомъ съ нимъ прежніе непрошенные спутники: старость и одиночество. Во время длиннаго пути по предмѣстью, среди толчковъ омнибуса и шума вѣтра, они переговаривались между собою, насмѣхались надъ нимъ, и подъ разговоръ ихъ онъ слышалъ быстрые молодые шаги и стукъ затворяемой двери.

При приближеніи къ рѣкѣ холодъ сдѣлался невыносимымъ. Огни фонарей на мосту отражались въ рѣкѣ, разлившейся отъ осеннихъ дождей. Ихъ отраженія превращались для Иглезіаса въ огненныхъ сражающихся драконовъ, такихъ же, какіе были на восточномъ шарфѣ Пеппи Сентъ-Джонъ. Надъ Лондономъ стоялъ огненный столбъ, и гнѣвный голосъ чудовищнаго города, казалось, посылалъ вызовъ величавому спокойствію и торжественности вѣчныхъ звѣздъ.

ХІІ.

— Онъ говоритъ, что ничего серьезнаго нѣтъ, обыкновенная простуда. Онъ кланяется тебѣ и благодаритъ за любезное вниманіе; надѣется самъ зайти дня черезъ два.

Джорджъ Лѣвгровъ говорилъ все это женѣ, сидѣвшей въ парадномъ облаченіи на диванѣ. Былъ ея пріемный день.

— Я такъ и думала, что тутъ ничего серьезнаго нѣтъ, милый Джорджи. Простуды въ ноябрѣ—дѣло обычное, а мужчины—особенно холостяки—подвержены имъ еще потому, что не догадываются во-время пережѣнить лѣтнія жакеты и панталоны—на зимнія...

Тутъ Серена явственно зашуршала. Она стояла у окна, любуясь туманомъ; видъ былъ не особенно привлекательный, но она живо интересовалась разговоромъ, хотя повидимому не слушала его. Но слово „панталоны“ возмутило ее, и она зашуршала. Чтò за выраженія у Роды! Она могла бы... Но тутъ она снова стала прислушиваться къ словамъ Джорджа.

— А все-таки онъ не нравится мнѣ. Лицо его слишкомъ исхудало и вытянулось; такимъ онъ былъ, когда умерла его мать. Я попробовалъ пошутить надъ его наружностью, но онъ перебилъ разговоръ съ этимъ свойственнымъ ему аристократическимъ видомъ, который всегда производитъ впечатлѣніе.

— Онъ живетъ слишкомъ одиноко, это сказывается на людяхъ среднихъ лѣтъ, — мудро разсудила м-съ Лѣвгровъ; — мы должны пригласить его сюда, Джорджи, поухаживать за нимъ. Теперь, встати, и Серена здѣсь — онъ будетъ имѣть пріятное общество...

М-съ Лѣвгровъ лукаво подмигнула мужу, а фигура у овна снова зашуршала.

— Вѣдь вы можете намъ занимать м-ра Иглезіаса, Серена?

— Вы со мною говорите, Рода?

— Да, о приглашеніи сюда м-ра Иглезіаса.

— Конечно, вы съ Джорджемъ можете приглашать кого угодно, я со всѣми буду вѣжлива, хотя не могу общать большаго, такъ какъ м-ръ Иглезіасъ — не особенно пріятный человѣкъ.

Она снова погрузилась въ созерцаніе тумана.

Джорджъ наморщилъ лобъ, но жена успокоительно ему кивнула.

— Странно. М-ръ Иглезіасъ — умнѣйшій изъ друзей Джорджа, исключая нашего милаго виварія, и я думала, что вы съ удовольствіемъ съ нимъ говорите.

— Я не особенно разговорчива съ чужими людьми.

— Но вы не можете считать м-ра Иглезіаса чужимъ.

— Конечно, для меня онъ — чужой. Я видѣла его всего пять-шесть разъ, и, кажется, онъ всегда заходитъ въ мое отсутствіе. Это можетъ быть и простою случайностью, но я не стану скрывать, что не замѣчаю этого...

Серена выступила на середину комнаты и гордо выпрямилась. Эта демонстрація доставляла ей удовольствіе.

„Пусть Рода не воображаетъ, что я — пѣшка и меня можно передвигать куда ввдумается“.

Она сознавала себя смѣлою, опасною, и глаза ея заморгали. Шелестъ ея шоловыхъ юбокъ и рѣзкіе звуки голоса разбудили дремавшаго попугая и его зеленныя перья встопорчились.

— Душечка, сердце мое Полли! — пробормоталъ онъ соннымъ голосомъ и вдругъ заоралъ: — Эй, полисмэнъ, убійство! Пожаръ! Воры! Всѣ передрались!

Бѣдный Джорджъ растерянно переводилъ взоръ съ Серены на попугая, съ попугая — на жену.

— Вы меня поражаете, кузина! Я не подозрѣвалъ, что васъ могутъ обидѣть у меня въ домѣ! Я убѣжденъ, что Иглезіасъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія васъ обидѣть. Я отдалъ бы двадцать фунтовъ, лишь бы этого не было.

— Пожалуйста, не извиняйтесь, Джорджъ. У каждаго—свой вкусъ. Вы въ этомъ не виноваты.

— Я очень радъ, что вы признаете это, Серена,—сказалъ онъ смиренно.

— Конечно. Но мнѣ жаль, что я мѣшаю вашимъ друзьямъ бывать у васъ. Я не желаю сказать вамъ ничего непріятнаго, но общество, бывающее у васъ съ Родою,—не наше общество.

— Да, да!.. — смущенно закивалъ Джорджъ, опасаясь за „чувства своей жены“.

— Я бы не вернулась, еслибы Рода не настаивала на этомъ.

Тутъ попугай разразился такими воплями, что м-ссъ Лѣвгровъ, вся красная, обратилась къ мужу:

— Джорджи, милый, прикрой пожалуйста клятву платкомъ! Не твоимъ—онъ можетъ тебѣ понадобится,—а желтымъ фуляромъ, лежащимъ въ правомъ углу верхняго ящика моего рабочаго стола.

— Я думаю, для меня будетъ проще—поѣхать домой,—продолжала Серена, повышая голосъ, чтобы заглушить попугая и стукъ выдвигаемыхъ Джорджемъ ящиковъ. — Конечно, это неудобно. Сюзанна не ждетъ меня такъ скоро; она занята устройствомъ митинговъ на сѣверѣ, прислуга на время отпущена, мебель—подъ чехлами. Она рассчитывала, что я пробуду здѣсь до третьей недѣли декабря, а затѣмъ переѣду къ нашей кузинѣ, лэди Сэмюэльсонъ. Все это придется измѣнить. Лэди Сэмюэльсонъ будетъ обижена; я не знаю, какъ извиниться передъ нею? Но все-таки мнѣ лучше уѣхать. Я не хочу никому мѣшать. Мама не допускала ничего подобнаго. Я была такъ воспитана, что мнѣ не приходило въ голову, принимая приглашеніе Роды...

— Миссъ Гартъ!—выкрикнула вся красная отъ натуги горничная.

М-ссъ Лѣвгровъ радостно подскочила. Обыкновенно присутствіе Элизы коробило ее, но тутъ оно являлось избавленіемъ, и потому привѣтствіе ея было самое сердечное. Гостья была въ очень оживленномъ настроеніи. На ней была красная фланелевая, густо уфѣянная чернымъ горошкомъ, блузка, чѣмъ въ соединеніи съ гераніями на шляпкѣ, веснушками на лицѣ и рѣжеватыми волосами—составляло не особенно гармоничную гамму цвѣтовъ, но м-ссъ Лѣвгровъ отнеслась безразлично къ этому факту.

— Добрый день! — проговорила миссъ Гартъ театральнымъ попотомъ, смотря въ сторону Серены, все еще стоявшей выпрямившись, со свербающими глазами. — Пожалуйста, не безповойтесь. Я не хочу мѣшать. Мы еще успѣемъ поговорить. Я посижу и послушаю.

— Что послушаете? — воскликнула Серена, едва выговаривая слова отъ негодованія.

— Вашу декламацию. Наши джентльмены часто доставляютъ намъ послѣ обѣда это удовольствіе, миссъ Лѣвгровъ. Я обожаю декламацию. Въ особенности — комическій репертуаръ.

— Мнѣ и въ голову не приходило декламировать! — воскликнула Серена раздраженно.

— Въ самомъ дѣлѣ? Очень жаль! Это такое пріятное занятіе, миссъ Лѣвгровъ, не такъ ли? Снимая жакетку въ передней, я была увѣрена, что ваша кухня даетъ вамъ маленькое представленіе въ этомъ родѣ, м-ръ Лѣвгровъ. У нея были такія выразительныя повышенія и пониженія голоса.

Еслибы взоры могли убивать — Элиза Гартъ осталась бы на мѣстѣ! Серена, подъ влияніемъ воображаемыхъ обидъ, пришла въ настоящее бѣшенство. „Декламация? Очевидно, она знала, что это — не декламация! Неужели Джорджъ до того низко палъ, что можетъ выносить подобную обиду? Родѣ я не удивляюсь, она никогда не отличалась вкусомъ. Я думаю, мнѣ слѣдуетъ пойти въ мою комнату. Я выражу этимъ мое неудовольствіе. Но, можетъ быть, она именно желаетъ, чтобы я ушла? Лучше остаться. Пусть она видитъ, что я на сторожѣ“.

Серена, шурша, снова подошла къ овну и погрузилась въ созерцаніе тумана.

Миссъ Гартъ съ видомъ побѣдительницы заняла мѣсто на диванѣ. — Какъ здоровье м-ссъ Парчеръ? Покуда, къ счастью, хорошо, но она такъ самоотверженна, такъ добра, что это превращается уже въ недостатокъ. Хорошо, если люди умѣютъ это цѣнить. Она отказывается — повѣрять ли? — даже выходить изъ дому. Она рискуетъ собственнымъ здоровьемъ.

— Люди не всегда цѣнятъ доброту, — задумчиво замѣтила м-ссъ Лѣвгровъ.

— Вотъ именно! — съ жаромъ подхватила Элиза: — и никто такъ много не выстрадалъ отъ этого, какъ мой другъ м-ссъ Парчеръ! Вспомните ея жизнь въ замужествѣ! А теперь: „Нѣтъ, Луиза, милая, я не могу выходить изъ дому, покуда кто-нибудь изъ нашихъ джентльменовъ боленъ. Я знаю, какія обязанности лежатъ на мнѣ въ качествѣ хозяйки Кедроваго коттеджа“. Не правда ли, это прямо трогательно?

Она обвела общество взглядомъ, требовавшимъ сочувствія. Джорджъ что-то промывчалъ, а жена его замѣтила, что м-ссъ Парчеръ—женщина съ сердцемъ.

Серена пошевелинулась и зашелестѣла.

„Что хочетъ Рода этимъ сказать? Странное замѣчаніе! Ужъ не лукавить ли она со мною? Хорошо, что я осталась. Джорджъ, конечно, искренень. Мнѣ жаль Джорджа“.

Миссъ Гартъ продолжала:

— Надѣюсь, что доброта ея будетъ оцѣнена. Она не жаждетъ ни времени, ни денегъ. Еслибы вы видѣли счетъ поставщиковъ! Дичь, зелень, рыба, фрукты — все перваго сорта. Положимъ, маленькая птичка кое-что шепнула мнѣ...—тутъ миссъ Элиза приняла лукавый видъ,—но все же существа вашего пола такъ коварны, м-ръ Лѣвгровъ! Нелегко бываетъ узнать ихъ истинныя чувства, въ особенности—когда рѣчь идетъ... вы знаете—о комъ, м-ръ Лѣвгровъ?

Серена насторожила уши. Хорошо она сдѣлала, что осталась.

— М-ръ Иглезіасъ чрезвычайно деликатень, миссъ Гартъ,— замѣтилъ Джорджъ;—онъ очень цѣнитъ доброту м-ссъ Парчеръ, но, разумѣется, ему неприятно причинять ей неудобства.

— И притомъ положеніе холостяка—такое щекотливое, въ особенности—во время болѣзни, — вставила м-ссъ Лѣвгровъ:—ему неудобно жить въ комнатахъ, даже—въ такомъ прекрасномъ домѣ, какъ Кедровый коттеджъ. То ли дѣло своя собственная семья...

Элиза собралась съ силами для рѣшительнаго удара.

— Этого нельзя отрицать, м-ссъ Лѣвгровъ. Я и сама не разъ объ этомъ думала съ тѣхъ поръ, какъ извѣстный намъ джентльменъ прекратилъ занятія въ Сити. Конечно, говорить объ этомъ преждевременно, но все же когда мы съ вами заинтересованныя стороны—нѣтъ большой бѣды въ томъ, чтобы обмѣняться словомъ-другимъ и узнать, какъ обстоитъ дѣло? Положимъ, лично для меня это было бы ужасно... Я не знаю, какъ бы я перенесла разлуку съ Пыпечкой, но ради ея счастья я готова...

— Миссъ Гартъ! — воскликнулъ Джорджъ, у котораго волосы встали дыбомъ:—миссъ Гартъ, вы поражаете меня, вы...

— Докторъ Невингтонъ! — доложила горничная, и черезъ мигъ голосъ викарія и присутствіе викарія — наполнили собою всю гостиную. Серена благосклонно присоединилась къ обществу. Элиза Гартъ вскорѣ простилась, и Серена съ королевскимъ величіемъ отвѣтила на ея поклонъ.

Вечеромъ она, оставшись наединѣ съ Джорджемъ, сказала ему благосклонно:

— Надѣюсь, Джорджъ, вы забудете эту маленькую неприятность? Я не злопамятна, но сознаю, мнѣ показалось, что Рода не такъ, какъ бы слѣдовало, отнеслась ко мнѣ. Но, можетъ быть, я ошиблась? Я готова такъ думать и остаться до декабря, куда не вернется наша кузина, лэди Сэмюэльсонъ. Разумѣется, это будетъ удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, но я думаю не о себѣ, а лишь о васъ съ Родою. Если вы думаете, что я могу быть вамъ полезна во время посѣщеній м-ра Иглезіаса, я готова погостить у васъ, хотя и не легко схожусь съ посторонними людьми. Мама слѣдила за тѣмъ, чтобы мы были очень разборчивы на знакомства. Но я хочу сдѣлать вамъ пріятное.

— Вы очень добры, Серена, — сказали добрякъ, который — къ худшему или къ лучшему — былъ дѣйствительно въ этомъ увѣренъ.

ХІІІ.

Восточный вѣтеръ уныло завывалъ за окномъ спальни, и старый кедръ стоналъ.

Эти звуки достигали до слуха Доминика, грустно и одиноко сидѣвшаго у камина. Онъ пробылъ дома цѣлую недѣлю. Двери въ гостиную были отворены. Онъ чувствовалъ большую слабость и упадокъ духа; всякое усиліе было ему тяжело, не хотѣлось шевелиться. Хотя онъ не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, но былъ всегда подвиженъ и бодръ, и невозможность выйти изъ дому была для него новымъ испытаніемъ. Десять дней тому назадъ, его продуло на мосту, но все, вѣроятно, кончилось бы легкимъ нездоровьемъ, еслибы этому не предшествовало нравственное потрясеніе. Можетъ ли духъ исцѣлить плоть, это — вопросъ, но то, что духъ способенъ предрасположить плоть къ заболѣванію, это — вѣдь сомнѣнія. Фактъ оставался на лицо: дама въ платьѣ цвѣта крутящейся по вѣтру пыли — дала ему отставку. Изъ жизни его исчезла радость, предметъ интереса и думъ. Сердце его горевало о живомъ существѣ, оставившемъ послѣ себя пустоту — горшю, чѣмъ смерть. И все это случилось при обстоятельствахъ, отравившихъ самую воспоминанія. Исчезла поэзія, и онъ остался плѣнникомъ въ тюрьмѣ повседневной, грубой, матеріальной жизни. Доминикъ потерялъ изъ виду горизонтъ, озаренный лучомъ божественнаго свѣта.

Въ этотъ вечеръ онъ достигъ крайней точки разочарованія

и отчаянія. Онъ откинулся на спинку кресла; его тонкія руки покоились на ручкахъ, и непрошенныя слезы вдругъ затемнили все окружающее.

— Ничего не осталось! — произнесъ онъ полугромко. — Ничего! Если такова старость, — воистину тѣ, кого любятъ боги — умираютъ молодыми.

Съ минуту онъ прислушивался къ свисту вѣтра и шлепанью туфель Декурси-Смита наверху. И этотъ неудачникъ — счастливецъ его: у него есть честолюбіе, есть работа, онъ мечтаетъ о лаврахъ и рукоплесканіяхъ. А онъ — Доминикъ — не годится даже на пущечное мясо. Опасность — и та проходитъ мимо него.

Онъ плакалъ съ опущенною на грудь головою, повуда презрѣніе къ собственной слабости не осушило его слезъ. Онъ отеръ ихъ и выпрямился. Одновременно съ тѣлеснымъ зрѣніемъ прояснился и его духовный взоръ. Доминикъ оглядѣлся, словно ища помощи.

Глаза его остановились на рѣзной дубовой, вставленной въ рамку чернаго дерева, павели, знакомой ему съ дѣтства. Она всегда висѣла надъ кроватью его матери, и въ далекіе года, когда у матери его еще доставало духу открыто молиться — она подолгу проставала передъ нею на колѣняхъ. Просыпаясь по ночамъ — во время отсутствія отца онъ постоянно спалъ въ ея комнатѣ, — Доминикъ часто видѣлъ ея стройную колѣнопреклоненную фигуру, ея поднятыя съ мольбою руки. Уже и тогда картина говорила его дѣтскому сознанію о чемъ-то высшемъ, и онъ спокойно засыпалъ подъ ея охраною.

Впослѣдствіи это чувство исчезло, и онъ сталъ цѣнить картину исключительно съ эстетической точки зрѣнія, дорожа ею, какъ драгоценнѣйшею семейною реликвіею. Но теперь, видя ее въ блѣдномъ свѣтѣ лондонскихъ сумерекъ, при которомъ отчетливо выступали всѣ ея детали, онъ ощутилъ нѣчто похожее на прежнее благоговѣніе. Картина ожила передъ нимъ во всемъ своемъ значеніи; она говорила ему языкомъ, вновь ставшимъ понятнымъ для души.

Три высокихъ узкихъ креста поднимались къ безоблачному небу. Внизу видѣлась толпа людей, мужчинъ и женщинъ, одни — въ смутныхъ, другіе — въ ясныхъ очертаніяхъ, но всѣ — съ суровыми, энергическими лицами. Нѣсколько человекъ поддерживало за четыре конца полотняную пелену, на которой покоилось тѣло человека во цвѣтѣ лѣтъ, съ сильнымъ, но стройнымъ тѣломъ. Его гордая голова была опущена на грудь, черты — строго прекрасны, онъ казался непобѣжденнымъ и въ смерти, но торжествующимъ надъ нею побѣду.

Это произведеніе испанской школы, изображавшее послѣдній актъ божественной трагедіи, говорило скорѣе уму, чѣмъ чувству; оно взывало къ мужеству и волѣ, къ побѣдѣ надъ собою. Но теперь Иглесіасъ думалъ о великомъ событіи, на немъ изображенномъ, не только какъ о чемъ-то отвлеченномъ, сыгравшемъ громадную роль въ исторіи человѣческаго развитія за послѣдніи двѣ тысячи лѣтъ, но какъ о воплощеніи абсолютнаго начала, того, что было, есть и будетъ, и, слѣдовательно, имѣетъ непосредственную близость къ нему самому. Это пробужденіе духа вѣры, когда темная бездна, отдѣляющая человѣка отъ Бога, исчезаетъ,—было ново для Доминика. Онъ давно искалъ связи между внѣшнею и внутреннею жизнью, но до сихъ поръ онъ возлагалъ свои упованія на людей, и его упованія рушились. А здѣсь, рядомъ съ нимъ, ожидая его прозрѣнія,—былъ Господь. Прекрасна любовь между людьми, но еще прекраснѣе любовь къ Богу—безконечная и нерушимая.

Восточный вѣтеръ продолжалъ потрясать окна, жалобно стоналъ изгнанникъ кедръ, крипло звучали голоса мальчишекъ-газетчиковъ, выкрикивавшихъ свои злобѣщія извѣстія, и сумерки сгущались. Но для Доминика Иглесіаса все это утратило значеніе. Ослѣпленный, пораженный величіемъ своего откровенія, онъ продолжалъ глядѣть на рѣзную священную картину, и за нею его радостному взору рисовался далекій горизонтъ, озаренный божественнымъ нерукотвореннымъ свѣтомъ.

XIV.

Черная недѣля кончилась, но позоръ ея гнетомъ лежалъ на столицѣ. Три страшныхъ пораженія въ теченіе одной недѣли—Стормбергъ, Магерсфонтэнъ и наконецъ—Колензо. Приходилось считаться съ этими фактами: съ неспособностью, ошибками и безцѣльными единичными подвигами личной храбрости. Европа посмѣивалась и рѣшала, что съ англичанами не стоитъ серьезно считаться.

Англичане—нація индивидуалистовъ, ихъ патріотизмъ—скорѣе пассивный, но цѣлый рядъ тяжелыхъ неудачъ, превращающихся въ общественное бѣдствіе, повліялъ на нихъ угнетающимъ образомъ. Въ Лондонѣ жизнь словно затихла, притаилась, незнакомые люди при встрѣчахъ тревожно глядѣли другъ другу въ глаза. Церкви были переполнены, театры пустовали.

Было открытіе „Театра Двѣнадцатаго Вѣка“; зрительный

заль сверкала царственнымъ пурпуромъ, золотомъ и позолотою. Пеппи занимала крайнее кресло въ первомъ ряду на балконѣ; перегородка отдѣляла его съ правой стороны отъ ложъ, и Пеппи отчасти потому избрала это мѣсто, что отсюда была превосходно видна сцена, особенно — въ тѣхъ актахъ, въ которыхъ должна была играть пріятельница Пеппи, Дотти Пэррисъ. Пеппи пріѣхала одна; ей хотѣлось провести вечеръ спокойно, безъ обязательныхъ разговоровъ и напряженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей нужно было занять чѣмъ-нибудь свой умъ для того, чтобы отгонять непрошенныя мысли. Это именно давалъ ей театръ; онъ давно уже пересталъ утомлять ее, она знала его съ той и съ другой стороны рампы—и любила. Пеппи была вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ и остроумнымъ критикомъ, въ театрѣ она чувствовала себя какъ дома,—каковъ бы ни былъ этотъ домъ.

Пеппи куталась въ длинное черное бархатное манто, роскошно вышитое и опушенное мѣхомъ, приятно ласкавшимъ ее обнаженную шею; она устала, и ее знобило. Позднѣе она могла показать публикѣ свой туалетъ, теперь еще не стоило. Первая пьеса—„*lever du rideau*“—кончилась, но театръ еще не наполнился; ради Дотти она желала, чтобы онъ былъ полонъ. За послѣдній мѣсяць Пеппи, говоря ея собственными словами, „шла ускореннымъ тѣмпомъ“; она веселилась, читала веселыя, порою даже классическія въ этомъ смыслѣ, хотя и непригодныя для пансіона молодыхъ дѣвицъ книги. Ее во всемъ преслѣдовала удача, начинавшая даже пугать ее: она выигрывала на биржѣ, на скачкахъ, за картами; все, къ чему она ни прикасалась, обращалось въ золото. Никогда не была она болѣе смѣлою и дерзкою въ своихъ словахъ и поступкахъ. Никогда она такъ не забавляла общество — почти исключительно мужское — своими дерзкими выходками, заставляя слушателей забывать о нашихъ неудачахъ на войнѣ. Огонь въ темной комнатѣ кажется особенно яркимъ, и Пеппи въ это злополучное время была для своихъ поклонниковъ именно такимъ колеблющимся, шаловливымъ огонькомъ, подзадоривающимъ и ошеломляющимъ, подбивающимъ на безумныя дѣла, огонькомъ, около котораго больно обжигались многие, надѣявшіеся у него погрѣться.

Но теперь она устала, это перестало забавлять ее, и какъ нарочно ей припоминались мрачные эпизоды ея разнообразной карьеры. Она громко зѣвнула, положивъ бинокль и программу на барьеръ, и плотнѣе завернулась въ манто.

„Первый актъ—тоска,—говорила себѣ Пеппи;—не поѣхать

ли мнѣ домой—выспаться? Забвенія всего—хорошаго и дурнаго— вотъ чего бы мнѣ хотѣлось! Забвенія съ большой буквы З”.

Оркестръ смолкъ, огни погасли, занавѣсь поднялся.

Со сцены пахнуло струею холоднаго воздуха и присушею всѣмъ театрамъ непередаваемою смѣсью запаховъ—газа, краски, холста, дерева, клея, людскихъ тѣлъ и сырости, исходящей изъ мѣстъ, куда солнце никогда не заглядываетъ. Пеппи улыбнулась, вдыхая его. Запахъ театра—то же для актера, что запахъ моря— для моряка, запахъ матери-земли—для крестьянина, благоуханіе ладана—для священнослужителя. Кто сдѣлался актеромъ, тотъ останется имъ навсегда.

„Напрасно я ушла со сцены, — думала Пеппи; — я была бы теперь премьершей и получала бы сорокъ фунтовъ въ недѣлю. Тяжело мнѣ было уйти, отказаться отъ нея, и еслибы не этотъ негодяй, безжалостно меня эксплуатировавшій, я и теперь была бы актрисою. Непризнанный гений! Онъ презиралъ меня, считалъ меня безконечно ниже его и заставлялъ меня ему служить“ ...

Пеппи смотрѣла на сцену, но ничего не видѣла: передъ нею проходили тяжелыя воспоминанія.

„Интересно, что съ нимъ? Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ не является за подачкой. Не нашелъ ли онъ себѣ другую жертву? Кажется, ему приходилось околѣвать съ голоду? А что если онъ и въ самомъ дѣлѣ умеръ съ голоду?“

Тоска и отвращеніе охватили ее, но она овладѣла собою.

„Туда ему и дорога! Если какой-нибудь человѣкъ заслуживалъ смерти, то это именно онъ: лѣнивый, тщеславный, трусливый шакалъ въ образѣ человѣка! Какое мнѣ дѣло до него? Только потому что я устала, — мысли о немъ лѣзутъ мнѣ въ голову...“

Пеппи снова зѣвнула и продолжала глядѣть на сцену, не понимая, что тамъ говорилось; она облокотилась обѣими руками на барьеръ.

„Я страшно устала. И все же это ужасно... Но еслибы пришлось начинать сначала, я и теперь поступила бы точно такъ же. Онъ—всему виною. Изъ-за него я стала такою, какова я теперь. Такъ пусть же онъ оставитъ меня въ покоѣ! Онъ не далъ мнѣ ни ребенка, ни семейнаго очага. Пусть его умираетъ съ голоду“ ...

Она вдругъ выпрямилась въ своемъ креслѣ; выраженіе лица ея измѣнилось.

„А, вотъ и Дотти! Какой горячій пріемъ! Очень рада за нее. Bravo, Дотти!“

Она стала аплодировать, усталость ея была забыта, и въ слѣдующія десять минутъ она уже ничего не видѣла, кромѣ пьесы.

По окончаніи акта, Дотти Пэррисъ вызвали, хотя публика была унылая и мрачно настроенная. И Пеппи Сентъ-Джонъ, среди многихъ недостатковъ которой отсутствовали мелочность и зависть,—даже привстала съ мѣста, съ увлеченіемъ аплодируя дебютантѣ. Она сбросила манто, обнаруживъ поразительный туалетъ. На ней было ало-красное, изъ нѣжнаго mousseline de soie, смѣло облегавшее ея фигуру, одноцвѣтное платье съ длиннымъ треномъ, заканчивавшимся пышнымъ рюшемъ и кокилье. Въ волосахъ ея сверкала черная съ брилліантами эгретка; корсажъ, вырѣзанный въ видѣ буквы V сзади и спереди, открывалъ ея шею. Кожа ея, нѣсколько желтоватая днемъ, принимала нѣжный оттѣнокъ слоновой кости по вечерамъ. Случайно или умышленно она не подрумянилась сегодня, и ровная блѣдность ея лица оттѣняла ея громадныя глаза, сіявшіе теперь симпатіей и восторгомъ. Въ Пеппи сильнѣе всего сказывалась артистка. Ею снова овладѣло обаяніе артистической жизни; тѣневныя стороны сцены—недостойное соперничество, мелкіе подвохи, интриги, свука репетицій, разочарованіе—были забыты.

Замѣтивъ, что она сама и яркій туалетъ ея привлекаютъ большее вниманіе, нежели это было ей желательно въ день отдыха, Пеппи небрежно опустила на свое мѣсто и, взявъ бинокль, принялась разсматривать публику.

Прежде всего она замѣтила во второмъ ряду кресель Бобби Сэвилля, котораго легко было узнать по его круглой темной головѣ и широкимъ плечамъ. Сэвилль не былъ добродѣтельнымъ молодымъ человѣкомъ, но Пеппи чувствовала къ нему симпатію за его вѣрность Дотти. Онъ слѣдовалъ за нею съ чисто собачьей нѣжностью отъ концертной эстрады до комической оперы и, наконецъ,—до настоящей драмы.

А Дотти, оставаясь неуязвимой, потѣшалась надъ своимъ аристократическимъ тяжеловѣснымъ поклонникомъ, хотя у него были самыя честныя намѣренія. Лѣтъ черезъ двадцать, когда онъ будетъ перомъ Англій, а она надоѣстъ публикѣ, она, можетъ быть, надѣнетъ на себя брачное ярмо. Покуда же съ нея достаточно одного искусства.

Черезъ два дня Бобби долженъ былъ отправиться въ дѣйствующую армію, съ тѣмъ, чтобы представить собою видную цѣль для бурскихъ пуль, и теперь онъ прощался съ предметомъ своей страсти, а пріатели, его окружавшіе, собирались его провожать.

Пеппи узнала въ ложахъ многихъ мужчинъ и женщинъ, портреты которыхъ были извѣстны публикѣ по иллюстрированнымъ журналамъ, но ее они не интересовали. Она обратила вниманіе на полную симпатичную даму среднихъ лѣтъ съ сѣдѣющими волосами, очень кроткимъ и чистымъ выраженіемъ лица. Рядомъ съ нею сидѣла, вся въ бѣломъ, молоденькая дѣвушка, плѣнявшая своею свѣжей красотой и выраженіемъ полуробкаго, полу-счастливаго ожиданія на миломъ личикѣ. Позади нихъ виднѣлся красивый, статный, добродушный лордъ Фаллоуфильдъ, и Пеппи догадалась, что это были его сестра и племянница. Видно было, что всѣ они очень привязаны другъ къ другу, и Пеппи смотрѣла на нихъ съ симпатіей.

Она продолжала обводить взоромъ ряды кресель, но вдругъ рука ея съ биноклемъ опустилась. Въ четвертомъ ряду у прохода сидѣлъ мужчина. Пеппи видѣла лишь плечо его, такъ какъ онъ повернулся къ своей сосѣдкѣ — элегантною особѣ неопредѣленныхъ лѣтъ въ пышномъ черномъ платьѣ. Рядомъ съ нею сидѣлъ также принимавшій участіе въ разговорѣ господинъ съ такою комической наружностью, что Пеппи навѣрное бы разсмѣялась, еслибы глаза ея не обратились вновь на заинтересовавшаго ее господина у прохода, растревожившаго ея воображеніе и память.

„Кто это такой?—говорила себѣ Пеппи.—Вѣдь я знаю его!“

Разговоръ прекратился. Господинъ обернулся, и Пеппи едва не вскрикнула, узнавъ Доминика Иглезіаса, впившагося глазами въ ея лицо. Она не знала, узналъ онъ ее или нѣтъ, и не хотѣла покуда этого знать. Ей нужно было придти въ себя; эта неожиданность поразила ее болѣе, чѣмъ она могла бы думать. Не безъ улыбки надъ собою она вспомнила, что ранѣе она почти не могла представить его себѣ обыкновеннымъ смертнымъ, который пьетъ, ѣстъ и ходитъ въ театръ, какъ всѣ люди. Поэтому присутствіе его въ театрѣ ей не понравилось. Безъ сомнѣнія, это было съ ея стороны безразсудно и нелѣпо, но его присутствіе здѣсь показалось ей въ извѣстной степени неподходящимъ, унижительнымъ для него. Пеппи разозлилась.

„Чего же мнѣ жалъ въ концѣ концовъ? Почему это я не то разочарована, не то раскаяваюсь? Онъ ли оказался не лучше другихъ людей, я ли не хуже ихъ? И чѣмъ я возмущаюсь: тѣмъ ли, что онъ — не таковой святой, какимъ я себѣ его воображала, или тѣмъ, что я — не такая грѣшница, какою я представлялась въ собственныхъ глазахъ?“

Она продолжала смотрѣть на Доминика. Высокій, тонкій,

безукоризненно одѣтый, онъ выдѣлялся, однако, среди толпы и не походилъ на другихъ; въ немъ смутно чувствовалась иная раса.

Инстинктивно взоръ Пеппи обратился на добродушное лицо свѣтскаго баловня, лорда Фаллоуфильда. Съ этимъ человѣкомъ стоишь по крайней мѣрѣ на твердой почвѣ и знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

Но и тутъ ее ожидалъ ударъ. Въ ложу вошелъ человѣкъ, котораго, очевидно, ждали и радостно привѣтствовали; онъ стоялъ за кресломъ полной дамы: это былъ тотъ, кого такъ радостно ожидала дѣвушка въ бѣломъ, — Аларикъ Баркингъ.

Для сильныхъ натуръ въ чувствѣ увѣренности есть нѣчто возбуждающее, даже если это — увѣренность въ катастрофѣ. Пеппи только вздрогнула и стиснула зубы, но затѣмъ она вся подобралась, какъ кровный воинъ передъ препятствіемъ.

„Ну-съ, хорошо, что дѣло выяснилось. Все равно я узнала бы — рано или поздно. Вотъ почему онъ былъ все это время такой растерянный: совѣсть у него была нечиста! Плохо ему приходилось — бѣднягъ“.

Пеппи задумалась.

„А все таки это сюрпризъ и пренепріятный“.

Она глубоко перевела духъ. „Ничего! Серьезнаго поврежденія нѣтъ. — Пеппи, душа моя, у тебя, должно быть, нервы локомотива: вѣдь это — какъ ни какъ — чистая отставка и перемѣна жизни. Сама судьба толкаетъ тебя на сцену“.

Нѣкоторое время она сидѣла неподвижно, смотря на сцену и напряженно думая. Будущее ея самой и другихъ людей — лежало на вѣсахъ, и она не могла рѣшить: какая чаша перетянетъ? Она снова принялась глядѣть на Доминика, который со свойственною ему изысканно-старомодной вѣжливостью старался занимать разговоромъ своихъ странно подобранныхъ сосѣдей. Пеппи казалось, что это съ трудомъ ему удается, и она ничуть о томъ не сожалѣла. Этотъ увядшій образецъ средней женской элегантности надождалъ ей, и въ ней таилась лукавая надежда, что онъ надождалъ и м-ру Иглесіасу.

Наконецъ, съ мужествомъ озлобленія она перевела глаза на ложу.

„Маленькая бѣдняжка, — подумала она, смягчаясь при видѣ дѣвушки, — такъ это твой земной рай? Боюсь, что въ немъ окажется не мало дикихъ травъ, — въ твоемъ эдемѣ. Вопросъ, однако, въ томъ: намѣреваюсь ли я отступить отъ моихъ правъ на эту субственность и передать ее тебѣ во владѣніе, моя миленькая

крошка? Она — моя и останется моею, если только я пожелаю вступить за нее въ борьбу“.

Но куда она разсуждала съ собою, дѣвушка въ бѣломъ и остальная публика вдругъ потускнѣли, и ихъ стало трудно различать. Гулъ разговоровъ и оркестръ смолкли. Огни въ залѣ погасли — занавѣсъ поднялся для второго акта.

Въ половинѣ дѣйствія Пеппи Сентъ-Джонъ встала, перекинула черезъ руку мантию и, неслышно проскользнувъ мимо сосѣднихъ креселъ, поднялась по ступенямъ къ дверямъ, ведущимъ въ кулуаръ. Ея движенія, хотя старательно тихія, привлекли, благодаря яркому цвѣту ея туалета, вниманіе многихъ и послужили поводомъ къ перешептыванію.

Сосѣдка Доминика не только проводила ее взглядомъ, полнымъ осужденія и любопытства, но и указала на нее своимъ кавалеромъ.

Новый театръ принадлежитъ къ типу трансатлантическихъ предпріятій, похвальная и безкорыстная цѣль которыхъ — доказать Старому Свѣту, „какъ у насъ дѣлаются такія вещи“. Зданіе построено и отдѣлано на широкую ногу. Кулуары просторны, величественны, стѣны ихъ выложены блѣднымъ полированнымъ мраморомъ, въ пилястры съ позолоченною капителью вставлены громадные зеркала. Лѣпные потолки усѣяны хрустальными электрическими розетками. Гамма всѣхъ красныхъ цвѣтовъ — отъ пурпура до нѣжно-тѣлеснаго — составляла гармоническую рамку для туалета Пеппи, когда та остановила одну изъ нарядныхъ убрѣзъ въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ передникахъ, и заговорила съ нею.

— Вы поняли? Четвертый рядъ слѣва у прохода. Скажите ему, что дама очень желаетъ съ нимъ поговорить въ антрактѣ. Затѣмъ приведите его сюда.

— Понимаю, сударыня, — отвѣтила молодая особа, почувывая приключеніе.

Пеппи прошла къ одному изъ широкихъ дивановъ и опустилась на него.

Тутъ снова она почувствовала, какъ она устала. Къ прежней усталости присоединилось новое утомленіе, — но уже не раздраженнаго, а болѣе грустнаго характера.

„Я чувствую себя совершенно разбитой. Впрочемъ, я дѣйствительно разбита. Мнѣ хотѣлось бы заснуть. Боже, Боже, до чего мнѣ хочется заснуть!“

Мысли ея сдѣлались смутными, неопредѣленными, хотя она не спала. Проходившая публика съ любопытствомъ поглядывала

на блестящую фигуру и непроницаемые глаза на мертвенно-блѣдномъ лицѣ.

Франтоватая уврѣза, побуждаемая чувствомъ жалости, нѣсколько разъ предлагала ей освѣжиться чашкою подозрительнаго кофе или лимонада, и Пеппи, приходя въ себя, съ улыбкою отказывалась отъ этихъ ужасныхъ лакомствъ. Затѣмъ она снова погружалась въ полусознаніе и—ждала, ждала...

— Вотъ конецъ акта, сударыня, — сказала уврѣза.

— Хорошо. Пожалуйста, идите сейчасъ же и приведите этого господина. Скажите, что я спѣшу домой.

Стеклянные двери открывались и захлопывались, впуская гулъ зрительнаго зала и толпу мужчинъ. Видъ толпы былъ противенъ разстроеннымъ нервамъ Пеппи и ея повышенной чувствительности. Онъ напоминалъ ей шествіе гигантскихъ черныхъ лангустъ—съ крѣпкими челюстями, красными лицами, бѣлыми жилетами, которыхъ сгоняетъ сюда общій голодъ, кровожадный и ненасытный. Изъ глубины ея женской натуры поднималась ненависть противъ этой толпы мужчинъ, въ которыхъ она видѣла наглое торжество животнаго начала. Въ ней пробуждалась въковая вражда половъ, затемнявшая разумъ и справедливость. Чѣмъ питаются эти лангусты?—спрашивала она себя, —не душою ли и тѣломъ женщины, и зачастую оставляютъ за собою на мѣстѣ цвѣтущаго сада—пустыню?

Но изъ средины черныхъ людей выдѣлилась стройная фигура уврѣзы, а затѣмъ Пеппи увидѣла передъ собою Доминика Иглеваса.

XV.

— Вы послали за мною, и я пришелъ, — сказалъ онъ, такъ какъ Пеппи Сентъ-Джонъ, всегда такая разговорчивая, теперь, повидимому, не находила словъ.

Съ той минуты, какъ Доминикъ замѣтилъ ее въ театрѣ, она предстала ему въ новомъ свѣтѣ. Изъ всѣхъ Пеппи, какихъ онъ видѣлъ, это была самая могущественная и полная трагизма. Она выдѣлялась подобно великолѣпному тропическому цвѣтку среди массы разнообразной зелени. Тамъ было много красивыхъ, элегантныхъ женщинъ, но Пеппи была единственною въ своемъ родѣ, и не потому только, что ея туалетъ бросался въ глаза.

Она производила эффектъ не одною своею внѣшностью, горюющею лишь глазу. Но она не казалась здѣсь чужою: наоборотъ, она была вполне на своемъ мѣстѣ. За городомъ, при сол-

нечномъ свѣтѣ, она показалаь Иглезіасу чѣмъ-то искусственнымъ, чуждымъ дѣйствительности. Здѣсь, среди искусственной обстановки, она казалась наиболѣе естественнымъ и живымъ существомъ изъ всѣхъ присутствующихъ, сохранившимъ всю свою оригинальность, свою энергію и свою загадочность.

Иглезіасъ пересталъ смотрѣть на нее въ смыслѣ ея отношенія къ ихъ прервавшейся дружбѣ или къ тѣмъ фактамъ ея личной жизни, которые онъ такъ неохотно угадывалъ. Онъ смотрѣлъ на нее какъ на нѣчто самодовлѣющее, находя въ ней элементы, вызывающіе въ немъ восхищеніе, хотя и не могущіе тронуть его сердце.

Это производимое ею издали впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда онъ подошелъ къ ней. Контрастъ между мягкостью и яркостью ея платья, ея усталая поза и непроницаемое выраженіе печальныхъ глазъ—глубоко взволновали его.

— Да,—отвѣтила она почти холодно,—я знаю, что послала за вами. Вотъ гдѣ я менѣе всего ожидала васъ встрѣтить. Я считала себя огражденною отъ васъ. Я ни чуточки не желала васъ встрѣтить. И все же, какъ только я васъ узнала, мнѣ захотѣлось видѣть васъ. Отъ васъ, оказывается, слишкомъ трудно избавиться, и я за вами послала. Не знаю—для чего? такъ какъ теперь, когда вы здѣсь—я, кажется, раздумала. Мнѣ нечего вамъ сказать.

— Я могу уйти,—серьезно сказалъ Иглезіасъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она.—Къ чему спѣшить? Я увѣрена, что эти два чучела, которыхъ вы пасете,—жукъ, перевернутый задомъ напередъ, и увидшая былинка—не могутъ быть ужъ такъ безумно интересны! И мнѣ пріятно на васъ смотрѣть. Я не видѣла васъ ранѣе въ вечернемъ костюмѣ: вы болѣе чѣмъ когда-либо—grand seigneur. Но съ вами что-то случилось? Я не могу рѣшить сразу: что именно—худое или хорошее? Но вы измѣнились.

— Я былъ боленъ,—отвѣтилъ Иглезіасъ просто,—и я былъ очень несчастенъ.

— И то и другое—плохо. Но перемѣна произошла внутри васъ. А теперь вы здоровы?

— Да, я опять здоровъ.

— И вы болѣе не чувствуете себя несчастнымъ?

— Нѣтъ. Я грустенъ, такъ какъ жизнь грустна, но я уже не несчастенъ.

— Тонкое различіе!—замѣтила Пеппи.—Чтo же излечило васъ? Не сердечное ли увлеченіе? Пожалуйста, не говорите мнѣ,

что тутъ замѣшана женщина. Я сегодня — страшно противъ любви.

— На этотъ счетъ вы можете быть спокойны, — сказала Иглезіасъ съ отгѣвкомъ надменности.

— Вотъ это напоминаетъ мнѣ прежнія времена! — Голосъ Пеппи и выраженіе лица ея смягчились. — Что еслибы вы присѣли, милый мой помѣшанный? Этотъ актъ очень длинный. Пусть они подождутъ васъ. Кажется, въ концѣ концовъ я и имѣю кое-что вамъ сказать. Слова! слова! Но все же какъ отраднo сидѣть такимъ образомъ здѣсь съ вами!.. Я пережила отвратительное время, а впереди предвидится еще худшее.

Угли ея губъ опустились и дрогнули.

— Мнѣ очень жаль, я огорченъ, — сказала Иглезіасъ. Прежнее очарованіе вступало въ свои права, и дружба ихъ, хотя и съ разбитыми крыльями, далеко еще не была мертва.

— Не будемъ говорить объ этомъ, или я способна разыграть изъ себя дуру, — прервала она. — Милый другъ, для меня лучше всего — отправиться домой. Я страшно устала. Но все же мнѣ легче, потому что я видѣла васъ.

Пеппи поднялась.

— Помогите мнѣ надѣть мантио. Благодарю васъ. Ого! Оба чучела подсматриваютъ за вами. У высохшей былинки есть серьезныя намѣренія. Это очевидно. Она готова съѣсть меня безъ соли. Не женитесь на ней, — общайте мнѣ, что вы не женитесь. Ахъ, это чудесно! Мнѣ не нужно никакихъ общаній, да благословить васъ Богъ. Достаточно одного взгляда на ваше лицо. Несчастливая высохшая былинка! Но знаете что? — продолжала она, запахиваясь въ мантио: — мнѣ наскучило ваше инкогнито. Дайте мнѣ вашу карточку. Вы можете мнѣ понадобится. Я хочу знать ваше имя и адресъ.

Иглезіасъ достала свою карточку и подала ее Пеппи. Съ минутой она молча изучала ее, потомъ отвернулась.

— Благодарю васъ. Вотъ и все. Не провожайте меня. Мальчикъ приведетъ мнѣ кэбъ; мнѣ лучше побыть теперь одной; поэтому отправляйтесь къ вашимъ спутникамъ, мой... теперь уже не безымянный возлюбленный.

XVI.

Блѣдныя лучи солнца пробивались сквозь кружевные гардины окна столовой. Ободренный ими попугай чистилъ свои перья,

щелкая языкомъ и влювомъ. Деревья и трава въ Гринѣ сверкали инеемъ; телѣжки продавцовъ грохотали по подмерзшей мостовой, заглушая голоса Лондона. На углу нѣмецкій оркестръ исполнялъ сомнительно мелодичную музыку. Было веселое декабрьское утро, и тѣмъ не менѣе за завтракомъ въ домѣ Джорджа ощущалось стѣсненіе.

Наступилъ день отъѣзда Серены. Черезъ нѣсколько часовъ ей съ ея чемоданами предстояло переселиться къ леди Сэмюэльсонъ.

Это должно было бы чрезвычайно огорчить хозяина съ хозяйкою, но оба они, втайнѣ укоряя себя за это и скрывая свои мысли другъ отъ друга, сознавали, что они испытываютъ скорѣе облегченіе, чѣмъ огорченіе. Скрывать что-нибудь другъ отъ друга было очень тяжело для почтенной четы, и это лежало у нихъ гнетомъ на сердцѣ. Притомъ оба они чувствовали стѣсненіе въ присутствіи Серены; имъ казалось, что они очень виноваты передъ нею.

— Позвольте передать вамъ яйца или ветчину, а можетъ быть—то и другое, Серена?—спрашивалъ Джорджъ, и его глаза словно молили простить его за то, что онъ не жалѣетъ объ ея отъѣздѣ.

Видъ у Серены былъ надменный и разсѣянный, и это—вмѣстѣ съ шушаніемъ ея юбовъ—преисполняло его тревогою. Неужели она знала?

— Благодарю васъ, Джорджъ. Только яйцо. Не это. Оно слишкомъ велико. Я не голодна.

— Вы ужасно мало кушаете, Серена!—замѣтила изъ-за самовара м-съ Лѣвгровъ своимъ словно воркующимъ отъ удовольствія голосомъ;—а я такъ люблю покушать за завтракомъ, и всегда любила. Но вамъ надо себя принудить. Вы, безъ сомнѣнія, устали отъ укладки, да еще такъ поздно вернулись вчера изъ театра! Джорджи говорилъ, что пьеса была очень забавная.

— Кажется. Но Джорджъ—лучшій судья, чѣмъ я. Мама была очень разборчива относительно того, гдѣ мы бывали и что видѣли, будучи дѣтьми, и многое изъ того, что другіе находятъ забавнымъ, кажется мнѣ только вульгарнымъ.

— Я не замѣтилъ въ пьесѣ ничего вульгарнаго, и думаю, что еслибы это было такъ, Доминикъ не пригласилъ бы на нее даму,—замѣтилъ Джорджъ.

— О, я и не говорила, что пьеса вульгарна. Я не рѣшусь высказать по этому поводу свое мнѣніе. Мы очень рѣдко бывали въ театрѣ, мама была противъ этого. Докторъ Кольтгёрстъ, нашъ ректоръ, тоже былъ противъ театра.

— У него у самого былъ сынъ актеръ, ведшій безбожную жизнь, онъ же считался замѣчательнымъ проповѣдникомъ, — сказала м-съ Лѣвгровъ.

— Безъ сомнѣнія, это такъ, т.-е. не относительно сына — объ этомъ я не слыхала, — но проповѣдей ректора. Я, конечно, не слыхала ихъ, такъ какъ была въ то время еще слишкомъ мала, но Сюзанна помнитъ ихъ. Она вѣдь, приблизительно, вашихъ лѣтъ, Рода. Сюзанна безусловно противъ театра. Я — нѣтъ, хотя тамъ и приходится слышать странныя вещи и видѣть черезчуръ разряженную публику...

Серена строго взглянула на хозяина дома, еще болѣе встревожившагося. Передъ нимъ снова явилось видѣніе, поразившее его вчера. Его дорогой, уважаемый другъ, серьезный, солидный Доминикъ Иглезіасъ, подающій великолѣпное манто незнакомой дамѣ удивительно привлекательной внѣшности и дѣлающій это съ такимъ видомъ, словно такія вещи случаются каждый день! Что означала эта картина? Что думаетъ о ней Серена?

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказала м-съ Лѣвгровъ. Она была оскорблена упоминаніемъ о годахъ, но тотъ фактъ, что она не огорчена предстоящимъ отъѣздомъ Серены, смягчалъ ее и внушалъ ей великодушныя чувства, — я сама давно уже не бываю въ театрѣ; вѣроятно, многое теперь измѣнилось, но разряженную публику вездѣ можно встрѣтить, и я не рѣшусь осудить людей и ихъ удовольствія. Но, конечно, для того, чтобы быть счастливымъ, лучше многого не знать.

— Не знаю: лучше ли это? — проговорила Серена. — Конечно, людямъ пріятнѣе не знать, что ихъ обманываютъ. Но рано или поздно обманъ откроется. Я считаю обманъ — очень дурнымъ. Я не увѣрена въ томъ, что обманщиковъ слѣдуетъ прощать.

Джорджъ съ трудомъ удержался отъ стога; его чай показался ему горькимъ, какъ полынь.

— Нѣтъ, Серена, я не могу заходить такъ далеко. Но относительно театра я скажу, что я была очень довольна приглашеніемъ м-ра Иглезіаса, только я не люблю тамъ бывать: мѣста въ театрахъ узкія и въ залѣ жара. Но м-ръ Иглезіасъ былъ любезенъ и симпатиченъ, какъ всегда. Онъ — настоящій джентльменъ.

Серена съ вилкою въ рукѣ задумалась.

— Я не совсѣмъ согласна съ вами, Рода. Я не увѣрена: дѣйствительно ли м-ръ Иглезіасъ любезенъ, или онъ только принимаетъ любезный видъ? Конечно, вы съ Джорджемъ лучше знаете его, но мнѣ кажется, что въ немъ много неискренняго.

Выпаливъ эту бомбу, Серена обратила все свое вниманіе на

завтрагъ. Виновная совѣсть связывала языкъ Джорджа, но Рода, еще помнившая намекъ на свои года, выступила съ протестомъ.

— Вотъ ужъ я не подумала бы, что можно сомнѣваться въ искренности м-ра Иглезіаса. Я скорѣе бы заподозрила Джорджа, чѣмъ его! И послѣ того, какъ вы играли для него на фортепіано, покуда онъ гостилъ у васъ, и, казалось, были съ нимъ въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ, и онъ еще пригласилъ всѣхъ насъ въ театръ—вы такъ отзываетесь о немъ, Серена! Право, я не считала васъ такою измѣнчивою, Серена!

— Нѣтъ, я не измѣнчива, Рода!—возразила Серена, возвышая голосъ, и лицо ея вспыхнуло.—Никто не обвинялъ меня ранѣе въ измѣнчивости, и я этого не люблю. Но я наблюдательна,—даже Сюзанна этого не отрицаетъ,—и вчера въ театрѣ я сдѣлала кое-какія наблюденія. Во-первыхъ, это касалось меня, такъ какъ вы съ Джоржемъ оба дѣлали нѣкоторые намеки—вы не можете отрицать, что вы дѣлали ихъ,—и многіе могли думать, что дѣло зашло дальше того, чѣмъ это было въ дѣйствительности, покуда м-ръ Иглезіасъ здѣсь гостилъ. Я подагаю, что м-съ Парчеръ и эта ужасная миссъ Гартъ такъ думали. Разумѣется, для меня очень неприятно попасть въ ложное положеніе. Мама всегда предупреждала меня относительно иностранцевъ, и единственнымъ иностранцемъ, встрѣченнымъ мною—именно въ вашемъ домѣ,—былъ м-ръ Иглезіасъ. Я съ сожалѣніемъ должна сказать, что мама была права.

Закончивъ свою тираду, Серена рѣзкимъ движеніемъ художавой руки отодвинула свою тарелку. Это было объявленіемъ войны. На ея щекахъ проступили красныя пятнышки, маленькая голова на тонкой шеѣ была высоко поднята. И несмотря на безжалостныя разоблаченія яркаго зимняго солнца, опять совершилось, благодаря глупому гнѣву и оживленію, одно изъ мгновенныхъ превращеній сорокавосьмилѣтней Серены—въ подобіе прежней семнадцатилѣтней дѣвушки. Она сразу похорошѣла и помолодѣла.

— Безъ сомнѣнія, Джорджъ можетъ разъяснить то, что произошло вчера вечеромъ, и я желала бы, чтобы онъ сдѣлалъ это въ моемъ присутствіи. Если ему неловко, онъ могъ бы передать мнѣ это черезъ васъ, Рода. Но если вы оба намѣрены это игнорировать, я должна заговорить сама. Конечно, для васъ удобнѣе, въ виду вашей ошибки, обойти это дѣло молчаніемъ. Но я не согласна. Если у м-ра Иглезіаса были намѣренія, а затѣмъ произошла перемѣна, онъ долженъ былъ хотя намегнуть. Онъ долженъ былъ отказаться отъ вашего приглашенія.

— Онъ отказывался, — пробормоталъ бѣдный Джорджъ, котораго ужасали осложненія, вносимыя женщинами во всякое дѣло.

— Но онъ все же согласился! — воскликнула воинственная Серена.

— Я убѣдилъ его, хотя онъ увѣрялъ, что совершенно къ этому не привыкъ. Я намекнулъ, что вы и жена можете обидѣться...

— Если вы упомянули мое имя, Джорджъ, это была большая смѣлость съ вашей стороны!

— Я въ отчаяніи, Серена, но мы съ женою думали, что его посѣщеніе будетъ вамъ пріятно.

Онъ взглянулъ на жену, ожидая поддержки, но ея полное добродушное лицо уже не сіяло. Очевидно, и она была противъ него. Бѣдняга безпомощно провелъ по своимъ жидкимъ волосамъ влажною рукою.

— Я все время держалась такъ осторожно, что для васъ нѣтъ ни малѣйшаго извиненія. Но если вы это сдѣлали, мое положеніе становится еще болѣе ложнымъ. Мнѣ остается одно — уѣхать. Къ счастью, я уѣзжаю, я давно уже хотѣла уѣхать, и осталась лишь для того, чтобы сдѣлать пріятное Родѣ. Но теперь я вижу, что мною играли.

— Нѣтъ, нѣтъ, Серена! — воскликнулъ хозяинъ дома: — возможно ли это при моемъ уваженіи къ вамъ и къ Сюзаннѣ? Если я въ чемъ виноватъ — я извиняюсь.

— Вы напрасно извиняетесь. Мнѣ очень жаль, Джорджъ, но я чувствую, что вы и Рода нехорошо со мною поступили.

Она съ шуршаніемъ поднялась, а попугай, переставшій чистить перья, наклонивъ голову на бокъ, глядѣлъ на нее злымъ глазомъ.

— Прощай, старушка, бѣдная моя старушка! Эй, полисманъ! Кривните, чтобы подавали карету! — закричалъ попугай; а когда Серена съ силой захлопнула за собою дверь столовой, онъ такъ завертѣлся и захлопалъ крыльями, что песокъ въ клѣткѣ полетѣлъ во всѣ стороны.

Поднявшійся было изъ-за стола Джорджъ тяжело опустился на мѣсто и закрылъ лицо руками.

— Я лучше согласился бы потерять сорокъ фунтовъ изъ своей пенсіи!

Поднявъ голову, онъ съ мольбою поглядѣлъ на жену, и ея нѣжное сердце смягчилось. Онъ не былъ съ нею откровененъ, но теперь онъ можетъ заглядеть свой грѣхъ, и кромѣ того (но это уже было второстепенное соображеніе!) м-съ Лѣвгровъ сторала отъ любопытства.

— Джорджъ!—спросила она торжественно:—что произошло вчера вечеромъ?

— М-ръ Иглезіасъ встрѣтилъ знакомую даму. Она прислала за нимъ въ антрактъ,—отвѣтилъ онъ, краснѣя.

— Это не была одна изъ этихъ интригантокъ изъ Кедроваго коттеджа?

— Нѣтъ, дорогая, нѣтъ!—воскликнулъ онъ признательно, но сейчасъ же снова ощутилъ затрудненіе.—Это дама совсѣмъ другого круга. Я всегда думалъ, что Доминикъ принадлежитъ къ другому, болѣе избранному обществу, но не имѣлъ понятія о томъ, что у него есть такія аристократическія знакомства. Его наружность и манеры, какъ я убѣдился вчера, дѣйствительно подходятъ для какого угодно общества. Но все же я былъ удивленъ.

— Онъ представилъ тебя ей?

— Нѣтъ. Это было неудобно, да она, можетъ быть, и не желала этого. Но—между нами—я полагаю, что именно эта исторія такъ разстроила Серену.

— М-ръ Иглезіасъ обойдется и безъ Серены,—объявила м-съ Лѣвгровъ;—конечно, она не виновата, но характеръ у нея очень неровный. Я начинаю думать, что она будетъ очень требовательною женою. А эта дама была молода, Джорджъ?

Добрякъ страшно покраснѣлъ.

— Да, ей лѣтъ тридцать и она очень красива. Серена обратила на нее мое вниманіе; она нашла ее черезчуръ раздраженной. Я не могу объ этомъ судить, но я видѣлъ только, что она очень хороша.

— О, Джорджи милый!

Слова ея прозвучали какъ протестъ. Говорившая принадлежала къ той части англійскаго общества, въ которую пуританство такъ внѣдрилось, что признавать существованіе красоты уже кажется ей чѣмъ-то нескромнымъ, а громко говорить объ этомъ есть нѣкоторое нарушеніе приличій.

Джорджъ Лѣвгровъ проявилъ, однако, необыкновенную смѣлость.

— Да, душа моя, она была красива, съ темными волосами и глазами, которые такъ и пронизываютъ тебя насквозь,—насмѣшливыми и печальными въ одно и то же время. Несмотря на разницу лѣтъ, они казались прекрасною парой. Я прямо былъ польщенъ, видя ихъ вмѣстѣ. Если у Доминика есть друзья, намъ неизвѣстныя,—хотя я не отрицаю, что это сначала огорчило

меня,—я радъ, что они—такіе изящныя и красивыя. Съ ними онъ будетъ, наконецъ, въ своей собственной сферѣ.

Во время этой рѣчи лицо м-съ Лёвгровъ представляло объектъ для изученія. Она съ нескрываемымъ изумленіемъ уставилась на мужа; углы рта ея и широкія мягкія щеки вздрагивали.

— Никогда я не думала, что ты станешь такъ говорить, Джорджи. Вѣдь это значить—презирать свою собственную плоть и кровь.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ:—я не забываю, чѣмъ я обязанъ моей семьѣ и твоей, Рода. Но я не могу отрицать, что я необыкновенно высоко ставлю Доминика—еще съ тѣхъ поръ, какъ мы были мальчиками въ школѣ. Я сознавалъ, насколько онъ былъ выше меня умственно и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и дружбу съ нимъ я считалъ для себя настоящею честью. Но разница между нами ни разу не казалась мнѣ такою очевидною до вчерашняго дня, когда я увидѣлъ его въ другомъ обществѣ. Ему слѣдовало бы занимать болѣе высокое положеніе,—мы всѣ въ банкѣ были съ этимъ согласны,—и поэтому я отъ всей души буду радъ, если онъ найдетъ болѣе подходящее для себя общество, хотя бы изъ-за этого намъ пришлось рѣже видѣть его.

Щеки м-съ Лёвгровъ вздрагивали, но лицо ея приняло упрямое выраженіе. Она ревновала. Еще впервые за все время ихъ совмѣстной жизни мужъ ея проявилъ самостоятельность. Она увидѣла, что онъ существуетъ независимо отъ нея, какъ отдѣльная личность. М-съ Лёвгровъ почувствовала себя повинною Аріадной.

— Какая длинная исторія изъ-за человѣка, у котораго нѣтъ семьи! Чтѣ съ тобою, Джорджи? Ты не похожъ на себя! Сегодня, кажется, всѣ сблизилъ съ толку.

Она зашевелилась и тяжело поднялась съ кресла.

— Надо пойти помириться съ Сереною. Христіанское челолюбіе этого требуетъ. Теперь, когда я узнала, въ чемъ дѣло, я повиная, что она вправѣ обижаться.

Въ прежнее время Джорджъ, оставшись одинъ послѣ завтрака, принялся бы за свои обычныя занятія: онъ пошевелилъ бы огонь въ каминѣ, выкурилъ бы трубочку, полилъ бы цвѣты, но теперь ему не хотѣлось ничего дѣлать, и онъ подошелъ къ окну. Вдругъ онъ замѣтилъ высокую фигуру, вышедшую изъ дверей Кедроваго коттеджа. М-ръ Пглезіасъ стоялъ на ступеняхъ подъѣзда, натягивая перчатки.

Новая волна смиренія и самоуниженія захватила незлобивую душу Джорджа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и смутное недовольство судьбой. Ему тоже захотѣлось обладать представительною наружностью, умомъ, воспитаніемъ, изящными манерами. Въ немъ впервые пробудилось влеченіе къ романическому, смутный протестъ противъ узкой буржуазности англійской средней семьи, противъ давленія женской атмосферы, боязни оскорбить „чувства жены“. Чувства—вмѣсто дѣйствій, предположенія—взамѣнъ фактовъ.

Призвавъ красивой женщины въ аломъ платьѣ, ея глаза, въ которыхъ скорбь боролась съ ироніей,—возсталъ передъ нимъ. Онъ не зналъ, кто она, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она не „предполагаетъ“, а живетъ.

— Чтò, старина, влетѣло тебѣ? Выпей водочки съ содовой водой!—рѣзко выкрикнулъ попугай, висѣвшій головою внизъ.

Джордж Лѣвгровъ вздрогнулъ какъ преступникъ.

— Да, жена права,—сказалъ онъ полу-громко:—если хочешь быть счастливымъ, лучше совсѣмъ не имѣть понятія о нѣкоторыхъ вещахъ.

Онъ вдругъ устыдился, такъ какъ сейчасъ, мысленно, не былъ ли онъ готовъ измѣнить своей женѣ?

XVII.

Миссъ Элизѣ Гартъ понадобилось по хозяйственнымъ соображеніямъ зайти въ комнату м-ра Фарджа, въ первомъ этажѣ, для того, чтобы положить на его постель новое покрывало. Для соблюденія приличій она всегда въ такихъ случаяхъ оставляла двери полуотворенными, и теперь ей была видна часть передней и лѣстницы, между тѣмъ какъ ее не было оттуда видно.

Маленькій м-ръ Фарджъ питалъ пристрастіе къ веселымъ цвѣтамъ; поэтому миссъ Элиза выбрала покрывало малиноваго цвѣта съ бордюромъ изъ желто-лимонныхъ тюльпановъ и зеленыхъ листьевъ, которое приказчикъ рекомендовалъ ей, какъ „пріятное для глазъ и скромное“. Сама Элиза опредѣлила его словомъ „изящное“, и уже разостлала его на кровати молодого человѣка, когда ея вниманіе было привлечено звуками незнакомаго женскаго голоса, поспѣшными шагами Фредерика и шестомъ шелковыхъ юбокъ.

Очевидно, въ виду репутаціи Кедроваго коттеджа, необходимо

было наблюдати за происходящимъ, и миссъ Элиза, осторожно подойдя къ двери, выглянула изъ нея.

Дверь гостиной м-ра Иглезіаса, бывшая напротивъ, стояла открытою, а въ дверяхъ остановился Фредерикъ, что-то разясняя на своемъ ломаномъ космополитическомъ нарѣчіи. По послѣднимъ ступенямъ лѣстницы медленно поднималась очень элегантная дама. На ней была большая черная шляпа, соболья пелерина, цѣнность которой Элиза опредѣлила не десятками, но сотнями фунтовъ, и черное суконное платье, покрой котораго былъ послѣднимъ словомъ моды.

На площадкѣ незнакомка спокойно остановилась, осматривая окружающее: она повернула голову, и миссъ Элиза увидела блѣдное лицо, яркія губы и глаза, показавшіеся наблюдательницѣ неприлично большими, блестящими и дерзкими.

Тутъ м-ръ Иглезіасъ показался изъ своей комнаты съ такимъ выраженіемъ лица, какого Элиза никогда у него не видѣла. Съ секунду дама глядѣла на него, словно безмолвно спрашивая его о чемъ-то. Затѣмъ она потрепала его по плечу и рука-объ-руку съ нимъ вошла въ его гостиную, между тѣмъ какъ Фредерикъ съ почтительною предупредительностью захлопнулъ за ними дверь.

— Вотъ такъ штука!—полу-громко вырвалось у Элизы, и она такъ и присѣла на новое малиновое покрывало. Рассказывая объ этомъ впоследствии, она говорила, что вы могли бы свалить ее съ ногъ перышкомъ...

— Вотъ такъ штука! Съ которыхъ же поръ это началось, хотѣла бы я знать? Такъ вотъ причина ледяной холодности этого джентльмена и его величественной недоступности! Бѣдная моя дорогая Пышечка! Положимъ, ей нечего опасаться сравненій съ вѣмъ бы то ни было. Змѣя!

Тѣмъ не менѣе, она была страшно потрясена и погрузилась въ соображенія о томъ, кто бы могла быть шиварная дама? Тутъ только сообразивъ, что она сидитъ на постели м-ра Фарджа—обстоятельство, безконечно ее компрометирующее,—она отправилась въ людскую, съ тѣмъ, чтобы проинтервьюировать м-ра Фредерика, но получила отъ него весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія.

— Дама спросила м-ра Иглезіаса. Я проводилъ ее въ общую гостиную.

— Такъ и надо было, Фредерикъ.

— Но она не стала ждать. Она вышла... Карточки не дала, фамиліи не сказала, а что-то написала на бумажкѣ и свернула

ее. Потому все же не захотѣла ждать и пошла позади меня по лѣстницѣ...

Не добившись ничего болѣе, миссъ Элиза прошла въ гостиную, — м-ссъ Парчеръ не было дома, — и она, замѣтивъ, который часъ, оставила дверь полуоткрытой, чтобы видѣть, какъ незнакомка уйдетъ.

— Кстати, дождусь Пышечку и предупрежду ее. Если она неожиданно встрѣтитъ подобную особу въ передней или на лѣстницѣ, она можетъ лишиться чувствъ.

Съ англійск. О. Ч.

Н. П. ОГАРЕВЪ

И

ЕГО ЛЮБОВЬ

Исторія перваго брака Николая Платоновича Огарева (р. 1813—ум. 1877 гг.) съ Маріей Львовной Рославлевой—одинъ изъ самыхъ характерныхъ эпизодовъ того умственнаго движенія въ нашемъ обществѣ, которое Анненковъ окрестилъ именемъ „идеализма 30-хъ годовъ“. На ней, быть можетъ, наилучше можно изучить не только одну важную сторону міровоззрѣнія, выработаннаго этими „идеалистами“,—именно, ихъ взгляды на любовь и бракъ,—но и самый процессъ возникновенія этихъ взглядовъ изъ живого личнаго опыта. То поколѣніе было призвано пересмотрѣть всѣ устои нравственнаго быта; общественная мысль обновлялась,—но, какъ всегда бываетъ, ареною, на которой рѣшалась эта историческая задача, на которой новое боролось со старымъ и побѣждало, было *личное* чувство и *личное* сознаніе. Драма, которая пройдетъ здѣсь предъ нашими глазами, не была ни случайной, ни единичной. Въ исторіи того времени мы знаемъ много такихъ столкновеній, гдѣ на одной сторонѣ стояла непосредственная сила чувства,—„Naturgewalt“ по тогдашней терминологіи, на другой—стремленіе внести въ любовь и бракъ разумность и свободу. Этой борьбою въ большой мѣрѣ окрашена душевная жизнь и Бѣлинскаго, и Станкевича, и Герцена. На этихъ же страницахъ не такъ давно была изложена аналогичная исторія любви И. П. Галахова. Среди этихъ личныхъ драмъ исторія перваго брака Огарева выдѣляется какъ своей яркой типичностью, такъ и обиліемъ матеріала, по которому она можетъ быть изучена. Этотъ матеріалъ—подлинныя письма Огарева къ Маріи Львовнѣ. Они печатаются здѣсь въ первый разъ.

Въ общихъ чертахъ эта исторія довольно извѣстна. Ее знаетъ всякій, кто читалъ „Былое и думы“; о ней обстоятельно говоритъ Анненковъ въ „Идеалистахъ тридцатыхъ годовъ“. Извѣстно, при какихъ условіяхъ 23-хъ-лѣтній Огаревъ, въ 1836 году, женился на бѣдной племянницѣ провинціального губернатора, какъ сразу возникла натянутость между нею и друзьями Огарева, какъ, пользуясь Огаревскимъ богатствомъ, она быстро развернулась въ свѣтскую даму, какъ она пыталась вовлечь мужа въ свою разсѣянную жизнь, и какъ онъ, склонный къ тихой дружбѣ, къ интимности и домосѣдству, страдалъ отъ этого. Здѣсь, помимо разницы вкусовъ и темпераментовъ — эмоциональнаго у жены, созерцательнаго у мужа, — былъ еще другой разладъ — теоретическій, во взглядахъ на жизнь и въ требованіяхъ отъ нея. Марія Львовна жила чувствомъ и требовала отъ жизни, прежде всего, достаточно-сильныхъ и пріятныхъ эмоцій. Огаревъ отстаивалъ права сознанія, долженствующаго созидать жизнь, и хотѣлъ подчинить сознанію и самую любовь. Именно эта сторона ихъ личной драмы придаетъ ей характеръ исторической картины; приводимыя ниже письма освѣщаютъ ее какъ нельзя лучше.

Н. М. Сатинъ, близкій другъ Огарева, свидѣтель и участникъ этой драмы, хорошо изложилъ ея сущность въ немногихъ строкахъ. Такъ какъ „Отрывокъ изъ воспоминаній“ Сатина мало кому извѣстенъ¹⁾, то я приведу здѣсь эти строки.

„Она (т.-е. Марія Львовна) была умная и добрая женщина. Но сперва она была сбита съ пути воспитаніемъ, а потомъ окончательно добыта черезчуръ либеральнымъ направленіемъ мужа. Отъ природы умная, она не получила достаточнаго воспитанія, по семейству бѣдная — она была родной племянницей пензенскаго губернатора Панчулидзева и слѣдовательно играла нѣкоторую роль въ Пензѣ. Огаревъ, посланный въ Пензу очень молодымъ человѣкомъ (21-го года) и считавшійся самымъ богатымъ женихомъ, — увлекся ею; съ той стороны, разумѣется, не были упускаемы разныя ловушки, которыя не остались безъ успѣха. Наконецъ, они женились. Но симпатіи не было ни малѣйшей: одинъ требовалъ семейной и ученой жизни, другая требовала свѣтскихъ развлеченій; изъ любви и снисходительности онъ покорялся, но былъ страшенъ и неловокъ въ обществѣ; естественно, самолюбіе его страдало, не говоря уже о томъ, что онъ не былъ въ своей сферѣ. Еще можно было бы удержать молодую женщину, но Огаревъ по своей добросовѣстности поддерживалъ ее въ ея фальши-

¹⁾ Онъ напечатанъ въ Сборникѣ Общ. Любит. Росс. Слов. „Починъ“ на 1895 г., стр. 237—250.

вомъ направленіи. Тогда были въ ходу романы Жоржъ-Зандъ; почти все, что было образованнаго, восхищалось ими: вывести женщину изъ вѣковаго рабства и поставить ее на ряду съ мужчиной,—чего же лучше, чего благороднѣй? М. Л. увлеклась этими романами, и Огаревъ ее поддерживалъ со всею своею добросовѣстностью“...

Таково было положеніе дѣла, когда весной 1841 года Огаревъ получилъ разрѣшеніе уѣхать съ женою за границу на полгода для леченія. Марію Львовну врачи направили въ Карлсбадъ; Огаревъ первое время оставался тамъ съ нею, но затѣмъ перебрался въ Франценсбруннъ ¹⁾, гдѣ жилъ нѣкоторое время одинъ; затѣмъ они опять вмѣстѣ провели нѣкоторое время въ Теплицѣ и, кажется, въ Эмсѣ, и наконецъ, переѣхали въ Италію, откуда Огаревъ, разставшись съ женою въ Неаполѣ, двинулся—черезъ Римъ, Болонью, Венецію, Триестъ, Вѣну, Лейпцигъ, Берлинъ—въ Россію. Онъ надѣялся скоро вернуться къ женѣ.

Нижеслѣдующія письма Огарева къ М. Л. относятся именно ко времени этого заграничнаго путешествія, — ко второй половинѣ 1841 года.

М. Гершензонъ.

¹⁾ Такъ называется въ письмахъ Огарева, конечно, нынѣшній Франценсбадъ, отстоящій отъ Карлсбада всего въ двухъ-трехъ часахъ, какъ отстоятъ, суда по первому же письму Огарева, и называемый имъ Франценсбруннъ.

1.

1841 г. — Франценсбургъ. Вечеромъ.

Вотъ я и здѣсь, одинъ, въ крошечной комнатѣ. Воспоминанія цѣлаго дня тревожатъ меня. Я перебрасываюсь и дальше, чѣмъ сегодняшний день. Все мое прошедшее — свѣтлое, полное любви — передо мною. Маша, другъ мой, — моя спокойная наружность тебя обманываетъ, можетъ быть даже и сердить. Но я бы дорого заплатилъ, чтобъ быть внутри такимъ же спокойнымъ, какъ въ моихъ апатическихъ пріемахъ. Маша — я тебя люблю. Я никогда не могъ отстать отъ привязанностей, которыя были основаны на глубокихъ симпатіяхъ, длились долго и казались безконечны — и, можетъ быть, до сихъ поръ безконечны. Я не отчаиваюсь. Но ты какъ-то не хочешь проникнуть сквозь эту ровную оболочку моего характера, не знаешь, что я страдаю и чѣмъ я счастливъ. Ей-Богу — моя жизнь была такъ широка, такъ широка; всѣ мои связи лежали на такомъ широкомъ основаніи и пророчили такую свѣтлую будущность (свѣтлую по своему человѣческому значенію), что я не могъ никому завидовать и никому желать лучшей участи. Судьба сдѣлала такъ, что ты не захотѣла пристать къ этой жизни, въ которой мы были бы оба такъ полно, такъ высоко-человѣчески счастливы. Я не упрекаю; избави, Боже, меня дѣлать упреки; можетъ быть, я и самъ много и много виновать, — и тебя прошу, не пеняй на меня и прости мнѣ. Мы должны все прощать другъ другу — потому что вѣдь между нами любовь не рушилась. Ей-Богу, не рушилась. Я это чувствую, потому что безъ тебя тоскую; думалъ заниматься, работать въ одиночествѣ — и едва ли это будетъ; мнѣ скучно, я неспокоенъ, тоска, да и только. Чувствую, что мы любимъ другъ друга, и по тому, что видѣлъ давеча твои слезы — и тебѣ скучно безъ меня, и у меня слезы наворачиваются. А вѣдь мы разстались два на три, на четыре. Неужли это привычка? Быть не мо-

жетъ — это сильная привязанность. Боюсь тревожить тебя еще болѣе, а не могу не сказать, что съ наступленіемъ ночи, когда думаю, какъ я лягу и ты меня не поцѣлуешь, — мнѣ больно. От сколько вещей, отъ которыхъ мнѣ больно! Но перестанемъ говорить о нихъ. Къ чему тебя тревожить? Обними и поцѣлуй и благослови меня мысленно, какъ я тебя теперь, и успокойся.

Франценсбруннъ лежитъ въ долинѣ или, лучше, въ полѣ; это тебѣ понравится. Я вспомнилъ Чертково ¹⁾ и тебя. Чертково и ты для меня нераздѣльны. Нигдѣ и никогда я не былъ такъ счастливъ! Дай мнѣ руку и пойми, наконецъ, сколько любви въ моемъ рукопожатіи. — Около источниковъ паркъ — это мнѣ напомнило Петровское, и едва ли оно лучше. Городокъ очень хорошо выстроенъ, улицы широкія. Квартиръ почти нѣтъ, и я принужденъ былъ поселиться въ конуркѣ — впрочемъ, очень чистой, въ почтовомъ домѣ, изъ котораго видъ въ поле. Въ воскресенье уѣзжаетъ какой-то графъ, и я займу его двѣ комнаты au rez de chaussée. Приѣзжай — намъ будетъ очень уютно и хорошо. Мѣсто такое, какъ ты любишь. Съ другой стороны городка садъ, напоминающій Пензенскій, но хуже, хотя много цвѣтовъ. Вотъ тебѣ вся мѣстность. Теперь мои походы. Вхалъ я сперва съ двумя нѣмцами; не знаю, какъ ихъ зовутъ, да и знать не хочу. Одинъ отставной воинъ, а другой — прусскій таможенный чиновникъ. Они болтали ужасно много. Послѣ пересѣлъ къ намъ и третій нѣмецъ въ бѣломъ пальто и скалъ мои ноги въ свои огромныя колѣна. Я съ перваго взгляда узналъ, что это дармштадтець; онъ и ростомъ, и лицомъ похожъ на принца, который былъ у насъ. Болтовня усилилась съ новымъ товарищемъ. Пиво, пошлая политика, разсужденія о томъ, о чемъ нечего разсуждать — надоѣли мнѣ ужасно. Наконецъ, около 4-хъ часовъ мы приѣхали въ Эгеръ, гдѣ мы обѣдали. Старый офицеръ и дармштадтець остались въ Эгерѣ. Я, чиновникъ, дама, похожая на восу юнмку Блохиной, и молодой человекъ до пошлости глухой — отправились въ Франценсбруннъ. Слава Богу, ѣзды меньше часа. Я, выбравъ пожитки, отправился, — читалъ газеты, изъ которыхъ узналъ, что король Ганноверскій скоро ѣдетъ въ Эмсъ; а выборы въ Англія, къ радости Гамильтона, идутъ въ пользу тори! Потомъ встрѣтилъ Laube, который меня познакомилъ съ своей женой. Оза далеко не хороша собой, но очень неглупа. Потомъ отправился въ ком-

¹⁾ Одна изъ деревень Огарева, гдѣ онъ короткое время жилъ съ М. Д. тотчасъ послѣ женитьбы.

цертъ. Скрипачъ, который былъ въ Карлсбадѣ, очень недурень. Потомъ гулялъ, осмотрѣлъ всѣ источники и заказалъ ванну. Наконецъ, явился домой и принялся писать къ тебѣ. Глухой день.

Ну, а ты что—милая моя Маша—вѣрь, что милая—*Zweifle an der Sonne Klarheit etc.*—О! еслибъ я могъ тебя увѣрить, сколько я тебя люблю—да за что же ты мнѣ не вѣришь? Да и то неправда—ты знаешь, что я неизмѣненъ въ привязанностяхъ. А моя привязанность къ тебѣ была лучшая, потому что была моя; общее и личное такъ хорошо сливались. Ну, да что жъ ты дѣлала?.. Горы, постгофъ, Голычскій, etc., etc...—Если Брянчан. въ самомъ дѣлѣ нагрубить тебѣ—напиши, я прискачу, и клянусь честью, что такъ присрамлю его при всѣхъ, что онъ не будетъ знать куда дѣваться. У меня смерть руки на него чешутся. *Je suis gâncunier aussi.*

Ну! теперь простимся.—Лягу спать, хотя не слишкомъ хочется.—Авось же я завтра больше свяжусь съ моимъ одиночествомъ... Прощай, Маша, милая моя Маша! Цѣлую тебя въ глазки и губки. Моя любовь съ тобою...

Досадно! письмо будетъ у тебя только послѣ завтра, потому что отходить послѣ обѣда. Ты будешь беспокоиться. Это глупо.

Прощай!.. Обнимаю тебя еще разъ. А Галаховъ? Добрый славный Галаховъ! Еслибъ его дружба... Прощай, Маша!

17-е июля.

Здравствуй, Маша! Сейчас воротился съ водъ. Вода чудесная. Мѣсто прекрасное; поле и синія горы вдаль; это напоминаетъ Кавказъ. Музыка играетъ не такъ лѣниво, но и не такъ хорошо; впрочемъ, недурно: играли „Норму“. Опять воспоминанія—и въ воспоминаніяхъ все ты. Видишь ли, какъ глубоко вкоренена моя любовь къ тебѣ. И отчего же, разставаясь на минуту, — я непременно долженъ писать и много писать къ тебѣ? Отчего эта потребность — если не потому, что я сильно тебя люблю? Я молчаливъ съ тобою — это правда; иногда мнѣ страшно начать говорить; когда моя рѣчь кажется тебѣ несправедливою — мнѣ больно, досадно; я сержусь или страдаю. Не раздѣляйся отъ меня, умоляю тебя; примкни ко мнѣ; право, во мнѣ еще довольно жизни, чтобъ дать жизнь женщинѣ; но для этого надо вѣрить въ меня, взойти въ сферу поэзіи, которая преобладаетъ у меня надо всѣмъ. Да, — ты это сдѣлаешь? Ты будешь моя, совсѣмъ моя? Не правда ли? — Какъ хорошо это открытое мѣсто передъ моими окнами! Какой день свѣтлый! За-

чѣмъ мы не вмѣстѣ? Душа раскрылась бы такъ свѣтло, мы могли бы любить такъ много. Еслибъ ты знала, какъ я готовъ прижать тебя къ груди отъ полноты души! Мнѣ хочется молиться сегодня, молиться и плакать, но не отъ скорби, а отъ умиленія и надежды. Неужели наши жизни расшиблены? Нѣтъ — никогда этому не повѣрю. Но если я разбилъ твое существованіе — Маша, это непростительно; да право я неповиненъ; я хотѣлъ беречь тебя для всего лучшаго, человѣческаго, Божьяго. Не умѣлъ развѣ, былъ неловокъ — но никогда *mal-intentionné*.

Много хорошенькихъ личекъ и очень мало хорошенькихъ шляпокъ на водахъ. Вчера въ концертѣ тоже уродливыя прически. Но такихъ уродовъ, какъ въ Карлсбадѣ, нѣтъ — здѣсь *du comme il faut* въ сравненіи съ Карлсбадомъ. Я не искалъ ни съ кѣмъ познакомиться, не хочется, одному еще лучше. Съ Laube едва ли сойдуся очень, боюсь ему надоесть, боюсь быть привязчивымъ, не имѣя никакого права на его расположеніе. Но онъ долженъ быть хорошій человѣкъ, судя по рѣчамъ, поступкамъ и роману.

Прощай! Отдаю письмо на почту. Досадно, что не получишь сегодня. Дама скверная, которая ѣхала со мной изъ Эгера, имѣетъ жестокосердіе жить возлѣ меня и цѣлое утро прегадко играть на гитарѣ.

Прощай, моя милая Маша, другъ мой. Поцѣлуемся, обнимемся. Кланяйся Елагиной, сблизься съ ней. Привези отъ нея мои стихи. Музыку слышно. Прощай.

Пріѣзжай, здѣсь очень хорошо.

2.

18 іюля. Утро.

Хотѣлъ писать тебѣ вчера вечеромъ; но былъ не въ духѣ; лежалъ на диванѣ и не могъ ничего дѣлать и легъ спать въ 10 часовъ. Читалъ и перечитывалъ твое письмо. *Je ne te méconnaîs pas*. Ты все же моя милая, добрая, умная, откровенная, прямодушная, *mon intéressante Marie*. Но многое и многое въ твоихъ мнѣніяхъ основано на условной фантастической жизни общества, а не на внутренней, глубокой, дѣйствительной человѣческой жизни. Часто ты непослѣдовательна въ своихъ убѣжденіяхъ, и сердце, умъ — съ одной стороны — спорять съ привычками, вкусами — съ другой стороны. Повторяю: иногда это меня сердитъ и оскорбляетъ, но по большей части мнѣ это больно, мнѣ тебя жалко, что ты добровольно отказываешься

отъ лучшей доли человѣка. Такъ, напр., ты убѣждена въ прогрессѣ—и не можешь мысленно оторваться отъ круга, котораго участь пребывать въ *statu quo*. Такъ, тебѣ все поэтическое важно, но не занимаетъ тебя. Маша—меня это мучить—и не ради себя, а ради тебя; ты лишаешься лучшихъ наслажденій. Повѣрь мнѣ, что эти противорѣчія, которыя существуютъ въ тебѣ самой (если заглянешь въ себя откровенно),—они-то главное противорѣчіе между нами. Но все же хорошая человѣческая сторона и въ тебѣ, и во мнѣ такъ сильна, что мы не можемъ оставаться въ отношеніяхъ тупыхъ и пошлыхъ мужа и жены, а должны быть товарищами, друзьями, любовниками. Дѣло въ томъ теперь, что въ близкихъ отношеніяхъ надо не досадовать другъ на друга, а имѣть другъ на друга теплое вліяніе, полное любви. Оно не можетъ имѣть мѣсто, если ты въ меня вѣришь. А я въ тебя вѣрю, право, вѣрю. Да вотъ какъ: еслибы ты перестала меня любить *en amanté* и была бы увлечена другимъ, еслибы я вынесъ это—я былъ бы лучшимъ твоимъ другомъ, и тотъ долженъ бы сдѣлать тебя счастливою подъ опасеніемъ смертной казни. Въ святость брака я не вѣрю—а въ святость любви вѣрю. У насъ бракъ сдѣлался пугаломъ людей—и мы видимъ узы. Но истинная любовь не надѣваетъ оковъ, но только симпатизируетъ со всѣми движеніями любимой души. Отъ этого привязанность къ людямъ, которые близки къ любимому нами существу. Отъ этого я благословляю Галахова за всѣ минуты душевной симпатіи, которыя ты съ нимъ проводила. Бракъ мѣшаетъ жить, а любовь побуждаетъ въ жизни, дѣлаетъ жизнь гармоническою, полною, необъятно-широкою. Если ты думаешь, что между нами нѣтъ ничего общаго, кромѣ названій мужа и жены—то прогони меня, просто прогони меня,—мужъ человѣкъ невыносимый. Но я, Маша, я полонъ надежды, я глубоко убѣжденъ и въ моей любви къ тебѣ, и въ томъ, что противорѣчія между нами—мнимыя, что они должны рушиться вслѣдствіе нашихъ благородныхъ натуръ. Гордіева узла я не могу разрубить, на это у меня нѣтъ ни капли гениальной воли. Но я буду всегда вести себя вслѣдствіе твоего желанія: ты приманишь—приду, ты бросишься въ мои объятія—возьму; ты махнешь—отойду, воротишь—ворочусь. Чтò объ этомъ будутъ думать люди, мнѣ до того дѣла нѣтъ. Не хотѣлось бы, чтобы они тебя позорили, а меня—сколько имъ угодно; въ этому я совершенно равнодушенъ. Любить *par amour propre, pour qu'on dise que j'ai une femme vertueuse*,—я не могу; это гадко. Развратъ лучше этого. Маша, Маша! еслибы ты немного захотѣла вникнуть въ мою

душу, ты нашла бы, что такое самолюбіе для меня не существуетъ. Нѣтъ! — я тебя люблю, какъ друга, подругу, моего ребенка, которому хотѣлось бы дать все возможное человѣческое блаженство—лишь бы только человѣческое, вытекающее изъ святой, вѣчной, божественной природы человѣка, а не изъ пошлой, условной, ежедневной, формалистической, призрачной жизни общества. Еслибъ я былъ ангелъ, Маша, я бы посадилъ тебя себѣ на крылья и унесъ бы на небо. Но и во мнѣ много грязнаго, мелкаго и призрачнаго; я — ein Mensch der Naturgewalt и не довольно просвѣтленъ духомъ, чтобъ изъ свѣтлаго сознанія дѣйствовать вслѣдствіе сильной воли. Вотъ, можетъ быть, причина, отчего ты въ меня мало вѣришь. Я на тебя имѣю мало вліянія.

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

Я часто думаю: зачѣмъ я живу на свѣтѣ? Счастія женщины я не умѣю сдѣлать. Отъ этого всѣ мои личныя отношенія сдѣлались для меня мучительны. Оторваться отъ всѣхъ, кто мнѣ близокъ, — что жъ мнѣ тогда дѣлать на бѣломъ свѣтѣ? А любить — больно. Что мое поэтическое и социальное призваніе? — Ничего не значать. Въ послѣднее особенно мало вѣры, хотя и много рвенія. Однако во мнѣ есть теплота, жаръ души, сильное стремленіе; иногда я даже живу такою полною жизнью, за минуту которой я не возьму ста тысячъ другихъ жизней. О! не все потеряно, не вѣрю, чтобъ все было потеряно. Съ тобой мы будемъ друзьями, съ друзьями — союзомъ, а все, что во мнѣ хорошаго, выскажется въ стихахъ. Маша, Маша — люби твоего поэта! Послушай: если я и недостойнъ или буду недостойнъ любви — все же люби меня. Но полно толковать на этотъ ладъ; это слишкомъ давитъ душу. Виноватъ ли я, что я сегодня грустенъ? А все эта проклятая слабость характера, подчиненіе der Naturgewalt; между тѣмъ какъ спокойная духовная сила должна бы вести жизнь ровно и стройно.

Когда пріѣдешь? Привези мнѣ фракъ и черный жилетъ, словомъ — бальный костюмъ. Здѣсь по субботамъ балъ, на которомъ вуча народу; Лаубе пляшетъ; пріѣзжай съ нимъ танцовать; а m-me Laube не пляшетъ, я съ ней буду говорить. Здѣсь живутъ веселѣе; по дамъ больше, чѣмъ кавалеровъ. Дамы любятъ надѣвать вѣнки на вечеръ. C'est joli. Кто-то была съ m-me Nostiz въ вѣнѣ — очень недурна.

Привези мнѣ пухлякъ, мои пули скоро выйдутъ; вчера я отлично стрѣлялъ.

Скоро перейду внизъ и буду ждать тебя.

Прощай, моя милая подруга! Можно такъ назвать? *Chère, chère Marie.*

Взгляни на Елагину, какъ на женщину, въ которой много чувства, *Innerlichkeit*, свѣтлаго, живого человѣческаго чувства, и съ ней можно будетъ сойтись. Дочь ея такъже. А *m-lle Mojeu* не знаю.

Прощай! Цѣлую Сталиньку ¹⁾.

Тебя цѣлую и обнимаю. Будь моимъ другомъ, прижми меня къ сердцу, отдай мнѣ твое сердце—ему будетъ тепло отъ моей любви. Прощай!

Кланяйся Елагиной.

Еще замѣчаніе: любовь не исключительна (*exclusif*), а все-объемлюща и всепреданна.

3.

Воскресенье, 10 ч. веч.

Слѣдуя твоему примѣру, беру маленькій лоскутъ бумаги. Но ты знаешь, я пишу мелко.—Бывало, прощаясь съ тобой, я плакала, какъ ребенокъ, но никогда разставанье мнѣ не было такъ невыносимо-тяжело, какъ давеча утромъ. Послѣдній разговоръ оставилъ насъ въ какомъ-то неудовольствіи, которое меня мучило и мучитъ. Проклятая пропажа плаща, отвлекая вниманіе другъ отъ друга, довершила горькую холодность прощанья... Маша—повѣрь мнѣ хотя единожды—не такъ мнѣ хочется встрѣчаться, не такъ разставаться, какъ это случается. Когда я ѣду къ тебѣ—мое сердце тепло, мнѣ хочется такъ много любить тебя; когда я уѣзжаю—мнѣ жалко, мнѣ хочется слова любви, мнѣ хочется слезъ; всегда я тронуть и глубоко тронуть. А въ этотъ разъ это не просто грустно, нѣжно-грустно было, а тяжело—какъ вотъ когда задыхаешься. Зачѣмъ мы смотримъ другъ на друга какъ враги? Неужели въ насъ нѣтъ элементовъ сближенія? Развѣ въ насъ нѣтъ горячей привязанности другъ къ другу? Развѣ въ насъ нѣтъ широкой любви къ человѣчеству? Развѣ не случается, что одинъ и тотъ же видъ пробуждаетъ въ насъ одинаковое сочувствіе къ природѣ? Развѣ не случается, что одна и та же мелодія намъ одинаково ворочаетъ душу? Развѣ нѣтъ между нами симпатіи? Быть не можетъ! Быть не можетъ, чтобъ ты *не хотѣла* сочувствовать со мною. Я про-

¹⁾ Ребенокъ, родственникъ М. Л., взятый ею на воспитаніе.

клинаю всякое сомнѣніе. Маша—Бога ради—возвратимъ другъ другу нашу прежнюю любовь. Ты мучишься — но пойми хоть разъ,—что и мое положеніе невыносимо, что я нѣсколько разъ на день застаю въ себѣ желаніе отжить поскорѣе жизнь, которую я проклинаяю. Кончимъ это, Бога ради, кончимъ. Когда я думаю, что можетъ быть время, когда ты не станешь любить меня и я тебя, мнѣ становится страшно; голова кружится, мнѣ кажется, что мы оба дѣлаемъ преступленіе великое. Но какъ все это кончить? Чѣмъ развязать драму?.. — Не знаю. Разговоры между нами вредны, всѣ споры о прошедшемъ—только взаимныя обвиненія, и, можетъ, въ самомъ дѣлѣ мы оба правы и оба виноваты. Но развѣ, любя, нельзя простить и изгладить изъ памяти все горькое? Что же и за любовь, если она прощать не умѣетъ? Маша, простимъ другъ друга, ради Бога, и не станемъ спорить ни о чемъ. Давай жить, какъ мы прежде жили, душа въ душу. Если у насъ и есть разные вкусы—это вещь совершенно виѣшняя; если они требуютъ удовлетворенія—не надо мѣшать другъ другу; если это въ самомъ дѣлѣ потребность — то будемъ рады, когда кому изъ насъ весело. А если это фантазія—то она пройдетъ. Но изъ любви другъ къ другу не станемъ проклинать что-нибудь такое, что для одного изъ насъ свято, сильный реалитетъ, а не фантазія. Ну, ради Бога перестанемъ ссориться. Я хочу любви, твоей любви. Я ничего, никакихъ уступокъ и жертвъ не требую; я знаю, что когда кто принесетъ жертву (т.-е. въ самомъ дѣлѣ жертву), то онъ будетъ ненавидѣть того, кому принесъ ее. Не хочу и не приношу жертвъ. Кто требуетъ жертвы — тотъ не любитъ. Но самый малѣйшій шагъ съ твоей стороны, Маша, будетъ для меня неизмѣримо великой милостью, т.-е. движеніемъ любви, за которое я стану передъ тобой на колѣни...

Какъ же мнѣ было тяжело сегодня! Я цѣлый день метался изъ угла въ уголь и ничего не могъ дѣлать, — и все думалъ о тебѣ, о насъ. Куда писать къ Галахову — скажи мнѣ—я отсюда напишу къ нему.—Теперь мнѣ немного лучше. Вечеромъ былъ концертъ, куда я не пошелъ, потому что не намѣренъ слушать флейту. Потомъ была въ залѣ же богемская народная свадьба (вѣрно, нарочно кого-нибудь женили, чтобъ показать эрцгерцогу, какъ богемцы женятся). Я думалъ, что надо явиться во фракъ, и, одѣваясь, прогулялъ свадьбу; а такъ какъ я не эрцгерцогъ, то для меня во второй разъ никого уже не женили. Потомъ былъ балъ. Я не пошелъ—и безъ того было грустно. Kaisergasse была иллюминирована, въ саду и въ отдаленіи былъ

очень глупый фейерверкъ. Наконецъ, все погасло. Одна луна не погасла и такъ хороша, какъ я давно ея не видалъ. Она меня успокоила. Грусть стала тише и не имѣтъ уже этого раздражающаго характера. Но мнѣ все чего-то жаль, да вѣдь какъ жаль! Все гляжу назадъ, и тамъ столько свѣтлаго, счастливаго... Маша! возврати мнѣ мое блаженство! если только хочешь, если только можешь. О! съ какой радостью я откажусь отъ всякя скверны въ моей жизни, отъ склонности къ вину и т. д. (кромѣ убѣжденій, что было бы ложь непростительная, просто преступленіе), лишь бы ты мнѣ отдала твою любовь, т.-е. мое блаженство.

Но прощай, Маша; я усталъ... Благословляю тебя. Спи спокойно. Да люби меня, сколько я теперь тебя люблю. Выйдемъ изъ этой борьбы оба очищенные—не такъ ли? Прощай, цѣлую тебя крѣпко-крѣпко.—Завтра беру ванну въ 8 часовъ и ѣду въ Waldstein до вечера. Но еще скажу слова два. Прощай!

Понедѣльникъ, утро.

Bonjour! Что твое здоровье? Я уже напился воды, выкупался и выпилъ кофій. Хотѣлъ ѣхать куда-нибудь—но еще колясокъ нѣтъ. Будутъ послѣ обѣда. Поѣду послѣ обѣда, если будетъ хорошо. Маша, другъ мой—отвѣчай на это письмо,—но, Бога ради, не жестко, не колко—мнѣ и такъ здѣсь тяжело. Pitié, pitié. Впрочемъ, отвѣчай какъ думаешь. Лжи я не хочу.—Теперь запечатаю письмо и почитаю кое-что. Прощай! Жду отъ тебя записки.

Дай же руку и поцѣлуй меня.

Вѣришь ли ты мнѣ? Можешь ли ты любить меня? Прощай!

4.

Вторникъ. Утро.

Вчера получилъ твое письмо, приѣхавъ довольно поздно изъ Гохберга. Merci! Я былъ радъ этому письму, въ немъ видна любовь,—и вотъ опять надежда на успокоеніе, на примиреніе въ жизни воскресла. Можетъ быть, мы опять будемъ счастливы! Жажда блаженства полнаго, роскошнаго, томить меня; настоящее положеніе мнѣ нестерпимо. Я зналъ блаженство съ тобой—неужли же не могу знать его съ тобой еще разъ? Странное дѣло: и ты, и я—мы говоримъ о *своёмъ* блаженствѣ. Воля твоя, мы оба глубокіе эгоисты и не болѣе... Однако нѣтъ! Чтѣ жажда блаженства, какъ не жажда любви? А жажда любви противопо-

ложна эгоизму, какъ день ночи. Намъ нельзя искать другой любви, какъ другъ къ другу—(если бъ это и случилось, надо стараться изгнать фантазію)—уже потому нельзя, что мы тѣсно связаны воспоминаніемъ и пока—и дай Богъ, чтобъ всегда такъ было—всякая другая любовь для насъ чудовищна. Я говорю о любви въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. о любви мужчины и женщины. Маша—надо же наконецъ понять, что любовь мужчины къ женщинѣ мѣшаетъ только любви къ другой женщинѣ, а не любви къ наукѣ или искусству, не мѣшаетъ дружбѣ. Любовь въ сущности одна и та же, но проявленія ея различны. Любовь къ женщинѣ—одно проявленіе; тутъ индивидуальное влеченіе беретъ верхъ надо всѣмъ; тутъ главную роль играютъ личности; мы любимъ именно такую-то женщину, душа особенно расположена къ ней, настроена на извѣстный ладъ. Любовь къ другой женщинѣ уничтожаетъ любовь къ той женщинѣ; оттого въ этомъ случаѣ любовь исключительна; любовь къ двумъ женщинамъ разомъ невозможна, какъ невозможны двѣ болѣзни одинакихъ, какъ нельзя быть разомъ въ двухъ мѣстахъ. Но что бы ты сказала, еслибъ любовь къ женщинѣ мѣшала, напр., любви къ музыкѣ? Развѣ бы это не было уродливо? Любовь къ музыкѣ можетъ быть безконечно сильна, но она нисколько не мѣшаетъ безконечно сильной любви къ женщинѣ, потому что проявленія любви различны. Можетъ быть, то, что ты этого не хотѣла понять, было причиной многого темнаго, просто дурного въ нашей жизни. Маша! развѣ любовь должна мѣшать жить? Развѣ она должна играть роль ассарагеур'а? Мы, раздѣленные пространствомъ, оба пришли къ одной мысли: бросить дурное прошедшее и подумать о настоящемъ примиреній въ жизни и съ жизнью. Ты жалуешься на мою апатичность: теперь—откровенно говоря—распри производятъ во мнѣ эту апатичность; да, мой эгоизмъ дѣлаетъ то, что я затворяюсь въ мой внутренній міръ и страдаю въ немъ одинъ, и страдаю боязнью, чтобъ внѣшнимъ привосновеніемъ онъ не разрушился,—и молчу, и молчу, и боюсь говорить. Скажу болѣе: это состояніе, которое невыносимо, можетъ довести меня до паденія, до разврата, до неистовства. Ты думаешь, что я сплю: если я сплю, то я вижу во снѣ что-то черное, страшное, что мнѣ мѣшаетъ дышать. Ты знаешь, какъ трудно переносить кошмаръ. Но средство выйти изъ этого положенія? Для меня одно средство жить—я думаю такъ же, какъ и для тебя,—это жить полно, жить всѣмъ, къ чему есть стремленіе. Маша! неужли мы необходимо должны смотрѣть съ ненавистью на все, что для одного изъ насъ составляетъ полную жизнь? Для меня полная

жизнь: въ любви къ тебѣ, въ любви къ искусству, любви къ наукѣ, къ дружбѣ, къ міру духовному. У! какъ хочется пить блаженство полной чашей. Даже страданія духовныя не страшатъ меня — и въ нихъ есть блаженство. Но страданія отъ обстоятельствъ — ужасны, потому что произведены внѣшней необходимостью, а не свободнымъ выборомъ своего удѣла, потому что они гнутъ, давятъ, морозятъ. Развѣ ты изъ любви ко мнѣ ни къ чему не присоединишься? Ну! да если тебѣ что антипатично, а мнѣ симпатично, — не мѣшай мнѣ симпатизировать — изъ любви ко мнѣ, иначе ты будешь меня гнуть, въ чемъ нисколько нѣтъ любви. А если я изъ любви къ тебѣ откажусь отъ чего-нибудь мнѣ глубоко-симпатичнаго — бойся, Маша — моя любовь исчезнетъ, и я не буду властенъ въ этомъ. Но симпатизировать съ тобой когда хочешь, гдѣ хочешь — я всегда готовъ, всегда безъ всякихъ заднихъ мыслей, съ дѣтской, наивной, горячей привязанностью къ тебѣ. Если тебѣ будетъ весело — я буду радоваться. Если тебя займетъ то, что меня не занимаетъ, я буду радоваться, на тебя глядя. Если ты увидишь мою глупую и грустную фигуру въ праздничномъ обществѣ, не гнушайся мной и не кори меня, и не думай, чтобъ я мѣшалъ тебѣ веселиться; — я буду смотрѣть и любоваться тобой изъ-за угла, никому не замѣченный; а смѣшновъ я или нѣтъ въ свѣтѣ, что мнѣ до этого за дѣло? Маша! Возьми меня съ моей любовью, говори мнѣ, что я могу сдѣлать для твоего наслажденія — я все буду радъ дѣлать, отъ души приму участіе и въ твоихъ занятіяхъ, и въ твоихъ удовольствіяхъ. Но и ты прими участіе въ моихъ наслажденіяхъ, а если не можешь, не хочешь, то не препятствуй мнѣ жить всею жизнью. Дай мнѣ свободно развиваться въ моей жизни, вслѣдствіе моей натуры. Иначе я замру и выдохнусь и исчезну, какъ цвѣтокъ, пересаженный не на свою землю. Маша! не принимай моихъ словъ за мораль. Анализись вкорененъ во всѣхъ насъ — и потому не брани, что я анализирую. Это въ духѣ эпохи, слѣдствіе рефлексіи, самосознанія. Я люблю тебя, Маша, вѣрь мнѣ, — я хочу быть твой, но чтобъ и ты была моею.

Книга Feuerbach'a увлекательна. На многое открываетъ глаза. Я постараюсь тебѣ дать объ ней короткій отчетъ. Но едва ли можно сыскать книгу разрушительнѣе для христіанства. Одно заключеніе для себя я вывожу, что мнѣ жаль, что я не рожденъ во время апостоловъ; я былъ бы чудеснымъ христіаниномъ — ein Gemüthmensch. Опять примусь читать.

Прощай, Маша! Цѣлую тебя, люблю тебя, благословляю тебя. Другъ мой, моя милая — хочешь ли ты въ самомъ дѣлѣ

быть моей Машей? Сколько чудеснаго, святаго въ любви! Маша! бросься ко мнѣ на шею. Я какъ-то сегодня спокойнѣе послѣ твоего письма. — Но я совершенно одинъ. Русскіе — не лучше карлсбадскихъ. — Кланяйся Елаг., Галах. Цѣлую Сталинку. Прощай, Маша! — До завтра.

5.

Вторникъ, вечеромъ.

Два послѣднія твои письма воскрешаютъ во мнѣ бодрость духа. Я упадалъ, я становился золь отъ внутренней скорби — теперь мнѣ вается, будто я лучше. Но мы опять приходимъ на то же: всякій чувствуетъ только свое горе. Но, можетъ быть, мы оттого и не чувствуемъ страданія другъ друга, что у каждаго свое слишкомъ сильно. Мы оба слишкомъ упрямы, и если ты жалуешься, что я хочу тебя скротить по своей выкройкѣ, — то я могу сказать то же. Другъ мой! исправимъ ошибку — мы въ любви видѣли страсть жгучую, а страсть стремится подчинить себѣ все; гдѣ страсть, тамъ есть господинъ и рабъ. Но прочь рабство! Любовь должна быть соединеніемъ двухъ свободныхъ существъ для взаимнаго блаженства. Не говори, Маша, чтобъ между нами стояло какое-нибудь привидѣніе, ей Богу — это твоя фантазія. Между нами нѣтъ никого, кромѣ насъ самихъ, т.-е. взаимнаго неудовольствія собственно нашего, безъ всякаго посторонняго вліянія. Посторонняго вліянія вовсе нѣтъ — я тебѣ это гарантирую. Повторять или не повторять причину нашего неудовольствія? Представить ли тебѣ оправданіе меня передъ тобой — или бросить это, вычеркнуть изъ нашей жизни недоброе и крѣпко прижаться другъ къ другу? Прежде обнимемъ и скажемъ: мы другъ для друга необходимы. Врозь мы оба потеряемся — въ пустотѣ, въ развратѣ, можетъ быть. вмѣстѣ мы будемъ взаимнымъ пополненіемъ другъ другу къ полной жизни. Чего нѣтъ у одного, дается другому, и жизнь à deux составить роскошное единство. Моя пассивная натура ищетъ созерцаній, твоя энергическая натура — дѣятельности. Но человѣкъ исключительно активный и исключительно пассивный равно односторонни. Полный человѣкъ — вмѣстѣ человѣкъ созерцанія и человѣкъ дѣла. Маша! вмѣстѣ мы можемъ быть однимъ полнымъ человѣкомъ. Я принесу мысль и чувство (Gemüth) — ты энергію, и... и... и... не правда ли — мы можемъ быть счастливы? Вѣдь намъ уже и потому надо другъ друга, что всякая односторонность не удовлетворяетъ, а мы порознь односторонни.

Ты хочешь скорѣе развязки, какъ бы она ни была горька,—и я тоже. Но я не хочу, чтобъ она была горька. Маша, да на кого жъ я тебя оставляю? Кто съ любовью привяжется къ твоему существованію—если не я? Я это знаю и тѣмъ горячѣе жажду примиренія.—Не могу не повторить обвиненій: ты думаешь, что я тебя промѣнялъ на другихъ? Полно, Маша!—Ты хотѣла бы, чтобъ я раззнакомился съ людьми, съ которыми у меня есть сильная симпатія, — и тогда ты повѣрила бы моей любви къ тебѣ. Нѣтъ, Маша,—ей Богу—тогда-то и не вѣрь ей; тогда я *in facto* докажу мою неспособность любить кого бы то ни было, сдѣлавъ уступку противъ моего чувства—только ради спокойствія. Спокойствіе — дѣло великое, но его нельзя покупать цѣною внутренней лжи. Я могу скрыть какой-нибудь фактъ ради взаимнаго спокойствія — но скрыть чувство — слишкомъ гадко. Не обвиняй меня!—еслибъ я дѣлалъ, какъ ты хочешь, я былъ бы недостойнъ тебя. — Мой другъ оскорбилъ тебя, но ты его ненавидѣла прежде и сама оскорбила его; если заглянешь въ себя отчетливо—то это такъ ¹⁾. Мнѣ же не то больно, что ты не любишь именно такого-то человѣка, а то, что ты отвергла мою лучшую дружбу, слѣдовательно отвергла что-то, чтò въ моемъ существованіи было свѣтлаго, широкаго, глубокаго. Это было мнѣ оскорбительно; это такъ меня поразило, что, можетъ быть, я и не умѣлъ хорошо поступить. Прости мнѣ неумѣніе, Маша, прости ради любви — ей Богу, тутъ нехотѣнія не было, равнодушія не было. Потомъ вы спорите обо мнѣ — говорю: вы спорите между собой обо мнѣ, потому что это такъ. На это я скажу: берегитесь! вы оба потеряете меня. Я не могу быть кускомъ мяса, которое раздираютъ на-двое. Я просто слишкомъ самолюбивъ, слишкомъ гордъ для этой роли. Я могу любить тогда, когда я свободенъ. Дайте мнѣ волю любить кого хочу—это мое дѣло. А если кто мнѣ сдѣлаетъ предписаніе любить или не любить—я буду упрямъ, я буду жесткъ и золь, я скорѣе стану ненавидѣть, чѣмъ подчинюсь. Мнѣ нужна воля—тогда мое сердце будетъ тепло, тогда я буду любить, какъ никто васъ любить не можетъ. Маша! прости мнѣ, если я умышленно или неумышленно сдѣлалъ чтò противъ тебя. Брось распри, дай мнѣ развиваться свободно и садись ко мнѣ на колѣни, прижмись къ моей груди, люби меня, и никто не дастъ тебѣ такой сильной привязанности, такихъ горячихъ поцѣлуевъ, никто лучше не скажетъ тебѣ, что ты для него лучшее въ жизни. Свобода дѣй-

¹⁾ Рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о Герценѣ.

ствія и любовь непреходящая—вотъ мой лозунгъ. Вѣрь—съ нимъ мы опять возвратимся къ блаженству и соединимся такъ тѣсно, какъ, можетъ, еще и не бывали. Кажется, я и не морализировалъ. Я стану ненавидѣть самого себя, если и теперь мои слова тебѣ надобли. Нѣтъ, Маша, нѣтъ — вѣдь ты любишь меня—вѣдь я тебѣ нуженъ, вѣдь ты моя, моя слеза—твоя, моя любовь—твоя—я весь твой—ты моя подруга—tu es mon amante—et vive l'amour! Мое блаженство, мое блаженство!—отдай мнѣ его, я умру безъ любви къ женщинамъ—а ты моя избранная—на кого жъ я тебя промѣняю?

Боже мой! свѣча сгорѣла—скоро будетъ темно; а мнѣ еще столько хочется говорить, такъ ласково говорить. Во вторникъ я у тебя. Прежде еще твои письма рѣшаютъ мою участь—хочешь ли ты терпѣть меня, какъ я есть? Мои стремленія не слишкомъ ли отвратительны для тебя? Твои для меня нисколько; ты мнѣ слишкомъ необходима, чтобъ я не привязался ко всѣмъ твоимъ желаніямъ; но, ради Бога, не разбивай моей внутренней жизни, возьми меня живого и свободнаго—безъ тебя и безъ моего внутренняго міра я замру, а живой трупъ—сама ты знаешь—какъ для тебя несосесть. Обними же меня и благословимъ другъ друга. Маша! мы нужны другъ другу? Не правда-ли? Да! Да! скажи—да!—Цѣлую тебя! Свѣча гаснетъ—прощай!

Середа.

Проспалъ. Пилъ воду... Потомъ писалъ стихи—очень удачно. Потомъ купался и обѣдалъ, и теперь собираюсь въ Waldsachsen.—Вчера я былъ въ Эгерѣ и видѣлъ развалины. Вліяніе ли Шиллера, или собственно исторіи, но безъ преувеличенія—меня взяло какое-то скорбное чувство и трепеть въ разрушенномъ замкѣ Валленштейна. Домовая капелла совсѣмъ цѣла. Я думалъ—какъ здѣсь молилась Текла, лучшее созданіе Шиллера. Можетъ быть, настоящая Текла была совсѣмъ не то, но я знаю только Шиллерову, и другой мнѣ не надо. Домъ совсѣмъ развалился, не видно, гдѣ была зала и гдѣ другія комнаты. Тутъ былъ убитъ Валленштейнъ. Еще—полуразвалившаяся башня, которая построена изъ лавы и, вѣрно, служила обсерваторіей герцогу. На развалинахъ я встрѣтился съ богатымъ фабрикантомъ Тауссигъ, который очень добродушенъ; повелъ меня въ ратгаузъ, гдѣ портретъ Валленштейна того времени и картины его убіенія и убіенія его приверженцевъ. Лицо Валленштейна удивительно сильно. Видно властолюбіе и гордость борьбы аристократіи съ самодержавіемъ. Картины уродливы, но говорятъ, что всѣ лица

похожи. Тутъ же мечъ Валленштейна, почти съ меня ростомъ; жонь, которымъ поразилъ его Деборро. Потомъ рекомендовалъ мнѣ Тауссигъ взглянуть на коллекцію птицъ коменданта Эгера. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательная коллекція, тебя бы это заняло; роскошь цвѣтовъ въ перьяхъ колибри и райскихъ птицъ всего болѣе меня заняла. Потомъ Тауссигъ привезъ меня домой, гдѣ я нашелъ твое письмо и писалъ къ тебѣ.

Пора ѣхать въ *Waldsachsen*. Вечеромъ еще ванна. Но на прощанье еще нѣсколько словъ. Не знаю, довольна ли ты будешь моимъ письмомъ; но знаю одно, Маша, что желаніе быть съ тобой, быть твоимъ, любить и быть любимымъ, желаніе блаженства томить меня. На волѣняхъ молю тебя, отдай мнѣ мое блаженство. Не будь глуха на мой крикъ, вѣдь это крикъ несноснаго страданія!..

Прощай! Пора. Цѣлую и обнимаю тебя крѣпко, какъ только любить умѣю. Прощай.

6.

Среда. Вечеромъ 11 часовъ.

Я ѣздилъ въ *Waldsachsen*. Дождикъ шелъ. Видѣлъ церковь. Церковь какъ церковь; образа, статуи и маленькія куклы, т.-е. рѣзьба изъ дерева, сдѣланная пастухомъ въ XVII вѣкѣ, при возобновленіи церкви, разрушенной въ 30-лѣтнюю войну; а построена она въ XI вѣкѣ. Прежде былъ тутъ монастырь, а теперь бумаго-прядильная фабрика.—Приѣхалъ, нашелъ твое письмо.— Маша! неужели я только дружбу сулилъ тебѣ? Нѣтъ, дружба слишкомъ общее чувство; я сулилъ тебѣ нѣчто гораздо личнѣе— любовь. И теперь сулю, потому что способенъ любить. Нѣтъ! я не разучился любить. Я люблю любовь во всѣхъ ея видахъ и никогда не разучусь—ни любить женщину, ни любить друга, но всегда пойму разницу. Маша! да одна ласка чего стоитъ? (А она невозможна въ дружбѣ.) Боже мой! Какъ ты не хочешь понимать меня! Право грустно! Еще разъ: люди понимаютъ только свои потребности, и нечего винить, когда чтѣ другъ въ другѣ остается темно. Видно, эгоизмъ въ насъ главное основаніе, Маша! Но не ты ли даешь мнѣ только чувство дружбы? Грустно! Маша! одно только прошу—если ты когда полюбишь любовью не меня—скажи мнѣ. Я ужъ какъ-нибудь справлюсь съ жизнію; какое дѣло, гадка она будетъ или нѣтъ. Но ужъ тотъ-то отвѣтитъ мнѣ жизнію за твое счастье. О! я чувствую, что былъ способенъ дать блаженство женщинѣ. Горе тому, кто не дастъ тебѣ

блаженства, я растерзаю его. Нѣтъ! грустно, Маша, — не хочу писать. Можетъ, завтра будетъ лучше. Одно только на прощанье, это стихи Гёте, еще нигдѣ ненапечатанные; я ихъ выписалъ за ужиномъ изъ Лейпцигской газеты. Вслушайся, какъ они глубоко хороши:

(Далѣ слѣдуетъ стихъ Гёте: „Das letzte Roth vom Himmel wich“, и т. д.).

О, хороша любовь!..

Маша! учить я тебя стану чему хочешь. Передамъ и знанье, и сомнѣнія. Но берегись—сомнѣній больше, чѣмъ знанья. Маша! ужъ и такъ грустно на свѣтѣ—что-жъ безъ любви-то?

Прощай, Маша! Благословенье и поцѣлуй на сонъ грядущій.

Четвергъ. Утро.

Туманное небо и на душѣ туманно. Куда дѣваться съ жизнью? Куда убѣжать отъ страданія? Гдѣ спокойствіе? Гдѣ блаженство? Тамъ! въ томъ мірѣ! Но въ томъ мірѣ хорошо настолько, насколько создала его наша фантазія. Отвращеніе отъ смерти, желаніе жить индивидуально заставили людей выстроить себѣ другой міръ и на него возложить всю надежду. А существуетъ ли тотъ міръ—не знаю. Знаю только, что въ этомъ мірѣ неловко. Знаю, что умъ сомнѣвается, что сердце страдаетъ. Знаю, что отъ сомнѣній ума голова горитъ какъ въ огнѣ; знаю, что отъ страданій сердца льются слезы, и все слезы, и вѣчныя слезы. Ребенкомъ—я вѣрилъ въ Бога и чорта; уповалъ и боялся. Выросъ—разувѣрился въ чортѣ, а вмѣстѣ съ чортомъ, олицетвореніемъ идеи зла—исчезъ и Богъ, олицетвореніе идеи добра; остались два абстракта—зло и добро. А я больше человекъ сердца, чѣмъ человекъ ума. Мнѣ нуженъ былъ Богъ личный. Съ отчаяніемъ я бросился въ мистицизмъ, но не выдержалъ. Разумъ взялъ свое, мистицизмъ растаялъ, какъ воскъ на свѣчкѣ. И вотъ я остался жертвой разума, страдая горькой истиной; но все же лучше любя страдать истиной, чѣмъ блаженствовать съ ложью. Ребенкомъ я ненавидѣлъ дядьку; — выросъ — любилъ свободу, бросился въ развитіе гражданственности — и видѣлъ угнетеніе и не могъ помочь людямъ. Ребенкомъ — я любилъ мою мертвую мать, — выросъ — любилъ тебя; мнѣ надо было любить женщину. Но мать моя мертва. А гдѣ любовь наша? Судьба не отдастъ матери, а ты не отдаешь любви! Боже! какъ горько жить на свѣтѣ. Дружба! Да кто жъ изъ насъ не страдаетъ равно всѣми вопросами? Гдѣ утѣшеніе? Маша! гдѣ утѣшеніе? гдѣ вѣра? гдѣ любовь? Я плачю—ты это чувствуешь.

Я молодъ былъ, была весна,
И я любилъ, и птички пѣли,
Долина жизнью полна,
Деревья шумно зеленѣли.

Прошла любовь, прошла весна
И птички замолчали,
Долина свѣгомъ устлана,
Съ деревьевъ мерзлыхъ листья пали.

И самъ ужъ я сѣдой старикъ,
Мнѣ кровь не согрѣваетъ тѣла,
Я головой на грудь поникъ,
И жизнь мнѣ падоула...

А въ Гётевской пѣснѣ сколько блаженнаго спокойствія! Хороша любовь, хороша! Но неужели я оттолкнулъ любовь? Вѣдь я едва ли умѣю ненавидѣть. — Нѣтъ! ей Богу, я не отталкивалъ любви. Мой мистицизмъ ушелъ — потому что не хотѣлъ ужиться съ разумомъ. Ты ушла, оттого что пренебрегла мои связи истинныя. Но я не виню тебя и не пеняю. Я не переставалъ любить тебя, и не перестаю, и не перестану. Но мнѣ ужасно горько. Хожу по комнатамъ изъ угла въ уголъ и бьюсь объ углы и не хочется разбиться разомъ; лучше долго биться и умереть избитымъ, покрытымъ синими пятнами. Слабость это или сила? или надежда? Быть можетъ, надежда! Тамъ, впереди, мелькаетъ какой-то свѣтъ — будто придетъ еще весна, будто придутъ роскошныя объятія любви, будто разумъ найдетъ истину, будто душа успокоится въ развитіи человѣчества. — О! скорѣй бы новую весну! Я забну и вяну. Кто придетъ на помощь? Маша! придешь ли ты на помощь? Говори, говори — рѣши участь. Я хочу любви — говорю тебѣ — или я совсѣмъ замру. Я хочу движенія въ людяхъ, я хочу истины — или я погибну. Боже мой! я хватаюсь за всѣ предметы, отъ которыхъ жду блаженства — и, можетъ быть, напрасно! Тоска — да и только.

Гучи прошли, солнце свѣтитъ. Легче мнѣ или нѣтъ? Ничего не знаю.

7.

Entre midi et 1 heure.

Еще нѣсколько минутъ до ванны, еще успѣю сказать тебѣ нѣсколько словъ. Вѣдь любовь наша не прошла? Не правда ли? Мы можемъ еще любить другъ друга, какъ прежде — или еще лучше, полнѣе, чѣмъ прежде? Въ нашей новой любви можетъ быть больше силы и величія. Такъ ли? Отвѣчай мнѣ! Я изне-

могаю безъ любви. Если ты не способна мнѣ дать ничего болѣе, какъ чувство дружбы—скажи откровенно. Не бойся оскорбить меня. Это необходимо для твоего счастья. Ложное положеніе давить. Въ твоемъ отвѣтѣ я увижу, каково должно быть мое поведеніе, образъ жизни,—все, что нужно для твоего спокойствія и счастья. Но скажи откровенно. А если можешь мнѣ дать любовь—о! тогда бросься ко мнѣ на шею!

Прощай! Маша—цѣлую тебя—*comme une sœur et comme une amante*—отъ тебя зависитъ.—Я могу согнуть себя для перваго, но гордо и сильно дамъ поцѣлуй въ послѣднемъ случаѣ. Прощай!

Елагину жду сегодня—и очень буду ей радъ. Послѣ обѣда пойду стрѣлять въ Эгеръ.

Прощай!

8.

Четвертъ вечеромъ.

Елагина привезла мнѣ твое письмо; почта привезла приписку. Твое письмо длинно и въ немъ сказано много. Долго я не рѣшался отвѣчать, даже хотѣлъ отложить до завтра, но не могу вытерпѣть. Маша! сказать ли правду? Ты, кажется, желаешь, чтобъ я тебѣ сказалъ: я тебя могу любить только какъ друга—можетъ быть, потому, что сама не можешь уже мнѣ дать другого чувства. Пусть такъ! люби меня какъ друга; насильствовать чувства нельзя—

Признайтесь: страшно скоронить
 Любовь, которой сердце жило,
 И пошло, холодно забыть
 И страсть, и грусть, и все, что мило.
 Еще страшнѣй сказать себѣ,
 Что все проходитъ непремѣнно,
 Что въ человѣческой судьбѣ
 Такъ надо, такъ обыкновенно... (Я--Гр. С.) ¹⁾.

Но пусть такъ! Боже мой, Маша—душа рвется пополамъ. Но ни слова горечи. Свято сохраняю то, что ты на меня возлагаешь. Сыграю роль, какъ отличный актеръ, буду другомъ, какого ты не найдешь еще. И такъ, à bas l'amour ради спокойствія. Боже мой! До чего я дожилъ; лучше бы я не родился. Но это не моя вина, люди родятся не по желанію.

Мнѣ все слышится какая-то музыка, раздирающая душу.

¹⁾ Изъ стих. Огарева „Къ ****“ (къ графинѣ Салиасъ).

Будто отпѣваютъ кого-то. Видно, у меня въ душѣ отпѣваютъ что-то. Вѣчная память!

Но скажи—что ты понимаешь подъ этимъ: отношенія друга? Требую объясненія.

Дружба помогаетъ, соболѣзвуетъ, научаетъ, говорить правду, безъ опасенія. Дружба вѣжна до извѣстной степени—а любовь? А роскошныя ночи, гдѣ сладкія слова и сладкіе поцѣлуи? тутъ вся жизнь человѣка! *Selige Gewohnheit des Daseyns, und von dir soll ich scheiden!..*

Прощай, Маша,—*ich kann nicht mehr!* Благословляю тебя, другъ мой, цѣлую!...

Пятница. Утро.

Здравствуй, другъ мой!

Давно уже хотѣлъ писать къ тебѣ; но у меня былъ Ройновскій. Въ самомъ дѣлѣ очень хорошій юноша, образованъ и милъ. Я не ошибся. Вчера пріѣздъ Флагиной мнѣ былъ большой отрадой. Я ее очень люблю. Послѣ нея мнѣ стало грустно; одиночество, твое письмо, несбывшіяся надежды, жизнь пропавшая, растроченная даромъ, все это такъ мѣшалось въ головѣ, что я не могъ тебѣ писать.—Человѣкъ привыкаетъ ко всякому состоянію; было время, и жизнь тюрьмы казалась мнѣ очень естественной; привыкну ко всему. Сегодня я тише, я побѣждаю горечь, я хочу быть вѣжливымъ. Заботливо заняться твоею жизнію, дать тебѣ спокойствіе, насколько могу—расширить тебѣ кругъ наслажденій,—вотъ, кажется, будетъ мое дѣло. Роль отца—моя роль. Отца! Вѣдь и въ этомъ словѣ есть что-то глубокое и могучее. Христосъ не могъ себя представить Бога иначе, какъ называя отцомъ—что доказываетъ вѣжностъ и святостъ этой связи. Но отецъ живетъ своею жизнію, кромѣ того, что живетъ для сына или дочери. Дѣти живутъ своею жизнію, кромѣ того, что живутъ для отца. *Bei Allem dem wird es unheimlich.*

Все это не то. Я люблю цвѣты пахучіе, а любовь къ женщицѣ—это благоуханіе. Но да будетъ то, чему надо быть. По крайней мѣрѣ, теперь я могу доказать тебѣ, насколько я любилъ тебя, могу сдѣлать тебѣ жизнь сносною, можетъ быть—счастливою. Будь спокойна, моя Маша, и люби меня насколько можешь. Если будешь счастлива и скажешь, что я тебѣ не нуженъ—я удалюсь; если приманишь, я опять брошусь къ тебѣ и обойму тебя какъ существо, которое я все же любилъ больше всего на свѣтѣ, существо, которому я обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни, и къ которому я всегда сохранию уваженіе

и глубокую, горячую привязанность—нигѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Шпрудель тебя беспокоить. Ты не пей его ужъ слишкомъ много, чтобъ онъ не надѣлалъ тебѣ вреда. Совѣтую кончать въ понедѣльникъ, чтобъ хотя дня два отдохнуть до дороги. Во вторникъ, *entre midi et une heure*, я у тебя. Какъ-то ты меня примешь? Куда посадишь? чѣмъ угостишь? Какъ назовешь?

Мнѣ кажется, ты думаешь, что я сочиняю мои письма, т.-е. выдумываю. Мама! если я скрытенъ—то все же я не лгунъ. Имѣешь ли ты ко мнѣ хотя уваженіе? дружба безъ уваженія невозможна.

Драма разыгрывалась во мнѣ столько же, сколько въ тебѣ; ты, можетъ быть, не замѣчала этого. Вышла настоящая *bürgerliche Drama*—мѣщанская трагедія, домашніи бури и миролюбивая развязка. Всѣ изранены, никто не погибъ.

Какъ бы я желалъ тебя найти спокойною и довольною. Спокойнѣе и довольнѣе меня.

Много Богъ далъ Іову и много отнялъ.

Я не расположенъ писать. Какой-то холодъ ко всему внутри. Перо не ходитъ. Дай руку на прощанье и поцѣлуй... но не равнодушно, какъ я тебя цѣловалъ, по крайней мѣрѣ какъ тебѣ казалось.

Maximi:

Что мы чувствуемъ относительно другого, всегда намъ кажется, что и тотъ чувствуетъ относительно насъ.

Но теперь обними съ полнымъ чувствомъ дружбы и впредь ни одного упрека—никогда. *Parole d'honneur!*

9.

Четвергъ. 11 час. вечера.

Твое письмо—только подтвержденіе письма, присланнаго съ Елагинной и которое ты обдумала *als eine abgemachte Sache*. Мое письмо къ тебѣ возбудило въ тебѣ немного болѣе нѣжности—или, можетъ быть, жалости... Но я не хочу болѣе тревожить тебя моей печалью—

Но пусть она васъ больше не тревожить,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

Еще съ трудомъ могу побѣдить въ себѣ жажду любви и нѣжности; но *was abgemacht — ist abgemacht*. Теперь кончено

обо мнѣ. Нѣтъ! еще нѣсколько словъ: часы, которые ты отнимала у сна—для другого, и въ которые я удалялся, можетъ быть слишкомъ утомленный тѣломъ, — не ставь мнѣ ихъ въ упрекъ. Я и кромѣ того часто удалялся: мнѣ казалось, что вы видите во мнѣ слишкомъ человѣка головы и слишкомъ мало человѣка сердца, а такой человѣкъ только можетъ мѣшать изліанію сердца другихъ. А минуты сердечныхъ изліаній я цѣнилъ и цѣню слишкомъ дорого, чтобъ портить ихъ кому-нибудь, тѣмъ болѣе людямъ, которыхъ я люблю. Прости мнѣ, если это дурно. Не упрекай. Теперь обо мнѣ довольно; поговоримъ о тебѣ. Отнынѣ ты, живя своей жизнью, станешь для меня вѣчной заботой, чтобъ эта жизнь была удачна, а я самъ сотрусь, исчезну—буду въ сторонѣ. Ахъ! Маша—какъ грустно!

Ты хочешь броситься въ область разума; бросить частныя отношенія и отдаться въ руки общему. Одно скажу—берегись: наука слишкомъ трудна; наука слишкомъ строга и спокойна до равнодушія. Тебѣ надо не науку—а дѣятельность и чувство, волю и сердце. Разбери себя хорошенько, и увидишь, что я правъ.—Слова: *je renonce à une position dans le monde*—я не понимаю. *Quel monde? Monde aristocratique?* Ты имѣешь для этого и средства, и способности. Не хочешь? другое дѣло. Я, безъ сомнѣнія, на такого рода *position* смотрю съ ненавистью, потому что ненавижу стоящую, гнѣющую, витайскую касту съ наружнымъ лоскомъ полуобразования. Но каждый человѣкъ имѣетъ *une position*. Живя съ людьми, онъ долженъ же себя поставить въ какія-нибудь отношенія съ ними. Эти-то отношенія и суть *une position*. Личность сильная займетъ *une position* вслѣдствіе своей внутренней силы; личность менѣе сильная—вслѣдствіе наружныхъ обстоятельствъ. Главное дѣло—разгадать себя и, дѣйствуя сообразно своей натурѣ, *se faire une position*. Выбирай: *monde aristocratique, politique, scientifique, artistique...* Выборъ обозначить и кругъ знакомства, и отношенія къ людямъ. Гдѣ я тебѣ могу быть полезенъ—тамъ и буду.

Я былъ въ Вальдштейнѣ. Усталъ ужасно, много ходилъ. Сейчас лягу спать. Вечеръ былъ хорошъ и ночь прекрасная. Мнѣ все грезились знакомые пруды, такіе свѣтлые въ лунныя ночи, и въ сердцѣ было столько свѣтлой любви.

Прощай, Маша! Благословляю и цѣлю тебя.

Говорятъ, что сегодня суббота, а не пятница. Какъ же это? Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ суббота. Тѣмъ лучше.

Я былъ у Ройновск. и много говорилъ—и очень имъ доволенъ.

Куча вещей мѣшаются въ моей головѣ. Но ты—главная

моя мысль. Мнѣ кажется, что и тебѣ должно быть такъ же горько, какъ и мнѣ. И какъ возстановить тебя? Какъ сдѣлать твое счастье, которое (насколько вижу) отъ меня не можетъ зависѣть? Не знаю. У меня больше выходовъ. Славолюбіе—также выходъ, хотя далеко не удовлетворяетъ такъ, какъ любовь. Видишь ли разницу, Маша, огромную разницу между человѣкомъ, который живетъ въ блаженствѣ—и человѣкомъ, который ищетъ выхода. Одинъ—*der Fisch im Wasser*, другой—рыба, прыгающая на сковородѣ. Можетъ спрыгнуть—но куда? Попадетъ ли опять въ воду, или ударится объ землю и опять найдетъ себѣ удушливый, противный элементъ? Падшему ангелу жилище—адъ, но все же жилище. Человѣку, который не любимъ—остается самолюбіе. Не говорю, гадкое самолюбіе, но религиозное, такъ сказать,—обожаніе своей человѣчности. Но женщинѣ—выходъ? гдѣ онъ? Общество не дастъ ей спокойствія;—а дружба—Маша—дружба далеко не замѣняетъ любви. Дружба есть—а въ душѣ жажда чего-то болѣе женственнаго, жажда томящая, губительная для тѣла—и для ума, можетъ быть. Едва ли женщина, если она не нравственный уродъ, можетъ жить однимъ самолюбіемъ. Маша! чего ты захочешь,—не знаю, не понимаю, это меня мучить.—И неужели я довелъ тебя до этого состоянія? О! будь же я проклятъ.

Фурьеризмъ — сухъ, воля твоя — сухъ, — это главная его ошибка. Онъ основанъ на расчетѣ труда и выгоды,—онъ не захватитъ въ человѣкѣ стороны сердца, любви, стороны религиозной. Онъ всего менѣе удовлетворитъ женской натурѣ, гдѣ сердце значитъ болѣе ума. Мужчина—туда-сюда; мужчина можетъ иногда удовольствоваться дѣятельностью разсудка.

Куда же ты бросишься?—въ религиозность, въ аскетизмъ—въ абстракты?—ты тамъ не выдержишь; твоя личность слишкомъ требуетъ реалитета, чтобъ ужиться съ абстрактами.

Въ философію?—Логика слишкомъ трудна и непреклонна.

Въ политику?—Ты будешь гражданкой по чувству—но никогда ничего не разсудишь въ этой области.

Куда? куда? гдѣ выходъ? Маша, мой бѣдный цѣлитель—на какой почвѣ отогрѣть тебя?.. Боже мой—какъ мнѣ грустно! Хочется обнять тебя и долго-долго плакать и глубоко вздохнуть и, можетъ быть, у твоей груди отдышаться еще разъ отъ моего и твоего горя...

Еще два дня—это очень долго—я слишкомъ хочу тебя видѣть. Слишкомъ много сомнѣній и вопросовъ—надо, чтобъ ты

миѣ разрѣшила. Ужъ не уѣхать ли завтра? — Нѣтъ—такъ и быть—поворюсь судьбѣ.

Во вторникъ—какъ-то мы встрѣтимся? О—что бѣ между нами ни было—мы не можемъ встрѣтиться иначе, какъ броситься другъ другу на шею.

До свиданія, Маша.—Цѣлую тебя.

10.

Суббота.

Скоро полночь. Ни малѣйшаго желанія спать. Вечеръ провелъ съ Петерсономъ; но нашъ tête-à-tête былъ безпрестанно нарушенъ; приходилъ Ройновск. Потомъ мы пошли ужинать. Тамъ балъ—тамъ Дитмаръ.

Послѣ ужина гуляли вдвоемъ съ Петерс., а потомъ вдвоемъ съ Дитмаромъ. Въ 1/2 одиннадц. пришелъ домой. Писать не хотѣлось. Какая-то глупость напала. Ничего не могъ дѣлать. Хотѣлъ перевести что-то изъ Ленау—не клеится. Думалъ о томъ, о семъ, и рѣшился писать—такъ, что скажется, когда человѣкъ не можетъ связать двухъ мыслей въ головѣ. Давеча мы говорили съ Ройн. о Фаустѣ, Манфредѣ и „Дзюдахъ“. Онъ не совсѣмъ понимаетъ Фауста. Вотъ послушай. Манфредъ имѣетъ определенное страданіе,—личное,—это его преступленіе. Въ „Дзюдахъ“ страданіе человѣка въ обществѣ, страданіе человѣка политическаго. Въ Фаустѣ страданіе человѣка какъ человѣка, страданіе человеческой природы самой въ себѣ. Ergo—видишь, насколько концепція Фауста выше, насколько задача имѣетъ въ себѣ больше безконечнаго и непреходящаго. Любовь и преступленіе Манфреда могли быть и не быть. Отчизна героя „Дзюдовъ“ могла или совсѣмъ уничтожиться, или возродиться, и въ обоихъ случаяхъ чувство политическаго гнета исчезаетъ. Тема Фауста вѣчная, какъ человеческая натура. Но насколько шире, безкончнѣе и имѣетъ неопредѣленнѣе тема,—настолько труднѣе выполненіе. Манфредъ возится съ самимъ собой, его чортъ въ немъ самомъ,—это хорошо. Въ „Дзюдахъ“ черти и ангелы дерутъ пополамъ этого бѣднаго человѣка; это рѣшительно аллегорическія фигуры, которыя не могутъ нравиться—потому что остаются абстрактами, одѣтыми въ кости и кожу, и имъ очень неловко двигаться. Почти тоже съ Мефистофелемъ. Мефистофель—внутренній, холодный, сухой анализисъ Фауста, вынутый изъ Фауста и поставленный возлѣ него, какъ особенная личность. Но за то эта личность такъ хорошо проведена, что никакъ не усомнишься въ ея дѣй-

ствительности и не примешь ее за ходячій абстрактъ. Однако Фаустъ—(даже и во второй, историко-аллегорической части)—не верхъ современной драмы, именно потому, что Фаустъ, какъ и самъ Гёте—не имѣтъ въ себѣ гражданскаго элемента. Надобно для современной поэмы человѣка, который былъ бы все во всемъ. Страдалецъ міра духовнаго, политическаго и личнаго—вотъ онъ—современный человѣкъ. Куда ему выходъ? Гдѣ примиреніе? Вотъ мы и возвращаемся къ себѣ самимъ, мы, удрученные во всѣхъ трехъ направленіяхъ. Твое письмо, въ которомъ дышитъ *дружба* ко мнѣ, дышитъ желаніе жизни и часто негодованіе,—тронуло меня. Я уже писалъ тебѣ, какъ я мучусь тобою. Ей Богу, зарекаюсь сказать слово горькое. А въ отвѣтъ я тебѣ напишу диссертацию; но напередъ скажу, что я недостойнъ во многихъ случаяхъ похвалъ и уваженія, которыми ты меня осыпаешь. Особенно ужъ *chasteté* не нищи во мнѣ. Сладострастіе, иногда требующее роскоши и нѣги, иногда совершенно брютальное, подчасъ до такой степени затмеваетъ всѣ мои мысли, что я похожъ на сумасшедшаго и горько смѣюсь надъ самимъ собой. Вотъ ужъ этой натуры не передѣлаешь. Воздержаніе не есть чистота, *chasteté*; чтобъ было воздержаніе, надо, чтобъ была нечистота, *Unkeuschheit*. Воздержаніе—отрицательная *chasteté*. Человѣкъ, который не пьетъ вина, не есть еще человѣкъ, который не любитъ вина, а только воздерживающійся отъ того, чего ему хотѣлось бы.—Добръ ли я—не знаю. Но нѣжность, *Gemüthlichkeit*, жизнь сердца я признаю въ себѣ. Я люблю любовь.—Однако теперъ пойду спать. Цѣлую и благословляю тебя. Я ужасно сухъ сегодня. А диссертация—завтра, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Правда о современномъ человѣкѣ“.

Воскресенье.

Моя диссертация остановлена. Петерс. остался за неимѣніемъ коней, и я цѣлое утро провелъ съ нимъ. Я думаю, ты никогда не имѣла такого сухого письма отъ меня—и оно же послѣднее. Но диссертацию я привезу самъ во вторникъ. Прощай, Маша—пора въ ванны. Цѣлую и обнимаю тебя.—Завтра наговорю тебѣ вучу, которую ты прочтешь во вторникъ. *Addio, carissima.* Спишу.

11.

Понедѣльникъ. 6-й часъ вечера.

Я не писалъ сегодня поутру, думая завтра съ зарей поутиться въ путь; но твоё письмо останавливаетъ меня. Это очень

скучно, потому что здѣсь мнѣ становится скучно — безъ тебя. Другъ мой Маша, слышишь—безъ тебя. Боже мой, да узнай же наконецъ, что во мнѣ происходитъ. Наши противорѣчія мнѣ больны и оскорбительны, и несмотря на нихъ, все, что было между нами свѣтлаго—*rag contraste*—такъ растетъ въ моей душѣ, что я тебя люблю болѣе и болѣе. Ты пишешь о праздникахъ. Что сказать на это? Каждое наслажденіе праздникъ. Неужли у васъ не будетъ праздниковъ? Быть не можетъ. Когда я думаю о тебѣ и думаю, какъ ты одинока, — прижать тебя въ сердцу— вотъ праздникъ. Да, Маша?—не правда ли? Вотъ тебѣ моя слеза въ доказательство. Завтра поутру я стану писать тебѣ большой отвѣтъ на твое письмо—можетъ, еще сегодня. Но дѣло въ томъ, что черезъ $\frac{1}{2}$ часа отходить почта—и я не могу ничего путнаго сказать спѣша. На — хотя нѣсколько строкъ, и пусть въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ ты еще узнаешь, что я тебя люблю и много, очень много.

Ты лучше должна чувствовать—*въ состояннн* ты ѣхать, или нѣтъ. Не рискуй здоровьемъ. Я могу рисковать, потому что увѣренъ, что леченіе мое бесполезно и что я за минуту радости готовъ жертвовать и здоровьемъ, и всѣмъ, что угодно. Вѣдь подл старость все жъ буду боленъ. Но ты не рискуй. Твоя болѣзнь можетъ перейти въ сильное страданіе, а физическія боли подлы и нестерпимы.

Вѣрно, Галаховъ самъ пріѣдетъ; въ самомъ-то дѣлѣ, что ему таковаго нужнаго? Безъ него ни хуже, ни лучше сожнутъ и вспашутъ.

Жду письма или тебя. Мнѣ тебя хочется. Машенька моя милая, берегись—твое тѣло нѣжно и ты неспособна переносить физическую боль. Скоро ли увидимся? Скучно.

Прощай! цѣлую и благословляю тебя. Addio, carissima!
Dein auf Ewig.

12.

Вторникъ.

Читалъ и перечитывалъ твое письмо, и съ которой стороны его ни ворочаю—вездѣ вижу одно: ты страдаешь! Страдаешь отъ меня. Думаешь, что я тебя не понимаю. Это неправда. Объ этомъ я уже писалъ и еще разъ прошу прощенья, что я иногда бывалъ вспльчивъ и раздражителенъ. Повторяю — это тогда, когда я встрѣчаю въ тебѣ какія-нибудь мнѣнія или чувство не человѣчныя, взятая прямо изъ условной, эфемерной жизни общества, а не изъ дѣйствительной глубокой человѣческой на-

туры, изъ дѣйствительности ежедневной, а не изъ вѣчной дѣйствительности души. Я сержусь — потому что встрѣтить это въ тебѣ для меня оскорбительно; ты была лучшимъ украшеніемъ въ моей жизни и подчасъ столько же оскорбляешь меня, сколько самое себя, потому что ты одна изъ чистыхъ, прямодушныхъ и любящихъ натуръ.

Ты жаждешь праздниковъ. Спрашиваешь, гдѣ они; говоришь, что философы ихъ покажутъ тамъ и тамъ, и пооди ищи. Положимъ, что я — изъ философовъ. Я скажу, что ихъ не надо искать ни тамъ, ни тамъ, и далеко некуда ходить. Если ты будешь ихъ искать во внѣшности — ты никогда не удовлетворишься. Внѣшнія удовольствія, въ которыхъ глаза или уши участвуютъ безъ соучастія души, — неудовлетворительны, такъ же мало удовлетворительны, какъ хорошій обѣдъ и т. п. Придутъ, потѣшатъ, пройдутъ, и слѣдъ простылъ. Ихъ нельзя назвать наслажденіями, — наслажденія даютъ блаженство. Можно жить для наслажденія, а для удовольствія жить — пошло. Удовольствіе основано на какомъ-то физическомъ эгоизмѣ; блюдо устрицъ, трюфели и мало ли еще что — доставляютъ удовольствіе; далѣе, облагораживаясь, этотъ эгоизмъ, захватывающій все только внѣшне, — переходитъ въ тщеславіе: у меня, дескать, карета въ 7.000 фр., у меня фракъ изъ Парижа, у меня лакей въ ливреѣ, я завитъ отлично, я очень хорошо любезничаю — и такъ далѣе. Это — удовольствіе, а едва ли наслажденіе. По-моему, это просто униженіе. Развратъ лучше, въ немъ еще есть жаръ, который надо куда-нибудь растратить.

Имѣть женщину можетъ быть удовольствіемъ, но наслажденіемъ — только любить женщину. Вотъ я невзначай приблизился къ концу. Наслажденіе — только въ любви. Все, что наше я доставляетъ себѣ одному, для себя подчиняетъ, — приноситъ удовольствіе. Все, гдѣ наше я стремится къ чему-нибудь симпатически — даетъ наслажденіе, блаженство. Тутъ-то и праздникъ. Гдѣ жъ искать праздника, какъ не въ самомъ себѣ, въ своей способности любить, въ своемъ расположеніи къ людямъ? Это очень недалеко. Но теперь: что мы назовемъ расположеніемъ къ людямъ? Неужели можно любить Брянчан., Бухгольца и т. п.? Нѣтъ, Маша! расположеніе къ людямъ требуетъ любви къ человѣческой натурѣ, т.-е. къ хорошей, къ божественной натурѣ въ человѣкѣ; требуетъ религіозности, т.-е. глубокаго уваженія къ разуму, къ любви, словомъ — ко всему, что люди придали Богу, какъ атрибуты, не находя въ самихъ себѣ ничего высшаго. Съ такимъ расположеніемъ ни одна симпатія, ни одно пожатіе руки,

ни одинъ взглядъ не проскользнуть и не ускользнуть; самое мелкое для ви́шняго человѣка будетъ чрезвычайно важнымъ, доставить неизмѣримое наслажденіе, полное блаженство человѣку глубоко чувствующему. Конечно, тутъ и страданія чувствительнѣе, но и въ этихъ страданіяхъ—блаженство, потому что страдаешь не за себя.—Ты ошибаешься—я не живу на крестѣ; можетъ быть, я и не довольно безкорыстенъ для этого. Да потомъ, кажется, въ нашемъ вѣкѣ скорѣе стремятся жить полно, т.-е. не одной стороною страданія, но всѣми сторонами человѣческаго бытія, чѣмъ жить на крестѣ. Новаго Мессіи не жди. Одинъ человѣкъ не будетъ Мессіей. Когда надо было дать людямъ сознаніе самихъ себя и внести элементъ внутренней любви въ міръ—тогда могъ быть Мессія. А теперь не угодно ли людямъ обойтись безъ дядьки и изъ сознанія уже развитого и любви уже совнанный создать свой міръ. Вслѣдствіе общественнаго сознанія и любви, политическое положеніе общества должно возбуждать участіе каждаго и быть дѣломъ каждаго. Каждый внесетъ свое. Мысль ли Фурье или другое что осуществится—не знаю; но знаю то, что современный человѣкъ необходимо привязанъ къ соціальному вопросу. Разумное, свободное общество—вотъ задача современная, которая разрѣшится въ будущемъ. Всѣ будутъ работать около этой задачи и только всѣ рѣшать ее. Артистъ или мыслитель, каждый будетъ тутъ архитекторомъ или поденщикомъ—все равно. Соціализмъ, который представляетъ разумную волю человѣка, это одна сторона духа; наука, разумъ—другая; искусство, творчество, любовь—третья. Пусть каждый избираетъ одно и работаетъ. Блаженъ, кто заключитъ въ себѣ всѣ три стороны,—его жизнь будетъ самая полная. Но для жизни не нужно быть ни министромъ, ни ученымъ, ни художникомъ; всѣ три стороны духа, и безъ особеннаго званія, могутъ существовать въ человѣкѣ. Человѣкъ дѣятельный будетъ въ своемъ родѣ социалистъ, хотя бы онъ ни разу не былъ ни префектомъ, ни управляющимъ въ с. Стар.-Акшенѣ ¹⁾; человѣкъ мыслящій всегда будетъ въ своемъ родѣ ученый, хотя бы никогда не былъ ни Гегелемъ, ни М. П. Погодинымъ; человѣкъ любящій всегда будетъ въ своемъ родѣ художникъ, хотя бы онъ не написалъ ни строки, ни штриха. Жизнь можетъ разнообразно развиваться во всѣ три стороны—и вездѣ будетъ наслажденіе и блаженство, лишь бы слѣдовать движеніямъ этихъ высшихъ человѣческихъ потребностей, этой божественной натурѣ въ чело-

¹⁾ Пензенское имѣніе Огарева.

вѣкъ, движеніямъ духа, скажу — Святого Духа. Выбирай, что хочешь, и дойдешь до праздниковъ; но толкнуть на выборъ никто не въ состояніи; это только внутренняя потребность. Но горе тому, кто хочетъ подчинить все своему я и будетъ искать удовольствія, а не наслажденія. Я имѣю къ этому наклонность, и ты также, и почти всѣ; это — одно изъ удручительно-унижающихъ страданій. Будемъ болѣе человѣчны, и будемъ знать блаженство.

Кажется, я ужь слишкомъ разболтался — и тебѣ надоѣлъ, и самъ усталъ. Стану ждать твоего письма и увижу, что дѣлать. Въ Дрезденъ бы хотѣлось. Но судьба да рѣшитъ. Нельзя — обойдусь.

Сейчасъ получаю твое письмо. Грустно! Но отвѣчать теперь не хочу — ужь и такъ три страницы, которыя тебѣ надоѣдаютъ до смерти. *Ptésertes de morale!* Я, который ненавижу мораль! Какъ будто сознаніе самого себя — мораль?!

Но надо отвѣчать вотъ на что: какъ это сообразить? Ты пишешь, что шпрудель тебя волнуетъ, что Мейснеръ запрещаетъ ѣхать, — и потомъ я долженъ рѣшить, не зная самъ, хорошо или худо рѣшу? Вѣдь не я, а ты пьешь шпрудель; а какъ мнѣ хочется въ Дрезденъ, и сказать не могу. Какъ это все сдѣлать? Если я завтра отъ тебя обстоятельно не получу отвѣта, можешь ты ѣхать или нѣтъ, то, если да, я беру экстрапость въ 6 час. веч., т.-е. по прочтеніи твоего письма, и въ 12 час. ночи у тебя, и мы тотчасъ же ѣдемъ. Если нѣтъ, то я тебя жду.

Прощай! Да благословимъ другъ друга и обнимемся... Поцѣлуй меня! Да, еслибъ я былъ къ тебѣ равнодушенъ, развѣ я говорилъ бы хотя одно слово про какое бы то ни было отношеніе? Если я говорю, то потому, что тебя люблю и страдаю.

Прощай, Маша. Маша — люби меня, хотя за горячую слезу, которую я умѣю пролить.

Addio.

Если и завтра твое письмо будетъ сбиваться на ни да, ни нѣтъ, то я все-таки приѣду, и если хочешь ѣхать, то готовъ все къ 12 час. ночи.

Въ началѣ декабря Огаревъ, какъ уже сказано, разстался съ женою въ Неаполѣ и пустился въ обратный путь. Очевидно, въ самый день разлуки онъ написалъ ей нижеслѣдующія строки:

„Пишу и плачу. Сердце надрывается. Маша, Маша! Сколько я тебя оскорблялъ и оскорбляю — это высказать нельзя и мнѣ самому невыносимо. Можетъ быть, мои стихи встревожатъ и измучатъ, можетъ быть — успокоятъ тебя. Не знаю. Но мнѣ нужно

ихъ отдать тебѣ. Боже мой! Я чувствую, что я святъ въ душѣ,
а между тѣмъ мучу другихъ и мучусь неимоვნю.

„Еще разъ: прости и благослови меня. Ты мой чистый ангелъ.
Душа моей матери живетъ въ тебѣ, моя страдальца. Благосло-
вляю тебя, какъ душу моей матери. Сохрани эти строки. Жизнь
скоро меня измучитъ до конца. Это тебѣ мое завѣщаніе“.

Стихи, о которыхъ говорить здѣсь Огаревъ, сохранились въ
копій, писанной Марьей Львовной, и носятъ помѣтку (ея же
рукой): „5 Déc. 1841, Naples, à Marie Ogareff“. Вотъ они:

Тебѣ я счастья не давалъ довольно,
Во многомъ я тебя не понималъ,
И мучилъ я тебя, и самъ страдалъ...
Теперь я вѣду, другъ мой! сердцу больно...
И я съ слезой скажу тебѣ—прощай!

Никто тебя такъ не любилъ глубоко..
И я молю тебя: ты вспоминай
Меня, мой другъ, безъ желчи, безъ упрека,
Минутамъ скорбнымъ ты забвенья дай
И помни лишь, что я любилъ глубоко
И съ грустію сказалъ тебѣ—прощай!

Теперь блуждать въ странѣ я стану дальней..
Мнѣ тяжело. Еще гѣта мон
Такъ молоды; но въ жизни я печальной
Растратилъ много вѣры и любви.
Живу я большей частью одиноко,
Все самъ въ себѣ. Но ты не забывай,
Что я, мой другъ, тебя любилъ глубоко
И съ грустію сказалъ тебѣ—прощай!

ТОЛЕДСКІЙ СОБОРЪ

ПОВѢСТЬ.

Vicente Blasco Ibañez. La Catedral. Novela. 1907.

I.

Начинало свѣтать, когда Габріэль Луна подошелъ къ собору, но на узкихъ улицахъ Толедо была еще ночь. Голубой свѣтъ зари едва пробивался между выступами крышъ и разливался болѣе свободно только на маленькой площади Ayuntamiento. Изъ полумрака вырисовывались при блѣдномъ освѣщеніи зари ба-нальный фасадъ архіепископскаго дворца и двѣ черныя башни городской ратуши—мрачнаго зданія времени Карла Пятаго.

Габріэль долго ходилъ по пустынной маленькой площади, надвинувъ капюшонъ плаща до бровей и не переставая сильно кашлять. Не останавливаясь ни на минуту, чтобы защитить себя ходьбой отъ холода, онъ смотрѣлъ на входъ въ соборъ со стороны площади—на дверь Прощенія. Только съ этого фасада церковь имѣла величественный видъ. Луна вспомнилъ другіе знаменитые соборы, стоящіе на возвышеніи, выдѣляясь среди окружающихъ зданій, открытые со всѣхъ сторонъ, гордо выставяющіе на показъ свою красоту, и сравнивалъ ихъ мысленно съ толедскимъ соборомъ, праматерью испанскихъ церквей, тонущимъ въ потоки окружающихъ зданій, которыя такъ застилаютъ его, что его внѣшнія украшенія виднѣются только въ просвѣтахъ сосѣднихъ узкихъ улицъ. Габріэль, хорошо знавшій внутреннюю красоту собора, вспоминалъ обманчивые съ виду дома въ восточныхъ городахъ, жалкіе снаружи, а внутри разукрашенные алебастромъ и филигранной работой. Не напрасно жили въ Толедо

щѣлыми вѣвами еврей и мавры. Ихъ нелюбовь къ внѣшней пышности, повидимому, повліяла и на архитектуру собора, утопающаго среди домовъ, которые тѣснятся вокругъ него, стараясь укрыться въ его тѣни.

Маленькая площадь Ayuntamiento была единственнымъ свободнымъ пространствомъ, гдѣ христіанскій храмъ могъ показаться во всемъ своемъ величіи. Тутъ, подъ открытымъ небомъ, возвышались при свѣтѣ зари три стрѣльчатыхъ арки главнаго фасада и колокольня, огромная, съ выступающими ребрами. Крышу ея образовалъ alcuzcig — украшеніе, похожее на черную тиару съ тремя коронами, расплывающееся въ полумракѣ туманнаго сванцово-сѣраго зимняго утра.

Габріэль съ нѣжностью смотрѣлъ на закрытый тихій храмъ, гдѣ жили его родные и гдѣ онъ провелъ лучшее время своей жизни. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ!.. Онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать, чтобы открылись наконецъ двери собора.

Онъ пріѣхалъ въ Толедо изъ Мадрида наканунѣ вечеромъ. Прежде чѣмъ запереться въ своей маленькой комнатѣ въ гостинницѣ del Sangre (прежней Mezón del Sevillano, гдѣ жилъ Сервантесъ), ему непременно хотѣлось взглянуть на соборъ. Онъ проходилъ около часа вокругъ него, слушая лай сторожевой собаки, испуганной шумомъ шаговъ въ тихихъ, мертвыхъ маленькихъ улицахъ. Вернувшись къ себѣ въ гостинницу, онъ не могъ заснуть отъ радости, что вернулся на родину послѣ долгихъ тяжелыхъ лѣтъ скитанія. Было еще темно, когда онъ снова вышелъ изъ гостинницы и направился къ собору, чтобы дожидаться открытія дверей.

Чтобы занять время ожиданія, онъ сталъ разглядывать красоты и недостатки фасада, произнося вслухъ свои сужденія, какъ будто хотѣлъ призвать въ свидѣтели каменные скамьи и чахлая дерева маленькой площади. Передъ фасадомъ церква тянулася рѣшетка, верхъ которой украшенъ былъ вазами XVIII вѣка. За рѣшеткой была паперть, выложенная широкими плитами. Тамъ каноники устраивали въ прежнія времена торжественные приемы, и тамъ выставлялись для забавы толпы въ праздничные дни „Гиганты“ — манекены громаднхъ размѣровъ.

Посреди фасада открывалась дверь Прощенія — огромная, сводчатая, съ множествомъ уходящихъ вглубь и постепенно уменьшающихся стрѣльчатыхъ сводовъ, украшенныхъ фигурами апостоловъ, маленькими ажурными балдахинами и щитами съ изображеніями львовъ и замковъ. На колоннѣ, раздѣляющей двѣ

половинѣи двери, представленъ былъ Христосъ, стоя, въ царской мантии и коронѣ, изможденный, худой, съ тѣмъ болѣзненнымъ и грустнымъ выраженіемъ лица, которое средневѣковые художники придавали своимъ фигурамъ, чтобы изобразить божественную святость. На тимпанѣ фронтона былъ барельефъ, изображавшій Мадонну, окруженную ангелами и надѣвающую ризу на святого Идлефонса. Эта благочестивая легенда изображена была въ развѣхъ мѣстахъ собора, точно церковь ею больше всего гордилась. По одну сторону главнаго входа находилась дверь, ведущая на колокольню, а по другую—„дверь нотаріусовъ“. Черезъ нее въ прежнія времена входили торжественнымъ шествіемъ нотаріусы, вступавшіе въ должность, для произнесенія клятвы свято выполнять свои обязанности. Обѣ двери украшены были каменными статуями и множествомъ фигуръ и эмблемъ, тянувшихся между арками до самаго верха.

Надъ этими тремя дверями пышнаго готическаго стиля возвышался второй корпусъ въ греко-римскомъ стилѣ и почти современной работы,—онъ казался Габріэлю Луна рѣзкимъ диссонансомъ, такимъ же неприятнымъ, какъ нестройные трубные звуки среди симфоніи. Христосъ и двѣнадцать апостоловъ представлены были въ натуральную величину, сидящими за трапезой, каждый отдѣльно въ своей нишѣ надъ порталомъ главнаго входа, между двумя контрафорсами, похожими на башни и раздѣлявшими фасадъ на три части. Нѣсколько дальше тянулись полукругомъ арки двухъ галерей во вкусѣ итальянскихъ дворцовъ; Габріэль вспомнилъ, какъ часто онъ перегибался черезъ ихъ перила въ дѣтствѣ, когда приходилъ играть къ звонарю.

„Богатство церкви, — подумалъ Луна, — принесло вредъ искусству. Въ бѣдномъ храмѣ сохранилось бы единство первоначальнаго фасада. Но когда у толедскаго архіепископа было одиннадцать милліоновъ годового дохода, и у капитула—столько же, то они не знали, куда дѣвать деньги, и предпринимали архитектурныя работы, затѣвали перестройки, и падающее искусство создавало такія уродливыя произведенія, какъ эта Тайная Вечера“.

Надъ вторымъ корпусомъ возвышался третій: двѣ большія арки, пропускавшія свѣтъ въ большую розетку главнаго нефъ; а на самомъ верху шла каменная балюстрада, извивавшаяся вдоль всѣхъ изгибовъ фасада, между двумя выступающими громадами—колокольней и мозарабской часовнею.

Габріэль прервалъ свой осмотръ, замѣтивъ, что онъ уже не одинъ на площади передъ соборомъ. Было уже совсѣмъ свѣтло. Нѣсколько женщинъ прошли мимо церкви, почти касаясь рѣ-

штеты; онѣ шли, опустивъ голову, прикрывъ глаза мантилей. По звонкамъ плитамъ тротуара застучали ботыли проходившаго калѣки-нищаго. Нѣсколько дальше, за колокольней, подъ большой аркой, соединяющей дворецъ архіепископа съ соборомъ, собрались нищіе, чтобы занять мѣста у входа въ монастырь. Богомольцы и нищіе знали другъ друга. Каждое утро они приходили первые въ соборъ и ежедневныя встрѣчи установили между ними братскія отношенія. Покашливая, они жаловались другъ другу на утренній холодъ и на звонаря, медлившаго открыть двери.

Наконецъ, за аркой архіепископскаго дворца открылась дверь,—это была дверь лѣстницы, ведущей на колокольню и въ квартиры церковныхъ служащихъ. Оттуда вышелъ человѣкъ и перешелъ черезъ улицу, держа въ рукахъ огромную связку ключей. Окруженный ранними посѣтителями храма, онъ сталъ отрывать стрѣльчатую дверь, ведущую въ нижній монастырь, узкую какъ бойница. Габріэль узналъ его: это былъ звонарь Маріано. Чтобы не показаться ему на глаза, онъ не двинулся съ мѣста, предоставляя остальнымъ толпиться у двери, чтобы скорѣе проникнуть въ монастырь, въ страхѣ, какъ бы у нихъ не отняли мѣсто.

Спустя нѣсколько времени, онъ рѣшился, наконецъ, послѣдовать за ними и спустился внизъ по семи ступенямъ. Соборъ, построенный въ углубленіи почвы, былъ ниже сосѣднихъ улицъ.

Внутри монастыря ничто не измѣнилось. Вдоль стѣнъ тянулись большія фрески Байе и Маельи, изображавшія подвиги и славу святого Евлогія, его проповѣди въ странѣ мавровъ и жестокія пытки, которымъ его подвергали язычники; послѣднихъ легко было узнать на картинахъ по высокимъ тюрбанамъ и огромнымъ усамъ. Во внутренней части двери del Mollete изображена была варварская пытка младенца Гвардіа—легенда, порожденная одновременно въ разныхъ католическихъ городахъ яростнымъ антисемитизмомъ: картина изображала закланіе христіанскаго младенца страшными съ виду евреями, которые похищаютъ его изъ дому и распинаютъ, чтобы вырвать у него сердце и выпить его кровь.

Сырость стерла и уничтожила въ значительной степени эту фантастическую картину, но Габріэль все-таки могъ еще различить ужасное лицо еврея, стоящаго у подножья креста, и свирѣпый жестъ другого, который, держа ножъ во рту, наклоняется, чтобы передать ему сердце маленькаго мученика,—театральныя фигуры, которыя не разъ тревожили его дѣтскіе сны.

Въ саду, расположенномъ между четырьмя стѣнами монастыря, росли среди зимы высокіе лавры и кипарисы, и вѣтви ихъ пробивались сквозь рѣшетки, замыкающія пять аркадъ съ каждой стороны до высоты капителей. Габріэль долго глядѣлъ на садъ, расположенный настолько выше монастыря, что голова Габріэля была на уровень съ землей, которую вѣкогда обрабатывалъ его отецъ. Наконецъ-то онъ снова видитъ этотъ уголокъ земли, этотъ „ratio“, превращенный въ фруктовый садъ канониками прежнихъ вѣковъ. Онъ вспоминалъ о немъ не разъ, гуляя по Булонскому-Лѣсу или по Гайдъ-Парку въ Лондонѣ. Садъ толедскаго собора казался ему самымъ прекраснымъ въ мірѣ, потому что это былъ первый садъ, который онъ видѣлъ въ жизни.

Нищіе, сидѣвшіе на ступенькахъ лѣстницы, стали съ любопытствомъ слѣдить за нимъ глазами, не рѣшаясь протянуть ему руку за милостыней. Они не могли понять, кто этотъ незнакомецъ, явившійся на зарѣ въ потертомъ плащѣ, смятой шляпѣ и стоптанныхъ башмакахъ—туристъ ли, или такой же нищій, какъ они, который хочетъ занять мѣсто, чтобы просить подаванія.

Чтобы избавиться отъ ихъ назойливаго любопытства, Габріэль прошелъ дальше и дошелъ до двухъ дверей, соединяющихъ монастырь съ церковью. Одна изъ нихъ, дверь Введенія, вся изъ бѣлаго камня, отдѣланная тончайшей рѣзьбой, сверкала, какъ драгоценная игрушка ювелирной работы. Немного дальше за дверью находилась влѣтка лѣстницы, по которой архіепископы спускались изъ своего дворца въ церковь. Стѣны лѣстницы украшены были готическими узорами и большими щитами, а внизу, почти касаясь земли, находился знаменитый „свѣтовой камень“—тонкая полоса мрамора, прозрачная какъ стекло, освѣщающая лѣстницу и составляющая главный предметъ восхищенія крестьянъ, осматривающихъ соборъ. Затѣмъ шла дверь святой Каталины, черная и раззолоченная, украшенная разноцвѣтными листьями и изображениями замковъ и львовъ и двумя статуями пророковъ.

Габріэль отошелъ на вѣскольکو шаговъ, увидавъ, что дверь отворяется изнутри. Ее открывалъ звонарь, дѣлавшій обходъ церкви и открывавшій всѣ входы. Изъ двери выскочила прежде всего собака, вытянувъ шею и громко лая, очевидно отъ голода. Затѣмъ вышли два человѣка въ темныхъ плащахъ, съ надвинутыми на глаза шляпами. Звонарь придержалъ половинку двери, чтобы дать имъ пройти.

— До свиданія, Маріано! — [сказалъ одинъ изъ нихъ, прощаясь съ звонаремъ.

— Прощайте, спите спокойно.

Габріэль узналъ ночныхъ сторожей собора. Запертые въ церкви съ вечера наканунѣ, они отправлялись теперь домой спать. А собака побѣжала въ семинарію, гдѣ для нея припасены объѣды отъ обѣда семинаристовъ. Тамъ она оставалась всегда до тѣхъ поръ, пока сторожа не приходили за нею, чтобы снова запереть ее на ночь въ церковь.

Луна спустился по ступенькамъ и вошелъ въ соборъ. Едва онъ ступилъ на плиты храма, какъ почувствовалъ на лицѣ ласку свѣжаго и густого воздуха подземелья. Въ церкви было еще совершенно темно. Наверху сотни цвѣтныхъ стеколъ, освѣщавшихъ пять кораблей собора, загорались утреннимъ свѣтомъ. Они казались волшебными цвѣтами, раскрывающимися навстрѣчу лучамъ дня. Внизу, между огромными колоннами, образующими каменный лѣсъ, царилъ мракъ, разрываемый въ разныхъ мѣстахъ краснымъ пламенемъ лампадъ, зажженныхъ въ часовняхъ. Летучія мыши носились промежъ скрещивающихся колоннъ, какъ бы стараясь продлить свое царство въ храмѣ, пока не скользнутъ въ окна первые лучи солнца. Онѣ пролетали надъ головами людей, склоненныхъ у алтарей и молившихся вслухъ, радуясь, что въ этотъ часъ они могутъ чувствовать себя въ храмѣ какъ дома. Другіе разговаривали съ церковными служащими, которые входили во всѣ двери, сонные, зѣвая, какъ рабочіе, отправляющіеся въ мастерскія. Въ темнотѣ мелькали черныя пятна длинныхъ рясъ, направившихся къ ризницѣ; онѣ останавливались передъ каждымъ алтаремъ для долгаго волѣнопреклоненія. Вдали двигался невидимый въ темнотѣ звонарь, — объ его присутствіи можно было догадаться по звону ключей и по скрипу открываемыхъ дверей.

Храмъ просыпался. Громко хлопали двери, и шумъ отзывался во всѣхъ углахъ. Въ ризницѣ натирали полъ съ шумомъ, напоминавшимъ скрипъ огромной пилы. Служки счищали пыль съ знаменитыхъ креселъ хора, и шумъ разносился по всей церкви. Соборъ точно просыпался отъ сна, потягивался и стоналъ отъ каждаго прикосновенія.

Звуки шаговъ будили оглушительное эхо — точно они сотрясали всѣ могилы королей, архіепископовъ и воиновъ, погребенныхъ подъ плитами.

Въ церкви было еще холодно, чѣмъ снаружи. Къ низкой температурѣ присоединялась сырость почвы, прорѣзанной дренажными трубами, и просачиваніе подпочвенныхъ стоячихъ водъ, которыя заливали плиты и служили постояннымъ источникомъ

простуды канониковъ, составляющихъ хоръ, — „уколичивали ихъ жизнь“, какъ они говорили жалобнымъ голосомъ.

Утренній свѣтъ сталъ разливаться во всемъ соборѣ. Изъ разсѣившагося мрака выступала бѣлизна толедскаго собора, блескъ его камня, дѣлающій его самымъ прекраснымъ и веселымъ изъ всѣхъ храмовъ. Выступали во всей своей красотѣ и стройности восемьдесятъ-восемь пилястръ, мощныхъ пучковъ колоннъ, смѣло поднимающихся вверхъ, бѣлыхъ какъ затвердѣвшій снѣгъ, скрещивающихся и сплетающихся свои вѣтви, чтобы поддерживать своды. А наверху открывались окна со своими цвѣтными стеклами, похожія на волшебные сады, въ которыхъ распускаются свѣтящіеся цвѣты.

Габріэль сѣлъ на подножіе одной пилястры, между двумя колоннами, но долженъ былъ подняться черезъ нѣсколько минутъ. Сырость камня, могильный холодъ, наполнявшій всю церковь, пронизывалъ его до костей. Онъ сталъ ходить по церкви, привлекая вниманіе молящихся, которые прерывали молитвы, чтобы глядѣть на него. Незнакомецъ, пришедшій въ храмъ въ часы, принадлежавшіе завсегдатаямъ собора, возбуждалъ общее любопытство. Звонарь проходилъ нѣсколько разъ мимо него и каждый разъ оглядывалъ его съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, — этотъ незнакомецъ, имѣвшій видъ бродяги, не внушалъ ему большого довѣрія, особенно въ такой ранній часъ, когда трудно услѣдить за совровищами часовенъ.

Около главнаго престола Габріэль встрѣтилъ еще одного чело-вѣка. Его онъ зналъ. Это былъ Эвзебій, влючарь часовни Святилица. Его звали „Голубымъ“, потому что онъ носилъ во время церковныхъ празднествъ голубую одежду. Прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Габріэль видѣлъ его въ послѣдній разъ, но онъ не забылъ его жирную фигуру, прыщеватое лицо, низкій морщинистый лобъ, окаймленный взъерошенными волосами, и бычачью шею, превращавшую его дыханіе въ пыхтѣніе. Всѣ служащіе, жившіе въ верхнемъ монастырѣ, завидовали ему, такъ какъ его должность была очень доходная и онъ пользовался благосклонностью архіепископа и канониковъ.

„Голубой“ считалъ соборъ какъ бы своей собственностью и почти готовъ былъ выгнать изъ храма всѣхъ, кто ему не нравился. Увидавъ прогуливающагося по церкви бродягу, онъ устремилъ на него дерзкій взглядъ и нахмурилъ брови: — Гдѣ это онъ видѣлъ этого молодца? — Габріэль замѣтилъ, что онъ напрягаетъ память, и, чтобы отдѣлаться отъ его пытливаго взгляда, повер-

нулся къ нему спиной, дѣлая видъ, что разсматриваетъ образъ, прислоненный къ одной пилястрѣ.

Спасаясь отъ любопытства, которое вызывало его присутствіе въ храмѣ, онъ перешелъ въ монастырь, гдѣ чувствовалъ себя свободнѣе, такъ какъ никто не обращалъ на него вниманія. Нищіе разговаривали между собою, сидя на ступенькахъ двери del Mollete. Между ихъ рядами проходили священники, закутанные въ плащи и направившіеся въ церковь черезъ дверь Введенія. Нищіе здоровались съ ними, называя ихъ по именамъ, но не протягивая имъ руку за подаваніемъ. Они ихъ знали; это были свои люди, а къ своимъ не обращаются за милостыней. Они пришли сюда для чужихъ, и терпѣливо ждали часа „англичанъ“, — увѣренные, что всѣ туристы, прїѣзжающіе съ утреннимъ поѣздомъ изъ Мадрида, непременно англичане.

Габріэль сталъ подлѣ двери, зная, что черезъ нее входятъ жители верхняго монастыря. Они проходятъ черезъ арку архіепископскаго дворца, спускаются по лѣстницѣ на улицу и входятъ въ соборъ черезъ дверь del Mollete. Луна, который хорошо зналъ исторію собора, вспомнилъ о происхожденіи этого названія. Вначалѣ она называлась дверью Правосудія, потому что тамъ главный папскій викарій давалъ аудіенціи. Потомъ ей дали названіе del Mollete, потому что каждый день, послѣ главной мессы, священникъ со своими аюлистами приходилъ туда благословлять полуфунтовые хлѣбы — molletes, — которые раздавались бѣднымъ. Шестьсотъ фанегъ ¹⁾ хлѣба, насколько помнилъ Луна, раздавались ежегодно бѣднымъ, — но это было тогда, когда соборъ имѣлъ болѣе одиннадцати милліоновъ ежегоднаго дохода.

Габріэля стѣсняли пытливые взгляды церковныхъ служителей и молящихся, входящихъ въ церковь. Все это были люди, привыкшіе ежедневно встрѣчать другъ друга въ одни и тѣ же часы, и появленіе новаго лица возбуждало ихъ любопытство, нарушая однообразіе ихъ существованія.

Онъ отошелъ вглубь, но нѣсколько словъ, сказанныхъ нищими, заставили его повернуть назадъ.

— Вотъ идетъ „Деревянный шестъ“ ²⁾!

— Здравствуйте, синьоръ Эстабанъ!

Маленькаго роста человекъ, въ черной одеждѣ, бритый, какъ священникъ, спускался внизъ по лѣстницѣ.

¹⁾ Фанега—около 55 литровъ.

²⁾ Деревянный шестъ (vara de palo)—знакъ отличія церковнаго служителя, обязанность котораго заключается въ томъ, чтобы слѣдить за тишиной въ храмѣ во время службъ. Отсюда и прозвище, присвоенное исполняющему эту обязанность.

— Эстабанъ!.. Эстабанъ!..—тихо произнесъ Луна, становясь между нимъ и дверью.

„Деревянный шестъ“ посмотрѣлъ на него свѣтлыми какъ янтарь глазами — равнодушными, какъ у человѣка, привыкшаго проводить долгіе часы въ соборѣ, не давая строптивому разуму нарушать свое блаженное спокойствіе. Онъ долго колебался, точно не могъ повѣрить отдаленному сходству этого блѣднаго, изможденнаго лица съ другимъ, сохранившимся въ его памяти. Наконецъ, онъ все-таки призналъ незнакомца, съ выраженіемъ изумленія и грусти на лицѣ.

— Габріэль... братъ мой! Неужели это ты?

Его суровое лицо стараго служителя церкви, какъ бы уподобившагося неподвижнымъ колоннамъ храма, оживилось нѣжной улыбкой.

Крѣпко пожавъ другъ другу руки, они направились вмѣстѣ въ соборъ.

— Когда ты пріѣхалъ?.. Откуда?.. Какъ ты жилъ это время?.. Зачѣмъ пріѣхалъ сюда?

„Деревянный шестъ“ выражалъ свое изумленіе вопросами, не давая брату времени отвѣчать.

Габріэль разсказалъ, что пріѣхалъ наканунѣ, и что пришелъ въ собору до разсвѣта, въ ожиданіи минуты свиданія съ братомъ.

— Теперь я изъ Мадрида, — сказалъ онъ, — но до того былъ во многихъ мѣстахъ, въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи и въ другихъ странахъ. Я кочевалъ изъ страны въ страну, въ постоянной борьбѣ съ голодомъ и съ жестокостью людей. Нищета и полиція слѣдуютъ за мной по пятамъ. Когда я хочу остановиться гдѣ-нибудь, измученный этой жизнью, этимъ существованіемъ вѣчнаго жида, страхъ передъ судомъ заставляетъ меня снова пуститься въ путь... Такой, какимъ ты меня видишь, Эстабанъ, больной, съ преждевременно разрушеннымъ здоровьемъ, увѣренный въ близости смерти, я, оказывается, очень опасный человѣкъ. Вчера въ Мадридѣ мнѣ угрожали тюрьмой, если я останусь дольше, и мнѣ пришлось сейчасъ же сѣсть въ повозку и уѣхать. Но куда? Свѣтъ великъ, — однако для меня и для подобныхъ мнѣ онъ такъ съуживается, что не остается ни одной пяди земли, на которую можно было бы спокойно ступить. Во всемъ мірѣ у меня остались только ты и этотъ тихій уголокъ земли, гдѣ ты живешь спокойной, счастливой жизнью. Я пріѣхалъ къ тебѣ; если ты меня прогонишь, у меня не будетъ куда пойти умереть, кромѣ какъ въ тюрьму или въ больницу, — если меня тамъ примутъ, узнавъ, кто я.

Утомленный произнесенными имъ словами, Габріэль сталъ мучительно кашлять, тяжело хрипя, точно воздухъ проходилъ черезъ каверны въ его груди. Онъ говорилъ съ пламеннымъ воодушевленіемъ, сильно жестикуючи, какъ человѣкъ, привыкшій говорить передъ толпой и обуреваемый жаждой прозелитизма...

— Ахъ, бѣдный мой братъ!—сказалъ Эстабанъ съ выраженіемъ дружескаго упрека въ голосѣ: —какую пользу принесло тебѣ чтеніе газетъ и книгъ? Зачѣмъ стремиться исправлять то, что и такъ хорошо, или даже то, что дурно, если зло непоправимо! Еслибы ты спокойно шелъ своимъ путемъ, ты бы теперь имѣлъ мѣсто при соборѣ и—какъ знать?—можетъ быть, сидѣлъ бы въ хорѣ среди канониковъ, на гордость своей семьѣ и служа ей опорой. Но ты всегда былъ сумасбродомъ... хотя по способностямъ стоялъ выше насъ всѣхъ. Не принесъ тебѣ добра твоей умъ!.. Какъ я страдалъ, когда узналъ, что съ тобой произошло! Я думалъ, что тебѣ отлично живется въ Барселонѣ, гдѣ ты зарабатывалъ, какъ корректоръ, цѣлое состояніе, сравнительно съ тѣмъ, что мы получаемъ здѣсь. Неприятно мнѣ было только, что твое имя часто встрѣчалось въ газетахъ, въ отчетахъ о разныхъ „митингахъ“, на которыхъ требуютъ, чтобы все дѣлилось поровну, и проповѣдуютъ уничтоженіе семьи, церкви и всякія нечеловѣчности въ этомъ родѣ. „Товарищъ Луна сказалъ то-то“, „товарищъ Луна сдѣлалъ то-то“... Я скрывалъ отъ всѣхъ здѣшнихъ, что этотъ „товарищъ Луна“—ты. Я зналъ, что это безуміе къ добру не приведетъ. А потомъ исторія съ бомбами...

— Я былъ непричастенъ къ ней, —грустно возразилъ Габріэль.—Я теоретикъ, и считаю всякое прямое насиліе преждевременнымъ и пагубнымъ.

— Я въ этомъ не сомнѣвался, Габріэль. Я зналъ, что ты невиновенъ. Ты былъ такой добрый, такой вроткій въ дѣтствѣ. Мы всегда изумлялись твоей добротѣ. Покойная мать все говорила, что ты будешь святымъ. И чтобы ты сдѣлался убійцей, убивалъ такимъ предательскимъ образомъ... съ помощью этихъ адскихъ орудій... Господи Иисусе!

Эстабанъ замолчалъ, потрясенный однимъ воспоминаніемъ о преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняли его брата.

— Но, все-таки,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—ты былъ схваченъ во время арестовъ, произведенныхъ послѣ взрыва. Сколько я тогда выстрадалъ! Отъ времени до времени производились разстрѣлы въ крѣпостномъ рву, и я съ ужасомъ читалъ въ газетахъ имена казненныхъ, все ожидая встрѣтить твое имя среди нихъ. Ходили слухи о томъ, что заключенныхъ пытали,

чтобы вынудить у нихъ признанія, и я думалъ о тебѣ, о твоемъ слабомъ здоровьи. Я былъ увѣренъ, что не сегодня-завтра тебя найдутъ мертвымъ въ твоей кельѣ. И мнѣ было еще вдвое тяжелѣе, потому что приходилось скрывать все, что я знаю о тебѣ... Луна, сынъ сеньора Эстабана, стараго соборнаго садовника, съ которымъ разговаривали запросто каноники и даже архіепископы — сообщникъ злодѣевъ, которые хотятъ истребить міръ! Какой позоръ! И поэтому, когда Голубой и другіе здѣшніе сплетники спрашивали меня, не ты ли этотъ Луна, о которомъ такъ много говорятъ въ газетахъ, я отвѣчалъ имъ, что мой братъ въ Америкѣ и рѣдко мнѣ пишетъ, потому что очень занятъ дѣлами. Ты можешь себѣ представить мою муку! Ждать, что каждую минуту тебя могутъ казнить — и даже не имѣть возможности отвести душу, говоря о своемъ горѣ съ близкимъ человѣкомъ... Мнѣ оставалась только молитва. Живя въ храмѣ и привывши ежедневно общаться съ Господомъ и его святыми, начинаешь охлаждать въ религіи... Но горе оживаетъ вѣру, и я обратился къ всемогущей заступницѣ нашей, Мадоннѣ Святилища, моля ее, чтобы она вспомнила тебя, который ребенкомъ преклонялся передъ нею колѣни въ ея часовнѣ, когда собирался вступить въ семинарію.

Габріэль снисходительно улыбнулся наивности брата.

— Не смѣйся, — сказалъ Эстабанъ, — ты огорчаешь меня своимъ смѣхомъ. Повѣрь, только заступничество Мадонны спасло тебя. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я узналъ, что тебя и другихъ выслали, строго запретивъ когда-либо возвращаться въ Испанію. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ ни одного письма, ни одного извѣстія о тебѣ. Я думалъ, что ты умеръ на чужбинѣ, и много разъ молился за твою бѣдную душу, которая очень нуждается въ молитвахъ.

„Товарищъ Луна“ ласково посмотрѣлъ на брата.

— Благодарю тебя за твою любовь, Эстабанъ, — сказалъ онъ. — Я преклоняюсь передъ твоей вѣрой, — но не думай, что я спасся цѣлъ и невредимъ отъ опасности. Лучше бы ужъ все кончилось сразу. Лучше обрѣсти ореолъ мученичества, чѣмъ попасть въ тюрьму сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ и выйти изъ нея развалиной. Я очень боленъ, Эстабанъ, и скоро умру. Мой желудокъ отказывается служить, легкія разрушены и весь мой организмъ — испорченная машина, которая едва дѣйствуетъ, потому что всѣ ея части разваливаются. Ужъ если Мадонна, виявъ твоимъ мольбамъ, хотѣла спасти меня, ей слѣдовало повліять на моихъ сторожей и смягчить ихъ жестокость. Они, бѣдные, ду-

мали, что спасаютъ міръ, давая волю своимъ звѣринымъ инстинктамъ, спящимъ въ каждомъ человѣкѣ, какъ наслѣдіе минувшихъ временъ... Да и потомъ, на свободѣ, жизнь моя была хуже смерти. Нищета и травля полиціи заставили меня вернуться въ Испанію, и существованіе мое превратилось въ адскую муку. Я не могъ поселиться нигдѣ среди людей, — они преслѣдовали меня, какъ свора собакъ, выгоняя меня прочь изъ своихъ городовъ, въ горы, въ пустыни, туда, гдѣ нѣтъ ни одного человѣческаго существа. Они считали меня опаснымъ человѣкомъ, болѣе опаснымъ, чѣмъ тѣ отчаянные фанатики, которые бросаютъ бомбы, потому что я говорю, потому что во мнѣ живетъ несокрушимая сила, которая заставляетъ меня проповѣдывать истину, какъ только я вижу вокругъ себя несчастныхъ. Но все это кончено. Можешь успокоиться, милый братъ. Я теперь мертвый человѣкъ. Моя миссія кончена. Но вслѣдъ за мной придутъ другіе—много другихъ. Борозда вспахана, и сѣмя проникло глубоко въ землю... Я скоро умру и считаю себя вправѣ отдохнуть нѣсколько недѣль передъ смертью. Я хочу въ первый разъ въ жизни насладиться тишиной, спокойствіемъ — жить такъ, чтобы никто не зналъ, кто я, не внушать никому ни добрыхъ, ни злыхъ чувствъ. Мнѣ хотѣлось бы быть статуей на этомъ порталѣ, колонной въ соборѣ, бездушнымъ предметомъ, надъ которымъ проходитъ время, радости и печали, не вызывая ни волненія, ни содроганія. Предвосхитить смерть, быть трупомъ, дышать и ѣсть, но не думать, не радоваться, не страдать—вотъ что было бы для меня счастьемъ, Эстабанъ. Мнѣ некуда идти. Стоитъ мнѣ выйти за эту дверь, чтобы меня опять стали гнать и преслѣдовать. Оставишь ты меня здѣсь?

Эстабанъ, вмѣсто отвѣта, нѣжно подтолкнулъ впередъ брата.

— Идемъ наверхъ, безумецъ, — сказалъ онъ. — Ты не умрешь. Я поставлю тебя на ноги. Тебѣ нужно спокойствіе и заботливый уходъ. Соборъ вылечитъ тебя. Здѣсь ты забудешь о своихъ бредняхъ, перестанешь быть донъ-Кихотомъ. Помнишь, какъ ты намъ читалъ его приключенія по вечерамъ въ дѣтствѣ? Теперь ты самъ сталъ похожъ на него. Что тебѣ за дѣло, хорошо или скверно устроенъ свѣтъ! Онъ всегда будетъ такимъ, какимъ мы его знаемъ. Важно только одно — жить по-христіански, чтобы заслужить счастье въ будущей жизни; — она будетъ лучше этой, потому что она — дѣло рукъ Господнихъ, а не человѣческихъ. Идемъ же, идемъ.

Подталкивая съ нѣжностью брата, Эстабанъ вышелъ съ нимъ изъ монастыря, проходя мимо нищихъ, которые съ любо-

пытствомъ глядѣли на нихъ, тщетно пытаясь подслушать, о чемъ они говорятъ. Они прошли черезъ улицу и стали подниматься по лѣстницѣ, ведущей въ башню. Ступеньки были кирпичныя, поломанныя во многихъ мѣстахъ, а выкрашенныя въ бѣлое стѣны покрыты были каррикатурными рисунками и неразборчивыми надписями, сдѣланными посѣтителеми, которые поднимались на башню, чтобы посмотреть знаменитый колоколь огромныхъ размѣровъ—*Campana Gorda*.

Габріэль поднимался медленно, останавливаясь на каждомъ поворотѣ.

— Я очень плохо чувствую себя, Эстабанъ, — проговорилъ онъ, — очень плохо. Мои легкія точно треснувшіе мѣха, въ которые воздухъ входитъ со всѣхъ сторонъ.

Потомъ, точно раскаяваясь въ своей забывчивости, онъ поспѣшно обратился къ брату:

— Какъ поживаетъ твоя жена, Пеппа? — спросилъ онъ. — Надѣюсь, что она здорова.

Эстабанъ нахмурилъ лобъ, и глаза его сдѣлались влажными.

— Она умерла, — отвѣтилъ онъ съ мрачнымъ лабонизмомъ.

Пораженный печальнымъ отвѣтомъ, Габріэль остановился и прислонился къ периламъ. Послѣ короткаго молчанія онъ, однако, снова заговорилъ, чувствуя желаніе чѣмъ-нибудь утѣшить брата.

— Ну, а моя племянница Сагаріо? Она, вѣрно, сдѣлалась красавицей. Въ послѣдній разъ, когда я ее видѣлъ, она походила на молодую королеву со своимъ розовымъ личьемъ, подернутымъ легкимъ золотистымъ пушкомъ. Она замужемъ или живетъ у тебя?

Эстабанъ еще мрачнѣе взглянулъ на брата.

— Тоже умерла, — рѣзко отвѣтилъ онъ.

— И Сагаріо умерла? — повторилъ пораженный Габріэль.

— Умерла для меня—это то же самое. Умоляю тебя, братъ, всѣмъ, что тебѣ дорого на свѣтѣ, не говори мнѣ о ней...

Габріэль понялъ, что раскрываетъ своими вопросами глубокую рану въ душѣ брата, и замолчалъ. Въ жизни Эстабана произошло очевидно, нѣчто очень тяжелое за время его отсутствія — одна изъ тѣхъ катастрофъ, которыя разбиваютъ семьи и навсегда разлучаютъ оставшихся въ живыхъ.

Они прошли по крытой галереѣ надъ аркой архіепископскаго дворца и вошли въ верхній монастырь, носящій названіе канцелярій — *Las Clavergias*: четыре портика одинаковой длины съ нижнимъ монастыремъ, безъ малѣйшихъ украшеній и очень жалкаго вида. Полъ былъ выстланъ поломанными кирпичами.

Четыре стороны, выходяшія въ садъ, были соединены узкимъ барьеромъ, помѣщеннымъ между плоскими колоннами, поддерживающими крышу изъ гнилыхъ балокъ. Это была временная постройка, сдѣланная три вѣка тому назадъ, но оставшаяся съ тѣхъ поръ въ томъ же видѣ. Вдоль выбѣленныхъ стѣнъ открывались расположенныя безъ всякой симметріи двери и окна квартиръ, занимаемыхъ церковными служащими, служба и жилища которыхъ переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну. Этотъ монастырь со своими низкими портиками представлялъ собой какъ бы четыре улицы, каждая изъ одного ряда домовъ. Противъ комнатъ тянулась плоская колоннада, надъ барьеромъ которой просовывали свои остроконечныя верхушки кипарисы сада. Надъ крышей монастыря видѣлись окна второго ряда комнатъ, потому что почти всѣ квартиры верхняго монастыря были въ два этажа.

Такимъ образомъ, надъ соборомъ, въ уровень съ крышами жило цѣлое населеніе, и ночью, когда закрывалась лѣстница, ведущая на башню, все это населеніе было совершенно отрѣзано отъ города. Цѣлыя поколѣнія рождались, жили и умирали въ самомъ сердцѣ Толедо, не выходя на улицы, — привязанныя какимъ-то инстинктивнымъ наслѣдственнымъ влеченіемъ къ этой громадѣ изъ рѣзного бѣлаго камня, своды которой служили имъ убѣжищемъ. Они жили тамъ, пропитанныя запахомъ ладана, вдыхая особый запахъ плѣсени и стараго желѣза, свойственный стариннымъ храмамъ, съ горизонтомъ, ограниченнымъ арками или колокольней, закрывавшей собой большую часть неба, виднаго изъ верхняго монастыря.

Габріэлю показалось, что онъ вернулся къ временамъ своего дѣтства. Ребятишки, похожіе на тогдашняго Габріэля, прыгали, играя въ четырехъ портикахъ, или садились, сбившись въ кучку, туда, куда проникали первые лучи солнца. Женщины, которыя напоминали ему его мать, вытряхивали надъ садомъ одѣяла или мели красныя кирпичныя плиты передъ дверями квартиръ. Все осталось такимъ же, какъ прежде. Время какъ будто не заглядывало сюда, увѣренное, что не найдетъ ничего, способнаго стариться. Габріэль увидѣлъ на стѣнѣ два рисунка углемъ, которые онъ сдѣлалъ, когда ему было восемь лѣтъ. Если бы не дѣти, которыя кричали и смѣялись, гоняясь другъ за дружкой, можно было бы подумать, что въ этомъ странномъ городѣ, какъ бы висящемъ въ воздухѣ, никто не рождается и не умираетъ.

Эстабанъ, лицо котораго оставалось нахмуреннымъ, сталъ давать объясненія брату.

— Я живу по прежнему въ нашей старой квартирѣ, — ска-

залъ онъ.—Мнѣ ее оставили изъ уваженія къ памяти отца. За это я чрезвычайно признателенъ церковному совѣту, — вѣдь я только простой „деревянный шестъ“. Послѣ „несчастья“ я взялъ въ домъ старуху, которая ведетъ мое хозяйство. Кромѣ того, у меня живетъ донъ-Луисъ, регентъ. Ты увидишь его; онъ очень способный молодой священникъ, — но тутъ его способности пропадаютъ даромъ. Его считаютъ сумасшедшимъ, но онъ — настоящій артистъ съ чистой ангельской душой.

Они вошли въ квартиру, издавна принадлежавшую семейству Луна. Она была одной изъ лучшихъ во всемъ верхнемъ монастырѣ. У дверей висѣли на стѣнѣ корзинки для цвѣтовъ, въ видѣ кропильницъ, и изъ нихъ свѣшивались зеленыя нити растеній. Въ комнатѣ, которая служила гостиной, все осталось такимъ же, какъ при жизни родителей Габріэля. Бѣлыя стѣны, принявшія съ годами желтоватый тонъ кости, покрыты были изображеніями святыхъ. Стулья краснаго дерева, отполированные долгимъ употребленіемъ, имѣли молодой видъ, не соответствовавшій ихъ старинному фасону и почти прорваннымъ сидѣньямъ. Черезъ открытую дверь видна была кухня, куда вошелъ братъ Габріэля, чтобы дать распоряженія старой, кроткой съ виду служанкѣ. Въ одномъ углу комнаты стояла швейная машина. Габріэль вспомнилъ, что когда онъ былъ въ послѣдній разъ дома, на этой машинкѣ работала его племянница. Теперь машина стоитъ тутъ на память о „дѣвчкѣ“, послѣ катастрофы, оставившей глубокую печаль въ сердцѣ отца. Черезъ окно въ гостиную Габріэль увидѣлъ внутренній дворъ, составлявшій преимущество этой квартиры передъ другими: довольно большой кусокъ синяго неба и четыре ряда тонкихъ колоннъ, поддерживавшихъ верхній этажъ, придавали дворику видъ маленькаго монастыря.

Эстабанъ вернулся къ брату.

— Чтò тебѣ приготовить къ завтраку? — спросилъ онъ. — Требуи, чего желаешь, — тебѣ все приготовить. Я хотъ и бѣденъ, но все-таки надѣюсь, что смогу поставить тебя на ноги и вернуть тебѣ здоровый видъ.

Габріэль грустно улыбнулся.

— Не хлопочи понапрасну, — сказалъ онъ. — Мой желудокъ ничего не переноситъ. Мнѣ достаточно немного молока; — и то хорошо, если оно не повредитъ.

Эстабанъ приказалъ старухѣ пойти въ городъ за молокомъ и хотѣлъ сѣсть около брата. Но въ эту минуту открылась дверь, выходившая въ корридоръ, и черезъ нее просунулась голова юноши.

— Съ добрымъ утромъ, дядя,—сказалъ онъ.

Въ его плоскомъ лицѣ было что-то собачье; глаза сверкали лугавствомъ, волосы были начесаны на уши и густо напوماжены.

— Войди, озорникъ!—сказалъ Эстабанъ и обратился снова къ брату.

— Ты знаешь, кто онъ?—спросилъ онъ.—Нѣтъ? Это сынъ нашего покойнаго брата. Онъ живетъ тутъ наверху со своей матерью, которая моетъ церковное бѣлье и умѣетъ удивительно хорошо плотить стихари. Томъ, поздоровайся съ этимъ господиномъ. Это твой дядя Габріэль, который вернулся изъ Америки, Парижа и изъ разныхъ другихъ далекихъ, очень далекихъ мѣстъ.

Юноша поздоровался съ Габріэлемъ, нѣсколько смущенный грустнымъ, больнымъ видомъ дяди, о которомъ его мать говорила при немъ, какъ объ очень таинственномъ человѣкѣ.

— Вотъ этотъ мальчишка, — продолжалъ Эстабанъ, обращаясь къ брату и указывая на Тома, — самый большой озорникъ во всемъ соборѣ. Если его еще не выгнали отсюда, то только изъ уваженія къ памяти его отца и дѣда, ради имени, которое онъ носить: всѣмъ извѣстно, что семья Луна — такая же старинная, какъ камни стѣнъ... Какая бы шалость ему ни взбрела на умъ, онъ непременно приводитъ ее въ исполненіе. Онъ ругается какъ язычникъ въ ризницѣ, за спиной канониковъ. Это все правда, не отрекайся, сорви-голова!

Онъ погрозилъ ему пальцемъ, полу-серьезно, полу-шутливо, точно на самомъ дѣлѣ вовсе не осуждалъ проступковъ своего племянника. Юноша выслушалъ выговоръ, гримасничая какъ обезьяна и не опуская глазъ, глядѣвшихъ очень дерзко.

— Какой стыдъ, — продолжалъ дядя, — что ты устраиваешь себѣ такую прическу, какъ свѣтскіе шалопай, пріѣзжающіе въ Толедо въ большіе праздники! Въ доброе старое время тебѣ бы за это сбрили голову. Но теперь, когда наступило время разврата и распущенности, наша святая церковь сдѣлалась бѣдна какъ крыса, и каноникамъ не до того, чтобы заниматься пустяками. Все пошло на убыль, на горе намъ! Еслибы ты видѣлъ, какъ все упало, Габріэль! Соборъ сталъ совсѣмъ вродѣ мадридской лавки, куда люди приходятъ, покупаютъ, что имъ надо, и бѣгутъ прочь. Соборъ такъ же прекрасенъ, какъ и прежде, но исчезло величіе прежняго служенія Господу. То же самое говорить и регентъ. Онъ возмущается, что только въ большіе праздники въ хоръ является едва-едва человѣкъ шесть музыкантовъ. Молодежь, живущая въ монастырѣ, не любитъ нашу церковь, какъ любили ее прежде, и жалуется на то, что имъ мало платятъ, не при-

нимая во вниманіе, что церковь переживаетъ тяжелыя времена. Если такъ будетъ продолжаться, то я не удивлюсь, если такіе сорванцы, какъ вотъ этотъ и другіе, подобныя ему, начнутъ устраивать игры въ церкви... прости, Господи!

Простодушный Эстабанъ сдѣлалъ жестъ возмущенія и продолжалъ, указывая на племянника:

— Вотъ этотъ молодчикъ, какъ ты его видишь, уже занимаетъ должность, которую его бѣдный отецъ получилъ только въ тридцать лѣтъ, а онъ еще не доволенъ. Онъ мечтаетъ сдѣлаться тореадоромъ—и осмѣлился даже разъ отправиться въ воскресенье на новильяду (бой молодыхъ бычковъ) въ толедскомъ циркѣ. Его мать прибѣжала ко мнѣ внѣ себя, чтобы рассказать, что сдѣлалъ ея сыночекъ, и я, помня, что покойный братъ поручилъ мнѣ передъ смертью заботиться объ его сынѣ, подстерегъ молодчика, когда онъ возвращался изъ цирка, и погналъ его домой тѣмъ же шестомъ, которымъ я водворяю молчаніе въ соборѣ. Онъ тебѣ можетъ сказать, тяжела ли у меня рука, когда я сердитъ. Пресвятая Дѣва! Чтобы Луна сдѣлался тореадоромъ! Когда объ этомъ узнали каноники и даже кардиналъ, они были очень огорчены, какъ мнѣ потомъ передавали. А мальчишку съ тѣхъ поръ прозвали „Тато“¹⁾. Да, не дѣлаетъ онъ чести нашей семьѣ.—Эстабанъ посмотрѣлъ на племянника уничтожающимъ взглядомъ, но тотъ только улыбался, слушая его обличенія.

— Не думай, Габріэль,—продолжалъ Эстабанъ,—что ему нечего ѣсть, и что поэтому онъ пускается на всякія сумасбродства. Несмотря на то, что онъ такой озорникъ, онъ двадцати лѣтъ получилъ должность „переро“—служителя, выгоняющаго собакъ изъ собора. Въ прежнее время эта должность достигалась долгими годами вѣрной службы. Онъ получаетъ шесть реаловъ въ день, и такъ какъ дѣла у него при этомъ никакого нѣтъ, то можетъ еще, кромѣ того, показывать церковь туристамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ получаетъ на чай отъ туристовъ, онъ зарабатываетъ больше, чѣмъ я. Иностранцы-еретики, которые смотрятъ на насъ, какъ на дикихъ обезьянъ, и смѣются надъ всѣмъ, что видятъ у насъ, обращаютъ на него вниманіе. Англичанки спрашиваютъ его, не былъ ли онъ тореадоромъ. Большаго ему и не нужно. Какъ только онъ видитъ, что имъ интересуются, онъ начинаетъ врать безъ конца—выдумщикъ онъ какихъ мало—и рассказывать о корридахъ въ Толедо, въ которыхъ онъ принималъ участіе,

¹⁾ Т.-е. „шепелявый“: намекъ на андалузцевъ. Андалузія — родина большинства тореадоровъ.

о бывахъ, которыхъ убилъ... А негодяи-англичане записываютъ все, что онъ говоритъ, въ свои путевые альбомы; одна блондинка съ большими ногами зарисовала даже профиль этого бездѣльника. Ему же ни до чего дѣла нѣтъ, — лишь бы слушали, что онъ вретъ, и дали ему потомъ песету. Не все ли ему равно, что эти нечестивцы будутъ рассказывать, вернувшись домой, что въ толедскомъ соборѣ, въ первой церкви Испаніи, служащіе — въ то же время тореадоры и участвуютъ въ богослуженіи въ промежуткахъ между корридами. Словомъ, онъ зарабатываетъ больше, чѣмъ я, и все-таки еще жалуется на свою должность. А должность эта прекрасная: идти во время большихъ церемоній впереди всѣхъ, рядомъ съ крестомъ, и нести вилы, обернутыя въ алый бархатъ, чтобы поддержать крестъ, еслибы онъ упалъ, носить парчевую красную одежду, какъ кардиналъ. Въ этомъ костюмѣ, какъ говоритъ регентъ, который очень много знаетъ, становишься похожимъ на нѣкоего Данте — или какое-то имя вродѣ этого, — который много вѣковъ тому назадъ жилъ въ Италиіи и спустился въ адъ, а потомъ описалъ свое путешествіе въ стихахъ.

Раздались шаги на узкой витой лѣстницѣ, которая прорѣзана была въ стѣнѣ для сообщенія съ верхнимъ этажемъ.

— Это донъ-Луисъ, — сказалъ Эстабанъ. — Онъ идетъ служить мессу въ часовню Святилища, а потомъ отправится въ хоръ.

Габріэль поднялся, чтобы поздороваться съ священникомъ. Это былъ маленькаго роста, слабый съ виду человекъ. Съ перваго взгляда бросалось въ глаза несоотвѣтствіе между жалкимъ тѣломъ и огромной головой. Большой выпуклый лобъ какъ бы сокрушалъ своей тяжестью смуглыя неправильныя черты его лица, носившаго слѣды оспы. Онъ былъ уродливъ, но все-таки чистота его голубыхъ глазъ, блескъ здоровыхъ бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ, озарявшихъ ротъ, невинная, почти дѣтская улыбка придавали привлекательность его лицу.

— Такъ этотъ господинъ и есть тотъ братъ, о которомъ вы мнѣ столько разсказывали? — спросилъ онъ, когда Эстабанъ познакомилъ ихъ.

Онъ дружески протянулъ руку Габріэлю. У нихъ обоихъ былъ болѣзненный видъ, и слабость здоровья сближала ихъ.

— Такъ какъ вы учились въ семинаріи, то, можетъ быть, свѣдуци въ музыкѣ? — спросилъ донъ-Луисъ Габріэля.

— Это единственное, что я сохранилъ изъ всего, чему меня тамъ учили.

— А путешествуя по разнымъ странамъ, вы, вѣроятно, слышали много хорошей музыки?

— Да, кое-что слышалъ. Музыка—самое близкое мнѣ искусство. Я мало понимаю ее, но люблю.

— Это чудесно. Мы будемъ друзьями. Вы мнѣ расскажете про все, что знаете... Какъ я вамъ завидую, что вы много путешествовали!

Онъ говорилъ какъ безпокойный ребенокъ, не садясь, хотя Эстабанъ нѣсколько разъ придвигалъ ему стулъ. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, держа приподнятый край плаща на груди, и съ шляпой въ рукахъ—жалкой, потертой шляпой, продавленной въ нѣсколькихъ мѣстахъ, съ лоснящимися краями, жалкой, какъ его ряса и его обувь. Но все-таки, несмотря на бѣдность своей одежды, донъ Луисъ былъ довольно изящень. Его волосы, болѣе длинные, чѣмъ обыкновенно у католическихъ священниковъ, вились локонами до самой макушки. Изящество, съ которымъ онъ драпировалъ плащъ вокругъ тѣла, напоминало оперныхъ пѣвцовъ. Въ немъ чувствовался художникъ подъ одеждой священника.

Раздались, какъ далекіе раскаты грома, медлительные звуки колокола.

— Дядя, насъ зовутъ въ хоръ,—сказалъ Томъ.—Пора, ужъ скоро восемь часовъ.

— Правда, правда. Вотъ смѣшно, что ты напомнилъ мнѣ о долгѣ службы. Ну, идемъ.

Потомъ онъ прибавилъ, обращаясь къ священнику-музыканту:

— Донъ-Луисъ, ваша обѣдня начинается въ восемь. Вы потомъ поговорите съ Габріелемъ. Теперь нужно идти въ церковь. Долгъ прежде всего.

Регентъ грустно кивнулъ головой въ знакъ согласія и направился къ выходу, вмѣстѣ съ двумя служителями церкви, но съ недовольнымъ видомъ, точно его повели на неприятную и тяжелую работу. Онъ разсѣянно напѣвалъ, когда протянулъ на прощанье руку Габріэлю, и тотъ узналъ мелодію изъ седьмой симфоніи Бетховена.

Оставшись одинъ, Габріэль легъ на диванъ, уставъ отъ долгаго ожиданія передъ соборомъ. Старая служанка поставила подлѣ него кувшинъ съ молокомъ, наливъ изъ него предварительно полный стаканъ. Габріэль выпилъ и впалъ въ давно неизвѣданное физическое благосостояніе. Онъ смогъ заснуть и пролежалъ около часа на диванѣ безъ движенія. Его неровное дыханіе нарушалось нѣсколько разъ припадками глухого кашля, который, однако, не будилъ его.

Наконецъ онъ проснулся и быстро вскочилъ, охваченный нервной дрожью съ головы до ногъ. Эта привычка къ тревож-

ному пробужденію осталась у него отъ пребыванія въ мрачныхъ тюремныхъ камерахъ, гдѣ онъ ежечасно могъ ждать, что откроется дверь и его или будутъ колотить палкой, какъ собаку, или поведутъ на плацъ для разстрѣла. Еще болѣе укоренилась въ немъ эта привычка въ изгнаніи, когда онъ жилъ въ вѣчномъ страхѣ полиціи и шпионовъ; часто случалось, что его настигали ночью, въ какой-нибудь гостинницѣ, гдѣ онъ остановился на ночь, и заставляли тотчасъ же отправляться дальше въ путь. Онъ привыкъ къ тревогѣ, какъ Агасферъ, который не могъ нигдѣ остановиться для отдыха, потому что сейчасъ же раздавался властный приказъ: „Иди!“

Габріэль не хотѣлъ снова лечь, точно боялся черныхъ сновидѣній, и предпочиталъ живую дѣйствительность. Ему пріятна была тишина собора, охватывающая его нѣжной лаской; ему нравилось спокойное величіе храма, этой громады изъ рѣзного камня, которая какъ бы укрывала его отъ преслѣдованій.

Онъ вышелъ изъ квартиры брата и, прислонясь къ периламъ, сталъ глядѣть внизъ въ садъ. Верхній монастырь былъ совершенно безлюденъ въ этотъ часъ. Дѣти, которыя наполняли его шумомъ рано утромъ, ушли въ школу, а женщины заняты были приготовленіемъ обѣда. Свѣтъ солнца озарялъ одну сторону монастыря, и тѣнь колоннъ прорѣзала наискось большіе золотые квадраты на плитахъ. Величественный покой, тихая святость собора проникали въ душу мятежника, какъ успокаивающее наркотическое средство. Семь вѣковъ, связанныхъ съ этими камнями, окутывали его, какъ столько же покрывалъ, отдѣляющихъ его отъ остального міра. Издали доносился стукъ молотка—это работалъ сапожникъ, котораго Габріэль замѣтилъ, выглянувъ изъ окна. На небольшомъ пространствѣ неба, заключенномъ между крышами, носились нѣсколько голубей, ведывая и опуская крылья, какъ весла на лазурномъ озерѣ. Утомившись, они опускались къ монастырю, садились на барьеръ и начинали ворковать, нарушая благочестивый покой любовными вздохами. Отъ времени до времени открывались двери изъ собора, наполняя садъ и верхній монастырь запахомъ ладана, звуками органа и глубокихъ голосовъ, которые пѣли латинскія фразы, растягивая слова для большей торжественности.

Габріэль разсматривалъ садъ, окаймленный бѣлыми аркадами и тяжелыми колоннами изъ темнаго гранита, на которыхъ дожди породили цѣлую плантацію бархатистыхъ черныхъ грибовъ. Солнце озаряло только одинъ уголъ сада, а все остальное пространство погружено было въ зеленую мглу, въ монастыр-

скій полумракъ. Колокольня закрывала собой значительную часть неба; вдоль ея красноватыхъ боковъ, украшенныхъ готическими узорами и выступающими контрфорсами, тянулись полосы черного мрамора съ головами таинственныхъ фигуръ и съ гербами разныхъ архіепископовъ, участвовавшихъ въ сооружеиіи ея. На самомъ верху, близъ бѣлыхъ какъ свѣгъ каменныхъ верхушекъ, видѣлись за огромными рѣшетками колокола, похожіе на бронзовыхъ птицъ въ желѣзныхъ клѣткахъ...

Раздались три торжественныхъ удара колокола, возвѣщавшихъ самый торжественный моментъ мессы. Вздрогнула каменная громада, и дрожь отдалась во всей церкви, внизу, на хорахъ и въ глубинѣ сводовъ.

Потомъ наступила снова тишина, казавшаяся еще болѣе внушительной послѣ оглушительнаго звона бронзовыхъ колоколовъ. И снова стало слышно воркованіе голубей, и внизу, въ саду, зачирикали птицы, возбужденныя солнечными лучами, которые оживляли зеленый полумракъ.

Габріэль былъ растроганъ всѣмъ, чтò видѣлъ и слышалъ. Онъ отдался сладостному опьяненію тишины и покоя, блаженству забытїа. Тамъ, гдѣ-то, за этими стѣнами, былъ міръ, — но его не было ни видно, ни слышно: онъ отступалъ съ почтеніемъ и равнодушіемъ отъ этого памятника минувшихъ вѣковъ, отъ великолѣпной гробницы, въ которой ничто не возбуждало его любопытства. Кто бы могъ догадаться, что Габріэль скрывается именно здѣсь!? Это зданіе, простоявшее семь вѣковъ, воздвигнутое давно умершими властителями и умирающей вѣрой, будетъ его послѣднимъ пристанищемъ. Среди полнаго безбожіа, охватившаго міръ, церковь сдѣлается для него убѣжищемъ—какъ для средневѣковыхъ преступниковъ, которые, переступивъ порогъ церкви, могли смѣяться надъ правосудіемъ, остановленнымъ у входа, какъ нищіе. Тутъ, среди безмолвіа и покоя, онъ будетъ ждать медленнаго разрушенія своего организма. Тутъ онъ умретъ съ прїятнымъ сознаніемъ, что уже умеръ для міра задолго до того. Наконецъ осуществится его желаніе закончить свои дни въ углу погруженнаго въ сонъ испанскаго собора; это была единственная надежда, поддерживавшая его, когда онъ бродилъ пѣшкомъ по большимъ дорогамъ Европы, прячась отъ полиціи и жандармовъ, и проводилъ ночи во рву, скорчившись, опустивъ голову на колѣни и боясь замерзнуть во снѣ.

Ухватиться за соборъ, какъ потерпѣвшій кораблекрушеніе хватается за обломки корабля,—вотъ чтò было его послѣднимъ желаніемъ, и оно наконецъ осуществилось. Церковь пріютила

его какъ старая суровая мать, которая не улыбается, но все-таки раскрываетъ объятія.

— Наконецъ-то!.. наконецъ!—прошепталъ Луна.

И онъ улыбнулся, вспомнивъ о своихъ скитаніяхъ, какъ о чемъ-то далекомъ, происходившемъ на другой планетѣ, куда ему больше никогда не нужно будетъ вернуться. Соборъ пріютилъ его навсегда въ своихъ стѣнахъ.

Среди полной тишины монастыря, куда не доходилъ шумъ улицы,—„товарищъ“ Луна вдругъ услышалъ далекіе, очень далекіе звуки трубъ. Онъ вспомнилъ про толедскій Альказаръ, который превосходитъ по вышинѣ соборъ, подавляя его громадой своихъ башенъ. Трубные звуки доносились изъ военной академіи.

Эти звуки неприятно поразили Габріэля. Онъ отвернулъ взоры отъ міра—и какъ разъ тогда, когда онъ думалъ, что ушелъ далеко-далеко отъ него, онъ почувствовалъ его присутствіе тутъ же, около храма.

II.

Эстабанъ Луна, отецъ Габріэля, былъ садовникомъ толедскаго собора со времени второго кардинала изъ Бурбонскаго дома, занимая эту должность по праву, которое казалось неотъемлемымъ у его семьи. Кто былъ первый Луна, поступившій на службу въ соборъ? Предлагая самому себѣ этотъ вопросъ, садовникъ улыбался и глаза его устремлялись вдаль, точно онъ хотѣлъ проникнуть вглубь вѣковъ. Семья Луна была такая же древняя, какъ фундаментъ церкви. Много поколѣній, носившихъ это имя, родилось въ комнатахъ верхняго монастыря; а прежде чѣмъ онъ былъ построенъ знаменитымъ Циснеросомъ, они жили въ прилегающихъ домахъ. Казалось, что они не могли существовать иначе, чѣмъ подъ сѣнью собора. Соборъ принадлежалъ имъ по праву—болѣе, чѣмъ кому-либо. Мѣнялись каноники и архіепископы; они получали мѣста при соборѣ, умирали, и мѣста ихъ занимали другіе. Со всѣхъ концовъ Испаніи пріѣзжали духовныя лица, занимали кресла въ хорѣ и черезъ нѣсколько лѣтъ умирали, оставляя свое мѣсто другимъ, приходящимъ имъ на смѣну. А члены семьи Луна оставались на своемъ мѣстѣ, точно этотъ старинный родъ былъ еще одной колонной въ числѣ тѣхъ, которыя подпирають храмъ. Могло случиться, чтобы архіепископъ назывался дономъ Бернардо, а черезъ годъ дономъ Гаспаромъ и, затѣмъ, дономъ Фернандо. Но было бы невозможно и невѣроятно, чтобы соборъ могъ существовать безъ того, чтобы какой-нибудь

Луна былъ садовникомъ или занималъ какую-нибудь другую должность въ соборѣ,—до того соборъ привыкъ въ теченіе долгихъ вѣковъ къ слугителямъ изъ этой семьи.

Садовникъ говорилъ съ гордостью о своихъ предкахъ, о своемъ благородномъ и несчастномъ родственникѣ, конэтаблѣ донѣ Альваро, погребенномъ въ своей часовнѣ какъ король, за главнымъ престоломъ, о папѣ Бенедиктѣ XIII, высокоимѣнномъ и упрямомъ, какъ всѣ члены семьи, о донѣ Педро де-Луна, пятомъ этого имени архіепископѣ толедскомъ, и о другихъ родственникахъ, не менѣе знаменитыхъ.

— Мы всѣ принадлежимъ къ одному роду,—говорилъ онъ съ гордостью.—Всѣ участвовали въ завоеваніи Толедо славнымъ королемъ Альфонсомъ VI. Только одни изъ насъ любили воевать противъ мавровъ и сдѣлались знатными сеньорами, завоевывали крѣпости, а другіе, мои предки, оставались на службѣ собора, какъ ревностные христіане.

Съ самодовольствомъ герцога, рассказывающаго о своихъ предкахъ, сеньоръ Эстабанъ перечислялъ всѣхъ представителей рода Луна. Его отецъ зналъ дона Франциска Лоренцана, этого тщеславнаго и расточительнаго князя церкви, который употреблялъ огромные доходы архіепископства на то, чтобы строить церкви и издавать книги, какъ вельможи временъ Возрожденія. Онъ зналъ также перваго кардинала Бурбонскаго дома, дона Луиса II, и рассказывалъ о романтической жизни этого инфанта. Донъ Луисъ былъ братъ короля Карла III и вслѣдствіе обычая, по которому младшіе сыновья знатныхъ родовъ непремѣнно должны были служить церкви, сдѣлался кардиналомъ въ девять лѣтъ. Но донъ Луисъ, изображенный на портретѣ, висѣвшемъ въ залѣ капитула, въ бѣломъ парикѣ, съ накрашенными губами и голубыми глазами, предпочиталъ свѣтскія наслажденія церковнымъ почестямъ и оставилъ свой санъ, чтобы жениться на женщинѣ незнатнаго происхожденія, и изъ-за этого онъ поссорился навсегда съ королемъ, который изгналъ его изъ Испаніи. И старикъ Луна, перескакивая отъ одного предка къ другому, вспоминалъ еще эрцгерцога Альбера, который отказался отъ толедской митры, чтобы управлять Нидерландами, и о кардиналѣ Тавера, покровителѣ искусствъ. Все это были великодушные владыки, которые относились со вниманіемъ къ своей семьѣ, зная ея вѣковую преданность святой церкви.

Молодость самого сеньора Эстабана была печальна. Это было время войны за независимость. Французы заняли Толедо и вступили въ соборъ какъ язычники, волоча за собой сабли и шара

по всѣмъ угламъ среди мессы. Всѣ драгоценности были спрятаны, каноники и пребендаріи разсѣялись по всему полуострову. Одни искали убѣжища въ укрѣпленіяхъ, еще оставшихся во власти испанцевъ; другіе прятались по деревнямъ, вознося молитвы о скоромъ возвращеніи „Желаннаго“, т.-е. Фердинанда VII. Больно было глядѣть на хоръ, въ которомъ раздавались лишь немногіе голоса трусливыхъ или думающихъ только о себѣ канониковъ, привязанныхъ къ своимъ кресламъ, неспособныхъ жить вдали отъ нихъ и потому признавшихъ власть узурпатора. Второй бургонскій кардиналъ, мягкій и ничтожный донъ-Луисъ Марія уѣхалъ въ Кадиксъ, гдѣ былъ назначенъ регентомъ. Онъ одинъ изъ всей своей семьи остался въ Испаніи, и кортесы нуждались въ немъ, чтобы придать нѣкоторую династическую окраску своей революціонной власти.

По окончаніи войны, бѣдный кардиналъ вернулся въ Толедо, и сеньоръ Эстабанъ умилился, глядя на его грустное дѣтское лицо. Онъ вернулся, упавшій духомъ послѣ того, какъ принялъ въ Мадридѣ своего племянника Фердинанда VII. Другіе члены регентства были въ тюрьмѣ или въ изгнаніи, и онъ избѣжалъ этой участи только благодаря митрѣ и своему имени. Несчастный прелатъ думалъ, что поступилъ хорошо, соблюдая интересы своей семьи во время войны, — и вдругъ его стали обвинять въ либерализмъ, въ томъ, что онъ врагъ церкви и престола, причеиъ онъ никакъ не могъ понять, въ чемъ заключалось его преступленіе. Бѣдный кардиналъ тосковалъ въ своемъ дворцѣ, употребляя свои доходы на украшеніе собора, и умеръ въ началѣ реакціи 1823 года. Мѣсто его досталось Ингванцо, трибуну абсолютизма, прелату съ сѣдыми бакенбардами, который, будучи избранъ въ кортесы въ Кадиксъ, сдѣлалъ карьеру тѣмъ, что нападалъ на всякія реформы и проповѣдывалъ возвратъ къ австрійской политикѣ, говоря, что это — вѣрное средство спасти страну.

Добродушный садовникъ относился съ одинаковымъ восхищеніемъ и къ бургонскому кардиналу, котораго ненавидѣли короли, и къ прелату съ бакенбардами, который навелъ страхъ на все епископство своей суровостью и своей грубостью бѣшеннаго реакціонера. Всякій, кто занималъ толедскій епископскій престолъ, былъ въ глазахъ садовника Эстабана идеальнымъ человекомъ, дѣйствіи котораго не подлежатъ критикѣ. Онъ былъ глухъ къ ропоту канониковъ, которые, покуривая папиросы у него въ саду, говорили о причудахъ сеньора де Ингванцо, враждебно настроеннаго противъ правленія Фердинанда VII, потому что оно не было достаточно „чистымъ“, и изъ страха передъ

иностранцами не рѣшалось возстановить спасительный инквизиціонный судъ.

Единственное, что огорчало садовника, это то, что дорогой его сердцу соборъ приходилъ въ упадокъ. Доходы архіепископства и собора сильно сократились во время войны. Случилось то, что бываетъ при наводненіяхъ: вода, отступая, уноситъ съ собой деревья и дома, и земля остается опустошенною. Соборъ утратилъ много принадлежавшихъ ему правъ. Арендаторы церковныхъ земель, пользуясь государственными невзгодами, превратились въ собственниковъ; деревни отказывались платить свои феодальныя подати, точно привычка защищаться и вести войну освобождала ихъ отъ вассальныхъ повинностей. Кромѣ того, сильно повредили собору кортесы, уничтожившіе феодальныя права церкви; этимъ отняты были у собора огромные доходы, приобретенные въ тѣ времена, когда толедскіе архіепископы надѣвали воинское платье и шли сражаться съ маврами.

Все-таки соборъ владѣлъ еще огромнымъ состояніемъ и могъ поддерживать свой блескъ такъ, какъ еслибы ничего не произошло. Но сеньоръ Эстабанъ предчувствовалъ опасность, не выходя изъ своего сада, а только слыша отъ канониковъ о заговорахъ либераловъ и о томъ, что королю дону Фернандо пришлось прибѣгать къ разстрѣламъ, висѣлицѣ и ссылкамъ, чтобы побороть дерзость „черныхъ“ враговъ монархіи и церкви.

— Отвѣдали сладкаго, — говорилъ онъ, — и вернутся, чтобы опять полакомиться. Навѣрное вернутся, если ихъ не отвадить. Во время войны они отхватили почти половину состоянія у собора; а теперь отнимутъ все, если ихъ подпустить.

Садовникъ возмущался при одной мысли, что это можетъ случиться. Неужели же для этого столько толедскихъ архіепископовъ сражались противъ мавровъ, завоевывали города, брали вѣрности и захватывали земли, которыя переходили во владѣніе собора, возвеличивая блескъ служенія Господу? Неужели для того, чтобы все это досталось нечестивцамъ, столько вѣрныхъ сыновъ церкви, столько королевъ, вельможъ и простыхъ людей завѣщали большую часть своихъ состояній святому собору для спасенія своей души? Что же становится съ шестьюстами людей, взрослыхъ и дѣтей, духовныхъ и свѣтскихъ, сановниковъ и простыхъ служащихъ, которые жили доходами церкви? И это называется свободой! Отнимать у другихъ то, что имъ принадлежитъ, обрекая на нищету множество семей, жившихъ на счетъ собора!

Когда печальныя предчувствія садовника стали оправды-

ваться и Мендизабаль декретировалъ уничтоженіе церковныхъ правъ, сеньоръ Эстабанъ думалъ, что умереть отъ бѣшенства. Кардиналъ Ингванцо поступилъ лучше, чѣмъ онъ. Запертый въ своемъ дворцѣ либералами, какъ его предшественникъ—абсолютистами, онъ предпочелъ умереть, чтобы не быть свидѣтелемъ расхищенія священнаго церковнаго имущества. Сеньоръ Луна былъ простой садовникъ, и не могъ послѣдовать примѣру кардинала. Онъ продолжалъ поэтому жить, но каждый день испытывалъ новое огорченіе, узнавая, что нѣкоторые изъ умѣренныхъ, которые, однако, никогда не пропускали главную мессу, пріобрѣтали за ничтожныя деньги то домъ, то фруктовъ садъ или пастбища; все это принадлежало прежде собору и занесено было затѣмъ въ списки національныхъ имуществъ. — „Разбойники!“ — кричалъ онъ. Эта медленная распродажа, уносившая по кускамъ все богатство собора, возмущала Эстабана не менѣе того, какъ еслибы альгвасилы пришли въ его квартиру въ верхнемъ монастырѣ и стали бы забирать мебель, изъ которой каждый предметъ былъ памятью о комъ-нибудь изъ предковъ.

Были минуты, когда онъ подумывалъ о томъ, чтобы покинуть свой садъ и отправиться въ Маестрасго или на сѣверъ, чтобы примкнуть къ тѣмъ, которые защищали права Карла V и хотѣли возврата къ прежнему. Эстабану было около сорока лѣтъ; онъ чувствовалъ себя бодрымъ и сильнымъ, и хотя былъ очень миролюбивъ по натурѣ и никогда не держалъ въ рукахъ ружья, но воодушевился примѣромъ нѣсколькихъ семинаристовъ, кроткихъ и благочестивыхъ молодыхъ людей, которые бѣжали изъ семинаріи и, по слухамъ, воевали въ Каталоніи въ отрядѣ дона Рамона Кабрера. Но садовникъ, чтобы не жить одному въ своей большой квартирѣ въ верхнемъ монастырѣ, женился за три года до того, и у него былъ маленькій сынъ. Кромѣ того, онъ бы не могъ разстаться съ церковью. Онъ сталъ однимъ изъ камней этой каменной громады, и былъ увѣренъ, что погибнетъ, какъ только выйдетъ изъ своего сада. Соборъ потерялъ бы нѣчто очень существенное, еслибы изъ него ушелъ одинъ изъ Луна послѣ столькихъ вѣковъ вѣрной службы. И Эстабанъ не могъ бы жить вдали отъ собора. Какъ бы онъ ушелъ въ горы стрѣлять, когда въ теченіе цѣлыхъ годовъ онъ не ступалъ на „мірскую“ землю,—если не считать узкаго пространства улицы между лѣстницей монастыря и дверью del Mollete?

Онъ продолжалъ работать въ саду, скорбно утѣшаясь тѣмъ, что онъ защищенъ отъ ужасовъ революціи въ этой каменной громадѣ, внушающей почтеніе своей величественной древностью.

Могутъ отнять у храма его богатства, но ничто не можетъ сокрушить христіанской вѣры тѣхъ, которые живутъ за стѣнами собора.

Садъ, равнодушный и глухой къ бурямъ революціи, которые пронесли надъ соборомъ, продолжалъ разрастаться между аркадами во всей своей темной красотѣ. Лавры тянулись вверхъ, достигая до барьеровъ верхняго монастыря. Кипарисы шевелили верхушками, точно стремясь взобраться на крыши. Вьющіяся растенія покрывали рѣшетки, образуя густыя занавѣси изъ зелени, и плющъ обвивалъ бесѣдку, стоявшую по срединѣ, съ черной аспидной крышей, надъ которой высился заржавленный желѣзный крестъ. Въ этой бесѣдкѣ священники, послѣ окончанія дневной службы, читали при зеленомъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь листья, карлистскія газеты, или восторгались подвигами Кабреры, въ то время какъ вверху ласточки, равнодушныя къ человѣческимъ дѣламъ, носились капризными кругами, стремясь долетѣть до самаго неба.

Кончилась война—и послѣднія иллюзіи садовника окончательно разсѣялись. Онъ впалъ въ мрачное молчаніе, и не хотѣлъ знать о томъ, что происходитъ внѣ собора. Господь покинулъ праведныхъ: злые и предатели—въ большинствѣ. Его утѣшала только прочность храма, который простоялъ уже столько вѣковъ и можетъ простоять еще столько же, на зло врагамъ.

Луна желала только одного: умереть въ монастырѣ, какъ его предки, и оставить новое поколѣніе, которое будетъ продолжать служить храму. Его старшему сыну Тому было двѣнадцать лѣтъ, и онъ помогалъ ему работать въ саду. Второй сынъ, Эстабанъ, былъ на нѣсколько лѣтъ моложе и, едва научившись ходить, уже становился на колѣни передъ каждымъ образомъ въ домѣ и съ плачемъ требовалъ, чтобы мать водила его въ церковь смотрѣть на святыхъ.

Въ храмѣ водворилась бѣдность; стали сокращать число канониковъ и служащихъ. Со смертью кого-нибудь изъ служителей должность его уничтожалась; разсчитали плотниковъ, каменщиковъ, стекольщиковъ, которые раньше жили при соборѣ на жалованьи и постоянно заняты были какимъ-нибудь ремонтомъ. Если отъ времени до времени нужно было произвести какія-нибудь работы въ соборѣ, то для этого нанимали рабочихъ со стороны. Въ верхнемъ монастырѣ много квартиръ стояли пустыя, и могильное молчаніе воцарилось тамъ, гдѣ прежде тѣснилось множество народа. „Мадридское правительство“ (нужно было видѣть, съ какимъ презрѣніемъ садовникъ произносилъ эти

слова) вело переговоры съ „святымъ отцомъ“, чтобы заключить договоръ, который они называли „конкордатомъ“. Сократили число канониковъ—точно первый испанскій соборъ былъ простой коллегіальной церковью. Правительство платило имъ столько, сколько платятъ мелкимъ чиновникамъ, и на содержаніе самаго знаменитаго испанскаго собора, который во времена десятины не зналъ, куда дѣвать свои богатства, назначено было тысяча двѣсти песеть въ мѣсяць.

— Тысяча двѣсти песеть, Томъ! — говорилъ онъ своему сыну, молчаливому мальчику, котораго ничто не интересовало, кромѣ сада.—Тысяча двѣсти песеть, когда я помню еще время, когда соборъ имѣлъ шесть милліоновъ ренты. Какъ обойтись этими деньгами? Плохія времена ждуть насъ, и еслибы я былъ другимъ, я бы научилъ васъ какимъ-нибудь ремесламъ, и искалъ бы для васъ работы внѣ собора. Но семья Луна не можетъ дезертировать, какъ другіе, предавшіе дѣло Господне. Здѣсь мы родились, здѣсь должны и умереть всѣ до одного.

Взбѣшенный противъ канониковъ собора, которые приняли безъ протеста конкордаты и свои жалованья, Эстабанъ сталъ заператься въ своемъ саду, отказываясь устраивать у себя собранія, какъ прежде. Въ саду ему было отрадно. Этотъ маленькій растительный міръ по крайней мѣрѣ совсѣмъ не мѣнялся. Его темная зелень походила на сумракъ, окутывавшій душу садовника. Онъ не сверкалъ красками, веселя душу, какъ сады, стоящіе подъ открытымъ небомъ и залитые солнцемъ. Но онъ привлекалъ своей грустной пределью монастырскаго сада, расположеннаго между четырьмя стѣнами, освѣщеннаго блѣднымъ свѣтомъ, скользящимъ вдоль крышъ и аркадъ, не видящаго иныхъ птицъ, кромѣ тѣхъ, которыя носятъ высоко въ воздухѣ и вдругъ видятъ съ удивленіемъ райскій садъ въ глубинѣ колодца. Растительность была въ немъ такая же, какъ въ греческихъ пейзажахъ: лавры, кипарисы и розы, какъ въ идилліяхъ греческихъ поэтовъ. Но стрѣльчатые своды, замыкающіе садъ, аллеи, выложенныя плитами, въ расщелинахъ которыхъ росла трава, крестъ надъ бесѣдкой и запахъ ржаваго желѣза рѣшетокъ, сырость каменныхъ контрфорсовъ, позеленѣвшихъ отъ дождей,— все это придавало саду отпечатокъ христіанской древности. Деревья качались на вѣтру, какъ камильницы; цвѣты, блѣдые и прекрасные безкровной красотой, пахли какъ бы ладаномъ, точно струи воздуха, попадавшія изъ собора въ садъ, мѣняли ихъ естественный запахъ. Дождевая вода, стекающая изъ трубъ, спала въ двухъ глубокихъ каменныхъ цистернахъ. Ведро садовника на

минуту колебало ея зеленую поверхность, обнаруживая темно-синій цвѣтъ ея глубины; но какъ только расходились круги, зеленныя полосы снова сближались, и вода снова исчезала подъ своимъ растительнымъ саваномъ и стояла мертвая, неподвижная, какъ храмъ, среди дневной тишины.

Въ праздникъ Тѣла Господня и въ праздникъ Мадонны Святѣлища, приходившійся на шестнадцатое августа, много народа приходило съ кружками въ соборный садъ, и сеньоръ Эстабанъ позволялъ набирать воду изъ цистернъ. Это былъ старинный обычай, очень чтимый толедскими жителями, которые восхищались свѣжестью воды въ соборномъ саду; въ остальное время имъ приходилось пить землистую воду Таго. Посѣщенія публики приносили нѣкоторый доходъ сеньору Эстабану. Набожныя женщины просили у него букса для образовъ, или покупали у него горшки съ цвѣтами, предпочитая цвѣты изъ собора обычнымъ садовымъ цвѣтамъ. Старухи покупали у него лавровыхъ листьевъ для соусовъ или для лекарственныхъ цѣлей. Эти маленькіе доходы, вмѣстѣ съ двумя песетами, которые онъ получалъ въ видѣ жалованья послѣ рокового уничтоженія церковныхъ привилегій, помогали ему содержать свою семью. Подъ старость у него родился третій сынъ, Габріэль, который уже въ четыре года приводилъ въ изумленіе всѣхъ женщинъ верхняго монастыря. Его мать увѣряла съ слѣпой вѣрой, что онъ—внѣшній портретъ Младенца Иисуса, котораго держитъ на рукахъ Мадонна Святѣлища. Сестра Эстабана, Томаса, которая была замужемъ за „Голубымъ“ и была матерью многочисленнаго семейства, занимавшаго половину верхняго монастыря, восхваляла повсюду необыкновенный умъ своего маленькаго племянника, когда онъ едва только началъ говорить, и поражалась наивнымъ благоговѣніемъ, съ которымъ онъ смотрѣлъ на образа.

— Настоящій маленькій святой! — говорила она своимъ пріятельницамъ.— Нужно видѣть, съ какимъ серьезнымъ видомъ онъ читаетъ молитвы... Габріэль далеко пойдетъ. Мы доживемъ еще до того, что онъ будетъ епископомъ. Когда мой отецъ былъ влючаремъ, я знала многихъ маленькихъ пѣвчихъ, которые теперь носятъ митру и могутъ стать толедскими епископами.

Хоръ похвалъ и восторговъ окружалъ точно облакомъ курей дѣтство Габріэля. Вся семья только имъ и жила. Сеньоръ Эстабанъ, отецъ римскаго образца, любилъ своихъ сыновей, но былъ съ ними суровъ, чтобы воспитать ихъ въ строгости. Только съ маленькимъ Габріэлемъ онъ становился инымъ, чув-

ствуя какъ бы возвратъ своей молодости, игралъ съ нимъ и подчинялся съ улыбкой всѣмъ его прихотямъ. Мать бросала домашнюю работу, чтобы заимать маленькаго сына, и братья его постоянно восхищались его дѣтскимъ лепетомъ. Старшій братъ, Томасъ, молчаливый мальчикъ, который замѣнилъ отца въ садовыхъ работахъ и ходилъ босикомъ зимой по грядкамъ, покрытымъ инеемъ, часто возвращался домой съ пучками благоуханныхъ травъ для маленькаго брата. Эстабанъ, второй братъ, которому было тринадцать лѣтъ, пользовался нѣкоторымъ престижемъ среди другихъ маленькихъ пѣвчихъ за аккуратность, съ которой онъ помогалъ священнику при служеніи мессы. Онъ поражалъ Габріэля своей красной рясой и плоеннымъ стихаремъ и приносилъ ему огарки восковыхъ свѣчей и раскрашенныя картинки, которыя онъ вытаскивалъ изъ требника у кого-нибудь изъ канониковъ.

Нѣсколько разъ его приносили на рукахъ туда, гдѣ стояли „гиганты“, въ большую залу, устроенную между конторфорсами вѣфовъ. Тамъ были всѣ герои старинныхъ празднествъ: могучій Сидъ съ его огромнымъ мечомъ, и четыре пары, изображавшія четыре части свѣта — огромныя фигуры въ одеждахъ, изъѣденныхъ молью и съ продавленными головами. Прежде онѣ оживляли толедскія улицы во время народныхъ празднествъ, а теперь гнили на чердакахъ собора. Въ одномъ углу стояла Тараска — страшное картонное чудовище, которое пугало ребенка, раскрывая огромную пасть, въ то время, какъ на его крупѣ сидѣла и вертѣлась разстрепанная, распутнаго вида кукла, которую ревностные католики минувшихъ вѣковъ прозвали Анной Болейвъ.

Когда Габріэль сталъ посѣщать школу, всѣ восхищались его быстрыми успѣхами. Дѣтвора верхняго монастыря, выводившая изъ себя „Серебряный шестъ“ — священника, который долженъ былъ слѣдить за благопріемъ населенія, живущаго подъ крышей собора, — смотрѣла на маленькаго Габріэля, какъ на чудо. Еще прежде чѣмъ онъ научился свободно ходить, онъ уже умѣлъ читать. Въ семь лѣтъ онъ началъ изучать латынь, и быстро ее одолѣлъ, точно это былъ его родной языкъ. Въ десять лѣтъ онъ велъ споры съ священниками, приходившими въ садъ, и они любили дѣлать ему трудныя возраженія.

Старикъ Эстабанъ, который уже сильно ослабѣлъ и сгорбился, улыбался, очень довольный своимъ послѣднимъ сыномъ.

— Онъ будетъ гордостью семьи, — говорилъ старикъ. — Онъ Луна и можетъ поэтому безбоязненно стремиться ко всему, — были въ семьѣ даже папы.

Каноники уводили мальчика въ ризницу до начала службы и разспрашивали объ его ученіи. Одинъ священникъ, служащій въ канцеляріи архіепископа, представилъ его кардиналу, который, поговоривъ съ нимъ, далъ ему горсть миндалей и обѣщаль ему стипендію, чтобы онъ могъ учиться безвозмездно въ семинаріи.

Семья Луна и всѣ ихъ родственники, близкіе и далекіе, которые составляли почти все населеніе верхняго монастыря, обрадовались этому обѣщанію. Чѣмъ другимъ могъ стать Габріэль, какъ не священникомъ? Для этихъ людей, связанныхъ съ соборомъ съ самаго рожденія и считавшихъ, что толедскіе архіепископы самые могущественные люди на свѣтѣ, единственнымъ мѣстомъ, достойнымъ талантливаго человѣка, была церковь.

Габріэль поступилъ въ семинарію, — и его семья казалось, что верхній монастырь опустѣлъ. Съ его уходомъ кончились вечернія собранія въ домѣ Луна, на которыхъ звонарь, церковный сторожъ, ключари и другіе служители церкви слушали Габріэля, который яснымъ отчетливымъ голосомъ читалъ имъ — или житія святыхъ, или католическія газеты, прибывшія изъ Мадрида, или иногда „Донъ-Кихота“ — изъ книги въ пергаментномъ переплетѣ, напечатанной стариннымъ шрифтомъ. Эта старинная книга была фамиліной драгоценностью въ роду Луна и переходила отъ отца къ сыну.

Жизнь Габріэля въ семинаріи была однообразнымъ существованіемъ прилежнаго студента; онъ побѣждалъ своихъ оппонентовъ на богословскихъ диспутахъ, получалъ награды и удостоился чести быть поставленнымъ въ примѣръ своимъ товарищамъ. Отъ времени до времени кое-кто изъ канониковъ, преподававшихъ въ семинаріи, заходили въ соборный садъ.

— Вашъ сынъ отлично учится, Эстабанъ, — говорили они. — Онъ первый во всемъ, и къ тому же скромнѣе и набоженѣе, какъ святой. Онъ будетъ утѣшеніемъ вашей старости.

Садовникъ, который все болѣе и болѣе старился и слабѣлъ, качалъ головой. Успѣхи своего сына онъ сможетъ увидѣть только съ высоты небесъ, — говорилъ онъ, — если Господь вознесетъ его къ себѣ. Онъ умретъ раньше, чѣмъ его сынъ выйдетъ въ люди. Но это не огорчало его, — останется семья, которая будетъ наслаждаться торжествомъ Габріэля и благодарить Господа за его милости.

Гуманитарныя науки, богословіе, каноны, — все это Габріэль одолѣвалъ съ необычайной легкостью, которая удивляла его учителей. Въ семинаріи его сравнивали съ отцами церкви, наи-

болѣ знаменитыми раннимъ проявленіемъ своихъ дарованій. Когда онъ кончалъ семинарскій курсъ, всѣ были увѣрены, что архіепископъ дастъ ему кафедру въ семинаріи еще прежде, чѣмъ онъ начнетъ служить мессы. У него была неутолимая жажда знанія. Библиотека семинаріи стала какъ бы его собственностью. По вечерамъ онъ часто ходилъ въ соборъ, чтобы дополнить свои знанія церковной музыки, бесѣдуя съ регентомъ и органистомъ. Въ классѣ церковнаго краснорѣчія онъ поражалъ профессоровъ и слушателей пламенностью и убѣжденностью своихъ проповѣдей.

— Его призваніе—проповѣдывать,—говорили въ саду.—Въ немъ воскресъ пламенный духъ апостоловъ. Онъ можетъ стать подобнымъ святому Бернарду или Боссюэту. Какъ знать, что выйдетъ изъ этого юноши!

Больше всего Габріэль увлекался исторіей собора и церковныхъ князей, стоявшихъ во главѣ его. Въ немъ проснулась наследственная любовь всѣхъ Луна къ этой громадѣ, которая была ихъ вѣчной матерью. Но онъ не обожалъ ее слѣпо, какъ вся его семья. Ему хотѣлось знать, какъ все происходило въ дѣйствительности, и провѣрить по книгамъ смутные рассказы отца, походившіе скорѣе на легенды, чѣмъ на историческую правду.

Прежде всего его вниманіе было привлечено хронологіей толедскихъ архіепископовъ, этой цѣпью знаменитыхъ людей, святыхъ, воиновъ, писателей, князей, за именами которыхъ стояло число, какъ за именами королей каждой династіи. Было время, когда они были настоящими монархами Испаніи. Готскіе короли со своимъ дворомъ играли чисто декоративную роль; ихъ возводили на престолъ и смѣщали, смотря по надобности. Испанія была теократической республикой, и дѣйствительнымъ главой ея былъ толедскій архіепископъ.

Габріэль раздѣлялъ на группы этотъ нескончаемый списокъ знаменитыхъ прелатовъ. Прежде всего святые, апостолы героической поры христіанства, епископы, которые были такъ же бѣдны, какъ ихъ прихожане, ходили босикомъ, спасались отъ римскихъ преслѣдованій и отдавали, наконецъ, свою голову палачу, съ радостной надеждой, что они возвеличатъ свое ученіе, жертвуя своей жизнью. Таковы были святой Евгеній, Меланціо, Пелагіо, Патруно и другіе, теряющіеся въ туманѣ старинныхъ преданій. Затѣмъ шли архіепископы времени готовъ, прелаты-монархи, которые властвовали надъ завоевателями, благодаря своему духовному превосходству. Въ ихъ рукахъ была власть чудесъ, кото-

рыми они устрашали суровыхъ воиновъ. Архіепископъ Монтано, который жилъ подъ однимъ кровомъ съ своей женой, возмущенный поднявшимся противъ него ропотомъ, положилъ горящіе угли подъ свое священническое платье въ то время какъ служилъ мессу, и не обжегся, доказывая этимъ чудомъ чистоту своей жизни. Санъ-Идлефонсо, не довольствуясь тѣмъ, что писалъ книги противъ еретиковъ, добился того, что ему явилась святая Леокадія и оставила въ его рукахъ кусокъ своего плаща. На его долю выпала потомъ еще бѣдшая честь: сама Пресвятая Дѣва спустилась къ нему съ неба, чтобы надѣть ему на плечи ризу, шитую ея собственными руками. Много лѣтъ спустя, Сигбертъ имѣлъ дерзость надѣть эту ризу, за что лишенъ былъ сана и отлученъ отъ церкви. Единственныя книги, которыя писались въ то время, были написаны толедскими прелатами. Они сочиняли законы, они мазали святымъ муромъ головы монарховъ, они возвели въ короли Вампу, они устраивали заговоръ противъ жизни Эгикки, и совѣщанія, которыя устраивались въ базиликѣ святой Леокадіи, были политическими собраніями, на которыхъ тронъ занимала митра, а королевская корона была у ногъ прелата.

Съ испанскаго З. В.

РОСТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА

РОССИИ

1769 — 1906 гг.

Окончаніе.

V *).

Реформы внутренняго быта Россіи начала 60-хъ годовъ, привлеченіе иностранныхъ капиталовъ, для сооруженія рельсовой сѣти, и естественное вліяніе, оказываемое послѣднею на развитіе производительности страны—не могли не отразиться благотворно на состояніи нашихъ финансовъ; а мирныя отношенія къ другимъ государствамъ исключали необходимость непроизводительной растраты крупныхъ суммъ на военныя операціи, служившей главной причиной разстройства финансовъ въ прежнія времена. Благодаря этимъ условіямъ, дефициты, составлявшіе какъ бы необходимую статью нашего государственнаго хозяйства, исчезли изъ бюджета, и въ теченіе первой половины семидесятыхъ годовъ исполненіе росписи давало избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами. Надвигавшаяся въ срединѣ 70-хъ годовъ война съ Турціей грозила, однако, совершенно разстроить нѣсколько поправившіеся финансы, и это казалось настолько очевиднымъ, что министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ просилъ государя объ отставкѣ, если бы вопросъ о войнѣ былъ рѣшенъ утвердительно. Война, тѣмъ не менѣе, была объявлена и стоила

---

*) См. выше: сентябрь, стр. 245.

деньгами 1.075 миллионѣвъ руб. Для покрытія этого расхода обращались, конечно, къ займамъ; но такъ какъ послѣдніе реализовались медленно, то для оплаты текущихъ расходовъ выпускались кредитные билеты, которые затѣмъ погашались. Въ теченіе 1876—80 гг., для покрытія расходовъ военныхъ, по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и т. п., было временно выпущено 1,8 миллиарда кредитн. руб., а погашено около 1,4 миллиарда руб.; въ обращеніи осталось билетовъ временныхъ выпусковъ на 417 милл. р. Около 160 милл. руб. этой суммы истрачено въ данный періодъ на покрытіе издержекъ войны, около 120 м. р.—на сооруженіе рельсовыхъ путей, и около 140 милл. руб. осталось неизрасходованными.

Для погашенія кредитныхъ билетовъ въ 1876—79 гг. выпущенъ былъ металлическій заемъ на 142 милл. руб. кред. и нѣсколько внутреннихъ займовъ на сумму 900 милл. руб. Условія объявленнаго въ 1877 г., послѣ начала военныхъ дѣйствій, вѣшняго займа были не только крайне тяжелы, но, по выраженію Блюха, „до нѣкоторой степени и несомвѣстны съ достоинствомъ великаго государства“. И дѣйствительно, недовѣріе заграничныхъ финансовыхъ сферъ къ нашей состоятельности было столь велико, что реализація займа на ничтожную для великой страны сумму 15 милл. фунт. стерлинговъ длилась почти два года, и на первоначальные расходы войны пришлось просить аванса у европейскихъ банкировъ. Неудивительно, если выручка по займамъ составила всего 74⁰/₀ нарицательной цѣны и 5-ти-процентный заемъ обошелся въ 7,5⁰/₀. Между тѣмъ, золото нужно было не только для военныхъ расходовъ, но и для ежегодной уплаты 60—70 милл. руб. по заграничнымъ займамъ. Для приобрѣтенія золота въ 1877 г. введено было взиманіе таможенныхъ пошлинъ въ золотой валютѣ—что, сказать кстати, было равносильно повышенію этихъ пошлинъ на $\frac{1}{3}$.

Внутренніе займы дали государственному казначейству значительныя суммы, также благодаря лишь энергичной поддержкѣ ихъ государственнымъ банкомъ, выдававшимъ подъ бумаги крупныя ссуды. Но такъ какъ для этого прибѣгали къ усиленнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, то, помогая государственному казначейству реализовать займы, государственный банкъ ронялъ вмѣстѣ съ тѣмъ курсъ выручаемыхъ по займамъ рублей и обезцѣнивалъ деньги, поступавшія въ распоряженіе правительства. Къ 1 января 1877 г., когда въ обращеніи находилось 790 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, 1 рубль кред. стоилъ 80 коп. металлическихъ, а черезъ годъ, когда количество билетовъ увеличилось

на 250 милл. руб., цѣна кредитнаго рубля упала до 67 коп. Такъ или иначе, но по своимъ военнымъ займамъ правительство выручило 917 милл. руб.; а такъ какъ на войну истрачено было 1.075 милл. руб., то недостающая сумма была покрыта кредитными билетами временнаго выпуска.

Крупные расходы, вызванныя турецкой войной, естественнымъ образомъ вели къ ограниченію желѣзнодорожнаго строительства, и въ это время лишь достраивались линіи, разрѣшенныя ранѣе. Тѣмъ не менѣе на этотъ предметъ было израсходовано 350 м. р. казенныхъ денегъ, причѣмъ 230 м. р. было получено путемъ займовъ (новый заемъ, 1880 г., на сумму 150 м. р. метал. = 225 м. р. кред., доставилъ 170 м. р., и 60 милл. руб. оставалось отъ прежнихъ займовъ), а 120 м. р. покрыты кредитными билетами временнаго выпуска.

На общегосударственныя и желѣзнодорожныя потребности въ описываемое время было заключено, слѣдовательно, займовъ на 1.267 милл. руб., а погашено 151 милл. руб. долга; государственный долгъ увеличился, слѣдовательно, на 1.116 милл. руб., а вмѣстѣ съ выкупнымъ—на 1.141 м. р. Къ началу разсматриваемаго періода государственный долгъ равнялся 2.950 милл. р.; къ концу его онъ выразился суммою 4.090 милл. руб.

VI.

Заключеніемъ Санъ-Стефанскаго договора открылся продолжительный періодъ мирнаго состоянія (если не считать сравнительно недорогихъ экспедицій въ среднюю Азію), которымъ естественно было бы воспользоваться для того, чтобы исправить недостатки Александровскихъ реформъ, вредно отразившихся на экономическомъ состояніи страны, дополнить эти реформы системою другихъ мѣръ, способствующихъ развитію производительности народнаго труда, преобразовать архаическую нашу податную систему, построенную на исключительномъ почти обложеніи малоимущихъ классовъ общества, и на почвѣ возросшаго вслѣдствіе этихъ мѣръ народнаго достатка основать прочное улучшеніе финансовъ. Въ границахъ своего вѣдомства министръ финансовъ Бунге пытался, хотя и нерѣшительно, вступить на этотъ путь; но въ общемъ наша экономическая и финансовая политика приняла направленіе линіи наименьшаго сопротивленія, а не наибольшей пользы, и видимое передъ японской войной благо-

получіе финансовъ достигнуто на счетъ упадка народнаго благосостоянія.

Въ области болѣе серьезныхъ финансовыхъ реформъ описываемаго періода слѣдуетъ отмѣтить отмѣну солянаго налога и подушной подати и пониженіе выкупныхъ платежей. Этими преобразованіями съ народныхъ плечъ было снято бремя платежей въ суммѣ около 85 милл. руб. А происшедшія отъ того потери государственнаго казначейства были восполнены обращеніемъ оброчной подати государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи съ возвышеніемъ ея на 45⁰/₀, увеличеніемъ ставокъ нѣкоторыхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, введеніемъ новыхъ налоговъ и т. д. Быстрый ростъ косвеннаго обложенія съ избыткомъ покрылъ облегченіе податнаго бремени вслѣдствіе указанныхъ реформъ, но общій строй прямыхъ налоговъ получилъ болѣе раціональный видъ.

Что касается другихъ ближайшихъ задачъ въ области, составлявшей обычный предметъ вниманія нашего финансоваго вѣдомства, то, кромѣ дальнѣйшаго расширенія рельсовой сѣти, министровъ озабочивало разстройство нашего денежнаго обращенія и дефициты государственнаго бюджета, обусловливаемые, главнымъ образомъ, крупными обязательствами по оплатѣ заключенныхъ въ разное время займовъ. О степени разстройства денежнаго обращенія послѣ усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ можно судить по тому, что курсъ кредитнаго рубля съ 1875 по 1880 г. упалъ съ 87 до 63 копѣекъ золотыхъ; а о тяжести платежей по займамъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, при 650-ти милліонахъ рублей обыкновенныхъ доходовъ, въ 1880 г. платежи по долгамъ (не считая выкупныхъ) и гарантіи частныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ превысили 210 милл. руб., покрывая почти $\frac{1}{3}$ часть бюджета. Несмотря на тяжесть этой статьи государственныхъ расходовъ, она какъ бы обрекалась на возрастаніе не только потому, что для полной оплаты обязательствъ по займамъ не хватало обыкновенныхъ доходовъ, но и по причинѣ того, что золото для оплаты металлическихъ займовъ нужно было добывать за границей и опять лѣзть въ долги.

Исправленія денежнаго обращенія наши министры финансовъ надѣялись достигнуть путемъ постепеннаго изытія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ временнаго выпуска, и въ этихъ видахъ указомъ 1 января 1881 г. повелѣвалось погашать долгъ государственнаго казначейства государственному банку ежегодными уплатами 50 милл. руб. Сумма эта, однако, не должна была непременно затрачиваться на изытіе изъ обращенія кредитовъ.

Государственный банкъ долженъ былъ производить это изытаніе, сообразуясь съ нуждами торговли въ денежныхъ знакахъ, и нестраченные на это суммы обращать на воспособленіе промышленности и торговли. Для уплаты государственному банку выше-названныхъ суммъ были выпущены три займа (въ томъ числѣ новый у насъ видъ займовъ въ рентной, непогащаемой формѣ) на 205 милл. руб. кредитныхъ. Изъ 193 милл. руб., вырученныхъ по этимъ займамъ, 176 милл. руб. переданы государственному банку; но на изытаніе изъ обращенія кредитныхъ билетовъ пошли лишь около 90 милл. руб., при чемъ курсъ кредитнаго рубля нисколько послѣ этого не улучшился. Въ виду этого производство дальнѣйшихъ уплатъ государственному банку по 50 милл. руб. въ годъ приостановлено, а для соблюденія формальности ему ежегодно передавалась соответствующая сумма нарочно для того печатавшаяся золотою рентою, которая спокойно оставалась лежать въ портфеляхъ банка. Такимъ образомъ, обремененіе государственнаго казначейства новымъ долгомъ въ 205 милл. руб. не принесло той пользы, какая ожидалась. Но, благодаря этому займу, государственный банкъ снабженъ былъ средствами для производства коммерческихъ операцій и избавленъ отъ необходимости прибѣгать для этого къ выпуску кредитныхъ билетовъ.

Покрытіе двухсотъ-милліоннаго дефицита государственнаго бюджета, образовавшагося въ теченіе шести лѣтъ завѣдыванія финансами Бунге, было произведено частью занятыми (новыми и старыми) суммами, частью суммами, поступавшими отъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ возвратъ ихъ долговъ государству.

Въ желѣзнодорожной политикѣ Бунге намѣтились нѣкоторыя новыя черты, получившія болѣе широкое развитіе при его преемникахъ. Отчасти съ цѣлью дать заработокъ населенію, пострадавшему отъ неурожая 1880 года, отчасти по соображеніямъ стратегическимъ, въ это время приступлено было къ сооруженію на казенный счетъ нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ, на что было затрачено 140 милл. руб. вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось взять въ казенное управленіе нѣсколько линій, задолжавшихъ правительству крупныя суммы и лишенныхъ сколько-нибудь свѣтлыхъ перспективъ. Такимъ образомъ возродилось казенное желѣзнодорожное ховайство, упраздненное въ началѣ 70-хъ годовъ. Усилился при Бунге и правительственный надзоръ за частными желѣзными дорогами, и хотя заключеніе гарантированныхъ займовъ опять было передано акціонернымъ обществамъ (въ надеждѣ, что они будутъ имѣть больше успѣха въ дѣлѣ привлеченія къ намъ иностранныхъ капиталовъ), но это разрѣшалось лишь въ случаяхъ,

когда не ожидалось приплаты казны по гарантіи, и условія реализаціи займовъ устанавливались по соглашенію съ правительствомъ. Часть (63 милл. руб.) вырученныхъ этими займами суммъ поступила въ государственное казначейство въ уплату старыхъ желѣзнодорожныхъ долговъ. Государственные желѣзнодорожные займы при Бунге были заключены на сумму 242 милл. руб. (выручено 223 милл. руб.); значительная часть вырученной суммы обращена на погашеніе долга по затраченнымъ на желѣзные дороги кредитнымъ билетамъ. Желѣзнодорожный долгъ государства увеличился въ это время еще на 27 милл. руб. вслѣдствіе перевода на него облигаціи выкупленныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Общая сумма долговъ, заключенныхъ при Бунге на общегосударственные и желѣзнодорожныя нужды, опредѣляется въ 500 милл. руб.; погашено въ это время 255 милл. руб.; приростъ долговъ названныхъ категорій равняется 245 милл. руб. Обязательства выкупной операціи — вслѣдствіе закона объ обязательномъ выкупѣ бывшими помѣщиками крестьянами состоявшей въ ихъ пользованіи земли — возросли при Бунге на 67 милл. руб., и все приращеніе государственнаго долга составить, такимъ образомъ, 312 милл. руб. вмѣстѣ съ 4.090 милл. руб., унаслѣдованными отъ предшествующаго періода, государственный долгъ опредѣлился къ 1887 г. въ 4.402 милл. Долгъ этотъ состоялъ изъ 2.544 милл. руб.¹⁾, занятыхъ для общегосударственныхъ надобностей, 1.339 милл. руб. желѣзнодорожныхъ и 519 милл. руб. обязательствъ выкупной операціи.

VII.

Министра Бунге смѣнилъ въ началѣ 1887 года Вышнеградскій. Онъ былъ талантливый коммерческій дѣятель, и точку зрѣнія и способности дѣльца перенесъ въ сферу государственныхъ вопросовъ. Государственные финансы были въ его глазахъ прежде всего огромнымъ коммерческимъ предпріятіемъ, въ широкихъ и далекихъ перспективъ, но съ опредѣленными ближайшими задачами. Общая цѣль финансовъ, какъ и всякаго коммерческаго предпріятія — выгода, барышъ, а средствами для ея достиженія служатъ имѣющіяся въ распоряженіи правительства средства

¹⁾ Эта сумма не совпадаетъ съ цифрою проф. Мигулина, включившаго въ счетъ долговъ 1886 г. краткосрочныя обязательства казначейства на 16 милл. руб., несмотря на то, что въ 1886 г. находившіяся въ обращеніи обязательства на 45 милл. руб. „были окончательно погашены и болѣе не выпускались“ (Русск. Гос. Кр., т. I, стр. 487)

воздѣйствія на различныя частныя и общественныя отношенія. Одно изъ этихъ средствъ—обложение населенія, и въ первый же годъ завѣдыванія финансами Вышнеградскій вводитъ новыя и поднимаетъ старыя налоги и достигаетъ того, что уже на слѣдующій годъ—вмѣсто обычныхъ дефицитовъ, исполненіе росписи заканчивается превышеніемъ на 66 милл. руб. доходовъ надъ расходами. Неустойчивость вексельнаго курса, въ основѣ которой лежало бумажное денежное обращеніе, колебало многіе наши заграничныя расчеты; и Вышнеградскій съ энергіей берется за осуществленіе давно поставленной задачи введенія металлическаго обращенія, совершенно игнорируя общегосударственныя и общеэкономическія ея предпосылки, но рассматривая ее какъ прекрасный случай примѣненія своихъ способностей и талантовъ дѣльца. И дѣйствительно, онъ разрѣшалъ эту задачу крайне упрощенными средствами дѣльца, придающаго главное значеніе ближайшимъ днямъ и ближайшимъ цѣлямъ, и не задумывающагося о болѣе отдаленныхъ и широкихъ послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій. Его не интересовалъ вопросъ о томъ, отъ чего зависитъ прочность металлическаго денежнаго обращенія; но онъ зналъ, какими искусственными средствами можно добиваться восстановленія послѣдняго, и примѣнялъ эти мѣры. Восстановить металлическое обращеніе нельзя, не имѣя запаса золота въ странѣ, а приливъ этого металла изъ-за-границы находится въ зависимости отъ состоянія расчетнаго баланса. И Вышнеградскій принимаетъ мѣры обращенія послѣдняго въ нашу пользу не длиннымъ и труднымъ, но зато и плодотворнымъ путемъ развитія производительности страны, а простыми способами прямого воздѣйствія на непосредственные факторы даннаго явленія: экспортъ и импортъ товаровъ, отъѣздъ русскихъ за-границу и т. п. Экспортъ товаровъ нужно всячески поощрять, ввозъ въ Россію сокращать, отъѣздъ русскихъ за-границу—чтобы они не увозили золота—ограничить, и т. д. И вотъ Вышнеградскій поддерживаетъ пониженіе вывозныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, требуетъ неукоснительнаго взысканія крестьянскихъ податей и недоимокъ, вынуждающаго ихъ продавать во что бы то ни стало послѣдніе запасы зерна, направляющагося за границу; вводитъ высокія таможенныя ставки на иностранныя товары и проектируетъ высокое обложение заграничныхъ паспортовъ. Ничто такъ не характеризуетъ узкую и жесткую точку зрѣнія на государственное хозяйство русскаго министра финансовъ, какъ его первыя впечатлѣнія по случаю надвигавшагося на русскій народъ въ неурожайномъ 1891-мъ году огромнаго бѣдствія, грозившаго со-

кращеніемъ экспорта зерна и временнымъ разстройствомъ расчетнаго баланса. „Сами не будемъ ѣсть, но будемъ вывозить!“ — выразилъ свои впечатлѣнія Вышнеградскій.

Указанной точкой зрѣнія объясняется и политика этого министра относительно государственныхъ расходовъ. Доходность частнаго предпріятія зависитъ, между прочимъ, отъ экономіи въ расходахъ. И Вышнеградскій всячески старался обрѣзывать финансовыя смѣты разныхъ вѣдомствъ и особенно ихъ сверхсмѣтные кредиты, подчинилъ правительственному регулированію и упорядочилъ частное желѣзнодорожное хозяйство, капиталы котораго гарантированы государствомъ. Ради противодѣйствія стремленію отдѣльныхъ вѣдомствъ увеличивать расходы, онъ впервые примѣнилъ систему составленія росписи доходовъ и расходовъ съ приуменьшеніемъ первыхъ сравнительно съ тѣмъ, чего можно ожидать въ дѣйствительности. Эта политика не воспрепятствовала вліятельнымъ вѣдомствамъ добиться увеличенія кредитовъ, не безъ ущерба для страны. Не только военное и морское министерства расширяли свои расходы, но и вѣдомство внутреннихъ дѣлъ получило средства для введенія института земскихъ начальниковъ — „одного изъ наиболѣе неудачныхъ институтовъ, когда-либо вводившихся у насъ. Удовлетвореніе же культурныхъ потребностей населенія почти совершенно не возросло, и въ немъ энергически всегда отказывалось подъ предлогомъ неимѣнія средствъ“¹⁾.

Въ сферѣ желѣзнодорожнаго хозяйства Вышнеградскій преслѣдовалъ цѣль подчиненія частныхъ дорогъ правительственной регламентаціи, а тарифное дѣло было взято въ полное распоряженіе министерства финансовъ, причемъ за частными желѣзными дорогами оставлено только право выраженія своихъ пожеланій и предварительнаго обсужденія вопросовъ. Ближайшей цѣлью всѣхъ этихъ преобразованій было упорядоченіе желѣзнодорожнаго дѣла, въ видахъ — какъ принято было официально выражаться — огражденія интересовъ населенія, промышленности, торговли и казны. Но въ рукахъ самовластныхъ руководителей финансовой политики того времени власть надъ желѣзными дорогами вообще и руководство тарифнымъ дѣломъ въ частности служили для осуществленія разнообразныхъ проектовъ министерства финансовъ, какъ бы мало ни находились они въ соотвѣтствіи съ нуждами населенія, промышленности и даже правильно понятыми интересами казны. Тѣмъ не менѣе, въ

¹⁾ П. П. Мигулинъ. Русскій государственный кредитъ, т. II, стр. 544.

финансовомъ отношеніи принятія мѣры привели къ благопріятнымъ результатамъ, и расходы казны по гарантіи обязательствъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, составлявшіе въ 1885—86 гг., въ среднемъ, 2.450 р. на версту, упали въ 1890—91 гг. ниже 1.200 р. Въ сферѣ желѣзнодорожнаго строительства при Вышнеградскомъ, боявшемся всякаго новаго расхода, имѣло мѣсто, главнымъ образомъ, окончаніе немногихъ, начатыхъ ранѣе, линій.

Характеръ кредитныхъ операцій Вышнеградскаго обуславливается его общей финансовой политикой. Стремясь къ возможному сокращенію государственныхъ расходовъ, онъ не могъ не обратить вниманія на расходы по системѣ государственнаго кредита. Наканунѣ вступленія Вышнеградскаго въ завѣдываніе финансами, этотъ расходъ составлялъ почти 300 милл. руб. въ годъ, или около 40% суммы государственныхъ доходовъ, при чемъ до 50 милл. р. приходилось тратить собственно на погашеніе долговъ. Четырехъ-съ-половиною-милліардный долгъ Россіи составилъ изъ займовъ на протяженіи цѣлаго столѣтія, въ такія времена, когда проценты по займамъ на денежныхъ рынкахъ стояли высоко. Забѣвая старые займы новыми, заключаемыми при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, можно достигнуть болѣе или менѣе значительнаго пониженія платежей интереса, удлинняя при этомъ срокъ выкупа — и платежей погашенія. Недостатки русскихъ займовъ заключались еще въ крайнемъ разнообразіи ихъ формъ и условій, препятствовавшемъ ознакомленію съ ними публики. Задача преобразованія нашего государственнаго долга заключалась, поэтому, еще въ его унификаціи. Вопросъ о конверсіи русскихъ займовъ возникъ еще при Бунге, а Вышнеградскій съ жаромъ взялся за осуществленіе этой идеи, позволявшей съ блескомъ развернуться его способностямъ коммерческаго дѣльца.

Конверсионныхъ займовъ заключено при Вышнеградскомъ на 2.145 милл. руб.; выручено отъ нихъ 1.929 милл. руб., но собственно на конверсіи израсходовано 1.868 милл. руб., соответствующихъ нарицательной суммѣ займовъ въ 2.074 милл. руб., а остатокъ вырученной суммы, соответствующей нарицательной суммѣ займовъ 71 милл. руб. — истраченъ на другія нужды. Несмотря на возрастаніе долга вслѣдствіе конверсій (новый долгъ въ 2.074 милл. руб. замѣнилъ старые на сумму 1.868 милл. руб.), эта операція имѣла послѣдствіемъ уменьшеніе платежей по конвертированнымъ займамъ съ 109 до 87 милл. руб., почти на 22 милл. руб. Ежегодная уплата процентовъ уменьшилась на 10 милл. руб., а погашеніе — слишкомъ на 11 милл. руб. Уплата

процентовъ уменьшилась потому, что погашенію подвергались преимущественно 5-ти-процентные займы, а ихъ замѣстили преимущественно займы 4-хъ-процентные. Погашеніе совратилось по причинѣ заключенія новыхъ займовъ на болѣе продолжительные сроки сравнительно со старыми. Сроки погашенія большей части старыхъ займовъ колебались между 5 и 35 годами; большая же часть новыхъ займовъ заключена на 80 лѣтъ, меньшая — на 40 лѣтъ.

Изъ сказаннаго нетрудно заключить, что выгоды для страны отъ конверсионныхъ операцій Вышнеградскаго нельзя измѣрять сокращеніемъ платежей въ первые годы на 22 м. р. Платежи по новымъ займамъ останутся неизмѣнными въ теченіе длиннаго періода времени, пока тотъ или другой заемъ не будетъ погашенъ. Ближайшій моментъ уменьшенія платежей наступитъ черезъ 40 лѣтъ послѣ заключенія займа. Платежи же по старымъ займамъ подлежали бы сокращенію уже черезъ 5, 7, 10, 13 лѣтъ и т. д.

По прошествіи этихъ сроковъ, будетъ уменьшаться и разница между старыми и новыми платежами, опредѣленная для начальнаго момента въ 22 милл. руб. А когда пройдутъ всѣ сроки погашенія старыхъ займовъ, — государственное казначейство, при отсутствіи конверсій, освободилось бы отъ бремени, связаннаго съ данными долгами, — теперь оно много десятковъ лѣтъ будетъ уплачивать многіе десятки милліоновъ рублей ежегодно. Читатель видитъ, что учетъ выгодъ или убытковъ отъ замѣны одного займа другимъ — вещь не простая, и это доказывается противорѣчїями заключеній, къ коимъ приходили различные авторы (Борткевичъ, проф. Лебедевъ, Илл. Кауфманъ), пытавшіеся подвести финансовыя итоги конверсионнымъ операціямъ Вышнеградскаго. Профессоръ Мигулинъ также подводитъ этотъ итогъ, слѣдуя методу И. И. Кауфмана, заключающемуся въ капитализаціи для каждаго займа, съ одной стороны, ежегоднаго сбереженія платежей въ теченіе срока, когда долженъ былъ бы погаситься старый заемъ, съ другой — ежегоднаго перерасхода въ теченіе періода времени между моментами погашенія стараго и новаго, его замѣняющаго, займа. Первая сумма выразитъ прибыли, а вторая — убытки отъ конверсій, а разность между ними покажетъ окончательный результатъ операцій. Путемъ такихъ вычисленій проф. Мигулинъ пришелъ къ заключенію, что сбереженіе государственнаго казначейства вслѣдствіе конверсионныхъ операцій Вышнеградскаго можно выразить капиталомъ въ 109 милл. руб., а устраняя изъ разчета замѣну 4,32⁰/₁₀₀ билетовъ государствен-

наго казначейства 3,79-процентными (что могло бы быть сделано независимо отъ конверсій прочихъ займовъ) — капиталомъ въ 87 милл. руб., дающимъ ежегодную ренту ($4-4\frac{1}{2}\%$) въ 3,5—4 милл. руб., что составляетъ менѣе $\frac{1}{4}\%$ съ суммы конвертированныхъ займовъ, тогда какъ сбереженія отъ крупныхъ западно-европейскихъ конверсій доходили въ большинствѣ случаевъ до $\frac{1}{2}-1\%$.

Столь ничтожные финансовыя результаты конверсионныхъ операций Вышнеградскаго проф. Мигулинъ объясняетъ малоопытностью министра финансовъ, попавшаго вслѣдствіе этого въ зависимость отъ европейскихъ банкировъ, диктовавшихъ условія займовъ, отвѣчающія, конечно, ихъ интересамъ, и недоверіемъ публики къ официальнымъ заявленіямъ о состояніи русскихъ финансовъ. „Министерство постоянно сообщало въ официальныхъ документахъ совершенно невѣрныя и неточныя данныя о результатахъ конверсионныхъ операций. Сводимымъ министерствомъ бюджетамъ вѣрить было невозможно, такъ какъ они были составлены необычайно искусственно и даже носили фиктивный характеръ. Предположенныя цифры никогда не совпадали съ дѣйствительнымъ поступленіемъ, а такіе приемы, какъ перечисленіе металлическихъ рублей въ кредитные по произвольно взятымъ и *всегда невѣрнымъ* курсамъ, позволяли играть цифрами *ad libitum* и затемнять еще болѣе дѣло“¹⁾.

Въ виду того, что Вышнеградскій воздерживался отъ всякихъ новыхъ расходовъ, его кредитныя операціи, не имѣвшія характера конверсій, были очень незначительныя. При немъ правительство опять взяло въ свои руки заключеніе займовъ для частныхъ желѣзныхъ дорогъ и реализировало два займа на сумму 150 м. р. (выручено 142 м. р.); половина этой суммы осталась въ рукахъ казны въ уплату долговъ частныхъ дорогъ. Государственный долгъ увеличился при Вышнеградскомъ еще на 290 м. р., вслѣдствіе перевода на государственное казначейство облигацій дорогъ, взятыхъ въ казну по причинѣ хронической ихъ бездоходности въ частныхъ рукахъ. На выкупленныхъ дорогахъ лежалъ долгъ казнѣ въ 353 милл. руб., который былъ списанъ со счетовъ.

Общая сумма заключенныхъ при Вышнеградскомъ займовъ (исключая выкупные, изъ коихъ конверсіи подверглись 66 м. р.) равняется 2.515 милл. руб. Погашено же досрочно (путемъ конверсій) и срочно 1.987 милл. руб. Государственный долгъ воз-

¹⁾ Русск. Гос. Кредитъ, т. II, стр. 252.

рость, слѣдовательно, на 528 милл. руб. Отъ своего предшественника Вышнеградскій получилъ 3.883 милл. руб. (не считая выкупныхъ), своему преемнику передалъ 4.411 милл. руб., — въ числѣ ихъ находилось 2.583 милл. руб., затраченныхъ на общегосударственныя нужды, и 1.828 милл. руб. долговъ желѣзнодорожныхъ. Присоединяя 492 милл. руб. обязательствъ выкупной операціи, получимъ общую сумму государственнаго долга, равную 4.903 милл. руб.

VIII.

Экономическая политика преемника Вышнеградскаго можетъ быть вкратцѣ формулирована такъ. Министръ С. Ю. Витте стремился къ развитію крупной промышленности, примѣняя главнымъ образомъ мѣры форсированнаго желѣзнодорожнаго строительства и привлеченія иностранныхъ капиталовъ. Онъ ставилъ себѣ затѣмъ задачу достиженія возможно широкаго прямого и косвеннаго вліянія власти на хозяйственную жизнь страны, съ одной стороны расширяя правительственную хозяйственную дѣятельность, съ другой — вершая при посредствѣ государственнаго банка, желѣзнодорожныхъ и таможенныхъ тарифовъ, правительственныхъ заказовъ и т. п. судьбу отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій, даже цѣлыхъ отраслей и районовъ производства. Къ нему, наконецъ, по наслѣдству отъ преемниковъ перешла задача восстановленія металлическаго денежнаго обращенія.

Осуществленіе всѣхъ этихъ задачъ требовало сосредоточенія въ рукахъ правительства крупныхъ средствъ, которыя можно было бы направлять на тотъ или иной предметъ; и хотя, путемъ систематическаго урѣзыванія, при составленіи бюджета, смѣты доходовъ мин. Витте обеспечивалъ государственному казначейству крупные остатки отъ исполненія финансовыхъ смѣтъ, тѣмъ не менѣе податной прессѣ дѣйствовалъ при этомъ министръ особенно энергично, и въ оправданіе постояннаго повышенія косвенныхъ налоговъ была даже создана особая теорія о легкости этой формы обложенія для неимущихъ классовъ. Другой источникъ денежныхъ средствъ для осуществленія своихъ предположеній правительство находило въ займахъ. Займовъ, имѣющихъ въ виду эту именно цѣль, въ теченіе одиннадцати лѣтъ управленія финансами Витте заключено на сумму 1.427 милл. руб. Изъ нихъ 463 милл. р. были процентныя бумаги, выданныя акціонерамъ выкупленныхъ казною желѣзныхъ дорогъ, а займы на 964 милл. р.

реализованы въ видахъ подерѣвленія государственнаго казначейства.

Финансовыя итоги хозяйственной политики описываемаго времени можно выразить немногими, но характерными цифрами. Сумма обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ съ 1892 по 1903 г. поднялась съ 965 до 2.030 милл. руб.; хозяйственные доходы казны увеличились съ 243 до 882 милл. руб.; превышенія въ это время обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами дали государственному казначейству почти два миллиарда рублей; затрачено на желѣзнодорожное строительство около 1,5 миллиарда рублей казенныхъ денегъ и болѣе миллиарда гарантированныхъ акціонерныхъ капиталовъ; переведено изъ-за-границы въ Россію путемъ правительственныхъ и гарантированныхъ частныхъ займовъ болѣе миллиарда рублей; передано 640 милл. р. государственному банку въ уплату долга казначейства по выкупу кредитныхъ билетовъ.

Указанная выше категорія заключенныхъ г. Витте займовъ умножала средства для осуществленія его многочисленныхъ и дорого обошедшихся народу проектовъ. Она легла новой тяжестью на плечи и безъ того обремененнаго податями населенія. Другая категорія займовъ имѣла въ виду, напротивъ того, сокращеніе государственныхъ расходовъ. Мы говоримъ о массовой конверсіи нашихъ старыхъ займовъ. При конверсіи преслѣдовалась цѣль не только пониженія процента интереса, но и освобожденія государства отъ обязательства погашать займы въ опредѣленные сроки. Поэтому срочные займы замѣнялись рентою. Всего въ теченіе 1892—1903 гг. путемъ конверсіи, обмѣна и выкупа — досрочно погашено было долговъ на сумму 2.543 милл. р., а заключено вновь для этой цѣли займовъ на 2.631 милл. р. и доплачено наличными 60 милл. р. Благодаря этимъ операціямъ, достигнуто сбереженіе ежегодныхъ платежей на 37 милл. руб., а капитализированная (по методу, указанному ранѣе) сумма сбереженія составляетъ 187 милл. р. Четырехпроцентная рента отъ этого сбереженія равняется почти 8 милл. р., что составляетъ $\frac{1}{3}\%$ съ суммы конвертированныхъ займовъ. Путемъ конверсій министръ финансовъ Витте достигъ не только пониженія ежегодныхъ платежей, но и нѣкоторой унификаціи нашего государственнаго долга, и 2.650 милл. руб. послѣдняго заключено въ 4% рентѣ.

Помимо указанныхъ выше займовъ, государственный долгъ увеличился въ описываемое время еще вслѣдствіе перевода на государственное казначейство 416 милл. р. въ облигаціяхъ вы-

купленныхъ желѣзныхъ дорогъ (эти дороги были еще должны правительству 784 милл. руб. по гарантіи ихъ капиталовъ и 830 милл. р. по ссудамъ; первая сумма по выкупѣ дорогъ списана со счета, а вторая причислена къ основному капиталу дорогъ) и 127 милл. р. долга бывшаго „Общества взаимнаго поземельнаго кредита“, присоединеннаго къ дворянскому банку. Общая сумма новаго долга опредѣлится такимъ образомъ въ 4.600 милл. р. Погашено же въ это время было 2.828 милл. р. старыхъ долговъ: 2.543 милл. р. конвертированныхъ и 285 м. р. срочными платежами, согласно условіямъ соотвѣтствующихъ займовъ. Въ описываемое время государственный долгъ увеличился такимъ образомъ на 1.773 милл. р.; и получивъ отъ своего предшественника 4.904 милл. р. долга, министръ финансовъ Витте передалъ своему преемнику долговое наследіе въ 6.677 милл. руб. Эта сумма состояла изъ 2.994 милл. р., занятыхъ для общегосударственныхъ надобностей, 3.190 милл. р. долговъ желѣзнодорожныхъ и 493 милл. р. обязательствъ выкупной операціи ¹⁾.

При обзорѣ кредитныхъ операцій министра финансовъ Витте нельзя не сказать нѣсколько словъ о той роли въ дѣлѣ помѣщенія государственныхъ и гарантированныхъ частныхъ займовъ, какую стали играть при этомъ министръ государственныхъ сберегательныхъ кассы. Открытіе этихъ кассъ получило широкое распространеніе именно при этомъ министрѣ, преслѣдовавшемъ цѣль вовлеченія въ общій коммерческій оборотъ возможно большей части частныхъ сбереженій. Вслѣдствіе такой политики крайне затруднялись мелкія кредитныя сдѣлки на мѣстахъ; но зато въ рукахъ правительства сосредоточивались крупныя суммы для выполненія его затѣй. Скопленіе въ сберегательныхъ кассахъ свободныхъ суммъ могло даже толкать правительство на болѣе или менѣе рискованныя или болѣе или менѣе основательныя предпріятія. Капиталы сберегательныхъ кассъ стали употребляться на приобрѣтеніе процентныхъ бумагъ еще при Вышнеградскомъ; въ концѣ же министерства Витте въ сберегательныхъ кассахъ находилось на 162 милл. р. процентныхъ бумагъ, приобрѣтенныхъ по порученію ихъ кліентовъ, и на 854 милл. р. бумагъ, купленныхъ самими банками.

¹⁾ Это распредѣленіе государственнаго долга отличается отъ того, какое читатель найдетъ въ трудѣ проф. Мигулина (Русск. Госуд. Кр., т. III, в. V, стр. 1086), потому что долги помѣщиковъ старымъ банковымъ учрежденіямъ не считались нами — какъ это дѣлалось и проф. Мигулинымъ для предыдущихъ лѣтъ — въ числѣ обязательствъ выкупной операціи.

Исторія трехъ послѣднихъ лѣтъ нашего государственнаго кредита очень проста. Въ январѣ мѣсяцѣ 1904 г. началась война съ Японіей. Несмотря на пессимистическіе взгляды образованнаго русскаго общества на вѣроятные результаты вооруженнаго столкновенія, преєминіе Витте (удалившася отъ завѣдыванія финансами въ августѣ мѣсяцѣ 1903 г.), „сухой — по характеристикѣ проф. Мигулина — и, видимо, не особенно свѣдущій чиновникъ“, совмѣстно съ военнымъ министромъ, рѣшили, что война продлится недолго, окончится благополучно и потребуетъ не болѣе 600 милл. руб., и на этомъ основаніи отклонялись предложенія о крупномъ займѣ, который можно было тогда заключить на сравнительно выгодныхъ условіяхъ. Но уже черезъ три мѣсяца послѣ начала военныхъ дѣйствій пришлось обратиться къ внѣшнему 5⁰/₀ займу въ 300 милл. руб. (выручено 282 милл. руб.), срокомъ на пять лѣтъ, что значительно удорожало заемъ. Черезъ три мѣсяца выпущенъ на сумму 150 милл. руб. также краткосрочный заемъ: 3,6⁰/₀ билеты государственнаго казначейства. Быстро размѣстить въ публикѣ такую массу низко-процентныхъ бумагъ оказалось невозможнымъ, и билеты были насильственно вручены частнымъ банкамъ и реализованы въ теченіе 1904 и 1905 гг. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1904 г. объявленъ новый внѣшній 4¹/₂⁰/₀ заемъ на 231,5 милл. руб., за который было выручено 209,5 милл. руб. Въ мартѣ и августѣ мѣсяцахъ 1905 г. было выпущено два 5⁰/₀ внутреннихъ займа, на 200 милл. руб. каждый, доставившіе государственному казначейству 379 милл. руб. Но такъ какъ реализовать быстро требуемую сумму займовъ — вслѣдствіе пошатнувшася довѣрія къ кредитоспособности стараго режима — было невозможно, то одновременно съ выпусками внутреннихъ займовъ правительство обратилось къ учету краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства. Первая ихъ серія, на 150 милл. руб., была выпущена въ апрѣлѣ 1905 г. изъ 5⁰/₀ въ Германіи, срокомъ на 8 — 10 мѣсяцевъ, и принесла 142,5 милл. руб.; дѣйствительный процентъ вмѣстѣ съ комиссіей составилъ 7⁰/₀. Въ декабрѣ того же года объявлено о выпускѣ 5¹/₂⁰/₀ краткосрочныхъ обязательствъ на 400 милл. руб. Но, несмотря на всевозможныя старанія, реализовать эти обязательства (преимущественно за границей) удалось всего на 311 милл. руб. (выручка 295 милл. руб.). Къ 1 января 1907 г. всѣ краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства были уже погашены.

Заключая заграничныя займы съ крупнымъ ущербомъ, наше правительство въ дѣйствительности мало пользовалось выручае-

мыми такимъ образомъ суммами. Суммы эти оставались на текущемъ счету у иностранныхъ банкировъ въ обезпеченіе уплаты процентовъ по старымъ займамъ и, главнымъ образомъ, какъ обезпеченіе выпускаемыхъ кредитныхъ билетовъ, которыми въ сущности и оплачивались экстренные расходы государственнаго казначейства: съ 1-го января 1904 г. по 1-е ноября 1906 г. этихъ билетовъ было пущено въ обращеніе на 650 милл. руб. Выходило, что иностраннымъ банкирамъ не было даже надобности тратить свои деньги на реализацію нашихъ позднѣйшихъ займовъ (краткосрочныхъ обязательствъ); они обращали на это деньги русскаго же правительства, находившіяся у нихъ на текущемъ счету, или даже ограничивались простымъ заявленіемъ о приѣмѣ займа, получая за такія операціи, кромѣ процента на фиктивные займы, еще порядочную коммиссію. „Сколько на такихъ нелѣпныхъ операціяхъ потеряно денегъ—не поддается точному учету; во всякомъ случаѣ, занятыми по краткосрочнымъ обязательствамъ деньгами государство не воспользовалось. Оно уплатило только за право считать розданное банкирами по своимъ частнымъ операціямъ золото въ золотомъ размѣнномъ фондѣ государственнаго банка—операція нелѣпная и неслыханная въ Зап. Европѣ—придуманная доморощенными „фивансистами“ изъ кредитной канцеляріи совместно съ заграничными банкирами-посредниками, заинтересованными въ осуществленіи подобныхъ операцій и не обязанными заботиться объ интересахъ русскаго государственнаго казначейства“¹⁾.

Средствами этими, однако, не покрывались всѣ чрезвычайные расходы. По росписи на 1906 г., „составленной со всевозможными ухищреніями и утайками расходовъ для показанія наименьшаго дефицита“, послѣдній тѣмъ не менѣе опредѣленъ былъ въ 480 милл. руб., а дѣйствительный дефицитъ проф. Мигулинымъ исчисляется въ 840 милл. руб. Правительство вело усиленные переговоры съ иностранными банкирами, спѣша заключить крупный заемъ до созыва Государственной Думы. Банкиры хорошо понимали игру правительства „и предложили за заемъ цѣну, совершенно невѣроятную по состоянію денежнаго рынка и для страны, только-что заключившей миръ и вступающей на путь конституціонализма“ (Мигулинъ). Они соглашались уплатить по 5⁰/₁₀₀ займу 80¹/₂⁰/₁₀₀—т. е. „на 15⁰/₁₀₀ ниже биржевыхъ расцѣнокъ прежнихъ 5⁰/₁₀₀ займовъ!“—и поставили условіемъ, чтобы погашеніе займа началось не ранѣе 1916 г. и чтобы въ те-

¹⁾ Мигулинъ. Тамъ же, стр. 1181.

ченіе двухъ лѣтъ не заключалось новаго займа. Эти условія были приняты 4 апрѣля 1906 г. Выпускная цѣна займа назначена 88%, и вся разница между этой цѣной и той, по которой заемъ уступленъ иностраннымъ банкирамъ, составляла доходъ этихъ послѣднихъ. Въ реализаціи займа приняли, впрочемъ, участіе также русскіе банки, и выручка по займу правительства опредѣлилась въ 704 милл. руб., что составляетъ 83¹/₃% отъ нарицательной его цѣны. Дѣйствительный процентъ по этому займу не 5, а 6%!

Помимо прямого ущерба для государственнаго казначейства, заключеніе послѣднихъ займовъ изъ высокаго процента и съ большой скидкой съ нарицательной цѣны, не могло не повліять на пониженіе курса раннихъ нашихъ низкопроцентныхъ займовъ, что извѣстно каждому держателю, напр., 4% ренты, курсъ которой съ 99¹/₂ руб. въ концѣ 1903 года упалъ до 70—71 руб. въ настоящее время.

Такимъ образомъ, на покрытіе военныхъ расходовъ до 1 января 1907 г. заключено займовъ на 2.386 милл. руб.; присоединяя 50 милл. руб., занятыхъ на прокормленіе голодающихъ, и выручку по вѣчныхъ вкладамъ (6 милл. руб.), получаемъ долгъ въ 2.442 милл. руб. Погашено было за этотъ періодъ времени 542 милл. руб.; приращеніе долга составляетъ 1.900 милл. руб. Къ началу даннаго періода государственный долгъ опредѣлился, какъ мы видѣли, въ 6.677 милл. руб.; теперь онъ поднялся почти до 8.580 милл. рублей.

IX.

Подведемъ теперь итогъ кредитнымъ операціямъ нашего правительства въ теченіе того 137-ми-лѣтняго періода, когда оно прибѣгало къ этому средству приобрѣтенія чрезвычайныхъ ресурсовъ.

Согласно подсчетамъ проф. Мигулина, съ 1769 по 1906 г. правительство заключило займовъ на сумму 16.360 милліоновъ рублей, изъ коихъ 7.784 милл. руб. уже погашены. Исключая изъ счета 660 милл. руб. краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства, выпускавшихся на нѣсколько мѣсяцевъ, и болѣе 5 милліардовъ рублей займовъ конверсионныхъ, имѣвшихъ цѣлью не приобрѣтеніе средствъ, а измѣненіе условій самихъ займовъ, мы увидимъ, что для удовлетворенія различныхъ государственныхъ нуждъ въ теченіе разсмотрѣннаго времени за-

нято было круглымъ счетомъ около 10,5 миллиардовъ рублей. Куда были истрачены эти суммы? Для приблизительнаго хотя бы отвѣта на вопросъ слѣдуетъ быстро пробѣжать по пути образованія нашего государственнаго долга.

Екатерина II прибѣгала къ заключенію процентныхъ и безпроцентныхъ займовъ для полученія средствъ на веденіе войны. Съ этой цѣлью она выпустила займы на 36 милл. руб., и 17 м. р. занято для погашенія болѣе старыхъ военныхъ займовъ. Для войны же было выпущено и 157 милл. руб. ассигнацій. Количество ассигнацій при Павлѣ было увеличено на 56 м. р. для покрытія расходовъ итальянскаго похода Суворова. При Александрѣ I для военныхъ надобностей пущено въ обращеніе 620 милл. руб. ассигнацій и около 350 милл. руб. асс. занятыхъ суммъ. Такая же приблизительно сумма была занята для погашенія прежнихъ военныхъ займовъ и 240 милл. руб. для выкупа ассигнацій, выпущенныхъ для военныхъ же цѣлей. До сихъ поръ занятія суммы расходовались, прямо или косвенно, почти исключительно на военныя нужды. При Николаѣ I такимъ образомъ были израсходованы суммы, полученныя реализаціей займовъ на 530 милл. руб. Онѣ пошли на погашеніе издержекъ турецкой, персидской, венгерской войны, польскаго возстанія и т. п.; на покрытіе дефицитовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ расходамъ на усиленіе арміи; на исправленіе денежнаго обращенія, нарушеннаго обильными выпусками бумажныхъ денегъ для военныхъ цѣлей; на погашеніе долговъ, сдѣланныхъ для нуждъ военнаго же дѣла. Но въ это царствованіе появляются и крупныя займы производительнаго назначенія: занято около 140 милл. руб. для сооруженія Николаевской желѣзной дороги.

Производительные расходы государства были почти пріостановлены въ періодъ времени 1853 — 60 гг., когда всѣ заботы финансоваго вѣдомства поглощены были двумя задачами: покрытіемъ расходовъ крымской войны и ликвидаціей казенныхъ кредитныхъ учрежденій. Крымская война потребовала выпуска 400 милл. руб. кредитныхъ билетовъ и на 320 милл. руб. процентныхъ займовъ. Для возврата вкладовъ въ казенныя банки заключены займы на 650 милл. руб. Такъ какъ половина этихъ вкладовъ была заимствована (при Александрѣ I и Николаѣ I) для военныхъ расходовъ, то подъ данной формой займа фигурируютъ расчеты по прежнимъ военнымъ операціямъ государства. Другая часть возвращаемыхъ вкладовъ была помѣщена въ ипотечныхъ ссудахъ. Займы пятнадцати лѣтъ сравнительно мирнаго времени, слѣдовавшаго за крестьянской реформой, носили по преимуществу

производительный характеръ. Болѣе миллиарда рублей долга сдѣлано для сооруженія желѣзныхъ дорогъ и 400 милл. руб. для выкупа крестьянскихъ земель. Меньшія суммы израсходованы на операціи, прямо или косвенно относящіяся къ военному дѣлу: на подавленіе польскаго возстанія (70 милл. руб.), урегулированіе денежнаго обращенія (свыше 200 милл. руб.) и др. Турецкая война потребовала заключенія займовъ на 1.040 милл. руб. и выпуска кредитныхъ билетовъ на 400 сличномъ миллионѣвъ рублей; въ періодъ 1877—80 гг. было занято еще 225 милл. руб. для желѣзнодорожнаго дѣла. Изъ 500 милл. руб. долга, сдѣланнаго Бунге, 270 милл. руб. затрачены на желѣзныя дороги, 180 милл. руб. — на регулированіе денежнаго обращенія, остальная сумма — на покрытіе дефицитовъ. Два послѣдніе расхода обязаны преимущественно военнымъ издержкамъ. При Вышнеградскомъ заключенъ лишь одинъ заемъ (не считая конверсионныхъ) въ 150 милл. руб. для желѣзнодорожнаго дѣла. При Витте займы, не имѣющіе характера конверсій, выпущены на сумму 1.427 м. р.; большая часть занятыхъ суммъ затрачена на желѣзныя дороги, меньшая — на погашеніе долга по выпуску кредитныхъ билетовъ. Займы послѣднихъ трехъ лѣтъ, превышающіе 1,9 миллиарда рублей, заключены почти исключительно для покрытія расходовъ русско-японской войны.

Изъ приведенной исторической справки читатель видитъ, что государственные займы выпускались у насъ почти исключительно для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, для выкупа крестьянскихъ земель, для покрытія расходовъ войны и дефицитовъ государственнаго бюджета, вызванныхъ крупными текущими расходами военныхъ вѣдомствъ, для погашенія военныхъ долговъ, для исправленія денежнаго обращенія, разстроеннаго неумѣренными выпусками бумажныхъ денегъ на военные цѣли. Государственные займы имѣли, слѣдовательно, въ виду почти исключительно оборудованіе страны рельсовыми путями сообщенія, выкупъ крестьянскихъ земель, вмѣстѣ съ погашеніемъ помѣщичьихъ долговъ старымъ казеннымъ банкамъ, и покрытіе военныхъ расходовъ или исправленіе недостатковъ, вызванныхъ расходами этого рода. Такъ какъ расходъ занятыхъ суммъ на желѣзныя дороги и выкупную операцію, равно какъ и другіе мелкіе долги — извѣстны, то представляется возможнымъ опредѣлить приблизительно и сумму займовъ, связанныхъ прямо или косвенно съ военными нуждами государства.

Желѣзнодорожные займы (вмѣстѣ съ долгами, переведенными на государственное казначейство, вслѣдствіе выкупа частныхъ

дорогъ) составляютъ сумму 3.365 милл. руб.; долги выкупной операціи (вмѣстѣ съ долгами помѣщиковъ казеннымъ банкамъ) не достигаютъ одного миллиарда рублей; переведенные на государственное казначейство долги Царства Польскаго и „Общества Поземельнаго Кредита“ можно принять въ 250 милл. Всего займы названныхъ категорій составляютъ круглымъ числомъ 4,6 миллиарда рублей. Вычитая эту сумму изъ 10,5 миллиарда рублей общей суммы заключенныхъ государствомъ займовъ, мы увидимъ, что для операцій, прямо или косвенно связанныхъ съ военнымъ дѣломъ, въ теченіе разсматриваемаго 137-лѣтія выпущено займовъ на сумму 5,9 миллиарда рублей. Военныя нужды поглотили, слѣдовательно, 56⁰/₀, а всѣ прочія потребности государства—44⁰/₀ занятыхъ имъ суммъ.

Этотъ расчетъ относится ко всей суммѣ долговъ, заключенныхъ на протяженіи 137 лѣтъ. Но мы можемъ дать приближительное распредѣленіе, по различнымъ потребностямъ, долга, лежащаго на государствѣ въ настоящее время. Государственный контроль подраздѣляетъ наши долги на желѣзнодорожныя и заключенныя для общегосударственныхъ нуждъ. Послѣдній отчетъ государственнаго контроля относится къ 1905 г., но по подсчетамъ проф. Мигулина къ концу 1906 г. государственный долгъ, суммою въ 8.610 милл. руб., состоялъ изъ 3.155 милл. руб., принадлежащихъ къ первой категоріи, и 5.455 милл. руб., относящихся ко второй. Категорія долговъ для общегосударственныхъ нуждъ обнимаетъ, какъ намъ извѣстно, займы, заключенныя для военныхъ цѣлей, долги выкупной операціи, переведенные на государственное казначейство, долги различныхъ учреждений и т. п. Бумаги выкупной операціи замѣнены 4⁰/₀ рентой на сумму 470 милл. руб.; долги „Общества взаимнаго поземельнаго кредита“ составляютъ около 120 милл. руб.; приобретенныя облигаціи въ некоторыхъ промышленныхъ предпріятій—около 20 милл. руб.; долги Царства Польскаго уже погашены. Такимъ образомъ, въ суммѣ долговъ, включенныхъ въ категорію долговъ на общегосударственныя надобности, мы насчитаемъ свыше 600 милл. руб., не связанныхъ съ военными нуждами. Сюда же слѣдуетъ отнести и около 340 милл. руб. займовъ Витте, израсходованныхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Остальную сумму долговъ данной категоріи можно съ большою вѣроятностью считать вызванной, прямо или косвенно, военными нуждами государства. Такимъ образомъ, распредѣленіе современнаго государственнаго долга по главнѣйшимъ предметамъ назначенія занятыхъ суммъ приметъ слѣдующій видъ:

железнодорожные долги	3,5 миллиарда руб.	40,7%
военные	4,5 " "	52,3%
прочіе	0,6 " "	7,0%
<hr/>		
Итого	8,6 миллиарда руб.	100%

Мы видимъ, что и по этому расчету займы, заключенные для военныхъ потребностей, образуютъ болѣе половины государственнаго долга Россіи. Значеніе милитаризма въ данномъ отношеніи покажется еще значительнѣе, если принять во вниманіе, что многія железнодорожныя линіи сооружались не съ коммерческими, а со стратегическими цѣлями.

Расходы по системѣ государственнаго кредита приближаются, какъ намъ извѣстно, къ 400 милл. руб. въ годъ. Не менѣе 200 милл. руб. этой суммы приходится на военные займы. Если этотъ расходъ причислить къ 470 милл. руб., назначеннымъ по смѣтамъ 1907 года на военное и морское министерства, то бремя текущихъ платежей, упавшее на государственное казначейство вслѣдствіе военныхъ затратъ прошлаго и настоящаго времени, оказывается достигшимъ 670 милл. руб., что составляетъ болѣе 30% поступления государственныхъ доходовъ, ожидаемыхъ въ этомъ году—въ суммѣ 2.175 милл. руб. Исчисленное отношеніе не выражаетъ, однако, достаточно полно бремя военныхъ расходовъ, лежащее на бюджетѣ. Приведенная выше сумма государственныхъ доходовъ 1907 г. составляетъ простой итогъ всѣхъ поступленій, ожидаемыхъ государственнымъ казначействомъ. Ее же слѣдуетъ исправить такимъ образомъ, чтобы получить приблизительно сумму средствъ, могущихъ быть затраченными на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Для этого нужно изъ нея исключить 720 милл. руб. оборотныхъ суммъ, расходуемыхъ на хозяйственныя казенныя операціи (винная монополія, желѣзныя дороги и т. п.). Тогда сумма государственныхъ ресурсовъ низойдетъ до 1.455 милл. руб., и расходъ, обусловленный военными дѣлами прошлаго и настоящаго (670 милл. руб.), окажется поглощающимъ 47% средствъ, назначаемыхъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей.

Въ началѣ настоящаго очерка мы приводили указанія историковъ на то, что военные расходы поглощали въ прежнія времена отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ суммы государственныхъ доходовъ, и уже вслѣдствіе этого обстоятельства правительство Россіи давно лишено было возможности затрачивать сколько-нибудь крупныя суммы на удовлетвореніе вультурныхъ потребностей страны. Сдѣланные выше расчеты показываютъ, что таково же положе-

ніе и современнаго государственнаго бюджета. Правительство отпускаетъ на военное дѣло и нынѣ ту же половину своихъ ресурсовъ, какая расходовалась на военныя надобности при московскихъ царяхъ. Не много, поэтому, можетъ удѣлять изъ своихъ средствъ и современное государство на удовлетвореніе культурныхъ потребностей народа.

В. В.

ИЗЪ КНИГИ: „ТОСКА БЫТІЯ“.

I.

Измята жизнь сомнѣньемъ и тоскою,
Отравленъ сонъ моихъ безпечныхъ дней,
Покрыто все холодной, мертвой мглою
Въ ночной тиши больной души моей.

О, еслибъ мнѣ отраду самогнѣнья
И вѣру бодрю въ величье малыхъ дѣлъ, —
Я бъ уснулъ бессонныя мученья,
Я бъ на землѣ счастливымъ быть сумѣлъ!

II.

О, полюби меня, хотя бы на мгновенье,
Чтобъ могъ въ твоихъ глазахъ онять прочесть я страсть, —
Объятый холодомъ бессоннаго сомнѣнья,
Я въ бездну ужаса боюсь душой упасть.

О, полюби меня, хотя бы на мгновенье,
Чтобъ свѣтлый сонъ небесъ блеснулъ въ твоихъ глазахъ,
Чтобъ въ Вѣчности во мнѣ опять зажглось стремленье,
Чтобъ на меня сошло отрадное забвенье
И отъ души отпалъ безумный смерти страхъ!

III.

Тщетною надеждой ранъ души не множь:
Въ жизни, кромѣ Смерти, все — мечта и ложь.

Все уходитъ въ вѣчность, какъ минутный бредъ,
 Отъ всего навѣки угасаетъ слѣдъ.
 Смерть велитъ Рожденью къ жизни насъ призвать;
 Чтобъ на насъ съ рожденья наложить печать,
 Чтобъ за нами всюду на землѣ слѣдить,
 Чтобъ порвать навѣки жизненную нить...
 Тщетною надеждой ранъ души не множь:
 Въ жизни, кромѣ Смерти, все—мечта и ложь!

НАПОЛЕОНЪ.

Когда, боясь безумной власти,
 Его могущества и страсти,
 Предъ нимъ лежали всѣ въ пыли,
 Въ своемъ мышленіи убогомъ
 Онъ мнилъ себя безсмертнымъ богомъ,
 Самодержавный царь земли!..

Но мигъ—и пали храма стѣны.
 На островѣ Святой-Елены
 Угасъ навѣкъ Наполеонъ.
 Такъ гдѣ же взоры огневые,
 И гдѣ дѣла его былия,
 И гдѣ же слѣдъ его, гдѣ онъ?..

О, вы, борцы за мигъ отрады,
 О, вы, что лишь земному рады,
 Рабы минутнаго труда!—
 Поймите истину отъ вѣка:
 Проходить племя человѣка—
 И нѣтъ отъ дѣлъ людскихъ слѣда!

Д. Ратгаузъ.

МИЦКЕВИЧЪ И ПУШКИНЪ

ВЪ

НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ

I.

Несмотря на то, что соединеніе именъ двухъ великихъ поэтовъ славянства не разъ служило темой для сравнительно-біографическихъ очерковъ,—каждая новая работа на эту же тему можетъ представлять глубокой интересъ. „Солнце“ новой русской поэзии и мощный „богъ литовскихъ лѣсовъ“ были дружны между собою, ихъ соединялъ цѣлый рядъ звеньевъ, между ними много сходства и—крупная разница. Опредѣлить именно и то, и другое—такова была цѣль у проф. русской литературы краковскаго университета Юсіфа Третьяка, автора образцовыхъ монографій о молодыхъ годахъ Мицкевича, Словацкомъ, — множества мелкихъ изслѣдованій, собранныхъ въ двухъ томахъ „Литературныхъ эскизовъ“ и мн. др. Недавно изданная имъ книга состоитъ изъ шести частей. Двѣ изъ нихъ относятся спеціально къ Мицкевичу, двѣ—къ Пушкину, двѣ—одновременно къ обоимъ поэтамъ ¹⁾.

Первый очеркъ посвященъ разбору „Кохрада Валленрода“ (стр. 1—34), этого символическаго воплощенія идеи „мести“ за притѣсненія родного народа, идеальнаго патріота, для котораго не существуетъ личнаго счастья,—героя, способнаго на вся-

---

¹⁾ Józef Tretiak, „Mickiewicz i Puszkín“. Studya i szkice. Z 2-ma portretami. Варшава, 1906. Стр. 334.

кія жертвы, лишь бы возвеличить свой народъ. Внимательное изученіе психологіи Валленрода показало проф. Третьяку, что герой поэмы Мицкевича—не цѣльная натура, такъ какъ Валленродъ поддается мимолетнымъ впечатлѣніямъ, а послѣднія идутъ въ разрѣвъ съ основной идеей. Онъ поддается вліянію Гальбана, который изъ второстепеннаго дѣйствующаго лица превращается въ главное, по крайней мѣрѣ, фактически,—и гибель Конрада можно объяснить, какъ результатъ дѣйствія на него стихійной природы Гальбана. Такова главная мысль очерка „Идея Валленрода“, и критикъ думаетъ, что въ самомъ процессѣ творчества польскій поэтъ уклонился отъ первоначальнаго замысла, такъ сказать, отнявъ у Конрада исключительно активную роль.

Второй очеркъ носитъ названіе—„Историческій фонъ Пана Тадеуша“ (стр. 37—54). Какъ извѣстно, въ поэмѣ описаны или же только намѣченъ рядъ историческихъ событій, имѣвшихъ глубокое значеніе для Польши, начиная съ XVI вѣка. Критикъ обращаетъ вниманіе на то, что Мицкевичъ сначала говоритъ о Польшѣ и Литвѣ, а затѣмъ—съ момента ихъ соединенія—интересуется не древней „Пястовской“ Польшей, а „языческой“ Латвой, почему всю поэму критикъ предлагаетъ разсматривать, какъ „результатъ литовско-русскаго элемента, сочетавшагося съ польскою цивилизаціей“.

II.

Спеціально Пушкина касаются двѣ статьи: „Молодость Пушкина“ (стр. 57—105) и „Пушкинъ и Россія“ (стр. 307—334). Въ первой—проф. Третьякъ вкратцѣ пересказываетъ біографію поэта и разсматриваетъ важнѣйшія его произведенія до 1826 года, съ котораго (появленіе „Бориса Годунова“), какъ думаютъ нѣкоторые русскіе критики, начинается собственно русскій, „національный“ періодъ въ творчествѣ Пушкина. Кроме того, въ томъ же году произошло знакомство его съ Мицкевичемъ, почему слѣдующая по мѣсту въ сборникѣ статья—„Слѣды вліянія Мицкевича въ поэзіи Пушкина“—можетъ считаться въ нѣкоторомъ родѣ продолженіемъ первой. Объ упомянутой статьѣ скажемъ ниже.

„Молодость Пушкина“—результатъ глубокихъ изученій краковскаго профессора, знакомаго съ первоисточниками не хуже многихъ нашихъ пушкинистовъ. Проф. Третьякъ хорошо понимаетъ эпоху, создавшую „русскаго барда“—тотъ „жестокій вѣкъ“, который своей тяжелой рукой постоянно давилъ творческую мысль

Пушкина и лучшихъ его современниковъ. Объ этомъ идетъ рѣчь и въ статьѣ „Пушкинъ и Россія“. Здѣсь авторъ приводитъ всѣ біографическіе факты и отрывки изъ произведеній, которые говорятъ о томъ, что Пушкинъ боролся съ Николаевской системой, и опровергаютъ мало основательный взглядъ на Пушкина, какъ на представителя поэзіи „легкой“, „искусства для искусства“. Исслѣдователь понимаетъ, почему раньше Пушкина у насъ не могло быть поэта, который давалъ бы отвѣтъ на всѣ явленія русской дѣйствительности. Недаромъ Пушкинъ появился тогда, когда въ могилу сходилъ Державинъ, когда къ тому же приближался Карамзинъ, когда для уходящихъ поволѣній переплывалъ свои послѣднія пѣсни Жуковский. Явился „юноша“ и заговорилъ новымъ языкомъ. „То былъ новый, до тѣхъ поръ неизвѣстный языкъ настоящей поэзіи. Правда, въ первыхъ произведеніяхъ новаго поэта чувствовался еще слѣдъ образцовъ, на которыхъ онъ воспитался, но вмѣстѣ съ тѣмъ было видно, съ какой легкостью онъ опережалъ эти образцы, съ какой свободой переливалъ игру своей фантазіи въ ритмичный потокъ пѣсни. Впрочемъ, не въ одномъ этомъ состояла неслыханная новость этого явленія. Еще такъ недавно воспѣвавшій главнымъ образомъ Ваху и Киприду, чудесный юноша вдругъ настроилъ лиру на важный и грозный ладъ — и громко заигралъ пѣсню во славу свободы“ (стр. 308). Далѣе, Третьякъ описываетъ то впечатлѣніе, которое произвели новые мотивы на военныхъ, долгое время стоявшихъ въ походахъ за-границей. Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь объ одѣ „Вольность“, только недавно полностью изданной въ Россіи (2-й томъ академическаго изданія). Въ этой одѣ вылился весь Пушкинъ. „Свершилось... Двадцатилѣтній смѣльчакъ бросилъ перчатку всемогущей идеѣ самодержавія. Первый разъ свобода въ Россіи нашла поэтическаго герольда. Перчатку сейчасъ же подвину, чтобы „для примѣра“ наказать мальчишку, — и только благодаря вліятельнымъ друзьямъ поэта, удалось его избавить отъ суроваго заточенія въ Соловецкій монастырь и замѣнить наказаніе ссылкой въ южныя губерніи государства. Наказаніе, постигшее самонадѣяннаго юношу за гимнъ въ честь свободы въ царствѣ деспотизма, продолжалось шесть лѣтъ — до смерти Александра I и еще нѣсколько времени спустя. За это время въ самомъ Пушкинѣ произошло много перемѣнъ, но судьба его все-таки не измѣнилась... Несмотря на всѣ свои ходатайства, онъ принужденъ былъ прозябать въ своемъ имѣніи, Михайловскомъ“.

Затѣмъ, проф. Третьякъ говоритъ о положеніи „вольнодумца“,

на котораго такъ сурово смотрѣли „сферы“. Но умираетъ императоръ Александръ I, и вскорѣ на улицахъ Петербурга возносится знамя конституціонной свободы,—то самое, которое пять лѣтъ тому назадъ поднялъ Пушкинъ въ своей „Одѣ вольности“. У новаго самодержца, противъ котораго было поднято это знамя, не было недостатка въ послѣдовательности и отвагѣ; и вотъ, онъ сразу же покончилъ съ покушеніемъ, которымъ руководили какія-то неясныя мечтанія о свободѣ. Декабристы были жестоко наказаны, но Пушкинъ имѣлъ возможность убѣдиться, что если по отношенію къ декабристамъ императоръ Николай оказался неумолимымъ, то по отношенію къ нему онъ хотѣлъ быть особенно ласковымъ и снисходительнымъ. Императоръ послалъ за нимъ фельдъегеря, приказалъ привезти къ себѣ, самъ объявилъ, что даруетъ ему свободу и—песлыханная милость—отнынѣ самъ будетъ его цензоромъ. Пушкинъ былъ ослѣпленъ внезапной переменой своихъ отношеній къ могучему самодержцу и въ первую минуту не замѣчалъ опасностей, таящихся на пути, который открывался предъ нимъ. Ему улыбалась надежда занять высокое положеніе въ обществѣ, положеніе посредника между царемъ и народомъ, въ особенности съ той частью народа, которая отличалась либеральными стремленіями. Ему казалось, что онъ будетъ имѣть возможность стоять у трона безъ іерархическаго отличія, съ однимъ только іерархическимъ признакомъ генія на челѣ, и ибсней дѣйствовать на душу самодержца, настраивая ее и дѣлая доступной для пробуждающихся высшихъ стремленій народа. Началась единственная въ своемъ родѣ игра: царь хотѣлъ воспитать поэта, а поэтъ хотѣлъ на свой ладъ настроить царя. Эту игру началъ царь. Съ цѣлью „испытать“ поэта и сразу поставить его на новую дорогу, онъ поручилъ ему представить свои соображенія относительно тогдашняго воспитанія молодежи въ Россіи. Благодаря внимательству шефа жандармовъ Бенкендорфа, изъ этого ничего не вышло. Когда Пушкинъ представилъ свой проектъ, царь поблагодарилъ, но къ „либеральнымъ“ заключеніямъ отнесся недоброжелательно и далъ понять, въ какомъ направленіи надлежитъ „совершенствоваться“, чтобы заслужить признательность и довѣріе правительства... Долго продолжалась неравная борьба, роковымъ образомъ кончившаяся къ тому роковому результату, къ которому должно привести единоборство свободнаго поэта съ могущественнымъ владыкой. Пушкинъ на цѣлую голову былъ выше тогдашняго свѣтскаго петербургскаго общества, ненавидѣлъ его—и оно платило ему тѣмъ же. Нужно ли удивляться, что это разногласіе

должно было имѣть какой-нибудь исходъ, долженъ былъ явиться кто-нибудь, кто „избавилъ“ бы самодовольную и пресыщенную толпу отъ смѣлыхъ пѣсней поэта?—Явился Дантесъ—и въ концѣ января все было кончено. Такъ закончилась трагедія жизни Пушкина, борьба поэта между высокими вдохновеніями и слабой волей, борьба съ могуществомъ русскаго самодержавія. Послѣ него оставалась поэзія. Хотя самъ Пушкинъ умеръ и уже не могъ быть ни врагомъ, ни союзникомъ самодержавія, но не только та поэзія, которая была просѣяна сквозь рѣшето цензуры, но и та, что еще скрывалась въ его бумагахъ и могла заключать въ себѣ не одинъ непріятный сюрпризъ для существующаго порядка, не была забыта Николаемъ. И когда поэтъ страдалъ въ страшныхъ предсмертныхъ мукахъ, императоръ вызвалъ къ себѣ Жуковскаго и приказалъ ему опечатать бумаги Пушкина, а затѣмъ пересмотрѣть ихъ, чтобы изъ нихъ не вырвалось на свѣтъ Божій что-нибудь „неблагопріятное по отношенію къ правительству“ (стр. 327). По этому поводу, историкъ литературы припоминаетъ слѣдующую Жуковскимъ извѣстную замѣну въ „Памятникѣ“, и приходитъ къ выводу, что Пушкинъ имѣлъ право говорить о своемъ безсмертіи за то, что „въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу“.

Особенно интересна въ этомъ очеркѣ характеристика поэта. Разсказавъ исторію борьбы великаго поэта съ окружающею его обстановкой, I. Третьякъ характеризуетъ Пушкина слѣдующимъ образомъ: „Это была чудесно поющая птица, которую всю жизнь продержали въ клѣткѣ. Во второй половинѣ жизни птицы, эту клѣтку старались устроить такъ, чтобы плѣнникъ не тосковалъ по свободѣ: ему обильно сыпали зерно, дали прекрасную самку,—и онъ мирился съ прутьями своей клѣтки... Но случилось, что, услышавъ издали свободный голосъ птицъ, летающихъ среди зелени и солнца,—онъ бросался на золоченую рѣшетку, отдѣлявшую его отъ свободного міра, и напрасно ударялъ въ нее крыльями. Онъ и убится во время одной изъ такихъ попытокъ сломать рѣшетку“ (стр. 329).

Двѣ статьи, вошедшія въ сборникъ, посвящены и польскому, и русскому поэтамъ. Очеркъ „Мицкевичъ и Пушкинъ, какъ байронисты“ (стр. 109 — 185) даетъ такой выводъ. Если по степени своей силы вліяніе англійскаго поэта было одинаково у обоихъ, то въ результатахъ этого вліянія замѣтна глубокая разница. Менѣе глубокой по натурѣ и аристократъ, Пушкинъ плѣнялся въ немъ преимущественно „донжуанизмомъ“; затѣмъ онъ нашель въ Байронѣ нѣчто близкое себѣ въ грусти, въ разо-

чарованіи англійскаго поэта. Но того, что можно назвать „героизмомъ“ (терминъ — столь характерный для известной фракціи романтизма), у Пушкина почти не найдемъ. Мицкевичъ, наоборотъ, совсѣмъ не знаетъ „донжуанизма“, свой откликъ на болѣзненную грусть онъ показалъ только въ нѣсколькихъ переводахъ; зато, „героизмомъ“ отмѣчены у него такія фигуры, какъ Фарисъ, Валленродъ, Робакъ изъ „Пана Тадеуша“ и Конрадъ изъ „Поминнокъ“.

III.

„Слѣды вліянія Мицкевича на Пушкина“ (стр. 189—303)— самая большая, самая серьезная по методу и самая цѣнная по результатамъ статья проф. І. Третьяка. Она носитъ характеръ изслѣдованія и нисколько не теряетъ отъ того, что авторъ часто полемизируетъ съ В. Спасовичемъ („Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго“). Опускаемъ ту часть, которая говоритъ о знакомствѣ поэтовъ, такъ какъ объ этомъ періодѣ на русскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько статей,—конечно, разныхъ достоинствъ. Пушкинъ восторгался Мицкевичемъ, и объ этомъ вполне опредѣленно говоритъ другъ польскаго поэта, Одынецъ. Проф. Третьякъ припоминаетъ стихотворенія Пушкина, въ которыхъ рѣчь идетъ о Мицкевичѣ („Съ нимъ дѣлились мы и чистыми мечтами, и пѣснями“...), и даетъ мѣткую сравнительную характеристику. Прежде всего, онъ отказывается сравнивать ихъ, какъ художниковъ, потому что на высотѣ стояли и тотъ, и другой. „Оба они были великолѣпные мастера; у обоихъ слово являлось полнымъ, сильнымъ и прекраснымъ выраженіемъ мысли. По образованію они также были одинаковы. Но разница скрывалась въ темпераментѣ и воспитаніи, т.-е. въ той суммѣ, которая называется характеромъ. Мицкевичъ былъ одаренъ яркимъ темпераментомъ, такимъ, который всегда въ состояніи подчинять одни впечатлѣнія и представленія другимъ. Съ такимъ цѣльнымъ характеромъ, какой былъ у Мицкевича, людей было немного. Характеру Пушкина недоставало именно этой цѣльности. В. Спасовичъ красиво и удачно сравнилъ его съ морской волной—вѣчно подвижной и измѣняющей окраску въ зависимости отъ времени дня. Душа Пушкина была способна подниматься къ возвышеннымъ идеаламъ и обнимать ихъ, но не умѣла глубоко проникаться ими и подчиняться имъ навсегда. Своими корнями эти идеи не углублялись въ душу Пушкина и не становились его религіей прежде всего потому, что въ немъ вообще не было

религіозности, которая могла бы питать и освящать ихъ. Во вторыхъ, очень трудно было бы обуздать силу страстей, которая волновала эту морскую волну. Такимъ образомъ, въ душѣ Пушкина происходилъ разладъ, и хотя Пушкинъ—въ силу живости разнообразныхъ страстей—легко примирялся съ жизнью, сглаживалъ или же надолго подавлялъ этотъ разладъ, тѣмъ не менѣе иногда онъ проявлялся во всей силѣ. Это бывало всякій разъ, когда подъ вліяніемъ какого-нибудь болѣе сильнаго впечатлѣнія идеалы молодости получали первоначальную свѣжую и чистую окраску“.

Такова была почва, на которую могло упасть новое зерно—знакомство съ Мицкевичемъ, которое вызвало къ жизни именно то, что таилось на днѣ души русскаго поэта, и могло повести за собой новый разладъ. Пушкинъ увидѣлъ въ натурѣ Мицкевича неизвѣстную ему гармонію, и, по мнѣнію проф. Третьяка, это и было то превосходство, о которомъ упомянуто раньше. И если Пушкинъ не зналъ ни гордости, ни зависти, то сознание собственной немощи вмѣстѣ съ неотвязчивымъ сравненіемъ самого себя съ Мицкевичемъ, быть можетъ, тяжело отзывалось въ его сердцѣ. Далѣе, изслѣдователь думаетъ, что то мрачное настроеніе, которое звучитъ въ стихотвореніяхъ „Предчувствіе“, „Воспоминаніе“ и „26-ое мая 1827 года“, можно объяснить, какъ результатъ указаннаго сравненія, которое такъ легко и неизбежно должно было имѣть мѣсто въ душѣ подвижнаго и отзывчиваго Пушкина. Мы думаемъ, что отрицать подобное расположеніе нельзя, и о мрачномъ настроеніи Пушкина въ это именно время (зима 1828 года) говоритъ А. Кернъ; но скорѣе всего оно стоитъ въ связи съ болѣе сознательнымъ отношеніемъ Пушкина въ это время къ дѣйствительности вообще, съ другой стороны—съ особенно усилившимися придирками жандарма Бенкендорфа, съ отказами поступить на службу, выѣхать за-границу и т. д.

Согласиться съ проф. Третьякомъ, и опять только въ принципѣ, можно и относительно другого его предположенія, будто фигура Мазепы въ „Полтавѣ“ приняла извѣстную окраску подъ вліяніемъ Валленрода, написаннаго Мицкевичемъ въ „рембрантовскомъ освѣщеніи“. Какъ извѣстно, мысль о созданіи этой фигуры появилась у Пушкина подъ вліяніемъ нѣсколькихъ стиховъ „Войнаровскаго“ Рылѣва, и едва ли въ основѣ характера гетмана лежала та же мысль, которая такъ красива и такъ цѣльна въ „Валленродѣ“. Во всякомъ случаѣ, все сказанное о Мазепѣ съ точки зрѣнія „контраста“, какъ художественнаго приѣма (стр. 224 — 226), заслуживаетъ вниманія. Не менѣе

интересно все, что говорятъ проф. Третьякъ о стихотвореніи „Анчаръ“, которое онъ считаетъ „отголоскомъ, вызваннымъ силой контраста“ между Пушкинымъ и Мицкевичемъ (стр. 222). Впрочемъ, при чтеніи этого мѣста являются сомнѣнія: нельзя ли этотъ вопросъ разрѣшить проще и естественнѣе? Вѣдь юный Пушкинъ вращался не только среди „повлонниковъ Вахха и Киприды“—и теперь объ этомъ говорятъ все чаще и настойчивѣе. Въ кругу его знакомыхъ мы встрѣчаемъ такихъ идейныхъ людей, какъ Пущинъ, Рылѣевъ, Пестель, Чаадаевъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ поэтъ цѣнилъ чрезвычайно высоко до конца жизни. Мы не знаемъ въ точности содержаніе ихъ бесѣдъ, но намъ не безызвѣстно, какихъ предметовъ касались онѣ. Вотъ, напримѣръ, что Пушкинъ писалъ между прочимъ въ своемъ кишиневскомъ дневникѣ: „Утро провелъ я съ Пестелемъ; умный человекъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est matérialiste, — говоритъ онъ, — mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ—одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которые я знаю...“ По посланіямъ и стихамъ къ Чаадаеву тоже легко догадаться, что друзья его близко подходили къ той идеѣ, которая выражена въ „Анчарѣ“. Эта идея запала въ чуткую и воспримчивую душу поэта, и если мы повѣримъ свидѣтельству современниковъ, что для Пушкина „не пропадали на цѣлую жизнь ни одно чтеніе, ни одинъ разговоръ, ни одна минута размышленія“,—то для насъ станетъ ясно, что эти идеи не могли зачахнуть въ душѣ поэта и при первомъ толчкѣ должны были воплотиться въ живые образы. При наличности же Николаевской „системы“, во всякаго рода „толчкахъ“ не было недостатка.

IV.

Затѣмъ, проф. Третьякъ останавливается на нѣсколькихъ строфахъ стихотворенія Мицкевича „Къ друзьямъ-москалямъ“. Поэтъ рисуетъ мрачную картину въ судьбѣ тѣхъ друзей, которыхъ онъ зналъ въ Россіи, и изъ которыхъ не одинъ теперь, какъ ему представлялось, уже заклеименъ или же промѣнялъ честь на царскую службу, унижается, словно холопъ, за деньги слагаетъ гимнъ въ честь побѣдъ и т. д. Восемь лѣтъ тому назадъ, проф. Третьякъ напечаталъ первоначальную редакцію стихотворенія „Do przysidi Moskali“, которая относилась къ 1830 году. На основаніи послѣдней даты было опровергнуто прежнее пред-

положеніе, будто Мицкевичъ имѣлъ въ виду Пушкина и Жуковскаго, когда съ презрѣніемъ говорилъ объ „оскорбившихъ насмѣшливымъ упрекомъ братьевъ“ и поющихъ „гимнъ побѣдъ продажнымъ языкомъ“. Очевидно, разумѣется извѣстный ихъ „патріотическій“ сборникъ. Тѣмъ не менѣе, по существу упрекъ былъ справедливъ, — и Пушкинъ имѣлъ случай убѣдиться, что его бывшій другъ, польскій поэтъ, намекаетъ на него, такъ рѣзко порвавшаго съ идеалами молодыхъ годовъ. А когда появился „Памятникъ Петра Великаго“ Мицкевича, — Пушкинъ счелъ нужнымъ отвѣтить „великому противнику“. Оставался вопросъ только въ формѣ отвѣта. Чего-нибудь вродѣ пресловутаго „Клеветникамъ Россіи“ Пушкинъ уже не могъ написать, и подъ впечатлѣніемъ этого стихотворенія Мицкевича, въ его фантазіи сложилась яркая связь между наводненіемъ Петербурга и памятникомъ его основателя. Какъ извѣстно, Мицкевичъ проводитъ мысль обратную той, которая положена въ основу Пушкинскаго „Мѣднаго Всадника“, и сопоставленіе обоихъ поэтовъ составляетъ одну изъ наиболѣе важныхъ заслугъ изслѣдованія проф. Третьяка.

Для того, чтобы вполне оцѣнить эту часть его работы, познакомимся вкратцѣ съ тѣмъ, что до сихъ поръ было извѣстно по означенному вопросу. Въ 68-и стихахъ „Памятника Петру Великому“ Мицкевичъ изобразилъ свою бесѣду съ Пушкиннымъ, въ 1828 году, на тему о дѣятельности и личности великаго преобразователя. По мнѣнію В. Спасовича, правда и вымыселъ въ этомъ произведеніи Мицкевича тѣсно переплетаются между собой. Одинъ изъ отрывковъ эпизода „Петербурга“ („Олешкевичъ — канунъ петербургскаго наводненія 1824 г.“) основой своей имѣетъ вымыселъ, такъ какъ Мицкевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ 8 ноября, т.-е. на другой день послѣ наводненія, и лично не видалъ катастрофы. Свою первую встрѣчу съ Олешкевичемъ Мицкевичъ описываетъ такъ. — „Морозная зима царитъ въ Петербургѣ. Одинъ изъ одиннадцати странниковъ, пилигримъ, остался на дворцовой площади и вперилъ во дворецъ быстрее взоры, словно два ножа. За нимъ слѣдилъ незнакомецъ, обратившійся къ нему со словами: „Я христіанинъ и полякъ; привѣтствую тебя знаменемъ креста и всадника“ (рогою — государственный гербъ великаго княжества литовскаго). Въ другомъ отрывкѣ, такъ же посвященномъ Олешкевичу и отнесенному къ кануну наводненія, дѣйствуютъ тѣ же одиннадцать странниковъ. Передъ ними на замершую (!) рѣку по гранитнымъ ступенямъ спускается мистикъ „гусярь“, съ фонаремъ и книгой въ ру-

кахъ, и затѣмъ возвращается съ грозными предсказаніями на устахъ. Одинъ изъ одиннадцати слѣдуетъ за Олешевичемъ, потому что его поразилъ „голосовой (?) звукъ, таинственныя слова“. Онъ тотчасъ вспомнилъ, что уже слышалъ этотъ звукъ; онъ бѣжалъ опрометью за неизвѣстнымъ темной ночью и въ ненастье“.—И самъ Пушкинъ отмѣчалъ фактъ, что при описаніи наводненія Мицкевичъ не слѣдовалъ дѣйствительности, а фантазировалъ. Мицкевичъ изображаетъ наводненіе въ такихъ картинахъ: „Небо горитъ сильнѣйшимъ морозомъ—вдругъ потускнѣло... снѣгъ сталъ таять... вѣтры подняли головы съ полярныхъ льдовъ, словно морскія чудовища, сѣли верхомъ на волны, сняли съ нихъ оковы. Слышу—морская бездна разнуздана, она мечется черезъ водяныя удила“... „Жаль, что описаніе“—писалъ Пушкинъ о картинѣ наводненія Мицкевича—„неточно: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ“.

Въ центрѣ „Памятника Петру Великому“ Мицкевичъ сдѣлалъ сопоставленіе между памятникомъ Марку Аврелію въ Римѣ и Петру въ Петербургѣ и между ихъ личностями. Мицкевичъ преклонялся передъ Маркомъ Авреліемъ—кроткимъ правителемъ, миротворцемъ, возвращающимся на Капитолій послѣ усмиренія внѣшнихъ враговъ,—какъ онъ изображенъ въ статуѣ. „Прекрасенъ ликъ его, кроткій и благородный. На лицѣ сіяетъ мысль о благѣ государства. Одну руку онъ тихо подвигъ, словно хотѣлъ благословить толпы своихъ подданныхъ. Другой рукой, опущенной на бразды, онъ укрощаетъ порывы своего коня. Чувствуешь, что много народа стояло на пути, и что народъ кричалъ: „Возвращается отецъ нашъ, цезарь“. Цезарь желаетъ тихо проѣхать между толпящимися и всѣхъ привѣтствовать отеческимъ поклономъ. Конь опустилъ гриву, мечетъ огонь изъ глазъ, но сознаетъ, что везетъ любимѣйшаго гостя, что везетъ отца миллионновъ людей,—и самъ сдерживаетъ свою прыть и живость. Дѣтямъ позволено подойти къ отцу, глядѣть на него. Конь идетъ шагомъ, мѣрно, по ровному пути—предчувствуетъ, что идетъ къ безсмертью“... Образъ Петра Мицкевичъ характеризуетъ не безъ ироніи: „Царю Петру не пригодно стоять на собственной землѣ; въ отечествѣ ему не такъ, какъ слѣдуетъ, просторно, и почву для него рѣшено добыть заморскую. Велѣно вырыть изъ финскихъ береговъ гранитный холмъ, который, по слову владычицы Екатерины II, плыветъ по морю, бѣжитъ по сушамъ и падаетъ навзничъ въ городѣ предъ царицей... Царь Петръ опустилъ бразды лошади,—видно, летѣлъ онъ, все топча на пути. Сразу вскочилъ онъ на самый край скалы. Бѣшенный конь уже при-

поднялъ копыта, — царемъ не удерживаемый, конь скрежещетъ, жусая удила. Чувствуешь, что онъ полетитъ и разобьется вдребезги...“ Эту характеристику Петра Великаго, являющуюся отраженіемъ личныхъ взглядовъ Мицкевича, поэтъ вложилъ въ уста Пушкина. И Пушкинъ, подвергая критикѣ однѣ только мелкія подробности наводненія, не отрицалъ главныхъ взглядовъ, приписанныхъ ему Мицкевичемъ. Мицкевичъ сравниваетъ скачущаго, но не падающаго со скалы всадника съ замершимъ горнымъ водопадомъ, который повисъ надъ бездною. Отрывокъ заканчивается словами, съ которыми Пушкинъ никогда не могъ согласиться, которыя были той струей потока, навѣки раздѣлившей двѣ „родственныя альпійскія вершины“:

Lecz skoro słońce swobody zabłyśnie,
I wiatr zachodni ogrzeje te państwa,—
I cóż się stanie z kaskadą tyraństwa?..

Знакомство Пушкина съ этими произведеніями Мицкевича, по мнѣнію прежнихъ изслѣдователей, несомнѣнно, было одной изъ причинъ, заставившихъ его создать поэму „Мѣдный Всадникъ“, гораздо болѣе крупную по размѣрамъ, чѣмъ отрывокъ польскаго поэта.

Проф. Третьякъ относится къ разбираемой темѣ болѣе глубоко, и указанное раньше сопоставленіе между Мицкевичемъ и Пушкинымъ говоритъ за себя очень многое. Приводятся слѣдующіе примѣры. Описывая канунъ наводненія, Мицкевичъ говоритъ, что „ничтожные подданные, живущіе въ этихъ низкихъ домикахъ, прежде всего будутъ наказаны за него (Петра I), потому что, ударяя въ мертвыя стѣхи, громъ начинается съ верху, съ горы и башни; а (ударяя) въ людей, онъ прежде всего ударяетъ въ низины и раньше другихъ поражаетъ самыхъ невинныхъ“. Такимъ образомъ, это мѣсто („Олешкевичъ“) направлено противъ идеи государственности, и на первый планъ воздвигается счастье отдѣльныхъ подданныхъ. Въ концѣ концовъ Мицкевичъ рисуетъ побѣду индивидуальнаго начала надъ государственнымъ. И Евгенийъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ сначала угрожаетъ „строителю чудотворному“ какъ разъ за то, что, выбирая мѣсто для новой столицы, Петръ имѣлъ въ виду только государственные интересы. Но дальнѣйшій ходъ темы и особенно послѣдняя сцена (сумасшедшій Евгенийъ), вмѣстѣ съ эпилогомъ, построены такъ, чтобы оправдать Петра и показать ничтожество отдѣльной личности и торжество идеи государственности.

Эта мысль проф. Третьяка, въ свое время удачно отвѣтив-

шаго В. Спасовичу, который отрицалъ связь между разсматриваемыми произведеніями Пушкина и Мицкевича, касается только идейной стороны „Мѣднаго Всадника“. Но болѣе внимательный разборъ „Памятника Петру Великому“ сравнительно съ Пушкинскою поэмой, какъ апологіей Петра Великаго, показываетъ, что послѣдняя—не простой отголосокъ „Олешкевича“, а своего рода полемика съ „Памятникомъ“ и другими шестью сюжетами, вошедшими въ составъ „Вступленія“ („Wstęp“): „Дорога въ Россію“, „Предмѣстья столицы“, „Петербургъ“, „Смотръ“, „Олешкевичъ“, „Къ друзьямъ-москалямъ“. У Мицкевича какой-то поэтъ, который „пѣснями прославился на всемъ сѣверѣ“, даетъ памятнику Петра кличку: „каскадь тиранства“.—У Пушкина, „зубы стиснувъ, пальцы сжавъ“ и „злобно задрожавъ“, Евгений говорить „горделивому истукану“: „Уждь тебѣ!“.—Но мы знаемъ, какъ наказавъ Евгений за эту угрозу. Мицкевичъ удивляется, что тысячи славянъ „пожелали забраться въ эти отдаленные уголки своихъ владѣній, только-что покищенные у моря и у чухонцевъ“... „Здѣсь (въ Петербургѣ) почва не родить ни плодовъ, ни хлѣба, а вѣтры приносятъ лишь свѣгъ и грязь. Здѣсь небо или черезчуръ жаркое, или черезчуръ холодное. Оно сурово и переменчиво, словно состояніе духа деспота. Народъ не хотѣлъ этого. Но царь облюбовалъ эту болотистую мѣстность и велѣлъ строить не городъ для людей, а столицу для себя“. У Пушкина Петръ стоитъ „на берегу пустынныхъ волнъ“ и мечтаетъ заложить городъ, откуда „грозить мы будемъ шведамъ“, откуда начнутся сношенія съ Европой, куда придутъ иностранные корабли и т. д. Онъ не думаетъ о жалкой и губительной природѣ, объ отдѣльныхъ жертвахъ и т. д.: его планы—только государственные. Мицкевичу не нравятся петербургскіе дома, которые „стоятъ, словно звѣри, за желѣзными оградами въ отдѣльныхъ клѣткахъ“, а Пушкинъ любитъ „твоихъ оградъ узоръ чугунный“. Столичная зима описана у польскаго поэта въ видѣ чего-то суроваго и комичнаго. „Люди здѣсь бѣгутъ, точно ихъ гонитъ морозъ. Никто не остановится, не посмотритъ, не заговоритъ. У всѣхъ прищуренные глаза, блѣдныя лица; всѣ потираютъ руки и стучатъ зубами; у всѣхъ при дыханіи идетъ изо рту паръ, и кажется, что по городу ходятъ дымовыя трубы“. А Пушкинъ, словно въ отвѣтъ ему, любитъ „зимы твоей жестокой недвижный воздухъ и морозъ“. Мицкевичъ смѣется надъ дамами—„бѣлыми, точно снѣгъ, румяными, точно раки“. Пушкинъ продолжаетъ: „люблю дѣвичьи лица ярче розъ“.

Замѣчательно, что сравненія у того и у другого взяты очень

удачно—у каждаго съ своей точки зрѣнія на „Петра творенье“. Слѣдующій примѣръ, изъ „Смотра“ Мицкевича, лучше всего убѣждаетъ, что рядъ восхваленій у русскаго поэта имѣеть въ виду несомнѣнно автора „Wstępa“. „Но герои такъ похожи другъ на друга, такъ *однообразны*“ и т. д.—говорить Мицкевичъ. Пушкинъ снова любить „воинственную живость... пѣхотныхъ ратей и коней *однообразную красоту*“. Едва ли эта игра словъ—случайность. Что же касается того, могъ ли Пушкинъ не знать этихъ именно стихотвореній, то у насъ на лицо такой краснорѣчивый фактъ противъ подобной оговорки, какъ находка въ бумагахъ русскаго поэта копія со стихотвореній: „Do przyjaciół Moskali“, „Oleszkewicz“ и „Pomnik Piotra Wielkiego“.

Таковы главные черты новаго историко-литературнаго сборника статей краковскаго профессора. Хотя въ книгѣ не разъ трагиваются большыя мѣста „старога славянскаго спора“,—но мы не могли замѣтить враждебнаго отношенія къ русскому народу, и въ этомъ отношеніи все изслѣдованіе представляетъ одно изъ счастливыхъ исключеній. Очевидно, авторъ понимаетъ, гдѣ кончается наука, и гдѣ начинается—„политика“.

А. И. Яцимирскій.

УДѢЛЬНЫЯ ЗЕМЛИ

И

ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІЕ

І.

Удѣльныя земли и вообще удѣльныя имущества образованы имп. Павломъ—закономъ 5 апрѣля 1797 г. „объ учрежденіи императорской фамилии“. Имущества эти были составлены изъ государственныхъ простымъ выдѣленіемъ, а цѣль ихъ образованія заключалась въ помощи государственному бюджету на содержаніе императорской фамилии при значительномъ возрастаніи числа членовъ послѣдней.

Въ ст. I этого закона говорится: „когда поколѣніе фамилии императорской распространится до князей крови императорской (дѣти праправнуковъ императора Павла), содержаніе ея въ продолженіе времени могло бы быть государству отяготительно, ежели не взять оному нужныхъ мѣръ“... (и потому) „опредѣляемъ быть удѣльнымъ имѣніямъ, а для того назначаемъ *отдѣлить изъ государственныхъ владѣній опредѣленную одинъ разъ часть деревень* и изъ государственныхъ доходовъ ежегодно по миллиону рублей“. Здѣсь отмѣчается не только то, что имущества эти выдѣлены изъ государственныхъ, о чемъ въ законѣ упоминается и еще нѣсколько разъ (въ ст. 2, 5, 80 и пр.), и что они назначались только для содержанія императорской фамилии, но и то, что такое „отдѣленіе изъ государственныхъ владѣній“ для означенной цѣли должно было быть только „одинъ разъ“. Это условіе, какъ увидимъ ниже, совершенно не выполнялось удѣломъ, и онъ съ первыхъ же годовъ своего существованія заботится о все новыхъ и новыхъ „отдѣленіяхъ“ въ свою пользу государственныхъ земель.

Въ первый разъ по закону удѣломъ выдѣлены были „имѣнія подъ именемъ дворцовыхъ въ государственномъ исчисленіи состояція“ (ст. 2); а именно было выдѣлено 463.793 ревиз. души и 4.162 тыс. десятинъ земли единственнаго владѣнія и кромѣ того 3¹/₂ милл. десят. въ общемъ владѣніи съ казною и частными лицами. Хотя такое безвозмездное отдѣленіе изъ государственныхъ владѣній должно было быть только „одинъ разъ“, но черезъ столѣтіе въ вѣдѣніи удѣла было земель уже болѣе 8 милл. дес. (8.133 тыс. дес.)¹⁾, не считая еще 4¹/₂ милл. десят., проданныхъ удѣломъ своимъ бывшимъ крестьянамъ при освобожденіи. Съ этой же землей у него было бы къ 1897 году (къ столѣтію его существованія) всего 12.655 тыс. десят. И изъ этой массы покупкою было приобрѣтено удѣломъ менѣе 2 милл. десят. (1.896 тыс. дес.); слѣдовательно, остальная масса, свыше 10 милл. десятинъ, приобрѣтена безъ всякихъ затратъ со стороны удѣла. А это могло быть добыто только у казны.

И какіе способы не придумывались тогда для приобрѣтенія себѣ изъ казны земель! Въ „Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія 1797 — 1897 г.“, департаментъ удѣловъ, подводя итоги земельнымъ приобрѣтеніямъ послѣ перваго отвода (4.162 тыс. дес.), говоритъ, что „первоначальная площадь земель увеличилась за 100 лѣтъ: отъ покупокъ на 1.896 тыс. дес., отъ безмездныхъ поступленій—119 тыс. дес., отъ спеціального размежеванія—2.755 тыс. дес., отъ симбирскаго обѣйна — на 1.093 тыс. десят. и отъ передачи Важской области на 1.600 тыс. дес., а всего на 7.463 тыс. дес.“ (т. I, стр. 229).

При бѣгломъ взглядѣ на эти способы приобрѣтенія земель можно подумать, что даровыхъ приобрѣтеній удѣломъ было сдѣлано, какъ будто бы, только всего 119 тыс. дес.; да и эти земли, по словамъ департамента, были заняты въ 1869 и 1870 г. какъ будто бы только потому, что онѣ остались „свободными“ послѣ выселенія съ Кавказа въ Турцію горцевъ. Въ дѣйствительности же, кромѣ покупки 1.896 тыс. дес., все остальное приобрѣтено отъ казны даромъ. Важская область— болѣе чѣмъ 1¹/₂ милл. дес.—приобрѣтена даромъ въ 1861 и 62 гг. при генеральномъ межеваніи архангельской губ. Она передана удѣлу будто бы какъ „бывшее дворцовое“ владѣніе; но это камеральною вѣдомостью 1800 г. не подтверждается; тамъ не значится этой области даже въ неразмежеванныхъ земляхъ.

Самое наибольшее приобрѣтеніе земли, по словамъ удѣла, произошло при размежеваніи общаго владѣнія удѣла съ казною. Этимъ путемъ удѣлъ приобрѣлъ въ свое единственное владѣніе 2.755 тыс. дес. Хотя

¹⁾ Здѣсь и въ дальнѣйшемъ изложеніи подъ именемъ удѣльныхъ земель мы будемъ подразумѣвать не только 7.905 тыс. дес. удѣльныхъ, но и находящіяся въ вѣдѣніи удѣла 228 тыс. дес. въ имѣніяхъ государственныхъ, высочайшихъ особъ и дворцовыхъ.

размежеваніе само по себѣ, казалось бы, и не должно служить какимъ-либо особымъ правомъ на увеличеніе земельного имущества, но у удѣла „оно постоянно вело къ увеличенію площади земель единственнаго владѣнія удѣловъ, что было особенно важно въ отношеніи площади лѣсовъ“ („Исторія уд.“, т. I, стр. 212). Еслибы удѣлъ и не высказывался такъ откровенно, то „важность“ дарового приобщенія къ своимъ землямъ казенныхъ понятна сама собою, въ особенности приобщенія богатыхъ лѣсовъ на судоходныхъ и сплавныхъ рѣкахъ. Но откуда же могъ удѣлъ отмежевать себѣ 2.755 тыс. дес., когда вся первоначальная площадь неразмежеванныхъ земель была 3¹/₂ милл. десятинъ, т.-е. немногимъ болѣе этого? Оказывается, что уже къ началу этого размежеванія, въ 1836 г., департаментъ удѣловъ сумѣлъ увеличить площадь неразмежеванныхъ земель съ 3¹/₂ до 6 милл. десятинъ. Какъ онъ это сдѣлалъ?

Хотя въ законѣ 1797 г. объ удѣльныхъ имуществахъ и сказано, что изъ государственныхъ владѣній удѣламъ отдѣляется только „одинъ разъ опредѣленная часть деревень“, но удѣлы уже съ первыхъ лѣтъ начали ходатайствовать предъ сенатомъ о прирѣзкѣ имъ казенныхъ земель. Поводомъ для этого имъ послужилъ законъ 11 ноября 1797 г., изданный уже послѣ закона объ удѣлахъ (5 апрѣля 1797 г.), которымъ правительство приказывало сдѣлать дополнительныя нарѣзки земли тѣмъ изъ казенныхъ крестьянъ, у которыхъ надѣлы были менѣе нормы 8 и 15 дес. на рев. душу, установленной межевою инструкціею 1766 г. Для дополнительнаго надѣла этихъ крестьянъ казна уступала имъ не только всѣ свои земельныя оброчныя статьи, но и рыбныя ловли и даже мельницы, построенныя на крестьянскихъ земляхъ и составлявшія уже оброчныя статьи казны.

Удѣлъ ухватился за этотъ законъ и, указывая, что у него болѣе 320 тыс. ревиз. душъ крестьянъ съ надѣломъ менѣе 15 десят. на душу, что имъ недостаетъ 1¹/₂ милл. дес., — требовалъ въ 1799 г. прирѣзки казенной земли и этимъ своимъ крестьянамъ. О второй же части закона, объ отдачѣ крестьянамъ своихъ оброчныхъ земельныхъ статей, рыбныхъ ловель и мельницъ, удѣлъ писалъ, что оброчныхъ земель у него и безъ того мало (148 тыс. дес.), и что если ихъ даже и раздать крестьянамъ, то отъ этого надѣлы замѣтно не увеличатся; что же касается мельницъ и рыбныхъ ловель, то на такія статьи у крестьянъ нѣтъ доказательствъ о прежней ихъ принадлежности крестьянамъ. Въ концѣ концовъ, изъ 3.000 оброчныхъ мельницъ онъ отдалъ крестьянамъ только 5, да и то, вѣроятно, совершенно негодныхъ для себя.

Вначалѣ сенатъ, куда обращался удѣлъ, довольно рѣшительно отказывалъ ему въ его притязаніяхъ; сенатъ указывалъ, что законъ

11 ноября 1797 г. говорить только о казенныхъ крестьянахъ, что если и у удѣльныхъ крестьянъ недостаточны земельные надѣлы, то для дополнительныхъ наръзовъ удѣлъ можетъ прикупать землю, на что указано и въ ст. 116 закона объ удѣльныхъ имуществвахъ.

Это не смутило удѣла, и въ 1800 г. онъ входитъ въ сенатъ съ новымъ ходатайствомъ, прося надѣлить своихъ крестьянъ до полной 15-ти-десятичной нормы, хотя бы только въ многоземельныхъ губерніяхъ. Съ одной стороны, эта настойчивость, а съ другой—исключительность положенія департамента удѣловъ, состоявшаго подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ самого государя, вынудили сенатъ 26 іюня 1801 г. согласиться на его ходатайство, и удѣльные крестьяне относительно земельныхъ надѣловъ были уравниены съ казенными въ губерніяхъ оренбургской, саратовской и симбирской (замѣтимъ, что въ числѣ этихъ тогда находились и нынѣшнія не отдѣленные еще тогда въ особія губерніи самарская и уфимская). Но остальнымъ губерніямъ сравнить удѣльныхъ крестьянъ съ казенными сенатъ все-таки отказалъ и теперь.

Заручившись столь важнымъ успѣхомъ, удѣлъ уже не думалъ останавливаться предъ намѣченнымъ имъ планомъ обирания казны. Почти тотчасъ же за этимъ рѣшеніемъ сената, онъ входитъ къ нему, 11 сентября 1801 г., съ новымъ ходатайствомъ: если нельзя прирѣзать удѣлу казенныя земли безвозмездно, то не можетъ ли казна продать ему въ нѣкоторыхъ губерніяхъ свободныя земли, „такъ какъ, говорить онъ, покупать частныя земли медленно“ (!). На какую покупку казенныхъ земель рассчитывалъ удѣлъ, отсюда ясно само собой. Вѣроятно, уже только эта откровенная беззащитность удѣла остановила теперь сенатъ отъ удовлетворенія его новаго ходатайства. Свой отказъ сенатъ мотивировалъ тѣмъ, что въ губерніяхъ псковской и тамбовской (на которыя, между прочимъ, указывалъ удѣлъ) земель недостааетъ для надѣла и казенныхъ крестьянъ, а въ тѣхъ, гдѣ есть излишки, удѣлъ отчасти уже удовлетворенъ въ своихъ домогательствахъ. Этотъ деликатный отказъ сената не смутилъ и не остановилъ удѣла, хотя бы на время, отъ разъ намѣченнаго имъ плана. Въ томъ же 1801 г., почти тотчасъ же (11 декабря), онъ входитъ въ сенатъ съ новымъ ходатайствомъ и теперь уже болѣе опредѣленнымъ. Приглядѣвъ лакомый кусочекъ въ 44 тысячи десятинъ оброчной казенной земли въ воронежской губерніи, онъ проситъ сенатъ отдать ему хотя бы этотъ кусочекъ.

Не желая откровенно высказываться по этому новому назойливому ходатайству удѣла и, съ другой стороны, очевидно, не желая удовлетворять его, сенатъ прибѣгъ на этотъ разъ къ обычному и испытанному въ бюрократическихъ учрежденіяхъ средству,—онъ передалъ его на разсмотрѣніе въ межевой департаментъ, а этотъ, вѣроятно, пере-

далъ его въ какое-нибудь третье учрежденіе, третье — въ четвертое и т. д., и въ результатъ получилось то, что сенатъ, повидимому, и имѣлъ въ виду, — дѣло гдѣ-то застряло и затерялось, по нему удѣломъ не было получено даже отвѣта.

Такое отношеніе не обезкураживаетъ удѣла, и онъ каждый годъ входитъ все съ новыми и новыми ходатайствами. Въ 1802 г., онъ проситъ у сената оставить у своихъ саратовскихъ крестьянъ прежніе надѣлы, по 28 дес. на каждую ревизскую душу. Такой надѣлъ этимъ крестьянамъ былъ данъ еще въ то время, когда они были казенными крестьянами — для прибылыхъ переселенцевъ. При генеральномъ межеваніи излишки противъ 15 дес. были отрѣзаны, и удѣлъ теперь проситъ возвратитъ ихъ для переселенія на нихъ малоземельныхъ крестьянъ изъ другихъ губерній. Сенатъ имѣлъ мужество, въ 1803 г., отказать и въ этомъ. Но удѣла это не смущаетъ, и онъ снова и снова проситъ сенатъ дать ему въ саратовской губ. земли для переселенія своихъ малоземельныхъ крестьянъ изъ губерній воронежской, тамбовской и сибирской. Эта удивительная настойчивость, наконецъ, побуждаетъ сенатъ, и онъ въ 1805 г. соглашается на эту просьбу, а еще чрезъ нѣкоторое время, при пересмотрѣ положенія о департаментѣ удѣловъ, круто измѣняетъ свое отношеніе къ удѣльнымъ имуществамъ и въ новомъ положеніи 15 мая 1808 г. приравниваетъ всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ, относительно надѣленія ихъ землею, съ казенными. Курьезенъ мотивъ былъ для этого уравненія; онъ состоялъ въ томъ, что удѣльные крестьяне платили одинаковыя съ казенными крестьянами подати и повинности! Но тогда нужно было надѣлять казенными землями помѣщичьихъ крестьянъ, потому что и они платили одинаковыя подати (подушную) и повинности (земскія) съ казенными крестьянами.

Вотъ какимъ образомъ очутились у удѣла тѣ лишніе милліоны десятинъ, изъ которыхъ потомъ онъ получилъ 2.755 тыс. десятинъ единственнаго владѣнія путемъ размежеванія. Но тутъ, однако, является другой вопросъ. Если удѣлъ получалъ отъ казны только дополнительные нарѣзки до 15-ти и 8-ми-десятинной нормы крестьянскаго надѣла, то какъ могли очутиться эти нарѣзки не у крестьянъ, а у удѣла, въ числѣ его оброчныхъ статей? Подробности этого вопроса полны также глубокаго интереса. Удѣлъ, проявляя столь замѣчательное упорство въ ходатайствахъ о надѣленіи своихъ крестьянъ до 15-ти и 8-ми-десятинной нормы, въ дѣйствительности только прикрывался столь похвальными заботами о своихъ крестьянахъ. На самомъ дѣлѣ онъ не только не отдавалъ полученныя отъ казны земли въ дополнительный надѣлъ своимъ крестьянамъ, но уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ началъ изыскивать способы къ сокращенію даже суще-

ствующихъ крестьянскихъ надѣловъ, отрѣзки отъ которыхъ, какъ и казенныя земли, обращалъ въ свои оброчныя статьи. И въ этомъ отношеніи онъ проявилъ неменьшую настойчивость и искусство, чѣмъ и въ эксплуатированіи казны.

II.

Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ описанію любопытнаго способа обираянія удѣломъ своихъ крестьянъ, мы въ цѣляхъ послѣдовательности закончимъ описаніе способовъ эксплуатированія казны еще однимъ, которымъ удѣлъ стѣмѣлъ отхватить отъ казны болѣе милліона десятинъ. Онъ состоялъ въ обмѣнѣ удѣльныхъ имѣній на казенныя. Удѣлъ, оказывается, зорко слѣдилъ за казенными землями не только оброчными и незаселенными, но также и заселенными. На болѣе богатыхъ изъ нихъ онъ вскорѣ же и открылъ свой походъ. Для этого онъ прежде всего добился въ 1810 г. изданія закона, по которому возможенъ былъ обмѣнъ удѣльныхъ крестьянъ на казенныхъ, хотя это и противорѣчило общимъ законамъ, по которымъ, съ воцаренія Александра I-го, воспрещалась передача или обмѣнъ казенныхъ крестьянъ, какъ принадлежащихъ къ свободному сословію, на крестьянъ крѣпостныхъ. Удѣльные крестьяне были тѣ же крѣпостные. Затѣмъ, въ видѣ опыта производится обмѣнъ 197 удѣльныхъ крестьянъ изъ тогдашнихъ малороссійской и новороссійской губерній на такое же число казенныхъ крестьянъ воронежской губ. Мотивировался этотъ обмѣнъ желаніемъ удѣла соединить въ крупныя селенія „разбѣянные самонадѣльными частями отъ 12-ти до 4 и до 1 души“. Дѣйствительная же поделка была иная. Прежде всего, воронежскіе крестьяне имѣли большіе противъ малороссійскихъ и новороссійскихъ крестьянъ земельные надѣлы; во-вторыхъ, были богаче ихъ и, какъ результатъ этого, платили казнѣ больше оброчной подати, чѣмъ оброковъ удѣльные крестьяне своему удѣлу. О разницѣ этихъ платежей можно было судить хотя бы по окладамъ за 1800 г. удѣльныхъ крестьянъ, съ одной стороны, въ малороссійской и новороссійской губерніяхъ, гдѣ оброкъ взимался по 3-му классу и всего 2 р. 4 к. асс. съ души, съ другой — по воронежской губ., которая была причислена къ 1-му классу, съ окладомъ въ 5 р. 10 к. Слѣдовательно, разница въ платежахъ съ 1 ревиз. души достигала 3 руб.

Отъ этого незначительнаго, но, какъ видимъ, не безвыгоднаго опыта, въ концѣ 20-хъ годовъ удѣлъ рѣшилъ перейти къ обмѣну въ широкихъ размѣрахъ. Предполагалось, вмѣсто 36 губерній, въ которыхъ были разбросаны удѣльныя имѣнія, избрать всего 11 наиболѣе промышленныхъ и богатыхъ губерній, а именно промышленнаго района:

московскую, владимірскую и петербургскую губерніи и остальные 8 губерній приволжскихъ и прикамскихъ, и здѣсь сосредоточить всѣ удѣльныя имѣнія.

При размѣнѣ „должно принимать не число душъ,—писалъ удѣль,— а количество платимаго крестьянами по классамъ губерній оброка, чтобы казна отъ вымѣниваемыхъ удѣльныхъ крестьянъ получила тотъ же доходъ, какого лишится она съ уступкою казенныхъ“. Для удѣла, какъ видимъ, интересы казны были на первомъ мѣстѣ! А гдѣ они обазывались въ дѣйствительности, мы отчасти уже видѣли, да и сейчасъ увидимъ. Вѣроятно, для соблюденія все тѣхъ же интересовъ казны, къ вышеприведенному условію добавлялось еще, что „имѣнія переходили со всѣми землями, лѣсами, оброчными статьями и прочими угодьями, какими каждое изъ нихъ владѣло“, и притомъ — „въ какомъ бы количествѣ тѣ и другія ни заключались“. Такъ какъ удѣльныя имѣнія были малоземельныя, въ большинствѣ губерній въ нихъ почти совсѣмъ не было лѣсовъ, вымѣнивать же ихъ предполагали на казенныя многоземельныя имѣнія лѣсныхъ губерній, гдѣ у крестьянъ съ казною въ большинствѣ случаевъ земли были даже не размежеваны, то очевидно, что и это условіе клонилось только къ вашему обезпеченію интересовъ казны. „Планъ размѣна“ и эти условія наконецъ были утверждены высочайшею властью 27 января 1830 года.

Такимъ образомъ, постановлено мѣняться не по количеству людей или земли, а по доходу имѣній. Въ казнѣ этотъ доходъ опредѣлялся оброчною податью, каждое повышение или измѣненіе которой опредѣлялось законодательною властью. И въ удѣлѣ почти до послѣдняго времени оброкъ съ подраздѣленіемъ губерній на классы въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствовалъ той же казенной оброчной подати, и также одновременно съ нею утверждался законодательною властью. Исключенія въ сторону увеличенія оброка были рѣдки. Только съ 1823 года удѣльный оброкъ былъ повышенъ безъ одновременнаго повышения оброчной подати у государственныхъ крестьянъ. Однако, еслибы доходъ казны и удѣла опредѣлялся даже и этими нѣсколько неравными окладами казенной оброчной подати (послѣднее повышение которой было въ 1812 г.) и удѣльными оброками (послѣднее увеличеніе было въ 1823 г.), то интересы казны хотя бы и пострадали, но не чрезвычайно. Но удѣль начиналъ всю эту кампанію „обмѣна“ съ мыслью о болѣе серьезныхъ приобрѣтеніяхъ. Съ этою цѣлью одновременно онъ задумываетъ ввести въ своихъ имѣніяхъ податную реформу, по которой душевой сборъ оброка замѣнялся бы поземельно-доходнымъ. Официальный мотивъ этой реформы былъ—достиженіе большей справедливости и равномѣрности въ обложеніи крестьянъ,—а настоящій мотивъ заключался, конечно, въ повышеніи оброчнаго дохода.

Это повышеніе, въ виду задуманнаго обмѣна крестьянами, имѣло двоякое значеніе: съ одной стороны, увеличивался доходъ, съ другой, чрезъ повышеніе оцѣнки своего имѣнія удѣль получалъ при обмѣнѣ отъ казны больше, чѣмъ давалъ самъ: мѣнялись не по числу крестьянъ или количеству земли, а по доходу, который удѣль теперь произвольно поднималъ настолько, насколько хотѣлъ самъ. Предѣловъ тутъ не было никакихъ. Итакъ, подъ видомъ справедливости задуманъ новый походъ на казну, который, если бы онъ удался въ полной мѣрѣ, далъ бы удѣлу громадное количество казенной земли. Пока же было разрѣшено вымѣнять ему одну симбирскую губернію на свои мелкіе клочки, разбросанные въ 18 губерніяхъ. Однако и здѣсь ему удалось получить отъ казны 2 милл. 711 тыс. дес. земли вза-мѣнъ своихъ только 745 тыс. дес. единственнаго владѣнія, т.-е. едва не вчетверо болѣе. Если къ этимъ 745 тыс. дес. причислить полностью даже и 873 тыс. дес., которыя считались въ общемъ владѣніи удѣла съ казною, и которыя удѣль при обмѣнѣ считалъ уже за свою собственность, то и тогда окажется, что отъ одного симбирскаго обмѣна получено имъ лишнихъ болѣе милліона десятинъ земли (1.093 тыс. дес.); вѣрнѣе же всего, что имъ получено болѣе 1½ милл. десят. (если изъ 873 тыс. дес. общаго владѣнія на долю удѣла принять половину). Здѣсь обирали казну безъ всякаго зазрѣнія совѣсти; мѣнялись хотя и по доходу, но въ дѣйствительности было далеко не такъ. Самъ удѣль замѣчаетъ: „въ дѣйствительности доходъ съ лѣсовъ почти вовсе не былъ принятъ въ расчетъ; а) казенныхъ лѣсовъ въ симбирской губ. числилось 860 тыс. дес., удѣльныхъ же по 18 губерніямъ только 213 тыс. дес.“ („Истор. уд.“, т. I, стр. 220). Да развѣ и можно было сравнивать только числившіеся на бумагѣ у удѣла лѣса какой-нибудь черниговской, харьковской, тульской, калужской, орловской, курской и прочихъ губерній—съ богатыми еще тогда лѣсами симбирской губ., среди которыхъ были корабельныя роши! Однако, удѣль не удовольствовался и этимъ; при расчетѣ оказывалось, что даже только-что повышенная доходность удѣльныхъ имѣній въ 18 губерніяхъ давала казнѣ оброка всего 1.856 тыс. дес., тогда какъ отъ казны удѣлу переходило оброчныхъ податей (даже по старымъ окладамъ 1812 г.) и оброчныхъ статей на 2.206 тыс. руб., т.-е. на 350 тыс. р. болѣе. Эту сумму предстояло удѣлу ежегодно доплачивать казнѣ, но онъ сумѣлъ избѣжать и этого. Онъ доказалъ казнѣ, что она отъ удѣльныхъ крестьянъ, при нарѣзкѣ имъ дополнительныхъ надѣловъ, можетъ получать оброчныхъ податей больше того, что получалъ отъ нихъ онъ самъ на 266 тыс. руб.; и если ужъ доплачивать, то онъ согласенъ только недостающіе до 350 тыс. руб. всего 85 тыс. руб., но и на это онъ предлагалъ новый обмѣнъ крестьянами. Это новое

и столь безцеремонное покушеніе удѣла на интересы казны истощило терпѣніе казеннаго вѣдомства, и оно въ лицѣ только-что назначеннаго тогда министромъ государственныхъ имуществъ графа Киселева отказалось отъ обмѣна крестьянъ на 85 тыс. руб., а 266 тыс. руб. такъ и остались въ пользу удѣла. Графъ Киселевъ добился высочайшаго указа о томъ, чтобы съ этого времени были прекращены вообще всякіе обмѣны удѣла съ казной, намѣченные „планомъ размѣна“ 1830 г.

Для характеристики отношеній удѣла къ казнѣ не мѣшаетъ упомянуть здѣсь о томъ, что предъ симбирскимъ обмѣномъ удѣлъ въ 1829 г. проектировалъ получить отъ казны всѣ земли и государственныхъ крестьянъ симбирской губ. совершенно бесплатно и безъ всякаго обмѣна на своихъ крестьянъ; но этотъ планъ, послѣ замѣчанія министра финансовъ, что при такой экспроприаціи казна лишится ежегоднаго дохода болѣе чѣмъ на 1½ милл. руб., не удостоился высочайшаго утвержденія.

III.

Теперь перейдемъ къ приобрѣтенію, или, вѣрнѣе, отнятію удѣломъ земли у своихъ же собственныхъ крестьянъ. Отнятие земли у своихъ крестьянъ, — скажутъ, — это какая-то нелѣпость, хозяйственная несообразность: вѣдь въ прежнее время удѣльные крестьяне могли приносить доходъ удѣлу только обработкой земли; и чѣмъ больше этой земли у нихъ было, тѣмъ въ большей степени могли быть использованы физическія силы крестьянъ и, слѣдовательно, больше дохода могъ получить удѣлъ, и обратно. Да, наконецъ, кто же тогда, кромѣ крестьянъ, могъ обрабатывать эту землю?

Дѣло въ томъ, что удѣльные крестьяне, какъ бывшіе государственные, считали земли, съ которыми они перешли къ удѣлу, своими. Да такой взглядъ на землю, какъ на свою крестьянскую, былъ общимъ не у однихъ государственныхъ или удѣльныхъ крестьянъ; онъ былъ распространенъ и среди помѣщичьихъ крестьянъ, въ особенности среди тѣхъ, которые еще помнили свое свободное состояніе въ качествѣ государственныхъ или казенныхъ крестьянъ. Въ началѣ XIX-го столѣтія, вѣроятно, было много еще въ живыхъ изъ тѣхъ крестьянъ, которые раздавались помѣщикамъ императрицею Еватериною II (всего ею роздано болѣе 400 тыс. рев. муж. душъ), Петромъ III-мъ (около 40 тыс. рев. муж. душъ) и даже Елизаветою Петровною (болѣе 14 тыс. рев. муж. душъ). Помѣщичьи же крестьяне (около 265 тыс. рев. душъ) Павловскихъ раздачъ, вѣроятно, были живы почти всѣ. Крестьяне

говорили: „люди барскіе, а земли крестьянскія“. Этотъ взглядъ получалъ нѣкоторое основаніе и въ томъ, что при Екатеринѣ II и Павлѣ I помѣстья раздавались по числу крестьянскихъ душъ или цѣлыхъ деревень, а не по земельной площади, которая въ большинствѣ была и необмежевана у отдѣльныхъ селеній. Жаловалось столько-то душъ, а не десятинъ.

Во время полного господства крѣпостного права взгляды крестьянъ на землю, какъ на свою, не могли безпокоить душевладѣльцевъ; съ одной стороны, послѣдніе чувствовали себя еще слишкомъ сильными, а съ другой—такое убѣжденіе крестьянъ дѣлало ихъ самыми вѣрными и безкорыстными стражами помѣщичьей земли. Такіе стражи скорѣе сами захватывали чужія земли, чѣмъ упускали помѣщичьи, которыя считали своими.

Съ теченіемъ времени, особенно же послѣ декабристовъ, взглядъ на крѣпостныхъ, какъ на священную собственность помѣщика, сталъ сильно колебаться въ русскомъ обществѣ, и мысль о скоромъ концѣ крѣпостного права пріобрѣтала себѣ adeptовъ среди здравыхъ членовъ общества, далеко не принадлежавшихъ къ идеалистамъ и идейнымъ противникамъ рабства. Для многихъ и не сторонниковъ эмансипаціи становилось яснымъ, что „не все будетъ коту масляница, а придетъ и великій постъ“. Чтобы избѣжать этого поста, нѣкоторые еще задолго до слуховъ о приступѣ къ реформѣ начали проявлять свое „человѣколюбіе“, освобождая крѣпостныхъ безъ земли; другіе переводили крестьянъ съ хорошихъ земель на худшія и почти всѣ, когда началась реформа, уменьшали надѣлы у своихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Удѣльное вѣдомство, какъ имѣвшее непосредственныя связи и руководимое самыми верхами нашей политики, должно было чувствовать сильнѣе помѣщиковъ и понять скорѣе ихъ близость конца крѣпостной драмы. Вотъ почему оно съ первыхъ же годовъ своего существованія дѣятельно заботится о приумноженіи именно земель, а не крестьянъ. О землѣ оно ходатайствовало безсчетное число разъ, а о прибавкѣ крестьянъ только разъ—въ 1834 г. (о симбирской губ.). Точно также хотя всѣ ходатайства удѣла о землѣ мотивировались необходимостью увеличенія надѣла крестьянъ, эти послѣдніе не получали дополнительныхъ надѣловъ; а получаемыя удѣломъ казенныя земли поступали въ число его оброчныхъ статей, которыми пользовались хотя тѣ же крестьяне, но за особую арендную плату.

Благодаря этому и произошло то, что удѣлъ, получивъ безвозмездно разными способами отъ казны около 6 милл. дес., кромѣ 4,2 милл. дес. первоначальныхъ, въ единственное владѣніе, при отпускѣ крестьянъ на волю уступилъ имъ въ надѣлъ, и притомъ за выкупъ и на тяжелыхъ банковыхъ условіяхъ, только то, что у нихъ предъ этимъ было

въ пользованіи за оброчную плату 3.983 тыс. дес., т.-е. менѣе даже того, что отведено было удѣлу при его учрежденіи. Между тѣмъ, крестьянъ вначалѣ удѣлу было выдѣлено 463¹/₂ тыс. рев. душъ, а освобождалъ онъ уже болѣе 825 тыс. рев. душъ. Если при началѣ удѣльные крестьяне имѣли душевые надѣлы почти въ 11 дес., то при выходѣ на волю по уставнымъ грамотамъ—всего 4,78 дес.

Несмотря на категорическое заявленіе закона 5 апрѣля 1797 г., что „имѣнія на удѣлы опредѣленные, выходя изъ класса имѣній государственныхъ, *хотя въ число помѣщичьихъ не поступаятъ*, и названіе имѣють удѣльныхъ“ (ст. 5), но удѣльное вѣдомство уже давно начало смотрѣть на нихъ, какъ на помѣщичью или частную собственность; поэтому оно рѣшительно вступило въ борьбу со взглядомъ крестьянъ на надѣльные земли, какъ на крестьянскую собственность. Задумавъ въ концѣ 20-хъ годовъ реформу оброчной платы (съ подушнаго сбора на поземельный) въ цѣляхъ, съ одной стороны, прямого повышенія оброковъ, съ другой—для новаго пріобрѣтенія земли при обмѣнѣ съ казною крестьянъ, удѣлъ считалъ, что введеніемъ поземельнаго сбора „всего важнѣе было уничтожить ошибочное представленіе крестьянъ, будто бы угодыя, находившіяся въ ихъ пользованіи, составляли ихъ собственность“ („Ист. уд.“, т. II, стр. 126).

Рѣшено было подушный сборъ оброка обратить „для равномѣрнаго и справедливаго обложенія“ въ поземельно-подоходный. Мысль прекрасная. Она была подсказана еще и въ самомъ законѣ объ удѣлахъ (стр. 116). Но выполненіе ея говорить уже о другихъ намѣреніяхъ. Сущность новой податной системы заключалась въ слѣдующемъ: земля каждаго селенія дѣлилась на тягловые и полутягловые участки, примѣнительно къ наличному населенію, причеиъ получалось не болѣе 10 дес. на тягло (кромѣ усадьбы и выгона), въ малоземельныхъ же селеніяхъ даже и до 1 дес.; въ тяглѣ заключалось двѣ рев. муж. души. Послѣ такого раздѣла на тягла, если являлась излишняя земля, она отрѣзывалась и составляла оброчную статью удѣла. За коренные тягловые участки оброкъ опредѣлялся по слѣдующему произвольному расчету, который былъ найденъ, будто бы, какими-то „извѣстнѣйшими экономическими писателями“: „Доходъ съ земельного участка раздѣляется на 5 частей, изъ которыхъ одна предоставляется арендатору или крестьянину, какъ процентъ на затраченный капиталъ, двѣ части предоставляются имъ же, какъ плата за трудъ, обезпечивающій содержаніе ихъ семей, а оставшіяся ²/₅ части валоваго дохода составляютъ долю владѣльца земли, изъ которой должны быть выплачиваемы всѣ государственныя и земскія повинности“ (ibid., т. II, стр. 103). Вся суть системы заключалась, конечно, не въ этихъ курьезныхъ доляхъ участія въ доходѣ, а въ опредѣленіи самого дохода. Для этого

по инструкціи требовались громадныя статистическія работы, точныя свѣдѣнія о количествѣ земли, о средних урожаяхъ разныхъ хлѣбовъ и цѣнъ на нихъ за цѣлыя десять послѣднихъ лѣтъ и пр. На дѣлѣ же вся эта работа свелась на подтасовку цифръ. Работу „изслѣдованій“ на мѣстахъ удѣль произвелъ въ теченіе какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ и притомъ всего чрезъ одного своего департаментскаго чиновника! Этотъ первый и знаменитый русскій статистикъ (Коваленскій) лѣтомъ 1830 г. побывалъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ удѣльнаго казанскаго имѣнія и на основаніи собранныхъ имъ какихъ-то свѣдѣній опредѣлилъ, что средняя или обычная валовая доходность всякаго тягла (2 рев. души) вездѣ должна равняться 75 рублямъ, $\frac{2}{3}$ которыхъ, или 30 руб., должны идти на подати. Любопытенъ самый порядокъ этого „изслѣдованія“. „Коваленскій для начала выбиралъ въ каждомъ приказѣ селеніе малоземельное и подробнымъ разборомъ всѣхъ источниковъ его дохода доказывалъ крестьянамъ, что, несмотря на ихъ малоземелье, существовавшій окладъ подати нисколько для нихъ не отяготителенъ. Послѣ этого Коваленскій переходилъ къ другимъ селеніямъ, и если оказывалось, что доходъ съ состоявшихся въ ихъ пользованіи земель, по принятой оцѣнкѣ, превышаетъ 75 руб., онъ назначалъ часть земли къ отрѣзкѣ, предлагая предварительно крестьянамъ „взять ее въ пользованіе изъ платежа оброка“ (ibid., т. II, стр. 104). На основаніи такихъ-то „изслѣдованій“ сумма 75 руб. и была принята за норму доходности тягла и не въ одномъ казанскомъ имѣніи, но и во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ 36-ти губерній. Мѣстныя удѣльныя власти должны были по количеству земли, среднимъ цѣнамъ на хлѣбъ и урожаямъ опредѣлять дѣйствительный доходъ тягла въ каждомъ селеніи. Если онъ оказывался выше этихъ 75 руб., то у селенія соотвѣтственная часть земли отрѣзывалась, если же меньше—чиновники должны были подгонять цифры урожаявъ и цѣнъ такъ, чтобы получалось именно 75 руб. Въ инструкціи говорилось только о повышеніи налога, но ничего о пониженіи.

Эта двойственная система давала возможность удѣлу пользоваться подоходнымъ и подушнымъ обложеніемъ произвольно, смотря по тому, когда и что выгоднѣе. Объявивъ, что крестьяне „обладаются податами не по числу душъ, но по количеству и добротѣ земли“, и произведя въ 1831—33 годахъ первый опытъ своего „поземельнаго“ налога, удѣль уже въ 1834 г., послѣ восьмой ревизіи задумалъ воспользоваться и прибылыми душами для увеличенія своихъ оброковъ, что, очевидно, уже не вязалось съ подоходною системою, гдѣ принимаются во вниманіе только „количество и доброта земли“. Теперь для опредѣленія доходности предписано было взять хлѣбныя цѣны десятилѣтія 1822—1831 гг., когда онѣ были очень высоки, отчего только-что вы-

численная доходность вновь чрезвычайно повышалась („почти вдвое“). По принятой системѣ, она, однако, должна была оставаться постоянной, 75 руб. на тягло, а измѣняться долженъ былъ земельный надѣлъ. Такимъ образомъ, предстояло новое уменьшеніе крестьянскаго надѣла, которое въ натурѣ, конечно, не производилось, а замѣнялось прибавкой арендной платы къ коренному налогу за излишнія тягловыя земли. Населеніе, конечно, не разбиралось, за что оно платитъ. Новую прибавку оно считало прибавкой все къ той же подати — оброку, и такъ какъ въ окладъ включались всѣ прибыли души, то и подати эти считало не поземельными, а подушными. Въ окладныхъ же книгахъ крестьянскій надѣлъ уменьшался, прибавлялось число душъ и увеличивалась арендная сумма.

Прибылыми душами удѣлъ захотѣлъ воспользоваться и послѣ 9-й ревизіи, въ 1850 г., но теперь онъ встрѣтился со слѣдующимъ затрудненіемъ: теперь цѣны послѣдняго десятилѣтія давали доходъ значительно ниже прежняго, и, слѣдовательно, предстояло или сбавлять оброки, или прибавлять крестьянамъ земли. Но ни того, ни другого инструкціи, разумѣется, не допускали. Переписка объ этомъ управляющихъ имѣніями съ департаментами обнаруживаетъ всю комедію этого знаменитаго удѣльнаго кадастра. „Средняя цѣна ржи за истекшее десятилѣтіе,—писалъ управляющій вятскимъ имѣніемъ,—оказалась ниже той, какая принята при исчисленіи поземельнаго сбора по душамъ 8-й ревизіи, отчего оклады должны значительно уменьшиться“; потому онъ предположилъ, согласно правиламъ 1834 г., „повысить доходъ съ десятины ржи соразмѣрно обнаруженному переписью приросту населенія“. Нижегородскій управляющій Даль (извѣстный писатель) уже совсѣмъ откровенно писалъ, что „при первоначальномъ введеніи въ нижегородскомъ имѣніи поземельнаго сбора и при послѣдующемъ его измѣненіи, управляющіе, производя оцѣнку земли поступали прямо обратно тому, что предписывалось правилами. Заравнѣе было принято, что тягловый участокъ, при данномъ количествѣ земли, непременно долженъ былъ приносить 75 руб. дохода, ²/₃ котораго должны были быть обращены въ подати, и уже послѣ и соотвѣтственно этому назначались мнимый урожай зерна и мнимая его цѣна“ (ibid., т. II, стр. 125). А такъ какъ, по его мнѣнію, и вынѣ „нѣтъ никакихъ основаній предполагать“, чтобы была принята другая система, то онъ предлагалъ „вмѣсто производства сложныхъ вычислений прямо обложить прибылыя тягла существовавшимъ окладомъ“ Многие и другіе управляющіе понимали дѣло также, но откровенничать боялись. Удѣлъ согласился съ предложеніемъ Дали только по отношенію малоземельныхъ и захудалыхъ селеній, гдѣ отъ правильной оцѣнки тяглого дохода могло произойти уменьшеніе доходно-

сти. А въ прочихъ селеніяхъ оставалась прежняя система. И въ общемъ, разумѣется, оброки снова увеличились и, притомъ, значительно. Въ самомъ дѣлѣ, до реформы удѣль получали въ 1830 г. подушнаго оброка 1.460 т. р.; послѣ реформы—сначала 1.725 т. р., еще черезъ годъ—уже 1875 т., а когда вторая прибавка закончилась, то въ 1842 г.—уже 2.275 т. р.; наконецъ, послѣ 50-хъ годовъ, поземельный и подушный налогъ достигалъ уже 2.850 т. руб. И такъ какъ, по словамъ самого удѣла, эта система вводилась не для одного уравненія крестьянъ въ платежахъ, но *„также и для сокращенія крестьянскаго надѣла и для увеличенія общей суммы платежей“* (ib., т. II, стр. 110), то эта реформа дала удѣлу значительное приращеніе оброчныхъ земельныхъ статей и даже въ малоземельныхъ селеніяхъ. Такъ уже послѣ перваго же опыта реформы въ московскомъ имѣніи, въ дер. Ногаткиной, изъ прежняго надѣла 120 дес. пашни отрѣзаны, какъ лишнія, 113 дес., въ дер. Новинкахъ изъ 111 дес. отрѣзано 87 дес., въ дер. Кожуховѣ изъ 219 дес.—57 дес. и т. д. Въ многоземельныхъ губерніяхъ эти отрѣзки были массовыя; такъ въ саратовской губ. изъ всѣхъ 125 тыс. дес. крестьянскихъ надѣловъ отрѣзано болѣе половины (65 тыс. дес.), которыя и сданы въ аренду. Благодаря этому, здѣсь доходъ удѣла со 100 тыс. руб. поднялся до 240 тыс. руб. въ годъ; изъ нихъ 130 тыс. руб. получены за отрѣзки, а 10 тыс. руб.—отъ увеличенія прежнихъ окладовъ. Въ нижегородскомъ имѣніи доходъ увеличился со 180 до 270 тыс. руб., причежъ 58 тыс. получились отъ однихъ только отрѣзковъ.

Разумѣется, отрѣзки въ натурѣ, какъ уже сказано было ранѣе, производились весьма рѣдко и то лишь въ многоземельныхъ имѣніяхъ; въ большинствѣ же случаевъ излишки шли въ надѣльнымъ душамъ, и это производилось самими общинами путемъ отрѣзковъ земли, безъ всякаго участія удѣла. А гдѣ и затѣмъ еще оставались излишки (противъ тягловой доходности въ 75 руб.), тамъ они поступали и опять безъ выдѣленія же въ натурѣ въ число оброчныхъ статей удѣла и сдавались тѣмъ же крестьянскимъ общинамъ въ аренду по расчету того же поземельнаго оброка. Эта аренда, платимая одновременно съ оброками, въ сущности не различалась крестьянами отъ оброка, и они не знали, какая часть находящейся у нихъ земли составляетъ надѣль и какая—оброчную статью. Прибавка къ оброку арендной платы ими считалась простымъ увеличеніемъ оброка. Понять хитросплетенную систему обложенія крестьяне, конечно, не могли. Только эмансипація съ выкупомъ и съ дѣйствительными отрѣзками земли въ натурѣ отъ крестьянскихъ надѣловъ раскрыла крестьянамъ глаза: то, что они считали своими надѣльными землями, удѣль считалъ своими оброчными землями. Только теперь,

когда начали у нихъ отрѣзывать искони принадлежавшія имъ земли, они начали протестовать, волиоваться, начали не принимать уставныхъ грамотъ,—но было уже поздно. И несмотря на это отрѣзыванье, удѣль съ гордостью могъ заявлять, что имъ отданы крестьянамъ „всѣ земли, состоящія въ пользованіи ихъ, за *исключеніемъ излишковъ противъ показанныхъ въ табеляхъ* поземельнаго сбора тягловыхъ и запасныхъ земель“. При хитроумной податной системѣ эти „излишки“ только и могли значиться въ податныхъ табеляхъ, но крестьяне о нихъ ничего не знали. Такимъ-то образомъ, удѣльные крестьяне и оказались одновременно и облагодѣтельствованными (получили „всю землю“!), и обдѣленными (не получили даже того, что имѣли равнѣ на вдвое меньшее число рев. душъ)!

IV.

Если удѣль сумѣлъ извлекать особыя выгоды косвенными путями даже изъ податнаго дѣла, которое и само по себѣ непосредственно служило ему главнымъ источникомъ дохода, то что же сказать про остальные стороны крестьянской жизни, которая находилась всецѣло въ его рукахъ? Помимо своего хозяйства, удѣль считалъ обязанностью вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь и своихъ крестьянъ. Только одно перечисленіе крестьянскихъ капиталовъ, образованныхъ имъ съ разными цѣлями, показываетъ, насколько широко было это вмѣшательство удѣла въ хозяйственную жизнь своихъ крестьянъ. Такъ, были образованы капиталы: 1) вспомогательный, изъ 251 тыс. руб., полученныхъ въ 1827 г. изъ казны въ возвратъ продовольственныхъ сборовъ съ удѣльныхъ крестьянъ; 2) штрафной, образовавшійся изъ штрафовъ за несвоевременный взносъ оброковъ и другихъ платежей, котораго уже къ 1829 г. было 328 тыс. руб.; 3) хлѣбный, образованный отъ продажи продовольственнаго хлѣба съ общественныхъ запасекъ, котораго къ 1833 г. было уже 2 милл. 489 тыс. руб.; наконецъ, капиталы 4) складочные, образованные сборомъ съ крестьянъ для помощи на случай экстренныхъ невзгодъ; къ 1865 г. наличность ихъ состояла изъ 146.987 руб.; 5) страховой къ 1865 г.—29.242 руб.; 6) пенсіонный—91.090 руб. (къ 1865 г.), и 7) банковые для устройства сельскихъ банковъ, которыхъ на лицо къ 1864 г.—времени сдачи удѣльныхъ крестьянъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ—было 104.455 руб. въ 129 сельскихъ банкахъ, и въ ссудахъ за крестьянами—848.764 руб.

Всѣ эти капиталы и все завѣдываніе разными отраслями хозяйственной жизни находилось, разумѣется, въ рукахъ удѣльной адми-

нистраціи и было, конечно, не безвыгодно не только для этой администраціи, но даже и для самого удѣла. Насколько это хозяйственное вмѣшательство въ крестьянскую жизнь было выгодно и для самого удѣла, мы представимъ вкратцѣ организацію общественныхъ запасекъ, устроенныхъ въ 1827 г., и сельскихъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ продовольственнымъ хлѣбомъ, который въ случаѣ неурожаевъ выдавался нуждающимся въ ссуду.

Эта продовольственная организація удѣла, основанная на принудительномъ трудѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ барщины, въ свое время надѣлала много шума. Удѣльныя общественныя запашки ставили примѣромъ, по которому желали перестроить систему продовольственной помощи и у государственныхъ крестьянъ; про нее вспоминали даже и въ недавнее пореформенное время крѣпостническіе элементы въ нѣкоторыхъ дворянскихъ земствахъ. Но эта гордость удѣла среди самихъ удѣльныхъ крестьянъ пользовалась такой ненавистью, что еще задолго предъ освобожденіемъ крестьянъ многіе управляющіе удѣльными имѣніями ходатайствовали прежде всего объ отиѣнѣ именно этой ненавистной всѣмъ общественной запашки. „Для предупрежденія опасности силою удерживать удѣльныхъ крестьянъ въ повиновеніи,—писалъ самарскій управляющій Рихтеръ,—было бы умѣстно открыть естественный исходъ сдерживаемому съ давнихъ поръ неудовольствію народа противъ запашекъ“. И онѣ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ были отиѣнены еще въ концѣ 50-хъ годовъ, въ другихъ—въ 60-мъ, а повсюду—съ 5 марта 1861 г.

Общественныя запашки устраивались вмѣсто обязательнаго продовольственнаго взноса 25 коп. на пополненіе хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Для нихъ въ каждомъ полѣ отрѣзывалась изъ крестьянскихъ пашень въ близкомъ разстояніи отъ селенія площадь въ размѣрѣ $\frac{1}{16}$ десят. въ многоземельныхъ и $\frac{1}{32}$ десят. въ малоземельныхъ селеніяхъ на каждую рев. душу. Это въ одномъ полѣ, а во всѣхъ— $\frac{3}{16}$ и $\frac{3}{32}$ десят. Для наблюденія за обработкой этихъ запашекъ нанимался особый смотритель, который, по значительной предоставленной ему власти, игралъ въ прежнее время громадную роль. Сборъ съ этихъ запашекъ поступалъ частью въ хлѣбозапасныя магазины, для выдачи ссудъ нуждающимся, а большая часть шла на продажу, и деньги обращались въ такъ-называемый хлѣбный капиталъ, изъ котораго брали на все—и на улучшеніе въ удѣльныхъ имѣніяхъ сельскаго хозяйства, и на школы и больницы, и на капиталы для учрежденія сельскихъ банковъ и для устройства образцовыхъ хозяйствъ и даже цѣлыхъ селеній (Царево-Николаевское село). Въ хлѣбозапасныя магазины отчислялось немного потому, что они въ большинствѣ случаевъ были полны, а полны были потому, что изъ нихъ нуждающіеся почти

совсѣмъ не брали ссудъ, потому что эти послѣднія, въ противоположность продовольственной помощи у государственныхъ крестьянъ, были не безпроцентны, а напротивъ, оплачивались огромнымъ процентомъ: $\frac{1}{2}$ гарнца на четверикъ ссуды, или $6\frac{1}{2}\%$.

Такимъ образомъ, общественная запашка съ барщинной обработкой служила къ накопленію такъ называемаго хлѣбнаго капитала. За все время существованія запашекъ, съ 1829 по 1861 г., отъ продажи хлѣба выручено, приблизительно, 14 милл. руб. сер. И вотъ распределение этихъ денегъ показываетъ, для чего собственно служили эти запашки. Наибольшая сумма изъ этого капитала, а именно, 6 милл. руб. издержано на администрацію. Вѣшенныя суммы получали нѣкоторые управляющіе изъ этихъ капиталовъ. Такъ, въ 1834 г. управляющій саратовскою конторою получилъ 11.018 руб., кромѣ своего жалованья, только за одно завѣдываніе запашками! Управляющій костромской конторой получилъ этого вознагражденія въ 1836 г.—19.000 руб., а въ 1837 г.—24.390 руб., и т. д. Такія награды показались даже и удѣлу чрезмѣрными, и онъ, въ видахъ уравниенія ихъ, измѣнилъ систему вознагражденія мѣстной администраціи и назначилъ его не изъ излишковъ отъ нормальнаго урожая, какъ прежде, а установилъ постоянные оклады: управляющему 5.800 руб. сер., помощнику 1.500 руб., столоначальнику 400 руб., его помощнику 250 руб., чиновнику, надзирающему за запашкой, 600 руб., приказному головѣ 300 руб., и смотрителю общ. запашки 150 руб. За послѣднія пять лѣтъ предъ отмѣной запашекъ общая сумма вознагражденій всѣхъ чиновъ составляла, въ среднемъ, 365 тыс. руб. въ годъ и распределялась такъ: смотрителя получали 86.200 руб., приказные головы 42.200 руб., чиновники удѣльн. конторы 120.200 руб., и чиновники департамента 116.700 руб.; словомъ, кто дальше стоялъ отъ дѣла, тотъ получалъ больше—и обратно.

Слѣдующій расходъ изъ 14 милл. руб. хлѣбнаго капитала—5 м. р. употреблены на уплату земскихъ денежныхъ сборовъ за тѣ селенія, гдѣ вмѣсто подушнаго оброка былъ введенъ поземельный и гдѣ платить эти сборы обязанъ былъ удѣль. Такимъ образомъ, и эти 5 милл. руб. были заплачены за удѣль же.

Слѣдующій расходъ изъ этого капитала будетъ 1 милл. 350 т. р., поступившіе уже непосредственно въ удѣль, въ видѣ 10-процентнаго налога, установленнаго имъ съ запашекъ, имѣвшихъ первоначальное назначеніе кормить голодныхъ.

Такимъ образомъ, изъ 14 милл. руб. затрачено 12 милл. 350 т. р. на удѣль или непосредственно, или косвенно, напр. въ уплату за него земскихъ сборовъ. Только остатокъ—1 милл. 650 руб.—израсходованъ на разныя полезныя для крестьянъ начинанія: 660 тыс. руб. на

земледѣльческое училище, а на остальные уже гроши—около 75 т. р. на улучшение крестьянскаго скотоводства, 72 тыс. руб. на улучшение матеріальнаго положенія чувашей въ симбирской губ., 200 тыс. руб. на устройство образцовыхъ усадебъ, около 100 тыс. руб. на общественные кирпичные заводы, 100 тыс. руб. на капиталъ для выдачи пособій крестьянамъ.

Все это израсходовано удѣломъ въ теченіе 32 лѣтъ—почти на 2-хъ-милліонное свое населеніе. Нынѣ нѣкоторыя земства,—напримѣръ, вятское,—затрачиваютъ для своего населенія на тѣ же отрасли хозяйства значительно большія суммы въ теченіе одного года. Таковы попеченія удѣла и полезныя его начинанія для своихъ крестьянъ, о чемъ такъ много говорилось въ прежнее время и за что удѣлъ выставлялся всегда какъ образецъ рачительнаго и добраго хозяина.

У.

Въ своей исторіи („Столѣтіе удѣловъ“) удѣлъ съ гордостью заявляетъ, что при эмансипаціи онъ отдалъ на выкупъ своимъ крестьянамъ не только все то, что слѣдовало имъ по положенію 26 іюня 1863 г. о землеустройствѣ и выкупѣ удѣльныхъ крестьянъ,—т.-е. всѣ тягловые надѣлы, площадь которыхъ къ тому времени ему удалось путемъ хитроумной податной системы довести уже до 3.353 тыс. дес., вмѣсто даже первоначально бывшихъ у удѣльныхъ крестьянъ въ надѣлѣ 4.126 тыс. дес. (причемъ тогда этотъ надѣлъ былъ на 463 тыс. ревиз. душъ, а теперь на 825 тыс. душъ), не говоря уже о позднѣйшихъ прирѣзкахъ отъ казны до 5 — 6 милл. дес.,—но онъ отдалъ будто бы на выкупъ и всѣ запасныя земли, находившіяся у крестьянъ въ арендѣ. Это доказываетъ удѣлъ тѣмъ, что крестьянамъ отдано на выкупъ всего 3.983 тыс. дес., тогда какъ тягловой земли было къ этому времени всего 3.353 тыс. дес. Для такого заявленія у удѣла совершенно не было основаній. Нужно ли говорить, что эти „благодѣянія“ были лишь цифровые фокусы?

Прежде всего нужно замѣтить, что выходъ удѣльныхъ крестьянъ на выкупъ, а главное—выдача уставныхъ грамотъ—сопровождались не только ропотомъ во всѣхъ имѣніяхъ, но и большими беспорядками въ имѣніяхъ саратовской, самарской и вятской губ., гдѣ для усмиренія приходилось прибѣгать къ войскамъ. Если бы крестьянамъ было выдано все, чѣмъ они до того пользовались, то очевидно, что для беспорядковъ не было бы причинъ. Не было же беспорядковъ въ 1858 г. при объявленіи крестьянъ свободными поселянами. Что причина этихъ беспорядковъ заключалась именно въ уставныхъ грамо-

тахъ, повидимому, сильно сокращавшихъ прежнее крестьянское землепользованіе, объ этомъ говорить и та боязнь, съ которой былъ опубликованъ законъ 26 іюня 1863 г. Закону этому слѣдовало бы появиться много ранѣе манифеста 19 февраля 1861 г., такъ какъ удѣльные крестьяне были освобождены еще въ декабрѣ 1858 г., и выкупъ ихъ земель не представлялъ тѣхъ трудностей, что было у помѣщичьихъ крестьянъ; между тѣмъ, этотъ законъ явился почти только чрезъ 2¹/₂ года, послѣ 19 февраля 1861 г., а за мѣсяць передъ его опубликованіемъ удѣлъ колебался, не отложить ли опубликованіе еще на годъ или болѣе. Удѣлъ говоритъ, что отъ крестьянскихъ надѣловъ отрѣзано всего только 70 тыс. дес., да 100 тыс. изъ-подъ общественныхъ запашекъ. Эти послѣднія земли считались самыми цѣнными, потому что были наиболѣе уважены и находились ближе другихъ къ селеніямъ.

Мы утверждаемъ, что количество отрѣзанной земли, находившейся подъ тѣмъ или инымъ видомъ (т.-е. тягловой или оброчной) въ пользованіи крестьянъ, было значительно больше 170 тыс. дес., признаваемыхъ и самимъ удѣломъ. Наше утвержденіе основывается на слѣдующихъ данныхъ. До начала реформы общая площадь оброчныхъ земельныхъ статей удѣла была невелика; даже въ 1860 г., до первыхъ отрѣзковъ (въ 1861 г.) земли изъ-подъ общественныхъ запашекъ, оброчныхъ земель было всего около 600 тыс. дес.; но уже чрезъ десять лѣтъ, въ 1870 г., эта площадь сразу достигла 1.633 тыс. дес., т.-е. едва не утроилась. Увеличилось и число рыбныхъ ловель на 200. Откуда же такое приращеніе? Казна уже давно не давала удѣлу оброчныхъ статей, а переданная въ 1861—1862 годахъ Важская область (1.600 тыс. дес.) состояла только изъ лѣсовъ (архангельской губ.).

Быстрое приращеніе своихъ оброчныхъ статей удѣлъ объясняетъ „покупкой, размежеваніемъ и расчистками изъ-подъ лѣса“. Но это не подтверждается отчетными данными. Купленныхъ за все десятилѣтіе 1861—1870 г. было только 245 тыс. дес., и изъ нихъ большая часть тоже лѣса. Размежеваніе (изъ общихъ съ казною владѣній) давало по преимуществу также лѣсную площадь, да и въ 60-хъ годахъ, по словамъ самого удѣла, размежеваніе энергично пошло только съ 1868 г., къ которому площадь оброчныхъ статей у удѣла составляла уже около 1 милл. дес. Говорить о серьезной прибыли оброчныхъ земель отъ расчистокъ и совсѣмъ не приходится. Прежде всего, отъ нихъ приростъ площади земельныхъ угодій слишкомъ малъ; за цѣлое двадцатилѣтіе съ 1840-го по 1860-ый годъ расчистки не дали даже и 30 тыс. дес. угодій, и это—при обязательномъ трудѣ крестьянъ. Въ пореформенное время, при измѣнившихся отношеніяхъ и дороговизнѣ свободнаго труда, расчистки могли и совсѣмъ сократиться. Если ко

всѣмъ этимъ соображеніямъ добавить, что послѣ десятилѣтія 1861—1870 гг., когда происходило и закончилось землеустройство удѣльныхъ крестьянъ, приростъ площади оброчныхъ земель удѣла снова и чрезвычайно упалъ, дойдя за все послѣдующее 25-ти-лѣтіе—съ 1871 по 1896 гг.—до 276 тыс. дес., т.-е. опять пошелъ таеъ же, какъ было и въ последнее 25-ти-лѣтіе предъ реформой, когда приростъ этотъ выражался въ 300 тыс. дес.,—то станетъ очевиднымъ, что изъ всего прироста въ 1.033 тыс. дес. за десятилѣтіе 1861—1870 гг., если не весь миллионъ, то значительно больше половины его удѣломъ отхвачено отъ земель, находившихся до того въ пользованіи крестьянъ. И произведено это, очевидно, подъ покровомъ пресловутой „поземельной“ системы оброковъ, которая до конца оставалась непонятной для крестьянъ. Тягловыя и оброчныя земли до самой эмансипаціи не находились въ отдѣльныхъ отрубкахъ; онѣ числились только по „окладнымъ вѣдомостямъ“ въ отдѣльныхъ графахъ; крестьяне же пользовались ими какъ общимъ *своимъ* надѣломъ, и только тогда поняли эти хитросплетенія, когда послѣ эмансипаціи у нихъ начали дѣлать отрубки отъ надѣловъ въ натурѣ. До какой степени удѣлъ не церемонился съ захватомъ крестьянскихъ земель, говорятъ не-единичные факты присвоенія имъ себѣ даже купчихъ крестьянскихъ земель. По закону удѣльные крестьяне могли покупать земли для себя только на имя удѣла. И вотъ теперь имъ приходилось уже чрезъ судъ оттягивать у удѣла свою собственность („Исторія удѣловъ“ т. I, стр. 665—666).

Нужно ли прибавлять, что всѣ лѣса, даже среди крестьянскихъ надѣловъ, за исключеніемъ мелкаго кустарника, всѣ земельныя оброчныя статьи, рыбныя ловли, базарныя площади, вѣсы и проч.—все это удѣлъ взялъ себѣ.

Свои благодѣянія для крестьянъ удѣлъ видитъ особенно въ пониженіи выкупной цѣны на землю. Въ среднемъ, она опредѣлилась въ 12 руб. 44 коп. за десятину. Противъ выкупной цѣны 14 р. 29 к. у государственныхъ крестьянъ 9-ти западныхъ губерній, вышедшихъ на выкупъ немного поздиѣ (въ 1867 г.),—это, пожалуй, будетъ и не особенно низкая цѣна, а противъ цѣны въ 15 р. 95 коп., опредѣленной чрезъ двадцать лѣтъ потомъ, при переходѣ въ 1887 г. на выкупъ остальныхъ государственныхъ крестьянъ въ Европейской Россіи, цѣна удѣльныхъ земель и совсѣмъ уже не низкая. Противъ выкупной цѣны помѣщичьихъ земель (27 руб. 3 коп.) удѣльныя цѣны, пожалуй, могутъ показаться и очень низкими, но, по нашему мнѣнію, выкупная операція помѣщичьихъ земель здѣсь не можетъ идти для сравненія. Теперь уже достаточно выяснено, да это открыто говорилось и въ главномъ выкупномъ учрежденіи еще въ 1881 г. (докладъ Абазы),

что помѣщики при продажѣ земли съумѣли выкупить и души. По разницѣ между выкупной цѣной и существовавшей въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ вольной продажѣ на земли, А. Лосницкій сдѣлалъ опытъ точнаго учета той премии, которую взяли помѣщики за выкупленные души. Цѣнность земель (безъ 9 западныхъ губерній) по выкупнымъ сдѣлкамъ опредѣляется въ 684 милл. руб., а по продажнымъ цѣнамъ въ тѣхъ же губерніяхъ въ 374 милл. руб.; слѣдовательно, излишекъ, составляющій не чтò иное, какъ выкупъ крестьянскихъ душъ, равняется 310 милл. руб.

Для повышенія цѣны на землю предъ выкупомъ удѣломъ были приняты всѣ мѣры. Для этого онъ воспользовался и послѣднею 10-ю ревизіею, чтобы снова повысить оброки съ своихъ крестьянъ. Предъ этимъ министромъ двора и удѣловъ сдѣлался графъ Муравьевъ, бывшій министръ государственныхъ имуществъ, который, по уходѣ отсюда графа Киселева, совсѣмъ измѣнилъ начатый имъ для уравниванія оброчной подати у государственныхъ крестьянъ кадастръ въ цѣляхъ одного фиска—для увеличенія обложенія. Сдѣлавшись министромъ удѣловъ, онъ рѣшилъ произвести подобный же кадастръ и здѣсь по той же системѣ и съ тою же цѣлью еще большаго увеличенія оброковъ удѣла. Въ основу было положено опредѣленіе чистаго дохода (прежде опредѣлялся только валовой) отъ земли на основаніи урожая ржи, цѣны ея и расходовъ производства; оброкъ предположенъ въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ части чистаго дохода. „Опредѣленная такимъ образомъ доля удѣловъ значительно превышала прежніе оброки удѣльныхъ крестьянъ. Такъ, въ симбирскомъ имѣніи сборъ съ крестьянъ повышался согласно новымъ оцѣнкамъ съ 3 р. 65 к. до 6 р. 58 к. съ души; въ самарскомъ—съ 3 р. 72 к. до 4 руб. 7 к.; въ сызранскомъ—съ 3 руб. 69 коп. до 7 р. 12 к.; въ красносельскомъ имѣніи прежніе оброки колебались по приказамъ между 5 р. 18 к. и 7 р. 96 к., а новыя—между 9 р. 78 коп. и 12 р. 70 к. с. на душу. Въ виду столь значительнаго повышенія платежа, принято было увеличивать старыя оклады не сразу, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ“ (ibid., т. II, стр. 137).

Въ дальнѣйшемъ, опредѣленіе выкупной суммы за удѣльные земли производилось такъ же, какъ и у помѣщиковъ чрезъ капитализацію изъ 6% оброка крестьянъ. Такимъ образомъ, удѣлъ сдѣлалъ все, чтобы, не забывая своихъ интересовъ, не сбить цѣну и для помѣщичьихъ земель. И если, тѣмъ не менѣе, эти послѣдніе, кромѣ „справедливой“ цѣны на землю, вытребовали себѣ еще уплату и за крестьянскія души, поднявъ въ общей сложности выкупную цѣну земли до 27 руб. 3 коп. за десятину, то въ этомъ, разумѣется, челолюбіе удѣла было совершенно не повинно. Ему нельзя уже было послѣ только-что произведеннаго кадастра и „значительнаго повышенія“

оброка снова повышать его и даже больше чѣмъ вдвое; нельзя было хотя бы уже потому, что отчетность объ удѣльныхъ оброкахъ и вообще доходахъ не составляла, какъ у помѣщиковъ, тайны, а иногда публиковалась даже въ печати.

Что при выкупѣ удѣлъ не проявилъ какой-либо слабости, не говоря уже о челоуѣколюбіи, на это указываетъ и опредѣленіе выкупного платежа. Какъ и у помѣщичьихъ крестьянъ, уплата выкупного долга распредѣлялась на 49 лѣтъ, причемъ на—каждые 100 руб. долга платилось ежегодно 6 руб.; но помѣщики, получивъ выкупной долгъ свидѣтельствами, изъ этихъ 6 руб. получали лишь 5 руб., и только около четверти процентныхъ выкупныхъ бумагъ (рента стараго образца, „письма“) давали $5\frac{1}{2}\%$. Удѣлъ же взялъ себѣ все изъ этихъ 6 руб., предоставивъ казнѣ бесплатныя хлопоты по взиманію съ крестьянъ выкупныхъ платежей и недоимки по нимъ. Удѣлъ, не желая терять на процентныхъ бумагахъ, вслѣдствіе колебанія ихъ курса, рѣшилъ получать выкупной долгъ изъ казны не въ разъ, а ежегодно деньгами въ той суммѣ (3.074 тыс. руб.), какую онъ получалъ въ видѣ оброка съ крестьянъ (2.920 тыс. руб. собственно съ удѣльныхъ и 154 тыс. р. съ крестьянъ государевыхъ и дворцовыхъ). При выкупной операціи помѣщичьихъ крестьянъ изъ каждыхъ 6 руб. выкупного платежа по сложнымъ процентамъ на погашеніе отчислялось только $\frac{1}{2}$ руб.; остальные $\frac{1}{2}$ рубля шли на содержаніе главнаго выкупного учрежденія и на составленіе запаснаго капитала. При выкупѣ удѣльныхъ земель никакого выкупнаго учрежденія не было, казнѣ за посредничество также ничего не платилось; не было и самаго займа, по которому бы приходилось платить 5% интереса, и тѣмъ не менѣе съ крестьянъ взыскивались съ каждой сотни руб. долга всѣ 6 руб. Если здѣсь не было расходовъ на выкупное управленіе, какъ у помѣщичьихъ крестьянъ въ выкупѣ, то, слѣдовательно, здѣсь на погашеніе шло не $\frac{1}{2}$ руб. изъ 6 руб., а весь рубль. Тогда получаютъ совсѣмъ другіе результаты. Весь выкупной долгъ удѣльныхъ крестьянъ составлялъ 51.231 тыс. руб., который при уплатѣ 5% интереса и 1% погашенія уплачивается—по банковымъ правиламъ—не въ 49 лѣтъ, а всего въ 37, причемъ крестьянамъ, а за нихъ казнѣ, пришлось бы въ этомъ случаѣ переплатить удѣлу не 150,6 милл. руб., а всего 113,2 милл., т.-е. на 37,4 милл. руб. менѣе. Слѣдовательно, уже теперь съ удѣла слѣдуетъ вернуть болѣе 10 милл. руб. И это еще при ростовщическомъ ростѣ на капиталъ 5% . Съ 1891 г. у насъ 5-ти и $5\frac{1}{2}$ -процентныя бумаги конвертированы въ 4-хъ-процентную ренту; такимъ образомъ, уплату долга нужно считать съ этого времени уже по расчету 4% интереса и 2% погашенія, а это еще больше сократить срокъ уплаты, а слѣдовательно и самую сумму выкупныхъ пла-

тежей. Такіе расчеты удѣла мало вяжутся не только съ человѣколюбіемъ, но даже съ простой справедливостью. Чтобы составить себѣ капиталъ (62 милл. руб.), который, по окончаніи выкупного срока, могъ бы процентами своими давать удѣлу опять тотъ же непрерывный ежегодный доходъ въ 2.920 тыс. руб., ему приходится изъ всей суммы выкупныхъ платежей ежегодно отчислять и класть въ банкъ изъ сложныхъ процентовъ всего только $\frac{1}{10}$ часть годовой суммы выкупныхъ платежей, т.-е. всего 292 тыс. руб.

Нѣкоторые помѣщики были недовольны эмансипаціей. Могъ ли быть доволенъ ею удѣлъ? Что касается оброка съ крестьянъ, то онъ сдѣлалъ его непрерывнымъ на вѣчное время. Благодаря же эмансипаціи, и размещенію съ крестьянами, ему удалось площадь своихъ оброчныхъ земельныхъ статей увеличить на счетъ крестьянъ почти втрое. Это обстоятельство, а также и то, что уменьшилось у удѣльныхъ крестьянъ количество земельныхъ надѣловъ—все это было причиной, что доходы отъ оброчныхъ статей удѣла возросли въ чрезвычайной степени. Въ 1860 г. этотъ доходъ измѣрялся цифрой 475 тыс. руб., а въ 1870 г.—уже 2.130 тыс. руб.; еще чрезъ десятилѣтіе онъ былъ 3.360 тыс. руб., а въ 1896 г.—уже 5.807 тыс. руб. Въ еще большей степени возросли доходы съ лѣсовъ; въ 1860 г. они давали дохода только 325 тыс. руб., а въ 1870 г.—900 тыс., въ 1890 г.—2.700 тыс. руб., а чрезъ 6 послѣднихъ лѣтъ, въ 1896 г., почти снова удвоились и составляли уже 5.175 тыс. руб. Другія промышленныя отрасли хозяйства (винодѣліе, сахаровареніе и прочіе заводы), возникшія только въ пореформенное время, даютъ доходъ, возрастающій еще быстрѣе: въ 1860 г. отъ нихъ не было доходовъ; въ 1870 г.—только 25 тыс. руб.; въ 1880 г.—50 тыс. руб.; въ 90 г.—уже 1.350 тыс. руб., а въ 1896—5 милл. руб.! Весь доходъ удѣла въ 1896 году превышалъ уже $20\frac{1}{2}$ милл. руб., а въ началѣ эмансипаціи въ 1864 г. онъ былъ только 4.725 тыс. руб., въ дореформенное же время, конечно, и того меньше; въ 1830 г. онъ достигалъ 1.780 тыс. руб., а въ 1850 г.— $3\frac{1}{2}$ милл. руб.

Очевидно, что эмансипація доставила удѣлу такія выгоды и доходы, о которыхъ онъ, пользуясь трудомъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, не могъ никогда даже и мечтать въ дореформенное время. За столѣтіе своего существованія удѣломъ собрано разныхъ доходовъ и сборовъ всего 439 милл. руб. сер., но изъ нихъ не придется и $\frac{1}{3}$ на дореформенное время, продолжавшееся $\frac{2}{3}$ этого столѣтія,—слѣдовательно, значительно большая часть доходовъ собрана уже послѣ освобожденія крестьянъ. Очевидно, удѣлъ не могъ быть недоволенъ эмансипаціей.

А крестьяне?—То, что получили крестьяне отъ эмансипаціи—мы уже видѣли. Имѣя при переходѣ въ удѣлъ 4.612 тыс. десят. земли

на 163 тыс. рев. душъ, или по 10 дес. на душу, они, по выходѣ на свободу, получили всякой земли (и тягловой, и запасной) всего только 3.983 тыс. дес. и притомъ уже на 825 тыс. муж. рев., душъ или по 4,8 дес. на душу. Какъ подготавливалъ ихъ удѣлъ къ этому обезземеленію, мы тоже видѣли. Находясь въ удѣлѣ, крестьяне, однако, широко пользовались запасными землями за уплату аренды-оброка, не подозрѣвая, что это не надѣльные земли. Они узнали это только тогда, когда при эмансипаціи отъ нихъ отрѣзали около милліона десятинъ и стали сдавать имъ въ аренду уже не по прежнему расчету тяглогового оброка, а по вольной арендѣ, устанавливаемой на торгахъ и при конкуренціи массы нуждающихся въ той же землѣ крестьянъ. Благодаря этому, аренда на землю страшно возросла и продолжаетъ все сильнѣе и сильнѣе расти отъ измельчанія полученныхъ крестьяниномъ надѣловъ, вслѣдствіе прироста населенія. А съ уменьшеніемъ надѣловъ неразрывно связано паденіе и экономическаго благосостоянія. Какъ показатель этого паденія — можетъ служить податная недоимочность удѣльныхъ крестьянъ. Въ дореформенное время, начиная со середины 30-хъ годовъ и вплоть до начала выкупа, они почти совсѣмъ не знали такихъ недоимокъ, если не считать отъ 20 до 65 тыс. руб., накопленныхъ въ неурожайные періоды 1862 и 1864 годовъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ недоимки достигаютъ 300 тыс. руб., а въ десятилѣтіе 70-хъ годовъ крестьяне вступили уже съ 374 тысячами ея; въ 80-е годы они вступаютъ уже почти съ полтора-милліонной недоимкой (1.314 тыс. руб. въ 1881 г.), а въ концѣ 1891 г. она была уже свыше 2½ милл. руб.; но даже и эта недоимка, явившаяся послѣ чрезвычайнаго неурожая, составляла только половину того, что удѣльные крестьяне имѣли въ 1903 г., предъ начавшимся у нихъ сложеніемъ недоимокъ при разсрочкѣ и отсрочкѣ выкупного долга; къ 1904 году они имѣли недоимки почти 5 милл. руб. (4.954 тыс. руб.), что составляло уже 176% къ окладу! Такого процента къ окладу недоимка не составляла ни у помѣщичьихъ, ни у государственныхъ крестьянъ. Несомнѣнно, что послѣ эмансипаціи благосостояніе удѣльныхъ крестьянъ падало все ниже и ниже, и основная причина этого, конечно, малоземелье, которымъ наградили ихъ удѣлъ.

Поправить это дѣло теперь рѣшено продажей оброчныхъ земель удѣла (около 2 милл. дес.) крестьянамъ чрезъ крестьянскій банкъ. Не говоря уже о томъ, что этой продажей при вздутыхъ банкомъ цѣнахъ на землю, въ среднемъ до 126 и 132 руб. за десятину, крестьяне, разорившіеся при прежнемъ выкупѣ земли по цѣнѣ въ 10 разъ меньшей противъ этого, еще болѣе разорятся, — самая продажа удѣльныхъ земель на частно-правовыхъ основаніяхъ, какъ земель въ сущности государственныхъ, глубоко несправедлива и неправильна. Госу-

дарственные, удѣльныя, кабинетскія, церковныя и монастырскія земли, какъ не-частная собственность, должны представлять изъ себя фондъ для надѣленія безвозмездно только нуждающихся безземельныхъ и малоземельныхъ земледѣльцевъ, обрабатывающихъ землю силами своей семьи. Что же касается другой стороны въ этомъ вопросѣ, а именно права удѣла продавать землю, какъ свою собственность, то и съ этой стороны удѣлъ долженъ встрѣтиться и съ закономъ 1797 г., и съ тѣми условіями, на которыхъ онъ приобрѣлъ эти земли. Мы уже говорили, что ст. 5-ая этого закона прямо говоритъ, что „имѣнія, на удѣлъ опредѣленныя... въ число помѣщичьихъ не поступать“. Далѣе, ст. 49-я говоритъ: „Удѣльныя недвижимыя имѣнія, бывъ отъ насъ даны въ наслѣдства для поколѣнія того, кому удѣлъ слѣдуетъ, законно почитаемъ, промѣръ и поступку оныхъ запретить. Только съ прочими благоприобрѣтенными землями (купленными за личный счетъ члена царской фамиліи) можно поступать свободно“. Такихъ земель въ вѣдѣніи удѣла нѣтъ; купленныя же удѣломъ земли 1.896 тыс. десъ приобрѣтены не на личные, а на общіе удѣльные капиталы. Да наконецъ, если распространить и на нихъ право продажи, то удѣлъ при эмансипаціи уже давно продалъ крестьянамъ больше того, что имъ было куплено.

Всѣ состоящія теперь въ вѣдѣніи удѣла земли даны ему отъ казны въ разное время, но при одномъ условіи и цѣли—для надѣленія малоземельныхъ крестьянъ. Въ прежнее, дореформенное время удѣлъ этого не сдѣлалъ,—напротивъ, онъ отрѣзывалъ у крестьянъ, путемъ вѣдренія въ сельскія общества прибылыхъ тяголъ, и тѣ земли изъ крестьянскихъ прежнихъ надѣловъ, которыя оказывались излишними противъ нарочно для этого измышленныхъ имъ поземельно-податныхъ нормъ. Несомнѣнно, что если принадлежащія нынѣ удѣлу земли почему-либо не были отданы прежде, и если бывшіе удѣльные крестьяне нуждаются въ нихъ, то земли эти должны отойти къ этимъ крестьянамъ, какъ отрѣзанныя отъ казны специально для увеличенія ихъ надѣла. Такимъ образомъ, ни законъ, ни условія приобретенія удѣломъ земель отъ казны не даютъ ему права продавать ихъ, какъ свою собственность.

П. Голубевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1907.

Ретроспективный взгляд на истекшіе полтора года. — Новое издание, бросающее яркій свѣтъ на первую Государственную Думу. — Историческая роль партій „народной свободы“. — Избирательныя платформы „союза 17-го октября“ и партіи „мирнаго обновленія“. — Архиастрское посланіе и близкія къ нему газетныя статьи. — Второй общеземскій съѣздъ. — Задачи третьей Думы. — Успокоительныя факты. — Рижскій процессъ. — Клевета на умершаго.

Приближается открытіе третьей Государственной Думы... *Третьей* Думы! Какъ странно звучать эти слова, если вспомнить, что не прошло еще и полутора года съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ осуществлено было въ русской жизни начало народнаго представительства! Такихъ быстрыхъ пережвѣнь не происходило на Западѣ даже въ самыя бурныя эпохи. Первое французское учредительное собраніе существовало болѣе двухъ лѣтъ, слѣдовавшее за нимъ законодательное собраніе — около года, національный конвентъ — болѣе двухъ лѣтъ. Въ 1848-49 г. учредительное собраніе во Франціи за-сѣдало около года, франкфуртскій парламентъ — также; берлинское національное собраніе работало около пяти мѣсяцевъ, первый австрійскій парламентъ — болѣе полугода. Продолжительность обѣихъ сессій нашей Государственной Думы, вмѣстѣ взятыхъ, не составляетъ и шести мѣсяцевъ, а оба междудумья обнимаютъ собою слишкомъ годъ. Глубоко ненормально отношеніе этихъ двухъ цифръ. Когда страна, пораженная внѣшними и внутренними бѣдствіями, поставленная на край гибели, вступаетъ на единственный путь, обещающій ей спасеніе—*единственный*, потому что всѣ другія средства уже испытаны и оказались недѣйствительными, — необходимы возможно продолжительные періоды усиленной работы надъ обновленіемъ государственнаго и общественнаго строя, — возможно короткіе періоды остановки

или замедленія преобразовательной дѣятельности. Первые изъ этихъ періодовъ совпадаютъ съ законодательными сессіями, вторые—съ промежутками между ними. У насъ, наоборотъ, междудумье было до сихъ поръ скорѣе общимъ правиломъ, чѣмъ исключеніемъ. И какое междудумье! Смотрящее не впередъ, а назадъ, возвращающееся къ порядкамъ и приѣмамъ, безповоротно осужденнымъ и нашимъ, и чужимъ опытомъ. Если послѣ роспуска первой Думы министерствомъ и заготовлялись, въ большомъ числѣ, законопроекты, то, во-первыхъ, это былъ трудъ въ значительной степени излишній, такъ какъ по многимъ вопросамъ имѣлись уже всесторонне обдуманныя и хорошо исполненныя работы думскихъ комиссій, а во-вторыхъ—гораздо больше вниманія удѣлялось неудачнымъ попыткамъ законодательства не столько на основѣ, сколько вопреки пресловутой 87-ой статьѣ, и созданію обстановки, отъ которой ожидался благоприятный для власти исходъ выборовъ. Второе междудумье, начавшись съ изданія новаго избирательнаго закона, характеризуется полнѣйшимъ затишьемъ правительственной дѣятельности, за исключеніемъ тѣхъ сторонъ ея, которыя направлены—по прежнему безуспѣшно—къ восстановленію, путемъ репрессій, общественнаго спокойствія.

А между тѣмъ, при другомъ ходѣ дѣла, какъ велика могла бы быть уже теперь сумма производительной работы, какъ велико число задачъ первостепенной важности, исполненныхъ или близкихъ къ исполненію! Не говоримъ уже о времени, потерянномъ раньше; не говоримъ о томъ, чѣмъ могла бы быть Россія, еслибы не остановка реформъ во второй половинѣ царствованія Александра II-го, еслибы не движеніе назадъ при Александрѣ III-мъ, еслибы не чередованіе реакціи и застоя въ слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе, еслибы не колебанія и полумѣры, знаменующія собою періодъ управленія двухъ первыхъ преемниковъ Плеве. Представимъ себѣ, что манифестъ 17-го октября, хотя и запоздалый, былъ бы осуществленъ во всемъ его объемѣ и вполнѣ согласно съ его духомъ; представимъ себѣ, что послѣ его обнародованія дѣйствительно не было бы издано ни одного закона безъ одобренія Думы, не была бы, слѣдовательно, образована такая вторая палата, какъ нынѣшній Государственный Совѣтъ, не былъ бы предпринятъ поспѣшный и односторонній пересмотръ основныхъ законовъ, не была бы до крайности стѣснена свобода собраний и союзовъ, не была бы парализована свобода печати, а изъ положенія о Государственной Думѣ были бы устранены ограниченія, предназначенныя для законосовѣщательнаго учрежденія, но неумѣстныя по отношенію къ законодательному собранію; представимъ себѣ, наконецъ, что лицомъ къ лицу съ народнымъ представительствомъ было бы поставлено министерство, не солидарное съ отжив-

шимъ режимомъ, способное и готовое примѣниться къ требованіямъ времени. Не инымъ ли было бы, при такихъ условіяхъ, развитіе русской политической жизни? Не нашлось ли бы въ первой Государственной Думѣ достаточно силъ, чтобы совершить, спокойно и мирно, переходъ къ конституціонному строю, къ свободѣ и равноправію гражданъ? И не стояли ли бы мы теперь прочно и твердо на пути, ведущемъ къ общему благу?

Утвердительный отвѣтъ на эти вопросы вытекаетъ самъ собою изъ недавно вышедшей книги: „Первая Государственная Дума“ (изданіе А. А. Муханова и В. Д. Набокова). Къ сборнику статей, написанныхъ выдающимися представителями конституціонно-демократической партіи (большую частью — бывшими членами Думы), приложенъ текстъ важнѣйшихъ законопроектовъ, внесенныхъ или имѣвшихъ быть внесенными въ Думу отъ имени партіи. Они касаются, между прочимъ, неприкосновенности личности, свободы печати, свободы совѣсти, свободы союзовъ и собраній, земскаго и городского самоуправления. Можно находить въ нихъ тѣ или другіе частные недостатки, но, становясь на сколько-нибудь прогрессивную точку зрѣнія, нельзя не признать, что осуществленіе ихъ было бы громаднымъ приобрѣтеніемъ для русскаго государства и русскаго общества. Они намѣчаютъ собою именно ту линію, которая отдѣляетъ созидательную работу отъ разрушительной; они гарантируютъ свободу, не угрожая порядку. Тѣмъ же характеромъ отличаются предположенія конституціонно-демократической партіи — и близкой къ ней партіи демократическихъ реформъ¹⁾, — по земельному вопросу, остающіяся до сихъ поръ, за роспускомъ обѣихъ Думъ и перерывомъ занятій обѣихъ аграрныхъ комиссій, не облеченными въ форму законопроекта. Настоящимъ бѣдствіемъ для Россіи были тѣ обстоятельства, которыя два раза остановили, въ самомъ началѣ, такъ много обѣщавшее движеніе.

На свойство этихъ обстоятельствъ, въ той мѣрѣ, въ какой они касаются первой Думы, названная нами книга также бросаетъ весьма яркій свѣтъ. Она подтверждаетъ съ полною достовѣрностію тотъ выводъ, къ которому давно уже приходили всѣ безпристрастные наблюдатели: первая Государственная Дума соединяла въ себѣ всѣ данныя, необходимыя для плодотворной законодательной дѣятельности. Шероховатости, неизбежныя въ первомъ фазисѣ новаго и

¹⁾ По справедливому замѣчанію А. Д. Кауфмана, статья котораго: „Аграрный вопросъ“ помѣщена въ третьемъ выпускѣ „Первой Государственной Думы“, аграрная программа партіи демократическихъ реформъ стоитъ ближе къ лѣвому, чѣмъ къ правому флангу конституціонно-демократической партіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что аграрная программа партіи дем. реф. не осталась безъ вліянія на переработку соответствующаго отдѣла „кадетской“ программы.

сложнаго дѣла, постепенно смягчались и сглаживались. Неуклонная послѣдовательность, съ которою партія народной свободы и ея обычные союзники держались строго-конституціоннаго образа дѣйствій, начинала приносить свои плоды. Трудовая группа, соединявшая въ себѣ первоначально представителей весьма различныхъ направлений, уменьшалась въ своемъ составѣ выдѣленіемъ изъ нея не только социалъ-демократовъ, но и людей сравнительно-умѣреннаго образа мыслей. По словамъ Н. А. Бородина, автора интересной статьи о личномъ составѣ первой Думы, передъ самымъ роспускомъ Думы крестьяне-трудовики, въ числѣ сорока человекъ, рѣшили выйти изъ трудовой группы и, присоединивъ къ себѣ часть безпартійныхъ, образовать самостоятельную крестьянскую партію. Между этой новой партіей и могущественнымъ центромъ установилось бы, по всей вѣроятности, прочное общеніе, на почвѣ котораго, не встрѣчая непреодолимыхъ препятствій въ самой Думѣ, могла бы совершаться законодательная работа. И раньше вопросы, спорные между крайней лѣвой и центромъ, разрѣшались почти всегда въ пользу послѣдняго. Любопытный перечень ихъ даетъ статья М. М. Винавера: „Конфликты въ первой Думѣ“. Сдерживающее, умѣряющее вліяніе партіи народной свободы проявилось уже наканунѣ открытія сессіи: „кадетамъ“ удалось устранить сомнѣнія, существовавшія въ средѣ трудовой группы относительно „торжественнаго обѣщанія“, которое должны были подписать члены Думы. Въ такомъ же смыслѣ и съ такимъ же успѣхомъ „кадеты“ дѣйствовали и тогда, когда воспослѣдовалъ отказъ въ личномъ принятіи адреса, когда съ лѣвой стороны сдѣланы были попытки не стѣсняться сроками, установленными для приступа къ обсужденію вносимыхъ членами Думы законопроектовъ, когда сдѣлано было извѣстное предложеніе 34 членовъ трудовой группы по аграрному вопросу. Много способствовалъ этому личный авторитетъ, которымъ пользовались въ глазахъ большинства трудовой группы нѣкоторые изъ лидеров партіи народной свободы (напр., какъ видно изъ статьи М. М. Винавера, не принадлежавшій къ числу членовъ Думы П. Н. Милоковъ), а также выдающіеся члены партіи демократическихъ реформъ—М. М. Ковалевскій и В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Для спокойнаго теченія думской жизни недоставало только министерства, которое бы шло рука объ руку съ Думой или, по меньшей мѣрѣ, не подбрасывало бы палокъ подъ ея колеса. До какой степени кабинетъ И. Л. Горемыкина былъ далекъ отъ пониманія обязанностей, которыя возлагалъ на него новый государственный строй—это показываетъ наглядно печатаніе въ официальномъ органѣ адресовъ и телеграммъ, порицавшихъ, въ рѣзкой, иногда неприличной формѣ, дѣятельность Думы. Почти вовсе избѣгать открытаго обмѣна мыслей

съ народнымъ представительствомъ и въ то же время поднимать противъ него разныя темныя, искусственно организованныя силы — это своеобразная политика, другой примѣръ которой едва ли сыщется въ исторіи конституціонныхъ государствъ. Изъ того же источника вытекло и правительственное сообщеніе по земельному вопросу — сообщеніе, прямо направленное противъ Думы и вызывавшее ее на отвѣтъ, который ей же былъ поставленъ въ вину и послужилъ однимъ изъ поводовъ къ ея роспуску. Нужно помнить, что и въ эту послѣднюю минуту существованія Думы господствовавшая въ ней партія оставалась вѣрна самой себѣ: если противъ проекта обращенія къ народу, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ принятъ, подали голосъ социаль-демократы, если воздержалась отъ голосованія трудовая группа, то именно потому, что въ немъ содержался призывъ „спокойно и мирно ждать окончанія работъ по изданію земельного закона“. Партія народной свободы и ея союзники держались до конца на той конституціонной почвѣ, которой такъ быстро измѣнилъ кабинетъ Витте-Дурново и на которую вовсе не вступалъ кабинетъ И. Л. Горемыкина. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно сознаніе глубокой несправедливости, какою была, по отношенію къ думскому большинству, роспускъ Думы, привело партію народной свободы къ подписанію выборгскаго воззванія, такъ мало гармонирующаго съ прежней—и послѣдующей—дѣятельностью этой партіи. Это была ошибка, но ошибка въ извѣстной степени вынужденная и уже по тому одному не составляющая преступленія. Если она и должна быть отнесена къ пассиву партіи, то во всякомъ случаѣ ее далеко перевѣшиваетъ активъ, въ составъ котораго входять лучшія страницы исторіи первой Думы.

Стремленіямъ и запросамъ народнаго представительства сразу было противопоставлено „non possumus“, основанное не на чрезмѣрности или неисполнимости требованій, а на нежеланіи порвать съ прошлымъ, которому всецѣло принадлежали симпатіи кабинета. Потерянъ былъ, такимъ образомъ, исключительно благоприятный шансъ соглашенія, которое, не устраняя, конечно, всѣхъ трудностей положенія, подготовило бы мирный изъ нихъ выходъ. Распущена была Дума, которая, соединяя въ себѣ представителей самыхъ различныхъ классовъ и самыхъ различныхъ взглядовъ, не была расположена отдаться во власть революціонныхъ или реакціонныхъ настроеній. Соглашеніе со второю Думой также было возможно, но уже гораздо болѣе затруднительно. Политика ничѣмъ не сдерживаемыхъ репрессій, практиковавшаяся въ теченіе семи мѣсяцевъ, повлекла за собою быстрое усиленіе крайнихъ партій, какъ справа, такъ и слѣва. Рѣшающее слово и во второй Думѣ часто исходило отъ конституціонно-

демократической партіи; но, значительно ослабѣвъ численно, она была окружена непримиримыми врагами. Съ теченіемъ времени ей удалось бы, быть можетъ, сдѣлаться средоточіемъ прочнаго, сильнаго центра и провести реформы, намѣченныя ею въ первой Думѣ; но усилія ея въ этомъ смыслѣ опять были прерваны въ самомъ началѣ. Будутъ ли они возобновлены въ третій разъ, и при какой обстановкѣ—это зависитъ отъ результата предстоящихъ выборовъ. Мы не теряемъ надежды, что, несмотря на новый избирательный законъ и на всѣ невыгодныя послѣдствія нелегализованнаго положенія, конституціонно-демократическая партія пріобрѣтетъ такое число голосовъ, которое позволитъ ей сыграть въ третьей Думѣ не менѣе выдающуюся роль, чѣмъ въ двухъ первыхъ.

Рѣшающимъ аргументомъ въ пользу конституціонно-демократической партіи служить, въ нашихъ глазахъ ожесточенная вражда, съ которой относятся къ ней крайнія партіи, правыя и лѣвыя. Любую злобу тѣхъ, кто стоитъ за возвратъ къ старому режиму, она возбуждаетъ своею непоколебимою преданностью основамъ новаго государственнаго и общественнаго строя; сторонникамъ насильственнаго, внезапнаго переворота ненавистна ея сдержанность, не допускающая ни „скачковъ въ темноту“, ни обращенія къ грубой силѣ. И то, и другое совершенно понятно; но какъ объяснить ожесточеніе, съ которымъ набрасывается на „кадетовъ“ партія, провозглашающая себя конституціонною? Избирательная платформа союза 17-го октября (см. № 11304 „Новаго Времени“), направленная почти всецѣло противъ партіи народной свободы, не останавливается даже передъ явнымъ искаженіемъ фактовъ. По ея словамъ, „господство кадетъ, трудовиковъ и разныхъ инородческихъ группъ въ первой и второй Государственной Думѣ только усилило смуту въ странѣ и *остановило на два года всю законодательную дѣятельность*, столь необходимую Россіи... При незначительномъ числѣ голосовъ, принадлежащихъ избирателямъ правыхъ партій, союзу въ С.-Петербургѣ придется главнымъ образомъ бороться съ конституціонно-демократической партіей, *пагубное вліяніе которой въ Думѣ пріостановило нормальное законодательство*“. На протяжении немногихъ строкъ здѣсь дважды допущено отступленіе отъ правды. Всѣ усилія конституціонно-демократической партіи, какъ въ первой, такъ и во второй Думѣ, были направлены именно къ тому, чтобы организовать и двинуть впередъ законодательную работу. На этой почвѣ „кадеты“ боролись въ первой Думѣ—съ трудовиками, во второй Думѣ—съ лѣвыми партіями; на этой почвѣ они обнаружили необыкновенную энергію, составивъ цѣлый рядъ законопроектовъ, усиленно трудясь надъ ними въ думскихъ коммиссіяхъ, отражая постоянно повторявшіяся попытки обратить Думу въ агитаціонный ми-

тинѣ. Какимъ же образомъ можно возлагать на „кадетовъ“ отвѣтственность за „пріостановку нормальнаго законодательства“? Какимъ образомъ партія, мнящая себя конституціонной, можетъ забывать, что настоящими виновниками этой пріостановки были министры, почти ничего, въ области законодательства, не приготовившіе для первой Думы, въ междудумье законодательствовавшіе „ненормально“ и не сдѣлавшіе ни шагу къ соглашенію со второю Думой? Какимъ образомъ можно соединять въ одномъ общемъ приговорѣ — все равно, обвинительномъ или оправдательномъ — „кадетовъ“ и „трудовиковъ“, столь рѣзко отличающихся другъ отъ друга, преслѣдующихъ столь различныя цѣли и шедшихъ, болѣею частью, столь различными дорогами? А постановка на одну доску съ „кадетами“ „разныхъ инородческихъ группъ“ не сближаетъ ли союзъ 17-го октября съ союзомъ русскаго народа, любимой темой котораго служить обвиненіе конституціонно-демократической партіи въ измѣнѣ русскимъ интересамъ и идеаламъ?.. Союзъ 17-го октября ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ „одинъ изъ всѣхъ политическихъ партій всегда твердо стоялъ на почвѣ великаго манифеста и всегда отвергалъ всякое сочувствіе революціи и реакціи“. На самомъ дѣлѣ, гораздо болѣе вѣрной духу манифеста 17-го октября была партія народной свободы, въ пассивѣ которой нѣтъ ни оправданія военно-полевыхъ судовъ, ни колеблющагося отношенія къ избирательному закону 3-го іюня, ни избирательныхъ сдѣлокъ съ крайними правыми.

Совершенно иначе относится къ предстоящимъ выборамъ партія „мирнаго обновленія“. Главную свою задачу она видитъ не въ противодѣйствіи тѣмъ, кто стоялъ и стоитъ за конституцію, за свободу и за демократическія реформы, а въ борьбѣ за конституціонный строй, которому грозитъ серьезная опасность. Эту опасность увеличиваетъ избирательный законъ 3-го іюня; не говоря уже о способѣ его изданія, онъ „обостряетъ классовый и національный антагонизмъ“ и создаетъ тѣмъ самымъ новое препятствіе для мирнаго обновленія родины. Ошибается партія мирнаго обновленія только въ оцѣнкѣ союза 17-го октября, причисляя его къ конституціоннымъ партіямъ и не находя, съ этой точки зрѣнія, существеннаго различія между нимъ и партіей народной свободы. Объясненіе этой ошибки мы видимъ въ томъ, что декларация партіи мирнаго обновленія состоялась раньше обнародованія избирательной платформы союза 17-го октября. Намъ также еще недавно казалось, что роспускомъ второй Думы и изданіемъ новаго избирательнаго закона создана почва, на которой, во время выборовъ, возможна совмѣстная дѣятельность конституціонно-демократической партіи и союза 17-го октября, если только послѣдній совершитъ требуемый обстоятельствами поворотъ влѣво. Мы имѣли

наивность думать, что на защиту конституціи станутъ всё носящіе ея знамя. Случилось иное: союзъ 17-го октября забылъ объ ударахъ, нанесенныхъ и наносимыхъ „великому манифесту“; онъ не понялъ, что, объявивъ войну наиболѣе сильной конституціонной партіи, онъ сталъ тѣмъ самымъ, de facto, на сторону враговъ новаго строя и подаль руку крайнимъ правымъ, отвергивающимся отъ всякой солидарности съ „умѣренными“.

Посмотримъ теперь, что дѣлается въ ставѣ ликующихъ и торжествующихъ. Сотрудниковъ онъ находитъ въ такой средѣ, отъ которой можно было бы ожидать если не политическаго нейтралитета, то по меньшей мѣрѣ, крайней сдержанности въ выступленияхъ на политическую почву. Два мѣсяца тому назадъ мы отмѣтили ошибку, сдѣланную реакціонной газетой въ первоначальной редакціи обращенія къ избирателямъ-крестьянамъ: къ участию въ волостныхъ выборахъ приглашались ею „всѣ крестьяне, имѣющіе свою усадьбу и живущіе въ ней не менѣе одного года“, тогда какъ по закону въ этихъ выборахъ участвуютъ только члены волостного схода. На слѣдующій день эта ошибка была хотя и не оговорена, но фактически исправлена: въ новой редакціи обращенія шла рѣчь уже о выборныхъ волостного схода. Теперь ту же ошибку мы находимъ... въ архипастырскомъ посланіи епископа вологодскаго и тотемскаго ¹⁾. „Выбирайте“ — говоритъ преосвященный Никонъ, обращаясь къ своей паствѣ, — „выбирайте только тѣхъ, кто стоитъ за царя самодержавнаго и *неограниченнаго*, за вѣру православную и за русскій народъ. А выбирать такихъ людей слѣдуетъ такъ: когда въ деревнѣ начальство назначитъ день выборовъ, то въ этотъ день *всѣ крестьяне, имѣющіе свою усадьбу и живущіе въ ней не менѣе года, всѣ до единого* должны идти въ волостное правленіе и тамъ на волостномъ сходѣ выбрать изъ своей среды двоихъ, крѣпко стоящихъ за вѣру, царя и отечество“. Вотъ къ чему ведетъ внимательство въ дѣло, съ которымъ кто не знакомъ и къ участию въ которомъ не призванъ! Хорошъ былъ бы порядокъ на вологодскихъ волостныхъ выборахъ, еслибы крестьяне послѣдовали совѣту преосвященнаго Никона! Епископъ не обязанъ знать избирательный законъ, но обязанъ не говорить о томъ, чего не знаетъ... Еще важнѣе, чѣмъ ошибка въ толкованіи избирательныхъ порядковъ, другіе дефекты архипастырскаго посланія. Носитель высокаго церковнаго сана, по условіямъ русской жизни близко соприкасающійся съ свѣтской іерархіей, не въ правѣ идти въ разрѣзъ съ основными государственными

¹⁾ См. № 190 „Московскихъ Вѣдомостей“.

законами, не въ правѣ взывать къ поддержкѣ отмѣненной ими *неограниченности* царской власти. Служитель алтаря не въ правѣ повторять измышленія измѣнной прессы, не въ правѣ говорить свойственнымъ только ей языкомъ („ужели опять выберемъ этихъ *лысцецовъ и размыль обманщиковъ*, именующихъ себя разными кличками, въ родѣ членовъ партіи народной свободы?.. Вѣдь тогда эти отъявленные враги наши подѣлятъ землю нашу русскую между разными инородцами. И *станутъ тогда русскіе люди рабами этихъ инородцевъ*, и снова на Руси пастанутъ времена злой татарщины“).

Если до такихъ крайностей слова и мысли доходить посланіе епископа, то нетрудно себѣ представить, что за рѣчи льются изъ устъ ничѣмъ не сдерживаемыхъ фанатиковъ регресса. Ограничимся двумя примѣрами, заимствуемыми изъ одной и той же статьи (въ № 193 „Московскихъ Вѣдомостей“): они покажутъ, *какъ* реакціонная пресса говорить о лицахъ и о дѣлѣ. О Н. Н. Львовѣ, одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ земскихъ дѣятелей и видномъ членѣ первой Думы, авторъ статьи выражается такъ: „Львовъ—не кто иной, какъ организаторъ бунта въ саратовской губерніи. Онъ снегъ губернію. Губернаторы позволяли ему все. Связи его спасли отъ связокъ. Человѣкъ безъ крови, а съ какою-то слизью“... Дальше мы читаемъ, что къ ниспроверженію государственнаго строя, къ возстанію призывалъ еще недавно (въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Новомъ Времени“!) и А. А. Столыпинъ; „теперь онъ перевернулся и смѣетъ проповѣдывать правду“... „Разсказать ли вамъ“—продолжаетъ безцеремонный авторъ—„исторію дѣятельности А. А. Столыпина, до поступленія въ наемъ печати? Не стѣитъ, въ другой разъ ¹⁾. Эти *типы дегенератовъ*, полнѣйшаго дѣлового ничтожества, въ силу своей наглости и рабства общества, заняли какія-то передовыя мѣста. Ни одно правительство, ни одно общество, кромѣ нашего, не потерпѣло бы *безнаказанности* этихъ *измѣнниковъ* и подстрекателей“... Несомнѣнно, будучи смѣшнымъ, обвиненіе А. А. Столыпина въ измѣнѣ тѣмъ не менѣе не перестаетъ быть гнуснымъ. За частными нападками слѣдуетъ общій выводъ: „пока не будетъ взята и уничтожена старая шайка общественныхъ заговорщиковъ, страна не успокоится“. Не разсчитывая *пока* на власть, реакціонный Фукье-Тенвилль взываетъ къ народу: „Пора къ расчету; пора самому народу найти пути прекращенія безсовѣстной междоусобной войны... Точить надо плужный лемехъ и мечъ—и отточить ихъ пускай самъ народъ, не надѣясь на черную, приморскую столицу. Призывный кличъ

¹⁾ Можно ли себѣ представить что-либо худшее, чѣмъ этотъ приемъ—на что-то очень нехорошее намекнуть и потомъ ровно ничего не сказать, открывая тѣмъ самымъ широкій просторъ для всякихъ догадокъ?

народу раздается изъ бѣлой Москвы: теперь—къ плугу, а *когда надо будетъ—къ оружію*! Опасаться, что этотъ кличъ будетъ услышанъ, нѣтъ повода: слишкомъ ничтожны кличущіе, слишкомъ хорошо извѣстны истинныя ихъ чувства къ народу, по ихъ видѣ такъ долго остававшемуся въ безправіи и невѣжествѣ. Напрасно стараясь вызвать гнѣвъ толпы, они обнаруживаютъ только всю глубину своей злобы и своего безсилія.

Поднимемся на одну, очень невысокую ступень. Чтò предлагаетъ печать, близко стоящая къ „октябристамъ“? Въ статьѣ, озаглавленной: „Подъемъ власти“ („Новое Время“ № 11295), проводится мысль о необходимости усилить правительственную власть и предлагается рядъ мѣръ, направленныхъ къ этой цѣли. Прежде всего, должно быть установлено наибѣйшее единство въ средѣ министерства, въ которомъ теперь „представлены по меньшей мѣрѣ три партіи (?), и вѣдомство, важнѣйшее въ борьбѣ со смутой, отдано кадетамъ“¹⁾. Нужно, далѣе, „чтобы прокуроры и судьи были дѣйствительно прокурорами и судьями, а не казенной организаціей, служащей кое-гдѣ для защиты преступниковъ отъ закона“; нужно, „чтобы ссылки были дѣйствительно ссылками, т.-е. мѣстами изоляціи преступнаго элемента, а не очагами распространенія смуты“; нужно, „чтобы надзоръ надъ революціонной печатью былъ не мнимымъ, а дѣйствительнымъ“; нужно, „чтобы инспекція и полиція всѣхъ видовъ были приведены въ соотвѣтствіе не съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ Россія находилась полстолѣтія назадъ, а съ современнымъ ея состояніемъ“; нужно, „чтобы во главѣ казенно-революціонныхъ заведеній, каковы среднія и низшія школы, были поставлены люди не сочувствующіе революціи, чтобы былъ тщательно провѣренъ учительскій персоналъ, отмѣнена автономія и распущенъ академическій союзъ профессоровъ“; нужно, наконецъ, „поставить инородцевъ, служебную интеллигенцію и воюющій народъ въ условія, при которыхъ война съ правительствомъ была бы для нихъ затруднительной“. Какъ осуществить послѣднее требованіе — это признается „вопросомъ политическаго искусства“ и оставляется безъ ближайшаго разъясненія: указывается только на необходимость положить конецъ „передачѣ цѣлыхъ вѣдомствъ въ руки поляковъ и евреевъ и содержанію на службѣ десятковъ тысячъ кадетовъ и эсъ-дековъ“.

По истинѣ, поразительно сходство этой программы съ тою, которую мы не разъ встрѣчали на страницахъ откровенно реакціонныхъ

¹⁾ Важнѣйшая роль въ борьбѣ со смутой принадлежитъ, безъ сомнѣнія, министерству внутреннихъ дѣлъ. „Кадетомъ“, слѣдовательно, является П. А. Столыпинъ? Не слишкомъ ли ужъ явно нарушается здѣсь правило о знаніи мѣры?

газетъ: то же враждебное отношеніе къ суду и къ профессорамъ, та же вѣра въ тюрьму и ссылку, въ разные виды административныхъ репрессій, то же безсиліе, когда дѣло доходить до обнаруженія „политическаго искусства“. И такія рѣчи ведутся въ газетѣ, относимой и относящей себя къ сонму „умѣренныхъ“, пожалуй, даже конституціонныхъ! Она не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить, что все предлагаемое ею уже было испытано, въ значительной мѣрѣ испытывается и до сихъ поръ, отнюдь не усиливая правительственную власть. Неужели все еще мало доказательствъ тому, что наши судьи грѣшатъ скорѣе излишнею строгостью, чѣмъ излишнею снисходительностью, что ограниченія свободы печати на каждомъ шагу переходятъ въ совершенное ея отрицаніе, что циркуляры о несовѣстности государственной службы съ принадлежностью къ „нелегалізованнѣмъ“ партиямъ не остаются мертвой буквой? Напрасно авторъ программы увѣряетъ, что стоитъ за дарованіе обществу и народу политическихъ правъ, за правильную работу народнаго представительства. Фикціей или насмѣшкой было бы такое представительство, еслибы были приняты мѣры противъ прониженія въ его составъ „портящихъ его элементовъ—инородцевъ, революціонеровъ и невѣжественной черни“. Исполняя отводимую ему въ программѣ роль — „усиливать способность власти достигать своихъ цѣлей“, — оно служило бы декорацией (едва ли особенно красивой), ничего, въ сущности, не измѣняя къ лучшему въ положеніи страны ¹⁾.

Безсиліе — отличительная черта не однѣхъ только газетныхъ программъ, реакціонныхъ и мнимо-умѣренныхъ: оно характеризуетъ собою и другія проявленія тѣхъ же политическихъ теченій. Яркимъ примѣромъ служитъ августовскій общеземскій съѣздъ, малочисленный, вовсе даже не приступившій къ своей главной задачѣ (критикѣ правительственнаго проекта земской реформы) и бесплодно потратившій нѣсколько дней на обсужденіе вопроса о мелкой земской единицѣ. Мы говоримъ: *безплодно*, потому что въ концѣ концовъ введеніе или невведеніе мелкой единицы съѣздъ призналъ факультативнымъ, т.-е. зависящимъ отъ усмотрѣнія губернскихъ земскихъ со-

¹⁾ Хорошей иллюстраціей къ требованіямъ защитника „сильной власти“ можетъ служить фактъ, приводимый имъ въ подтвержденіе „слабости“ суда: предсѣдатель суда „торжественно вручилъ оправданному бунтарю револьверъ, снятый со стола вещественныхъ доказательствъ“. Кто оправданъ по обвиненію въ бунтѣ, тотъ уже не можетъ считаться „бунтаремъ“; по отношенію къ нему вступаетъ въ силу общій законъ, и предсѣдатель суда не только имѣлъ право, но былъ обязанъ возвратить ему его собственность. Вновь отнять у него револьверъ могли бы развѣ агенты „охраны“, съ которыми не должны имѣть ничего общаго представители правосудія.

браній. Постановляя такое рѣшеніе (большинствомъ 31 голоса противъ 12), съѣздъ очень хорошо понималъ, что оно равносильно отрицательному отвѣту, отличаясь отъ него только недостаткомъ открытости и прямоты. „Введите мелкую единицу всюду“—говорилъ на съѣздѣ представитель костромского съѣзда, г. Соколовъ,—„введите ее даже тамъ, гдѣ крестьяне понятія не имѣютъ о самоуправленіи: они выучатся ею владѣть, хотя бы и послѣ ошибокъ, и оцѣнять ее. Мелкая земская единица—коренное государственное установленіе, а не какія-нибудь кассы или эмеритуры, которыя можно вводить факультативно. При факультативности это учрежденіе будетъ подрѣзано въ корнѣ. Тогда незачѣмъ намъ было и собираться, незачѣмъ говорить о своей будущей работѣ въ Государственной Думѣ“. Убѣдительность этихъ доводовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; отвергнувъ ихъ, съѣздъ доказалъ еще разъ, что ему дороги интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, а не массы населенія... Достоиннымъ финаломъ печальнаго зрѣлища послужила попытка 34 членовъ съѣзда, съ гр. В. А. Бобринскимъ во главѣ, поколебать довѣріе къ общеземской организаціи помощи голодающимъ. Возбужденный ими вопросъ переданъ съѣздомъ на заключеніе земскихъ собраній.

Постановленія общеземскаго съѣзда, какъ и платформы правыхъ и почти правыхъ партій, какъ и статьи правыхъ и почти правыхъ газетъ, дають понятіе о томъ, чѣмъ будетъ третья Государственная Дума, если рѣшительное преобладаніе въ ней, благодаря новому избирательному закону, получатъ представители реакціонныхъ и консервативныхъ теченій. Неосуществимыми окажутся даже такія скромныя реформы, какъ переустройство, на широкихъ началахъ, земскаго и городского самоуправления, какъ возстановленіе выборнаго мирового суда, какъ упраздненіе всякихъ экстраординарныхъ охранъ и всякаго гражданскаго неравенства, какъ проведеніе въ жизнь обѣщанныхъ 17-го октября свободъ, какъ обѣщанное тогда же приближеніе къ всеобщему и равному избирательному праву. Не говоримъ уже о земельномъ законѣ, сколько-нибудь пріемлемомъ для крестьянской массы; противъ него, конечно, будутъ направлены всѣ усилія побѣдоносныхъ аграріевъ. Между тѣмъ, только разностороннею и смѣлою преобразовательною дѣятельностью третья Дума можетъ искупить хоть отчасти свой первородный грѣхъ—свое происхожденіе изъ положенія о выборахъ, изданнаго внѣ законнаго порядка и приспособленнаго не къ общенароднымъ, а къ узко-классовымъ интересамъ. Ея настоящая задача—устранить все мѣшающее обновленію общества и государства. Само собою разумѣется, что для исполненія этой задачи необходимо не только думское большинство, способное отрѣшиться отъ сословнаго и національнаго эгоизма: столь же необходимо и правительство,

готовое идти рука объ руку съ прогрессивной Думой. Отъ министерства репрессій и правонарушеній нельзя ожидать перехода на другой путь, прямо противоположный. Если составъ третьей Думы не оправдаетъ надеждъ, возлагаемыхъ на нее сторонниками и полу-сторонниками прежняго режима, — логическимъ выводомъ отсюда явится перемѣна кабинета, подобно тому, какъ передъ открытіемъ первой Думы неизбѣжной оказалась отставка министерства Витте—Дурново. Нужно надѣяться, что сходство между П. А. Столыпинымъ и его преемниками будетъ гораздо меньшее, чѣмъ было сходство между И. Л. Горемыкинымъ и его предшественниками. Другими словами, перемѣниться должны не только лица: перемѣниться, и весьма существенно, должно направленіе. Согласіе между Думой и министерствомъ — согласіе на почвѣ признанія и удовлетворенія народныхъ нуждъ—одно только можетъ дать странѣ спокойствіе, котораго напрасно старались и стараются достигнуть съ помощью всемогущей полиціи и чрезвычайныхъ судовъ.

Что въ средѣ общества и народа существуетъ и усиливается жажда успокоенія—это не подлежитъ никакому сомнѣнію: именно потому такъ и желательно созданіе условій, которыя способствовали бы удовлетворенію этой жажды. Она проявляется даже тамъ, гдѣ до сихъ поръ была всего менѣ замѣтна: среди учащейся молодежи. Въ собраніи старость с.-петербургскаго университета, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, горячо обсуждался, 6-го сентября, вопросъ о способѣ созыва общеуниверситетскихъ сходокъ. Кадеты, меньшевики эсъ-деки и безпартійные высказались за легальный путь созыва, на основаніи правилъ 11-го іюля, а большевики и эсъ-эры—за созывъ явочнымъ порядкомъ. Послѣдніе, оставшись въ меньшинствѣ, покинули засѣданіе, при чемъ эсъ-эры заявили, что выходятъ изъ совѣта старость. На сходку, вслѣдъ затѣмъ созванную эсъ-эрами, собралось сначала около 1.000 студентовъ, но послѣ просьбы старость разойтись въ залѣ осталось не болѣе 150 человѣкъ, и сходка вскорѣ была распушена. Въ московскомъ университетѣ на первую общестуденческую сходку явилось всего двѣ тысячи студентовъ (въ прошломъ году — 4^{1/2} тысячи), да и изъ нихъ многіе скоро ушли, а къ моменту голосованія оставалось на лицо лишь до тысячи человѣкъ, изъ которыхъ около 700 (т.-е. около одной двѣнадцатой части всего студенчества) выразили довѣріе къ центральному университетскому органу. Студенчество — говорятъ, по этому поводу, „Русскія Вѣдомости“ — „стало, по видимому, равнодушнѣе къ своему центральному органу, въ которомъ многіе не признаютъ своего представителя, а нѣкоторые видятъ даже узурпатора правъ, долженствующихъ принадлежать болѣе

правильно избранному органу или всему наличному студенчеству... Студенчество опасается быть увлеченнымъ, безъ достаточнаго основанія, къ какимъ-нибудь послѣшнымъ и необдуманнѣмъ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ, способнымъ вызвать только напрасныя осложненія... Съ другой стороны, въ молодежи проявляется усиленное стремленіе къ учебнымъ занятіямъ, къ знанію, и это стремленіе, захватывающее массы, заставляетъ молодежь дорожить университетомъ¹⁾. Остается только пожелать, чтобы наблюденія „Русскихъ Вѣдомостей“ оказались вѣрными и чтобы новыя теченія въ средѣ студенчества не ослабѣвали, а наоборотъ, распространялись и укрѣплялись. Давно пора отказаться отъ студенческой агитаціи, потерявшей, со времени широкаго разлитія политической жизни, всякую *raison d'être*, и вспомнить о будущемъ, требующемъ непрерывнаго роста высшаго образованія. Помѣшать торжеству новыхъ теченій и отбросить студенчество назадъ, въ бурную политическую атмосферу, очень легко: стоитъ только, согласно съ мнѣніемъ такихъ совѣтчиковъ, какъ защитникъ „подъема власти“ въ „Новомъ Времени“, отмѣнить автономію высшей школы и приступить къ „очисткѣ“ профессорскаго персонала. Брошенная на едва потухшій или тлѣющій еще костеръ, искра быстро разгорится въ огонь и уничтожитъ плоды самоотверженныхъ усилій выборныхъ ректоровъ и совѣтовъ высшихъ учебныхъ заведеній... Странно было бы, еслибы правильно организованное студенчество продолжало отвлекаться отъ научной работы, въ то самое время, когда такъ пламенно стремятся къ ней массы людей, не прошедшихъ черезъ среднюю школу. Не даромъ же московскій народный университетъ постоянно расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій, приглашаетъ новыхъ лекторовъ, устраиваетъ новыя курсы, открываетъ чтенія на окраинахъ города, предназначенныя, главнымъ образомъ, для живущихъ тамъ рабочихъ и торговыхъ служащихъ¹⁾). Потребность въ серьезномъ образованіи живо и глубоко чувствуется всѣми—чувствуется, конечно, и университетскою молодежью. Нужно только, чтобы ничто, ни извнѣ, ни изнутри, не мѣшало возобновенію правильныхъ занятій въ высшей школѣ. Слишкомъ долго было бы ждать, для этого, окончательнаго перехода Россіи на путь мирнаго развитія.

Недавно окончился въ Ригѣ колоссальный процессъ по обвиненію шестидесяти подсудимыхъ — по большей части латышей-крестьянъ — въ образованіи сообщества съ цѣлью водворенія въ лифляндской губ.

---

¹⁾ См. интересную статью г. Б. Сыромятникова въ № 199 „Русскихъ Вѣдомостей“.

латышской социаль-демократической республики. Какъ и многія другія судебныя дѣла послѣдняго времени, онъ дастъ, когда станетъ достояніемъ гласности, богатый матеріалъ для исторіи переживаемой нами смутной эпохи. Интересны уже и тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя сообщаетъ о немъ корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 11305). По его словамъ, „еще въ началѣ 1905-го года въ Лифлянді встрѣчались единичные случаи нападеній, грабежей, поджоговъ и убійствъ, производившихся видимо пришлымъ элементомъ. Преступленія эти къ лѣту 1905 г. значительно участились. По просьбѣ многихъ помѣщиковъ, были присланы небольшіе отряды войска, расквартированные по нѣскольку солдатъ у помѣщиковъ. Одновременно сами нѣмецкіе помѣщики организовали самооборону (Selbstschutz) по отдѣльнымъ замкамъ. Составъ такихъ отрядовъ самообороны былъ весьма разнообразенъ: были и наемники, были и добровольцы, какъ, напримѣръ, въ отрядѣ пастора Штоля оказался одинъ прусскій отставной офицеръ. Многіе изъ самихъ помѣщиковъ вступили въ число полицейскихъ чиновъ, присвоивъ себѣ наименованіе „почетныхъ полицейскихъ“. Однако самооборона перешла и въ наступленіе. Пользуясь званіемъ полицейскихъ, члены самообороны безпрепятственно разъѣзжали по Лифлянді, чиня самоуправный судъ и расправу. Экзекуція мирныхъ жителей стала постояннымъ явленіемъ. При существующей въ Лифлянді розни между крестьянами и помѣщиками на экономической почвѣ, такія дѣйствія самозванной самообороны сильно возбуждали населеніе. Былъ случай нападенія шайки, дѣйствіями которой распоряжался солдатъ; были даже случаи убійства со стороны нѣсколькихъ пьяныхъ солдатъ... Всѣ подобныя факты сильно волновали населеніе и возбуждали его противъ помѣщиковъ. Въ народѣ появился слухъ, что всѣ безобразія и нападенія учиняются какой-то черной сотней. Не будучи въ состояніи представить себѣ, чтобы въ преступленіяхъ могли участвовать солдаты, слуги Государя, народъ относилъ и нижнихъ чиновъ, квартировавшихъ по имѣніямъ, къ составу черной сотни. Боязнь черной сотни дошла до того, что дворохозяева отдѣльныхъ мѣстечекъ постановили организовать самооборону для постоянного дежурства и охраны ночью отъ черной сотни. Эта служба неслась какъ дворохозяевами, такъ и батраками“. Такова была почва, на которой, осенью 1905-го г., вспыхнуло революціонное движеніе. Красному террору предшествовалъ черныи. Не оправдывая перваго, послѣдній въ значительной мѣрѣ его объясняетъ. Насильственныя дѣйствія революціонеровъ были направлены, болѣею частью, именно противъ тѣхъ лицъ, которыя сыиграли выдающуюся роль во время господства „черной сотни“ (помощникъ начальника рижскаго уѣзда фонъ-Геннингсъ, писмоводитель его Максимовичъ, пасторъ Штоль, почетный полицейскій фонъ-

Петерсонъ). Были ли привлечены къ отвѣтственности руководители и участники помѣщичьихъ „эзекуцій“—изъ приводимыхъ въ „Новомъ Времени“ данныхъ не видно... Можно предполагать, что усиленію однажды начавшейся смуты содѣйствовала и растерянность мѣстныхъ властей: такъ, напримѣръ, проектированное съ цѣлью присканія мѣръ къ успокоенію населенія, собраніе волостныхъ старшинъ и писарей рижскаго уѣзда было сначала разрѣшено, потомъ запрещено. Заслуживаетъ вниманія, далѣе, тотъ раскрытый на судѣ фактъ, что интеллигентные руководители движенія—почтовый чиновникъ Пегазъ, учитель Малта, волостной писарь Кродеръ,—являлись горячими защитниками жизни и имущества помѣщиковъ и пасторовъ.

Мы никогда не были безусловными сторонниками правила: „de mortuis aut bene, aut nihil“; но намъ всегда казалось, что въ разсказахъ объ умершихъ обязательна величайшая осторожность, въ сужденіяхъ о нихъ—строгая сдержанность и правдивость. Непозволительно приводить ничѣмъ недоказанные и недопускающіе провѣрки разговоры съ умершимъ, выставляющіе его въ неблагопріятномъ свѣтѣ; непозволительно исказить его нравственную фізіономію, приписывая ему чуждыя ему стремленія и взгляды. Глубокое негодованіе возбуждали въ насъ, поэтому, выходки противъ покойнаго Г. Б. Юллоса, помѣщенный въ статьѣ нѣкаго г. Сибириака: „О лейбъ-евреяхъ“ („Новое Время“, № 11295). Въ самомъ ихъ тонѣ слышится личное раздраженіе, неулегшее даже въ виду могилы. „Главной задачей своего корреспондентства въ *профессорской* газетѣ“,—пишетъ г. Сибириакъ,—„Юллось считалъ постепенное *воспитаніе русской молодежи къ воспріятію идей революціи* ¹⁾ и пожалъ потомъ то, что самъ сѣялъ: былъ убитъ въ разгаръ революціонныхъ броженій. Свои корреспонденціи въ двѣ русскія газеты и свои агентскія телеграммы онъ *строчилъ*, читая нѣмецкія газеты въ ресторанѣ Romanisches Café“. Дальше идетъ передача разговора, который авторъ будто бы имѣлъ съ Г. Б. Юллосомъ и въ которомъ послѣдній будто бы сказалъ, что своими телеграммами онъ служитъ перевоспитанію Россіи. Сотрудничество Г. Б. Юллоса въ офиціозномъ правительственномъ агентствѣ выставляется какъ бы измѣной его образу мыслей, въ подтвержденіе чего дѣлается ссылка на Бебеля, обвинившаго Юллоса, въ „Vorwärts“, въ невѣрной передачѣ какой-то парламентской рѣчи и отказавшагося отъ всякаго дальнѣйшаго общенія съ нимъ.

¹⁾ Эти слова поставлены въ кавычкахъ, какъ будто бы они принадлежали самому Г. Б. Юллосу.

Фактическая часть навѣтовъ г. Сибиряка опровергнута сыномъ Г. Б. Юлоса, въ письмѣ, напечатанномъ въ № 197 „Русскихъ Вѣдомостей“. „С.-Петербургское телеграфное агентство“—говорить г. А. Юлосъ,—„сотрудничество въ которомъ ставится въ вину моему отцу, было основано въ свое время съ цѣлью противодѣйствія тенденціозно окрашеннымъ сообщеніямъ тогдашняго официального *Россійскаго Телеграфнаго Агентства*. Не преувеличеніемъ однихъ фактовъ и замалчиваніемъ другихъ, а объективной передачей *всѣхъ* фактовъ заграничной жизни мой отецъ имѣлъ въ виду оказать извѣстную пользу. Онъ отказался отъ сотрудничества, какъ только усмотрѣлъ нѣкоторое измѣненіе въ направленіи *С.-Петербургскаго Агентства*. На основаніи невѣрнаго перевода статьи моего отца, помѣщенной въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, Бебель, до того лично его совсѣмъ не знавшій, дѣйствительно обвинилъ его въ намѣренномъ извращеніи фактовъ, но, убѣдившись въ неосновательности обвиненія, публично отказался отъ него въ той же газетѣ, за полной своей подписью“. Намъ остается только прибавить, что ничего похожаго на правду нѣтъ и въ общей характеристикѣ дѣятельности Г. Б. Юлоса, которую не столько высказываетъ, сколько инсинуируетъ г. Сибирякъ. Кто слѣдилъ за письмами Г. Б. Юлоса изъ Берлина, въ теченіе многихъ лѣтъ составившими одно изъ лучшихъ украшеній „Русскихъ Вѣдомостей“, кто перечиталъ ихъ, когда они, года три тому назадъ, были изданы особой книгой, тотъ знаетъ, что покойный не былъ зауряднымъ „строчиломъ“, заимствующимъ матеріалъ для своихъ корреспонденцій изъ мѣстныхъ газетъ. Широко образованный публицистъ и экономистъ, которому только господствовавшій у насъ еще недавно анти-еврейскій предрасудокъ помѣшалъ занять профессорскую кафедру, онъ былъ лично знакомъ со многими представителями германскаго политическаго и научнаго міра, лично наблюдать за теченіемъ германской жизни и передавалъ, въ легкой формѣ, результатъ далеко не легкихъ изученій. Ему дѣйствительно было дорого „воспитаніе русской молодежи“ и русскаго общества, но не въ революціонномъ, а въ конституціонномъ духѣ, въ любви къ свободѣ, въ преданности интересамъ народной массы. Пишущій эти строки хорошо помнитъ, съ какою радостью Г. Б. Юлосъ, въ бесѣдахъ съ нимъ, подчеркивалъ ростъ мирнаго настроенія въ средѣ нѣмецкихъ социаль-демократовъ, объясняя его, главнымъ образомъ, отрицаніемъ исключительныхъ законовъ.

Поразительная съ перваго взгляда, ожесточенная травля такихъ людей, какъ Г. Б. Юлосъ и М. Я. Герценштейнъ, объясняется, въ сущности, весьма просто. Наши антисемиты—все равно, дѣйствуютъ ли они подъ вліяніемъ искренняго фанатизма, или холоднаго разсчета—

никакъ не хотятъ допустить, что евреи способны быть хорошими русскими гражданами, честными русскими дѣятелями. Встрѣчаясь съ фактомъ, подтверждающимъ эту возможность, они его отрицаютъ или извращаютъ; встрѣчаясь съ человѣкомъ, служащимъ живымъ доказательствомъ ея, они на него клеветуютъ — или вѣрять взводимой на него клеветѣ. Примѣръ Г. Б. Юлоса и М. Я. Герценштейна даетъ понятіе о томъ, сколько пользы евреи могутъ принести Россіи, когда они перестанутъ быть ея пасынками. Этому имъ не прощаютъ; этого не можетъ заставить забыть даже ихъ трагическая кончина.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1907.

I.

— Н. Павловъ-Сильванскій. Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. 1907. Стр. 174.

Книга г. Павлова-Сильванскаго принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ работъ по исторіи декабрьскаго возстанія, какія мы имѣемъ. Въ ней данъ полный текстъ показаній Пестеля „Слѣдственному Комитету“ 1826 г., систематически дополненный его отдѣльными отвѣтами и протоколами очныхъ ставокъ; впереди приложенъ прекрасный очеркъ жизни Пестеля, въ концѣ—различные матеріалы, уясняющіе роль Пестеля въ Тайномъ обществѣ и его личность. Такимъ образомъ, въ основной своей части эта книга—первоисточникъ. Въ послѣднее время профессоромъ Довнаръ-Запольскимъ и другими опубликованы показанія многихъ декабристовъ; но ни одно изъ нихъ, ни всѣ они въ совокупности, не могутъ сравниться по важности съ показаніями Пестеля, какъ потому, что онъ являлся бесспорно крупнѣйшей личностью между заговорщиками, такъ и потому, что ничьи показанія не были такъ полны, такъ добросовѣстны и не захватывали такъ глубоко сущность дѣла. Они не проливаютъ новаго свѣта на движеніе двадцатыхъ годовъ—въ этомъ отношеніи все главное уже извѣство и новыхъ открытій трудно ждать; но они разъясняютъ множество подробностей, устанавливаютъ правильную перспективу (напримѣръ, для исторіи развитія республиканской идеи въ кругу декабристовъ), а главное—они впервые непосредственно знакомятъ насъ съ Пестелемъ, впервые позволяютъ намъ взглянуть ему въ лицо, услышать его голосъ. Какъ ни важна исторія общественныхъ идей и настроеній,—самымъ цѣннымъ и самымъ любопытнымъ въ ней все-таки остается живая личность,

носителница этихъ идей, да и самый процессъ развитія общественной мысли мы по существу можемъ изучить только въ его индивидуальныхъ проявленіяхъ, въ той сложной игрѣ личныхъ чувствъ, мыслей, стремленій, изъ которой рождается общее умонастроеніе. Надо признать, что съ этой стороны декабристы еще мало изучены. Мы хорошо знаемъ исторію ихъ заговора, мы до мелочей изслѣдовали ихъ политическія воззрѣнія, но какъ они человѣчески росли и жили, какъ образовался типическій душевный складъ декабриста, какъ ихъ мысль выростала изъ личнаго опыта, — объ этомъ мы почти ничего не знаемъ. Они остаются для насъ дѣятелями, и мы не видимъ людей. Отчасти виною этому свойство нашихъ матеріаловъ. Свѣдѣній, современныхъ движенію, сохранилось чрезвычайно мало, и почти всё они касаются организаціи и общихъ идей; „человѣческихъ документовъ“, которые позволили бы заглянуть въ интимную жизнь личности, среди нихъ нѣтъ почти вовсе. Нравственный обликъ декабриста приходится возстановлять либо по косвеннымъ указаніямъ, либо по матеріаламъ позднимъ и невѣрнымъ, каковы ихъ показанія на слѣдствіи и старческія воспоминанія. Тѣмъ съ большей жадностью мы вглядываемся въ каждую черту, которая можетъ уяснить намъ этотъ обликъ.

При чтеніи показаній, данныхъ декабристами „Слѣдственному Комитету“, каждый разъ неотступно встаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить ихъ откровенность, ихъ готовность рассказать судьямъ *все*, на каждомъ шагѣ дѣлавшую ихъ доносчиками? Молчалъ одинъ Лунинъ, мало говорилъ Якушкинъ, — всё остальные, и между ними люди сильнаго нравственнаго закала, точно на перебой признавались и оговаривали, напрягали память, уличали другъ друга и всячески старались ввести слѣдователей во всё подробности движенія. И надо замѣтить, большинство дѣлало это совершенно чистосердечно, т.-е. отнюдь не съ цѣлью обмануть себя, по крайней мѣрѣ, безъ такого сознательнаго умысла. Въ этомъ смыслѣ процессъ декабристовъ, вѣроятно, не имѣетъ себѣ подобія въ исторіи политическихъ процессовъ. Что вопросъ, о которомъ мы говоримъ, не безразличенъ, показываетъ его постановка въ популярной литературѣ. Передъ нами второй выпускъ „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ“, издаваемой въ Москвѣ; онъ вышелъ этимъ лѣтомъ. Авторъ обширной статьи о декабристахъ рѣшаетъ вопросъ безколебаній: декабристы вели себя позорно, выдавали безъ оглядки, одни — подавшись ловкимъ увѣщаніямъ Николая, большинство — просто изъ страха: „Животный страхъ смерти многими изъ декабристовъ овладѣлъ до такой степени, что жизнь себѣ они стремились купить цѣной самыхъ откровенныхъ и детальныхъ показаній не только того, что они знали, но порой и того, о чемъ ихъ не спрашивали и о чемъ они совсѣмъ не имѣли никакихъ свѣдѣній... Трубецкой и *многіе другіе*

шь своихъ показаніяхъ утратили всякую мѣру нравственнаго чувства и показывали то, что свойственно лишь людямъ, страдающимъ полнымъ отсутствіемъ элементарной порядочности въ отношеніяхъ не только къ близкимъ, но и вообще къ людямъ“. Въ заключеніе, авторъ считаетъ нужнымъ обобщить эту оцѣнку: „Однимъ словомъ— декабристы во время дознанія съ головой выдавали другъ друга и проявили слишкомъ мало самой простой человѣчности и порядочности“. И тутъ же авторъ изъ всѣхъ выдѣляетъ Пестеля, который-де, хотя тоже всѣхъ выдалъ, но выдавалъ спокойно и съ достоинствомъ.

Не говоря уже о нелѣпости этой огульной оцѣнки, естественно было спросить себя: если „всѣ“ выдавали изъ животнаго страха смерти, то почему выдавалъ Пестель, который, по собственному признанію автора, былъ чуждъ всякаго страха, не заискивалъ и не раскаивался? Дѣйствительно, примѣръ Пестеля имѣетъ въ данномъ случаѣ показательное значеніе. Пусть нѣкоторые изъ декабристовъ въ самомъ дѣлѣ признавались изъ трусости, но вотъ человѣкъ, не боявшійся казни,—и онъ оказался откровеннѣе всѣхъ (какъ извѣстно, „Донесеніе слѣдственной комиссіи“ основано главнымъ образомъ на показаніяхъ Пестеля); значитъ, былъ же какой-то другой могучій стимулъ, кромѣ трусости, побуждавшій декабристовъ быть откровенными, а если такъ, то этикетъ трусости надо оставить въ сторонѣ или, по крайней мѣрѣ, обращаться съ нимъ осмотрительно. Само собою разумѣется, что не одинъ Пестель былъ свободенъ отъ „животнаго страха смерти“. Пестель писалъ родителямъ изъ тюрьмы, 1 мая 1826 г.: „Не знаю, какова будетъ моя участь; ежели смерть, то приму ее съ радостью, съ наслажденіемъ: я утомленъ жизнью, утомленъ существованіемъ“. То же самое еще бильѣе высказалъ Рылѣевъ въ знаменитомъ стихотвореніи, написанномъ также въ казематѣ:

Мнѣ тошно жить, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?

. . . . .
Весь міръ—какъ смрадная могила,
Душа изъ тѣла рвется вонъ,—и т. д.

Но Рылѣева авторъ цитированной выше статьи отводитъ; по его словамъ, Николай, рѣшивъ добиться откровенности Рылѣева, „сдѣлалъ это до чрезвычайности просто: Николай купилъ Рылѣева за 2.000 руб., которые онъ передалъ его семьѣ на содержаніе“. Это дурно сказано и по существу глубоко невѣрно. Но Пестеля въдѣ нельзя заподозрить ни въ какой корысти; чѣмъ же объяснить его откровенность?

Припомнимъ исторію признанія Пестеля. На первомъ допросѣ послѣ ареста, въ Тульчинѣ, онъ отозвался полнымъ незнаніемъ:—ни къ

какому тайному обществу не принадлежу и не принадлежать, и ни о какомъ ничего не знаю. Это показаніе было дано 22 декабря 1825 г., когда Пестель, безъ сомвѣнія, еще не зналъ о петербургскомъ возстаніи. По приѣздѣ въ Петербургъ, 4 января, онъ дѣлаетъ уже полное признаніе, краткое по объему, но вполне откровенное, въ высшей степени содержательное и полное именъ. Это показаніе онъ кончаетъ словами: „Вотъ все, что въ теперешнее время припоминаю и могу показать; но, желая государю доказать мое искреннее чистосердечіе и признаніе, буде угодно узнать отъ меня, что, можетъ, я запомнилъ, то готовъ во всемъ сказать все, что видѣлъ и знаю“. Черезъ два дня, въ собственноручномъ дополнительномъ показаніи, онъ объясняетъ, что у него плохая память на имена, такъ что въ этомъ отношеніи онъ легко могъ сдѣлать ошибки: „но ежели окажется темнота или недоумѣніе по такому случаю, то разными другими обстоятельствами могу представить пополнительныя объясненія“. Наконецъ, главныя свои показанія Пестель далъ письменно (собственноручно) въ промежутокъ времени съ 13 января по май 1826 г.; мы уже говорили объ ихъ обстоятельности: въ изданіи г. Павлова-Сильванскаго они занимаютъ около ста большихъ страницъ очень убористаго шрифта. И здѣсь, кончая свой отвѣтъ на вопросы Комитета, онъ опять заявляетъ, что всѣ ошибки, могущія встрѣтиться въ его показаніяхъ, происходятъ единственно „или отъ недоумѣнія, или отъ запаматованія“, такъ какъ онъ всѣми силами старается доказать свое чистосердечіе и безпрекословно готовъ сознаться во всемъ, что до него касается.

Ясно, что Пестелемъ руководила какая-то мысль, притомъ, какъ уже сказано, — не личнаго свойства, а такъ какъ показанія многихъ другихъ декабристовъ носятъ совершенно аналогичный характеръ, то мы вправѣ заключить, что эта мысль была у нихъ общею; всѣ они старались на слѣдствіи 1) доказать свое чистосердечіе, 2) дѣйствительно, и въ подробностяхъ, ознакомить правительство съ исторіей заговора.

Мы никогда не поймемъ ихъ поведенія на слѣдствіи, если останемся на поверхности фактовъ и если будемъ оцѣнивать эти факты съ вашей, современной точки зрѣнія. Политическому дѣятелю нашихъ дней откровенность декабристовъ передъ властью не можетъ не казаться странною, и онъ естественно склоненъ отнести ее на счетъ слабости характера, личныхъ соблазновъ и пр. Но историкъ обязанъ смотрѣть глубже: здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, онъ долженъ исходить изъ психологіи дѣйствующихъ лицъ. Мировоззрѣніе декабристовъ во многомъ отличалось отъ нашего, и одной изъ главныхъ чертъ различія является ихъ и наше отношеніе къ власти, — не къ власти

вообще, а къ русской правительственной власти. Эту демаркаціонную черту провело какъ разъ событіе 14-го декабря и его послѣдствія. Его историческое значеніе именно заключается въ томъ, что оно вскрыло противоположность интересовъ—правительства, съ одной стороны, общества—съ другой, и такимъ образомъ раздѣлило Россію на два *сознательно-враждебныхъ* лагеря. Эта катастрофа сдѣлала то, что испуганная власть, въ лицѣ императора Николая, впервые начала сознательно и систематически выработать свою боевую систему, съ которою она вскорѣ сливается безраздѣльно, а это въ свою очередь повлекло за собою такое же сознательное оппозиціонное самоопредѣленіе общества. До 14-го декабря, боевой тактики не существовало ни съ той, ни съ другой стороны. Для того, чтобы родилось то острое озлобленіе противъ власти, которое укоренилось позднѣе, должно было сложиться представленіе о ея своекорыстїи,—а это представленіе было чуждо декабристамъ. Ихъ отрицательное отношеніе къ русской власти было частью идеологическаго свойства (они ненавидѣли „тиранна“ по Плутарху и французскимъ книгамъ), частью конкретнаго, поскольку они осуждали направленіе правительственной политики. Какъ разъ средняго элемента—того живого *чувства* ненависти, которое обнимаетъ равно и самый институтъ, и его временное воплощеніе,—въ декабристахъ не было. Для того, чтобы понять это, даже нѣтъ надобности вспоминать ихъ личный опытъ, — національный подъемъ двѣнадцатаго года, личность Александра, и т. п.: достаточно припомнить вообще руководящую роль русской власти въ дѣлѣ просвѣщенія на протяженіи всего предшествующаго вѣка и обусловленное этимъ фактомъ единомысліе съ нею передовыхъ круговъ общества. Этого обстоятельства не надо забывать; оно опредѣлило и политическіе взгляды Пушкина, которые тоже, какъ и поведеніе декабристовъ на слѣдствїи, въ этой психологической связи легко могутъ быть истолкованы ошибочно, корыстными мотивами, что и дѣлалось сплошь и рядомъ.

Сообразно съ такимъ общимъ отношеніемъ къ власти, и самый заговоръ декабристовъ вовсе не былъ направленъ противъ власти, какъ таковой. Мысль о томъ, что извѣстный государственный строй по существу исключаетъ возможность глубокихъ политическихъ и социальныхъ реформъ, о какихъ они мечтали, была чужда декабристамъ. Это обстоятельство имѣетъ капитальное значеніе. Даже Пестель, болѣе всѣхъ склонявшійся къ республикѣ, былъ увѣренъ (это его подлинныя слова), „что всѣ отрасли правленія, все устройство народа и всѣ степени правительства, исключая верховной власти, могутъ въ извѣстномъ какомъ-нибудь государствѣ быть учреждены одинаковымъ образомъ, хоть верховная власть будетъ заключаться въ самодержавномъ мо-

наркъ, хоть въ конституціонномъ государствѣ, хоть въ избирательномъ или республиканскомъ сословіи". И мы знаемъ, что въ выборѣ формы правленія декабристы искали преимущественно удобствъ, перебирая регентство, республику, воцареніе императрицы Елизаветы Алексѣевны и пр. Въ нихъ не было принципиальной вражды къ русской государственной власти, какъ не было и личной ненависти къ ней.

Этими психологическими фактами и было обусловлено, въ общемъ, ихъ поведеніе на слѣдствіи. Они были глубоко проникнуты мыслью, что предметъ ихъ стремленій есть вмѣстѣ съ тѣмъ правильно понятый интересъ власти; они психологически отождествляли себя съ этой властью и, безъ преувеличенія можно сказать, относились къ ней съ сыновнимъ чувствомъ. Весь ихъ заговоръ представляется имъ какъ бы семейнымъ дѣломъ между ними и ею. Вотъ почему имъ и на умъ не приходило скрывать что-нибудь. Напротивъ, пусть царь знаетъ, что они—вовсе не его враги; они съ радостью расскажутъ ему все, что было,—свои мысли, намѣренія и поступки,—и пусть онъ не думаетъ, что они изверги,—они благородные люди, и они докажутъ ему это полной искренностью своихъ показаній. Имъ нужно было какъ-разъ видѣть въ царя это чувство общаго имъ и ему интереса, они въ его руки отдавали теперь, послѣ неудачи заговора, дѣло Россіи, и они изо всѣхъ силъ старались доказать ему, что они—его друзья, и друзья, не запятанные низостью.

Какъ извѣстно, Николай быстро уловилъ ихъ тонъ и сдѣлалъ все, чтобы поддержать это настроеніе. Они писали ему обширѣйшія записки о недостаткахъ правленія и о нужныхъ реформахъ; онъ подолгу обсуждалъ съ ними эти вопросы; онъ говорилъ Каховскому: „Я самъ есть первый гражданинъ отечества“; онъ старательно избѣгалъ всего, что могло бы показать имъ какую-нибудь принципиальную разницу между нимъ и ими. Напротивъ, онъ все время держался въ роли отца, который хочетъ того же, что и они, и даже готовъ посовѣтоваться съ ними, но который долженъ наказать ихъ за ихъ своевольный и опрометчивый поступокъ. Этимъ онъ пріобрѣталъ нравственное право на ихъ откровенность. Той же цѣли служили и различныя милости отеческаго характера—двѣ тысячи рублей семьѣ Рылѣва, слова Штейнгейлю: „твои дѣти будутъ мои дѣти“, и пр. И въ результатѣ онъ съ избыткомъ получилъ, что ему нужно было: полную откровенность всѣхъ, раскаяніе и преданность многихъ. Признаніе декабристовъ было только продолженіемъ ихъ дѣла.

II.

— С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Часть III. Библиотека „Свѣточа“. Спб. 1907. Стр. 241.

Степнякъ умеръ рано, въ полномъ цвѣтѣ силъ, и неизвѣстно, во что развилось бы его незаурядное дарованіе со временемъ и при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Что онъ оставилъ, то писалось урывками, наскоро, среди тяжелыхъ личныхъ обстоятельствъ и еще болѣе тяжелыхъ думъ, наконецъ—среди непрерывной революціонной работы. Въ его собственномъ сознаніи эта работа несомнѣнно стояла на первомъ планѣ; весь преданный мысли о свободѣ родной страны, натура цѣльная и кипучая, онъ не могъ не подчинять этой мысли и своего писательства. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Степнякѣ, приложенныхъ къ первому тому настоящаго изданія, Кропоткинъ рассказываетъ, что въ послѣдніе годы жизни Степнякъ увлекался мыслью о драмѣ, какъ средствѣ революціонной пропаганды. Писатель-революционеръ не можетъ не быть тенденціозенъ, но надо признать, что никто и не имѣетъ большихъ правъ на это, нежели такой человекъ, и не только съ психологической точки зрѣнія, но и съ художественной, потому что здѣсь тенденція какъ-разъ не является надуманной цѣлью, а сливается съ самой натурой писателя. О Степнякѣ нельзя сказать того, что однажды сказалъ о себѣ Ибсенъ,—что въ пылу житейской битвы подъ нимъ палъ крылатый конь поэзіи; напротивъ, его именно борьба вдохновляла на творчество.

Степнякъ тенденціозенъ, но его тенденціозность—особаго рода. Онъ очень далеко отъ прямой, обнаженной пропаганды революціонныхъ идей: для этого онъ слишкомъ чутокъ къ требованіямъ художественной формы. Его герои высказываются каждый разъ не больше, чѣмъ требуетъ данная ситуація, и въ ихъ рѣчахъ нѣтъ авторскаго умысла, а дышитъ живое чувство увлеченнаго своей вѣрой человека. Съ этой стороны Степнякъ безупреченъ. Его тенденціозность—только въ способѣ обработки его сюжетовъ.

Какъ-разъ вышедшій теперь третій томъ чрезвычайно характеренъ для него. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ три произведенія: повѣсть „Домикъ на Волгѣ“, драму „Новообращенный“ и „Сказку о копынкѣ“. О послѣдней мы не будемъ много говорить. Это—сказка для народа, написанная съ цѣлью пропаганды, и написанная мастерски. Она слишкомъ велика (въ ней около 50 страницъ), и послѣднія двѣ части ея, несмотря на нѣкоторыя удачныя подробности, слабы, растянуты и утомляютъ обиліемъ мало-художественныхъ притчъ, но пер-

вая—разсказъ о томъ, какъ мужикъ добывалъ вощину и какъ она, переходя отъ него къ барину, попу и пр., каждый разъ снова возвращалась къ нему, чтобы тотчасъ, накликавъ на него новую мятку, опять уйти отъ него къ барину или становому,—эта первая часть великолѣпна не только по остроумію замысла, но и по исполненію, по быстротѣ, сжатости и мѣткости разсказа. Она еще разъ показываетъ, какимъ большимъ мастеромъ слова былъ Степнякъ.

И „Домикъ на Волгѣ“, и „Новообращенный“ написаны приблизительно по одному плану. И тамъ, и здѣсь центральной фигурой является дѣвушка изъ буржуазнаго общества, до момента завязки чуждая всякимъ идеямъ. Это та „дѣвушка... русская дѣвушка“, о которой говорить въ своемъ „Порогѣ“ Тургеневъ. Обѣихъ героинь Степнякъ ждетъ одинаковая участь: онѣ уже сосватаны—одна за чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, другая—за племянника министра; и въ обоихъ случаяхъ дѣвушка какъ-разъ въ этотъ моментъ встрѣчается съ революционеромъ, открывается низость жениха,—и въ результатѣ дѣвушка покидаетъ домъ и, рука-объ-руку съ любимымъ человѣкомъ, отдается революціонной борьбѣ: „Мирное гнѣздо было разрушено. Но въ рядахъ борцовъ за миръ и счастье миллионъ другихъ гнѣздъ прибавилось однимъ человѣкомъ“.

Какъ видитъ читатель, фабула не нова и не отличается большой сложностью. Степнякъ—не глубокий психологъ; въ изображеніи мотивовъ, которыми опредѣляются поступки его дѣйствующихъ лицъ, онъ не идетъ дальше обычнаго литературнаго шаблона, и потому онъ не сумѣлъ расцвѣтить эту старую и по существу несложную фабулу яркими чертами своеобразныхъ, глубокихъ душевныхъ переживаній. Но зато онъ постарался усложнить интригу чисто внѣшнимъ образомъ, вводя въ нее подробности одну эффектиѣ другой. И, можетъ быть, ни въ чемъ темпераментъ борца, живущаго постоянно на вулканѣ, не сказался у Степняка такъ сильно, какъ въ этомъ нагроможденіи эффектныхъ эпизодовъ. Здѣсь революционеръ рѣшительно взялъ въ немъ перевѣсъ надъ художникомъ. Исторія русскаго освободительнаго движенія въ послѣднія тридцать—сорокъ лѣтъ дѣйствительно богата такими эффектами, но, сколько бы ихъ ни было, они всегда остаются случайными. Именно какъ художникъ, онъ долженъ былъ избѣгать этого соблазна. Излишество внѣшняго драматизма не уясняетъ, а только затемняетъ сущность изображаемой имъ душевной борьбы и придаетъ его картинамъ характеръ мелодрамы.

Вотъ, для примѣра, начало „Домика на Волгѣ“. Революционеръ, сопровождаемый жандармами въ курьерскомъ поѣздѣ, бросается на ходу изъ окна вагона и, израненный, добирается до Волги. Здѣсь дѣвушка, катающаяся въ лодкѣ, подбираетъ его; онъ признается ей

во всемі; она везетъ его въ свой старосвѣтскій домъ, къ матери, и водворяетъ во флигелѣ. У нея есть братъ въ Петербургѣ, тоже революціонеръ, и они давно не имѣютъ о немъ извѣстій; оказывается, что гость—другъ брата и можетъ многое рассказать о немъ. Затѣмъ появляется женихъ дѣвушки—чиновникъ при губернаторѣ, карьеристъ до мозга костей. Онъ знаетъ о бѣгствѣ политическаго преступника, и сразу догадывается, что странный гость его будущей тещи—именно этотъ бѣглець. Онъ замѣтилъ также интимность, которая установилась между его невѣстой и гостемъ. Въ его душѣ—драма: долгъ службы и страхъ потерять невѣсту подстрекаютъ его донести, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боится, что дѣвушка не проститъ ему такой низости. Затѣмъ слѣдуютъ обыскъ, чудесное спасеніе Муринова (революціонера), эффектное объясненіе жениха съ невѣстой (оказывается, что не онъ донесъ), еще болѣе эффектная картина ихъ вѣнчанія, гдѣ невѣста въ послѣднюю минуту на обычный вопросъ священника отвѣчаетъ: нѣтъ!—затѣмъ, ея тяжелая болѣзнь и, наконецъ, отъѣздъ въ Петербургъ, гдѣ она соединяется съ Муриновымъ и становится въ ряды борцовъ за свободу.

Такой же рядъ внѣшнихъ эффектовъ представляетъ собою и „Ново-обращенный“, съ тою разницей, что здѣсь ихъ сплѣненіе еще менѣе обязательно и, если можно такъ выразиться, еще сенсационнѣе, а слѣдовательно, еще болѣе затемняетъ идею произведенія. Къ этимъ эффектамъ нельзя не причислить и тотъ эпизодъ, по которому названа пьеса,—„обращеніе“ старика-отца, обращеніе въ активнаго революціонера, мало мотивированное авторомъ и по существу совершенно неправдоподобное.

Въ итогѣ получается мелодрама, захватывающая при бѣгломъ чтеніи, но слабая въ художественномъ отношеніи. Этому способу обработки сюжетовъ вполне соответствуетъ и характеристика дѣйствующихъ лицъ. И здѣсь въ Степнякѣ сказывается бессознательное стремленіе къ чрезвычайной яркости красокъ. И въ повѣсти, и въ пьесѣ, революціонеръ—само благородство; дѣвушка, будущая революціонерка—воплощенная душевная красота; женихъ—не просто мирный обыватель, а непременно изъ „правящихъ“, и притомъ—либо вовсе извергъ, либо бездушный бюрократъ. Это—тоже эффектъ, разумѣется, бессознательный, и тоже крупный художественный недостатокъ, обусловленный жизнью и темпераментомъ Степняка. Эти черты, вѣроятно, типичны; такъ долженъ и такъ будетъ писать всякій активный боець, одаренный среднимъ художественнымъ талантомъ. То, что является самымъ цѣннымъ оружіемъ въ практической борьбѣ: кипучая дѣловая энергія и рѣзкое, контрастное мышленіе,—въ искусствѣ

всего опаснѣе, и обуздать эти наклонности можетъ развѣ только первоклассное дарованіе.

Между тѣмъ, по характеру письма Степнякъ чуждъ всякой рѣзкости; у него мягкая, почти женственная манера, въ его тонѣ много теплоты и задушевности. Такимъ рисуютъ намъ Степняка-человѣка его друзья въ своихъ воспоминаніяхъ. Всего явственнѣе отразилось на немъ вліяніе Тургенева: у него заимствоваль онъ и этотъ обликъ русской дѣвушки, и типы стариковъ, и манеру разсказа и описанія. Въ его „Домикѣ на Волгѣ“, написанномъ такъ недавно, вообще есть что-то старомодное, напоминающее пятидесятыя годы, напоминающее „Корнета Отлетаева“. Эта старая, мягкая манера, при рѣзкой эффектности содержанія, производитъ своеобразное впечатлѣніе и подкупаетъ читателя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Степнякъ достигаетъ большой силы, и это какъ-разъ тамъ, гдѣ ему приходится изображать чувство; тогда онъ умѣетъ находить слова глубокія и простыя, идущія отъ сердца къ сердцу. Сцена прощанія Кати съ Норовымъ въ „Новообразномъ“—созданіе настоящаго художника.

III.

— Влад. Станюковичъ. Пережитое. Спб. 1907. Стр. 104.

Ужасомъ и болью полны страницы этой книги, воскрешающей въ памяти картины недавней войны. Жизнь проворно тклетъ свой цвѣтной покровъ, быстро зарастаетъ травой могилы; Мукденъ, Вафанъгоу, Цусима— для насъ уже точно обрывки давняго кошмарнаго сна: Но стѣнитъ только коснуться этихъ воспоминаній, стѣнитъ какому-нибудь очевидцу заговорить о пережитомъ въ тѣ дни, — они оживаютъ въ памяти со всей яркостью незабвенныхъ образовъ, неизгладимыхъ впечатлѣній, и опять сердце сжимается ужасомъ и болью. Годъ назадъ вся читающая Россія съ содроганіемъ прочитала книгу проф. Худякова: „Путь къ Цусимѣ“, одинъ изъ самыхъ потрясающихъ мартирологовъ, какой когда-либо былъ написанъ; теперь о пережитомъ на войнѣ разсказываетъ В. Станюковичъ. Это — разсказъ человѣка съ чуткимъ сердцемъ и развитымъ, художественнаго склада, умомъ. Ужасно было то, что видѣли и переживали всѣ, но вдвойнѣ ужасно то, что должны были пережить сердцемъ такіе люди, страдавшіе *нравственно*—за себя и за всѣхъ.

Невозможно сильнѣе передать впечатлѣніе, производимое этой книгой, чѣмъ это сдѣлалъ самъ авторъ своимъ эпиграфомъ. Изъ неотправленнаго письма, найденнаго въ карманѣ *убитаго*, онъ выписалъ слѣдующія слова: „Теперь могу сказать, любезнѣйшая матушка, что

глаза мои видѣли войну". Въ этой цитатѣ — весь кровавый бредъ войны. Зачѣмъ нужно было этимъ глазамъ, живымъ и любимымъ матерью, увидѣть беспредѣльный ужасъ, чтобы тотчасъ закрыться навѣки?—и цѣною какихъ страданій былъ купленъ этотъ ненужный страшный опытъ?

Г. Станюковичъ говоритъ, что онъ не участвовалъ въ битвахъ— онъ смотрѣлъ въ кровавый ликъ войны „немного собою“; онъ былъ, повидимому, врачомъ изъ запаса, и все время работалъ въ госпиталяхъ, въ пылу армій. Онъ видѣлъ только непосредственные плоды боя — горы труповъ и безконечныя вереницы раненныхъ. Двѣнадцать амъ-землянокъ, похожихъ на могилы,—это госпиталь. На земляныхъ нарахъ посланы грязныя изодранныя циновки; всю ночь приливаетъ потокъ раненныхъ, искалѣченныхъ, окровавленныхъ людей; ихъ уже 600 — 700, некуда класть, врачей всего двое; „и въ этихъ темныхъ полу-могилахъ, освѣщенныхъ жидкими желтыми огоньками лампочекъ, метались мы со свѣчами, стараясь хоть что-нибудь сдѣлать, путались, забывали, терялись, а изъ темноты неслись стоны, плачь, провлятія, молитвы и вой сквозь стиснутые зубы“. Генераль Солнцева, инспекторъ госпиталей, въ ночь боя при Сандену, лежа на своей походной кровати, не спитъ и пишетъ что-то въ записной книжкѣ, и утромъ тутъ же выстрѣломъ кончаетъ съ собою: „Я не могъ принять раненныхъ такъ, какъ они того заслуживали, а потому долженъ умереть первымъ“, писалъ онъ въ своей запискѣ. И молодой хорунжий, только что вышедшій изъ военнаго училища и блестяще отличившійся въ первыхъ стычкахъ, соблазнился примѣромъ; узнавъ, что генераль застрѣлился, онъ пошелъ посмотрѣть, долго стоялъ передъ тѣломъ и сказалъ: „Хорошо!“; ночью пилъ и билъ своего денщика, на другой день пообѣдалъ, напился, легъ въ ту же позу, какъ генераль, и пустилъ себя въ сердце двѣ пули“.—Авторъ участвовалъ въ отступленіи изъ-подъ Мукдена. Съ такой потрясающей картинностью оно не было описано, кажется, нигдѣмъ. Эти страницы книги переживаешь, какъ болѣзнь, какъ кораблекрушеніе, изъ котораго самому удалось спастись. Что перенесли при этомъ отступленіи люди, находившіеся еще въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, показываетъ одинъ мелкій случай, о которомъ рассказываетъ авторъ. Во время отступленія, ночью, на привалѣ, кучка людей, сбившись въ какой-то сторожекъ, жадно грѣлась чаемъ. Одинъ изъ врачей, старый человекъ, пробрался къ столу и протянулъ околѣнѣвшія руки къ чайнику; онъ хотѣлъ что-то сказать, но, вмѣсто словъ, изъ его устъ вырвался жалкій, протяжный, хриплый вой. Объ одномъ своемъ товарищѣ, проспавшемъ во время этого бѣгства цѣлыя сутки въ повозкѣ, авторъ говоритъ: „Счастливецъ! Для него въ эти дни одинъ разъ не всходило солнце!“

И это—только самые выдающіеся, самые эффектные моменты войны, а за ними—какая пучина неяркихъ ежедневныхъ страданій, какія нечеловѣческія усилія и лишенія, какая нестерпимая усталость миліона отдѣльныхъ людей! Величайшій ужасъ за цѣлое столѣтіе! Черезъ тысячу лѣтъ о немъ будутъ помнить и, вспоминая, содрогаться люди чуждыхъ странъ.

IV.

— Н. Троцкій. Туда и обратно. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1907. Стр. 123.

Имя автора этой книжки—еще у всѣхъ въ памяти: бывшій членъ петербургскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ, онъ въ январѣ настоящаго года, вмѣстѣ съ 13 товарищами, былъ сосланъ въ Обдорскъ, но изъ Березова, не доѣзжая до мѣста назначенія, бѣжалъ и, добравшись на оленяхъ до уральскихъ заводовъ, благополучно—черезъ Петербургъ—уѣхалъ за-границу. Исторію своей ссылки и бѣгства онъ и излагаетъ въ названной книжкѣ,—излагаетъ живо и просто, прекраснымъ литературнымъ языкомъ, но безъ особенной художественности. Кто читалъ великолѣпный рассказъ о бѣгствѣ черезъ Сибирь въ „Воспоминаніяхъ“ Дебогорія-Мокрѣевича, тому повѣствованіе г. Троцкаго покажется слишкомъ поверхностнымъ. Оно лишено настроенія; въ немъ, правда, нѣтъ сухости, и скромность, съ которою авторъ описываетъ свое героическое бѣгство, подкупаетъ читателя, но эта простота куплена цѣною изобразительности и глубины. Это безпритязательный рассказъ болѣе о видѣнномъ, чѣмъ о пережитомъ, бѣглыя записки о необыкновенномъ путешествіи. Въ нихъ много любопытнаго бытового матеріала. Авторъ забавно описываетъ, съ какими предосторожностями ихъ—Совѣтъ рабочихъ депутатовъ—везли въ ссылку. Доѣхавъ до Тюмени по желѣзной дорогѣ, они двинулись дальше на лошадяхъ. Стража на 14 ссыльныхъ состояла изъ 52 конвойныхъ солдатъ, капитана, пристава и урядника. Ѣхали крайне медленно, верстъ по двадцати въ день; дѣло въ томъ, что поверстный маршрутъ былъ составленъ въ Петербургѣ, въ департаментѣ полиціи, съ такимъ расчетомъ, чтобы везти ссыльныхъ только днемъ, во избѣжаніе побѣговъ, и конвойное начальство, повинуваясь этой инструкціи, послѣ положеннаго числа верстъ останавливало партію на ночлегъ, такъ что Ѣхали всего три—четыре часа въ сутки, остальное время стояли. Поѣздъ состоялъ изъ 22 саней съ 50 лошадьми; лошадей сгоняли издалека, а перегоны въ тѣхъ мѣстахъ короткіе; въ 10—15 верстъ; такимъ образомъ, остяку приходилось гнать свою лошадь верстъ за сто, чтобы провезти пару ссыльныхъ на протяженіи десяти верстъ, и такъ какъ время прибытія ссыльной партіи заранѣе не было извѣстно, то

иной ящикъ ждалъ ее на пунктѣ недѣли двѣ. Везли ссыльныхъ, разумѣется, съ величайшими предосторожностями, доходившими до того, что имъ, напримѣръ, не передавали полученные на ихъ имя телеграммы, не позволяли и самимъ писать съ дороги, не сообщали имъ, куда ихъ везутъ, и т. п.; въ Тобольскѣ, гдѣ партія должна была простоять три дня, губернаторъ даже запретилъ добровольно слѣдовавшимъ женамъ выйти изъ тюрьмы. И несмотря на всѣ предосторожности, нѣсколькимъ изъ этой партіи, какъ извѣстно, удалось бѣжать, частью въ пути, частью позднѣе. Да и вообще, по словамъ автора, побѣги политическихъ въ томъ краю—заурядное явленіе: „не бѣгутъ только лѣнливые“; изъ 450 ссыльныхъ въ одной части тобольской губерніи осталось всего около 100. Это объясняется въ значительной степени симпатіей мѣстнаго населенія къ политическимъ. Такъ, въ большомъ торговомъ селѣ Самаровѣ крестьяне отвели политическимъ бесплатно цѣлый домъ и подарили первымъ пріѣхавшимъ туда ссыльнымъ теленка и два куля муки. Лавки отпускаютъ политическимъ товары дешевле, чѣмъ мѣстнымъ жителямъ, пароходы возятъ ихъ даромъ. Въ маленькомъ селѣ Бѣлогорьи, березовскаго уѣзда, при проѣздѣ той партіи ссыльныхъ, въ которой находился авторъ, группа мѣстныхъ крестьянъ въ складчину приготовила для нихъ чай и закуску и собрала для нихъ деньгами шесть рублей. И самому автору удалось бѣжать—и сравнительно очень легко—только потому, что за это взялся мѣстный купецъ изъ сочувствующихъ. Впрочемъ, за послѣднее время уровень „ссылки“, по свидѣтельству автора, сильно понижился, что не можетъ не отразиться и на отношеніи къ ней мѣстнаго населенія. Въ прежніе годы ссыльные рекрутировались изъ сознательныхъ элементовъ, изъ людей, входившихъ въ революціонныя организаціи и, слѣдовательно, стоявшихъ въ умственномъ и моральномъ отношеніи на извѣстной высотѣ; въ послѣдніе же два-три года, когда движеніе приняло стихійный, массовый характеръ, въ ссылку попадаютъ сплошь и рядомъ случайные люди, „безшабашные представители ночной улицы большого города“. И такъ какъ, къ тому же, наиболѣе сознательные люди бѣгутъ изъ ссылки, то остается въ ней только сѣрая масса, и при той круговой поруцѣ, которою связаны морально всѣ политическіе передъ мѣстными жителями, сознательнымъ ссыльнымъ приходится, конечно, не легко.

Описаніе бѣгства автора читается съ захватывающимъ интересомъ. Въ этой побѣдѣ на оленяхъ черезъ тайгу и тундру на протяженіи 700—800 верстъ подъ ежеминутнымъ страхомъ погони есть что-то фантастическое. Можно быть разныхъ мнѣній о той идеѣ, которой служить г. Троцкій, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ весь поглощенъ ею и служить ей преданно. Онъ кончаетъ свое предисловіе такими сло-

вами: „Вся исторія—это огромная машина на службѣ нашихъ идеаловъ. Она работаетъ варварски-медленно, съ безчувственной жестокостью, но она дѣлаетъ свое дѣло. Мы увѣрены въ ней. И только въ тѣ минуты, когда ея прозорливый механизмъ поглощаетъ въ качествѣ топлива живую кровь нашихъ сердецъ, намъ хочется крикнуть ей изо всѣхъ силъ:—„Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе!“ Великъ размахъ русской жизни! Этотъ человѣкъ, весь поглощенный своей идеей,—отдыхающій на своемъ невѣрномъ пути въ жалкой остиацкой юртѣ, — это два полюса русской дѣйствительности.

V.

— А. Нѣмовскій. Изъ-подъ пыли вѣковъ. I. Сократъ. Изд. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1907 г. Стр. 174.

Есть своеобразная прелесть въ этой картинѣ далекаго прошлаго, нарисованной со всѣмъ искусствомъ, со всей тонкостью мысли и душевной сложностью художника нашихъ дней. Аѳины временъ Перикла! Какая даль временъ, какая немеренущая красота воспоминаній! Мы помнимъ, и не вѣрнимъ себѣ, мы съ дѣтства въ школѣ узнаемъ то прошлое—его поэзію, его имена, его дѣянія,—но, выросши, мы все-таки не знаемъ: было оно въ дѣйствительности, или только пригрезилась человѣчеству эта лучезарная Эллада съ ея Олимпомъ, съ ея Дельфами, со всѣми дивными подробностями ея исторіи и быта? Она окутана какой-то свѣтлой дымкой, которая мѣшаетъ намъ ощутить ея реальность, несмотря на всю осязательность мраморныхъ обломковъ и гексаметровъ, которые дошли до насъ. Это чувство не покидаетъ даже ученаго; работая надъ источниками греческой исторіи, анализируя факты ея и характеризуя дѣятелей, онъ примѣняетъ тѣ же приемы мышленія, какъ при изслѣдованіи любой реальной исторической эпохи; но стѣдуетъ ему отойти на минуту и отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ, — и впечатлѣніе сна, призрачности всего этого міра охватываетъ его неодолимо.

Эта дымка лежитъ и на картинѣ древнихъ Аѳинъ, нарисованной талантливымъ польскимъ писателемъ. Онъ точно вводитъ насъ въ какое-то волшебное царство, гдѣ каждая фигура и каждая вещь — реальна, какъ день, и гдѣ однако все въ цѣломъ призрачно и волшебно. Этого впечатлѣнія онъ достигаетъ уже первымъ своимъ эскизомъ, открывающимъ книгу. Это — ночь на Акрополѣ. Лунный свѣтъ зеленоватыми полосами ложится между колоннъ Парѳенона, лѣтняя ночь душна, вдали надъ моремъ вспыхиваютъ зарницы. Вотъ подъ колоннадой ходятъ взадъ и впередъ два человѣка: это философъ

Анаксагоръ, который по приговору народа долженъ утромъ навсегда покинуть Аѳины, и его ученикъ Сократъ. Учитель завѣщаетъ ученику свое ученіе; онъ говорить—и его мысль измѣряетъ небесный сводъ, вскрываетъ явленія, взвѣшиваетъ идеи; это „осень завѣщаетъ свои сѣмена веснѣ“. Но вотъ, между Эректейономъ и Пареонономъ, залитыя луннымъ свѣтомъ, медленно проходятъ двѣ другія фигуры, мужчина и женщина, Периклъ и Аспазія. Аспазія говоритъ; своей пластической рѣчью она строитъ будущія Пропилеи, а изъ-за каріатидъ Эректейона, погруженный въ тѣнь, жадно вглядывается въ ея вдохновенное лицо Фидій. Ея образъ—статуя Аѳины, еще не конченная—стоитъ въ его мастерской; онъ долго и пристально смотритъ, и вдругъ, какъ безумный, устремляется въ свою мастерскую: онъ уловилъ наконецъ эту дивную линію переноса и спѣшитъ хоть мѣломъ начертать ее на двери, чтобы утромъ исправить на статуѣ. А на южной сторонѣ Пареонона, на мраморной террасѣ въ это время сидитъ Эврипидъ; онъ погруженъ въ творческія грезы; „то, что рисуется теперь предъ его взоромъ, наволнить нѣкогда сцены Эллады ужасомъ и безуміемъ“. Ночь проходитъ, алѣетъ небо, на востокѣ занялась заря; уже надъ Акрополемъ въ лазури звенитъ жаворонокъ. У крѣпостной стѣны стоитъ Фукидидъ, смотритъ, какъ, прощаясь съ друзьями, сходитъ съ Акрополя Анаксагоръ, и дрожащей рукою чертитъ на своей таблицѣ дату наступающаго дня и два слова: „Изгнанъ Анаксагоръ“.

Въ этой лунной ночи есть волшебное очарованіе, и, какъ ни искусственна картина, нарисованная польскимъ художникомъ, она вѣрно воспроизводитъ и поэзію, и призрачность чувства, вызываемаго въ насъ представленіемъ объ античномъ мірѣ. И такъ, въ свѣтломъ снѣ, проходитъ передъ нами въ этой книгѣ вся исторія Сократа.

Между тѣмъ, по своему идейному содержанию книга Нѣмовскаго—вполнѣ современная книга. Ея герой—не Сократъ; онъ только центральное лицо, въ немъ узелъ драмы. Герой Нѣмовскаго—дѣмосъ, буйный, шумливый, дурно-пахнущій дѣмосъ, который живетъ единой жизнью и имѣетъ свою единую, коллективную психику. Нѣмовскій сѣумѣлъ безъ символовъ олицетворить эту стихію толпы. Онъ сѣумѣлъ показать намъ могучія движенія ея коллективной души, *подобныя извивамъ гремучей змѣи, и подъ его кистью этотъ видимый хаосъ раскрываетъ свою таинственную закономерность,—ту высшую гармонию, которая присуща стихіямъ. На полѣ битвы, глядя на движеніе тѣней при свѣтѣ костра, Сократъ понялъ, что въ человѣческой душѣ есть нѣчто болѣе сильное, чѣмъ „разумъ“ Анаксагора.... Душа полна смятенія, полна ощущеній, предчувствій, всей неуловимой игры силъ, стремленій, призывовъ, моленій и жалобъ. Однако, если вслушаться въ это внутреннее смятеніе, вслушаться внимательно, то одинъ голосъ

царить надъ всѣми другими, одно вѣчное, безсмертное, всегда одно гласящее, дивное, послѣдовательное—Даймоніумъ“. Но такое же „Даймоніумъ“ живетъ и въ душѣ толпы, и, повинувшись ему, дѣмосъ безсознательно, но неотвратно идетъ къ своей невѣдомой цѣли, попутно выдвигая впередъ Анита и Мелета и растапывая Сократа. Нѣмоевскій стумѣль показать этотъ неразумный, стихійный разумъ дѣмоса, и въ этомъ—главный интересъ его книги.

Ея крупнѣйшій недостатокъ, на нашъ взглядъ,—недостатокъ интимности. Дѣмосъ—не только цѣлое, онъ—и совокупность отдѣльных личностей. Намъ надо было бы видѣть, какъ его коллективная воля зарождается и нарастаетъ въ единицахъ, въ индивидуальномъ сознаніи человѣка изъ толпы. Этой второй половинѣ задачи авторъ удѣлил слишкомъ мало вниманія: онъ поглощенъ созерцаніемъ толпы, какъ цѣлаго. Только одна глава вводитъ насъ за кулисы. Правда, она великолѣпна. Надо было показать ту реакцію въ пользу Сократа, которая уже вскорѣ послѣ казни мудреца совершается въ дѣмосѣ. Авторъ вводитъ насъ въ домъ одного изъ пятисотъ геліастовъ, осудившихъ Сократа. Дѣлатель сандалій Зенонъ уже цѣлый мѣсяць со времени суда пьянствуетъ выше всякой мѣры. Его дочь Ассія съ того дня не здороваётся съ нимъ, и Зенонъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ этого; изъ-за пьянства онъ забросилъ свое ремесло, и жена безпрестанно попрекаетъ его. Онъ и сегодня вернулся поздно и подъ хмелькомъ. „И на этотъ разъ, при входѣ отца, Ассія не тронулась отъ своей прялки. Только лицо ея залилъ горячій румянецъ, да сурово сдвинулись брови, и съ бѣшеной быстротой завертѣвъ свою прялку, она блестящими глазами слѣдила за вьющейся нитью“. Зенона что-то давить, какая-то мысль бьется въ его головѣ; онъ хотѣлъ бы подѣлиться ею съ кѣмъ-нибудь, но собственный домъ сталъ для него чужимъ. Пересиливъ себя, онъ наконецъ прерываетъ молчаніе: Сократъ сегодня казнень. Ассія закрываетъ лицо и плачетъ, и самъ Зенонъ разражается рыданіемъ и бросается къ дочери: „Ассія, я не виновать, я не виновать!“ и, обнявшись, они плачутъ оба. Потомъ дѣвушка начинаетъ рассказывать ему, чему училъ Сократъ, и Зенонъ съ удивленіемъ говоритъ: „Да вѣдь онъ былъ хорошій человѣкъ“—и, подумавъ немного, рѣшительно встаетъ: „Иди со мной! Пойдемъ взглянуть хоть на его останки. Луна взошла, свѣтло“.

Историческая беллетристика по справедливости пользуется дурной славою. Книга Нѣмоевскаго принадлежитъ къ исключеніямъ: въ ней виденъ хотя не первоклассный, но настоящій художникъ.—М. Г.

VI.

— В. Святловскій. Профессиональное движеніе въ Россіи. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Участники и наблюдатели общественнаго движенія въ Россіи послѣднихъ лѣтъ рѣзко расходятся въ объясненія сущности этого явленія. Для однихъ это была революція, закончившаяся, какъ и въ другихъ странахъ, провозглашеніемъ конституціонныхъ началъ, которымъ предстоитъ обновить государственные порядки Россіи. Для другихъ это—лишь прелюдія настоящей революціи, и главный ея смыслъ заключается въ развитіи политическаго самосознанія и организаціи широкихъ массъ населенія. Здѣсь не мѣсто, конечно, разбирать, кто правъ; но нельзя не замѣтить, что нѣтъ, кажется, человѣка, который бы не признавалъ огромнаго переворота, совершившагося въ теченіе разсматриваемаго періода въ воззрѣніяхъ трудящихся массъ. Внѣшнимъ признакомъ этого превращенія является хотя бы фактъ оппозиціоннаго и въ значительной мѣрѣ революціоннаго характера второй Государственной Думы, данный составъ которой опредѣлился, главнымъ образомъ, благодаря тому, а не другому настроенію избирателей-крестьянъ.

Если относительно крестьянской среды имѣются факты, неопровержимо свидѣтельствующіе о метаморфозѣ политическаго міросозерцанія, совершившейся въ описываемое время, то въ широкихъ слояхъ рабочаго класса нельзя не замѣтить вмѣстѣ съ тѣмъ и проявленій живого стремленія къ организаціи. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не политическія партіи, намѣчающіяся въ рабочемъ классѣ, активными дѣятелями которыхъ являются пока интеллигенты и избранные изъ рабочей среды. Мы говоримъ о профессиональныхъ организаціяхъ и о стремленіи къ таковымъ, охватывающемъ самые отсталые слои рабочаго населенія. Имѣющіеся матеріалы очень недостаточны для того, чтобы очертить всю ширину профессиональнаго движенія: политическія условія ставятъ огромныя препятствія правильному его развитію, обрываютъ въ зародышѣ многія организаціи, загоняютъ въ подполье дѣйствующіе союзы,—и все это мало благоприятствуетъ систематическому сообщенію свѣдѣній о немъ въ печати. Но, несмотря на всѣ эти препятствія широкому развитію молодого движенія рабочихъ къ организаціи, фабричная инспекція насчитала все-таки 643 дѣйствующихъ разрѣшенныхъ профессиональныхъ союзовъ. А это значитъ, что можно имѣть матеріалы для характеристики если не всего движенія къ профессиональной организаціи, то тѣхъ формъ послѣдней, какія сложились подъ вліяніемъ всѣхъ условій нашего политическаго быта.

Такую характеристику пытались уже давать въ краткихъ журнальныхъ статьяхъ и брошюрахъ. Въ настоящій же моментъ появилась цѣлая книга, посвященная профессиональному движенію, составленная частью по опубликованнымъ, частью по неизданнымъ матеріаламъ. Книга эта, указанная въ заголовкѣ нашей замѣтки, принадлежитъ г. Святловскому, близко стоящему къ нѣкоторымъ профессиональнымъ союзамъ г. Петербурга.

Дѣйствующіе нынѣ профессиональные союзы среди русскихъ рабочихъ есть, собственно говоря, продуктъ послѣднихъ трехъ лѣтъ. Несмотря на такую молодость современнаго профессиональнаго движенія, официальнымъ подсчетомъ установлено, какъ мы видѣли, существованіе болѣе чѣмъ 600 профессиональныхъ организацій. Такой успѣхъ молодого движенія служитъ свидѣтельствомъ того, что почва для него была хорошо подготовлена. И дѣйствительно, стачечное движеніе среди фабрично-заводскихъ рабочихъ появилось у насъ настолько давно и проявлялось съ такою силой, что только полнѣйшая невозможность открытаго существованія союзовъ объясняетъ отсутствіе организацій рабочихъ для защиты своихъ интересовъ. вмѣсто такой организаціи рабочихъ массъ, можно было наблюдать лишь кратковременно существующіе рабочіе кружки, задававшіеся цѣлями агитаціи на экономической или политической почвѣ и игравшіе немаловажную роль во время стачекъ. Первые же массовыя организаціи рабочихъ были созданы при участіи правительства. Мы имѣемъ здѣсь въ виду такъ называемую „зубатовщину“—систему отвлеченія рабочихъ отъ политической борьбы путемъ сосредоточенія ихъ вниманія на борьбѣ экономической,—для чего нѣкоторые представители администраціи устраивали рабочіе союзы и покровительствовали стачечнымъ движеніямъ ихъ противъ предпринимателей. Эти мѣры администраціи сыграли не послѣднюю роль въ развитіи всеобщей забастовки рабочихъ юга Россіи лѣтомъ 1903 года, послѣ чего авторъ описанной системы, чиновникъ московскаго охраннаго отдѣленія, Зубатовъ, былъ удаленъ отъ должности, а его агентъ на югѣ, Шавевичъ, сосланъ въ сѣверныя губерніи.

Вскорѣ послѣ этого, опасная для правительства затѣя заигрыванія съ рабочими была повторена въ Петербургѣ. Въ апрѣлѣ 1904 года здѣсь былъ открытъ рабочій союзъ подъ именемъ „Собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербургга“, находившійся подъ спеціальнымъ покровительствомъ петербургскаго градоначальника. Во главѣ союза поставлено было надежное, съ полицейской точки зрѣнія, лицо, священникъ Гапонъ. Хотя цѣлью общества ставилось далеко не то, чѣмъ привлекалъ рабочихъ Зубатовъ, о боевыхъ задачахъ общества въ уставѣ его вовсе не поминалось и вмѣсто того ему пола-

талось преслѣдовать цѣль „возбужденія и укрѣпленія въ средѣ рабочихъ русскаго національнаго самосознанія, развитіе въ нихъ разумныхъ взглядовъ на обязанности и права рабочихъ“,—но дѣло окончилось тѣмъ, что устроенное полиціей общество сдѣлалось инициаторомъ забастовки, охватившей весь Петербургъ, и организаторомъ грандіозной политической манифестаціи 9-го января 1905 года.

День 9-го января будетъ фигурировать въ исторіи, какъ начало открытаго проявленія революціоннаго настроенія рабочихъ массъ. Этотъ моментъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и поворотнымъ пунктомъ въ развитіи профессиональнаго движенія. Политическая манифестація, кровавая расправа съ рабочими и всеобщая стачка въ Петербургѣ отразились въ провинціи широкимъ стачечнымъ движеніемъ, на почвѣ котораго возникло стремленіе къ организаціи профессиональныхъ союзовъ, особенно рѣзко проявившееся въ осенніе дни 1905 года, когда населеніе пользовалось фактической свободой собраній.

Такое значеніе дню 9-го января придаетъ и авторъ разсматриваемаго нами труда, а предшествующее рабочее движеніе играетъ въ его книгѣ роль какъ бы введенія въ исторію профессиональныхъ союзовъ послѣднихъ двухъ съ половиною лѣтъ. На страницахъ, посвященныхъ этому введенію, разсказывается, между прочимъ, со словъ рабочихъ-ближайшихъ сотрудниковъ Гапона, и исторія подготовленія манифестаціи, во многомъ противорѣчащая тому, что извѣстно объ этомъ изъ другихъ источниковъ. Можно только пожалѣть, что авторъ не собралъ соответствующихъ данныхъ и отъ другихъ лицъ, напримеръ, хотя бы отъ группы писателей, къ которой Гапонъ обратился съ просьбой принять подъ литературную защиту его общество, обвиняемое сознательными рабочими въ провокаторскихъ цѣляхъ, и которая была близкимъ свидѣтелемъ подготовки манифестаціи въ теченіе замѣчательной недѣли, предшествовавшей девятому января.

Что касается главной части труда г. Святловскаго, относящейся къ профессиональному движенію послѣднихъ трехъ лѣтъ,—она имѣетъ довольно отрывочный характеръ, что отчасти по крайней мѣрѣ объясняется недостаткомъ и свойствами матеріала. Г. Святловскій начинаетъ эту часть съ исторіи профессиональнаго движенія послѣднихъ трехъ лѣтъ, причемъ сколько-нибудь подробно излагается только дѣятельность центрального бюро союзовъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Затѣмъ слѣдуетъ статистика профессиональныхъ союзовъ. Въ этой главѣ приводятся разработанныя данныя о союзахъ, собранныя фабричной инспекціей (а въ „Приложеніи“ и данныя, собранныя союзами) „данныя о бюджетахъ союзовъ“ Петербурга и Москвы. Послѣ того разсматривается практическая дѣятельность союзовъ, въ отношеніи стачекъ, бойкота и борьбы съ безработицей— три предмета, считае-

мые авторомъ главными объектами практики союзовъ,— и затѣмъ въ отношеніи организациі юридической и медицинской помощи рабочимъ, примирительныхъ камеръ и третейскихъ судовъ, тарифныхъ соглашеній съ предпринимателями и профессиональной прессы,— относимыхъ г. Святловскимъ къ числу второстепенныхъ задачъ союзовъ. На чемъ основано такое дѣленіе — несовсѣмъ ясно. Особая глава посвящена попыткамъ объединенія профессиональных союзовъ на сѣздахъ и конференціяхъ. Очертивъ современное положеніе рабочихъ союзовъ, авторъ, въ главѣ „Общія условія дѣятельности союзовъ“, касается очень поверхностно борьбы противъ союзовъ со стороны правительства и предпринимателей, несмотря на то, что въ газетахъ, по его собственнымъ словамъ, „можно найти многочисленныя свѣдѣнія различныхъ контръ-коалиціонныхъ шаговъ со стороны предпринимателей“. Закапчивается рассматриваемая нами книга очеркомъ законодательства о рабочихъ союзахъ, законопроектовъ по этому же предмету нашихъ партій и союзовъ и отношеній къ профессиональному движенію различныхъ партій, преимущественно социаль-демократовъ.

Книга г. Святловскаго, по ея характеру, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ разряду „исслѣдованій“, какъ ее называетъ авторъ въ концѣ своего труда. Ее нельзя считать и сведеніемъ матеріаловъ по данному предмету, такъ какъ ею очень мало использованъ газетный матеріалъ, а между тѣмъ, во время первыхъ шаговъ какого-либо движенія, свѣдѣній о немъ нужно искать преимущественно въ общей періодической печати. По отношенію къ рассматриваемому труду намъ кажется, впрочемъ, и излишней точная его квалифікація. Движеніе рабочихъ къ организациі составляетъ такое важное явленіе текущаго момента, а доходяція до общества свѣдѣнія о немъ настолько отрывочны, что книга, трактующая о предметѣ, пріобрѣтаетъ живой интересъ, независимо отъ тѣхъ или другихъ ея достоинствъ и недостатковъ. Не можемъ, однако, не обратить вниманія на черту, присущую чуть ли не всѣмъ произведеніямъ г. Святловскаго (о которой уже была рѣчь въ литературномъ обзорѣ нашего журнала), проявившуюся, хотя и не въ столь замѣтной степени, и въ рассматриваемомъ трудѣ. Это — небрежность редакціи, выразившаяся въ очевидныхъ ошибкахъ (всеобщая январская—1905 г.—забастовка отнесена къ 27 декабря 1904 г.—стр. 86), пропуски или недоконченности фразъ, отсутствіе отдѣленія цитатъ отъ словъ самого автора и др.; все это подчасъ очень путаетъ читателя. При такой небрежности редакціи въ книгѣ, совершенно естественно, отсутствуетъ и списокъ исправленныхъ опечатокъ; а между тѣмъ онъ былъ бы далеко не излишенъ.

VII.

- А. Тобинъ. Аграрный строй материковой части Лифляндской губерніи. Спб. 1906.
 — В. Земцевъ. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи. Рига. 1907. Ц. 75 к.

Теперь, когда аграрный вопросъ такъ громко провозглашенъ для всей имперіи и будетъ разрѣшаться при участіи выборныхъ представителей народа, — свѣдѣнія объ аграрныхъ отношеніяхъ въ различныхъ областяхъ обширнаго нашего отечества представляютъ въ глазахъ общества предметъ не простой лишь любознательности, но и важнаго практическаго интереса. Двѣ названныя выше книжки — гг. Тобина и Земцева — посвящены аграрнымъ отношеніямъ одного оригинальнаго уголка Россіи и связаны между собою не только общностью темы. Г. Тобинъ сообщаетъ главнѣйшія статистическія данныя объ аграрномъ строѣ Лифляндской губерніи, причѣмъ высказываетъ довольно радужныя заключенія какъ относительно участія прибалтійскаго дворянства къ судьбѣ крестьянскаго сословія, такъ и относительно экономическаго положенія послѣдняго. Г. Земцевъ считаетъ эти заключенія неправильными, книжку — составленною тенденціозно, какъ будто бы „къ имѣвшимся уже наготовѣ субъективнымъ мнѣніямъ приводятся статистическія данныя, чтобы придать этимъ мнѣніямъ видъ объективныхъ сужденій“. А между тѣмъ „г. Тобинъ, составивъ свою брошюру на русскомъ языкѣ, тѣмъ самымъ обращается къ русскому общественному мнѣнію, полагая, что русскому обществу, можетъ быть, неизвѣстны подробности аграрныхъ отношеній въ Лифляндской губерніи“. Г. Земцевъ поставилъ себѣ задачей правильнѣе освѣтить нѣкоторыя стороны аграрныхъ отношеній Лифляндіи, пользуясь и опубликованнымъ г. Тобинымъ матеріаломъ, и нѣкоторыми другими данными. Въ своей книжкѣ онъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за г. Тобинымъ, дополняя и исправляя его основныя цифры, расчеты и заключенія. При бѣдности русской литературы трудами по данному предмету, обѣ книжки могутъ служить полезнымъ пособіемъ при первоначальномъ ознакомленіи съ хозяйственнымъ бытомъ прибалтійскаго края.

Прибалтійскій край и, въ частности, лифляндская губернія отличаются нѣкоторыми важными особенностями земельного строя отъ остальныхъ областей Россіи. Начать съ того, что здѣсь еще сохранились остатки феодальныхъ порядковъ вродѣ, напр., того, что владѣльцы бывшихъ крестьянскихъ земель, приобрѣвшіе право собственности на свои участки по добровольному соглашенію съ помѣщиками, не имѣютъ ни права охоты на своей землѣ, ни права устраивать на ней промышленныя или торговыя заведенія. Затѣмъ, дворянская вот-

чина не можетъ дробиться на участки ниже 300 десятинъ удобной земли, и учрежденіе новыхъ дворянскихъ вотчинъ зависитъ отъ согласія ландтага (дворянскаго собранія) и утвержденія губернскаго правленія. Размѣры крестьянскихъ усадебъ ограничены опредѣленнымъ максимумомъ и минимумомъ (здѣсь идетъ рѣчь объ усадьбахъ на землѣ, искони находившейся въ пользованіи крестьянъ, выполнявшихъ барщивныя работы на поляхъ своихъ владѣльцевъ). Другой отличительной чертою данной области служатъ фактъ безземельнаго состоянія большей части, а именно 70—75% сельскаго населенія, и крупный характеръ крестьянскаго землевладѣнія, составляющаго, въ среднемъ около 40 дес. на дворъ. Такая площадь, при довольно интенсивныхъ системахъ полеводства, не можетъ быть обработана силами семьи, и потому крестьяне не обходятся здѣсь безъ найма батраковъ. Наемъ на сельско-хозяйственныя работы въ крупныя и мелкія хозяйства и служитъ главнымъ источникомъ средствъ существованія безземельнаго населенія.

Большая часть крестьянскихъ участковъ, а именно, общей площадью въ 1,4 милл. десят., принадлежитъ ихъ владѣльцамъ на правахъ собственности. Небольшая часть бывшей крестьянской земли находится еще въ арендномъ содержаніи; но помѣщики не могутъ присоединять ее къ своимъ владѣніямъ, и она, вѣроятно, тоже перейдетъ, путемъ купли-продажи, въ крестьянскія руки. Свои исконныя участки крестьяне приобрѣтаютъ въ собственность путемъ свободнаго соглашенія съ помѣщиками, по цѣнамъ, постоянно повышавшимся и достигшимъ въ послѣдніе годы сотни рублей за десятину удобной земли. Принимая во вниманіе плохую почву Лифляндской губерніи, эту цѣну слѣдуетъ считать очень высокою. Крестьянинъ соглашается уплачивать высокія цѣны, чтобы освободиться, наконецъ, отъ неудобнаго и необезпеченнаго состоянія арендатора участка, который обрабатывали, можетъ быть, нѣсколько поколѣній его предковъ. Часть денегъ для приобрѣтенія земли крестьянинъ получаетъ главнымъ образомъ въ мѣстномъ дворянскомъ земельномъ и кредитномъ обществѣ. Хотя покупка крестьянами своихъ усадебъ началась еще въ двадцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія, но изъ общей стоимости купленной земли погашена пока лишь половина, а въ суммѣ другой половины крестьяне состоятъ должниками помѣщиковъ или банковъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ трудахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, нѣтъ свѣдѣній о частныхъ долгахъ крестьянъ, къ которымъ они вынуждены были прибѣгать для уплаты за землю наличными деньгами, каковая уплата составляетъ 40% покупной стоимости земли. Какова, слѣдовательно, общая задолженность лифляндскаго крестьянскаго землевладѣнія и какимъ бременемъ ложится на крестьянина

приобрѣтеніе права считаться собственникомъ участка, который обрабатывали его отцы и дѣды,—свѣдѣній, къ сожалѣнію, не имѣется. Припомнимъ, что выкупъ крестьянскихъ земель въ русскихъ губерніяхъ происходилъ на условіяхъ, установленныхъ властью, по цѣнамъ гораздо болѣе низкимъ и, притомъ, неизмѣннымъ—состоялось ли соглашеніе о выкупѣ въ 60-хъ или 80-хъ годахъ,—и посредникомъ между крестьяниномъ и владѣльцемъ по уплатѣ долга перваго второму было не коммерческое банковое учрежденіе, а правительство.

Но если лифляндскій крестьянинъ можетъ считать себя обиженнымъ тѣмъ, что ему приходится платить за обработанную имъ и приведенную въ высококультурное состояніе землю, какъ за чужую, то еще болѣе обиды долженъ чувствовать лифляндскій батракъ, также многими поколѣніями работающій на господской и крестьянской землѣ и не имѣющій никакой надежды стать когда-либо собственникомъ. Крестьянинъ, уплачивающій за свою усадьбу высокую цѣну и обязывающійся на многіе годы передъ банкомъ и частными заимодавцами, извлекаетъ средства погашенія долговъ не только изъ собственнаго труда, но и изъ работы своего батрака, который, конечно, съ избыткомъ возвращаетъ ему заработную плату. Этимъ путемъ—на счетъ своего и чужого труда—онъ приобретаетъ, наконецъ, устойчивое и независимое положеніе. Этого нельзя сказать о батракѣ—такимъ же продуктѣ прошлой исторіи, какъ и крестьянинъ-арендаторъ. И если по отношенію къ этому послѣднему новѣйшая исторія, какъ ни какъ, и исправила грѣхи прошлаго, то чего-нибудь подобнаго естественно станетъ ожидать для себя и первый. Эти ожиданія тѣмъ естественнѣе, что большая часть мѣстныхъ налоговъ, распределѣемыхъ по душамъ (отъ 14 до 60-лѣтняго возраста), оплачивается безземельнымъ батракомъ такъ же, какъ и крестьяниномъ-усадебникомъ.

Изъ сказаннаго выше читатель можетъ убѣдиться, какъ богато удобрена въ прибалтійскомъ краѣ почва для серьезныхъ аграрныхъ „недоразумѣній“. Крестьяне-собственники могутъ претендовать на уничтоженіе ограниченій ихъ права собственности и на облегченіе высокихъ платежей за землю, крестьяне-арендаторы—на облегченіе условій приобрѣтенія ими своихъ усадебъ, батраки—на обезпеченіе ихъ землей на счетъ не только помѣщиковъ, но и наиболѣе крупныхъ усадебниковъ-крестьянъ. Если же имѣть при этомъ въ виду, что крупные землевладѣльцы прибалтійскаго края принадлежатъ къ иной націи, чѣмъ крестьяне, и являются хозяевами мѣстнаго управленія, то станетъ совершенно понятной классовая ожесточенная борьба, раздирающая нынѣ этотъ край.

VIII.

— С. Закъ. Соціально-политическія таблицы всѣхъ странъ міра. Годъ первый. 1907/8. 1907. Ц. 1 р.

Въ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ общество давно принимаетъ участіе въ устройствѣ государственныхъ дѣлъ и живо, поэтому, интересуется даже частностями выдвигаемыхъ на очередь общественныхъ вопросовъ, большимъ распространеніемъ пользуются официальные и частные ежегодники свѣдѣній по различнымъ предметамъ государственнаго быта различныхъ странъ, состоящіе или изъ однихъ таблицъ, или изъ таблицъ и текста. Въ Россіи, гдѣ управление государствомъ находилось въ рукахъ бюрократіи, общество не испытывало живой потребности въ изданіяхъ подобнаго рода, и періодическія сводки свѣдѣній по различнымъ предметамъ народнаго хозяйства одной только Россіи (не считая календаря Суворина, гдѣ статистическія свѣдѣнія фигурируютъ между прочимъ) издавались исключительно правительственными учрежденіями. Но въ самые послѣдніе годы, когда вопросъ о переустройствѣ государства сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія и обсуждения, стали появляться во множествѣ популярныя брошюры съ цифровыми свѣдѣніями по различнымъ вопросамъ и издаваться популярныя календари съ предположеніемъ ежегодно обновлять соответствующія свѣдѣнія. Въ самые послѣдніе дни поступило въ продажу справочное статистическое изданіе подъ названіемъ: „Соціально-политическія таблицы всѣхъ странъ“ съ обещаніемъ тоже повторяться ежегодно, не имѣющее популярнаго характера календарей, о которыхъ только-что шла рѣчь. Объ этомъ изданіи, заполняющемъ весьма важный пробѣлъ въ нашей литературѣ, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Мы не станемъ излагать здѣсь содержаніе разсматриваемаго труда г. Зака, о которомъ имѣются подробныя объявленія въ газетахъ. Скажемъ лишь, что заглавіе книги не вполне соответствуетъ содержанію, такъ какъ политикѣ отведено въ ней нѣсколько графъ, а большая часть таблицъ заполнена свѣдѣніями экономического характера. Мы уважемъ на нѣкоторые недостатки этого труда, объясняемые отчасти новостью у насъ такого предпріятія и неблагоприятными условіями работы въ провинціи, отчасти неясностью для автора задачи подобнаго труда и недостаточной освѣдомленностью въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ громаднаго матеріала, относящагося къ подлежащимъ предметамъ. Неясному представленію о задачахъ изданія слѣдуетъ, повидимому, приписать, напр., фактъ сообщенія свѣдѣній о распредѣленіи

землевладѣнія различныхъ странъ по размѣрамъ владѣній не въ абсолютныхъ данныхъ о числѣ владѣльцевъ и площади владѣнія каждой категоріи собственности, а въ процентномъ отношеніи къ общему числу собственниковъ и общей площади землевладѣнія (для Австраліи же и Австріи даются почему-то свѣдѣнія перваго рода) безъ указанія этихъ послѣднихъ. Вслѣдствіе отсутствія такого указанія суммъ, къ которымъ относятся приведенные проценты слагаемыхъ, читатель лишентъ возможности перейти отъ процентныхъ отношеній къ абсолютнымъ числамъ и узнать дѣйствительное число мелкихъ, среднихъ и крупныхъ собственниковъ и дѣйствительную площадь земли, принадлежащей тому или другому размѣру владѣній. Это замѣчаніе относится и къ распредѣленію самостоятельнаго населенія по крупнымъ группамъ занятій (ч. II, отд. I), выраженному также въ процентномъ отношеніи ко всему числу самостоятельныхъ, безъ указанія этого послѣдняго. Правда, общее число самостоятельныхъ фигурируетъ здѣсь тоже въ видѣ процентнаго отношенія ко всему населенію, но въ тѣхъ случаяхъ (напр., для Германіи), когда приведенное въ таблицѣ число (см. часть I) населенія относится не къ году промышленной переписи (доставляющей матеріалъ для учета самостоятельнаго населенія), мы лишены возможности исчислять и общее число самостоятельныхъ, и число лицъ, отдающихся, напр., сельскому хозяйству.

Статистическія таблицы всѣхъ странъ міра должны доставить матеріалъ для сравненія; поэтому онѣ должны быть поставлены по возможности однородно. Между тѣмъ, данныя о внѣшней торговлѣ сгруппированы въ разныхъ странахъ неодинаково, а свѣдѣнія о числѣ промышленныхъ предпріятій и количествѣ соотвѣствующихъ имъ рабочихъ фигурируютъ въ однихъ странахъ подъ наименованіемъ: „фабрично-заводская промышленность“, въ Болгаріи — просто „промышленность“, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ — „обрабатывающая промышленность“, причемъ читателю остается неизвѣстнымъ, какого рода предпріятія (крупныя, среднія, мелкія) и какія категоріи работающихъ обнимаются этими наименованіями.

Нельзя не высказать и нѣсколько замѣчаній относительно отдѣловъ, посвященныхъ нашей странѣ. Здѣсь мы прежде всего встречаемся съ недосказомъ, подобнымъ тому, о которомъ была рѣчь выше, а именно, въ погубернскихъ свѣдѣніяхъ о населеніи, занятомъ въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности (часть четвертая, отдѣлъ I), это населеніе выражается процентнымъ отношеніемъ къ общему числу самостоятельныхъ безъ указанія этого послѣдняго числа, что лишаетъ насъ возможности получить путемъ вычисленія дѣйствительное число земледѣльцевъ и промышленниковъ въ мѣстности, насъ интересующей. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ графахъ (41 и 42) этого отдѣла,

которыя, судя по заголовкамъ, должны заключать свѣдѣнія о занятъ населеніи, на самомъ дѣлѣ помѣщены (для губерній) данныя о числѣ лицъ, составляющихъ семьи работающихъ (вмѣстѣ съ этими послѣдними), и эта ошибка послужила лишь къ пользѣ дѣла, потому что численный составъ семей участниковъ различныхъ профессій учтенъ переписью 1897 г. (откуда г. Закъ заимствовалъ свои цифры) довольно точно, а число работающихъ (самостоятельныхъ) въ сельскомъ хозяйствѣ уменьшено сравнительно съ дѣйствительностью, потому что перепись заносила въ число самостоятельныхъ въ земледѣліи не всѣхъ членовъ семьи, занимающихся этимъ промысломъ, а лишь хозяина надѣла. Вслѣдствіе такого произвольнаго приѣма, не только число трудящихся земледѣльцевъ, но и общее число трудящихся (самостоятельныхъ) въ Россіи оказывается крайне низкимъ. И если естествоиспытателю (покойному Менделѣеву) до извѣстной степени простиительно было не знать этого обстоятельства и высказывать заключеніе (на чтѣ въ свое время было указываемо въ литературномъ обзорѣніи „Вѣстника Европы“), что главной причиной бѣдности нашей страны служить праздность населенія, то составитель статистическихъ таблицъ, помѣщающій въ графу (стр. 62) „самодѣльныхъ въ процентахъ ко всему населенію“ для Россіи число 26,4⁰/₀, тогда какъ противъ другихъ европейскихъ странъ стоятъ цифры 39—43—50⁰/₀—безъ поясненій о негодности перваго числа,—какъ бы сознательно содѣйствуетъ распространенію такого неправильнаго мнѣнія.

Данный фактъ служитъ примѣромъ механическаго, такъ сказать, отношенія составителя „Соціально-политическихъ таблицъ“ къ своей задачѣ, выразившагося перенесеніемъ въ таблицы цифры официальнаго источника безъ сужденія о внутреннемъ ея достоинствѣ. Если этотъ фактъ считать простымъ недосмотромъ, то нельзя уже квалифицировать такимъ образомъ другой примѣръ механическаго отношенія къ матеріаламъ. Въ „Соціально-политическихъ таблицахъ“ два раза показываются заимствованныя изъ послѣдняго изданія центрального статистическаго комитета по статистикѣ землевладѣнія цифры распредѣленія крестьянъ, владѣющихъ надѣльною землею, по величинѣ принадлежащихъ имъ участковъ, между тѣмъ какъ изслѣдованіе центрального статистическаго комитета о землевладѣніи не производило подворнаго учета владѣльцевъ, и цифры, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, составляютъ плодъ фантазіи директора центрального статистическаго комитета, г. Золотарева (въ свое время это было достаточно разъясняемо въ нашемъ журналѣ). Составителю „Соціально-политическихъ таблицъ“ слѣдовало бы быть болѣе освѣдомленнымъ относительно такого важнаго предмета.

Несмотря на высказанныя критическія замѣчанія, мы все-таки

считае́тъ трудъ г. Зака серьезной работой, заслуживающей полнаго вниманія лицъ, не отступающихъ въ своей любознательности передъ столбцами сухихъ цифръ. Было бы очень печально, еслибы намѣреніе автора ежегодно повторять изданіе не осуществилось изъ-за равнодушія къ нему публики.—В. В.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

- Аничковъ, И.*—Мировой судъ и преобразование низшихъ судовъ. Спб. 907.
Атлантискусъ.—Марксизмъ, или Теорія наивысшей производительности. Съ нѣм. рукоп. Я. Либерманъ. Спб. 907. Ц. 30 к.
Баулина, А.—Думы и Пѣсни. Спб. 907.
Бейлингъ, С. Х.—Странствующія или всемірныя повѣсти и сказанія въ древне-равнинской письменности. Иркутскъ, 907. Ц. 2 р. 50 к.
Беренштамъ, Вл.—Около политическихъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній поѣздки въ „гиблыя“ мѣста—Якутскую область. Изд. С. Бунина. Спб. 908. Ц. 1 р.
Бьлоконскій, И. П.—Разказы. Т. IV. Стр. 237. Ц. 85 к.
Вандалъ, Ал.—Армяне и турецкія реформы. Съ франц. Алавердянецъ, М. Я. Спб. 908.
Васильевъ, Н. П.—Вторая Дума. Спб. 907. Ц. 10 к.
Васманъ, Эрнхъ.—Несодарвинизмъ и христіанство. Перев. съ нѣм. С. Троицкаго. Спб. 907. Стр. 52. Ц. 30 к.
Вихертъ, Э., проф.—Введеніе въ геодезію. Перев. съ нѣм. Съ 41 рисунк. Одесса, 907. Изд. „Mathesis“. Стр. 74. Ц. 35 к.
Гамціона.—Кадеты и Сергѣй Катилина. Историческія параллели. Спб. 907. Ц. 20 к.
Голиковъ, Владиміръ.—Кровь и слезы. Торжество смерти и зла. Маленькія поэмы. Спб. 907. Стр. 116. Ц. 75 к.
Гобчанскій, Г.—Опытная психологія въ двухъ частяхъ. 4-ое изд. Спб. 908. Стр. 267. Ц. 1 р. 60 к.
Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. восьмой. Начала русскаго государствен. права. Ч. II. Органы управленія. Спб. 907. Стр. 580. Ц. 3 р.
Грушевскій, Мих., проф.—1) Про стари часи на Украини. Ц. 20 к. 2) Освобожденіе Россіи и Украинскій вопросъ. Ц. 1 р. 3) Единство или распаденіе Россіи. 4) Національный вопросъ и автономія. 5) Украинскій вопросъ. 6) Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX ст. 7) Вопросъ объ украинскихъ каедряхъ и нужды украинской науки. 8) Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи. Спб. 907.
Доманицкій, В.—Критичний розсвід над текстом „Кобзаря“. У Киіві, 1907. Ціна 1 р. 25 к.
Езерскій, Ѡ. В.—Что дѣлаетъ чело́вѣка честнаго нечестнымъ, нечестнаго честнымъ? Выпускъ 1. Спб., 907.
Есиповъ, В. В.—Привисляскій край.—Населеніе; аграрный вопросъ; промышленность; просвѣщеніе, нравственность; доходы и расходы, и проч. Варш., 907. Ц. 50 к.

Замурашкинъ, К.—Къ вопросу о хирургическомъ леченіи при туберкулезѣ придатка и яичка. Спб. 907.

Золмартъ, Вернеръ.—Почему нѣтъ социализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ нѣм. М. Панинъ. Спб. 907. Ц. 50 к.

Иностранцевъ, М.—Осада Портъ-Артура. Критико-историческое изслѣдованіе, составленное Германскимъ Большимъ Генеральнымъ Штабомъ. Переводъ, съ 8 планами, 4 схемами, 3 чертеж. и 7 рисунками. Спб. 908. Ц. 2 р.

Карневъ, Н.—Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изд. 6-е. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

— Учебная книга новой исторіи. Съ историч. картами. Изд. 8-е. Спб. 907. Стр. 350. Ц. въ перепл. 1 р. 45 к.

— Альберъ Сорель, какъ историкъ французской революціи. Ц. 20 к. Спб. 907.

Кометъ, К.—Самоучитель англійскаго языка. Спб. 907. Ц. 50 к.

Костомаровъ, Н.—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. I. Господство дома св. Владиміра. X—XVI столѣтія. 5-ое изд. Спб. 907. Стр. 727. Ц. 3 р.

Краинскій, В. В.—Община и кооперація. Очерки по исторіи крестьянскаго хозяйства въ Западной Европѣ и въ Россіи. Спб. 907. Ц. 1 р.

Кутшеба, Станисл., д-ръ.—Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Перев. съ польскаго Н. Ястребовъ. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Курзенъ, М. Б.—Систематическій курсъ ариметики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 907. Стр. 442. Ц. 80 к.

Лажосъ. Идеальная система управленія. Изд. Д. Л. Фтичева. Софія (Болгарія). 1907. Стр. 94. Ц. 75 к.

Лахуръ, П., и Я. Антель.—Историческая физика. Перев. съ нѣм. подъ ред. „Вѣстника опытной физики и элементарной математики“. Одесса, 907. Вып. I. Стр. 144. Изд. „Mathesis“. Ц. по подпискѣ за два тома 6 р. 50 к. съ перес.

Ланно, Д.—Степное земское положеніе. Красноярскъ, 907.

Лосскій, Н.—Сборникъ элементарныхъ упражненій по логикѣ. Спб. 908. Ц. 70 к.

Луи Бланъ.—Исторія французской революціи. Тт. I, II и III. Съ франц. А. П. Рѣдинъ. Спб. 907.

Лялина, М.—Академическая женщина во Франціи: лицейстка, курсистка, профессоръ. Составл. по книгамъ Реваль. Спб. 907. Ц. 75 к.

Миллинъ, Д.—Бюрократы. I. Окольный путь. Изъ жизни одной очень сложной машины. Спб. 907.

Моревъ, Д. Д.—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Изд. 9-е. Вып. I. Спб. 907. Стр. 160. Ц. 1 р.

Николаевъ, Ник.—На старый ладъ. Стихотворенія. Спб. 907. Стр. 283. Ц. 1 р.

Нотовичъ, Н. А.—Россія и Англія. Историко-политическій этюдъ. Спб. 907.

Пильскій, Петръ.—Разказы. Спб. 907. Ц. 1 р.

Поланъ, Фр.—Воля. Перев. съ франц. М. И. Васильевой. Спб. 907. Стр. 332. Ц. 1 р.

Потруженко, И. Г.—Къ исторіи „безумнаго года“ (1848). Варшава, 907. Стр. 126. Ц. 1 р.

Пытинъ, А. Н.—Исторія русской литературы. Т. III. Изд. 3-е, безъ перемѣнъ. Спб. 907. Стр. 543. Ц. 3 р. За четыре тома 10 р.

Роденбахъ, Жоржъ. — Повервало. Драма. Переводъ Эллиса. М. 907. Ц. 50 коп.

Руландъ, проф. — Ученіе объ установленіи цѣнъ на хлѣбные товары. Съ нѣм. п. р. А. Ф. Волкова. Спб. 907. Ц. 2 р.

Руссо, Жанъ-Жакъ. — Общественномъ договорѣ (Du contrat social). Съ франц. Л. Немановъ, п. р. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 907. Ц. 75 к.

С—въ, Н.—й. — Соціалистическій и откровенный взгляды на будущій строй земной жизни. Спб. 907. Стр. 75. Ц. 50 в.

Святловскій, В. В. — Профессиональное движеніе въ Россіи. Спб. 907. Стр. 407. Ц. 1 р. 50 в.

Селивановъ, Ар. — Городъ мертвыхъ. Стихотворенія. Спб. 907. Ц. 50 к.

Смирновъ, А. И. — Цѣль жизни. Философское объясненіе догматовъ христіанской религіи. М. 907. Стр. 27. Ц. 30 в.

Соболевскій, А. И. — Русскій народъ какъ этнографическое цѣлое. Харьковъ, 907. (Отгисъ изъ журн. „Мирный трудъ“). Стр. 19.

Соколовъ, Н. М. — Центръ и окраины. Вып. 1. Общія понятія. М. 907. Ц. 15 к.

Станюковичъ, Владиміръ. — Пережитое. Спб. 907. Стр. 104. Ц. 75 в.

Степановъ, Н. В. — Новый стиль и православная пасхалія. Къ вопросу о переимѣннѣ системы времяисчисления въ Россіи. М. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Толстой, гр. А. К. Полное собраніе сочиненій, т. II. Стихотворенія. Съ портр. Изд. 19-е. Стр. 331. Ц. за два тома 3 р.—Т. III. Драматическая трилогія. Изд. 22-е. Стр. 559. Ц. 2 р. 50 к.

Трубецкой, кн. Сергѣй Ник. — Собраніе сочиненій. Т. I. Публицистическія статьи. Съ портретомъ. М. 907. Стр. XV+495. Ц. 2 р. 50 в.

Тулузовъ, И., и Шестаковъ, П. — Очерки и рассказы для первоначальнаго знакомства съ исторіей. Ч. I. 1) Изъ жизни первобытнаго человѣка. 2) Изъ исторіи русскаго народа до XIX-го вѣка. Со многими картин. и рисунками. М. 907. Ц. 50 к. 3) Новая школа. Ч. III. Ц. 60 к. М. 907.

Чистяковъ, П. С. — Рѣчи оябряста. 1905—1907 гг. Спб. 907. Стр. 91.

Чупровъ, проф. А. П. — Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Съ приложеніемъ: Къ вопросу о значеніи минеральныхъ удобреній въ русскихъ хозяйствахъ, особенно крестьянскихъ. Спб. 907. Ц. 1 р.

Шмидъ, В. — Философская хрестоматія. Перев. съ нѣм. Ю. А. Говсѣева, подъ ред. и съ предисл. проф. Н. Н. Ланге. Одесса, 907. Изд. „Mathesis“. Стр. 172. Ц. 1 р.

Шуфъ, Влад. — Кто идетъ? Романъ. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Щекинъ, А. А. — Моя исповѣдь или экспроприація чужой жизни. М. 907. Стр. 46.

Щукинъ, П. И. — Персидскія вещи Щукинскаго собранія. Съ 32 фотографіями. М. 907.

Экъ, Ев. — На досугѣ. Рассказы. Т. I. М. 907. Ц. 1 р.

* * * Проза въ стихахъ. М. 907. Стр. 62.

Essipof, V. — Pologne russe. Esquisse économique et statistique. Varsovie, 907. Ц. 20 в.

Wendt, W. — Die Entwicklungstendenzen und die Zukunft der Menschheit. Leipzig, 907.

Zoeller, Ludwig. — Grundzüge einer neuen Glaubens-, Seelen- und Lebenslehre. Zweibrücken, 907. Ц. 3 марки.

— „Вадемекумъ“ (Иди за (со) мной!). Сборникъ правилъ и условій поступленія въ учебныя заведенія. Вып. 1-й: а) Высшія учебныя заведенія—мужскія и женскія. б) Учебныя заведенія, требующія для себя дипломъ средней школы. М. 907. Ц. 75 к.

— Геологическія изслѣдованія въ золотосныхъ областяхъ Сибири. Ленскій золотосный районъ. Вып. IV. Съ 2 картами. Спб. 907. Стр. 89.

— Гомельскій процессъ. Подробный отчетъ. Спб. 907. Стр. 1204. Ц. 3 р.

— Медицинскій отчетъ по вѣдомству учреждений имп. Маріи 1904—1905 гг. Спб. 907. Стр. 238.

— Отчетъ Имп. Росс. Историч. Музея имени Имп. Александра III въ Москвѣ, за 1906 годъ. М. 907.

— Отчетъ о состояніи народнаго здоровья и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1905 годъ. Спб. 907.

— Первая перепись предметовъ городского обложенія и другія хозяйственно-статистическія изслѣдованія, одновременныя съ переписью. Октябрь—ноябрь 1906 г. Спб. 907.

— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Т. III, вып. 2. Спб. 1907.

— Собраніе автографовъ и факсимиле ученыхъ, художниковъ, композиторовъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей, артистовъ и писателей. Изд. М. И. Зензинова. М. 907. Ц. 1 р.

— Соціальное движеніе въ современной Франціи. Сборникъ статей: Берта, Лягардена, Пуже, Сореля и Эрве. Перев. съ рукоп. п. р. и съ предисловіемъ Л. Козловскаго. М. 908. Ц. 1 р.

— Энциклопедія элементарной математики, проф. Н. Weber и J. Wellstein. Руководство для преподающихъ и изучающихъ элементарную математику. Въ трехъ томахъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ примѣчаніями В. Кагана. Т. I. Элементарная алгебра и анализъ. Одесса, 907. Стр. 613. Ц. 3 р. 50 к.

А. П. ЧЕХОВЪ—ПѢВЧІЙ.

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФА.

Антонъ Павловичъ Чеховъ никогда не обладалъ выдающимся слухомъ; голоса же у него не было вовсе. Грудь тоже была не крѣпка, что и подтвердилось потомъ болѣзнью, которая свела его преждевременно въ могилу. Несмотря однакоже на все это, судьба распорядилась такъ, что А. П. до третьяго и чуть ли, кажется, не до четвертаго класса гимназіи тянулъ тяжелую ямку пѣвчаго въ церковномъ хорѣ. Вспоминая впоследствии, въ зрѣломъ возрастѣ, эти годы принудительнаго пѣвчества, покойный писатель не разъ говаривалъ съ грустью:

— Въ дѣтствѣ у меня не было дѣтства...

А попалъ Ант. П. въ пѣвчіе слѣдующимъ образомъ.

Павель Егоровичъ—отецъ писателя—съ раннихъ лѣтъ своей жизни былъ большимъ любителемъ церковнаго благолѣпія, церковныхъ службъ и въ особенности церковнаго пѣнія. Въ молодости онъ жилъ въ деревнѣ, посѣщалъ усердно сельскую церковь и выучился у мѣстнаго сельскаго священника играть на скрипкѣ по нотамъ и пѣть тоже по нотамъ. Во время церковныхъ службъ, онъ пѣлъ и читалъ въ деревнѣ на клиросѣ. Впоследствии онъ былъ привезенъ своимъ отцомъ—дѣдомъ писателя—изъ деревни въ Таганрогъ и отданъ къ мѣстному богатому купцу Кобылину въ мальчишки-лавочники. Пройдя здѣсь суровую школу сначала мальчишка, затѣмъ „молодца“, а потомъ и приказчика, Павель Егоровичъ къ тридцати годамъ своей жизни открылъ въ Таганрогѣ собственную бакалейную торговлю и женился. Выйдя изъ подъ ферулы строгаго хозяина—Кобылина, Павель Егоровичъ почувствовалъ себя самостоятельнымъ и свободнымъ. Эта свобода дала ему возможность ходить въ церковь, когда ему вздумается и отдаваться пѣнію, сколько душѣ угодно. Перезнакомившись съ духовенствомъ мѣстныхъ церквей, Павель Егоровичъ сталъ пѣть и читать на клиросахъ вмѣстѣ съ дьячками, а потомъ какими-то судьбами добился и того, что сталъ регентомъ соборнаго хора, которымъ и управлялъ нѣсколько лѣтъ подрядъ. Будучи человекомъ религіознымъ, онъ не пропускалъ ни одной всенощной, ни одной утрени и ни одной обѣдни. Въ большіе праздники онъ неукоснительно выстаивалъ двѣ обѣдни—раннюю и позднюю—и, послѣ обѣда, уходилъ еще къ вечернѣ.

Идеаломъ церковной службы была для него служба въ монастыряхъ на Аеонѣ (о чемъ ему рассказывали заѣзжіе аеонскіе монахи), гдѣ все читалось и пѣлось „продлинновенно, вразумительно и безъ пропусковъ“, и гдѣ, напримѣръ, всенощная начинается въ шесть часовъ вечера, а кончается въ шесть часовъ утра. Этотъ идеаль онъ и старался осуществлять, гдѣ только было возможно. Забравшись на клиросъ къ дьячкамъ, онъ любилъ читать во время всенощной шестопсалміе и канонъ и уже читалъ такъ протяжно и длинно, что нерѣдко священникъ высылалъ изъ алтаря попросить чтеца „ускорить, не замедлять и не затягивать“. Управляя соборнымъ хоромъ, онъ такъ затягивалъ пѣніе, что прихожане роптали и не разъ тутъ же, въ церкви, обращались къ Евгенію Яковлевичу—женѣ Павла Егоровича съ просьбою:

— Скажите же, наконецъ, Евгенія Яковлевна, вашему мужу, что такъ тянуть невозможно. Во всѣхъ церквахъ обѣдня давно уже отошла, а у васъ еще только „Вѣрую“ поютъ...

Но на Павла Егоровича ни увѣщанія жены, ни ропотъ прихожанъ не производили никакого дѣйствія. Онъ упрямо защищалъ „продлинновенность“ и всякій разъ ссылался на примѣръ аеонскихъ монастырей.

— Такъ вѣдь то—на Аеонѣ; а мы—не монахи,—возражали прихожане.

— Зато — благолѣпіе! — упрямо стоялъ на своемъ Павелъ Егоровичъ.

Кончилось однакоже тѣмъ, что, проработавъ года три или четыре въ роли регента соборнаго хора, Павелъ Егоровичъ увидѣлъ себя вынужденнымъ передать эту должность другому. Было ли это результатомъ недовольства прихожанъ, или же размолвки съ духовенствомъ—исторія умалчиваетъ. Возможно также, что и частыя отлучки изъ лавки на спѣвки и на церковныя службы вредно и убыточно отражались на торговлѣ.

Есть однакоже достаточное основаніе предполагать, что у Павла Егоровича была натура артистическая, потому что, переставъ быть регентомъ въ соборѣ, онъ почувствовалъ, что ему чего-то не хватаетъ и что пѣніе и чтеніе на лѣвомъ клиросѣ, вмѣстѣ съ дьячками, его не удовлетворяетъ. Артистическая жилка и страсть къ пѣнію подтачивали его и не давали покоя. Проведя года два или три въ вынужденномъ бездѣйствіи, Павелъ Егоровичъ задумалъ организовать свой собственный хоръ изъ добровольцевъ-любителей. И это ему удалось. Во всякомъ городѣ,—а тѣмъ болѣе въ провинціальномъ,—всегда найдется не мало любителей церковнаго пѣнія, готовыхъ пѣть гдѣ угодно, лишь бы только ихъ пускали на клиросъ. Такіе охотники-добровольцы нашлись и въ Таганрогѣ. Это были мѣстные кузнецы—дюжій, крѣпкій, мускулистый и совершенно неграмотный народъ, но народъ бого-

боязливый, обладавшій здоровыми глотками и еще большимъ усердіемъ. Они-то и сгруппировались около Павла Егоровича, какъ около центра. Ихъ было человѣкъ десять или двѣнадцать. Днемъ они подковывали лошадей и натягивали желѣзные ободья на колеса чумацкихъ возовъ, а поздно вечеромъ собирались у Павла Егоровича въ лавкѣ для спѣвки.

Усердіе ихъ было въ самомъ дѣлѣ удивительное. Дѣло кузнеца, какъ извѣстно, не легкое: проработать цѣлый день у горна и наковальни тяжелымъ молотомъ — вещь не шуточная. Къ концу рабочаго дня кузнецъ — уже человѣкъ физически разбитый и до нельзя усталый. Къ тому же и кузни, вынесенныя далеко за городъ, лежали отъ лавки Павла Егоровича по меньшей мѣрѣ въ трехъ верстахъ. Но это нисколько не смущало добровольцевъ: не взирая ни на какую погоду, они аккуратно собирались въ опредѣленные дни къ десяти часамъ вечера и горланили часовъ до двѣнадцати ночи. Если прибавить къ этому, что въ тѣ времена въ Таганрогѣ не было еще ни мостовыхъ, ни фонарей, и домой пѣвцамъ приходилось возвращаться по страшной и вязкой грязи и въ полной темнотѣ, то нужно будетъ признать, что любовь ихъ къ пѣнію была дѣйствительно велика.

Этотъ „усердный“ хоръ добровольцевъ ходилъ по церквамъ и пѣлъ подъ руководствомъ Павла Егоровича обѣдни, молебны, вечерни и всенощныя, нигдѣ не взирая ни гроша за свой трудъ. Хотя пѣніе красотою и стройностью и не отличалось, но духовенство и старосты приходскихъ церквей были рады и этому, потому что у нихъ отпадали расходы на обзаведеніе собственнымъ, платнымъ хоромъ. И обѣ стороны были довольны.

Весь хоръ пѣлъ грубыми мужскими голосами. Альтовъ и дискантовъ не было. Изъ всѣхъ кузнецовъ только одинъ парень среднихъ лѣтъ, пѣкій Яковъ Николаевичъ пѣлъ дискантовую партію дребезжавшимъ фальцетомъ (фистулою). Недоброжелатели хора (а они существовали!) ядовито остряли, говоря, что этотъ хоръ не поетъ, а стучитъ молотками по наковальнямъ.

Павелъ Егоровичъ и самъ сознавалъ, что въ его хорѣ не хватаетъ свѣжихъ дѣтскихъ голосовъ — дискантовъ и альтовъ. Но и тутъ на выручку ему явилась судьба. Стали подростать собственные дѣти, — и овъ, не задумываясь и не справляясь съ ихъ голосовыми средствами, тотчасъ же приспособилъ ихъ къ хору. Двоимъ старшимъ выпало на долю исполнять партію перваго и втораго дисканта, а третій, младшій, только недавно поступившій въ первый классъ гимназіи, долженъ былъ волею-неволею пѣть альтомъ.

Этотъ третій — альтъ — и былъ будущій писатель Антонъ Павловичъ.

Тяжеленько приходилось бѣдному Антошѣ, только еще слагавше-

муся мальчику, съ неразвившейся еще грудью, съ плоховатымъ слухомъ и съ жиденькимъ голоскомъ... Не мало было пролито имъ слезъ на спѣвкахъ и много дѣтскаго здороваго сна отняли у него эти ночныя, позднія спѣвки. Павелъ Егоровичъ во всемъ, что касалось церковныхъ службъ, былъ аккуратенъ, строгъ и требователенъ. Если приходилось въ большой праздникъ пѣть утреню, онъ будилъ дѣтей въ 2 и въ 3 часа ночи и, не взирая ни на какую погоду, велъ ихъ въ церковь. Находились сердобольные люди, которые убѣждали его, что лишать дѣтей необходимаго сна—вредно, а заставлять ихъ не по силамъ напрягать дѣтскія груди и голоса—прямо-таки грѣшно. Но Павелъ Егоровичъ былъ совсѣмъ иного мнѣнія и искренно и съ убѣжденіемъ отвѣчалъ:

— Почему же бѣгать по двору и кричать во всю глотку — не вредно, а пропѣть въ церкви обѣдню—вредно? На Аеоиѣ мальчикановархи по цѣлымъ ночамъ читаютъ и поютъ — и ничего имъ отъ этого не дѣлается. Отъ церковнаго пѣнія дѣтскія груди только укрѣпляются. Я самъ съ молодыхъ лѣтъ пою и, слава Богу, здоровъ. Для Бога потрудиться никогда не вредно.

Къ чести Павла Егоровича нужно сказать, что онъ искренно и глубоко вѣрилъ въ то, что говорилъ. Онъ вѣрилъ въ загробную жизнь и былъ убѣжденъ въ томъ, что каждая пропѣтая его дѣтьми обѣдня или всенощная приближаетъ ихъ души къ Богу и уготовляетъ имъ царство небесное, и что всѣ спѣвки и недосыпанія „зачтутся имъ на томъ свѣтѣ“. На себя же онъ смотрѣлъ, какъ на отца, который передъ самимъ Богомъ обязанъ внушать дѣтямъ благочестіе и любовь къ церкви съ самаго ранняго ихъ возраста. Онъ называлъ это: „давать дѣтямъ направленіе“ и давалъ его не безъ задней, впрочемъ, мысли—что и ему самому за эти хлопоты будетъ уготовано мѣстечко въ раю.

Въ тогдашней гимназіи система преподаванія была еще толстовская, тяжелая, съ массою латыни даже въ младшихъ классахъ. Приходилъ Антоша домой съ уроковъ обыкновенно въ четвертомъ часу дня, усталый и голодный, и, послѣ обѣда, тотчасъ же принимался за приготовленіе уроковъ дома, или же въ лавкѣ, куда его чуть не каждый день посылалъ Павелъ Егоровичъ пріучаться къ торговлѣ и, главнымъ образомъ, исполнять обязанности „хозяйскаго глаза“. Къ девяти часамъ вечера усталость брала свое, и измученные духъ и тѣло настойчиво требовали отдыха. Но въ дни спѣвокъ объ отдыхѣ думать было нечего. Являлись кузнецы. Вмѣстѣ съ ними являлся и посланецъ въ дѣтскую съ приказомъ:

— Папаша зоветъ на спѣвку!..

Спѣвки производились въ большой комнатѣ, примыкавшей къ лавкѣ.

Кузнецы усаживались вокруг круглаго стола на табуреткахъ и ящикахъ изъ-подъ мыла и изъ-подъ стеариновыхъ свѣчей. На такую же мебель усаживались и дремавшіе гимназисты. Павелъ Егоровичъ вооружался скрипкой, которую „по старинѣ“ прижималъ не къ подбородку, а къ лѣвой сторонѣ груди,—и слѣвка начиналась. Передъ пѣвцами лежатъ раскрытыя нотныя тетради, но онѣ лежатъ только для проформы, потому что ни одинъ изъ нихъ не грамотенъ и всѣ до одинаго поютъ „на слухъ“, а слова пѣснопѣвній просто заучиваютъ наизусть. Для нихъ названія нотъ: до, ре, ми... — пустой звукъ, а діезы и бемоли — что-то вродѣ жупела. Иной разъ бась или теноръ начинаютъ фальшивить, и Павелъ Егоровичъ, забывшись, вскрикиваетъ съ сердцемъ:

— Ну, что вы, Иванъ Дмитричъ, врите? Смотрите въ ноты: вѣдь тамъ стоитъ до-діезъ!..

— Да вѣдь я же, Павелъ Егорычъ, неграмотный! — конфузливо защищается кузнецъ.—Вы лучше проиграйте мнѣ это мѣсто еще разъ на скрипкѣ...

Павелъ Егоровичъ начинаетъ досадливо водить смычкомъ по струнамъ. Кузнецъ старается изо всѣхъ силъ прислушиваться, но схватываетъ туго. А время все идетъ да идетъ. У Антоши давно уже слипаются глаза и голова отяжелѣла. Но уйти и лечь спать онъ не смѣетъ. Когда же около полуночи пѣвчіе, одолѣвъ съ грѣхомъ пополамъ „Всемирную славу“ или „Чертогъ Твой, Спасе“, прощаются и расходятся, — у Антоши едва хватаетъ силъ добраться до постели. Случается засыпать и въ платкѣ. То же происходитъ и съ его старшими братьями... А завтра въ семь часовъ утра уже надо вставать въ гимназію...

Пѣли главнымъ образомъ въ монастырѣ и во „Дворцѣ“.

Монастырь — до извѣстной степени церковь историческая. Принадлежитъ онъ, кажется, іерусалимскому патріарху. Штатъ его составляютъ греческій архимандритъ и нѣсколько греческихъ іеромонаховъ и діаконовъ, присылаемыхъ изъ Іерусалима. Служба производится на греческомъ языкѣ. Извѣстно, что императоръ Александръ I послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Таганрогѣ и тамъ же и умеръ. Гробъ съ его бранными останками, по какимъ-то, доселѣ никому неизвѣстнымъ соображеніямъ, былъ поставленъ не въ соборѣ и не въ какой-либо русской церкви, а именно въ этомъ греческомъ монастырѣ. Тутъ онъ и стоялъ на катафалкѣ среди храма довольно долгое время, до перевозки въ Петербургъ. Мѣсто, гдѣ стоялъ гробъ, обнесено внутри церкви металлической рѣшеткой, охватывающей вдѣланную въ полъ мраморную плиту, съ мраморнымъ же крестомъ. Въ головахъ этой плиты поставлена вызолоченная колонна съ врѣзанною

въ нее иконою, передъ которою Александръ Благословенный, по преданію, имѣлъ обыновеніе молиться. Насколько это преданіе вѣрно— неизвѣстно. На площади, передъ фасадомъ монастыря стоитъ памятникъ работы скульптора Мартоса, изображающій императора съ протянутой впередъ правою рукою. Въ рукѣ — свитокъ, свернутый въ трубку. Памятникъ обнесенъ чугунной оградой изъ цѣпей и нивѣ такъ заросъ густыми акаціями, что почти не виденъ изъ-за ихъ зелени.

Въ монастырѣ—три престола: главный и два боковыхъ. Доходы монастыря, собираемые съ прихожанъ-грековъ, были не велики; русскіе же люди посѣщали эту церковь неохотно, потому что не знали греческаго языка. Чтобы поднять доходы, архимандритъ и іеромонахи придумали открыть богослуженіе на русскомъ языкѣ. Но чтобы не умалять значенія своего монастыря, какъ греческаго, рѣшили служить по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ раннія обѣдни въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ, оставляя главный престолъ исключительно для службъ греческихъ. Іеромонахи и діаконы — народъ, нужно правду сказать, достаточно малограмотный—вызубрили русскій текстъ обѣдни не безъ труда и произносили русскія слова довольно уродливо. Но это дѣлу не помѣшало: русскіе богомольцы стали посѣщать эти раннія обѣдни охотно, и тарелочный сборъ монастыря возросъ ощутительно. Къ этимъ-то раннимъ обѣднямъ и пристроился Павелъ Егоровичъ со своимъ хоромъ изъ кузнецовъ и трехъ дѣтей-гимназистовъ. Пѣли здѣсь, кажется, года три. Для монаховъ же этотъ даровой любительскій хоръ былъ сущимъ кладомъ. Они пользовались его услугами безъ церемоній, самымъ увѣреннымъ тономъ поощряли общаніями щедрой награды на томъ свѣтѣ, на небесахъ и только къ концу третьяго года преподнесли въ конвертѣ тридцать рублей, что составило менѣе двухъ рублей на гѣвческую душу.

Антонъ Павловичъ пѣлъ въ монастырѣ альтомъ, и его, какъ и слѣдовало ожидать, почти не было слышно. Мужскіе сильные голоса подавляли слабые звуки трехъ дѣтскихъ грудей. Но Павелъ Егоровичъ не принималъ этого въ расчетъ, и раннія обѣдни пѣлись аккуратно и безъ пропусковъ, не взирая ни на морозъ, ни на дождь, ни на слякоть и глубоку, вязкую грязь немощенныхъ таганрогскихъ улицъ. А какъ тяжело было вставать по утрамъ для того, чтобы не опоздать къ началу службы!..

Единственнымъ развлеченіемъ мальчиковъ во время обѣдни въ лѣтнее время было—слѣдить за жизнью и работою кобчиковъ. Съ хоръ, на которыхъ помѣщались пѣвчіе, были видны небольшія круглыя окна второго яруса въ стѣнахъ церкви. Просвѣты этихъ оконъ были задѣланы рѣшетками, и тутъ, въ петляхъ этихъ рѣшетокъ, кобчики-хищники вили свои гнѣзда и выводили птенцовъ. Птенцы обык-

новенно сидѣли въ гнѣздахъ смиренно, но когда родители, прилетая съ лова, приносили въ клювахъ мышъ или какого-нибудь другого мелкаго звѣрька, то они поднимали рѣзкій и непріятный пискъ и принимались терзать своими хищными клювами принесенную добычу. Эти сцены, отъ наблюденія которыхъ, пожалуй, не отказался бы и Брамъ, нѣсколько разнообразили монотонность и скуку подневольнаго пѣнія.

По возвращеніи отъ обѣдни домой, пили чай. Затѣмъ Павелъ Егоровичъ собиралъ всю семью передъ кіотомъ съ иконами и начиналъ читать акаѳистъ Спасителю или Богородицѣ, причѣмъ дѣти должны были пѣть послѣ каждаго икоса:— „Исусе сладчайшій, спаси насъ“ и послѣ каждаго кондака:— „Аллилуія“. Къ концу этой домашней молитвы уже начинали звонить въ церквахъ къ поздней обѣднѣ. Одинъ изъ сыновей-гимназистовъ—по очереди, или же по назначенію отца—отправлялся вмѣстѣ съ „молодцами“ въ качествѣ хозяйскаго глаза отпирать лавку и начинать торговлю, а прочія дѣти должны были идти вмѣстѣ съ Павломъ Егоровичемъ къ поздней обѣднѣ. Воскресные и праздничные дни для дѣтей Павла Егоровича были такими же трудовыми днями, какъ и будни, и Антонъ Павловичъ не безъ основанія не разъ говаривалъ братьямъ:

— Господи, что мы за несчастный народъ! Всѣ товарищи-гимназисты по воскресеньямъ гуляютъ, бѣгаютъ, отдыхаютъ и ходятъ въ гости, а мы должны ходить по церквамъ!..

Разъ въ году, на первый день Троицы, Антонъ Павловичъ и его братья принимали участіе въ монастырскомъ праздникѣ. Это былъ престольный праздникъ главнаго придѣла, и, послѣ торжественной греческой службы, въ покояхъ архимандрита собирались почетные прихожане-греки съ поздравленіями. Въ качествѣ почетнаго гостя ходилъ и Павелъ Егоровичъ съ дѣтьми. Поздравленіе заключалось въ четырехъ-голосномъ пѣніи тропаря: „Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей“... Послѣ обычныхъ монастырскихъ официальныхъ, открывалась дверь въ сосѣдній большой покой и почетные гости приглашались туда къ торжественной трапезѣ, состоявшей изъ водоевъ, сантуринскихъ винъ и разныхъ греческихъ соленыхъ закусокъ и національныхъ блюдъ. Эти-то рѣдкія греческія соленыя рыбки, маслины, иностранная сѣдъ и сласти и составляли главную приманку для пѣвчихъ. Въ этотъ день греки—и духовные, и свѣтскіе—кутили изрядно и добросовѣстно и, въ перемежку съ духовнымъ греческимъ пѣніемъ, вспоминали свою далекую Элладу и цѣлый лабиринтъ окружающихъ ее острововъ...

Всему бываетъ конецъ. Прекратились и равнія обѣдни въ монастырѣ. Прекратились, кажется, оттого, что іеромонаха, умѣвшаго слу-

жить по-русски, убрали въ Іерусалимъ, а на смѣну ему прислали другого, говорившаго только на своемъ родномъ языкѣ. Хоръ Павла Егоровича остался, такъ сказать, безъ дѣла и безъ мѣста. Но Павелъ Егоровичъ нашелся и тутъ. Отстроилась долго стоявшая впускъ Митрофаніевская церковь. Онъ перекочевалъ въ нее. Но тутъ уже не было прежняго широкаго раздолья и почета: въ церкви былъ собственный, платный хоръ, и Павлу Егоровичу пришлось ютиться съ грѣхомъ пополамъ на лѣвомъ клиросѣ, вмѣстѣ съ дьячками, смотрѣвшими довольно восо. Кузнецы, вида такой далеко не дружественный пріемъ, мало-по-малу разбрелись. Остался только одинъ неутомимый регентъ съ дѣтьми, которыя, къ своему великому горю, не могли и не смѣли разбрестись и должны были все-таки пѣть и подтягивать дьячкамъ.

Антонъ Павловичъ на этомъ клиросѣ не разъ писалъ бабамъ на бумажкахъ и на просфорахъ для проскомидіи „о здравіи“ и „за упокой“ и это записываніе именъ для поминовенія послужило ему впоследствии темою для его разказа „Канитель“, въ которомъ старуха путаетъ имена своихъ здравствующихъ и умершихъ родственниковъ.

Хоръ однакоже не распался. Судьба готовила ему новое поприще для приложенія его „усердія“—и это былъ самый ужасный, самый тяжелый и самый утомительный періодъ для Антона Павловича. Это было то время, когда въ подростающемъ мальчикѣ начинается развиваться самолюбіе и когда каждый ложный шагъ, каждая ошибка и каждый кривой взглядъ кажутся преувеличенными и очень больно терзаютъ молодую душу.

Въ Таганрогѣ существуетъ домъ, называемый Дворцомъ. Это—большой, угловой, одноэтажный домъ съ садомъ, принадлежавшій нѣкогда—какъ гласитъ преданіе—частному лицу,—кажется, генералу Папкову. Въ этомъ домѣ жилъ и умеръ Александръ I. Съ тѣхъ поръ онъ и сталъ называться Дворцомъ, и по его панелямъ и днѣмъ, и ночью рассказываютъ взадъ и впередъ съ шашками на-голо часовые—казаки. Одна изъ комнатъ въ этомъ домѣ обращена въ домовую церковь императора. Церковь—замѣчательно скромна и проста. Иконостасъ въ ней—полотняный и такой зыбкій, что когда открываются царскія врата, то онъ весь волнуется и дрожитъ. Онъ дѣлится комнатою на двѣ части, въ одной изъ которыхъ помѣщается алтарь, а другая отведена для молящихся. Полъ устланъ старыми, потертыми коврами. Церковь эта очень долго стояла запертою, и ключъ отъ нея хранился у смотрителя Дворца. Какими-то судьбами и ходатайствами ее приписали къ собору и отдали въ распоряженіе соборнаго протоіерея. Послѣдній отрядилъ туда одного изъ соборныхъ же іереевъ и открылъ въ ней богослуженіе.

Службы происходили по большимъ праздникамъ и по постами. Особенно тяжелы были онѣ въ Великомъ посту, на Страстной недѣлѣ. Въ дворцовую церковь ѣздила говѣть городская знать во главѣ съ градоначальникомъ (Таганрогъ тогда былъ градоначальствомъ). Публика была все отборная, аристократическая, и Павлу Егоровичу очень хотѣлось прихвастнуть передъ нею и своимъ хоромъ, и умѣньемъ дирижировать, а главное, — умѣньемъ воспитывать своихъ дѣтей не какъ-нибудь, а въ страхѣ Божиемъ. Поэтому онъ всячески старался выдвигать ихъ и этимъ — самъ того не подозрѣвая — причинялъ имъ много огорченій. Въ великопостной службѣ есть красивое тріо: „Да исправится молитва моя“. Поется эта молитва обыкновенно среди церкви, на виду у всѣхъ молящихся, и исполненіе ея, чтобы оно было хоть сколько-нибудь сносно, требуетъ непременно хорошихъ голосовъ. Голосами своихъ чадъ Павелъ Егоровичъ прихвастнуть не могъ и зналъ это, но болѣзненное самолюбіе и желаніе показать себя передъ аристократіей были въ немъ въ этомъ случаѣ непобѣдимы. Онъ заставилъ своихъ троихъ сыновей-гимназистовъ разучить это пѣснопѣіе и неумолимо выводилъ ихъ на середину церкви.

Понять психику Антона Павловича въ эти мгновенія не трудно. Неувѣренность въ своихъ силахъ, свойственная дѣтскому возрасту робость и боязнь взять фальшивую ноту и осрамиться — все это переживалось имъ и дѣйствовало на него угнетающимъ образомъ. Само собою понятно, что при наличности такихъ ощущеній голоса доморощеннаго тріо дрожали, пѣніе путалось и торжественное „Да исправится“ не менѣе торжественно проваливалось. Къ тому же заключительный куплетъ приходилось исполнять обязательно на колѣняхъ, и строгій регентъ требовалъ этого, забывая, что на ногахъ дѣтей сапоги страдаютъ недочетами въ подметкахъ и каблукахъ. А выставлять на показъ публично протоптанную, дырявую грязную подошву — какъ хотите — обидно, особенно же для гимназиста, котораго могутъ засмѣять товарищи и который уже начинаетъ помышлять о томъ, чтобы посторонніе были о немъ выгоднаго мнѣнія...

Антонъ Павловичъ всякій разъ краснѣлъ и блѣднѣлъ отъ конфуза, и самолюбіе его страдало ужасно. Дома же, послѣ неудачнаго тріо, всѣмъ троицъ пѣвцамъ приходилось выслушивать отъ строгаго отца и оскорбленнаго въ своихъ лучшихъ ожиданіяхъ регента внушительные упрёки за то, что его осрамили собственныя дѣти...

Великопостныя службы на Страстной недѣлѣ длинны и утомительны. Если только выстаивать ихъ отъ начала до конца утомительно, то пѣть ихъ — утомительнѣе вдвое. Дѣтямъ Павла Егоровича и его хору приходилось являться въ церковь раньше всѣхъ и уxo-

дять позже всѣхъ. Тягота къ концу недѣли становилась еще тѣмъ ощутительнѣе, что послѣ долгихъ службъ и позднихъ всенощныхъ не было возможности отдохнуть: хоръ прямо изъ церкви собирался на спѣвки—репетировать предстоящую пасхальную службу. Къ концу Страстной недѣли Антонъ Павловичъ уже чувствовалъ себя переутомленнымъ и нѣсколько напоминалъ бродячую тѣнь.

Пасхальная служба была много веселѣе. И мотивы пасхальнаго капона веселы, и кончается она скоро. Во Дворцѣ хоръ начиналъ утреню въ полночь, и въ три часа утра былъ уже свободенъ. Первымъ днемъ Пасхи и кончалось принудительное пѣніе. Дворцовая церковь запиралась. Антонъ Павловичъ и его братья однакоже были обязаны ходить всю Свѣтлую недѣлю въ другія церкви — не пѣть, а просто молиться, или, какъ говорилъ Павелъ Егоровичъ, не пропускать церковной службы. Но это уже не было такъ утомительно. Все-таки отдыхали... до Фоминой, а тамъ опять начинались праздничныя и воскресныя службы съ пѣніемъ на разныхъ клиросахъ.

Благодаря великопостному пѣнію, Антону Павловичу приходилось испытывать и еще одно неудобство. Гимназическіе педагоги задавали на праздники много работъ на домъ, а выполнять ихъ при такомъ ходѣ жизни не было ни времени, ни возможности. Получались нагоняи и съ этой стороны. Куда ни вѣнь—все клинь.

Хоръ однакоже все-таки распался. Антонъ Павловичъ въ это время переходилъ, кажется, уже въ четвертый классъ гимназіи. Въ силу житейскихъ обстоятельствъ Павелъ Егоровичъ перекочевалъ на жительство въ Москву — и пѣніе прекратилось, оставивъ по себѣ въ душѣ покойнаго писателя то безотрадное воспоминаніе, которое давало ему право въ зрѣлые годы съ грустью говорить, что „въ дѣтствѣ у него не было дѣтства“...

А. С—ой.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1907 г.

Англо-русская конвенція.—Отдѣльныя соглашенія относительно Персіи, Афганистана и Тибета.—Нѣкоторыя особенности договора о „сферахъ вліянія“ въ Персіи.—Значеніе конвенціи съ точки зрѣнія либеральныхъ принциповъ.—Сравненіе проповѣдники англо-русскаго союза.—Конецъ парламентской сессіи въ Англіи.

Англо-русское соглашеніе, доведенное до конца послѣ долгихъ переговоровъ при косвенномъ содѣйствіи Франціи, представляетъ собою несомнѣнно крупнѣйшее политическое событіе послѣдняго времени. Оно вноситъ важный элементъ мира въ общее международное положеніе, устраняя со сцены постоянный источникъ тревожныхъ опасеній и замѣшательствъ, связанныхъ съ средне-азиатскимъ вопросомъ. Оно служитъ какъ бы естественнымъ дополненіемъ и завершеніемъ англо-французскаго сближенія, подготавливая почву для образованія новаго тройственнаго союза, способнаго обезпечить Европу отъ односторонняго преобладанія Германіи.

Конвенція подписана 18 (31) августа въ Петербургѣ уполномоченными представителями обѣихъ сторонъ, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, А. П. Извольскимъ, и британскимъ посломъ при русскомъ дворѣ, сэромъ Артуромъ Никольсономъ; содержаніе ея было сообщено остальнымъ державамъ, и обмѣнъ ратификацій состоялся 10 (23) сентября, послѣ чего текстъ былъ официально обнародованъ одновременно въ Лондонѣ и Петербургѣ. Оба правительства, какъ сказано въ конвенціи, „воодушевленны искреннимъ желаніемъ уладить по взаимному согласію различные вопросы, касающіеся интересовъ ихъ государствъ на азиатскомъ материкѣ, рѣшили заключить соглашенія, предназначенныя предупреждать всякій поводъ къ недоразумѣніямъ между Россіей и Великобританіей въ отношеніи сказанныхъ вопросовъ“. Первое изъ этихъ соглашеній касается Персіи—государства, повидимому, вполне самостоятельнаго, но фактически находящагося подъ непосредственнымъ промышленно-политическимъ вліяніемъ двухъ могущественныхъ сосѣдей—Россіи и Англіи.

„Правительства Россіи и Великобританіи, — говорится въ этомъ документѣ — взаимно обязавшись уважать цѣлостъ и независимость Персіи и желая искренне сохраненія порядка на всемъ протяженіи этой страны и ея мирнаго развитія, равно какъ и постояннаго установленія одинаковыхъ преимуществъ для торговли и промышленности

всѣхъ другихъ народовъ; принимая во вниманіе, что каждое изъ нихъ имѣетъ, по причинамъ географическаго и экономическаго свойства, спеціальнѣйшій интересъ въ поддержаніи мира и порядка въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи, смежныхъ или сосѣднихъ съ русской границей, съ одной стороны, и съ границами Афганистана и Белуджистана, съ другой; и желая избѣжать всякаго повода къ столкновенію между ихъ взаимными интересами въ персидскихъ провинціяхъ, о которыхъ было упомянуто выше,—согласились о нижеслѣдующихъ положеніяхъ:

I. Великобританія обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать въ пользу британскихъ подданныхъ, равно какъ и въ пользу подданныхъ третьихъ державъ, какихъ-либо концессій политическаго или торговаго свойства, какъ-то: концессіи желѣзнодорожныя, банковскія, телеграфныя, дорожныя, транспортныя, страховыя и т. д.— по ту сторону линіи, идущей отъ Каср-и-Ширина черезъ Исфаганъ, Іездъ, Хакъъ (Кахъъ) и оканчивающейся въ точкѣ на персидской границѣ при пересѣченіи границъ русской и афганской, и не противиться, ни прямо ни косвенно, требованіямъ подобныхъ концессій въ этой области, поддерживаемыхъ россійскимъ правительствомъ. Считается, конечно, условленнымъ, что мѣстности, упомянутыя выше, входятъ въ область, гдѣ Великобританія обязуется не домогаться вышесказанныхъ концессій.

II. Россія со своей стороны обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать въ пользу россійскихъ подданныхъ третьихъ державъ какихъ-либо концессій политическаго или торговаго свойства, какъ-то: концессіи желѣзнодорожныя, банковскія, телеграфныя, дорожныя, транспортныя, страховыя и т. д.— по ту сторону линіи, идущей отъ Афганской границы черезъ Газикъ, Биржандъ, Керманъ и оканчивающейся въ Бендеръ-Аббасъ, и не противиться, ни прямо ни косвенно, требованіямъ подобныхъ концессій въ этой области, поддерживаемымъ британскимъ правительствомъ. Считается, конечно, условленнымъ, что мѣстности, упомянутыя выше, входятъ въ область, гдѣ Россія обязуется не домогаться вышесказанныхъ концессій.

III. Россія обязуется со своей стороны не противиться, не уговорившись предварительно съ Англіей, тому, чтобы какія-нибудь концессіи были выдаваемы британскимъ подданнымъ въ областяхъ Персіи, расположенныхъ между линіями, упомянутыми въ статьяхъ I и II. Великобританія принимаетъ тождественное обязательство въ томъ, что касается концессій, могущихъ быть выданными русскимъ подданнымъ въ тѣхъ же областяхъ Персіи. Всѣ концессіи, существующія нынѣ въ областяхъ, указанныхъ въ статьяхъ I и II, сохраняются.

IV. Условлено, что доходы всѣхъ персидскихъ таможенъ, за исключеніемъ таможенъ Фарсистана и Персидскаго залива, доходы, обезпе-

чивающіе погашеніе и проценты по займамъ, заключеннымъ правительствомъ шаха въ учетно-ссудномъ банкѣ Персіи до дня подписанія настоящаго соглашенія, будутъ обрацаемы на тотъ же предметъ, что и въ прошломъ. Равнымъ образомъ, условлено, что доходы персидскихъ таможенъ Фарсистана и Персидскаго залива, равно какъ и доходы рыбныхъ ловель на персидскомъ побережьи Каспійскаго моря, а также почтъ и телеграфовъ, будутъ обрацаемы, какъ и въ прошломъ, на платежи по займамъ, заключеннымъ правительствомъ шаха у персидскаго шахиншахскаго (императорскаго) банка до дня подписанія соглашенія.

V. Въ случаѣ неисправностей въ погашеніи или уплатѣ процентовъ по персидскимъ займамъ, заключеннымъ въ учетно-ссудномъ банкѣ Персіи и въ персидскомъ шахиншахскомъ (императорскомъ) банкѣ до дня подписанія настоящаго соглашенія, и если представится необходимость для Россіи установить контроль надъ источниками доходовъ, обеспечивающими правильное поступленіе платежей по займамъ, заключеннымъ въ первомъ изъ сказанныхъ банковъ, и расположенными въ области, упомянутой въ статьѣ II настоящаго соглашенія, или же для Великобританіи установить контроль надъ источниками доходовъ, обеспечивающими правильное поступленіе платежей по займамъ, заключеннымъ во второмъ изъ сказанныхъ банковъ, и расположенными въ области, упомянутой въ статьѣ I настоящаго соглашенія—правительства руссійское и англійское обязуются войти предварительно въ дружественный обмѣнъ мыслей въ видахъ опредѣленія по взаимному согласію означенныхъ мѣръ контроля и избѣжанія всякаго вмѣшательства, которое не было бы согласно съ принципами, служащими основаніемъ настоящему соглашенію“.

Вопросъ о Персидскомъ заливѣ оставленъ при этомъ въ сторонѣ по причинамъ, которыя объяснены въ приложенномъ къ тексту конвенціи письмѣ британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, сэра Эдуарда Грея, къ сэру Никольсону, отъ 29 (16) августа: „Соглашеніе относительно Персіи ограничено областями этой страны, прилегающими къ азіатскимъ границамъ Великобританіи и Россіи; Персидскій заливъ не входитъ въ эти области и только отчасти находится въ предѣлахъ персидской территоріи. Поэтому признано было неудобнымъ включать въ конвенцію положительное заявленіе о специальныхъ интересахъ, принадлежащихъ Великобританіи въ означенномъ заливѣ и составляющихъ результатъ британской дѣятельности въ этихъ водахъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ. Правительство его величества имѣетъ основаніе полагать, что этотъ вопросъ не возбудитъ затрудненій между обоими правительствами, если возникнутъ обстоятельства, которыя сдѣлаютъ необходимымъ дальнѣйшее обсужденіе, затрагивающее бри-

танскіе интересы въ Персидскомъ заливѣ. Ибо русское правительство, въ теченіе переговоровъ, приведшихъ къ настоящему соглашенію, положительно заявило, что оно не отрицаетъ специальныхъ интересовъ Великобританіи въ Персидскомъ заливѣ, и это заявленіе было формально принято къ свѣдѣнію правительствомъ его величества. Чтобы сдѣлать вполне яснымъ, что настоящее соглашеніе не имѣетъ въ виду коснуться положенія дѣлъ въ указанномъ заливѣ и не влечетъ за собой никакой перемѣны въ политикѣ, относящейся къ этой части Великобританіи, правительство его величества считаетъ желательнымъ обратить вниманіе на предшествующія деклараціи британской политики и въ общемъ подтвердить прежнія заявленія относительно британскихъ интересовъ въ Персидскомъ заливѣ и важности поддержанія ихъ. Правительство его величества будетъ по прежнему направлять всѣ свои усилія къ сохраненію status quo въ заливѣ и къ поддержанію британской торговли, и, дѣйствуя такимъ образомъ, оно не имѣетъ желанія исключить законную торговлю какой-либо другой державы“.

Второе соглашеніе — относительно Афганистана — имѣетъ цѣлю „обезпеченіе совершенной безопасности на обоюдныхъ границахъ въ Средней Азіи и поддержаніе въ этихъ областяхъ прочнаго и продолжительнаго мира“. Текстъ этого соглашенія, — названнаго уже „конвенціею“, а не „Arrangement“, какъ относительно Персіи и Тибета, — изложенъ въ пяти статьяхъ:

I. Правительство его британскаго величества объявляетъ, что оно не имѣетъ намѣренія измѣнить политическое положеніе Афганистана. Правительство обязуется, кромѣ того, осуществлять свое вліяніе въ Афганистанѣ только въ миролюбивомъ смыслѣ, и оно не приметъ само въ Афганистанѣ и не будетъ поощрять Афганистанъ принимать мѣры, угрожающія Россіи. Съ своей стороны Россійское Императорское правительство объявляетъ, что оно признаетъ Афганистанъ находящимся внѣ сферы русскаго вліянія; и оно обязуется пользоваться для всѣхъ своихъ политическихъ сношеній съ Афганистаномъ посредствомъ правительства его британскаго величества; оно обязуется также не посылать никакихъ агентовъ въ Афганистанъ.

II. Такъ какъ правительство его британскаго величества объявило въ договорѣ, подписанномъ въ Кабулѣ 21 марта 1905 г., что оно признаетъ соглашеніе и обязательства, заключенныя съ покойнымъ эмиромъ Абдуръ-Рахманомъ, и что оно не имѣетъ никакого намѣренія вмѣшиваться во внутреннее управленіе Афганской территоріей, Великобританія обязуется не присоединить или занимать, въ противность сказанному договору, какой-либо части Афганистана и не вмѣшиваться во внутреннее управленіе этой страной, съ оговор-

кой, что эмиръ будетъ исполнять обязательства, уже принятыя имъ по отношенію къ правительству его британскаго величества въ силу вышеупомянутаго договора.

III. Русскія и афганскія власти, особо къ тому назначенныя, на границѣ или въ пограничныхъ провинціяхъ, могутъ впредь установить непосредственныя взаимныя сношенія, чтобы улаживать мѣстные вопросы не-политическаго характера.

IV. Правительства Россіи и Великобританіи объявляютъ, что они признаютъ по отношенію къ Афганистану принципъ торговаго равноправія и соглашаются въ томъ, что всѣ облегченія, которыя были или будутъ приобрѣтены впредь для торговли и торговцевъ англійскихъ и англо-индійскихъ, будутъ равнымъ образомъ примѣняемы къ торговлѣ и торговцамъ русскимъ. Если развитіе торговли укажетъ на необходимость въ торговыхъ агентахъ, оба правительства условятся о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять, взявъ, конечно, во вниманіе верховныя права эмира.

V. Настоящія соглашенія войдутъ въ силу лишь съ момента, когда британское правительство заявитъ Россійскому правительству о согласіи эмира на условія, выше постановленныя“.

Третье соглашеніе касается Тибета. Обѣ державы, „признавая суверенныя права Китая надъ Тибетомъ и принимая во вниманіе, что вслѣдствіе своего географическаго положенія Великобританія имѣетъ специальный интересъ въ томъ, чтобы видѣть существующій порядокъ виѣшнихъ сношеній Тибета сохраненнымъ полностью“, условились о нижеслѣдующемъ:

I. Обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются уважать территоріальную цѣлость Тибета и воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ его внутреннее управленіе.

II. Сообразуясь съ признаннымъ принципомъ суверенитета Китая надъ Тибетомъ, Россія и Великобританія обязуются сноситься съ Тибетомъ только черезъ посредство китайскаго правительства. Это обязательство не исключаетъ однако непосредственныхъ сношеній англійскихъ коммерческихъ агентовъ съ тибетскими властями, предусмотрѣнныхъ ст. 5 конвенціи 7 сентября 1904 года между Великобританіей и Тибетомъ и подтвержденныхъ конвенціей 27 апрѣля 1906 года между Великобританіей и Китаемъ; оно не измѣняетъ также обязательствъ, принятыхъ на себя Великобританіей и Китаемъ въ силу статьи I сказанной конвенціи 1906 года. Считается, конечно, условленнымъ, что буддисты, какъ русскіе, такъ и британскіе подданные, могутъ входить въ непосредственныя сношенія, на почвѣ исключительно-религіозной, съ Далай-Ламой и другими представителями буддизма въ Тибетѣ; правительства Россіи и Великобританіи обязуются,

насколько отъ нихъ будетъ зависѣть, не допускать, чтобы эти сношенія могли нарушить постановленія настоящаго соглашенія.

III. Россійское и великобританское правительства обяжутся, каждое за себя, не посылать представителей въ Лхассу.

IV. Обѣ высокія стороны обяжутся не помогать или приобрѣтать, ни за свой собственный счетъ, ни въ пользу подданныхъ, никакихъ концессій желѣзнодорожныхъ, дорожныхъ, телеграфныхъ и горныхъ, ни другихъ правъ въ Тибетѣ.

V. Оба правительства согласны въ томъ, что никакая часть доходовъ Тибета, ни въ натурѣ, ни деньгами, не можетъ быть заложена или предоставлена, какъ Россіи и Великобританіи, такъ и ихъ подданнымъ“.

Къ соглашенію о Тибетѣ приложены еще три документа—заявленіе объ обязательствѣ Великобританіи очистить занятую британскими войсками долину Чумби подъ условіемъ уплаты 25 милліоновъ рупій въ три года и дѣйствительнаго открытія упомянутыхъ въ конвенціи тибетскихъ рынковъ, и затѣмъ двѣ ноты, которыми обмѣнялись обѣ стороны по вопросу о научныхъ экспедиціяхъ въ Тибетѣ. Британское правительство обязалось, „поскольку отъ него будетъ зависѣть, не допускать — кромѣ какъ по предварительному соглашенію съ Россійскимъ правительствомъ, — въ теченіе трехъ лѣтъ со дня настоящаго сообщенія, доступа въ Тибетъ какой-либо научной экспедиціи, подъ условіемъ однако, чтобы подобное же завѣреніе было дано со стороны Россійскаго Императорскаго правительства. Британское правительство предполагаетъ, кромѣ того, обратиться къ китайскому правительству съ цѣлью побудить послѣднее принять на себя подобное же обязательство на соотвѣтствующій срокъ; само собою разумѣется, что таковой шагъ будетъ принять Россійскимъ правительствомъ. По истеченіи трехлѣтняго срока, приведеннаго (т.-е. упомянутаго) выше, британское правительство обсудитъ, по взаимному согласію съ Россійскимъ правительствомъ, вопросы о желательности, если къ тому представится надобность, принятія дальнѣйшихъ мѣръ въ отношеніи научныхъ экспедицій въ Тибетъ“. Аналогичное заявленіе сдѣлано и русскимъ правительствомъ.

Въ печати высказаны были двоякаго рода принципиальныя возраженія противъ англо-русской конвенціи. Во-первыхъ, многіе находятъ страннымъ и неумѣстнымъ заключеніе сдѣлки относительно Персіи, которая все-таки имѣетъ значеніе самостоятельнаго государства и не можетъ разсматриваться какъ объектъ соглашеній между посторонними державами. Персія пробуждается теперь къ новой сознательно-національной жизни; она добилаь конституціи и правильнаго народнаго

представительства, и иностранные кабинеты должны уже считаться не только съ придворными совѣтниками и фаворитами шаха, но и съ общественнымъ мнѣніемъ страны. Не вправѣ ли возмутиться персидскій парламентъ, „меджлисъ“, узнавъ, что Персію откровенно дѣлятъ между собою иноземныя правительства? Правда, рѣчь идетъ пока только о „сферахъ вліянія“, но официально устанавливать какое-то право постороннихъ державъ пользоваться исключительнымъ вліяніемъ на чужой территоріи — значить, очевидно, посягать на ея неприкосновенность, вопреки принципу, провозглашенному въ той же конвенціи. Однако, въ дѣйствительности, Персія находится въ такомъ положеніи, что она не можетъ обойтись безъ иностраннаго участія и вліянія въ ея экономическихъ и народно-хозяйственныхъ дѣлахъ; она уже подчинена чужому финансовому контролю, благодаря необходимости регулярно уплачивать проценты по крупнымъ государственнымъ займамъ, заключеннымъ ея самодержавными шахами. Персія не имѣетъ ни капиталовъ, ни предпринимателей, ни научно-подготовленныхъ специалистовъ, необходимыхъ для сооружения желѣзныхъ дорогъ, проведенія телеграфныхъ линій, устройства банковъ, транспортныхъ, страховыхъ и тому подобныхъ учреждений; она вынуждена поэтому пользоваться содѣйствіемъ другихъ государствъ и ихъ подданныхъ для того, чтобы дать надлежащее развитіе своимъ производительнымъ силамъ и превратиться въ культурную страну современнаго промышленнаго типа. Если же это участіе иностранцевъ необходимо и желательно въ интересахъ экономическаго возрожденія и подъема самой Персіи, то нѣтъ для нея ничего обиднаго въ томъ, что сосѣднія державы заранѣе распределяютъ между собою районы своихъ вспомогательныхъ дѣйствій на ея территоріи, для избѣжанія взаимныхъ пререканій и столкновеній. Въ конвенціи говорится именно о желѣзнодорожныхъ, телеграфныхъ, банковыхъ и прочихъ концессіяхъ, имѣющихъ промышленное, а не политическое значеніе, — такъ что упомянутое распредѣленіе касается въ сущности лишь матеріальныхъ выгодъ этихъ предпріятій; связанное же съ послѣдними политическое вліяніе будетъ уже зависѣть отъ тѣхъ условій, на какихъ будутъ даваться концессіи персидскимъ правительствомъ, и слѣдовательно, государственная самостоятельность Персіи останется нетронутою.

Нѣкоторый намекъ на возможность вмѣшательства во внутреннія дѣла страны можно видѣть только въ указаніи на то, что каждое изъ договаривающихся правительствъ „имѣетъ спеціальнй интересъ въ поддержаніи мира и порядка“ въ пограничныхъ или сосѣднихъ провинціяхъ Персіи; но эти слова вполне соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ, такъ какъ отсутствіе регулярной арміи и прочной административной организаціи поддерживаетъ хроническую анархію

въ персидскихъ областяхъ, допуская безнаказанные набѣги курдовъ въ сосѣднія владѣнія и вызывая этимъ необходимость самостоятельныхъ военныхъ мѣръ со стороны заинтересованныхъ государствъ. Въ послѣдніе мѣсяцы постоянно повторялись вторженія небольшихъ турецкихъ отрядовъ въ предѣлы персидской территоріи, и Персія бесплодно обращалась по этому поводу съ робкими жалобами въ Константинополь; она не могла и не можетъ защитить свои границы собственными средствами, и потому нельзя отрицать право заинтересованныхъ государствъ заботиться о „поддержаніи мира и порядка“ въ пограничныхъ персидскихъ земляхъ. Эти опекунскія заботы сосѣдей отпадутъ сами собою, когда Персія установитъ у себя разумный государственный порядокъ, устроить на новыхъ началахъ свое управленіе и обезпечить жителей отъ произвола и насилія. Конституція открываетъ Персіи путь къ лучшему будущему, но не избавляетъ ее отъ послѣдствій вѣковыхъ беззаконій и неурядицъ; пройдетъ еще не одно десятилѣтіе, пока исчезнуть въ ней печальные плоды стараго режима, а до тѣхъ поръ приходится персамъ поневолѣ мириться съ положеніемъ, которое давно уже стало нормальнымъ относительно Турціи и Китая.

Съ Китаемъ принято почему-то поступать вполнѣ безцеремонно: въ тибетскомъ соглашеніи далеко не соблюдается даже та степень уваженія къ чужимъ правамъ, каковая допущена въ примѣненіи къ Персіи. Державы признають верховную власть Китая надъ Тибетомъ, и въ то же время устанавливають для Китая такія же ограниченія по отношенію къ Тибету, какъ и для ностороннихъ государствъ: Китаю предлагаютъ отказаться отъ права посылать научныя экспедиціи въ Тибетъ на томъ основаніи, что отъ этого права отказываются Англія и Россія. Но если Китай уравнивается въ этомъ пунктѣ съ Россією и Англією, то въ чемъ же выражается китайскій „сюзеренитетъ надъ Тибетомъ“? Предположеніе „побудить китайское правительство“ къ извѣстному самоограниченію принимается заранѣе какъ нѣчто равносильное достигнутому уже результату: не допускается и мысли о томъ, что Китай можетъ не согласиться съ „побудительными“ доводами державъ, — какъ будто китайское правительство формально лишено самостоятельности и обязано подчиняться каждому желанію ностороннихъ государствъ. А Китайская имперія покрупнѣе Персіи!

Нѣкоторыя англійскія газеты отнесли къ конвенціи неодобрительно по мотивамъ международнаго либерализма: говорятъ, что либеральному британскому кабинету не подобало сближаться и устраивать политическое соглашеніе съ реакціоннымъ правительствомъ, поглощеннымъ борьбою съ своимъ собственнымъ народомъ. Проявленіе

дружбы и довѣрія къ официальной Россіи могло въ данный моментъ оказать поддержку „врагамъ русской конституціи“ и ослабить шансы торжества конституціоннаго строя въ нашемъ отечествѣ. Подобныя соображенія кажутся намъ неправильными по существу и совершенно непримѣнимыми къ настоящему случаю: дѣло шло не объ укрѣпленіи позиціи русскаго правительства, не объ усиленіи его средствъ для внутренней борьбы и не о возвышеніи его авторитета или престижа, а о дипломатическомъ соглашеніи съ Россією, какъ великою державою, занимающею свое мѣсто въ мірѣ внѣ всякой зависимости отъ того или другого ея правительства или министерства. Такой международный актъ, какъ англо-русская конвенція, разсчитанъ на прочное существованіе и примѣненіе въ теченіе многихъ лѣтъ; онъ не можетъ связываться съ пережвѣчивыми обстоятельствами текущаго момента и не имѣетъ вовсе никакого отношенія къ заботамъ и вопросамъ внутренней политики. Трудно даже понять, въ какомъ смыслѣ англо-русская конвенція способна была бы повліять на печальный ходъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Международная дипломатія составляетъ особую область, довольно отдаленную отъ партійныхъ или узко-полицейскихъ соображеній; дипломатическое вѣдомство поневолѣ говоритъ и дѣйствуетъ отъ имени Россіи, какъ цѣлаго, и оно часто вынуждено говорить и дѣйствовать въ духѣ прямо противоположномъ тому, который официально господствуетъ въ отечествѣ. Въ эпоху непреклоннаго самодержавія заключенъ былъ союзъ съ французскою республикою, и марсельеза, строго запрещенная для внутренняго употребленія, выслушивалась у насъ въ извѣстныхъ случаяхъ почтительно, съ непокрытыми головами, подобно національному гимну. Нашимъ дипломатамъ случалось усердно насаждать въ чужихъ странахъ конституцію въ такое время, когда самое слово „конституція“ считалось у насъ запретнымъ или предосудительнымъ. Успѣхъ международной дипломатіи не можетъ ни въ чемъ улучшить или усилить у насъ общее положеніе правительства уже потому, что министерство иностранныхъ дѣлъ стоитъ въ сторонѣ отъ остальныхъ вѣдомствъ и не подчинено контролю главы кабинета, а все правительство сосредоточивается въ сущности въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. И при конституціонномъ строѣ дипломатія, вѣроятно, сохранитъ у насъ свою самостоятельность, и ея спеціальныя успѣхи и неудачи едва ли будутъ отражаться на судьбѣ министерствъ и на отношеніи къ нимъ народнаго представительства.

Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что англо-русская конвенція, при всей ея желательности и благотворности для интересовъ общаго міра, можетъ считаться положительнымъ успѣхомъ, въ обычномъ значеніи этого слова, только для Англій, а никакъ не для

Россіи. Для Россіи это есть актъ отреченія отъ многолѣтнихъ завоевательныхъ плановъ и иллюзій, направлявшихъ ея виѣшнюю политику на пагубный и разорительный путь; для Англій это — пріобрѣтеніе безопасности и спокойствія на границахъ Индіи, избавленіе отъ постоянныхъ тревогъ и конфликтовъ въ Средней Азіи, огромное облегченіе финансовыхъ и военныхъ усилій, затрачиваемыхъ на защиту и охрану британскаго владычества и британскихъ интересовъ на азіатскомъ материкѣ. Россія ничего не пріобрѣтаетъ вновь, а только сдаетъ нѣкоторыя изъ своихъ позицій, отрекается отъ попытокъ самостоятельныхъ сношеній и связей съ Тибетомъ и Афганистаномъ, признаетъ Афганистанъ входящимъ всецѣло въ кругъ британскаго вліянія, отказывается отъ всякихъ мечтаній объ Индіи и вообще отъ дальнѣйшаго наступательнаго движенія въ Средней Азіи. И этотъ отказъ отъ прежней неопредѣленной, неограниченно-широкой и заманчивой для патріотовъ азіатской программы вызванъ, къ несчастью, не сознательною переменою политическихъ взглядовъ, не мудрою разсчетливостью дипломатіи, а тяжкими виѣшними ударами, постигшими Россію на Дальнемъ Востокѣ. Тутъ нѣтъ ни успѣха, ни заслуги со стороны нашего правительства; фактически мы и безъ того потеряли возможность держаться на прежнихъ позиціяхъ, и для всѣхъ было ясно, что нашей безцѣльной военной предприимчивости въ отдаленныхъ краяхъ положенъ конецъ на многіе годы. Событія сами привели къ тому повороту нашей политики, который соотвѣтствуетъ либеральнымъ и прогрессивнымъ, а не реакціоннымъ идеаламъ; этого спасительнаго поворота мы долго и тщетно домогались, доказывая его безусловную необходимость для общихъ интересовъ страны и народа, и съ нашей точки зрѣнія англо-русская конвенція запоздала по меньшей мѣрѣ на тридцать лѣтъ, благодаря отсутствію у насъ отвѣтственной, сознательно-разсчетливой національной политики. Если желанный результатъ достигнутъ при министерствѣ, не отличающемся миролюбіемъ и закономѣрностью дѣйствій во внутреннихъ дѣлахъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ подлежитъ осужденію или отрицанію; польза заключеннаго соглашенія достанется все-таки Россіи, русскому государству и народу, а не данному правительству.

Въ Англій вообще очень трезво оцѣниваютъ реальное значеніе конвенціи. Господствующая нота въ англійскихъ сужденіяхъ по этому поводу — чувство удовлетворенія и успокоенія, соединенное съ перспективою сокращенія военныхъ расходовъ на виѣшнюю охрану Индіи. Въ виду этой главной цѣли можно было легко согласиться на предоставленіе Россіи нѣкоторыхъ преимуществъ въ Персіи и на признаніе преобладающаго русскаго вліянія въ значительнѣйшей части

персидской территоріи, со включеніемъ столицы; такая уступка, какъ объясняетъ „Times“, подтверждала лишь фактическое положеніе вещей, ибо въ дѣйствительности русская дипломатія не только успѣла обезпечить себѣ преобладаніе въ сѣверныхъ провинціяхъ и въ Тегеранѣ, но еще настойчиво проводила и поддерживала русскіе промышленные интересы въ южныхъ областяхъ, гдѣ ея „интриги“ были особенно опасны для Англіи, въ виду ближайшаго сосѣдства Индіи и Персидскаго залива. Формальное включеніе этихъ областей въ сферу британскаго вліянія представляетъ, по словамъ „Times“, громадную важность для англичанъ, съ точки зрѣнія безопасности Индіи и Персидскаго залива. Однако, дѣловое соглашеніе по отдѣльнымъ вопросамъ не есть еще внутреннее сближеніе: „когда измѣнятся внутренніе порядки Россіи согласно западнымъ идеямъ,—заключаетъ консервативный „Times“, — взаимныя отношенія обѣихъ націй, независимо отъ отношеній между правительствами, будутъ несомнѣнно все болѣе и болѣе дружественными“...

Мысль о сближеніи и союзѣ между Англіею и Россіею стала особенно популярна въ англійскомъ обществѣ подъ вліяніемъ опасеній, вызванныхъ морскими и колоніальными замыслами Вильгельма II. Смѣлыя попытки германскаго соперничества въ разныхъ частяхъ свѣта побуждали англичанъ стремиться къ новымъ международнымъ комбинаціямъ, въ которыхъ центральное мѣсто принадлежало Франціи. Англо-французская дружба установилась на прочныхъ началахъ; близкимъ русско-британскимъ отношеніямъ мѣшаетъ глубокое недовѣріе къ нынѣшней официальной Россіи, въ связи съ безспорными антипатіями къ ея внутренней политикѣ.

Между тѣмъ въ нашей печати чаще всего хлопочуть о дружбѣ съ Англіею представители именно того направленія, къ которому англичане не могутъ относиться иначе какъ отрицательно. Въ іюльской книгѣ журнала за прошлый годъ мы упоминали о французской книгѣ г. Ник. Нотовича, посвященной вопросу объ англо-русскихъ отношеніяхъ. Теперь эта книга, съ нѣкоторыми измѣненіями, вышла и на русскомъ языкѣ. Авторъ, съ одной стороны, удивляетъ читателей крайностями своего „черносотеннаго“ патріотизма, а съ другой—необыкновенною легковѣсностью и развязностью своихъ сужденій. Книга, какъ отмѣчено на обложкѣ, напечатана въ „государственной типографіи“, и это обстоятельство, въ связи съ „дипломатичностью“ сюжета, можетъ дать поводъ къ предположенію объ оффиціозномъ источникѣ и характерѣ трактата г. Ник. Нотовича. Автору кажется, что всѣ заботы дипломатіи должны быть направлены къ ограниченію

и обузданію предприимчивости германскаго императора. Пора было подумать, говорить онъ, „не о желтой опасности, которую муссировалъ германскій императоръ, толкавшій Европу на Дальній Востокъ, чтобы облегчить себѣ хозяйничанье въ Европѣ, а объ опасности уже чисто-германской,—и англо-русское соглашеніе завершить рядъ соглашеній, изолирующихъ черезчуръ смѣлые, широкіе и заносчивые размахи германской политики“.

Рѣзкія выходы автора противъ Вильгельма II и всей нѣмецкой націи большею частью настолько нелѣпы и бессмысленны, что не стоитъ на нихъ останавливаться. Достаточно привести лишь нѣкоторые образчики „патріотическаго“ краснорѣчія г. Ник. Нотовича. Въ нашихъ пораженіяхъ, конечно, виноваты, между прочимъ, нѣмцы. „Всячески увѣряя насъ въ своей дружбѣ, они въ то же время пользовались нашимъ разстройствомъ, нарушали законы нейтралитета и старались, насколько они были въ силахъ, способствовать нашей гибели. Но мы далеко не уничтожены,—разсуждаетъ г. Ник. Нотовичъ,—и Вильгельмъ хотѣлъ бы, безъ сомнѣнія, докончить внутри то, что начато врагомъ всего христіанскаго. Развѣ онъ не старался убѣдить своего державнаго брата, что мятежи усмиряются только митральезами,—развѣ онъ не уговаривалъ его потопить въ крови всѣхъ недобольныхъ, хотя требованія нѣкоторыхъ изъ нихъ законны? Но у нашего Государа не Гогенцоллернская душа. Пусть Гогенцоллернъ безъ жалости крошитъ прусской саблей поработенные народы (?!); пусть онъ привязываетъ избивать массы школьниковъ (?), чтобы научить ихъ пѣть нѣмецкіе гимны, а также матерей (?) этихъ несчастныхъ дѣтей.—Николай II знаетъ, что подобныя проступки порождаютъ лишь сѣмью ненависти, а ненависть рано или поздно разразится дождемъ проклятій. Благодаря Бога, русскіе мятежники—не рабы, старающіеся разбить свои оковы; это—идеалисты и теоретики, и ихъ не ведутъ на избіеніе... Въ этомъ отношеніи Вильгельмъ II ошибся, если онъ рассчитывалъ ослабить Россію тѣмъ, что онъ будетъ разжигать въ ней гражданскую войну и превратить ее на неопредѣленное время въ безграничное поле сраженія. Въ результатѣ получилось бы то, что самодержавіе, которое въ концѣ концовъ одержало бы верхъ, превратилось бы само собою въ тиранію, ненавистную внутри страны и бессильную во внѣшней политикѣ“. Дальше говорится уже о „высокопѣтріи невѣжества“, о „наглой“ и „ребяческой провокаціи“, о „пиратѣ и притомъ дерзкомъ“ и т. п.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ обвиняетъ нѣмцевъ въ томъ, что они завладѣли русскою политикою, какъ внутреннею, такъ и внѣшнею. „Мы (?), какъ послушные простаки, еще такъ недавно назначали нашихъ министровъ, полководцевъ, посланниковъ, государственныхъ дѣя-

телей и членовъ высшаго правительства по указаніямъ и совѣтамъ Германіи,—и всегда лицъ нѣмецкаго происхожденія и съ нѣмецкими взглядами и воспитаніемъ“. Въ порывѣ своего благонамѣреннаго усердія г. Ник. Нотовичъ забываетъ, кто эти „мы“, назначающіе нашихъ министровъ, полководцевъ, посланниковъ и членовъ правительства по указаніямъ Германіи,—и кого онъ, слѣдовательно, называетъ „послушными простаками“. Но англичане не должны тревожиться: полководецъ съ чисто-русской фамиліей и русскими взглядами, генераль Куропаткинъ, много разъ высказывался противъ идеи похода на Индію и признавалъ солидарность интересовъ между Россією и Англією. „Теперь, наконецъ, Англія можетъ совершенно успокоиться,—заключаетъ авторъ:—въ лицѣ генерала Куропаткина она всегда неизмѣнно имѣла не врага, а самаго искренняго сторонника сближенія ея съ Россією“. Можно поэтому надѣяться на будущее „заключеніе англо-франко-русскаго союза, который будетъ способствовать неразлучности трехъ народовъ на пути ихъ соціальныхъ и экономическихъ успѣховъ“; ибо, сверхъ всего прочаго, „необходимо обуздывать со дня на день увеличивающееся надменное честолюбіе нѣмецкаго императора“. Пусть „онъ хорошо знаетъ, что взоры всѣхъ слѣдятъ за всѣми его движеніями, но не для того, чтобы имъ удивляться, а для того, чтобы сдѣлать ихъ безвредными“, и т. д.

Рѣшительно непонятно, для кого и для чего печатается подобный вздоръ въ „государственной типографіи“. Еслибы идея англо-русскаго союза имѣла только такихъ приверженцевъ, какъ г. Ник. Нотовичъ, она, конечно, обречена была бы на безсиліе и ничтожество, и никто не сталъ бы серьезно съ нею считаться; теперь же проповѣдь его напрасно лишь компрометируетъ самую мысль, обставляя ее совершенно невѣроятными аргументами и фантазіями. Все содержаніе книги, состоящее изъ бѣглыхъ и поверхностныхъ историческихъ очерковъ, перемѣшанныхъ съ явно бессмысленными предположеніями и выводами, неопровержимо свидѣтельствуетъ въ пользу того, что этотъ „трудъ“, хотя и изданный подъ фирмой „государственной типографіи“, не имѣетъ и не можетъ имѣть ничего общаго съ политическими взглядами какого бы то ни было официальнаго вѣдомства.

Парламентская сессія въ Англіи закончилась 28-го (15-го) августа обыкновенною тронною рѣчью при совершенно спокойномъ настроеніи, безъ всякихъ намековъ на недавніе еще шумные споры по поводу открытаго антагонизма между обѣими палатами парламента.

Казалось, что протесты противъ лордовъ, систематически отвергавшихъ или измѣнявшихъ законопроекты, принятые палатою общинъ,

никогда еще не выражались съ такимъ рѣшительнымъ единодушіемъ, и вопросъ о коренной реформѣ верхней палаты, официально поставленный на очередь главою кабинета, сэромъ Кемпбеллемъ-Баннерманомъ, предвѣщалъ серьезный конституціонный конфликтъ, для разрѣшенія котораго пришлось бы прибѣгнуть къ новымъ парламентскимъ выборамъ. Важные билли о мелкой земельной арендѣ и о раздѣлѣ поземельныхъ участковъ въ Англіи и Уэльсѣ, о мелкихъ арендаторахъ и объ оцѣнѣ земель въ Шотландіи, и о поземельномъ устройствѣ изгнанныхъ фермеровъ въ Ирландіи, не были одобрены палатою лордовъ въ томъ видѣ, какъ они приняты были нижнею палатою. Шотландскій билль объ оцѣнѣ земель былъ прямо отвергнутъ, а другой — о мелкой арендѣ — былъ настолько передѣланъ и исправленъ, что правительство нашло себя вынужденнымъ отказаться отъ него; остальные земельные билли—англійскій и ирландскій—подверглись также весьма значительнымъ измѣненіямъ, послѣ чего были вновь подробно рассмотрѣны въ палатѣ общинъ и затѣмъ вторично внесены въ палату лордовъ съ соответственными поправками, восстановившими отчасти первоначальный текстъ; верхняя палата опять горячо обсуждала спорные законопроекты, но уже въ духѣ компромисса, и въ концѣ концовъ, послѣ нѣкоторыхъ уступокъ со стороны правительства, приняла оба билля въ такой формѣ, которая признана была приемлемою для палаты общинъ. Такимъ образомъ получилъ силу закона новый земельный билль для Англіи, допускающій въ широкихъ размѣрахъ принудительное отчужденіе земель подъ руководствомъ особыхъ мѣстныхъ совѣтовъ и правительственныхъ земельных комиссаровъ; точно также сдѣлался закономъ билль о надѣленіи арендными участками бывшихъ ирландскихъ фермеровъ, выселенныхъ изъ своихъ фермъ судебнo-полицейскимъ порядкомъ по требованіямъ или жалобамъ лэндлордовъ. Оба закона одинаково направлены къ расширенію площади мелкаго землевладѣнія и представляютъ собою дальнѣйшій шагъ къ постепенной законодательной реформѣ устарѣлаго землевладѣльческаго строя, сохранившаго отчасти еще средневѣковый характеръ.

Обѣ стороны—либеральное правительство, опирающееся на палату общинъ, и палата лордовъ, подчиняющаяся руководству вождя консервативной оппозиціи,—остались при своихъ принципиальныхъ взглядахъ, но обнаружили на практикѣ готовность къ мирному соглашенію и отказались на время отъ рѣзкихъ приемовъ борьбы; самый вопросъ объ ограниченіи правъ верхней палаты отодвинулся какъ будто въ сторону и вышелъ опять изъ круга текущей практической политики. Въ засѣданіи палаты общинъ, 22 августа, премьеръ повторялъ еще свои аргументы противъ злоупотребленій лордовъ и грозилъ вто-

рично внести въ слѣдующую сессію отвергнутый ими билль о мелкой арендѣ въ Шотландіи, съ тѣмъ, чтобы заставить верхнюю палату или честно отвергнуть его цѣликомъ, или внести въ него только такія поправки, которыя совмѣстимы съ его сущностью; но эти заявленія по адресу лордовъ не имѣли уже прежняго воинственнаго оттѣнка и не предвѣщали никакого конституціоннаго кризиса.

Такая переимѣна настроенія произошла по одной, повидимому, незначительной, но для англичанъ весьма важной причинѣ: самый выдающійся изъ либеральныхъ лордовъ, графъ Розбери, неожиданно выступилъ въ верхней палатѣ съ рѣшительными и крайне ядовитыми возраженіями противъ того именно шотландскаго земельного билля, изъ-за котораго премьеръ предпринялъ свой походъ противъ лордовъ. Своимъ непредвидѣннымъ вмѣшательствомъ лордъ Розбери, можно сказать, сорвалъ весь вопросъ о конфликтѣ: если такой авторитетный либеральный дѣятель, бывший премьеръ, оказывается въ данномъ случаѣ солидарнымъ съ палатою лордовъ и съ консервативною оппозиціею, то, очевидно, забракованный имъ законопроектъ не можетъ служить подходящимъ поводомъ къ принципиальному конституціонному спору. Отвергая правительственный билль по специальнымъ экономическимъ и техническимъ причинамъ, какъ знатокъ шотландскаго землевладѣнія и самъ крупный лэндлордъ, Розбери въ то же время въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ рѣчей высказался за реформу верхней палаты и въ этомъ отношеніи остался вѣренъ своимъ общимъ либеральнымъ, принципамъ. Но подобныя реформы не предпринимаются въ Англіи въ силу однихъ отвлеченныхъ логическихъ соображеній, и нуженъ еще серьезный практической конфликтъ, для котораго пока не нашлось соотвѣтственнаго матеріала. Тѣмъ временемъ и лорды постарались ограничить себя при обсужденіи прочихъ спорныхъ биллей, такъ что кропотливая законодательная работа правительства и палаты общинъ не могла уже считаться безплодною. Въ числѣ утвержденныхъ законопроектвовъ обращаетъ на себя вниманіе билль военнаго министра Гальдена о новой организаціи регулярныхъ и вспомогательныхъ войскъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ВЪ ПОЛЬШѢ

1879 — 1885 гг.

По личнымъ воспоминаніямъ.

...Въ началѣ 1879 года, мнѣ было предложено занять должность предсѣдателя плочкаго окружнаго суда, въ варшавскомъ округѣ. На первыхъ порахъ это предложеніе ставило меня въ затрудненіе. Предшествующая жизнь и служба моя протекла внутри Россіи, съ Петербургомъ я былъ связанъ семейными отношеніями, и приходилось ѣхать въ край почти чужой, надъ которымъ еще носились тучи недавней непогоды. Но многое побуждало и принять предложеніе. Лишь незадолго передъ тѣмъ, въ 1876 году, была введена въ царствѣ польскомъ судебная реформа, приблизительно по типу судебныхъ уставовъ 1864 года. Личныя назначенія производились съ большимъ выборомъ, считалось честью войти въ составъ тамошняго суда. Желалось болѣе широкой сферы послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ занятій чисто судебнымъ дѣломъ, въ томъ числѣ болѣе десяти— въ должности члена судебной палаты, московской и петербургской, гдѣ масса гражданскихъ дѣлъ, хотя привлекательныхъ по серьезности и разнообразію вопросовъ, порой подавляла непрерывностью и срочностью. Привлекала перспектива суда на основаніи кодекса Наполеона, лучшаго въ то время изъ уложеній, приспособленныхъ къ современному строю общества,—примѣненія ипотечнаго порядка, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться при существовавшемъ тогда предложеніи о введеніи его въ Россіи. Мени не пугали совмѣстныя занятія съ инородцами въ учрежденіи, на половину составленномъ, по принятому правилу, изъ лицъ польскаго происхожденія. Съ молодыхъ лѣтъ, въ школѣ, въ общественной жизни, на службѣ мы привыкли

видѣть поляковъ, преимущественно уроженцевъ западныхъ губерній, въ числѣ товарищей, воспитателей, профессоровъ, сослуживцевъ, оставившихъ по себѣ наилучшую память. Продолжительная судебная практика, укрѣпивъ сознание благотѣльности строя, обеспечивающаго неизблемость основъ гражданственности, даже влекла къ странѣ, издавна подвергнутой воздѣйствію западной культуры.

Возникавшія у меня сомнѣнія, во всякомъ случаѣ, не могли устоять предъ различными доводами, приведенными тогдашнимъ министромъ юстиціи Д. Н. Набоковымъ. Незадолго предъ тѣмъ, въ половинѣ 1878 года, г. Набоковъ замѣнилъ бывшаго дотогѣ министра, графа К. И. Палена. Перемена эта совпала съ общимъ, чувствовавшимся въ то время въ правительственныхъ сферахъ утомленіемъ отъ продолжительнаго дѣйствія искусственной системы, имѣвшей въ виду, на ряду съ сохраненіемъ и даже поддержаніемъ внѣшняго блеска введенныхъ реформъ, ослабленіе самостоятельности новыхъ учрежденій путемъ детальныхъ ограниченій и вліянія на ихъ личный составъ. Графъ Паленъ, при всѣхъ личныхъ достоинствахъ, былъ типичнымъ представителемъ этой системы, вмѣстѣ съ министрами П. А. Валуевымъ и графомъ Д. А. Толстымъ. Такою же двойственностью было запечатлѣно и положеніе 19 февраля 1875 года о примѣненіи къ царству польскому судебныхъ уставовъ 1864 года. Исходя, въ первоисточникѣ, изъ предположенія московскихъ теоретиковъ обрусить Польшу, какъ одинъ изъ способовъ достиженія этой цѣли,—упомянутое положеніе, помимо добраго намѣренія ввести лучшей порядокъ судоустройства и судопроизводства, имѣло въ виду лишить судъ народной окраски, устранивъ изъ него мѣстный языкъ и общественные элементы. Этотъ характеръ закона заранѣе не сулилъ ему прочнаго успѣха, несмотря на всѣ старанія власти, на первыхъ порахъ, привлечь сюда лучшія русскія силы.

Полную противоположность графу Палену представлялъ, во многихъ отношеніяхъ, Д. Н. Набоковъ. Скромный юристъ-практикъ, прошедшій суровую школу сенатской канцеляріи, видѣвшій нужду, Д. Н., какъ судья и сановникъ, не увлекался какимъ-либо яркимъ направленіемъ и выше всего цѣнилъ точное исполненіе закона. Отношеніе его къ дѣламъ Польши и, въ частности, къ ея суду было нѣсколько своеобразное. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, Д. Н. имѣлъ случай познакомиться съ польскою жизнью, занимая должность при дворѣ в. к. Константина Николаевича, въ бытность его, въ началѣ 60-хъ годовъ, намѣстникомъ царства. Повидимому, этому обстоятельству слѣдуетъ приписать приглашеніе его впослѣдствіи, послѣ усмиренія мятежа и предпринятыхъ въ Варшавѣ учредительныхъ работъ, къ участію въ обсужденіи этихъ трудовъ въ Петербургѣ, и назначеніе его статсъ-

секретаремъ по дѣламъ царства польскаго (послѣднимъ, предъ упраздненіемъ автономныхъ учреждений). Такъ какъ общее направленіе преобразовательной политики было предрѣшено, то на Д. Н. легла собственно подробная выработка новыхъ узаконеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ занятія эти доставили ему случай подробнѣе ознакомиться съ прежними порядками края, съ его прежнимъ судебнымъ устройствомъ, хотя обветшалымъ, лишеннымъ надлежащей публичности и зависимымъ отъ администраціи, однако сохранившимъ нѣкоторыя хорошія стороны западно-европейскаго суда, а также узнать лучшихъ представителей тамошняго суда, людей науки и практики, которыхъ онъ и цѣнилъ по достоинству. Передавая взглядъ свой на мѣстный персоналъ, унаслѣдованный новыми судами варшавскаго округа отъ прежней магистратуры, Д. Н. Набоковъ, въ послѣдней бесѣдѣ съ нами, отзывался съ большой похвалой и о блестящемъ русскомъ составѣ ихъ, организованномъ его предшественникомъ, но при этомъ особенно останавливался на преимуществѣ варшавскаго округа предъ прочими округами въ удовлетворительности личнаго состава младшихъ судебныхъ органовъ, адвокатуры и нотаріата, которыми грѣшатъ вообще провинціальныя суды. Въ его словахъ проглядывала даже забота, какъ бы пріѣзжій элементъ суда въ Польшѣ, неосторожнымъ отношеніемъ, не нарушилъ существующей тамъ доброй традиціи.

Проѣздомъ чрезъ Варшаву я представился старшему председателю судебной палаты, въ то время Н. Н. Герарду, который съ своей стороны нашелъ нужнымъ указать на затрудненія, ожидающія новаго судебного дѣятеля въ особыхъ условіяхъ края. Онъ не скрылъ, что судебная реформа въ Польшѣ уже пережила тогда медовый мѣсяцъ своего дѣйствія. Встрѣченная сочувствіемъ лучшей части правительственныхъ лицъ и мѣстнаго общества, привѣтствовавшихъ установленіе въ край болѣе самостоятельнаго, прочнаго порядка обезпеченія закона и правъ населенія, она въ теченіе трехлѣтія не могла не затронуть привычки къ произволу, укоренившейся въ администраціи со дней усмиренія мятежа, а также опечалить мѣстную интеллигенцію выяснившимся устраненіемъ послѣдней отъ участія въ дѣлѣ суда. Отсюда стремленіе къ пререканіямъ съ судомъ и даже къ интригамъ противъ него со стороны первой и къ злорадству со стороны оставшихся за бортомъ прежнихъ судебныхъ дѣятелей и печати, въ случаяхъ неизбѣжныхъ ошибокъ суда. Особенно удручали Н. Н. дѣйствія специальныхъ полицейскихъ органовъ, которые, не находя себѣ матеріала въ успокаивающемся національномъ настроеніи населенія и въ отсутствіи у него склонности къ социалистическимъ стремленіямъ, обратили остріе прайдныхъ доносовъ противъ новаго судебного персонала, преувеличивая малѣйшіе неудачные инциденты. Въ заклю-

ченіе, Н. Н. Герардъ мѣтко прибавилъ, что „мы обыкновенно находимъ враговъ не тамъ, гдѣ ихъ ищемъ“.

Слышанное мною вполне совпадало съ моими давними мыслями и предрасположеніемъ. Привыкнувъ къ занятіямъ въ коллегіи, гдѣ успѣхъ дѣла зависитъ столько же отъ знаній сотрудниковъ, сколько и отъ общности ихъ возрѣній по вопросамъ нравственнаго свойства, имѣющимъ, повидимому, лишь косвенное отношеніе къ предмету занятій, я, по пріѣздѣ въ г. Плоцкъ и послѣ перваго знакомства съ личнымъ составомъ суда, русскимъ и польскимъ, нашелъ умѣстнымъ подѣлиться съ товарищами нѣкоторыми общими соображеніями, которыя, по моему мнѣнію, слѣдовало положить въ основу предстоящей совмѣстной дѣятельности. Мнѣ казалось это тѣмъ болѣе нужнымъ, что время наступало серьезное, въ виду развивавшейся въ отечествѣ преступной пропаганды и все учащавшихся случаевъ покушеній.

Въ обращеніи къ гг. членамъ окружнаго суда, произнесенномъ въ распорядительномъ засѣданіи общаго собранія суда, останавливаясь на характерѣ введеннаго въ Польшѣ послѣдними реформами строя, основаннаго на преобладаніи русской государственности, я говорилъ, что строй этотъ не исключаетъ, со стороны однихъ, любви къ родинѣ, какъ наилучшаго основанія любви къ отечеству, ее оберегающему, и со стороны другихъ — уваженія къ индивидуальности и культурѣ страны: къ мѣстному языку, литературѣ, добрымъ нравамъ и вѣковой сокровищницѣ знаній, во всей широкой сферѣ общественныхъ отношеній, не затрагивающихъ государственнаго интереса. Что касается социальнаго движенія, отъ котораго не свободно ни одно современное государство, то я указывалъ на уваженіе къ религіи, семейству и собственности, какъ на лучшій способъ выработки себѣ въ этомъ отношеніи правильныхъ и твердыхъ основъ. Объ уваженіи къ религіи я считалъ излишнимъ распространяться: слишкомъ извѣстна крѣпость религіознаго чувства въ русскомъ и польскомъ народѣ; я пожелалъ только—русскимъ уроженцамъ—чтобы это чувство не высказывалось у нихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ важныхъ событій, а проникало собою всю обыденную жизнь, и—польскимъ уроженцамъ—чтобы они оберегали религіозность отъ воздѣйствія чрезъ нее постороннихъ вліяній.

„Крѣпость семейнаго строя, — говорилъ я далѣе, — глубоко вкоренена въ здѣшнихъ нравахъ. Примыкая къ Западной Европѣ, вы, гг. мѣстные уроженцы, смотрите на семейство, какъ на учрежденіе въ нѣкоторомъ смыслѣ общественное. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда

семейство, со смертью его главы, должно бы распасться, оно возрождается у васъ въ видѣ какъ бы правительственнаго учрежденія, семейнаго совѣта. Дорожите, господа, этой выработанностью семейственной формы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, продолжайте вливать въ нее теплоту чувства взаимныхъ отношеній супруговъ, родителей, не переставайте вселять въ сердца вашихъ дѣтей любовь къ родинѣ, преданность отечеству, уваженіе къ просвѣщеннымъ порядкамъ, въ которыхъ вы сами имѣете долю участія. Намъ, русскимъ, приходится также остановиться на этомъ предметѣ. Общеизвѣстная горячность, порывистость нашего чувства, влечетъ къ тому, что на ряду съ высокими примѣрами супружескаго и семейнаго самоотверженія тамъ, гдѣ это чувство существуетъ, мы видимъ печальные примѣры распаденія семейныхъ узъ, когда это чувство случайно погасло. Будемъ всѣ мы помнить, что семья есть первая бытовая ячейка, изъ которой образуется общественный и государственный строй. Если крѣпокъ и разуменъ этотъ первый человѣческій кружокъ, то будетъ твердъ и цѣлесообразенъ весь остальной строй.

„Наставать передъ юристами на уваженіи къ праву собственности, на первый взглядъ, казалось бы излишнимъ. Дѣятельность юриста-практика заключается преимущественно въ восстановленіи нарушеннаго права собственности и наложеніи взысканія за присвоеніе чужого имущества. Однако, погруженные въ разрѣшеніе дробныхъ дѣлъ, мы рѣдко имѣемъ возможность восходить къ общимъ соображеніямъ о святости начала собственности. И въ этомъ отношеніи приходится съ сочувствіемъ остановиться на вѣковой выясненности здѣсь права частной собственности и на существующемъ здѣсь ипотечномъ порядкѣ, котораго еще ожидаютъ другія мѣстности отечества. Едва ли не обратное явленіе замѣчается въ нашей полу-патріархальной Руси. Право собственности, можно сказать, у насъ еще юно. Самое слово „собственникъ“ еще не вошло въ обыденное употребленіе и составляетъ пока научный терминъ. Понятіе „владѣлецъ“ не обнимаетъ всего состава права собственности. Для означенія сельской поземельной собственности мы привыкли употреблять старинное слово — „помѣстье“ — синонимъ аренды казенной собственности, предоставлявшейся въ пользованіе лицъ, обязанныхъ тою или другою службою государству. Нельзя сказать, чтобы при недостаточной еще определенности у насъ въ техническомъ отношеніи права собственности, не была горяча у насъ любовь къ родной землѣ и готовность къ ея защитѣ. Но въ обычное, спокойное время мы легко поддаемся мечтамъ объ иномъ, болѣе счастливомъ для всѣхъ социальномъ стрѣ, — мечтамъ, которыя, помимо нашей воли, готовятъ лишь почву для предосудительной дѣятельности заблуждающихся фанатиковъ.

„Будемъ всё мы, гг. члены, помнить, что право собственности есть единственная форма имущественныхъ отношеній, на которой могло остановиться человѣчество въ тысячелѣтнихъ стараніяхъ о своемъ благѣ,—что оно составляетъ для отдѣльныхъ лицъ наилучшій стимулъ къ трудовой дѣятельности, а слѣдовательно, лучше всякой иной формы ведетъ къ частному и общему благу. Не забудемъ, что если суровость права собственности влечетъ иногда къ печальнымъ явленіямъ незаслуженной бѣдности, то общественная жизнь нашего времени приходитъ на помощь разнообразіемъ благотворительныхъ учреждений, а болѣе того—широко распространяющимся достаткомъ вслѣдствіе улучшенія путей сообщенія, усовершенствованія приѣмовъ земельного пользованія, развитія промышленности и открытія новыхъ рынковъ сбыта. Все это мы осязательно видимъ въ здѣшней мѣстности“.

Хотя я принялъ всё мѣры, чтобы сказанное осталось между сослуживцами, однако слова мои получили болѣе широкое распространеніе. Какъ ни старался я выдержать въ нихъ равновѣсіе между обѣими сторонами, но не могло не выйти наружу сочувствіе къ новому окружавшему меня міру, привлекавшему меня особенностями, не всегда находившими оцѣнку у болѣе сильной стороны. Соотечественники мои, видимо, отнеслись критически къ моимъ взглядамъ, нѣкоторые даже обидѣлись и вскорѣ предпочли оставить плоцкій судъ, перейдя въ варшавскія мировыя учрежденія. Зато, со стороны польскихъ уроженцевъ, слова мои были встрѣчены съ признательностью и, достигнувъ дальнѣйшихъ мѣстныхъ круговъ, создали мнѣ, съ первыхъ же шаговъ, ту атмосферу взаимнаго пониманія и расположенія, безъ которой едва ли возможна полезная дѣятельность должностнаго лица. Пришлось сообщить изложеніе рѣчи высшимъ инстанціямъ. Въ судебныхъ кругахъ Варшавы она встрѣтила приблизительно такое же отношеніе къ себѣ, какъ въ Плоцкѣ. Только Н. Н. Герардъ, сохраняя обычную привѣтливость, видимо уклонялся отъ разговора о ней. Воспользовавшись лѣтнимъ временемъ, я побывалъ въ Петербургѣ и при представленіи министру юстиціи нашель случай, въ разговорѣ, пожалѣть, что, быть можетъ, во вступительныхъ словахъ перешелъ границу, касаясь общихъ вопросовъ. „Отчего же, нѣтъ, — отвѣтилъ Д. Н. Набоковъ, — вы хорошо говорили; конечно, было бы лучше не говорить: вѣдь у насъ разныя вѣдомства различно смотрятъ на эти вопросы“. Этимъ инцидентъ съ рѣчью былъ оконченъ.

Въ августѣ 1879 года, императоръ Александръ II посѣтилъ Варшаву, въ первый разъ послѣ печальныхъ событій 60-хъ годовъ. Предположеніе объ этой поѣздкѣ стало извѣстно заранѣе, и Д. Н.

Набоковъ испросилъ разрѣшеніе сопровождать государя, желая познать его съ новыми судебными учрежденіями въ Польшѣ, а главное, помочь судамъ въ случаѣ какихъ-либо наговоровъ на нихъ и столкновений между властями. Императоръ пребылъ въ Варшавѣ недѣлю, производилъ обычные смотры и приемы, посѣтилъ судебныя учрежденія, оказавъ знаки вниманія ихъ высшему персоналу, удостоилъ присутствіемъ данный генераль-губернаторомъ балъ, на который отозвались и лица мѣстной аристократіи, и вообще чувствовалъ себя спокойно послѣ недавно пережитыхъ испытаній въ столицѣ, въ чемъ не скрывалъ удовольствія отъ окружающихъ. Министръ юстиціи, съ своей стороны, ближе знакомился съ личнымъ составомъ суда, собиралъ у себя предсѣдателей судовъ округа, велъ болѣе продолжительныя бесѣды съ судьями и прокуратурой у гостепріимнаго Н. Н. Герарда, дѣлясь свѣдѣніями о тѣхъ соображеніяхъ, которыя послужили основой узаконеніямъ, возбуждавшимъ на практикѣ недоразумѣнія. Изъ постороннихъ разговоровъ Д. Н. припоминается мнѣ, между прочимъ, то, что имъ было рассказано о графѣ Лорисъ-Меликовѣ, приближавшемся въ то время къ центру управленія. Незадолго до отъѣзда Д. Н. Набокова въ Варшаву, его посѣтилъ графъ Лорисъ-Меликовъ, прибывшій въ Петербургъ послѣ объѣзда харьковскаго генераль-губернаторства, и, передавая впечатлѣнія, вынесенныя изъ этой поѣздки, отозвался, что „правду говоря, встрѣтилъ живыхъ людей только въ судебномъ вѣдомствѣ“.

Подъ вліяніемъ добраго настроенія императора, впечатлительное польское общество стало поговаривать о предстоящемъ возвращеніи автономіи царству, но слухъ этотъ, конечно, не оправдался, какъ возникшій въ кругахъ неосвѣдомленныхъ со всею громадностью арсенала мѣстныхъ ограничительныхъ постановленій и тяжеловѣсностью нашего законодательнаго механизма. Во всякомъ случаѣ, посѣщеніе Варшавы 1879 года имѣло долю вліянія на послѣдовавшее вскорѣ назначеніе въ Польшу генераль-губернаторомъ генерала Альбединскаго, пользовавшагося въ Западномъ краѣ расположеніемъ мѣстныхъ жителей. На скромномъ плоцкомъ судѣ оно отразилось тѣмъ, что Д. Н. Набоковъ исходатайствовалъ назначеніе польскаго уроженца на открывшуюся вакансію русскаго члена, и не было встрѣчено препятствія къ назначенію прокуроромъ суда лица хотя русскаго происхожденія, но католическаго исповѣданія.

Невольно припоминается мнѣ одинъ эпизодъ, относящійся ко времени того же пребыванія государя Александра II въ Варшавѣ. Какъ извѣстно, за годъ до него состоялся берлинскій конгрессъ, а предъ самымъ посѣщеніемъ, между германскимъ и австрійскимъ правительствами происходили переговоры о заключеніи союза, получившаго впоследствии

название тройственнаго, за присоединеніемъ къ нему Италіи. Хотя, по обычаю, для привѣтствія государя былъ присланъ изъ Берлина генералъ Мантейфель, бывшій намѣстникъ Эльзасъ-Лотарингіи, но, должно быть, германское правительство, по важности предшествовавшихъ событій, нашло присутствіе его одного недостаточнымъ, тѣмъ болѣе, что по особому желанію государя былъ приглашенъ сопровождать его въ поѣздѣ тогдашній французскій посолъ, генералъ Шанзи, который и оставался въ Варшавѣ все время высочайшаго присутствія. Внезапно было получено извѣстіе о желаніи императора Вильгельма лично свидѣться съ государемъ на пограничной станціи Александрово. Государь императоръ тотчасъ отозвался на это предложеніе, и свиданіе состоялось. Черезъ нѣкоторое время, случилось намъ быть въ Александровѣ, и, ожидая поѣзда, мы поинтересовались осмотрѣть станцію, особенно императорскія комнаты, во второмъ этажѣ зданія, приспособленныя тамъ для болѣе продолжительнаго пребыванія. Бодрый старикъ-сторожъ, украшенный военными отличіями, вызвался намъ показать. На вопросъ, видѣлъ ли онъ что-либо во время свиданія императоровъ, сторожъ съ чувствомъ гордости отвѣтилъ, что сначала его было отстранили пріѣхавшія съ государемъ лица, но когда наступилъ вечеръ, и императоры, повидимому, пожелали переговорить между собою въ полномъ уединеніи, государь Александръ II, выйдя въ переднюю и осмотрѣвъ находившихся, отпустилъ ихъ, а ему приказалъ остаться при дверяхъ на случай надобности. Затѣмъ онъ разсказалъ, что государи долго, долго разговаривали. „Было слышно, что нашъ горячился, безпрестанно брался за стаканъ и пилъ воду,—два раза вызывалъ переменить графинъ. Я тихонько входилъ и выходилъ; чтò они говорили—я не понималъ, не зная по-нѣмецки, но чувствовалъ, что Александръ Николаевичъ—то что-то объяснялъ старику, то будто просилъ его, то даже упрекалъ. Сначала и старикъ говорилъ, потомъ меньше, а подъ-конецъ ужъ совсѣмъ пересталъ говорить. Было за полночь, когда государи встали съ дивана и разошлись по спальнымъ pokojамъ, а меня отпустили. Поутру они разстались“.—Этотъ безхитростный разсказъ освѣтилъ намъ современное положеніе лучше, чѣмъ десятки передовицъ о свиданіи въ Александровѣ, посыпавшихся въ политической прессѣ.

Въ продолженіе всѣхъ шести лѣтъ моей службы въ Плоцкѣ, личный составъ окружнаго суда оставался почти тотъ же самый. Слѣдуетъ отдать справедливость нашимъ соотечественникамъ, что они не переставали проявлять всѣ тѣ свѣтлыя способности, трудолюбивую горячность, которыя составляли отличительную черту нашихъ молодыхъ юристовъ въ эпоху судебной реформы и помогали имъ справляться

съ непосильнымъ подчасъ бременемъ занятій и житейскими невзгодами. Въ свою очередь, мѣстные уроженцы отличались основательнымъ знаніемъ законодательства, опытностью, умѣньемъ считаться съ новыми порядками и проводить ихъ въ жизнь съ точностью и безобидно для населенія. Образование, полученное въ русскихъ университетахъ и варшавской главной школѣ 60-хъ годовъ, помогало установленію между тѣми и другими единства возрѣвній и дѣйствій и какъ бы слияло ихъ въ одну семью, соревновавшую въ исполненіи обязанностей. Насколько позволялъ законъ, судъ старался не затруднять дѣлопроизводства стѣсненіемъ мѣстнаго языка. Судьи и прокуратура, зная польскій языкъ, рѣдко обращались къ переводу свидѣтельскихъ показаній и документовъ. При такихъ условіяхъ судъ шелъ стройно и безъ замедленія. Адвокатура и нотариатъ, дѣйствительно, имѣли при плоцкомъ судѣ прекрасныхъ представителей, оправдывавшихъ сочувственный отзывъ Д. Н. Набокова. Здѣсь были и серьезные юристы прежняго строя, и защитники современной марки, болѣе отзывчивые на тонкіе вопросы вмѣненія, и молодья силы, замѣчательныя по теплотѣ чувства и поэтической образности выраженія, порой припомиравшія лучшихъ столичныхъ товарищей. Въ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ было, между прочимъ, одно лицо, которое нѣкогда состояло членомъ сената вольнаго города Кракова и, по присоединеніи его въ 1848 году къ Австріи, предпочло найти убѣжище въ русской Польшѣ. Что касается нотариусовъ, то серьезное отношеніе ихъ къ дѣлу можетъ характеризовать хотя бы тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ нихъ, въ затруднительныхъ случаяхъ, не тяготились поѣздками въ Варшаву для окончательнаго разъясненія встрѣчавшихся сомнѣній, ища совѣта у извѣстныхъ юристовъ, какъ проф. Голевинскій и Спасовичъ. Вообще мы встрѣтили въ Плоцкѣ типъ того западно-европейскаго нотариуса, который, заслуживъ знаніемъ и добросовѣстностью довѣріе обывателя, становится хранителемъ его имущественныхъ интересовъ, совѣтчикомъ семейныхъ дѣлъ, и полезнымъ посредничествомъ наиболѣе сближаетъ населеніе съ законнымъ строемъ, подъ которымъ оно живетъ.

Общественная жизнь г. Плоцка, въ наши дни, сосредоточивалась только въ городскомъ театрѣ и мѣстномъ клубѣ, такъ называемой „ресурсѣ“. Усвоившія польскій языкъ должностныя лица и ихъ семейства имѣли возможность слышать въ театрѣ незаурядное исполненіе, какъ мѣстною, такъ и пріѣзжею познанскою труппами, серьезныхъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ, а также общественныхъ итальянскихъ оперъ. Въ клубѣ бывали концерты съ участіемъ любительскихъ смѣль и гастролеровъ, собиравшіе представителей всѣхъ слоевъ общества. Правда, окрестные землевладѣльцы рѣдко посѣщали клубъ, да и мало привлекательнаго было въ немъ для этихъ, въ большинствѣ,

упорныхъ тружениковъ, поглощенныхъ заботами веденія хозяйства. Въ плоцкой губерніи — прежней Мазовіи — мало крупныхъ землевладѣльцевъ, а такихъ обширныхъ частныхъ владѣній, какія встрѣчаются въ Западномъ краѣ, вовсе нѣтъ. Основной типъ землевладѣнія — средний, не знающій абсентеизма владѣльцевъ и цѣлой арміи посредниковъ между ними и рабочимъ людомъ, и какъ нельзя болѣе подходящий къ демократическимъ нормамъ гражданского кодекса. Тѣмъ не менѣе и въ этой средѣ встрѣчались люди образованные, освѣдомленные въ нашихъ и европейскихъ дѣлахъ, понимающіе трудность положенія не только мѣстнаго населенія, но и его невольныхъ сожителей, и самого правительства, которому выпалъ жребій вѣдать краемъ. Вообще, живя въ Плоцкѣ, можно было познакомиться со всѣми партіями — лучше сказать, настроеніями даннаго общества. Встрѣчались и немногіе вздыхатели по сѣдой старинѣ, и скромные чиновники Николаевского періода, перенесшіе на своихъ плечахъ, въ отсутствіе болѣе крѣпкихъ народныхъ силъ, его тяжелыя условія, находя себѣ утѣшеніе лишь въ возможности слышать, въ дѣловой жизни, родную рѣчь. Встрѣчались и свѣтлые, мужественные дѣятели переходныхъ лѣтъ половины вѣка, времени мимолетнаго возрожденія болѣе свободныхъ учреждений подъ властною рукою графа Велепольскаго (маркиза Гонзаго-Мышковскаго), попадавшіе впоследствии подъ усиленный надзоръ администраціи въ награду, должно быть, за стойкость въ защитѣ программы примиренія предъ напоромъ крайняго націонализма. Немалую роль играла въ обществѣ и современная молодежь — польская и еврейская — съ нравственными основами, какъ бы распатанными противорѣчіемъ между традиціями дома и родины и результатами образованія въ гимназіяхъ и университетѣ новаго склада. Она видимо томилась отъ избытка силъ и желанія служить народу, трудно находившихъ примѣненіе при неравной конкуренціи съ пріѣзжимъ элементомъ. Для дѣятеля новаго суда, общеніе съ мѣстнымъ кругомъ, даже поверхностное, получало особую цѣну при уваженіи, которымъ изстари пользовался въ Польшѣ судебный персоналъ, въ виду нерѣдкихъ перемѣнъ не только административныхъ системъ, но и самаго подданства, содѣйствовавшихъ укрѣпленію въ населеніи сознанія незыблемости судебной власти.

При неоднородности состава общества въ г. Плоцкѣ, какъ и всякомъ другомъ губернскомъ городѣ Польши, посѣщеніе его въ свободное время не могло быть отдыхомъ, побуждая быть всегда на сторожѣ въ обращеніи. Тѣмъ дороже былъ отдыхъ въ тѣсномъ кругу сослуживцевъ, и невольно чувствовалась потребность привѣта тѣмъ изъ нихъ, кто добрымъ общеніемъ сотоварищей, безъ различія происхожденія, старался взаимно поддержать какъ пришельцевъ въ чужой край, такъ и коренныхъ его жителей, въ новой для нихъ обстановкѣ. При-

вѣтъ ихъ семействамъ, прилагавшимъ сердечную заботу, чтобы скрѣпить это общеніе всѣмъ тѣмъ, что выработала у каждаго родная традиція! Привѣтъ и природѣ, одарившей Польшу счастливыми климатическими условіями, дающими возможность забывать тревоги и заботы въ прогулкахъ, будь то въ ея прекрасную продолжительную весну, или умѣренное, никогда не лишенное влаги, лѣто, даже ея сухую осень, среди разнообразной растительности, питающей трудъ въ теченіе большей части года, и живописныхъ видовъ гористаго вислинскаго побережья! Одна только зима бывала тяжела для жителя сѣвера или степняка,— правда, короткая, но темная и сырая, лишенная прочнаго саннаго пути. Въ ея туманные, не то снѣжные, не то дождливые дни, жителю окраины города оставалось смотрѣть на зданіе тюрьмы, построенной еще во времена прусскаго господства (1795 — 1807 г.), и перечитывать надпись на воротахъ ея ограды: „Postrach gzuca na niesnych, dobrych ubezpiecza tym domem Frederyk Wilhelm III“. Въ переводѣ: „Навель страхъ на негодныхъ, а добрыхъ охранилъ этииъ домоу Фридрихъ Вильгельмъ III“.

Въ 1880 году, въ памятные дни преобладающаго вліянія графа М. Т. Лорисъ-Меликова на внутреннее управленіе Россіи, населеніе Польши, чуткое ко всему, что могло отозваться на его ближайшихъ дѣлахъ, видимо сочувствовало настроенію правительства и ожидало отъ него исключительнаго положенія, вызваннаго событіями 1863 года. Все это благопріятно отражалось и на отношеніяхъ его къ русскому составу суда. Такъ продолжалось и послѣ кончины императора Александра II, въ первый годъ царствованія его преемника, несмотря на знаменательное заявленіе въ манифестѣ 1881 года. Загадочный характеръ политики графа Н. П. Игнатьева, слухи о земскомъ соборѣ, продолжавшіяся чрезвычайныя ревизіи сенаторовъ, работы комиссіи по реформѣ мѣстнаго управленія, поддерживали въ полякахъ надежду на возстановленіе болѣе нормальнаго строя и въ царствѣ польскомъ. Возвращеніе графа Толстого, въ 1882 году, къ активной дѣятельности, назначеніе его министромъ внутреннихъ дѣлъ, закрытіе кахановской комиссіи и оставленіе наиболѣе яркаго обрусителя, Апухтина, руководителемъ учебной части въ краѣ, сразу положили конецъ мечтамъ. При всей личной благосклонности императора Александра III къ окружающимъ во время пребыванія въ новой резиденціи близъ Скерневиць, уже не могло быть заблужденія въ возможности, въ близкомъ будущемъ, снесенія тяготѣвшихъ надъ краемъ обрусительныхъ порядковъ. Приговоръ судьбы былъ косвенно подтвержденъ свиданіемъ трехъ императоровъ. Утѣшеніемъ для населенія оставались

лишь продолжавшіеся переговоры съ папскимъ престоломъ о каноническомъ замѣщеніи епископскихъ кафедръ, считавшихся вакантными со времени событій 60-хъ годовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, со смертію въ 1883 году генераль-губернатора Альбединскаго и съ назначеніемъ на его мѣсто фельдмаршала Гурко, обострился характеръ ближайшей администраціи, значительно смягченный въ предшествующіе годы. Сжѣнялись начальники губерній, въ томъ числѣ плочкій губернаторъ С. И. Толстой, пятилѣтнее управленіе котораго оставило по себѣ добрую память. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, подняла голову темная служебная мелкота разныхъ наименованій, которой привольно лишь во мракѣ наговоровъ и репрессій.

Въ судебномъ вѣдомствѣ округа также произошли перемены. Н. Н. Герардь въ концѣ 1882 года получилъ высшее назначеніе. Рѣдкіи случаи назначенія мѣстныхъ уроженцевъ на отрывавшіяся вакансіи, пока они почти вовсе не прекратились, къ ущербу подготовленнаго варшавскимъ университетомъ значительнаго контингента юристовъ. Отвынѣ этимъ лицамъ, при желаніи посвятить себя государственной службѣ, оставалось или безсрочно прозябать въ званіи кандидатовъ и на канцелярскихъ должностяхъ, или принимать назначенія въ невѣдомыя страны восточныхъ округовъ, часто къ огорченію семействъ и вреду имущественныхъ интересовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ отношеніе мѣстнаго общества къ русскимъ дѣятелямъ и судьямъ видимо измѣнилось: какъ улитка, вошло оно въ свою скорлупу, до наступленія болѣе свѣтлыхъ временъ. Съ своей стороны, и русское общество замкнулось въ тѣсный кругъ личныхъ дѣлъ. Въ началѣ 1885 года, я получилъ назначеніе въ Петербургъ и простился съ Плоцкомъ. Въ томъ же году Д. Н. Набоковъ оставилъ постъ министра юстиціи.

„On nous a surpassé, marquis“, — насъ превзошли, насъ преодолѣли, — такъ выразился императоръ Александръ II при встрѣчѣ съ графомъ Велепольскимъ въ 70-хъ годахъ въ Берлинѣ, характеризуя результатъ предпринятой нѣкогда попытки установить въ царствѣ польскомъ строй, который согласилъ бы законные интересы обѣихъ сторонъ, — попытки, рушившейся подъ напоромъ несомѣстимыхъ требованій крайнихъ партій. Слова эти могли бы быть примѣнены не къ одному изъ дѣятелей послѣдующихъ лѣтъ, стремившихся къ той же цѣли и встрѣтившихъ на своемъ пути преграду какъ въ недостаточной еще распространенности сознанія ея благотворности, такъ и въ неискренности характерѣ самыхъ учреждений. Будущему предстоитъ сказать свое вѣское слово. Добрымъ подспорьемъ внѣшнихъ мѣръ здѣсь могло бы послужить стараніе о прекращеніи внутренней, неразумной вражды между братьями, забвеніе тѣхъ излишествъ, которыя были допущены

обѣими сторонами въ пылу борьбы и, къ сожалѣнію, повели къ установленію преувеличенныхъ воззрѣній и мѣропріятій, не отвѣчавшихъ дѣйствительности. Намъ припоминается разсказъ, переданный лицомъ, заслуживающимъ полного довѣрія, со словъ католическаго епископа Бересневича, знакомаго съ настроеніемъ императора Александра II, въ этомъ отношеніи, за нѣсколько дней до его кончины. 26-го февраля 1881 г. епископъ литовскій Бересневичъ представлялся государю по случаю перемѣщенія его на калишскую кафедру. Государь удостоилъ его болѣе продолжительною бесѣдою, спрашивалъ о политическомъ настроеніи духовенства и дворянства въ литовскомъ краѣ. Епископъ успокаивалъ монарха, говоря, что наученное горькимъ опытомъ духовенство заботится лишь объ исполненіи прямыхъ обязанностей, а дворянство всецѣло обратилось къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ. Затѣмъ, ободренный высокимъ вниманіемъ, онъ, вставъ съ кресла, осмѣлился сказать: „Ваше величество, забудьте все прошлое“. Легкая улыбка проскользнула тогда на устахъ императора, на глазахъ его показались слезы, и, взявъ старца за руки, онъ взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ: „Я и самъ думаю забыть“.

С. РАЕВСКІЙ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1907.

Начало выборов въ третью Думу. — Роль православнаго духовенства на выборах и вѣроятная—въ Думѣ.—Дѣйствительно ли вторая Дума была неработоспособна? — Составъ предстоящаго церковнаго собора.—Л. Н. Толстой объ убійствахъ.—Post-Scriptum.

Когда читатели „Вѣстника Европы“ будутъ имѣть передъ собою настоящую хронику, уже извѣстны станутъ результаты избранія выборщиковъ. Когда мы ее пишемъ, завершилась лишь предварительная стадія выборовъ—избраніе уполномоченныхъ отъ волостей и отъ мелкихъ собственниковъ. На основаніи данныхъ, касающихся этой стадіи, ничего положительнаго о составѣ третьей Думы сказать нельзя, ибо не только уполномоченные отъ волостей, но и избранные ими выборщики по новому закону будутъ имѣть въ дальнѣйшемъ ходѣ выборовъ весьма ограниченное значеніе, а уполномоченные отъ мелкихъ собственниковъ сольются въ уѣздныхъ сѣздахъ съ собственниками крупными. Но если, такимъ образомъ, прошедшая уже предварительная стадія выборовъ не поднимаетъ завѣсы надъ практическимъ результатомъ третьяго обращенія къ населенію, то она даетъ рельефную картину господствующаго въ данный моментъ настроенія тѣхъ слоевъ народа, которые составляютъ главную численную массу.

Можно считать общими для всей Россіи—по крайней мѣрѣ центральной—два явленія, сопровождавшіе выборы уполномоченныхъ. Во-первыхъ, исключительно низкій процентъ явившихся осуществлять свое избирательное право по отношенію къ общему числу имѣвшихъ его. Во многихъ уѣздахъ не состоялись выборы отъ нѣкоторыхъ волостей за неприбытіемъ на сходы законнаго числа десятидворныхъ, или въ виду упорнаго отказа избирателей произвести выборы,—какъ сообщалось въ одной изъ телеграммъ. Еще въ ббльшемъ числѣ уѣздовъ не состоялись предварительные сѣзды самыхъ мелкихъ владѣльцевъ — собственниковъ менѣе одной пятой ценза. И едва ли будетъ ошибкою сказать, что повсемѣстно даже на сѣзды владѣльцевъ пятой части ценза избиратели являлись въ такомъ маломъ числѣ, что вмѣсто десятковъ уполномоченныхъ избирали одного, двухъ или трехъ. Только представители церковнаго имущества широко использовали — опять-таки почти повсемѣстно — свое право по-

сылать особыхъ уполномоченныхъ. Другое явленіе — болѣе чѣмъ скромное число попавшихъ въ уполномоченные, какъ по крестьянской, такъ и по рабочей куріямъ, представителей правыхъ политическихъ партій.

Въ уѣздѣ, въ которомъ мы принимали участіе въ первыхъ и вторыхъ выборахъ и принимаемъ—въ третьихъ, предварительные сѣзды прошли типично и характерно. Согласно распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, сѣздъ былъ раздѣленъ на три самостоятельныхъ: представителей церквей и монастырей, владѣльцевъ отъ 45 до 225 десятинъ и владѣльцевъ менѣе 45 десятинъ. Всѣ три сѣзда происходили въ одинъ день и въ одномъ мѣстѣ — въ уѣздномъ городѣ. На первый—изъ 109 занесенныхъ въ списки настоятелей явилось 90 съ правомъ избрать 29 уполномоченныхъ. На второй—изъ 71 избирателя прибыло и приняло участіе въ баллотировкѣ 5, имѣвшихъ право избрать, по суммѣ десятинъ принадлежащей имъ земли, всего одного уполномоченнаго. На третій—изъ 1.114 избирателей явилось 10, и такъ какъ сумма десятинъ принадлежащей явившимся земли оказалась менѣе полного ценза, то сѣздъ былъ объявленъ несостоявшимся. Всего, такимъ образомъ, мелкое землевладѣніе получило представительство на совмѣстномъ съ крупными собственниками уѣздномъ сѣздѣ въ лицѣ 30 уполномоченныхъ вмѣсто 93. Самое дробное землевладѣніе, т.-е. въ громадномъ большинствѣ распределяющееся между лицами, которыя своимъ трудомъ обрабатываютъ землю, вмѣсто 27—ни одного. Среднее вмѣсто 31 — одного. Церковное вмѣсто 35 — 29 (послѣ „разъясненія“ осталось 26). Насколько измѣнилось соотношеніе классовыхъ силъ, сравнительно со вторыми выборами, показываютъ слѣдующія цифры: тогда въ сѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ фактически приняли участіе 38 крупныхъ собственниковъ и 63 уполномоченныхъ; въ числѣ послѣднихъ было 5 священниковъ и 58 крестьянъ.

Кстати. На предварительномъ сѣздѣ среднихъ собственниковъ имѣлъ мѣсто эпизодъ, рельефно показывающій одну изъ техническихъ несообразностей дѣйствующаго избирательнаго закона. По смыслу избирательнаго права само собою разумѣется, что участіемъ въ голосованіи избиратель можетъ дѣйствовать только въ пользу своихъ политическихъ воззрѣній или своей политической партіи. Участіе же во вредъ себѣ и въ пользу своихъ противниковъ есть, конечно, совершенный абсурдъ, о которомъ нечего, казалось бы, и говорить. Между тѣмъ, система опредѣленія числа подлежащихъ избранію уполномоченныхъ суммою десятинъ земли, принадлежащей явившимся, приводитъ именно къ возможности такого абсурда. Въ сущности на сѣздѣ прибыло не 5 лицъ, а 6. Изъ нихъ пять однородныхъ политическихъ убѣжденій, а шестой — рѣзко отличныхъ. Этотъ шестой,

какъ владѣлецъ 204 десятинъ, своимъ участіемъ далъ бы право сѣзду избрать второго уполномоченнаго. Быть избраннымъ самому онъ не имѣлъ никакихъ шансовъ. Также онъ былъ безсиленъ оказать какое бы то ни было вліяніе на выборы. При его участіи вся разница въ результатѣ состояла бы лишь въ томъ, что оба уполномоченные получили бы по одному шару налѣво противъ четырехъ — направо (не считая своихъ). Но при избраніи выборщиковъ его единомышленники имѣли бы лишній противъ себя голосъ. Иными словами, своей явкой онъ не только не оказалъ бы имъ никакого содѣйствія, но причинилъ бы и имъ, и своимъ политическимъ убѣжденіямъ, прямой вредъ. Сообразивъ эту простую комбинацію, онъ предпочелъ — до официальнаго открытія сѣзда — уйти и отказаться отъ исполненія своего гражданскаго долга. Полагаемъ, что по совѣсти онъ не могъ поступить иначе.

Абсентеизмъ избирателей при выборахъ въ третью Думу не есть явленіе неожиданное. Напротивъ, его и можно, и должно было ожидать. Какъ внѣшній показатель, напомнимъ хотя бы крайнюю пассивность городскихъ избирателей къ занесенію своихъ именъ въ списки. Избиратели внѣ-городскіе не обязаны сами заботиться о включеніи въ списки; но если городъ сталъ политически пассивнымъ, то и безъ особыхъ показателей нельзя было не ожидать, что тонъ интереса къ выборамъ не менѣе упадетъ въ деревнѣ. Помнится, намъ случилось услышать отъ одного крестьянина такое разсужденіе. „Зачѣмъ я пойду въ уполномоченные? Дума будетъ правая. Но вѣдь ее тоже скоро разговятъ. А тогда ужъ меня крестьяне ни за что больше выбирать не будутъ. Скажутъ, что я, хоть мало, да участвовалъ въ выборахъ правой Думы“. Это объясненіе, если не бойкота, то абсентеизма, весьма характерно: населеніе приняло выжидательное положеніе, и третья Дума въ его глазахъ дискредитирована. Съ другой стороны, деревенское населеніе не могло не оцѣнить ничтожности конечнаго значенія отведенной ему роли при выборахъ. Передъ изданіемъ закона 11-го декабря, какъ извѣстно, и въ правительственныхъ сферахъ были сторонники системы всеобщаго голосованія. На основѣ этой системы былъ даже изготовленъ законопроектъ. Совѣщаніе его отвергло, и при этомъ однимъ изъ наиболѣе сильныхъ аргументовъ противъ всеобщаго голосованія выставлялась опасность, что крестьяне отвѣтять аграрными беспорядками на отнятіе отъ нихъ сословно-привилегированнаго участія въ выборахъ, дарованнаго имъ положеніемъ 6-го августа. Такое отнятіе совершилось и даже больше: привилегированное участіе замѣнено не равноправнымъ съ другими классами, а пониженнымъ. Аграрными беспорядками крестьяне на него не отвѣтили, какъ не отвѣтили бы и на всеобщее голосованіе въ первую

избирательную кампанію. Но эта сторона закона 3-го іюня не могла остаться не отмѣченной въ ихъ сознаниі. Вовсе не такъ ужъ трудно додуматься до печальной для крестьянъ мысли: выбирай—не выбирай уполномоченныхъ, все равно выбирать членовъ въ Думу будутъ помѣщики—господа.

Есть и глубокая внутренняя причина абсентеизма—утрата вѣры въ конституціонную идею. Любопытно трактуетъ эту причину „Русское Знамя“. „Доморощенные російскіе конституціоналисты—писала, какъ-то, газета—повѣсили носъ: повсюду, гдѣ только были выборы въ третью Государственную Думу, масса населенія отнеслась къ идеѣ народнаго управленія съ глубокимъ презрѣніемъ. На выборы явилось такое ничтожное число избирателей, что во многихъ мѣстахъ поднимались вопросы, можно ли считать такіе выборы правильными. Во многихъ уѣздахъ выборы даже и не состоялись, такъ какъ изъ избирателей на выборы не явился никто. Вотъ какъ отвѣчаетъ русскій народъ на насильно ему навязанную и чуждую ему форму управленія страной“. Объясненіе „Русскаго Знамени“, конечно, вздорное. Абсентеизмъ избирателей, конечно, и гѣни не имѣетъ презрительнаго отвѣта на „насильно навязанную форму управленія страной“. Не потому утратилась вѣра въ конституціонную идею, что она сама по себѣ „претитъ духу русскаго народа“—тогда ее не было бы ни при вторыхъ, ни при первыхъ выборахъ. Объясненіе лежитъ въ томъ, о чемъ мы писали и въ прошломъ, и въ позашломъ мѣсяцахъ. Но фактъ остается фактомъ, съ которымъ предстоитъ считаться и который впредь должны всегда помнить, какъ третья Дума, такъ равно и правительство. За третьей Думой будутъ стоять съ особой политической физиономіей не представляемая Думой и лишенная прямого пути для выраженія желаній, воли и настроенія народныя массы.

„Петербургское телеграфное агентство“ ежедневно оповѣщало о ходѣ выборовъ уполномоченныхъ съ указаніемъ ихъ партійнаго распредѣленія, но съ осторожными, впрочемъ, вставками, вродѣ: „причисляють себя“, „называютъ“ или „считаютъ“. Беремъ на выдержку сводку данныхъ изъ телеграммъ о выборахъ за 16-е сентября. По десяти губерніямъ въ этотъ день было избрано крестьянами 1.215 уполномоченныхъ. Изъ нихъ соціалъ-демократовъ—1, лѣвыхъ—109, кадетовъ—21, партіи реформъ—33, умѣренныхъ—8, октябристовъ—21, безпартійныхъ—631, неизвѣстныхъ—132, монархистовъ—12, правыхъ—255, союза русскаго народа—1. Рабочими въ тотъ же день были избраны 108 уполномоченныхъ: соціалъ-демократовъ—20, лѣвыхъ—22, безпартійныхъ—24, неизвѣстныхъ—26, правыхъ—20. Отъ сѣздовъ землевладѣльцевъ—397: соціалъ-демократовъ—2, кадетовъ—40, умѣренныхъ—7, октябристовъ—1, монархистовъ—1, правыхъ—119,

неизвѣстныхъ—50, безпартійныхъ—186. Отъ духовенства—364: лѣвыхъ—12, кадетовъ—13, прогрессистовъ—34, правыхъ—103, неизвѣстныхъ—202. Приведенныя цифры проблематичны, но несомнѣны. По условіямъ, въ которыхъ официальное агентство собираетъ свѣдѣнія, они въ отношеніи легализованныхъ партій представляются если не точными, то въ сторону преувеличенія. А въ отношеніи партій не-легализованныхъ—наоборотъ. Даже въ первой Думѣ—припоминается намъ—когда секретариатъ собиралъ отвѣты о принадлежности къ партіямъ, социалисты-революціонеры по убѣжденіямъ не всегда называли себя таковыми. Кто же повѣритъ, что уполномоченные, которымъ предстоитъ—послѣ дня избранія выборщиковъ—вернуться домой, подъ бдительное око урядниковъ, становыхъ и земскихъ начальниковъ, станутъ всѣ поголовно откровенно называть себя начальству лѣвыми или хотя бы кадетами? Вся масса „безпартійныхъ“, „умѣренныхъ“, а пожалуй и „неизвѣстныхъ“, можно сказать съ увѣренностью, принадлежитъ къ оппозиціи. Изъ крестьянъ они, по всей вѣроятности—трудовики, которыхъ, кстати сказать, по номенклатурѣ агентства будто бы вовсе не существуетъ. Словомъ, цифры октябристовъ, монархистовъ и правыхъ ни въ какомъ случаѣ не выше дѣйствительныхъ. А оказывается, что всѣхъ такихъ уполномоченныхъ 16-го сентября избрано: по крестьянской куріи 289 изъ 1.215; по рабочей—20 изъ 108; по мелко-землевладѣльческой—121 изъ 397, и даже отъ духовенства—103 изъ 364. Результатъ политики „успокоенія“ поистинѣ разительный! Изъ частностей стоить отмѣтить: октябристовъ 16-го сентября по всѣмъ куріямъ избрано 22, членовъ союза русскаго народа—1. Мы не выдаемъ итоговъ одного дня за общіе. Но общіе если и отличаются отъ нихъ, то не въ пользу реакціи.

Неширокое использованіе министромъ внутреннихъ дѣлъ въ центральныхъ губерніяхъ права дѣлить сѣзды, сравнительно съ предѣлами, предоставленными его усмотрѣнію, о чемъ мы писали мѣсяцъ назадъ, выдвинуло, однако, на первое мѣсто въ лицѣ православныхъ священниковъ новый политическій элементъ. Въ рядахъ, какъ первыхъ, такъ и вторыхъ народныхъ представителей, православныхъ священниковъ было, вообще говоря, немного. Небольшой процентъ они составляли также среди выборщиковъ и участниковъ уѣздныхъ сѣздовъ—во всякомъ случаѣ, не такой, чтобы, соединившись, они могли гдѣ-либо играть рѣшающую роль и диктовать условія землевладѣльцамъ. Причина коренилась въ томъ, что, при территориальномъ дѣленіи общинъ по размѣру и роду цензовъ предварительныхъ сѣздовъ, они въ каждомъ отдѣленіи сѣзда являлись единицами, имѣя противъ себя десятки, если не сотни, мелкихъ собственниковъ-крестьянъ. Теперь обстоятельства совершенно измѣнились. Въ нашемъ,

напримѣръ, уѣздѣ трудно ожидать, чтобы на уѣздный сѣздѣ явилось болѣе 30—35 землевладѣльцевъ. Если бы они были однородны, то 26 голосовъ священниковъ ничего не могли бы подѣлать. Но въ томъ-то и дѣло, что во всѣхъ земскихъ губерніяхъ землевладѣльцы дѣлятся на два непримиримыхъ лагеря: на земскихъ „правыхъ“ и земскихъ „лѣвыхъ“. Въ сущности, партійныя дѣленія на кадетовъ, октябристовъ и т. п. въ землевладѣльческую среду проникли далеко не такъ, какъ это можетъ казаться изъ Петербурга. Какъ показали земскіе выборы прошлаго и нынѣшняго годовъ, а также іюньскій и августовскій земскіе сѣзды, старое дѣленіе, слагавшееся въ теченіе сорока лѣтъ,—и сильно, и непереходимо. На земскихъ выборахъ побѣда осталась за „правыми“. Однако, нельзя забывать, что въ земскихъ выборахъ участвуютъ одни дворяне, что отъ нихъ не устранены военнослужащіе и что на нихъ играютъ роль довѣренности землевладѣльцевъ, создающія для многихъ двойные голоса. При предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу „правая“ и „лѣвая“ группы землевладѣльцевъ будутъ, вѣроятно, почти равны силами,—пожалуй, съ самымъ незначительнымъ перевѣсомъ для „правой“. А если такъ, то рѣшеніе всѣхъ вопросовъ будетъ цѣликомъ принадлежать духовенству. Конечно, и среди духовенства существуютъ различныя политическія теченія. Но насколько различіе ихъ реально—не идейно—глубоко, судить объ этомъ нѣтъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, оно не настолько глубоко, какъ между „правыми“ и „лѣвыми“ земцами.

Чѣмъ объяснить поражающую аккуратность явки православнаго духовенства къ избирательнымъ урнамъ? Сѣздѣ происходилъ въ воскресенье. Въ трехъ четвертяхъ сель уѣзда не служились, слѣдовательно, обѣдни. Мало того: какъ извѣстно, начало сентября есть время, когда священники обходятъ приходы и собираютъ „осенницу“—зерно, ленъ и проч. Думаемъ, что безъ начальственнаго воздѣйствія дѣло не обошлось. Но если такъ, то не ошиблось ли начальство? Наши впечатлѣнія скорѣе говорятъ—да, чѣмъ нѣтъ. На „правыхъ“ земцевъ избраніе такой массы священниковъ-уполномоченныхъ произвело удручающее дѣйствіе. Для нихъ отвѣтственность министерства, исключительныя положенія и даже амністія—вопросы второстепенныя. Ихъ главная мечта минуты—какъ можно дороже продать землю. Въ земельномъ же вопросѣ—они этого не могутъ не знать—священникъ, по классовымъ интересамъ и по своимъ симпатіямъ, гораздо ближе къ мужику, чѣмъ къ барину. На предвыборное собраніе, состоявшееся въ самый день избранія уполномоченныхъ, землевладѣльцевъ явилось немного, изъ священниковъ же не пришли только старики—протоіерей и еще два-три завѣдомыхъ черносотенца. Собраніе прошло оживленно и весьма интересно. Священники больше спрашивали, нежели гово-

рили. И центральнымъ вопросомъ бесѣды былъ тотъ вопросъ, который въ прошлые и позапрошлые выборы почти нигдѣ не поднимался,—вопросъ церковный. Чувствовалось, что духовенство сознало и поняло свою силу, и что вопросъ объ отношеніяхъ между пастырями и паствою оно отнюдь не намѣрено замалчивать. „Помірушеченъе“ намъ надоѣло,—повторяли сельскіе батюшки,—духовенству надо положить жалованье. Одинъ ораторъ, изъ священниковъ, прямо говорилъ о неудовлетворительности, съ точки зрѣнія церковнаго вопроса, рѣшительно всѣхъ программъ и о необходимости для православнаго духовенства образовать въ Думѣ самостоятельную фракцію. Въ томъ, что онъ намѣчалъ, однако, и намека не было на идеалы такъ-называемыхъ монархистовъ и даже октябристовъ современнаго типа. Гораздо явственнѣе слышались противоположные звуки. Не загадывая впередъ, мы пока отмѣчаемъ фактъ: въ третьей Думѣ будутъ десятки Тихвинскихъ, Архиповыхъ, Колокольниковыхъ, Огневыхъ и Афанасьевыхъ, но уже не трудовиковъ, кадетовъ и социалистовъ, а въ лицѣ самостоятельной оппозиціонной группы... Во время того же предвыборнаго собранія дворянинъ-землевладѣлецъ, изъ косвоязычныхъ—ярый „столпъ отечества“—всѣмъ надоѣдалъ длиннымъ разговоромъ о томъ, какъ онъ запродавалъ-было землю, но пріѣхавшій управляющій отдѣленіемъ крестьянскаго банка „взбунтовалъ“ крестьянъ, которые теперь соглашаются уже дать только по 90 рублей за десятину, вмѣсто 150. Чего онъ не говорилъ! И объ исторической роли дворянства, и о гнилой бюрократіи, и о священномъ правѣ собственности, и т. д., и т. д. Онъ все спрашивалъ совѣта: послать ли ему телеграмму П. А. Столыпину, или нѣтъ. Видно было, что ему и денегъ получить побольше хочется, и страшно...

Неработоспособность второй Думы еще до роспуска ея какъ-то сразу стала общимъ мѣстомъ. Такъ всѣ рѣшили, и противъ этого даже тогда почти не спорили, а теперь не спорятъ—подавно. Доказательствъ въ защиту категоричнаго утвержденія, однако, не приводятъ. А между тѣмъ, если вдуматься въ него, то нельзя по крайней мѣрѣ не усомниться въ его правильности. Чѣмъ и въ чемъ вторая Дума обнаружилась неспособностью исполнять работу, которая для нея очерчена закономъ? Въ какой мѣрѣ возможно и справедливо требовать способность къ сложной и трудной законодательной работѣ отъ народнаго представительства, не имѣющаго опыта въ прошломъ? Была ли вторая Дума неработоспособна въ предѣлахъ справедливыхъ требованій? Наконецъ, что значитъ работоспособность законодательнаго учрежденія вообще, и что должно принимать показателями ея?

Всѣ эти вопросы отнюдь не получили столь опредѣленныхъ отвѣтовъ, чтобы неработоспособность второй Думы дѣйствительно могла считаться истиной, не требующей доказательствъ. Имъ слѣдовало бы еще предпослать оговорку объ условіяхъ революціонной эпохи. Но попытаемся въ нихъ разобраться на чисто дѣловой почвѣ, безъ этой оговорки, игнорируя боевой подъемъ настроенія въ населеніи и духъ протеста, руководившіе выборами. Дума прожила сто-четыре дня и къ моменту роспуска не окончила разсмотрѣнія ни одного существенно важнаго изъ внесенныхъ министерствомъ законопроектвъ, а главное—бюджета. Въмѣсто того—она занималась запросами и программными рѣчами на общія темы. Въ составѣ Думы была значительная часть членовъ, изъ которыхъ одни не желали заниматься дѣловой работой, а другіе явно не умѣли. Въ Думѣ не было сплоченнаго устойчиваго большинства. Вотъ ходячія положенія, изъ которыхъ дѣлается заключеніе: Дума была неработоспособна.

Что въ Думѣ было нѣсколько десятковъ членовъ слѣва и около десятка—справа, которые отвергали дѣловую работу (почему и насколько имѣли для того основанія—стоитъ за предѣлами принятой постановки вопроса) и сознательно стремились сводить засѣданія на митинги—это вѣрно. Но развѣ можно мыслить о представительствѣ, въ которомъ вовсе не было бы членовъ, отрицающихъ законный смыслъ парламентской работы и ставящихъ своей задачей дѣйствовать черезъ стѣны палаты? Что же, однако, отсюда слѣдуетъ? Еслибы такіе члены Думы составляли большинство, то, конечно, для вывода было бы основаніе. Этого не было, и можно лишь сказать, что Дума имѣла тормазъ, сильно мѣшавшій дѣловой работѣ,—мѣшавшій работѣ, но не останавливавшій ее. Что въ Думѣ была цѣлая половина, если не больше, членовъ, совершенно не подготовленныхъ къ законодательной дѣятельности—тоже вѣрно. Но, опять, что слѣдуетъ отсюда? Только то, что трудъ въ Думѣ распредѣлялся неравномѣрно и всей тяжестью своей падалъ не на пятьсотъ человекъ, а, можетъ быть, всего на сто. Скажемъ больше: и эти сто человекъ во второй Думѣ были не сплошь сильные для работы люди. Россія не богата такими людьми, и лишеніе ста-восьмидесяти членовъ первой Думы права возобновить полномочія не могло не отозваться. Еслибы въ составѣ второй Думы было не двадцать-шесть только вторично избранныхъ членовъ и не сотни такихъ, для которыхъ еще предстояло учиться работѣ, то дѣло бы шло несомнѣнно успѣшнѣе. Успѣшнѣе—не значитъ, однако, что безъ этого условія дѣло не шло вовсе и, тѣмъ болѣе, что оно не могло идти въ будущемъ, если не съ полнымъ успѣхомъ, то съ нѣкоторымъ.

Одинаково вѣрно, что въ Думѣ не было устойчиваго большинства. Но что оно не могло образоваться—судить къ моменту роспуска было

преждевременно. Насколько припоминается, всего одинъ разъ—по поводу отвѣта на запросъ министра юстиціи—было принято случайное рѣшеніе. Вообще составъ членовъ Думы дѣлалъ ходъ работы чрезвычайно затруднительнымъ—противъ этого спорить нельзя. Но съ исключительно большимъ напряженіемъ силъ со стороны дѣловыхъ работниковъ, которые были во всѣхъ національныхъ и территориальныхъ группахъ и партіяхъ, кромѣ, пожалуй, социаль-демократовъ и крайнихъ правыхъ,—работу, все-таки, вести удавалось. Съ этой точки зрѣнія, въ лицахъ, близко стоявшихъ къ думскому дѣлу, успѣло сложиться убѣжденіе, что Дума, какъ говорятъ въ деревнѣ, „образуется“.

По поводу существа внесенныхъ и принимавшихся Думою запросовъ, конечно, могутъ быть разные мнѣнія. Но законъ, который далъ Думѣ право запросовъ, тѣмъ самымъ возложилъ на нее обязанность примѣнять этотъ способъ надзора за закономѣрностью дѣйствій органовъ исполнительной власти. Предъявленіе запросовъ—такая же функція Государственной Думы, какъ разсмотрѣніе законопроектовъ. А потому болѣе, чѣмъ странно, выводить неработоспособность Думы изъ того, что она удѣлила время запросамъ. Вотъ если бы она вовсе запросовъ не дѣлала, тогда можно было бы говорить о ея неработоспособности, по крайней мѣрѣ въ этой отрасли возложенныхъ на нее задачъ. Чтобы устранить подозрѣніе въ отсутствіи объективности, можно признать, что среди запросовъ были и слабо въ дѣловомъ отношеніи обоснованные. Допустимъ даже, что такихъ запросовъ было много. Но можно ли забывать, напримѣръ, запросъ по дѣлу Кобловыхъ и Тараканниковыхъ, который по силѣ дѣлового освѣщенія одинъ покрываетъ недочеты всѣхъ необоснованныхъ?

Близко къ дѣятельности по надзору стоитъ возложенная на Думу обязанность по повѣркѣ отчета по исполненію росписи. Въ Думу былъ внесенъ отчетъ за 1905 годъ, который, какъ и бюджетъ на 1907 г., остался неразмотрѣннымъ. Многимъ ли, однако, извѣстно, что такое отчетъ и въ какихъ условіяхъ предстояло произвести его повѣрку? Комиссіей, избранной Думою, по этому предмету былъ выработанъ докладъ, но, къ сожалѣнію, до 3-го іюня комиссія не успѣла его представить. Отчетъ—это нѣсколько томовъ сплошныхъ цифръ, безъ всякаго объяснительнаго и руководящаго при повѣркѣ матеріала. Разобраться въ отчетѣ, не имѣя заключеній специально для даннаго дѣла существующаго учрежденія—государственного контроля,—совершенно немислимо. Комиссія просила сообщить заключенія—получила отказъ. Ей объявили, что заключенія для нея не нужны. Въ чемъ же должна состоять работа Думы по повѣркѣ отчета, спрашивали члены комиссія, и какъ повѣрялъ отчетъ въ до-конституционное время старый Государственный Совѣтъ? Имъ дали отвѣтъ на вторую поло-

вину вопроса, предоставляя самимъ догадываться объ отвѣтѣ на первую. Государственный Совѣтъ никогда отчета не разсматривалъ, а просто принималъ къ свѣдѣнію. Вѣроятно, такую же „работоспособность“ желательно было видѣть и въ Думѣ!

Въ оцѣнкѣ законодательной дѣятельности Думы намѣренно игнорируется, что по закону эта ея функція состоитъ не только въ разсмотрѣніи министерскихъ законопроектовъ, но также и въ осуществленіи права (слѣдовательно, и обязанности) законодательной инициативы. Министрамъ, внесшимъ въ Думу до двухъ аршинъ печатныхъ законопроектовъ (по вѣсу—до шести пудовъ на каждого члена Думы), естественно было считать, что они вполне использовали законодательную инициативу. Но законъ смотритъ на дѣло иначе. А потому самостоятельное внесеніе членами Думы въ значительномъ числѣ предложений и проектовъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть принимаемо за показатель неработоспособности. Какъ и по поводу запросовъ, здѣсь могутъ быть разныя мнѣнія по существу. Въ отношеніи же вывода о способности къ работѣ, здѣсь едва ли возможно найти основанія не только для разныхъ, но и для двухъ мнѣній.

Далѣе, въ учетѣ дней работы берется полный срокъ—съ 20-го февраля до 3-го іюня, т.-е. почти треть года, и ничто не исключается. Въ дѣйствительности же необходимо исключить весьма много рабочихъ дней. Во-первыхъ, перерывъ вслѣдствіе обвала потолка, продолжавшійся около двухъ недѣль. Такого долгаго перерыва собственно думскихъ засѣданій не было. Но вся дѣловая, черная работа неизбежно остановилась на все время, пока члены Думы не могли заниматься въ Таврическомъ дворцѣ. Во-вторыхъ, перерывъ, тоже около двухъ недѣль, пасхальнаго отдыха. Скажутъ, пожалуй, что отдыхъ былъ выдуманъ нарочно, чтобы лѣвые члены Думы могли уѣхать для революціонной пропаганды на мѣстахъ избранія. Этому противопоставимъ, что разѣхались наиболѣе сплошной массой и ранѣе всѣхъ представители именно тѣхъ политическихъ направленій, откуда идутъ упреки въ неработоспособности Думы. Уже съ половины шестой недѣли поста скамьи октябристовъ и правыхъ были на три четверти пусты. А въ первые дни страстной—на нихъ сидѣло не болѣе 10—15 человекъ. Независимо отъ этого, какой добросовѣстный человекъ возьметъ на себя смѣлость утверждать, что послѣ двухъ мѣсяцевъ невѣроятнаго нервнаго напряженія члены Думы не имѣли права отдохнуть? Наконецъ, въ-третьихъ, необходимо исключить все время, потраченное на работу организаціонную—на мѣшкотную процедуру избранія президіума и до двадцати комиссій, на повѣрку полномочій, на составленіе и разсмотрѣніе наказа и на выработку штатовъ канцеляріи. Одна повѣрка полномочій отняла огромное количество вре-

мени и силъ. Что этого не могло не быть—достаточно вспомнить условія, въ которыхъ происходили выборы, циркуляры, разъясненія, и т. д., и т. д. Если сдѣлать необходимыя исключенія, то окажется, что Дума не окончила разсмотрѣнія бюджета и главныхъ министерскихъ законопроектовъ не въ сто-четыре дня, а въ срокъ гораздо меньшій. И если есть чему удивляться, то не тому, чего вторая Дума не сдѣлала, а тому, что она успѣла сдѣлать.

То, что прошло черезъ общія засѣданія Думы, извѣстно. Но выразилась работа Думы—и если не работоспособность, какъ положительный фактъ, то несправедливость обратнаго утвержденія,—главнымъ образомъ, въ работахъ комиссій. Туго она началась, туго шла вначалѣ, но къ концу стала налаживаться и въ нѣкоторыхъ изъ комиссій успѣла наладиться, несмотря на противоудѣйствіе членовъ Думы, отвергавшихъ дѣловую дѣятельность, и на совершенно безобразную внѣшнюю ея обстановку.

Что это были за внѣшнія условія—достойно вниманія. Только две комиссіи—бюджетная и по повѣркѣ отчета—имѣли свои постоянныя помѣщенія. Всѣмъ остальнымъ приходилось кочевать, отыскивая свободную комнату. Нерѣдко можно было встрѣтить въ залахъ дворца путешествующую комиссію съ книгами, бумагами, чернильницами и перьями въ рукахъ. Министерская строительная комиссія имѣла въ распоряженіи три комнаты, буфетъ—рядъ залъ, бюро печати и фракціи—отдѣльныя изолированныя помѣщенія, стенографисты и переписчицы—тоже, а думскія комиссіи могли засѣдать тамъ, куда ихъ изъ любезности пускали. Юридическая комиссія, разсматривавшая законопроектъ о неприкосновенности личности, только за двѣ недѣли до роспуска Думы получила экземпляръ свода законовъ. Собранія узаконеній—не было. Дѣлопроизводителей приходилось учить азбукѣ. Пусть бы другое учрежденіе, не состоящее изъ людей, посланныхъ народомъ и проникнутыхъ идеей народнаго представительства, попробовало работать въ такихъ условіяхъ!

Перечень всѣхъ законопроектовъ, разсмотрѣніе которыхъ въ комиссіяхъ было къ 3-му іюня завершено или подготовлено, составилъ бы объемистый списокъ. Между прочимъ, Думу упрекаютъ, что она отклонила предложеніе, исходившее отъ октябристовъ, образовать особую комиссію для разсмотрѣнія дѣловыхъ законопроектовъ второстепеннаго значенія и тѣмъ остановила текущую законодательную дѣятельность. Но кто работалъ бы въ такой комиссіи, требовавшей отъ ея членовъ большой технической подготовки? Передъ Думой была альтернатива: или отдаться всецѣло текущему законодательству, или выдвинуть впередъ вопросы первостепенной важности. Она избрала

второй исходъ, но дѣлала постоянныя отступленія, если они вызывались необходимостью.

Такъ, по внесеніи военнымъ министромъ законопроекта о контингентѣ новобранцевъ, и комиссія, и Дума срочно его рассмотрѣли въ четыре дня. Такъ, срочно же были выдѣлены законопроекты о пародствѣ на Дальнемъ Востокѣ, 28 законопроектовъ министерства народнаго просвѣщенія и немало другихъ. Изъ законопроектовъ первостепеннаго значенія, специальной комиссіей Думы былъ исполненъ законъ о неприкосновенности личности. Насколько усердно и „работоспособно“ занималась комиссія, будетъ судить тотъ историкъ русскаго права, который посвятить себя изученію этого большого вопроса нашего законодательства. Онъ навѣрное не остановится въ сомнѣніи, чьему проекту отдать предпочтеніе даже со стороны технической—думской ли комиссіи, или междувѣдомственнаго совѣщанія. Исполнить работу болѣе полно и болѣе скоро—физически было невозможно.

Работу бюджетной комиссіи роспускъ Думы оборвалъ на второй половинѣ, когда готовъ былъ исчезнуть митинговый характеръ засѣданій. И въ отношеніи бюджета первый же приступъ къ дѣлу показалъ, что еслибы Дума или ея комиссія пошли по системѣ работы стараго Государственнаго Совѣта, то онѣ не были бы достойны довѣрія, вотированнаго членамъ Думы на выборахъ. Нашъ бюджетъ—не лѣсъ, а непроходимыя дебри, въ теченіе вѣковъ заросшія ползучими порослями, которыя отъ времени обратились въ могучіе стволы. Каждая страница смѣтъ раскрывала совершенно неожиданныя приемы веденія бюджетнаго хозяйства и заставляла останавливать вниманіе на томъ, что по первому впечатлѣнію кажется безспорнымъ. Если не каждая страница, то каждый десятокъ страницъ раскрывалъ курьезы, вродѣ жалованья, неизвѣстно за что получаемаго болѣе сорока лѣтъ титулованнымъ публицистомъ.

Комиссія далека была отъ мысли сразу все упорядочить въ бюджетѣ. Но она обязана была дать по бюджету заключеніе и хотя грубо отдѣлать, что подлежитъ утвержденію и что не подлежитъ. вмѣстѣ съ тѣмъ на ней лежалъ долгъ намѣтить основные принципы финансовыхъ реформъ. Не знаемъ, какое представительство въ силахъ было бы справиться съ задачей менѣе чѣмъ въ полгода. Германскій рейхстагъ имѣетъ тридцать-пять лѣтъ непрерывнаго прошлаго. И то онъ закончилъ рассмотрѣніе бюджета на 1907 г. только въ апрѣлѣ.

За всѣмъ сказаннымъ, однако, работоспособность второй Думы, конечно, стояла неизмѣримо ниже работоспособности и англійскаго парламента, и германскаго рейхстага, и французской палаты депутатовъ. Но возможно ли дѣлать сопоставленіе нашей практики представитель-

ства съ западной? Не лучше ли поискать сопоставленіе поближе, и за мѣрило работоспособности Думы взять свое учрежденіе, имѣющее тѣ же функціи?

Наша верхняя палата—преобразованный Государственный Совѣтъ возобновилъ свою дѣятельность въ одинъ день съ созывомъ Думы и „работалъ“ одинаковое число дней. Потолокъ въ залѣ засѣданій Совѣта не проваливался, президіума Совѣтъ не выбиралъ, наказъ имѣлъ готовый, повѣрялъ полномочія пяти или шести лицъ, а не пятисотъ. Бѣгать по заламъ Маріинскаго дворца, отыскивая свободную комнату, членамъ совѣтскихъ комиссій не приходилось. По каждому законопроекту Совѣтъ имѣлъ детальную „справку“ своей богато обставленной канцеляріи. Въ составѣ Совѣта не было ни одного представителя лѣвыхъ политическихъ теченій. Половина его членовъ были люди долгаго государственнаго опыта. Другая половина—люди тоже долгаго опыта общественной дѣятельности. Что же сдѣлалъ въ теченіе 104 дней Государственный Совѣтъ? Какую проявилъ степень работоспособности?

Запросъ въ Совѣтѣ обсуждался одинъ, и тотъ большинствомъ голосовъ былъ отвергнутъ. Къ повѣркѣ отчета Совѣтъ не приступалъ вовсе. Право законодательной инициативы осуществлено не было ни разу. Группа членовъ Совѣта пыталась возбудить вопросъ о реформѣ сената, но потерпѣла неудачу. Когда среди той же группы явилась мысль поставить на очередь вопросъ о введеніи въ дѣйствіе уголовнаго уложенія въ полномъ объемѣ, то одинъ изъ наиболее видныхъ членовъ Совѣта по назначенію обратился съ этой цѣлью къ членамъ Думы. Онъ откровенно говорилъ: „У насъ (т.-е. въ Совѣтѣ) ничего сдѣлать нельзя“.

Законопроектъ о контингентѣ новобранцевъ Совѣтъ дѣйствительно принялъ ровно во столько времени, сколько понадобилось на голосованіе. Но полагаемъ, что такую „работоспособность“ можно ставить въ активъ Совѣту только въ такомъ случаѣ, если подъ способностью работать разумѣть способность принимать законопроекты на вѣру. Въ проектѣ штатовъ канцеляріи Думы совѣтская комиссія безнадежно зарылась и такъ и не вынырнула до 3-го іюня изъ лучины редакціонныхъ поправокъ. Что сдѣлала бюджетная комиссія Совѣта—не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, не болѣе, чѣмъ комиссія Думы, ибо работы тоже не окончила.

Скажутъ, пожалуй, что Государственный Совѣтъ намѣренно не дѣлалъ запросовъ и не пользовался правомъ законодательной инициативы. А было ли это согласно съ закономъ, который даетъ учрежденіямъ права не для того, конечно, чтобы учрежденія оставляли ихъ втунѣ? Было ли это въ соотвѣтствіи съ условіями пережи-

ваемого времени? Кто не хочетъ работать или въ глубинѣ души сознаетъ, что работать не можетъ, тому всегда легко найти отговорку, оправдывающую въ глазахъ другихъ и въ своихъ собственныхъ...

Не въ „неработоспособности“ второй Думы дѣло, а въ томъ содержаніи, которое она вкладывала въ работу. Это и есть причина обвиненій въ „неработоспособности“. За ними явственно слышится: „тотъ способенъ работать, кто дѣлаетъ то, что „я“ хочу, чтобы „онъ“ дѣлалъ“...

Если выборы, въ концѣ концовъ, дадутъ значительное число членовъ Думы изъ православныхъ священниковъ, если въ Думѣ они образуютъ самостоятельную фракцію и если ихъ фракція представить хоть нѣсколько внушительную силу,—то неизбѣжно въ свѣтскомъ законодательномъ учрежденіи, а за нимъ и въ свѣтской общественной мысли повысится интересъ къ церковнымъ вопросамъ. Тогда, надо думать, въ стѣнахъ Таврическаго дворца, такъ или иначе, подвергнутся обсужденію опубликованныя 15-го сентября „Положенія о составѣ предстоящаго чрезвычайнаго собора русской церкви и о порядкѣ производства дѣлъ на ономъ“.

О церковномъ соборѣ заговорили одновременно съ толками о соборѣ земскомъ, т.-е. въ концѣ 1904 года. Сначала вопросъ приковывалъ всеобщее вниманіе. Затѣмъ о немъ то забывали, то вспоминали, но въ общемъ интересъ къ нему постепенно ослабѣвалъ. Русскимъ гражданамъ, захваченнымъ борьбой за осуществленіе возвѣщеннаго 17-го октября новаго политическаго строя, пережившимъ два раза выборы, два раза роспускъ Думы, два краткихъ думскихъ періода, казни, экспроприаціи и военно-полевые суды, было не до церковныхъ вопросовъ. За работами предсоборнаго присутствія не слѣдили, и какія среди членовъ присутствія были теченія—оставалось для большой публики неизвѣстнымъ. Весной мелкокомъ прошло сообщеніе о томъ, что присутствіе закончило занятія. Но едва ли кому приходило въ голову, что тогда же, 25-го апрѣля, только теперь распубликованныя положенія были утверждены. Любопытно отмѣтить, что сенатъ получилъ текстъ положеній отъ синода еще 15-го мая и ровно четыре мѣсяца медлил съ опубликованіемъ. Если столь неторопливо дѣло пойдетъ дальше, то, пожалуй, ждать созыва собора придется цѣлые годы. „Московскія Вѣдомости“ этого и требуютъ. „Приходится пожелать,—пишетъ газета,—чтобы недостатки правилъ (конечно, не тѣ, которые мы имѣемъ въ виду) были восполнены осторожностью въ выборѣ времени созыва собора. Нужно, чтобы оно перестало быть столь тревожнымъ, нужно, чтобы умы болѣе умиротворились, и чтобы православные полнѣе разобрались въ еретическихъ и революціонныхъ

стремленіяхъ, которыми люди неблагонамѣренные могутъ замутиль соборныя засѣданія“...

Положенія чрезвычайно кратки. Въ нихъ трактуется въ самыхъ общихъ чертахъ порядокъ выборовъ и веденія дѣлъ. Выборный элементъ будетъ имѣть въ соборѣ, мало сказать, второстепенное значеніе. Это будутъ свѣдущіе люди, призванные отражать голосъ блага духовенства и мірянъ передъ лицомъ епископовъ. Епархіальные епископы — обязательные члены собора, и имъ однимъ принадлежитъ право рѣшающаго голоса. О клирикахъ и мірянахъ законъ говоритъ, что они „приглашаются“ на соборъ. Статья 4-я редактирована такъ: „Клирики и міряне, приглашенные на соборъ, участвуютъ въ обсужденіи всѣхъ соборныхъ дѣлъ и вопросовъ, но соборныя опредѣленія и постановленія составляются и подписываются одними епископами или замѣстителями ихъ“. Въ рѣшеніи и голосованіи вопросовъ ни клирики, ни міряне, слѣдовательно, участія принимать не будутъ. Право инициативы за ними также не признано. Но самое главное—не въ этомъ. Существеннѣе всего то, что сложный порядокъ избранія—двухстепенный для клириковъ и трехстепенный для мірянъ—завершается утвержденіемъ изъ трехъ клириковъ и изъ трехъ мірянъ по одному представителю въ каждой епархіи епархіальнымъ епископомъ. Составители положенія весьма характерно опредѣлили свой взглядъ на выборы, какъ на средство оказать содѣйствіе духовной власти, отъ которой они вовсе не хотѣли отнимать „заботу“ о составѣ собора. Такъ, напримѣръ, отъ придворнаго и военнаго духовенства и отъ прихожанъ церквей, состоящихъ въ вѣдѣніи этого духовенства, никакихъ выборовъ производиться не будетъ, а будутъ назначены на соборъ „по два члена: одинъ изъ священниковъ и одинъ изъ церковныхъ ктиторовъ, по избранію протопресвитеровъ“. Равнымъ образомъ „по усмотрѣнію святѣйшаго синода“, на правахъ членовъ, будутъ на соборѣ: „представители отъ единовѣрія, монастырей, духовныхъ академій и иныхъ церковныхъ учреждений, а равно и частныя лица, извѣстныя своею богословскою ученостью или любовью къ церковному просвѣщенію, и вообще своимъ усердіемъ къ церкви“. Словомъ, выборы на соборъ получили характеръ какой-то декорации. Въ дѣйствительности, „чрезвычайный соборъ русской церкви“ будетъ расширеннымъ въ составѣ, но въ сущности такимъ же собраніемъ высшихъ іерарховъ, какъ синодъ. Публичность засѣданій, само собою разумѣется, не измѣняетъ существа постановки дѣла. Газета г. Грингмута находитъ, что, „къ сожалѣнію“, епископъ не получилъ власти „не утвердить ни одного изъ кандидатовъ, если они явно негодны“; точно также — что „не установлено право епископовъ удалять изъ собора и лишать членскихъ правъ за непристойное или явно ере-

тическое поведение". Мы думаемъ, что и данныхъ монашествующимъ іерархамъ церкви правъ болѣе чѣмъ достаточно для искусственности представительства клириковъ и мірянъ.

Соборъ подобнаго состава, внѣ сомнѣнія, не удовлетворитъ возлагавшихся на него и все еще возлагающихся ожиданій. Голосу сторонниковъ кореннаго возрожденія православно-русской церкви едва ли удастся даже прозвучать на соборѣ. Но если бы онъ и прозвучалъ, звукъ останется безрезультатнымъ, если епископы не обнаружатъ склонности ему внять. Перечня вопросовъ, которые предполагается внести для обсужденія на соборѣ, не опубликовано. Въ газетахъ появилась на дняхъ замѣтка, что одинъ изъ наиболѣе жизненныхъ вопросовъ, особенно болѣзненно захватывающій интересы крестьянской деревни и сельскаго духовенства — о приходѣ — предположено на обсужденіе не вносить. Если такъ, то тѣмъ болѣе неутѣшительныя предсказанія напрашиваются сами собой.

8-го сентября, одновременно въ Россіи и за-границей, появилась статья Л. Н. Толстого— „Не убій никого“. „Вся Россія — пишетъ Л. Н.— стонетъ отъ ужаса вырвавшихся наружу, ничѣмъ не сдерживаемыхъ звѣрскихъ инстинктовъ, побуждающихъ людей совершать самыя ужасныя безсмысленныя убійства“. Дѣйствительно, если отрѣшиться отъ выборовъ, отъ аграрнаго вопроса, отъ произвольныхъ дѣйствій администраціи и отъ предположеній о тѣхъ или другихъ реформахъ; словомъ, если подняться надъ тѣмъ, что волнуетъ гражданъ, заботящихся о будущихъ судьбахъ родины, то фактъ какого-то сплошнаго озвѣрѣнія предстанетъ во всей своей ужасной наготѣ. И въ такое-то время, какъ справедливо продолжаетъ Л. Н., люди стѣснены въ проповѣди добра и отрицанія убійствъ. Вышнимъ поводомъ статьи послужило то, что въ іюлѣ нынѣшняго года было посажено въ тюрьму лицо, признанное виновнымъ въ распространеніи написанной Л. Н. Толстымъ нѣсколько лѣтъ назадъ брошюры— „Не убій“. Статья напечатана въ „Рѣчи“ съ выразительными многоточіями и снабжена характернымъ для свободы печати редакціоннымъ примѣчаніемъ: „Мы получили экземпляръ новой статьи Л. Н. Толстого — „Не убій никого“, съ просьбой напечатать ее сегодня, 8 сентября, въ день, назначенный для одновременнаго появленія ея въ Россіи и за-границей. Левъ Николаевичъ выразилъ пожеланіе, чтобы статья была напечатана цѣликомъ, безъ пропусковъ. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности исполнить желаніе великаго писателя земли русской. При нашихъ условіяхъ, мы можемъ печатать новое произведеніе Льва Николаевича только съ урѣзками“.

Вѣроятно, этими „урѣзками“ объясняется, почему статья не производитъ того сильнаго впечатлѣнія, каковаго отъ нея можно было ожидать. Толстой въ крайнемъ упадѣ нравственнаго и религіознаго чувства видитъ одно утѣшеніе, — „что этотъ ужасный упадокъ есть признакъ послѣдней степени развращенія, при которой должно наступить пробужденіе“. Онъ вѣритъ, что „теперешняя русская революція“ приведетъ насъ къ этому пробужденію. Мы тоже вѣримъ къ конечное торжество идеаловъ любви и добра. Но неужели еще долго предстоитъ жить въ омутѣ разгула низменныхъ страстей? Неужели еще долго человѣческая жизнь не будетъ ставиться ни во что революціей и борющейся съ нею властью?..

Post-Scriptum.—Мы, какъ и оговаривались вначалѣ, писали хронику до періода избранія выборщиковъ въ землевладѣльческихъ сѣздахъ. 23-го сентября, происходилъ сѣздъ въ уѣздѣ, о которомъ мы упоминали. Наканунѣ стало извѣстно, что министръ внутреннихъ дѣлъ раздѣлилъ сѣздъ—изъ всей губерніи только въ одномъ этомъ уѣздѣ—на два отдѣленія, съ отнесеніемъ къ одному священниковъ, а къ другому—крупныхъ землевладѣльцевъ и уполномоченнаго отъ мелкихъ, и съ предоставленіемъ первому избрать одного выборщика, а второму—шестерыхъ. На второй—прибыло 32 лица, которыя выбрали крайнихъ реакціонеровъ. Такимъ образомъ, въ послѣдній передъ выборами день министръ вн. дѣлъ въ рѣшительной формѣ использовалъ свое право воздѣйствія на индивидуальныя кандидатуры. Мы не знаемъ, во многихъ ли уѣздахъ повторилось подобное дѣленіе вопреки циркуляру, о которомъ мы писали въ прошломъ мѣсяцѣ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича.

Душеприказчики по духовному завѣщанію бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета, присяжнаго повѣреннаго Владимира Даниловича *Спасовича*, объявляютъ во всеобщее свѣдѣніе, что ст. 6 означеннаго завѣщанія гласитъ слѣдующее: „Авторскими правами на сочиненія мои на польскомъ и русскомъ языкахъ я распоряжаюсь такимъ образомъ, что они прекращаются съ момента моей смерти. Предоставляю право перепечатыванія моихъ произведеній каждому желающему“.

Душеприказчики покорнѣйше просятъ редакціи другихъ изданій не отказать въ перепечатаніи настоящаго сообщенія.

II. — Отъ Комитета по оказанію помощи голодающимъ, состоящаго при И. В. Э. Обществѣ.

Голодная деревня доживаетъ передъ новымъ урожаемъ наиболѣе тяжкіе свои мѣсяцы. Все съѣдено, все, что можно было продать, продано, и въ то самое время, когда необходимо чрезвычайное напряженіе силъ для полевыхъ работъ, изнуреніе послѣ долгихъ мѣсяцевъ голода дошло до крайней степени. Отовсюду идуть тревожныя вѣсти о растущей нуждѣ и объ увеличившейся заболѣваемости населенія, а изъ Уфимской, Самарской и Оренбургской губерній, кромѣ того, объ огромномъ распространеніи тифа и цынги. Цынга начала свое ужасное дѣло теперь въ Казанской губерніи и коснулась уже Саратовской. И при недостаточности и неурядицахъ продовольственнаго дѣла совершенно необходима для наиболѣе обезсиленной части населенія помощь общественная.

Состоящій при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитетъ оказываетъ помощь голодающимъ черезъ образованнаго изъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей Отдѣленія, которыя въ настоящее время дѣйствуютъ въ 11 губерніяхъ: Самарской, Уфимской, Казанской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Нижегородской, Воронежской, Пензенской, Костромской и Области Войска Донскаго. Отдѣленія организуютъ помощь главнымъ образомъ на средства, собираемыя Комитетомъ В. Э. Общества (нѣкоторыя изъ нихъ также частью на средства Комитета Московскаго Широ夫скаго Общества). Къ работѣ привлечены наиболѣе живые мѣстные люди; они коллективно вырабатываютъ правильные пути и рациональныя формы помощи, опредѣляя предварительными изслѣдованіями болѣе всего нуждающіяся въ помощи мѣста. Создана такимъ образомъ обширная организація общественнаго характера, у котораго лежитъ на рукахъ большое дѣло.

Силами этой соединенной организаціи прокармливаются въ настоящее время свыше 118 тысячъ человѣкъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Казанскимъ Отдѣленіемъ (совмѣстно съ мусульманскимъ его подотдѣломъ) открыто 180 столовыхъ и 105 пекаренъ, которыя кормятъ 32 тысячи чел.; въ 75 столовыхъ Самарскаго Отдѣленія продовольствуется до 20 тыс. чел., у Саратовскаго Отдѣленія 122 столовыхъ съ 20.500 тыс. столующихся, у Нижегородскаго—32 столовыхъ съ 6.160 чел., Уфимскаго—194 столовыхъ и 9.613 кормящихся, и кромѣ того, Уфимское Отдѣленіе прокармливаетъ въ Оренбургской губ. до 8.000 чел., Симбирское продовольствуется свыше 6 тыс. чел., въ Пензенскомъ 19 столовыхъ и 1.542 чел., и кромѣ того—20 столовыхъ въ Керенскомъ у. Въ Области Войска Донскаго продовольствовались до 13 тыс. чел. (въ настоящее время помощь администраціей прекращена); въ Задонскомъ уѣздѣ Ворон. губ. 1 столовая съ 400 чел. кормящихся; кромѣ того, въ Орловской губ. 1 столовая на 100 чел. О числѣ получающихъ помощь въ Воронежскомъ уѣздѣ и Костромской губерніи, гдѣ дѣло организовано недавно, свѣдѣній у Комитета пока еще нѣтъ.

Дѣло помощи вездѣ расширяется подъ давленіемъ растущей нужды. И для того, чтобы его поддержать, необходимы большія средства. Между тѣмъ, въ настоящее время кромѣ тѣхъ по большей части незначительныхъ суммъ, которыя имѣются въ Отдѣленіяхъ, Комитетъ располагаетъ всего лишь около 17 тыс. рублей. Положеніе создано чрезвычайно тревожное. Если не увеличится значительно притокъ пожертвованій въ Комитетъ, то придется закрывать дѣйствующія теперь столовыя и пекарни, отказывая въ помощи въ самое тяжелое время самой вопіющей нужды. Поэтому Комитетъ снова обращается съ призывомъ къ обществу о пожертвованіяхъ для поддержанія дѣятельности организаціи, работающей исключительно на общественныя средства и общественными силами и осуществляющей въ себѣ чисто общественныя начала.

Съ благодарностью Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить слѣдующія наиболѣе крупныя пожертвованія единовременныя, поступившія къ нему: изъ Нью-Йорка отъ американскаго комитета по оказанію помощи голодающимъ въ Россіи 103.750 франковъ, изъ Норвегіи черезъ ред. газеты „Morgenbladet“ 2.250 р., отъ 2-го Спб. Общества Взаимнаго Кредита 12.453 р., отъ А. Н. Пущечникова 5.200 р., съ вечера въ Одессѣ 5.439 р., г-жи Панкѣевой изъ Херсона 5.000 р., г. Гофмана съ концерта 4.888 р., отъ Одесскаго Взаимнаго Кредита 3.000 р., Торговаго дома Нейшеллеръ 3.000 р., служащихъ въ Спб. Технологич. Институтѣ 2.200 р., Спб. скотопромышленной и масной биржи 2.000 р., Одесскаго Гор. Кредитнаго Общества 2.000 р., гг. Мотовиловыхъ 2.000 р., Тов. бр. Нобеля, кромѣ 9 тыс. пуд. керосина, 2.000 р., отъ Кіевской конторы сахарозаводчиковъ два вагона сахара и др.

Пожертвованія принимаются въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ (Спб., Забалканскій, 33) ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 час. утра и до 6 час. вечера.

Предсѣдатель *Л. Ю. Явейтъ*.—Казначей *А. М. Безбородовъ*.

III. — ОТЬ МЕЖДУНАРОДНАГО КОМИТЕТА ДЛЯ ПОМОЩИ БЕЗРАБОТНЫМЪ РАБОЧИМЪ РОССИИ.

Международный Комитетъ для помощи безработнымъ России предпринялъ изданіе литературно-художественнаго сборника, посвящаемаго въ России памяти Александра Ивановича Герцена.

Обращаясь къ художникамъ и литераторамъ всѣхъ странъ, Комитетъ пытается образовать цѣнный вкладъ въ сокровищницу всемірной литературы и искусства и создать этимъ памятникъ великому борцу за социальное освобожденіе—рабочему классу всѣхъ странъ.

Сборникъ этотъ будетъ, конечно, безпартійнымъ, но объединяющимъ произведенія какъ свободной отъ партійности художественной, критико-публицистической и научной литературы, такъ и произведенія партійныхъ литераторовъ, посвященныя нуждамъ рабочаго класса и объективнымъ вопросамъ политической и социальной жизни.

Сборникъ будетъ издаваться въ России и за-границей.

Питая глубокую надежду, что многіе придутъ на помощь Международному Комитету въ осуществленіи этой цѣли, Правленіе Комитета проситъ обращаться за справками и высылать рукописи по адресу: М-г N. Herzen, prof., Lausanne, Suisse. Avenue de Romaine 57.

Между прочимъ, въ сборникъ будутъ напечатаны неизданная статья А. И. Герцена „Мѣсто человѣка въ природѣ“ и письма къ нему Карла Фогта, Карлейля и польскихъ повстанцевъ 1862 г.

Предсѣдатель проф. *Н. Герценъ*.
Секретарь *К. Злинченко*.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: *М. Стасюлевичъ*.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ, 1907.

Книга девятая. — Сентябрь.

	стр.
Славной Ивва.—Разсказъ.—I-IX.—ВСЕВОЛОДА РЯЗАНЦЕВА	5
Херсонскъ Тавричскій и его историческая судьба.—Очеркъ.—I-XIII.— ЕВГ. Э. ИВАНОВА	59
Пустой случай.—Разсказъ.—МИХАИЛА ЧЕХОВА	110
По Ирландіи.—Замѣтки и наблюденія.—Окончаніе.—VI-VIII.—С. И. РАПО- ПОРТА	121
Два разсказа.—I. Подъ игромъ рефлексій.—I-XX.—II. „По Крафтъ-Эбингу“.— I-XI.—Н. СВВЕРОВА	147
Далекій горизонтъ.—Романъ Люкаса Малета. The far horizon. By Lucas Malet. — I-IX.—Съ англ. О. Ч.	202
Ростъ государственнаго долга Россіи.—1769-1906.—I-IV.—В. В.	245
Память сердца.—Эскизъ по роману Michel Corday: „La Mémoire de Coeur“.— Съ франц. Э. В.	268
Элиза Ожешко.—Литературная характеристика.—I-II.—Л. ШЕПЕЛЕВИЧА.	326
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе.—Теоретикъ обскурантизма и конституція 1906-го года.—Реформа, революція или государственный переворотъ?— Мнимая вина „кодификаторовъ“.—Возможна ли неизмѣнимость вер- ховной власти?—Сложная верховная власть и ея факторы.—Предстоя- щій процессъ о виборгскомъ воззваніи.—Движеніе законодательныхъ работъ прежде и теперь.—В. А. Половцовъ †	347
Литературное Овозраженіе.—I. Н. Котляревскій. Старинные портреты.—II. Ли- тературно-художественные альманахи изд. „Шиповникъ“. Кн. II.— III. Петрашевичи. Изд. В. М. Саблина.—IV. Д-ръ Н. Г. Котикъ. Эма- нація психофизической энергіи.—V. С. Рафаловичъ. Отвергнутый Донъ- Жуанъ.—М. Г.—VI. Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ, П. Гере.— VII. Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси.— VIII. Н. И. Сувиловъ. Безработица и страхование отъ ея послѣдствій въ западной Европѣ.—В. В.—Новыя книги и брошюры	365
Иностранное Овозраженіе.—Новыя международныя соглашенія.—Двѣ конвенціи— русско-японская и англо-русская.—Дипломатія короля Эдуарда VII.— Македонскій вопросъ и мароккскія дѣла.—Международный съѣздъ со- ціалистовъ.—Болгарскій юбилей	397
Новости Иностранной Литературы.—Bernard Shaw. „John Bull's other Island“ and „Major Barbara“.—Э. В.	411
Изъ Овеществленной Хроники.—О политическомъ утомленіи и политическомъ отдыхѣ.—Вѣрно ли опредѣленіе: „страна отдыхаетъ“?—Неуспѣшность проведенія въ жизнь закона о самоупражденіи крестьянской общины.— Перемена ролей въ вопросѣ объ общинахъ.—Неудачныя усилія земле- устроительныхъ комиссій.—Циркуляръ о раздѣленіи избирательныхъ съѣздовъ	421
Библиографическій Листокъ.—Собраніе сочиненій кн. Сергѣя Николаевича Трубецкаго. Т. I. Публицистическія статьи.—Лампосъ. Идеальная систе- ма управленія.—С. В. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской ли- тературы.—Н. М. Гутгаръ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.	
Объявленія.—I-VIII.	

Книга десятая.—Октябрь.

	стр.
Церковь, папство и государство въ IV-мъ вѣкѣ. — I-V. — В. И. ГЕРБЕ	441
„Донъ-Жуанъ“ графа Александра Толстого. — Историко-литературный этюд. — I-XV. — МАРГАРИТЫ САЛОМОНЪ	483
Московский „американецъ“. — Разсказъ. — I-XI. — С. ВАСЮКОВА	520
Стихотворенія. — У озера: I. Водяныя лѣли. — II. Слезъ весны. — О. ЧЮМИНОЙ. ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКОЙ и его историческая судьба. — Очеркъ. — XIV-XXI. — ЕВГ. Э. ИВАНОВА	554
ДАЛЕКИЙ ГОРИЗОНТЪ. — Романъ Люкаса Малета. The far horizon. By Lucas Malet. — X-XVII. — Съ англ. О. Ч.	612
Н. П. Огаревъ и его любовь. — 1-12. — Сообщилъ М. О. ГЕРШЕНЗОНЪ	650
Толдскій соборъ. — Повѣсть. — Vicente I lasco Ibañez. La Catedral. Novela. — I-II. — Съ испанск. З. В.	682
Ростъ государственнаго долга Россіи. — 1769-1906. — Окончаніе. — V-IX. — В. В.	715
Изъ книги „Тоска вытѣ“: I-III. — Наполеонъ. — Стих. Д. РАТГАУЗА	787
Мицкевичъ и Пушкинъ въ новомъ освѣщеніи. — I-IV. — А. И. ЯЦИМИРСКАГО. ХРОНИКА. — Удѣльныя земли и ихъ происхожденіе. — I-V. — П. ГОЛУБЕВА	789
Внутреннее Овозрѣніе. — Ретроспективный взглядъ на истекшіе полтора года. — Новое изданіе, бросающее яркій свѣтъ на неравнѣ Государственную Думу. — Историческая роль партіи „народной свободы“. — Избрательныя платформы „союза 17-го октября“ и партіи „мирнаго обновленія“. — Архипастырское посланіе и близкія къ нему газетныя стихи. — Второй общеземскій съѣздъ. — Задачи третьей Думы. — Успокоительные факты. — Рижскій процессъ. — Клевета на умершаго.	777
Литературное Овозрѣніе. — I. Н. Павловъ-Сильванскій. Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. — II. С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Ч. III. — III. Влад. Станюковичъ. Пережитое. — Н. Троцкий. Туда и обратно. — А. Нѣмовскій. Изъ-водъ или вѣковъ. I. Сократъ. — Ж. Г. — VI. В. Святловскій. Профессиональное движеніе въ Россіи. — VII. А. Тобинъ. Аграрный строй материковой части Лифляндской губерніи. — В. Земцевъ. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи. — VIII. С. Закъ. Соціально-политическія таблицы всѣхъ странъ міра. Годъ первый. 1907-1908. — В. В. — Новыя книги и брошюры.	795
А. П. Чеховъ-павчій. — Матеріалъ для его біографа. — А. С.—ОЙ.	825
Иностранное Овозрѣніе. — Англо-русская конвенція. — Отдѣльныя соглашенія относительно Персіи, Афганистана и Тибета. — Нѣкоторыя особенности договора о „сферахъ вліянія“ въ Персіи. — Значеніе конвенціи съ точки зрѣнія либеральныхъ принциповъ. — Странные проповѣдники англо-русскаго союза. — Конецъ парламентской сессіи въ Англии	855
Изъ жизни въ Польшѣ. — 1879-1885 гг. — По личнымъ воспоминаніямъ. — С. РАЕВСКАГО.	850
Изъ Овѣщенной Хроникѣ. — Начало выборовъ въ третью Думу. — Роль православнаго духовенства на выборахъ и въроятная — въ Думѣ. — Дѣйствительно ли вторая Дума была неработоспособна? — Составъ предстоящаго церковнаго собора. — Л. Н. Толстой объ убійствахъ. — PS.	863
Извѣщенія. — I. Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича. — II. Отъ Комитета по оказанію помощи голодающимъ, состоящаго при И. В. Э. Обществѣ. — III. Отъ Международнаго Комитета для помощи безработнымъ рабочимъ Россіи	890
Библиографическій Листокъ. — Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изд. В. Кн. Николая Михайловича. Т. III, вып. 2. — Луи Вьянъ. Исто французской революціи. Т. I, II и III, перев. А. Рѣдкинъ. — О политическихъ. Вл. Беренштама. — Собраніе сочиненій А. Д. Градскаго. Т. VIII, ч. 2-я: Органы управленія. — Осада Портъ-Арту переводъ М. Иностранцева.	
Овѣщенія. — I-VIII.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

— **Русскіе портреты XVIII и XIX вѣ-
-летій.** Изданіе Великаго Князя Николая
Михайловича. Т. III, томъ II. Сиб. 1907.
Цѣна за каждый томъ по 4-ѣхъ выпусковъ—
10 руб.

Настоящими выпусками завершается первая
пятилетняя предпринятая года издаваніи, начавшаяся
въ 1905 году съ тѣмъ, чтобы окончить его въ
настоящемъ 1908 году. Въ прошлом выпускѣ
содержалось 100 портретовъ лицъ, почти
исключительно изъ эпохи Екатерины II, изданныхъ
главнымъ образомъ, въ составѣ ея Двора,
а потому въ этомъ выпускѣ преобладаютъ жен-
ские портреты. Во главѣ выпуска помещены
портреты графа А. К. Раздвинскаго, который,
живя въ эпохи Александра I, былъ одинъ
среди московскихъ помещиковъ, а именно
министрами царстванія (1810) —
1814 гг.).

— **Луи Бланъ.** — Исторія французской революціи.
Т. I, II и III. Перев. А. П. Рихманъ. Сиб.
1907.

Въ предыдущемъ году появилось 60 лѣтъ со
времени возмущенія въ подлинникѣ перахъ двухъ
томовъ, за которыми, впрочемъ, последо-
вали и третій томъ этого труда Луи Блана,
въ утратившемъ имъ значенія, въ интересъ и до
настоящаго времени. Исходя изъ точки зрѣнія,
съ которой вся широкая исторія представляется
востановленій переходъ отъ „авторитета“ къ
„индивидуализму“, авторъ и въ исторіи фран-
цузской революціи видитъ ту же самую картину
и воссоздаетъ каждый изъ трехъ томовъ своего
труда тѣмъ тремъ ступенямъ, которые дѣлала
была пробѣга французская революція: первая
книга устанавливается на умирной и продолжи-
тельной борьбѣ индивидуализма съ авторитетомъ,
какъ съ авторитетомъ церкви, такъ и
— государства; во второй книгѣ говорится уже и
о бѣдствіяхъ, издержанныхъ во Франціи среднимъ
классомъ (*petit-état*), индивидуализму авторитетъ
предстали основатъ извѣркіи; наконецъ, въ
третьей книгѣ Луи Бланъ объясняетъ, какимъ
образомъ въ XVIII столѣтіи индивидуализмъ
сдѣлался признаннымъ буржуазіи и окончательно
восторжествовалъ. „Итакъ, — заключаетъ авторъ,
— протестантизмъ, буржуазія, XVIII-й вѣкъ—
вотъ три отдѣла нашего предварительнаго труда;
завлеченъ эту равню, имъ будемъ въ состояніи
сказать, что уже присутствовали при драматиче-
скихъ и близженіемъ зароденіи революціи;
затѣмъ, намъ останется разсказать ея жизнь“. Попытка
перевести Луи Блана на русскій языкъ
была сдѣлана еще въ семидесятыхъ годахъ, но,
если не ошибаемся, переводъ ограничился оди-
ннадцатымъ томомъ, — быть можетъ, вследствие
несуточныхъ затрудненій того времени.

— **Около волнителескихъ.** — Изъ Перевѣтскаго.
Сиб. 1907. Ц. 1 р.

Предметъ настоящей книжки составляетъ за-
мѣтки и письма впечатлѣній побѣды автора
въ Иркутскую область, въ ее такъ называемыя
„гиблые мѣста“, т. е. жилища послѣднихъ волни-
ческихъ созданныхъ. Цѣль этой побѣды со-
стояла въ защитѣ обитавшихъ во извѣстномъ
дѣлу „о вооруженномъ восстаніи римановскихъ“.

въ 1904 году. Интересныя замечанія привели
автора къ печальной мысли „о осуждѣннѣ и объ
уждѣннѣ того, сколько съ своей суммой смѣлѣй
и тысячелѣтній плодотворнаго человеческаго тру-
да уже потеряно для счастья роины, благодаря
слепотѣ осужденія— этого наказанія вынужденнымъ
бѣдственіи здравіемъ людей. — Люди же пропала
эта *гиблая* осужденія, — заключаетъ авторъ, — про-
творившая громадный, интересней и богатѣй
привилегіями сравнительно край въ *гиблѣ* мѣ-
ста — этого страшной край побѣды, горе и
страданій“. Изданіе украшено иллюстраціями наиз-
страданіи.

— **Соврѣнные обществѣ А. Д. Гладковаго.**
Т. VIII. Начала русскаго государственнаго
управленія. Ч. 2-я. Органи управленія. Сиб.
1907. Ц. 2 р.

Настоящій, предвослѣдній томъ извѣстнаго
собранія сочиненій бывшаго профессора извѣ-
стнаго университета, былъ издаваемъ самимъ авто-
ромъ несколько разъ и въ первый разъ появилась
книга тридцать лѣтъ тому назадъ, въ потреб-
ности въ немъ не только въ пониманіи, какъ то
кандидатомъ науки новое это изданіе. Воспом-
нанія томъ содержать въ приложеніи къ нему до
извѣстныхъ статей профессоромъ о Государственномъ
Собраніи, о Комитетѣ министровъ и о Первомъ
департаментѣ Сената, — появившихся въ свое
время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ
и извѣданныхъ близкое отношеніе къ главному
предмету настоящаго тома. Здѣсь же помещены
и статьи о „Перестройкѣ нашего мѣстнаго
управленія“ и о „Всесоюзной мелкой индуст-
ріи“, хотя онъ касаются содержанія слѣдую-
щаго, девятаго тома Собранія сочиненій, но въ
общности его не могутъ себя найти тамъ
мѣста.

— **Осада Порты-Артура.** — Критико-истори-
ческое изслѣдованіе, составленное Герман-
скимъ Бюрономъ Генеральномъ Штабомъ.
Перев. Генер. Шта. подполковника М. Вла-
славскаго. Съ 2 планами, 4 схемами, 9
чертежъ и 7 рисунками. Сиб. 1907. Ц. 2 р.

Какъ видно изъ предисловія къ оригиналу,
германскій генеральный штабъ поставилъ себѣ
задачей излѣчить выводы изъ европейскаго
войны послѣднихъ времени, и состояній отъ
труда составляетъ продолженіе очерковъ изъ
африканской войны послѣднихъ съ бурями.
Точно также и теперь, новый трудъ штаба
„имѣетъ лишь цѣль, на основаніи фактовъ,
извѣстныхъ въ настоящее время въ нашей (гер-
манской) арміи, положить возможныя мѣры къ
избавленію, давшимъ русско-японской войнѣ“. Это
очеркъ начавшихся осадой Порты-Артура въ
виду того важнаго значенія, какое имѣетъ въ
вопросѣ крѣпостной войны; сообразно полезной
войны предпологается послѣдній изслѣдованіи
очеркъ. По отношенію комментнаго въ основномъ
дѣлѣ переведеннаго, очеркъ осады Порты-Артура—
хотя и краткій, но очень подробно сдѣлалъ три-
фическими привоженіями и „делается первая
систематическимъ описаніемъ послѣдней въ
вогды-либо извѣстныхъ осадѣ, впрочемъ — опи-
саніемъ, составленнымъ изомъ, спеціально под-
готовленнымъ къ военному отношенію“.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1907 г.

(Сорокъ-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемесячный журналъ исторіи, политикѣ, литературы

выходитъ съ перваго числа каждой мѣсяца, 12 выговъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	По полугодію		По четвертямъ года			
	Висок.	Июль	Висок.	Апрѣль	Июль	Октябрь
Безъ доставки, въ Россіи: тотъ журналъ . . . . . 18 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 80 к.	3 р. 80 к.	3 р. 80 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . . . . 18 — —	8 — —	8 — —	4 — —	4 — —	4 — —	4 — —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ доставкой . . . . . 17 — —	8 — —	8 — —	4 — —	4 — —	4 — —	4 — —
За границей, въ годъ: шест. европ. . . . . 18 — —	10 — —	9 — —	5 — —	5 — —	5 — —	4 — —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и переплетомъ — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въѣдемъ разсрочку годовой подписки на журналъ, выходящій по одному томику въ январь и въ апрѣль, и по четвертямъ года: въ январь, апрѣль, мартъ и въ октябрѣ, принакажетъ — безъ вознагражденія годовой платы подплатитъ

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы; при книжныхъ магазинахъ К. Ринкера, Невск. прес., 14; А. Ф. Цацераманна, Невскій пр., 20.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Ослобина, Крошариста, 18.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ нижнемъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печниковой, въ Петровскихъ лавкахъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. В. Барбленниковъ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя отчество, фамицію, съ точности обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ указаніемъ ближайшаго къ нему почтоваго управленія, 745 (XII) *дополнительнаго* адреса журнала, если нѣтъ таковаго указанія въ самомъ почтовомъ адресѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ старыя подписки прекращаются въ иномъ случаѣ, доплачиваясь 1 руб. — 3) *Абоненты изъ иностранныхъ государствъ* оплачиваютъ подписку и, согласно объявленіямъ отъ Штатнаго Департамента, по возможности получаютъ отдѣльную книгу журнала. — 4) *Томлеты* на получение журнала извѣщаются Конторѣ только тѣмъ изъ иностранныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 12 коп. поштового марку.

Издатели и отвѣтственный редакторъ **В. М. СТАСЮЛКВИЧЪ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:   **ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:**

Свѣт., Галеріа, 20.

Вѣст.-Оутр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Петербургская-Сторона, Крошаристанъ ул., 21.

